ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СОБОР

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

КИРИЛЛА

Открытие XIV Всемирного Русского Народного Собора в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. 25 мая 2010 года

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

МОЛИТВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

XX—XXI

АНТОЛОГИЯ

МОСКВА
«ВЕЧЕ»

УДК 821.161.1-1
ББК -5*84(2Рос=Рус)
М75

Авторский проект, составление и биографические статьи В.И. КАЛУГИНА

Автор-составитель и издательство «Вече» выражают глубокую благодарность Российской государственной библиотеке, Институту русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институту мировой литературы РАН, журналу «Родная Ладога» (СПб), Союзу писателей России, писательским организациям Санкт-Петербурга, Иркутска, Брянска, Тамбова, Орла, Нижнего Новгорода, поэтам Николаю Коняеву, Борису Романову, Геннадию Красникову, Александру Кувакину, Евгению Данилину за помощь, оказанную в составлении и издании антологии.

М75 **Молитвы русских поэтов. XX—XXI.** Антология / Авт. проект, сост. и биогр. статьи В.И. Калугина. — М.: Вече, 2011. — 960 с.

ISBN 978-5-9533-5221-5

Антология «Молитвы русских поэтов. XX —XXI» — продолжение антологии «Молитвы русских поэтов. XI — XIX», изданной «Вече» в 2010 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и отмеченной национальной премией «Лучшие книги и издательства года».

В новом издании впервые представлены молитвы и молитвенные стихи более 400 поэтов всего XX и первого десятилетия XXI века — одно из самых выдающихся явлений поэзии Серебряного века, Русского зарубежья и наших дней, от Дмитрия Мережковского, Александра Блока, Ивана Бунина, Аполлона Коринфского, Аделаиды Герцык, Сергея Бехтеева, Валерия Перелешина, архиепископа Иоанна (Шаховского) до Бориса Пастернака, Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, иеромонаха Романа и многих современных поэтов, для которых стихи стали молитвами.

В антологии публикуется редкий иллюстративный материал, в том числе примеры нотных изданий знаменитых молитв-романсов «Христос воскрес!» Мережковского — Рахманинова, «Благовещенье в Москве» Бальмонта — Панченко, «Святый Боже» Бальмонта — Чеснокова, «Девушка пела в церковном хоре» Блока — Гнесина и нотных изданий духовных стихов Михаила Кузмина.

УДК 821.161.1-1
ББК -5*84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9533-5221-5

© Калугин В.И., авторский проект, составление, биографические статьи, 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, прозаик, философ, критик, переводчик. Первым, кому в 1880 году он прочитал свои юношеские стихи, был Ф.М. Достоевский, влияние которого скажется во многих позднейших прозаических и религиозно-философских произведениях. В 80-е годы вошел в круг поклонников Надсона, «полюбив его как брата». В 1892 году вышла книга Мережковского «Символы. Песни и поэмы», положившая начало символизму. «Удушающему мертвому позитивизму» он противопоставил «художественный идеализм». Манифестом нового искусства стали его стихи: «Мы для новой красоты // Нарушаем все законы, // Преступаем все черты». В этом «преступании всех черт» его союзником всегда была жена Зинаида Гиппиус. Салон Мережковского и Зинаиды Гиппиус в Петербурге был, по словам Г. Чулкова, «своего рода психологическим магнитом, куда тянулись философствующие лирики и лирические философы». Андрей Белый отмечал: «Вокруг Мережковского образовался целый экспорт новых течений, из которых все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова». Итоговый характер имела его книга «Собрание стихов. 1883—1903» (СПб., 1910). На чужбине написал всего лишь несколько стихотворений. В одном из них запечатлена картина ностальгического сна многих русских эмигрантов:

Тишь, глушь, бездорожье,
В алых маках межи.
Русское, русское — Божье
Поле зреющей ржи.
Господи, что это значит?
Жду, смотрю, не дыша...
И от радости плачет,
Богу поет душа.

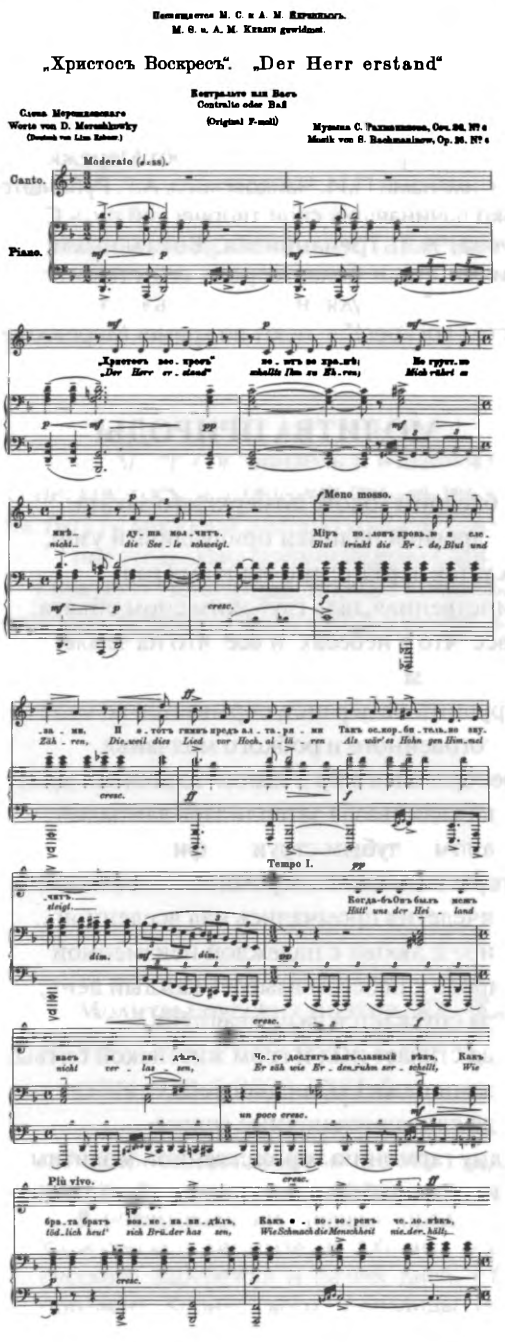
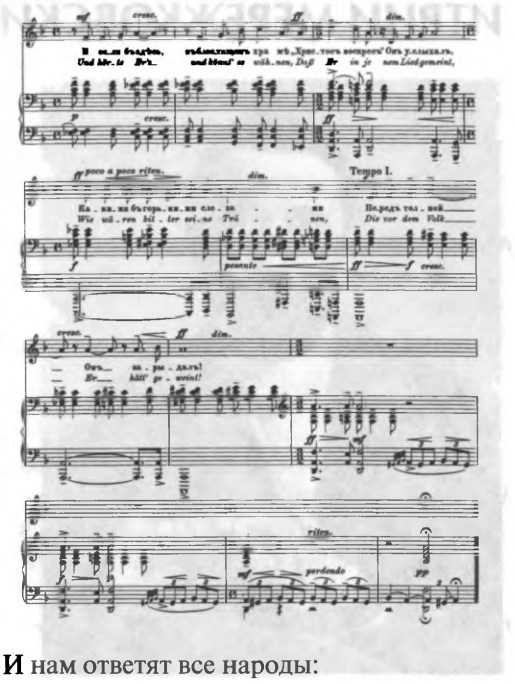
Уже первая поэтическая книга Мережковского «Стихотворения» (СПб., 1888) обратила на себя внимание композиторов. Романсный дебют Мережковского связан с именами П.И. Чайковского, А.Г. Рубинштейна и только начинавших свой творческий путь С.В. Рахманинова, А.Т. Гречанинова. Вокальными произведениями стали более сорока его стихотворений. Наибольшей популярностью пользовался романс «"Христос воскрес!" — поют во храме» Мережковского — Рахманинова.

МОЛИТВА ПРИРОДЫ

На бледном золоте померкшего заката,
Как древней надписи причудливый узор,
Рисуется черта темно-лиловых гор.
Таинственная даль глубоким сном объята;
И все, что в небесах, и все, что на земле,
Ни криком радости, ни ропотом страданья
Нарушить не дерзнет, скрывается во мгле
Благоговейного и робкого молчанья.
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиам,
И горы вознеслись огромной колоннадой.
Тысячелетия промчались над вселенной...
О мире и любви с надеждой неизменной
Природа к небесам взывает каждый день,
Когда спускается лазуревая тень,
Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся в небеса.

1883

* * *

«Христос воскрес!» — поют во храме;
Но грустно мне... душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,

И если б здесь, в блестящем храме
«Христос воскрес» Он услыхал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!
Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —
О, лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес», —

И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»

1887

ПРОРОК ИСАЙИЯ

Господь мне говорит: «Довольно Я смотрел,
Как над свободою глумились лицемеры,
Как человек ярмо позорное терпел:
Не от вина, не от секиры —
Он от страданий опьянел.
Князья народу говорили:
«Пади пред нами ниц!» — и он лежал в пыли,
Они, смеясь, ему на шею наступили,
И по хребту его властители прошли.
Нет? Я приду, Я покараю
Того, кто слабого гнетет.
Князья Ваала, как помет,
Я ваши трупы разбросаю!
Вы все передо Мной рассеетесь, как прах.
Что для Меня ваш скиптр надменный!
Вы — капля из ведра, пылинка на весах
У Повелителя вселенной!
Земля о мщеньи вопиет.
И ни корона, ни порфира —
Ничто от казни не спасет,
Когда тяжелая секира
На корень дерева падет.
О, скоро Я войду, войду в мое точило,
Чтоб гроздья спелые ногами растоптать,
И в ярости князей и сильных попирать,

Чтоб кровь их алая Мне ризы омочила,
Я царства разобью, как глиняный сосуд,
И пышные дворцы крапивой порастут,
И поселится змей в покинутых чертогах,
Там будет выть шакал и страус яйца класть,
И вырастет ковыль на мраморных порогах:
Так пред лицом Моим падет земная власть!
Утешься, Мой народ, Мой первенец любимый,
Как мать свое дитя не может разлюбить,
Тебя, измученный, гонимый,
Я не могу покинуть и забыть.
Я внял смиренному моленью,
Я вас от огненных лучей
Покрою скинией Моей,
Покрою сладостною тенью.
Мое святилище — не в дальних небесах,
А здесь — в душе твоей, скорбями удрученной,
И одинокой, и смущенной,
В смиренных и простых, но любящих сердцах.
Как нежная голубка осеняет
Неоперившихся птенцов,
Моя десница покрывает
Больных, и нищих, и рабов.
Она спасет их от ненастья
И напитает от сосцов
Неиссякаемого счастья.
Мир, мир Моей земле!.. Кропите, небеса,
Отраду тихую весеннего покоя.
Я к вам сойду, как дождь, как светлая роса
Среди полуденного зноя».

1887

ПРОРОК ИЕРЕМИЯ

О, дайте мне родник, родник воды живой!
Я плакал бы весь день, всю ночь в тоске немой
Слезами жгучими о гибнущем народе.

О, дайте мне приют, приют в степи глухой!
Покинул бы навек я край земли родной,
Ушел бы от людей скитаться на свободе.

Зачем меня, Господь, на подвиг Ты увлек?
Открою лишь уста, в устах моих — упрек...
Но ненавистен Бог — служителям кумира!

Устал я проклинать насилье и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира...
И я хотел забыть, забыть в чужих краях
Народ мой, гибнущий в позоре и цепях.
Но я не мог уйти — вернулся я в неволю.

Огонь — в моей груди, огонь — в моих костях...
И как мне удержать проклятье на устах?
Оно сожжет меня, но вырвется на волю!..

1887

* * *

Томимый грустью непонятной,
Всегда чужой среди людей,
Лишь там, в природе благодатной
Я сердцем чище и добрей.
Мне счастья, Господи, не надо!
Но я пришел, чтоб здесь дышать
Твоих лесов живой прохладой
И листьям шепчущим внимать.
Пусть росы падают на землю
Слезами чистыми зари...
Твоим глаголам, Боже, внемлю:
Открыто сердце,— говори!

1890

БОГ

О Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир. Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мне грозят, —
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...
Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь,— в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал,—
Я сердцем чувствовал Тебя.
И Ты открылся мне: Ты — мир,
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...
Пока живу — Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,

Как звезды с утренней зарей;
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!

<1890—1891>

ИЗ ПОЭМЫ «ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ»

«Тебе — хвала. Тебе — благодаренье,
Тебя Единого мы будем прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!
Хвалите Вечного за все Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сиянье,
Рождающее день — одна лишь тень,
О Солнце солнц, о мой Владыка,
Одна лишь тень
От Твоего невидимого лика!
Да хвалит Господа сестра моя Луна, —
И звезды, полные таинственной отрады,
Твои небесные лампады,
И благодатная ночная тишина!
Да хвалит Господа и брат мой
Ветр летучий,
Не знающий оков, и грозовые тучи,
И каждое дыханье черных бурь,
И утренняя, нежная лазурь!
Да хвалит Господа сестра моя Вода:
Она — тиха, она — смиренна,
И целомудренно-чиста, и драгоценна.
Да хвалит Господа мой брат
Огонь — всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищ мирного досуга и труда,
Непобедимый и прекрасный!
Да хвалит Господа и наша мать Земля:
В ее родную грудь, во влажные поля
Бразды глубокие железный плуг врезает,
А между тем она с любовью осыпает
Своих детей кошницами плодов,
Колосьев золотых и радужных цветов!
Да хвалит Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая,
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть — им жизнь, и тьма могилы — свет!
Да хвалит Господа вселенная в смиренье:
Тебе, о Солнце солнц,— хвала и песнопенье!»

<1891>

ЦАРСТВО БОЖИЕ

Сам Христос молитвой благодатной
Нас учил: в ней голос сердцу внятный,
Дышит в ней святой любовью все,
И звучит, победу возвещая,
Как призыв, надежда дорогая:
Да приидет царствие Твое!

Будет все, во что мы верим, други,
И мечи перекуют на плуги,
И земля, тонувшая в крови,
Позабудет яростные битвы
И в одну сольются все молитвы:
Да приидет царствие любви!

Пусть природа нам отдаст покорно,
Повинуясь мысли чудотворной,
Все богатства тайные свои,
Пусть сольется с творчеством познанья,
С красотою — истины сиянье,
Чтоб прославить царствие любви.

И тогда стекутся все народы
Под священным знаменем свободы,
Вспомнить братство древнее свое,
И насилье будет им ненужно,
И семья людей воскликнет дружно:
Да приидет царствие Твое!

Но пока... ужели беззащитной
Жертвы зла и смерти ненасытной,
Старой лжи не в силах побороть
Ляжем мы, как мертвые ступени,
Под шаги грядущих поколений
В царство вечное твое, Господь?..

Разум полон вечного сомненья.
Но безумно жаждет обновленья
Сердце, сердце бедное мое.
И пока не перестанет биться,
Будет страстно верить и молиться:
Да приидет царствие Твое!

<1894>

ПРОКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

С усильем тяжким и безплодным
Я цепь любви хочу разбить.
О, если б вновь мне быть свободным,
О, если б мог я не любить!

Душа полна стыда и страха,
Влачится в прахе и крови.

Очисти душу мне от праха,
Избавь, о Боже, от любви!

Ужель непобедима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнее усталость,
Все безконечнее[1] люблю.

И нет свободы, нет прощенья.
Мы все рабами рождены,
Мы все на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

1895

Романс Р.И. Мервольфа (1913)

DE PROFUNDIS[2]

Из дневника

...В те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения,
которое сотворил Бог, даже доныне,
и не будет. И если бы Господь не сократил
тех дней, то не спаслась бы никакая плоть.

Ев. Марка, гл. XIII. 19, 20

I

Усталость

Мне самого себя не жаль.
Я принимаю все дары Твои, о Боже,
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть — одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть —
Моя последняя отрада.
Не стоит ни о чем жалеть,
И ни на что надеяться не надо.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман — свобода и любовь, и жалость,
В душе — безцельной жизни след —
Одна тяжелая усталость.

II

De Profundis

Из преисподней вопию
Я, жалом смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли в мой дух ожесточенный.

Люблю я смрад земных утех,
Когда в устах к Тебе моленья —
Люблю я зло, люблю я грех,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Враг глумится надо мной:
«Нет Бога: жар молитв безплоден».
Паду ли ниц перед Тобой,
Он молвит: «Встань и будь свободен».

Бегу ли вновь к Твоей любви, —
Он искушает, горд и злобен:
«Дерзай, познанья плод сорви,
Ты будешь силой мне подобен».

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я верю, видишь, верю чуду,
Не замолчу, не отойду
И в дверь Твою стучаться буду.

Во мне горит желаньем кровь,
Во мне таится семя тленья.
О, дай мне чистую любовь,
О, дай мне слезы умиленья.

И, окаянного, прости,
Очисти душу мне страданьем —
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем!

<1896>

ТРУБНЫЙ ГЛАС

Под землею слышен ропот,
Тихий шелест, шорох, шепот.
Слышен в небе трубный глас:
«Брат, вставай же, будят нас». —
«Нет, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,
Не мешай же мне, молчи,
В стену гроба не стучи». —
«Не заснешь теперь, уж поздно», —
Зов раздался слишком грозно,
И встают вблизи, вдали,

---

[1] В антологии «Молитвы русских поэтов. XX—XXI», как и в предыдущем издании «Молитвы русских поэтов. XI—XIX», сохраняется традиционная для русской церковной литературы приставка «без», замененная атеистическими декретами 1917—1918 годов на приставку «бес».

[2] Из глубины взываю к тебе, Господи (*лат.*). Пс. 129,1.

Из разверзшейся земли,
Как из матерней утробы,
Мертвецы, покинув гробы.
«Не могу и не хочу, —
Я закрыл глаза, молчу,
Не поверю я обману,
Я не встану, я не встану.
Брат, мне стыдно — весь я пыль,
Пыль и тлен, и смрад, и гниль».
«Брат, мы Бога не обманем,
Все проснемся, все мы встанем,
Все пойдем на Страшный суд.
Вот, престол уже несут

Первое нотное издание вокальной баллады Н.Н. Черепнина «Трубный глас» (1910)

Херувимы, серафимы.
Вот наш царь дориносимый.
О, вставай же, — рад не рад,
Все равно, ты встанешь, брат».

27 мая 1901

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте — я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О мой Отец, о мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденьи и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой — у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты — с Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: Ламма! Ламма! Савахфани.

Душа моя и Ты — с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе
мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне
гроба,

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я — одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын твой: Боже, Боже,
За что оставил Ты меня?

<1901>

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХ

Ниц простертые, унылые,
Безнадежные, безкрылые,
В покаянии, в слезах,—
Мы лежим во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем,
И не верим, и не знаем,
И не любим ничего.
Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от безсилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

1902

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Склоняется солнце, кончается путь,
Ночлег недалеко — пора отдохнуть.

Хвала Тебе, Господи! Все, что Ты дал,
Я принял смиренно,— любил и страдал.
Страдать и любить я готов до конца
И знать, что за подвиг не будет венца.

Но жизнь непонятна, а смерть так проста,
Закройтесь же, очи, сомкнитесь уста!

Не слаще ли сладкой надежды земной —
Прости меня, Господи! — вечный покой.

<1926>

* * *

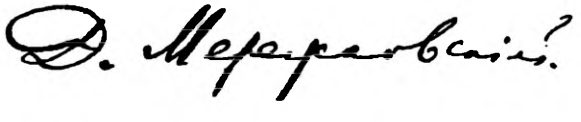
Доброе, злое, ничтожное, славное, —
Может быть, это все пустяки,
А самое главное, самое главное
То, что страшней даже смертной тоски, —

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви — всего;
Грубость зверихи родной, Эсэсэрии, —
Грубость, дикость — и в них торжество.

Может быть, все разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей.
Где же судить мне? А все-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней.

СОННОЕ

Что это — утро, вечер?
Где это было, не знаю.
Слишком ласковый ветер,
Слишком подобно раю,
Все неземное-земное.
Только бывает во сне
Милое небо такое, —
Синее в звездном огне.
Тишь, глушь, бездорожье,
В алых маках межи.
Русское, русское — Божье
Поле зреющей ржи.
Господи, что это значит?
Жду, смотрю, не дыша...
И от радости плачем,
Богу поет душа.



АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ

Круглов Александр Васильевич (1852–1915) — поэт, прозаик, критик. Один из самых известных детских писателей конца XIX — начала XX века, издавший десятки книг для детей и цикл теоретических статей под названием «Литература «маленького народа» (1892—1895). Современники отмечали, что он «дал детям здоровую, свежую и обильную умственную пищу». Несколько вышедших поэтических сборников Круглова не имели успеха у критических мэтров, но получили читательское признание и привлекли внимание композиторов, среди которых были С.И. Танеев, Я.Ф. Пригожий, П.Г. Чесноков, С.В. Рахманинов и другие. Самым важным средством формирования положительных идеалов он считал религию, и сам был прежде всего религиозным прозаиком и поэтом, причисляя себя к писателям «малой прессы». В 1907—1914 годах он издавал и редактировал журнал «Дневник писателя», который, как отмечают современные исследователи, «подвергал резкой критике революционное движение, демократическую литературу», за что и был зачислен в «клерикалы и монархисты».

* * *

В детстве мать меня учила
Каждый день читать молитвы,
Но в соблазнах шумной жизни
И в пылу жестокой битвы

Разучился я молиться,
Находить отраду в храме,
В песнопениях священных,
В блеске свеч и фимиаме.

Но посеянное в душу
В те младенческие годы
Не погибло и ростками
Показалось в дни невзгоды;

И душа затрепетала,
И, свободная от плена,
Поняла, в чем сладость жизни,
Поняла, что выше тлена.

Полумрак в старинном храме...
Я молюсь под звуки пенья,
Полный сладкого восторга
И святого умиленья.

Из цикла «Сербские отголоски»

НА ПРОЩАНЬЕ

Не крушись, родная,
Помолись за деток
Пред святой иконой.

Пусть Христос-Страдалец
На пути и в битвах
Будет обороной.

Помолись, родная,
Да пошлет Всесильный
Помощь нам святую.

Разобьем мы цепи,
И вернем отчизне
Волю золотую.

Если же юнаки
Известят, родная,
Что мы пали в битве,

То, моляся Богу,
Павших за свободу
Помяни в молитве!

1876

МОЛИТВА МАТЕРИ

Тишь в селе немая –
Люд крестьянский спит...
Только в крайней хате
Огонек горит.

Пред святой иконой,
Ниц упав лицом,
Молится старушка
О сынке родном, —

О кудрявом Васе,
Что в чужом краю
Льет за Божью веру
В битвах кровь свою.

Крестится старушка,
На пол слезы льет...
Эта ли молитва
К Богу не дойдет?

* * *

Явися, Господи, нам, верой оскудевшим,
Сомнения умов мятежных усыпи;
В исканье истины душою ослабевшим
Явись и помоги, наставь и укрепи!
Явися, Господи, и омраченным вежды
Раскрой, да видят свет, да верят небесам;
Явися, Господи, и воскреси надежды,
И утешение даруй больным сердцам.
Явися, Господи, да мир Тебя познает,
Тебя, пролившего за мир святую кровь;
И да живет во всех и миром управляет
Завещанная нам великая любовь!

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

Со всех сторон народ стекается к святыне,
И перед ним творятся чудеса...
Как прежде, говорят и ныне
С землею небеса.
И внемлет им земля с благоговеньем.
И голос благостных небес
Доходит до сердец, охваченных сомненьем
В возможность на земле чудес.
О, если речь земных звучит, как глас в пустыне,
То пусть творимые святыми чудеса
Заставят верить всех, что говорят и ныне
С землею небеса.

* * *

Не говори, что он напрасно пострадал...
Мне жаль его, но смерть его отрадна:
Он ею миру доказал,
Что к истине стремился жадно,
Что и теперь, среди пустых сердец,
Возможен доблестный боец,
Готовый следовать апостолов примеру:
Страдать и умирать за веру!

* * *

Не проклинай годины бед,
Благослови твои печали:
Постигнуть ложь, увидеть свет
Они тебе возможность дали.

Сокрыт от многих правды свет,
Темны им Божии скрижали —
Не проклинай годины бед,
Благослови твои печали!

СВ. СЕРАФИМУ САРОВСКОМУ

Новый Печальник святой на Руси,
Новый Предстатель за Русское Царство,
Родину нашу от зла и коварства
Убереги и спаси!

Новый Светильник Родимой земли,
Славу стяжавший в Господнем Чертоге,
Нашим смиренным моленьям внемли,
Мы заблудились в дороге.

К правде стремяся, мы мнили найти
Правду в разрыве с Небесным Законом;
Тьму омраченных умов освети –
Неугасаемым светом!

Новый Источник Великой земли!
Жаждая, к влаге Твоей, как святыне,
Мы припадаем и пьем, утоли
Нас, истомленных в пустыне!

Скорый Целитель болезней людских,
Всем – одержимым недугом сомненья –
Силой молитв чудотворных твоих
Даруй святое целенье!

20 июля 1903

Стихотворение написано в дни прославления мощей Серафима Саровского (1759 – 1833), состоявшегося в Сарове 19 июля 1903 года в присутствии императора Николая II и многих тысяч паломников. Среди паломников был и оптинский монах-поэт Варсонофий, написавший стихотворение «Богомолье». В 1927 году Саровская пустынь и Серафимо-Дивеевский монастырь были закрыты, мощи святого вывезены в город Ардатов и исчезли. Обретение мощей святого произошло в 1991 году. Всенародным крестным ходом они были возвращены в Серафимо-Дивеевский монастырь. Этому событию посвящены стихотворения Николая Рачкова «Возвращение Серафима Саровского», Владимира Нежданова «Мощи» и других современных поэтов.

Вид старца отца Серафима в последние годы жизни. Литография Серафимо-Дивеевского монастыря. 1876 г.

Святые храмы обители. Фото 1903 г. (РГАКФД)

У Святых врат обители

Крестный ход 19 июля 1903 г. в Саровской обители с участием императора Николая II. Литография 1903 г.

ХРИСТОС С ТОБОЙ

...и се, Я с вами во все дни
до скончания века.

Матф. 28

Ты здесь не одинок: верь глубоко душою,
Что Тот, Кто обещал: «Я с вами до конца»,
Кому открыты все и тайны и сердца,
Всегда с тобою!

Когда ты к ближнему любовию горишь,
И с помощью идешь к страдающему брату
Не из корысти, не за плату;
Когда безтрепетно о правде говоришь,
Не помнишь зла, к врагу не дышишь местью,
И не возносишься кичливо пред толпой;
Когда в союз ты не вступаешь с лестью,
То знай и верь: Христос с тобой!

Когда глядишь на мир неомраченным оком,
Когда безгрешна мысль и речь твоя чиста,
Не миришься угодливо с пороком,
Не оскверняются хулой твои уста;
Когда твоей душе печаль других доступна,
И не завидуешь ты радости чужой;
Когда далек всему, что злобно и преступно, —
То знай и верь: Христос с тобой!
Когда, охваченный житейскими страстями,

Их голосу в безвольи подчинясь,
Отдашься ты греху и делом и мечтами,
Не думай, что уже порвал ты с небом связь.
В сознании вины, с раскаяньем, к подножью
Креста склонись покорной головой,
И выйдешь на борьбу опять с греховной ложью,
Христос останется с тобой!

Когда отчаянье всего тебя объемлет,
В душе царит глухая ночь,
Когда никто твоим рыданиям не внемлет,
Не хочет друг и брат тебе помочь, —
Не оскорбляй небес сомненьем и укором,
Но обратись к Тому с горячею мольбой,
Кто на тебя глядит с иконы с кротким взором
И Кто всегда, всегда – с тобой!

1905

* * *

Несть грех, побеждающ человеколюбие Божие.

Нет человека без греха,
Мы все порочны и греховны,
И наши добрые дела
И наши подвиги — условны.

Перед другими не хвались,
Гордясь, не ставь себя высоко:
Ведь даже праведник порой
Доступен голосу порока.

Нет человека без греха...
Грешат иные по безволью,
По темноте своей грешат
И — мудрствуя — по своеволью.

Но мир не ведает грехов,
Которым в Небе нет прощенья,
Когда, раскаяньем горя,
Душа возжаждет исцеленья.

* * *

В том нет греха, что в разных книгах:
Ты ищешь правды и Христа;
То видишь свет в посте, в веригах,
То вдруг пытливая мечта
Тебя властительно уносит
К далеким, чуждым берегам...
Твоя душа ответа просит
И внемлет с жадностью речам
Об Искупителе, о Боге,
И благодатных чудесах,
И указуемой дороге
На трудных жизненных путях.
Здесь нет греха. Кто в дверь стучится,
Духовной жаждою томим,
Тому сомнение простится,
И будет Бог отыскан им.
Суд ждет того, кто мысль о Боге
Заботой суетной убил
И об «украшенном чертоге»
В душе тоски не пробудил.

* * *

Жизнь без любви и без тепла,
Жизнь без молитв и упований...
Мир задыхается от зла,
Изнемогает от страданий.
И тщетно вопиют уста,
Ждут света плачущие очи!
Ночь все темней...
И без Христа
День не придет на смену ночи.

1908

* * *

Не бойся терний и креста,
Не говори: темна дорога.
О, верь, что крестный путь Христа –
Награда высшая у Бога.

Сгибаясь низко под крестом,
Не омрачай души сомненьем,
Но горячо молись о том,
Чтоб крест твой был тебе спасеньем.

1909

* * *

Умилительные звуки
Покаянного псалма
Исцеляют сердца муки
И смиряют власть ума, —

И, волнуя и врачуя,
Приближают мир святынь:
О таинственном тоскуя,

Дух стремится в тишь пустынь,
В те подземные пещеры,
Где не знает неги плоть,
Где во тьме при свете веры
Чудеса творит Господь.

1909

МОЛЬБА

Покорный раб страстей, греховной суеты,
Лжемудрствуя, — Господь,
я Твой закон отринул;
Но Ты, по благости, безумца не покинул:
Лучами истины с небесной высоты
Мрак сердца озарил, простер, Всещедрый, руку,
И пробудил в душе той жгучей скорби муку,
В которой кроется целение и свет
Для всех, нарушивших священный Твой завет.
Ты снизошел ко мне, явил благоволенье,
Дал мне постигнуть ложь и правде вразумил;
Но Ты мне не изрек за дерзкий грех прощенье:
Ты восхотел, чтоб я все жизнью искупил.
И я приял, Господь, крест, посланный Тобою,
Безропотно его на раменах несу:
Я верю горячо, что им себя спасу,
И в сокрушении, смиренною душою,
Как мытарь, каюсь я, как мытарь, — сознаю,
Что гнева Твоего и кары я достоин...
Но, Боже, я не тот великий стойкий воин,
Который закалил себя в святом бою,
В дыму костра Тебя победным гимном славит,
С любовию спешит к мучителю – врагу...
Господь, я трепещу, что я изнемогу
В борьбе и вера вдруг опять меня оставит.
Я не окреп еще... Моей мольбе внемли:
Карай и испытуй, но помощь ниспошли,
Да донесу я крест, ниспосланный Тобою,
Не оскверняя уст кощунственной хулою!

ПЕРЕД КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКОГО
В Кронштадтском Доме трудолюбия

— Вели к Тебе идти мне по воде, Учитель! —
Воскликнул Петр. «Иди», —
ответствовал Спаситель.
И Петр пошел.
Но вдруг
Объял его испуг —
И начал он тонуть, и с воплем обратился
К Наставнику: «Спаси!»
— «Зачем ты усомнился?» —
Ученика Спаситель упрекнул —
И подошел к нему и руку протянул.
Измучен долгою и непосильной битвой,
Я обращаюся к Тебе, Господь, с молитвой,
С раскаяньем в душе, — желанием томим
Идти навстречу всем велениям Твоим;
Но, если, Господи, смутясь от бурь и горя,
В волнах житейского бушующего моря,
По маловерию, вдруг стану я тонуть, —
Благослови, по милости безмерной,
Как некогда Петру, мне руку протянуть.
Да не погибну я, — раб пылкий, маловерный,
Душой слабеющий в борьбе,
Но любящий Тебя и рвущийся к Тебе.

В СКИТУ
Отрывок

Он не был знанием богат,
Тем скудным знанием, которым
Гордится мир. Но помни, брат,
Что Бог его духовным взором
Для нас незримое открыл,
Дал благодать его молитве, —
Он ею чудеса творил,
И нас, погрязших в злобной битве,
Он окрылял, чтоб мы могли
Бороться стойко с искушеньем.
Что значит мудрость всей земли
Перед небесным озареньем?

1911

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Не сразу мир принес мне он;

У сердца связь крепка с былым,
И сердце жить хотело им.

Но не смолкая несся он –
Вечерний звон, вечерний звон,

И отблеск праздничных огней
Бледнел и гас в душе моей, —

И стал мне близок, дорог он –
Вечерний звон, вечерний звон!

1911

Алекс. Кроль

АЛЕКСЕЙ БУДИЩЕВ

Будищев Алексей Николаевич (1864—1916) — поэт, прозаик, драматург. Издал с десяток прозаических книг, в том числе психологических романов, основанных на детективных сюжетах, но признания как прозаик так и не получил. Иной оказалась судьба единственной поэтической книжечки, вышедшей в 1901 году, и единственного стихотворения, получившего необычайную популярность в качестве городского романса «Только вечер затеплится синий...»). Стихотворение Будищева «Весна» («Идет, шумит нарядная...») из той же книжки легло в основу одной из самых популярных детских хоровых песен А.Т. Гречанинова.

Александр Куприн писал вскоре после смерти друга:

«Навсегда живой, врезанной неизгладимыми чертами, останется во мне светлая и простая личность Будищева, сохраненная в памяти по тому времени в начале войны, когда моя семья в нашем небольшом гатчинском доме устроила лазарет для раненых солдат. Каждый день посещая наших гостей, Алексей Николаевич всегда приносил с собой какие-нибудь гостинцы: булки, табак, яблоки,— читал им газеты, и несколько часов пролетали в неторопливой содержательной беседе на всегда волнующую и никогда не иссякаемую тему о том, "как и что в деревне". Я не завистник, но иногда меня брала досада на самого себя за то, что я никогда бы не сумел так просто, естественно и ласково, без всякой натяжки, без лишней фамильярности подойти к душе русского солдата и заставить ее звучать правдивыми глубокими звуками, как это умел сделать Алексей Николаевич. Многих из наших незаметных героев он проводил благословением на новые подвиги, может быть, на новые раны и даже на смерть. Помню, как у него дрожал голос и блестели глаза, когда впервые объявил он весело солдатам о выступлении Италии. Все вы, бодрые и милые солдаты: красавец Балан, и рыболов Тунеев, и длинный Мезенцев, и ловкий Досенко, и добродушный татарин Собуханкулов, и веселый Николенко, и мастер вырезать из дерева игрушки Пегенько. и Шилько (ныне пленный), и Аксенов, и Прегуадзе, и многие, многие другие,— я уверен, что, если до вас дойдут случайно эти строки, вы помянете вашего друга искренним вздохом, добрым словом, крестом.

Поистине весь Алексей Николаевич светился какой-то внутренней глубокой христианской чистотой. Именно более чистого душевно человека я никогда не встречал в моей жизни. Всякое насилие, несправедливость, ложь, хотя бы они касались чужих ему людей, заставляли его терпко и болезненно страдать. Фиглярство и обман, наглая крикливость и хулиганство в литературе были ему прямо физически противны. Показной или обязательной набожности в Будищеве не замечалось, но в душе он был хорошо, тепло, широко верующим человеком, светлым, беззлобным и легко прощающим человеческие слабости и ошибки. Насколько я помню, только против германцев, особенно против их способов вести войну, вырывались у него жестокие, гневные слова. А надо сказать, что известиями и слухами о войне он волновался и горел непрестанно с самого ее начала. И без всяких преувеличений можно сказать, что это страстное отношение к войне значительно ускорило его кончину. Умереть, не достигнув пятидесяти лет,— ведь это очень рано даже и для русского писателя, особенно для такого воздержанного, целомудренного, умеренного и постоянного в привычках хорошей жизни, как Будищев».

НОЧЬЮ

1

Господь! Укрой меня десницею святою!
Стопы нетвердые на путь благой направь!
Дай силы, крепость дай гореть
лишь пред Тобою
И от лукавого избавь!
Всю ночь, без сна, стою я на молитве,
Звеня веригами во мраке стен немых.
Мне тяжко, Господи, мне трудно в этой битве
С воспоминаньем лет былых!
И тщетно я всю ночь, одетый власяницей,
В слезах взываю пред Тобой:

От козней дьявола Твоей святой десницей
Укрой!..

2

Какая ночь! Мне душно, душно в келье!
Я распахнул окно, прохлада притекла...
И вспомнилась мне ночь,
когда в живом веселье
Душа все радости пила.
Со мною ты была. Пастушеской свирели
Унылый звук мне ветер приносил...
Какою лаской глаза твои горели,
Как счастлив я был там! Как я тебя любил!

3

Но, Боже! Прошлое забыть я должен ныне;
С прошедшим порвано последнее звено!
Я сам пришел сюда к таинственной пустыне,
Где Слово Господа лишь бодрствует одно!
Исчезни, сатана, перед лицом Господним,
Как исчезает дым от светлого огня,
Скитайся там, внизу, по мрачным преисподним,
А здесь виденьями не искушай меня!..

4

Пора уснуть. Но сна боюсь я, Боже!
Лишь только сон глаза закроет мне,
Безумная мечта придет ко мне на ложе
И речи дикие зашепчет в тишине...
Но я устал! Покровы власяницы
От плеч до пояса изрезали мне грудь.
Колеблется нога... Смыкаются ресницы...
Пора уснуть!

5

О, счастье! Мы одни над тихою рекою!
Над нами небеса, пред нами лунный мост...
Ни звука. Небеса беседуют с землею.
И только тишина. Да ты. Да очи звезд.
Сядь ближе! Вот сюда! Дай руки, эти руки!
Они мои, не правда ли, мои?
Я их купил за дни невыносимой муки,
За слезы, за позор любви.
Я их купил за жизнь! Я их добуду кровью!
Железом и огнем, за мой загробный рай!
Соблазн! О Господи! Укрой святой любовью!
Прощай, далекая! Прощай!..
<1900>

* * *

Творец земли! прости мне грех,
Мой грех пытливого сомненья,
И жажду бурь, и горький смех,
И слезы грешного мученья!

В полночь без месяца и звезд
Я вышел, странник одинокой,
И мне веригой был Твой крест,
И жизнь казалась мне жестокой.

Я пламенел враждой слепой,
И за врагов я не молился,
Когда с отвагой молодой
За счастье призрачное бился.

Апостол мира и любви!
За миг единый просветленья
Прости безумия мои
И слезы грешного мученья...

МОНАХ

Он в лес ушел, построил келью
И жил в молитве и трудах;
Земным утехам и веселью
Навеки дверь замкнул монах.
И долго жил он дикой птицей,
Суров, безгласен и уныл,
Одел он плечи власяницей,
Вериги день и ночь носил.
И по ночам, стеная глухо,
В молитве долго он стоял,
Он плоть свою во имя Духа
Железом тяжким истязал.
Однажды Матери Всепетой
Лампаду на ночь он зажег,
Стоял веригами одетый,
Хотел молиться — и не мог.
Под власяницею суровой
Дышала жаркой страстью грудь,
И он не смел святое слово
Устами грешными шепнуть.
Из кельи видно — месяц бродит,
Вот тихо скрипнула ступень,
К монаху женщина приходит,
Идет, колеблется, как тень.
Дрожит, сверкая, грудь нагая,
Дрожат лукавые уста,
Горит пленительнее рая
Ее нагая красота.
Зовет и манит к наслажденью,

Служить готовая ему...
Ужель отдаться искушенью,
Ужель идти за ней во тьму?
Монах дрожит, бросает взгляды
На черный шелк ее волос —
И вот к огню святой лампады
Ладонь суровую поднес...
Потуплен долу взор нескромный,
Дымясь, вздувается ладонь,
И тяжко капли крови темной,
Шипя, упали на огонь...

<1901>

В стихотворении использован известный житийный сюжет о предотвращении греха, легший в основу повести Льва Толстого «Отец Сергий» (1890— 1891).

ФЕДОР ГАВРИЛОВ

Гаврилов Федор Тимофеевич (1874—1919) — поэт. Родился в Москве в многодетной семье рабочего и сам многие годы был слесарем. Как своим развитием, так и в дальнейшем своим участием в литературных изданиях, отмечал Н. Телешов, Федор Гаврилов многим обязан литературным вечерам Николая Златовратского и телешовским «средам», на которых сблизился с Иваном Белоусовым. «На заре. Из песен о тружениках» — так называется его единственный поэтический сборник, вышедший в Москве в 1905 году, стихи из которого стали хрестоматийными в пролетарской поэзии, но ему не чужда была и пейзажная лирика. «Нет правды без любви к природе», — утверждал он. Многие стихи, как и у других поэтов-народников, отмечены не только фольклорными, но и религиозными мотивами.

* * *

В глубокой древности затеплили лампаду
Во имя добрых дел земного бытия;
С тех пор божественный, чудесный свет ея
Влечет к себе людей, вливая в грудь отраду.
А добрые дела — как в жертву приносимый
С любовью чистою целительный елей:
Чем больше в жизни их, тем ярче и теплей
Все разгорается огонь неугасимый.
Гори, гори светлей, великая лампада,
Незатмеваемо-врачующе свети!
И вдохновляй ты нас на жизненном пути,
Высоких подвигов душевная отрада!

ФИЛИПП ШКУЛЁВ

Шкулёв Филипп Степанович (1868—1930) — поэт. Родился в подмосковной деревне Печатники. Стихи начал писать с пятнадцати лет. В 1891 году дебютировал в коллективном сборнике крестьянских поэтов «Наша хата», в котором была опубликована его поэма «Ночь под Ивана Купалу» и стихотворение «В день Благовещения». Входил в Суриковский кружок писателей из народа. Вместе с Максимом Леоновым организовал книжную лавку «Искра». В дальнейшем получил широкую известность как пролетарский поэт, автор стихотворения «Кузнецы» (1905—1906), ставшего легендарной песней «Мы кузнецы, и дух наш молод...». С тех пор он вошел в число авторов одного произведения, среди «забытых» оказались как фольклорно-песенные, так и молитвенные его стихи.

* * *

В жизни горькой, безотрадной,
В дни печалей и скорбей
Усмири мой дух мятежный;
Боже, кротостью Твоей!

Дай мне силу, дай мне веру,
Дай мне искренней любви,
Дай терпенье и надежду! —
Дух мой слабый обнови!

Дай мне кротость и смиренье,
Чтобы я на всем пути —
Мог без ропота и гнева,
Крест тяжелый свой нести.

ВЛАДИМИР САВОДНИК

Саводник Владимир Федорович (1874—1940) — поэт, литературовед, педагог. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета вместе с Валерием Брюсовым и в начале XX века, уже заявив о себе как поэт, посещал брюсовские «среды», был знаком с Андреем Белым, Виктором Гофманом, Максимилианом Волошиным, но символистом не стал. Другие «измы» того времени тоже обошли его стороной. Первая книга его стихов вышла в 1898 году, вторая — в 1903-м. В эти же годы рубежа столетий в журналах стали появляться его критические статьи и рецензии, и сам выбор тем и имен говорил о многом: Аполлон Майков, Лев Мей, Баратынский. «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» — так называлось его исследование, во многом предварившее позднейшие изыскания Андрея Белого.

В 1906 году вышел его учебник «Очерки по истории русской литературы XIX века», выдержавший за десять последующих лет одиннадцать изданий. И в дальнейшем, особенно после 1917 года, он будет в основном заниматься «незаметной» источниковедческой работой, которую по достоинству оценит, пожалуй, только Василий Розанов, назвав его, после выхода Собрания сочинений Аполлона Григорьева, не Саводником, а Садовником русской литературы, расчищающим ее запущенный сад. Стихи самого Владимира Саводника в этом *саду* относятся к числу пусть не самых известных, но редких видов.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Люблю я благовест вечерний
В спокойной сельской тишине:
Житейских дум, житейских терний
Он заглушает боль во мне.

Над задремавшими полями,
Широковейными волнами,
Течет он, светел и могуч;
И, вняв ему, молчит забота,
И снова сердце ждет чего-то,
И светит вновь надежды луч.

Забыв тоску земных волнений,
Опять душа моя ясна,
И в царство света, в царство теней
Порывом грез унесена...

О Боже! светлому мгновенью
Не дай скользнуть безсильной тенью
Пропасть зарницею во мгле, —
Но пусть Твой голос колокольный
Пробудит отзвук богомольный
В душе, прикованной к земле!

МОЛИТВА

Я не знаю, кому мне молиться...
Но трепещут молитвы в груди...
Боже, силы подай мне смириться
И гордыню мою победи!

Без Тебя что же вечно и свято?
Без Тебя где же правда и свет?
И больней роковая утрата,
Если в небе Радетеля нет.

И, склоняясь над свежей могилой,
Я душой ухожу к небесам,
И я верю, что все, что мне мило,
Ты, о Вечный, воротишь мне... там!

ВЛАДИМИР ЛАДЫЖЕНСКИЙ

Ладыженский Владимир Николаевич (1859—1932) — поэт, прозаик, общественный деятель. Из дворян. В 1870—1875 годах учился в Училище правоведения, где, по его словам, «исключительно занимался литературой». Издавал рукописный журнал, одним из авторов которого был Владимир Величко, запомнившийся ему как «нервный, богато одаренный юноша, превосходно владевший стихом». С начала 1880-х годов стихи и рассказы Ладыженского стали появляться в журналах, а в 1896 году в Москве вышел первый поэтический сборник, в 1908 году в Петербурге — второй. Но, в отличие от многих поэтов эпохи «сумерек», он подпал под влияние не Надсона, а Ушинского, его педагогических идей. Поселившись в унаследованном от матери пензенском имении Липяги, Ладыженский начал с того, что сам стал учителем в созданной им сельской женской школе, а затем открыл 56 сельских школ, 34 фельдшерских пункта, 8 уездных больниц, учреждал стипендии для крестьянских детей, издавал книги-беседы для народных школ о Пушкине, Некрасове, Кольцове, Никитине, Гоголе. «Я считал бы свою задачу выполненной, если бы этот опыт послужил хотя бы первоначальному знакомству народа с его великой литературой», — писал он об этих «книжечках». Таким знали и ценили его как подвижника Чехов, Куприн, Мамин-Сибиряк, Бунин и многие другие современники.

После революции Ладыженский возглавил Общество культпросвещения в Москве, но в 1919 году эмигрировал во Францию, убедившись, что у него с новой властью разные представления о народном просвещении, хотя в молодости одним из первых перевел «Марсельезу». Работал воспитателем в Общежитии русских под Парижем, изредка публикуя свои стихи и рассказы в эмигрантских газетах и журналах «Возрождение», «Современные Записки», «Перезвоны». В эмиграции вышла его единственная книга «За рубежом» (Белград, 1930).

МОЛИТВА

Тихо в комнате. Лампадка
Озирает мрак ночной,
И дитя молитву шепчет
Пред иконою святой.

«Маму, Боже, Ты помилуй,
Няню, папу и меня,
Дай нам в счастье светлом встретить
Утро радостного дня»

И, склоняясь над малюткой,
Няня тихо говорит:
«Не забудь, дитя, что в мире
Горе горькое царит.

Помолись о тех, кто крова
Не имеет, кто с тоской
У своих же братьев хлеба
Просит, — горек хлеб такой.

И о тех, кто в сердце горе
И печаль свою таит
Помолись: пусть всех страдальцев
Милосердный Бог хранит».

Вновь дитя молитву шепчет
Пред иконою святой.
Няня крестится. Лампадка
Озаряет мрак ночной.

<1896>

* * *

(С французского)

Ты знаешь, я, Творец, безсилен пред Тобой, —
Ты видишь, я пою, исполнен умиленья,
Цветы печальные земли моей родной,
Неполной радости бегущие мгновенья...

И если скорбь и мрак царят в душе моей,
И если я борюсь с тоской моей глубокой,
Ты сумрак разгони лучом любви своей
В душе, уставшей жить и в мире одинокой.

Так вянет на земле земная красота,
Так подо льдом трава зимою умирает.

Но свой глагол скорей пошли в мои уста, —
Животворящий — Он все в мире оживляет.

* * *

Лишь только догорит вечерняя заря,
И месяц, пробудясь, за дальнею горою,
Зальет сиянием безбрежные поля,
И сумрак побежит трепещущей волною, —
От жалкой суеты и от забот душевных
Я в поле ухожу тропинкою знакомой:
Здесь не смутит ничто заветных дум моих,
И встретит ночь меня и лаской, и истомой.
А утомясь бродить, люблю в тени ветвей
Прилечь и отдохнуть у рощи молчаливой.
Часовня старая стоит там, и под ней
Забытый ключ шумит волною говорливой,
И слышно, как в лугах кричат коростели
За речкой, где туман серебряный клубится...
Душа отзывчивей в час отдыха земли:
Как в детстве я бы мог заплакать и молиться.
И я молюсь тогда. Тоскуя и любя,
Я у небес прошу в словах святой молитвы
Не долгих, тихих дней, не счастья для себя —
Бойца, уставшего в пылу житейской битвы, —
За душу чистую молюсь я в этот миг,
Чья жизнь не тронута позорной клеветою,
Кого, как в праздник, мир, —
прекрасен и велик, —
Зовет обманчивой, нарядной пестротою.
Что ждет ее? Как знать! Но тщетно я порой
Так страстно у судьбы молю себе ответа.
Судьба не выдаст тайн, — как сумрак за рекой,
Исполненный безмолвного привета.

* * *

Христос воскрес! Скворцы поют
И, пробудясь, ликуют степи,
В снегах, журча, ручьи бегут
И с звонким смехом быстро рвут
Зимою скованные цепи.
Еще задумчив темный лес,
Не веря счастью пробужденья.
Проснись! Пой песню воскресенья —
Христос воскрес!

Христос воскрес! В любви лучах
Исчезнет скорби мрачный холод,
Пусть радость царствует в сердцах
И тех — кто стар, и тех — кто молод.
Заветом благостных небес
Звучит нам песня воскресенья,
Любви, и счастья, и прощенья —
Христос воскрес!

У ВОД ВАВИЛОНСКИХ
Из Байрона

Из вод Вавилонских в тоске и слезах
Тебя мы, Солим, вспоминали, —
Тебя, чьи твердыни повержены в прах,
Добычею вражеской стали.
И с грустной мечтой об отчизне своей
Сливалися стоны твоих дочерей.

С тоской мы следили, как плещут струи
Свободной реки Вавилона.
И враг нам сказал: пойте песни свои,
Священные песни Сиона.
Но нет, никогда эта песнь при врагах
Не станет звучать на чужих берегах.

На иве отчизны залог дорогой
Ты, арфа, родная, хранима,
И звук твой нам должен быть песнью святой,
Свободною песнью Солима.
Так пусть же отсохнет десница моя,
Коль с криком врагов песнь сольется моя.

* * *
(Из Виктора Гюго)

Я был один, один под кровом ночи звездной,
На тихом берегу, у светлых волн морских...
Ни тучки в небесах, ни паруса над бездной —
И только ночь плыла в одеждах голубых.

И горы, и леса, казалось, вопрошали
Про тайну у волны кочующей морей,
И небу, полному безжизненных огней,
Вопрос таинственный они передавали.

И волны синие, хребты свои склоняя,
Их вольные стада, которым власти нет,
На берег дремлющий в волненье набегая,
Покорно им несли торжественный ответ.

И звездный хор шептал,
волнам холодным вторя,
И каждая звезда склоняла свой венец,
И в тихом шепоте, и в звучном шуме моря
Я слышал: «Это Ты, Создатель и Творец!»

ИГУМЕНИЯ ТАИСИЯ

Игумения Таисия (в миру — Мария Васильевна Солопова, 1842—1915) — настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного женского монастыря, автор духовных стихов. По отцу — из древнего новгородского дворянского рода, по матери — одной из ветвей рода Пушкиных. После окончания в 1860 году Санкт-петербургского Павловского института благородных девиц почти десять лет провела послушницей Тихвинского монастыря, в Введенском храме которого хранилась древнейшая икона Тихвинской Божьей Матери. В 1870 году в Тихвинском монастыре она стала рясофорной послушницей с именем Аркадия. С 1872 года — регент Покровского Зверина монастыря в Новгороде, основанного в начале XII века на месте зверинца новгородских князей. С 1878 года — казначей Званского Знаменского монастыря, основанного в 1869 году по духовному завещанию вдовы Гавриила Державина, пожертвовавшей монастырю державинское родовое имение Званку со всеми землями и угодьями. Так что послушница Аркадия ведала казной обители, которую называли Званским Державина монастырем. Через год в этом монастыре она приняла постриг с именем Таисия. С 1881 года — настоятельница Леушской женской общины при деревне Леушине в Череповецком уезде. Через четыре года община стала Леушским монастырем. При игумении Таисии за тридцать лет в нем было воздвигнуто два каменных собора, открыты две школы — церковно-приходская и церковно-учительская, основаны иконописная и золотошвейная мастерские. Обитель превратилась в один из самых крупных женских монастырей в России, где подвизалось до 700 насельниц. За эти же годы игумения Таисия основала и возродила еще десять монастырей и скитов, среди них был и древнейший Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия.

Но современники недаром называли игумению Таисию Леушскую «внучкой» великого Пушкина. Их связывали не только родовые корни. Она была автором книг об Иоанне Богослове, «Жизнеописания Христа ради юродивой блаженной Евдокии», «Писем новоначальной инокине», «Келейных записок», автобиографии. Важное значение в религиозной литературе того времени имели «Беседы» и переписка игумении Таисии с Иоанном Кронштадтским, ее книга «Иоанн Кронштадтский как духовный пастырь». Первым читателем многих литературных трудов игумении Таисии был ее духовный отец Иоанн Кронштадтский. Отцу Иоанну еще до журнальных публикаций она посылала на благословение и свои стихи. Сохранился один из его отзывов 1898 года: «Прекрасные стихи Пресвятой Матери Деве! Да, матушка! Пять талантов дал тебе Господь и сторицею ты их возвращаешь».

В 1903 году вышло пятое, самое полное, издание «Духовных стихотворений» игумении Таисии. Уже в наше время протоиерей Геннадий Беловолов пишет о них: «Стихи матушки Таисии — уникальный духовный дневник инокини, запечатлевший ее опыт богообщения. Название сборника "Духовные стихотворения" обозначает не столько тематику, сколько внутреннее качество стихов. Это стихи-молитва, стихи-исповедь, стихи-проповедь. Это сокровенная «жизнь во Христе» благодатной старицы Божией, запечатленная в стихах, выраженная на доступном нам языке поэзии».

В советское время монастырь закрыли. В нем разместилась детская тюрьма. Затем он попал в зону затопления Рыбинского водохранилища. Соборы и могила игумении Таисии оказались на дне рукотворного моря, но верх колокольни и главы соборов еще более по-

Колокольня Леушского монастыря. Фото начала XX века

Игумения Мать Таисия на веранде. Фото С.М. Прокудина-Горского

Иконостас в летнем соборе Леушинского монастыря. Фото С.М. Прокудина-Горского

лувека оставались над водой. В 2003 году вода спала на четыре с половиной метра, и весь монастырь выступил из воды, а уж затем почти все здания рухнули. Так древняя легенда о Китеже-граде превратилась в русскую Голгофу на водах. Православная поэтесса Татьяна Шорохова напишет в стихотворении «Леушское стояние 2007 года»:

Дождь, как огонь по своим...
Молнии — в вихре синем...
Стоим у воды, стоим,
Под шквалом стоим и ливнем.
Пусть холодно — не беда!
Потерпим — беда не в этом!
Какая кругом вода
Почти в середине лета!
Не реки здесь — палачом!
Здесь люди наворотили!
Вода — она ни при чем:
Ей тоже руки скрутили...
Все терпит Россия-Мать
И черпает силу в Спасе.
Святое дело — стоять,
Крестами всю Русь украсив!

МОЛИТВА

Духовным оком созерцала,
Тебя, о Боже, пред собой
И в умиленьи прибегаю
К Тебе с смиренною мольбой.
Велик Ты, Боже наш, в твореньи,
И на земле, и в небесах,
Велик и дивен в промышленьи,
Могуч и славен в чудесах!
И мы, смиренное созданье,
Мы носим образ Твой в себе;
Питаем в сердце упованье
За гробом перейти к Тебе,
Дабы навек соединиться,
С Тобою неразлучно быть,
Но, чтоб достойно нам явиться,
Даждь нам всегда Тебе служить!
Даждь сердцем чистым, незазорно
Святую веру сохранить,
Душою теплой, непритворно
Тебя и ближних всех любить!

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ

Море житейское, море глубокое,
Солоны воды твои!
Жаждой томимую грудь одинокую
Можешь ли ты утолить?!
Море житейское, море широкое!
Страшны нам волны твои;
Гордо вздымаясь, стеною высокою,
Топят безсильных они!
Грозно бушуешь ты, море свирепое,
Стон заглушая в себе,
Коим так плачутся путники бедные,
С тобою в неравной борьбе!
Море житейское, море могучее,
Долго ль тебе бушевать?
Долго ли будешь ты горечью жгучею
Жизнь бедняков отравлять!
Смолкни, затихни, о море сердитое!
Довольно, — вот близок уж брег;
Там видно страдальцев пристанище тихое,
Где нет ни волнений, ни бед!

ИСКАНИЕ БОГА КАЮЩЕЮСЯ ДУШОЮ

...Где Ты, о вездесущий Боже,
Чтоб мой усталый дух возмог найти Тебя!
Запутавшись в грехах, в отчаяньи тревожном,
Я с трепетом порой ищу, ищу Тебя.
— Где Ты?! — Иль в славе неприступной
Далек от грешников Твой лучезарный Трон,
И в светлый Твой чертог их вопли недоступны?
— Как небо от земли, так от Тебя их стон?
И сердце грешников лишено дерзновенья, —
Ему нет радости, нет мира, утешенья?
И душу бедную объемлет страх и трепет;
Но словно слышится в ней робкий,
детский лепет
«Не бойся, бедная, дерзай, ведь Бог с тобой!»
Как слабое дитя, простри к Нему ты руки,
С любовию скажи и с верою святой:
«Отец! спаси меня томящей сердце муки,
Избави от грехов и примири с Собой!»
И тотчас вкусишь ты всю сладость примиренья,
Наполнит душу свет, и радость, и покой,
И в сердце скорбное прольется утешенье,
И оросится грудь счастливою слезой...

МОЛИТВЫ

1

Молитвы есть дар благодати священный,
Минуты отрады святой;
Любовию сердца и верой смиренной
Душа в ней беседует, Боже, с Тобой!

2

Спаситель, Спаситель! Согрей мою душу
В молитве любовью к Тебе,

Чтоб ум не метался заботою чуждой,
Безумным пристрастьем к земле!
Чтобы молитва к Тебе возлетала,
Как чистый, святой фимиам;
Земной оболочки она бы не знала,
Свободно неслась к небесам!
Спаситель, Спаситель! Ведь нет Тебя краше,
Нет сладче Тебя никого!
Зачем же так горько земное пристрастье
Тревожит беседу с Тобой?!
То скорби, невзгоды душу смущают,
Молитву уныньем томят;
То счастья и радости меры не знают,
В молитве пустое твердят!
Спаситель, Спаситель! Согрей мою душу
Святою любовью к Тебе,
Чтоб ум, воскрыленный свободою духа,
Легко возносился горе!..

3

Люблю я воссылать Тебе сердечные мольбы,
Люблю я воспевать Тебе хвалебные псалмы,
Как сладко в них покоится усталая душа,
Как радостно возносится к Тебе на небеса!
И, словно вся забывшися от суеты земной,
Вкушает, наслаждаяся, нетленный Твой покой!
Но вот молитва кончилась; и бедная душа,
Как нехотя проснулася от сладостного сна.
И волей иль неволею вернулась к суете,
Хоть тяжко ей, бедняжечке, и скучно на земле.
О Господи, мой Господи! Когда ж наступит час,
Когда ничто житейское уж не разлучит нас
С Тобой, Сладчайший Боже наш,
Спаситель, наш Творец
Возьми к Себе детей Твоих, о благостный Отец.

4

Свет пресветлый, Иисусе!
Просвети меня,
Чтоб познать мне жизнь в Дусе,
Чтоб познать Тебя!..
Благодатию Твоею
Ты покрой меня,
И любовию Твоею
Ты согрей меня!
Непостижный, неприступный,
Горних сил Творец!
Ты ли, сердцу столь доступный,
Сладкий наш Отец?!
Да, Ты душу согреваешь,
Дух — животворишь,
Ум и мысли просвещаешь,
Сердцу говоришь.
Царь души моей Ты, Боже!
Царствуй же во мне!
Без Тебя весь мир ничтожен,
Жизни нет душе!
Воскреси меня с Собою
В чудный славы свет,
Чтоб и там мне жить с Тобою
В безконечный век!

МОЛИТВА ГРЕШНИЦЫ У ПОДНОЖИЯ КРЕСТА

Приди ты, грешная душа,
Приди в сознании и страхе,
Пади к подножию Креста,
Смирись во вретище и прахе!
Лобзай подножие Христово,
Его слезами орошай,
Как грешница — стопы Святого
Главы власами отирай!
Воскликни с нею со слезами:
«О мой Спаситель Дорогой!
Ты пощади Твое созданье
И обнови в нем образ Твой!
О, не отвергни покаянья
И слезы грешницы прими
Не как Иудино лобзанье,
А как стенания души,
Души, грехом обремененной,
Души, измученной борьбой,
Души униженной, смиренной,
Но не отвергнутой Тобой!

Сам даждь мне образ покаянья
Пред вечной правдою Твоей!
Я — Твое падшее созданье,
Раба греха и злых страстей!
Ответа нет в моем сознанье,
Мои безмолвствуют уста,
Одно, одно мне оправданье —
Лишь у подножия Креста!

Распятого на нем Тебя,
Христе мой, слезно умоляю:
Дай мне прощенье со Креста.
О Свете тихий и пресветлый,

Я на Тебя лишь уповаю,
Воззри на мрачную, воззри!
И зрак греха ее нелепый
Своим воззреньем озари!..

О Благость, Благость пресвятая,
Услышь вопль грешныя души!

Утешь скорбящую, вещая:
“Прощаются тебе грехи!”»

МЫСЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Скажи мне, Господи, кончину
Мою и час последний мой;
Когда житейскую пучину
Преплыв, предстану пред Тобой!
О, как явлюся пред Тобою,
Владыка мой и Судия?!
Грехов моих передо мною
Лежит раскрыта хартия!
Ее читая, ужасаюсь
И осужденья трепещу;
Лишь на Пречистый Крест взирая
Душе отраду нахожу.
На нем Тебя, Христе мой, вижу
Распятого за грех людской,
И Твой сладчайший голос слышу
К Отцу Небесному с мольбой.
На сем Кресте и мне прощенье
Грехов моих Ты даровал
И Своей кровию священной
То обещанье подписал.
О, верую, Христе, и знаю,
Твои заслуги велики!
Я каюсь, слезно умоляю
Ты ради их меня прости!
Не то мне страшно, что грехами
Повинна муке всякой я, —
Ты правосуден, Боже, с нами,
Того достойна грешна я;
Но то мне страшно, то мне мука
И не оплакать морем слез,
С Тобою вечная разлука,
С Тобой, Сладчайший мой Христос!
Но помяни Твои заслуги,
И ими грех мой оправдай;
Избавь одной ужасной муки:
С Тобой меня не разлучай!..

ПРЕД ЧУДОТВОРНОЮ ИКОНОЮ БОГОМАТЕРИ В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

Как хорошо в Твоем храме, Владычица!
Как сладко душе и светло!
Свободно, спокойно в нем каждому дышится,
На сердце легко и тепло!

Словно Сама Ты, о Мати Всепетая,
Сама Ты здесь с нами стоишь;
Любовию Матерней к людям согретая
На всех с состраданьем глядишь!

И Лик Твой, Божественной славой сияющий,
Безмолвно вещает сердцам:
«Придите, молитеся Мне, вам внимающей,
Я всем вам отраду подам!

Молитесь убогие, бедные, сирые,
Ведь Я для вас Мать и Покров!
Молитесь и вы, сего мира счастливые,
Познайте в сем счастье, любовь!

Молитесь и вы, грехом отягченные,
Давно Я молитв ваших жду;
И, покаянья слезой орошенные,
Услышу Я их и приму!

Молись и ты, старчество дряхлое, хилое!
Молись и ты, юности цвет,
Молитесь и вы, малюточки милые,
Я всех вас покрою от бед!..»

О Милосердная Мати Пречистая!
Безмерна Твоя к нам любовь;
Ты нам Заступница в скорбех пребыстрая,
Ты наша Мать и Покров!

О! не оставь же нас, Мати любимая,
Молиться Тебе — вразуми;
И с верою теплой Тебе возносимые
Моления грешных прими!

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

На берегу реки широкой,
Среди безмолвной тишины,
Сижу я в келье одинокой
В полночи тихие часы.
Еще не брежжится рассветом
Передо мною небосклон, —
Ночным, таинственным приветом
Дарит природа; всюду сон,
И тишину ту нарушает
Лишь тихий плеск ленивых волн,
Когда веслом их рассекает
Рыбак, влача свой утлый челн.
Мой взор куда-то в даль стремится,
Она покрыта мглой ночной;
И сердце просится молиться,
Легко ему в тиши святой!

О, как далеко вся тревога,
Мне словно чуждым стал весь мир —
Я созерцаю в небе Бога,
Я ощущаю в сердце мир!

ВЕРА

О вера чистая, святая,
Ты — чудотворная струя,
Ты — дверь души в обитель рая,
Ты — жизни будущей заря!

Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь мне просвещай!

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСЕДА СПАСИТЕЛЯ С УЧЕНИКАМИ НА ТАЙНОЙ ВЕЧЕРЕ

1

Уже недолго быть Мне с вами,
Друзья Мои, — иду к Отцу;
Но не смущайтеся сердцами,
Я скоро к вам опять прийду!
Иду, чтоб приготовить место
Для вас в Обителях Отца;
Мое желанье вам известно:
Чтоб был со Мною Мой слуга.
Я — путь, Я — дверь в Обитель рая
Я миру свет, Я жизнь его,
Я правда, истина святая,
Сам предаюсь Я за него.
И вот Мое вам завещанье:
Любите ближних, как себя;
В любви — все ваше оправданье, —
Любите ж, как любил вас Я.
Любовь и душу полагает,
Как Я за вас, друзья Мои;
А из сего и мир познает,
Что вы — Мои ученики.
И если любите Меня,
Мое вы слово исполняйте:
И ближних, как самих себя,
Любите, милуйте, прощайте!
И если заповедь Мою
Вы чистым сердцем сохраните,
О чада, веру Мне имите, —
Отца за вас Я умолю,
И Он Утешителя Духа
Пошлет вам скоро вслед за Мной,
Да будет с вами неразлучно
Во век Дух истины святой,
Которого принять не может
Мир; он не ведает Его;
А вам Утешитель поможет
Он в вас, вы носите Его!
Утешитель Меня прославит
И обо Мне вам возвестит,
И вас на истину наставит,
И тайны неба уяснит.
Теперь вас скорбью наполняю
Словами, что иду от вас;
— Утешьтесь, други! обещаю
Я вскоре взять к Себе и вас.
Заблаговременно узнали
О сей разлуке вы, друзья,
Чтоб в час великий вы познали,
Что добровольно стражду Я.
Мой мир вам, чада, оставляю,
Мой мир не тот, что мир дает;
Я мир премирный завещаю,
Который радость вам прольет.
И Я вас не оставлю сиры,
Нет, Я опять к вам прииду;
Но не явлюсь тогда уж миру,
Явлюсь лишь вам, лишь к вам приду,
Я — жив, и вы живите Мною,
Живите верою святою,
Что к вам с Отцом Моим явлюсь
И в вашем сердце поселюсь,
Тогда познаете вы все,
Что Я — в Отце, а вы во Мне.
Уж сколько времени Я с вами,
И не познали ль вы Меня
О, если б вы Меня познали,
Во Мне познали б и Отца,
Глаголы правды, жизни вечной
Не от Себя Я вам вещал;
Дела и силы безконечны
Отец Мой чрез Меня свершал
Я истинно вам возвещаю:
Дела великие Мои
И больше сих вам оставляю
Я совершать, друзья Мои.
Моим вы именем просите
Отца небесного, — Он даст
Вам все, чего вы захотите;
Ибо во Мне Он любит вас.
Восстаните! Пойдем отсюда! —
Грядет уж мира сего князь,
И льется мрак его повсюду;
Но близок, близок его час!..

2

«Аз есмь лоза, лоза живая,
А вы все рождие мои», —
Вещал Спаситель, утешая
Учеников Своих в пути,
Когда в последний раз вступали
С Ним в Гефсиманский сад друзья
И свою верность обещали
Ему до смерти, — до Креста.
«И если кто во Мне пребудет
И по стезям Моим пойдет,
Моих заветов не забудет, —
Тот плод обильный принесет.
Кто ж от лозы живой отстанет,
Иссохнет тот и отпадет,
И прежде времени увянет
И жизни в сердце не найдет.
Я слово жизни вам вещаю,
Да радость Моя будет в вас,
И радость вашу пополняю,
«Друзьями» называю вас!..
Я не считаю вас рабами:
Не знает раб Владычных дел;
Вас называю Я друзьями,
Как Мне Отец Мой повелел.
Не вы Меня себе избрали,
А Я избрал вас и призвал.
Вы ж верой чистою познали,
Что Я вам истину сказал.
Избрал Я вас из среды мира,
И мир возненавидел вас;
Но вы и не были «от мира»,
Иначе он любил бы вас.
Мир в злобной зависти не видит
Великих дел Моих в себе; —
Во свете Света он не видит,
Он слеп и ходит в вечной тьме!
Но поминайте Мое слово:
Не больше господина раб.
Вот на Меня уже готова
Вся злоба их излить свой яд;
И вас, друзья Мои, изгонят,
И вас от сонмищ ижденут[1],
И вам страдания готовят,
И ваше имя проклянут.
Настанет час, и уже скоро,
Когда всяк тот, кто вас убьет,
Почтет заслугою перед Богом,
Что кровь невинную прольет.
Сего Я прежде не поведал
Вам, потому что с вами был
И, как Отец Мне заповедал,
Я до конца вас возлюбил.
Теперь же Я вас оставляю,
Иду к Пославшему Меня;
И вас Я скорбью наполняю,
О сей разлуке говоря.
Но благо вам, что Я иду; —
Я Утешителя Иного
К вам от Отца с небес пошлю,
И вы возрадуетесь снова.
Явившись миру обличит Он
Его: о правде, о суде,
И о грехе его великом,
Что злобный он не верил Мне:
О правде, — что иду к Отцу,
И о суде, — что уж к концу
Подходит мира осужденье,
Отвергшего свое спасенье.
О чада! скоро час настанет —
Вы в страхе разойдетесь все,
Меня «единого» оставив;
Но не один Я, нет, — в Отце,
С Отцом Своим Я пребываю
Всегда; и вам то возвещаю,
Чтоб мир имели вы во Мне
И Меня видели б в Отце!..
Уж близок, близок час разлуки; —
Восплачете о Мне вы, други,
И возрыдаете в те дни,
Когда останетесь одни!
Но скорбь на радость обратится,
Когда Я снова вам явлюсь
И радость в век не прекратится,
Ибо в сердца ваши вселюсь!
И вы пребудете во Мне
Вовек, как вечен Я в Отце!..
О!.. Многое бы надлежало
Мне, чада, вам еще открыть;
Но пока время не настало, —
И вы не можете вместить.

3

Отче Мой! Прослави Сына,
Да Сын прославит Твой Тебя,
Как дал Ему Ты власть и силу,
Прежде мира бытия
Твое Я имя человеком
Явил и разумели те,
Которых дал Ты Мне от века,
Что Ты во Мне и Я в Тебе.
И всем, которых Ты Мне дал,
Я слово жизни возвещал;

[1] Изгонят.

Сие ж есть жизнь их и спасенье,
Чтобы познали искупленье,
Им дарованное Тобой,
Твоим Христом и Сыном — Мной.
Не о всем мире умоляю
Я ныне, Отче Мой, Тебя;
Но Своих присных соблюдаю,
Которых принял от Тебя.
Твои — они, Ты ж Мне их дал,
И Я их в мире соблюдал
И не погиб из них никто,
Кроме Иуды одного!
Теперь, Отец, к Тебе гряду,
А их Я в мире оставляю;
Но их Я до конца люблю
И Тебя, Отче, умоляю,
Не да от мира их возьмешь,
Но да в Себе их соблюдешь!
Как Мы с Тобой единосущны —
Как Ты во Мне, и Я в Тебе,
Так пусть они единодушны
В любви Твоей пребудут все!
Как Ты Мне, Отче, заповедал,
Твое Я слово им поведал,
И они приняли его;
За то их мир возненавидит,
Озлобит их и преобидит,
Как ненавидел он Того,
Кого Ты, Отче, освятил
И миру грешному явил!
Ты, Отче, в мир меня послал,
Теперь же Я их посылаю,
Чтоб мир чрез них Тебя познал,
Я о Тебе им возвещаю.
Святи их в истину Твою,
Как Я за них Себя свящу,
Чтоб они были освящены
В любви Твоей и совершенны!
Я не о них молюсь одних;
Но и о всех, кто ради их
В Меня уверует, познает,
Возлюбит сердцем и прославит! —
Отче праведный, небесный!
Тебя не понял мир сей грешный,
Но Я, Твой Сын, Тебя познал
И Твое имя им сказал,
Чтобы любовь Твоя почила
На них вовек и просветила
Сердца их истиною той,
Что Мы — Единое с Тобой!
Как Мы с Тобой сопребываем,
Так их в Себе объединяем.

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

Коринфский Аполлон Аполлонович (1868—1937) — поэт, прозаик, критик, переводчик. Главным в своем поэтическом творчестве он считал «бывальщины» — сказания из народной жизни, стилизации былин и духовных стихов, неоднократно переиздававшиеся, но в литературной критике встреченные весьма сдержанно. Его «стихотворные олеографии» сравнивали с архитектурным стилем а-ля рюс и другими «новоделами» времен Александра III (к концу XX века эти «новоделы», кстати говоря, стали восприниматься вполне органично). В лирике был продолжателем традиций А.А. Фета и Я.П. Полонского, его стихи имели немалый читательский успех, сравнимый с успехом надсоновским и фофановским, что нашло отражение в романсах. Но все это относится к дореволюционному периоду его жизни и творчества. О том, что было после, можно судить по письму 1921 года к давнему другу и единомышленнику по приверженности к народным истокам поэзии Спиридону Дрожжину: «Не пишу почти ничего, совершенно придавленный и растерзанный в клочки проклинаемой всеми жизнью при современном архинасильственном режиме». Спиридон Дрожжин при этом режиме был возведен в ранг классика крестьянской поэзии, написал стихи о Ленине. Коринфский семь лет учился в Симбирской гимназии в одном классе с Владимиром Ульяновым и был исключен из нее «за чтение "недозволенных" книг и знакомство с политическими ссыльными», но это никак не отразилось на его судьбе. Он, как отмечали советские исследователи, «не смог понять и оценить историческое значение Октября». Служил конторщиком, библиотекарем, типографским коррек-

тором. Умер в безвестности, оказавшись «забытым» уже при жизни. В конце XX века вновь увидела свет его «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц» как своеобразное поэтическое ретро. Читателей XXI века ждет еще одна встреча с Аполлоном Коринфским — выдающимся религиозным поэтом Серебряного века, обращавшимся к современникам со стихами:

Родная быль не спит в могиле:
Былым Святая Русь крепка, —
Его лучей не угасили
Над ней ни годы, ни века...

Былое — было... Будь — что будет,
Всему на свете — стать былым!
Настанет день — судьба разбудит
Всех спящих сном пережитым...

И внемля «гласам вопиющим»
В глухом безмолвии пустынь,
Былое скажется в грядущем
Над прахом попранных святынь...

В нашем издании представлено избранное из молитвенной поэзии Аполлона Коринфского.

* * *

Мертва без веры жизнь пред нами;
Без дел и вера вся мертва...
Объедини, Господь, с делами
Все вдохновенные слова!

Дай силу действенному слову,
Живому делу дай успех
И мысли крепкую основу —
Для ратоборцев Правды всех!

Дай помощь, Боже, всем идущим
По крестным сумрачным путям!
Скажи — умолкнуть вопиющим
К разладу с совестью страстям!

Пошли, Творец, небес охрану
Сынам мятущейся земли, —
Слезу их каждую и рану
И утоли, и исцели!

Услышь подвижников терпенья,
Вонми подвижникам любви!
И долю краткого смиренья,
И путь труда благослови!

Раскинь Свой щит над беззащитным,
С дороги сбившихся направь,
Скажи «Довольно!» ненасытным,
Хвалы достойного — прославь!
Не дай униженных в обиду,
Пред оскорбляемым предстань!
Над ложью, праведною с виду,
Простри карающую длань!

Избавь невинно осужденных,
Во мрак отчаянья взгляни, —
О, пусть для счастья обойденных
Настанут радостные дни!..

Взойди в палаты и в темницы,
В подвалы к хмурым беднякам,
Под кров поруганной блудницы, —
Везде пролей Любви бальзам!..

Не *за себя* молю, мой Боже, —
За братьев, за сестер моих,
За все — что жизни мне дороже,
За связь всех слов и дел живых...

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Мину́ла ночь,
И сон наш — прочь;
Свет утра — нам отрада.
Господь! Ты — Сам
Даруешь нам
Все, что для счастья надо...

Дав нам покой,
Своей рукой
Ты укрепил нас снова.
Тебе поем,
Тебе мы шлем
Гимн сердца молодого!..

Как вольно дышит наша грудь!.
Творец, Ты дал нам отдохнуть;

Ты — очи так же нам открыл,
Как солнце в небо выводил.

Ликуя, смотрим мы на Твой
Прекрасный мир и свет живой...

О помоги нам *так* прожить,
Чтоб весь Твой светлый мир любить!..

ХРИСТОСЛАВЫ

Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село;
Всю дорогу, все тропинки

Белым снегом замело...
Кое-где огни по окнам,
Словно звездочки горят.
На огонь бежит сугробом
Со звездой толпа ребят,
Под оконцами стучатся,
«Рождество Твое» поют,
«Христославы! Христославы!»
Раздается там и тут.
И в нестройном детском хоре
Так таинственна, чиста,
Так отрадна весть святая
О рождении Христа.

ОТЧЕ НАШ!

Вольный перевод стихотворения Мартина Лютера

I

Отче наш, в сферах небес обитающий,
Властной рукой над полями эфирными
Звезды для темной земли зажигающий,
Нам повелевший моленьями мирными
Милость Твою призывать!
Слыша молитвы горячий призыв, —
Ты помоги, слух к земле преклонив,
Сердцем молиться — не только устами,
В целой Вселенной — не только во храме —
Силу Твою познавать!..

II

Свято да будет для мира священное,
Дивное имя Твое благодатное,
Но помоги нам Твое откровенное
Слово Завета любви необъятное
Чисто и свято блюсти.
Чтобы мы жили достойно его —
Имени Бога-Творца своего,
Нас огради от неправых учений,
С ложной дороги, с распутья сомнений
К истине нас возврати!

III

Пусть наступает Твое безконечное
Царствие, царствам земным неподвластное, —
Царство Отца мирозданья предвечное,
Царствие правды Твоей беспристрастное,
Царствие верных сынов.
Пусть только с нами пребудет всегда
Твой Святой на земле, и тогда
Темные силы врага неземного
Мы сокрушим силой вечного Слова,
Сбросив вериги грехов.

IV

Воля да будет Твоя неизменною —
Как над землей и над небом сияющим,
Так надо всей безпредельной Вселенною!
Дай лишь терпение детям блуждающим
В дни испытаний земных, —
Чтобы покорно встречали они
Время невзгоды и счастия дни...
Тех, кто противится плотью и кровью
Воле Твоей, обрати Ты любовью
К сонму избранных Твоих!

V

Да́руй нам хлеб наш насущный! Духовного
Хлеба мы просим с надеждой пытливою!..
Нас огради от убийства безкровного —
Тайной вражды — и над жизненной нивою
Волны довольства разлей, —
Чтобы согласье, отрада и мир
Солнцем любви озаряли весь мир,
Чтобы чуждались мы, словно проказы,
Зависти — сердца людского заразы,
Сильные правдой Твоей!..

VI

Боже, прости Ты нам все прегрешения,
Делом, и словом, и мыслью свершенные,
Что́ затворяют нам двери спасения, —
В сердце мятежной борьбою рожденные,
Душу терзают собой.
Верные вечным заветам Твоим —
Мы всем врагам и злодеям простим...
Боже, пусть мирные наши объятья
В мире все люди встречают, как братья...
Все мы равны пред Тобой!

VII

Ты поддержи нас святым упованием,
Если преследует демон смущающий —
Дух, наполняющий землю страданием,
Гордым изгнанником неба блуждающим,
Сеющим злобу во мгле...
Пусть побеждаем в неравной борьбе,
Мы, обращаясь с мольбою к Тебе, —
По́лны надежды на Духа Святого,
Веруя в силу небесного Слова —
Здесь, на греховной земле...

VIII

Боже, избавь нас от зла вопиющего,
В дни эти злые, в годину страдания,
В мести лукавой невольно зовущего...
Тягостный миг с нашей жизнью прощания
Радостью нам услади!
В жизни несем мы терновый венец, —
Дай же нам тихий, блаженный конец.
Душу, что долго и тщетно искала
В жизни земной неземного начала,
В лоно Свое приведи!..

IX

В милости Божией — истина вечная...
Пусть не встречается нам ни мгновения
Тьмою рожденного, злого сомнения
В том, что сопутствует нам безконечная
Дивная сила Творца, —
В том, что мы — верные слову Его —
Молим, во имя Отца своего:
«Пусть будет так, пусть отныне до века
Царству Призвавшего в жизнь человека
Славе не будет конца!..»

БЕЗРОДНАЯ

Никол. Никол. Златовратскому

1

«Христос воскрес!» — урочною
Порою полуночною
Гудит со всех сторон;
Гудет-растет раскатами
Над нивами, над хатами
Великодневный звон.
Проселками окольными
С волнами колокольными —
Волна-волной — плывет
Распутьем бездорожия
Радетель храма Божия —
Посельщина-народ.
Сияют церкви яркия,
Костры пылают жаркие
По стаявшим буграм;
В оградах — ходы крестные,
Хвалы-стихи воскресные
Выводят по крюкам.
И вся земля крещеная
Внимает — умиленная —
Святым словам небес;
Вся — в голос отзывается,
Вся — в клич один сливается:
«Воистину воскрес!..»

2

Заутреню с обеднею
Стояла ты, — последнею
От паперти пошла —
За силой богомольною
Бобылкою бездольною
К деревне из села.
«Ни роду-то, ни племени!» —
Крушилась не ко времени,
В пресветлый день Христов —
Грустна, что песнь расстанная,
Бледна, что даль туманная,
Смутна, что мгла лесов.
В чужом углу пригретая,
Попреками отпетая —
Не знала доли ты;
И на сердце таилися,
В слезах тоски роилися
Залетныя мечты.
Не весел праздник радостный,
Трезвон не красен сладостный,
Не светел солнца свет,
За зорькой-зоряницею —
За красною девицею —
Занявшийся вослед..

3

«Христос воскрес, желанная!» —
Послышалась нежданная
Молвь — тихий голосок...
Кто ж кинул слово встречное,
Словечушко сердечное, —
Сиротке — невдомек!
Повит ли белой дымкою,
Под шапкой-невидимкою,
Весенний легкий дух
Встревожил речью краткою,
Разнежил вмиг украдкою
Девичий чуткий слух?
Иль ветер — гость непрошеный,
Стрелою за лес брошенный,
Шепнул с налету ей
Слова, для всех обычные,
Одной-то ей не свычные
Среди чужих людей?!
Безродному, бездольному
Хоть воздуху бы вольному,
Хоть ветру — быть сродни!
А то они, безсчастные,

В дни ль — непогодь, в дни ль ясные,
Всегда, всегда одни!..

4

Погост... Кресты с часовнями —
Над ровнями-неровнями
Ровнехонько стоят, —
Под темными ракитами,
Листвой не приукрытыми,
Столпились в тесный ряд...
Шла вплоть, остановилася
Горюша, — осенилася
Родительским крестом;
Чу, — сердце всполохнулося:
Все встало ль, все ль проснулося
На кладбище пустом?..
«Христос воскресе, сроднички,
Подземные колоднички!»
И — чудо из чудес:
Вся ширь, вся даль окрестная
Откликнулась, безвестная:
«Воистину воскрес!..»
Идти безродной — радостней:
Плывет за ней все сладостней
Пасхальный звон церквей;
Вступил с ним в жизнь обиженных,
Бездольных и униженных
Христос, воскресший в ней...

* * *

Весь храм сиял и заливался звоном...
Убогой странницей вошла тоска моя
И встала в уголке, от всех себя тая,
В своем неверии уныло-похоронном.
А между тем и причт, и сладкогласный клир,
В прозрачных облаках кадильного тумана,
Друг другу вторили так радостно — «Осанна!»,
Как будто Царь царей опять вступил
в наш мир...

Кончалась утреня... С поникшей головою
Я грустно шел домой... А в трепетной груди
Росла волною песнь... И слышал я: «Гряди,
Гряди, о Тихий Свет, ко всем объятым тьмою!..»

* * *

Вошел я в церковь... Там — народ
Семьею дружною теснился, —
Отринув прах земных забот,
Любви Учителю молился.
Он *свой* был здесь, с его мольбой
Сливались волны песнопений —
В них шел к нему завет родной
Всех отошедших поколений...

А я — оторванный от них
Безумным вихрем тщетной битвы —
Забыл источник чувств святых
И детства чистые молитвы;
Я — как чужой пришлец стоял,
А жгучий вопль рвался из гру́ди
И душу мне на части рвал,
И повторял я, повторял:
«О Боже! Милостив мне буди!»...

И вдруг какой-то дивный свет
Блеснул мне свыше в сердца очи, —
Молитве мытаря в ответ,
Развеяв мрак духовной ночи.
Он мысль потёмную зажег,
Огнем безоблачных видений,
И дум моих влился поток
В волну священных песнопений;
И понял я — *Кто* осенил
Мой дух незримыми крылами,
И скорбь, всю скорбь свою излил
Неудержимыми слезами...
Нет слаще слез тех — ничего! —
Весь просветленный, всей душою
Я вторил клиру песнь его:
«О Боже сердца моего,
Соедини меня с Собою!»...

26 февраля 1909
Санкт-Петербург

* * *

«Все принимай! — из тьмы веков
Я слышу голос в час сомненья. —
Люби весь мир, прощай врагов,
Будь терпелив в уничиженье!
Не возносись, чтоб не упасть;
Не отвращай от падших вежды!
Всем сердцем веруй, — веры власть
Нам уготовала надежды...
Не бойся мук, — в их глубине
Таится сладость упований:
Как плавят золото в огне,
Так нас — в горниле испытаний.
Терпи! Расслабленным сердцам

Не подражай! Вступай в жизнь смело, —
Благословит Бог Правды Сам
С любовью начатое дело.
Не знай вовеки двух путей,
Лишь на один взирай очами:
Тот — трус и раб среди людей,
Кто к цели шел двумя стезями.
Все принимай — чем посетит
Тебя Господь, сходя на землю;
Сноси удары всех обид!..»
— Приемлю, Господи! *Приемлю...*

* * *

Полутемный, со сводами древними храм
Тихим светом лампад и свечей озарен;
В лад молитв сладкогласных священным
словам,
Как безкровную жертву, несет фимиам
Благовонья свои к строгим ликам икон.
«Свете Тихий!» — поет-разливается клир, —
Песнопенью святому внемлю чуть дыша,
Сходят в сердце больное отрада и мир;
Безпредельно широк, светел кажется мир;
От тревог и страстей *отдыхает душа.*

В бор дремучий вхожу, — обступают меня
Старых сосен ряды строем красных колонн,
Меркнет блеск лучезарный лазурного дня;
В тишине, переливами трелей звеня,
Где-то пташка поет Солнцу Жизни канон,
Ветерок перелетный бежит по ветвям,
Мягко иглами хвои зеленой шурша;
Проступает смола по могучим стволам, —
Словно сотни кадил льют кругом фимиам;
Даль зовет, манит глушь... *Отдыхает душа...*

Ширь-раздолье полей, им — конца не видать...
Справа, слева — со всех набегая сторон,
Золотится хлебов наливных благодать —
Словно моря безбрежно-бездонная гладь;
Над полями — шатром голубой небосклон...
Я иду — сам не зная зачем и куда,
И невольно шепчу: «Жизнь — светла, хороша!
Счастлив тот, кто познáет в ней сладость труда,
Кто в природе родной — свой везде и всегда,
Чья в слиянье с Творцом *отдыхает душа!..»*

Дремлет озера гладь; чуть струится волна,
Летний вечер дыханьем цветов упоен,
Золотая заря сладкой грусти полна,
Пар дымится в лугах, а с озерного дна
Мелодичный какой-то мне чудится звон.
Словно кто-то к вечерней молитве зовет,
Откликаясь на шелест живой камыша,
Словно кто-то хвалу мирозданью поет...
Ободряется дух, тает нá сердце лед,
Крылья мысли растут; *отдыхает душа...*
Ночь на землю сошла, мириады лампад
Ночь затеплила, мирный приветствуя сон;
И над ширью полей, и над бором горят
И озерной волне тихий свет свой дарят
Звезды с неба, Творца звезд осыпавши трон.
Глаз отвесть не могу, волю дал я мечтам,
Я любуюсь на небо, стою — чуть дыша...
О Творец! Как Ты щедр, как Ты милостив к нам!
Как не верить в Тебя, если мир весь —
Твой храм,
Если только с Тобой *отдыхает душа!..*

* * *

Нет, не могу я думать, не хочу,
Чтоб мог погибнуть человек напрасно!
Пусть жизнь — палач (давно мне это ясно),
Ты — не предашь слепому палачу!..
Ты — весь Любовь, Ты — Сам весь Состраданье,
В одном Тебе — на все живой ответ,
Ты — Сам ведешь людей из тьмы на свет,
Сам открываешь им дверь покаянья.
Услышь, услышь мой полный скорби зов!
О Правый Боже, Боже Всемогущий!
Введи мой дух под сени мирных кущей,
Раскрой над ними благостный покров!
Дай силы мне — не причинять печали
Ни ближним и ни дальним, *никому!..*
Так больно жить, так тяжко самому
Мне видеть, чтоб из-за меня страдали...

* * *

Пошли мне, Боже, в жизни чашу слез,
Дай выплакать возможность все — чем грешен
Был пред людьми и совестью своей.
И чашей этой буду я утешен!
Как ни была б душе она горька,
Как ни страдал бы тяжко от нее я, —
Я все приму, но не смогу снести
Безчувственности мертвого покоя.
Пошли мне крест — какой захочешь крест,
Суди меня судом — каким угодно, —
Но только дай возможность сознавать,
Что жизнь моя от всех безумств свободна!
Дай мне понять, что Ты не отвратил
От очага чуть тлеющей надежды,
От алтаря больной любви моей
Твоих очей спасительные вежды!
Перед Твоим всеправедным судом
Я преклонюсь покорной головою —
Без ропота, без укоризны слов, —
О, только дай, лишь дай мне *быть с Тобою!..*

* * *

Да, помню я — был равнодушен
Я к светлой вере детских дней,
Одним велениям послушен
Своих желаний и страстей.
Не повторял я слов молитвы,
Позабывал завет Христов —
Под шум и звон житейской битвы,
В чаду безсмысленных пиров...
Как был я горд, самонадеян! —
Но подошла невзгоды тень —
Был жизнью я самой осмеян,
И он пришел — мой черный день;
Он наступил — мой день печали, —
И только вспомнил я тогда
Про все, *что* сердцу нашептали
Дни детства, юности года.
Вернулся я — как мытарь грешный —
Под сень забытую Твою, —
В своих печалях безутешный,
Поникший в скорби — я стою;
Перед Тобой благоговею,
Приник к Твоим страданьям весь,
Глаз на Тебя поднять не смею,
Но полон весь мольбой моею:
«Дай *до конца* остаться здесь!..»

* * *

Высшая Правда и Благость святая,
Сердцу с дней раннего детства родная,
Сила молитвы живой!..
Счастлив я снова, я счастлив без меры, —
Вся возвратилась ко мне радость веры,
В душу мне веет весной.

Эта весна отошла без возврата,
Близок я к зорям последним заката,
Май мой далек — *так* далек, —
Все ж и с осенними бурями в споре
Радостно вспомнить мне майские зори,
Первых надежд огонек.

Помню, как сладостно мне было верить,
Верою сердца грядущее мерить —
Верою в Бога Любви,
Верою в то, что безвременье минет, —
В то, что спасет Он, что Он не покинет
Мир, утопавший в крови.

Грезы весенние, сны молодые
Сердца, познавшего счастье впервые,
Счастье надежд золотых...
Снова я счастлив, я счастлив без меры, —
Вся возвратилась ко мне радость веры
В памяти светлой о них.

* * *

Тебе — мой гимн, мой первый гимн — Тебе,
Учитель Кроткий, Вождь любви Распятый!
Ты — помощь слал мне в тягостной судьбе,
Ты — направлял стопы мои к борьбе,
Когда я падал — бурями объятый...
Во тьме моей сиял Твой Тихий Свет —
Свет Истины, добра и всепрощенья;
Слепец — я видел новых зорь просвет,
Внимал я сердцем вечный Твой завет
Из глубины позорного паденья...
Когда, склонясь над бездной роковой,
Теряя сам последний проблеск воли,
Я изнывал — охваченный тоской,
Ты отводил спасающей рукой
Меня опять к дорогам лучшей доли...
Больных страстей полубезумный раб —
Сам на себя я накликал невзгоды
И был душой так немощен и слаб...
О Господи! Кто без Тебя тогда б
Дух окрылял мне жаждою свободы?!
Кто дал бы мне отраду чистых грез,
Кто ниспослал бы сердцу возрожденье
И мысль мою поникшую вознес
Над бездной зол, над морем поздних слез
К обителям святого вдохновенья?!
Свободный дух Ты пробуждал в рабе,
Смиренье Ты внушал моей гордыне,
Ты — вел на труд, на подвиг, звал к борьбе, —
Тебе — мой гимн, последний гимн — *Тебе,*
Источник жизни в мертвенной пустыне!..

* * *

Присутствие Бога мне слышно
Повсюду, всегда и во всем —
И темной ненастною ночью,
И светлым, ликующим днем,
В дыханье рокочущей бури,
В затишье зеленых ветвей,
В зловещих громовых раскатах
И в трелях твоих, соловей!

Забьет ли угрюмая совесть
Нежданно тревогу свою —

Я чувствую: Бог осеняет
Невидимо душу мою;
Зажжется ли сердце любовью —
Я знаю: Бог в сердце моем...
Присутствие Божие внятно
Мне всюду, всегда и во всем.

* * *

Он — был, Он — есть, Он — будет вечно,
Над всем — Его простерся щит;
Во всем, что в мире безконечно,
Во всем, что в жизни человечно,
Свет искры Божией горит.
В творящих проблесках Природы,
Во всех явленьях бытия,
Как луч незыблемой Свободы,
Горит она, сквозь рабства своды
Неизреченный свет лия.
В полетах духа дерзновенных
За грани тайн, за даль веков,
В вещаньях сил проникновенных
Над прахом вымыслов мгновенных
Она горит для всех миров.
В созданьях мысли гениальной,
Во всем, что нас животворит,
Что дышит Правдой идеальной,
Все тот же свет первоначальный —
Свет искры Божией — горит.

* * *

Из мирной пристани, где дум моих ладья
Свой временный приют нашла, изведав бури,
Благодарю Тебя, Создатель бытия,
За то, что надо мной не меркнет свет лазури!

За то Тебя, *за то,* Творец, благодарю,
Что созерцать могу спокойно даль былого,
Что шлешь Ты мне с небес вечернюю зарю,
Что утром солнца луч мне в сердце смотрит
снова!..

Тебя благодарю — за ласковый простор
Свободного, как мысль, немолкнущего моря, —
За то, что я дышу дыханьем этих гор,
Влекущих к высотам от низменного горя.

Благодарю — за то, что каждый мой порыв
Встречает отклик свой здесь в голосах природы,
За то, что буйный пыл страстей угомонив,
Я *сознаю* теперь, как мелки все невзгоды.

О, будь благословен за то, что мне открыл
Хотя на склоне лет души безсмертной очи;
За то, что павший дух к полету окрылил —
Туда, за рубежи земной, мгновенной ночи!..

* * *

О Всепрощающий! Ты — словом укрощал
Зловещей бурею взволнованные воды, —
Промолви, повели, чтоб гнев не возмущал
Мечты моей лазурь, чтоб не порабощал
Он мне дарованной самим Тобой свободы!..
Смири моих страстей мятущийся прилив.
Пролей Твой *тихий свет* в души моей
потемки, —
Крылами кротости мой вечер осенив,
Дай ночь мне скоротать, к рассвету сохранив
Хоть счастья позднего последние обломки!..
Пусть это счастие я сам не разрушал,
Когда — вверяяся одной своей гордыне —
От берегов его безбрежье бурь бежал,
Туда — где ширился борьбы безумной шквал, —
Не дай мне *одному* остаться, как в пустыне!..
Рассвет — недалекó; над морем дум былых
Уже забрезжились лучи передовые,
Предвестники конца... Очами сердца — их
Я вижу, я душой прозревшею постиг,
Что пробужденье ждет все сны мои больные...
Непримиримому со всем мне дорогим,
Не дай же мне уйти за рубежи тех граней,
Где тесных связей нет с покинутым земным!
О, пусть я по себе смогу оставить им,
Сочувствовавшим мне сопутникам былым,
Неомраченными — огни воспоминаний!..

* * *

Кто *духом нищ* — блажен... Но, Боже,
Ты — мыслью дух мой окрылил,
Ты — дал постигнуть, чтó дороже,
Что выше тленных наших сил!..

Ты дал мечте моей свободу
И дар прозрения — уму,
Проникновение в природу
Послал — незнанью моему...

О, повели ниспасть оковам
Обуревающих страстей!
Одень смирения покровом
Всю наготу души моей!..

* * *

Других спасая — себя забыть...
Достойней — жизни не может быть!
Все меньше, меньше людей таких...
О, как я счастлив, — *видел* их!..
Внимал их слову в годину зла,
Передо мною — все их дела.
Как зори утра — их жизнь чиста,
Припавших сердцем к стопам Христа,
Любовь и правду понесших в мир
Ко всем, кто беден, и наг, и сир, —
Ко всем — чей путь весь мглой затемнен,
Кто гнетом жизни порабощен, —
Кто утопает в волнах невзгод,
Чей вопль до неба с земли идет...
О, как был светел их кроткий взор!
Была любовь их — превыше гор;
С их уст не речи текли — ручьи,
В сердца вливая надежд струи...
Все меньше, меньше людей таких...
Дай быть мне, Боже, *хоть тенью их!*..

* * *

За оскорбленных и униженных,
За всех неправдою обиженных —
Молюсь Тебе, о Царь земных царей!
Во глубь их темного страдания
Луч животворный упования
Хоть на мгновение пролей!
За всех озлобленных невзгодами,
С дороги сбитых непогодами
Идет к Тебе души моей мольба:
Дай выйти им на путь спасения,
Дай им познать день возрождения
Освобожденного раба!

За всех безверием страдающих,
Твоим заветам не внимающих,
Молюсь Тебе, за них страдая сам:
Прощавший — всеми осужденному,
Отверзший взор слепорожденному!
Дай видеть свет и *тем* слепцам!..

* * *

Смотрю на пройденный мной путь,
Свои безумства в нем считаю
И скорбной мыслью повторяю:
«О Боже! Милостив мне будь!..»
Как грешный мытарь — я стою
У двери, в храм войти не смея, —
Перед Тобой благоговея,
Всем сердцем песнь Тебе пою...
Мой дух давно к Тебе летел, —
Прими ж напев моей цевницы
Последней *лептою вдовицы!* —
В нем — все, что я сберечь сумел.

11 декабря 1910

* * *

Дух мой мятется, очаг мой колеблется,
Гаснет последний огонь вдохновения,
Жизнь моя тяжкими снами мне кажется,
Сердце — не верит мечте обновляющей...
Сгинь-пропади, навожденье потемное!
Сгиньте, рассыпьтесь вы, силы подспудные!
Дайте вздохнуть — как бывало, по-прежнему,
Сбросить с души камень, вами наложенный!..
Силы Небесные! Силы Безплотные!
К вам обращаюсь с молитвою слезною:
Дайте-пошлите мне спутника доброго —
Ангела кроткого, воина светлого!..
Да осенит меня крыльями белыми!
Да укрепит дух, в сомненьях мятущийся!
Да оградит мой очаг поколебленный
Веры священной мечом златоогненным!

7 апреля 1911

* * *

Евгению Игнатьевичу Полякову

За каждый миг и час Творца благодарю, —
За пережитые все дни мои и ночи,
За то, что Тихий Свет мне льет Свою зарю,
За то — что мне на жизнь открыло сердце очи.

Благодарю Творца за то, что вел меня
К любимому труду суровой школой жизни,
За то, что — на путях скитальческих храня —
Помог Он мне сберечь в груди любовь
к отчизне.

За радость бытия благодарю Творца,
За все волнения, за все мои печали.
За то — что на любовь любовью отвечали
Нелицемерные, простые мне сердца.

15 августа 1911

* * *

Когда в страну Твоих негаснущих лучей
Я бремя донесу к обители предвечной,
Я все его сложу к стопам любви Твоей,
О всепрощения Источник Безконечный!

Быть может, слишком строг не будешь
Ты ко мне
За то, что осуждать при жизни никого я
Не мог и не хотел, я сознавал вполне,
Что сам перед людьми виновнее был вдвое...

За то, что падшего не видел я ни в ком,
Что каждый человек мне представлялся братом,
Хотя бы всеми был отвержен он кругом, —
Мой Боже, не сочти меня *столь виноватым!..*

19 ноября 1911
Царское Село

В МОЛИТВЕННОЙ ТИШИ

Преображен в лучах заката —
Весь лес горит, весь рдеет лес, —
Нерукотворная палата
Неиссякаемых чудес!..

Идешь тропинкою песчаной,
Куда идешь — не знаешь сам,
И грудью всей — благоуханный
Вдыхаешь сосен фимиам;
Идешь — и каждый шорох внятен,
Идешь — дыханье затаишь...
Покой — как вечность необъятен...
О, что за вечер! Что за тишь!..

Из глубины, со дна оврага,
Туман курится — как дымок,
И освежительная влага
Плывет, клубясь у самых ног...

Прощальный луч в туман роняя,
Уходит солнышко с небес, —
Как будто жертву зажигая,
Что небесам приносит лес;

Еще лишь миг — и задымится
Весь лес, как жертвенник один...
Невольно хочется молиться,
Внимая шороху вершин;

Уста молчат, но голос сердца
Мою молитву выдает,
И мнится — лес *единоверца*
Во мне с собою признает.

Он словно шепчет: «Сын Природы!
Хоть здесь-то будь самим собой!..
Твой дух везде искал свободы?
Смотри, она — перед тобой!..»

Смотрю, глазами провожаю
Завечеревшую зарю,
Молитву сердца повторяю,
За жизнь Творца благодарю, —

За каждый вздох мой, за слиянье
С душой Природы в этот миг,
Когда я к тайне мирозданья
Всем существом своим приник!..

МОЯ МОЛИТВА

Тебя, распятый на кресте,
Тебя, поруганный толпою,
Молю я, Господи Христе,
Дай сил — идти мне за Тобою!
Дай к ранам мне припасть Твоим,
Их оросить любви слезами
И всем незнанием моим
Познать Тебя, грядущий с нами!
О Боже правый, обнови
Мои былые упованья,
Влей в сердце мне огонь любви
Ко всем, несущим крест страданья, —
Ко всем, униженным судьбой,
Всем оскорбленным и скорбящим,
Ко всем, пред миром и Тобой
В уничиженьи предстоящим!
Молю, о Господи, пролей
К ним ток волны любвеобильной!
Всем ждущим помощи Твоей
Ты ниспошли ее, Всесильный!
Непримиримых — примири
И утоли скорбящих муку,
Всем утопающим простри
Свою спасающую руку!
Борцам за Истину и Свет
Дай сил — в борьбе не падать духом, —
Да Твой и с п о л н и т с я завет,
Да все к Тебе приникнут слухом!..
Тебя, земель и стран Оплот,
Молю — в дни общего смятенья,
Дай верить мне в родной народ,
В его святые назначенья!
Дай силы мне врагам прощать,

Быть помоги со всеми в мире
И все любить, благославлять
Тобою созданное в мире!
Ты огради мои мечты
От лживых чар, от искушений,
Пред ликом Чистой Красоты
Дай мне склонять всегда колени!
О, пусть не буду никогда
Рабом лукавым и ленивым, —
Благослови мой день труда,
Направь мой путь по жизни нивам!
Не дай — во зло употребить
Тобой ниспосланные силы!
О, помоги не угасить
Светильник духа до могилы!..
Учитель Кроткий и Благой,
Дай внесть хоть луч едва заметный
В сердца, охваченные тьмой,
В мир зла и скорби безпросветной!
Дай завершить мне весь мой путь
В любви, в работе неустанной,
Дай послужить хоть чем-нибудь
Т е б е, Бог правды Невозбранной!..
Гряди, о Господи, г р я д и!..
А если Твой завет нарушу —
На крест страданья возведи
Мою мятущуюся душу, —
Да уподобится собой
Не фарисею, не Иуде,
А заззовет к Тебе с мольбой:
«О Боже! Милостив мне буди!..»

НА ПУТИ БОГОИСКАНИЯ

1

С тобою — жить, с тобой трудиться,
С тобой идти одним путем,
С тобою — верить и молиться
Перед страданий алтарем;
Нести свой крест *т в о е й* путиной,
С тобой — и падать, и вставать,
И Бога Правды Триединой
В твоем смиреньи познавать;
Твои печали разделяя,
Всем сердцем радуясь с тобой, —
Хочу везде, во всем, всегда я,
С т о б о ю быть, народ родной!..
Хоть жизни мрак тебя объемлет,
Хоть скорбь невзгод тебя томит,
Но дух твой вере сердца внемлет, —
И путь надежд тебе открыт.
Иди — как долгими веками
Ты шел и в мире, и в борьбе, —
Русь наделяй богатырями,
Будь верен Богу и *с е б е*!.

2

Из всех венцов венец терновый
Светлей, и чище, и святей...
О, сколько раз в чаду страстей
Я проклинал борьбы оковы!
Но каждый раз — под ропот дум,
Мысль об униженных, скорбящих
Мой просветляла темный ум;
И каждый раз — рвался душою
Я к ним, чтоб с ними вместе быть,
Чтоб состраданьем искупить
Мой грех пред долей страдовою...
О, как ничтожны, как мелки
Казались мне *м о и* страданья,
Как жалки все *м о и* терзанья
Пред этой бездною тоски!..
Ударил час, приспело время:
Христа всем сердцем возлюбя,
Е г о в з я т ь и г о н а с е б я!
О, как легко такое бремя!

3

Храня очаг святых преданий,
Любви заветами дыша,
Не успокойся от исканий,
Моя воскресшая душа!
Под сенью ль благостною веры,
Под ношей тяжкого ль креста —
Любя весь Божий мир без меры,
Ищи во всем, везде Христа!
Стремись к Нему пытливым духом,
Страстей земных отвергнув плен!
Для всех, к Нему приникших слухом
Нет ни цепей нигде, ни стен...
Нет в мире выше той свободы,
Как сердцем веру познавать
И крестный путь, и все невзгоды,
И скорбь свою благославлять...
Ищи Голгоф, ищи страданий, —
И будет жизнь твоя чиста!
На рубеже твоих исканий,
В последний день, найдешь Христа!..

Впервые: «Русский Паломник» (1914, № 3).

В СВЯТУЮ НОЧЬ

Из пасхальных мотивов

Святая ночь... Гудят колокола, —
Перекликаясь благовестным звоном...
Кругом — огни... Редеет ночи мгла
Пред этим светлой радости каноном...

Зловещий мрак в душе моей исчез,
Она — горит лучами возрожденья,
Она — полна восторгом вдохновенья,
Она — поет, что в ней — Христос воскрес!..
И сердце вторит, внемля этой песни:
«Во всех сердцах, о, Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни и для тех,
Чей скорбный путь охвачен весь тоскою,
Чья жизнь не знает сладостных утех,
Чья даль от взоров скрыта дымной мглою,
Чей каждый день идет под гнетом туч,
Кто позабыл — как свято верил прежде,
Как от надежды шел к другой надежде,
Как в нем сиял любви священный луч!
Пусть их сердца, Твоей внимая песни,
Воскликнут вновь:
«О, Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни в тех сердцах,
Что — под ярмом борьбы страстей безумной —
И помышлять о горних небесах
Не могут в смуте жизни многошумной, —
Что, рабствуя в ничтожной суете,
Великие заветы презирая,
Паденья своего не сознавая,
Святыней чувства жертвует тщете!
О, пусть слова Твоей великой песни
Пробудят вопль в них:
«Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни для того,
Кто — ослеплен враждой неутолимой —
Не видит в брате б р а т а своего,
Кто — жаждой мести жгучею палимый —
В своей душе одно питает зло
К тому, — что жизнь украсить может нашу,
К тому, что нам подносит счастья чашу,
И ко всему, что правдою светло!
О, пусть и он — под звуки этой песни —
Провозгласит: «О, Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни для умов,
Озлобленных невзгодами земными,
Им внемлющих, им вторящих слепцов,
Дорогами ведущих роковыми!
Пусть в них — сквозь их налетную кору —
Луч совести недремлющей пробьется,
Пусть этот луч в их злобе отзовется
Стремленьем к правде, к жалости, к добру!
О, пусть невольно вторя дивной песни,
Они воскликнут: «Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни для того,
В ком сердце слишком рано очерствело;
Кто — ближнего не знает своего,
В ком все живое словно помертвело;
Кто равнодушен к горю бедняка,
Кто глух к мольбам страдающих, скорбящих,
Чья оттолкнет о помощи просящих
Их поддержать могущая рука!
О, пусть они, поняв смысл этой песни,
Возопиют: «О, Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни в глубине
Последнего позора и паденья —
Для всех, влачащих жизнь свою н а д н е,
Для всех, идущих к бездне преступленья, —
Для всех — чья воля непробудно спит,
Чей путь тоской разврата затуманен,
Чей разум хмелем жизни одурманен,
Сознание, бездействуя, молчит!
Пусть и они, священной внемля песни,
Воскликнут все: «О, Господи, воскресни!..»
О, Господи! Воскресни!.. Пробуди
Всю с о в е с т ь м и р а, свет самопознанья
Зажги огнем негаснущим в груди!
Открой сердцам источник упованья!..
Пусть загудят любви колокола,
На подвиги святые призывая!..
Пусть эта ночь, пусть ночь Твоя святая
В с е х поведет к добру с путины зла!..
О, пусть весь мир в одной сольется песни:
«В о и с т и н у,
о, Господи, в о с к р е с н и!..»

Впервые: «Русский Паломник» (1914, № 15).

Современное издание книги Аполлона Коринфского «Народная Русь»

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

Лохвицкая Мирра (Мария) Александровна (в замужестве — Жибер; 1869—1905) — поэтесса. Старшая сестра Надежды Теффи. В 1888 году окончила Александровский институт в Москве и в том же году дебютировала в печати стихотворением «Сила веры». Но в 1890-е годы приобрела известность как поэтесса «вакхических видений», знающая «тайны колдовства». И по сию пору ее называют «русской Сафо» Серебряного века. «Я — откровений тайных жрица, // И мир — пустыня для меня, // Где стонут жертва и убийца, // Где страждущих белеют лица // В геенне крови и огня», — восклицала она. И, как это обычно случается, блюстители нравов не разделяли ее (мать пятерых детей) и литературный образ. «Когда в тебе клеймят и женщину, и мать //...Умей молчать!» — скажет она об этом. Характерен отзыв Льва Толстого: «Молодым пьяным вином бьет. Уходится, остынет, и потекут чистые ручьи».

Дерзкая откровенность ее интимной лирики не оттолкнула таких жрецов «чистого искусства», как Аполлон Майков, Арсений Голенищев-Кутузов, Константин Случевский, К. Р. (Константин Романов). Около ста стихотворений Мирры Лохвицкой стали романсами. К ее поэзии обращались А.С. Танеев, С.М. Ляпунов, Р.М. Глиэр, П.Г. Чесноков, С.Н. Василенко, В.И. Ребиков, Я.Ф. Пригожий, А.Н. Чернявский, В.С. Муромцевский, Е.Н. Греве-Соболевская и многие другие композиторы.

Об ее признании свидетельствуют прижизненное пятитомное Собрание стихотворений (1896—1905) и самая престижная Пушкинская литературная премия Императорской академии наук. Учредителем премии был президент Академии наук «августейший поэт» К.Р., благодаря которому в Академии наук открылось новое отделение — литературы и языка, общенациональное значение приобрел 100-летний пушкинский юбилей, основан Пушкинский Дом, учреждена Пушкинская премия. Имена ее лауреатов говорят о многом: Аполлон Майков, Афанасий Фет, Яков Полонский, князь Дмитрий Цертелев, граф Арсений Голенищев-Кутузов, Константин Случевский, из нового поколения Семен Надсон, Петр Вейнберг, Иван Бунин. Не были редкостью и повторные присуждения, но только Мирре Лохвицкой премию присудили трижды: в 1897 году «половинная» (вместе с Екатериной Бекетовой); в 1903 году — вместе с Петром Вейнбергом, Иваном Буниным и Татьяной Щепкиной-Куперник; в 1906 году — полная, но, увы, посмертная, присужденная за пятый том Собрания стихотворений. Основная задача Пушкинской премии состояла в поддержке пушкинских традиций (так значилось в Уставе), и она полностью соответствовала пушкинскому завету, ставшему *символом веры* поэтов «чистого искусства»: «Не для житейского волненья, // Не для корысти, не для битв, // Мы рождены для вдохновенья, // Для звуков сладких и молитв».

«Я хочу умереть молодой», — признавалась Мирра Лохвицкая в 1898 году, еще не ведая о своей роковой болезни.

...И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой... —

напишет Игорь Северянин в 1909 году в стихотворении, посвященном ее памяти.

В 1908 году вышел первый посмертный сборник Мирры Лохвицкой «Перед закатом» со стихами, не вошедшими в предыдущие издания, и, как значилось на титульном листе, — «С предисловием К.Р.». Это предисловие стоит привести полностью, как один из ярких примеров литературной критики К.Р., его критериев при рецензировании стихотворных книг, представлявшихся на Пушкинскую премию, умения отделить *зерна от плевел* в поэзии своих современников в сложный период возникновения новых поэтических школ, направлений.

«На мою долю выпала лестная задача написать разбор представленного на соискание Пушкинской

премии 5-го тома стихотворений М.А. Лохвицкой. Но моему отзыву не было суждено быть прочитанным ею, хотя я написал его еще при ее жизни, и ей была присуждена Пушкинская премия. Эту премию заслужили ей, главным образом, стихотворения, посвященные ее детям: «Материнский завет», «Плач Агари», на которые я указывал, как на плоды наиболее счастливых вдохновений. Г-жа Лохвицкая не дожила до увенчания своих произведений: премия досталась ее детям.

Да будет мне позволено теперь, когда родственники покойной выпускают в свет ее неизданные стихотворения, предпослать им несколько слов.

Во всяком предсмертном творении, будь то картина, изваяние или стихи, всегда кроется что-то трогательное, загадочно-пленительное; это лебединая песня, прощание с жизнью и приближение к роковому порогу, за которым начнется иное, новое, неведомое существование. То, что при жизни автора могло бы заслужить справедливый укор, обезоруживает критика, когда автор отошел в вечность. И невольно прощаешь ему недостатки его творчества. Не так ли с благодарностью вспоминаешь теплое дыхание быстро промелькнувшего лета с его цветами и пышными красками и забываешь его дожди и бурные ветры?

Пусть в последних произведениях г-жи Лохвицкой встречаются недостатки, на которые я и ранее указывал, пусть находятся там неясность, недосказанность, неопределенный мистический туман, увлечение чарами чернокнижия. Но в этих стихах есть несомненная струя поэзии, искупающая столько же несомненные недочеты; есть виртуозность, радующая и пленяющая любителя «чистых вдохновений», есть умение пользоваться поэтическими образами, есть превосходная фактура стиха и художественная, мастерская его отделка.

Истинной поэзией проникнуты такие стихотворения, как «Каменная швея», «Что такое весна?», «Белые розы», «Утренний гимн», «Восковая свеча», «У брачного чертога».

Не столько темным содержанием, сколько изумительным искусством владеть стихом пленяет пиеса «Я — жрица тайных откровений», где эта же строка повторяется еще два раза, только с иною перестановкой слов: «Я — жрица откровений тайных» и «Я — откровений тайных жрица».

Стихотворение «День Духа Святого» обращает на себя внимание не только своеобразностью размера, но и красотою и таинственностью содержания.

Я и ранее отмечал пристрастие г-жи Лохвицкой к некоторым образам и словам; они есть и в новом сборнике: опять мы находим здесь лилии, розовые крылья, дыханье вишен и сирени, лунную грезу над тьмою земной, парус, плывущий в лазурный туман, дыханье жасминов и роз.

К этим знакомым, красочным и душистым особенностям творчества усопшей присоединяются звуки, раньше у нее не встречающиеся; мне слышится в них предчувствие близкой смерти. Стихотворение «В скорби моей» кончается словами:

В смерти иное прозрев бытие,
Смерти скажу я: «Где жало твоё?»

Перелистав несколько страниц, вы прочтете:

Но когда умирать буду я — пред собой
Я зажгу восковую свечу.
И рассеется мрак от дыханья огня,
И душа не предстанет Врагу.
Пред восходом зари незакатного дня
Я свечу восковую зажгу.

Хочется к самому безвременно покинувшему нас автору применить одно из его предсмертных стихотворений:

УХОДЯЩАЯ

С ее опущенными веждами
И целомудренным лицом —
Она идет, блестя одеждами,
Сияя радужным венцом.
И мысли ей во след уносятся,
С воскресшим трепетом в груди
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
«Взгляни, помедли, подожди!»

Несколько лет тому назад смерть сестры вызвала у М.А. Лохвицкой прекрасное стихотворение «Цветок на могилу», его строками я закончу свое предисловие:

Ты была безропотно покорна,
Ты умела верить и любить,
Дни твои — жемчужин белых зерна,
Низанных на золотую нить.
Ты была нетронутой и ясной,
Как душа хрустальная твоя.
Вечный мир душе твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытия.

К. Р.

Павловск, 1 апреля 1908».

Публикуемая подборка Мирры Лохвицкой составлена из стихов, названных в предисловии К.Р,. и других из ее молитвенной поэзии.

ЗАКЛИНАНИЕ XIII ВЕКА

Aux omdres de l'enfer je parie sans effroi,
Je leur imposerai ma volonte pour loi! [1]

О, яви мне, Господь, милосердие въявь
И от призраков смерти и лавров избавь,
И сойду я во ад, и сыщу их в огне,
Да смирятся — и, падши, поклонятся мне.

И я ночи скажу, чтобы свет излила.
Солнце, встань! — Будь луна и бела и светла!
Я к исчадиям ада взываю в огне,
Да смирятся — и, падши, поклонятся мне.

Безобразно их тело и дики черты,
Но хочу я, чтоб демоны стали чисты.
К неимущим имен я взываю в огне:
Да смирятся и, падши, поклонятся мне.

Их отверженный вид ужасает меня,
Но я властен вернуть им сияние дня,
Я, сошедший во ад, я, безстрашный в огне,
Да смирятся — и, падши, поклонятся мне.

СЕРАФИМЫ

Резнею кровавой на время насытясь,
Устали и слуги, и доблестный витязь, —
И входят под своды обители Божьей,
Где теплятся свечи Господних подножий.
И с кроткой улыбкой со стен базилики
Глядят серафимов блаженные лики.

Палач, утомленный уснул на мгновенье,
Подвешенной жертвы растет исступленье.
На дыбе трепещет избитое тело.
Медлительным пыткам не видно предела.
А там, над землею, над тьмою кромешной,
Парят серафимы с улыбкой безгрешной.

В глубоком in pace[2], без воли и силы
Монахиня бьется о камни могилы.
В холодную яму, где крысы и плесень,
Доносится отзвук божественных песен.
То с гулом органа, в куреньях незримых,
«Осанна! Осанна!» поют серафимы.

[1] К теням ада я взываю без страха,
Я налагаю на них мою волю по закону (*фр.*).

[2] In pace (*букв. «в мире»*) — тюрьма, каменный мешок (*лат.*).

МОЛИТВА О ГИБНУЩИХ

О Боже праведный,
Внемли моления
За души гибнущих
Без искупления,
За всех тоскующих,
За всех страдающих,
К Тебе стремящихся, —
Тебя не знающих!

Не вам, смиренные,
Чья жизнь — молчание,
Молю покорности
И упования —
Вам, духом кроткие,
Вам, сердцем чистые,
Легки и радостны
Тропы тернистые.

Но вам, мятежные,
Глубоко павшие,
Восторг с безумием
И злом смешавшие,
За муки избранных,
За боль мгновения —
Молю познания
И откровения!

* * *

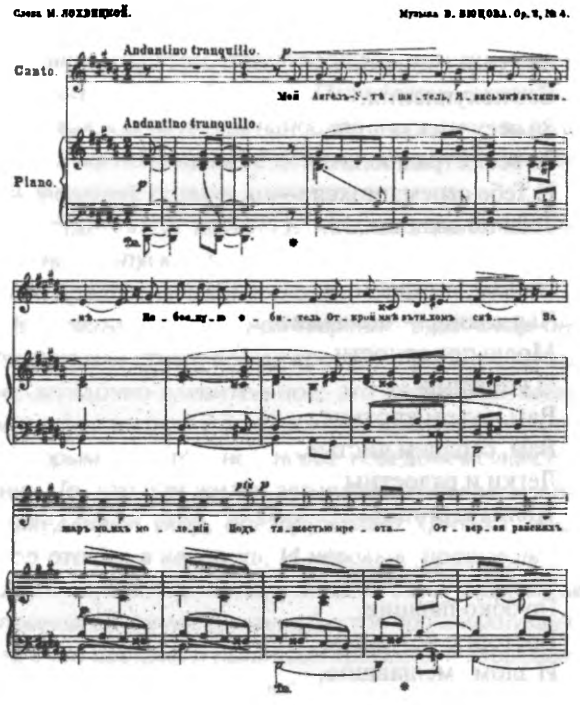
Мой Ангел-Утешитель,
Явись мне в тишине,
Небесную обитель
Открой мне в тихом сне.

За жар моих молений
Под тяжестью креста —
Отверзи райских сеней
Заветные врата.

Склонись к слезам и стонам
Тоски пережитой;
Одень меня виссоном,
Дай венчик золотой.

От лилий непорочных,
Что дышат в небесах,
На сумрак дум полночных
Стряхни червонный прах,

Чтоб верить постоянно
Средь ужаса земли, —

„Мой Ангелъ-Утѣшитель"...

Ликующим «осанна!»
Мой слух возвесели.

Страдать хочу я, зная —
Зачтен ли трудный путь,
Ведет ли скорбь земная
К блаженству где-нибудь?

АНГЕЛ СКОРБИ

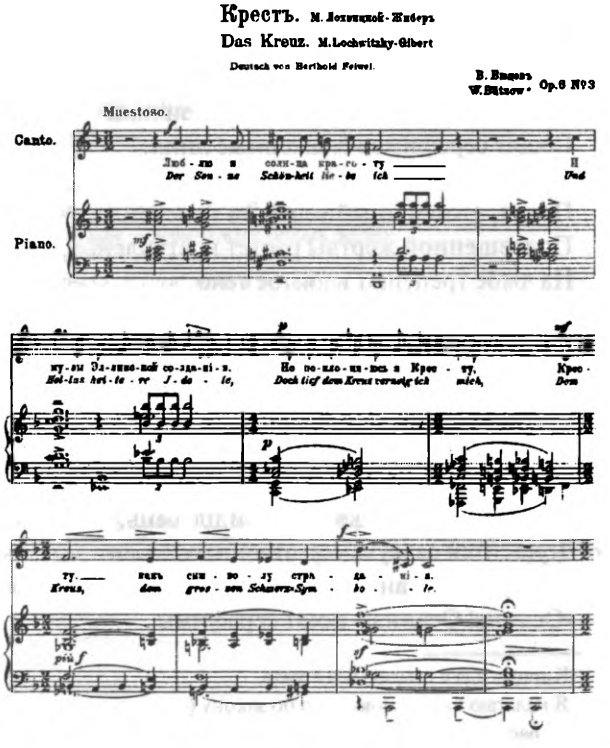
Кто в молитве тихой
Здесь чело склонил,
Реет над крестами
Брошенных могил?
Тень от крыльев черных
Стелется за ним...
Это — Ангел Скорби,
Чистый серафим.

Внемлет он печально
Отзвукам земли.
Вздохам всех забытых,
Гибнущих вдали.
Муки угнетенных,
Боль незримых ран
Видит Ангел Скорби,
Гость небесных стран.

Вечностью низринут
В трепетный эфир,
Мрачным сном кружится
Наш преступный мир.
Но тоской великой
Благостно томим,
Молится за смертных
Чистый серафим.

Смотрит он с укором
В горестную тьму.
Цель земных страданий
Не постичь ему.
И роняет слезы
В утренний туман
Бледный Ангел Скорби,
Гость небесных стран.

КРЕСТ

Люблю я солнца красоту
И музы эллинской созданья.
Но поклоняюсь я Кресту,
Кресту — как символу страданья.

Что знает рознь времен и мест?
Мы все сольемся в безконечности:
Один — во мраке черной вечности
Простер над нами скорбный Крест.

<1902—1904>

КАМЕННАЯ ШВЕЯ

Чешское предание

Высокó, высокó, на вершине одной,
И в осенние бури, и в стужу, и в зной,
Навевая таинственный страх,
Неподвижная дева от века сидит,
И ужасен ее заколдованный вид
С недошитой сорочкой в руках.

Есть в народе молва, что, поднесь, каждый год,
Как в Великую Пятницу внемлет народ
О страданьях и смерти Христа, —
У сидящей вверху оживает рука,
Чтоб иглу пропустить и чтоб после стежка
Замереть до другого поста.

Что ни год — то стежок, что ни год — то стежок.
Говорят, что исходит назначенный срок,
Говорят, что устала швея.
А с последним стежком —
грянет на землю гром
И предстанем мы — люди —
пред Божьим судом,
И увидим конец бытия.

ЧТО ТАКОЕ ВЕСНА?

О виденья весны, вы со мной, вы со мной!
Расскажите вы мне, что зовется весной?

Что такое весна? Что такое — весна?
Это — трепет природы, восставшей от сна,
Это — говор и блеск возрождаемых струй,
Это — первой любви молодой поцелуй.
Что такое — весна? О весна! О весна!
Это — чаша, что нéктаром жизни полна
И потоки блаженства лиет и лиет,
Это — чистых мечтаний могучий полет.
Это — сладость дыханья жасминов и роз.
Это — нега смешенья улыбок и слез.
Это — вишни в цвету, это в золоте даль,
Это юной души молодая печаль.
О виденья весны, вы со мной, вы со мной!
Вы поведайте мне о печали земной.

Что такое печаль? Что такое — печаль?
Это — сердце, которому прошлого жаль.
Это — парус, плывущий в лазурный туман,
К голубым берегам неизведанных стран.
Что такое — печаль? О печаль! О печаль!
Это — эхо, зовущее в синюю даль.
Это — вздох, замирающий в синей дали,
Далеко от небес, далеко от земли.
Это — лунная греза над тьмою земной.
Это — дух, нисходящий с ночной тишиной.
Это — боль, о которой поют соловьи.
Это — девственный лик отраженной любви.

О виденья весны, вы — со мной, вы — со мной!
Чтó зовется любовью в печали земной?

Что такое — любовь? Что такое — любовь?
Это — луч, промелькнувший
и скрывшийся вновь.
Это — павших цепей торжествующий смех,
Это — сладостный грех несказанных утех.
Что такое — любовь? О любовь! О любовь!
Это — солнце в крови, это — в пламени кровь.
Это — вечной богини слетевший покров.
Это — вешнее таянье горных снегов.
Это — музыка сфер, это — пенье души.
Это — веянье бури в небесной тиши.
Это — райская сень, обретенная вновь.
Смерть над миром царит, а над смертью —
любовь.

* * *

Я — жрица тайных откровений.
Во тьме веков мне брезжит день.
В чудесной были воплощений,
В великой лестнице рождений —
Я помню каждую ступень.

Я — жрица откровений тайных,
Слежу за цепью роковой
Моих путей необычайных,
Не мимолетных, не случайных,
Но предначертанных Судьбой.

Я — откровений тайных жрица,
И мир — пустыня для меня,
Где стонут жертва и убийца,
Где страждущих белеют лица
В геенне крови и огня.

ПЛАЧ АГАРИ

Моему сыну Измаилу

Тяжко дышится в пустыне,
Рдеет солнце — гневный царь.
Плачет, плачет мать о сыне,
Стонет смуглая Агарь:

«Угасают все надежды,
Ангел жизни отступил.
Ты лежишь, закрывши вежды,
Бедный сын мой Измаил!

На чело от муки жгучей
Пали смертные цвета.
Кудри сбились темной тучей,
Запеклись твои уста.

Не пролил на нас Предвечный
От щедроты Своея.
Здесь, в пустыне безконечной,
Мы погибнем — ты и я!»

Но услышал вопль о сыне Тот,
Кто славен и могуч.
И, журча, забил в пустыне
Чистых вод гремящий ключ.

Та же скорбь мечтой унылой
Душу мучает мою.
Ты возжаждешь, сын мой милый, —
Чем тебя я напою?

Труден путь к святой отчизне,
Где найду небесных сил?
Мы одни в пустыне жизни,
Бедный сын мой Измаил!

Низойдет ли дух могучий
С лучезарною главой —
Да обрящешь в полдень жгучий
Светлый ключ воды живой?

В ВЕЧНОМ СТРАХЕ

Из цикла «Средние века»

Жгут сегодня много; площадь вся в огне.
Я домой вернулась. Что-то жутко мне.

В комнату вошла я. Стала. Замерла.
Утром — люди были, а теперь — зола!

Жгли их до заката медленным огнем.
Помяни их, Боже, в царствии Твоем!

Кто меня окликнул?! Окна отперты,
Пахнут где-то близко летние цветы.

Вижу, пол усыпан лепестками роз.
Ветер предвечерний их в окно принес.

Ты ошибся, ветер, сбился ты с пути.
Мне цветов не надо. Дальше отлети.

Не дыши так жарко вихрями пустынь.
Я тебя не знаю. Сгинь! Аминь! Аминь!

Бродит инквизитор под моим окном,
Он заметит розы на полу моем.

Скажет: «Это — чары! Это — колдовство!»
И возжаждет крови сердца моего...

Боже, если вечным Ты казнишь огнем, —
Вспомни о невинных в царствии Твоем!

СВ. ЕКАТЕРИНА

«Воздвигла я алтарь в душе моей.
Светильник в нем — семь радуги огней.
Но кто войдет в украшенный мой храм?
Кому расцвет души моей отдам?

Да будет он — увенчанным челом —
Прекраснее, чем был Авессалом!
Да будет сердцем, тихим — как заря,
Светлей Давида, кроткого царя!

Да мудростью и славой будет он
Стократ мудрей, славней — чем Соломон!
Ему расцвет души моей отдам.
Пред ним возжгу мой чистый фимиам».

И глас провеял, благостен и тих:
«На небесах — предвечный твой Жених!
Он даст тебе венец нетленных роз.
Он весь — любовь. Его зовут — Христос».

НЕБЕСНЫЕ ОГНИ

В высоком небе
Горят огни
О счастье вечном
Поют они.

Зовет немолчно
Их стройный клир
К чертогу света
На брачный пир,

Где песней звездной
Гремит напев,
Где слышны гимны
Блаженных дев.

И хор небесный
Во мне зажег
Святую веру
В святой чертог.

РАЙСКИЕ ХОРЫ

Хор мальчиков

На небе ясном
В краю прекрасном
Веселья много средь райских кущей!
Там в вечном свете
Играют дети
Там бьет источник — всегда поющий!

Хор девочек

На небе ясном
В краю прекрасном
Светлы, как солнце, забавы наши.
В лугах из света,
Где дышит лето,
Где роз и лилий не блекнут чаши.

Хор блаженных

На небе ясном
В раю прекрасном
Повсюду радость и ликованья!
В садах тенистых,
В усладах чистых
Ни слез, ни скорби, ни воздыханья!

Хор ангелов

На небе ясном
В раю прекрасном
Так полно счастье, так безконечно!
Так много, много
В раю у Бога
Блаженств нежданных — но сущих вечно.

УТРЕННИЙ ГИМН

Слышишь, как птицы щебечут в саду? —
Мчится на розовых крыльях рассвет.
В тихом саду я блаженство найду,
Влажных ветвей ароматный привет.

Слышишь дрожанье пурпуровых струн? —
Алой зари колесница плывет.
День возрожденный прекрасен и юн,
Грез обновленных воздушен полет.

Властно ликующий гимн зазвучал,
Властному зову душою внемли.
Это — мгновенье великих начал!
Это слиянье небес и земли!

СВЕТЛЫЙ ДУХ

Я — горних стран живой привет.
Дохну, блесну — и сгинут тени.
Я — белый цвет, весенний цвет,
Дыханье вишен и сирени.

Лечу на крыльях вольных птиц,
Венчаю вечностью мгновенье.
Мне — нет предела, нет границ.
Я — весь порыв, весь — дуновенье.

Кого коснусь — навеки мой.
Со мною — свет. За мною — тени.
Я — гений, веющий весной,
С дыханьем вишен и сирени!

ВОСКОВАЯ СВЕЧА

Мне отраден лампад полусвет голубой, —
Я покоя, как счастья, хочу.
Но когда умирать буду я — пред собой
Я зажгу восковую свечу.

И рассеется мрак от дыханья огня,
И душа не предастся Врагу.
Пред восходом зари незакатного дня
Я свечу восковую зажгу.

У БРАЧНОГО ЧЕРТОГА

Спеши, возлюбленный! Сгорает мой елей;
Дрожа от холода в прозрачном покрывале, —
Я жду Тебя у врат обители твоей,
Исполнена отрады и печали.

Просившим у меня я щедро раздала
Небесные дары; лилось по капле масло.
Чуть теплится огонь, но вера не угасла.
Возлюбленный, любовь моя светла.

О, есть ли место мне на пиршестве заветном?
Пропели петухи, полночный близок час.
Душа моя болит во мраке безпросветном,
Возлюбленный, светильник мой угас.

ДЕНЬ ДУХА СВЯТОГО

День Духа Святого блюдите, избранники,
Суровые странники с бледным челом.
Живыми молитвами, всечасными битвами,
Боритесь, боритесь с ликующим Злом.

В день Духа Святого молитесь, избранники,
Усталые странники призрачных стран,
Молите о знаменьи — небесного пламени,
Да славою будет ваш путь осиян.

В день Духа Святого стучитесь, избранники,
Могучие странники давних времен,
Во храмы безлюдные, в сердца непробудные,
Поведайте миру, что Враг побежден!

МАРИЯ ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕДТ

Веселкова-Кильштедт Мария Григорьевна (1861—1931) — поэтесса, прозаик, драматург. Училась в Николаевском сиротском институте. В конце 90-хгодов была секретарем литературного кружка «Вечера К.К. Случевского», что во многом определило ее приверженность к русской классике и «чистому искусству». Первый поэтический сборник «Стихи и пьесы» вышел в 1906 году, затем — «Песни забытой усадьбы» (1911, 3-е издание — 1916), «Листы пожелтелые» (1916). Основная тема ее «тихой» лирики, как отмечали историки литературы, «приверженность к патриархальной старине и помещичьему укладу». Но в ее поэтических ретро, помимо внешней визуальной ностальгической архаики, неизменно присутствовал внутренний, сакральный смысл патриархальной старины. Некоторые ее стихи принадлежат к лучшим образцам молитвенной поэзии Серебряного века.

НА КОЛОКОЛЬНЕ

Льется звон, воскресный звон,
Вестью благостной о мире
Все полней, властнее, шире
По земле несется он
И, гудя в сквозной пролет,
В Божью церковь зовет.

Прозвучал в последний раз
И, протяжный и певучий,
Тает в небе. Нежа глаз,
Солнце брызнуло из тучи
На луга, поля и бор.

НА РОДИМЫЙ ПРОСТОР

Режут стаями крикливо
Воздух черные стрижи,
А внизу колосья ржи
От межи и до межи
До земли склонила нива.

Тень от белых облаков
То захватит луг поёмный
Вдоль песчаных берегов,
То ложится думой темной
На ветвях усадьбы томной.

Скрылись птицы. Тишина.
Из открытого окна
Снизу вьются струйки дыма,
Песня стройная слышна:
«Иже Херувимы...»

Лейтесь дивные слова,
Лейтесь по безбрежной шири!
Молят Господа о мире
Каждым листиком трава,
Каждой веткой темный бор,
Весь далекий простор.

Смолк молитвенный напев,
Звон гудит и замирает.
Солнце, землю отогрев,
В небе радостно играет.
Боже! дай счастливый день
Для родных деревень!

КОГДА-НИБУДЬ

И жизнь и смерть — и все так просто...
О, смейся, смейся же задорно!
Когда-нибудь в земле погоста
Мы будем все молчать упорно.

И воск, что пчелы собирали
В счастливый полдень с липок стройных,
Растопится слезой печали
Под хор молитв заупокойных.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Торжеством напоен,
В небесах разливается звон,
И по мертвый полям отдалось:
«Христос! Христос! Христос!»

«Воскрес! Воскрес! Воскрес!» —
Отвечает проснувшийся лес.

ДМИТРИЙ ШЕСТАКОВ

Шестаков Дмитрий Петрович (1869—1937) — известный ученый-классик, переводчик, профессор Казанского университета. В 1880-е годы познакомился с А.А. Фетом, оказавшим глубокое влияние на всю его дальнейшую научную и творческую жизнь. В 1900 году благодаря П.П. Перцову издал небольшой сборник своих авторских стихотворений.

В 1902 году вышла его книга переводов юношеских стихов Овидия «Героини», на которую А.А. Блок откликнулся рецензией в петербургском журнале «Новый Путь», отметив: «В чеканных стихах чувствуется гибкость, сила и простота; слышно, что переводчик сам — поэт».

Большинство из его ранних и поздних стихов, созданных уже в 20—30-е годы во Владивостоке, так и остались среди неопубликованных, лишь некоторые из цикла «Владивостокские ямбы» появились в 1970 году в журнале «Дальний Восток». Так что поэтическая книжечка 1900 года так и осталась первой и единственной. Наряду с антологическими стихами в ней представлены библейские и евангельские мотивы, отличающиеся такой же силой и простотой, как переводы гомеровских гимнов, сонетов Микеланджело.

СИОН

Мшистые камни... Стена... То шепот,
то стоны молитвы...
Вы ли, гонимые, здесь бледной
стеснились толпой?
Мрачною верой горят, как факелы,
темные взоры;
Буря рыданий и слез к темному небу растет...
«Боже! Мы — прах пред
Твоей венчающих верных десницей.
Боже! Открой нам, открой непостижимый Сион!»

<1900>

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, критик, драматург, переводчик. Решающее значение в его литературной судьбе сыграла фраза старшего брата экономиста Н.Ф. Анненского, никогда не писавшего стихи: «До тридцати лет не надо печататься». Иннокентий Анненский писал стихи с детства, но первую и единственную при жизни книгу стихов «Тихие песни» издал в 1904 году под псевдонимом «Ник. Т-о.» («Никто»), что соответствовало его основной идее об анонимности поэтического творчества.

После окончания в 1879 году словесного отделения Петербургского университета всю жизнь преподавал литературу, а с 1896 по 1905 год был директором Николаевской гимназии в Царском Селе, изредка выступая в журналах со статьями и рецензиями. Так что царскосельские ученики, среди которых наибольшую известность приобрел Николай Гумилев, вряд ли знали своего директора как поэта. Второй сборник «Кипарисовый ларец» вышел в 1910 году, через четыре месяца после его смерти. А при жизни тому же Гумилеву он вручил статьи, вошедшие в 1906 году в «Книгу отражений». Лишь дарственная надпись была стихотворной:

Меж нами сумрак жизни длинный,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю..

Ник.Т-о. 17.II. 1906.

Первые номера «Аполлона», начавшего выходить в 1909 году, открывались циклом его статей «О современном лиризме», но лирика самого Анненского продолжала оставаться анонимной. Позднее Анна Ахматова скажет о нем как о поэте: «Он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказались ему сродни»

ЖЕЛАНИЕ

Когда в ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далеком лесу.

Где бы каждому был я слуга
И творенью Господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в безпросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

* * *

В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная все длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.

Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеет...
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.

С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну, ликуя...
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется, тоскуя?..

1909

ДОЧЬ ИАИРА

Сини реки, светлы веси,
И с небес и из могил
Всем ответ: «Христос воскресе!»
Кто б о счастье ни молил.
Слабы травы, белы плиты,
И звонит победно медь:
«Голубые льды разбиты,
И они должны сгореть!»

Точно кружит солнце, зимний
Долгий плен свой позабыв;
Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.

Ведь под снегом сердце билось,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...

Для чего ж с контуров нежной,
Непорочной красоты
Грубо сорван саван снежный,
Жечь зачем ее цветы?

Для чего так сине пламя,
Раскаленность так бела,
И, гудя, с колоколами
Слили звон колокола?

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочерь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

<1909>

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909
Царское Село

СПИРИДОН ДРОЖЖИН

Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848—1930) — поэт. Родился в тверской деревне Низовка в семье крепостного. Учился, по его словам, «две неполные зимы» у деревенского дьячка. С 80-х годов стал широко известен как поэт-самоучка, продолжатель традиций Алексея Кольцова, Ивана Никитина, Ивана Сурикова. Судьба и поэзия Дрожжина привлекли внимание Райнера Рильке, который перевел на немецкий язык «Слово о полку Игореве» и несколько его стихов, а в июле 1900 года гостил в его тверской деревне. В 1913 году журнал «Путь» (№ 12) опубликовал записки Спиридона Дрожжина о приезде в Низовку Рильке и писательницы Андреас Саломе:

«...В среду, 5-го июля, около 2-х часов пополудни, в деревне послышался звон колокольчика. Я вышел на крыльцо, когда уже ямщицкая тройка бодрых лошадок завернула к моему дому. Первым вышел из тарантаса Райнер Рильке. Он был одет в триковую английскую куртку, в башмаках с открытыми до колен черными чулками и с тростью. После всеобщих приветствий я ввел дорогих гостей в приготовленную и обставленную нужной мебелью мою новую избу, разделенную на две половины, 4 окна которой выходили в мой небольшой садик, обсаженный кустами малины, крыжовника и смородины. Отпустив внесшего за нами вещи ямщика, мы уселись за самовар. Началось чаепитие, и завязалась общая беседа. Рильке говорил по-русски не так правильно, как сопутствующая ему Андреас Саломе, но очень понятно. Он передал мне вырезку из "Пражского Вестника" за апрель 1900 года переведенных им из моей книжки "Песни крестьянина" на немецкий язык 2-х стихотворений: "Прими меня, сторонушка родная" и "В родной деревне" ("Все тот же синий лес, все те же косогорья"). После чая и закуски они с любопытством осматривали мою библиотеку, затем я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахатными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливном лугу по букету полевых цветов и, дойдя до Тихвинской часовни, присели отдохнуть у ее родника, текущего через желоб, и осмотрели часовню, а от нее пошли лесом; по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил в свою памятную книжку.

Вернувшись домой, после ужина я по их желанию прочитал некоторые мои стихотворения.

На другой день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там все утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объяснили потом, очень полезным для здоровья...

На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги; мы долго бродили по росистому лугу, набирая новые букеты разнородных цветов. Вернувшись домой, после чая и завтрака мы взяли плетушки и отправились искать грибы. Дорогой я обратился к Луизе Густавовне с вопросом: "Как нравится вам моя родина?" — "Так у вас здесь хорошо, — отвечала она, — что если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне". Вскоре мы очутились в лесу. Как много было неподдельной радости, когда кто-нибудь из них находил белый гриб или красноголовую сыроежку! Грибов в ту пору было мало, но все же у троих нас набралось столько, что вечером моя Марья Афанасьевна соорудила нам на сковороде очень вкусное жаркое. В субботу, на четвертый день, 8-го июля, я вместе с ними отправился к моему новому другу, соседнему помещику Н.А. Толстому, в его имение Новинки, отстоящее в полутораверстовом расстоянии от Низовки, где обласканные теплым приемом всей его семьей, очень весело провели время в дружеской беседе и прогулках по обширному саду и вековому сосновому лесу, и по неотступной просьбе Н.А. Толстого и его матери, Надежды Александровны, мы у них заночевали, а на другой день после завтрака и новых прогулок Н.А. Толстой снял нас на террасе в двух видах, сначала группою с его матерью и детьми, потом на лугу меня и Рильке вдвоем.

В понедельник, 10-го июля, когда мои дорогие гости стали собираться к отъезду в Петербург, я, вручая им на память по книжке моих стихотворений и по портрету, исполненному в 1898 году в Москве фотографией

П.П. Павлова, попросил их написать мне что-нибудь на память в мой альбом, открыл перед глазами Рильке пустую страницу альбома и подал ему перо.

— Что же вам написать? — улыбаясь спросил меня Райнер.

— Да напишите мне, пожалуйста, свою краткую автобиографию.

Он, немного подумав, взял перо и написал следующее:

"Родился я в Праге (Богемия) в 1875 году, 4 декабря. До десятилетнего возраста жизнь моя проходила в родном доме, и затем я был отдан в офицерское военное училище, в котором пробыл пять лет. После этого, дома окончил курс гимназии.

Писательство мое началось с девятилетнего возраста, в начале прозой, затем стал писать драмы и лирические стихотворения. До сих пор (1900 г.) написано мною и издано: 4 книги стихотворений, 3 книги прозаических сочинений и 3 книги драматических".

Написав это, он прибавил еще следующее:

"Я говорил вам не один раз, что ваши стихотворения я очень чрезвычайно люблю. И теперь еще больше понимаю и люблю их, когда я увидел родину ваших песен, вашу деревню и жизнь вашу в ней. Райнер Иосиф Рильке"».

К БОГУ

Боже, как всюду несчастных
Много в избушках убогих!
Хлеба так мало у многих...
Боже, как много напрасных
Жалоб на горькую долю
В мире Твоем раздается!..
Боже, как трудно живется
Там, где всех благ Твоих вволю
Избранным только дается!..
Пусть же на мир необъятный
Всем, словно дождь благодатный,
Милость Твоя разольется!

<1907>

УТРО В ЛЕСУ

Сквозь ветви чуть распустившейся липы
Брызнули солнца лучи золотые
И отразились на листьях душистых
И на цветах, окропленных росою.
Из норок прохладных и мхов изумрудных,
Влажные крылья свои расправляя,
Вышел жучок, и пестрая божья коровка,
И мириады других насекомых.
В воздухе ясном торжественным хором
Чудные песни кругом зазвучали
Пташек залетных, и в каждой былинке
Видимо было присутствие Бога.

МОЛИТВА

Утомленный долгой битвою
И охвачен в мире тьмой,
Боже, с теплою молитвою
Я стою перед Тобой.

Дух любви и всепрощения
Ты мне в душу возврати
И для вечного спасения
Укажи Свои пути!

Ввергни демона-мучителя
В преисподнюю земли
И на помощь мне Хранителя
С неба Ангела пошли.

МОЛИТВА

Спаситель, к Тебе я с молитвою грешной
Опять обращаюсь: прости,
Что, злом окруженный, как тьмою кромешной,
Сбиваюсь с прямого пути;
Что гнойные язвы людского порока
Зияют на ранах моих;
Что я погружаюсь в него так глубоко
И мысль о Тебе то блуждает далеко,
То вся изливается в стих.

Фотография, подаренная в 1900 г. Спиридоном Дрожжиным Райнеру Рильке

* * *

Тебе, моя родная сторона —
Одной тебе мой гимн несется,
Пока в моей груди не оборвется
Последняя струна.
Я никогда не утаю
Заветных дум перед тобою,
С тобой всегда сливаюсь я душою,
Как перед Господом стою,
Молюсь, рыдаю и пою.

ИВАН МОРОЗОВ

Морозов Иван Игнатьевич (1883—1942) — поэт-суриковец, один из учредителей Суриковского литературно-музыкального кружка, принявший в 1912 году в члены-соревнователи своего рязанского земляка Сергея Есенина. «Я — поклонник классической поэзии Пушкинской школы, враг декадентства и модернизма», — писал он в 1911 году на Капри Максиму Горкому, предисловием которого открывается его первый стихотворный сборник «Разрыв-трава» (М., 1915). Предисловие ко второй книге «Красный звон» (М., 1916) написал Спиридон Дрожжин, отметивший его «самобытное дарование». В стихах «Егорий», «Пантелей-целитель» следовал фольклорным традициям. Особым успехом на литературных вечерах суриковцев пользовался его диптих «Русь» (1914—1915).

* * *

Небеса поведают славу Божию...
Пс. 18,1

Ты, Творец Всесильный, Ты, Отец вселенной,
Бог непостижимый, Сила Вышних Сил,
По любви великой, вечно неизменной,
Мир устроил словом, жизнь в него вселил...

И моря, и реки, и леса, и горы,
Неба безпредельность, дали без конца —
Все, что только могут видеть наши взоры,
Говорит о славе Мудрого Творца.

Солнца свет победный, молнии и громы,
Частых звезд мерцанье в сумраке ночном,
Неба голубого ясные хоромы —
Все Тобою дышит, все в Тебе одном!..

Ветра дуновенье, птички звонкий голос,
Шепот трав зеленых, тихий звон ключей,
Каждая былинка, каждый в поле колос —
Все живет Тобою, волею Твоей!

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, прозаик, критик. Начинал как поэт «усталого» поколения 80-х годов, проникнутого «надсовщиной». В 90-е годы за ним закрепилась слава «стихийного гения». Был самым читаемым и почитаемым из символистов. «Вслушиваясь долго и пристально в разные звуки, — писал он, — всматриваясь любовно в отдельные буквы, я не могу не подходить к известным угадываниям, я строю из звуков, слогов и слов родной своей речи заветную часовню, где все исполнено углубленного смысла и проникновения». Его стихотворение «Чуждый чарам черный челн...» стало классическим примером звукоряда в поэзии. «Я показал, что может сделать с русским языком поэт, любящий музыку», — утверждал он.

Бальмонт приветствовал Февральскую революцию, вместе с Гречаниновым создал «Гимн Свободной России». О том, что было дальше, можно судить по воспоминаниям Гречанинова: «Но недолго продолжалось опьянение свободой, — показались признаки кровавой революции, приближался Октябрь. Наконец, он наступил, а вместе с ним пришли холод, голод и почти полное исчезновение духовной жизни». Вскоре оба они окажутся в Париже. Но вне России он был не нужен даже русскому зарубежью. Тщетно пыталась в 1936 году Марина Цветаева помочь больному поэту, взывая к соотечественникам: «Если эмиграция считает себя представителем старого мира и прежней Великой России — то Бальмонт — одно из лучших, что напоследок дал этот старый мир. Последний наследник. Бальмонтом и ему подобными, которых не много, мы можем уравновесить того старого мира грехи и про-

махи». О последних годах его жизни можно судить по молитвенным стихам, посвященным Ивану Шмелеву, строки из которых

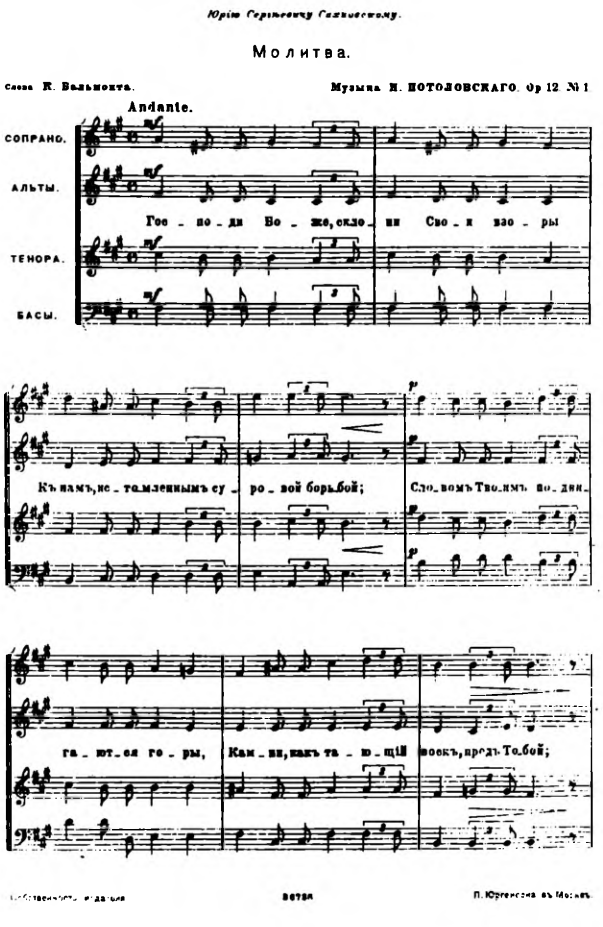
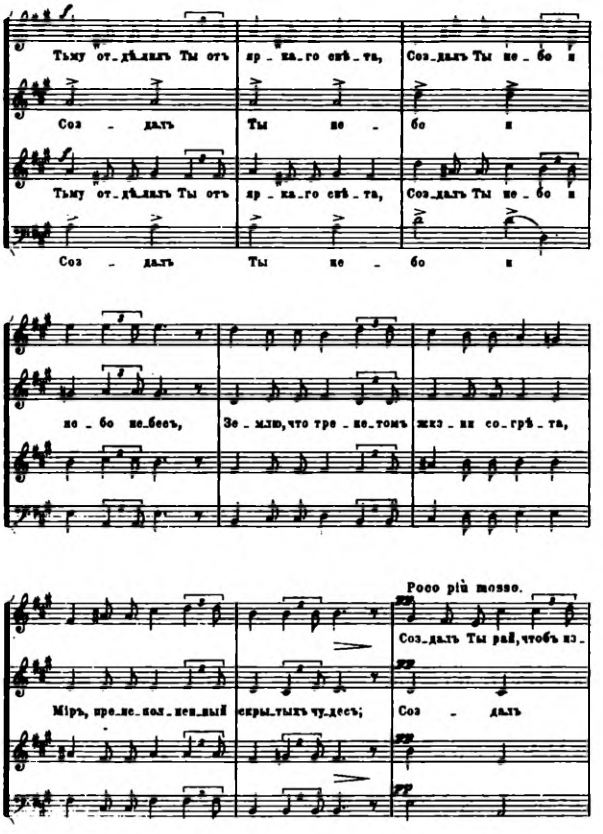
В слове — в лампаде — лучистая грусть,
Русь, как молитву, тверди наизусть —

и стали, по сути, его духовным завещанием.

Одними из лучших стихотворений и песен о старом мире суждено было остаться его «Молитве» (музыка С.И. Танеева) и «Благовещенью в Москве» (музыка С.В. Панченко). Эта же тема зазвучит в его поздних молитвах о России «Паломники», «Покаяние».

МОЛИТВА

Господи Боже, склони Свои взоры
К нам, истомленным суровой борьбой;
Словом Твоим подвигаются горы,
Камни, как тающий воск, пред Тобой.

Тьму отделил Ты от яркого света,
Создал Ты небо и небо небес,
Землю, что трепетом жизни согрета,
Мир, преисполненный скрытых чудес;

Первое нотное издание романа Н. Потоловского «Молитва» (1905)

Создал Ты рай — чтоб изгнать нас из рая,
Боже, опять нас к Себе возврати,
Мы истомились, во мраке блуждая,
Если мы грешны, прости нас, прости!

Не искушай нас безцельным страданьем,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться к Тебе с упованьем,
Дай нам, о Господи, слиться с Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже Наш, Отче Наш, полный любви!
Боже, нам горько, нам страшно, нам трудно,
Сжалься, о, сжалься, мы — дети Твои!

1894

* * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться Кому я молюсь!
О, только бы в мыслях, в желаниях слиться
С тем чистым, к чему я так жадно стремлюсь!
И что мне лишенья, и что мне страданья,
И что мне рыдающих струн трепетанья, —

Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьме испытанья, —
Но только бы верить всегда,
Но только бы видеть из бездны преступной,
Что там, надо мной, в высоте недоступной,
Горит — и не меркнет Звезда!

ЗАЧЕМ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную —
И приковал меня к земле?
Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий,
Я говорю Тебе, Творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: где же наш Отец?
Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня, —
Но жизнь, любовь и смерть — все страшно,
непонятно,
Все неизбежно для меня.
Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..»

<1894>

Романс А.А. Виноградова (1910).

ПЕСНЬ ЮДИФИ
Из Библии

Пусть кимвалы поют,
Пусть тимпаны звучат,
Богу нашему гимн,
Стройный гимн возгласят.

Пойте священные песни
В честь Вседержителя-Бога,
Он за народ Свой смиренный
Поднял десницу Свою.

С северных гор, из далекой земли,
Полчища вражьи Асура пришли,
Как саранча, не десятки, а тьмы,
Конница их заняла все холмы.

Враг грозил, что пределы мои он сожжет,
Что мечом моих юношей он истребит,
И о камень младенцев моих разобьет,
И расхитит детей,
И пленит дочерей,
Дев прекрасных пленит.

Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложил всех врагов Иудейской страны.
Не от юношей пал Олоферн-великан,
Не рукою своей с ним сражался титан.
Но Юдифь красотою лица своего
Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнее, тимпаны,
Господу нашему Богу
Песнь вознесем до Небес.

1894

НА МОТИВ ПСАЛМА 18

Ночь ночи открывает знанье,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.

Всё от Него — и жизнь, и смерть.
У ног Его легли, простерлись бездны,
О помыслах Его вещает громко твердь,
Во славу дел Его сияет светоч звездный.

Выходит Солнце — исполин,
Как будто бы жених из брачного чертога,
Смеется светлый лик лугов, садов, долин,
От края в край небес идет его дорога.

Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!

<1895>

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Тот, пред Кем, Незримым, зримо
Все, что в душах у людей.
Тот, пред Кем проходят мимо
Блески дымные страстей, —
Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,

Только Тот безсмертьем дышит,
В нераздельно-слитном Я.

Тот, в Чьем духе вечно новы
Солнце, звезды, ветер, тьма,
Тот, Кому они — покровы
Для сокрытого ума, —

Тот, Кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Точно радуга потока, —
Только Тот есть вечно — Я.

Все закаты, все рассветы
В Нем возникли и умрут,
Все сердечные приметы
Там зажглись, блистая — тут.

Все лучи в росе горящей
Повторяют тот же лик,
Солнца лик животворящий,
В солнце каждый луч возник.

Все, что здесь, проходит мимо,
Словно тень от облаков.
Но очам незримым — зрима
Неподвижность вечных снов.

Он живет, пред Кем проводит
Этот мир всю роскошь сил,
Он, Единый, не уходит,
В час захода всех светил!

ЗВЕЗДА ПУСТЫНИ

Иногда в пустыне возникают голоса,
но никто не знает, откуда они.
Слова одного бедуина

1

О Господи, молю Тебя, приди!
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.
О Господи, молю Тебя, приди!

Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо я безумным сердцем верю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь: я душой не лицемерю,
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!
О, смилуйся над гибнущим рабом!
Нет больше сил стонать среди пустыни.
Зажгись во мраке огненным столбом,
Приди, молю Тебя, я жду святыни.
О, смилуйся над гибнущим рабом!

2

Только что сердце молилось Тебе,
Только что верилось темной судьбе, —
Больше не хочет молиться и ждать,
Больше не может страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы, —
Душно мне, страшно от шепчущей тьмы,
Хочется в пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.

3

О Даятель немых сновидений,
О Создатель всемирного света,
Я не знаю Твоих откровений,
Я не слышу ответа.

Или трудно Тебе отозваться?
Или жаль Тебе скудного слова?
Вот уж струны готовы порваться
От страданья земного.

Не хочу славословий заемных, —
Лучше крики пытаемых пленных,
Если Ты не блистаешь для темных
И терзаешь смиренных!

4

О, как Ты далек! Не найти мне Тебя, не найти!
Устали глаза от простора пустыни безлюдной,
Лишь кости верблюдов белеют на тусклом пути
Да чахлые травы змеятся над почвою скудной.

Я жду, я тоскую. Вдали вырастают сады.
О, радость! Я вижу, как пальмы растут, зеленея.
Сверкают кувшины, звеня от блестящей воды.
Все ближе, все ярче! — И сердце забилось, робея.
Боится и шепчет: «Оазис!» — Как сладко цвести
В садах, где, как праздник, пленительна жизнь молодая.
Но что это? Кости верблюдов лежат на пути!
Все скрылось. Лишь носится ветер, пески наметая.

5

Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листов,
Протяжней, чем шум океана,
Без слов, но слагаясь в созвучия слов,
Из сфер неземного тумана
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет урагана.

6

«Я откроюсь тебе в неожиданный миг —
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг,
Не печалься, не думай об этом.
Ты воскликнул, что Я безконечно далек, —
Я в тебе, ты во Мне безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек:
Всё — в Одном. Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».

7

И там, где пустыня с лазурью слилась,
Звезда ослепительным ликом зажглась,
Испуганно смотрит с немой вышины, —
И вот над пустыней зареяли сны.

Донесся откуда-то гаснущий звон,
И стал вырастать в вышину небосклон,
И взором открылось при свете зарниц,
Что в небе есть тайны, но нет в нем границ.

И образ пустыни от взоров исчез,
За небом раздвинулось Небо небес.
Что жизнью казалось, то сном пронеслось,
И вечное, вечное счастье зажглось.

1897

МОСТ

Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен безконечностью
Мост воздушно-золотой, —

Разноцветностью играющий,
Видно, только для того,
Кто душою ожидающей
Любит Бога своего, —

Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол
И, как радуга непрочная,
Воссиял — и отошел.

1899

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА
Из Эдгара По

1

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшебно наслажденье — наслажденье нежным сном.
Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,
И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем,
Молчаливым обаяньем
Вместе с звоном, вместе с пеньем о забвеньи говорят.

2

Слышишь: к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят,
Из призывных дивных келий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упадая, брызги светлые летят,
Вновь потухнут, вновь блестят

И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность
нежных снов,
Возвещаемых согласьем золотых колоколов.

3

Слышишь: воющий набат,
Словно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов твердят.
Точно молят им помочь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг, —
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться и кричать, кричать,
кричать!
Только плакать о пощаде
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!
А меж тем огонь безумный,
И глухой и многошумный
Все горит,
То из окон, то по крыше
Мчится выше, выше, выше,
И как будто говорит:
Я хочу
Выше мчаться, разгораться —
встречу лунному лучу, —
Иль умру, иль тотчас-тотчас вплоть до месяца
взлечу!
О, набат, набат, набат,
Если б ты вернул назад
Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд,
Этот первый взгляд огня,
О котором ты вещаешь с плачем, с воплем и звеня!
А теперь нам нет спасенья:
Всюду пламя и кипенье,
Всюду страх и возмущенье!
Твой призыв,
Диких звуков несогласность
Возвещает нам опасность, —
То растет беда глухая, то спадает, как прилив!
Слух наш чутко ловит волны в перемене звуковой,
Вновь спадает, вновь рыдает медно-стонущий
прибой!

4

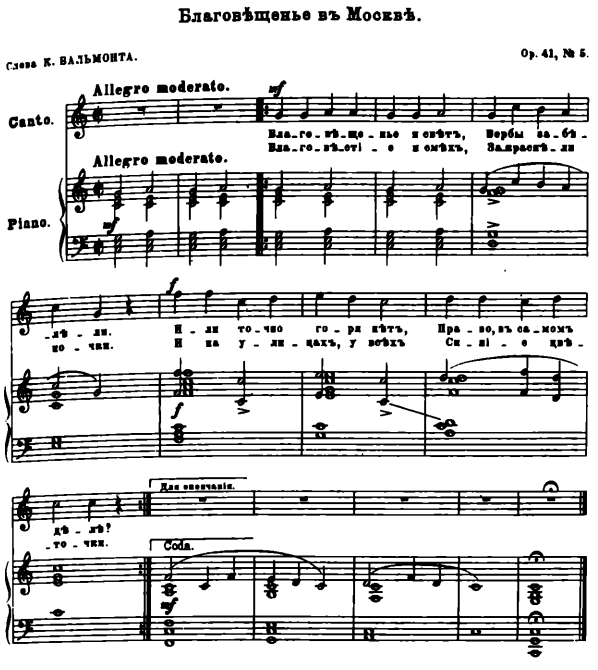
Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни
кончен сон,
Звук железный возвещает о печали похорон!
И невольно мы дрожим,
От забав своих спешим
И рыдаем, вспоминаем, что и мы глаза смежим.
Неизменно-монотонный
Этот возглас отдаленный,
Похоронный тяжкий звон,
Точно стон —
Скорбный, гневный
И плачевный —
Вырастает в долгий гул,
Возвещает, что страдалец непробудным сном
уснул.
В колокольных кельях ржавых
Он для правых и неправых
Грозно вторит об одном:
Что на сердце будет камень, что глаза
сомкнутся сном.
Факел траурный горит,
С колокольни кто-то крикнул, кто-то
громко говорит.
Кто-то черный там стоит,
И хохочет, и гремит,
И гудит, гудит, гудит,
К колокольне припадает,
Гулкий колокол качает, —
Гулкий колокол рыдает,
Стонет в воздухе немом
И протяжно возвещает о покое гробовом.

1900

Мелодекламации С.Д. Волкова-Давыдова (1903), Ф.А. Боброва, Е.В. Вильбушевича (1908). Музыкальная поэма С.В. Рахманинова «Колокола» для оркестра, хора и голоса (1914).

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ В МОСКВЕ

Благовещенье и свет,
Вербы забелели,
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснели почки,
И на улицах — у всех
Синие цветочки.

Первое нотное издание детской хоровой песни С.В. Панченко «Благовещенье в Москве» (1906)

Сколько синеньких цветков,
Отнятых у снега!
Снова мир и свеж и нов,
И повсюду — нега.

Вижу старую Москву
В молодом уборе.
Я смеюсь, и я живу —
Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля
Звон плывет волною.
А во рвах живет земля
Молодой травою.

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещенье в Москве —
Это праздник света!

<1903>

ВЕРБЫ

Вербы овеяны
Ветром нагретым,
Нежно взлелеяны
Утренним светом.

Ветви пасхальные,
Нежно печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.

Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.

Светло-печальные
Песни пасхальные,
Сердцем взлелеяны,
Вечным овеяны.

ЗВЕЗДОЛИКИЙ

Лицо его было как Солнце —
в тот час, когда солнце в зените,
Глаза его были как звезды —
пред тем, как сорваться с небес,
И краски их радуг служили —
как ткани, узоры и нити
Для пышных его одеяний,
в которых он снова воскрес.

Кругом его рдянились громы
в обрывных разгневанных тучах,
И семь золотых семизвездий,
как свечи, горели пред ним,
И гроздья пылающих молний
цветами раскрылись на кручах,
«Храните ли Слово?» — он молвил,
мы крикнули с воплем: «Храним».

«Я первый, — он рек, — и последний»,
и гулко ответили громы,
«Час жатвы, — сказал Звездоликий. —
Серпы приготовьте. Аминь».

Мы верной толпою восстали,
на небе алели изломы,
И семь золотых семизвездий
вели нас к пределам пустынь.

<1907>

Кантата для мужского голоса и оркестра Игоря Стравинского (1913).

СВЯТЫЙ БОЖЕ

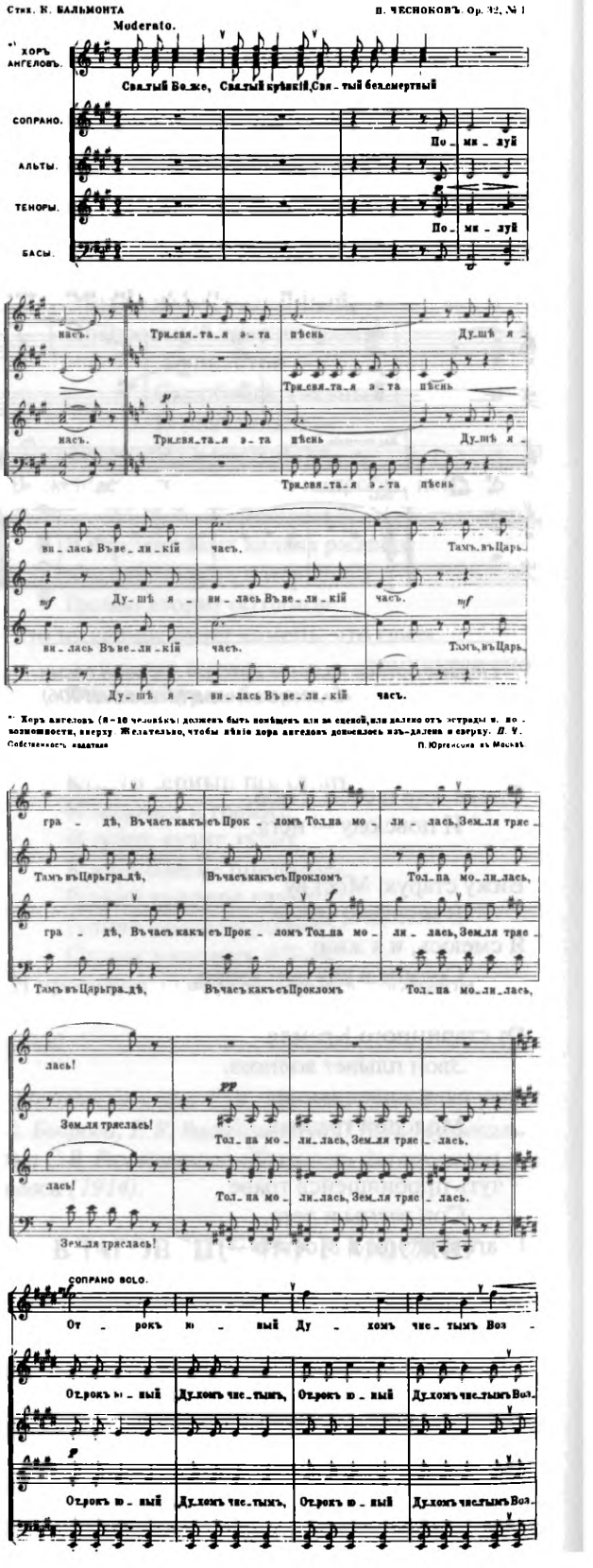
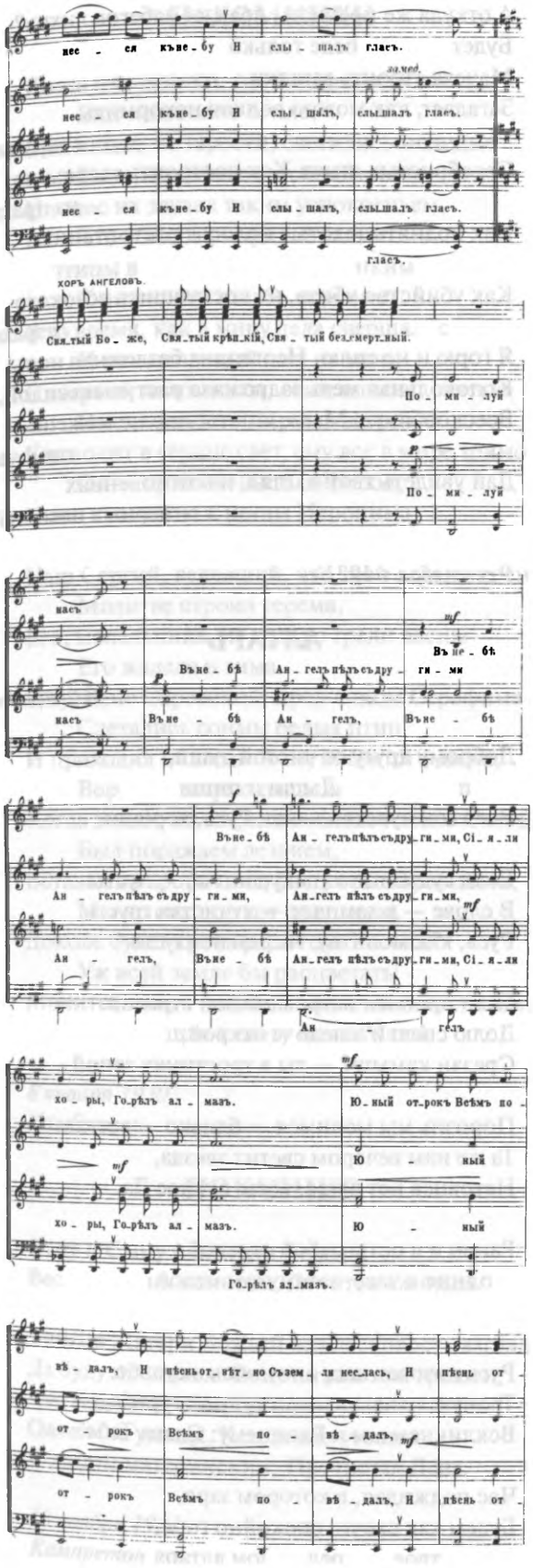
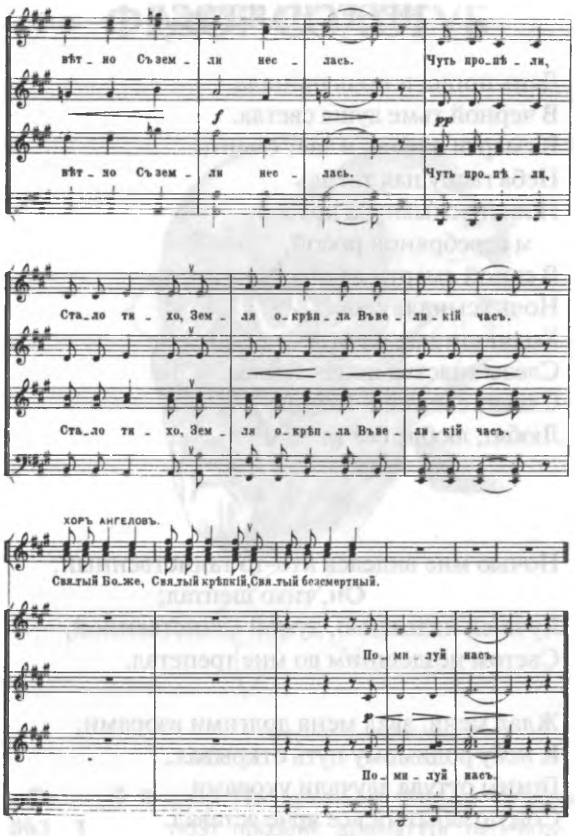
Святый Боже,
Святый крепкий,
Святый безсмертный,
Помилуй нас.

Трисвятая это песнь
Душе явилась
В великий час.
Там, в Царьграде,
В час как с Проклом
Толпа молилась,
Земля тряслась.
Отрок юный
Духом чистым
вознесся к небу
И слышал глас;

Святый Боже,
Святый крепкий,
Святый безсмертный,
Помилуй нас.

В Небе Ангел
Пел с другими,
Сияли хоры,
Горел алмаз.
Юный отрок
Всем поведал,
И песнь ответно
С земли неслась.
Чуть пропели,
Стало тихо,
Земля окрепла
В великий час.

Святый Боже,
Святый крепкий,
Святый безсмертный,
помилуй нас.

Публикуется по первому нотному изданию.
Музыка П.Г. Чеснокова, смешанный хор (1910).

СВЕТЕ ТИХИЙ

Свете чистый пречистыя славы негасимых
сияний Отца,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, свете тихий,
сияй без конца.
Мы пришли до закатного солнца, свет вечерний
увидели мы,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, над великим
разлитием тьмы,
Свет вечерний увидев, поем мы — Мать и Сына
и Духа-Отца,
Свете тихий, Ты жизнь даровал нам,
Свете тихий,
сияй без конца,
Ты во все времена есть достоин в преподобных
хвалениях быть,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, научи нас
в сияньях любить
Свете тихий, весь мир Тебя славит, Ты, сияя,
нисходишь в псалмы,
Ты спокойная радуга мира, над великим
разлитием тьмы.
Свете тихий, закатное Солнце, свет вечерний
дневного Отца,
Свете тихий, сияй нам чрез ночи, Свете тихий,
сияй без конца.

НЕБЕСНАЯ РОСА

День погас, и ночь пришла.
В черной тьме душа светла.
В смерти жизнь, и тает смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой:
Там серебряной росой,
В самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходят ангелы во мгле,
Слезы счастья шлют земле,
Славят светлого Творца,
Любят, любят без конца.

* * *

Ночью мне виделся кто-то таинственный,
Тихо склонялся Он, тихо шептал;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Светом нездешним во мне трепетал.

Ждал меня, звал меня долгими взорами,
К небу родимому путь открывал,
Гимны оттуда звучали укорами,
Сон позабытый все ярче вставал.

Что от незримых очей заслонялося
Тканью телесною, грезами дня,
Все это с лаской нежной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мне,
Тени вставали и таяли звуками,
Тени к родимой влекли стороне.

Звали Эдема воздушные жители
В царство, где Роза цветет у Креста.
Вот уж я с ними... в их тесной обители...
«Где же я медлил» — шептали уста.

В ЧЕРНОМ

На деревне, далеко, прерывный напев петухов.
Скоро будет к заутрени благовест литься
тягучий.
Я устал размышлять о сплетенье лучей и грехов.
Как ни есть, я таков. Я в неслышащем мраке
певучий.
Помолиться хотел. Я не знаю молитв никаких.
Отче Наш. Богородица. Детская.
Светы лампадки.
А откуда же посвисты вражьи набегов лихих?
Будет детям в беде только
Мачеха строить загадки.
Загадает, как можно волков накормить,
сохранив
Серебристых ягнят. Как построить твердыню
из праха.
Как поднять золотые колосья растоптанных
нив.
Как убийство убить, не коснувшись всеокого
страха.
Я горю и не сплю. Неоглядна бездонная ночь.
Колокольная медь задрожала растущею силой.
Всескорбящая Мать, или ты мне не можешь
помочь?
Дай увидеть твой взгляд, и в мгновениях
черных помилуй.

9 сентября <1921>

АЛТАРЬ

И.С. Шмелеву

Доброму другу от чистой души,
Крепкое слово: Дыши и пиши,
Все твои чувства — как Русь, хороши.

Если судьбинно тоскуешь ты, — пусть:
В слове — в лампаде — лучистая грусть,
Русь, как молитву, тверди наизусть.

Если пронзен острожальной стрелой
Долю свою и в недоле открой,
Срезан камыш? — ты в тростинку запой.

Порознь мы молимся — близко — всегда,
Та же нам вечером светит звезда,
Нетовцев нет в нас, в нас вечное Да.

Ранен и я острозубой стрелой,
Молния в часе, затянутом мглой,
Любящим, нам вся земля аналой.

Русь позовет нас, опомнясь в судьбе,
Тронутся льды в многогудной гурьбе,
Вскликнем мы к Вышнему: Слава Тебе!

Час поджидая, в котором заря,
Будем как свечи, спокойно горя,
Место твое — пред лицом алтаря.

ПАЛОМНИКИ

Когда паломники, пустынники святые
Еще ходили по земле,
В их лицах, в старости, светились молодые
Глаза, как звезды в синей мгле.
И голос их звучал таким успокоеньем,
Что в Море умирялся вал,
И птицы в их уют летели с звонким пеньем,
С поклоном голубь ворковал.
В то время, как в миру дела свершались злые
И меч неправый шел на меч,
С зверьми паломники, отшельники, святые
Имели радость мирных встреч.
Кто холит в сердце свет, ему все в мире зримо,
Он — притяженье в мире зол,
И лев с занозою к ногам Иеронима
За врачеванием пришел.
Наш Сергий, ведавший, что звон лелеют сосны,
Молитве строил терема,
Его, молельника, не только грели весны,
Его жалела и зима.
В пустыне Саровской, пред ликом Серафима,
Слетались сонмы белых птиц,
И приходил медведь дохнуть святого дыма,
Ворчал и мирно падал ниц.
Когда же кто из тех, кто жаждал только Света,
Был поражаем лезвием,
Вставал из крови цвет, расцветы первоцвета,
Мы до сих пор тот цвет поем.
Доколе будет кровь распятия России?
Уж всей земле бы расцветать!
Молитесь же, — молю, — паломники, святые,
Чтоб вышла к свету наша Мать!

8 января 1930
Камбретон

ПОКАЯНИЕ

Отцу и Сыну и Матери Божьей
Весь пламень молитвы. Лучится лампада.
Но в Сыне есть строгость. Отец еще строже.
Лишь в Матери Божьей вся ласковость взгляда.
Да буду прощен я. От детства в том грешен,
Что сердце не там, где возможности гнева.
Одна мне услада, Кем вечно утешен,
С лицом материнским, Пречистая Дева.

13 ноября 1931
Кампретон

ФЕДОР СОЛОГУБ

Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич) (1863—1927) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. До 1917 года вышло три Собрания сочинений Федора Сологуба — два двенадцатитомных и двадцатитомное (незаконченное). Самым известным его произведением по-прежнему остается роман «Мелкий бес» (1905), но и поэзия — одно из самых значительных явлений Серебряного века. Он принадлежал к первому поколению так называемых «старших символистов» (Н. Минский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт), по отношению к которым Александр Блок, Андрей Белый, Эллис, Сергей Соловьев были «младосимволистами», сравнивать же его будут именно с Блоком. Не по содержанию, а по «ритмическому дыханию стиха». Андрей Белый провел специальное исследование, выявившее, что такое дыхание присуще только Блоку и Сологубу. Важную роль в его поэзии играют религиозные мотивы, но судить о них надо не только по эпотажным стихам типа «Недотыковка серая», «Я воскресенья не хочу», «Чертовы качели», романсу Александра Вертинского «Безсмертный бес» или же стихотворению «Когда я в бурном море плавал // И мой корабль пошел ко дну, // Я так воззвал: "Отец мой, Дьявол, // Спаси, помилуй, — я тону"». Эта богоборческая «молитва», как и Зинаиды Гиппиус — «За Дьявола Тебя молю!» (обе написаны в 1902 году), включалась во все советские издания. Но в этих изданиях не было стихов из его поздних сборников «Чародейная чаша» (1922), «Великий благовест» (1923). Советские исследователи будут писать об этом периоде: «В целом поэзия Сологуба этих лет обнаруживает признаки исторической исчерпанности.

И тематически, и стилистически она как бы изъята из своего времени, и живые пути в литературе проходят мимо нее». Что касается этих живых путей, то свое резкое отрицательное отношение к ним Сологуб выразит в публицистических статьях «Крещенные грязью», «Конец искусства» и других, опубликованных в 1918—1920 годах, до конца своих дней оставшись противником власти «искусных шарлатанов». В его же собственной поэзии последнее десятилетие найдет наиболее полное выражение в религиозных стихах. Ровно через двадцать лет после кощунственных стихов 1902 года он напишет покаянную молитву «Как я с Тобой ни спорил, Боже...». Последнее его стихотворение «Подыши еще немного...», датированное 30 июля 1927 года, заканчивается строками:

...Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.

Но этот поздний, как, впрочем, и ранний, Федор Сологуб стал известен лишь через полвека, когда вышли издания Большой серии «Библиотека поэта» (1975), «Неизданный Федор Сологуб» (М.,1977), «Федор Сологуб. Неизданное и несобранное» (Мюнхен, 1989) и другие архивные публикации. Из ранних наиболее характерны его молитвы и стихотворение «Разбита вера. Радостной надежде», выразившие то же самое «внутреннее перерождение людей 80-х годов» (слова Д. Мережковского), которое Владимир Соловьев называл «общей духовной болезнью» русского декадентства. «Безсильные и поздние проклятья // Я вам не раз во мраке посылал. // Зачем во мне разбили вы, о братья, // Святым нектаром налитый бокал!» — обращался никому неведомый провинциальный учитель Федор Тетерников к своим литературным кумирам, каковыми в ту пору для него были Некрасов и Надсон. В 1893 году он впервые заявит о себе в Петербурге, войдет в ближайшее окружение Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус уже как Федор Сологуб, чьи первые публикации произвели, по свидетельству современника, «ошеломляющее впечатление». Но настанет время, когда он вновь окажется в глухой костромской деревне и вернется к своему раннему, «долитературному периоду» — святому нектару молитв. Таким Федор Сологуб представлен в нашей антологии по ранним и новым публикациям последних лет.

МОЛИТВА ПОКАЯНИЯ

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче

Открой мне двери покаяния,
Создатель и Спаситель мой!
Душа моя к святому зданию
Возносится в храм светлый Твой.

Мольбу Ты слышишь о прощении,
Спаситель и Создатель мой.
Ты — милостив, — святым забвением
Все язвы грешные покрой.

Наставь меня на путь спасения,
Невеста Неневестная!
Прости мой грех, мое падение,
Пречистая, пречестная.

В грехах прожив все годы лучшие,
Грехами душу осквернив,
В слезах стою, овца заблудшая,
К Твоим ногам главу склонив.

И все грехи мои позорные
Я вижу пред собой,
И низко голова покорная
Лежит перед Тобой.

Внимай мольбе, Господь немстительный,
Меня жестоко не казня:
Твоею благостью спасительной
Покрой, о Господи, меня.

3 мая 1878
Впервые: 1977

* * *

Господь мои страданья слышит,
И видит кровь мою Господь.
Его святая благость дышит
На истязуемую плоть.

На теле капли крови рдеют,
И влажен пол от слез моих,
Но надо мною крылья реют
Его посланников святых.

И как ни страшны эти звуки
Несущих пламя боли лоз,
Покорно я приемлю муки,
Как принимал их — Ты, Христос.

Смиренно претерпев удары,
Я целованьем строгих рук
Благодарю за лютость кары,
За справедливость острых мук.

14 сентября 1885
Впервые: 1977

* * *

Твои дары, о Царь Небесный,
Хотел я ныне перечесть.
Но были так они обильны,
Что их и оком не обвесть.

Но клеветник, Твой враг, приставил
Ко мне приспешников своих,
И с ними предо мной лукавил.
Я поздно злобу их постиг.

Я обозрел свои стяжанья:
Увы! я только расточал
Твои благие дарованья!
Внезапный стыд меня объял.

Я был Тебе рабом лукавым!
И вот я ныне слезы лью
Перед Тобой, благим и правым,
И дара одного молю:

К дарам духовным дар телесный
Даруй такой мне жизни строй,
Чтоб человек иль дух небесный
Меня наказывал лозой.

30 августа 1887
Впервые: 2006

* * *

Разбита вера. Радостной надежде
Я сам давно сказал: прости! Любовь
Одна еще во мне горит, как прежде,
Она одна волнует в сердце кровь.

Любовь не к женщине. Я этой страсти
До сей поры еще не испытал,
Не поддавался чарам женской власти
И милых уст ни разу не лобзал.

Любовь к добру, и к правде, и к свободе,
Любовь к тебе, великий мой народ!
И к людям братская любовь, к природе,
Она одна ведет меня вперед.

Но как темна дорога! Безотрадно
Идти бог весть куда, в немую даль.
Ищу я света трепетно и жадно,
И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
Ни в самого себя, ни в лживый свет,
И как душа ни жаждет веры, строго
Ей разум говорит, что Бога нет.

Безсильные и поздние проклятья
Я вам не раз во мраке посылал.
Зачем во мне разбили вы, о братья,
Святым нектаром налитый бокал!

22 апреля 1888
Впервые: 2006

* * *

В час молитвы полуночной
Пред иконою святой
Встал Хранитель безпорочный,
Ангел Божий предо мной.

Купиной неопалимой
Озаряет трепет крыл.
Взор его невыразимый
И суров, и нежен был.

Тихо речь его звучала,
Как Эдемский вздох чиста,
И улыбкой колебала
Возвещавшие уста.

С укоризной вместе ласку
В сердце мне он проливал
И в руке большую связку
Пламеневших лоз держал.

26 сентября 1889
Впервые: 1977

АРФА ДАВИДА

Легенда

У постели псалмопевца
Арфа звонкая висела,
Если ночью веял ветер, —
За струной струна звенела,

И аккорды раздавались
Над венчанной головою,
И царя они будили
Сладкозвучною хвалою.

Царь Давид вставал с постели,
Исполнялся вдохновенья,
Струны арфы колебал он,
И слагал он песнопенья.

И в ответ ночному ветру
Арфа с звонкими струнами
Рокотала и звенела
Под державными перстами.

<1895>

* * *

Песней колокольной,
Медленной, протяжной,
Медной, безглагольной,
Мчусь я в воздух влажный.

Отзвук пробуждаю
В сонном мире дольном,
Весь я замираю
В звоне колокольном.

2 августа 1896
Впервые: 1977

* * *

Под звуки дивной арфы
Давид псалмы слагал,
И в это время ветер
Смиренно умолкал,

И птицы петь не смели,
И воды не текли, —
Одна хвала звучала
Во всех концах земли.

Когда ж он утомится
Творца земли хвалить,
Тогда повсюду птицы
Спешат его сменить,

И воды заструятся,
Создателя хваля, —
Хвалой многоголосной
Наполнится земля.

<1896>

* * *

Проглядел я очи,
Глядя на дорогу;
Провожал я ночи,
Все моляся Богу.

Я молил спасенья,
Ждал любви и друга,
Горького томленья
Моего недуга.

Время не целило,
Люди не узнали, —
Да, близка могила
И моей печали.

<Август 1897>
Впервые: 1989

* * *

Храм затворен.
Нет огня.
Сумрак черен
Вкруг меня.

Как молиться
И кому?
Как влачиться
В злую тьму?

Но не плачу
И бреду
Наудачу,
Как в бреду.

22 августа 1898
Впервые: 1989

* * *

Все хочет петь и славить Бога —
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век

В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.

1890-е

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи безсильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

2—3 декабря 1900

* * *

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню.

23 июля 1902

СОБОРНЫЙ БЛАГОВЕСТ

1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.

Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я ваш!»

Унынье темное уснуло,
Оставил душу бледный страх, —
И сколько говора и гула
На перекрестках и путях!

2

Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».

Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встает родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды безстрашные подъемлют
Его торжественный язык.

Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.

Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.

И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять безсильно онеметь.

Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалек.

Он куплен кровью наших братий,
Слезами матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

28 ноября 1904

Стихотворение является откликом на вполне конкретные исторические события осени 1904 года, когда неудачи в Русско-японской войне вызвали стихийные демонстрации. Но помимо этой политической основы, в стихотворении есть поэтическая и молитвенная составляющая, восходящая к многочисленным вариантам «Вечернего звона» как в русской, так и в европейской поэзии, как сигналу к народному восстанию.

ЧЕРТОГ ТВОЙ ВИЖУ, СПАСЕ МОЙ...

Чертог, украшенный цветами,
Перед веселыми гостями
Широко входы отворил;
Он блещет ясными огнями,
А я печален и уныл.
У двери светлого чертога,
Откуда слышен призыв Бога,
Стою, — и как же мне войти:
Моя одежда так убога,
Так износилась по пути.
Шепну молитву со слезами:
Одеждой новой и цветами
Меня, Всещедрый, надели,
Взгляни безгневными очами
И муку сердца утоли.
И я, покрыв одеждой брачной
Все язвы жизни неудачной,
Войду в желанный Твой чертог,
Забывши мрак юдоли мрачной
И грязь неправедных дорог!

<16 апреля 1905>

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне скучно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданьи одном
Чистым навеки зажечься огнем.
1908

* * *

О полночи с постели
Молиться ты сошла.
Лампады пламенели,
В углах дрожала мгла.

И ангел легкокрылый
С таинственной судьбой
Неведомою силой
Повеял над тобой.

Склонила ты колени,
И ангел осенил
Тоскующие тени
Отрадной сенью крыл.

* * *

Замолкнули праздные речи,
Молитвой затеплился храм,
Сияют лампады и свечи,
Восходит святой фимиам.

Возносим пасхальные песни
От слезно-сверкающих рос.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос.

Вливаются светлые вести
В ответный ликующий стих;
К сберегшей венец свой невесте
Нисходит небесный Жених.

РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого Бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У Тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!»

13 июня 1917
Княжнино, под Костромой

* * *

Я дышу, с Тобою споря.
Ты задул мою свечу.
Умереть в экстазе горя
Не хочу я, не хочу.

Не в метаньях скорби знойной
Брошусь в гибельный поток, —
Я умру, когда спокойный
Для меня настанет срок.

Умерщвлю я все тревоги
И житейский сорный хлам
На таинственном пороге
Я сожжению предам.

Обозревши путь мой зорче,
Сяду в смертную ладью,
Пусть мучительные корчи
Изломают жизнь мою.

13 декабря 1921
Впервые: 1975

* * *

Как я с Тобой ни спорил, Боже,
Как на Тебя ни восставал,
Ты в небе на змеиной коже
Моих грехов не начертал.

Что я Тебе? Твой раб ничтожный,
Или Твой сын, иль просто вещь, —
Но тот, кто жил во мне, тревожный,
Всегда горел, всегда был вещ.

И много ль я посеял зерен,
И много ль зарослей я сжег,
Но я и в бунте был покорен
Твоим веленьям, Вечный Бог.

Ты посетил меня, и горем
Всю душу мне Ты сжег дотла, —
С Тобой мы больше не заспорим,
Все решено, вся жизнь прошла.

В оцепенении жестоком,
Как бурею разбитый челн,
Я уношусь большим потоком
По прихоти безмерных волн.

11 марта 1922

* * *

Смеешься надо мною,
Ликуя в небесах.
Слезы Твоей не стою,
Поверженный во прах.

Коснеющую волю
Я не могу собрать,
Раскованную долю
По-новому сковать.

Призвать из-за предела
На землю чудеса,
Создать иное тело,
Расторгнув небеса.

Дорогой скудной, пыльной,
Окован мглой дневной,
Иду я, раб безсильный,
Безпомощно земной.

Нет, не смеешься, знаешь
Ты светлый путь теперь,
И тихо повторяешь:
— Ищи меня, и верь. —

4 мая 1922
Впервые: 1977

* * *

Жестокая слукавила, —
Мне душу отдала,
Молитвенник оставила,
Молитву унесла.

Кого и чем обрадую?
Какой я труд начну?
Перед какой лампадою
Я книгу разогну?

Сложу стихи иль песенку, —
Вот ей прочесть бы мог,
Но где найти мне лесенку
В ее зайти чертог?

Беседовать бы с Корою
В полночной тишине, —
Но сказы все укорою
Звучали б горько мне.

3 июля 1922
Впервые: 1977

* * *

Вижу росы, и пою:
Ах, когда к престолу Божью
Я взойду по бездорожью
И печаль мою пролью!

Вижу лодку, и пою:
Ты, ладья, рекой широкой
В запредельный край далекий
Унеси тоску мою.

Вижу землю, и пою:
Ты возьми, земля, земное,
Для любви моей иное
От тебя я утаю.

Вижу солнце, и пою:
На закате дымно-алом
Ты окутай покрывалом
Душу смертную мою.

Вижу небо, и пою:
В раскаленную дорогу
К несказанному чертогу
Душу вознеси мою.

<13 мая 1922>

* * *

Все земные дороги не прямы,
Но вы, Божии люди, упрямы,
По неправым идете путям;
Выправляя пути понемногу,
Осмотрительно ставите ногу
За ногою по Божьим стопам.

Бог проходит пред вам незримо.
Каждый день литургия творима,
Проливается Божия кровь,
Преломляется Божие тело.
Что по-Божьи душа захотела,
Все дарует ей Божья любовь.
Переменам подвластны и смерти,

Все любовью Господней измерьте
Всех несчастий земных глубины.
Приобщаяся Божьим страданьям,
Научитесь Его созиданьям, —
Вам великие силы даны.

Всю свершивши земную дорогу,
Вы придите к святому порогу,
Где земная отвеется пыль,
И апостол, гремящий ключами,
Не суровыми глянет очами,
Прочитав вашу скорбную боль.

Там, в чертогах верховного Света
Есть для каждого радость привета,
Каждый встретит подругу свою,
Чья утрата жестоко томила,
Чье лобзание было так мило,
С кем и здесь было словно в раю.

6 июля 1922
Впервые: 1977

* * *

Солнце вечное сияет
На вершинах гор.
Славу Богу возвещает
Птичий хор.

Склон горы угрюм и бледен,
Голый камень, мох;
Безприютен, робок, беден,
Словно чей-то вздох.

Книгу жизни раскрываю,
Чтоб горе прочесть
И над нею Божью раю
Тягостную весть.

— Знаем, знаем! Скажут снова
И гора, и рай!

— В круге пламени земного
Ярко догорай.

— Все отдай земле земное,
И, как синий дым,
Восходи к нам в голубое,
Чист и невредим.

24 апреля 1923
Впервые: 1977

* * *

Ладан стелется туманный
Над дремотною рекой,
Веет он благоуханной,
Бездыханною тоской,

Под наивной вешней липкой,
Под березкой молодой
Ладан вкрадчивый и липкий,
Синеглазый и седой,

И кадит неутомимо
В дымной ризе иерей,
Проходя неспешно мимо
Занавешенных дверей.

Уголь в пепле ладан плавит
В светлом таинстве ночей.
Кто-то, тихо плача, славит
Боль пронзающих мечей.

31 мая 1923
Впервые: 1975

* * *

Перед Твоей лампадою,
Мария, вечный свет,
В изнеможеньи падаю,
В устах молитвы нет.

Больнее не изведаю
Той муки, что я знал,
Когда моей победою
Измученный стонал.

Я сердце не измучаю
Нежданною грозой
Больнее, чем горючею
Последнею слезой.

Но пред Тобою верую
В святое бытие,
И над моей пещерою
Сияние Твое.

В дыханьи чистом ладана
Истаиваю я.
Душой моей угадана
Святыня бытия.

29—30 мая 1923
Впервые: 1977

* * *

Моя молитва — песнь правдивая,
Мой верный, нелукавый стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.

Пускай для слабых душ соблазнами
Пылает каждая из книг, —
К Тебе идем путями разными,
И я в грехах Тебя постиг.

Душа пред миром не лукавила,
И не лукавил мой язык.
Тебя хулою песнь прославила, —
Багряной россыпью гвоздик.

Тебе слагалась песнь правдивая,
Тебе слагался верный стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.

6 (19) декабря 1926
Впервые: 1977

* * *

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страданья?
Кратче мига — сотни лет.
Вот — одно воспоминанье,
Вот — и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаясь к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.

30 июля 1827
Впервые: 1951

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик. В 1894–1895 годах вышли три брюсовских сборника «Русские символисты», ставшие наряду с «Символами» Д.С. Мережковского манифестом нового литературного направления. Брюсов писал о необходимости «выразить тонкие, едва уловимые настроения» и «рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя», противопоставляя при этом «поэзию оттенков» «прежней поэзии красок». «Особенное значение обращают они, — писал Брюсов в 1893 году о своих единомышленниках, — на звуки слов, желая, чтобы поэзия сливалась с музыкой». Брюсов и Мережковский возглавили две ветви символизма — московскую и петербургскую. «Младшие» символисты (Александр Блок, Андрей Белый) признавали Брюсова своим учителем, «первым в России поэтом», преемником Пушкина «по прямой линии». Эти оценки явно преувеличены, тем не менее Брюсов был и остается одной из ключевых фигур Серебряного века. «Я первый протянул руку юношам XX века», — подчеркивал он. Ему не было равных в качестве имитатора едва ли не всех поэтических стилей и эпох, он даже выпустил книгу женской лирики — «Стихи Нелли» (1913), но его мистификация не стала такой же сенсацией, как Черубина де Габриак Максимилиана Волошина. Обращался он и к религиозным сюжетам, создав ряд поэтических образцов, характерных для русского символизма, в том числе несколько молитв.

* * *

Облегчи нам страданья, Боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры —
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже —
О, простри над могильным покоем
Покрывало последнее, Боже!

15 декабря 1894

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ДАР

И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.
Е. Баратынский

Мучительный дар даровали мне боги,
Поставив меня на таинственной грани.
И вот я блуждаю в безумной тревоге,
И вот я томлюсь от больных ожиданий.

Нездешнего мира мне слышатся звуки,
Шаги эвменид и пророчества ламий...[1]
Но тщетно с мольбой простираю я руки,
Невидимо стены стоят между нами.

Земля мне чужда, небеса недоступны,
Мечты навсегда, навсегда невозможны.
Мои упованья пред миром преступны,
Мои вдохновенья пред небом ничтожны!

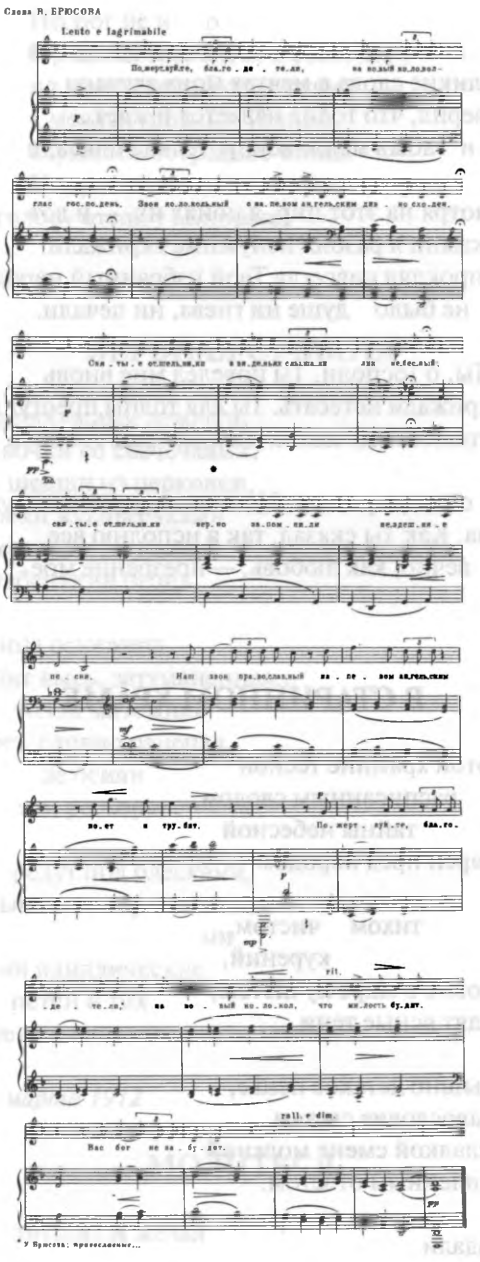
25 октября 1895

ПЕСНЯ СБОРЩИКОВ

Пожертвуйте, благодетели,
На новый колокол, —
Глас Господень,
Звон колокольный
С напевом ангельским
Дивно сходен.
Святые отшельники
В виденьях слышали
Лик небесный;

Святые отшельники
Верно запомнили
Нездешние песни.

[1] Эвмениды (эрении) — богини мщения в греческой мифологии; ламии — женщины-вампиры в греческой мифологии.

Песня сборщиков

Современное нотное издание романса Н.Я. Мясковского «Песня сборщиков»

Наш звон православный
Напевом ангельским
Поет и трубит.
Пожертвуйте, православные,
На новый колокол,
Что милость будет.

Вас Бог не забудет.

1898

МОИСЕЙ

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.
Я верил, что толпа надеется и ждет...
Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот
О камни я разбил ненужные скрижали
И проклял навсегда Твой избранный народ,
Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А Ты, о Господи, Ты повелел мне вновь
Скрижали истесать. Ты для толпы преступной
Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, — мне недоступна
Она. Как Ты сказал, так я исполню все,
Но вечно, как любовь, — презрение мое.

1898

В СТАРИННОМ ХРАМЕ

В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.

В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.

Слышно детское пенье,
Славословие светам,
В сладкой смене молений
Умиленным ответом.

А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий
Под священные звоны.

1899

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть любимым.
Ведать безсменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мир бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно много,
Сладостна жизнь от конца до конца.
Эти восторги — предвестие Бога,
Это — молитва на лоне Отца.

1900

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Ты была единая от нас,
Днем Твоей мечтой владела пряжа,
Но к Тебе, святой, в вечерний час
Приступила ангельская стража.

О Царица всех мирских цариц,
Дева, предреченная пророком,
Гавриил, войдя, склонился ниц
Пред Тобой в смирении глубоком.

Внемля непостижное уму,
Ты покорно опустила очи.
Буди Мне по слову Твоему,
Свят! свят! свят! Твой голос, о Пророче.

27 августа 1902

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ
Молитва

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания,
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охрани!

7 мая 1908

В ДУХЕ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ ГИМНОВ

Восставши ночью, Бога восславим мы,
Начнем служенье в славу Всевышнего,
Создателя земли и неба,
Звезды водящего в глуби синей.

Былинке малой дав прозябание,
Левиафанов в море лелеет Он,
Выводит солнце и уводит,
Хлебом насущным людей питает.

Пославший Сына в мир на пропятие,
Святого Духа нам обещающий,
Не Он ли, Сильный, есть достоин
Быть воспеваемым в сладких гимнах?

1912

ПСАЛОМ ДАВИДА

Меж братьями я меньший был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,
Перстам моим привычны были струны.

Кто б Господу о мне сказал?
Он, сильный, Сам о мне услышал!
Меня иноплеменник клял,
Но я с пращой ему навстречу вышел.

Семь братьев — все сильней меня,
Но Бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем Всемогущий.
Смеялся грозный Голиаф,
Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!

1912

ВЕРБНАЯ СУББОТА

С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)
Слабенький огонь.

Улица оснежена,
Спит высь, затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воет, словно раненая,
Там, где осиян
Светом ресторан.

И бредут под блесками,
Злыми, электрическими,
С свечками и ветками
Тени идиллические.
Трепетен и тих
Свет на лицах их.

17 марта 1912

МОЛИТЬСЯ

Молиться? Я желал
Молиться, но душа,
Как дорогой кристалл,
Блистает, не дыша.

Упав на грани, луч
Стоцветно отражен,
Но, благостен и жгуч,
Внутрь не проникнет он.

Внутри, как в глыбе льда,
Лишь вечный холод; вздох
Не веет никогда...
Сюда ль проникнет Бог?

Бог — лишь в живых сердцах,
Бог есть живой союз:
Он в небе, Он в волнах,
В телах морских медуз.

Кристалл же мертв. Горит
Лишь мертвым он огнем,
Как камень драконит,
Зажженный смертным сном.

Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Ответствует лучу
Блистаньем, не дыша.

<25 ноября 1913>

ОДНА

Нет мне в молитве отрады,
Боже мой, как я грешна!
Даже с мерцаньем лампады
Борется светом луна.

Даже и в девичей спальне
Помнится дремлющий сад,
А из киотов печальней
Лики святые глядят.

Боже, зачем искушенье
Ты в красоте создаешь!
В лунном немом освещенье
Был он так дивно хорош.

Тихо склонялися клены,
С неба скользнула звезда...
Здесь перед светом иконы
Вся я дрожу от стыда.

Сжалься, Отец правосудный,
Дай утешенье в тоске...
В лунных лучах изумрудный
Луг опускался в реке.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвечала «люблю»...
Боже мой, как я греховна,
Чем я свой грех искуплю!

МОЛИТВА

Отче! полмира объемлешь Ты тенью,
Звезды ведешь и луну в небесах,
Даруй покой моему утомленью,
Дай успокоиться в сладостных снах.

Се — отрекаюсь от помыслов злобных,
Се — осуждаю все, в чем погрешил.
Дай мне во снах, тихой смерти подобных,
Ведать покой безмятежный могил.

Злое видение ложа да минет,
Да не предстанет мне облик в крови.
В час же, когда светы первые кинет
Солнце Твое, — Ты меня оживи!

1916

МОЛИТЕСЬ

Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем безполезном — молитесь!

Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!

Есть тайная ценность в ненужных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!

Нет! Мало свободы и братства,
И таинства счастья — так зыбки!
Во храме творит святотатство
Кто губит земное богатство — Мечту,
Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Берегитесь!»
Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых — молитесь!

Апрель 1917

МОЛИТВА

Благодарю Тебя, Боже,
Молясь пред распятьем,
За счастье дыханья,
За прелесть лазури,
Не будь ко мне строже,
Чем я к своим братьям,
Избавь от страданья,
Будь светочен в буре.

Насущного хлеба
Лишен да не буду,
Ни блага свободы,
В железах, в темнице;
Дай видеть мне небо
И ясному чуду
Безсмертной природы
Вседневно дивиться.

Дай мужество — в мире
Быть светлым всечасно,
Свершать свое дело,
И петь помоги мне,
На пламенной лире,
Все, все, что прекрасно,
И душу и тело,
В размеренном гимне!

Сентябрь 1917

ИЗ МЕЛОПЕИ «ЧЕЛОВЕК»

Небесный Царь! Приди к нам, Утешитель,
Дух Истины! Повсюду Ты еси;
Все в полноту возводишь Ты, Живитель.
Вселись же в нас, живый на Небеси,
И наших тел очисть от скверн обитель,
И наши души, Дух Благий, спаси.
Источник благ, Хоровожатый жизни,
Град Божий нам яви в земной отчизне.

<1919>

Валерий Брюсов

ЗИНАИДА ГИППИУС

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик. Ей, как и ее мужу Дмитрию Мережковскому, суждено было стать знаковой фигурой русского модернизма. Они встретились впервые на Кавказе: ему было 23 года, ей шел 19-й. Он уже издал первую книгу стихов и входил в круг друзей и поклонников умершего Надсона. Она тоже пережила свою «надсониаду», что и способствовало их сближению. С тех пор, вспоминала она, за 52 года совместной жизни они «не разлучались ни на один день», являя собой «идеальную пару» как в жизни, так и в творчестве. Вскоре, благодаря Мережковскому, в печати появились ее первые стихи, и «надсовщину» они преодолевали вместе. Для Мережковского этапной стала поэтическая книга «Символы» (1892), положившая начало символизму и мистическим исканиям целого ряда поэтов. «Беспощадна моя дорога, // Она к смерти меня ведет. // Но люблю я себя как Бога,— // Любовь мою душу спасет», — напишет она в своих «скандальных» стихах, заняв особое место среди современных ей стихописателей. В предисловии ко второму сборнику (1903) она писала, выражая свое поэтическое кредо: «Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы — молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, — все равно сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. Форма зависит от способностей и наклонностей каждого. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва».

В начале XX века дом Мережковского и Зинаиды Гиппиус стал одним из центров литературной и религиозно-философской жизни Петербурга. Помимо пяти стихотворных книг, вышли сборники ее рассказов, критические исследования, книга мемуаров «Живые лица» (Париж, 1925).

Георгий Адамович писал в 1968 году, подводя итог многолетней творческой жизни Зинаиды Гиппиус: «Думаю, что в литературе она оставила след не такой длительный и прочный, не такой яркий, как принято утверждать. Стихи ее, при всем ее мастерстве, лишены очарования. "Электрические стихи" — говорил Бунин, и действительно, эти сухие, выжатые, выкрученные строки как будто потрескивают и светятся синеватыми искрами. Однако душевная единственность автора обнаруживается в том, что стихотворения Гиппиус можно без подписи узнать среди тысяч других. Эти стихи трудно любить — и она знала это, — но их трудно и забыть». Адамович отказывал ей в «музыке», подчеркивая: «Музыка была в нем, в Мережковском, какая-то странная, грустная, приглушенная, будто выхолощенная, скобческая, но несомненная». Тем не менее нашелся композитор, который услышал словесную музыку именно в стихах Зинаиды Гиппиус. Это был молодой Николай Мясковский, создавший в 1905—1908 и 1913—1914 годах 27 романсов на стихи Зинаиды Гиппиус, ставших одним из знаменательных явлений романсного Серебряного века.

В эмиграции Дмитрий Мережковский напишет ностальгические стихи: «...Тишь, глушь, бездорожье, // В алых маках межи. // Русское, русское — Божье // Поле зреющей ржи. // Господи, что это значит? // Жду, смотрю, не дыша... // И от радости плачет, // Богу поет душа». Зинаиде Гиппиус принадлежат такие же молитвенные строки:

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию.
Как Симеону увидеть
Дал ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

Ни Дмитрию Мережковскому, ни Зинаиде Гиппиус не суждено было увидеть Россию...

МОЛИТВА

Тени луны неподвижные...
Небо серебряно-черное...
Тени, как смерть, неподвижные...
Живо ли сердце покорное?

Кто-то из мрака молчания
Вызвал на землю холодную,
Вызвал от сна и молчания
Душу мою несвободную.

Жизни мне дал унижение,
Боль мне послал непонятную...
К Давшему мне унижение
Шлю я молитву невнятную.

Сжалься, о Боже, над слабостью
Сердца, Тобой сотворенного,
Над безконечною слабостью
Сердца, стыдом утомленного.

Я — это Ты, о Неведомый,
Ты — в моем сердце, Обиженный,
Так подними же, Неведомый,
Дух Твой, Тобою униженный,

Прежнее дай мне безмолвие,
О, возврати меня вечности...
Дай погрузиться в безмолвие,
Дай отдохнуть в безконечности!..

1897

ДАР

Ни о чем я Тебя просить не смею,
все надобное мне — Ты знаешь сам;
но жизнь мою, — то, что имею, —
несу ныне к Твоим ногам.
Тебе Мария умыла ноги,
И Ты ее с миром отпустил;
верю, примешь и мой дар убогий,
и меня простишь, как ее простил.

1901

Романс Н.Я. Мясковского (1921).

СТРАХ И СМЕРТЬ

Я в себе, от себя, не боюсь ничего,
Ни забвенья, ни страсти.
Не боюсь ни унынья, ни сна моего —
Ибо всё в моей власти.

Не боюсь ничего и в других, от других;
К ним нейду за наградой;
Ибо в людях люблю не себя... И от них
Ничего мне не надо.

И за правду мою не боюсь никогда,
Ибо верю в хотенье.
И греха не боюсь, ни обид, ни труда...
Для греха — есть прощенье.

Лишь одно, перед чем я навеки без сил, —
Страх последней разлуки.
Я услышу холодное веянье крыл...
Я не вынесу муки.

О Господь мой и Бог! Пожалей, успокой,
Мы так слабы и наги!
Дай мне сил перед Ней, чистоты пред Тобой
И пред жизнью — отваги...

1901

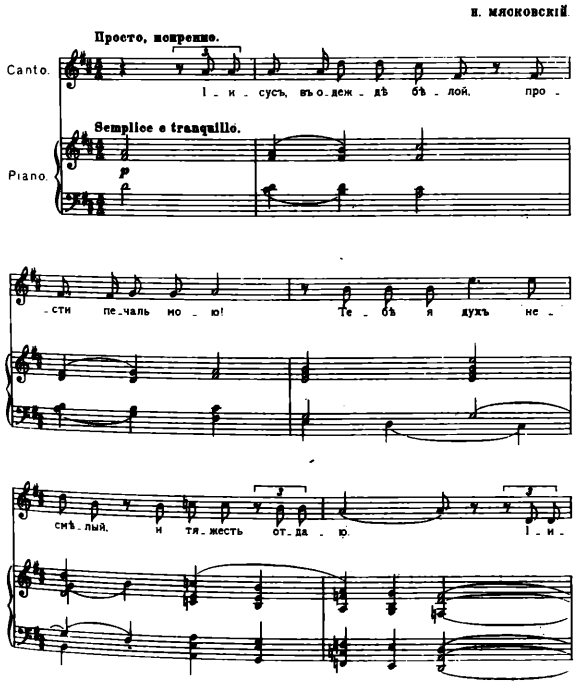
НЕСКОРБНОМУ УЧИТЕЛЮ

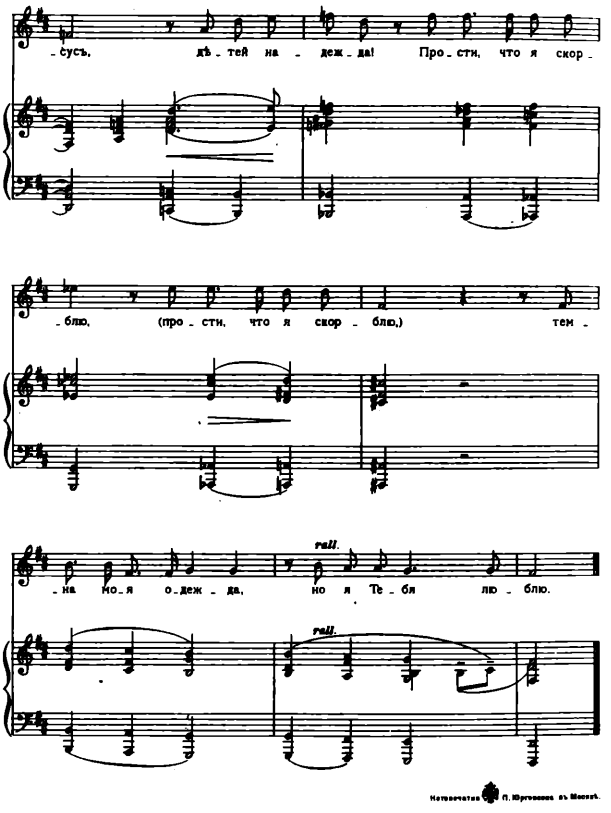
Иисус в одежде белой,
Прости печаль мою!
Тебе я дух несмелый
И тяжесть отдаю.

Иисус, детей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я Тебя люблю.

1901

1. Нескорбному Учителю.





ХРИСТУ

Мы не жили — и умираем
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но как узнаем
Тебя — мы?

Все дрожим и себя стыдимся,
Тяжел мрак.
Мы молчаний Твоих боимся...
О, дай знак!

Если нет на земле надежды —
То всё прах.
Дай коснуться Твоей одежды,
Забыть страх.

Ты во дни, когда был меж нами,
Сказал Сам:
«Не оставлю вас сиротами,
Приду к вам».

Нет Тебя. Душа не готова,
Не бил час.
Но мы верим,— Ты будешь снова
Среди нас.

1901

ВМЕСТЕ

Я чту Высокого,
Его завет.
Для одинокого —
Победы нет.
Но путь единственный
Душе открыт,
И зов таинственный,
Как клич воинственный,
Звучит, звучит...
Господь прозрение
Нам ныне дал;
Для достижения —
Дорогу тесную,
Пусть дерзновенную,
Но неизменную,
Одну, — совместную —
Он указал.

1902

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВЕДЬ ХРИСТИАНИНА

Подолгу бремя жизни нес
Я, долгу мрачному послушен.
Мне мир казался миром слез,
И к смерти был я равнодушен.

Несправедливостью судеб
Я огорчался в час раздумий,
Но зарабатывал мой хлеб
Без возмущений и безумий.

Не ненавидел никого
И не любил я через меру.
В конец, блаженный для всего,
Хранил заботливую веру.

Всегда скромны мои мечты,—
Мечтал о том лишь, что возможно...
И от соблазнов красоты
Я удалялся осторожно.

Я тихо жил — умру легко;
Был ни веселым, ни унылым;
Не заносился высоко
И брал лишь то, что мне по силам.

Я, раб Господень (имярек),
Кончиной близкою утешен.
Я очень скромный человек;
Господь простит мне, в чем я грешен.

1902

БОЖЬЯ ТВАРЬ

За Дьявола Тебя молю,
Господь! И он — Твое созданье.
Я Дьявола за то люблю,
Что вижу в нем — мое страданье.

Борясь и мучаясь, он сеть
Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
Того, кто, как и я, — страдает.

Когда восстанет наша плоть
В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство — за страданье.

1902

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Дышит тихая весна,
Дышит светами приветными...
Я сидела у окна
За шерстями разноцветными.

Подбирала к цвету цвет,
Кисти яркие вязала я...
Был мне весел мой обет:
В храм святой завеса алая.

И уста мои твердят Богу
Сил мольбы привычные...
В солнце утреннем горят
Стены горницы кирпичные...

Тихо, тихо. Вдруг в окне,
За окном,— мелькнуло белое...
Сердце дрогнуло во мне,
Сердце девичье, несмелое...

Но вошел... И не боюсь,
Не боюсь я Светлоликого.

Он как брат мой...
Поклонюсь Брату, вестнику Великого.

Белый дал Он мне цветок...
Не судила я, не мерила,
Но вошел Он на порог,
Но сказал,— и я поверила.

Воля Господа — моя.
Будь же, как Ему угоднее...
Хочет Он — хочу и я.
Пусть войдет Любовь Господняя...

Март 1904
СПб.

АВГУСТ

Пуста пустыня дождевая...
И, обескрылев в мокрой мгле,
Тяжелый дым ползет, не тая,
И никнет, тянется к земле.

Страшна пустыня дождевая...
Охолодев, во тьме, во сне,
Скользит душа, ослабевая,
К своей последней тишине.

Где мука мудрых, радость рая?
Одна пустыня дождевая,
Дневная ночь, ночные дни...
Живу без жизни, не страдая,
Сквозь сон все реже вспоминая
В тени угасшие огни.

Господь, Господь мой, Солнце, где Ты?
Душе плененной помоги!
Прорви туманные наветы,
О, просияй! Коснись! Сожги...

1904

ОПРАВДАНИЕ

Ни воли, ни умелости,
Друзья мне — как враги...
Моей безмерной смелости,
Господь, о помоги!

Ни ясности, ни знания,
Ни силы быть с людьми...
Господь, мои желания,
Желания прими!

Ни твердости, ни нежности..
Ни бодрости в пути...
Господь, мои мятежности
И дерзость освяти!

Я в слабости, я в тленности
Стою перед Тобой.
Во всей несовершенности
Прими меня, укрой.

Не дам Тебе смирения, —
Оно — удел рабов,
Не жду я всепрощения,
Забвения грехов,

Я верю — в Оправдание...
Люби меня, зови!
Сожги мое страдание
В огне Твоей Любви!

1904

ВОЗЬМИ МЕНЯ

Открой мне, Боже, открой людей!
Они Твои ли, Твое ль созданье,
Иль вражьих плевел произрастанье?
Открой мне, Боже, открой людей!

Верни мне силу, отдай любовь.
Отдай ночные мои прозренья,
И трепет крыльев, и озаренья...
Отдай мне, Боже, мою любовь.

И в час победы — возьми меня.
Возьми, о жизни моей Властитель,
В Твое сиянье, в Твою обитель,
В Твое забвенье возьми меня!

1904

О ДРУГОМ

Господь. Отец.
Мое начало. Мой конец.
Тебя, в Ком Сын, Тебя, Кто в Сыне,
Во Имя Сына прошу я ныне
И зажигаю пред Тобой
Мою свечу.
Господь. Отец. Спаси, укрой —
Кого хочу.

Тобою дух мой воскресает.
Я не о всех прошу, о Боже,
Но лишь о том,

Кто предо мною погибает,
Чье мне спасение дороже,
О нем, — одном.

Прими, Господь, мое хотенье!
О, жги меня, как я — свечу,
Но ниспошли освобожденье,
Твою любовь, Твое спасенье —
Кому хочу.

1911

ТИШЕ!

Громки будут великие дела.
Сологуб, 7.8.14

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.

В часы неоправданного страданья
И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы.

8 августа 1914
СПб.

АДОНАИ

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль Ты еще не утолен?
Позволь Сынам земли не убивать друг друга.

Не Ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять Ты — Иегова,
Кровавый Бог отмщения и гнева!

Ты розлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел Ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям —
Твое оружие проходит душу!

Ужели не довольно было Той,
Что под крестом тогда стояла, рано?
Нет, не для нас, но для Нее, Одной,
Железо вынь из материнской раны!

О, прикоснись к дымно-багровой мгле
Не древнею грозою, — а Любовью.

Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью!

Ноябрь 1914
СПб.

НАШЕ РОЖДЕСТВО

Вместо елочной, восковой свечи
бродят белые прожекторов лучи,
сверкают сизые стальные мечи
вместо елочной, восковой свечи.

Вместо ангельского обещанья
пропеллера вражьего жужжанье,
подземное страданье ожиданья
вместо ангельского обещанья.

Но вихрям, огню и мечу
покориться навсегда не могу.
Я храню восковую свечу,
я снова ее зажгу

и буду молиться снова:
родись, Предвечное Слово!
Затепли тишину земную,
Обними землю родную...

Декабрь 1914

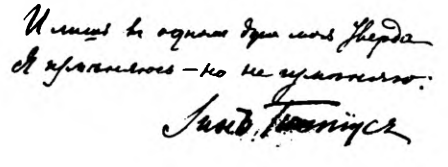
БЕЛОЕ

Рождество, праздник детский, белый,
когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша ли душа хотела,
чтобы запылали зори красные?

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?
Звезда Вифлеемская за дымами алыми...
И мы не знаем, где Царские ясли,
но все же идем ногами усталыми.

Мир на земле, в человеках благоволенье...
Боже, прими нашу мольбу несмелую:
дай земле Твоей умиренье,
дай побеждающей одежду белую...

Декабрь 1914
СПб.



СВЕТ!

Стоны,
Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгие, долгие звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узел туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмей тучи,
Ужас душу рушит,
Узел душит,
Узел туже, туже...

Господи, Господи, — нет!
Вещее сердце верит.
Тихие ветры веют.
Боже мой, нет!
Мы под крылами Твоими.
Ужас. И стоны. И тьма... —
а над ними
Твой немеркнущий Свет!

Декабрь 1914
СПб.

ЕМУ

Радостные, белые, белые цветы...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

В сердце наше бедное, в сердце загляни...
Близких наших, Господи, близких сохрани!

Март 1915
СПб.

БОЖЬЯ

Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя — Земля!

Рощи лимонные — и березовые,
Месяца тихий круг,
Зори Сицилии, зори розовые, —
Пенье таежных вьюг,

Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман —
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн,

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыхание, память страдающая,
Слез непролитых соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем за гранью таинственною,
Вместе — и ты, и я!

Ноябрь 1916
СПб.

НА ПОЛЕ ЧЕСТИ

Памяти В. А. Р. Р.

О, сделай, Господи, скорбь нашу светлою,
Далекой гнева, боли и мести,
А слезы — тихой росой предрассветною
О нем, убиенном на поле чести.

Свеча ль истает, Тобой зажженная?
Прими земную и, как невесте,
Открой поля Твои озаренные
Душе убиенного на поле чести.

Февраль 1918
СПб.

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Из тяжкой тишины событий,
Из горькой глубины скорбей,
Взываю я к Твоей защите,
Хочу я помощи Твоей.
Ты рабьих не услышишь стонов,
И жалости не надо мне.
Не применения законов —
А мужества хочу в огне.
Доверчиво к Тебе иду я,
Мой дух смятенный обнови.
Об Имени Своем ревнуя,
Себя во мне восстанови.

О, пусть душа страдает смело,
Надеждой сердце бьется вновь...
Хочу, чтобы меня одела,
Как ризою, — Твоя любовь.

17 октября 1919

КЛЮЧ

Струись,
Струись,
Холодный ключ осенний.
Молись,
Молись
И веруй неизменней.
Молись,
Молись
Молитвой неугодной.
Струись,
Струись,
Осенний ключ холодный...

Сентябрь 1921
Висбаден

НЕОТСТУПНОЕ

Я от дверей не отойду,
Пусть длится ночь, пусть злится ветер.
Стучу, пока не упаду.
Стучу, пока Ты не ответишь.

Не отступлю, не отступлю,
Стучу, зову Тебя без страха:
Отдай мне ту, кого люблю,
Восстанови ее из праха!

Верни ее под отчий кров,
Пускай виновна — отпусти ей!
Твой очистительный покров
Простри над грешною Россией!

И мне, упрямому рабу,
Увидеть дай ее, живую...
Открой! Пока она в гробу,
От двери Отчей не уйду я.

Неугасим огонь души,
Стучу — дрожат дверные петли,
Зову Тебя — о, поспеши!
Кричу к Тебе — о, не замедли!

Ноябрь 1925

СВ. ТЕРЕЗА МЛАДЕНЦА ИИСУСА

Девочка маленькая, чужая,
Девочка с розами, мной не виденная,
Ты знаешь все, ничего не зная,
Тебе знакомы пути неиденные —
Приди ко мне из горнего края,
Сердцу дай ответ, неспокойному...
Милая девочка, чужая, родная,
Приди к неизвестному, недостойному...
Она не судит, она простая,
Желанье сердца она услышит,
Розы ее такою чистою,
Такой нежной радостью дышат...
О, будь со мною, чужая, родная,
Роза розовая, многолистая...

1 января 1925
Париж

Стихотворение посвящено «маленькой Терезе» — Марии-Франсуа Терезе Мартен (1873—897), французской монахине-кармелитке, канонизированной в 1925 году, высоко чтимой Мережковским и Гиппиус. В варшавской газете «За свободу!» (1929, № 135) стихотворение было опубликовано с пояснениями Гиппиус: «Я пишу о ней, потому что, как все, тоже люблю ее, и потому что ныне ей... "поручена Россия". Это — маленькая "Тереза Младенца Иисуса", теперь уже "святая". Наша современница». Во время войны Зинаида Гиппиус написала еще одну стихотворную молитву, обращенную к святой Терезе.

* * *

Тереза, Тереза, Тереза, Тереза.
Прошло мне сквозь душу твое железо.
Твое ли, твое ли? Ведь ты тиха.
Ужели оно — твоего Жениха?

Не верю, не верю, и в это не верю!
Он знал и Любовь, и земную потерю.
Страдал на Голгофе, но Он же, сейчас,
Страдает вместе и с каждым из нас.

Тереза, Тереза, ведь ты это знала.
Зачем же ты вольно страданий желала?
Ужель, чтоб Голгофе Его подражать,
Могла ты страданья Его умножать?

Тереза, Тереза, Тереза, Тереза.
Так чье же прошло мне сквозь сердце железо?
Не знаю, не знаю, и знать не хочу.
Я только страдаю, и только молчу.

1941—1942

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

Никольский Борис Владимирович (1870—1919) — публицист, филолог, поэт, политический и общественный деятель. Его поэтический дебют был одним из самых неудачных, но даже жесткие критики «Сборника стихотворений» (СПб., 1899) отмечали его критический и исследовательский талант. «Охота Вам писать стихи, когда можете писать серьезную и толковую прозу», — обращался к нему Виктор Буренин. Дмитрий Шестаков отмечал, что он «настолько же поэт в лучших своих прозаических статьях (хотя бы в том же этюде о Фете), насколько прозаик в стихах». Борис Никольский продолжал писать стихи, но с публикациями уже не торопился. И многие из них были вовсе не дилетантскими, в особенности молитвенная лирика и переводы. Зная в совершенстве многие живые и все мертвые языки, он переводил только с подлинников, стремясь воспроизвести на русском языке античную метрику. Таковыми были его переводы с латыни Катулла, над которыми он работал всю жизнь. В 1896 году он издал в «Русском Обозрении» (№ 12) свою первую статью о Фете «Поэт философов». В том же 1896 году вышел составленный им сборник «Философские течения в русской поэзии». В 1899 году в «Историческом Вестнике» (№ 7) опубликовал статью «Академический Пушкин», одним из первых обратившись к текстологическим проблемам издания его произведений. Не менее известен он был современникам и как крупнейший библиофил, обладатель колоссальной библиотеки. Так что далеко не случайно именно Борису Никольскому суждено было стать наставником целого поколения петербургских университетских поэтов. Будучи по образованию юристом, магистром и приват-доцентом, он с 1899 года читал лекции по римскому праву на юридическом факультете Петербургского университета и одновременно — курс лекций о Пушкине, Фете, современной поэзии на историко-филологическом факультете. Но студенческую литературную молодежь привлекала не только его эрудиция, лекторские и даже артистические данные. Борис Садовской вспоминал о нем как об «изумительном собеседнике, обладавшем способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно... Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их... Майкова, Полонского, Страхова, Победоносцева и Владимира Хрусталева»; привлекала оригинальность взглядов самого Бориса Никольского, полемика, которую он вел на страницах печати и в лекциях с Дмитрием Мережковским, Валерием Брюсовым и другими адептами символизма и декадентства, противопоставляя им русскую классику. На квартире у Бориса Никольского и в IX аудитории университета стала собираться поэтическая молодежь сразу двух факультетов, на которых он читал лекции: студенты юрфака — Александр Блок, Александр Кондратьев, Виктор Поляков и филфака — Лев Карсавин, Леонид Семенов, Борис Садовской, Николай Недоброво и многие другие. Один из студентов особо подчеркивал, что во времена «ожесточенных споров и непримиримой вражды партий... в стенах IX аудитории раздавались бодрые, спокойные и светлые, словно сама великая природа, стихи "одного из величайших лириков на земле"». Вскоре от чтения и обсуждения стихов Фета и самих студентов Борис Никольский решил перейти к делу — изданию студенческого поэтического сборника, подготовленного уже к концу 1901 года. Но вышел он лишь в 1903 году, поэтому и блоковским дебютом позднее стали считать стихи, появившиеся в том же 1903 году в третьем номере журнала Мережковского и Зинаиды Гиппиус «Новый Путь». Это была очень удобная версия для советского литературоведения, поскольку после 1905 года Борис Никольский стал одной из самых одиозных фигур, а в 1919-м был расстрелян как черносотенец. Его имя стало таким же запретным, как входившего в тот же «черный список» и расстрелянного в 1918 году Михаила Меньшикова. Борис Никольский не мог оставаться одним из первых литературных наставников и первым публикатором автора «Двенадцати».

Все это не могло не сказаться на судьбе «Литературно-художественного сборника», ставшего дебютом лучших его учеников, начиная с Александра Блока, стихи которого открывают сборник. Подобные сборники и альманахи выходили и ранее, особенно в Московском университете, оставаясь чисто любительскими изданиями. Не редкостью были и поэтические кружки в том же Московском университете, наибольшую известность из которых получили кружки 20-х и 30-х годов Семена Раича и Николая Станкевича. В конце века центр тяжести явно переместился в Петербургский университет и связан с именем Бориса Никольского. В «Литературно-художественном сборнике» пред-

ставлены три стихотворения Александра Блока, семь — Александра Кондратьева, пять — Леонида Семенова, да и другие публикации заслуживают внимания. Но сборник уникален не только составом. В самом его названии заложен новый принцип — литературного и художественного издания, а на титульном листе стоит имя второго редактора — И.Е. Репина. В оформлении сборника приняли участие студенты Академии художеств, что, по всей вероятности, и задержало издание, потребовав время для создания рисунков к стихам. В этом отношении характерны рисунки И. Горюшкина-Сорокопудова и М. Соколова к стихотворению Владимира Хрусталева «Колокола», рисунок И. Горюшкина-Сорокопудова к балладе Леонида Семенова «Отвергнутый ангел» и другие.

Сборник стал примером сохранения традиций классической поэзии, подкрепленных традициями классического изобразительного искусства.

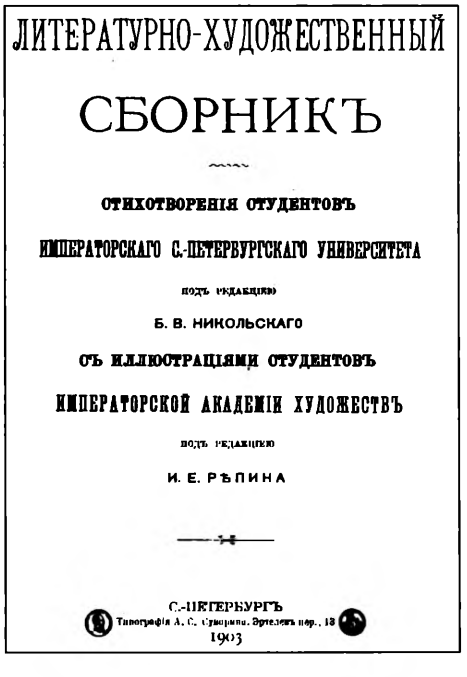
Переломным для Бориса Никольского был 1905 год, положивший начало его политической деятельности как одного из создателей «Союза Русского Народа». 31 декабря 1905 года Николай II встретился с депутацией «Русского Собрания», от имени которого Борис Никольский произнес «Всеподданнейшую речь», которая уже более ста лет, увы, не теряет своей актуальности. Привожу ее полностью как один из важнейших документов эпохи:

«Всемилостивейший Государь!

Пред лицом Вашего Императорского Величества мы предстали в мучительные дни, когда весь народ начинает с ужасом понимать, что России грозит опасность не только иноплеменных нашествий и порабощения зарубежному лихоимству, но и внутреннего междоусобного распадения, а Вашему Царствующему Дому не только явный мятеж с его кровавыми знаменами, но и великий раскол с народом. В такие дни наш долг перед Отечеством повелевает нам всенародно засвидетельствовать, что мы принесли присягу на верность и что велел нам изменить эту присягу или заменить ее другою присягою нельзя никакой власти земной, и всех менее можно было бы той власти, которая сама изменила бы тому, в чем мы ей присягали. Настало время нам пред лицем всего мира, во имя народной присяги, сказать Царю свое прямое слово, дабы знала вселенная, что мы, доселе безмолвные и безоружные, не менее тверды в своем исповедании, чем враги Вашего Величества, народа русского и наши, давно позорящие нашу родину своею мятежной изменой, исступленными воплями и предательским кровопролитием.

Карающая десница Божия тяготеет над нами. Война не дала нам побед, мир не принес успокоения. Происки международных врагов законности и порядка, сплотившихся в еврейско-масонский всемирный заговор, ведут отчаянную борьбу в лице нашей родины с христианством, просвещением и культурою. Во главе русского правительства поставлен человек, которому никто в мире не доверяет, которого вся Россия презирает и ненавидит, которого каждый шаг встречается всенародным негодованием, которого убийственное бездействие влечет нашу родину в бездну погибели. Мятеж отторгает окраины, измена растлевает исконные русские земли. Насильством и угрозами изгоняются с окраин русские люди, паникой охвачено коренное население. Взаимное недоверие и прямая ненависть раздирают области, племена, города и села, учреждения и союзы, Церковь и семью, школу и войско. Ни власти, ни свобода, ни личная безопасность, ни законное достояние не признаются. Обезумевшие проповедники насилия словесно, печатно и самим делом ведут пропаганду в войсках, призывают общество ко всеобщему разгрому и вооруженному восстанию. Убийство, грабеж и разбой царят во всем Отечестве нашем. Адом становится Россия и пыткою существование. Сам Бог призывает нас к ответу на рубеже тысячелетнего нашего прошлого. События властно поставили грозный вопрос, ломать ли нам нашу историю.

Но, Государь, историю не переломишь, если весь народ сам того не захочет и не удостоверит новой воли своей многолетним постоянством. Горе тем, кто пробными новшествами безрассудно вопрошает не выяснившуюся волю народную. Притом же зарево октябрьских пожарищ, ураган неслыханных избиений и небывалое декабрьское побоище в Москве показали с полной очевидностью, что даже в годину смуты, насилия, грабежа и разбоя сам народ на перелом и на предательство не согласен. Он вопиет о власти, о той Самодержавной власти, которую доверили некогда Предку Вашему не для самовольного постепенного расточения, но дабы преемственно соблюсти ее, как некое сокровище народное, до последнего потомка в доме Вашем во всем величии не только мудрой милости, но и карающего всеоружия. Между тем уже не первый год Вашего царствования измена ставит себе


ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Б. В. НИКОЛЬСКАГО

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ СТУДЕНТОВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Е. РѢПИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

1903

целью завладеть — обманом, или страхом, или даже дьявольским наваждением — Августейшею волею Вашею и, достигнув исполнения своих желаний, царскими указами обманывать монархическую верность народа. Вот почему, во имя Царя и народа и их неразрывного единства, скрепленного присягою, мы, верноподданные Ваши, русские люди, провозглашаем, что не признаем и никогда не признаем иной верховной власти, кроме Царского Самодержавия, и на ее возрождение обрекаем себя самих, все наши силы душевные и все достояние наше. Те, кто вероломно мечтает насиловать совесть народную, ни в чем не находят между собою единомыслия и вне себя опоры: Государь, мы, русские люди, — как один человек, и нашей опорою — тысяча лет русской истории и сто миллионов родного народа. Нас можно преследовать, резать и грабить, но против нас никогда не может загореться пожар всенародного карающего гнева. Исступленные же убийцы, сражающие одиноких людей, безсильны против живой стены негодующего народа, судьи нелицемерного и всесильного, ибо нет числа тем, кто рад принести себя в жертву за его дело.

Воспряньте же карающим Самодержцем, Всемилостивейший Государь, да возродится и обновится единение Ваше с Отечеством. Дайте народу русскому стать совместно с Вашим Императорским Величеством на страже свободы, порядка и законности! Военною властью, мощною военною властью, да будет истреблена, сокрушена и сметена безумная крамола, восстановлено спокойствие, оправдана присяга, спасено Отечество. Бездействующие законы да вступят в полную силу, найдя, наконец, исполнителей, желающих или могущих соблюсти свой долг перед Царем и Россиею. В урочное время пускай водворятся, в пределе закона, правые свободы, пускай соберется, по властному зову, народная Дума, но да водворится сначала державная власть, которая могла бы соблюсти целокупность и единство расторгаемой ныне родины нашей, дав ей внутренний мир и прочую безопасность. В противном случае мы не видим спасения ни Вашему Царствующему Дому, ни нашему русскому строю и ждем только небывалых в истории потрясений, доколе русскою кровью не смоется начисто с лица земли Русской чумная смута и ценою неисчислимых жертв не искупится та несомненная окончательная победа, которая и теперь еще может быть достигнута жертвами несравненно меньшими.

Но, провидя этот ужас чудовищных испытаний, взывая к военной карающей власти, мы, русские люди, не зная ни страха, ни измены, стоим, как стояли наши предки, за Самодержавного Царя и за русский народ и не ступим ни шагу с теми, кто, обманывая Царя, ведет Его к разрыву с историей и народом. Всегда быв против расхищения Самодержавия недостойными министрами, мы не можем допустить и его разграбления неистовыми толпищами. Памятуя вечную славу собирателей земли Русской, мы не дадим покрыть нас вечному позору за раздел и расточение Отечества нашего. Для нашей верности нет и, с Божьего благословения, никогда не будет примирения с Правительством, действующим несогласно с данною нами присягою и, куда бы ни грозила нам самим верность нашему знамени, мы примиримся только на полной победе преданий и до конца поведем непреклонную борьбу за Православную Веру, за русский народ и за Ваше Царское Самодержавие».

После этой речи профессор Никольский стал не менее влиятельной фигурой, чем митрополит Антоний Храповицкий, тоже входивший в число основателей «Союза Русского Народа», но с преподавательской деятельностью в университете он вынужден был расстаться, объясняя свой уход расхождением с коллегами «в деле политического влияния на молодежь». Литературный кружок тоже распался, но политическое влияние на университетскую молодежь осталось. Об этом можно судить по тому, что Борис Садовской — в России, Александр Кондратьев — в Русском зарубежье, как и многие другие, до конца жизни оставались патриотами России и монархистами. Вскоре его новыми воспитанниками стали старшие дети К.Р. (Константина Романова) великие князья Гавриил и Олег. Благодаря Борису Никольскому Олег Романов пополнил ряды пушкинистов, осуществив первое академическое издание рукописей Пушкина.

Бориса Никольского и «августейшего поэта» объединяла не только политика, но и общая любовь к наставнику К. Р. в поэзии Афанасию Фету. В 1901—1912 годах Борис Никольский осуществил (при поддержке К.Р. как президента Императорской академии наук) четыре издания Полного собрания стихотворений Афанасия Фета в трех томах, и поныне считающиеся образцовыми.

В годы *чудовищных испытаний* он запишет в дневнике:

«25 октября 1917 года. Завтра у нас будет новое правительство, причем переворот совершается еще спокойней и легче, нежели в феврале. Петроградский гарнизон снимает временное правительство, как горничная тряпкою пыльную паутину. Чем этот паралич народной воли кончится — мудрено и гадать, но хорошего конца никто не ждет...

9 декабря 1917 года. Всю Россию предстоит нашим детям созидать сызнова. Конечно, не оживет, аще не умрет; но каково жить в умирающей, хотя бы и к будущему воскресению, среде народной, не зная, дано ли будет кому-либо из нас дожить до молитвы Симеона Богоприимца?..

28 декабря 1917 года. Патриотизм монархизм одни могут обеспечить России свободу, законность, благоденствие, порядок и действительно демократическое устройство, и только патриоты-монархисты смогут вывести ее из нового лихолетья...

16 апреля 1918 года. Мой идеал — те герои, которые властно и грозно спасали Отечество, восстанавляли страх, закон и порядок и уходили сами собой со сцены, ничего для себя не требуя, готовые собрать на себя все электричество злобы и вражды, чтобы унести

их в могилу от венценосной главы, как громоотвод сводит в землю громы разрушения от куполов и крестов храмов Божиих. Суждена мне такая роль — исполню ее до конца, не дрогнув и не смутясь душою. Пусть я пропаду, жила бы Россия. Аминь».

Бориса Никольского арестовали 17 мая 1919 года «в связи с фильтровкой служащих и сотрудников Комитета по военным делам», к которому он имел отношение как нештатный лектор военно-научной секции Всеобуча, став таковым, по его объяснению на следствии, «в силу приказов РВС № 260, 833 и др., лишавших его до конца военных действий возможности к его прямым обязанностям по Воронежскому университету» (после октября 1917 года он преподавал в Юрьевском университете, эвакуированном в Воронеж после немецкой оккупации Эстляндии). Через двенадцать дней фильтровки Петроградское ЧК вынесло «Заключение» по делу Бориса Никольского, гласившее: «Произведенным следствием, допросом арестованного и обыском, произведенным у него на квартире, связи с контрреволюционными организациями не установлено». Но дело не прекратили, а продолжили. И 12 июня 1919 года Петроградское ЧК вынесло постановление: «Гражданина Никольского, как убежденного организатора "Союза Русского Народа", проникшего в военную организацию с целью шпионажа — расстрелять; дело следствием прекратить и сдать в архив». 21 июня 1919 года «Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» опубликовали сообщение о расстреле Бориса Никольского как «видного деятеля монархических организаций — неисправимого черносотенца».

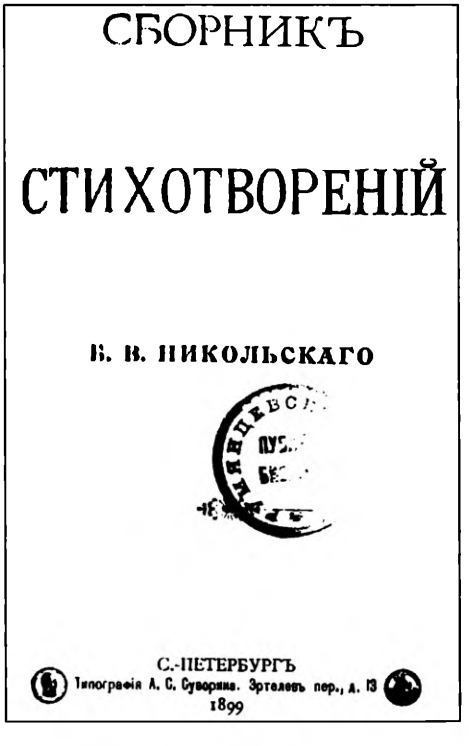
Никольский-поэт был известен современникам только по ранним стихам первого и единственного сборника «Стихотворения» (СПб., 1899). Его стихи 1903—1918 годов впервые опубликованы в книге «Сокрушить смуту» (М., 2009). Лучшие из них принадлежат к жанру молитвенной поэзии.

МОИСЕЙ

«Умолк, Израиль, ропот твой!
Теснится человек с верблюдом
Над источенной Божьим чудом
Неиссекающей струей,
Гремят хвалебные молитвы
И жажда уст утолена, —
Зачем же вновь волнений битвы
И скорби вновь душа полна?
Вот — я веду народ тревожный,
Непостоянный, как волна,
Туда, где в дали непреложной
Обетованная страна;
Начертан путь мой волей Бога,
Он мною правит и казнит,
Он из небесного чертога
Моим глаголом говорит;
Вот он, — мой жезл: делил он море,
Воззвал ручей из знойных скал,
Целил он все земное горе
И все недуги врачевал, —
Почто же я, в величьи власти
Над потрясенною толпой,
Палим недугом тайной страсти,
Колеблюсь горестно душой?
Почто, великое свершая,
Себе не верю каждый миг
И, гласу дивному внимая,
Его веленья исполняя,
Досель в их разум не проник?
Почто, слепым повиновеньем
Служа Тому, Кто — жизнь и свет,
Постигнуть жажду я сомненьем
Его таинственный завет?
Почто, врачуя все печали,
Всю мира боль смягчаю я —
И не могу, чтоб замолчали
Мои недуги, скорбь моя?
Почто, как душным замираньем
Пред наступающей грозой,
Душа томится ожиданьем
И неисходною тоской?»

И ветер жгучий, знойно вея
Ему в лицо, с пустынь летит —
И внемлет сердце Моисея —
И чудный голос говорит:

«Иди с Израилем к Синаю:
Там, на горе, среди степей,


СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

В. В. НИКОЛЬСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1899

Возможно стать и ближе к раю,
И недоступней для людей.
Познай тоску уединенья,
Познай поста, молитвы брань,
Во всеоружии сомненья
Перед лицом Моим предстань —
И стихнет там твоя тревога
И снидешь долу — возрожден:
Ты своего увидишь Бога
И прочитаешь свой закон.
Я неземными голосами
Смятенье в мире пробужу,
Я обовью Синай громами
И облаками обложу,
И свод небесный затрепещет,
И дол смятенный задрожит,
Как в тучах молния заблещет
И трубный голос прозвучит, —
Да чует каждое дыханье,
Что ныне Некто неземной,
Представ на грозное свиданье,
Горе беседует с тобой,
Да в трепете благоговенья
Израиль молится вдали
И жаждет света откровенья,
И алчет мира на земли».

* * *

Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в он.

И вот опять к Твоим притворам
Меня ведут мои пути!
Душе светло, привольно взорам
И втайно хочется войти, —

Что ж медлю я душой усталой
Обнять целительный алтарь?
Ужель слепым упорством стало,
Что жаждой правды было встарь?

Но вновь, — за их последней гранью, —
У грани первой новых стран,
Зовущий к новому скитанью,
Мне снится новый океан...

И жжет меня моя свобода —
И не могу расстаться с ней
У врат сияющего входа,
На грани всех моих путей!

* * *

В моем неверии? — Не в нем успокоенье!
Ожесточенная душа моя болит...

* * *

Ранній часъ. Въ пути незрима,
Разгорается мечта.
Плещутъ крылья серафима,
Высь прозрачна, даль чиста.

—

Изъ лазурнаго чертога
Время тайнѣ снизойти.
Бѣлый ангелъ, ангелъ Бога,
Сѣетъ розы на пути.

Публикация стихотворения А. Блока в студенческом «Литературно-художественном сборнике» (1903)

Познанье, страсти, вдохновенье,
Труд, подвиги, — ничто, ничто не утолит
Ее палящей жажды! — Зверю —
С животным трепетом безверье суждено, —
А мне, кому ничто не страшно уж давно, —
Мне страшно возгласить: «Я верю,
На радость сердцу и уму!»
О, помоги неверью моему!

* * *

К тебе стремлюсь тоской моленья,
Тебе отверсть души рассвет,
Горящий тьме из отдаленья,
Но тьму не напоивший, свет.

В тебе сияющая вечность
Горит нетленно тьме моей,
В тебе слилася безконечность
Всей полнотой ее лучей,

В тебе незримого явленье,
В тебе прозрению ответ,
В тебе мое уничтоженье,
О тьму не напоивший свет!

* * *

Воспламеняется душа моя, сияя,
Гремит раскатами восторженных речей,

Сердца безпечные громя и зажигая
Восторгом, молнии светлей, —

И я, блаженствуя, в тревогах пылких тая,
Уничтожение приветствую свое,
Мгновеньем радостным и светлым окрыляя
На счастье смерти бытие.

Восторга жажду я, восторг мне жизнь и радость,
В восторга пламени я счастлив и поэт!
Сгорай, кипучая, трепещущая младость,
Сгорай, даруя миру свет!

Мне в жизни б веровать!..
О ты, грядущий гений,
Поверь словам моим — и веруй! Больно мне,
Вкусив амврозии небесных вдохновений,
Лишь смерти яд найти на дне!

* * *

Я не веровал, — но тем я не был друг,
Кто не веровал без ужаса и мук.

Я не веровал с смятеньем и тоской
И враги Твои боролись и со мной.

Маловерным я руки не подавал
И безпомощно у врат Твоих стоял,

Никому не заслоняя к ним пути,
Но не смея ни стучаться, ни уйти,

Пожираемый без пламени огнем...
Пожалей меня во царствии Твоем!

СУД

— Раб мой, любил ты? — Господь, я любил:
В мире я правды желал и искал.

— Сын мой, страдал ты? — Господь, я страдал:
Жил я несчастно и в муках почил.

— Друг мой, ты верил? — Господь мой, я слаб:
Веру утратил безумный Твой раб!

— Мертвенна вера среди суеты
Праздной, со злобой и ложью, а ты —

Жизнью ты верил, страдая, любя,
Ныне над многим поставлю тебя.

Иллюстрации студентов-художников

* * *

Утром летним, с зарей, стань пред образом,
Стань, взглянув на окно, в ширь благодатную:
Нивы, рощи, река, — ты в их безмолвии
Так пред Богом один — Богом и церковью!

Вникни в тайны молитв: вязью жемчужною
Вещих слов, на лучи веры нанизанных,
В них наследья веков, духа сокровища
Взор насытят души, алчущей вечности.

В них, как дальней звезды, чистым мерцанием,
В безднах тьмы мировой взор человеческий,
Солнца солнц и миров видит блистания,
Так Господней душа дышит молитвою.

В них созвучья сердец, в них умиление
Жертв, могучих царей, тихих отшельников.
В них всей жизни дары, в них величавая
Слава древних витий, вздох Златоустаго.

Властью слов неземной в них отверзаются
Окна взорам души в бездны предвечныя.
Властью слов неземной крылья незримые
Сердца памяти в них приданы благостной.

Духом Богу представь в эти мгновения
В мирном храме души, светлом молитвою,
Вспомни, вспомни, о брат, бой огнедышащий
Там, на жгучих холмах душной Маньчжурии.

Властным звоном летит весть благодатная,
Голос церкви земной в ширь нашей родины.
Всюду, в мирных полях, в селах, на торжищах
Шумных, пышных столиц, властный
и сладостный

Всюду, всюду, звонят, молятся, сходятся,
Славят Бога, поют, шепчут и крестятся.
Мощно в небо гремят хоры несметные,
Мощно в небо гремят звоны всемирные.

Ты ль стоял одинок с тайной молитвою?
Ты ль взлетал одинок в высь умиления?
Звон раздался — в каком море содружества
Вмиг рассеялся твой сон одиночества!

Славься звон! Ты мое слил умиление
С бурей битв и молитв стройными хорами,
Звон, небес и земли глас отвечающий
Тайнам тайной мольбы, лжи одиночества.
Бурно вторя твоим вздохам торжественным,
Звон молитвенный, звон, звон призывающий,
Властно в сердце слились мощным созвучием
Ранний благовест, Бог, Царь и Отечество!

14 июня 1912

* * *

Среди всемирного крушенья,
Безсонный жрец, я по ночам
Творю безмолвные моленья
Моим низвергнутым богам.

Их алтарям не воскуриться,
Им больше верных не видать,
Но я не в силах удалиться
И не дитя, чтоб чуда ждать.

Их не поднять — они громадны,
Давно почили их творцы.
Веленья рока безпощадны —
Мы это знаем — мы, жрецы.

Я не пойду в чужие храмы,
Где закаляются тельцы:
И жертвы трепетно упрямы —
А мы жрецы. А мы жрецы.

Я не прошу, не обольщаюсь,
Не устремляю взоры в даль,
Но я прощаюсь, я прощаюсь,
И тяжела моя печаль.

Один во храмине пустынной
Сгораю жертвенной душой.
И нет отрады ни единой
Моей печали роковой.

14 июня 1917,
на рассвете

* * *

Жертвы мои не угодны Тебе. Но да будет угодно
То, что отвергнут Тобой,
жертвы я все ж приношу.
Вере моей сознанье вины да будет порукой.
Тайну мне дай прозреть жертвы, угодной Тебе.

9 июля 1917

* * *

Бездушной тверди жизнь мироздания
В законах вечных свыше внушается
И косный хаос в рой созвездий
Собрал зиждительно вещим словом.

Законам вечным нет изменения,
Но воле темной ангелом случая
Решений малых выбор верный
Тайно подсказан, и в этом чудо.

В решеньях чудо, в давном согласии
С законов вечных властью незыблемой,
Слепую волю к цели жданной,
К цели желанной, прийти обрекших.

В решеньях малых, ангелом случая
По вере нашей сердцу подсказанных,
Венец молитв и оправданье,
Веры венец и возможность чуда.

18 сентября 1917

* * *

Молитве моей
Благодатью Твоей
Исполненье посылая, Царь Царей
Славься!

Я верю и жду
И безтрепетно иду,
Словно в полдень, темной ночью, да приду
К чуду.

И жду, и терплю,
И о чуде не молю,
Но любви Твоей неведомой люблю
Тайну.

Да будет Твоя,
Промыслитель бытия,
Как на небе, на земле, взываю я,
Воля.

18 сентября 1917

* * *

Ave, Caesar! Moriuturi
Te salutant![1] Государь,
После ночи, после бури,
Просияй, как было встарь!

Царь неведомый, Ты светел,
Изведущий Русь из тьмы.
Я твой первый, ранний петел,
Я — осанна из тюрьмы.

Не увидеть обреченный
Появленья твоего,
Я душой необольщенной
Возвещаю торжество

Славы светлой и блаженной
Искупителей-детей
И поруганной, и пленной,
Грешной родины моей.

Но в смерче стихийной бури
Властью тайною храним, —
Ave, Caesar! Moriuturi
Te salutant! — невредим.

Я живу всей силой воли,
Я, как юноша, творю
И, своей не зная доли,
Все горю, горю, горю,

Все горю — и не сгораю —
Не во сне, а наяву...
Почему ж не умираю?
Почему еще живу?

Дар безвестной мне державы
Чьи вы, дни? — Но что гадать!
Мне даны не для меня вы,
Как же сладко вас отдать.

Для себя ж я умер — умер —
Жизнь моя уж не моя...
В книги жизни стертый нумер,
Только вечность вижу я.

Вольный луч, безумной бури
Я пронзаю вихрь и ярь...
Ave, Caesar! Moriuturi
Te salutant, Государь!

30 апреля (13 мая) 1918

* * *

О Боже, научи Тебя благодарить,
Я так несчастен и греховен,
Так заслужил теперь и чувствовать и жить,
Так непрощаемо виновен, —

[1] «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя», — такими словами гладиаторы, отправлявшиеся на арену, приветствовали императора (*Примеч. сост.*).

А Ты, Всеведущий, Ты милуешь, казня,
Ты в самой смерти сохраняешь,
Непостижимыми внушеньями меня
Из плена случая спасаешь
И так душа моя скорбящая полна
К Тебе любовью благодарной,
Так Отчей благостью Твоей потрясена
И благодатью лучезарной,
Что об одном моя молитва, — об одном:
Пошли мне силу вдохновенья,
Чтобы по всей земле неслись, как вещий гром,
К Тебе мои благодаренья,
Чтобы на голос их, как звон, отозвалось
Все благодарное на свете.
И в умилении приветственном слилось
И умилительном привете,
Хвалы всемирные дай сердцу ощутить
Всемирно-трепетно и стройно
И за дела Твои Тебя благодарить
Тебя и дел Твоих достойно!

9 мая 1918,
в вагоне в Любань

* * *

Вы, твари, ноющие с гнойною тоской,
Вы, совопросники назойливые, прочь!
Господь, владычествуя в жизни мировой,
Нам ниспослал сию карающую ночь.

Страдайте, казни правосудной вынося
Всепожирающую, пламенную боль
И сердцу жаждущему рабски не прося
Воды холодной, да зальется эта соль:

Благословенна поражающая нас
Десница Промысла из тучи грозовой!
Благословенны будьте, год, и день, и час,
Когда удар над нашей грянул головой.

Благословенна искупительная казнь
И неотсроченная Промыслом гроза!
Сгорай в томленье, непролитая слеза,
Стань благодарною покорностью, боязнь!

Иду, о Господи, всю муку восприять,
Да не останется ни тени на других
И смогут внуки безбоязненно дышать,
Когда свершится искупленье вин моих!

19 июля 1918

* * *

Ночью летней, ночью темной,
Весь молитвенно крылат,
Прохожу я сквозь огромный,
Сквозь пустынный Петроград.
Боже вечный, Боже правый,
Знаю сам, что пред Тобой,
Смертный, грешный и лукавый,
Я со всей моей мольбой,
Что пред сердца вдохновеньем
Эти гулкие шаги, —
Но внемли моим моленьям,
Но услышь и помоги!
Ты караешь нас, прощая,
Ты прощаешь нас, казня,
И возмездья не скрывая
До неведомого дня;
Нам свобода гнев Твой правый,
Нам спасенье наших мук
Пожирающей отравой
Нас терзающий недуг,
Ибо правде непреложной
Не платеж за грех боязнь
И вины предел возможный
Искупает только казнь;
В умилении приемлю
Волю грозную Твою
И в громах заране внемлю
Хлада тонкую струю;
Всемогущий, Ты ль не знаешь,
Как за страшные долги
Нас отечески караешь, —
Но услышь и помоги:
Дай в горниле испытанья
Скорбным сердцем не терять
Ни на миг вины сознанья
Простоту и благодать!

25 июля 1918,
поздно ночью на улице

Первое издание дневников, писем, стихов, речей, публицистических и литературоведческих статей. М., Институт русской цивилизации, 2009.

ОЛЕГ РОМАНОВ

Романов Олег Константинович, князь (1892—1914) — пушкиновед, поэт. Четвертый сын великого князя, поэта К.Р. (Константина Романова). В 1910 году, после окончания Александровского кадетского корпуса, поступил в Царскосельский лицей, что было связано с его решением посвятить свою жизнь поэзии и пушкинистике. Окончил Лицей в 1913 году, но, еще будучи лицеистом, выпустил первый том задуманного им издания всех рукописей А.С. Пушкина. Подобное факсимильное издание осуществлено Пушкинским Домом в конце XX века благодаря английской королевской ветви потомков поэта. Двадцатилетний лицеист обладал не меньшими возможностями благодаря своему отцу — президенту Императорской академии наук. Но с публикацией своих собственных стихов он не спешил. Они были впервые опубликованы лишь в 1915 году. Посмертно. Война застала его в лейб-гвардии Гусарском полку, а уже 25 июля 1914 года он принимал участие в военных действиях в Восточной Пруссии. На фронт пошли все пять сыновей великого князя Константина Романова. Вернулись — четверо. В день объявления войны сам К.Р. находился в Германии и, будучи офицером, оказался военнопленным. Унизительное интернирование окончательно подорвало его здоровье. Но перед смертью он испытал еще один удар. 27 сентября 1914 года ему сообщили о тяжелом ранении сына. К.Р. тут же направился на фронт, описав впоследствии·

«Взял с собою для Олега Георгиевский крест, принадлежавший отцу и подаренный им мне. Засыпал в вагоне счастливый, полный уверенности, что Олег поправляется. Насколько было сладко заснуть под отрадным впечатлением и насколько стало горько при пробуждении от новых известий. Генерал Адамович не мог меня дождаться в Вильне и написал мне карандашом из Корсовки. "Его Высочество шел в атаку, но лошадь, по его словам, слишком вынесла. Его Высочество видел человека, который прицелился... Я был допущен к Олегу Константиновичу врачами. Его Высочество встретил меня как бы "нетяжелый" больной. Приветливо, даже весело улыбнулся, протянул руку и взглянул Вашим взглядом. Войдя, я поздравил князя с пролитием Крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно, без трепета: "Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух, в войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита Кровь Царского Дома. Это поддержит Династию". Оба князя сказали мне несколько восторженных слов о поведении солдат с ними вместе в боях".

Наш поезд двигался неимоверно медленно и опоздал в Вильну на целый час... В большой угловой комнате, ярко освещенной, направо, ближе к окнам Олег лежал на кровати... Он был очень бледен, но мало изменился. У встретившего нас на пороге этой комнаты Игоря были расширенные, заплаканные глаза. Олег узнал нас, у него было сияющее выражение. Я поднес к его губам Георгиевский крест и вложил его ему в руку. По-видимому, он не совсем понимал... Я стоял у его изголовья на коленях, моя голова приходилась рядом с его головой. Смотря в упор мне в глаза, он спросил: "Паскин, ты здесь?" и попросил обойти по другую сторону кровати. Я это сделал и приколол Георгиевский крест к его рубашке с правой стороны груди.

В первые минуты, пока он был еще в сознании, как трогательно выразилась его радость свидания, которого он ждал с нетерпением. С 4-х часов его искусственно поддерживали подкожными вспрыскиваниями камфары и глотками шампанского, чтобы он дожил до нашего приезда. И Господь подарил нам это утешение. С какою нежностью обвивал он руками за шею мать и меня, сколько говорил нежных слов! Но сознание заметно угасало... Я то поддерживал его голову, то гладил по волосам и по лбу, или закрывал ему глаза. Одно из последних слов было "Пойдем спать". Он постепенно успокаивался, переставал метаться, становился неподвижнее, дыхание делалось все ровнее и тише. Наконец, он совсем затих, и нельзя было уловить последнего вздоха. Когда наступила кончина, было 8 ч. 22 м. вечера. И не стало нашего Олега!»

Князь Олег Романов скончался от заражения крови.

Его воспитатель Борис Никольский, расстрелянный ВЧК как «неисправимый черносотенец», писал в 1914 году в ноябрьском номере «Исторического Вестника»:

«С детских лет и до конца он был полон ясной, глубокой и никакими сомнениями не омраченною верою. Молитва и мысли о Боге были естественною потребностью его души. Как он любил своих родителей, как он благоговейно чтил и любил Государя и обожал наследника цесаревича, так же просто и непосредственно он любил Бога. Это выражалось даже во внешности: трогательно и умилительно было видеть, как он стоял в церкви, как крестился и кланялся во время молитвы, — ничего заученного или внешнего, все скромное. Чинное и проникновенное. Любовь его к вере и Церкви была именно такова же, как любовь к родной семье, родному языку, — она была его внутреннею природою. Не только собственные сомнения были ему чужды, но даже чужие, когда он с ними встречался, вызывали в нем не спор или осуждение, но жалость и недоумение. Церковь он любил во всех явлениях ее земного бытия: любил церковную службу, особенно торжественную, охотно принимал в ней, когда мог, участие; любил храмы, всего более старинные храмы, с их таинственным освещением и великолепными иконостасами; любил иконы, усердно хранил их, старательно размещал и развешивал у своего изголовья и не раз говорил, что из всех получаемых им приношений и подарков всего более дорожил подносимыми ему иконами; с глубочайшим интересом слушал церковные предания и увлекался всякой возможностью богомолья к историческим и прославленным святыням... Патриотизм князя господствовал над всеми его мыслями и чувствами. От рождения предназначенный к почестям и власти, он мечтал не только получить, но и заслужить их, как обыкновенный смертный... Мечтая о просвещенной гражданской деятельности, он все мечты свои забывал, едва заходила речь о возможной войне. Он говорил, что не остановится ни перед какими просьбами и усилиями, только бы попасть на боевую линию, а там — что Бог даст».

Татьяна Щепкина-Куперник писала в стихотворении «На освящении лазарета имени его высочества князя Олега Константиновича», опубликованном в «Летописи войны» (1914, № 11):

...Смерть, как цветок тебя скосила
На пажитях родной земли...
А сколько б дать еще могли
Твоя душа, и ум, и сила!

Но ты судьбой на утре дней
Отозван к горнему Престолу...
И кто главы не склонит долу
Пред светлой памятью твоей?

И не захочет с умиленьем,
Чтоб милым именем твоим,
Как чистоты благословеньем,
Приют смиренный был храним?

Поэтическое наследие князя Олега Романова невелико, но открывается оно новогодней молитвой шестнадцатилетнего поэта «О, дай мне, Боже, вдохновенье». Трое его братьев Константиновичей погибли в 1918 году мученической смертью под Алапаевском вместе с двоюродным братом князем Владимиром Палеем и великой княгиней-монахиней Елизаветой Федоровной.

* * *

О, дай мне, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь,
О, дай мне кротость и смиренье,
Восторги, песни и любовь.

О, дай мне смелый взгляд орлиный,
Свободных песен соловья,
О, дай полет мне лебединый,
Пророка вещие слова.

О, дай мне прежних мук забвенье
И тихий, грустный, зимний сон,
О, дай мне силу всепрощенья
И лиры струн печальный звон.

О, дай волнующую радость,
Любовь всем сердцем, всей душой...
Пошли мне ветреную младость,
Пошли мне в старости покой.

31 декабря 1908

* * *

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,
Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан —
Вы здесь, свидетели былого,
Стоите в грозной тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устрашит еретиков.

1910

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ

Семенов (Семенов-Тян-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880—1917) — поэт, прозаик. Внук знаменитого географа, путешественника, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова (1827—1914), получившего в 1906 году потомственную фамилию Семенов-Тян-Шанский. К этому времени его внук уже опубликовал свое «Собрание стихотворений» (СПб., 1905) и остался в истории русской поэзии как Леонид Семенов. Его первые стихи появились в печати в 1900 году, но самой значительной публикацией стала подборка 1903 года в студенческом «Литературно-художественном сборнике» Бориса Никольского. Никого из поэтов-студентов С.- Петербургского университета 1901—1903 годов нельзя сравнить с Леонидом Семеновым, даже его ровесника Александра Блока, представленного тремя юношескими стихотворениями, хотя к тому времени он уже создал те из них, которые через год составят основу его первой книги «Стихи о Прекрасной Даме». Леонид Семенов свою первую поэтическую книгу издаст в том же 1905 году, но на этом его путь в поэзии и завершится. О том, что произошло с ним в дальнейшем, напишет его младший брат, ставший в эмиграции епископом Александром Зилонским:

«...Прежде чем перейти к самому трудному, т. е. к простому более или менее хронологическому рассказу о жизни моего брата, я должен частично забегая вперед, сказать об эпохе и среде, в которой он жил.

Брат мой родился в 1880 году и был убит в декабре 1917 года. За этот период, начавшийся с восшествия на престол Императора Александра III и кончившийся современной катастрофой, за этот период, отмеченный русско-японской войной, революцией 1905 года и войной Великой, мы пережили целый ряд очень различных проявлений общественной мысли.

И последние вздохи славянофильства, и чисто интеллигентское "богоискательство", и расцвет символизма, ницшеанский индивидуализм, вырождавшийся порой в эротоманию, потом эстетизм и, одновременно с этим, толстовство, социализм и последние вспышки народничества.

И вот случилось так, что почти ни одно из этих движений, или состояний русской интеллигенции не осталось чуждым брату и во многих из них он доходил почти до предела скрытых в этих движениях возможностей и тем самым становился в интимную близость со многими выдающимися представителями каждого из этих движений.

Так мой брат был связан хорошими отношениями с Мережковским и Розановым, был тесно близок с Блоком, отчасти с Белым и другими символистами, потом с некоторыми (но в этой области рядовыми) эсерами, затем был может быть одним из самых близких людей Льва Толстого и Александра Добролюбова и наконец духовным сыном, можно смело сказать, и послушником отца Анатолия, последнего великого старца Оптиной Пустыни.

Уже этот внешний перечень показывает не только внешнюю интересность жизни брата, но и некоторое ее символическое значение для истории русской интеллигенции. Не многим дано было пройти через столькие соблазны и, не завязнув в тупике, пробиться к свету.

Мало кто дошел до Оптинских врат, а те, кто дошли, не все достучались, и в незнании путей была трагедия эпохи. Жили части почти призрачной, хотя и мучительной жизнью в мире фантазмов.

Многое в жизни русской интеллигенции можно характеризовать как невроз целого класса, потерю чувства реальности. Но лучшее в ней можно все же назвать стремлением найти подлинное бытие, настоящую реальность.

Этим-то стремлением определялись искания и этапы в жизни моего брата».

В последние годы жизни, вернувшись в лоно православия, Леонид Семенов срубил себе избу неподалеку от родового гнезда деда на юге Рязанской губернии и жил крестьянским трудом, готовясь к принятию священнического сана. 13 декабря 1917 года, за несколько часов до собственной гибели, он написал письмо своему дяде Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому о гибели двоюродного брата:

«Дорогой Андрюша,

Опять пишу тебе по печальному поводу. 5-го декабря в 9 ч. Вечера убит бедный Павел Михайлович. Убит зверски. Последние минуты, часы — да и вся впрочем его жизнь последние месяцы были для него ужасны. Я привык ко всему относиться с религиозной точки зрения — и потому как и в других случаях не теряю и при

этом мира душевного. Во всем вижу благость Творца — и в тех страданиях, каким подверг Он в конце жизни дорогого Павла Михайловича, вижу великую благодать Промыслителя... В 9 ч. Вечера — человек 8, самых отчаянных хулиганов — пьяных пошли "громить" дом Павла Михайловича. Стали каменьями кидать в окна. 4 солдата и прислуга — сейчас же бежали, оставив Павла Михайловича и Марью Ивановну одних. Марья Ивановна забилась в чулан. Павел Михайлович ее три раза перекрестил, поцеловал и знаками объяснил, что идет умирать... Убили ужасно. Вся голова его обезображена. Били, конечно, и после первого — я надеюсь, смертельного удара...»

Леонида Семенова убили выстрелом из дробовика в упор. В избе взорвали гранату. Рукописи не сгорели. Они были расстреляны...

ЗОВ

Звездной сетью, ровной, яркой,
Озарен души тайник
И, в слезах, с молитвой жаркой
Я к земле приник.

Люди спят, до звезд высоко, —
Только слышу, в тишине
«Смертный!» шепчет издалека
Голос чей-то мне...

Знаю, то к себе, прощая,
Сына мать-земля зовет:
Слышит он твой зов, родная,
И к тебе идет!

К МЕССИИ

Томительна глухая ночь,
но мирно теплятся лампады,
и духа, полного отрады,
забвенью сна не превозмочь.

Мы ждем. Мы рано в храм пришли,
надели белые одежды
и в полночь — мира и надежды
достойно жертвы принесли.

Печать позорную греха
мы смыли чистыми слезами,
престол украсили цветами
и ждем с молитвой Жениха.

И мы дождемся: Он придет —
при звуках радостных цевницы
и с первым отблеском денницы
нам искупленье принесет.

К Нему навстречу потечем
мы с громким гулом ликованья
и со слезами упованья
мольбу за спящих вознесем.

И будет тих — глубокий взгляд
святых очей Его над нами
и над склоненными главами
слова прощенья прозвучат.

Мы ждем. Молчит глухая ночь,
но ярче теплятся лампады,
и в сердце веянья отрады
забвенью сна не превозмочь.

МОЛИТВА

Я затеплил свечу и молюсь горячей,
и Кому я молюсь, — я не знаю.
И увидит ли Он жар молитвы моей,
и услышит ли зов, — я не знаю.

Но я видел в младенчески-ясных очах
отблеск тайны святой и прекрасной.
И я видел чело молодое в лучах,
озаренное думой прекрасной.

Но правдивое слово сказать я боюсь;
отчего я боюсь, — я не знаю.
И затеплив свечу, горячей я молюсь
и о Ком я молюсь, — я не знаю.

1902

СВЕЧА

Я пустынею робко бреду
и несу ей свечу восковую.
Ничего от пустыни не жду,
ни на что не ропщу, — не тоскую.

Тени жадно столпились кругом,
их пустыня мне шлет роковая.
Неповинен пред ней я ни в чем,
как невинна свеча восковая.

Кем, зачем мне она вручена?
Я не знаю, пред тайной робею...
Но не мною свеча зажжена,
и свечи загасить я не смею...

1903

ОТВЕРГНУТЫЙ АНГЕЛ

Средневековая легенда

Смятенье в замке Эйзенрека
Настал Конрада смертный час
И за монахом человека
Шлет гордый рыцарь в первый раз.
С невольным страхом поп смиренный
К одру болящего спешит
И тот с улыбкою надменной
К себе ввести его велит.
И начал Эйзенрек в волненье:
«Ты знаешь, поп, я не любил
Твоих обеден песнопенье,
Дым фимиама, чад кадил;
Как перед кесарем, пред Богом
Я не сгибал спины своей
И не согласен я во многом
С твоим ученьем, иерей;
Но было мне одно виденье...
Оно изгрызло грудь мою:
Ей страшно смерти приближенье,
Мне с детства милое в бою!
Однажды враг в разгаре битвы
Мне выбил меч из сильных рук
И ждал я смерти без молитвы
И без раскаяния мук.
Вдруг мимолетно ангел нежный
Меня крылами осенил...
Но я в надменности мятежной
Его защиту отклонил —
И, светом рая осиянный,
Он улетел с слезой в очах,
Исполнен грусти несказанной,
С упреком кротким на устах...
Удар врага был верен страшный,
Но панцирь мне не изменил,
Сломался меч — и в рукопашной
В тот день врага я победил, —
Я задушил его руками! —
Но, без проклятий и угроз,
Он цепеневшими устами
Христово имя произнес...
И я кляну тот день несчастный:
С тех пор, с мучительной тоской,
Я вижу — к жизни безучастный —
Посланца неба пред собой.
Мне страшен взор его открытый,
Его слеза мне грудь сожгла
И влагой скорбно-ядовитой
Былую силу отняла.
Отец, мне больно безконечно,
Мне страшно, страшно умирать!..
Скажи, ужель и там я вечно
Томиться буду и страдать?..
Виденье вновь... что это значит?
То он, прекрасный, предо мной!
Его мне жаль... О чем он плачет,
Скорбит безгрешною душой?
Да, я готов ему молиться...
О, научи меня, отец!..
Дай сил мне, Господи, смириться...
Будь милосерд... Пошли конец...»
Пролепетал — и вздох последний
С молитвой Богу испустил...
И служит поп по нем обедни,
Струится к небу дым кадил
И льется клира песнопенья:
«Рабу, смиренному Тобой,
Прости, Владыка, прегрешенья
И со святыми упокой!»

<1903>

ВЕЧЕР

Вот повеяло прохладой,
тени длинные легли
и над храмом, над оградой
чертят ласточки круги.

Стал на паперти церковной
сиротливо нищих ряд,
старцы в немощи духовной
знамя крестное творят.

И к Заступнице-Царице
под вечерний перезвон
богомольцы вереницей
подошли со всех сторон.

В небе мирно над полями
ровным пламенем горя,
с золотыми куполами
спорит алая заря.

Детям снится: их хранитель
отрок с благостным челом
безмятежную обитель
осенил своим крылом.

1903

НА МЕЖЕ

Я сын своих полей — без пышности и сана
молюсь родной земле, молюсь
подземным силам,

живительной росе полночного тумана
и с темной высоты сверкающим светилам.

Молюсь один, когда в селеньях люди спят,
молюся на меже, где благостней святынь
мне о Тебе в тиши колосья говорят
и на Тебя глядит пахучая полынь.

Молюсь в ночи — святой и благодатью
сильной —
без алтаря и слов, без крови жертвы тучной,
молюсь, как молятся цветы мечтой беззвучной
о ниве зреющей, о жатве дня обильной...

1903

Я — ЧЕЛОВЕК

Я — человек, работник Божий,
с утра до вечера тружусь;
«Спаси нам, Боже, от бездожий
родную ниву!» — так молюсь.

Я — человек, земле я предан.
Я — сам земля, от плоти — плоть,
но мною пот лица изведан,
и все отпустит мне Господь.

Я — человек, любви покорен,
в отдохновенье друг страстей.
С людьми я злобен и притворен,
но мать люблю моих детей.

Я — человек, страшусь могилы,
не за себя, за свой побег,
родные дети — сердцу милы;
продли для них мне, Боже, век!

Я — человек, я здесь прохожий,
не мной отмерен мне урок,
но верный вечной воле Божьей
от мыслей выспренних далек.

И так молюсь: «Дай и в морщинах
мне, Боже, сеять, жать, пахать,
любить без мысли мир в долинах
и землю потом прославлять!»

1904

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967) — поэт, прозаик, переводчик. Он дебютировал в самом начале XX века вместе со своим сокурсником по юрфаку Петербургского университета Александром Блоком, а в конце XX века в США вышла его первая посмертная поэтическая книга «Закат», как сообщают издатели, «реконструированная по архивным материалам». Автор этой «реконструкции» Вадим Крейд пишет: «Из всех значительных поэтов Серебряного века Кондратьев, по-видимому, наименее известен. К успеху он относился спокойно, в литературе шел независимым путем, оказавшись в эмиграции, жил уединенно. Вместе с благородной архаичностью образов в стихах Кондратьева дышит какое-то свежее веянье. Его всегда влекла юность мира — древние культуры и цивилизации. Он модернист, но только в том смысле, в каком относится к модернизму распространенное в разных странах в начале века неогреческое направление. Он близок к символизму, но назвать его символистом можно лишь с колебаниями. Он участвовал в ряде модернистских кружков, но и не чувствовал себя чужим на традиционных «Вечерах Случевского». Лично знал почти всех современных выдающихся поэтов, но не поддавался их влияниям. Кроме древних греков, ему были особенно близки поэты XIX века: Толстой, Щербина, Бутурлин».

Тяга к древним культурам и цивилизациям в полной мере сказалась в его мифологических романах «Сатиресса» (1907), «Улыбка Ашеры» (1911), «На берегах Ярыни», в ранних и поздних поэтических стилизациях — «Черная Венера» (1909), «Славянские боги» (1936), внеся свой вклад, по его словам, в «позорный бег назад». Но это «неоязычество» было для него таким

же литературным явлением, как «неогреческое направление», не оказав никакого влияния на его, как он сам выражался, «конституционно-монархическое credo», остававшееся незыблемым всю его долгую жизнь. Его мифологический и демонологический романы «Сатиресса», «На берегах Ярыни» переизданы и в наши дни (СПб., 1993). В поэтический сборник «Боги минувших времен», изданный в 2001 году в «Молодой гвардии», тоже вошли в основном его «ирреальные» романы из книг «Черная Венера», «Славянские боги». До сих пор остается в числе «забытых» его поэтический сборник «Отзвуки войны», изданный в 1915 году Скобелевским комитетом. Сборник открывается стихотворным эпиграфом:

«Война — это кара Господня,
Наш искус в кровавой борьбе,
За то, что мы любим "сегодня"
И молимся только себе».

В предисловии Александр Кондратьев отмечает: «Нужна ли эта рифмованная "публицистика" — как назвал и не без основания, один из критиков большинство современных стихотворений, посвященных войне, — пусть решат те, в чьи руки попадет эта маленькая книжка. Автор ее не претендует на художественную ценность своих произведений. У него просто явилась потребность под влиянием тех или других настроений передать волновавшие его образы в поэтической форме. Эта рифмованная "публицистика" невольно вылилась в созвучиях и, естественно, рвется на простор, стремясь громко выразить свой восторг или негодование. Конечно, эти стихотворные излияния — это однодневки, не претендующие на долговечность, и если они найдут отклик в родственном сердце и создадут созвучное настроение, то цель их будет достигнута». Но прошедшее столетие показало, что и такие однодневки со временем становятся историческими явлениями, а в ряде случаев литературно-историческими. «Отзвуки войны» Александра Кондратьева — одно из них.

Из ранних (в том числе из сборника «Отзвуки войны») и особенно поздних его стихов особо выделяются молитвенные. «В религиозной лирике, — отмечает Вадим Крейд, — он вдохновляется благоговением — феномен редкий в поэзии нового времени».

* * *

Вы, мирно спящие в серебряных гробницах
Под схимой черною в сиянии лампад,
С печатью вечности на потемневших лицах,
Вы, некогда мечи сжимавшие в десницах,
Стряхните тяжкий сон,
откройте мутный взгляд!
Проснитесь, иноки, когда-то в бой с Ордою
Благословившие российские войска,
Князья, недвижные под тлеющей парчою
И вы, святители, хранимые Москвою,
Восстаньте все — опасность так близка!
Взгляните в даль, внимательны и строги,
Из чуждых стран, где плещет океан,
Где диких гор рассеяны отроги,
На Русь идут языческие боги
И им вослед полки островитян.
Восстаньте все и твердою рукою
Остановите наш позорный бег назад.
Пусть снова грянет бой,
пусть льется кровь рекою...
О, если б зов мой был ангельской трубою
Вам, мирно спящие в мерцании лампад!..

1904—1905

* * *

В доме отца моего обителей много...
Иоанн, гл. 14, 2.

Мы ждем Тебя. Из недр ущелий диких,
Из тьмы пещер, из топей и трясин
Несется крик и малых и великих:
«О, низойди, сойди к нам, Властелин!»

Из тесных нор, где прячась друг от друга
Забились мы, летят к Тебе мольбы,
Не молкнет вопль: сойди с святого круга,
Спаси наш род от тягостей судьбы!

Войди в леса, лазурью осиянный,
Своим явленьем алчных разгони,
Явись средь нас, о сладкий, о желанный,
И на ползущих ласково взгляни!

Мы ждем Тебя, безсильно простирая
Корявых лап усталую ладонь...
Ты низойдешь! Застонет мгла немая,
И запоет Твой благостный огонь...

<1909>

* * *

Вы, мирно спящие в серебряных гробницах...

Я молил Тебя: встань из гробницы Твоей
И победное черное знамя развей
С ликом Спаса, расшитым шелками.

Я мечтал, что словами молитв пробужден,
Ты стряхнешь с себя вечности тягостный сон
И незримо пойдешь пред полками.

О, я верил: под звонкие возгласы сеч
Высоко Ты поднимешь свой княжеский меч,
Ужас шведов и гордых тевтонов.

Но напрасными были мечтанья мои,
Лились алой, родной Тебе крови струи,
В небе слышались отзвуки стонов;

Саранчою монгольские рати ползли;
Их зловещие грозные духи вели,
Потрясая мечами кривыми.

От немолчной пальбы содрогалась земля,
И далекой холодной чужбины поля
Устилались телами немыми.

Княже, гибли то нашей отчизны сыны,
И вкушал той порою Ты райские сны
Под бряцанья кадил благовонных.

Был загробный покой Твой и тих и глубок;
В испытания час Ты своим не помог
Против натиска орд разъяренных.

Ароматных клубов окружен синевой
Ты не вспомнил, о князь,
как над спящей Невой
Ты сидел с безпокойством во взоре.

Боя ждал Ты. Ярл Биргер отчизне грозил;
Гордо знамя со свейским он львом водрузил,
Стан разбил свой на топкой Ижоре.

Ты молился и звал. И с ночной высоты
Двое витязей наземь явились. И Ты
Сам сияние видел их ликов.

И наутро, когда как стена со стеной,
Сшиблись грозно дружины, бок о бок с Тобой,
Кто рубился средь ржанья и криков?

Ты не слышишь?! Забыл! Или ждешь Ты,
о князь,
Чтобы русская кровь, все лиясь и лиясь,
Дотекла до гробницы чеканной?!

Чтобы пение смолкло молитв над Тобой,
Заглушенное звуками труб и пальбой
И командой, увы, чужестранной?!

Знай, что близится время. Вблизи и вдали
Снова родину тучи кругом облегли,
Скоро молнии вспыхнут с заката.

Скоро грянет раскатами грозными гром
И, Тобой позабыты, мы скорбно умрем
Под тяжелой пятой супостата.

Январь 1911

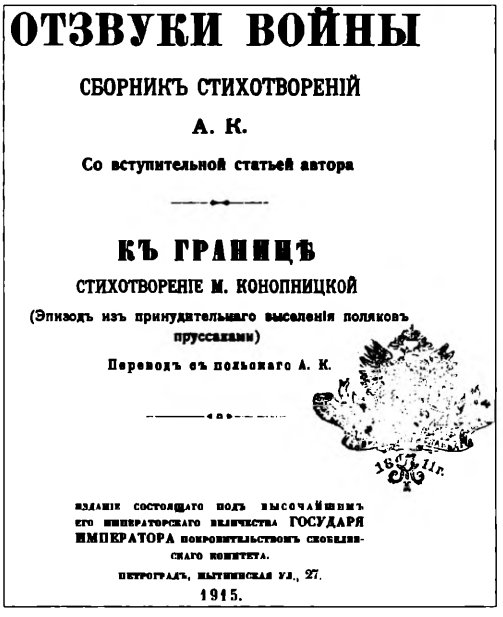
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА

Он шел на подвиг свой, как рыцарь,
добровольно
И пал геройски на посту.
В дни эти скорбные нам радостно и больно,
Что приобщился он к Кресту.
Тот Крест несет народ и верит твердо, свято
В Христа немеркнущий завет,
Что душу положить за друга и за брата, —
Священней этой жертвы нет.
К народу своему проникнутый любовью,
Как им взлелеянная новь,
Свой подвиг совершив, смешал
с народной кровью
Свою он царственную кровь.
То имя светлое в затишьи грозных боев
Любовно вспомнят на постах,
И будет у родных неведомых героев
Звучать молитвенно в устах.
О, юный наш герой, твой образ перед нами!
Скорбя как о птенце родном,
Стремимся мыслью мы, с невольными слезами,
В осиротелый отчий дом.
Там твердость придана неопытному шагу,
Там, в величавой простоте,
Учился сочетать ты юную отвагу
С служеньем высшей красоте!

Из сборника «Отзвуки войны» (1915).

МОЛИТВА

О Боже! Молю пред могилой открытой:
Для юных борцов, как Отец, будь защитой,
Не дай им кончины безвестной.
Пред горем отчизны что наша кручина?
Как Ты отдала я единого сына
Для страды великой и крестной.
Он, павший героем, здесь снова со мною
И ляжет, покрытый землею родною,
А сколько легло на чужбине!


ОТЗВУКИ ВОЙНЫ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. К.

Со вступительной статьей автора

КЪ ГРАНИЦѢ

СТИХОТВОРЕНІЕ М. КОНОПНИЦКОЙ

(Эпизодъ изъ принудительнаго выселенія поляковъ пруссаками)

Переводъ съ польскаго А. К.

ИЗДАНІЕ СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ СЕМЬЕВНО-СКАГО КОМИТЕТА.

ПЕТРОГРАДЪ, ШПАЛЕРНАЯ УЛ., 27.

1915.

Ты знаешь героев за родину павших...
Отец наш, их всех успокой отстрадавших,
И мать, что тоскует о сыне!

Из сборника «Отзвуки войны» (1915).

ПРОЩАНИЕ

Только зоренька вставала,
Мать сыночка провожала.
Снарядила в путь-дорогу
И, крестя, молила Богу,
Чтобы спас дитя родное.
Чтоб смирилось ретивое...
А сынок, ее лаская,
Говорил ей, утешая:
«Мать, не плачь: теперь я воин...
Ты гордись, что стал достоин
Защищать я мать отчизну.
Коль придется, справишь тризну,
Но пред ней должна склониться
Да за братьев помолиться,
Чтоб врага к земле пригнули
И спаслись от вражьей пули».

Из сборника «Отзвуки войны» (1915).

В ЦЕРКВИ В ДЕНЬ УСПЕНЬЯ

Догорают маленькие свечи
Перед Девой на иконостасе,
А Она, полна забот о Спасе,
Ножки обняла Ему и плечи.
Грустный взор лица Его благого
Смотрит вниз сквозь фимиам душистый.
Но спокоен Он, Малютка-Слово,
На коленях Матери Пречистой.

Пред Тобой, Владычица, колени
С сердцем умиленным я склоняю
И Тебе под звуки песнопений
Похвалы убогие слагаю:

«Девство сохранившая, рождая,
Мир Ты не забыла в день Успенья,
В день восстанья к жизни безконечной,
Матерь Жизни, Дева Преблагая,
По Твоей молитве Сын Предвечный
Наши души сохранит от тленья».

1919

В ДЕНЬ ПОКРОВА

Под защиту Твою прибегаем,
Богоматерь, спасенье людям,
Огради нас от бед и страстей
И укрой нас спасительным краем
Ризы чистой и светлой Твоей!

Труд и горе сложив за порогом,
Мы, чья вера в покров Твой жива,
В сельском храме старинном и строгом
Собрались перед Господом Богом
Во всерадостный день Покрова.

О Владычица, в тайной тревоге
На Тебя я надежду простер,
На Тебя уповаю по Боге,
Будь на жизненной трудной дороге
Мне защитой Твой благостный взор!

О Пречистая Дева, Тобою
Слово Божие к нам рождено.
Пусть молитвой Твоей преблагою
В нашем сердце, объятом тоскою,
Светом радостным вспыхнет Оно!

26.IX.1919

ВЕРТОГРАД НЕБЕСНЫЙ

Вертограда небесного лилия,
Райский цвет на безплодной земле!
Распростертый средь праха и пыли я,
Образ Твой призываю во мгле.

Нимб Твой — звезд серебристых сияние,
Поступь — облачка легкого след;
Днем и ночью Твое одеяние
Дарит солнца немеркнущий свет.

Очи — помыслы гонят нечистые.
Лик Твой — отблеск зари на снегу,
Волоса Твои — рожь золотистая,
А улыбки сравнить — не могу!

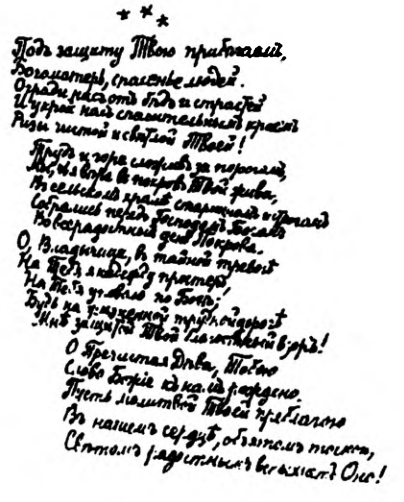
Мне ли, с силами столь невеликими,
Слить мой стих в славословящий хор
С херувимами пламенноликими,
Сонмов ангельских внять приговор?!

О Звезда Незакатная Божия,
О Светильник надмирных высот,
Я кладу у святого подножия
Вместе с песнью души моей гнет.

Голубица небес ослепительных,
В сферах вечного света паря,
Не забудь наших скорбей мучительных,
О Невеста и Мать Всецаря!

На молитву, к Тебе вознесенную,
Обрати, Милосердная, взор,
И над Русью, тоской угнетенною,
Благодатный простри омофор!

<1920>



Автограф стихотворения «В день Покрова»

АЛЕКСАНДР БЛОК

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт. Среди огромнейшей критической блоковианы есть небольшая статья поэтессы Л. Столицы, опубликованная в 1913 году в журнале «Новое Вино» и оставшаяся почти незамеченной. К тому времени молодой Сергей Василенко уже создал знаменитый романс на блоковские стихи «Девушка пела в церковном хоре...», а дети пели «Вербочки» на музыку А.Т. Гречанинова, в 1911—1912 годах вышло Собрание стихотворений, в котором были впервые опубликованы его ранние стихи — «Неведомому Богу», «Полна усталого томленья...», «Пора вернуться к прежней битве...», предшествовавшие «Стихам о Прекрасной Даме». В этих стихах Блок впервые предстал перед современниками своими молитвенными стихами, что и нашло отражение в самом названии статьи «Христианнейший поэт XX века». Любовь Столица, сама претендовавшая в то время на роль поэтессы-вещуньи, в статье тоже вещала:

«В утро христианства, когда Рим, а за ним весь мир допевал еще дико и нестройно свою языческую песнь медным ревом распущенных солдат, золотым лепетом пресыщенных философов и серебряным визгом развращенных красавиц — чудно и странно было непривычному уху человека услышать новую и иную песнь, вдруг зазвучавшую во вселенной тихо, ясно и чисто, как хрустальный изначальный родник, как жемчужный живоносный источник. А песнь эта — радостные и грустные акафисты, слагаемые и распеваемые анахоретами, юными и старыми, простыми и мудрыми, в их

белых киновиях (в монастырских одеждах. — В.К.), под голубой сенью пальм и розовой тенью пирамид среди великой пустыни Фиваидской.

Так же чудно и странно было несколько лет назад впервые услышать чистый и прекрасный голос Александра Блока, поющего свои канцоны "Прекрасной Даме", свои хвалы "Невесте Неневестиной", поющего так легко и свободно ото всего, что совершалось тогда вокруг. А вокруг был пышный праздник поэтического экзотизма, шел роскошный пир мысленного эвдемонизма, справлялась торжественная тризна по политическому и нравственному идеалу. И до того нечаян и необычаен был этот голос молодого трубадура на рубеже двух веков — ультрамеханического XIX и неведомого еще XX, что многие от "критики" смутились, смешались, по-русски сказать, открестились от странного поэта. Отсюда — доселе распространенное в широких кругах читающей публики определение Блока как поэта крайне субъективного, донельзя интимного, с безжизненно келейным безпочвенно-мистическим исповеданием, а лучезарной лирики его как аристократической, враждебной искони-де присутствующим в русской литературе заветам народничества и началам общественности — поэтому и не всем нужной и мало полезной. Оба эти определения в корне не верны. Мне кажется, что и непонимающее большинство и (якобы) понимающее меньшинство равно не разгадали особого, хотелось бы сказать, исключительного значения этого поэта. Первые — лениво и наивно доверяясь маститым судьям из толстых журналов; вторые — слепо и себялюбиво пленяясь внешностью этой удивительной музы, ее безразмерным стихом — этим ожерельем из ямбов и анапестов.

По-моему, А. Блок глубоко народен, подлинно общественен, а потому особенно у нас, на Руси, и особенно ныне чрезвычайно нужен и полезен. Попытаемся это доказать.

Во-первых, дух блоковских произведений с самого начала его творчества и до сей поры неизменно, неуклонно, неколебимо христианский. А вспомним, что на нашем языке "христианский" — почти синоним с словом "крестьянский". Более того, он именно христианский в русском понимании этого слова, то есть страдальческий и сострадальческий, винящийся, кающийся.

Во-вторых, Блок, как настоящий русский писатель, как истинный преемник Гоголя, Достоевского, Соловьева, хоть интуитивно, но фанатичен, хоть и нечувствительно, но тенденциозен, хоть и несознательно, но учителен. От первой его книги, похожей на "запевающий сон" и до пятой "сгорающей розе" — одно главное устремление, одно чудесное влечение, одно свыше предопределенное направление. К Невесте Неневестиной. К Спасителю рода христианского. Правда, длинен и непрям этот путь; долог и опасен этот крестовый поход. От природы к городу, от жития в чистоте и уединении к житию во грехе с людьми, от Марии к Магдалине. Блок — дуалист, как, впрочем, все христиане. Поэтому, с одной стороны, у него — сумрак "алый" или "лучистый", "Бог лазурный, чистый, нежный", "голубые дороги" и "золотые пороги", "белый храм" и "белый стан", а с другой — "ввысь изверженные дымы", "комнат бархатный туман", переулки и подворотни, рестораны и кабаки, темные дворцы и желтые окна фабрик. Это не значит, что поэт не любит города, напротив, город магнетически и магически манит его, но тревожит, как и женщины этого города — прекрасные и печальные блудницы. Принято говорить, что Блок певец вечной женственности. Мне думается, это не все. Этого мало. И великий Гете под конец жизни пел Mater dolorosa, а ранее был великолепным язычником. Нет, Блок с юности — избранный служитель Богоматери, ревнивейший причетник в ее храме («Я отрок зажигаю свечи» и «Я вырезал посох из дуба»), вернейший живописец икон ее (Благовещенье и Успенье), нежнейший чтец ее канона (Romancero и Мери). Для него она — живое Божество, а не метафизический термин и не библейский миф. Отсюда то особое светлое долженствование, та грядущая духовная мораль, то новое высокое участие, что струится ручьем со страниц его книг, что тянется лучами за каждой строфой его. Учение это — в гордом служении дальней златокудрой Марии-Деве-Жене-Купине-Заре и в великодушном прощении ближней рыжекудрой Магдалине-блуднице-колдунье-маске-ночи. Стих его — девиз будущего чудного ордена рыцарей «вечной Розы» и «ночной Фиалки». Песнь его клич дивного войска юных витязей, защитников Руси от тьмы и неправды, как встарь от лихой татарвы. Вот почему я называю поэзию А. Блока в глубокой степени общественной и учительной. Вот отчего считаю я ее особенно нужной теперь, в годы слабейшей нравственности и сильнейшей безыдейности.

Размер статьи не позволяет мне высказаться о форме произведений А. Блока. Скажу одно, что не только современные «цеховые», но, вероятно, и средневековые менестрели пели стихи менее сладчайшие.

Закончу тем же, чем и начала. Фиваидские отшельники проповедовали рыбам и птицам; наши пустынники кормили из рук медведей и вепрей. Так же трогательно — незлобиво и назидательно — в духе примитивного христианства, относится и этот поэт к земным тварям, темным и бедным. Стоит в родимой роще, светлый и строгий, как царевич Димитрий или князь Глеб, у ног его — благодарные и малые звери — чертенята и карлы, лягушки и другие гады, а над головой его — Дева Зверя со своим лазоревым покровом...»

Таким восприняли раннего Блока и другие современники, одним из которых был Борис Ширяев, получивший широкую известность через полвека своей книгой о трагедии Соловков «Неугасимая лампада», а в то время студент-филолог Московского университета.

О Блоке он напишет в своей последней итоговой книге «Религиозные мотивы в русской поэзии», вышедшей в 1960 году в Брюсселе, уже посмертно. Блок навсегда остался для него поэтом юности, но он пишет о нем уже сквозь призму всех тех событий, о которых в 1913 году, перед началом Первой мировой войны, с которой начнется его новая жизнь, сам Борис Ширяев, конечно, не ведал. Да и христианином Ширяев станет лишь на Соловках, в монастыре, превращенном в первый советский концлагерь. Поэзию Блока он будет воспринимать уже в обратной перспективе и увидит как раз то, о чем писала поэтесса-вещунья:

«Если мы внимательно проследим все развитие творческой направленности Блока, — отметит он, — то ясно увидим в нем среди метаний и блужданий безотрывную связь его духа с христианством. Одухотворявшая его любовь к родине тесно слита с духом родного народа, его глубокою верою в милость Господню, в силу молитвы и спасение через нее. "Я не первый воин, не последний... // Будет долго родина больна... // Помяни за раннею обедней // Мила друга, верная жена" — молится накануне Куликовской битвы русский ратник-христолюбец. И не так ли молился и сам Блок, находя прибежище в обуреваемых его душу смятениях лишь в молитве к Заступнице царства Российского, Богородице, Домом которой называлось это царство.

Ты ушла в поля без возврата,
Да святится имя Твое.
Снова красные копья заката
Протянули ко мне острие.
Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну...
Если все мольбы отзвенели,
Утомленный в поле усну.
О, исторгни ржавую душу,
Со святыми ее упокой,
Ты, державшая море и сушу
Неподвижною, тонкой рукой.

Блок не может отказаться от символической эстетики, ярчайшим выразителем которой он стал в русской поэзии. Но под темным налетом эстетической формы в его стихах явно слышны те же молитвенные мотивы арфы Давида, которыми проникнуты все лучшие произведения крупнейших русских поэтов. Они звучат даже в его предсмертной поэме "Двенадцать", которую некоторые искусствоведы и литературоведы называют кощунственной. Смысл этой поэмы до сих пор еще загадочен, и разъяснение многих ее строк придет лишь в дальнейшем, когда станут ясны исторические судьбы нашей родины, смысл постигших ее страданий, когда сотворенный грех будет окончательно прощен Господом».

Рассуждая об этом *скрытом смысле* блоковской поэмы, Ширяев выделяет строки, которые Блоку не могла простить ни Зинаида Гиппиус, ни многие другие современники. Он пишет:

«"В белом венчике из роз // Впереди Иисус Христос": Что это? Кощунство? Как смеет поэт поставить впереди грешников и убийц светлый образ Спасителя мира? Но ведь такие же убийцы и разбойники висели распятыми на крестах на Голгофе, где один из них, просветленный искупительным страданием, взмолился Спасителю: "Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое". "Ныне будешь со мною в раю", — ответил тогда этому просветленному Искупитель. Не эту ли великую тайну, тайну искупления отразил Блок в поэме "Двенадцать", отразил туманно-пророчески, но вместе с тем вдохновенно?»

Статьи Бориса Ширяева и Любови Столицы разделяют почти полвека, но они пишут об одном и том же молитвенном Блоке, который в «Дневнике» за 1911—1913 годы запишет: «От Феодосия Печерского до Толстого и Достоевского главная тема русской литературы — религиозная». К этому можно лишь добавить, что таковой же русская литература осталась и в XX веке — от Александра Блока до Иоанна (Шаховского), Николая Рубцова...

* * *

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

Впервые опубликовано в 1911 году, но написано студентом юрфака Петербургского университета Александром Блоком в день празднования столетия со дня рождения А.С. Пушкина, когда в Казанском университете в этот же юбилейный день прозвучала поминальная речь архиепископа Антония (Храповицкого).

НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Не Ты ли душу оживишь?
Не Ты ли ей откроешь тайны?
Не Ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?..

О, верь! Я жизнь Тебе отдам,
Когда безсчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не Ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я в даль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899

DOLOR ANTE LUCEM[1]

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, Боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем Ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О Тебе толкованье без отдыха нес?..

3 декабря 1899

* * *

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам Творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, —
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

* * *

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, Господь, успокоенье
И очищенье от забот.
Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечереющей лазури,
Для вечереющей души.

18 июня 1900

* * *

Новый блеск излило небо
На небесные поля.
Мраком древнего Эреба
Преисполнена земля.

Вознесясь стезею бледной
В золотое без конца,
Стану, сын покорно-бедный,
В осиянности Творца.

Если тайный грешный помысл
В душу скорбную слетит,
Лучезарный Бога промысл
Уталит и осенит.

Вознесусь душой нетленной
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны —
Узрят Бога в небесах.

25 июля 1900

* * *

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит безпокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясным пред Божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900

[1] Предрассветная тоска (*лат.*).

* * *

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в Господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи Идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненному в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900

* * *

Мой путь страстями затемнен,
Но райских снов в полнощном бденьи
Исполнен дух, — и светлый сон
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,
В душе безумной и порочной,
Живите, сны, под гнетом дней
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг
Другие сны толпою властной
Обстанут вкруг, смыкая круг,
Объемля душу мглою страстной!

Плывите, райских снов четы,
И силой Бога всемогущей
Развейте адские мечты
Души, к погибели идущей.

11 февраля 1901

* * *

Ныне, полный блаженства,
Перед Божьим чертогом
Жду прекрасного ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжалься, о Боже,
Над блаженным рабом!
Вышли ангела, Боже,
С нежно-белым крылом!
Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятиях лазурных сновидений,
Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг безсмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг безсмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апок.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью,
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

* * *

Кто-то вздохнул у могилы,
Пламя лампадки плывет.
Слышится голос унылый —
Старый священник идет.
Шепчет он тихие речи,
Всё имена, имена...
Тают и теплятся свечи,
И тишина, тишина...
Кто же вздохнул у могилы,
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть.

Март 1902

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

* * *

Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха...
От Иоанна, *III. 29*

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса,
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

7 июля 1902

Романс М.Ф. Гнесина (1915).

* * *

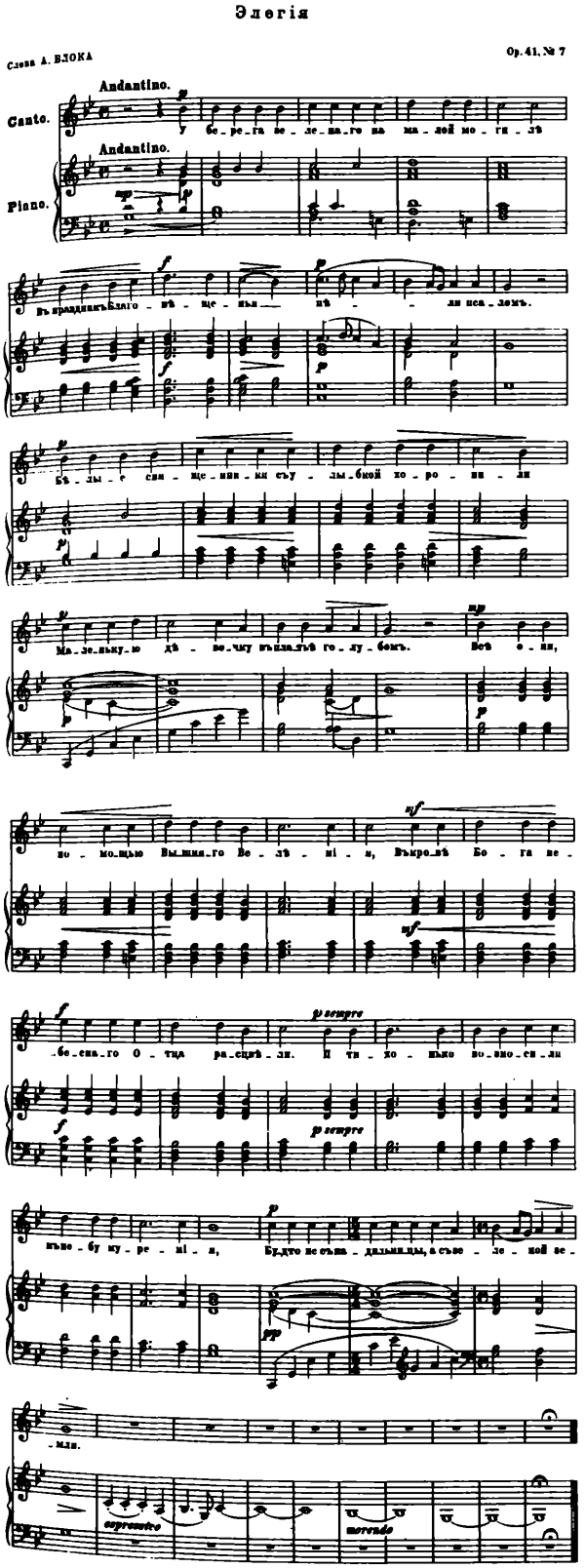
Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена,
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь все — Любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

1902

ЭЛЕГИЯ

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Первое нотное издание романса С.В. Панченко (1909)

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крови Бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадильницы, а с зеленой земли.

24 апреля 1903

МОЛИТВЫ

Наш Арго!
Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. Утренняя

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.

На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. Вечерняя

Солнце всходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье,
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. Ночная

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Все опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.
Еще звучит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебе — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. Ночная

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцирь на землю.

Безконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Все снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует, — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.
Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

Впервые: «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Эпиграф из стихотворения Андрея Белого «Золотое руно» (1903), строки которого «На горных вершинах // наш Арго // наш Арго, // готовясь лететь, золотыми крылами // забил» стали девизом московских символистов-«аргонавтов». К мифотворчеству «аргонавтов» Александр Блок присоединяет свой стихотворный цикл «Молитвы».

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

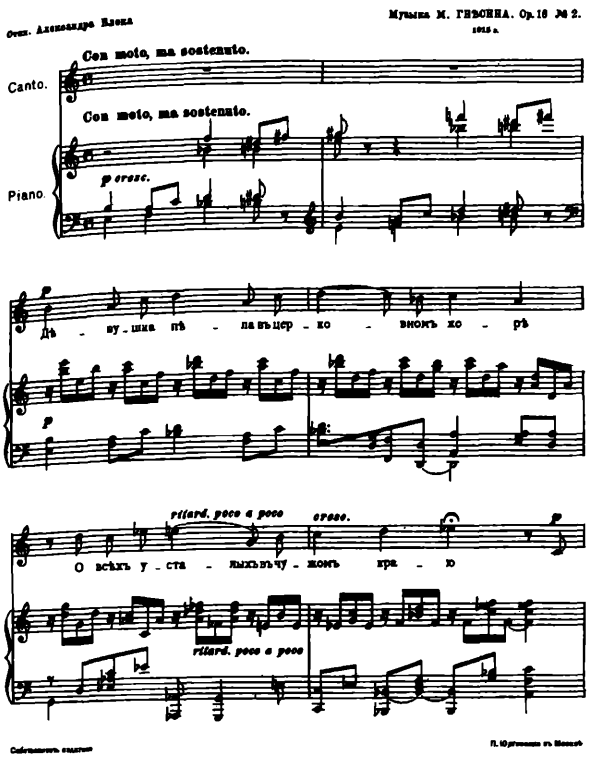
Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

Романсы С.Н. Василенко, для сопрано с фортепьяно (1909), М.Ф. Гнесина, музыка к стихам (1915), и других композиторов. Входил в репертуар Александра Вертинского.

„Дѣвушка пѣла“

Первое нотное издание романа М.Ф. Гнесина «Девушка пела» (1915)

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1—10 февраля 1906

Стихотворение создано для детского букваря, издававшегося по заказу Святейшего синода. Впервые: журнал «Тропинка» (1906, № 6) под названием «Вербная суббота». Детские песни на музыку Р.М. Глиэра (1908), А.Т. Гречанинова (1910), Ц.А. Кюи (1915) и других композиторов.

АНГЕЛ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла,

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.
За то, что нам долгая жизнь суждена,
И даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои,
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю,
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить,
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколенье рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

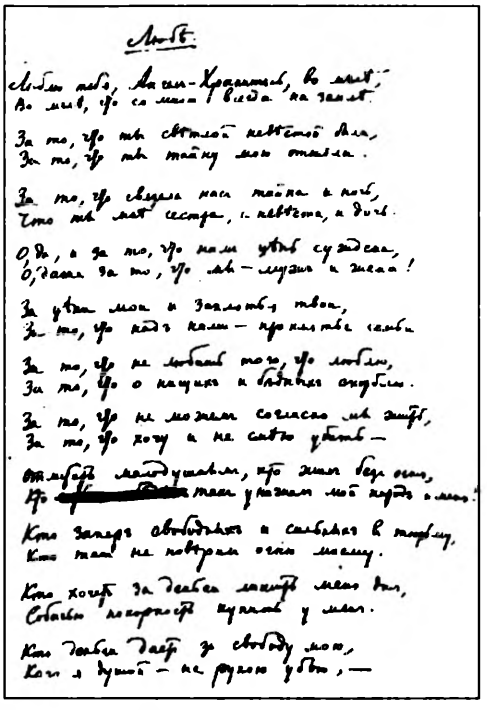
И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные люди! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906



Из цикла «На поле Куликовом»

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена.

6 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном, темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали,
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда наутро тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало,
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданьем,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил...

Над мировою чепухою;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909,
Ревель

В рукописи стихотворение озаглавлено «Святая Пасха». Романс В.В. Щербачева (1921).

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет.
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
Ведь мгла — все мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

* * *

З.Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие Твое!

8 сентября 1914

* * *

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья Матерь улыбнулась
С красного угла.

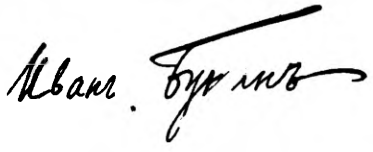
Отложила молодица
Зимнюю купель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечтались
Алых два цветка.

И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у Бога,
И весна пришла.

ИВАН БУНИН



Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — поэт, прозаик. Лауреат Нобелевской премии (1933). «В стихах Бунина, — отмечал философ Федор Степун, — нет "зауми", "невнятицы", нет хаоса, ворожбы и крутения мистически-эстетической хлыстовщины». Поэзия Бунина стала примером демонстративной ориентации на классические традиции, принципиального отрицания поэтического модернизма, любых попыток «изломать стих, внести "новшество" в него». Свою поэзию он никогда не отделял от прозы, отмечая: «И здесь, и там одна и та же ритмика — дело только в той или иной силе напряжения ее».

Ровно за двадцать лет до Нобелевской премии Бунин был удостоен самой престижной в России Пушкинской премии Императорской академии наук за перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло и поэтический сборник «Листопад» (1901). Это был третий сборник Бунина, в котором современники (и прежде всего композиторы) отметили редчайшее чувство природы, о чем свидетельствует цикл вокальных пейзажей В.И. Ребикова. К лирике Бунина обращались А.Т. Гречанинов, Р.М. Глиэр, С.Н. Василенко и другие композиторы, создавшие более пятидесяти романсов и песен. Сближение в 1900 году Бунина с Сергеем Рахманиновым найдет воплощение в романсных шедеврах Серебряного века — «Ночь печальная, как мои мечты...» (1906), «Я опять одинок...» (1906). Бунин вспоминал: «При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но все же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: "Будем друзьями навсегда!"»

Иван Бунин первым из выдающихся русских писателей XX века описал свое длительное паломничество как в стихах, так и в прозе. Библейские образы и мифологемы вошли во многие его дореволюционные стихи и послереволюционные *Окаянные дни*. Первые бунинские молитвенные стихи появились в 1900-е годы и многие из них публиковались в журнале «Мир Божий», а последние датированы 1952 годом.

* * *

Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернею порой
Его, сияющий огнями,
Перед молящейся толпой;
Любил я всенощное бденье,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смиренье
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой;
Я приносил туда с собой
В душе и радости и горе;
И в час, когда хор тихо пел
О «Свете Тихом», — в умиленье
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел...

1888

* * *

Под орган душа тоскует,
Плачет и поет,
Торжествует, негодует,
Горестно зовет:

О Благий и Скорбный! Буди
Милостив к земле!
Скудны, нищи, жалки люди
И в добре, и в зле!

О Исусе, в крестной муке
Преклонивший лик!
Есть святые в сердце звуки, —
Дай для них язык!

1889

В КОСТЕЛЕ

Гаснет день — и звон тяжелый
В небеса плывет:
С башни старого костела
Колокол зовет.

А в костеле — ожиданье:
Сумрак, гул дверей,
Напряженное молчанье,
Тихий треск свечей.

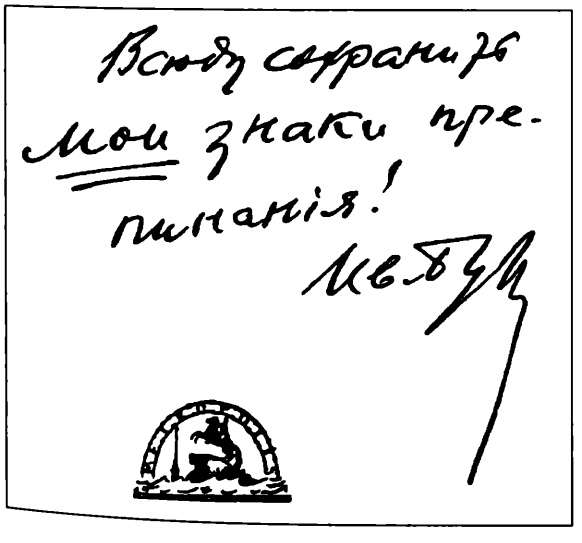
В блеске их престол чернеет,
Озарен темно;
Высоко над ним желтеет
Узкое окно.

И над всем — Христа распятье:
В диадеме роз,
Скорбно братские объятья
Распростер Христос...

Тишина. И вот, незримо
Унося с земли,
Звонко песня серафима
Разлилась вдали.

Разлилась — и отзвучала:
Заглушил, покрыл
Гром органного хорала
Песнь небесных сил.

Вторит хор ему... Но, Боже!
Отчего и в нем
Та же скорбь и горе то же, —
Мука о земном?



Не во тьме ль веков остался
День, когда с тоской
Человек, как раб, склонялся
Ниц перед Тобой,

И сиял зловещей славой
Пред лицом людей
В блеске молнии кровавой
Блеск Твоих очей?

Для чего звучит во храме
Снова скорбный стон,
Снова дымными огнями
Лик Твой озарен?

И Тебе ли мгла куренья,
Холод темноты,
Запах воска, запах тленья,
Мертвые цветы?

Дивен мир Твой! Расцветает
Он, Тобой согрет,
В небесах Твоих сияет
Солнца вечный свет,

Гимн природы животворный
Льется к небесам...
В ней Твой храм нерукотворный,
Твой великий храм!

1889

АНГЕЛ

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний Ангел пролетал.

Он видел сумрак предзакатный, —
Уже синел вдали восток, —
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.

Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая, —
Невинной, неземной души.

«Благослови меньшого брата, —
Сказал Господь. — Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»

И Ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.

И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине.
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

1891

ТРОИЦА

Гудящий благовест к молитве призывает,
На солнечных лучах над нивами звенит;
Даль заливных лугов в лазури утопает,
И речка на лугах сверкает и горит.

А на селе с утра идет обедня в храме:
Зеленою травой усыпан весь амвон,
Алтарь, сияющий и убранный цветами,
Янтарным блеском свеч и солнца озарен.

И звонко хор поет, веселый и нестройный,
И в окна ветерок приносит аромат...
Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой,
и светлый и спокойный!

Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву — и смиренье.

1893

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА
Мотив Сенкевича

> Небеса проповедуют славу Божию
> и о делах Его вещает твердь.
> День дню передает речь,
> и ночь ночи открывает знание.
> *Псалом 18*

Солнце уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за леса и моря.
В темных лесах засинели туманы,
В море горит золотая заря.

День угасает. Дневные заботы
С тихой зарей забывает земля.
Пахарь усталый вернулся с работы,
В теплой росе засыпают поля.

Вот потянулися птиц караваны...
— Как необъятны зарей небеса!..
Солнце уходит в далекие страны,
В сумрак ночной, за моря и леса.

1895

Романс В.И. Ребикова (1903).

* * *

Христос воскрес! Опять с зарею
Редеет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.

Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;

Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.

Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов и в глубь долин;

Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

1896

Романс В.И. Ребикова (1903)

НА ЗАКАТЕ

За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.

Я одинок и ныне — как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.

И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознанье,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю — с Тобой.

1901
Впервые: журнал «Мир Божий» (1901, № 7)

НА МОНАСТЫРСКОМ КЛАДБИЩЕ

Ударил колокол — и дрогнул сон гробниц,
И голубей испуганная стая
Вдруг поднялась с карнизов и бойниц
И закружилась, крыльями блистая,
Над мшистою стеной монастыря...

О, ранний благовест и майская заря!
Как этот звон, могучий и тяжелый,
Сливается с открытой и веселой
Равниной зеленеющих полей!

Ударил колокол — и стала ночь светлей,
И позабыты старые гробницы,
И кельи тесные, и страхи темноты, —
Душа, затрепетав, как крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

1901

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЕ

Несть, Господи, грехов и злодеяний
Превыше милосердья Твоего!
Рабу земли и суетных желаний
Прости грехи за горести его.

Завет любви хранил я в жизни свято:
Во дни тоски, наперекор уму,
Я не питал змею вражды на брата,
Я все простил по слову Твоему.

Я, тишину познавший гробовую,
Я, восприявший скорби темноты,
Из недр земных земле благовествую
Глаголы Незакатной Красоты!

1901

НОЧЬ И ДЕНЬ

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне:
«Все мимолетно — и скорби, и радость,
и песни,
Вечен лишь Бог.
Он в ночной неземной тишине».

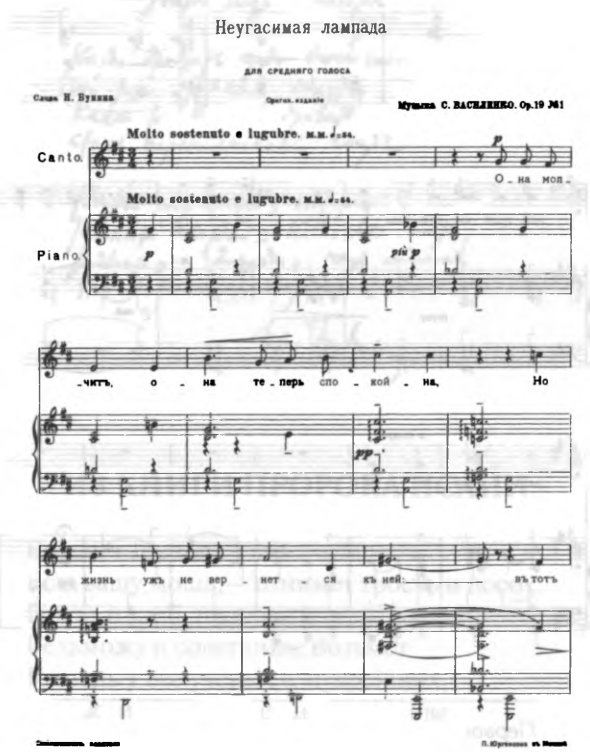
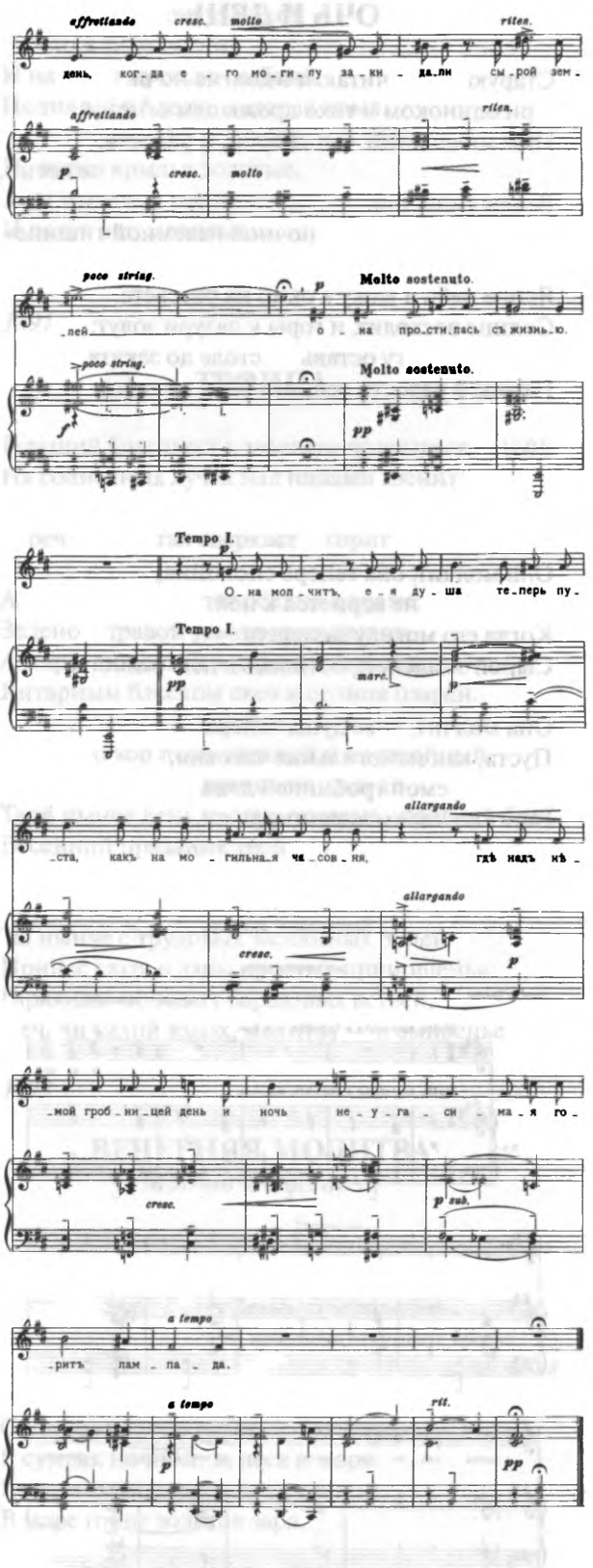
Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы к лазури зовут:
«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного Бога поют!»

1901

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

Она молчит, она теперь спокойна,
Но радость не вернется к ней: в тот день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, простилась с нею радость.

Она молчит, — ее душа теперь
Пуста, как намогильная часовня,
Где над немой гробницей день и ночь
Горит неугасимая лампада.

<1903—1905>

Первое нотное издание **романа** *С.Н. Василенко* **«Неугасимая лампада»** *(1914)*

ЗАКОН

Во имя Бога, вечно всеблагого!
Он, давший для писания тростник,
Сказал: блюди написанное слово
И делай то, что обещал язык.

Приняв закон, прими его вериги,
Иль оттолкни — иль всей душою чти:
Не будь ослом, который носит книги
Лишь потому, что их велят нести.

(1906—1907)

НИЩИЙ

Возноси хвалы при уходе звезд.
Коран

Все сады в росе, но теплы гнезда —
Сладок птичий лепет, полусон.
Возноси хвалы — уходят звезды,
За горами заалел Гермон.

А потом, счастливый, босоногий,
С чашкой сядь под ивовый плетень:
Мир идущим пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божий день!

1907
Дамаск

* * *

Свежа в апреле ранняя заря,
В тени у хат хрустит ледок стеклянный,
Причастницы к стенам монастыря
Несут детей — исполнить долг желанный.

Прими, Господь, счастливых матерей,
Отверзи храм с блистающим престолом —
И у святых Своих дверей
Покрой их звоном благостно-тяжелым.

30 июня 1907

* * *

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туманной,
Мир тишины исполни первозданной
И сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:

Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела как Божий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

31.VIII.15
Васильевское

* * *

Иконку, черную дощечку
Нашли в земле, — пахали новь...
Кто перед ней затеплил свечку,
Свою и горесть и любовь?
Кто осветил ее своею
Молитвой нищего, раба —
И посох взял и вышел с нею
На степь, в шумящие хлеба —
И, поклоняясь вихрям знойным,
Стрибожьим внукам, водрузил
Над полем пыльным, безпокойным
Ее щитом небесных сил?

21.VII.1916, во сне

ПСАЛТИРЬ

Бледно-синий загадочный лик
На увядшие розы поник,

И светильники гроб золотят,
И прозрачно струится их чад.

— Дни мои отошли, отцвели,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадует дух мой Господь,
В свет и жизнь облечет мою плоть!

Если крылья, как птица, возьму,
И низринусь в подземную тьму,

Если горних достигну глубин,—
Всюду Ты, и всегда, и Един:

Укажи мне прямые пути
И в какую мне тварь низойти.

10.11.16

* * *

О радость красок! Снова, снова
Лазурь сквозь яркий желтый сад
Горит так дивно и лилово,
Как будто ангелы глядят.

О радость радостей! Нет, знаю,
Нет, верю, Господи, что Ты
Вернешь к потерянному раю
Мои томленья и мечты!

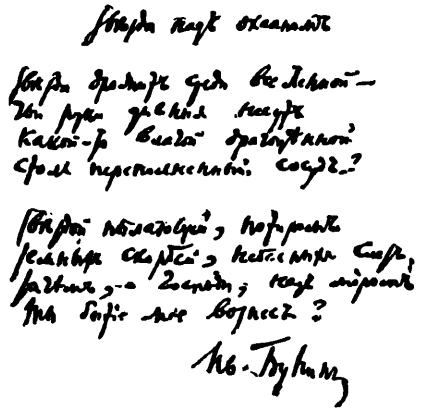
24.IX.17

* * *

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о Господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

22.X.17



ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

Возьмет Господь у вас
Всю вашу мощь,— отнимет трость и посох,
Питье и хлеб, пророка и судью,
Вельможу и советника. Возьмет
Господь у вас ученых и мудрейших,
Художников и искушенных в слове.
В начальники над городом поставит

Он отроков, и дети ваши будут
Главенствовать над вами. И народы
Восстанут друг на друга, дабы каждый
Был нищ и угнетаем. И над старцем
Глумиться будет юноша, а смерд —
Над прежним царедворцем. И падет
Сион во прах, зане язык его
И всякое деянье — срам и мерзость
Пред Господом, и выраженье лиц
Свидетельствует против них, и смело,
Как некогда в Содоме, величают
Они свой грех.— Народ мой! На погибель
Вели тебя твои поводыри!

1918

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стены,
В час полуденный,
Адамий с женой Еввой скорбит:
Высока, бела стена райская,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той ли стене павлины сидят,
Хвосты цветут ярью-зеленью,
Головки в зубчатых венчиках;
На тех ли купарисах птицы вещие
С очами дивными и грозными,
С голосами ангельскими,
С красою женскою,
На головках свечи восковые теплятся
Золотом-пламенем;
За теми купарисами пахучими —
Белый собор апостольский,
Белый храм в золоченых маковках,
Обитель отчая,
Со духи праведных,
Убиенных Антихристом:
— Исусе Христе, Миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!

12.IX.19

* * *

О слез невыплаканный яд!
О тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех — и наших мук!
Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!

22.VIII.22

* * *

И вновь морская гладь бледна
Под звездным благостным сияньем,
И полночь тихая полна
Очарованием, молчаньем —
Как, Господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить
В морскую ночь, под звездным светом!

Засыпая, в ночь с 24 на 25.VII.22

* * *

Все снится мне заросшая травой,
В глуши далекой и лесистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая в этот мшистый
Приют церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь их мир нечистый
Для тишины сей вековой!
Меч нашей славы, меч священный
Сними с бедра, — он лишний в эти дни,
В твой век, безстыдный и презренный,
Перед Распятым голову склони
В знак обручения со схимой,
С затвором меж гробами — и храни
Обет в душе ненарушимо».

27.VIII.22

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщенье, о мщенье,

О пире кровавом для всех обойденных
судьбой, —

И Ты, Всеблагой,
Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя Свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

29.VIII.1922

ПЕТУХ НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед — и все поет.
Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,

Что вечен только мертвых сон,
Да Божий храм, да крест, да он.

12. IX.22
Амбуаз

МОСКВА 1919 ГОДА

Темень. Холод. Предрассветный
Ранний час.
Храм невзрачный, неприметный,
В узких окнах россыпь красных глаз.

В храме стены потом плачут,
Тусклы ризы алтарей.
Нищие в лохмотьях руки прячут,
Робко жмутся у дверей.

Обеднела, оскудела паперть,
Но и в храме скорбь и пустота.
Черная престол накрыла скатерть,
За завесой Царские врата.

А в сторонке, в уголке, под красной
Грустною лампадой, на полу
Молится старушка, в муке страстной
Всю щепоть прижав к челу.

Матушка! Убогая, простая,
Бедная душа! Молись! Молись!
Чуть светает эта ночь глухая,
И лишь ты одна глядишь, вздыхая,
С теплой верой в сумрачную высь.

Темень. Холод. Буйных галок
Ранний крик.
Снежный город древен, мрачен, жалок,
Нищ и дик.

12.IX/19. <1924>

* * *

Один я был в полночном мире, —
Я до рассвета не уснул.
Слышней, торжественней и шире
Шел моря отдаленный гул.

Один я был во всей вселенной,
Я был как Бог ее — и мне,
Лишь мне звучал тот довременный
Глас бездны в гулкой тишине.

6.XI.38

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

1952

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, мыслитель, филолог, переводчик. В 1884 году, окончив с золотой медалью 1-ю московскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но в 1886 году уехал за границу, вернувшись в Россию лишь в 1904 году. Первый стихотворный сборник «Кормчие звезды» (1903) установил за ним репутацию «Третьяковского наших дней», второй — «Прозрачность» (1904) — принес ему известность среди символистов. В 1905—1910 годах «башня» Вячеслава Иванова была наиболее известным в Петербурге литературным салоном. «Почти вся наша молодая тогда поэзия если не "вышла" из Ивановской "башни", то прошла через нее», — вспоминал Сергей Маковский.

Поэзия Вячеслава Иванова отличалась, по словам Александра Блока, «чересчур филологической изысканностью», что превращало ее зачастую в зашифрованные тексты. Тем не менее на стихи Вячеслава Иванова создано более тридцати вокальных произведений. Наиболее значимые из них принадлежат А.Т. Гречанинову. Гречанинов обращался к поэзии Вяч. Иванова в дореволюционные и послереволюционные эмигрантские годы их жизни: композитора во Франции и США, поэта — в Риме. 1939 годом датирован цикл из пяти романсов «Римские сонеты», переложенные композитором для голоса и оркестра, для хора и фортепьяно, для хора и оркестра. «Римские сонеты» подвели итог многолетнему творческому содружеству поэта и композитора, ознаменованному таким шедевром русской религиозной поэзии и музыки, как «Христос воскрес!».

Поздние стихи Вячеслава Иванова отмечены возвратом к русской классике и религиозностью.

СТИХ О СВЯТОЙ ГОРЕ

Трудна работа Господн
Слова Вл. Соловьева на смертном од

Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!
На твоем ли просторе великом,
На твоем ли раздолье широком,
Что промеж Студеного моря и Теплого,
За теми лесами высокими,
За теми озерами глубокими,
Стоит гора да поднебесная,
Уж и к той ли горе дороги неезжены,
И тропы к горе неторены,
А и конному пути заказаны,
И пешему заповеданы;
А и Господь ли кому те пути открыл —
И того следы неслежены.
Как на той на горе светловерхой
Труждаются святые угодники,
Подвизаются верные подвижники,
Ставят церковь соборную, богомольную;
А числом угодники нечислены,
Честным именем подвижники неявлены,
Неявлены — неразглаголены,
И строючи ту церковь нагорную,
Те ли угодники Божии, подвижники,
Что сами творят, не видят, не ведают,
Незримое зиждут благолепие.
А и камение тешут — оно белеется,
А и камение складают — око не видится.
А стены ль кладут, аль подстение,
Аль столпы ставят опорные,
Аль своды сводят светлосенные,
Али главы кроют зарные, червонные,
Аль честны пишут образы со Писании, —
И то угодники ведают, не видючи,
И того мы, людие, не ведаем.
Как приходит на гору Царица Небесная,
Ей возропщутся угодники все, восплачутся:
«Гой еси Ты, Матерь Пречистая!
Мы почто, почто труждаемся-подвизаемся
Зодчеством, красным художеством
В терпении и во уповании,
А что творим — не видим, не ведаем,
Незримое зиждем благолепие,
Ты яви миру церковь невиданную,
Ты яви миру церковь заповеданную!»
Им возговорит Царица Небесная:
«Уж вы Богу присные угодники,
А миру вы славные светильники,
О светлой Руси умильные печальники!
Вы труждайтеся, подвизайтеся,
Красы-славы для церкви незримые,

Зодчеством, красным художеством,
В терпении верном, во уповании!
А времен Божиих не пытайте,
Ни сроков оных не искушайте,
Не искушайте — не выведывайте,
Как сама Я, той годиной пресветлою,
Как сама Я, Мати, во храм сойду:
Просветится гора поднебесная,
И явится на ней церковь созданная,
Вам в обрадование и во оправдание,
И Руси великой во освящение,
И всему миру Божьему во осияние».
Тут Ей Божии угодники поклонилися:
«Слава Тебе, Матерь Пречистая!
Уж утешно Ты трудничков утешила,
Что надежно смиренных обнадежила:
Ин по слову Твоему святому да сбудется!»
А поется стих во славу Божию,
Добрым людям в послушание,
Во умиление и во упование.

1900

ПОД ДРЕВОМ КИПАРИСНЫМ

Под тем ли под древом кипарисным
Алые цветочки расцветали.
«Не прети же Ты, Мати, мне младу
Алые цветики собирати,
Красные веночки сплетати,
Древо кипарисно украшати!»
«Ты нарви, нарви, Мати, Чадо,
Набери мне семь цветиков алых,
Положи мне на самое сердце:
Не семь цветиков алых на сердце —
Семь точатся капель алой крови
Из груди, семижды прободенной».

<1900-е гг.>

GRATIAE PLENA[1]

Мария, Дева-Мать! Ты любишь этих гор
Пещеры, и ключи, и пастбища над бором,
И дани роз Твоих от пастырей, чьим взором
Являешься, надев их бедных дев убор.

Пречистая, внемли! Не с ангельским собором,
Клубящим по небу Твой звездный омофор,
Когда за всенощной Тебя величит хор, —
Владычицей Земли предстань родным
просторам!

Полей, исхоженных Христом, в годину кар
Стена незримая, Ты, в пламени пожаров
Неопалимая, гнала толпу татар.

К струям святых озер, с крутых лесистых яров
Сойди, влача лазурь, — коль нежной тайны дар
И древний Радонеж, и девий помнит Саров!

<1900-е гг.>

* * *

«Уж ты, Рай мой, Раю пресветлый,
Ты почто еси мне заповедан?
И куда ж от меня затворился,
Невидимою схимой покрылся?
Али много ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен
И цветешь в небеси на воздусех,
А сыру землю сиру покинул?» —
То не крины душистые пахнут,
То не воды журчат живые, —
Говорит Адамовым чадам
Посхимненный Рай, затворенный:
«Вы не плачьте, Адамовы чада:
Я не взят от земли на небо,
Не восхищен к престолу Господню
И родимой земли не покинул.
А цвету я от вас недалече,
За лазоревой тонкой завесой:
Ту завесу лазореву знает,
Кто насытил сердце слезами.
Где проходит Божия Матерь
По земле святыми стопами,
Там окрест и я простираю
Добровонные сени древесны;
Там бегут мои чистые воды,
Там поют мои райские птицы;
Посреди же меня, Древо Жизни,
Древо Жизни — Пречистая Дева».

<1900-е гг.>

ТЕБЕ БЛАГОДАРИМ

Бог страждущий, Чьей страстной Чаши
жаждем,
По Ком горим!
Зане в Тебе, зане с Тобою страждем, —
Благодарим!

За то, что Твой, и в ризе страстотерпной,
Прекрасен мир;

[1] Благодатная (*лат.*).

За то, что Жизнь из чаши неисчерпной
Пьет Твой Потир;

За то, что Ночь во все концы пронзают
Лучи Креста,
За то, что все зовут и всех лобзают
Твои Уста:

Мы, что из солнц Разлуки совлеченный
Твой Крест творим, —
Тебя, с Собой на Древе разлученный,
Благодарим!

За боль любви, за плач благодаренья,
За ночь потерь,
За первый крик, и смертный оцт боренья,
И смерти дверь, —

Зане прибой мятежный умирает
У кротких Ног, —
Зане из бездн Страданье прозирает,
Что с нами Бог, —

Зане Тебя, по Ком в разлуке страждем,
Разлукой зрим, —
Бог жаждущий, Чьей страстной Чаши
жаждем, —
Благодарим!

1902

ХВАЛЕНИЕ ДУХОВ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИХ

Хвалите Бога, силы сфер!
Хвалите Бога, души недр!
Безсонный ключ в ночи пещер!
На высотах шумящий кедр!

Хвалите Бога, бурь уста!
Ревущий дождь и бьющий град!
И радуг Милости врата!
И Мира влажный вертоград!

И гор незыблемый порыв!
И лёт призывный пленных крыл!
И все, что Бог избрал, открыв!
И все, что, возлюбив, сокрыл!

Вал, гром и трус, и плач, и стон,
И рык, и рев, и песнь, и речь,
Душ легких лепет, струнный звон,
Звук — отзвук, систр, и серп, и меч!

И каждый вздох, и каждый глаз!
И каждый глад, и каждый труд!
В луче проснувшийся алмаз!
Во мраке — сила тайных руд!

В эфире пламенном орлы!
И рыбы струй, где пьет луна!
Святилища чреватой мглы!
Геенны недр, и перлы дня!

Славь Бога, Солнце! пой, Луна!
Звезд зримый и незримый клир!
Пространства — вы! Вы — времена,
Что, разлучив, сомкнули мир.

И золотой избытка смех,
И рдяный плод, и пьяный гроздь,
И дня сверкающий доспех,
И лунный лен, и полог звезд, —

Хвалите Бога, — как роса,
Как венчики цветов в росе:
В росинке каждой — небеса,
В душе единой — души все!

И каждый брызг над глубиной,
И каждый облак высоты,
И каждый луч в листве лесной,
В живом смарагде красоты, —

Хвалите Бога — Жизнь и Смерть,
Прибой и остов корабля,
Богострадальная Земля,
И Боговидящая Твердь!

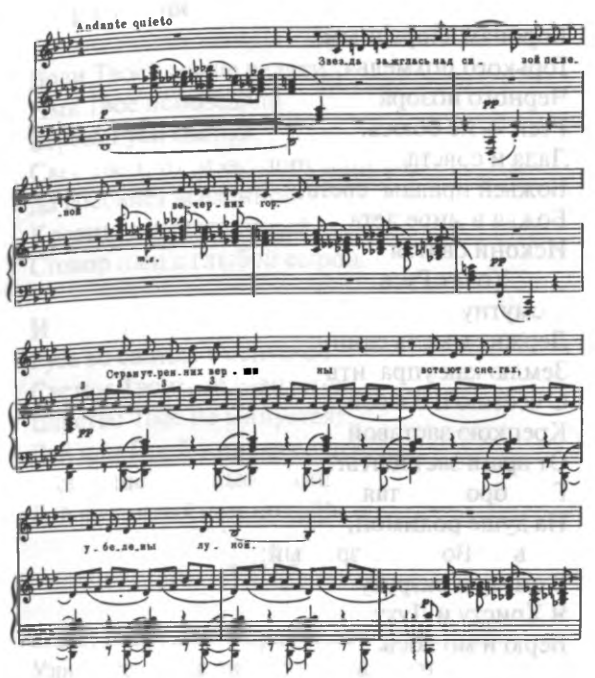
1903

ДОЛИНА-ХРАМ

Звезда зажглась над сизой пеленой
Вечерних гор. Стран утренних вершины
Встают в снегах, убелены луной.
Колокола поют на дне долины.
Отгулы полногласны. Мглой дыша,
Тускнеет луг. Священный сумрак веет.
И дольняя звучащая душа,
И тишина высот — благоговеет.

<1904>

ТРИ НАБРОСКА
на слова Вяч. ИВАНОВА
Соч. 6 а

1. Долина - храм

Романс Н.Я. Мясковского (1913)

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес! Воскрес Христос,
И смертью смерть попрал!
Как духа тьмы в юдоли слез
Любовью поборал.
Пленял любовью духа злоб
И крест любви понес, —
Над тем распался душный гроб,
Тому воскрес Христом.

<1906>

Романс А.Т. Гречанинова (1911).

* * *

Сияй в блаженной, светлой сени!
Из душ, воскресших в оный мир,
Не целовал прелестной тени
Сестер благословенный клир.

Ты все была нам: стань святыней,
Безсмертья преступив порог!
Мы боль смирим пред благостыней,
Мы знаем, что с тобой — твой Бог.

Земля тебе легка да будет,
Могила как смарагд светла.
И пусть о тленьи мысль забудет,
Где ты в цветах весны легла.

И в своде кущ, всегда зеленых
Да не смутит ни скорбный тис
Сердец, тобой возвеселенных,
Ни темнолистный кипарис.

<1906>

Романс А.Т. Гречанинова.

ИКОНА

«Господь Вседержитель» —
Слова на иконе.
Кто в злате? Кто в слове? — Христос Иисус.
Не ветхий деньми Родитель
На мысленном троне,
Но Спутник друзей Эммаус.
Человек
И брат мой, Ты — Вседержитель,
Начальное Слово и мира Творец.
О, двор багрецом убиенных овец,
Родимая путь уследивших обитель,
Тын Отчий!
Навек
Прими меня, Вера, в святую ограду,
Ягненком причисли к словесному стаду,
Чтоб мог я безумьем твоим разуметь,
Любовью дерзать и покорностью сметь!

11 марта 1914
Москва

* * *

Самозабвенно Агнца возлюбя,
Идут, куда их путь Вожатый правит;
Благословят, что мир святит и славит;
Благословив — покинут, не скорбя.

«Гряди, — поют, спасая и губя!
Все озарит Твой Лик и все расплавит;
На камне камня в храме не оставит:
Нерукотворный Храм зовет Тебя!

И злак, и куколь в полдень Твой увянет:
Твори свой суд неправд и суд святынь!
Что оживет, — в Тебе, Тобой восстанет».
И песни мед — во чреве как полынь;

Зане с Любовью не дружит Пощада,
Тот умер, в ком ни жара нет, ни хлада.

<1915>

БУДИ, БУДИ!

> Теперь общество христианское стоит лишь на семи праведниках, но так как они не оскудевают, то и пребывает все же незыблемо в ожидании своего полного преображения во единую вселенскую и владычествующую Церковь. Сие и буди, буди! И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предначертанию Божию, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях. Сие последнее буди, буди! От востока звезда сия воссияет.
>
> *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы. II, 5*

В годы крестного труда
Помни, Русь, обет пророка:
«Воссияет от востока
Царства Божия звезда».
Ей твердил он: «Буди, буди!»
О звезде молитесь, люди!

Вражья ль мощь тебе страшна?
Сень ли смертная ужасна?
С Божьей волею согласна,
Чашу выпьешь ты до дна...
Но победа суждена,
И победа лишь опасна.

Страшно встретиться с Христом
Не во вретище и прахе.
Легче каяться на плахе,
Чем на троне золотом.
Русь, в царьградскую порфиру
Облачась, не рабствуй миру!

Князю мира не служи!
«Мир» — земле, народам — «воля»,
Слабым — «правда», нищим — «доля»,
«Дух» — себе самой скажи!
Царству Божью — «буди, буди».
О Христе молитесь, люди!

Рождество 1916

В СМУТНУЮ ГОДИНУ

Искони простора,
Воли да раздолья,
Хмеля да веселья
Хочет Русь.
На пиру хлебнула
С волей своеволья,
Да и захмелела.
А не до разгула
Этим летом страдным:
Супостат за дверью...
Воля ль обманула?
Сила ль оскудела?
Вещунам не верю,
Воронам злорадным:
Горького похмелья,
Черного позора
Руси — не боюсь.
Лада и совета
Божьей правды, света,
Божья в мире лета
Искони святая
Хочет Русь.
В смутную годину
Держит мысль едину:
Землю как управить
С честию и славой,
Крепкою заставой
От врага заставить?..
Есть броня литая
На душе родимой,
Есть ей Вождь незримый:
В смуту и разруху
Я Христу и Духу
Верю и молюсь.

21 мая 1917,
Сочи

МОЛИТВА

Боже, спаси
Свет на Руси,
Правду Твою
В нас вознеси,
Солнце любви
Миру яви,
И к бытию
Русь обнови!

Боже, веди
Вольный народ
К той из свобод,
Что впереди
Светит земле
Кормчей звездой!
Будь рулевой
На корабле!

1917

ПЛАЧ ПО УБИЕННЫМ ВОИНАМ

Множится сонм убиенных,
И возносимую Чашу
В горнем узрев небеси,

Так вопиет дерзновенный:
«Агнец, землею замученный!
Кровь непрощенную нашу
С Кровью пречистой смеси!

Воли Твоей мы не ведали,
Имя Твое исповедали
Верою Руси святой.
Свет Твой, отчизне порученный,
Да воссияет вселенной
Кровию запечатленный
Сговор наш с глыбой сырой.

Ибо единым Тобой
Русь во святых именуется,
Светом Твоим знаменуется, —
Царство Твое не минуется:
Дай нам Свой мир совершенный!
Русь нашей кровью омой!
Дай во святых нам покой!»

* * *

Знаю, Господи, — будет над Русью чудо:
Узрят все, да не скажут, пришло откуда.
И никто сего чуда не чает ныне,
И последи не сведает о причине.
Но делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней.
Гонители, мучители, постыдятся;
Верные силе Божией удивятся,
Как восстанет дивно Русь во славе новой
И в державе новой, невестой Христовой.
И вселенной земля наша тем послужит;
А сатана изгнан вон, горько востужит,
Что одолеть не силен ее твердыни,
Божий не горазд разорить святыни,
Но своею же победился победой.
Кто верит вести, слово другим поведай.

11 ноября 1917

Из римского дневника. 1944

* * *

Все бес назойливый хлопочет,
Прельстить меня усладой хочет:
Услад приемлю часть мою
И славу Богу воздаю.
А бес вокруг опять хлопочет,
Пугнуть меня бедою хочет.
Скорбей приемлю часть мою
И славу Богу воздаю.

За каждый лучик и дыханье
Хвалу я Богу воздаю
И старость, дружницу мою,
Веду к порогу, в упованье.

8 января

* * *

Любовью сердце в нас живимо,
Хоть и не ведает само,
Какое злато в нем хранимо
И чье на золоте клеймо.

Вот облачко, как дух крылато,
Насквозь просвечено, горит, —
И сердце с ним зардело свято,
Ему биеньем говорит:

«С тобой свечусь, душа родная,
Забвеньем не разлучено!
Тебя я звала в играх рая,
Манило в снах — давно, давно...»

28 января

* * *

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом.

А где тот дом, — от всех закрыт;
Далече ль он, — утаено.
Что в нем оставил я, — забыто,
Но будет вновь обретено.

Когда, от чар земных излечен
Я повернусь туда лицом,
Где — знает сердце — буду встречен
Меня дождавшимся Отцом.

28 февраля

* * *

В розах Май Тебе, Мария,
Поселян сердца простые
Посвящают искони.
Радуйся, за все творенье
Отвечавшая в смиренье:
Ecce Ancilla Domini!

В розах Май сиял печален, —
Как пустых опочивален, —
Похоронные огни
В доме суженой Товии, —
До согласия Марии:
Ecce Ancilla Domini!

В розах Май, потупив очи,
Слышал зов подземной Ночи:
«Все венки сложив, усни...»
Помирила Небо с долом
Благодатная глаголом
Ecce Ancilla Domini!

Пресвятая, жар молений, —
Дева, нищий дар хвалений —
В час мой смертный помяни.

1 мая

* * *

И снова ты пред взором видящим,
О Вифлеемская звезда,
Встаешь над станом ненавидящим
И мир пророчишь, как тогда.

А мы рукою окровавленной
Земле куем железный мир:
Стоит окуренный, восславленный
На месте скинии кумир.

Но твой маяк с высот не сдвинется,
Не досягнет их океан,
Когда на приступ неба вскинется
Из бездн морских Левиафан.

Равниной мертвых вод уляжется
Изнеможенный легион,
И человечеству покажется,
Что все былое — смутный сон.

И бесноватый успокоится
От судорог небытия,
Когда навек очам откроется
Одна действительность — твоя.

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА

Соловьева Поликсена Сергеевна (1867—1924) — поэтесса, прозаик, издатель. Ее отец, знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев, был сокурсником по Московскому университету Аполлона Григорьева, Фета, Якова Полонского, да и сам писал стихи. Эта студенческая дружба во многом определила круг литературных интересов не только самого Соловьева, но и его детей, внуков. Старшего из детей, Всеволода Соловьева (1849—1903), не без основания называли «русским Вальтером Скоттом». Он был одним из самых известных и плодовитых исторических романистов, Собрание сочинений которого превысило сорок томов. Не был чужд Всеволод Соловьев и поэзии, о чем можно судить по довольно популярным романсам того времени — «Я жду тебя в тиши уединенья...» (на музыку А.Н. Алфераки) и «Померк закат...» (на музыку В.Ф. Алоиза). Выдающийся религиозный философ и поэт Владимир Соловьев (1853—1900) с юношеских лет видел в их доме Фета, который станет его поэтическим кумиром. Самого Владимира Соловьева, вслед за Фетом, своими путеводными звездами назовут символисты. А его племянник Сергей Соловьев вместе с Андреем Белым составили ядро московских младосимволистов. Младшая из двенадцати детей историка Соловьева, Поликсена, училась у И.М. Прянишникова и В.Д. Поленова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, принимала участие в художественных выставках, в дальнейшем сама иллюстрировала свои поэтические и прозаические книги, книги для детей. В 1899 году вышел ее первый поэтический сборник под литературным псевдонимом Аллегро; последующие сборники «Иней» (1905), «Плакун-трава» (1909), «Вечер» (1914), «Последние стихи» (1923) выходили

под этим же псевдонимом. В музыке ее псевдоним означает быстрый темп исполнения, что менее всего соответствовало ее стихам. Александр Блок напишет в 1905 году о втором сборнике: «У автора — молодая, свежая и чистая душа... Мы встречаем новую и тихую поэзию. Она нова, потому, что подошла в упор к открывшимся глубинам, и тиха, потому, что только смотрит в них грустными целомудренными глазами... Такие слова произносятся теперь только шепотом — д л я с е б я и д л я с в о и х». Эпиграммисты, конечно, остались верны себе. «Устроил с Богом ты невыгодную мену, // Владимира отдав и взявши Поликсену», — так Николай Минский обращался к журналу «Вестник Европы», опубликовавшему стихи Поликсены в год смерти Владимира Соловьева. Не услышал ее тихой поэзии и Валерий Брюсов (и это далеко не единственный случай его «глухоты» на женскую поэзию), зато К.Р. (великий князь Константин Романов) в официальном отзыве Императорской академии наук отметит: «Уже первая книжка П.С. Соловьевой произвела отрадное впечатление. В ней автор дал целый ряд (60) стихотворений, проникнутых чистой поэзией... Они отличаются изяществом и образностью речи, возвышенностью мыслей и тонкостью чувства». За книгу «Иней» ей была присуждена не Пушкинская премия, а золотая Пушкинская медаль, впервые учрежденная Императорской академией наук в 1908 году. Как и племянник, поэт-символист Сергей Соловьев, она была близка к символистам, многие годы поддерживала дружеские отношения с Зинаидой Гиппиус, вспоминавшей: «Если не мужественности, то мужества было немало в цельной натуре Поликсены. По-соловьевски страстная, скрытная — и прямая, она была религиозна, как-то... непотрясаемо и точно насквозь».

Все первые послереволюционные годы она прожила в Крыму, пережив все то, о чем поведают ее ближайшие друзья-поэты Максимилиан Волошин и Аделаида Герцык. В 1923 году она вернулась в Москву, где вышла ее книга «Последние стихи», зачисленная в разряд «контрреволюционных изданий», но «показательный суд», на котором настаивал журнал «На посту», не состоялся. Своими п о с л е д н и м и с т и х а м и «Свете Тихий» и «Ранняя обедня» она предстала перед Богом...

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Дожидаются березы белоснежные,
На коре, застыв, росятся слезы нежные.
Сломим ветви и в пучки завяжем тесные.
Пахнет горечью прохладною, древесною.
Уберем весь дом наш листьями душистыми,
И травою, и цветами золотистыми.
На траве, в цветах и с веткою зеленою
Встретим Троицу пред ветхою иконою.
И помянем мы в молитве травы нежные,
Желтоцветы и березы белоснежные.

СВЕТЕ ТИХИЙ

О. Беляевской

В сельском храме, простом, убогом,
Свет вечерний на Лике строгом.
К ветхой ризе он льнет, алеет.
Вздох молитвы под сводом реет.
Меркнут окна, чуть рдеют главы.
«Свете Тихий Святыя славы»...
Ангел сходит к земле с приветом,
Весь одетый вечерним светом.
Молит Бога над темной пашней,
Встретив вечер, за день вчерашний.
Тихо молвит: «Леса, долины,
Небо гаснет, но Свет единый
Ждите завтра, молясь, с утра вы...
Свете тихий, святыя славы...»
Вторят росы, вздыхают травы:
«Свете Тихий Святыя Славы»...

ПЫЛЬ ВЕКОВ

Ф. Сологубу

Моя душа вместить не в силах
Вечерних веяний тоски.
О неоплаканных могилах
Пустынно шепчут ей пески.

Об утомлении великом
Ей говорят кресты путей,
Пред ней невинно-страшным ликом
Встают страдания детей.

Каким смирю я заклинаньем
Рожденный от начала страх?
И утолю каким молчаньем
Весь крик, пронесшийся в веках?

К моим унынiям все строже,
Как с ядовитых лепестков,
Ты в душу мне свеваешь, Боже,
Всю скорбь земли, всю пыль веков!

1910

* * *

Сосны сухие и ели мохнатые черные
К берегу тесно столпились.

Мрак их недвижный и тяжкие ветви узорные
В сонной воде повторились.

Там, над деревьями, яркое небо закатное
Все обещаньями рдеет...
Слышит вода заклинанье деревьев невнятное,
Небу ответить — не смеет.

Так, угрожая, все помыслы, тьмою одетые,
Душу мою обступили,
Падают руки, к далекому небу воздетые,
В сердце молитвы остыли.

Боже! я сплю, но великое чудо желанное
Дай, пробудившись, мне встретить,
Темной душе дай на слово Твое несказанное
Новой молитвой ответить!

РАННЯЯ ОБЕДНЯ

Еще не дрогнул сумрак предрассветный,
Еще душа меж бдением и сном,
А мерный звон, призывно-безответный,
Как дождик падает за дремлющим окном.
Забрезжил свет над белой колокольней,
Дрожит веревка в ангельских руках.
Все жертвенней заря, все богомольней.
Льет алое вино в рассветных небесах.
Завеса храма таинство скрывает,
Кровь пролилась, возносится потир,
И кто-то любящий, простив, благословляет
Безумный и несчастный мир.

<1923>

Adagio.

—

Вечерній вѣтеръ зашумѣлъ,
Поднявшись на одно мгновенье

И надъ вѣтвями пролетѣлъ
Какъ бы со вздохомъ утомленья.

Ужъ близко ночь, ея покровъ
Все ниже и темнѣй скользаетъ
И жадно вѣнчики цвѣтовъ
Росу вечернюю впиваютъ.

Одна из виньеток П. Соловьевой к первому сборнику «Стихотворения» (СПб., 1889)

ЛЕОНИД АФАНАСЬЕВ

Афанасьев Леонид Николаевич (1865—1920) — поэт. Окончил училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны в Петербурге. Молодым поэтом входил в ближайшее окружение Константина Фофанова в годы его наибольшей популярности, да и сам выпустил три стихотворных сборника (1896, 1901, 1914). Участник «вечеров Константина Случевского». Его, по свидетельству современника, охотно печатали «во всех журналах, которые представляли свои страницы поэзии». Среди таких журналов был и иллюстрированный еженедельник «Русский Паломник» (1885—1917), как значилось на его обложке, — «журнал для нравственного чтения», который публиковал новые религиозные стихи русских поэтов. Леонид Афанасьев, наряду с Аполлоном Коринфским, Ольгой Чюминой и молодыми поэтами Алексеем Липецким, Владимиром Нарбутом (до его «Аллилуи»), был его постоянным автором, а из публицистов — Евгений Поселянин (Погожев), которого «писать в защиту веры, Церкви и народности» благословили Оптинские старцы Амвросий и Варсонофий (Плиханков).

Критики писали о Леониде Афанасьеве как о «безусловно талантливом поэте», отмечая музыкальность стиха, композиторы создали более двадцати романсов на его стихи, один из которых принадлежит С.М. Ляпунову. К числу исторических относятся его стихи, созданные в годы Первой мировой войны. Но главным в его творчестве была именно молитвенная поэзия.

МОЛИТВА

Всем на радость, всем униженным,
Всем гонимым и обиженным
В эту ночь явись, Христос!
Успокой и обнадежь их,
Дай с молитвой в храмах Божьих
Лить потоки сладких слез.

Дай в минуты ликованья
Позабыть печаль, страданья
И земное бытие.
Дай, как птице на просторе,
Петь и славить в стройном хоре
Воскресение Твое!

МЕЧ

Суровый гнев души своей уйми!
Не проклинай — проклятьем сердце губишь!
Не осуждай — и осужден не будешь
Ни Богом, ни людьми!
Сдержи свой гнев, обидою рожденный!
Забудь про месть, и меч свой обнаженный
Не подымай на брата сгоряча!
Поднявший меч погибнет от меча.

* * *

Христос, поруганный, осмеянный толпой,
Христос страдающий,
Христос за мир распятый,
Христос, проливший свет над грешною землей,
Неверием объятой.

Христос, принесший нам весть мира и любви,
Христос, спасающий евангельским ученьем
Мир, погибающий и тонущий в крови
И мучимый сомненьем.

Христос, источник благ любви и мира свет!
Надежды яркий луч и жизни воскресенье!
Приди к нам, в грешный мир, и повтори завет
Великого ученья!

Приди в наш век больной ничтожества и тьмы,
Где ненависть и зло раскидывают сети;
Где, позабыв Тебя, без веры гибнем мы —
Мы, слабые, как дети!

Развей гнетущий мрак неверия и лжи!
Развей сомнения речами откровенья!
И погибающим, как солнце, укажи
Пути для вечного спасенья!

1911

ПРОЩАТЬ...

Прощать, как Ты, Христос, нам, людям,
заповедал,
Прощать, как Ты прощал, не можем мы,
Христос!
Такой тяжелый крест еще никто не нес!
Никто из нас, людей, таких страстей не ведал!
Прощать лишь может тот, кто сам умел
страдать!
Прощать...

О, кто из нас, людей, клянущих, и преступных,
И тонущих в крови, прощал своих врагов?
Примеров больше нет! Средь множества веков
Таких, как Ты, Христос, средь правды
неподкупных
И целомудренных — нам больше не сыскать!
Прощать...

О, научи же нас, Великий Гений света,
Святой Учитель наш, прощать,
как Ты прощал! —
Ты правды и любви великий идеал!
Дай нам постичь слова священного завета
И так же, как и Ты, любить и умирать!

* * *

Любя, мы счастливы, но, Боже,
Но, правый Боже, отчего
На все глядим мы как-то строже,
Не веря в счастья торжество?

Зачем себя сурово судим
За каждый взгляд, за каждый шаг?
Зачем боимся верить людям
И видим в жизни только мрак?

Зачем скрываем боязливо
Огонь любви и чувства пыл,
Страшась нежданного порыва
При тех, кто дорог нам и мил?

Зачем с людьми при первой встрече,
Остерегаясь злой молвы,
Ведем натянутые речи —
И переходим с «ты» на «вы»?

Ужель любовь не отстояла
И не взяла свои права?
И всех ли любящих пугала
Толпы безумная молва?

* * *

В моей груди кипит еще восторг,
Мои глаза полны еще слезами...
Святой порыв из сердца их исторг,
В слияньи чувств с Творцом и небесами.

Я позабыл души моей разлад,
Я усыпил тревожные волненья
И, окрылен и трепетом объят,
Стремлюсь к мечтам и звукам песнопенья...

Передо мной — сияющий простор,
Лазурь небес, опаловые дали...
В них, как звезда, ослепнув, тонет взор,
Уйдя от слез, волнений и печали.

Опять, как жизнь, безсмертной красотой,
В венце лучей, влечет меня природа,
Где всех нас ждет блаженство и покой
И лучший дар — разумная свобода.

О небеса! пролейте в сердце мир
И дайте дни без скорби и кручины,
Чтоб к вам одним, в сияющий эфир,
Стремилась пыль воздушной паутины!

1912

* * *

Дождались мы опять заутрени пасхальной,
Удара первого в отзывчивую медь;
Он — вестник радостный — рассеял мрак
печальный,
Порвал сомнений злых томительную сеть.

Он сердце всколыхнул от мертвого застоя,
Дух обезсиленный надеждой окрылил;
Вернул ослепшим свет и в небо голубое
К путям спасения их взоры обратил.

Тяжелой тучей тьма простерлася над нами,
Неисчислимых бед кошмаром давит зло.
Во власти демона с соблазными речами
Мы к пропасти летим отверстой, как жерло.

В нас пламя веры нет, нам силы изменили,
Источники любви иссякнули в сердцах...
Ужели смерти ждать, с холодной тьмой
в могиле,
А не спасения на жизненных путях?

Нет, солнце не зашло и звезды не погасли,
Под пеплом не померк живучий огонек;
Свет истины хранят в пещерном мраке ясли,
Событий ураган не смял живой цветок.

Христос, сошедший в мир для жизни и
спасенья,
Попрал слепую смерть ценою страшных мук,
Разрушил ада тьму, дал мертвым воскрешенье,
И радость возвестил, и свет разлил вокруг...

Глашатай истины, безсмертья и свободы,
Он с нами и теперь, но мы Его не зрим.
Он — светлая весна, Он — трав зеленых всходы,
Он — солнце и цветы под небом голубым.

Он — пенье соловья и жаворонков звонких,
Он — в шелесте листвы и в шепоте вершин,
Он — в плеске звонких струй, в сплетеньях
нитей тонких,
Дрожащих в воздухе, как струны, паутин.

Он — свет живой любви и в жизни радость
наша,
Источник лучших благ, всего, что может дать
Нам юность нежная — восторгов сладких чаша,
Где света и тепла и счастья благодать!

1912

В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

Вхожу в собор. Безмолвен мрак его,
Располагающий к смирению в молитвах.
Кругом, в пыли, как славы торжество,
Ряды знамен, победно взятых в битвах.

Трофеи войн, они с холодных стен
Над головой нависли мрачной сенью...
Их дряхлый вид, борьбой запечатлен,
Тревожит ум и клонит к размышленью.

Здесь вечный мир нашел священный прах
Российских войск седого исполина,
Чье мужество и доблести в боях
В скрижаль веков внесла Екатерина.

Вся жизнь его, как буря протекла...
Теперь он спит, и сон его спокоен,
И мнится мне, собора тишь и мгла
Ему гласят: «Спи с миром, старый воин!»

В Казанском соборе. Гравюра 1914 г.

А там, вдали, у самых Царских врат,
Пред Богоматери иконой чудотворной
Горят огни безчисленных лампад
И льют свой свет молитвенно-покорный.

О, сколько к Ней стекается людей,
Страданием и горем удрученных!
О, сколько слез горючих из очей
Течет рекой в рыданьях многостонных!

Заступница Великая! Услышь
Сердечный вопль простертых пред Тобою!
Ты ближе всех к Творцу небес стоишь
С могуществом и славой неземною!

Моли за нас разбитых и больных,
Безсильных крест нести в пути тяжелом, —
Твои мольбы угодней всех других
Пред высших сил незыблемым Престолом.

<1914>

ПОМОЛИМСЯ

Из великопостных настроений

Помолимся о павших за родину в боях,
Чей дорог нам и близок зарытый в землю прах.
Помолимся усердно, далекие от них,
Чтоб сон их непробудный был сладостен и тих.
В расцвете сил кипучих окончив жизни дни,
Свой выполнили честно священный долг они!
Спят юные герои. Из рук их выпал меч.
Судил им рок жестокий в могилы рано лечь...
Но мы их не забудем, признательность храня
За подвиги и жертвы средь крови и огня,
Где с тою же отвагой в морозы и снега
Теснят бойцы другие могучего врага!

Славнее нет кончины, как с честью пасть
в бою,
Отдав любовь и силы за родину свою!
Помолимся ж за души приявших смерть в боях,
Чей дорог нам и близок зарытый в землю прах.
Помолимся усердно, далекие от них,
Чтоб сон их непробудный был сладостен и тих!

Впервые: «Русский Паломник» (1915, № 11).

* * *

В дыму кадильном, как в тумане,
Горят огни у Царских врат,
И в благолепный храм спешат
Для покаянья прихожане.

Рыдает клира стройный хор,
Взывает дьякон звучным басом,
И крылья Дух Святый простер
Над золотым иконостасом.

С тоской, в раскаяньи, в слезах,
Молясь лежат толпы народа...
И духовник склонился в прах
Челом у царственного входа.

Бежит, струясь, кадильный дым...
И в храм сквозь купола оконце
Лучом огнистозолотым
Бьет проступающее солнце.

Блестя на кованой парче,
Свет льется полосою пыльной,
И, трепеща, в косом луче
Лениво льется дым кадильный.

Нежней и тише голоса;
Рыдает скорбь, и сердце в горе,
И в каждом взгляде, в каждом взоре
Сверкают слезы, как роса.

Душа в смирении покорном,
И страсть от думы далека,
И тают в храме миротворном
Людское горе и тоска.

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, молиться за них
Горячее того, чем молюсь я, скорбя, —
Чтоб молитва из сердца в словах огневых
Доходила, как жертвенный дым, до Тебя!

Уповаю я, Боже, всем сердцем моим:
Велика Твоя милость и мощна любовь!
Помоги же защитникам нашим родным,
Отдающим за родину тело и кровь!

Впервые: «Русский Паломник» (1916, № 6).

В СВЯТУЮ НОЧЬ

Еще царит кругом молчанье
Плывущих к полночи минут,
Но робко, в чутком замиранье,
Земля и небо чуда ждут.

И вдруг, слетев как гром небесный,
Могущий горы всколыхнуть,
Потряс удар тяжеловесный
Немую колокола грудь.

И стоном медленно-тягучим
Молчанье ночи разбудив,
К блестящим звездам, к темным тучам
Он шлет таинственный призыв...

И вслед за ним, как весть живая,
В ответ другие потекут,
Победным голосом вещая
Восторг торжественных минут.

И город шумно всколыхнется,
Как в звучном ливне сонный лес,
И светлой радостью ворвется
Ко всем под кров: «Христос воскрес!»

И эта весть смирит волненье,
Утешит горе, боль обид,
Откроет сердце для прощенья,
Слезами душу умилит.

О, если б этой вести дивной
Всегда всем, равным по судьбе,
Звучал к смиренью глас призывный
В обуревающей борьбе!

1916

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

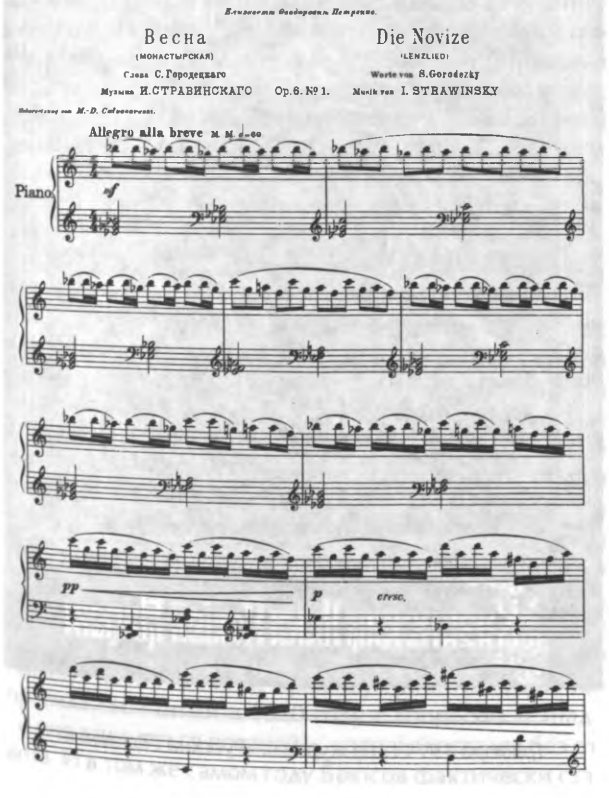
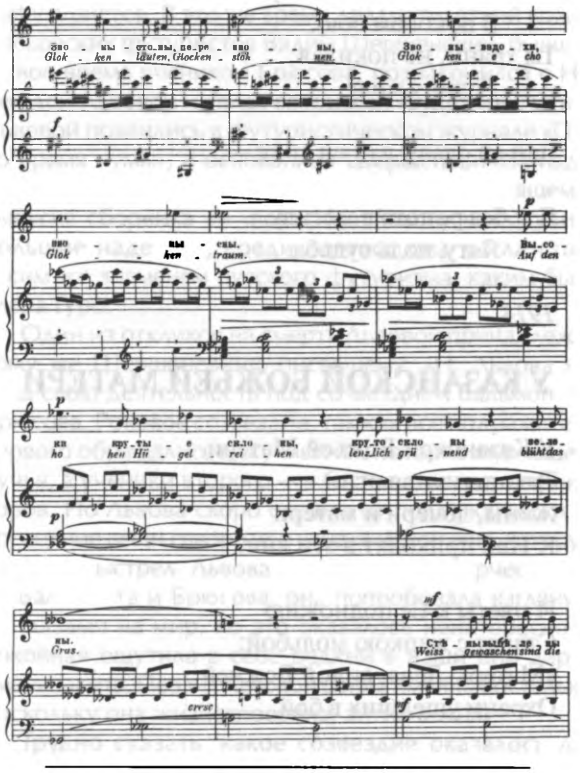
Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. Его первый поэтический сборник «Ярь» (1907) стал манифестом нового поэтического направления. «Мы ведь можем, можем, можем!» — воскликнул Велимир Хлебников, носивший «Ярь» за пазухой. Символизм его первого учителя Александра Блока приобретал почву «в переживаниях первобытного человека, души, еще близкой к стихиям природы» (В. Брюсов). Александр Блок писал: «Прошло немногим больше года с той поры, как на литературное поприще вступил Сергей Городецкий. Но уже звезда его поэзии, как Сириус, яркая и влажная, поднялась высоко. Эта звезда первой величины готова закончить свое первое кругосветное плавание». Столь же обнадеживающими были отзывы Вяч. Иванова, Максимилиана Волошина, Валерия Брюсова. Георгий Чулков отмечал: «Сергей Городецкий — плоть от плоти земли Русской. Он пришел к нам из глубины древних полей во всем великолепии языческого варварства и сумел не повторяться, не погибнуть среди стен нашего "западного" города». Правда, Иван Бунин обратил внимание на то, что языческие образы «Яри» «просто выдуманы», в дохристианском пантеоне нет таких «демонов, богатырей, чудищ». Но Городецкий и не ставил перед собой задачу реконструкции языческой мифологии, его «задорное язычество» было поэтической имитацией, подобной стилизациям Алексея Ремизова, «Весне священной» Игоря Стравинского. Главным его открытием в поэзии, после «Яри», стал Сергей Есенин. «Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», — вспоминал он о своем первом знакомстве в марте 1915 года с девятнадцатилетним Сергеем Есениным. «Ярь» самого Сергея Городецкого и

была по сути своей предвестником этого долгожданного чуда, но уже не стилизованного, а подлинного.

Обращение И.Ф. Стравинского, С.Н. Василенко, Н.Н. Черепнина и других композиторов к поэзии Сергея Городецкого периода «Яри» связано с общими тенденциями мифотворчества как в литературе, так и в музыке, изобразительном искусстве Серебряного века. Но неоязычество самого Городецкого, как и других поэтов, существовало параллельно с неохристианством и неотделимо от него. Это был своеобразный «ренессанс» русских «гностиков» начала XX века, некоторые из которых (Аделаида Герцык, Кузьмина-Караваева), пройдя через реальные круги ада своей эпохи, станут подлинно христианскими поэтами. Обращение Сергея Городецкого к религиозным образам и сюжетам, его молитвы в этом отношении тоже показательны.

ВЕСНА МОНАСТЫРСКАЯ

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела.
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:
Ах ты, поле, моя воля,
Ах, дорога дорога!
Ах, мосток у чиста поля
Свечка Чиста четверга!
Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышет жарко,
Жарче сердца моего.
Я отстала, я осталась
У высокого моста.
Пламя свечек колебалось,
Целовалися в уста.
Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой!
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий спокой!
Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны,
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря.

<1907>

Весна
(МОНАСТЫРСКАЯ)
Слова С. Городецкаго
Музыка И. СТРАВИНСКАГО Op. 6. № 1.
Die Novize
(LENZLIED)
Worte von S. Gorodezky
Musik von I. STRAWINSKY
Allegro alla breve
Piano

Первое нотное издание романса «Весна» (1908)

МОЛИТВА

Нет, не оставил Ты ее!
Но испытанье слишком долго,
Грядет ли царствие Твое
Скорей, чем высыхает Волга?

Чем обнажается земля,
Чем вымирают в избах дети,
Чем замыкается петля,
Чем крепнут дьяволовы сети?

Ты, Отче наш на небесех
В сияньи райских благолепий,
Ты, снявший с мира первый грех,
Поникни взором наши степи.

И сердце древнее Твое
Воскликнет, лютым стонам внемля:
Гряди же, царствие Мое,
На эту мученицу-землю!

1910

МОЛИТВА ВОИНА

Не меня храни, родная,
В роковом бою,
Ты храни, не покидая,
Родину мою.

Дай ей славу, дай ей силу —
Вот моя мольба.
Я ж без ропота в могилу
Лягу, коль судьба.

1914

У КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

У Казанской Божьей Матери
Тихо теплятся огни.
Жены, дочери и матери
К Ней приходят в эти дни.

И цветы к Ее подножию
Ставят с жаркою мольбой:
«Матерь-Дева, силой Божией
Охрани ушедших в бой.

Над врагом победу правую
Дай защитникам Руси,
Дай сразиться им со славою
И от смерти их спаси.

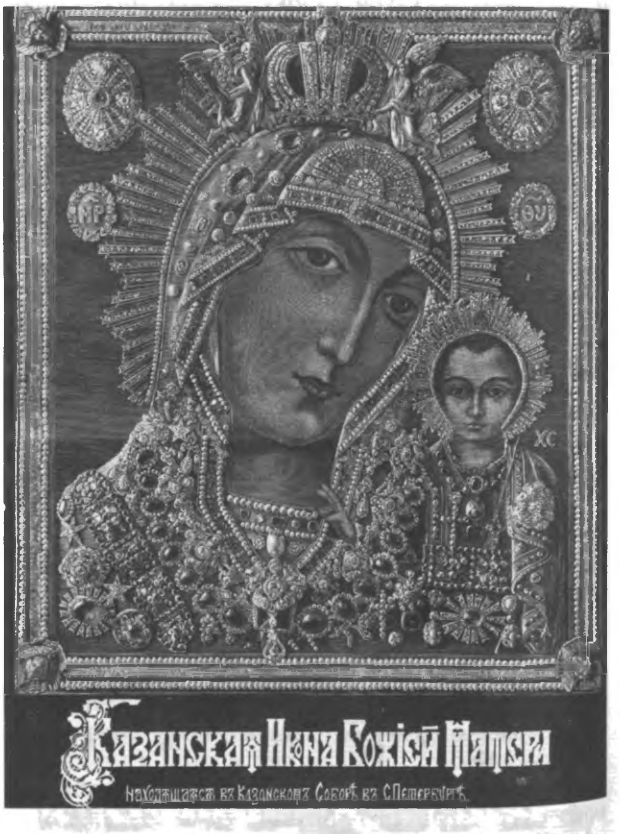
На Кресте Твой Сын Единственный
За любовь свою страдал,
И Его глагол таинственный
К этим битвам Русь позвал.

Мы воюем за спасение
Братьев, страждущих славян.
Мы свершим освобождение
Подъяремных русских стран.

С кем враждует Русь лучистая —
Враг и Сына Твоего.
Дай же, Дева, дай, Пречистая,
Нашей силе торжество!»

У Казанской Божьей Матери
Дивно светел вечный взгляд,
Жены, дочери и матери
Перед Ней с мольбой стоят.

<1915>



Гравюра 1914 г. из журнала «Русский Паломник»

НАДЕЖДА ЛЬВОВА

Львова Надежда Григорьевна (1891—1913) — поэтесса. Журнальные публикации ее стихов, а затем и поэтическая книга «Старая сказка. Стихи 1911—1912 гг.» (М.,1913) появились почти одновременно с первыми публикациями Марины Цветаевой, Анны Ахматовой. Книга открывалась стихотворным напутствием Валерия Брюсова:

Вели нас разные дороги,
На миг мы встретились во мгле.
В час утомленья, в час тревоги
Я был твой спутник по земле.

Брюсову принадлежит честь открытия многих поэтических имен. Этот список открывается именем девятнадцатилетнего Николая Гумилева, которого он «заметил» еще в 1905 году. «И сколько еще молодых поэтов мне обязаны своим первым появлением в печати! Не перечислю всех имен, но назову только Н. Львову», — запишет он. Так оно и было. Но среди поэтов Надежда Львова — едва ли не единственная поэтесса Серебряного века, чьим «крестным отцом» был Брюсов. Михаил Кузмин в 1912 году представил на поэтическом Олимпе вновь прибывшую Анну Ахматову, Валерий Брюсов в 1913 году — Надежду Львову. Хотя именно к Брюсову Анна Ахматова направила свои стихи в 1910 году с вопросом — «надо ли мне заниматься поэзией?», который остался без ответа. И в том же самом году Брюсов фактически стал первооткрывателем семнадцатилетней гимназистки Марины Цветаевой, его благожелательная рецензия была первым откликом в печати на «Вечерний альбом», но она же положила начало их непримиримой вражде. И вот судьба предоставила ему возможность к двум поэтическим дебютам добавить третий, создать поэтическую «троицу» — Ахматова, Цветаева, Львова, но в обратном порядке — Львова, Цветаева, Ахматова.

Почти одновременно со «Старой сказкой» Надежды Львовой вышли посвященные ей «Стихи Нелли». Это была вторая поэтическая мистификация после нашумевшей истории с Черубиной де Габриак, созданной Максимилианом Волошиным и поэтессой Елизаветой Дмитриевой в 1910 и «саморазоблачившейся» в 1911 году. Брюсов тоже любил, по его собственным словам, «менять кожу», был непревзойденным мастером имитаций поэтических стилей едва ли не всех стран и народов. В «Стихах Нелли» он совершил еще один эксперимент перевоплощения — создал образцы «женской» лирики. Не романтических медитаций некоей «умершей в 1781 году» полуфранцуженки-полуиспанки, а вполне реальной русской поэтессы начала XX века. Год жизни мифической поэтессы Цветаева называла «эпохой Черубины». Таким же эпохальным явлением, по замыслу Брюсова, должны были стать в женской поэзии «Старая сказка» Надежды Львовой и «Стихи Нелли».

Но случилось непредвиденное. В мае 1913 года умерла Елена Гуро — единственная поэтесса среди кубофутуристов. В это же время двадцатилетний вождь московских футуристов Вадим Шершеневич, бывший в свое время учеником Брюсова, познакомился с Надеждой Львовой и увлек ее идеями «будетлян». Стихи Львовой появились в футуристическом журнале «Пир во время чумы», а основанное Шершеневичем издательство «Мнемозин поэзии» объявило о готовящемся выпуске сборника ее «поэз». На Львову возлагались большие надежды, среди поэтесс она могла стать таким же знаменем русского футуризма, каким была Елена Гуро.

Один из откликов на смерть Львовой принадлежал тому же Шершеневичу, писавшему: «Н. Львова начала свою деятельность под созвездием Бальмонта и Брюсова. Роковое созвездие, так как все подражатели первого обращались в скучных имитаторов журчащего ручья, а ученики второго — в бесплодных версификаторов. Но Львова скоро отошла от подражаний, и ее последние вещи говорили о начале новой эры, которую прервал выстрел. Львова черпала свое творчество не из Бальмонта и Брюсова; она попробовала взглянуть их глазами на мир, но это оказалось неинтересно, и покойная ощутила в себе редкий в наши дни дар — умение жить. Поэзия Львовой ценна именно постольку, поскольку она жизнеспособна, антикнижна».

Трудно сказать, какое созвездие оказалось для Надежды Львовой более роковым — Брюсова или же Шершеневича, обратившего ее в свою веру. Сам Шер-

шеневич, как и многие другие поэты, вполне мог менять «учителей», переходить из одного литературного стана в другой. Придет время, и он станет имажинистом, отречется от футуризма точно так же, как от символизма. Но для Надежды Львовой переход от московских младосимволистов к московским кубофутуристам означал неизбежный разрыв с Брюсовым, крах того культа любви, который они воплотили в «Старой сказке» и «Стихах Нелли». Отношения Брюсова с молодыми поэтами, по свидетельству Владислава Ходасевича, часто заканчивались непримиримой враждой при любом проявлении независимости: «Молодой поэт, не подошедший к Брюсову за оценкой или одобрением, мог быть уверен, что Брюсов никогда ему этого не простит. Пример — Марина Цветаева». Можно добавить — не только Цветаева. Такую же независимость проявит и Софья Парнок, назвавшая его «евнухом Муз». Этот, по словам самой Цветаевой, «опыт молодой вражды» определил многое в ее судьбе, для Софьи Парнок он тоже оказался во благо, но для Надежды Львовой закончился трагедией.

В 1924 году Игорь Северянин писал в стихотворении «На смерть Валерия Брюсова»:

Нас, избранных, все меньше с каждым днем:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоем,
Прости его, самоубийца Львова...»

* * *

Не за свою молю душу пустынную.

Боже мой! Боже мой! Я молитвы забыла.
В душе моей пусто... И темно, темно...
Мечта моя крылья святые разбила...
Но я нынче молюсь, как когда-то давно.
Последнюю искру последнего света
Стараюсь разжечь в негасимый огонь,
Да не будет моленье мое без ответа:
Не меня — его — своей благостью тронь.
И все, что мне судил Ты благого,
Пусть вспыхнет пред ним вечным лучом!
Боже мой! Боже мой! Каждое слово,
Каждый мой вздох — о нем, о нем!..

ИЗАБЕЛЛА ГРИНЕВСКАЯ

Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864—1942) — поэтесса, драматург, прозаик, переводчица. Обучалась на Высших женских (Бестужевских) курсах. Выпустила несколько поэтических и прозаических книг, ее пьесы с успехом шли на театральной сцене, и сама она играла на сцене под псевдонимом Тамарина. В 1910-е годы входила в кружок «Вечера Константина Случевского», продолжавшего традиции поэтических «пятниц» Якова Полонского. Композиторы Ц.А. Кюи, М.М. Ипполитов-Иванов, Е.Н. Греве-Соболевская, А.В. Таскин, А.Н. Чернявский, Б.В. Гродзский, В.А. Золотаврев создали более двадцати романсов на ее стихи.

ПРОСТИ

Когда я в горести, бывало,
К тебе, родная, прибегала,
Роптала гневно на людей:
«Своими чувствами владей
И злобе не давай расти.
Прости, — учила ты, — прости».

Когда с разбитой жизнью снова
Пришла к тебе без слез, без слова,
Ты, чутким сердцем все поняв
И робко дочь свою обняв, —
Сказала: «Тяжко крест нести,
Но все ж прости, дитя, прости».

Теперь от берега далеко
Во тьме плыву я одиноко.
Погибло все средь бурных волн,
Что бьют мой бедный, утлый чёлн.
Из благ всех, Боже, дай спасти
То слово чудное: «Прости».

В ХРАМЕ

Вошла я в храм. Сквозь сумрак туч
Светила дня последний луч
Пробился вдруг и осветил
И плиты древних двух могил,
И лики темные святых
В прозрачных ризах золотых.

Святые здесь глядят на нас,
Суров их взгляд, но в поздний час,
Когда потушены огни,
С тоскою молятся они:
— О Боже, Ты детей Твоих
За вздох о бедствиях чужих,
За шаг к добру, за миг любви —
За это все благослови!
За вздох о бедствиях чужих,
Когда не счесть и бед своих,
Когда властительный кумир
Смущает ум, — пошли им мир,
Душе болеющей покой,
Им тайну благости открой!

ЗВЕЗДА

Рождественская песнь

На широком небосводе,
В звездном ярком хороводе,
Светит дивная звезда.
Всюду луч она заронит,
Где людское горе стонет, —
В села, рощи, города.
Луч доходит до светлицы
И крестьянки, и царицы,
И до птичьего гнезда.
Он вскользнет и в дом богатый,
И не минет бедной хаты
Луч волшебный никогда.
Всюду ярче радость блещет,
Где тот звездный луч трепещет,
И не страшна там беда,
Где засветится звезда.

ВЛАДИМИР ШУФ

Шуф Владимир Александрович (1864—1913) — поэт, прозаик. В предисловии к книге сонетов «В край земной» (СПб., 1906) Владимир Шуф писал: «В этой книге рассказана история души, ищущей Бога. От неверия и агностицизма, полного сомнений, от разбитых святынь прошлого длинный путь ведет меня к вере в край иной... Я много странствовал, я искал свои святыни среди мраморных обломков Эллады, в пустынях Африки, на берегах Нила, на Ближнем и Дальнем Востоке, где подымаются минареты ислама и в древних кумирнях стоят истуканы Будды. Я видел Европу и Азию, мертвые города и забытые гробницы, кровавые войны, землетрясения, народные смуты были перед моими глазами... Я видел мир, — это путь целой жизни, который привел меня в Палестину, к священным водам Иордана. Свои мысли и впечатления я передал в цикле сонетов».

ЗАБЫТЫЙ ХРАМ

Душа моя — как разоренный храм,
Стоит алтарь, поруганный, разбитый...
В оправе риз и золоченых рам
Святые лики стерты и забыты.

Там, где клубился синий фимиам,
Светильник пал на мраморные плиты,
Весь воском залитый, и по стенам
Плюща узоры сетью перевиты.

Ни песен, ни молитв... Тоской объят
Печальный ум. Чему молиться ныне?
К кому воззвать, во что я верить рад?

Мне не зажечь погаснувших лампад
И в тишине, в безмолвии пустыни
Лежат мои поникшие святыни.

РУСЬ

Цветы, луга и нивы без границы.
Над речкой тень плакучего куста...
Знакомые и милые места!
Снопы вязать на поле вышли жницы,

Повсюду ширь, приволье, красота.
Среди берез поют, скликаясь, птицы,
За рощею, встречая луч денницы,
Звездой сияет золото креста.

Там вечный свет и благовесть о Боге,
Гул многозвонный слышен из села,
Зовущие гудят колокола.

Молюсь за тех, кто странствует в дороге,
Я не забыл минувшие тревоги,
Но в этот час душа моя светла.

ГОРНАЯ ОБИТЕЛЬ

Святые есть обители в горах...
На высоте, презревшей дольний прах,
Монастыри стоят за облаками,
Венец из звезд горит на Божьем храме.

В пещерах там спасается монах,
Соединив могилу с небесами.
Там вечный мир, замолкли бури сами,
И тишина на горных высотах.

Даруя жизнь целительной прохладой,
Лишь ключ святой лепечет за оградой,
Где под скалой деревья разрослись.

Но мне ль бежать в заоблачную высь?
О странниках молясь перед лампадой,
И обо мне, затворник, помолись!

ПСАЛОМ 62

В горах Иудейских

Ты, Боже, — Бог мой! В жажде неисходной
Я от зари ищу Тебя, Господь,
И по Тебе моя томится плоть
В земле пустой, иссохшей и безводной.

На ложе сна тех дум не побороть,
Мысль о Тебе тревожит в тьме холодной.
Узреть Тебя во славе дай, Господь,
Дай прозвучать хвале моей свободной.

К Тебе спешит душа моя прильнуть,
Ее спасет одна Твоя десница,
О, укажи моей надежде путь!

Блеснет ли мне Твоих очей денница?
Дай мне Твоим елеем насладиться,
Под тенью крыл дай сладко отдохнуть.

AVE, MARIA!

Тебе, Мария, — песни и моленья,
Тебе восторг возвышенной мечты...
Я вновь увидел в грезах вдохновенья
Чистейший образ женской красоты.

Явилась Ты, как сходят сновиденья
Перед зарей с небесной высоты,
Когда близка минута пробужденья,
Не знаю я, не ведаю — кто Ты?

Святая ли Ты Дева Назарета,
Любовь ли та, что рай сулила мне, —
Но вся полна Ты радости и света.

Всходило солнце, и в его огне
Как ризой дивной, облаком одета,
Сияла Ты в лазурной вышине.

ИОРДАН

Окончен путь. Скитаясь одиноко,
Искал любви, искал я веры там,
Где древний мир постигнут властью рока,
В Элладу шел я к мраморным богам...

Я был в краях пустынного Востока,
Где Будда спит, где молится ислам,
И вновь пришел к библейским берегам,
На Иордан, в тень листьев у потока.

Я зачерпнул воды в палящий зной
И утолил души моей страданья.
Я Господа обрел среди блужданья.

Окончил путь — тяжелый путь земной.
Тревоге чувств, сомненьям отдал дань я...
Я верую, я вижу край иной.

КИПАРИСОВАЯ ВЕТКА

Из темных рощ с холмов Ерусалима,
Где кипарис таинственно растет,
Привез я ветвь — отраду пилигрима
В часы молитв, в часы мирских забот.

Украсив мой серебряный киот,
Она цвела, пред образом хранима.
Про Елеон и тень его высот
С ней речь я вел... Но мчались годы мимо.

И ветвь моя уже не зелена,
Осыпалась, нет больше аромата,
Нет грез святых, пленительных когда-то.

Но все ж порой надеждой грудь полна,
Ерусалим я вижу в час заката,
Гляжу на ветвь — и вновь цветет она.

<1906>

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

Маковский Сергей Константинович (1877—1962) — художественный критик, поэт, мемуарист, издатель. «Неправда, когда говорят: художники, будьте гражданами! Нет: граждане, будьте художниками!» — этому девизу Сергей Маковский был верен как в своей художественной критике, так и в поэзии. В 1906—1913 годах вышли три его книги «Страницы художественной критики», с 1909 по 1917 год он издавал журнал «Аполлон», являясь одним из самых ярких представителей эстетической мысли Серебряного века. Первая книга стихов Сергея Маковского вышла в 1905 году, так и оставшись единственной в его дореволюционном поэтическом творчестве. В эмиграции он издал мемуарные книги «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955), «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен, 1962) и вновь обратился к поэзии, выпустив восемь поэтических сборников. Девятый, «Реквием», вышел в 1963 году. Посмертно. Поздние стихи Маковского все больше становились, как отмечала критика Русского зарубежья, «словесным выражением его веры в божественное начало бытия».

* * *

О Господи, смиренье дай
пред силою Твоей безмерной —
мне, предвосхитившему рай
тоской о красоте неверной.
О Господи, смиренье дай
пред силами природы косной,
и да разверзнет двери в рай
безстрашье воли богоносной.

О Господи, смиренье дай
великое — душе печальной,
коль уготован ей не рай,
а бездны тьмы первоначальной

КРЕСТ

Свой крест у каждого. Приговорен,
взвалив на плечи ношу, каждый
нести ее, под тяжестью согбен,
и голодом томясь и жаждой.

За что? Но разве смертному дано
проникнуть тайну Божьей кары?
Ни совесть не ответит, все равно,
ни разум твой, обманщик старый.

Но если не возмездье... Если Бог
страданья дарует как милость,
чтоб на земле, скорбя, ты плакать мог
и сердцу неземное снилось?

Тогда... Еще покорнее тогда,
благослови закон небесный,
иди, не ведая — зачем, куда,
согнув хребет под ношей крестной.

Нет помощи. Нет роздыха в пути,
торопит, хлещет плетью время.
Иди. Ты должен, должен донести
до гроба горестное бремя.

ВЕСНА

Вновь, рано выйдя поутру,
к фиалкам в лес и к норкам лисьим,
скитаюсь по засохшим листьям,
как по шуршащему ковру.

Великой тишине молюсь,
весну вдыхаю полной грудью,
миротворящему безлюдью
самозабвенно отдаюсь.

Заключена в заветный круг
моя весенняя усталость...
Но почему такая жалость
к себе, к природе, к миру? Вдруг.

НЕБО

Опять усталый блеск лучистого сапфира
померк на небесах. Живую бездну мира
дыханье вечности разверзло надо мной.
И глубина моя со звездной глубиной
слилась в одну печаль... О, страшный храм
эфира!
Пустынный омут тьмы! К тебе влекусь мечтой...
в тиши моей поет о тайне неземной вселенской
тишины таинственная лира.

Во всем — единый бред, единый мрак — везде.
Мне жутко. Я молюсь. И от звезды к звезде,
от солнца к солнцу, ввысь, в надмирные
обрывы, —
туда, где нет ни звезд, ни мрака, ничего, стремят
мой пленный дух безмерные порывы...
О, Боже! Защити от неба Твоего.

МОЛИТВА

Ты — в сумраке и в блеске вод зеркальных;
Ты — шелест трав и неба синева;
Ты — пенье волн, все звуки и слова в мелодиях
призывных и печальных.

Ты — смутный сон веков многострадальных;
Ты — явный свет и трепет волшебства.
Ты — грусть моя и жажда Божества;
Ты — призрак мой в просторах безначальных.

Ты всех путей обманчивый конец
и всех миров таинственный венец.

Ты — творчество стихий неколебимых;
Ты в хаосе блаженный произвол, —
в сердцах людей, неведеньем томимых,
из глубины неведомый глагол.

ЮРИЙ ВЕРХОВСКИЙ

Верховский Юрий Николаевич (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы. В 1898 году окончил 4-ю петербургскую (Ларинскую) гимназию, в 1902 году — историко-филологический факультет Петербургского университета. В дальнейшем получил широкую известность своими литературоведческими работами, посвященными Александру Пушкину, барону Дельвигу, Евгению Баратынскому, входил в число крупнейших исследователей и историков русской литературы.

Дебютировал как поэт уже в студенческие годы, участвовал в «Зеленом сборнике» (1905) молодых поэтов-символистов. Первый поэтический сборник «Разные стихотворения» вышел в 1908 году, а ровно через столетие, библиотека поэзии Серебряного века пополнилась наиболее полным собранием стихотворений Юрия Верховского «Струны» («Водолей», 2008).

РАСПЯТОМУ ХРИСТУ

Сонет

Тебя любить влечет все вдохновенней,
О Бог мой, не небес обетованье;
Не ада столь ужасное зиянье
Мне запрещает грех богохулений.

Влечешь меня Ты, Бог, в огне видений —
Ты, ко кресту прибитый, в осмеянье;
Израненного тела истязанье;
И Твой позор, и смерть среди мучений.

Любовью так влечешь неизмеримой,
Что и без неба все б Тебя любил я,
Всем трепетом, без ада, одержимый.

Не воздавай любви неоценимой:
Когда бы я и не ждал всего, чем жил я,
Все так же б я любил Тебя, Любимый.

СОНЕТ

Люблю я, русский, русского Христа,
Русь исходившего, благославляя, —
И всем дыханием родного края
Жила моя любовь, — как Он, проста.

Теперь душе понятна красота
Не тихая, не близкая, иная —
Пред той земной не более ль земная? —
Как окрáвленные три креста.

Чьим преданный нечистым поцелуем,
Русь, твой Христос терзаем и бичуем
В обличии презренного раба?

Вернись к Нему скорей тропою тесной,
Освободи Его от ноши крестной!
Люблю и верю: вот твоя судьба.

РОЖДЕСТВЕНСКОЮ НОЧЬЮ

Поликсене

Рождественскою ночью,
Прощения моля,
Узрела бы воочью
Притихшая земля —
Мечту, что ясным взором
Светла твоим, дитя:
Всплывая легким хором,
Свиваясь и летя,
Вот — ангелы крылами
Сияют в высоте,
Безплотными хвалами
Ликуют о Христе
И славу в вышних Богу —
О, слышишь Ты! — поют,
На снежную дорогу
С одежд сиянье льют —
И в свете снежной ночи,
В сей осиянной мгле
Сомкнуть бы сладко очи
Притихнувшей земле.

ЭЛЛИС

Эллис (Кобылинский Лев, 1879—1947) — поэт, критик, переводчик. Некоторые поэты Серебряного века брали себе литературные псевдонимы. Их настоящие фамилии действительно были не очень-то благозвучны: Федор Тетерников (Федор Сологуб), Игорь Лотарев (Игорь Северянин), Алексей Пешков (Максим Горький), Борис Бугаев (Андрей Белый), Анна Горенко (Анна Ахматова). Настоящая фамилия одного из самых элитарных младосимволистов Эллиса — Кобылинский. В 1902—1903 годах Лев Кобылинский вместе с Борисом Бугаевым и Сергеем Соловьевым создал кружок «аргонавтов», ставший ядром московских символистов, был одним из учредителей издательства «Мусагет». Его книга «Русские символисты» (М., 1910) — одна из первых работ по теории символизма. В воспоминаниях об Андрее Белом Марина Цветаева писала об Эллисе: «Один из самых страстных ранних символистов, разбросанный поэт, гениальный человек». С 1913 года Эллис жил в Италии, полностью поглощенный идеей духовного рыцарства.

В России в память о нем остались поэтические книги, переводы, статьи. Ранняя книга «Иммортели» (М., 1904), составленная из переводов безсмертных поэтических творений (иммортели — цветы-безсмертники), привлекла внимание С.И. Танеева, создавшего в 1909 году цикл романсов. В число его безсмертников входят и молитвы.

В поэме Марины Цветаевой «Чародей» (1914) запечатлен образ Эллиса:

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер — наш чародей,
Наш принц и рыцарь. — Был нам всем он
Среди людей.

Поэма заканчивается строками:

О Эллис! — Рыцарь без измены!
Сам голубейший из отчизн!
С тобою раздвигались стены
В иную жизнь...

— Где б ни сомкнулись наши веки,
В безлюдии каких пустынь —
Ты — наш и мы — твои. Во веки
Веков. Аминь.

Таким он и остался — ч а р о д е е м русского символизма. С 1913 года он жил в Италии и все сведения о нем ограничивались этим предвоенным годом. Лишь восемьдесят лет спустя в «Известиях РАН» (серия литературы и языка, том 52, № 1, 1993) появилась публикация немецкого исследователя Хайде Виллих и русского М. Козьменко «Творческий путь Эллиса за рубежом», впервые его творческий путь представлен с 1913 по 1947 год. Более тридцати лет Эллис продолжал публиковать в зарубежной печати на немецком языке статьи и книги о русской поэзии, в которых он предстает как крупнейший религиозный мыслитель XX века, создавший свою четкую концепцию развития русской поэзии. «В двадцатые годы, — отмечают исследователи, — духовная метаморфоза Эллиса, отмежевавшегося в 1914 году от символизма и от антропософии, сделалась еще более определенной. Теперь для него главное — это восстановление подлинных, ушедших вместе со Средневековьем, связей между культурой и христианством. С этих позиций он пытается переосмыслить искусство и литературу Древней Руси, поэзию Пушкинской эпохи и творения Вл. Соловьева... Одним из самых крупных замыслов писателя становится трилогия "Золотой век в русской литературе". Первая из составляющих ее монографий должна быть посвящена Жуковскому, вторая — Пушкину и его современникам, третья — Лермонтову и критике "Золотого века". Жуковский рассматривается как основатель этой эпохи, Пушкин является ее апогеем, а Лермонтов — завершителем».

Монография Эллиса о Жуковском была издана на немецком языке в 1933 году, о Пушкине — уже посмертно, в 1948-м, о Лермонтове так и не увидела свет. От Лермонтова до Фета, от Фета до Владимира Соловьева и Блока — таковы основные этапы, выделенные Эллисом. Авторы публикации отмечают:

«Сделанный в монографии анализ практически всех заметных творений Жуковского строится под знаком отражения в них религиозного мировоззрения поэта. Эллис прослеживает нарастание мистических настроений в его творчестве, от ранних творений («Сельское кладбище», «Людмила», «Двенадцать спящих дев» и др.) до поэмы «Агасфер». «Агасфер» расценивается как вершинное творение Жуковского, в котором он достигает высоты того христианского ars sacra, той прекрасной гармонии между верой и поэзией, которой нет у большинства русских поэтов. Более того, величественный замысел этого произведения по прошествии времени становится лишь более явственным: «Эта лебединая песня ("Агасфер") спокойно и терпеливо, во Христе умирающего Жуковского о страшном безсмертии на земле заслуживает стать истинно безсмертной. Именно нашему времени трагического переворота в мировом масштабе будто бы заповедано предназначение всем сердцем пережить всю глубину и мудрость этого последнего творения Жуковского. Оно является лишь первой ступенью великой тоски по Христу и его мудрости в русской классической литературе. И на Западе безсмертное слово классиков русской поэзии именно сегодня звучит все более ясно и многозначительно».

Столь же важным представляется размышление Эллиса о Пушкине: «Доминанту в восприятии Эллисом Пушкина выражает подзаголовок его монографии о поэте — "Религиозный гений России". Эллис считает, что именно религиозный путь Пушкина является наименее изученной стороной его творчества. Для исследователя важно, что Пушкин одновременно был и великим национальным художником и универсальным классическим поэтом, принадлежащим мировой литературе. Трагическая коллизия, находящаяся в центре исследования, — это борьба Пушкина-человека с религиозными сомнениями. Однако Пушкин-поэт, носитель народного сознания, достигает истинных духовных вершин Святой Руси».

Святой Руси, в свою очередь, посвящена обширная историософская статья Эллиса 1937 года, озаглавленная «Святая Русь, ее сущность и миссия во Вселенской христианской церкви». В том же году появилась его статья «Традиции Восточной Церкви», в которой особо выделена фигура Серафима Саровского. В 1938 году были изданы его размышления «Духовный мир святых икон», в 1972 году — книга «Святые Древней Руси».

Таковой оказалась судьба цветаевского чародея, ставшего в Италии, подобно княгине Зинаиде Волконской, католиком, но при этом до конца своих дней остававшегося верным идее Святой Руси и русской поэзии. Своим духовным отцом он считал Владимира Соловьева, о нем он издал несколько фундаментальных работ, в которых особо подчеркивал, что он, будучи «величайшим из русских, является вместе с тем одним из великих европейцев» и «наиподлиннейшим из православных».

О поздних стихах Эллиса второй половины его жизни никаких сведений не приводится. Но в ранних поэтических книгах, вышедших в России, он предстает не просто одним из младосимволистов-аргонавтов из ближайшего окружения Андрея Белого, а именно религиозным поэтом из плеяды Владимира Соловьева.

ПСАЛОМ РАДОСТНЫЙ

Тому, кто не простил Творца, —
навек потоки слез!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

И смерть тому, кто терн венца
не взлюбит больше роз!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

Блажен, кому в дому Отца
быть гостем довелось!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

МОЛИТВА О ПАДШЕЙ

Я пред Девой склоняю колени;
«Все ей, безумной, прости!»
Хмурятся строго вечерние тени:
«Безцельны пред ней все пути!»

Я пред Девой склоняю колени:
«Все ей, погибшей, прости!»
Шепчут зловеще вечерние тени:
«За нас, за нас отомсти!»

Я пред Матерью пал на колени:
«Матери Матерь, прости!»
Плача, поникли полночные тени:
«Все отпусти!»

Сонеты к Спасителю

Посвящ. И. Астафьеву

I

И молвил мне Господь: «Ты зришь перед собой
Кровь на груди Моей и сталью бок
пронзенный,
И длани, вашими грехами отягченны,
И ноги, чистою омытые слезой...

Вот гвозди, вот сосуд, вот крест перед тобой,
Все говорит тебе, чтоб, сердцем сокрушенный
Мою святую плоть и кровь из всей вселенной,
Мой глас и Мой закон ты возлюбил душой.

О брат возлюбленный и сын, не Я ль сгорал
К твоим страданиям любовью безконечной,
Не Я ль твою тоску и слезы разделял,
Не для тебя ль свершил Я подвиг
Свой предвечный?!
Зачем же ищешь ты Меня с тревогой вновь,
Приди, Я здесь с тобой, прощенье и любовь!»

II

Увы, исполненный тревожного сомненья,
Напрасно я ищу Тебя, о Мой Господь,
Безсильно пред Тобой моя простерта плоть...
О Ты, огонь любви, залог успокоенья!

Склонись к моей мольбе, в порывах
исступленья
Мой дух ползет, как червь, не в силах побороть
Тревоги тайные, позорные сомненья,
Чтоб пасть с молитвою пред Тобой, Господь!

Давно, давно Тебя повсюду ищет взор,
Молю, да тень Твоя прикроет мой позор,
А Ты горишь лучом любви преображенным,

Ты — гармонический и сладостный каскад.
Ты страшен нам, в свои проклятия
влюбленным,
В ком грешный поцелуй туманит ясный взгляд.

III

О, возлюби меня — всемирное лобзанье,
Я — твой смущенный взор и гордые уста,
Твоя больная плоть, твоей души страданье,
Я вечный Бог, дерзай и возлюби Христа!
Как серны робкий бег — твоей души исканье,
Моей любви тебе доступна ль высота?
Она умчит твой дух в те горние места,
Где золотит хребты небесное сиянье...

Безоблачная ночь!.. дрожащих звезд мирьяды
И кроткий лик луны, то — свет Моих очей,
Там ложе светлое полно Моей отрады

Среди дымящихся туманами полей...
Я Свой завет любви пред вами возвещаю,
Я, Всемогущий Бог, твоей любви алкаю!

IV

Тебя любить, Господь, я не могу, не смею.
Душа погибшая трепещет пред Тобой,
Как роза, дышишь Ты святою чистотой,
Любви дыхание над головой Твоею!..

Ты — праведных сердца, Ты — ревностью своею
Израиль спас, нас всех Спаситель Ты благой!..
Как над цветком, едва раскрывшим венчик свой,
Ты над невинностью порхаешь, тихо рея...

А я — презренный трус с напыщенной душой,
И с ранних лет со злом сроднился разум мой
И осязание, и вкус, и слух, и взоры,

Надежды все мои и совести укоры,
Пылают лишь огнем безумства и страстей,
И до сих пор Адам живет в душе моей!..

V

Любить Меня — твоя обязанность святая!
Я — новый твой Адам, преображу тебя...
Твой Рим, Париж, Содом и Спарта вся твоя —
Среди немых громад развалина простая!..

Плоть похотливую сожжет любовь Моя,
Как пламя чистое и вкруг, благоухая,
Развеет прах. Моя любовь — вода живая,
Что чистою струей омоет вновь тебя...

Моя любовь — свята, и вновь чудесной силой
Она воздвигнет крест, где прежде Я страдал,
И обратится вновь ко Мне душа больная!..

О, возлюби Меня, чтоб мрак ночной пропал,
Пусть вспыхнет грешный дух любовию святою,
Ты одинок, но Я всегда, везде с тобою!

VI

Увы, напрасно я стремлюсь к Тебе душою.
Уныние и страх мне душу леденит...
Что делать?.. Кто мои сомненья разрешит?
Путь добродетели закрыт передо мною!..

Потрясся свод небес... вотще своей мечтою
Я в небеса стремлюсь, — мой дух не усыпит
Покров небес; и, пусть вокруг эфир разлит,
Я к небесам пути не вижу пред собою.

Простри, о Боже, длань, дай сил вперед идти
И выю разогнуть, забыв изнеможенье,
И укрепи мой дух на горестном пути...

Но недоступно мне святое посвященье,
И на груди Твоей отраду и покой
Я не найду, прильнув усталой головой...

VII

О сын Мой, позабудь постыдные сомненья,
Когда Мою любовь ты хочешь заслужить,—
Как пчелка в лилии спешит себя укрыть,
Спеши в Мой храм, и там познаешь утешенье!

Спеши поведать Мне без страха и смущенья
В сердечной простоте, в чем мог ты грешен быть,
Не бойся, не стремись напрасно утаить
От уха чуткого былые прегрешенья...
Букет раскаянья подай, сын верный Мой;
Со Мною трапезу простую разделяя,
Ты узришь Ангела в восторге пред собой

И, верь Мне, сладостный напиток Мой вкушая,
Ты, полный радости, добра и новых сил,
Познаешь, что в союз с Безсмертием вступил.

VIII

И таинство любви всем сердцем обожая,
Познай, чрез нее вновь становлюся
Я Тобою, бедный сын, Я — разум, плоть твоя!..
Вернись, вернись в Мой дом и, жажду утоляя,

Вкушай Мое вино и, хлеб Мой преломляя,
Познай, что без него в сем мире жить нельзя,
Проси, чтоб Мой Отец благой и Мать Моя,

Когда средь зол мирских падешь, изнемогая,
Дух укрепили твой, чтоб отдал ты врагам,
Как агнец, шерсть свою, и, как младенец нежный,
Облекся в чистый лен и стал подобен сам

Тому, кто в век Петра, в век Ирода мятежный,
Как ты страдал, как ты избит, истерзан был
И смерть позорную преступника вкусил!

IX

Я награжу твое усердие и рвенье,
О, знай, в них — радости и счастия залог,
Невыразимое в них скрыто наслажденье,—
Душевный мир, любовь; чтоб вновь ты верить мог.

Ты Тайной вечери познаешь откровенье,
И, от сомнения гнетущего далек,
Когда скользит луна, когда небес чертог
Внимает в тишине горячее моленье,

Из чаши вечной той, вкушая и молясь,
Ты будешь всей душой просить себе успенья,
Чтоб музыка с небес нежданно раздалась.

И совершилося вдруг чудо воскресенья,
Проси восторженных порывов, чтобы вновь
Ты слиться мог со Мной, познать Мою любовь!

X

О Боже, что со мной? Увы, я весь в слезах,
В моей душе восторг, в моей душе страданье.
Ужель в добре и зле — одно очарованье,
Я плачу, я смеюсь, исчезнул в сердце страх,

Я слышу трубный глас на вражеских полях,
Призыв к оружию, и, полный ликованья,
Сонм белых ангелов и голубых в сиянье
Несется предо мной на радостных крылах...

Ты, Боже, милосерд, я шлю Тебе молитвы,
Но страшно думать мне, что пылкою душой
Я приобщусь к Тебе в пылу жестокой битвы,

И вновь робею я, и дух трепещет мой,
Надежды робкие мне снова изменяют,
И вновь уста мои молитву повторяют!..

XI

«Ты прав, мой бедный сын, да будет мир
с тобой!..»

В ХРАМЕ

Замкнулась тяжелая дверь.
Во храме мы собраны к требе.
Мы стали как дети теперь.
Мы дома, мы снова на небе!

Здесь, стоя на бледной луне
Над пастью старинного Змия,
К нам снова нисходит Мария,
Вся в майских цветах, вся в огне.

Безгрешною лаской согрето,
Играет святое Дитя
Померкшею нашей планетой,
Над вечною бездной шутя.

Здесь в лад славословий старинных,
Рыданьями полнящих свод,
Строй детских головок невинных
За нас Miserere поет.

Пред Матерью нежной и дивной,
В чьем сердце семь острых мечей,
Звучит этот ропот призывный
В мерцанье высоких свечей.

Все никнет в блаженном покое,
Вняв зовы иных голосов,
На миг пробуждаясь при бое
Торжественно-строгих часов.

СТРАННИК

Он пал, взыскуя Божий Град,
Ведом всю жизнь мечтой чудесной.
Один в пути к стране небесной
Взывает днесь усталый брат:

«О светлый ток, в твои зерцалы
Глядится Града лепота,
Твердыни башен, стены, скалы,
Где Чаша крови пролита.

А я? Напрасны все усилья,
Здесь до зари я должен бдеть!
О Боже крепкий, дай мне крылья
Вслед песни даль перелететь!

Там в пламени иных сияний
Померкнет солнца скорбный свет,
Там нет печалей, воздыханий,
Там нет греха и смерти нет!

Град верных, что с Христовой бранью
Сойдет в последнюю грозу,
И где Отец Своею дланью
Осушит каждую слезу!»

Еще горит и плачет око,
И тихо жалобы звучат,
А уж на землю от востока
С небес нисходит Божий Град.

Он скорбному моленью внемлет,
Как матерь малое дитя,
Он брата странного объемлет,
К нему по воздуху летя.

STABAT MATER DOLOROSA

Предстояла Матерь Божья,
горько плача, у подножья
пригвожденного Христа,
и была пред Ней, смятенной

и мечом насквозь пройденной,
кровь святая пролита.

Как печалилась, рыдая,
Матерь Божья Пресвятая,
видя Сына Своего,
как томилась, горевала,
в скорби слезы проливала
перед муками Его.

Смертный, кто не возрыдает,
зря смятенный, как страдает
Матерь Божья у Креста,
кто едва на Матерь взглянет,
сопечальником не станет
сопечальницы Христа?

Перед ней за род греховный
безглагольный, безвиновный
сладкий Сын Ее и Бог,
под бичом язвим жестоко,
умирая одиноко,
испустил последний вздох.

Матерь Божья, ток любви!
дай мне стать причастным крови
и печали Твоея,
чтоб к Христу любовью смело
сердце вечно пламенело,
чтобы с ним страдал и я!

Дай мне силы, Пресвятая,
чтоб и я, как Он, страдая,
был с Распятым сораспят,
чтоб все язвы в умиленье,
как святое искупленье,
разделить я был бы рад!

Пресвятая, дай мне силы,
быть с рожденья до могилы
сопечальником Твоим,
у Креста святого стоя,
сопечалуясь с Тобою,
преклоняюсь перед Ним!

О Святая Матерь-Дева,
на меня воззри без гнева,
близ Тебя рыдать позволь,
и мою страстям Христовым,
язвам Господа суровым
сопричастной сделай боль!

Пусть я буду изъявленный,
крестной мукой упоенный,
кровью Сына опьянен,
да не буду, Матерь-Дева,
в страшный день Суда и гнева
каре вечной обречен!

Да чрез Матерь Пресвятую
пальму славы обрету я,
о Христе, мне силы дай,
чтоб в тот час, как гибнет тело,
пред душой моею смело
мне открылся славы Рай!

AVE MARIS STELLA

Ave Матерь Божья,
звезда морей златая,
Приснодева, Неба
сладкое Преддверье!

Восприняв покорно
Гавриила «Ave»,
дай забыть нам мирно
имя древней Евы.

Разрешая узы,
озаряя светом,
расточи напасти,
дай вкусить блаженства!

Буди Матерь наша!
Да мольбу приимет
ради нас приявший
от Тебя рожденье!

Пресвятая Дева,
кроткая меж кротких,
нас, детей греховных,
вознеси, очисти!
Укрепи, очисти
жизни путь лукавый:
да Христа мы узрим
в радости соборной!

Да восславим дружно
и Отца, и Сына,
и Святаго Духа —
трех хвалой единой!

ИЗ «ЕККЛЕЗИАСТА»
Глава 12

Любите Господа в дни юности и силы,
Поколе не померк светил небесных луч,
Не облегла небес гряда зловещих туч,
Не льется хладный дождь, не свищет ветр
унылый,
Пока не замерло жужжанье жерновов,
Пока не пали ниц твои рабы в испуге,
Доколе не замолк звук песен и рогов,
Пока еще горит любовь в твоей подруге!..
Настанет страшный день, — замкнутся
с плачем двери
И всюду будет мрак и тишина ночей,
И будут все тогда вставать с одров, как звери,
По крикам птиц ночных, чтоб плакать у дверей.
И ратники твои отъидут прочь, бледнея,
И стражники твои покинут дом отцов,
Не загремят мечи, у них в руках немея,
Когда изноешь ты под властью черных снов!..
И обнажатся вдруг высоты мирозданья,
И бездны страшные разверзнутся, как ад,
И сонмы ужасов пути вам преградят,
И все мы в Вечный Дом пойдем среди рыданья!
Любите ж Господа, доколь не порвалась
Серебряная цепь, лампада золотая
Не раздробилася, доколь вода живая
На дно источника дождем не пролилась...
Доколь еще кувшин о камень не разбился
И не обрушилось в колодезь колесо,
Доколе в жалкий прах не обратилось все
И человека дух к Отцу не возвратился!..

<1904>

МОЛИТВА

Прободено светило дня
невидимым копьем...
«О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!..»

Высокий факел преклоняя,
звезда поет псалом...
«О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!..»

Се – три креста, и вздох, стеня,
пронесся на одном:
«О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!..»

И, жизнь погибшую кляня,
я пал перед Крестом:
«О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!..»

МОЛИТВА
М. Метерлинк

О Боже! Ты ведаешь эти терзанья!
Прими же от бедного сына дары,—
Поблекший венок в тихий час расставанья,
Земли и горячего солнца созданье
Кладу я над телом сестры!

О Боже! Ты видишь мое изнуренье!..
Луна побледнела, мрак ночи — черней...
О Боже! луч славы безсмертной пролей
На бедное уединенье,
Дай луч благодати Твоей!..

О Боже! открой мне святые пути,
Изнывшую душу мою просвети!
Ты ведаешь, этих восторгов страданье —
Последней травы надо льдом увяданье!

РЫЦАРЬ ДВОЙНОЙ ЗВЕЗДЫ
Баллада

Солнце от взоров щитом заслоня,
Радостно рыцарь вскочил на коня.

«Будь мне щитом, — он, молясь, произнёс,
Ты, между рыцарей первый, Христос!»

«Вечно да славится имя Твоё,
К небу, как крест, поднимаю копьё».

Скачет... и вот, отражаясь в щите,
Светлое око зажглось в высоте.

Скачет... и слышит, что кто-то вослед
Черный его повторяет обет.

Скачет, и звездочка гаснет, и вот
Оком зловещим другая встает,

Взорами злобно впивается в щит,
С мраком сливается топот копыт.

Вот он несется к ущелью, но вдруг
Стал к нему близиться топот и стук.

Скачет... и видит— навстречу к нему
Скачет неведомый рыцарь сквозь тьму.

То же забрало и щит, и копье,
Все в нем знакомо и все, как свое.

Только зачем он на черном коне,
В черном забрале и в черной броне?

Только зачем же над шлемом врага
Вместо сверкающих крыльев рога?

Скачут... дорога тесна и узка,
Скачут... и рыцарь узнал двойника.

Скачет навстречу он, яростно- ик;
Скачет навстречу упрямый двойник.

Сшиблись... врагу он вонзает копье,
Сшиблись... и в сердце его острие.

Бьются... врагу разрубает он щит,
Бьются... и щит его светлый разбит.

Миг... и в сверканье двух разных огней
Падают оба на землю с коней,

И над двумя, что скрестили мечи,
Обе звезды угасили лучи.

МОЛИТВА СВ. БЕРНАРДА К ДЕВЕ МАРИИ

Из 33-й песни «Рая» Данте

Тебе, о Дева-Мать, Дщерь Сына Твоего,
молюсь! Ты вознеслась превыше всех
смиреньем,
для Вышней Воли Цель творения всего!..

Ты нас прославила, сроднила с искупленьем,
ты просветила плоть, — и Сам Творец Благой
не погнушался стать меж нас Своим твореньем.

Как солнечным лучом, лучом любви святой
взрастила Розу Ты; здесь, мир вкушая вечный,
Ты – Солнце благости полуденной порой...

Живой надежды там Источник безконечный!..
Кто ищет благодать без помощи Твоей,
в том крыл не развернет, — увы! — порыв
сердечный!..

Ты нам прибежище; Ты в благости Своей
всем, кто Тебя зовет, щедроты рассыпаешь,
спешишь навстречу просьб, молений и скорбей

И милосердие на падших изливаешь...
Ты – сострадание. Ты — милость без конца,

Непостижимо Ты — в Себе соединяешь
все, что есть высшего в творении Отца!..
Сей муж, чьи взоры в глубь вселенной
проникали
и все создания Премудрого Творца

От страшных— адских бездн до Рая созерцали,
перед Тобою днесь с мольбой покорной пал,
чтоб силу высшую Твои щедроты дали,

чтоб ныне высшее блаженство он познал...
О, никогда, клянусь, восторгов созерцанья
себе столь дерзостно молить я не дерзал,

как для него молю... Услышь мои воззванья,
я ныне все мольбы в одну мольбу солью, —
пусть тучи смертности единый луч сиянья

рассеет без следа. Да пусть перед ним, молю,
блаженство высшее предстанет... О Царица,
Ты можешь все свершить... Пускай любовь
свою

он чистой сохранит, пускай в груди смирится
Порыв земных страстей пред властью Твоея...
Днесь Беатриче ниц, молясь, спешит
склониться

и длани возвести; весь Рай вокруг Нея
с моей молитвою напев соединяет;
и то, о чем молю, о чем взываю я,

собор блаженных душ Марию умоляет!..

<1906>

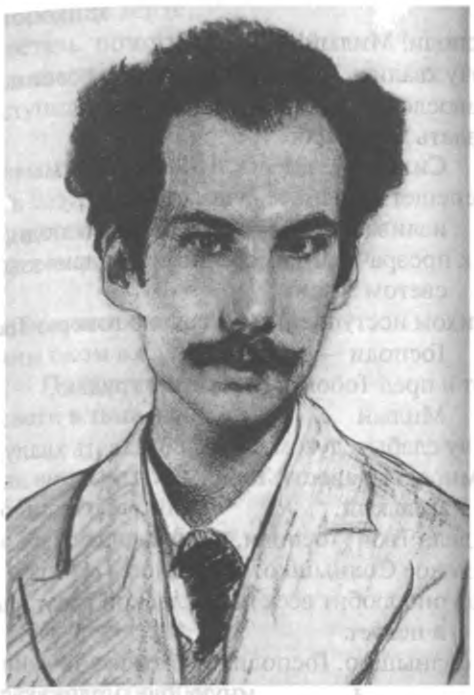
КАНЦОНА XXIII

Из Данте

В простор небес безбрежный ускользая,
В блаженный рай, где ангелы святые
Вкушают мир в долине безмятежной
Ты вознеслась, навеки покидая
Прекрасных жен, но не беды земные,
Не летний зной, не холод бури снежной
Нас разлучил с твоей душою нежной,
В пределы рая Биче увлекая...
Но сам Творец в безмолвном восхищенье
Призвал свое безсмертное творенье,
К безплодным сонмам Биче приобщая...
Чтоб нашей жизни горе и волненье
Твоей души безгрешной не коснулось,
Твои глаза последним сном сомкнулись!..

Романс С.И. Танеева.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ



Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934) — поэт, прозаик, критик, мемуарист. Его первая книга стихов «Золото в лазури» вышла в Москве в 1904 году. Валерий Брюсов отметит в «Весах»: «...Белый ждет читателя, который простил бы ему его промахи, который отдался бы вместе с ним безумному водопаду его золотых и огнистых грез, бросился бы в эту вспененную перлами бездну». К этому времени у студента Московского университета Бориса Бугаева уже были свои читатели и почитатели, организовавшие кружок «аргонавтов», в который входили поэты-студенты Эллис, Сергей Соловьев, Павел Флоренский. Но в данном случае важно понять не только то, что объединяло этих московских младосимволистов, но и то, что вскоре навсегда разъединит Флоренского и Андрея Белого, не бросившихся вслед за своим другом в бездну, а поступивших в Московскую духовную академию. Раннее стихотворение Андрея Белого «Во храме» — единственное в его творчестве, запечатлевшее миг воцерковленного озарения. В это же время в статье «Символизм как миропонимание» («Мир Искусства», 1904, № 5) он писал о том, что новые, нарождающиеся формы искусства, соприкасаясь с религией, «вдвойне животворны», и заключал: «наш верный проводник — молитва». О том же напишет матери Павел Флоренский: «В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-либо другом». Но Павел Флоренский в 1904 году поступает в Московскую духовную академию, а для Андрея Белого с 1905 года наступает время «апокалипсических экстазов». В мае 1912 года он встречается в Кельне с Рудольфом Штейнером и прослушивает более четырехсот его лекций из цикла «Христос и духовные миры», участвует вместе с ним в строительстве антропософского «храма-театра» Гётеанума, что привело к полному разрыву отношений с самыми близкими друзьями-младосимволистами Павлом Флоренским и Эллисом. «Столп и утверждение истины» Павла Флоренского и был ответом на все подобные попытки поколебать основы традиционных православных ценностей. Эллис, так же как Андрей Белый и Максимилиан Волошин, прослушавший курс лекций Штейнера, напишет в 1914 году одну из самых антиштейнеровских книг. Лишь Андрей Белый на всю последующую жизнь останется приверженцем Штейнера. В стихотворении 1918 года «Антропософам» он обращался к своим единомышленникам:

Мы взметаем в мирах неразвеянный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших пирах, в набежавших мирах
Мы — летящая стая хвостатых комет...

Все его творчество становится воплощением антропософских идей, в том числе поэма «Христос воскрес», появившаяся вслед за поэмами «Двенадцать» Александра Блока и «Инонии» Сергея Есенина, о которой Иванов-Разумник писал: «В ней одной мы видим живую душу новой России, чем в десятке произведений плачущих и панихидствующих, злобствующих и проклинающих». Но и его воспевание «святого безумия» революции и дальнейшая «марксистская самоперековка» закончились полным крахом. В январе 1934 года Борис Садовской запишет в дневнике: «На днях умер А. Белый. Так и косит наших... Тело сожгли... Ужасен конец всех символистов нашего поколения. Даже Ликиардопуло (секретарь редакции "Весов", умерший в 1925 году в эмиграции. — *В.К.*) сошел с ума. Да, медитации до добра не доводят. Белый умер от склероза мозга. Хоронили его по-собачьи, с музыкой и гвалтом».

ВО ХРАМЕ

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовый блеск и тихий возглас:
«Боже...»

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,

Лицо суровое чернеет из киота
да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Все просветилось вдруг, все солнцем зажжено.

И «Свете тихий» с клиросов воззвали,
и лики золотом пунцовым заблистали.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
повитый ладаном, выходит из дверей.

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Флоренский Павел Александрович (1882—1937) — религиозный философ, богослов. В марте 1904 года, еще будучи студентом-математиком Московского университета, он писал матери: «Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно, воспринять все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т.д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-либо другом». В 1907 году в Сергиевом Посаде вышел сборничек стихов Павла Флоренского «В Вечерней лазури», само название которого перекликается с первой поэтической книгой Андрея Белого «Золото в лазури». В годы учебы на физико-математическом факультете Московского университета (1900—1904) он был близок в кружку «аргонавтов» Андрея Белого и дебютировал в поэзии как московский младосимволист, но сделал свой выбор, убедившись в необходимости церковности.

В 1918 году поэма Андрея Белого «Христос воскрес» приводит к окончательному разрыву отношений.

ГИМН ХВАЛЕБНЫЙ

Из поэмы «Святой Владимир»

Господи! Милый!..
Хочу хвалить Тебя слабым голосом своим, —
славословить мыслью своею, —
воздать хвалу Тебе, Господи, —
Сильный.
Трепещет в полноте душа моя,
изливает в меня тепло Твое, Господи.
Как прозрачный, высвечиваюсь насквозь
светом Твоим:
в тихом исступлении безсвязно говорю Тебе,
Господи — в тихом...
Вот я пред Тобою с отверстою грудью,
Милый.
Хочу слабым духом своим воздавать хвалу Тебе.
Замираю в радости Твоей, —
Сладкий.
За дела Твои, Господи, воздаю хвалу Тебе.
За ясное Солнышко, — светлое;
ведь оно любит всех нас, с лаской греет нас
и целует.
За солнышко, Господи, благодарю Тебя,
за тихую луну, — кромную, бледноликую,
и за звездочки:
золотыми ресницами они щурятся
из своих стран на нас, далеких,
утешают нас в горестях глазками чистыми —
лучистыми,
образуют корону светлую из своих лучей
для бедняжки Матери измученной,
украшают многострадальную Матерь общую,
успокаивают Ея муки.
За маленьких птичек — глупеньких,
благодарю Тебя, Господи.
Они смешные, ничего не понимают
в страданиях Матери-страдалицы,
но ведь они маленькие, они не виноваты;
их щебетанье слышит Матерь —
успокаивает.
За все Твои твари благодарю Тебя,
Господи.
Ты Один — Один создал нас.
Но больше всего благодарю Тебя, Господи,
и славлю Тебя.

<1904—1905>

МОЛИТВА

Богородице ясная,
не оставь, помоги.
Жизнь мятется ненастная,
обступили враги.

Розвым облачком, Нежная,
Ты в лазури скользишь, —
жду в тревоге мятежный я,
Жду я мира. Дай тишь!

Мариам ясновзорная,
тихим оком взгляни.
Ты — Помощница скорая,
Засвети в тьме огни.

Ведь впотьмах бегу тропкою
ядовитых зарниц.
И с надеждою робкою
не поднять мне ресниц.

Волоса золоченые
обвивают звезду:
через слезы соленые
вдаль смотрю я в бреду.

11 февраля 1905
Сергиев Посад

AMOR FATI[1]

День и ночь проходят ровной
Чередой, а ты не видишь
Как безмолвно я страдаю
И не жалуюсь ничуть.

Было время: я подняться
Думал вверх струей фонтанной,
Но, поднявшись до вершины,
Низвергнулся с высоты.

Я сказать тебе не смею
(да и чем ты мне поможешь?)
И, томяся неисцельно,
Я стараюсь хоть заснуть.

И душа полна тоскою
(не понять тебе усопших!),
Смерть повила взор печальный —
Черным крепом мне в глаза.

Близка гибель, — Бог далече,
И Ему душой молиться
Я не смею, я не в силах,
И молчу, потупя взор.

Ты же, кроткий, агнец Божий,
Помолись хоть ты, коль можешь,
Помолись в смиреньи чистом
За томящихся душой.

16 марта 1907

В некоторых материалах о Павле Флоренском это стихотворение приводится как предсмертное, что, конечно же, не соответствует действительности: оно написано за тридцать лет до расстрела.

IN PACE[2]
Акафист

1-й лик:

Радуйся, Дева, Царица Небесная,
Богоневеста, вовеки Неневестная.
Радуйся, стройная и безмятежная
Лилия снежная.

2-й лик:

Ты лишь одна, в чистоте неизменная,
жизни явила нам Семя нетленное,
грех победившее.
С Сыном прошла Ты креста все страдания,
нас искупившая.
Им же числа нет и нету названия.

1-й лик:

«Радуйся, Зорька Светила Предвечного,
Роза пурпурная рая!» —
Дитятко, Деве навстречу, безпечное
крикнуло, в чреве играя.

2-й лик:

С горных вершин дуновеньем живительным
страсти жестокой смири треволнение, —
страсти горение.
Свежей прохладой овей очистительной.
Благоприятное
слово Свое нам скажи, Благодатная.

[1] Любовь к року, судьбе (*лат.*). Впервые: «В Вечерней лазури» (1907).

[2] В мире (*лат.*). Впервые: «Народ». Киев, 1906. 9 апреля, № 6.

1-й лик:

Слово Предвечное в чреве носившая
и несказанная нам рассказавшая,
Радуйся, Кроткая, радугой ставшая,
Слово явившая.

2-й лик:

Хищница Смерть, с крылом черным, когтистая,
жертву за жертвой уносит безжалостно,
неумолимая,
Ты лишь одна, Богородица чистая,
Духом любимая,
Смерть победила рожденьем нетягостным.

1-й лик:

О, помоги, Слово Божье Вместившая,
муки надежды на землю Низведшая,
выходы сладким рыданьям Нашедшая,
их отворившая.

2-й лик:

С лязгом железным от крыльев стенающих
Хищница каркает нам среди радости
гостьей зловещею, —
с жертвой исчезнет в провалах зияющих,
в бездне чернеющей.
Ты же, Лазурь, упокой Деву в сладости.

1-й лик:

Радуйся, Лань, Мариам умиренная,
с тихой улыбкой долу склоненная
облачком взметанным, с неба лазурного,
вечно безбурного.

2-й лик:

Дева Всевышняя, Мать кротковзорная,
в жгучей пыли мы бредем утомленные
и опаленные.

1-й лик:

Ты одна злобных лучей отгоняешь рой,
Помощи нам скорая.
В честный нас свой омофор, Мариам, укрой.

2-й лик:

Все мы — как узник, весною волнуемый,
бьемся в стены, смертельно тоскуем мы,
стонем, безсильные.

1-й лик:

Вырви тлетворные Смерти посевы, —
севы могильные,
Сыне безгрешный, единственный Девы!

2-й лик:

Зноем и шумом томит жизнь безбожная,
правда с неправдой кружат многосложныя
вихрями пыльными.

1-й лик:

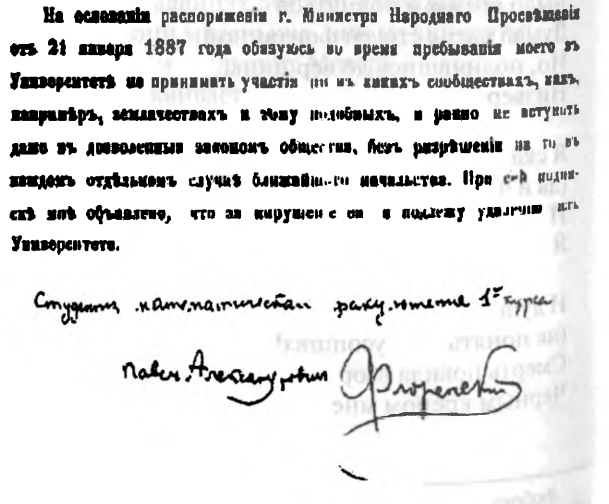
Тихая, Тихая, дай умирения!..
В сердце обильными
струями влей благодать разумения...

Оба лика:

Радуйся, радостью нашею ставшая,
кротко гордыни смирять не уставшая.
Радуйся, Дева, Царица Небесная!
Богоневеста вовек Неневестная!
Радуйся, радуйся, Богом Избранная,
Им осиянная!

Масленица 1905
Село Толпыгино

Акафист вошел в рукописный неизданный сборник «Ступени» (1906) и в первый изданный сборник «В Вечерней лазури» (1907).



На основаніи распоряженія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 21 января 1887 года обязуюсь во время пребыванія моего въ Университетѣ не принимать участія ни въ какихъ сообществахъ, напримѣръ, землячествахъ и тому подобныхъ, и равно не вступать даже въ дозволенныя закономъ общества, безъ разрѣшенія на то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ближайшаго начальства. При сей подпискѣ мнѣ объявлено, что за нарушеніе сего я подлежу удаленію изъ Университета.

Студентъ математическаго факультета 1-го курса
Павелъ Александровичъ Флоренскій

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт, критик. Племянник братьев Соловьевых Всеволода и Владимира, их сестры Поликсены Соловьевой. Его отец Михаил Соловьев, младший из братьев, жил на Арбате по соседству с «профессорской» квартирой Бугаевых. Жена Михаила Соловьева была двоюродной сестрой матери Александра Блока, который приходился ему, соответственно, троюродным братом. Соловьевы, Бугаевы, Кублицкие-Блоки, а затем и их дети дружили семьями. Сергей Соловьев вместе с Андреем Бугаевым (Андреем Белым) составили ядро московских младосимволистов, с которыми в 1906—1909 годах был близок Александр Блок. Сергей Соловьев занимал особое положение среди младосимволистов как поэт и как критик. В 1907 году вышла его первая поэтическая книга «Цветы и ладан», в предисловии к которой он выразил свое поэтическое и философское кредо: «Я часто слыхал и, вероятно, еще не раз услышу обвинение в несовременности моей поэзии, в ее отчужденности от злободневных интересов. Такое обвинение весьма для меня лестно <...> Невозможно быть в природе; вступая в область природы, всякий неизбежно должен определить себя к добру или злу, к Богу или дьяволу, то есть к началу, трансцендентному природе, вне ее пребывающему. В самой природе заключены противоположные потенции: в ней переплетены мировые Да и Нет; жизнь и смерть; любовь и похоть. Освободившееся от религии человечество пошло по пути вторых потенций природы; из них возникло здание современной цивилизации, образом которой является город. Город — это реальное Нет, безобразное дитя природы, созданное духом плоти и смерти. Этот город человечество выбрало взамен града, обещанного религиями. Искусство тоже исходит из природы; но оно отправляется от первых ее потенций, творит вечное Да, исходя из духа любви. Этот мир, созданный из положительных потенций природы, и есть Новый Иерусалим, мистический град, в противоположность современному городу».

Сергей Соловьев и в поэзии, и в жизни выбрал для себя служение Небесному граду. После окончания Московского университета он в 1915 году поступил в Московскую духовную академию, стал священником, продолжая писать несовременные религиозные стихи.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Три дня подряд господствовала вьюга,
И все утихло в предвечерний час,
Теплом повеяло приветно с юга,

И голубой и ласковый атлас
Мне улыбнулся там, за леса краем,
Как взор лазурный серафимских глаз.

И я стою перед разверстым раем,
Где скорби все навек разрешены.
Стою один, овеян и лобзаем

Незримыми крылами тишины.
Леса синеют, уходя в безбрежность.
Сияют мне с вечерней вышины

И кроткий мир и женственная нежность.
Моя душа — младенчески чиста,
Забыв страстей безумную мятежность

И для молитв очистивши уста.
Недвижны ели, в небо поднимая
Ряды вершин — подобия креста;

И, небесам таинственно внимая,
Перед зари зажженным алтарем,
Лежит земля, безлюдная, немая.

Окрашена вечерним янтарем
Эмаль небес за белыми стволами,
Над тишиной передвечерних дрем.

Закатный храм поет колоколами
И гаснет там, за синею чертой,
Последний раз сверкнувши куполами.

Окончен день, морозно-золотой.
Вечерний час! вечернее моленье!
Вечерний час, заветный и святой!

Пора. Огни затеплило селенье;
Ложится тень на белые снега,
И легкий дым клубится в отдаленье,

Приветный дым родного очага.
Как чувства все таинственно окрепли!
Господь! Господь! к Тебе зовет слуга.

Огонь любви в моей душе затепли!

<1900-е гг.>

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ

П. С. Соловьевой

Мой пояс груб. Акриды, мед пчелиный
Мне снедь. У иорданских берегов
Я всех зову омыться от грехов,
Где голубыя зыблются маслины.

Осанною оглашены долины,
Безмолвствуют свирели пастухов.
Елеем блещет терем Женихов,
И рдеет нард в амфоре Магдалины.

Я дикий скимн пустынных вод и скал.
Как ярый хмель, во чреве я взыграл,
Вняв Девы глас, несущей крины рая.

Се полн Сион светильников и роз.
В руках детей благоухают вайя...
Мой крест воздет: я жду Тебя, Христос!

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Весь день из рук не выпускав пилы,
Вдали соблазнов суетного мира,
Простой чернец, без церкви и без клира,
Молюсь в лесу, среди туманной мглы.

Заря зажгла сосновые стволы,
Запахло земляникой; стало сыро...
Звучи, звучи, вечерняя стихира
Под тихое жужжание пчелы.

Ветха фелонь, чуть тлеет ладан скудный.
Вдали сияют ризой изумрудной
Луга в благоухающих цветах,

Мой храм наполнен медом и смолою.
Пречистая! склонившись к аналою,
К Тебе взывает юноша-монах.

МОСКВА

Не замолкнут о тебе витии,
Лиры о тебе не замолчат,
Озлащенный солнцем Византии,
Третий Рим, обетованный град.

Не в тебе ль начало царской славы, —
Благочестьем осиявший мир,
Семихолмный и золотоглавый,
Полный благовеста и стихир.

Нега флорентийского искусства
Праведным велением царей
Здесь цвела. Молитва Златоуста
Возносилась к небу с алтарей.

В греческих законах Иоанны,
Изощрясь, творили хитрый суд,
Здесь Феодор, крин благоуханный,
Был молитвы избранный сосуд.

В фимиаме расцветали фрески
По стенам. В кадилах золотых
Ладан голубел. Сияли в блеске
Раки чудотворные святых.

Жены, девы, чистые, как крины,
Веры возращали семена,
И Анастасии, и Ирины
Памятны честные имена.

Звон к вечерне. Вечер. Поздно.
Розовеют гребни льда,
И горит зарей морозной
Обагренная слюда.

«То-то князю буду рада.
То-то крепко обойму!»
Красная зажглась лампада
В потемневшем терему.

Вечер скучен, вечер долог.
Перстенек надевши злат,
Слушая знакомый пролог,
Алый вышивает плат.

Должен к празднику Успенья
Он поспеть. На плате том
Самоцветные каменья
Блещут в поле золотом.

Труд благочестив и мирен.
Посреди алмазных звезд
Вышит лучезарный сирин,
Алой земляники грозд.

И до ночи ежедневно,
Лишь зардеют купола,
Шьет Московская царевна,
Круглолица и бела.

Вскинет очи, и, блистая,
Засинеют небеса.
Блещет золотом крутая
Умащенная коса.

Вырастил отец родимый
Всем на загляденье дочь:
Под жемчужной диадимой
Брови черные, как ночь.

Зреет ягодка-царевна
Для молитв и сладких нег.
Чу! метель завыла гневно,
За окном синеет снег.

Но повеял с Финского залива
Дикий ветр. Царьградова сестра
Выронила скипетр боязливо,
Услыхав железный шаг Петра.

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

Восстань от ложа сна, о дщерь Сиона,
И возликуй, воспевши сладкий стих —
Пророческую песню Соломона.

Невеста, встань! Твой царь и твой жених
Уже у врат. Холмы в миндальном цвете
Напевы птиц — в оливах голубых.

Смеющиеся девушки и дети
Фиалки и нарциссы для кого
В долинах собирали на рассвете?

По всем долинам — шум и торжество.
Течет народ во сретенье Мессии,
И час настал веселья твоего.

Стоят толпы, склонив главы и выи.
Он близится, прекрасный, как гроза:
Омыты ноги миррою Марии,

Как у орла, горят Его глаза.
Он привязал детеныша ослицы,
Где листья клонит вешняя лоза.

Его поют тимпаны и цевницы,
К его ногам покровы и цветы
Слагают нежные отроковицы.

Царица! Ждешь возлюбленного ты,
Твой терем полон нарда и алоя,
Сиянием чертоги залиты.

Блистает в розах ложе золотое,
И фимиам в кадильницах горит.
Сбывается пророчество святое,

Как царь Давид в псалмах благовестит,
Захария предрек во время оно.
Фиалками и финиками крыт
Цветущий путь. Восстань, о дщерь Сиона!

РАБА ХРИСТОВА

Хоть я с тобой беседовал немного,
Но мне твои запомнились черты,
Смиренная служительница Бога!

Ясна душой, весь мир любила ты:
Твои глаза так ласково смотрели
На небеса, деревья, на цветы,

В родных лугах расцветшие в апреле.
Когда, прозябший, зеленел листок,
Когда лучи что день теплее грели,

И под окном разлившийся поток
Бежал, шумел, блистая в мутной пене,
Синела даль, и искрился восток, —

Бывало, ты на ветхие ступени
Присядешь, рада солнышку весны,
На жребий свой без жалобы, без пени;

А небеса — прозрачны и ясны,
И облаков блуждающие лодки
По ним бегут, как золотые сны.

Я помню лик твой, старческий и кроткий,
И белизну смиренного чепца.
Ты мать была для всякого сиротки:

И из гнезда упавшего птенца,
И бедную ободранную кошку,
У твоего бродящую крыльца,

Равно жалела. К твоему окошку
Все бедняки окрестных деревень
Протаптывали верную дорожку.

В раю теперь твоя святая тень.
Как твердо ты твоей служила вере,
Полна любви Христовой. В летний день,

Бывало, стукну я у низкой двери,
И в бедный дом войду. Как ангел ты;
Вокруг ютятся страждущие звери,

Горят лампадки, и цветут цветы,
И ты — живой символ долготерпенья —
Струишь на всех сиянье доброты.

Среди страстей окружного кипенья
Ты пребыла младенчески чиста.
Вся жизнь твоя — молитвенное пенье;

Ты — фимиам перед лицом Христа.
Твоя весна текла под сводом храма,
В горниле бед, молитвы и поста;

И горькой жизни тягостная драма
Спокойною зарей завершена.
Ты умерла, как облак фимиама;

Над гробом — мир, покой и тишина,
И каждый год трава могилы малой
Родной любви слезой орошена.

Над насыпью, вовеки не увялый,
Цветет венок из полевых цветов.
Фиалка синяя и розан алый

Сквозь изумруд березовых листов
Благоухают вечерами мая,
И дремлет ряд разрушенных крестов,

Словам небес задумчиво внимая.

Сергей Соловьев. Рис. С. Родионова. 1920-е гг.

ВИКТОР ГОФМАН

Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович (1884—1911) — поэт, прозаик, критик. Родился в семье австрийского подданного, мебельного фабриканта. В 1903 году окончил с золотой медалью 3-ю Московскую гимназию, но, еще будучи гимназистом, вполне успешно дебютировал в журналах со своими стихами. К 1902 году относится его сближение с Валерием Брюсовым и Константином Бальмонтом, которым он посвятил свои стихи, выступив в роли юноши-пажа при мэтрах символизма.

С 1903 по 1908 год учится на юрфаке Московского университета, выступая со стихами и критическими статьями «Что есть искусство», «О тайнах формы», в которых теоретически обосновывал основные тезисы символизма как «прозрения в мир нуменального на пути мистицизма и углубления в тайники своей души и воли».

В 1904 году вышел первый сборник его стихов «Книга вступлений», в котором его поэтический гуру Валерий Брюсов и Александр Блок отметят лишь вторичность. «Он не ищет новых форм, он однообразен», — таковым был брюсовский вердикт. Через несколько лет Брюсов повторит его в более смягченном варианте, отметив, что, как модернист, он «менее всего новатор», но «в технике, в общем, остается верным учеником А. Фета, К. Фофанова, К. Бальмонта». Своим учеником он Гофмана уже не считал, что, конечно же, для бывшего «пажа» было ощутимым ударом. Лишь немногие, лишенные поддержки Брюсова, смогли завоевать признание. Самые яркие примеры — Марина Цветаева и Софья Парнок...

Виктор Гофман тоже пытался идти своим путем, даже переехал в Петербург, не входивший в брюсовскую

вотчину. Свою новую поэтическую книгу «Искус» он издал в 1910 году уже в Петербурге. В ней появится та особая «гофмановская интонация», о которой позже будет писать Юрий Айхенвальд, отмечая оригинальность его поэзии. Но Петербург не спешил признать его своим, о чем он напишет в одном из писем 1910 года: «Я... все больше как-то отстаю от декадентов и на плохом у них здесь счету. И с реалистами тоже дружбы не налаживается». Не найдя признания ни у декадентов, ни у реалистов ни Москвы, ни Петербурга, он уезжает в Париж, где 13 августа 1911 года кончает жизнь самоубийством.

Легенды о непризнанном «сгоревшем поэте», «жертве вечерней» найдут отражение во многих посмертных статьях о поэзии Виктора Гофмана. В 1917 году в Москве выйдет двухтомное Собрание сочинений В.В. Гофмана со статьей Владислава Ходасевича. В молитвенной поэзии Серебряного века сохранилось два покаянных стиха Виктора Гофмана.

К БОГУ

Бог! Всемогущий Бог!
Я здесь трусливый и безсильный;
Лежу, припав на камень пыльный,
В безсменном ужасе тревог!
Бог! Всемогущий Бог!

Я прибежал к Тебе, неверный,
Чтобы в отчаяньи упасть,
Когда почуял, Непомерный,
Твою губительную власть.

Среди разнообразных шумов,
Служа угодливой судьбе,
Метался долго я, не думав
В самом безумьи о Тебе.

И вот теперь несу я, мерзкий,
Тебе позор своих скорбей.
О, как я мог, слепой и дерзкий,
Идти без помощи Твоей!

Смотри, я грудь свою раскрою —
Ты — Справедливый, и рази.
Я здесь лежу перед Тобою
И в униженьи, и в грязи.

Но Ты услышишь вопль постыдный,
И Ты ответишь на него...
Или меня совсем не видно
Оттуда, с трона Твоего...

Царь! Лучезарный Царь!
Услышь же крики и моленья.
Смотри, в каком я униженьи, —
Продажно-ласковая тварь..
Царь! Лучезарный Царь!

Из цикла «Песня о вечернем звоне»

* * *

Боже, я Твой, я послушен,
Звону я душу открыл.
Сумрак был черен и душен,
Звон его светом пронзил.

Сладостным стало безсилье,
Нет ни желаний, ни слез.
Звон для души, словно крылья,
Звон ее в небо унес.

Тихо плыву в безконечность
Слившийся с звоном в одно;
Непостижимую вечность
Сердцу почуять дано.

Звезды — как чашечки лилий.
Мир — как серебряный звон.
Тихо без мук и усилий
В чей-то вступаю я сон.

Вот он, разлитый в эфире,
В шири пространств без конца,
Сон о ликующем мире,
Сон Молодого Творца.

* * *

Звон поет, звон растет как виденье,
Звоном синее небо полно.
Сердце любит свое усыпленье.
Сердце в творческий сон вплетено.

О, как сладко святое безсилье,
Озаренное верой в Творца.
Сердце стало как чашечка лилии,
Сердце ждет золотого венца.

Все почило в немом усыплении.
Безпределен ликующий звон.
И весь мир — лишь мечта, лишь видение,
Кружевной и серебряный сон.

1907

ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА

Копылова Любовь Федоровна (1885—1936) — поэтесса, прозаик. Окончила гимназию в Ростове-на-Дону. Преподавала в сельских народных училищах. Первый поэтический сборник «Стихи о примирении. Голос мятежный» вышел в 1909 году в Ростове-на-Дону. Два последующих «Стихи» и «Благословенная печаль» вышли в 1914 и 1918 годах в Москве.

ЧЕТКИ

За словами молитвы короткой
Поспешают стеклянные четки.
В полутемном таинственном храме
Проскользают черницы рядами
И далекого Бога о чуде
Умоляют. О, жалкие люди!
Если чуда вы жадно хотите,
То наденьте на тонкие нити
Из чистейшего нежного шелку
Ни пустые стекляшки без толку,
А по тихим заплаканным селам,
В городах по вертепам веселым,
Где рассыпаны жемчугом слезы,
Вы пройдите как светлые грезы.
Соберите те слезы по капле.
Потерял их владыка ли, раб ли —
Все равно, сосчитайте и в храме,
Их смешав со своими слезами,
На воздушно прозрачные нити
Осторожнее вы нанижите.
И Спаситель с улыбкою кроткой,
Увидав драгоценные четки,
Изумленный откроет для люда
Красоту невозможного чуда.

БЕЛЫЙ КОШМАР

Белыми взмахами гневной метели
Кружится, кружится снег над полями.
Земли крещаются в снежной купели,
Чистые стынут холодными снами.

Весь изогнувшись с утонченным слухом,
Бьется, как бабочка, он у оконца.
В мерзлом стекле, словно затканном пухом,
Выжег дыханием круглое солнце.

Светится солнце томительным смехом,
Чуть шевелящим любимой ресницы.
Падает в сердце трепещущим эхом,
Словно крылом улетающей птицы.

Вот подошла. Увидав побледнела.
Сжала с мольбою прекрасные руки.
Дрожью проникла в любимое тело,
Нить протянула несказанной муки.

Белыми взмахами гневной метели
Кружится, кружится снег над полями.
Земли крещаются в снежной купели,
Ангелы в снеге белеют крылами.

В снежной купели крещенье сурово.
В комнате теплой светло и уютно.
Мерзлым узором застывшее слово
В мерзлом стекле нарисовано смутно.

Молит и молит она о прощенье,
Тянется нитка несказанной муки...
В снежной купели сурово крещенье,
Стынут мольбой изогнутые руки.

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН

Дурылин Сергей Николаевич (1886—1954) — историк литературы, искусства, публицист, прозаик, поэт. Он дебютировал как поэт циклом сонетов о Франциске Ассизском, впервые опубликованном в известном сборнике «Антология» (М., 1911). В дальнейшем поэзия играла ведущую роль во всей многообразной деятельности и духовных исканиях Дурылина, но уже как исследователя. Об этом можно судить по недавно изданной книге «В своем углу» (М., 2006), в которой впервые опубликованы

его дневниковые записи 1924—1932 годов в ссылке в Челябинске и в Томске, а затем в Киржаче. Удивительной книге дневниковых записей Дурылина, не предназначавшейся для печати не только потому, что в те времена это были скорее записки из подполья, точнее даже — из той «катакомбной церкви», в которой прожил Дурылин всю свою последующую жизнь. И не только он. Примерно такие же записи вел всю свою жизнь Борис Садовской, которого он прекрасно знал как раз со времен первой публикации своих стихов в «Антологии» в 1911 году, но Садовской с 1929 по 1952 год прожил парализованным в подвале церкви Новодевичьего монастыря (то есть катакомбах не в переносном, а в самом прямом смысле), называя себя монахом. Все эти двадцать три года у него было парализовано тело, но не душа. Его дневниковые записи — это жизнь души. Садовской обрел веру на грани жизни и смерти, но он не принимал монашеской схимы. Дурылин оказался в ссылке, будучи священником. Он был рукоположен в 1920 году, арестован — в 1922-м. Во всех источниках до сих пор указывается, что в дальнейшем он «сложил сан». В советские времена, конечно, невозможно было представить, что дважды лауреат Сталинской премии оставался священником. Но так оно и было. Дурылин никогда не складывал с себя сана. Это Луначарский, к которому обратился за помощью А.В. Щусев, произнес слова: «Судьбу его изменить не могу. Но могу, если он снимет рясу, помочь с работой». В дальнейшем он действительно помог ссыльному Дурылину с трудоустройством, но рясы он не снимал. Более того, уже будучи профессором и дважды лауреатом, он тайно принимал причастие в своем доме в Болшево. Иными словами, продолжал оставаться катакомбным священником. Об этом духовном подвиге Дурылина мы еще почти ничего не знаем. И в данной книге он тоже предстает не как ссыльный священник, а как писатель, литературный критик. Перед нами записи не внешних событий (такая хронология почти отсутствует), а именно внутренней жизни — размышления о поэзии, воспоминания, которые в редкие минуты уединения, в своем углу, он делал для памяти. Это его, дурылинские, опавшие листья, да и сам Розанов едва ли не основной собеседник. Но к этим прямым параллелям: Дурылин — Садовской — Розанов можно добавить еще одну — Кюхельбекер. Дневники Кюхельбекера в тюремных казематах — это такие же катакомбные записи русского поэта. Борис Садовской молчал, скрывался и таил в своей монастырской келье, Сергей Дурылин — в самом себе, но оба они при этом продолжали думать, молча записывать свои думы.

Опубликованные записи — первая публикация из архива Сергея Дурылина, в котором наверняка сохранились и его стихи. Дурылина-поэта нам еще предстоит открыть.

ХВАЛА СВЯТОМУ ФРАНЦИСКУ

Тебе в лугах благоухают травы,
Ты,благовестников полей земных,
Питаешь птиц пшеницей слов святых,
Ты приобщаешь тварь причастью славы!

О тихий рыцарь благостной державы!
Перед тобою волк губбийский тих,
Пасет хранительно овец твоих, —
Тебе шумят умбрийские дубравы!

Льют о тебе ручьи, рыдая, слезы,
Обагрены огнем твоих стигмат,
И о тебе, цветя, блаженны розы,

Твоим весельем зреет виноград,
И камни о тебе благовестят,
И над землей ликующие грозы!

ХВАЛА СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

О, Солнце, брат! О Месяц сребролikий!
Пустыня — мать, и Ветер, вольный брат!
И брат Огонь, могучий и великий! —
Ты славен ими, Господи, стократ!

Земля-сестрица! Ты из павилики,
Из трав простых ты ткешь себе наряд.
Невеста — Твердь! Архангельские лики,
Блаженная, ты зришь у райских врат!

Ты, тихая смиренница Вода,
Сестра благословенна голубая!
Ты вечная, молчальница немая,

Блаженна ночь, покоище труда!
Сестричка-Смерть! Ты — кроткая, благая,
О, будь благословенна ты всегда!

Портрет Дурылина М.В. Нестерова. 1926 г.

ВЛАДИМИР ЛЕНСКИЙ

Ленский (Абрамович) Владимир Яковлевич (1877—1937) — поэт, прозаик. Брат поэта, критика, публициста Николая Абрамовича (1881—1922), вместе с которым написал «скандальные» романы «Демон наготы» (1916) и «Игра» (1917). Автор двух поэтических сборников «Утренние звоны» (СПб., 1907) и «Стихи» (М., 1917), но обратил на себя внимание не стихами, а прозой на «модные» темы, став, по свидетельству современника, «одним из многих жертв литературного рынка». В 1910—1917 годах издал два семитомных Собрания сочинений (1910—1913; 1916—1917), после революции выпустил несколько детских сказок в стихах.

МОЛИТВА

Вечерний свет... На скатерти узорной
Хлеб на столе лежит, в ковше вода.
В окно блестит вечерняя звезда,
И дерево склонилось тенью черной.

Вечерний свет, вечерних дум волна...
Я от труда дневного отдыхаю.
И хлеб душистый бережно ломаю,
И вкруг меня — молитвы тишина...

О Боже, Ты — дающий ясность неба,
И сумрак ночи, и живой рассвет —
Благослови вечерней лампы свет
И дай вкусить мне жизнь земли от хлеба.

Жизнь святости и чистой красоты,
Питаемую солнцем и росою...
О, дай мне жить, как и она — Тобою,
Чтоб мы в едином были — я и Ты...

ПРАЗДНИК

Пасхальный благовест,
И небо синее,
И вишни белые,
Как будто в инее.
Трава зеленая
Ковром раскинулась,
И небо поднялось,
И даль раздвинулась.

Пасхальный благовест
Гудит и носится,
Душа воскресшая,
На волю просится.
Ей снятся вешние
Просторы нежные,
Леса зеленые,
Луга безбрежные.

От жизни суетной
И снов безрадостных
Иди к молчанию
Скитаний сладостных,
Омойся в воздухе
Пути безбрежного,
Очистись в ясности
Полудня нежного.

Увидишь ангелов
В лазури реющих,
Крылами белыми
Прохладно веющих.
Узнаешь нежные
И безпечальные
Их гимны вешние,
Их сны пасхальные...

ЗВОНАРИ

Когда зарей полнеба обоймет,
И стихнут дневной жизни треволненья,
И по домам с улыбкой примиренья
Вечерняя задумчивость пройдет,

Когда молитвы рой забот сменяют
На колокольных башнях звонари
Стоят, чернеясь в золоте зари,
И в вышине колокола качают,

И мерные удары с вышины
Сбегают в сумрак улиц друг за другом,
Вначале торопливо и с испугом,
Потом, вливаясь в волны тишины.

Уже идут уверенно, спокойно,
И к окнам льнут, и в стеклах их дрожат,
И голоса их медные звучат
Медлительно, молитвенно и стройно:

«Мы ангелы вечерних тихих снов,
Мир на земле и слава в вышних Богу,
Забудьте скорбь, заботу и тревогу,
Почийте все от муки и трудов. .»

До первых звезд на башне звонари
Колокола гудящие качают
И в сумрак тихих улиц посылают
Миротворящих ангелов зари...

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — поэт, переводчик, дипломат. Выходец из литовской крестьянской семьи. В 1893 году, после окончания Ковенской гимназии, поступил на естественное отделение Московского университета. В студенческие годы сблизился с однокурсником Сергеем Поляковым. Вместе с Поляковым, Бальмонтом и Валерием Брюсовым принимал участие в создании издательства московских символистов «Скорпион» и журнала «Весы». В 1900 году совместно с Поляковым перевел драму Г. Ибсена «Когда мы мертвые проснемся». В эти же годы опубликовал первые свои стихи. Брюсов писал в 1911 году: «Балтрушайтис как-то сразу, с первых своих шагов в литературе, обрел себя, сразу нашел свой тон, свои темы и уже с тех пор ни в чем не изменял себе». Первая книга стихов на русском языке «Земные ступени» вышла в 1911 году. Вторая книга «Горная тропа» — в 1912 году. С 1921 года — посол Литовской Республики в Советской России. С 1939 года жил в Париже.

Публикуемые молитвенные стихи из первых сборников наиболее характерны для его русской поэзии.

МОЙ ХРАМ

Мой светлый храм — в безбрежности
Развернутых степей,
Где нет людской мятежности,
Ни рынков, ни цепей, —
Где так привольно, царственно
Пылает грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытия...

Мой тайный храм — над кручами
Зажженных солнцем гор,
Мой синий храм за тучами,
Где светел весь простор,
Где сердцу сладко дышится
В сиянии вершин,
Где лишь туман колышется
Да слышен гул лавин...

Моя святыня вечная —
В безгранности морской,
Где воля безконечная —
Над малостью людской,
Где лишь тревога бурная
Гремит своей трубой,
Где только высь лазурная
Над бездной голубой...

1903

МОЛИТВА

С. А. Полякову

Забвенья, забвенья! Всей малости крова!
Всей скудной, всей жалкой отрады людской —
Усталым от дали пути рокового,
Бездомным, измученным звездной тоской!

Мгновенья покоя средь вихря мгновений —
Свершающим заповедь зыбкой волны,
Во мраке без искры, средь зноя без тени
Всей смертною кровью питающим сны!

Убежища бедной душе, осужденной
На горестный подвиг томленья в пыли,
И жребий изгнанья, и трепет безсонный
На вечном распутье в пустынях земли!

Ночлега влачащим свой посох железный
И боль и убожество смертной сумы,
И ждущим забвенья от выси, от бездны,
От горькой повторности света и тьмы!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Входит под сирую кровлю
Вечер... И тесен мой кров!
Малое сердце готовлю
К таинству звездных миров...

Явное в свете и в зное
Призрачно в лунной пыли...
Лживо томленье дневное,
В мире не стало земли!

Реет в ночном океане
Дух мой свободной волной...
Огненно зыблясь без грани,
Тайна — лишь тайна — со мной...

День — его крики и лица —
Бред обманувшего сна!
Каждая дума — зарница,
Каждая мысль — тишина...

Радостен детский мой лепет
Богу, представшему вдруг...
Весь я — молитвенный трепет
К звездам протянутых рук!

МОЛИТВА

К. Бальмонту

Безсмертный Боже! Грустно мне
В Твоей великой тишине
Считать часы наедине...
В томленье праздной суеты
Моей души коснулся Ты
Живым алканьем красоты...
И, трудной жаждою томим,
Я приникал к сердцам людским
И был глашатаем Твоим...
Ты мудр, призвав меня на пир,
Но так велик Твой грозный мир,
Я в нем так мал, я в нем так сир...
Взываю к чуду Твоему!
Ты в жизни входишь светом в тьму,
Мне стало страшно одному...
Разлей Свой звон в глухой тиши
И сирый вздох моей души
Слияньем с миром разреши!

АМИНЬ

Опять венчая круг суровый,
Зажглась вечерняя заря,
И — верный жрец — до жертвы новой
Я отхожу от алтаря.

Хвала и мир свершенной грани!
Хвала и мир пустым садам!
Живой тоске каких алканий
Мой вещий дух я вновь предам?

Повторна ночь, и свет повторен.
Неисчерпаем трепет лет...
И вся безмерность тайных зерен
Еще раскроется, как цвет...

Еще в великом зное Бога
Не все пылание зажглось,
И в далях праха много, много,
Никем не вспаханных полос...

И солнце пламенным восходом
Сверкнет над новью снов и мест...
Лети, пчела, за новым медом!
Прими, невольник, новый крест!

КОЛОКОЛ

Валерию Брюсову

Высился, в славе созвучий,
С песней венчально-святой,
Колокол вещий, могучий,
В пламени утра литой...

В звоне на версты и мили,
В зове за смертный предел,
Сильный, гремел он о силе,
Тайный, о тайне гудел...

Много надежд заповедных,
Чаяний света во мгле,
В трепете уст его медных
Стройно звучало земле...

Но, раздаваясь все строже,
Часа тоскующий крик
Отзвуком суетной дрожи
В вечное пенье проник...

Тайная горечь без срока
Утренний звон облекла.
И — зарыдав одиноко —
Стала проклятьем хвала...

ПРИЗЫВ

Кланяйся, смертный, дневной синеве!
Кланяйся листьям, их вешней молве,
Кланяйся — ниже — осенней траве!

Звонко в горячей молитве хвали
Алую розу, нарядность земли,
Звонче же — ветку в дорожной пыли!

Падай пред солнцем, раскрывшим свой зной,
Славь и величие бездны ночной,
Празднуй и малость песчинки земной...

Кланяйся звездам, что ярко зажглись,
Жарко сверканью зарниц умились,
Жарче на малую искру молись!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Желтеет колос — пробил срок!
Угрюмый раб, готовь оброк...
Кончая труд, и стон, и дрожь,
Богатства Бога приумножь!

С молитвой руки ввысь воздень,
И что поил ты в долгий день,
И что лелеял в час зари —
В земную меру собери...

Свой вечный вздох, свой горький пот,
И трепет всех твоих хлопот,
Твой долг Небесному Царю,
Неси к святому алтарю...

И вспыхнув сам в костре твоем,
Твой дым над жертвенным огнем,
Как малый дар твоих полей
В вечернем зареве разлей!

ЗАПОВЕДЬ СКОРБИ

Когда пред часом сердце наго
В кровавой смуте бытия,
Прими свой трудный миг, как благо,
Вечерняя душа моя.

Пусть в частых пытках поникая,
Сиротствует и плачет грудь,
Но служит тайне боль людская
И путь тревоги — Божий путь...

И лишь творя свой долг средь тени,
Мы жизнью возвеличим мир
И вознесем его ступени
В ту высь, где вечен звездный пир.

И вещий трепет жизни новой,
Скорбя, лишь тот взрастит в пыли,
Кто возлюбил венец терновый
И весь отрекся от земли...

ВЕРУЮ

Знаю я в яви вселенной
Плач на рассветном пороге,
Путь человеческий в зное,
Длящийся ложно...

Знаю, как сердце земное
Хило во сне и в тревоге,
Немощно в радости тленной
В скорби ничтожно...

Вижу я в смертной истоме
Годы заботы и крохи
Блага, блаженство и рядом
Горе у двери —

Юность с седеющим взглядом,
Старость с проклятьем во вздохе,
В нищем и княжеском доме
Те же потери...

Снится мне в жизни, однако,
Цвет человеческой доли.
Полдень души безпечальной
В мире и в споре —

Верю я в жребий венчальный,
В царствие часа без боли,
В посох, ведущий средь мрака
Вечные зори...

Верую, верую, Боже,
В сумрак о звездах поющий,
Свет воскресенья сулящий
Чудом страданья...

Верую в молот дробящий,
В пламя и в меч создающий,
В жертву зиждительной дрожи,
В дар оправданья.

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

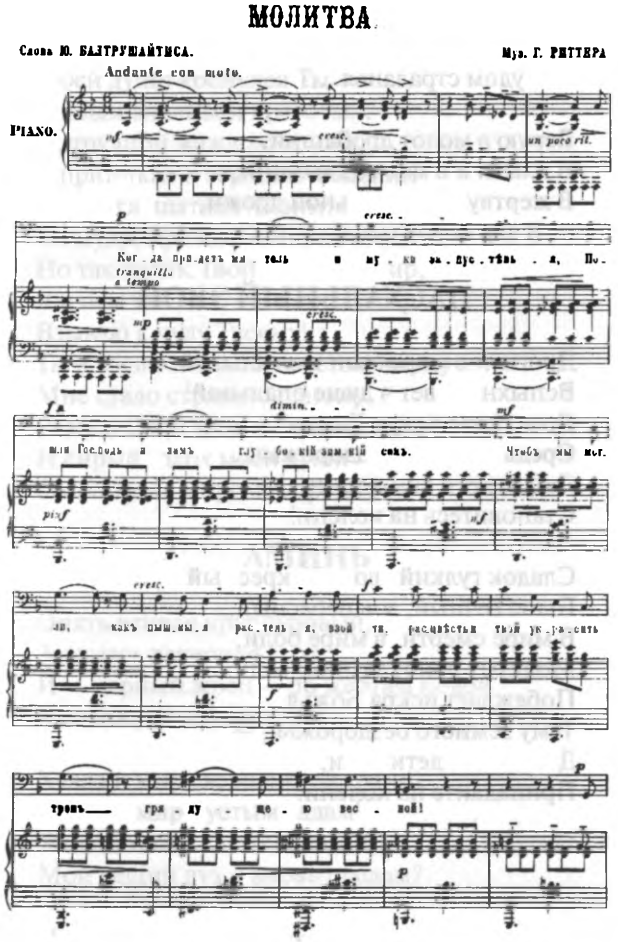
Дрогнул в мире звон пасхальный,
Вспыхнул свет в душе опальной!
Ярче, ярче искра Божья
Средь земного бездорожья...
Люди, дети сна и тени,
Становитесь на колени!

Сладок гулкий звон воскресный,
Голос вечный, зов небесный...
В мире смерти, в мире боли,
Молкнет ропот темной воли...
Побеждает искра Божья
Тьму земного бездорожья, —
Дети сна и дети тени,
Припадайте на колени!

МОЛИТВА

Когда придет метель и мука запустенья,
Чтоб мы могли, как пышные растенья,
Взойти, расцвесть и Твой украсить трон,
Пошли, Творец, и нам глубокий зимний сон
грядущею весной!

Когда ж, нежданно, вьюга задымится
И в снежном поле вихри побегут,
Пошли упорство верить и стремиться,
Свершать, не дрогнув, тайный жизни труд,
назначенный Тобой!

Когда душа, наперсница печали,
Утратит путь с приходом темноты,
Пусть ярче вспыхнут звезд Твоих скрижали,
Пусть каждый, вспомнив заповедь мечты,
пойдет на подвиг свой!

Романс Г.Э. Риттера (1910-е). Текст публикуется по нотному изданию.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

Столица (урожденная Ершова) Любовь Никитична (1884—1934) — поэтесса, драматург. Родилась в Москве в купеческой семье. С золотой медалью окончила Елизаветинскую гимназию. В 1905 году поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов. Со стихами дебютировала в 1906 году в «Золотом руне». До революции выпустила три поэтических сборника «Раина» (1908), «Лада. Песенник» (1912), «Русь» (1915). Все они вышли почти одновременно с первыми книгами «Ярь» Сергея Городецкого, «Сосен перезвон», «Лесные были» Николая Клюева, публицистическим манифестом «Говор зорь» Пимена Карпова, «Песнями», «Потаенным садом» Сергея Клычкова, заставивших говорить о «провозвестниках новой силы» (Гумилев), новом направлении в русской поэзии, самым ярким представителем которого вскоре станет Сергей Есенин. В женской поэзии Серебряного века таким явлением станет Любовь Столица. С 1920 года жила в Болгарии, представляя поэзию Русского зарубежья. Публиковалась во многих эмигрантских журналах и альманахах, но книга новых стихов «Голос Незримого» вышла лишь в 1934 году. В этот же эмигрантский период жизни создала цикл стихотворных исторических портретов «Святые князья Борис и Глеб», «Князь Иоанн III», «Царь Алексей Михайлович», «Царь Михаил Федорович», часть из которых была впервые опубликована в рижском журнале «Перезвоны». В ее поздней лирике все отчетливее зазвучали уже не только фольклорные, но и религиозные мотивы. Некоторые из ее ранних и поздних стихотворений положены на музыку А.Т. Гречаниновым и Р.М. Глиэром.

ПРИСНОДЕВА

Когда в сияньи утра я молюсь, лицо склоня,
Весенняя, Немудрая — Ты смотришь на меня;

На персях руки свилися молитвенным крестом,
И кудри заслонилися трепещущим холстом.

Ручьем псалмов колеблемы, уста —
как виноград.
У ног — златыми стеблями блистает
кринов сад.

Вдали холмы написаны, лазурь и белый храм...
Нисходит плавно вниз она, святая Мариам, —

Идет, синеочитая, от неба до земли,
Среброкрылатой свитою с ней духи снизошли...

И херувимы ленные гласят в свою свирель:
— Се — Дева Вожделенная. Веселие земель! —

О цвет неувядаемый! Безгрешная земля!
Зачем тебя не знаем мы, дух скорбью запыля?

Зачем же позабыли мы священный
женский смех?!
Зачем досель незыблемый царит унынья грех?!

Тебе, Невинномудрая, молюсь я, стан склоня,
Блаженная, Премудрая, возрадуй же меня!

1907

ЕГОРИЙ

Розовые зори,
Голубые воды
В небе разгораются,
В озере играются.
Едет свет-Егорий,
Юный, безбородый,
На луга покатые,
За скотину ратуя.
Куяком одетый,
Весь он серебрится.
Конь же — белый, шелковый,
С золотистой холкою.
Взоры его — цветы,
Кудри его — птицы
На долины падают,
Девье сердце радуют.
Скачет он в поселки,
Городки, слободки,
И бегут по улице
За булатной сулицей
Козы, овцы, телки,
Девки и молодки,
Застыдясь, сторонятся,
В пояс низко клонятся,
И стоят у взгорий
Смуглые подпаски.
Знахари косматые,
Причты бородатые:
— Здравствуй, свет-Егорий!
Ждем мы вешней ласки.
Мчись улыбкой алою,
Мир крещеный жалуя.

ВЛАСИЙ

Желтая пшеница
С рожью золотою
Колосятся, росятся —
В сноп кудрявый просятся.
Русый, круглолицый,
С пышной бородою,
Сам подобен тополю,
Ходит Власий по полю.
Белая рубашка,
А порты цветные
И парчой залатаны,
В сапожки запрятаны.
Ставит над запашкой
Вехи огневые —
Молоньи ли, зори ли —
Чтоб жнецы не вздорили.
И под месяц новый —
Серп его сребреный —
Люди собираются,
Хлеб убрать стараются.
Зипуны, поневы,
Крашены, синены,
Гнутся в яри, в озими,
Перед ним же до-земли.
Бабы затомяся,
Идут васильками.
А мужья и девери
Едут с возом в клевере.
Ой, кормилец Власий!
Белыми руками,
Полни риги старые,
Урожай нам даруя.

БОГОРОДИЦА

Брату

Алые рябины,
Серые ракиты
Ронят листья в озеро,
Мочат ветки до-сыра.
В травке, у тропины,
Плат держа зашитый,
Села Богородица —
Шьет, как не погодится.
В синем холодае,
В розовом убрусе,
С длинными косицами,
С долгими ресницами.
Шьет она, гадая,
Да скорбя о Руси —
О полях с ложбинами,
О болях с кручинами.
И слеза из ока
Камнем бирюзовым
Непрестанно топится,
На атласе копится.
Вот взмахнет широко
Голубым покровом
С золотными коймами:
И в селе за поймами

Старый — с домовиной,
С колыбелью — малый,
Нищий странник — с ужином,
А невеста — с суженым.
Взор свой голубиный,
Ты о нас печалуй,
Мати-Богородица!
Худо нам приходится.

ПАСХАЛЬНАЯ

Из цикла «Девичьи песни»

С.Т. Коненкову

Голубые — в поднебесье — купола
Зачинают всеми звездами блестеть,
Золотые — в тишине — колокола
Зачинают с перезвонами гудеть.
И расходятся по зелени лугов
Бирюзовая студеная вода,
Песни девичьих высоких голосов
И овечьи, и гусиные стада.
Зачинаю в хороводе я ходить,
Плат мой — белый, синий, синий — сарафан,
Зачинает меня юныш мой любить,
Ликом светел, духом буен, силой пьян.
На лице моем святая красота
Расцветает жарким розовым лучом,
А по телу молодая могота
Разливается лазоревым ручьем!

* * *

Я стала старше, зорче,
Но стала ли мудрей?
Все мил мне щебет скворчий,
И запах моря горче
Весенних пустырей.

Крыла мои связали,
И все же мыслю я
Достичь чрез год, года ли,
Твоей заветной дали,
Московская земля.

Увидеть вновь церковки,
Любимые с пелен,
В резьбе и разрисовке,
Чьи главки златоковки,
Чей златочуден звон.

Ах! Слышать с башни Спасской
Хоть бы последний час!..
Дохнуть святою сказкой,
Возликовать, как в Пасху,
Простив и повинясь...
Затем к усадьбе отчей
Под вечер подойти,
Купая в зорях очи,
Цветы, всех проще, кротче,
Срывая по пути.

А там... Все, что знакомо,
Узнать... всплакнуть, запеть,
Припасть меж алой дремы
К родному чернозему...
И все. И умереть.

<1922>

* * *

Лампаду синюю заправила
Перед московскою иконой,
Благословенной, серебреной,
И встала около за Правило
Творить молитвы и поклоны.

Вдруг воздух комнаты натопленной
Запах знакомой чайной розой
И легкой — русской — папиросой...
Качнулась, ахнула озлобленно,
Взглянула, полная вопроса...

Два слова. Два лишь! И... все брошено.
Вновь — мир, и лунный хлад крещенский,
И санный путь, наш деревенский,
И лик твой нежный, запорошенный,
Тот лик таинственнейше женский!..

Кафе: убитые латании,
Хромающие уанстепы.
А мнилось — вкруг леса и степи,
И птичий свист, и пчел летания!..
Нет! не порвать мне наши цепи.

Весной московской, волжской, крымскою
Мы связаны нерасторжимо.
Прости, Господь! Одной земли мы, —
Сквозь грех и радость серафимскую
Несем обет свой нерушимо.

<1922>

ВИДЕНИЕ

Кто-то скачет в русских чащах
В мраке ночи и хвой, —
В горностаях, свет лучащих,
В латах медных, в лад звучащих,
Заревой, роковой...

На устах улыбка светит,
Гнев горит из очей,
Ствол, валун крестом он метит, —
И наводит дивный трепет
На зверей, на людей.

Кто-то мчит по русским топям
В мути марев и мхов, —
На коне с плясучим топом
И с жезлом, подобным копьям, —
Златобров и суров.

Месть таится под пятою,
А рука милость льет.
Он кропит святой водою
Край, окапанный рудою,
Цвет болот и народ.

Не блуждает он, не тонет...
Он уж входит во град! —
Злых жезлом железным гонит,
А других на путь свой клонит,
Как ягнят вешних стад...

Кто же Он, безмолвноустый,
Молодой и святой,
Взявший все бразды и узды
И несущий в место пусто
Древний крест золотой?!

У ТРОИЦЫ

К месту, издавна славному, — Троице,
К распрекрасному месту средь ельника,
Где, бывало, нетленно покоятся
Мощи — Божьего друга, — отшельника,
Где искусный звон,
Что родник, певуч,
А целебный ключ
Серебрист, как он,
Вот куда чрез болота и чащицы
Русь, бывало, в скорбях своих тащится...

Брички бойкие с дужкой расписанной
И рыдваны с гербами тяжелые,
Барин пудреный, парень прилизанный,
Баба хворая, баба дебелая
И святой простец
В колпаке литом,
И в шитье златом
Удалой боец, —
Едут, идут из сел, из поместьица...
И вдруг встанут. И радостно крестятся.

Бог привел!.. Вон — над светлыми взгорками —
Колокольня, что пасха затейная.
Купола — золотыми просфорками,
Кровля трапезной пестро-тавлейная...
А внизу Торжок —
Образки, коржи,
Пояски, ковши,
Куклы с глянцем щек...
Все — с крестом, с узорочьем, с улыбкою,
Пахнет льном, кипарисом и липкою!

Много трав придорожных повымнется,
Много горя здесь, в лавре, покинется
Нищим высохшим в странноприимнице,
А купчихой дородной в гостинице,
Где меж постных блюд
Самовар поет
И монах ведет
Речь о Сущем тут.
День отходит в тиши, розоватости,
С духом ландышей, ладона, святости...

А проходит день в чащах кудрявистых,
Среди ельника, можжевельника,
В непрерывных молебнах, акафистах
Возле — русского Друга — отшельника.
За снопами свеч,
Под венком лампад
Он, как пастырь стад,
Бдит, чтоб всех сберечь.
Исцеляется, — то удостоится,
Кто спокается, тот успокоится, —
И пошли домой
Уж с иной душой,
Побывавши, бывало, у Троицы.

ЗАПЛАЧКИ

1

Ой родимая, ой русская земля!
Припадаю ко стопам твоим, моля!
Ты прости нас, кем ты кинута, кем брошена,
Раскатившихся, как малые горошины
Из златого, из тяжелого стручка,
По чужой земле, что ох как! Горька...

Не отринь... нас...
Мы на братьев не похожи ли? —
Тех, кто вдосталь кутермили, скоморошили
И доныне кружат в леших кустах...
Ан — Бог даст, в святых очутятся местах!
Вот и я — буйна, кротка ли — та же самая!
То в затменье, то в сиянии душа моя...
Крикнул кочет красный, вспыхнула весна, —
И, как жрица, я звала Перуна!
Стонет горлица, и осень уж туманится, —
И взыскую Лика Спасова, как странница...
Млады, стары, тот с дудой, тот с посошком,
Кто веригою звеня, кто — бубенцом,
Черта тешащие бранью, Бога — лирою, —
Мы, чужие всем, и щедрые, и сирые,
Прозорливцы, простецы, дураки,
Возлюбившие скиты и кабаки,
И в отрепье кумачовом и во вретище —
Все, как есть, твои родные, мати, детища...
Ты прости же нам раскаянный наш грех,
Как и грех, что там, с тобою... как и всех!
И раскрой свои безкрайние объятия
Мне, что многих, и светлей, и виноватее...

2

Дале — дальняя сторона моя,
И знакомая, и незнакомая!
По тебе тоска моя лютая,
О тебе и скорбь моя смертная...
День-деньской плетясь, крепко путая,
Те тоска и скорбь — сестры верные,
Сестры вечные — руки вяжут мне,
Горло душат мне, что веревками...
Ах, темны — леса, пестры — пажити
Да с избенками, да с церковками
Под стожарами да под радугой,
Вас не видела долго-долго я...
Так же ль лед гудет по-над Ладогой?
Так же ль плот поет по-над Волгою?
Сладко вишенье уж родится ли
На огористом окском береге?
Виноградье глав золотится ли
В милом городе на Москве-реке?
Миро ль варят там роз медовее?
Росны ладоны воскуряют ли?
Так же молятся в Приднепровии
И спасаются в Зауралии?
Крест ли есть у шей, в пальцах — лестовка,
А иконний лик в каждой горнице?
Да и цел ли кряж али лес такой,
Где б подвижник жил иль затворница?
Люди ищут ли правды-истины,
Берегут ли то, что уж найдено?
Иль, как в непогодь, иглы с лиственниц,
Жемчуг с образа, татем скраденный,
Спало-сгинуло благочестие
Вековечное боголюбие?..
Ох, почто с тобой, Русь, не вместе я?
Из конца в конец и до глуби я
Все б разведала, все бы вызнала!
И, коль правда то, коль скончалась ты, —
Я б слезой живой тебя сбрызнула,
И взбудила бы кликом жалостным,
И согрела бы целованьями...
Оживела б ты с Божьей помощью
Всеми травами и дыханьями
В свете утреннем, голубом еще,
Распрекрасная, та же самая
Русь родимая, сторона моя...

СЛАДОСТЬ ИИСУСОВА

В душу чудное сходит отишие, —
Унялась в ней уныния боль...
Не свирель ли в ушах своих слышу я?
А в светелке-то нищей под крышею
Как от света бело ль, голубо ль!..

Кто в ней движется, чуть затуманенный,
Теплит в сгасшей лампаде огонь?
Лик от венчика роз орумяненный...
И была, видно, некогда ранена
Засквозившая алым ладонь...

Ах! грустнейшее око проникнуло
Всю меня, как поваленный гроб.
И стыдом нестерпимым я вспыхнула,
И с постели вскочила... И стихнула
У фиалкою пахнущих стоп.

Как учил Ты? И помню ль учение?
Но его я постигла теперь:
Царство Божье предвечно-весеннее,
Крины, птицы, и слово, и пение,
И любовь, победившая смерть!

Думы гордые и любодейные
Ты развеял, Сверхмудр и Сладчайш...
И сошла сюда тихость келейная,
И поднялися чаши лилейные
Из убогих, из глиняных чаш...

Кроме этой, не будет зари иной!
И свирели, что дал Ты, любя.
Вновь начну житие с ней Мариино, —
И исполнится новой игры она,
Славословя, Сладчайший, Тебя!

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев) (1887—1941) — поэт. Славу ему принес «Громокипящий кубок» (1913), эпатажные строки: «Я, гений Игорь Северянин. // Своей победой упоен: // Я повсеградно оэкранен! // Я повсесердно утвержден!..» Со времен «бенедиктовщины» и «надсовщины» русская поэзия не знала такого феноменального успеха. Никто из его современников — ни Константин Бальмонт, ни Александр Блок — не были так «повсеградно оэкранены». Он был и символистом и эгофутуристом. «Литературного мессию // Во мне приветствуют порой», — признавался он, обладая редкой способностью «популярить» себя с помощью «поэзоконцертов».

Тем не менее композиторы XX века не проявили особого интереса к его поэзам. Исключением являются лишь «Маргаритки» — один из самых популярных романсов С.В. Рахманинова. Несколько романсов на его стихи многие годы продержались на эстраде, входили в репертуар Екатерины Юровской, Александра Вертинского. Особо примечательна в этом отношении судьба «Классических роз», восходящих к стихотворению Ивана Мятлева «Как хороши, как свежи были розы...» (мелодекламация В.А. Садовской, 1910) и стихотворению в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» (мелодекламации А.С. Аренского, Л.Л. Лисовского, А.В. Таскина, 1890-е годы). «Классические розы» Северянина — Вертинского, созданные в 1930 году в эмиграции, подводили печальный итог этой столетней поэтической перекличке эпох.

В 1918 году Северянин переехал из Петербурга в рыбацкий поселок Тойла на берегу Балтийского моря. До столицы — рукой подать. Он снимал здесь дачу и раньше, летом 1912-го, и в Первую мировую. После революции решил переждать окаянные дни, о которых писал:

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! Ах, не цветы! —
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоели до тошноты.

Но в 1919 году Эстония провозгласила независимость, отделилась от России. Так, в силу исторических обстоятельств Северянин оказался за пределами родины. В декабре 1931 года, узнав о разрушении в Москве храма Христа Спасителя, запишет: «Никогда не примирюсь с отрицанием религии, с ее преследованиями и гонениями». Эту непримиримость сохранил до конца дней, часто посещая русский уголок в Эстонии — Пюхтинский монастырь, которому посвящено его стихотворение «Молитва».

Умер в самом конце 1941 года в Таллине. От голода. На его могильной плите высекли строки, ставшие его эпитафией:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб...

AVE MARIA

О Дева-Мать, возрадуйся блаженно!
Господь с Тобой, носившая Его,
Хранителя безсмертья моего!..
Да будешь Ты меж жен благословенна,
Благословен плод чрева Твоего!

1909

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН

Христос воскресе! Христос воскресе!
Сон смерти — глуше, чем спит скала...
Поют победу в огне экспрессий,
Поют Безсмертье колокола.

Светло целуйте уста друг другу,
Последний нищий — сегодня Крез...
Дорогу сердцу к святому Югу! —
Христос воскресе! Христос воскрес!

Февраль 1910

РЕКВИЕМ

...И будет дух мой над тобой
Витать на крыльях голубиных.
М. Лохвицкая

Помилуй, Господи, Всесветный Боже,
Царицу грез Твоих, Твою рабу,
И освяти ея могилы ложе,
И успокой ее в ея гробу...

И вознеси ея святую душу,
Великий Господи, в пречистый Рай...
А если я, Твой раб, любовь нарушу,
Своею милостью меня карай.

Даруй страдалице — любимой, милой —
Познать величие Твоих щедрот..
Господь, укрой ее! Господь, помилуй!
Услышь, о Господи, мой грешный рот...

Услышь мольбу мою, и, веру множа
В Твое сияние, внемли рабу:
Помилуй, Господи, Всесильный Боже,
Мою владычицу — Твою рабу!

<Март 1910>

ПОХОРОННАЯ ИРОНИЯ

Мы помолимся, когда придем на вынос:
Господи! Спаси нас, Господи, спаси нас!
И подумаем, склоняясь над могилой:
Господи! Помилуй, Господи, помилуй!
И о жизни мы помыслим в нашем тайном:
Господи! Подай нам, Господи, подай нам!..

Июнь 1910

КАНОН СВ. ИОСАФУ

Я сердце свое хотел обмануть,
А сердце меня обмануло.
К. Фофанов

«Цветы любви и веры разбросав,
Молю Тебя, Святитель Иосаф;
Посей в душе благие семена,
Дай веру мне в златые времена!»

Так пред Твоей иконой всеблагой
Молился я и набожной рукой
Не раз творил интуитивный крест,
И слышал я, как вздрагивал окрест.

Все, все, о чем Тебя я попросил,
Исполнил Ты. Я жарко оросил
Свои глаза и, к образу припав,
Пою Тебя, Святитель Иосаф!

Октябрь 1911

ЧАЕМЫЙ ПРАЗДНИК

Запевка

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что безсмертным быть!

1925

И БУДЕТ ВСКОРЕ...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию..
Ты шляпу шелковую надень;
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя!

1925

ПРЕДВОСКРЕСЕНЬЕ

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как солнце, как Христос!

1925

НЕ УСТЫДИСЬ...

Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.

Земля цветет, вчера еще нагая,
Цветет душа, ее цветам внемля.
Нисходит в сердце радость всеблагая.
Ценней безсмертья — смертная земля!

Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя — в лучах раскрытых глаз!

1926

МОЛИТВА

Достоевскому

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!
Все находимое порастерял.
И вот, слезами взоры орошая,
Я говорю: жизнь прожита большая...
Проговорил — и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколького не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственней сигнал...
С кем из безвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...

Ночь под 1927 г.

НА МОНАСТЫРСКОМ ЗАКАТЕ

Если закат в позолоте,
Душно в святом терему.
Где умерщвленье для плоти
В плоти своей же возьму?
Дух воскрыляю свой в небо...
Слабые тщетны мольбы:
Все, кто вкусили от хлеба,
Плоти навеки рабы.
Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,
Попросту сводят с ума...
Мы и в трудах своих праздны, —
Смилуйся и пожалей!
Сам Ты рассыпал соблазны
В дивной природе Своей...
Где ж умерщвленье для плоти
В духе несильном найду?
Если закат в позолоте —
Невыносимо в саду...

1927

Пюхтинский Успенский женский монастырь. Современное фото

МИХАИЛ КУЗМИН

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, композитор. В 1891 году Михаил Кузмин поступил в Петербургскую консерваторию и три года учился по классу композиции у Н.А. Римского-Корсакова. Писал романсы и оперы, а в 1916 году создал музыку к блоковскому «Балаганчику» в постановке В.Э. Мейерхольда в театре В.Ф. Комиссаржевской. Это был дебют на сцене Блока-драматурга и Кузмина-композитора. Известна его музыка к пьесе в стихах «Свадьба Солнца и Весны» Полины Соловьевой (1912). Сохранились воспоминания современников о его публичных выступлениях с авторским исполнением стихов на собственную музыку, в том числе знаменитых «Александрийских песен», принесших Кузмину славу на поэтическом Олимпе (по выражению Алексея Ремизова, он «взблеснул на литературно искусном Петербурге»). «Почему же он возник теперь, здесь, между нами, в трагической России, с лучом эллинской радости в своих звонких песнях?» — восклицал Максимилиан Волошин, пытавшийся разгадать тайну русского «александрийца» Кузмина. Его творческое наследие в прозе, поэзии, драматургии обширно (девятитомное Собрание сочинений 1918 года — только часть его). В послереволюционные годы вышло несколько поэтических сборников Кузмина, наиболее значительный из них — «Форель разбивает лед» (1929). Но «Александрийские песни» остались определенным знаковым явлением Серебряного века, его стилевых поисков, нашедших отражение не только в поэзии, но и в музыке, о чем свидетельствует вокальный цикл Анатолия Н. Александрова «Из Александрийских песен М. Кузмина» (1915—1929).

«Александрийским песням», впервые изданным в 1906 году, предшествовали его стилизации русских народных духовных стихов. Младший из пяти детей в старообрядческой семье, он несколько лет своей долитературной жизни провел не только в Египте и Италии, но и в раскольничьих скитах. Его духовные стихи —«Хождение Богородицы по мукам», «О старце и льве», «О разбойнике», «Пустыня», «Страшный суд» вышли в 1912 году отдельным нотным изданием с указанием: «Слова и музыка М. Кузмина». В 1914 году в новое нотное издание «С Волги» вошли семь его песен (среди них — «Ночная молитва», «Перед Пасхой»).

Его песнопения — «Праздники Пресвятой Богородицы» датированы 1909-м годом, «Моление о Федоре Стратилите» — 1914-м, кантата — «Святой Георгий», «Страстной пяток» — 1917-м. Молитвенными останутся многие поздние его стихи. В 1925 году он напишет: «Баржи затопили в Кронштадте, // Расстрелян каждый десятый... // Казармы на затонном взморье, // Прежний, я крикнул бы: "Люди!" // Теперь молюсь в подполье, // Думая о белом чуде». В одной из таких подпольных молитв 20-х годов он писал:

...Пошли нам крепкое терпение,
И кроткий дух, и легкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон!

Но если ангел скорбно склонится,
Заплакав: «Это навсегда!» —
Пусть упадет, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Струями нежными, не пылкими,
Родная согревает кровь.

Окрашивает щеки розово,
Не холоден минутный дом,
И мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Всходила Пречистая
На гору высокую,
Увидела Чистая
Михаила-Архангела,
Сказала Пречистая
Михаилу-Архангелу:
«Ты светлый, пресветлый
Михаил-Архангел,
Сведи меня видеть
Всю муку людскую,
Как мучатся грешники,
Бога не знавшие,
Христа позабывшие,
Зло творившие».
Повел Пречистую
Михаил-Архангел
По всем по мукам
По мученским:
В геенну огненную,
В тьму кромешную,
В огнь неусыпающий,
В реку огненную.
Что на севере муки
И на юге,

Михаил Кузмин — паломник. 1910-е гг.

На востоке солнца
И на западе.
Видела Чистая
Все муки людские,
Как мучатся грешники,
Бога не знавшие,
Христа позабывшие,
Зло творившие:
Князья, попы и мирская чадь,
Что в церковь не хаживали,
Канунов не читывали,
Святых книг не слыхивали,
Заутрени просыпали,
Вечерни пропивали,
С кумами блудили,
Нищих прогоняли,
Странных не принимали,
Пьяницы, зернщики[1],
Скоморохи, попы ленивые,
Немилостивые, нежалостливые,
Все лихие скаредные
Дела сотворшие.
Как увидела Чистая
Все муки людские,
Восплакала, возрыдала,
Грешникам говорила:
«Вы бедные, бедные грешники,
Бедные вы, несчастные,
Лучше бы вам не родитися.

[1] Азартные игроки.

Ты светлый, пресветлый
Михаил-Архангел,
Вверзи меня
В геенну огненную:
Хочу я мучиться
С грешными чадами Божьими».
Сказал Пречистой Михаил-Архангел:
«Владычица Богородица,
Госпожа моя Пресветлая!
Твое дело — в раю покоиться,
А грешникам — в аду кипеть.
А попроси лучше Сына Своего,
Исуса Христа Единородного,
Да помилует Он грешников».
Не послушал Господь Богородицы,
Не помиловал Он грешников,
И опять взмолилась Пречистая:
«Где вы, пророки, апостолы,
Где ты, Моисей Боговидец,
Даниил с тремя отроки,
Иван Богословец, Христов возлюбленник,
Где ты, Никола Угодник,
Пятница, красота христианская?
Припадите вы ко Господу,
Да помилует Он грешников!»
Не послушал Господь Богородицы
Не помиловал Он грешников,
И втретие вскричала Пречистая:
«Где ты, сила небесная:
Ангелы и архангелы,
Херувимы и серафимы,
Где ты, Михаил-Архангел,
Архистратиг вой небесных?
Припадите вы ко Господу,
Да помилует Он грешников!»
И припали все святые ангелы,
Пророки, апостолы,
Иван Богословец, Христов возлюбленник,
Пятница, красота христианская, —
И застонала высота поднебесная
От их плача-рыдания.
И услышал их Господь Милостивый,
И сжалился Он над грешниками:
Дал им покой и веселие
От Великого Четверга
До святыя Пятидесятницы.

<1901>

О СТАРЦЕ И ЛЬВЕ

Солнце за лесом уж скрылося,
На луга уж пал туман,
По дороге идет старец,
Старец, инок пречестной.
Навстречу старцу
Идет лев зверь,
Лев дикий, лютый
Зверь рыкающий.
«О люте льве, зверю рыкающий,
Пожри, пожри меня:
Во грехах я весь родился,
И прощенья нет уж мне.
А грехов на мне,
Что на сосне смолы.
Тридцать лет о грехах я плачуся
И очистил много их,
Лишь один грех неочищенный
День и ночь меня томит.
Был я в молодости возчиком,
И дитя я задавил.
И с тех пор отрок загубленный
Все стоит передо мной.
Он стоит с улыбкой тихою,
Говорит, головой киваючи:
“Ты за что сгубил мою душу?”
Ни постом, ни молитвой, ни бдением
Не заглушить того голоса,
И одно лишь мне спасение:
Свою жизнь отдать за сгубленную.
О люте льве, зверю рыкающий,
Ты пожри меня, старца грешного!»
И лег старец льву на дороге,
Чтобы пожрал его лютый зверь,
Но лютый лев, зверь рыкающий,
Кротко посмотрел на инока,
Помотал головой косматою —
И прыгнул через старца в темный лес.
И встал старец светел и радостен,
Знать, простил его Господь,
И простило дитя,
Отроча малое.

<1902>

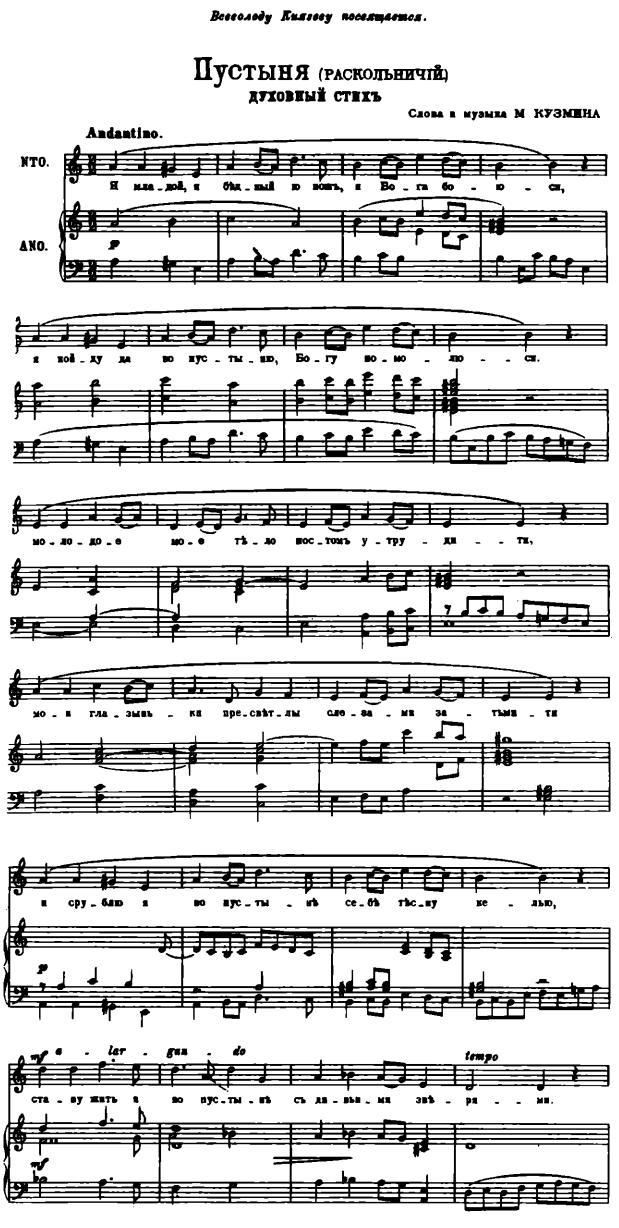
О РАЗБОЙНИКЕ

Жил в фракийских странах
Лютый-злой разбойник,
Убивал он, грабил,
Про Бога не помнил.
И стали мерзеть уж
Ему грех, насилье, —
Тут о Боге вспомнил
И горько заплакал.
И пошел он в город
Судиям предаться;
Ночевать остался
В гостинице бедной.
И всю ночь он плакал,

Жизнь вспоминая,
Утирал убрусцем
Горючие слезы.
В те поры гостинник
Дивный сон он видел:
Ангелы Божьи
Подъемлют вси души
И несут их борзо
К престолу Господню.
Принесли тут ангелы
Разбойничью душу,
Черна и страшлива,
К ангелам прижалась.
И кладут тут мурины
На левую чашку
Все грехи, неправду,
Татьбы и убийства,
Расплакались ангелы,
Красные юноши:
Нечего класть им
На правую чашку.
Вспомнили тут что-то
Ангелы Господни,
Встрепенули крыльями,
Слетели на землю,
Принесли убрусец,
Слезами смоченный,
Положили в чашку
С Божьим милосердьем.
Дивно виденью!
Неудобь сказанью!
Чашка с грехами
Вверх поднялась.
Проснулся гостинник
В страхе превеликом,
Бросился в покоец,
Где пристал разбойник.
Догорала свечка
У Спасова лика,
Лежит сам разбойник,
Лежит он, не дышит,
Сложены накрест
Грешные руки,
На груди убрусец,
Слезами смоченный.

1902

ПУ́СТЫНЯ
Раскольничий

Я младой, я бедный юнош,
Я Бога боюся,
Я пойду да во пустыню
Богу помолюся.

Молодое мое тело
Постом утрудити,
Мои глазыньки пресветлы
Слезами затмити.

И срублю я во пустыне
Себе тесну келью,
Стану жить я во пустыне
С дивьими зверями.

Я поставлю медный крестик
На зелену сосну,
Прилеплю я желту свечку
Ко тонкой ко ветке —

И начну я службу править,
Птички зааминять,
И услышит ангел Божий
Тайную молитву.

Ни исправник, ни урядник
Меня здесь не схватят,
Ни попы, ни дьяконы
Да в церковь не затащат.

Никого в пустыне нету,
Да не возгорюю,
Никого я здесь не встречу,
Да не воздохну я.

Распевают малы пташки
Архангельски гласы,
Утешают младу душу
Те ли песни райски.

Не попомню сладких брашен,
Одежд многоцветных,
Не взыщу я питей пьяных,
Друзей прелюбезных.

Дерева, вы деревочки,
Мои братцы милы,
А береза белоножка
Дорога сестрица.

О прекрасная пустыня,
Мати всеблагая,
Приими свое ты чадо
В свои сладки недра!

<1903>

СТРАШНЫЙ СУД

Вы подумайте, мила братия,
Каково будет нам в последний день;
Как вострубит ангел во трубушку,
И отворятся двери райские,
Вся земля тут вспоколеблется,
Солнце, месяц тут померкнут вдруг,
Звезды с неба спадут, как листвие,
Само небушко тут скорежится,
Протекет тогда река огненна
По всей земле по черноей,
Попалит она древа, былие, —
Ничего тогда не останется.
И услышат ту злату трубушку
Души праведны, души грешные,
И войдут они в телеса своя
В новой плоти на суд воскреснути:
Из сырой земли, со дна морюшка
Встают праведны, встают грешники,
Звери лютые, птицы дикие
Отдают тела бедных грешников.
И воссядет тут Сам Исус Христос
Судить праведных, судить грешников.
Он — судья-то ведь Судья Праведный,
Он не смотрит на лица, Батюшка,
А у ангелов мерила правильны,
И весы у них справедливые.
Тут уж все равны: цари, нищие,
Простецы и попы соборные,
Не поможет тут злато-серебро,
Ни краса, ни уста румяные,
Не помогут тут отец с матерью,
Не помогут друзья любезные,
Лишь дела наши аль оправят нас,
Аль осудят на муку вечную.
Поглотит тогда река огненна
В муку вечную отсылаемых,
А святых души засветятся,
И пойдут они в пресветлый рай.
<1903>

Тексты публикуются по нотному изданию: «Духовные стихи. Слова и музыка М. Кузмина». СПб., 1904.

Праздники Пресвятой Богородицы

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Прости неопытную руку, Дева,
И грешный, ах, сколь грешный мой язык,
Но к клятвам верности я так привык,
Что Ты словам хвалебного напева
Внемли без гнева.

Будь я царем — Тебе моя порфира,
Будь я монах — поклялся б в чистоте,
Но что мне дать в смиренной нищете:
Мое богатство, данное от мира, —
Одна лишь лира.

Слагаю набожно простые строки,
Святая Дева, благостно внемли!
Ты видишь все на небе, на земли,
Тебе известны тайных слез потоки
И смерти сроки.

И как мне петь? откуда взять хвалений?
Что я в юдоли сей? никто, ничто.
Но сердце страстное, оно не заперто,
Оно дрожит и жаждет умилений
В часы горений.

2

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Анна плакала в пустыне:
«Ах, не знать мне благостыни!
Люди, звери, мошка, птица —
Все вокруг нас веселится,
Мне же, бедной, никогда
Не свивать себе гнезда.

О неплодная утроба!
Кто проводит к двери гроба?
Мы как грешники в притворе;
Скрыт упрек во всяком взоре.
Всякий чище, всяк святей
Той, что ходит без детей».

Иоаким вдали тоскует,
Ангел с неба возвествует:
«Божий раб, тоска напрасна.
Глаз Господень ежечасно
Скорби праведников зрит
И награду им дарит.

Браки людям не запретны,
Не тужи, что вы бездетны,
А иди к своим воротам —
Анна ждет за поворотом.
Ты жену свою прими,
Сердце грустью не томи!»

Где наш путь? куда, откуда?
Все мы ждем святого чуда,
Кто покорен, кто смиренен,
Тот в пути лишь будет верен.
Претерпевый до конца
Удостоится венца.

Молвит, плача, мать седая:
«Богу верила всегда я,
Он, слезу мою отерший,
Он, покров Свой распростерший,
Не покинет Он меня,
Сладкой вестью возманя!»

Дни и ночи, ближе, ближе,
Анна молит: «О, внемли же,
Милосерд к Своим созданьям,
Не томи нас ожиданьем!»
И в назначенную ночь
Родила Марию дочь.

О Мария, Дева девам,
Ты внемли моим напевам!
Спаса мира Ты носила,
Пусть и мне подастся сила
Песни свято довести
И себя Тобой спасти.

3

ВВЕДЕНИЕ

Вводится Девица в храм по ступеням,
Сверстницы-девушки идут за Ней.
Зыблется свет от лампадных огней.
Вводится Девица в храм по ступеням.

В митре рогатой седой иерей
Деву встречает, подняв свои руки,
Бренный свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой седой иерей.

Лестницу поступью легкой проходит
Дева Мария, смиренно спеша.
Белой одеждой тихонько шурша,
Лестницу поступью легкой проходит.

Старец, послушный совету небес,
Вводит Ее во святилище храма.
Он не боится упреков и срама,
Старец, послушный совету небес.

Белой голубкою скрылась внутри,
Плотно закрылась святая завеса.
Чуждая злым искушениям беса,
Белой голубкою скрылась внутри.

Что вы, подружки, глядите вослед?
Та, что исчезла белей голубицы,
Снова придет к вам в одежде Царицы.
Что вы, подружки, глядите вослед?

4

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Какую книгу Ты читала
И дочитала ль до конца,
Когда в калитку постучала
Рука небесного гонца?

Перед лилеей Назаретской
Склонился набожно посол.
Она глядит с улыбкой детской:
«Ты — вестник счастья или зол?»
Вещает гость, цветок давая:
«Благословенна Ты в женах!»
Она глядит, не понимая,
А в сердце радость, в сердце страх.
Румяной розою зардела
И говорит, уняв испуг:
«Непостижимо это дело:
Не знаю мужа я, мой друг».
Спасенья нашего начало
Ей возвещает Гавриил;
Она смиренно промолчала,
Покорна воле вышних сил.
И утро новым блеском блещет,
Небесны розы скромных гряд,
А сердце сладостно трепещет,
И узким кажется наряд.
«Вот Я — раба, раба Господня!»
И долу клонится чело.
Как солнце светится сегодня!
Какой весной все расцвело!
Умолкли ангельские звуки,
И нет небесного гонца.
Взяла Ты снова книгу в руки,
Но дочитала ль до конца?

5

УСПЕНИЕ

Успение Твое, Мати Богородица,
Опозданием Фомы нам открылося.
Святым Духом апостол водится
Далеко от братского клироса.
Покидает он страны далекие,
Переходит он реки широкие,
Горы высокие —
И приходит к братьям апостолам.

Вскричал он, Фома, со рыданием:
«Завела меня пучина понтова!
Вы блаженны последним лобзанием,
А Фома, сирота, он лишен того!
Уж вы дайте мне, рабу покорному,
Поклониться тому месту горнему,
Гробу чудотворному,
Как дано было прочим апостолам».

Между двух дерев холм виднеется,
Красно солнце садится за море,
На холме том гроб белеется,
Белы руки у него опускаются,
Очи смыкаются, —
И нашла туга на апостолов.

Снова плач близнеца возносится,
Подымается к небу ясному,
Злая грусть в сердца братьев просится.
«Ах, увы мне, увы мне, несчастному!
Неужели, Мати, в таком загоне я,
Что стал хуже жида — Авфония,
Лишен благовония?
Нелюбимый я среди апостолов!»

И ко гробу Фома подводится,
Подводится ко гробу белому,
Где почила Святая Богородица.
Диво дивное сердцу оробелому!
Расцвели там, большие и малые,
Цветы белые, желтые и алые,
Цветы небывалые.
И склонились святые апостолы.

Вместо тела Богородицы Пречистыя —
Купина цветов благовонная;
Поясок из парчи золотистый
Оставила Матерь Благосклонная
В награду за Фомино терпение,
В награду за Фомино смирение
И уверение.
И прославили Деву апостолы.

6

ПОКРОВ

Под чтение пономарей,
Под звонкие напевы клироса
Юродивый узрел Андрей,
Как небо пламенем раскрылося.
А в пламени, как царский хор,
Блистает воинство небесное,
И распростертый омофор
В руках Невесты Неневестныя.
Ударил колокольный звон
И клиры праздничными гласами, —
Выходит дьякон на амвон
Пред царскими иконостасами.
А дьякон тот — святой Роман,
Что «сладкопевцем» называется, —
Он видит чудо, не обман,
Что златом в небе расстилается.
Андрей бросается вперед
Навстречу воинству победному
И омофору, что дает

Покров богатому и бедному.
И чудом вещим поражен
Народ и причт, и царь с царицею,
И сонм благочестивых жен
Склонился долу вереницею.
«Дают вам, дети, свой покров:
Без пастыря — глухое стадо вы,
Но пастырь здесь — и нет оков,
Как дым, исчезнут козни адовы».

Горит звезда святых небес,
Мечи дрожат лучом пылающим, —
И лик божественный исчез,
Растаяв в куполе сияющем.
Край неба утром засерел,
Андрей поведал нищей братии,
Что в ночь протекшую он зрел
В святом соборе Халкопратии.

7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одигитрия

Водительница Одигитрия!
Ты в море движешь корабли,
Звездой сияешь нам вдали,
Далеко от родной земли!
Ведешь Ты средь камней и скал,
Где волны воют, как шакал,
Где рок смертельный нас искал, —
Ты же из бури, пучины, погибели, рева,
Выведешь к пристани нас, Одигитрия Дева!

Водительница Одигитрия!
Ты воинство ведешь на бой,
И ратные — сильны Тобой,
На смерть готов из них любой.
Стучат блаженные мечи!
И воздух жарок, как в печи,
А в небе светлые лучи!
Ты не допустишь детей до последнего срама.
Ты распростерла над ними Свою орифламму!

Водительница Одигитрия!
Ты целым возвратишь царя,
Ты миру — красная заря!
Ты не сгораешь, век горя!
Победа дастся в свой черед:
Как знамя, с нами Мать идет, —
И вражий клонится народ.
Ты нам — охрана, победа, защита и сила,
Оком Своим Ты враждебные рати скосила!

Водительница Одигитрия!
Помазан не был я царем,
Мне дан лишь жизни злой ярем:
Не сами мы судьбу берем.
Но я, как странник, страха полн,
Грозит разбиться утлый чёлн,
И как спастись от ярых волн?
Ты приведешь меня в тихую, сладкую воду,
Где я узнаю покорности ясной свободу.

Февраль 1909

ПАСХА

У Спаса у Евфимия
Звонят в колокола.
Причастен светлой схиме я,
Когда весна пришла.
Сквозь зелени веселые
Луга видны давно,
Смотрю на лес и села я
Чрез узкое окно.
Минуло время страдное,
И в путь пора, пора!
Звучит мне весть отрадная
От ночи до утра.
Престали быть мы сирыми,
Опять Христос меж нас, —
Победными стихирами
Гремит воскресный глас.
О братья возлюбленная,
Ведите вы меня
Туда, где обновленная
Чернеется земля.
Ах, небо, небо синее!
Ах, прежняя любовь!
Не доживу до инея,
Лишь там сойдемся вновь!
Сойду не с погребальными
Я песнями во гроб:
С канонами пасхальными
Украсит венчик лоб.
Скрещу я руки радостно,
Взгляну на вешний лес
И благостно и сладостно
Скажу: «Христос Воскрес!»

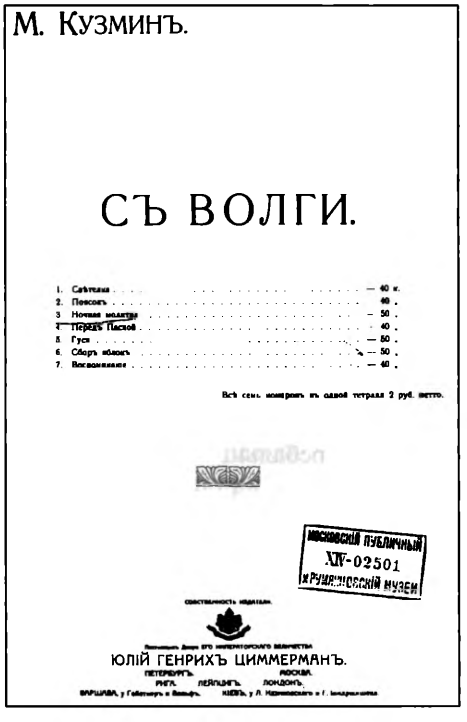
Март 1910

МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Ведь Марию Египтянку
Грешной жизни пустота
Прикоснуться не пустила
Животворного креста.

А когда пошла в пустыню,
Блуд забыв, душой проста,
Песни вольные звучали
Славой новою Христа.
Отыскал ее Зосима,
Разделив свою милоть[1],
Чтоб покрыла пред кончиной
Уготованную плоть.
Не грехи, а Спаса сила,
Тайной жизни чистота
Пусть соделает вам легкой
Ношу вольного креста.
А забота жизни тесной,
Незаметна и проста,
Вам зачтется, как молитва,
У воскресшего Христа,
И отыщет не Зосима,
Разделив свою милоть:
Сам Христос, придя, прикроет
Уготованную плоть.

1 апреля 1912


М. Кузминъ.

СЪ ВОЛГИ.

1. Сѣятели . . . . . — 40 к.
2. Поясокъ . . . . . 40 .
3. Ночная молитва . . . . . — 50 .
4. Передъ Пасхой . . . . . 40 .
5. Гуси . . . . . — 50 .
6. Сборъ яблокъ . . . . . — 50 .
7. Воспоминаніе . . . . . — 40 .

Всѣ семь номеровъ въ одной тетради 2 руб. нетто.

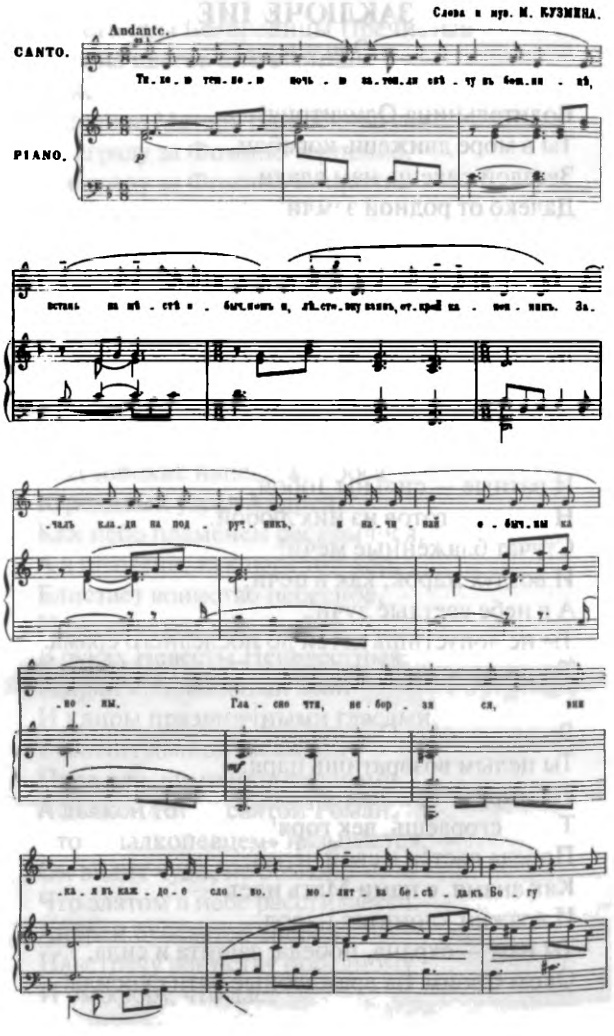
МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-02501
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

собственность издателя.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
ПЕТЕРБУРГЪ. МОСКВА.
РИГА. ЛЕЙПЦИГЪ. ЛОНДОНЪ.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Тихою темною ночью
Затепли свечу в божнице,
Встань на месте обычном
И, лестовку взяв, открой каноник.
Зачал клади на подручник,
И начинай обычны каноны.
Гласно чти, не борзяся,
Вникая в каждое слово:
Молитва — беседа к Богу,
Молитва — радость сердцу,
Молитва — грехов прощенье.
Твой ангел стоит направо
И пишет твои поклоны,
И слезы твои сбирает,
Как жемчуг, в чистый сосудец.
А сколько тою же ночью
Стоят на поклонах,
Молитве и в нашем граде
И дале и в Повенце далеком,

№ 3. Ночная молитва.

[1] В Библии — верхняя одежда.

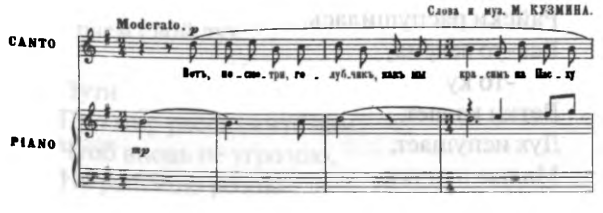
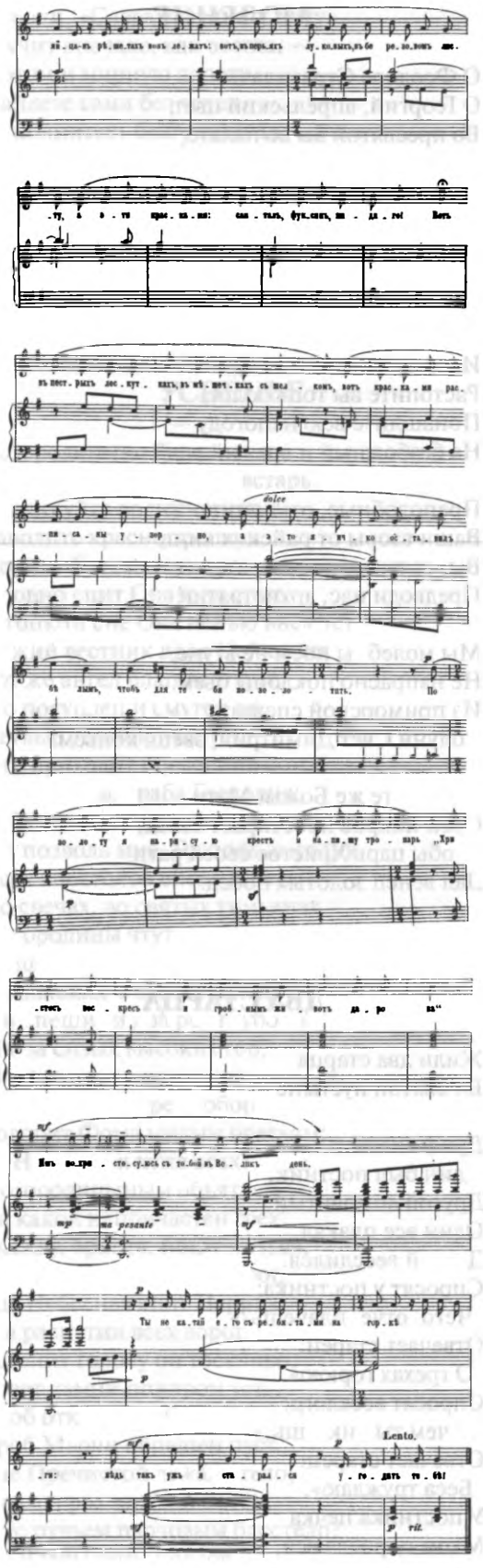
А сколько еще незримых,
От мира сего сокрытых
Молятся праведных старцев,
И от святых молитв тех
Сполохи по небу ходят.
Вспомни о милых дальних
И ангел твой улыбнется
И новый жемчуг положит
В чистый святой сосудец.

Публикуется по нотному изданию: «С Волги. Слова и музыка М. Кузмина». Пгр., 1914.

ПЕРЕД ПАСХОЙ

Вот, посмотри, голубчик,
Как мы красим на Пасху
Яйца в решетах вон лежат:
Вот в перьях луковых,
В березовом листу,
А эти красками:
Сантал, фуксин, индиго!
Вот в пестрых лоскутках,
В мешочках с шелком,
Вот красками расписаны узорно,
А это яичко оставил белым,
Чтобы для тебя позолотить.
Позолоту я нарисую крест
И напишу тропарь:
«Христос воскресенье
И гробным живот дарова».
Им похристосуюсь с тобой
В Велик день.
Ты не катай его
С ребятами на горке,
А сбереги:
Ведь так уж я старался
Угодить тебе!

Публикуется по нотному изданию: «С Волги. Слова и музыка М. Кузмина». Пгр., 1914.

№ 4. Передъ Пасхой.

МОЛЕНИЕ

О Феодоре Стратилаче,
О Георгий, апрельский цвет,
Во пресвятой вы во палате,
Где ни плача, ни скорбей нет.

Выходите вы со полками
Из высоких злаченых врат.
Ваш оплот надо всеми нами;
Божий воин земному брат.

Изведите огонь и воду,
Растопите вы топь болот,
Понашлите всю непогоду —
На безбожный и вражий род!

Преподобные, отклоните
Ваши взоры от райских книг,
Вы, святители, осветите,
Предводи нас, архистратиг!

Мы молебны поем не втуне,
Не напрасно поклоны бьем.
Из приморской спешит
Солуни Свет Димитрий, звеня копьем.

На пороге же Божья Мати
Свой покров простирает вслед,
Чтобы царь Христос своей рати
Дал венец золотых побед.

<Ноябрь 1914>

ДВА СТАРЦА

Жили два старца
Во святой пустыне,
Бога молили,
Душу спасали.
Один был постник,
Другой домовитый,
Один все плакал,
Другой веселился.
Спросят у постника:
«Чего, отче, плачешь?»
Отвечает старец:
«О грехах горюю».
Спросят веселого:
«О чем ты ликуешь?»
Отвечает старец:
«Беса труждаю».
У постника печка
Мхом поросла вся,
У другого — гости
С утра до полночи:
Странники, убогие,
Божии люди,
Нищая братия,
Христовы братцы.
Всех он встречает,
Всех привечает,
Стол накрывает,
За стол сажает.
Заспорили старцы
О своих молитвах,
Чья Богу доходчивей,
Господу святее.
Открыл Вседержитель
Им знаменье явно:
Две сухих березки
На глухой поляне.
«Вместе ходите,
Вровень поливайте;
Чья скорее встанет,
Чья зазеленеет,
Того молитва
Господу святее».
Трудятся старцы
Во святой пустыне,
Ко деревьям ходят,
Вровень поливают,
Темною ночью
Ко Господу взывают.
За днями недели
Идут да проходят,
Приблизились сроки
Знаменья Господня.
Встали спозаранок
Святые старцы.
Начало положили,
Пошли на поляну.
Господь сердцеведец,
Помилуй нас грешных!
Пришли на поляну:
«Слава Тебе, Боже!»
Глазы протерли,
Наземь повалились!
У постного брата
Береза-березой.
У другого старца
Райски распушилась.
Вся-то зелена,
Вся-то кудрява,
Ветки качает,
Дух испущает,
Малые птички
Свиристят легонько.

Заплакали старцы
Знаменью Господню.
— Старцы, вы старцы,
Душу спасайте,
Кто как возможет,
Кто как восхочет.
Господь Милосердный
Всех вас приимет.
Спасенью с любовью,
Спасу милее.
Слава Тебе,
Боже наш,
Слава Тебе,
И ныне, и присно,
И во веки веков,
Аминь.

1915

АНГЕЛЫ УДИВЛЕННЫЕ

Ризами убеленные,
Слетайтесь по-старому,
По-старому, по-бывалому
На вечный вертеп!

Божьи пташечки,
Райские рубашечки,
Над пещерой малою,
Ризою алою
Свивайте свой круг!

Пастухи безпечные,
Провидцы вечные,
Ночными закатами
Пробудясь с ягнятами,
Услышьте про мир.

Мудрецы восточные,
Дороги урочные
Приведут вас с ладаном
К Тому, Кто отрада нам,
Охрана и Спас.

И в годы кромешные
Мы, бедные грешные,
Виденьями грозными,
Сомненьями слезными
Смущаем свой дух.

Пути укажите нам,
Про мир расскажите нам,
Чтоб вновь не угрозою,
Но райскою розою
Зажглись небеса!

О люди, «Слава в вышних Богу»
Звучит вначале, как всегда, —
Потом и мирную дорогу
Найдете сами без труда.
Исполнитесь благоволенья,
Тогда поймете наставленье
Рождественских святых небес.
Сердца откройте, люди, люди,
Впустите весть о древнем чуде,
Чудеснейшем из всех чудес!

<1915>

УСПЕНЬЕ

Богородицыно Успенье
Нам нетленье открыло встарь.
Возликуйте во песнопеньи,
Заводите красно тропарь.
Во саду Богоматерь дремлет,
Словно спит Она и не спит,
В тонком сне Она пенью внемлет, —
Божий вестник пред Ней стоит.
Тот же ангел благовествует,
Но посуплен и смутен он,
Ветвью темною указует,
Что приходит последний сон.
Наклонилась раба Господня:
— Вот готова я умереть,
Но позволь мне, Господь, сегодня
Всех апостолов вновь узреть. —
Во свечах, во святых тимьянах
Богородицы чтут конец,
Лишь замедлил во Индинианах
Во далеких Фома близнец.
Он спешит из-за рек глубоких,
Из-за сизых высоких гор,
Но апостолов одиноких
Неутешный обрел собор.
Говорит Фома милым братьям:
— Неужели я хуже всех?
Богородицыным объятьям
За какой непричастен грех?
Жажду, братия, поклониться,
Лобызать тот святой порог,
Где Небесная спит Царица
На распутии всех дорог.
Клонит голову он тоскливо,
Греет камни пожаром уст...
Гроб открыли... Святое диво!
Гроб Марии обрящен пуст.
Где Пречистой лежало тело,
Рвался роз заревой поток.
Что ручьем парчовым блестело?
То Владычицы поясок.

О, цветы! о, ручьи! о, люди!
О, небес голубая сень!
О златом, о нетленном чуде
Говорится в Успеньев день.
Ты и Дева, и Мать Святая,
Ты и родина в пору гроз:
Встанет, скорбная, расцветая
Буйным проливнем новых роз!

1916

* * *

Унылый дух, отыди!
Ты, праздность, улетай!
И в здешней Фиваиде
Найдем утешный край.
«Вы — дети не изгнанья!» —
Проклинал Параклит
И радостное зданье
Построить нам велит,
Пологие ступени
К прозрачным воротам.
Внизу что значат тени,
Узнаешь зорко «там».
И зори, и зарницы —
Предвосхищенья слав, —
Зачем же сумрак снится,
Сиянье отослав?
Легчи мне душу, Отче,
И окрыли персты:
Ведь я же — Божий зодчий,
Как приказал мне Ты.

1916

* * *

Господь, я вижу, я недостоин,
Я сердцем верю, и вера крепка:
Когда-нибудь буду я Божий воин,
Но так слаба покуда рука.
Твоя заря очам моим брезжит,
Твое дыханье свежит мне рот,
Но свет Твой легкий так сладостно нежит,
Что сердце медлит лететь вперед.

Я умиляюсь и полем взрытым,
Ручьем дороги в тени берез,
И путником дальним, шлагбаумом открытым,
И запахом ржи, что ветер принес.
Еще я плачу, безсильно бедный,
Когда ребенка бьют по щекам,
Когда на просьбу о корке хлебной
Слышат в ответ сухое: «Не дам!»

Меня тревожит вздох мятежный
(От этих вздохов, Господь, спаси!),
Когда призыв я слышу нежный
То Моцарта, то Дебюсси.
Еще хочу забыть я о горе,
И загорается надеждою взор,
Когда я чувствую ветер с моря
И грежу о тебе, Босфор!

Еще я ревную, мучусь, немею
(Господь, мое счастье обереги!),
Еще я легким там быть не смею,
Где должны быть крылаты шаги.
Еще я верю весенним разливам,
Люблю левкои и красную медь,
Еще мне скучно быть справедливым —
Великодушьем хочу гореть.

1916

ХЛЫСТОВСКАЯ

О, кликай, сердце, кликай!
Воздвигни к небу клич!
Вельможный день, великий
Тем кличем возвеличь!

Струи на струны руки,
Ударь, ударь, ударь!
Вернется из разлуки
Наш Горний Господарь!

И горница готова,
Предубранный Сион,
Незнаемое слово
Вернет на землю Он.

Дождусь ли, о, дождусь ли
Тебя из дальних стран?
Звончей звените, гусли!
Урчи громчей, тимпан!

Ой, дух! Ой, царь! Ой, душе!
Сойди в корабль скорей!
Прожги до дна нам души
И рей, родимый, рей!

Крылами пышно машет
И дышит надо мной.
В поту нам пашню пашет
Хозяин Неземной.

Вздымай воскрылья крылец,
Маши, паши, дыши!
Геенский огнь, Кормилец,
Огнем нам утиши!

1919

* * *

Еще нежней, еще прелестней
Пропел апрель: проснись, воскресни
От сонной, косной суеты!
Сегодня снова вспомнишь ты
Забытые зимою песни.

Горе сердца! — гудят, как пчелы,
Колокола, и звон веселый
Звучит для всех: «Христос воскрес!»
— Воистину! — весенний лес
Вздохнет, а с ним поля и села.

Родник забил в душе смущенной, —
И радостный, и обновленный,
Тебе, Господь, Твое отдам!
И, внове созданный Адам,
Смотрю я в солнце, умиленный.

1916

* * *

О, нездешние
Вечера!
Злато-вешняя
Зорь пора!
В бездорожьи
Звезды Божьи,
Ах, утешнее,
Чем вчера.
Все кончается,
Позабудь!
Уж качается
Сонно муть.
Ропот спора —
Скоро, скоро
Увенчается
Розой грудь,
Сладко просится
В сердце боль —
В небо броситься
Нам дозволь!
Легким шагом
По оврагам
Благоносица
Божьих воль.
Божья клироса
Дрогнет зверь.
Все открылося,
Друг, поверь.
Вдруг узнали
(Ты ли, я ли):
Не закрылася
Счастья дверь.

1919

ПЕЩНОЙ ОТРОК

Дай вспомнить, Боже! научи
Узреть нетленными очами,
Как отрок в огненной печи
Цветет аврорными лучами.
Эфир дрожащий, что роса,
Повис воронкою воздушной,
И ангельские голоса
В душе свиваются послушной.
Пади, Ваал! пади, Ваал!
Расплавленною медью тресни!
Лугов прохладных я искал,
Но жгучий луг — еще прелестней.
Огонь мой пламенную печь
В озерную остудит влагу.
На уголья велишь мне лечь —
На розы росные возлягу.
Чем гуще дымы — легче дух,
Оковы — призрачны и лживы.
И рухнет идол, слеп и глух,
А отроки пещные живы.

1921

* * *

Мне не горьки нужда и плен,
И разрушение, и голод,
Но в душу проникает холод,
Сладелой струйкой вьется тлен.

Что значат «хлеб», «вода», «дрова» —
Мы поняли, и будто знаем,
Но с каждым часом забываем
Другие, лучшие слова.

Лежим, как жалостный помет,
На вытоптанном, голом поле
И будем так лежать, доколе
Господь души в нас не вдохнет.

Май 1921

* * *

Живется нам не плохо:
Водица да песок...
К земле чего же охать,
А к Богу путь высок!

Не болен, не утоплен,
Не спятил, не убит!
Не знает вовсе воплей
Наш кроликовый скит.

Молиться вздумал, милый?
(Кочан зайчонок ест.)
Над каждою могилой
Поставят свежий крест.

Оконце слюдяное,
Тепло лазурных льдин!
Когда на свете двое,
То значит — не один.

А может быть, и третий
Невидимо живет.
Кого он раз приветил,
Тот сирым не умрет.

Сентябрь 1921

КАТАКОМБЫ

Пурпурные трауры ирисов приторно ранят,
И медленно веянье млеет столетнего тлена,
Тоскуют к летейскому озеру белые лани,
Покинута, плачет на отмели дальней сирена.

O via Appia! O via Appia!
Блаженный мученик, святой Калликст!
Какой прозрачною и легкой памятью,
Как мед растопленный, душа хранит.
O via Appia! O via Appia!
Тебе привет!

Младенчески тени заслушались пенья Орфея.
Иона под ивой все помнит китовые недра.
Но на плечи Пастырь овцу возлагает, жалея,
И благостен круглый закат за верхушкою кедра.

O via Appia! O via Appia!
О, душ пристанище! могильный путь!
Твоим оплаканным, прелестным пастбищем
Ты нам расплавила скупую грудь,
O via Appia! O via Appia! —
Любя, вздохнуть.

1921

РОЖДЕСТВО

Без мук Младенец был рожден,
А мы рождаемся в мученьях,
Но дрогнет вещий небосклон,
Узнав о новых песнопеньях.

Не сладкий глас, а ярый крик
Прорежет темную утробу:
Слепой зародыш не привык,
Что путь его подобен гробу.

И не восточная звезда
Взвилась кровавым метеором,
Но впечатлелась навсегда
Она преображенным взором.

Что дремлешь, ворожейный дух?
Мы потаенны, сиры, наги...
Надвинув на глаза треух,
Бредут невиданные маги.

Декабрь 1921

ПЕСНЯ О ДУШЕ

По черной радуге мушиного крыла
Безсмертье щедрое душа моя открыла.
Напрасно кружится немолчная пчела, —
От праздничных молитв меня не отучила.

Медлительно плыву от плавней влажных снов.
Родные пастбища впервые вижу снова,
И прежний ветерок пленителен и нов.
Сквозь сумрачный узор сине яснит основа.

В слезах расплавился злачёный небосклон,
Выздоровления не вычерпано лоно.
Средь небывалых рощ сияет Геликон
И нежной розой зорь аврорится икона!

1922

М. Кузьмин. Рис. Ю. Анненкова, 1919 г.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, переводчик, критик. 31 августа 1921 года в газете «Известия ВЦИК» появилось краткое сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти». А на следующий день в газете «Петроградская правда» (№ 181) был опубликован и расклеен по городу список 61 расстрелянного участника «таганцевского заговора». Под номером 30 в этом списке значился Н.С. Гумилев.

Он был арестован в ночь с 3 на 4 августа 1921 года, а в последующие две недели допросов из печати вышел его последний прижизненный сборник «Огненный столп». Самое удивительное, что то же самое уже происходило в Петербурге, но с другим поэтом-заговорщиком. «Опыты священной поэзии» Федора Глинки были сданы в типографию и получили цензурное разрешение на выход в свет, подписанное священником Казанского собора Герасимом Павским 12 октября 1825 года, перед восстанием на Сенатской площади, а вышли в свет в начале 1826 года, после его ареста и допросов в Петропавловской крепости. Федор Глинка добился встречи с императором и доказал свою непричастность к заговору. Император сказал при прощании с узником: «Глинка, ты совершенно чист, но все-таки тебе надо окончательно очиститься». Местом очищения и стала его Олонецкая ссылка. Известна и ленинская фраза: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас». Так ответил Ленин Луначарскому, просившему о помиловании не контрреволюционера, а поэта Гумилева.

Это сравнение можно продолжить. Следственная комиссия и сам император в течение полугода рассматривали не только степень вины, но и невиновности каждого арестованного. Чекисты управились в три недели. Судьба Гумилева была предрешена вне зависимости от степени его участия или неучастия в «таганцевском заговоре». Император прекрасно сознавал, что за смертные приговоры он сам предстанет перед Божьим судом. Революционеры, освободившие себя от этой ответственности, вынесли не Гумилеву, а себе смертный приговор. Ведь прах Ленина до сих пор не приняла Русская земля, никто не знает, что делать с его мумией в Мавзолее...

Некрологи и статьи о смерти крупнейшего поэта, избранного в январе 1921 года (вместо умершего Александра Блока) председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов появились только в эмигрантских газетах и журналах. Даже панихида в Казанском соборе прошла тайно. Но полный запрет на само имя Гумилева и его произведения вступил в действие все-таки не сразу. В 1922 году вышел сборник, составленный Георгием Ивановым, само название которого и являлось, по сути, первым некрологом: «Гумилев Н.С. Стихотворения. Посмертный сборник». Еще несколько переизданий появилось в 1923 году, но с тех пор ровно 65 лет книги Гумилева выходили где угодно — в Берлине, в Шанхае, в Вашингтоне (четырехтомное Собрание сочинений), в Париже, но только не в самой России. С Гумилева начинается не только расстрельный список, но и негласный цензурный список запретных имен во всех областях русской культуры и науки.

Георгий Адамович писал в 1931 году о религиозности Гумилева:

«Его вера, его православие было по существу тоже "исполнением гражданского долга", как и участие в войне.

Проходя по улице, мимо церкви, Гумилев снимал шляпу, крестился. Чужая душа потемки, конечно, но я не думаю, чтобы он был по-настоящему религиозный человек. Он уважал обряд, как всякую традицию, всякое установление. Он чтил церковь потому, что она охраняет людские души от "розановщины", давая безотчетно тревожной вере готовые формулы.

Не было никакой фальши в его религиозности, но не было в ней и того "испепеляющего огня" или хотя бы жажды об огне, которая была в Блоке. На этот счет, впрочем, и стихи обоих поэтов достаточно красноречивы. В гумилевских фантастических планах о будущем устроении общества церковь занимала видное место — почетное, но ни в коем случае не исключительное.

Религиозные сомнения были ему чужды. Даже Лев Толстой его раздражал. "Не нашего ума дело" — как бы говорил он и здесь, сознательно, намеренно отказываясь от какого бы то ни было вмешательства в то, что держится и живет два тысячелетия и представлялось ему, во всяком случае, ближе к истине, чем самые вдохновенные индивидуальные открытия и новшества.

В Никоновскую эпоху Гумилев, вероятно, стал бы раскольником».

О том, как в революционном Петрограде Гумилев «истово широко крестится» перед каждой церковью, вспоминали и другие современники. Эта сцена врезалась в память.

Вполне возможно, что до революции он действительно не очень-то соблюдал этот православный обычай. Пословица гласит: гром не грянет — мужик не перекрестится. Гром грянул...

«Атеистическая одурь» началась со вскрытия мощей Тихона Задонского — в январе 1919-го, Серафима Саровского — в ноябре 1920-го, с агитки Демьяна Бедного: «Что с попом, что с кулаком // Вся беседа — // В брюхо толстое штыком // Мироеда!», с «гимна» поэта В. Дорофеева: «Бога нет. // Пророки — сказка, // Мощи — выдумка церквей. // Снята набожная маска // Революцией с людей». Все остальное, еще более чудовищное, произойдет позже, но уже при Гумилеве далеко не каждый осмеливался прилюдно перекреститься перед церковью. Гумилев не мог поступать иначе. Он всегда шел с открытым забралом. В Африку уехал не за экзотикой, а ради предельного риска. На фронт ушел добровольцем, вернувшись георгиевским кавалером.

В эти же годы Гумилев стал открыто называть себя монархистом — не до свержения монархии и убийства царской семьи, а после, когда за «монархизм» расплачивались жизнью.

Он был готов пойти на плаху...

Внешние проявления выражали суть его внутренней жизни и поэзии. По свидетельству Э. Голлербаха, определяющим для своей послереволюционной поэзии он считал «сочетание экзотического и православного». Георгий Иванов в статье «О поэзии Гумилева», опубликованной в Петрограде через полгода после расстрела, отметил: «Если мы проследим пройденный Гумилевым творческий путь, мы не найдем на всем его протяжении почти никаких отклонений от раз поставленной цели. Стремление к ней, сначала инстинктивное, с годами делается все более сознательным и волевым. Цель эта — поднять поэзию до уровня религиозного культа, вернуть ей, братающейся в наши дни с беллетристикой и маленьким фельетоном, ту силу, которой Орфей очаровывал даже зверей и камни». В 1931 году, уже в эмигрантской статье, посвященной десятилетию гибели Гумилева, он разовьет эту мысль: «Всю жизнь Гумилев посвятил одному: заставить мир вспомнить, что "...в Евангелии от Иоанна // сказано, что слово — это Бог". "Божественность дела поэта" он старался доказать и "утвердить" всеми доступными человеку средствами на личном примере. В этом смысле — как это ни странно звучит — Гумилев погиб не столько за Россию, сколько за поэзию...»

При аресте он взял с собой Евангелие и Гомера. На стене камеры осталась молитвенная запись: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н. Гумилев». Даже среди чекистов сохранились рассказы о его мужестве на допросах и расстреле.

Он погиб как воин-поэт и как воин-христианин. Он всю жизнь готовил себя к этому подвигу...

* * *

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет безпощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

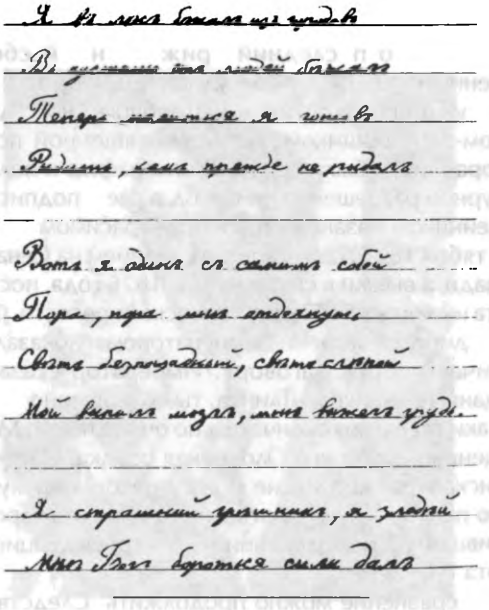
Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей,
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей:
Прости, Господь, прости меня,
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит и влечет борьба.

Меня ж прости!..



Автограф стихотворения «Я в лес бежал из городов...» (1903)

Сохранился рассказ А.А. Гумилевой-Фрейганг о первой публикации гимназиста Гумилева в газете «Тифлисский Листок» 8 сентября 1902 года: «Однажды, когда Коля поздно пришел к обеду, отец, увидя его торжествующее лицо, не сделав обычного замечания, спросил, что с ним? Коля весело подал отцу "Тифлисский Листок", где было напечатано его стихотворение — "Я в лес бежал из городов", Коля был горд, что попал в печать. Тогда ему было шестнадцать лет». В дальнейшем Гумилев не включал эту полудетскую молитву ни в одно из своих изданий, но самое удивительное состоит в том, что именно в ней предначертана почти вся его судьба, включая надпись перед расстрелом: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь».

МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

<1910>

ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

<1910>

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Он мне шепчет: «Своевольный,
Что ты так уныл?
Иль о жизни прежней, вольной,
Тайно загрустил?

Полно! Разве всплески, речи
Сумрачных морей
Стоят самой краткой встречи
С госпожой твоей?

Так ли с сердца бремя снимет
Голубой простор,
Как она, когда поднимет
На тебя свой взор?

Ты волен предаться гневу,
Коль она молчит,
Но покинуть королеву
Для вассала — стыд».

Так и ночью молчаливый,
Днем и поутру
Он стоит, красноречивый,
За свою сестру.

1911

ВОЙНА

М.М. Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет:
«Милый, вот, прими мой братский поцелуй!»

1914

* * *

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

<1916>

ИЗ ЦИКЛА «СЧАСТЬЕ»

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не вижу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

<1916>

КАНЦОНА ВТОРАЯ

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

<1918>

ЗАВОДИ

Н.В. Анненской

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,

У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,

А вечером плакать,
Потому что я люблю Тебя, Господи.

<1918>

МОЛИТВА МАСТЕРОВ

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал все новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг,

Их радует, что мы в борении, покуда
Петр отрекается и предает Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил,

Что создадим мы впредь, на это власть
Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем — нет!

Упреки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни не потребны,

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

<1921>

Последние снимки Николая Гумилева в застенках ВЧК. 1921 г.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 — 1939) — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист. По отцу потомственный дворянин польского происхождения. Закончил 3-ю московскую гимназию. Первую книгу стихов издал в 1907 году, будучи студентом Московского университета. Много позже Г. Адамович отметит, что под его стихами не надо ставить подписи, — настолько они оригинальны. И это действительно так. Ходасевич — один из самых «узнаваемых» поэтов. Гораздо труднее объяснить причину этой чисто интонационной «узнаваемости» его поэтического «голоса». Его стихи даже не читаются, а слышатся. Впрочем, то же самое можно сказать о любом другом подлинном поэте. Сама подлинность поэзии проверяется «на слух». Ходасевич в этом отношении лишь наиболее характерен. Его стихи интонированы, в них главное — не рифма, не ритм, не мелодика, а интонация.

Как до, так и после 1917 года, оказавшись одной из составных частей Русского зарубежья, он всегда оставался не только поэтом, но и оригинальным критиком. Помимо «Статей о русской поэзии», вышедших в 1922 году в Петрограде, и предсмертной мемуарной книги «Некрополь», вышедшей в 1939 году в Брюсселе (1939), в журналах и газетах появилось более четырехсот его критических статей, обзоров, рецензий, ставших своеобразным хронографом литературной и общественной жизни с 1909 по 1939 год.

ПОСЛЕДНИЙ ГИМН

Живу последние мгновенья.
Безмирный сон, последний сон.
Пою предсмертные моленья,
В душе растет победный звон.

Дрожа и плача, торжествуя,
Дошел до дальнего конца...
И умер я, и вновь живу я...
Прошел пустыни. Жду венца.

Развею стяг, мне данный Богом
Еще тогда, в неясный час,
Когда по облачным дорогам
Я шел и слышал вещий глас.

Я белый стяг окрасил кровью
И вот — принес его на Суд.
Крещенный злобой и любовью,
Я ввысь иду. Утес мой крут.

Взойду на кручи. Подо мною —
Клубится пена облаков.
Я над безвольностью земною
Восстану, просветлен и нов.

Тогда свершится Суд Последний...
На стяг прольются вновь лучи...
Вспою мой гимн еще победней,
Заблещут ангелов мечи.

И Он сойдет, и скажет слово,
И приобщит к Себе меня.
И всепрощения благого
Прольется песнь, светло звеня.

Мои скитанья и томленья
Потонут в низинах земли.
Свершится чудо Воскресенья...
Мой светлый дух! Живи! Внемли!

28 ноября 1904

ПОЗДНО

Я задумался. Очнулся.
Колокольный звон!
В церковь, к свечкам, к темным ликам
Грустно манит он.

Поздно, поздно. В церкви пусто.
То последний звон.
Сердцу хочется больного,
Сердцу внятен стон.

Слишком поздно. Свечи гаснут.
Кто всегда — один,
Тот забыл, что в церкви — радость,
Он — как блудный сын.

Я хочу назад вернуться,
На колени пасть!
Боже, Боже! Дом Твой кроток, —
Надо мною — власть!

Я в тюрьме своих исканий.
Призраки плывут,
И грозят, и манят, манят,
Паутину ткут!

Слишком поздно. В темной бездне
Я ослеп и сгнил...
Будет стыдно выйти к свету —
И не хватит сил.

5 декабря 1904

ОТШЕЛЬНИК

Горьки думы о земном,
О потерянном Великом.
Робко шепчут об ином
Три свечи пред темным ликом.

Смутно плачет о больном
Безотрадный вой метели.
Навсегда забыться сном
В тишине безмолвных келий.

За решетчатым окном —
Занесенный снегом ельник.
О спасении земном
Помолюсь и я, отшельник.

29 апреля 1905
Лидино

МОЛИТВА

Все былые страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.

Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

1913

МОИСЕЙ

Спасая свой народ от смерти неминучей,
В скалу жезлом ударил Моисей —
И жаждущий склонился иудей
К струе студеной и певучей.
Велик пророк! Властительной руки
Он не простер над далью синеватой,
Да не потек послушный соглядатай
Исследовать горячие пески.
Он не молил небес о туче грозовой,
И родников он не искал в пустыне,
Но силой дерзости, сей властью роковой,
Иссек струю из каменной твердыни...
Не так же ль и поэт мечтой самодержавной
Преобразует мир перед толпой —
Но в должный миг ревнивым Еговой
Карается за подвиг богоравный?
Волшебный вождь, безсильный
и венчанный, —
Ведя людей, он знает наперед,
Что сам он никогда не добредет
До рубежа страны обетованной.

1909 — 30 мая 1915

СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поет нам дождь неуемный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горючие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы ни сложили —
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили!

5—30 октября 1916

* * *

Судьей меня Господь не ставил,
И не сужу я никого.
Но сердце мне Он переплавил
В горниле гнева Своего.

<1917>

ЛИСТИК

Прохожий мальчик положил
Мне листик на окно.
Как много прожилок и жил,
Как сложно сплетено!

Как семя мучится в земле,
Пока не даст росток,
Как трудно движется в стебле
Тягучий, клейкий сок.

Не так ли должен я поднять
Весь груз страстей, тревог,
И слез, и счастья — чтоб узнать
Простое слово — Бог?

6 июля 1919

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

АНЮТЕ

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый,
Не двигаясь, бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звездной
На небеса глядеть...

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит Он
И видит — нас с тобой.

25 января 1918

* * *

У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало все: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Сребророзов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу,
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, но — тук! тук! тук! — не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... «С праздником, сосед». —
«А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
Свои дрова. Он — тук! Я — тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?» Сергей Иваныч
Перестает работать, голову слегка
Приподнимает, ничего не слышит,
Но слушает старательно... «Должно быть,
Вам показалось», — говорит он. «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»
Он слушает опять: «Ну, может быть —
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слыхать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идет как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите».
И бедный мой Сергей Иваныч снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне наконец становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры беремся. Тук! Тук! Тук!.. А небо
Такое же высокое, и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

1920

ВЕЧЕР

Под ногами скользь и хруст.
Ветер дунул, снег пошел.
Боже мой, какая грусть!
Господи! какая боль!

Тяжек Твой подлунный мир,
Да и Ты немилосерд.
И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется еще бродить,
Верить, коченеть и петь.

23 марта 1922

* * *

В последний раз зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
В последний раз: восхить меня в ту высь,
Откуда открывается паденье.

В последний раз! Нет в жизни ничего
Святее и ужаснее прощанья.
Оно есть агнец сердца моего,
Влекомый на закланье.

В нем прошлое возлюблено опять
С уже нечеловеческою силой.
Так пред расстрелом сын объемлет мать
Над общей их могилой.

13 февраля 1934
Париж

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Иванов Георгий Владимирович (1894—1958) — поэт, прозаик, мемуарист. Из семьи потомственных военных; мать — баронесса В. Бир-Брауер ван Бренштейн. Учился в петербургском Втором кадетском корпусе. В 1910 году четырнадцатилетний кадет дебютировал как поэт в журналах «Все новости литературы, искусства, театра», «Кадет-михайловец», «Ученик», а самым первым из опубликованных стихотворений был «Инок» («Он — инок, он — Божий...»), тогда же в печати появилась его первая статья-рецензия о стихах Зинаиды Гиппиус, Иннокентия Анненского, Максимилиана Волошина. Уже вскоре юный поэт познакомился с Михаилом Кузминым, Александром Блоком, Игорем Северяниным. В декабре 1911 года под издательской маркой эгофутуристов «Ego» вышла его первая поэтическая книга «Отплытие на остров Цитеру». Вместе с Игорем Северяниным он вошел в ректориат «Академии Эгопоэзии», провозглашавшей своими предтечами Константина Фофанова и Мирру Лохвицкую. В «Письмах о поэзии» («Аполлон», 1912, № 3/4) Николай Гумилев отметил: «Первое, что обращает на себя внимание в книге Г. Иванова, — это стих... Поэтому каждое стихотворение при чтении дает почти физическое чувство довольства. Вчитываясь, мы находим другие крупные достоинства: безусловный вкус даже в самых смелых попытках, неожиданность тем и какая-то грациозная "глупость", в той мере, в какой ее требовал Пушкин». Весной 1912 года Георгий Иванов принял предложение Николая Гумилева и перешел в «Цех Поэтов». В книге «Петербургские зимы», вышедшей в 1928 году в Париже, он вспоминал: «Из моего футуризма ничего не вышло. Вкус к писанию лиловых "шедевров" у меня быстро прошел. Я завел новые знакомства, более "подходящие" для меня, чем общество Крученых и Бурлюков».

Вторая поэтическая книга Георгия Иванова, «Горница», вышла в 1914 году в издательстве «Гиперборей», в полной мере выразив основную идею всей его последующей поэзии: «нет новизны — есть мера». В статьях о нем почти не упоминается его третья книга, «Памятник славы», вышедшая в «Лукоморье» в 1915 году. Если и упоминается, то с неизменной оговоркой: «Грянула Первая мировая, и в бряцании ура-патриотических кимвалов родился "Памятник славы", весьма жалкое и очень "лукоморское" детище». К такому же бряцанию кимвал была и остается причисленной (приведенная цитата из статьи 1994 года), по сути, вся патриотическая поэзия Первой мировой войны — Николая Гумилева, Александра Блока, Михаила Кузмина, Сергея Городецкого, Анны Ахматовой, Николая Клюева, Сергея Есенина, Алексея Липецкого и многих других поэтов, которых ждала участь патриотики времен Крымской войны Федора Глинки, Аполлона Майкова, Петра Вяземского, Каролины Павловой. В стихотворении «Родина» Георгий Иванов восклицал:

Не силы темные, глухие
Даруют первенство в бою:
Телохранители святые
Твой направляют шаг, Россия,
И укрепляют мощь твою!

Батыя и Наполеона
Победоносно отразя —
И ныне, как во время оно,
Победы весть — твои знамена
И славы путь — твоя стезя.

С тобою — Бог. На подвиг правый
Ты меч недаром подняла!
И мир глядит на бой кровавый,
Моля, чтобы Орел Двуглавый
Сразил тевтонского орла.

После расстрела Николая Гумилева он возглавил «Цех Поэтов», и в 1922 году издал в Петрограде книгу «Лампада» с подзаголовком «Собрание стихотворений. Книга первая». Второй книги не последовало. В октябре 1922 года вместе с женой Ириной Одоевцевой он покинул Россию, став одним из крупнейших поэтов Русского зарубежья, писавшего о России в эти годы:

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были — только я забыл.

Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть, и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если с ним я встречусь, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

Многие судят о нем по первым трем строкам стихотворения 1930 года «Хорошо, что нет Царя...», не дочитав остальные:

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать.

Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Всю свою эмигрантскую жизнь он страдал неизлечимой болезнью — ностальгией, в конце жизни написав:

Было все — и тюрьма и сума,
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

Как и многие русские поэты-эмигранты «вернуться в Россию — стихами» он смог лишь посмертно. В 1989 году в Москве вышла книга воспоминаний и литературных портретов «Китайские тени», в 1994 году — трехтомное Собрание сочинений.

СОЧЕЛЬНИК

Вечер гаснет морозный и мирный,
Все темнее хрусталь синевы.
Скоро с ладаном, златом и смирной
Выйдут встретить Младенца волхвы.

Обойдут задремавшую землю
С тихим пением три короля,

И, напеву священному внемля,
Кровь и ужас забудет земля.

И в окопах усталые люди
На мгновенье поверят мечте
О нетленном и благостном чуде,
О сошедшем на землю Христе.

Может быть, замолчит канонада
В эту ночь и притихнет война.
Словно в кущах Господнего сада
Очарует сердца тишина.

Ясным миром, нетленной любовью
Над смятенной повеет землей,
И поля, окропленные кровью,
Легкий снег запушит белизной!

Впервые: «Памятник славы» (Пгр., 1915).

РОЖДЕСТВО В СКИТУ

Ушла уже за ельники,
Светлее янтаря,
Морозного сочельника
Холодная заря.
Встречаем мы, отшельники,
Рождение Царя.

Белы снега привольные
Над мерзлою травой,
И руки богомольные
Со свечкой восковой.

С небесным звоном — дольние
Сливают голос свой.

О всех, кто в море плавает,
Сражается в бою,
О всех, кто лег со славою
За родину свою, —
Смиренно-величавую
Молитву пропою.

Пусть враг во тьме находится
И меч иступит свой,
А наше войско — водится
Господнею рукой.
Погибших, Богородица,
Спаси и упокой.

Победная и грозная,
Да будет рать свята..
Поем — а небо звездное
Сияет — даль чиста.
Спокойна ночь морозная —
Христова красота!

Впервые: «Памятник славы» (Пгр., 1915).

* * *

Снова снег синеет в поле
И не тает от лучей.
Снова сердце хочет воли,
Снова бьется горячей.

И горит мое оконце
Все в узоре льдистых роз.
Здравствуй, ветер, здравствуй, солнце,
И раздолье, и мороз!

Что ж тревожит и смущает,
Что ж томишься, сердце, ты?
Этот снег напоминает
Наши волжские скиты.

Сосен ствол темно-зеленый,
Снеговые терема,
Потемневшие иконы
Византийского письма.

Там, свечою озаренный,
Позабуду боль свою.
Там в молитве потаенной
Всю тревогу изолью.

Но, увы! Дорогой зимней
Для молитвы и труда
Не уйти мне, не уйти мне
В Приволжье никогда.

И мечты мои напрасны
О далеком и родном.
Ветер вольный, холод ясный,
Снег морозный — за окном!

* * *

Снега буреют, тая,
И трескается лед.
Пасхальная, святая
Неделя настает.

Весна еще в тумане,
Но знаем мы — близка...
Плывут и сердце манят
На волю облака.

И радуется Богу
Воскресшая земля.
И мне пора в дорогу,
В весенние поля.

Иконе чудотворной
Я земно поклонюсь...
Лежит мой путь просторный
Во всю честную Русь.

Лежит мой путь веселый,
На солнышке горя,
Чрез горы и сквозь села,
За синие моря.

Я стану слушать звоны
Святых монастырей,
Бить земные поклоны
У царских у дверей.

Впервые: журнал «Лукоморье» (1915, № 11)

* * *

Когда светла осенняя тревога
В румянце туч и шорохе листов,
Так сладостно и просто верить в Бога,
В спокойный труд и свой домашний кров.

Уже закат, одеждами играя,
На лебедях промчался и погас.
И вечер мглистый, и листва сырая,
И сердце узнает свой тайный час.

Но не напрасно сердце холодеет:
Ведь там, за дивным пурпуром богов,
Одна есть сила. Всем она владеет —
Холодный ветр с летейских берегов.

* * *

Однажды под Пасху мальчик
Родился на свете,
Розовый и невинный,
Как все остальные дети.

Родители его были
Не бедны и не богаты,
Он учился, молился Богу,
Играл в снежки и солдаты.

Когда же подрос молодчик,
Пригожий, румяный, удалый,
Стал он карманным вором,
Шулером и вышибалой.

Полюбил водку и женщин,
Разучился Богу молиться,
Жил беззаботно, словно
Дерево или птица.

Сапоги Скороход, бриолином
Напомаженный, на руку скорый...
И в драке во время дележки
Его закололи воры.

В Калинкинскую больницу
Отправили тело,
А душа на серебряных крыльях
В рай улетела.

Никто не служил панихиды,
Никто не плакал о Ване,
Никто не знает, что стал он
Ангелом в Божьем стане.

Что ласкова с ним Божья Матерь,
Любит его Спаситель,
Что, быть может, твой или мой он
Ангел-хранитель.

* * *

Опять сияют масляной[1]
Веселые огни.
И кажутся напраслиной
Нерадостные дни.

Как будто ночью северной
Нашла моя тоска
В снегу-листочек клеверный
В четыре лепестка.

И с детства сердцу милая,
Ты возникаешь вновь,
Такая непостылая
И ясная любовь.

Мороз немного колется,
Костры дымят слегка,
И сердце сладко молится
Дыханью ветерка.

Отвага молодецкая,
И сани, что стрела,
Мне масляная детская
И русская мила.

Чья? Ванина иль Машина
Отвага веселей
На тройке разукрашенной
Летит среди полей?

Трусит кобылка черная,
Несется крик с катков,
А полость вся узорная
От пестрых лоскутков.

Я весел не напраслиной, —
Сбываются же сны,
Веселый говор масляной —
Преддверие весны.

И в ней нам обещание,
Что Пасха вновь придет,
Что сбудутся все чаянья,
Растает крепкий лед.

И белой ночью северной
Найдет моя тоска
Любви листочек клеверный
В четыре лепестка.

Впервые: журнал «Лукоморье» (1917, № 8).

Георгий Иванов

[1] Масляная, сырная неделя до Великого поста (*Примеч. сост.*).

НАДЕЖДА ТЭФФИ

Тэффи (Лохвицкая) Надежда Александровна (1872—1952) — поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик. Младшая сестра поэтессы Мирры Лохвицкой. Первые публикации фельетонов и юмористических рассказов относятся к началу XX века. С 1908 года была одним из ведущих авторов «Сатирикона» Аркадия Аверченко. В 1910 году вышли два тома ее рассказов и поэтическая книга «Семь огней» — первая и единственная. Два стихотворения из этой книги стали «городскими» романсами. Три романса на стихи Тэффи «Песня о трех пажах», «Черный карлик» и «О всех усталых» входили в репертуар Александра Вертинского и пользовались большой популярностью в Русском зарубежье. Об этом периоде жизни и творчества Теффи Александр Вертинский вспоминал: «Милая, талантливая Тэффи выпустила две или три книги рассказов. Ее свежее и незаурядное дарование долго боролось с надвигающимися сумерками. Она еще умела "смеяться сквозь слезы", но постепенно смех почти исчез из ее творчества, и уже только одни холодные слезы застилали глаза...»

В предисловии к сборнику «Отзвуки войны», изданному в Петрограде в 1915 году, Александр Кондратьев писал: «Не могу отказать себе в удовольствии привести прекрасное стихотворение г-жи Тэффи на затронутую мною тему. Не сомневаюсь, что его не только поймет простой русский человек, но и, прочитав, умилится душой, чуткой к чужому страданью. Александр Кондратьев привел полностью молитвенное стихотворение Надежды Теффи «Белая одежда», вне сомнения, — одно из лучших в поэзии времен Первой мировой войны.

БЕЛАЯ ОДЕЖДА

В ночь скорбей три девы трех народов
До рассвета не смыкали вежды —
Для своих, для павших в ратном поле,
Шили девы белые одежды.

Первая со смехом ликовала:
«Та одежда пленным пригодится!
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы их страданьем насладиться!»

А вторая дева говорила:
«Для тебя я шью, о мой любимый.
Пусть весь мир погибнет лютой смертью,
Только б ты был Господом хранимый!»

И шептала тихо третья дева:
«Шью для всех, будь друг он, или ворог.
Если кто, страдая умирает —
Не равно ль он близок нам и дорог!»

Усмехнулась в небе Матерь Божья,
Те слова пред Сыном повторила,
Третьей девы белую одежду
На Христовы раны положила:

«Радуйся, воистину Воскресший,
Скорбь твоих страданий утолится,
Ныне сшита кроткими руками
Чистая Христова плащаница».

АЛЕКСАНДР РОСЛАВЛЕВ

Рославлев Александр Степанович (1883—1920) — поэт, прозаик, журналист. Из коломенских мещан. Не окончив гимназии, служил писцом в Коломенской земской управе. В 1901 году дебютировал как поэт. Вскоре переехал в Москву и уже в 1902 году издал первый поэтический сборник «Видения». Посещал собрания в доме В.Я. Брюсова. В 1905 году, пройдя брюсовскую школу символической поэзии, переехал в Петербург, но не был принят в среде петербургских символистов. Резкие отзывы о его новых сборниках А. Блока, К. Чуковского, Н. Гумилева закрепили за ним репутацию вторичного поэта, хотя не все его стихи были таковыми и далеко не все его стилизации можно назвать псевдонародными, о чем свидетельствует судьба стихотворения 1908 года «Над конями да над быстрыми...», которое, с измененной строкой «Над полями да над чистыми...», стало популярной песней, долгое время считавшейся народной. Авторство слов и музыки установлено лишь в 1965 году, что, впрочем, никак не повлияло на дальнейшие публикации этой песни как народной. Популярность среди читателей

«среднего слоя» приобрели его прозаические сборники. В 1917 году в Петрограде вышло его трехтомное Собрание сочинений.

Пораженческую позицию большевиков во время Первой мировой войны и захват власти в октябре 1917 года принимал отрицательно, но, «изменив политическую ориентацию», в 1919 году вступил в РКП(б). В 1920 году редактировал в Новороссийске газету «Красное Черноморье». Заразился тифом и умер.

НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ

По весенней разлипшей дороге,
Из полей молчаливых, где было темно,
К горемычной вдовице убогий
Пришел под окно.
Попросил Христа ради ночлега,
Костылешкой задел за порог.
Бородой был белее он первого снега,
Мал, плешив, худощек;
Драны лапти и ветхи онучи,
Взглядом ясным да ласковым сердце зажег:
— Здравствуй, Анна, — сказал он скрипуче, —
Как милует Бог?
Подивилась вдовица, откуда
Знает странничек имя ее.
Стала плакаться: — Худо, родименький, худо,
Уж что за житье.
Вот осталась лишь горстка мучицы —
До крохи съела нынче последний ломоть.
— Не горюй, — молвил странник вдовице, —
Поможет Господь.
Есть посуда какая поболе?
Ты налей ее с краем водой,
Всыпь щепотку муки, помолися Николе,
Да ложись на покой. —
Как сказал, так и сделала баба.
Встала утречком рано — убогого нет.
Брезжит в небе — уныло и слабо
Яснеющий свет.
С глаз откинув, пригладила пряди,
На пол с плеч уронила шугай.
Диво дивное! Пучится тесто из кади,
Ползет через край.
Догадалась: угодничек Божий
Был в гостях у нее: не узнала, — грешна.
Позабыла, ведь — образ похожий
Видала она.
Хлебов полную печь насажала.
Прислонила гремучий заслон.
Дивней диво! Не убыло теста нимало, —
Лезет шапкою вон.
С той поры каждый день у вдовицы
В тесной жаркой избе, во дворе, у ворот
Нищий люд копотливо ютится,
Молитвы поет.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Толстой Алексей Николаевич, граф (1882—1945) — поэт, прозаик, драматург, публицист. Начинал Алексей Толстой как поэт. В 1907 году вышла его первая поэтическая книга «Лирика», которую он впоследствии называл «подражательной, наивной и плохой». Затем последовала вторая — «За синими реками» (1911). «От нее я не отказываюсь и по сей день, — писал шестидесятилетний Толстой, — это результат моего первого знакомства с русским фольклором». Этой поэтической книге предшествовали прозаические стилизации народных сказок — «Сорочьи сказки» (1910). «Последние годы, — отмечалось в рецензии Максимилиана Волошина, — дали русской литературе прекрасных сказочников. Мы имели сказки Сологуба, сказки Ремизова, теперь сказки Толстого. Трудно отдать предпочтение какой-нибудь из этих книг перед другими. Внешние приметы стиля и языка в них схожи и свидетельствуют о единой литературной эпохе...» К поэзии Алексей Толстой уже больше не возвращался, но в 30-е годы создал знаменитые прозаические обработки народных сказок, ставших классикой детской литературы.

В поэтический сборник 1911 года «За синими реками» вошли не только сказочные сюжеты и народные поверья, обряды, но и стилизации исторических песен, причитаний, молитв.

БЕДА

Помоги нам, Пресвятая Троица!
Вся река-Москва трупами кроется!
За стенами у места лобного
Залегло Годуновское логово.

Бирюки от безлюдья и голода
Завывают у Белого города;
Опускаются тучи в Московию,
Проливаются серой да кровию;
Засеваются нивы под хлябями
Черепами, суставами рабьими...
Загудело по селам и по степи
От железной невидимой поступи,
Расступилось нагорье Печерское;
Породились зародыши мерзкие...
И бежала в леса буераками
От сохи черносошная земщина...
И поднялась на небо от Кракова
Огнехвостая, мертвая женщина...
Кто от смертного смрада сокроется?
Помоги нам, Пресветлая Троица!

ТАТЬЯНА ЕФИМЕНКО

Ефименко Татьяна Петровна (1890—1918) — поэтесса. Дочь этнографа, фольклориста Александра Ефименко (1848—1918), автора фундаментального труда «История украинского народа» (т. 1—2. СПб., 1906). Дебютировала в начале 1910-х годов в журналах «Вестник Европы», «Русское Богатство», а в конце 1915 года в Петрограде выпустила книгу неоклассических стихов «Жадное сердце», в которой, как писал один из рецензентов, стремилась «спутать прошлое с настоящим в поисках вечного». Сергей Городецкий причислил ее к акмеистам, но она не принадлежала ни к «Цеху Поэтов», ни к другим поэтическим направлениям. В рецензиях А. Лозина-Лозинского и Н. Венгерова отмечалось ее противостояние Анне Ахматовой и другим поэтессам эпохи. В конце 1917 года вместе с отцом и матерью переехала в имение родственников на Харьковщине. Через год все они были убиты. Такими же жертвами бандитских налетов этих лет на Рязанщине стал поэт Аеонид Семенов, на Черниговщине — художник Георгий Нарбут (его брата Владимира Нарбута тоже изувечили).

В ЦГАЛИ хранятся пять тетрадей ранних и поздних стихов Татьяны Ефименко, в большинстве своем неопубликованных. В стихах последних лет преобладают религиозные мотивы.

* * *

Я не могу роптать на Тебя, Боже,
Ты дал мне так много.
Ясна моя дорога.
Ты посадил весной барвинки
на моей тропинке,
а осенью рябины.
В школе меня не бранил учитель,
любовь моя была не мучительная,
ясна моя дорога,
Ты дал мне многое.
А между тем мне чего-то недостает.
Плачет сердце мое —
какое-то к нему прикоснулось острие.
Утренние золотые зори,
Вечерние, кровавые,
облака в голубых оправах,
березы в зеленых шарфах,
жилистые дубы, легкие цветы —
этого достаточно для святых,
или больных, или усталых,
а для меня мало.

1915

* * *

Ни суеты, ни безразличья,
Ни безобразия, ни зла
Не испугалась Беатриче
И в город северный сошла.

Когда зима настлала ложе
И ночь над городом легла,
Она мне сделалась дороже
Дыханья, солнца и тепла.

Но слишком много зла и сора,
И глаз в слезах, и душ в тоске,
И проклял Бог холодный город
Гранитноликий на реке.

Рука, карающая строго,
Безумья слала на людей,
О жизни все молили Бога,
А я молила лишь о ней:

«Спаси ее от ран и крови,
Да идут мимо грязь и боль,
Безмернейшую из любови
В душе моей укрыть позволь».

Вот рев реки и крики птичьи,
Толпы смятение и страх,
Но не видала Беатриче
Я ни в церквах, ни во дворах.

Мне не мелькнуло покрывало
И не приветила рука,
Над улицей ее вставала
Заря, от утра далека.

Пожар, как Божия немилость,
Уже венчал дома вдали.
А тень за мною волочилась
По окровавленной пыли.

6.XI.1917
Белорецк

АЛЕКСАНДР ДИЕСПЕРОВ

Диесперов Александр Федорович (1883—1931) — поэт, критик, историк литературы. Учился в Брянском и Ливенском реальных училищах. В 1913 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1904 году, будучи студентом, опубликовал в журнале «Русская Мысль» первое стихотворение «Памяти Чехова». «Диесперов воспевал... Русь, апрель, колокола, березки, некий град Китеж. Иногда приходил ко мне, задыхаясь от волнения и слез. Он был мистик, но не декадент. Страстно поклонялся Белому (времен "Золота в лазури"), Блоку "Прекрасной Дамы". Поэзию и святую бедность он избрал себе для обручения», — вспоминал о нем Борис Зайцев.

Среди «молодых искателей» Серебряного века он был достаточно заметной фигурой, хотя Николай Гумилев отмечал в рецензии на его первую и единственную книгу стихов: «Поэзия Диесперова словно модель настоящей поэзии, все есть, все на месте. Но все в $^1/_{10}$ настоящей величины... Диесперов — рядовой и без надежды сделаться полководцем». Но ведь и армия не может состоять только из полководцев, «рядовой» Диесперов как раз и был в ней на своем месте, издав в 1916 году весьма оригинальную книгу об «упадочной латыни» «Блаженный Иероним и его век».

После 1917 года ни стихи, ни литературно-критические работы Диесперова почти не появлялись в печати и до сих пор остаются неопубликованными.

ОБИТЕЛЬ

Вечер росистый. Мысок лесистый.
На светлом небе горящие главы. —
О Свете Тихий Святые славы! —
А воздух душистый... чистый...

Все это так близко и так знакомо:
И эти бегущие по взгорью березки,
И жизни таинственной в лесу отголоски,
И птицы на кровле Божьего дома.

Все это было так дорого в детстве,
И хочется снова со всем этим слиться,
Упасть на землю, молиться, молиться
И плакать о милом, о забытом наследстве.

<1911>

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Чарская Лидия Алексеевна (урожденная Воронова, в замужестве Чурилова; 1875(?)—1937) — прозаик, поэтесса. В «Вечернем альбоме» Марины Цветаевой есть стихотворение «Памяти Нины Джаваха», посвященное героине одной из самых популярных детских книг Лидии Чарской «Княжна Джаваха». Девочка-джигитка, дочь грузинского князя, приезжает учиться в Павловский институт благородных девиц, где ее ждут испытания, о которых Чарская поведала в самой первой своей повести «Заметки институтки», вышедшей в 1901 году, и в других о судьбах юных институток. Тысячи юных читательниц приходили в Новодевичий монастырь, где, как описывалось в повести, была похоронена грузинская княжна. «Умолкло сердце, что боролось... // Вокруг лампады, образа... // А был красив гортанный голос! // А были пламенны глаза!» — описывала в 1909 году гимназистка Цветаева, точно так же, как остальные, веря в реальность литературной героини из повести Лидии Чарской. О популярности Лидии Чарской можно судить по словам ее современника Федора Сологуба, писавшего: «На всем протяжении русской детской литературы (а может, и всемирной) не было писателя, столь популярного среди подростков, как Л. Чарская. Популярность Крылова в России и Андерсена в Дании не достигала такой напряженности и пылкости».

Так было до 1917 года. О том, что произошло после, рассказывает ее современный биограф Е. Путилова: «После 1917 года судьба писательницы резко изменилась. В 1920 году вышла в свет "Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных

библиотек". Согласно этой инструкции предлагалось изъять из обращения книги, восхваляющие монархию, церковь, внушающие религиозные представления, не удовлетворяющие идейным и педагогическим требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список предлагаемых к изъятию книг по объему сам составил целую книгу. Сюда были включены и произведения Чарской. При переиздании Инструкции многие имена возвращались к читателю, но имя Чарской навсегда подлежало изъятию. Особенно строгие наблюдения велись за пионерами, в классах устраивались церемонии "суда" над Чарской. За автором "Записок институтки" все больше укреплялись определения "бульварная, мещанская, пошло-сентиментальная", но "подпольное" положение Чарской было прочным».

Ныне имя детской писательницы Лидии Чарской, конечно, не принадлежит к числу «подпольных», но религиозно-нравственная основа ее книг для многих по-прежнему остается недоступной уже по иным причинам. Как поэтесса Лидия Чарская продолжает оставаться среди «забытых».

МОЛИТВА ПОЭТА

Господь, Творец вселенной,
Тебя благодарю
За тот огонь священный,
Которым я горю;
За то, что Ты, Всевластный,
Меня благословил,
Мне в душу мир прекрасный,
Священный дар вселил.

1913

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!

В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!

Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы —
Христос воскрес!
Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!

Земля и солнце,
Поля и лес —
Все славят Бога:
Христос воскрес!

КОЛОКОЛА

Гулко звуки колокольные
Улетают в твердь небес,
За луга, за степи вольные,
За дремучий темный лес.

Миллиардом звуков радостных
Льет певучая волна...
Вся мгновений дивных, сладостных
Ночь пасхальная полна.

В них, в тех звуках — миг прощения,
Злобе суетной — конец
Безпредельного смирения
И любви златой венец.

В них — молитвы безконечные,
Гимнов дивные слова,
В них печаль и слезы вечные
Смыты кровью Божества.

В них земли восторг таинственный
И святой восторг небес,
В них Безмерный и Единственный
Бог воистину воскрес!

*Пасхальная открытка **начала XXв.***

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

«Христос воскрес!» — поет природа,
Шумит река и шепчет лес;
Им вторит звучный крик народа:
«Христос воистину воскрес!»

Богач и нищий у порога
Святого храма в этот час
В молитве общей славят Бога
Счастливым кликом много раз.

Вражда исчезла... Люди-братья
Великой тайною небес...
Их открываются объятья,
И слышно: «Бог-Господь воскрес!»

МОЛИТВА

Возьми мои руки в пречистые руки,
Веди меня, ангел-хранитель святой,
Туда, где нет горя, страданий и муки,
Туда, где царит величавый покой.
Крылом твоим белым укрой меня, светлый,
Кудрями коснись молодого чела,
Веди меня в мир тот желанный, заветный,
Куда не проникнет житейская мгла,
Где светлые духи Творца прославляют,
Где дивные, райские песни поют,
Где темные мысли, как призраки, тают,
Где светлые думы, как грезы, встают.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — прозаик, поэтесса, очеркист. В 1902—1912 годах училась на историко-филологическом факультете Высших женских курсов, затем (до 1914 года) в Гейдельбергском университете. Дебютировала как поэтесса в 1903 году. С 1912 по 1922 год вела постоянный «Литературный дневник» сначала в газете «Приазовский край», затем в других изданиях. В 1914 году вышла ее первая книга рассказов «Узкие врата». Поэтические книги «Первые встречи. Стихи 1906—1908 годов» (М.,1909) и «ORIENTALIA» (М.,1912) выделили ее среди младосимволистов из ближайшего окружения Зинаиды Гиппиус. Русская поэзия «дышала Востоком» еще с пушкинского «Подражания арабскому», самым значительным поэтом-ориенталистом Золотого века был Дмитрий Ознобишин. В русской ориенталистике Серебряного века наиболее ярким был дебют Мариэтты Шагинян. Достаточно сказать, что «ORIENTALIA», которую она постоянно добавляла новыми стихами, до 1922 года выдержала семь изданий. Такой несомненный успех во многом объяснялся тем, что ее восточные стихи были лишены «маскарадного экзотизма» многих поэтов-современников. В 1912 году, одновременно с «ORIENTALIA», вышла ее теоретическая работа «О блаженстве будущего. Поэзия З.Н. Гиппиус», в дальнейшем не входившая ни в одно из ее собраний сочинений, да и стихи, в особенности молитвы, оказались среди «забытых».

МОЛИТВА

Мой светлый Бог, чудес не надо.
О, нет, я чуда не прошу.
Я у невидимой ограды
Огонь зажженый не тушу.
Гляжу на бешеную ловлю
Зигзагов огненных костра
И от утра и до утра
Тебя, Премудрый, славословлю.
Мои костры и мой обет
Пусть сторожит мое доверье.
Я знаю, вечен яркий свет,
За неподвижной этой дверью.
О, нет, я чуда не прошу!
И если Ты пошлешь мне чудо, —
Твои признанья заглушу,
Их утеряю, их забуду.
Пускай в тумане нет дорог,
Не надо слов, — я верю, верю.
И вечно замкнутые двери
Мне говорят, что вечен Бог.

МОЛИТВА

Уж ночь. Земля похолодела,
С горы торопятся стада;
И у Господнего предела
Моргнула первая звезда.

Там, в голубой исповедальне,
Ночной монах зажег свечу...
За нашу встречу, друг мой дальний,
Слова молитвы я шепчу.

Блаженный ветер, пролетая,
Колышет кружево дерев...
— Душа, как чаша налитая,
Полна тобою до краев.

К АРМЕНИИ

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церквей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!

Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица, —
Твои поля, ручьи и кручи
И сладкий запах чебреца...

Веленью тайному послушный,
Мой слух доныне не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык.

И в час тоски невыразимой,
Приют последний обретя,
Твое несчастное дитя
Идет прилечь к тебе, к родимой...

Я знаю, мудрый зверь лесной
Ползет домой, когда он ранен.
Ту боль, что дал мне северянин, —
О, залечи мне, край родной!

«Молодая Армения». Плакат, последняя четверть XIX в.

ЗАВЕТ

Как лань к ручью, года бегут вперед,
К истоку дней, укрытому Всевышним.
О, соблюди священный их черед,
Да ни один Тебе не будет лишним!

Учись у дня безпамятству живых;
Умей забыть, что день — стрелы короче,
И, как и он, зайди на лоне ночи,
Не погасив огней сторожевых...

Да понесет померкший свет зрачков
Твоих — туда, к престолу голубому,
Не вздох освобожденья от оков,
Но сладкое «прости» земному дому.

ПСАЛОМ

Дрожит душа как лист древесный,
Ум выступает за межу,
Когда Тебя, Отец Небесный,
В своей душе я нахожу.

Ты мне во мне встаешь упреком,
Как пламя входишь в естество, —
И вот уж дух мой стал истоком
От бездны духа Твоего...

Есть в высоте блаженной кущи;
Цветами полны кущи те,
Но дух, Тобой едино сущий,
Их созерцает в немоте.

Там ангелы поют порою,
Крылами вея на лету...
Но в их золотострунном строе
Храню немую полноту.

Ах, я Тебя к Тебе ревную,
Изыди от меня, Господь!
Очам верни юдоль земную,
Верни душе греховну плоть.

Дай вновь творить Твое величье, —
Да вновь, доколь звенеть могла,
Тебя земная, зверья, птичья
Все пела, пела бы хвала!

СЛАВЯНАМ ОСВОБОДИТЕЛЯМ

Костра балканского багрянец,
И эта радость братских встреч!..
Зачем, зачем ремневый ранец
Не для безсильных женских плеч?

Война священная, когда бы
В твой круг могла вступить и я!
Но эти руки слишком слабы
Для смертоносного ружья.

И лишь слежу с безсильной страстью
За тайной тех далеких мест,
Где снова Божескою властью
Соединились кровь и крест.

И лишь молюсь: Спаситель мира!
Да вспашет Твой победный меч
Ту ниву скорбную для мира,
Где не дано мне грудью лечь...

ВЛАДИМИР НАРБУТ

Нарбут Владимир Иванович (1888—1938) — поэт, прозаик, критик. Из старинного украинского дворянского рода. Родился на хуторе Нарбутовка близ древнего города Глухова. Окончил с золотой медалью Глуховскую классическую гимназию. С 1906 года вместе с братом, известным впоследствии художником-графиком Георгием Нарбутом (1886—1920), жил в Петербурге у художника И.Я. Билибина, оказавшего на них огромное влияние. В 1910 году издал сборник «Стихи. Год творчества первый», оформленный, как и другие его сборники, братом. В 1913 году вошел в группу акмеистов «Цех Поэтов» вместе с Анной Ахматовой, Сергеем Городецким, Осипом Мандельштамом и Михаилом Зенкевичем, отметив в письме к Зенкевичу: «Я уверен, что акмеистов только двое: я да ты... Какая же Анна Андреевна акмеистка, а Мандельштам? Сергей Городецкий — еще туда-сюда, а о Гумилеве и говорить не приходится». Георгий Иванов в это же время писал поэту Алексею Скалдину: «Меня привела в недоумение твоя фраза: "Но как склеить Нарбутова с Ахматовой?" Я не понимаю, зачем их клеить, и что ты под клеем подразумеваешь». В «Цехе Поэтов» поэтические книги Ахматовой и Нарбута вышли почти одновременно: «Вечер» — тиражом 300 и «Аллилуйя» тиражом в 100 экземпляров, склеить которые действительно было довольно трудно. На цензурном экземпляре книги Нарбута сохранилась надпись «Истребить!». Современные исследователи отмечают по этому поводу: «Приказ

"Истребить!" был исполнен. Но истреблена книга не была. Ее читали, знали. Ее числили в поэтическом активе (на всех обложках изданий "Цеха Поэтов" значится: "Владимир Нарбут "Аллилуйя" (Конфисковано)"». Ее активно рецензировали. И хотя студенту Нарбуту пришлось срочно покинуть университет и Петербург, а затем и Россию (он уехал в путешествие по Африке через Нарбутовку), поэт Нарбут со своей «Аллилуйей» именно в эти дни неожиданным напором вторгается в плоть русской поэзии, решительно утверждает свое присутствие. Книга «Аллилуйя», оформленная братом и Билибиным, вызвала невероятный скандал. Только экспедиция в Африку спасла его от суда за те, по словам Николая Гумилева, «пленительные безобразия», которые были восприняты как святотатство. И в дальнейшем конфискованная «Аллилуйя», переизданная в 1919 году в Одессе, продолжала оставаться самой известной книгой Владимира Нарбута, как, впрочем, и кощунственные стихи Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба. На другие его стихи, опубликованные в эти же самые годы в еженедельнике «Русский Паломник» и других изданиях, никто не обратил внимания, а о «божественной физиологии, о безконечной сложности (по словам Мандельштама) нашего темного организма», о создании земного рая «из навоза» сразу заговорили все. Лишь в 1998 году в нью-йоркском «Новом журнале» (кн. 212) появилась публикация И. Померанца «Духовная поэзия Владимира Нарбута» — ранних религиозных стихов, предшествовавших «Аллилуйе», которые можно поставить рядом с ранним Сергеем Есениным — до «Инонии». В 1911—1913 годах они публиковались в разных журналах и газетах («Пробуждение», «Сельский Вестник», «Орловский Вестник», «Страж», «Современный Мир»), но в нашей антологии представлено шестнадцать стихотворений Владимира Нарбута из «Русского Паломника».

РОССИЯ

Как не любить тебя, Россия,
Твоих степей, твоих полей:
Твои просторы вековые
Мне с каждым годом — все милей!..

Зимою, летом иль весною,
Иль бедной осенью — всегда
Брожу, овеян тишиною,
В полях, в лесу иль у пруда.

И чую пахаря я песни,
И песни птиц, и песни дев:
Их душу нежащий напев —
Волшебных гимнов мне чудесней!

Но и без песен дорога ты,
Россия, светлая моя!
Не на твоей груди ли хаты
Растут, молитвы затая?

А в этих хатах Светочь Веры
Неугасаемо горит, —
И этот люд, простой и серый,
Заветы старины хранит.

Но ты, с твоим народом вместе,
Смеешься, плачешь — заодно.
И, не снося ни лжи, ни лести,
Ты ждешь того, что суждено.

Что суждено тебе судьбою
В неисповедимых путях:
Быть в терниях иль быть в цветах,
Быть госпожею иль рабою?..

Люблю мечтать, себя тревожа,
И в кроткой грезе — вдоль и вширь
Ты вся, ты вся — совсем похожа
На тихий-тихий монастырь!..

О Русь! О мать моя святая!
Я — твой, и в яви, и во сне.
И, о тебе одной мечтая,
Я сам, как инок в тишине...

Впервые: «Русский Паломник» (1911, № 50).

Георгий Нарбут. Криница. 1904 г.

ВЕЧЕРНЯ В СЕЛЕ

Свечами, горящими жарко,
Унизан старинный алтарь;
Лампадки горят же не ярко,
Блестя, как прозрачный янтарь.

За окнами вечер синеет,
А в церкви — уютно, тепло;
Тут каждый молитву лелеет,
Тут в сборе почти все село...

Священник идет вдоль амвона,
Кадит и — плывет фимиам
Со струйками нежного звона
К пылающим тонким свечам...

От ладана — благоуханно,
Кружится чуть-чуть голова...
И слышно: уже Иоанна
Читают святые слова...

Евангелье тихо читает
Священник — высокий старик.
А воск оплывает и тает:
Колышется свечки язык...

И радостно в дымчатом храме,
Где молится сходом село,
И кажется: благости пламя
С небес на толпу снизошло...

Впервые: «Русский Паломник» (1911, № 51).

В ЦЕРКВИ

Иконостас — в огнях и блеске,
Душа молитве отдана;
Вся церковь в свеч веселом треске,
И пахнет ладаном она.

Обедня длится благолепно:
О, сколько рук, творящих крест!
Мне здесь и до конца молебна, —
В углу — стоять не надоест!..

Вот — возглас, мирный и последний, —
И в алтаре слуга Христа;
И после сладостной обедни
К иконам льнут мои уста.

Идет молебен с водосвятьем,
А звон врывается волной...
Ничком склонилась пред Распятьем
Вдова в вуали кружевной...

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 2).

ПОСЛЕ ОБЕДНИ

Обедня ранняя в селеньи
Со звоном частым отошла,
И — над погостом, в отдаленьи,
Синеют мирно купола.

Колокола молчат и стынут:
Замолк тяжелый медный гуд,
И прихожанами покинут
Церковный благостный уют.

Вон сторож двери запирает,
Бренчит на паперти ключом;
В оконце видит: догорает
Свеча пред Божиим Лицом...

А на иконе, там — в Египет
Спешат Родители с Христом:
Пустыня спит, песком не сыпет,
И ласка — в солнце золотом...

Старик сутулится и гнется,
Кладет поклоны и кресты;
И поступь гулко раздается
Среди церковной пустоты.

Нагретый воздух пахнет воском
И слабо ладаном кадит...

Георгий Нарбут. Соловки. 1907 г.

За дверью — ветер по березкам,
Шурша листвою их, скользит...

И, кротко выйдя на дорожку,
Старик, весь в ярком блеске дня,
Плетется в ветхую сторожку,
Что прилепилась у плетня...

А над погостом, над полями —
Снуют проворные стрижи;
И тонкий крест на белом храме —
Как стройный стебель спелой ржи...

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 6).

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Мне не забыть Субботы Вербной
И улетевших детства дней...
Все было вымыслом, наверно,
Иль отражением теней...

Но отчего душе больнее
При мысли лишь одной о том,
Что было в юности?.. За нею —
Все, все в тумане золотом.

Вот, как сейчас, я — будто в храме...
Суббота... Сумерки и тишь...
Перед амвоном, образами
В благоговении молчишь...

Молчишь и ждешь того мгновенья,
Когда получишь вербы ветвь,
Чтоб с этой ветвью в мрак весенний
Пойти, неся благую весть.

И вновь, как и во время оно,
Сам сердцем чувствуешь: Христос —
Под гул ликующего звона —
Потоки осушает слез!..

И весть о входе, на осляти,
Царя вселенной в Божий град —
Слышна и во дворце и в хате:
И я так рад, так дивно рад!

С пушистой вербой торопливо
Иду по улице домой —
Безпечный, юный и счастливый,
Душой невинный и немой.

А завтра няня (знаю) рано
Ударит веточкой, шутя:
«Ах, будь здорово и румяно,
Как эта вербочка, дитя!»

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 11).

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Послушай, — как часто и гулко,
Без устали в колокол бьют!..
И к церкви тропой переулка
Стекается набожный люд...

Смиренно идут, как овечки
Под посох родной пастуха;
Затеплятся тонкие свечки:
О Боже, храни от греха!..

«Не дай мне отведать соблазна, —
Старуха, кряхтя, говорит, —
От нечисти, Господи, разной
Спаси, — да не вниду я в стыд...»

Ползут и ползут старушонки,
И воздух морозный и тишь...
Лишь стонет все колокол звонкий
Над ровною скатертью крыш...

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 12).

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

I

Гудят без умолку колокола.
Огнями ночь пасхальная сияет!
Но понемногу, растворяясь, тает
Весенняя полуночная мгла.

Гудят колокола. И зажжены
На колокольнях яркие светильни,
И все благоуханней, все безсильней —
Земные наши немощные сны!

Уходит прочь тоска, уходит сон:
Воскрес, воскрес Распятый при Пилате!
И тысячи людских живых объятий
Сливает воедино звучный звон!

По-братски лобызаются уста,
Кругом трепещут золотые свечи.
И чудятся с Апостолами встречи
Да язвы ран воскресшего Христа...

II

Христос воскрес! — поет, поет земля.
Воистину! — ей вторят небеса.
И, полог синий ласково стеля,
Небесная мерцает бирюза.

Георгий Нарбут. Церковь в селе Хохловке. 1912 г.

Христос воскрес! — идет по городам,
Воистину! — ответствует село.
И подлинная радость здесь и там,
Лобзаниям потеряно число.

Целуется с врагами верный друг.
Обиды давние и капли слез
Забыты, как зима. Все молвят вдруг:
«Воистину воскрес, воскрес Христос!»

Взгляни сюда: не смертью ль смерть поправ,
Земля явила зелень вместо льда?!
А, вон — уж и побеги первых трав,
И серебристая ручья вода...

Воистину, попрана смерть — змея!
И оттого — от хат и до небес —
Плывет певучий юный шум, звеня:
— Христос воскрес! Воистину воскрес!

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 13).

ТИХОЙ НОЧЬЮ

Воркует голубь все нежнее,
Все тише-тише: ночь идет,
И месяц узенький, бледнея,
Выводит звездный хоровод.

Пред бездной звезд, пред бездной ночи
Смущенным отроком стою,
И звезд мигающие очи
Как бы читают мысль мою.

Я думаю о Божьей славе,
О том величии Творца,
С каким, землей и небом правя,
Он в век из века, без конца,

Глядит из горнего чертога
На заблуждения людей,
На их любовь, на их тревогу —
На слепоту своих детей!..

Как милосерден Ты, о Боже,
Как терпелив и всеблажен!..
И в тихих селах Ты — не строже,
Чем в сени монастырских стен!..

Твоих щедрот душой касаясь,
Стремлюсь я к звездному Дворцу...
Прими меня: в грехах я каюсь...
Прими заблудшую овцу!..

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 17).

ОТШЕЛЬНИК

Мне сладко слушать гул далекий
И жить отшельником в скиту,
Где нарушают немоту
Лишь крики острые сороки.

А там, за цепью старых сосен,
Оградою окружена,
Свои кресты вонзает в просинь
Обитель, благости полна.

Там мирно правится служенье
При свете свеч, под звон кадил.
Я сам не раз туда ходил
Молиться там под мирной сенью.

Но все же здесь — куда милее, —
И в простоте, и в немоте
Любовь безгрешную лелея, —
Мечтать о Рае, о Христе!

И только здесь — под сосен шумы —
Могу услышать наяву
Я глас Того, о Ком все думы,
Кому молюсь и Кем живу!..

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 18).

В МАЕ

Все маю веселому радо,
Все славит Творца и поет...
За низкой церковной оградой
Душистая вишня цветет.

Пахучая вишня белеет
Средь грустных и тихих могил,
Как будто кого-то жалеет, —
Кто в мире тоскующем жил...

А солнце с высот освещает
Погост, колокольню и храм...
Вон — голубь, сверкая, летает,
Взмывает, кружась, к облакам...

Так радостно млеет природа
В нахлынувших вешних порах,
Готовя для нового всхода
Ликующей силы размах.

И ярко за белой решеткой
Душистая вишня цветет,
И высятся крестики кротко
Над теми, кто уж не живет...

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 22).

СВЯТОЙ МИГ

Святая тень неуловимо,
Вдруг осенит и, как во сне,
Ты видишь облик херувима,
Парящий в дивной вышине.

Сияет утро, и синеет
Небес прозрачных глубина,
И запах роз далекий веет...
Благоуханье, тишина...

И колокольчики (иль снится?)
В траве едва-едва звенят...
И чьи-то длинные ресницы
Приоткрывают ясный взгляд...

И очи синие так строги
И так задумчиво-грустны,
Что вновь в неведомом чертоге
Ты видишь радости весны!

А та весна — она далече,
В тумане сгинувших годов!..
Как хрупки худенькие плечи!
Как веет запахом цветов!

О, в этот миг ты непременно
Душой нездешнему открыт,
И ангел, рея над вселенной,
С Тобой о Божьем говорит!..

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 27).

МОНАСТЫРСКИЕ ПЕСНИ

Жизнь моя во Господе! Жизнь моя земная,
Отчего ты мирная-мирная такая?
Отчего спокойна ты, словно день осенний —
Первый после августа, — без глухих томлений?

Разве ты не чувствуешь прелести и неги —
В каждом лепесточке и в простой телеге?
В каждом воздыхании ласкового ветра,
Сеющего запахи — вкрадчиво и щедро?

Разве все запрятано в келью за решетку,
В узкой — замуровано накрепко и четко?
Ах, не соблазняй меня, голос темной силы!
Сгинь, рассыпся по полю! Господи, помилуй!

Ведь, я в Бога верю. Вера — камень твердый.
Отойди ж в безвременье, дух безпечно-гордый!
... Жизнь моя пресветлая! Жизнь моя земная!
Жизнь моя во Господе — пред вратами Рая!

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 32).

* * *

Когда застигнута врагом врасплох,
Душа немеет, чуда ожидая,
И каждый трепет чистый, каждый вздох
Хранит молитва, что придет, святая —

О, как тогда родима и проста,
И строго-ласкова глухая келья!
Все знаменьем отмечено креста,
Отгранено от дьявольского зелья.

Мне безконечно дорог монастырь
С его часовней ветхой на кладбище,
И в переплете кожаном Псалтырь
И сокровенней кажется и чище...

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 35).

МЫСЛЬ

— Да будет свет! — сказал Господь.
И, словно скатерть огневая,
Заколыхалась мгла живая.
И луч, успевший проколоть

Иглою меткою ее,
Проникнул и в твое сознанье,
О человек! — и в назиданье
Потомкам бросил лезвие.

И мысль, крылата и остра,
Взлетев орлом, волнует разум.
Блистая выспренным алмазом,
Она — всегранности сестра.

От крови — кровь, от плоти — плоть,
Она — тот яркий луч, который
Пронзил первичные просторы.
Она — тот свет, что дал Господь.

Впервые: «Русский Паломник» (1913, № 1).

ДУШЕ

Так. Я не умер духовно.
Да и умру ли когда?
Небо — как купол церковный,
Просинь — морская вода.

Скукой и миром печальным
Тянет от дома и нив.
Видно, скитальцем опальным
Жить мне, коль буду я жив.

Если же сгину телесно,
Дух возвратится ли мой,
Дух — из страны неизвестной,
Где подружусь я со тьмой?

Или... Ах, Боже, не надо
Карой такою карать:
Даже лукавому гаду
Родина — милая мать!

Тело сгниет — ну и что же!
Новый намечу я путь. —
Дух мой! Будь проще, будь строже.
Лазарем, Лазарем будь!

Впервые: «Русский Паломник» (1913, № 18).

МОЛИТВА

О подводный камень веры
Не разбейся, утлый челн!
Мыслю: эта жизнь — химеры,
Человек — игрушка волн.

Что ни день, — все реже, реже
Наш духовный светлый сад...
Убегающие межи
В неизвестное скользят.

Голубые дали в поле —
Нам неведомый обман.
А межа за лучшей долей
Увлекает чрез туман.

Мы несемся, мы стремимся
Древа мудрого вкусить
И таимся, и боимся
Плоть за вечность положить.

Бог Навина, Даниила!
Бог Давида! Вразуми:
Меркнет пламенная сила
Пред людьми и пред зверьми!

Гаснет мой светильник, яко
Мертвой вспрыснутый водой,
И — средь чада, тлена, мрака
Нет как нет пчелы златой!

Свете тихий! Отче кроткий!
Озари десницей явь —
И корму летящей лодки
В заводь верную направь!

Впервые: «Русский Паломник» (1913, № 18).

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт, прозаик, литературный критик. В юности обучался в берлинской талмудической школе. В 1910 году окончил петербургское Тенишевское училище. В 1908 году, живя в Париже, посещал лекции на словесном факультете Сорбонны. К этому же времени относятся и первые стихи, о которых он писал из Парижа матери: «Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова. Период ожиданий и "стихотворной горячки"». Так что Мандельштам вполне мог, как и Анна Горенко, еще не ставшая Ахматовой, дебютировать в парижском журнале «Сириус» Николая Гумилева, издавшего в 1908 году в Париже свои «Романтические цветы». Но они познакомятся лишь через год, в Петербурге. Мандельштам жил в Берлине, Швейцарии, путешествал по Италии, в 1910 году, после зимнего семестра в Гейдельбергском университете, появилась его первая подборка в «Аполлоне», а первая книга «Камень» вышла в Петербурге лишь в 1913 году. Само название восходило к тютчевской строке «С горы скатившись, камень лег в долине...». Мандельштам заявлял, что он поднимает «тютчевский камень» и кладет его «в основу своего здания». В одном из первых стихотворений он так выразил свое поэтическое кредо:

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева с ребячеством Верлена,
Скажите, кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?
А русскому стиху так свойственно величье,
Где вешний поцелуй и щебетанье птичье.

Это стихотворение, входившее в число неопубликованных, многое объясняет не только в раннем, но и позднем Мандельштаме, особенно 20-х годов, когда он, как казалось многим, неожиданно в своих статьях и поэзии обратился к христианству как к «зернохранилищу вселенского добра».

В наиболее известном вашингтонском четырехтомном Собрании сочинений Мандельштама (1967—1981) стихотворение «Люблю под сводами седыя тишины...» комментируется двумя цитатами, которые стоит повторить. Первая из «Портретов» Сергея Маковского, писавшего: «Религиозность этого "полудня"(или "вселенской литургии"?) не только восторженно христианская, но русская, иконописная религиозность. Удивительно, как сумел проникнуться ею этот выросший в еврейской мелкомещанской среде юноша, набравшийся многосторонней образованности в Швейцарии и Гейдельберге!» Вторая цитата из статьи 1921 года «Слово и культура» самого Мандельштама: «Да, старый мир — "не от мира сего", но он жив более чем когда-либо. Культура стала церковью. Произошло отделение церкви-культуры от государства. Светская жизнь нас больше не касается, у нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние. Наконец мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье. Воду в глиняных кувшинах пьем как вино, и солнцу больше нравится в монастырской столовой, чем в ресторане. Яблоки, хлеб, картофель — отныне утоляют не только физический, но и духовный голод. Христианин, а теперь всякий культурный человек — христианин, не знает только физического голода, только духовной пищи. Для него и слово "плоть" и простой хлеб — веселье и тайна».

К этому можно лишь добавить, что Сергей Маковский во многом повторяет слова Максимилиана Волошина о книге «Молитва о России» Ильи Эренбурга, вышедшей в конце 1918 года, после расстрела Московского Кремля. А Мандельштам отвечает на вопросы, поставленные тем же Максимилианом Волошиным. Более того, у Мандельштама тоже есть стихотворение,

тематически близкое к «Молитве о России» Эренбурга. Оно датируется 1916 годом, но, вероятнее всего, это были лишь наброски стихотворения, создававшегося одновременно со стихотворением об Успенском соборе «В разноголосице девического хора...», а в сборник «Tristia» 1922 года вошел уже окончательный вариант:

...А в запечатанных соборах,
Где и прохладно, и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленье райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.

Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, —
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

Конечно, такие стихи могли быть написаны только после расстрела и закрытия Московского Кремля, когда Мандельштам не только декларировал в статьях, но и выражал в стихах свое мироощущение христианина: «Я христианства пью холодный, горный воздух, // Крутое "Верую" и псалмопевцев роздых».

Что же касается его резких высказываний 20-х годов о женской религиозной поэзии, которые привели к разрыву отношений с Цветаевой и Ахматовой, то они вовсе не были проявлением воинственного атеизма того времени. Здесь роковую роль сыграли не сами эти высказывания о «женском рукоделье» (так, кстати говоря, называлась рецензия Сергея Городецкого 1912 года на поэтические дебюты Ахматовой и Цветаевой, никак не повлиявшая на их личные отношения), а их совпадение со статьей Льва Троцкого «Внеоктябрьская литература», опубликованной в сентябре — октябре 1922 года в трех номерах «Правды». Главный партийный идеолог впрямую не цитировал Мандельштама, но называл те же самые имена, да и формулировки почти совпадали. Понятно, что Троцкий использовал статьи Мандельштама 1921 года. То же самое произойдет и в 1946 году, когда Жданов, в качестве доказательства «вины» Ахматовой, сошлется на его дореволюционную статью об акмеизме. Политики не давали ему покоя ни при жизни, ни после смерти.

* * *

Образ Твой мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

1912

* * *

Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе — великолепный миг.
Здесь должен прозвучать лишь греческий язык:
Взять в руки целый мир, как облако простое.

Богослужения торжественный зенит,
Свет в круглой храмине под куполом в июле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.

И Евхаристия как вечный полдень длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех Божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.

1915

* * *

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Где православные крюки поет черница:
Успенья нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

1916

* * *

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы.
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

С высокой лестницы пророков и царей
Спускается орган, Святого Духа крепость,

Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью холодный, горный воздух,
Крутое «Верую» и псалмопевцев роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
И христианских гор в пространстве
изумленном,
Как Палестрины песнь, нисходит благодать.

1919

* * *

Люблю под сводами седыя тишины
Молебнов, панихид блужданье,
И трогательный чин, ему же все должны —
У Исаака отпеванье.

Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе Геннисаретский мрак
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дым на теплых алтарях,
И иерея возглас сирый,
Смиренник царственный:
снег чистый на плечах
И одичалые порфиры.

Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета.

Не к вам влечется дух в годины тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим:

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

1921

ВЕРА РУДИЧ

Рудич Вера Ивановна (1872—1943) — поэтесса, прозаик, переводчица. Из дворян. В 1889 году окончила Коломенскую гимназию, в 1896-м — курсы сестер милосердия Красного Креста. Работала наборщицей в типографиях различных газет. В 1894 году дебютировала в «Новом Времени» с циклом стихотворений «Мотивы». Посещала «пятницы» Константина Случевского. Первый поэтический сборник «Стихотворения» вышел в Санкт-Петербурге в 1902 году. В рецензии журнала «Мир Божий» отмечалось: «В хороших стихах здесь выражено то, что в самом деле пережил и перечувствовал автор — разочарования юности, утраты, попытку философского осмысления жизненных ситуаций». За первым сборником последовали еще четыре. Среди их рецензентов был и К.Р. (Константин Романов), писавший: «Вера Рудич подарила нас несколькими сборниками, достоинство которых в том, что в них нет дурных стихов». К.Р. причислил ее «к тем малым соловьям, которых истинно хороших песен нам так надо». Помимо критического отзыва, К.Р. посвятил ей стихотворение «Вере Рудич» (1911). В предисловии к «Пятому сборнику стихов» (СПб., 1914) она выделила основные клавиши своей лирики: «Женская любовь... наслаждение природой родных мест... труд и религиозные переживания».

В годы Первой мировой войны была сестрой милосердия в лазаретах. В 1915 году выпустила сборник рассказов и стихов, посвященных войне. С 1918 года жила в родовой усадьбе на Волыни, ставшей с декабря 1920 года территорией Польши. В 1924 году вернулась в Ленинград и вновь работала наборщицей и корректором. Стихи и рассказы 20-х годов остаются

неопубликованными. В 1933 году была арестована и приговорена к трем годам ссылки. Умерла в блокадном Ленинграде.

* * *

Боже! Когда я о счастье и мире просила,
Мог Ты ответа не дать;
Пусть повелела Твоя непонятная сила
Только страдать.

После, когда я просила о знаке прощенья
Душу томящих грехов —
Пусть на рыданья, на муки мои и моленья
Лик Твой смотрел молчалив и суров.

Ныне я веры прошу! У пучин отрицанья
Сердце дрожит и стучится в закрытую дверь.
Если Ты есть, и Твои мы созданья —
Боже! Ответь же теперь!

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ВЕЛИКИЙ БОГ!

Садится солнце. Белою пустыней
Лежат в снегах безбрежные поля.
Перед небес пылающих святыней
В тиши глубокой молится земля:

«В моем святом, торжественном покое
Благодарю Тебя, великий Бог,
За это солнце золотое,
Что надо мною Ты зажег.

За росы, мне ниспосланные с неба,
Когда весной и летом я цвела,
За эти волны золотого хлеба,
Что для людей Твоих я принесла.

Благодарю за ветер Твой могучий,
Что клонит все, растущее на мне,
И за Твои нахмуренные тучи,
Которых бег слежу я в вышине.

За эту ночь, что надо мной зажжется
В сиянье звезд, на смену дня,
И за весну, которая вернется
И к жизни новой возродит меня!»

Романс М.А. Полесского-Щипилло. Текст публикуется по нотному изданию.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Аннѣ Степановнѣ
ДУБЯНСКОЙ.

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ

СТИХИ

Вѣры Рудичъ,

МУЗЫКА

М. А. ПОЛѢССКАГО-ЩИПИЛЛО.

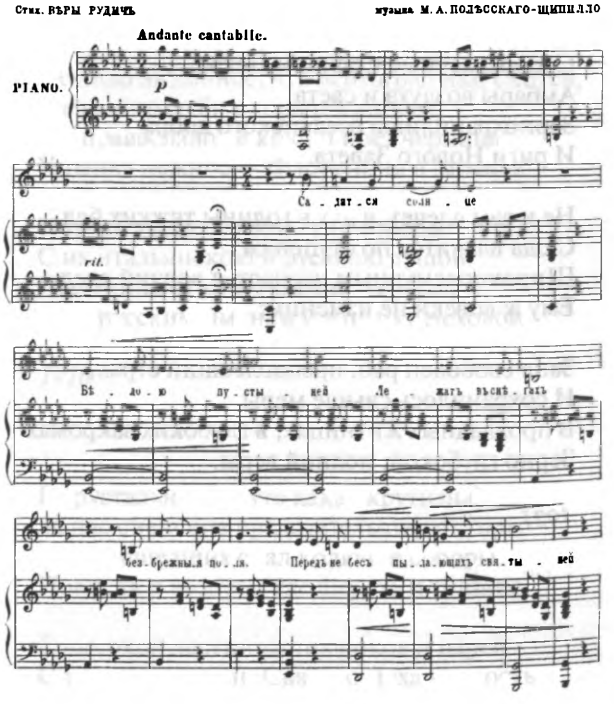
СОБСТВЕННОСТЬ АВТОРА

Его же: „Озимь" муз. на стих. В. Рудичъ — 50 к.
„ „ „Изданека" ром. слова Л. Самринова — 40 „

50 к.

ПРОДАЕТСЯ У

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Благодарю Тебя, великій Богъ!

В НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

1

Идешь ли Ты, Боже, сияньем звезды озаряем,
Идешь ли к несчастной, кровавой и темной
земле?
Не к нам. Мы не стоим! Мы снова Тебя
не узнаем.
Но в нашей неправде, безумье, пороках и зле
Есть чистые дети, есть нищие духом и телом,
Которые просят, которые ищут во тьме,
Есть муку приявшие в нашем бою озверелом,
И есть безсловесные твари в тяжелом ярме,
Узнают Тебя просветленные долгим
страданьем,
В них сердце навстречу Тебе загорится в груди,
Любовию трепетной встретят Тебя и рыданьем.
Для них приходи!

2

СЕГОДНЯ

Нема и пустынна обитель Господня:
Ушел из небесных чертогов Христос,
Земле безпокойной он чистую радость понес.
А Дева Мария,
И ангелы Божьи, и души святые —
Все вышли за светлого рая пороги
И смотрят, полны напряженной
и чуткой тревоги,
Туда, где как туча висит над землей темнота:
Узнают ли, примут ли люди Христа?

* * *

Как сладкий мед любовной ласки радости,
Но чтоб открылись выси мне бездонные,
Я оторву уста от этой сладости,
Уста мои, еще неутомленные.
Иду. На трудный путь взгляни, Пречистая,
Благослови, Невеста Неневестная.

* * *

Долго душа изнывала в оковах безсилья.
Час ей пробил. Обещанья свободы сбылись.
Ангел покоя, раскинув широкие крылья,
Душу уносит в бездонную синюю высь.
Ближе и ближе светил неизменных сиянье,
Дальше тревоги, сомненья и муки земли.
Боже великий, услыши ее ликованье!
Боже, внемли!

* * *

Как дикий зверь ревет в неволе!
Как дышит вол, таща ярмо сверх сил!
Как алчен хищный клекот в поле,
Когда орел добычу затравил!
Туда подняться надо, Боже,
Где бег веков следит любовь Твоя,
Чтоб эти звуки слышать тоже
Аккордом стройным в гимне бытия.

* * *

Замирает волна погребального звона
В безпредельной воздушной дали:
Кто-то умер, со звуком последнего стона
Улетела душа от земли.
Смерти тайна великая в это мгновенье
Для нее, наконец, решена.
Помолитесь же, люди, чтоб мир и прощенье
В жизни новой снискала она.

* * *

Для мук людских сплетен венок терновый,
Прекрасный скорбной, строгой красотой,
Есть рай, принять замученных готовый,
Есть сладость слез, молитв восторг святой.
Но страшны тварей безсловесных муки
И дрожь их тел в руках у палачей,
Предсмертных криков молкнущие звуки,
Безсильный ужас меркнущих очей.
Как смотришь Ты, Христос, на их страданье,
Когда свистят кнуты, блестят ножи?
О, если есть тем мукам оправданье —
Скажи!

ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ПОСТОМ

Я в храм Твой не войду, я стану у порога,
Туда, где столько света и тепла,
Тому заказана дорога,
В чьем сердце вера умерла.
Но в эти дни, когда молитвы покаянны,
Когда смиряет дух величие поста,
Душе остылой так опять желанны
Священных слов тепло и красота.
Я в храм Твой не войду, но, стоя у порога,
Хочу опять взглянуть на кроткий скорбный лик
И в близкого, прощающего Бога
Поверить снова, хоть на миг.

* * *

На тихий звон Великого поста,
Печальный звон на плач и воздыханья,
Идут, идут к подножию креста,
Неся святые слезы покаянья.
И крест святой врачует сердце всем,
Для всех молитва утешеньем дышит.
А я кому печаль мою повем,
И кто услышит?

ПЕРЕД «СТРАСТЯМИ»

Покорны, тихи скорбные моленья,
Великий час подходит в тишине.
Пошли, о Боже, слезы умиленья
Росой вечерней на сердце ко мне.
Душа моя, душа, костер погашенный!
Ужели в пепле искры не найти?
Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный,
И нет одежды, чтоб туда войти!

* * *

О вы, чье сердце старости боится!
Она придет, как ласковая мать,
И скажет: «Солнце ясное садится,
Пора усталым за день спать!
Лампаду я затеплю у иконы,
Завешу окна, притушу огни.
Читай молитву. Положи поклоны
И всех, кто дорог, помяни.
Не плачь, не бойся, что кругом темнеет,
Закрой глаза, — я рядом посижу.
Покуда сон тебя не одолеет,
Я сказку старую скажу.
Не плачь, вернешься ты опять к забавам,
За этой ночью снова будут дни,
Теперь же росы падают по травам,
Усталым спать пора. Усни!»

НАША ЦЕРКОВЬ

В саду церковном среди деревни
Горят на солнце концы крестов.
И храм, и липы в саду так древни,
Что и не счесть им былых годов.
Не счесть надгробных рыданий звуков
И слез горячих, что там лились.
Молитвы дедов, молитвы внуков
Для старой церкви в одно сплелись.
Весну ли ветры полям приносят,
Метут ли вьюги снега в сугроб —
Благословенья во храме просят
Купель младенца, венцы и гроб.
И летом так же, благоуханна,
Роняет липа свой цвет в алтарь,
И Божье слово от Иоанна
Прекрасно так же, как было встарь.

* * *

Нет, не взлететь ко звездной высоте!
Еще земля зовет к себе так властно,
Еще к земному сердце льнет так страстно,
Не удержать его мне на кресте.
Христос, прости! Завет Твой не храня,
Я оглянулась посреди дороги.
Но я хочу идти в Твои чертоги,
Мой час пробьет. О, подожди меня!

* * *

В шуме немолкнущих
людных, грохочущих улиц
Жадно ловлю я
протяжные мерные звуки
Дальнего звона,
зовущего к службе Господней.
Между толпой суетливой
иду на него я.
Вижу — сияют огнями
высокие окна,
Вижу — приветливо манят
раскрытые двери.
Только взойду под высокие
темные своды, —
Шум, и движенье, и грохот
мгновенно затихнут,
Вся суета безпокойной
и алчущей жизни
Сзади останется.
В чудное царство покоя,
Мира, любви умиленной
и теплой молитвы
Тихо взойдешь ты
и, глядя на кроткие лики,
В мягком сияньи лампад,
на прозрачные волны
Дыма кадильного, —
так безмятежно, так сладко,
Полной грудью вздохнешь ты,
измученный путник,
Снова пришедший к родному
любимому дому.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Хлебников Велимир (Владимир) Викторович (1885—1922) — поэт. Уже в декабре 1912 года в первой листовке русских футуристов «Пощечина общественному вкусу» он был провозглашен «гением — великим поэтом современности». «Хлебников — это примечательнейшая личность, доходящая в своем скромном, каком-то нездешнем уединении, до легендарной святости, своей гениальной непосредственностью сумел так просто, так убедительно строго пересоздать всю русскую поэзию во имя современного искусства», — писал в 1914 году Василий Каменский. «Гением и человеком больших прозрений» называл его Михаил Кузмин. Не менее выразительна характеристика Осипа Мандельштама, который, как и Михаил Кузмин, во многом был антифутуристом: «Какой это идиотичный Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе — железнодорожный мост или "Слово о полку Игореве". Поэзия Хлебникова идиотична — в подлинном, греческом, неоскорбительном значении этого слова... Каждая его строчка — начало новой поэмы. Через каждые десять стихов афористическое изречение, ощущение камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться. Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский требник-образник, из которого столетия будут черпать все, кому не лень». С тех пор уже почти сто лет этот «требник» востребован в русской поэзии. Но и сам Хлебников в свою очередь не только создавал новые образы и слова, а брал их из церковных сборников молитв — «Требников», самый знаменитый из которых составлен и издан в 1647 году киевским митрополитом Петром Могилой. Велимир Хлебников, вне всякого сомнения, был знаком с феноменальным явлением древнерусского словотворчества.

БОГУ

Заря слепотствует немливо.
Моря яротствуют стыдливо.
Дитя лепетствует стеня.
И я яротствую буйливо.
Мы все Твоя! Мы все Твоя!
Один Ты наш, один Ты наш.

1907

ИЗ «ВЕЛИКОГО ЧЕТВЕРГА»

Там люди идут в рощи
Молиться — ложе с кем
Весною разделить;
И пламя глазом божеским
На белых старцев нить
(Молящиеся мощи)
Бросает тень багровую —
Веселою дубровою
Глазам седых небес
Листвой сквозных завес
В осинах сребростволь ных,
Прямых и богомольных.

1918

* * *

Воздух расколот на черные ветки,
Как старое стекло.
Молитесь Богоматери осени!
Окна часовни осени,
Пулей разбитые с разбегу, морщатся.
Дерево горело лучиной в воздухе золотом.
Гнется и клонится.
Осени огниво гневно
Высекло золотые дни.
Молебствие леса. Все сразу
Упали золотые запахи.
Деревья вытянуты, точно грабли
Для охапок солнечного сена.
На чертеж российских железных дорог
Дерево осени звонко похоже.
Ветер осени золотой
Развеял меня.

7 ноября 1921

ТИХОН ЧУРИЛИН

Чурилин Тихон Васильевич (1885—1946) — поэт. Он выступал в футуристических альманахах «Московские мастера» (1916), «Весенний салон поэтов» (1918), и из поэтов-современников ему, безусловно, всех ближе Велимир Хлебников, но в футуристические, равно как и все другие группировки, не входил. В этом отношении, по обостренному чувству независимости, ему всех ближе, пожалуй, Марина Цветаева, с которой и свела его судьба в предреволюционные годы в Москве. Тихону Чурилину посвящены несколько стихотворений в цветаевских «Верстах». В марте 1916 года она писала сестрам Эфрон: «Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу — он умрет». Через десять лет она писала о нем в очерке о Наталье Гончаровой:

«В первый раз я о Наталье Гончаровой — живой — услышала от Тихона Чурилина, поэта. Гениального поэта. Им и ему даны были лучшие стихи о войне, тогда мало распространенные и не оцененные. Не знают и сейчас. Колыбельная, Бульвары, Вокзал и, особенно мною любимое — не помню все, но что помню — свято:

Как в одной из стычек под Нешавой
Был убит германский офицер,
Неприятельской державы
Славный офицер.
Где уж было, где уж было
Хоронить врага со славой!
Лег он — под канавкой.
А потом — топ-топ-топ —
Прискакали скакуны,
Встали, вьются вкруг канавы,
Как вьюны.
Взяли тело Гера,
Гера офицера
Наперед.
Гей, народы!
Становитесь на колени пред канавой,
Пал здесь прынц со славой.
...Так в одной из стычек под Нешавой
Был убит немецкий, ихний, младший прынц,
Неприятельской державы
Славный прынц.

Был Чурилин родом из Лебедяни, и помещала я его, в своем воспрятии, между лебедой и лебедями, в полной степи».

Наталья Гончарова иллюстрировала первую книгу Тихона Чурилина «Весна после смерти», вышедшую в 1915 году. «Вторая книга стихов» датирована 1918 годом. Все в них было необычно даже на фоне всех других поэтических экспериментов, что поэзия Чурилина попросту выпала, не нашла себе места среди «измов» (а своего «чурилизма» он не ввел), хотя ближе всего она стоит даже не к футуристам и Хлебникову, а к народным песенным истокам, к «зауми» народных молитв-заклинаний. Самое примечательное в этом отношении его стихотворение «Стиховна», воспроизводящее — в ритмике, звуках, сюжете — монашеские «стиховны» (вечернее пение псалмов).

С СЕСТРОЙ

Панихиду отпой
По мне.
Тихо мальчик слепой
По намокшей стене
Доберется ко мне,
На скамью на мою... на кутью.
Смерти сердце мое
Отдаю.
Странно резвой, нетрезвой,
Рукой
Остановит сердце мое
Перебой.
Ой...
Слышим: глуше прибой.
Пой —
Упокой душу раба.
Ты ко мне? Ты слаба...
— А-а-а-а!

1913
Крюково

СТИХОВНА

Стиховна — псалма, которую поют за вечерней.

Словарь

1

Монахиню молодую,
Матушку Перепетую,
Оспрашиваю, любопытствую —
насчет службы:
— Скажи-ка из дружбы,
Матушка,
Касатушка:
Чтой-то, что это такое — стиховна?
— Ах, братец,
Ах, дружок —
Из келий черных,
средь берез белых платьиц,
На лесной наш лужок,
Собираемся, собираемся
(озираемся)
Мы, несчастные,
— безстрастные, безприкрасные.
Староверки старухи,
староверочки молодые,
Льняные, вороные, гнедые,—
Петь.
Куда же нас без прав древних деть?
Вечером вешним, — в вечерню, в вечерню —
Поем мы стиховну,
Псалму духовну...
— Пса-лмааа?
— Эх, милая, не знаешь сама!
Говорю я гневно.
— Стиховна — это царевна!

2

За вечерней повечерне читает звонким голосом
У клироса
Монахиня.
Ох-ах меня, ахти меня, меня-меня,
— Монахиня
У клироса,
Борода-то моя выросла,
Сам пою-то сладким голосом,
Только не духовное
— Греховное.
А тут стиховна.
Пора пять, ровно.
Пять... пять... пять, пять, пять...
— Колокола пошли причитать.
Ах, как смотрит любовно...
— Жаль, кровно,
Монахиню, ох-ах меня, у клироса —
Как луна безкровна!

3

В черных ризах
Черноризцы, чернорясцы седовласы,
Поп-то высох.
Поп весь высох; дьякон гласом,
Гласом-басом,
Свечи, темные огни их, тушит разом.
Греховодник,
Хороводник,
— Знаем мы, ты чей угодник!
А на клиросе монашки поют,
Светлым голосом стиховну поют,
Стиховна...
Стих, стих, стих, словно
Ветер благовонный,
Вешний.
Ах, я в окна смотрю-ах, погибя, грешный,
Крот кромешный.

4

Черная, черная, черная вечерня.
— В подчерни, в подчерни,
Червонь золотая заката.
— В черной подчерни.
Ризы богаты,
Черные — бархат богатый,
— С утратой.
А в окно-то твердь
Голубая.
Чья-то страшная смерть
Мировая.
Страшная,
Безрубашная.
И по правилу стиховну поют,
Да, по правилу духовному поют.
Стиховна светлая, стиховна тихая, благодатная.
Перервали — ах, прервалась тишина ароматная:
— Захныкали,
Захихикали.
Эх, монашки — и за дело тут одну умыкали?

5

В красной комнате, в красном
причудливом доме,

Греческой церкви,
В грозе, в громе,
Вечер меркнет.
В церковке, греческой, бим-бом-дон.
В комнате красной умирает он.
Выкреста звон.
Дон... донн.
Вечер меркнет.
В церкви
Поют стиховну,
Псалму духовну.
В окне слышит.
Слышит...
Вечер духом пышит.
Тяжелым.
Умирай-ка пугалом голым.
Гроза, гром,
От тела — тлением.
Красный дом... Дон-бим-бом.
Наслаждайся пением
Стиховны — царевны, царевны.
Безкровны, безстрашны, безгневны.
Губы.
Белые, белые, древние,
Зубы.
А в окна — стиховна, стиховна (царевна,
царевна)
Слышна, как древне.

6

Во лесах, во лесах!
— Хорошо как во лесах,
— Как в небесах.
Тихо, тёмно в лесах.
Ах —
Скит стоит.
Дым дымит,
— Ладан, ладан!
И пускай здесь гром гремит,
И пускай тут град градит —
Схимник старый всех спасет нас от ада.
Он — кадит.
Схимник светлую поет.
Топит, топит — растопляет древний луд.
И живет,
И живей живет живой кругом живот,
— Вот волчица воем тихим подвывает,
Подпевает,
— Лад-то знает.
И поет, и поет.
Схимник светленький с волчицей — ах, живут
Ярко тут!

7

Пост, пост
Четырнадцатого года.
Раскинула комета хвост.
В звезде ее — лицо урода,
Сына выкреста,
Антихриста.
И единственной опорой,
И единственный всем утешением,
Старец хворый
Творящий воскрешения,
Бдение, бдение
Вечернее, вечерня:
Старца светлое пение,
Жаркий шепот чудес ждущей черни.
Засветит нежно так псалма
Стиховной древнею.
И встанет и идет — сама!
Калека — ах! царственною...
Бдение, бдение,
Вечерня, старца светлое пение.
— И сверху — темное тяжкое тление.

<1914>

МУЗЫКА НА ПАСХУ

Лад пева храмового,
Лик великого леса-лепа,
Хор хоровой нехромого
Хорового солепа.
А пело безпрерыв рокотан-рокотун.
А тело белое безпрерыв гремело.
— О липе, о тополе, о туе.
— Гремел белый!
Лилось, лилось, лилось
Слепым солнцем целуясь днесь.
И лев, и лань, и лось
Веселясь, селились в целом бубне.
Будни
— Буде.
Праздник
Возгрянул, грянь, грянь, красник!

22 апреля 1918
Утро

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Каменский Василий Васильевич (1884—1961) — поэт, прозаик, драматург.

«Уж если мы действительно футуристы, — восклицал он, — если мы люди моторной современности, поэты всемирного динамизма, пришельцы-вестники из будущего, мастера дела и действия, энтузиасты-строители новых форм жизни, — мы должны, мы обязаны уметь быть авиаторами». И слово одного из первых русских футуристов не разошлось с делом. В марте 1911 года он отправился в Париж учиться летному делу и вскоре станет первым авиатором-футуристом, создаст пьесу «Жизнь авиаторская», будет читать лекции «Аэропланы в поэзии футуристов» и даже напишет молитву авиатора...

МОЯ МОЛИТВА

Господи,
Меня помилуй
И прости.
Я летал
На аэроплане.
Теперь в канаве
Хочу крапивой
Расти.
Аминь.

<1916>

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956) — поэт, стиховед, переводчик. До революции выпустил три поэтических книжечки «Розы с кладбища» (Керчь, 1914), «Зеркала потускневшие» и «Лебеди закатные» (Пг., 1915), куда в основном вошли его «поэзы», написанные под влиянием Игоря Северянина. А в 1916—1917 годах участвовал в северянинских «поэзоконцертах», в которых в завершение читал и свои стихи. Но в последующие годы пришел к «пушкинизму», считая основными выразителями этого «новоклассического» направления Максимилиана Волошина, Осипа Мандельштама, Владислава Ходасевича.

ПСАЛОМ 11

Боже, укрой и помилуй:
праведных ныне не стало,
льстивы и лживы их речи,
ядом напитан язык.
Господи! Праведный силой
вырви лукавое жало,
сгорби надменны их плечи,
гневный яви им Твой лик.

Ибо презренно глаголят:
— Всех языком одолеем:
с нами речения наши,
кто же нам, кто господин? —
Боже! Твой меч да проколет
злые сердца им и змеем
путь им навек опояши.
Боже! Ты миру — один.

— Ради страдания нищих
и воздыхания бедных
стану, как щит пред ударом! —
Вот обещанье Добра.
Слово Создателя чище
трижды в горнилищах медных
пламенем чистым и ярым
плавленного серебра.

Слово Твое Ты исполни,
будь нам защитой и силой.
Дай нам ничтожных и ложных
властью добра побороть.
Ты нам вещавший из молний,
нас защити и помилуй.
Помни, что Ты меж безбожных
вечный, великий Господь!

<1919>

ИЕГОВА

Я — твой Господь. Я говорю тебе:
Мне ведано существ предназначенье.
В Моих словах, в их каменной судьбе,
страдающий да емлет утешенье.
Вся жизнь его навек обречена
быть пламенем, сжигающим овна
на преданном, на кротком всесожженье.
Я — Твой Господь, Подножием Моим
пребудешь ты вплоть до скончанья века, —
и каждая молитва человека, —
Моим ноздрям благоуханный дым.

И всей земле незыблемым законом
неукротимые кладу слова.
И каждый миг, над каждым женским лоном,
над каждым дном, где прячется трава,
на высоте, над облаком нагорным,
в глубинах вод, над фиником, над терном —
их власть, их мощь стремительно жива:
расчислены движения и души,
расчислены — и молот, и свирель,
и хлеб, и град, и все моря, все суши,
все взвешено, — и каждый шаг есть цель.

Вода несет твоих ладей ветрила.
Питает злак тебя, и травы — скот.
Сплетенья мышц перевивает жила,
и согревают волосы живот.
Твои рабы оберегают стадо.
Твоя жена, — в ней для тебя услада,
и твердый меч — твоей земли оплот.
И сам ты — огнь, Мне жертву испелящий,
твой мозг — алтарь, где Мне звучит хвала.
Моя рука недаром сберегала
тебя над бездной, смертию грозящей.

Но Я всеблаг. Свободой одарил
Моих детей слова, сердца и руки.
И слышу не бряцание кадил,
а ропота рокочущие звуки.
Но Я и мудр. И будет месть Моя
не серый дождь, не язва лезвия, —
иныя Я на них воздвигну муки.
Цель бытия отнимется у них,
цель бытия отторгнется от злобных,
и задыхающихся в смрадах гробных
Я обойду движеньем стоп Моих.

Быка, что забодает человека,
убьют кольем и мяса не съедят.
Тому, кто вырвет у другого веко,
заколют раскаленным шилом взгляд.
Неверный меч истлеет в вихре горнов,
падет на дно зерна не взявший жернов.
Неплодная, — ей жизни во сто крат.
И Каину — жить долее живого,
безплодный хлеб навек безплодно есть.
Мне не служить — Моя преступным месть.
Так справедливый говорит Иегова.

<1919>

ХРАМ

Победоносного Израиля оплот
и Бога Вышняго приют неистребимый!
Где слава гордая? Исчезла, точно дымы,
и в трещинах стены убогий мох растет,

да юркая пчела, сбирая дикий мед,
жужжит и вьется там, где пели серафимы,
и вековечною стальной тоской томимый
у врат святилища рыданья льет народ.

Но храм разрушенный все был на страже
Бога: когда Отступника влекла его дорога,
и Ягве алтари он дал богам земным,—

подземные огни жгли идолов багряно.
Израиль, радуйся развалинам твоим:
в них гроб язычества и плаха Юлиана...

АДЕЛАИДА ГЕРЦЫК

Герцык Аделаида Казимировна (1874—1925) — поэтесса, прозаик, переводчица, критик. Ее первый и единственный сборник стихов вышел в 1910 году, одновременно с «Вечерним альбомом» Марины Цветаевой, но к тому времени она была уже достаточно широко известна в литературных и философских кругах как автор эссе о Дж. Рёскине «Религия красоты» (1899) и переводов Ф. Ницше, рецензент журнала московских символистов «Весы» (под псевдонимом Сирин). В 1906 году в журнале «Русская Школа» появилась ее статья «Из мира детских игр», о которой Максимилиан Волошин писал: «Несколько страничек Аделаиды Герцык, затерявшихся среди листов педагогического журнала, представляют литературное и психологическое событие, поставившее новую грань в нашем самопознании, к которой всегда придется возвращаться». Почти одновременно с Волошиным она поселилась в Крыму, и ее дом в Судаке сыграл не меньшую роль в истории русской поэзии Серебряного века, чем волошинский в Коктебеле. Ее младшая сестра Евгения Герцык вспоминала о начале их творческого пути: «Людей общих с нами вкусов у нас не было. Уже бегали тогда переулками бодлерианцы, ницшеанцы, собирались в папиросном дыму где-нибудь у Эллиса, но мы их не знали, и позже не узнали, да и были мы с ними разного духа. Но любопытно то, что наши вкусы складывались вне всякой среды — и все же в единении с какой-то мыслящей средой»[1]. Все это в полной мере нашло отражение в ее поэзии, насыщенной религиозными и фольклорными мотивами, которые стали ее почвой. Революция и Гражданская война застали ее, как и Волошина, в Крыму. Ее «Подвальные» стихи и «Подвальные очерки» датированы «6—21 января 1921», стихотворение Волошина «Террор» — «26 апреля 1921». В них описаны одни и те же события. Волошин воспроизводит ее рассказ:

...Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.
Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю.
Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

В 1929 году Волошин напишет стихотворение «Аделаида Герцык», посвященное ее памяти. Но первый некролог появился вскоре после ее смерти в рижском журнале «Перезвоны». Его автором был Борис Зайцев. В том же № 25 за 1926 год был опубликован один из «Подвальных очерков» — «К смерти созревший». Так Русское зарубежье откликнулось на смерть Аделаиды Герцык, которую Борис Зайцев назовет поэтессой-святой.

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ
(Памяти А.Г.)

Ниже мы печатаем «Подвальные очерки» умершей в прошлом году замечательной русской поэтессы А.Г. Друзья покойной просили не называть ее полного имени, ограничиться лишь инициалами — из опасения за оставшихся в России родственников. Итак, над могилой поэтессы-святой, вполне далекой от политики и борьбы, мы не можем даже назвать ее имени. Позор за это да ляжет на правителей сегодняшней России.

А.Г. родилась в 1874 г. в Москве. Ее отец был военным инженером, а потом строителем Моск.-Яросл. ж.-д. Детские годы ее прошли в Александрове, Владимирской губ., и в Крыму, в Судаке, где у них на берегу моря была своя дача с виноградниками, большими орешниками и фонтаном.

А.Г. получила хорошее образование, рано полюбила литературу, вкусила того сладкого яда, от которого никогда уже не может отделаться человек. Молоденькой барышней, вместе с сестрой, путешествовала по Италии, особенно полюбила Ассизи и св. Франциска, сильно вошла в дух Раннего

[1] В 2007 году в серии «Библиотека мемуаров» издательства «Молодая гвардия» вышла книга Евгении Герцык «Лики и образы», многие страницы которой посвящены Аделаиде Герцык и ее современникам.

Ренессанса — в те годы (1890-е), когда русская интеллигенция была еще вполне провинциальна. Увлекаться живописью Джотто и книгами Рёскина значило стоять много выше среды. Первый печатный очерк А.Г. был «Религия Красоты» (1897). Затем она с сестрой перевела «Прогулки по Флоренции» Рёскина, позже Ницше (первые в России переводы его), дала несколько статей по западной литературе, главное же — писала стихи. В 1908 г. вышла замуж, путешествовала по Франции, Италии, Германии. В Вюрцбурге у нее родился первый ребенок, она вернулась в Россию, и с 1910 по 1917 гг. прожила с мужем в Москве. У нее собирались поэты и поэтессы, молодые и старые критики и философы. В 1909 г. вышел сборник ее стихотворений, а перед тем часть стихов вошла в альманахи «Оры» и «Кошница».

Полусафические строки А.Г. «Из круга женского» были помещены в разных московских альманахах того времени. Эта мирная жизнь прервалась революцией. Весной 1917 г. А.Г. уехала в Судак, не думая, что никогда уже ей не увидеть Москвы. Будучи вообще небрежной к своему писанию, она оставила в Москве много ценного и важного, между прочим дневники, рядом со стихами — наиболее для нее важная и удачная форма самовыражения.

В Крыму ей предстояло пережить все ужасы голода и революции. Вот строки о тогдашнем терроре в Крыму близкого А.Г. человека: «...по ночам их выводили голых, в зимнюю стужу, далеко за скалу, выдававшуюся в море, и там, ставя над расщелиной, стреляли, затем закидывали камнями всех вперемежку — застреленных и недостреленных... Спасавшихся бегством стреляли где попало, и трупы их валялись зачастую у самых жилищ наших, и под страхом расстрела их нельзя было хоронить. Предоставляли собакам растаскивать их, и иногда вдова или сестра опознавали руку или голову».

И брат и муж А.Г. были арестованы, их долго держали в подвале и тюрьме, но, к счастью, не убили. Самой А.Г. пришлось три недели высидеть в подвале. На ее счастье, попался молодой следователь, любитель поэзии. Он заставил на допросе А.Г. записать ему ее «Подвальные стихи» и попросил сделать надпись, что она п о с в я щ а е т и х е м у, и отпустил домой. Тому, что она сидела сама в подвале «чеки», и тому, что следователь, з а с т а в л я ю щ и й посвящать себе стихи, выпустил ее, мы обязаны явлением на свет «Подвальных очерков», которые без колебания надо отнести к лучшим литературным произведениям последних лет.

За террором наступил голод. А.Г. с распухшим, мертвенно-серым лицом, бродила по знакомым и незнакомым домам «сытых» и вымаливала детям хоть бы кухонных отбросов. «Из картофельной шелухи готовила она "котлеты", из кофейной гущи и старых заплесневевшихся виноградных выжимок пекла "лепешки". Варила "супы" из виноградной лозы, из необделанной кожи "посталов" (татарск. сандалии). Радовалась, когда из Феодосии привезли кусок жмыхов — их жевали и находили "вкусными"»...

И самое страшное — у А.Г. голодали дети. Особенно трудно переносил голод старший мальчик. Он иногда по ночам, не будучи в силах спать, выбегал на двор, в зимний холод, и там «выл»...

Как же переносила все это А.Г.? Как жила, чем питалась внутренно?

Недаром, юною девушкой, поклонялась она св. Франциску Ассизскому. А.Г. была натурой глубоко религиозной, и чем дальше шла жизнь, чем суровее становилось, тем страстнее и жарче экстаз души. Он поддержал и он дал силы жить и творить в это страшное время.

В сущности, она всегда была поэтесса-святая. Невидная собою, с недостатком произношения, недостатком слуха. А.Г. была — великая скромность, чистота и душевная глубина. Во все века бывали подобные праведницы. Одни погибали на аренах. Другие украшали мир в келиях монастырей. А.Г. своеобразная разновидность: праведница-поэт. Ее поэтический путь обратен пути Блока. Его в ранней молодости посещали «видения, непостижные уму», а потом он впал во мрак. У нее, напротив, силен пессимизм молодости. Ранние стихи говорят о томлении, о н е н а й д е н н о м еще. Для этого времени характерно «я только сестра всему живому» — мир еще как будто «сбоку» для нее. Второй период (1910—1917 гг.) характеризуется как попытка романтизмом, героизмом, пафосом эстетическим преодолеть «сестринство». И наконец последний, важнейший и поэтически и внутренно, совпал с самой бедственной частью жизни А.Г. — вот где «спасительность страдания»!

Вот где видно, какой ценой покупается б о л ь ш о е.

В воздухе, напоенном кровью и расстрелами, голодом, стонами детей, в ужасающие дни, когда одни матери в Крыму отравляли своих детей, другие убивали их и солили тела в кадке, — А.Г. вступила в последний, лучезарнейший период п о э т и ч е с к о й работы. Да, поэтической!

«В такие ночи (когда "выл" от голода ее сын), дрожа в лихорадке от голода и холода — эта неугасимая душа слагала свои стихи, пела свои гимны и славила Бога».

Мне присланы некоторые ее стихи этого времени. Это религиозные гимны. Это великое п р и я т и е всех бедствий и страданий, величайшее утверждение смирения и любви к Богу — в минуты таких испытаний, которые возводят к древнему Иову. Эти стихи не столько «литература», сколько свидетельство о душе, памятник скромному величию невидной, «незаметной» русской женщины. Как далеки, ничтожны кажутся все

«богоборчества» разных литераторов рядом с экстазом и любовью. Блок с горечью сказал о себе:

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...

Меньше всего «модной» была покойная поэтесса, и никаких кощунственных слов она не говорила. Бог послал ей жизнь нешумную, лишенную славы и широкого поклонения. Медленно восходя, она испила полную «чашу с темным вином», но страдания и ужасы последних лет не только не погубили душу, но зажгли ее новым огнем.

Покойная А.Г. — яркий и прекрасный пример одоления зла добром. А.Г. испытала все мучения революции. Умерла она в прошлом году от усталости и надломленности тела, не так крепкого. Революция прервала ее жизнь. Но она победила революцию, ибо никакие страдания не сломили ее души — они возвысили ее, очистили.

Так, растерзываемы на аренах, побеждали христианские первомученицы.

Борис Зайцев

* * *

Млеют сосны красные
Под струей закатною,
Благовест разносится
Песней благодатною.
Белая монашенка
У окна келейного,
Улыбаясь, думает
Думу незатейную.
«Все лихие горести
Я в миру оставила,
Над могилкой каждою
Образок поставила.
Окурила ладаном,
Зельями душистыми,
В странствие отправилась,
Как младенец, чистая.
Вижу, церковь-пустынька
Среди леса малая —
Новую Владычицу
Над собой избрала я.
Ясность огнезрачная,
Тихость нерушимая,
Синева прозрачная,
Гладь незамутимая,
С нею обручилась я,
Искупалась в светлости,
Принесла обеты ей
Неподкупной верности.
Облеклась душа моя
Схимой белоснежною,
Сквозь нее проходу нет
Злому да мятежному.
Окропляю думы я
Влагой светозарною —
Застывают гладкими
Четками янтарными».
Тьма ночная сеяла,
Пение соборное,
С неба строго глянуло
Чье-то око черное.
Зашуршали крыльями
Думы-птицы темные,
Над землей повеяло
Пламенною дремою.
Хлопнуло окошечко,
Затворилась башенка.
Спит и улыбается
Белая монашенка.

<1907>

ЗАПЛАЧКА

Дни твои кончаются,
Книги разгибаются.
Тайные дела обличаются.
Духовный стих
«О Свитке Ерусалимском»

Ты куда, душа, скорбно течешь путем своим?
Что дрожишь, тоскуешь, горючая?
Ах, нельзя в ризы светлые
Тебя облачить,
Нельзя псалмы и песни
Над тобой сотворить?
Ах, не так ты жила, как положено,
Как заповедали тебе Словеса Его.
Прожила свой век ни огнян, ни студян,
Ныне приспела пора ответ держать
перед Господом.
Тебя Бог пожаловал селеньем райским,
Душу дал поющую, играющую,
В руку дал лазоревый цвет,
На главу — смарагдовый венец.

Ты наказа Божья не послушала,
Разметала цвет Господний лазоревый,
Не пошла в селенье свое райское
Из закутья, со двора не выглянула,
За кудель засела тихомерную,
Возлюбила кротость плачевную.
Не воспела, живучи,
Песни радости,
Не возжгла светильника
В ночь под праздником.

Идти бы тебе сырой земле на преданье,
Засыпать тебя песками рудо-желтыми!
Да глянь — Отец до тебя умилился,
Не отвратил Лица Своего...
Радуйся, утешься, душа прекрасная,
Посылает тебя вновь Творец на трудную землю.
Ты ступай — поищи для Него
Златострунных вод,
Златоперых птиц,
А себе — скуй свадьбу
Вековечную, нерушимую.
Сошла с небес туча каменная,
Солнце-Месяц опять зажигается.
Возвеселися, душа, на земле!
Небо и вся тварь играет,
Дольняя с горними поет.

Осень 1907

* * *

Речи погасли в молчании,
Слова, как дымы.
Сладки, блаженны касания
Руки незримой.

Родина наша небесная
Горит над нами,
Наши покровы телесные
Пронзило пламя.

Всюду одно лишь Веление...
(Как бледны руки!)
Слышу я рост и движение
Семян в разлуке.

Сердце забыло безбрежное
Борьбу и битвы.
Тихо встает белоснежное
Крыло Молитвы.

Февраль—март 1908

* * *

Ночью глухой, безсонною,
Беззащитно молитвы лепеча,
В жребий чужой влюбленная —
Я сгораю, как тихая свеча.
Болью томясь неплодною,
Среди звезд возлюбя только одну,
В небо гляжусь холодное,
На себя принимая всю вину.
Мукой своей плененная,
Не могу разлюбить эту мечту...
Сердце, тоской пронзенное,
Плачет тихо незримому Христу.

<1908>

ОРИСНИЦА

Мати, моя Мати,
Пречистая Мати!
Смерть тихогласная,
Тихоокая смерть!
Тяжко, тяжко нынче
Твою волю править,
Возвещать на ниве
О приходе жницы.
Ты меня поставила
Меж людей разлучницей,
Путы, узлы расторгать.
Тебе, Мати, людей уготовлять!
Ронют они слезы,
Нету моей воли,
Жалко, жалко, Мати,
Их незрячей боли.
Две души сплелись,
Два огня свились,
Туго стянут узел,
Крепко руки сжаты —
Кто здесь виноватый?
Как разлучить?
Как все избыть?
О горе! О люто!
Мати моя, Мати!
Ты дай мне знак,
Отмени свой наказ,
Отведи этот час.
Всколебалось в сердце пламя,
Расторгается звено.
Божий дом горит огнями,
Явь и сон сплелись в одно.
Из разорванных здесь нитей
Ткутся где-то ризы света,
И несет в себе разлука
Радость нового обета.
Утолилось влагой сердце,
Мировое, золотое —
Мира два глядят друг в друга,
Отдавая, обретая.
Друг во друге топят очи,
И течет душа струями...
Святый Боже! Святый Крепкий!
Где Ты — в нас или над нами?

Воссияла пред иконой
Кротость свечки запрестольной,
Развяжу я нить неслышно,
Развяжу — не будет больно.

1908

* * *

О, не дай погаснуть
Тому, что зажглось!
Что зажглось — дыханьем
Прожги насквозь!
Среди снега в поле
Стою и молю;
Обливает месяц
Печаль мою.
Засвети, о Боже,
Светильник в ночи,
Растопи под снегом
Мои ключи!
О, как страшно сердцу
Играть и гадать,
Как боится сердце
Мольбы слагать!
Я стою средь поля,
Боюсь вздохнуть.
Обливает месяц
Пустынный путь.

14 февраля 1910
Канашово

* * *

Благодарю Тебя, что Ты меня оставил
С одним Тобой,
Что нет друзей, родных, что этот мир лукавый
Отвергнут мной,
Что я сижу одна на каменной ступени,
— Безмолвен сад, —
И устремлен недвижно в ночные тени
Горящий взгляд.
Что близкие мои не видят, как мне больно,
Но видишь Ты.
Пускай невнятно мне небесное веленье
И голос Твой,
Благодарю Тебя за эту ночь смиренья
С одним Тобой.

1911

* * *

Благослови меня служить Тебе словами, —
Я, кроме слов, не знаю ничего —
Играя, их сплетать причудливо венками
Во имя светлое Твое.
Пошли меня слугой в далекие державы
И засвети передо мной свой Лик.
В веселии моем увидят Твою славу
И в немощи моей — как Ты велик.
Дозволь, чтоб песнь моя казалась мне забавой,
А дух сгорал в любви к Тебе — дозволь!
Пока не тронешь Ты души моей безправой,
Слова немеют в тягости неволь,
А в сердце стыд и горестная боль.

1911

* * *

Что это — властное, трепетно-нежное,
Сердце волнует до слез,
Дух заливает любовью безбрежною,
Имя чему — Христос!
Был ли Он правдою? Был ли видением?
Сказкой, пленившей людей?
Можно ль к Нему подойти с дерзновением,
Надо ль сойтись тесней?
Если б довериться, бросив сомнения,
Свету, что в мир Он принес,
Жить и твердить про себя в упоении
Сладостный звук Христос!
Если бы с Ним сочетаться таинственно,
Не ожидая чудес,
Не вспоминая, что Он — Единственный
Или что Он воскрес!
Страшно, что Он налагает страдание,
Страшно, что Он есть искус...
Боже, дозволь мне любить в незнании
Сладкое имя — Иисус.

Апрель 1911
Страстная суббота

* * *

Дремлет поле вечернее, парное,
Рдея навстречу дням грядущим.
Стихает сердце пред ним благодарное,
Перед тихим, глубоким и ждущим.

Рядом желтые сжатые полосы,
Отгорев, полегли в смирении.

И ни шепота трав, ни птичьего голоса
В красном, немом озарении.

Священное поле в час повечерия.
И не нужно слов и моления...
Вся молитва в безбрежном, благом доверии
К небу и смерти, к земле и к рождению.

30 августа 1911

* * *

Он здесь, но я Его не слышу,
От сердца Лик Его сокрыт,
Мне в душу Дух Его не дышит,
И Он со мной не говорит.
Он отлучил от единенья,
Отринул от священных стен.
Возжажди, дух мой, униженья
И возлюби свой горький плен.
Глаза отвыкли от моленья,
Уста не помнят Божьих слов,
И вянут в горестном забвеньи
Мои цветы — Его садов.
Внемлю, как тяжкие удары
Смыкают цепи бытия,
И жду — какой последней карой
Воспламенится ночь моя.

Июнь 1911

* * *

Так ли, Господь? Такова ль Твоя воля?
Те ли мои слова?
Тихо иду по весеннему полю,
Блещет росой трава.
Дом мой в молчаньи угрюм и тесен,
Как в него вступишь Ты?
Хочешь ли Ты моих новых песен,
Нищей моей простоты?
Смолкну, припав к Твоему подножью,
Чуть уловлю запрет...
Быть Тебе верной — прими, о Боже,
Эту мольбу и обет!
Много путей, перепутий много,
Мигов смятенья и тьмы,
Буду молчать или нет, дорогой,
Будет, как хочешь Ты.

1912

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА

О сестры, обратите взоры вправо,
Он — здесь, я вижу бледность Его рук,
Он любит вас, и царская оправа
Его любви — молений ваших звук.

Когда отдать себя Ему во славу —
Он сам научит горестью разлук,
Кого в нем каждый чтит, кто Он по праву
Отец иль Брат, Учитель иль Супруг.

Не бойтесь, сестры, не понять сказанья!
Благословен, чей непонятен Лик,
Безумство тайн хранит Его язык.

Воспойте радость темного незнанья,
Когда охватит пламень темноту,
Пошлет Он слез небесную росу.

1912

* * *

Иконе Скоропослушнице
в храме Николы Явленного в Москве

В родимом граде Скоропослушница
снимает грех,
В любимом храме моя Заступница
сбирает всех.
Толпятся люди и к плитам каменным
с тоскою льнут.
Чуть дышат свечи из воска темного.
Прохлада, муть.
«Уж чаша наша вся переполнена и силы нет,
Скорей, скорей, Скоропослушница,
яви нам свет!
От бед избавь, хоть луч спасения дай увидать!»
С печалью кроткою глядит таинственно
Святая Мать.
И мне оттуда терпеньем светится
пречистый взгляд,
Ей все открыто: ключи от Царства
в руке дрожат.
Лишь станет можно — откроет двери нам
в тот самый час.
О сбереги себя, Скоропослушница,
для горьких нас.

1919
Судак

* * *

Маргарите С.

Ты о чуде долго молила,
Призывая Матерь Господню.
И все глуше, все безысходней
Становилось в жизни немилой.
И вняла Царица Небесная —
Развязала путы безбольно
И под светлый звон колокольный
Послала гостя чудесного.
Но, изжив мгновение это,
Жажда чуда в сердце упала,
И навек тебя осияла
Благодать вечернего света.
Говорили люди с участием:
«Она вовсе стала блаженной».
И не видели нити нетленной,
И не знали, в чем ее счастье.

Страстная неделя 1919
Судак

* * *

И поднялась буря великая,
И, встав, Он запретил ветру
И сказал морю: умолкни, перестань!
Евангелие от Марка (IV; 29)

Господь мой, запрети ветрам!
Их гибель стала неминучей,
А дух борением измучен,
Не к небу льнет, к земным страстям.

Господь мой! Души успокой!
Все глуше рокот непогоды.
Тебе подвластны сушь и воды —
Сойди к ним пенною стезей!

1919
Судак

ХРАМ

Нет прекраснее
И таинственней нет
Дома белого,
Где немеркнущий свет,
Где в курении
Растворяется плоть, —
Дом, где сходятся
Человек и Господь.

1919
Судак

НОЧНОЕ

Лунная дорожка
Светит еле-еле.
На моей постели
Посиди немножко.

Стали без пощады
И земля, и Небо.
Я не знаю, где бы
Засветить лампады.

Хочется молиться,
Но слова забыла.
Господи, помилуй
Всех, кто здесь томится,

Чьи безумны ночи
От безсонной боли
И в тоске неволи
Чьи ослепли очи.

Помнить эту муку
Сердце так устало.
Здесь, на одеяло,
Положи мне руку.

В этот миг не ранят
Нас ни Бог, ни люди.
Расскажи, как будет,
Когда нас не станет.

Июнь 1920
Судак

ПОДВАЛЬНЫЕ

I

Нас заточили в каменный склеп.
Безжалостны судьи. Стражник свиреп.
Медленно тянутся ночи и дни,
Тревожно мигают души-огни;
То погасают, и гуще мгла,
Недвижною грудой лежат тела.
То разгорятся во мраке ночном
Один от другого жарким огнем.
Что нам темница? Слабая плоть?
Раздвинулись своды — с нами Господь...
Боже! Прекрасны люди Твоя,
Когда их отвергнет матерь-земля.

II

В этот судный день, в этот смертный час
Говорить нельзя.
Устремить в себя неотрывный глас —
Так узка стезя.
И молить, молить, затаивши дух,
Про себя и вслух,
И во сне, и въявь:
Не оставь!

В ночь на 9 января

III

Ночь ползет, тая́ во мраке страшный лик.
Веки тяжкие открою я на миг.
На стене темничной пляшет предо мной
Тенью черной и гигантской часовой.
Чуть мерцает в подземелье огонек.
Тело ноет, онемевши от досок.
Низки каменные своды, воздух сыр,
Как безумен, как чудесен этот мир!
Я ли здесь? И что изведать мне дано?
Новой тайны, новой веры пью вино.
Чашу темную мне страшно расплескать,
Сердце учится молиться и молчать.
Ночь струится без пощады, без конца.
Веки тяжкие ложатся на глаза.

IV

Я заточил тебя в темнице.
Не люди — Я,
Дабы познала ты в гробнице,
Кто твой Судья.
Я уловил тебя сетями
Средь мутных вод,
Чтоб вспомнить долгими ночами,
Чем дух живет.
Лишь здесь, в могиле предрассветной,
Твой ум постиг,
Как часто пред тобой и тщетно
Вставал Мой Лик.
Здесь тише плоть, душа страдальней,
Но в ней — покой.
И твой Отец, который втайне, —
Он здесь с тобой.
Так чей-то голос в сердце прозвучал.
Как сладостен в темнице плен мой стал.

6—21 января 1921
Судак

* * *

Господи, везде кручина!
Мир завален горем, бедами!
У меня убили сына,
С Твоего ли это ведома?
Был он как дитя безпечное,
Проще был других, добрее...
Боже, мог ли Ты обречь его?
Крестик он носил на шее.
С детства ум его пленяло
Все, что нежно и таинственно,
Сказки я ему читала.
Господи, он был единственный!
К Матери Твоей взываю,
Тихий Лик Ее дышит сладостью.
Руки, душу простираю,
Богородица, Дева, радуйся!..
Знаю, скорбь Ее безмерна,
Не прошу себе и малого,
Только знать бы, знать наверно,
Что Ты Сам Себе избрал его!

Февраль 1921

* * *

Друзья! Ведь это только «путь»!
Когда заря погаснет в небе,
Нам можно будет отдохнуть,
Тоскуя о небесном хлебе.
Молитву краткую шепнуть,
На миг поверить близкой встрече,
А утром снова, снова в путь
Тропой унылой человечьей...
Звезды над ней не блещут,
Птицы над ней не плещут.
Господи! Помоги нам...

1921
Судак

* * *

Ты грустишь, что Руси не нужна ты,
Что неведом тебе ее путь? —
В этом сердце твое виновато:
Оно хочет забыть и уснуть.

Пусть запутана стезя!
Спать нельзя! Забыть нельзя!
Пусть дремуч и темен лес —
Не заслонит он небес!

Выходи поутру за околицу,
Позабудь о себе и смотри,
Как деревья и травы молятся,
Ожидая восхода зари.

Нам дано быть предутренней стражей,
Чтобы дух наш, и светел, и строг,
От наитий и ярости вражей
Охранял заалевший восток.

1921
Судак

* * *

Заросла тропа моя к Богу
Травою густой.
Никто не покажет дорогу,
Нужно самой.
Я не знаю, что сделать надо,
Чтобы смертный мог
Принести из Божьего сада
Для себя цветок.
У меня лишь могильные севы,
Всюду тлен и муть.
Богородица Приснодева,
Укажи мне путь!
«Ты сложи суету земную,
В нищей встань чистоте,
И в святую рань, в золотую,
Выходи налегке.
Разойдется трава густая,
Просветится стезя,
И фиалку из Божьего Рая
Я сорву для тебя».

Декабрь 1921
Судак

* * *

Поддержи меня, Господи Святый!
Засвети предо мною звезду.
Видишь, нужен мне провожатый,
Еще шаг — и я упаду.

Знаю, раб я негодный, ленивый,
Не сумела сберечь свой кров.
С трудовой твоей Божьей нивы
Не собрала плодов.

И теперь, среди голых окраин,
Я колеблема ветром трость...
Господи, ты здесь хозяин,
Я — только гость.

Отпусти же меня этой ночью,
Я не дождусь зари...
Отпусти меня в дом мой Отчий,
Двери Свои отвори!

23 декабря 1921

ХЛЕБ

У мира отнят волей Бога
Небесный дар — насущный хлеб
За то, что тело так убого,
А дух ослеп.

Когда под солнцем, на свободе,
К земле тяжелый колос ник —
Не знали мы, что он Господен
И так велик.
Изысканной не просит пищи
Смирившаяся ныне плоть,
Но нужен ей с сумою нищей —
Ржаной ломоть.

Как грешница без покрывала,
Стоит безхлебная страна.
Господь, сними с нее опалу
И дай зерна.

1922
Симферополь

* * *

Никому не нужна ты
В этой жизни проклятой!
Близким и дальним —
В тягость и жалость.
Как ни старалась
Телом страдальным,
Как ни металась...
Никто не поверит,
Все стали как звери,
Друг другу постылы,
Жадны и хилы.
Люди живут,
Не сеют, не жнут.
Дни так похожи —
Этот, вчерашний,
Господи Боже,
Страшно мне, страшно!

Где же Евангелье,
Светлые ангелы?
Оком незрячим,
Люди, заплачем!
Потоками слезными
Сердце омоется,
Молитвами грозными
Дух успокоится.
Тише, тише!
Я уже слышу,
Где-то здесь рядом
Тихая дума...
Только не надо
Земного шума!

1922
Симферополь

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Es klippert unci klappert
mitunter hin ein
Als schlug man die
Holrbun zam Fante.
Todentanz. Goethe[1]

Уж ты мать сыра земля.
Просо, рожь, да конопля!
Уж как ты, родная мать,
Нас заставила плясать.
Поднялися рад не рад,
Закружились стар и млад,
Заметалися в тоске.
Словно рыбы на песке.
Эх-ла! Тра-ла-ла!
Голытьба плясать пошла.
И все тот же сон нам снится —
Колосится рожь, пшеница,
Благодатные туманы
По раздолию плывут,
Скоро, скоро милость Божью
Спелой рожью соберут.
Где же нынче Божья милость?
Знать, душа не домолилась!
Где же нынче наше поле?
Пропадай, людская доля!
Ой-ли, ой-лю-ли!
Снова песню завели.

[1] И тычет, и топчет
Мертвец мертвеца.
Как будто бьют в такт
Деревяшки.
И.В. Гёте. Танец смерти
(*пер. с нем. С. Заяицкого*)

Вплоть до ночи спозаранку
Плачем, пляшем под шарманку,
Над своей кружим могилой,
— Господи, помилуй!
Истрепали все лохмотья,
Поскидали вместе с плотью,
Все истлело позади,
Суд последний впереди.
Ей, Господи, гряди!

Весна 1922
Симферополь

* * *

С утра стою перед плитой,
Дрова, кастрюли, мир предметный,
С утра дневною суетой
Опутана и безответна.

Привычной двигаюсь стопой,
Почти любя свой бедный жребий,
Но сердце ловит звук иной,
К далекой приникая требе.

Звучит торжественный обряд.
Несутся стройные моленья,
И мнится мне, что с ними в лад
Творю и я богослуженья.

1925
Симферополь

Аделаида Герцык с детьми. Судак. 1915 г.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Цветаева Марина Ивановна (1892—1941) — поэтесса, прозаик. Ее первая поэтическая книга «Вечерний альбом» вышла в 1910 году, вторая, «Волшебный фонарь», — в 1912-м. В том же 1912 году «Цех Поэтов» выпустил первую книгу Анны Ахматовой «Вечер», а в 1910 году Анна Горенко стала подписывать свои стихи этим литературным псевдонимом Анна Ахматова. Так что дебютировали они почти одновременно, но абсолютно по-разному. Цветаева примерно так же, как Гоголь с юношеской поэмой «Ганц Кюхельгаркен» или Некрасов — с «Мечтами и звуками», о которых они старались в дальнейшем не вспоминать. Анна Ахматова не подвергла себя подобной экзекуции. Первые поэтические опыты 1904—1905 годов гимназистки Анны Горенко не вошли ни в одну из прижизненных ахматовских книг. В «Вечер» и «Четки» она включила только одно стихотворение 1909 года двадцатилетней Анны Горенко — «Хорони, хорони меня, ветер!»

Цветаева, наоборот, предстала в «Вечернем альбоме» именно со своими детскими и юношескими стихами. Она вспоминала: «Книгу издать в то время было просто: собрать стихи, снести в типографию, выбрать внешность, заплатить по счету, — все. Так я и сделала, никому не сказав, гимназисткой VII класса».

Ахматова ко времени издания «Вечера» уже находилась в центре поэтической жизни Петербурга, была секретарем гумилевского «Цеха Поэтов». Начиная с 1911 года в журналах появилось несколько ее публикаций, а сама книга открывалась предисловием Михаила Кузмина, который и представил вновь прибывшую на поэтическом Олимпе.

Цветаеву никто не представлял, у нее до выхода книги вообще не было ни одной публикации, она не имела никакого отношения к литературной среде, да и не ставила перед собой такой задачи «войти» в литературу, заявить о себе. «Издала я ее, — отмечала она, — по причинам, литературе посторонним, поэзии же родственным, — взамен письма к человеку, с которым лишена была возможности сноситься иначе. Литератором я так никогда и не сделалась, начало было знаменательно».

Это знаменательное начало раскрывает многое во всей ее дальнейшей личной и поэтической судьбе.

Одна из самых первых и самых значительных публикаций Ахматовой в четвертом номере «Аполлона» за 1911 год была встречена глумливой пародией Буренина в «Новом Времени». Она с первого же шага испытала на себе газетную подворотню. У Цветаевой не было ничего подобного. На первую книгу никому не ведомой семнадцатилетней гимназистки откликнулись сразу три поэта — Валерий Брюсов, Николай Гумилев, Максимилиан Волошин, а из поэтесс — Мариэтта Шагинян. Каждый из них был не просто поэтом, но и ведущим критиком, вел критические обзоры в крупнейших СМИ того времени: Брюсов представлял поэтические новинки в «толстом» журнале «Русская Мысль», Гумилев законодательствовал в «Аполлоне», в котором из номера в номер публиковались его «Письма о русской поэзии», статьи Максимилиана Волошина будоражили читателей со страниц газеты «Утро России», а Мариэтта Шагинян вела свой «Литературный дневник» на страницах одной из самых известных провинциальных газет «Приазовский край». Все они встретили вновь прибывшую более чем благожелательно. Статья Мариэтты Шагинян так и называлась — «Самая настоящая поэзия». Об этом же писал Гумилев: «Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, например, детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное любование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга — не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов».

Не менее благожелательным был отзыв Брюсова, о котором она позднее напишет: «Середину, о полном овладении формой, о редкой для начинающего самобытности тем и явления их — как незапомнившуюся в словах — опускаю». Но эта опущенная середина и была самой важной. В критическом обзоре «Новые книги стихов» Брюсов сравнивал два поэтических дебюта 1910 года — Ильи Эренбурга и Марины Цветаевой. Девятнадцатилетний Эренбург, как и семнадцатилетняя Цветаева, напечатал свою книгу за свой счет, но не в Москве или Петербурге, а, вслед за Гумилевым, в Париже, переправив ее Брюсову в Москву с сопроводительным письмом: «Это лишь ученические опыты, полные ошибок, часть которых я уже осознаю. Целый ряд стихотворений печатать не следовало

бы». Брюсов и отнесся к книге как к ученическим опытам, отметив в обзоре: «В его стихах не столько непосредственное дарование, сколько желание и умение работать». Но Эренбург, судя по всему, на большее не рассчитывал, ему было достаточно и таких одобрительных слов, чтобы на всю жизнь сохранить чувство благодарности, считать Брюсова своим «крестным отцом» в литературе. Таковым его называли многие поэты, в том числе Гумилев. Далеко не случайно Анна Ахматова пошлет ему свои стихи, спрашивая «надо ли мне заниматься поэзией» раньше, чем с тем же вопросом обратится к своему мужу — Гумилеву. Произошло это в том же 1910 году, когда Цветаева направила ему свою первую книгу «с просьбой посмотреть». Вопрос Ахматовой остался без ответа, а книгу Цветаевой он не только посмотрел, но и откликнулся на нее в прессе. Близкие поздравляли ее со статьей Брюсова, а она взбунтовалась. «Вот что мне из нее запало, — признавалась она много позже, приведя по памяти его слова: "Стихи г-жи Цветаевой обладают какой-то жуткой интимностью, от которой временами становится неловко, точно нечаянно заглянул в окно чужой квартиры..."»

Вскоре появится ее первое стихотворное послание к Брюсову, за ним второе. Запишет об этом: «Словом, войска перешли границу. Такого-то числа, такого-то года я, никто, открывала военные действия против — Брюсова».

В любой другой ситуации все свелось бы к обычной литературной полемике. Здесь же вступили в действие обстоятельства, о которых Владислав Ходасевич писал: «Проявить независимость — означало раз навсегда приобрести врага в лице Брюсова. Молодой поэт, не подошедший к Брюсову за оценкой и одобрением, мог быть уверен, что Брюсов никогда ему этого не простит. Пример — Марина Цветаева». И не только Цветаева, для которой Брюсов стал с тех пор *черным человеком*. Софья Парнок недаром обратится к нему с вопросом: "Кого вы ищите, Сальери? // Кто среди юных Моцарт ваш?.."»

Одновременно со стихотворными посланиями к Брюсову она написала еще одно — «Литературным прокурорам», которое было адресовано уже не одному, а всем критикам. Прежде всего *цеховикам* — Гумилеву и Городецкому. «Будь я в цехе, они бы не ругались. Но я в цехе не буду», — гордо заявила она.

Таким образом уже с первых же своих шагов в литературе она противопоставила себя сразу двум основным поэтическим силам — символистам Москвы во главе с Брюсовым и акмеистам Петербурга во главе с Гумилевым. У нее были все основания возненавидеть дореволюционного, а уж тем более послереволюционного Брюсова, но после его смерти, в очерке «Герой труда», она напишет: «...И, окончательно вслушавшись, доказываю: Брюсова я под искренним видом ненависти просто любила, только в этом виде любви (оттолкновении) сильнее, чем любила бы в ее простейшем виде — притяжении». В 1922 году он писал о ее «Верстах»: «Десятилетие назад они естественно входили бы в основное русло, каким текла тогда наша поэзия. С тех пор много из делаемого теперь М. Цветаевой уже сделано другими, главное же — время выдвинуло и новые задачи, новые запросы, ей, по-видимому, совсем чуждые». На этот раз самым резким было выступление не Брюсова, а одного из самых близких друзей, которому в «Верстах» было посвящено восемь стихотворений. «Для Москвы самый печальный знак — богородичное рукоделие Марины Цветаевой, перекликающееся с сомнительной торжественностью петербургской поэтессы Анны Радловой. Худшее в литературной Москве — это женская поэзия», — так напишет в 1922 году Осип Мандельштам, отношения с которым вскоре будут порваны раз и навсегда. Трудно объяснить такую резкость Мандельштама не просто к женской поэзии, а именно к православным мотивам, ведь в поэзии самого Мандельштама нет ни богоборчества, ни антиправославия. Его дореволюционное стихотворение «Вот дароносица, как солнце золотое...» посвящено таинству евхаристии, а стихотворение «Люблю под сводами седыя тишины...» создано в том же 1921 году, когда прозвучала цветаевская молитва «Так, Господи! И мой обол...» Но в сентябре—октябре 1922 года в трех номерах «Правды» появится статья Льва Троцкого «Внеоктябрьская литература», в которой прозвучат его слова, ставшие вскоре приговором: «...С недоумением читаешь большинство наших стихотворных сборников, особенно женских, — вот уж поистине где без бога ни до порога. Лирический круг Ахматовой, Цветаевой, Радловой и иных действительных и приблизительных поэтесс очень мал. Он охватывает самое поэтессу, неизвестного в котелке или со шпорами, и неизменно бога». Конечно, Мандельштам не имел никакого отношения ко всему тому, что последовало за этой установочной статьей Льва Троцкого, но все перечисленные Троцким названы именно в статье Мандельштама. Цветаева разорвала с ним отношения раз и навсегда, Ахматова постарается об этом не вспоминать...

«Версты» — последняя книга, изданная Цветаевой в России, ее реквием по России, прощание с Россией, с Москвой. Все остальное войдет уже в другую книгу — «После России», написанную в эмиграции.

О «Верстах» как удивительной книге «либо заговоров, либо заклинаний», об их «шалых степных ритмах» напишут Всеволод Рождественский, Надежда Павлович.

Восторженное письмо пришлет ей в Берлин Борис Пастернак. Но самыми дорогими были для нее слова Аделаиды Герцык: «Передайте Марине, что ее книга "Версты", которую она нам оставила, уезжая, — лучшее, что осталось от России». Аделаида Герцык, пережившая в Крыму «красный террор», как никто другой, понимала, что значат цветаевские «Версты».

Цветаева оставила в России «Версты», а увозила из России «Лебединый стан». Книгу, которую она

в тайне от всех создавала в те же самые годы, что и вторую часть «Верст». В одном из эмигрантских писем она писала, что ее «так называемые "контрреволюционные" стихи» в России «изустно хорошо знали». Она подробно опишет в воспоминаниях одно из таких чтений зимой 1921 года в Политехническом музее, когда она, «делая явное безумие», открыла поэтический вечер чтением стихов о Белой гвардии. Первым прозвучал «Дон», заканчивавшийся строками «И в словаре задумчивые внуки // За словом: долг напишут слово: Дон». О дальнейшем она рассказывала: «Секунда переживания и — рукоплещут. Я, чуть останавливая рукой, — дальше. За Доном — Москва ("кремлевские бока" и "Гришка-Вор"), за Москвой — Андрей Шенье ("Андрей Шенье взошел на эшафот"), за Андреем Шенье — Ярославна, за Ярославной Лебединый стан, так (о седьмом особо) семь стихов подряд. Нужно сказать, что после каждого стиха наставала недоуменная секунда тишины (то ли слышу?) и (очевидно, не то!) прорвалось — рукоплещут. Эти рукоплескания меня каждый раз, как Конек-Горбунок — царевича, выносили... Стих, оказавшийся последним, был и моей, в тот час, перед красноармейцами — коммунистами — курсантами — моей, жены белого офицера, последней правдой... В этом стихе был мой союз с залом, со всеми залами и площадями мира, мое последнее — все розни покрывающее — доверие, взлет всех колпаков — фригийских ли, семейственных ли — поверх всех крепостей и тюрем...»

Закончив чтение, Цветаева услышала за своей спиной повелительно-просящий шепот Брюсова: «Госпожа Цветаева, достаточно!» Вполоборота ответила ему: «Более чем». Брюсов, организовавший вечер московских поэтесс в Политехническом и выступавший на нем в роли ведущего, впервые услышал ее современные стихи. Больше на поэтические вечера Цветаеву уже не приглашали...

В России «Лебединый стан» на многие годы попадет в «черный список» самых запретных, антибольшевистских. Но сама Цветаева менее всего думала о каких-либо «анти» и слова «контрреволюционные» стихи неизменно брала в кавычки. «Большевиков я как-то не заметила, — признавалась она. — Оттого, может быть, и это отсутствие настоящей ненависти к большевикам. Точно вся сумма чувства, мне данная, целиком ушла на любовь к тем. На ненависть — не осталось». Примером н е н а в и с т и стали строки Зинаиды Гиппиус из ее стихотворения «Песня без слов»: «Не надо мести зовов. // И криков ликования: // Веревку уготовав — // Повесим их в молчании». Примером л ю б в и стал «Лебединый стан» Марины Цветаевой.

Но судьба «Лебединого стана» в эмиграции тоже оказалась совсем не простой, как, впрочем, и судьба самой Цветаевой. «Лебединый стан» впервые увидел свет в полном объеме лишь в 1957 году.

Из нескольких эмигрантских изданий Цветаевой самым значительным стала книга «После России». В октябре 1927 года она писала о ней в письме к Максиму Горькому: «...Скоро выходит моя книга "После России", т.е. все лирические стихи, написанные здесь, — вышлю. Если бы Вы каким-нибудь образом могли устроить ее доступ в Россию, было бы чудно (политики в ней никакой) — вещь вернулась бы в свое лоно. Здесь она никому не нужна, а в России меня еще помнят».

Так и не дождавшись возвращения в Россию своей последней книги «После России», она вернулась сама... 24 сентября 1940 года записала в черновой тетради: «Вот составляю книгу, вставляю, проверяю, правлю, плачу деньги за перепечатку, опять правлю, и — почти уверена, что не возьмут, диву далась бы — если бы взяли. Ну — я свое сделала, проявила полную добрую волю (послушалась) — я знаю, что стихи хорошие и кому-то нужные (может быть, даже — как хлеб...)». 1 ноября 1940 года она сдала книгу в Гослитиздат. Ее включили в план издания 1941 года, но уже 19 ноября поступила внутренняя рецензия Корнелия Зелинского, который, разбирая стихи «с того света», являющиеся «осквернением лиры», делал вывод: «Ясно, что в данном своем виде книга М. Цветаевой не может быть издана Гослитиздатом. Все в ней (тон, словарь, круг интересов) чуждо нам и идет вразрез направлению советской поэзии как поэзии социалистического реализма». Эта последняя книга Цветаевой увидела свет в 1991 году — через полвека после трагедии в Елабуге...

Ключом к своей поэзии она называла хронологию. И в этом, как и во всем остальном, была полной противоположностью Анны Ахматовой, нередко, особенно в советские времена, прибегавшей к «ложным датам». Ахматовой было важно увести читателей, критиков, редакторов, цензоров от прямых ассоциаций, сравнений с ее личной жизнью, судьбой, историческими событиями. В этом, во многом вынужденном (и в то же время тютчевском — «молчи, скрывайся и таи») отстранении от дольнего мира — многослойность ее «поэтических криптограмм», с трудом поддающихся «расшифровке» даже с помощью указанных ею дат. У Цветаевой, наоборот, уже в первых стихах была та жуткая интимность, которая и останется на всю жизнь. Ее стихи неотделимы от хронологии. Но в стихах, датированных 1917—1922 годами, это в е х и не только личной, интимной жизни, а России. «Версты» и «Белая стая» — самые молитвенные поэтические книги о трагедии России, сравнимые с «Неопалимой Купиной» Максимилиана Волошина и крымскими стихами Аделаиды Герцык. Античная Таврида соединила их поэтические судьбы навсегда.

Уже в 30-е годы, процитировав свои строки:

Я деревня, черная земля.
Ты мне луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага —

она напишет: «Одна поправка: так говорить должно только к Богу. Ведь это же молитва! Людям не молятся. 13 лет назад я этого еще — нет, знала! — упорно не хотела знать. И — раз навсегда — все мои такие стихи,

все вообще такие стихи обращены к Богу (Недаром я — вовсе не из посмертной женской гордости, а из какой-то последней чистоты совести — никогда не проставляла посвящений.) — Поверх голов — к Богу! По крайней мере — к ангелам. Хотя бы по одному тому, что ни одно из этих лиц их не приняло, — не присвоило, к себе не отнесло, в получке не расписалось. Так: все мои стихи — к Богу если не обращены, то: возвращены».

Из книги «Вечерний альбом» (1910)

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
— «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

26 сентября 1909
Таруса

ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастия нет вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений,
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.

Осень 1910
Москва

Из книги «Версты» (1916—1922)

* * *

Устилают — мои — сени
Пролетающих голубей — тени.
Сколько было усыновлений!
Умилений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа уже — не — млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою — верхней,
Развеваются надо мной — ветки,
Скоро купол на той церкви
Померкнет.

Облаками плывет Пасха,
Колоколами плывет Пасха...
В первый раз человек распят —
На Пасху.

22 марта 1916

* * *

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты, —
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
— Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
— Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

23 марта 1916

* * *

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом.
Под самым месяцем,
Звезда — и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,
И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Черной безсонницей
Сияют лики святых,
В черном куполе
Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
— Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам — свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
— Богородице.
Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу-Матери,
Затерянная в тени,
Воззываю и я, радуясь:
Матерь — матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути —
Блага.

Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь — Ангела.
От словесной храни — пышности,
Чтоб не вышла как я — хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто — по домам,
А кому — некуда,
Те — Бог весть куда,
Все — Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, —
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.
Я же весело —
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москва-реке
Смотреть, как лед идет.

24—25 марта 1916

Из цикла «Стихи о Москве»

* * *

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке — все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские — с цветами — ворота,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную — приют от зол —
Где вытертый от поцелуев — пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Безсонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

* * *

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, —

Калужской — песенной — привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

* * *

— Москва! — Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце —
Червонное горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916, Казанская

* * *

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует.

Чем прогневили Тебя эти серые хаты,
Господи! — и для чего стольким
простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающих путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный,
каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О Господи Боже Ты мой!

3 июля 1916

* * *

Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых — стою.
Сегодня праздник мой, сегодня — Суд.

Сонм юных ангелов смущен до слез.
Безстрастны праведники. Только Ты,
На тронном облаке, глядишь как друг.

Что хочешь — спрашивай. Ты добр и стар,
И Ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом — лгать нельзя.

И Ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и Произвол
В ворочающей жернова — груди.

Так, смертной женщиной, — опущен взор,
Так, гневным ангелом — закинут лоб,
В день Благовещенья, у Царских врат,

Перед лицом Твоим — гляди! — стою.
А голос, голубем покинув грудь,
В червонном куполе обводит круг.

Март 1918

* * *

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон — и каменный закон.
И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
Еще, Господь, благословляю мир
В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

Май 1918

* * *

Слезы, слезы — живая вода!
Слезы, слезы — благая беда!

Закипайте из жарких недр,
Проливайтесь из жарких век.
Гнев Господень — широк и щедр.
Да снесет его — человек.

Дай разок вздохнуть
Свежим воздухом.
Размахни мне грудь
Светлым посохом!

Май 1918

Из книги «Стихи к Блоку»

* * *

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих — безстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святые славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

* * *

У меня в Москве — купола горят!
У меня в Москве — колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, —
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей безсонницей я тебя люблю,
Всей безсонницей я тебе внемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

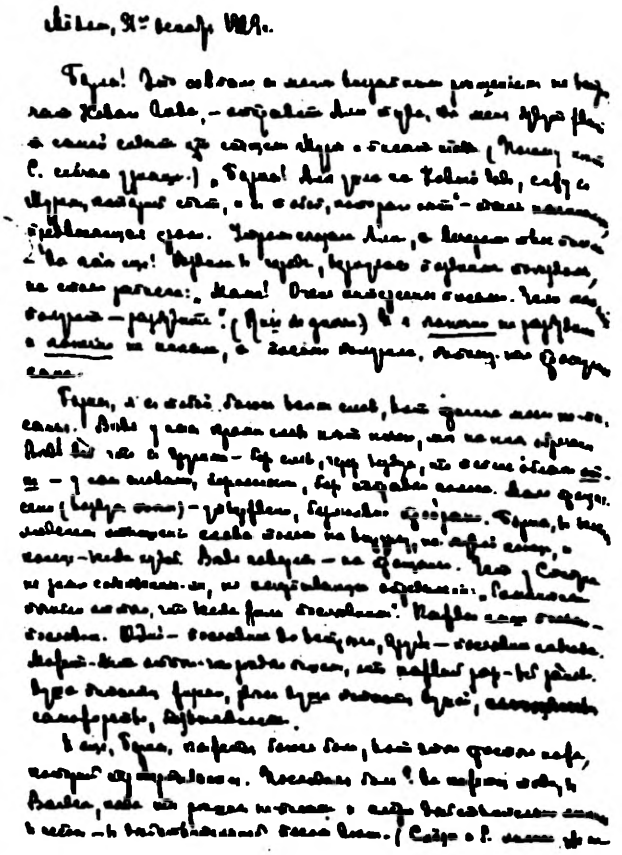
* * *

А над равниной —
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: — Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку — обрел — теплынь.
Пасынок к Матери в дом. — Аминь.

Август 1921



Автограф письма М. Цветаевой Б. Пастернаку

* * *

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма,
Не свой любовный произвол
Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь —
Гранит, коленами протертый!
Всем отданы герой и царь,
Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который?
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

20 ноября 1921

Из книги «Лебединый стан» (1917—1922)

* * *

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия!

4 апреля 1917, третий день Пасхи

* * *

Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия

Российского — где судьбы мира скрыты —
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
— Россия! — Мученица! — С миром — спи!

17 марта 1918

* * *

Ты дал нам мужества —
На сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.

И ребра — стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить — Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял —
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту —
Дабы снести нам
Твои щедроты!

17 сентября 1918

АЛЕ

В шитой серебром рубашечке,
— Грудь как звездами унизана! —
Голова — цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи — два пустынных озера,
Два Господних откровения —
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел — ничего — все! — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне —
Тоже Ангела и Воина.

Может — все мое достоинство —
За руку с тобою странствовать.
— Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

5 июля 1919

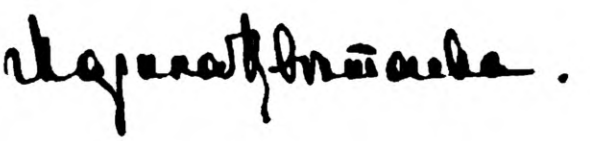
Одна из последних фотографий

Из стихотворения «МАЯКОВСКОМУ»

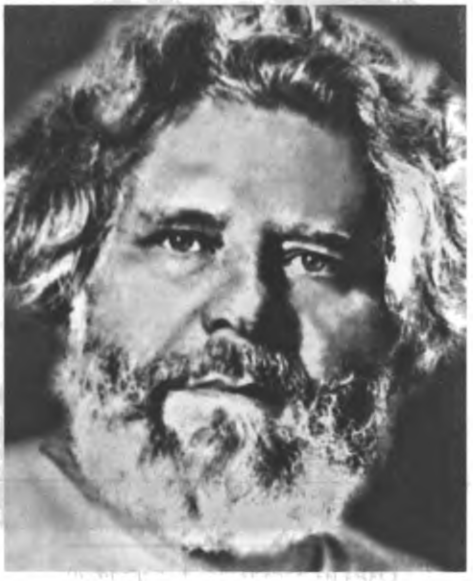
...Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.
. . . . . .

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу
усопшего врага Твоего.

Август 1930



МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН



Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, литературный критик, художник. В 1905 году, став свидетелем Кровавого воскресенья, он напишет очерк, в котором объявит «эти дни» «мистическим прологом великой народной трагедии», а в его стихотворении «Ангел Мщения» прозвучат слова, которые через двенадцать лет станут реальностью: «Кто раз испил хмельной отравы гнева, // тот станет палачом иль жертвой палача». Во время революции и Гражданской войны он увидит в Крыму и палачей, и жертв. В эти же годы он создал поэму «Протопоп Аввакум» и постоянно обращался к библейским образам и сюжетам. В 1919 году, в предисловии к «Видению Иезекииля», напишет: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых...»

Марина Цветаева вспоминала: «Макса Волошина в Революцию дам двумя словами: он спасал красных от белых и белых от красных, вернее, красного от белых и белого от красных, то есть человека от своры, одного от всех, побежденного от победителей. Знаю еще, что его стихи "Матрос" ходили в правительственных листовках на обоих фронтах, из чего вывод, что матрос его был не красный матрос и не белый матрос, а морской матрос, черноморский матрос». Стихотворения «Красногвардеец», «Матрос», «Большевик» вошли в цикл 1919 года «Личины», о котором он писал: «Мне хочется стать гораздо ближе к реальности и закрепить в стихах ряд масок революции, которые потом исчезнут. Мне хочется дать стихам историческую документальность преходящего». Подобные не лица, а именно личины должны были, по его словам, «запомниться» и составить «отдельный цикл в большой книге». А в январе 1918 года, еще до «Личин», он создаст стихотворение «Русь глухонемая», ставшее прологом к этой «большой книге», в которой он скажет о красных, белых и самом себе:

...А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

«Наступит момент, когда ничего нельзя делать... а можно только молиться за Россию», — писал он А.М. Петровой 1 марта 1918 года, а в письме к Аделаиде Герцык от 13 ноября 1919 года повторил: «Внутренняя же моя жизнь — это непрекращающаяся молитва о России».

Эти молитвы о России Максимилиана Волошина и представлены в нашей подборке.

МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного суда!

23 ноября 1917,
Коктебель

РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
«Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал: «Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».
Не тем же ль духом одержима

Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огнь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»

6 января 1918
<Коктебель>

РОДИНА

Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя.
Слова Исайи, открывшиеся в ночь на 1918 г.

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

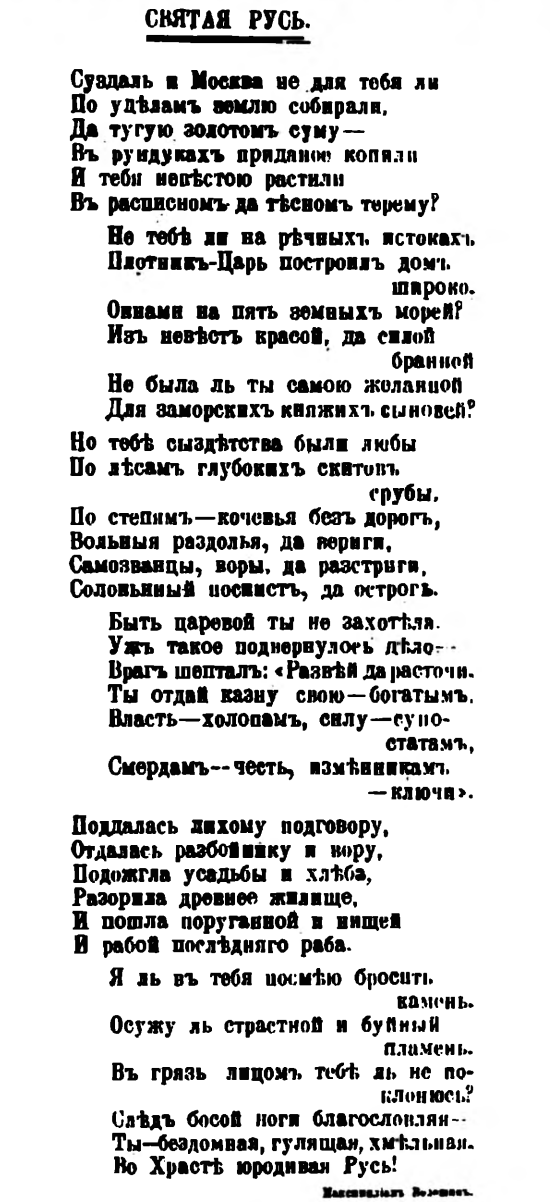
Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданьях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды восприять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918
<Коктебель>



СВЯТАЯ РУСЬ.

Суздаль и Москва не для тебя ли
По удѣламъ землю собирали,
Да тугую золотомъ суму —
Въ рундукахъ приданое копили
И тебя невѣстою растили
Въ расписномъ да тѣсномъ терему?

Не тебѣ ли на рѣчныхъ истокахъ
Плотникъ-Царь построилъ домъ широко.
Оплами на пять земныхъ морей?
Изъ невѣстъ красой, да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморскихъ княжихъ сыновей?

Но тебѣ сыздѣтства были любы
По лѣсамъ глубокихъ скитовъ срубы,
По степямъ — кочевья безъ дорогъ,
Вольныя раздолья, да вериги,
Самозванцы, воры, да разстриги,
Соловьиный посвистъ, да острогъ.

Быть царевой ты не захотѣла.
Ужъ такое подвернулось дѣло —
Врагъ шепталъ: «Развѣй да расточи.
Ты отдай казну свою — богатымъ,
Власть — холопамъ, силу — сущо-статамъ,
Смердамъ — честь, измѣнникамъ — ключи».

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла усадьбы и хлѣба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей
И рабой послѣдняго раба.

Я ль въ тебя посмѣю бросить камень.
Осужу ль страстной и буйный пламень.
Въ грязь лицомъ тебѣ ль не поклонюсь?
Слѣдъ босой ноги благословляю —
Ты — бездомная, гулящая, хмѣльная,
Во Христѣ юродивая Русь!

Стихотворение-листовка М. Волошина «Святая Русь»

МОЛИТВА О ГОРОДЕ

Феодосия — весной 1918 г.

С.А. Толузакову

И скуден, и неукрашен
Мой древний град
В венце генуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дожей, то крымских ханов —
Звезду и серп;

Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня;
А в складках холмов охряных —
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен;
А дальше — зыбь горизонта
И пенный вал
Негостеприимного Понта
У желтых скал.
Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы
Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп;
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт;
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей.
Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заклясть.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
Кольцом молитв,
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

2 июня 1918,
Коктебель

ПОСЕВ

Как земледелец над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывает их, и весит в горсти,
Чуя
Их дух, их теплоту и волю к жизни,
И крестит их, — так я, склонясь на Русью,
Крещу ее — от лба до поясницы,
От правого до левого плеча:
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей —
Москву.

Земля готова к озимому посеву,
И вдоль, и поперек глубоким плугом
Она разодрана, вся пахоть дважды, трижды
Железом перевернута,
Напитана рукой — живой, горючей, темной,
Полита молоньей, скорожена громами,
Пшеница ядрена под Божьими цепями,
Зернь переполнена тяжелой, дремной жизнью,
И семя светится голубоватым, тонким,
Струистым пламенем...
Да будет горсть полна,
Рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

11 ноября 1919,
Коктебель

В автографе с подзаголовком «Молитва».

ЗАКЛЯТЬЕ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота —
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле,
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства —
На всю землю Свято-Русскую.

Не слыхать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей, —
Лежит Русь —
Разоренная,
Кровавленная, опаленная.
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мертвые — желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит —
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается, —
Так встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени.

Кует кузнец золотой венец —
Обруч кованый:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно — Царство Русское —
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его — Царство Русское —
В гульбе не разгуляли,
В пляске не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно — Царство Русское —
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

23 июля (5 августа) 1919,
Коктебель

ЗАКЛИНАНИЕ
(От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

19 июня 1920,
Коктебель

Впервые: альманах «Свиток» (1922, № 2), под заглавием «Заклятие». В авторской машинописной копии — «Молитва».

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословение Мое, как гром!
Любовь безжалостна и жжет огнем.
Я в милосердии неумолим.
Молитвы человеческие — дым.

Из избранных тебя избрал Я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр — шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распутьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся низменность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов — одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздернутой на виску, то в петле, —
Тебя живьем свежуют палачи —
Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтен.
Твои молитвы в сердце Я храню:
Попросишь мира — дам тебе резню.

Спокойствия? — Девятый взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? — Вырою подвал.
Раздашь богатства? — Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил Я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты — лучшая! Пощады лучшим — нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожженный Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

23 февраля 1923,
Коктебель

ЕЛИЗАВЕТА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (МАТЬ МАРИЯ)

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (в монашестве мать Мария) (1891—1945) — поэтесса, прозаик, публицистка. После первой поэтической книги «Скифские черепки» (1912) ее имя ставили в один ряд с Мариной Цветаевой, выпустившей в том же году вторую книгу стихов «Волшебный фонарь», но благословителем москвички Цветаевой на поэтическом пути был Максимилиан Волошин, для петербургских цеховиков она останется чужой, ответив: «Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду». Кузьмину-Караваеву акмеисты «Цеха Поэтов» и символисты «башни» Вячеслава Иванова, наоборот, приняли как свою. «Почти вся наша молодая тогда поэзия если не "вышла" из Ивановской "башни", то прошла через нее», — отмечал Сергей Маковский. Кузьмина-Караваева не была исключением не только в своих поэтических, но и религиозно-нравственных поисках. Она посещала собрания Религиозно-философского общества Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, а в середине 1910-х годов сдавала экстерном экзамены по богословию профессорам Петербургской духовной академии. Уже в книгах, изданных в России, — «Скифские черепки» (1912), «Дорога» (1914), «Руфь» (1916) определился ее особый жизненный и поэтический путь, завершившийся в эмиграции принятием в 1932 году монашеского пострига, подвижнической жизнью и мученической смертью в гитлеровских застенках. Став в монашестве матерью Марией, она полностью посвятила себя благотворительной деятельности — открывала общежития, столовые, больницы, вместе с Николаем Бердяевым и Сергеем Булгаковым организовала в

1935 году благотворительное общество «Православное дело». Четвертый сборник ее стихов вышел в 1937 году в Париже, а в годы оккупации, принимая активное участие во французском Сопротивлении, она создала драму-мистерию «Солдаты», интермедию «Семь чаш», поэму «Духов день», но все они вышли уже посмертно. В феврале 1943 года мать Мария была арестована и погибла 31 марта 1945 года в газовой камере концлагеря Равенсбрюк, став одной из самых легендарных личностей Второй мировой войны. Николай Бердяев писал в статье, посвященной ее памяти: «Мать Мария была одной из самых замечательных и одаренных русских женщин. Она характерна для своей эпохи и отражала самые характерные ее течения. Она была новой душой». При этом Бердяев особо отметил: «Была еще одна черта, которая играла огромную роль и с которой связана ее гибель. У нее была страстная любовь к России и русскому народу. Последний период ее жизни, период войны, был весь окрашен в цвет страстного патриотизма».

В январе 2004 года произошло еще одно событие, прославившее имя русской поэтессы-монахини: Синод Вселенского Патриархата в Константинополе причислил ее к лику святых.

* * *

Буду ль тихим молитвам внимать?
Твои руки в окно постучали,
Ты пришла ко мне, светлая Мать,
Из надзвездной и благостной дали.

Вновь мой путь не безлесен и радостно нов,
Вновь мой дух не томится и радостно волен;
Распростерла навеки Ты светлый покров
С еле зримых в полях колоколен.

Простучала в окно; выхожу, выхожу,
Выхожу без улыбки и слова;
Буду тихо считать за межою межу,
Ждать в полях еле слышного зова.

<1914>

* * *

Подвел ко мне, сказал: усынови
Вот этих, — каждого в его заботе.
Пусть будут жить они в твоей крови, —
Кость от костей твоих и плоть от плоти.

Дарующий, смотри, я понесла
Их нежную потерянность и гордость,
Их язвинки и ранки без числа,
Упрямую ребяческую твердость.

О Господи, не дай еще блуждать
Им по путям, где смерть многообразна.
Ты дал мне право, — говорю, как мать,
И на себя приемлю их соблазны.

<1914>

* * *

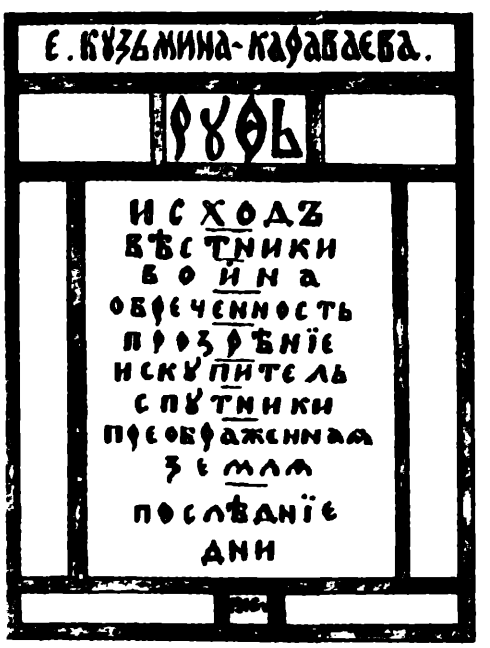
Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Что же будет с надеждою нашею?
Что же с нашими душами станется
Пред священной Господнею Чашею?

Как придем мы к нему неумытые?
Как приступим с душой вороватою?
С раной гнойной и язвой открытою,
Все блудницы, разбойники, мытари,
За последней и вечной расплатою?

Будет час, — и воскреснут покойники, —
Те, — одетые в белые саваны,
Эти, — в вечности будут разбойники,
Встанут в рубищах окровавленных.

Только сердце влечется и тянется
Быть, где души людей не устроены.
Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Вместе встретим Господнего Воина.

<1914>



* * *

Так затихнуть — только перед бурей,
Только зная, что настанет час.
Господи, в слепительной лазури,
Ты за что меня избрал и спас?

Изнемог мой край, войной смятенный,
Каждый верит в слово: смерть;
Шепчет мой язык, сухой и воспаленный:
Душу ангела умилосердь.

Знаю я, — не пламенем пожара
И не гибелью в боях Твоих детей
Начинается мучительная кара
Ангелом взметаемых плетей.

Пусть смеется не забывший смеха:
Время не ушло, но близок час суда.
Разве жизнь еще живых — помеха
Ангелу, что шепчет: навсегда?

Перед гибелью застыло время;
Дух мой в паутине тишины.
Медленно взрастает брошенное семя
Позабытой и глухой вины;

Медленно взрастает колос мести;
Медленно взмывает ангел Твой крылом:
Он поет еще таинственной Невесте
На равнинах битв последний свой псалом.

Гулкий час, но скоро на исходе,
Плоть живая, веруй и молись.
В притаившемся пред бурею народе
Поднят крест спокойный ввысь.

<1914>

* * *

Не прошу Тебя: помилуй, не карай;
Мера боли все еще далеко.
Еле выплывает тонкий край
Солнца, что подымется с Востока.

Всех больных, безумных и калек
Принимает родина любовно;
Праведный и грешный человек —
Каждый — сын ее единокровный.

Ты же научи ее не знать
И не верить, что близка награда:
Только без надежды любит мать;
Ничего ей от детей не надо.

Эта кровь — не жертва для Тебя;
Милость Ты от нас хотел, не плату.
Только верю, — Твой конец, трубя,
Даст спасенье гибнущему брату.

Этих вот, усталых, успокой,
Милуй юных, исцеляй увечных.
Можешь Ты всесильною рукой
Показать сиянье сроков вечных.

<1916>

* * *

Все горят в таинственном горниле;
Все приемлют тяжкий путь войны.
В эти дни неизреченной силе
Наши души Богом вручены.

Мы близки нетленнейшей Невесте,
И над каждым тонкий знак креста.
Пусть, приняв божественные вести,
Будет ныне наша смерть чиста.

Только в сердце тайная тревога —
Знак, что близок временам исход;
О Господь благой, колосьев много:
Кончи жатвою кровавый год.

Возвести часы суда и кары
И пошли Архангела с мечом;
Верим, — очистительны пожары;
Тело в алый саван облечем.

Разве нам страшны теперь утраты?
Иль боимся Божьего суда?
Вот, благословенны иль прокляты, —
Мы впервые шепчем: навсегда.

<1916>

ПОКАЯНИЕ

Да, каяться, чтоб не хватило плача,
Чтоб высохнуть, чтоб онеметь.
О Господи, как же теперь иначе?
Что я могу еще хотеть?
Все тени восстают, клеймят укором,
Все обратились в кровь и плоть.
Рази меня последним приговором,
Последняя любовь — Господь.

1928

* * *

Идет устрашающий гнев,
И огрызается грех.
О Господи, вырос мой сев,
Наверно, тщедушнее всех.

О Боже, мне — вопли и плач,
Мне здесь уже скорбный ад.
И взять не захочет ткач
Ни нити моей в свой плат.

Он ткет его, белый покров,
А мне — только адский озноб,
А мне — в суемудрии слов
Неотверзаемый гроб.

Я знаю — спастись мне нельзя.
Мои все восторги из тьмы
Туда, где проходит стезя
Воздвигшей Покров свой Жены.

Я вижу — Иоанн Богослов
Для мира срывает печать
С своих предвещающих слов, —
И в вечность подъемлется Мать.

И держит в руках омофор,
И мир, как единый Афон.
И только в безумье мой взор
Грехами навек погружен.

1929

* * *

Единство мира угадать
Из всех вещей, из всех событий.
Увидеть крепость вечных нитей,
Какими нас связала Мать.

Святая тайна вручена
Несмысленным и слабым детям,
Указывает путь столетьям
Преображенная Жена.

И каждый, кто о нас прочел
В предмирном и предвечном гуле,
О, чувствует, — наполнен улей
Тревогою рабочих пчел.

Мы строим дом, мы строим храм,
Мы ткем Владычице порфиру.
Приникшая в единстве к миру,
Будь Матерью предвечной нам.

1930

* * *

Еще мне подарили город,
И заворот реки, и мост,
И в листьях шелест ветра скорый,
Казарму, офицера шпоры,
Лихой кавалерийский пост.
Мне подарили на придачу
Зари такой янтарный мед,
Таких туманов легких лет.
О Господи, с утра я трачу, —
Богатство же мое растет.
Я знаю, — Ты деятель щедрый,
Не оскудеть Твоей руке,
Пока не дашь всех волн в реке,
Все небо, все земные недра,
Все, что вблизи, что вдалеке.
Пускай, и плача, и ликуя,
Душа дары все сохранит —
От дружеского поцелуя
До самых горестных обид, —
Господь-Даятель, аллилуйя.

1930

* * *

И в эту лямку радостно впрягусь, —
Хоти лишь, сердце, тяжести и боли.
Хмельная, нищая, святая Русь,
С тобою я средь пьяниц и средь голи.

О Господи, Тебе даю обет, —
Я о себе не помолюсь вовеки, —
Молюсь Тебе, чтоб воссиял Твой свет
В унылом этом в пьяном человеке.

В безумце этом или чудаке,
В том, что в одежде драной и рабочей,
Иль в том, что учится на чердаке
Или еще о гибели пророчит.

Европы фабрики и города,
Европы фермы, шахты и заводы, —
Их обрести Господь привел сюда
Необретаемой свободы.

И средь полей и городов молюсь
За тех, кто в этой жизни вечно голы, —
Хмельную, нищую, святую Русь
Ты помяни у Твоего престола!

1931

* * *

В тысяча девятьсот тридцать первое
Лето от воплощения Слова
Ты, безумное сердце, ты, верное,
Будь же безтрепетно к жертве готово.

На земле нам печалиться некому,
Нет чудес, исцеляющих боли.
Жрец по образу Мелхиседекову
Вновь безкровную жертву заколет.

Пусть душа пред Тобой опорочена:
Не ее, а она заушала.
От насилья плевка и пощечины
В ней самой неисцельное жало.

Боже, жизнь, — скорпионы и аспиды.
И за то, что питалась их ядом,
Я хочу быть на дереве распятой,
Как разбойники, с Агнцем рядом.

1931

* * *

Господи, Господи, Господи,
Ни о чем я просить не хочу.
Мне ли видеть оконные росписи
И собора чужого свечу?
Не хочу я ответом быть заданным,
Выше туч в небеса вырастать, —
Лишь куриться туманом и ладаном,
Лишь средь поля себя распластать.
Оттого, что душа безпризорная,
Оттого не ко мне этот зов.
Боже, Господи, даль чудотворная,
Православная Церковь Соборная,
Божьей Матери синий Покров.

1931

* * *

Ночью камни не согреешь телом,
Не накликаешь скорей рассвет.
Господи, наверно, в мире целом
Никого меня бездомней нет.

Жмется по соседству кот бездомный, —
Будем вместе ночку коротать.
Мир ночной, — пустой, глухой, огромный,
Добрым надо двери запирать.
Потому что нет иной защиты
Добрым, кроме крепкого ключа...
Холодеют каменные плиты,
Утро возвестил петух, крича.

Господи, детей растящий нищих,
Охраняющий зверей, траву,
Неужели же в земных жилищах
Тебе негде приклонить главу?

Если так, то буду я бродяга,
Пасынок среди родных сынов.
В подворотнях на ступеньках лягу,
У дверей людских глухих домов.

1931

* * *

Помазанность, христовость наша...
Чего боимся? Мы как прах,
В Первосвященничьих руках
Вот в жертву мир подъят, как чаша.

Нет, — не лицо пронзает душу, —
Одушевленный космос. — Ты
Пасешь законом чистоты
Моря, и небеса, и сушу.

Круженье ветра, срок прилива,
Пути людей, дрожанье струн.
Твой мир как огненный скакун,
И пламенем мятется грива.

1932

* * *

Смотри, — измозолены пальцы,
Навьючен уродливо горб, —
Калеки мы все и скитальцы,
И шаг наш порывист и скор.
И пусть многовечен ты, Запад, —
Понять нас с любовью потщись.
Плетем мы наш лыковый лапоть
Сегодня, сегодня, — а завтра
Путь лапотный в Божию высь.
Готических каменных башен
Закинул ты в небо узду,
И надписью дом твой украшен:
«Воздвигнут в таком-то году».
У нас же ни года, ни дома, —
Воздвигнуты бог весть когда, —

Мы все — и зерно, и солома,
И ждем мы небесного грома
И сроков Господня суда.
Смотри, — измозолены пальцы...
Спасусь я, мой Боже, спасусь,
Спасетесь вы, братья скитальцы,
Молитвословная Русь.

<1930-е гг.>

* * *

Мне кажется, что мир еще в лесах,
На камень, известь, доски, щебень.
Ты строишь дом, Ты обращаешь прах
В единый мир, где будут петь молебен.

Растут медлительные купола...
Неименуемый, нездешний, Некто,
Ты нам открыт лишь чрез Твои дела,
Открыт нам, как великий Архитектор.

На нерадивых Ты подъемлешь бич,
Бросаешь их из жизни в сумрак ночи.
Возьми меня, я только Твой кирпич,
Строй из меня, непостижимый Зодчий.

<1930-е гг.>

* * *

Мы не выбирали нашей колыбели,
Над постелью снежной пьяный ветер выл.
Очи матери такой тоской горели,
Первый час — страданье, вздох наш
крик был.
Господи, когда же выбирают муку?
Выбрала б, быть может, озеро в горах,
А не вьюгу, голод, смертную разлуку,
Вечный труд кровавый и кровавый страх.

Только Ты дал муку, — мы ей не изменим,
Верные на смерть терзающей мечте,
Мы такое море нашей грудью вспеним,
Отдадим себя жестокой красоте.

Господи, Ты знаешь, — хорошо на плахе
Головой за вечную отчизну лечь.
Господи, я чую, как в предсмертном страхе
Крылья шумные расправлены у плеч.

<1930-е гг.>

* * *

Убери меня с Твоей земли,
С этой пьяной, нищей и бездарной,
Боже силы, больше не дремли,
Бей, и бей, и бей в набат пожарный.

Господи, зачем же нас в удел
Дьяволу оставить на расправу?
В тысячи людских тщедушных тел
Влить необоримую отраву?

И не знаю, кто уж виноват,
Кто невинно терпит немощь плоти, —
Только мир Твой богозданный — ад,
В язвах, в пьянстве, в нищете, в заботе.

Шар земной грехами раскален,
Только гной и струпья — плоть людская.
Не запомнишь списка всех имен,
Всех, лишенных радости и рая.

От любви и горя говорю —
Иль пошли мне ангельские рати,
Или двери сердца затворю
Для отмеренной так скупо благодати.

<1930-е гг.>

* * *

Что я делаю? — Вот без оглядки
Вихрь уносится грехов, страстей.
Иль я вечность все играла в прятки
С нищею душой своей?

Нет, теперь все именую четко —
Гибель, значит, гибель, грех так грех.
В этой жизни, дикой и короткой,
Падала я ниже всех.

И со дна, с привычной преисподней,
Подгребая в свой костер золу,
Я предвечной Мудрости Господней
Возношу мою хвалу.

<1930-е гг.>

* * *

С народом моим предстану,
А Ты воздвигнешь весы,
Измеришь каждую рану
И спросишь про все часы.

Ничто, ничто мы не скроем, —
Читай же в наших сердцах, —
Мы жили, не зная покоя,
Как ветром носимый прах.

Мы много и трудно грешили,
Мы были на самом дне,
Мечтали средь грязи и пыли
О самом тяжелом зерне.

И вот он, колос наш спелый, —
Не горек ли хлеб из него?
Что примешь из нашего дела
Для Царствия Твоего?

От горького хлеба жажда.
Вот эту жажду прими,
Чтоб в жажде помнил каждый
О муках милой земли.

<1930-е гг.>

* * *

Нашу русскую затерянность
Все равно не потерять.
Господи, дай мне уверенность,
Что целебна благодать.

Задержалась я у проруби,
У смертельной у воды, —
Только вижу — крылья Голубя
Серебристы и седы.

И бездонное убожество
Осеняет Параклет.
Шлет он ангельское множество,
Льет холодный горний свет.

Други, воинство крылатое,
За потерянный народ
С князем тьмы над бездной ратуя,
Будьте крепкий нам оплот.

<1930-е гг.>

* * *

В людях любить всю ущербность их,
И припадать к их язвинке, к их ранке.
Как же любить Его, если Он тих,
Если Он пламенем веющий ангел?

Господи, Господи, я высоту, —
Даже Твою, — полюбить не умею,
Что мне добавить еще в полноту?
Как Всеблаженного я пожалею?

Там лишь, где можно себя отдавать,
Там моя радость, — и в скорби, и в плаче.
Господи, Боже, прости мне, — я мать, —
И полюбить не умею иначе.

<1930-е гг.>

* * *

Ты ли, милосердный Пастырь,
Этой ночью на рассвете
Сквозь туман и дождик частый
Вновь предрек о Параклете?

Вот и день. А сердцу нежно,
Сердцу тихо в Отчей длани,
Как звезде в пути безбрежном
Иль в лазурном океане.

Среди города чужого,
Средь камней и плит звенящих
Тишина, огонь и Слово
На воскрылиях парящих.

И к земле зеленой плетью
Припадаю. Горы-ребра.
Параклета благодатью
Все пронзил Ты, Пастырь добрый.

<1930-е гг.>

* * *

Моих грехов не отпускай
И благодать не даруй даром —
Все взвесь, все смеряй, все карай,
Смотри, каким тлетворным паром
Клубится память о былом,
Сокрушена душа пожаром.
Я предавала Отчий дом,
И благодать всю расточала,
И призывала гнев и гром.
Вот слушай. Дней моих начало.
И солнца южного ладья
Меня в лазурности качала.
Пуста была грехов бадья,
Тяжеловесна — благодати,
И милостив Твой взор, Судья.

Ты посылал небесных ратей
В закатном небе алый полк.
И я не ведала о плате.
Как накопился темный долг,
И стал скитаться дух средь ночи,
Затравленный, голодный волк?
Ты слышишь, — дни мои пророчат,
Пророчат гнев, пророчат суд.
И сроки с каждым днем короче.
И смерть, и кровь, разгул и блуд.
Разнузданность страстей несытых
Они как знак в себе несут.
Кто перечислит всех убитых?
Растленных всех кто соберет?
Кто вспомнит мертвых незарытых?
Но и не в этом темный гнет, —
Все это знак иной измены.
И все вменяю я в умет.
Я захотела жизни тленной
И гибель в сердце приняла,
И приняла я знаки плена,
И почести я воздала —
Не смыслу — Божеские. Вот
Закон, свершивший все дела.
Сзывай же Свой святой народ,
И распластай меня на плахе,
И перечисли каждый год,
Так, чтоб душа смешалась в страхе,
Чтоб кнут Твой жилы обнажил.
В посконной буду я рубахе,
В натуге почерневших жил,
Со взором, что от муки
Все кается, как дух мой жил.
С ударом каждым кнут Твой крепнет.
О, суд Твой милостив и свят.
Такой конец мой — благолепный.
Пусть будет только темный ад,
Пусть будет скорбно и тоскливо,
Не будет пусть пути назад, —
Все Ты решаешь справедливо.

<1930-е гг.>

* * *

Обетовал нам землю. Мы идем.
Обетовал нам землю Ханаана.
И вел нас ночью пламенным огнем.
И вел нас днем
Ты облаком сгущенного тумана.
Господь, — идем.
И только наш лазутчик
Нам говорит, — не млеко там и мед, —
Пустыня, и пески, и кручи,
И небо — мрак. И реки — лед.
И в душах — гнет.

Святая Русь, мой нищий Ханаан,
С любовной мукой облик твой приемлю.
Обетовал Господь нам эту землю —
И путь в нее — огонь или туман,
Земля земель, страна всех стран,
И щебень и песок, и лед и мрак, —

Было и будет — колыбель — могила.
Так, Господи, суровый Боже, так.
Таков наш путь, таков наш знак.
О нищенстве душа молила.

Какой уж нам небесный сад...
Но будет снежно, будет тихо. —
И выйдет старая волчиха
И поведет своих волчат.

И небо низкое придавит,
И слезы душу отягчат, —
О Господи, душа прославит
Облезлых, маленьких волчат.

Идем, Господь, Ты нам обетовал
Бездолье нищее и крылья огневые,
Восторг и муку нам в наследье дал.
О Ханаан родной, земля Россия.

<1930-е гг.>

* * *

Знаю я, — на скором повороте
Неожиданное стережет.
И забота лепится к заботе, —
Тяжки мне вериги из забот.
Вот катаю тачку я натужась,
Полную обиды и тревог;
Знаю, развернет грядущий ужас
Пропасть серую у самых ног.
Господи, Ты с неба только нитку,
Тоненькую ниточку спустил,
Чтоб не покорилась я избытку
Темных, чуждых, непонятных сил.
Я по вере стану невесомой
И себя сумею побороть,
И пойду я в тайный, незнакомый,
Непрерывный Твой покой, Господь.

Не прошусь я за порог далекий,
Где раскинулись Твои сады, —
Мне бы только кончить путь жестокий,
Путь обиды, боли и беды.
Мне бы в сером воздухе носиться,
В непрерывной и прохладной мгле,
Чтоб забылись образа и лица,
Брошенные мною на земле.
Чтоб себя я в холоде забыла,
Расплескала б душу в вышине,
Чтобы не было того, что было, —
Памяти о боли и вине.

<1930-е гг.>

ПОХВАЛА ТРУДУ
Псалом

Тот, Кто имеет право приказать,
Чьей воле я всегда была покорна,
Опять велел мне: «Ты должна назвать
Тут, на земле, средь вечной ночи черной,
То, что во тьме сверкает, как алмаз,
Что плод дает сторицею, как зерна,
Упавшие на чернозем. Средь вас,
Из персти созданных, есть отблеск Славы,
Есть отблеск Красоты среди прикрас.
Есть нечто. И оно дает вам право
Господними сотрудниками стать.
В строеньи вечном Церкви многоглавой.
Ищи». Полвека я могла искать,
Все испытать, все пробовать полвека.
И средь стекла алмазы отбирать.
Священное избранье человека,
Которым Бог его почтил в раю,
Открылось мне. Пусть нищий, пусть калека,
Грехом растливший красоту свою,
Трудящийся среди волчцов упрямо,
Рождающийся в муках, — узнаю
Того же первозданного Адама,
Носившего избрания печать.
Изгнанник под промятым гнетом срама,
И Ева падшая, всех падших мать,
И мы, — их дети, — что мы можем Богу,
Что было бы Его достойно, дать?
Иду искать. И изберу дорогу
Среди полей. Теперь пора труда.
С конем своим идет спокойно, в ногу,
За плугом пахарь. В прежние года
Его отец и дед пахали ниву,
И сына ждет все та же борозда.
Конь медленно идет, склонивши гриву,
Тяжелая рука ведет тяжелый плуг.
Земля пластом легла. Неторопливо,
Движеньем медленным спокойных рук,
Раскинет сеятель на пашне зерна.
Они за полукругом полукруг
Падут, укроются в могиле черной.
Могила колыбелью будет им,
Земля — началом жизни чудотворной.
Пойдет работа чередом своим.
Придет косарь с своей косою звонкой,
И молотьба приблизится за ним.
Старик умрет. Из малого ребенка
Муж вырастет, суровый хлебороб.
Незримой нитью, пеленою тонкой,
Разделены рожденье, труд и гроб.
В срок надлежащий солнце землю греет,
В срок землю зимний леденит озноб,
Пшеничный колос тоже в срок созреет.
Природа мерна. Мерен человек.
Не думая, он мышцами умеет
Владеть. Ногам велит спешить на бег,
Прижавши локти и дыша глубоко.
Он сети ставит средь спокойных рек,
Он тянет невод. Он взмахнет широко,
Откинется всем телом. И топор
Вонзится в ствол. Пусть дерево высоко,
За зеленью его не видит неба взор,
Пусть прячутся в его макушке птицы, —
Оно падет... Лишь бы найти упор,
В рычаг железною рукой вонзиться, —
И землю сдвинет в воздухе рычаг.
Пусть человек безпомощным родится, —
Безсмысленный младенец, хил и наг, —
Как рычаги стальные мышцы станут,
Обдуманно сплетенные. И шаг,
И рук движенье созданы по плану,
Рассчитаны, чтоб труд посильным был,
Чтоб был костяк узлами жил обтянут,
Чтоб мышцы обросли сплетенье жил.
О подвиг трудовой, ты благороден,
Кто потрудился, тот недаром жил.
Тот, как Творец, спокоен и свободен,
В дни жатвы собирает урожай,
Сотрудник и соделатель Господень.
Когда Адамом был потерян рай
И труд объявлен для него проклятьем,
И он вступил навек в изгнанья край,
И Ева в муках жизнь дала двум братьям,
С тех давних пор и вплоть до наших лет
В поту трудился он. Рабов зачатье,
Рождение и смерть рабов. И нет
Приостановки в жизненном потоке.
Бог вопрошал: Каков же наш ответ?
Как мы усвоили Его уроки?

Работали, когда спустилась тьма,
Не вопрошая Господа о сроке.
Хозяин нив, открой нам закрома,
Чтоб мы могли наполнить их пшеницей.
Открой Свои небесные дома,
Чтоб мы вернули все Тебе сторицей.
Прими земных трудов тяжелый плод,
Ты, повелевший нам в поту трудиться,
Пусть спину гнет усталый Твой народ, —
Но есть чем оправдать нам жизнь земную:
На землю пролитый священный пот.
Прими, прими пшеницу золотую
Твоих сотрудников. Вот кирпичи, —
Мы ими глину сделали сырую,
Мы для Тебя работали в ночи.
Что создано в веках, — необозримо.
Как пчелы лепим воск мы для свечи
В алтарь небесного Иерусалима.

1940

ДУХОВ ДЕНЬ
Терцины

Песня первая

У человека двойственен состав, —
Двух разных он миров пересеченье, —
Небесной вечности и праха сплав.

Он искры Божьей в тварной тьме свеченье,
Меж адом и спасеньем он порог.
И справедливо было изреченье

О нем: он червь, он раб, он царь, он Бог.
В рожденном, в каждом, кто б он ни был, явлен
Мир, крепко стянутый в один комок.

В ничтожном самом вечный Дух прославлен;
И в малом искуситель древний, змей,
Стопою Девы навсегда раздавлен,

Я говорю лишь о судьбе своей,
Неведомой, ничтожной и незримой.
Но знаю я,— Бог отражался в ней.

Вал выбросит из глубины родимой
На берег рыбу и умчится прочь.
Прилив отхлынет. Жаждою томима,

Она дышать не может. Ждет, чтоб ночь
Валы сгрудила, чтоб законы суши
Мог океан великий превозмочь.

Вот на скалу он вал за валом рушит.
Прибрежным страшно.
Рыба спасена. И воздух берега ее не душит,

И влагою своей поит волна.
Судьба моя. Мертвящими годами
Без влаги животворной спит она.

Но только хлынет океаном пламя,
Но только прокатится гулкий зов
И вестники покажутся меж нами, —

Она оставит свой привычный кров
И ринется навстречу, все забудет...
Однажды плыли рыбаки на лов.

Их на воде нагнал Учитель. Люди
Дивились. Петр навстречу по водам
Пошел к Нему, не сомневаясь в чуде.

И так же, как ему, дано и нам.
Мы не потонем, если будем верить,
Вода — дорога гладкая ногам.

Но надо выбрать раз. Потом не мерить,
Не сомневаться, как бы не пропасть.
Пошел — иди. Пошла — иду. Ощерит

Тут под ногами бездна злую пасть.
Пошла — иду. А дальше в воле Божией
Моя судьба. И Он имеет власть

Легко промчать на крыльях в бездорожье,
Иль неподвижностью на век сковать,
Прогнать, приблизить к Своему подножью:

И я вместила много; трижды — мать —
Рождала в жизнь, и дважды в смерть рождала.
А хоронить детей, как умирать.

Копала землю и стихи писала.
С моим народом вместе шла на бунт.
В восстании всеобщем восставала.

В моей душе неукротимый гунн
Не знал ни заповеди, ни запрета,
И дни мои, — коней степных табун, —

Невзнузданных, носились. К краю света,
На запад солнца приведи меня, —
И было имя мне — Елизавета.

На взгляд все ясно. Друга и родня
Законы дней моих могли б измерить, —
Спокойнее живется день от дня.

Лишь иногда приотворялись двери,
Лишь иногда звала меня труба.
Не знала я, в какую правду верить.

Ничтожна я. Великая судьба
Сплетается с моей душой ничтожной.
В себе сильна. Сама в себе слаба.

И шла я часто по дороге ложной,
И часто возвращалась я назад
И падала средь пыли придорожной.

Никто не мог помочь, ни друг, ни брат,
Когда томил иного мира вестник.
Он не сулил ни счастья, ни наград,

Он не учил ни ремеслу, ни песням, —
Он говорил мне: «Лишь закрой глаза,
Прислушиваясь к океанской бездне.

Ты только часть, а целое — гроза,
Ты только камень, а праща незрима.
Ты гроздь, которую поит лоза.

Ты только прах, но крылья херувима
Огнем насыщены и рядом, тут.
Не допусти, чтобы он промчался мимо.

Лишь подожди: Наверное дадут
Тебе крестом отмеченные латы,
И в мир иной ворота отопрут:

Иди, слепая, и не требуй платы.
Тебя не проводит ни брат, ни друг.
И я тебе лишь знак, а не вожатый».

Упала я, — крест распростертых рук
Был образом великим погребенья.
Шлем воина, — меня венчал клобук.

Какое после было откровенье,
И именем Египтянки зачем
Меня назвали? Нет, не удаленье,

А приближенность новая ко всем.
И не волчцы пустыни, и не скалы, —
Средь площадей ношу мой черный шлем.

Я много вижу. Я везде бывала.
Я знаю честь, я знаю и плевки,
И клеветы губительное жало.

И шепот, и враждебные кивки.
А дальше поведет меня дорога
При всех владыках мира в Соловки.

Мы все стоим у нового порога,
Его переступить не всем дано, —
Испуганных, отпавших будет много.

В цепи порвется лишь одно звено,
И цепь испорчена. Тут оборвалась
Былая жизнь. Льют новое вино

Не в старые мехи. Когда усталость
Кого-нибудь среди борьбы скует,
То у врага лишь торжество, не жалость,

В его победных песнях запоет.
Ни уставать, ни падать не дано нам.
Как пчелы майские весенний мед

Мы собираем по расцветшим склонам.
В земле лежал костяк еще вчера
От кожи, жил и плоти обнаженным.

Еще вчера, — давнишняя пора.
Я отошла на сотни лет сегодня.
Пшеничный колос тут. Палит жара.

Благоприятно лето мне Господне.
И серп жнеца сегодня наострен.
Размах косы и шире и свободней.

Пади на землю урожай времен,
В безсмертный урожай опять воскресни.
Людской пролитой кровью напоен.

Давнишний друг, иного мира Вестник,
Пытает и в мои глаза глядит:
«Поймешь ли ты сегодняшние песни

И примешь мира измененный вид?
Твой челн от берега давно отчалил,
А новый берег все еще закрыт.

В который раз ты изберешь печали
Изгнанья, но теперь среди своих
Замкнулся круг, и ты опять в начале».

Но вестника вопрос еще не стих,
А я уже ответ мой твердый знала,
Уверенный, как вымеренный стих.

От тех печалей сердце не устало.
И я хочу всей кровию истечь
За то, что некогда средь неба увидала.

Спустился обоюдоострый меч,
Тот, памятный, разивший сердце Девы.
И должен он не плоть людей рассечь,

Крестом вонзиться. От него налево
Разбойник похуливший виден мне.
Весь трепетный, без ярости и гнева,

Сосредоточенный в своей вине.
Да, знаю я, что меч крестом вонзится.
Вторым крещеньем окрестит в огне.

Печатью многие отметит лица.
Я чую приближенье белых крыл
Твоих, твоих, сверкающая Птица.

Ты, дух живой среди костей и жил,
В ответ Тебе вздохнет душа народа,
Который долго телом мертвым был.

Не человечья, а Твоя свобода
Живое в красоте преобразит
В преддверии последнего Исхода.

И пусть страданье мне еще грозит, -
Перед страданьем я склоняюсь долу,
Когда меня своим мечом разит

Утешитель, животворящий Голубь.

Песня вторая

Звериное чутье или дар пророка,
Но только не от разума учет
Дает нам чуять приближенье срока,

Какой Давид сегодня отсечет
У Голиафа голову, сначала
Державных лат отбросивши почет?

И челн какой, сорвавшись от причала,
От пристани отпрянувши кормой,
Навстречу буре кинется? Встречала

Я много знаков. Скромен разум мой.
И если в чем упорствовать я буду,
Так уж не в том, что вычислить самой

Мне удалось. Лишь в приближеньи к чуду,
В том, что идет всему наперекор
Искать священных знаков не забуду.

Как памятно. Какой-то косогор.
Вдали стреноженная кляча бродит.
И облака, как груда белых гор,

И ветер шалый бьется на свободе,
Клонит траву. Иль в мире этом есть
Лишь кляча да бурьян на огороде.

И есть еще чего нельзя учесть:
Бездолье и тоска земной печали
И еле-еле слышимая весть.

О, в разных образах глаза встречали
Все тот же воплощенный лик тоски. —
Когда снега январские молчали,

Иль зыбились полдневные пески,
И Волга медленно катилась в Каспий.
Весной в Неве сшибались льда куски

И две зари полночные не гасли.
Я знаю, — Родина, — и сердце вновь, —
Фитиль лампадный, напоенный в масле, —

Замрет и вспыхнет. Отольется кровь,
И вновь прильет. И снова будет больно.
О, как стрела, пронзительна любовь.

На всем печаль лежит. Гул колокольный,
И стены древние монастырей,
И странников порядок богомольный,

Дела в Москве преставшихся Царей,
Торжественных и пышных Иоаннов,
И их земля среди семи морей

И дым степных костров средь ханских станов, —
Со свитою верхом летит баскак, —
Он дань сбирает на Руси для ханов.

Потом от запада поднялся враг —
Поляк и рыцарь ордена немецкий.
А по Москве Василий, бос и наг,

С душою ангельской, с улыбкой детской,
Иоанну просто правду говорит.
Неистовый, пылает бунт стрелецкий.

Москва первопрестольная горит...
Еще... Еще... В руке Петра держава.
Сегодня он под Нарвою разбит, —

Заутра бой. И гул идет: Полтава.
Что вспоминать? Как шел Наполеон
И как в снегах его погасла слава,

И как на запад возвратился он.
Что вспоминать? Дымящееся дуло,
Убийцу, тело на снегу и стон

И смертной гибелью на все пахнуло...
Морозным, льдистым был тогда Январь.
Метель в снегах Россию захлестнула.

Морозный, льдистый ею правил царь...
Но и тогда, средь полюсных морозов,
Пожар змеился, и тянула гарь....

. . . . . .

Шуми и падай, белопенный вал.
Ушкуйник, четвертованный Емелька,
Осенней ночью на Руси восстал.

Русь в сне морозном. Белая постелька
Снежком пуховым занесет ее
И пеньем убаюкает метелька.

Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка заспавшуюся пощекочет.
Он точно знает ремесло свое, —

И мертвая, как встрепанная, вскочит,
И будет мертвая еще плясать,
Развеявши волос седые клочья...

Звон погребальный... Отпевают мать...
А нам, ее оставшимся волчатам,
Кружить кругами в мире и молчать,

И забывать, что брат зовется братом...
За четверть века подвожу итог.
Прислушиваюсь к громовым раскатам...

О, многое откроется сейчас
Неясно все. Иль новая порода
И племя незнакомое средь нас

Неведомый закон осуществляет,
И звонко бьет его победный час?
Давно я вглядываюсь. Сердце знает

И то, чего не уловляет слух.
И странным именем все называет.
В Европе, здесь, на площади, петух,

Истерзанный петух разбитых галлов,
Теряет перья клочьями и пух...
Нет, не змея в него вонзила жало,

Глаза сощурив, спину выгнув, тигр
Его ударил лапою. Шакала
Я рядом вижу. Вместо летних игр

И плясок летних, летней же порою
На древнем месте новый мир воздвиг
Победоносный зверь. И стал тюрьмою

Огромный город. Сталь, железо, медь
Бряцают сухо. Все подвластно строю...
О, пристальнее будем мы глядеть

В туманы смысла, чтоб не ошибиться.
За тигром медленно идет медведь,
Пусть нужен срок ему расшевелиться,

Но, раз поднявшись, он неутомим, —
Врага задушит в лапах. Колесница
Медлительная катится за ним.

Тяжелым колесом живое давит.
Не тяжелей ступал железный Рим.
Кого везет? Кто колесницей правит?

Где родина его? Урал? Алтай?
Какой завет он на века оставит?
Тебя я знаю, снежной скорби край.

В себе несу твоей весны напевы.
Тебя зову я. Миру правду дай.
Земля — Богоневестной Девы,

Для жертвы воздвигаемый престол,
Сегодня в житницу ты дашь посевы
Твоей пшеницы. Ты даешь на стол

Вино от гроздий, напоенных кровью,
Ты, чудотворный лекарь язв и зол.
Мир люто страждет. Надо к изголовью

Его одра смертельного припасть,
Благословить с надеждой и любовью
На руки взять. И сразу стихнет страсть,

И сон целительный наступит сразу.
Проси, проси и ты получишь власть
И кровь остановить, и снять проказу,

И возвратить ушам оглохший слух,
И зренье помутившемуся глазу.
За оболочкой плоти ярый дух,

Который вечен, и одновременно
Родился только что, — он не потух
В порывах урагана. И средь тлена,

Среди могил вопит Езекиил,
Вопивший некогда в годины плена.
Костяк уже оброс узлами жил,

И плоть уже одета новой кожей.
Мы ждем, чтоб мертвых оживотворил
Животворящий Дух дыханья Божья.

И преклонились Божии уста, —
Жизнь пронесется молнией и дрожью
И тайну Животворного Креста

Познает Иософатова долина.
Могила Господа сейчас пуста,
И чудо прозревает Магдалина.

Песня третья

Он жил средь нас. Его печать лежала
На двадцати веках. Все было в Нем.
Вселенная Его лишь отражала.

Не так давно, спокойным, серым днем,
Ушел из храмов и домов убогих
Один, босой, с сумой, с крестом, с огнем.

Никто не крикнул вслед. Среди немногих,
Средь избранных царил такой покой,
Венцы сияли на иконах строгих.

А Он проплыл над огненной рекой
И отворил тяжелые ворота,
Ворота вечности, своей рукой.

Ничто не изменилось: крови, пота
И гнойных язв на всех земных телах, —
Как было, столько же и есть. И та ж забота,

И нет пути, и в сердце мутный страх,
Непроницаемы людские лица.
Одно лишь ново: бьется в небесах,

Заполнив мир, страдающая Птица
И всех живущих в мире бьет озноб,
И даже нелегко перекреститься...

Пустыня населялась... Средь трущоб
Лепились гнезда старческих киновий.
В пещере дальней крест стоял и гроб.

И в городах, под пенье славословий.
Шлем воина сменялся на клобук,
Покой дворцов на камень в изголовьи.

Закончен двадцативековый круг.
Полынь растет, где храмы возрастали
И города распахивает плуг.

Единый, славы Царь и Царь печали,
Источник радости, источник слез,
Кому не может развязать сандалий

Никто. Он в мир не мир, но меч принес.
Предсказанный пророками от Бога,
Краеугольный камень и утес,

Приявший плоть и возлюбивший много,
На дереве с Собой распявший грех, —
Уже не смотрит ласково и строго,

Уж не зовет блудниц и нищих всех
Принять живой воды, нетленной пищи,
И новое вино влить в новый мех.

И нищий мир по-новому стал нищий,
И горек хлеб и гнойны все моря,
Необитаемы людей жилища.

Что нам дворцы, коль нету в них Царя,
Что жизнь теперь нам. Первенец из мертвых
Ушел из жизни. Нету алтаря,

Коль нету в алтаре безкровной жертвы.
И пусть художник через сотни лет
О днях печали свой рассказ начертит.

Оставленный и одинокий свет.
В сугробах снежных рыскает волчица,
К себе волчат зовет, а их уж нет.

И над пустым гнездом тоскует птица,
И люди бродят средь земных дорог.
Непроницаемы людские лица.

Земную грудь попрут стопами ног,
Распределят между собой ревниво
Чужого хлеба найденный кусок.

Не отдохнут, а дальше торопливо
Пойдут искать... И что искать теперь,
Какого нам неведомого дива,

Какой свободы от каких потерь?..
А солнце быстро близится к закату.
Приотворилась преисподней дверь.

Иуда пересчитывает плату,
Дрожит рука, касаясь серебра,
К убитому склонился Каин брату,

Течет вода пронзенного ребра,
И говорят с привычкой вековою
Предатели о торжестве добра.

Подобен мир запекшемуся гною.
Как преисподним воздухом дышать,
Как к ядовитому привыкнуть зною!

Вглядись, вглядись: вот бьется в небе рать,
И будет неустанно, вечно биться.
Вглядись: меч обоюдоострый... Мать...

Мать матерей... Небесная Царица:
Был плач такой же, на Голгофе был...
Вглядись еще: откуда эта Птица,

Как угадать размах священных крыл,
Как сочетать ее с землею грешной!
Пусть на устах последний вздох застыл, —

Глаза средь этой темноты кромешной
Привыкли в небе знаки различать.
Они видали как рукой неспешной

Снял ангел с Откровения печать, —
И гул достигнул до земного слуха.
Его услышав, не дано молчать.

Вздыхало раньше далеко и глухо.
Как вздох проснувшегося. А потом
Как ураган шумели крылья Духа,

И прах, и небеса заполнил гром.
И лезвием блестящим рассекала
Струя огня храм, душу, камень, дом:

Впивалось в сердце огненное жало.
Ослепшие, как много вас теперь,
Прозревшие, как вас осталось мало

Дух ведает один число потерь,
Дух только горечи и воли ищет:
Мать Иисуса и Давида дщерь,

Что херувимов огнекрылых чище,
Внесла свой обоюдоострый меч
На небеса небес, в Его жилище.

Никто не попытается извлечь
Из сердца Птицы смертоносной стали.
Он Сам пришел Себя на смерть обречь.

Так было предуказано вначале.
Начало мира, — этот меч и крест,
Мир на двуликой вырощен печали:

Меч для Нее, Невесты из невест,
Крест Отпрыску Давида, Сыну Девы.
Одно и два. Смешенье двух веществ.

Сегодня вечности поспели севы
И Божьему серпу препятствий нет.
Сталь огненосна. Кровеносно древо.

Крещение второе. Параклет.
Огонь и животворный Дух крещенье...
Сменяются потоки дней и лет, —

Все те же вы, безсмертны и повторены!
Живые образы священных книг.
Пилат умоет руки. В отдаленья

Петуший утренний раздастся крик,
И трижды отречение Петрово,
Сын плотника склонит Свой мертвый лик, —

Ворота адовы разрушит Слово.
Но Славы Царь сегодня в небесах,
Утешителя Он нам дал иного,

Иной и мытарь посыпает прах
На голову. Иного фарисея
Мы видим. Он с усмешкой на устах

Уж вычитал, об истине радея,
Что есть закон. Закон не превозмочь.
А кто восстанет, тем судьба злодея.

Которого Варравы? Пусть он прочь,
Прочь от суда уходит на свободу.
Трехдневная приблизилась к нам ночь.

К избранному Израилю, к народу
Новозаветному, внимай, внимай.
Вот некий Дух крылом смущает воду,

Где хочет дышит, воскрешает рай
В сердцах блудниц и грешников убогих.
Израиль новый, Божью волю знай,

Ведь сказано в Его законах строгих, —
Дар благодати взвешен на весах,
Дар благодати только для немногих.

Что создано из праха, будет прах...
И звонко заколачивает кто-то
Гвоздь в перекладину креста. И страх,

Кощунства страх, о чистоте забота,
И ужас непрощаемой хулы
Весь мир мертвит. И смертная дремота

Огонь покрыла пеленой золы.
Недвижны звезды в небе, звери в поле,
В морях застыли водные валы.

О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.

Где средь потопа Белой Птице сесть?
Где среди плевел отобрать пшеницу?
Что может пламень в этом мире съесть?

Лети от нас, истерзанная Птица.
К Тебе никто не рвется, не привык.
Не можешь Ты ничьей любви добиться.

Виденьям не покорствует язык,
Что видели глаза, пусть скажет слово.
Огонь средь мертвых, преисподней рык.

Пусть будет сердце смертное готово
Предстать на суд. Пусть взвесит все дела,
Пусть выйдет в вечность без сумы и крова.

Грудь голубя сегодня не бела,
На ней кровавые зарделись пятна,
И каплет кровь с высокого чела,

И шумы крыл не так для слуха внятны.
Единая Голгофская гора
Вдруг выросла и стала необъятна.

На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
И у костра гул голосов. Жара.

Как будто не существовали годы, —
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы.

В толпе огромной раздается крик:
«Распни ее, распни ее, довольно».
Вот кони стражи. Лес блестящих пик.

Глубоко вкопан столб. Доской продольной
Он перекрещен. Я в толпе, и ты,
И ты, — другой и все. Тропой окольной

Бежать средь наступившей темноты
В отчаяньи какой-то рыбарь хочет...
Вдруг в небе предрассветные цветы...

Вдруг серебро, слепящее средь ночи...
Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокочет...

Заключение

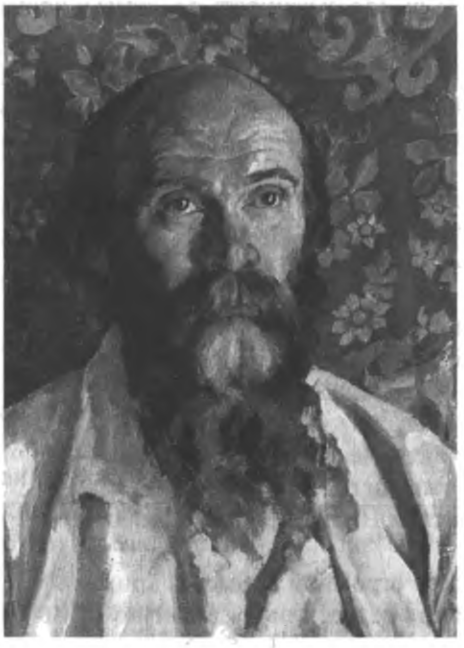
Не смею больше... В сердце не испуг,
Но все ж не смею... И усилье нужно
Опомниться... Вещей привычный круг.

Я в комнате. А за стеной наружной
Примята пыль. Прошел недавно дождь.
От северной границы и до южной.

Пасет народы предреченный Вождь.

Духов день
25 мая 1942

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ



Клюев Николай Алексеевич (1884—1937) — поэт, прозаик. В его судьбе решающую роль сыграл не только Александр Блок, но и Иона Брихничёв, с которым в конце 1910 года Клюева познакомил Блок как с одним из лидеров «голгофских христиан». К тому времени Синод уже лишил его сана, что лишь прибавило ему популярности. Первые поэтические книги Клюева вышли благодаря Брихничёву. А первые стихотворные сборники самого Ионы Брихничёва рецензировал Клюев. Именно Брихничёв стал представлять Клюева как пророка, равного Христу и Иоанну Дамаскину. Вскоре их пути разошлись. Уже после разрыва он обращался к Клюеву:

Мой Псалмопевец, мой Давид —
И змию и орлу подобный...
С душою ангельски незлобной
И с сердцем темным, как Аид...
Я верю, верю в Светлый Май...
Исполним вящее Закона...
Ты снова скажешь: брат Иона!
И я воскликну: Николай!

«Брату Ионе» не удалось сделать Клюева рупором своих сектантских идей, но влияние «голгофцев» не прошло безследно.

С Ионой Брихничёвым они еще не раз встретятся после революции, но уже заочно, как авторы революционных гимнов и одних из первых стихов о Ленине. Оба вступят в РКП(б). Но Брихничёв на этом не остановится. В 20-е годы он станет одним из создателей и руководителей Союза воинственных безбожников. И самая погромная брошюра 1923 года о патриархе Тихоне с обвинениями его в «контрреволюции» и «черносотенстве» тоже принадлежит бывшему «голгофцу» Брихничёву, начинавшему свой поэтический путь в Тифлисской семинарии вместе с Иосифом Джугашвили.

В жизни Клюева были два коротких революционных периода — эсеровский и большевицкий. Весной 1917 года на революционных митингах часто выступали два поэта-эсера — Николай Клюев и Сергей Есенин. Стихотворное послание 1918 года Дмитрия Семёновского «Николай Клюев» начинается строками: «На божнице — сапоги и вакса, // На печи приятней, чем в раю, // Не люблю я, знаете ли, Маркса, // Хоть уж год в эсерах состою». А заканчивается : «Что-то мне не ндравится слобода! // Всюду в вирши Спаса я сую, // Несмотря на то, что больше года // В партии эсеров состою». Вскоре в Вытегре Клюев вступил в РКП(б), но уже в 1920 году был исключен из партии за то, что не отрекся от Бога. Ему принадлежит жутковатое благословение красного террора («Убийца красный — святей потира...»), стихотворение «Господи! Да будет воля Твоя // Лесная, фабричная и пулеметная...» и другие, но уже в 1917 году он предопределит свою участь в стихотворении «Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь // Пред пастью львиною от ней не отрекусь...». О дальнейшем «стихотворном кресте» Николая Клюева можно судить по его предсмертным стихам и поэме «Каин», обнаруженной в 90-е годы в архиве КГБ. «Это была поэма покаяния, — отмечает С. Куняев. — Братоубийцу Святополка в народе называли окаянным — «окаинившимся». Раскаяние — освобождение от власти Каина. Клюев понимал, что ему самому это покаяние за содеянное с Россией нужнее, чем кому бы то ни было. Сотни стихотворцев, талантливых и бездарных, были в этом отношении безнадежны. Охмелев от крови безсудных расправ, они продолжали петь в том же духе, независимо от того, что одни герои их виршей, вставшие к стенке, сменялись другими, еще не вставшими. Грехи Клюева в этом отношении не сравнить с грехами его поэтических собратьев. Но ему жизненно необходимо было очиститься перед собой и Богом за те минуты, когда он поддался общему опьянению. В результате родилось одно из величайших произведений эпической поэзии XX века».

Поэма заканчивается пением венчального ирмоса: «Святые мученицы, иже добре кровями церковь украсивши!», а в начале звучат стихи:

...Взгляни на Радонеж крылатый.
Давно ли — светлый Алконост,
Теперь ослицею сохатой
Он множит тленье и навоз!
Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой,
Где лик России, львы и козы
Расшиты ангельской рукой —
Всё перегной — жилище сора.
Братоубийце не нужны
Горящий плат и слез озера
Неопалимой Купины!

«Голгофа» самого Николая Клюева, но уже реальная началась в 1934 году. В сибирской ссылке он написал трагически-провидческие стихи о судьбе родной земли — «памятник великой боли». В 1937 году последовал второй арест, заключение в Томскую тюрьму и смертный приговор по постановлению «тройки».

* * *

Помню я обедню раннюю,
Вереницы клобуков,
Над толпою покаянною
Тяжкий гул колоколов.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной,
Покрывая меди вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: «Ты не Мой».

С той поры я перепутьями
Невидимкою блуждал,
Под валежником и прутьями
Вместе с ветром ночевал.

Дни свершилися падения,
И посланец горних сил
Безглагольного хваления
Путь заблудшему открыл.

Знаки замысла предвечного —
Зодиака и Креста,
И на диске солнца млечного
Лик прощающий Христа.

<1908, 1911>

ПЕСНЬ ПОХОДА

Братья-воины, дерзайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жены, матери, по нам.

Наши груди — гор уступы,
Адаманты — рамена.
Под смоковничные купы
Соберутся племена.

Росы горние увлажат
Дни палящие лучи,
Братья раны перевяжут —
Среброкрылые врачи...

В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
Сокрутившего все беды,
Воспоет небесный хор, —

Херувимы, серафимы...
И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним,

Винограда вкусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...

Дух животными крылами
Прикоснется к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерется пополам...

Избежав могильной клети,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым:

И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
Аллилуйя, аллилуйя!
Камни гор возопиют.

<1912>

* * *

О, поспешите, братья, к нам,
В наш чудный храм, где зори — свечи,
Где предалтарный фимиам —
Туманы дремлющих поречий!

Спешите к нам, пока роса
Поит возжаждавшие травы
И в заревые пояса
Одеты дымные дубравы,

Служить Заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлеба...
Кто жив, души не очерстви
Для горних труб и зова неба!

В передрассветный тайный час,
Под заревыми куполами,
Как летний дождь, сойдет на нас
Всеомывающее пламя.

Продлится миг, как долгий век,
Взойдут неведомые светы...
У лучезарных райских рек
Сойдемся мы, в виссон одеты.

Доверясь радужным ладьям,
Мы поплывем, минуя мысы...
О, поспешите, братья, к нам
В нетленный сад, под кипарисы!

<1912>

ПОЛУНОЩНИЦА

Зачало. Возглас первый:

Всенощные свечи затеплены,
Златотканые подножья разостланы,
Воскурен ладан невидимый,
Всколебнулося било вселенское,
Взвеяли гласы серафимские:
Собирайтесь-ка, други, в Церковь Божию,
Пречудную, пресвятейшую!
Собираючись, други, поразмыслите,
На себя поглядите оком мысленным,
Не таится ли в ком слово бренное,
Не запачканы ли где ризы чистые,
Легковейны ль крыла светозарные?
Коль уста — труба, ризы — облако,
Крылья — вихори поднебесные,
То стекайтесь в Храм все без боязни!

Лик голосов:

Растворитесь ворота
Пламенного храма,
Мы — глашатаи Христа,
Первенцы Адама.

Человечий бренный род
Согрешил в Адаме, —
Мы омыты вместо вод
Крестными кровями.

Нам дарована Звезда,
Ключ от адской бездны,
Мы порвали навсегда
Смерти плен железный.

Вышли в райские луга,
Под живые крины,
Где не чуется Врага
И земной кручины,

Где смотреть Христу в глаза —
Наш блаженный жребий,
Серафимы — образа,
Свечи — зори в небе.

Конец. Возглас второй:

Наша нива — тверди круг,
Колосится звездной рожью,
И лежит вселенский круг
У Господнего подножья.

Уж отточены серпы
Для новины лучезарной,
Скоро свяжется в снопы
Колос дремлюще-янтарный!

Лик голосов:

Аминь!

<1912>

* * *

Без посоха, без злата
Мы двинулися в путь.
Пустыня мглой объята,
Нам негде отдохнуть.

Здесь воины погибли,
Лежат булат, щиты...
Пред нами вечных Библий
Развернуты листы.

В божественные строки,
Дрожа, вникаем мы,
Слагаем, одиноки,
Орлиные псалмы.

О, кто поймет, услышит
Псалмов высокий ряд?
А где-то росно дышит
Черемуховый сад.

За створчатою рамой
Малиновый платок, —
Туда ведет нас прямо
Тысячелетний рок.

Пахнуло смольным медом
С березовых лядин...
Из нас с Садко-народом
Не сгинет ни один.

У Садко — самогуды,
Стозвонная молва;
У нас — стихи-причуды,
Заморские слова.

У Садко — цвет-призорник,
Жар-птица, синь-туман;
У нас — плакун-терновник
И кровь гвоздиных ран.

Пустыня на утрате,
Пора исчислить путь,
У Садко в красной хате
От странствий отдохнуть.

<1912>

НА КРЕСТЕ

I

Лестница златая
Прянула с небес.
Вижу, умирая,
Райских кринов лес.

В кущах духов клиры, —
Светел лик, крыло...
Хмель вина и мирры
Ветром донесло.

Лоскуты рубахи
Треплются у ног...
Камни шепчут в страхе:
«Да воскреснет Бог».

II

Гвоздяные ноют раны,
Жалят тернии чело.
Чу! Развеяло туманы
Серафимское крыло.

К моему ли, горний, древу
Перервать томленья нить
Иль нечающую деву
Благовестьем озарить?

Ночь глуха и безотзывна,
Ко кресту утрачен след.
Где ты, светлая отчизна —
Голубиный Назарет?

<1912>

ВЕЧЕРНЯЯ

Ты взойди, взойди, Невечерний Свет,
С зменородными положи завет!

Чтоб отныне ли до скончания
Позабылися скорби давние,

Чтоб в ночи душе не кручинилось,
В утро белое зла не виделось,

Не желтели бы травы тучные,
Ветры веяли б сладкозвучные,

От земных сторон смерть бежала бы,
Твари дышащей смолкли б жалобы.

Ты взойди, взойди, Невечерний Свет, —
Необорный меч и стена от бед!

Без тебя, Отец, вождь, невеста, друг,
Не найти тропы на животный луг,

Зарных ангелов не срывать цветов,
Победительных не сплетать венков,

Не взыграть в трубу, в гусли горние,
Не завихрить крыл, ярче молнии.

<1912>

Музыка В.И. Панченко.

УСЛАДНЫЙ СТИХ

Под ивушкой зеленой,
На муравчатом подножье травном,
Где ветер-братик нас в уста целует,
Где соловушко-свирель поет-жалкует,
Соберемся-ка мы, други-братолюбцы,
Тихомудрой, тесною семейкой,
Всяк с своей душевною жилейкой.

Мы вспоем-ка, друженьки, взыграем,
Глядючи друг другу в очи возрыдаем
Что ль о той приземной доле тесной,
Об украшенной обители небесной,

Где мы в Свете Неприступном пребывали,
Хлеб животный, воду райскую вкушали,
Были общники Всещедрой Силы,
Громогласны, световидны, шестикрылы...

Серафимами тогда мы прозывались,
Молоньею твари трепетной казались...
Откликались бурей-молвью громной,
Опоясаны броней нерукотворной.

Да еще мы, братики, воспомним,
Дух-утробу брашном сладостным накормим,
Как мы, духи, человечью плоть прияли,
Сетовязами, ловцами в мире стали,

Как рыбачили в водах Геннисарета:
Где Ты, — Альфа и Омега, Отче Света?..

Свет явился, рек нам: «Мир вам, други!»
Мы оставили мережи и лачуги
И пошли вослед Любови-Света,
Возсиявшего земле от Назарета.

Рек нам Свете: «С вами Я вовеки!
Обагрятся кровью вашей реки,
Плотью вашей будут звери сыты,
Но в уме вы Отчем не забыты».

Мы восплещем, други, возликуем,
Заодно с соловкой пожалкуем.
С вешней ивой росно прослезимся,
В серафимский зрак преобразимся:

Наши лица заряницы краше,
Молоньи лучистей ризы наши,
За спиной шесть крылий легковейных,
На кудрях венец из звезд вечерних!

Мы восплещем зарными крылами
Над кручинными всерусскими полями,
Вдунем в борозды заплаканные нови
Дух живой всепобеждающей любови, —

И в награду, друженьки, за это
Вознесут нас крылья в лоно Света.

<1912>

* * *

Я борозду за бороздою
Тяжелым плугом провожу
И с полуночною звездою
В овраг молиться ухожу.

Я не кладу земных поклонов
И не сплетаю рук крестом, —
Склоняясь над сумрачною елью,
Горю невидимым огнем.

И чем смертельней лютый пламень,
Тем полногласней в вышине
Рыдают ангельские трубы
О незакатном, райском дне.

Но чуть заря, для трудной нивы
Я покидаю дымный лог, —
В руке цветок алее крови —
Нездешней радости залог.

<1912>

* * *

Пушистые, теплые тучи,
Над плёсом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Пономарь.

Плывут вечевые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеся по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.

Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.
Чу, гул... Не душа ли медвежья
На темень расплакалась вслух?

Иль чует древесная сила,
Провидя судьбу наперед,
Что скоро железная жила,
Ей хвойную ризу прошьет?

Зовут эту жилу Чугункой, —
С ней лихо и гибель во мгле...
Подъёлыш с ольховой лазункой
Таятся в родимом дупле.

Тайга — боговидящий инок,
Как в схиму, закуталась в марь.
Природы великий поминок
Вещает Лесной Пономарь.

<1914>

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Умер, бедняга, в больнице военной...
К.Р.

Умер, бедняга, в больнице военной,
В смерти прекрасен и свят,
То не ему ли покров многоценный
Выткал осенний закат?

Таял он, словно свеча, понемногу,
Вянул, как в стужу цветы —
Не потому ли с берез на дорогу
Желтые сдуло листы,

И не с кручины ль, одевшись в багрянец,
Плачет ивняк над рекой?..
С виду пригожий он был новобранец,
Статный и рослый такой.

Мир тебе, юный! Осенние дали
Скорбны, как родина-мать, —
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать.

Злая шрапнель с душегубкою-пулей
Сгинут, вражду разлюбя, —
Рыбарь за сетью, мужик за косулкой,
Вспомнят, родимый, тебя!

<1914>

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МИЛОСТЫНИ
Песня убогого Пафнутьюшки

Не отказана милостыня праведная,
На помин души родительской,
По субботним дням подавана
Нищей братье со мостинами...
А убогому Пафнутьюшке
Дан поминный кус в особицу.
Как у куса нутра ячневы,
С золотой наводной корочкой,
Уж как творен кус на патоке,
Испечен на росном ладане,
А отмяк кусок под образом,
Белым облаком прикутанный...
Спасет Бог, возблагодарствует
Кормящих, поящих,
Одевающих, обувающих,
Теплом согревающих!

Милостыня сота —
Будет душеньке вольгота;
Хозяину в дому,
Как Адаму во раю,
Детушкам в дому,
Как орешкам во меду!
Спасет Бог радетелей,
Щедрых благодетелей,
Аверький — банный согреватель,
Душ и телес очищатель,
Сесентий — калужник,
Олексий — пролужник,
Все святые с нами
В ипостасном храме.
Аминь.

<1914>

* * *

Мужицкий лапоть свят, свят, свят!
Взывает облако, кукушка,
И чародейнее, чем клад,
Мирская, потная полушка.

Мужицкий тельник: Змий, Огонь,
Крылатый Лев Евангелиста,
Христа гвоздиная ладонь —
Свирель, что тайной голосиста,

Горыныч, Сирин, Царь Кащей, —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.

В телеге туч неровных бег,
В метелке — лик метлы небесной.
Пусть черен хлеб, и сумрак пег, —
Есть вехи к родине безвестной,

Есть мед и хмель в насущной ржи,
За лаптевязьем дум ловитва,
«Вселися в ны и обожи» —
Медвежья умная молитва.

<1914>

СТИХ О ПРАВЕДНОЙ ДУШЕ

Жила душа свято, праведно,
Во пустыне душа спасалася,
В листвие, нага, одевалася,
Во берёста, боса, обувалася.
Притулья-жилья душа не имала,
За стольным брашном не сиживала,
Куса в соль не обмакивала.

Утрудила душа тело белое,
Что до туги-издыхания смертного,
Чаяла душа, что в рай пойдет,
А пошла она в тартарары.
Закрючили душеньку два огненных пса,
Учали душеньку во уста лакать...
Калагыря-бес да бес-един
К сатане пришли с судной хартией...
Надевал сатана очки геенские,
Садился на стуло костеножное.
Стал житие души вычитывать:
Трудилась душа по-апостольски,
Служила душа по-архангельски,
Воздыхала душа по-Адамову —
Мукой мучиться душе не за что.
А и в чем же душа провинилася,
В грабеже ль, во разбое поножовничала,
Мостовую ли гривну утаивала,
Аль чужие силки оголаживала,
Аль на уду свят артос насаживала?
Не повинна душенька и в сих грехах...
А как была душа в плоти-живности,
Что ль семи годков без единого,
Так в Страстной Пяток она стреснула,
Не покаявшись, глупыш масленый...
Не суди нам, Боже, во многом,
А спаси нас, Спасе, во малом.
Аминь.

<1914>

Впервые: «Ежемесячный журнал» (1914, № 12), в подборке «Песни из Заонежья». Музыка В.И. Панченко.

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ

Как у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не донской казак скакуна поил, —
Молодой гусар свою кровь точил,
Вынимал с сумы полотёнышко,
Перевязывал раны черные...
Уж как девять ран унималися,
А десятая, словно вар, кипит...

С белым светом гусар стал прощатися,
Горючьими слезами уливатися:
«Ты прощай-ка, родимая сторонушка,
Что ль бажоная теплая семеюшка!
Уж вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные, —
Ставьте свеченьку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!
Ты, смеретушка — стара тетушка,
Тише бела льна выпрядь душеньку».

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седлеце удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды — речи братские:
«Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор несу у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик — Свет-Солунским.
Объезжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву, —
Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масленый;
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы».

<1915>

* * *

Облиняла буренка,
На задворках теплынь,
Сосунка-жеребенка
Дразнит вешняя синь.

Преют житные копны,
В поле пробель и зель...
Чу! Не в наши ли окна
Постучался апрель?

Он с вербою монашек,
На груди образок,
Легкозвоннее пташек
Ветровой голосок.

Обрядись в пятишовку,
И пойдем в синь и гать,
Солнце — Божью коровку
Аллилуйем встречать.

Прослезиться у речки,
Погрустить у бугров!..
Мы — две белые свечки
Перед ликом лесов.

<1915>

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потомки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом и рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой.

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок,
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волнянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...
О пуща-матерь, тучки прядь,
Туман пушистее кудели.

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

<1915>

* * *

Судьба-старуха нижет дни,
Как зерна бус — на нить:
Мелькнет игла — и вот они,
Кому глаза смежить.

Блеснет игла — опять черед
Любить, цветы срывать...
Не долог день, и краток год
Нетленное создать.

Всё прах и дым. Но есть в веках
Богорожденный час,
Он в сердобольных деревнях
Зовется Светлый Спас.

Не потому ль родимых сел
Смиренномудрый вид,
Что жизнедательный глагол
Им явственно звучит,
Что небо теплит им огни,
И Дева-благодать,
Как тихий лен, спрядает дни,
Чтоб вечное соткать?

<1915>

ПОМИННЫЙ ПРИЧЕТ

Покойные солдатские душеньки
Подымаются с поля убойного:
До подкустья они — малой мошкою,
По надкустью же — мглой столбовитою,
В Божьих воздухах синью мерещатся,
Подают голоса лебединые,
Словно с озером гуси отлётные
С святорусской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной,
Входят души в обличие плотское,
Их встречают там горние воины
С грознокрылым Михайлом архангелом,
По трикраты лобзают страдателей,
Изгоняют из душ боязнь смертную.
Опосля их ведут в храм апостольский —
По своим телесам окровавленным
Отстоять поминальную служебку.
Правит службу им Аввакум пророк,
Чтет писание Златоуст Иван,
Херувимский лик плещет гласами,
Солнце-колокол точит благовест.

Как улягутся веи сладкие,
Сходит Божий Дух на солдатушек,
Словно теплый дождь озимь ярую
Насыщает их брашном ангельским,
Горечь бренных дней с них смываючи,
Раны черные заживляючи...
Напоследки же громовник Илья,
Со Ерёмою запрягальником
Снаряжают им поезд огненный, —
Звездных меринов с колымагами,
Отвезти гостей в преблаженный рай,
Где страдателям уготованы
Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,
Пожни сенные — виноград-трава,
Пашни вольные, безплатежные —
Всё солдатушкам уготовано,
Храбрым душенькам облюбовано.

<1915>

* * *

В этот год за святыми обеднями
Строже лики и свечи чадней,
И выходят на паперть последними
Детвора да гурьба матерей.

На завалинах рать сарафанная,
Что ни баба, то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальные шепчет слова.

Посиделки, как трапеза братская, —
Плат по брови, послушней кудель,
Только изредка матерь солдатская
Поведет причитаний свирель:

«Полетай, моя дума болезная,
Дятлом-птицею в сыр-темен бор...»
На загуменье ж поступь железная —
Полуночный Егорьев дозор.

Ненароком заглянешь в оконницу —
Видишь вьявь, как от северных вод
Копьеносную звездную конницу
Страстотерпец на запад ведет.

Как влачит по ночным перелесицам
Сполох-конь аксамитный чепрак,
И налобником ясным, как месяцем,
Брезжит в ельник пугающий мрак.

<1915>

* * *

Ель мне подала лапу, береза — серьгу,
Тучка канула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел «Блажен муж» и «Кресту Твоему»...
Утомилась осина вязать бахрому.
В луже крестит себя обливанец-бекас:
Уж натянуты снасти, скрипят якоря,
Закудрявились пеной Господни моря,
Вот и сходню убрал белобрысый матрос...
Неудачлив мой путь, тяжек мысленный воз!
Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, древозвук, купина красоты.
Там, под Дубом Покоя, накрыты столы,
Пиво Жизни в сулеях, и гости светлы —
Три пришельца, три солнца, и я — Авраам,
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
«Родишь сына-звезду, алый песенный сад,
Где не властны забвенье и дней листопад,
Где береза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колыбель».

<1914—1916>

* * *

Лесные сумерки-монах
За узорочным Часословом,
Горят заставки на листах
Сурьмою в золоте багровом.

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным.

Лесных погостов старожил,
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто жил,
Над палой пихтою вздыхая.

Забвенье светлое тебе,
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

Смывает киноварь стволов
Волна финифтяного мрака,
Но строг и вечен Часослов
Над котловиною, где рака.

<1915>

ВЕШНИЙ НИКОЛА

Как лестовка, в поле дорожка,
Заполье ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.

Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днем.

В тоске распахнула оконце —
Все празелень хвой да рябь вод.
Глядь, в белом худом балахонце
По стежке прохожий идет.

Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль Божий бегун,
И слышу: «Я Вешний Никола», —
Усладней сказительных струн.

Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон, —
С того ль гомонливы синицы,
Крякуши и гусь-рыбогон.

Плескучи лещи и сороги
В купели финифтяных вод...
«Украшены вижу чертоги», —
Верба-клирошанка поет.

<1915—1917>

МОЛИТВА

Упокой мою душу, Господь,
Во святых, где молчит всяка плоть,
Где под елью изба-изумруд —
Сладковейный родимый приют,
Там божница — кувшинковый цвет
И шесток неостывно согрет!

Облачи мою душу, Господь,
Как зарю, в золотую милоть,
Дай из молний венец и вручи
От небесной ограды ключи:

Повелю серафимам Твоим
Я слететься к деревням родным,
Днем сиять, со всенощною ж мглой
Теплить свечи пред каждой избой!

О, взыщи мою душу, Творец,
Дай мне стих — золотой бубенец,
Пусть душа — сизый северный гусь —
Облетит непомерную Русь,

Здесь вспарит, там обронит перо —
Песнотворческих дум серебро,
И свирельный полет возлюбя —
Во святых упокоит себя!

<1916>

СЛЕЗНЫЙ ПЛАТ

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный утеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на злато, польстился —
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостиный,
Потеряшку почел за прибыток —
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем перехожим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:
«Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном, —
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как веха, зеленела,
И казала бы к раю дорогу!»

<1916>

НОВЫЙ ПСАЛОМ

Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осиновый все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного;
Тяжелы души писанья видимые,
И железо живет в буквах Библий!

О душа моя — чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: свет брезжит!
Раскрылась лилия, что шире неба,
И колесница Зари Прощения
Гремит по камням небесным!
О ясли рождества моего,
Теплая зыбка младенчества,
Ясная келья отрочества,
Дуб, юность мою осеняющий,
Дом крепкий, просторный и убранный,

Училище красоты простой
И слова воздушного, —
Как табун белых коней в тумане,
О родина моя земная, Русь буреприимная!
Ты прими поклон мой вечный, родимая,
Свечу мою, бисер слов любви неподкупной,
Как гора неохватной,
Свежительной и мягкой,
Как хвойные омуты кедрового моря!
Вижу тебя не женой, одетой в солнце,
Не схимницей, возлюбившей гроб
и шорохи часов безмолвия,
Но бабой-хозяйкой, домовитой и яснозубой,
С бедрами, как суслон овсяный,
С льняным ароматом от одежды...
Тебе только тридцать три года —
Возраст Христов лебединый,
Возраст чайки озерной,
Век березы, полной ярого, сладкого сока!..
Твоя изба рудо-желта,
Крепко срублена, смольностенна,
С духом семги и меда от печи,
С балагуром-котом на лежанке
И с парчовою сказкой за пряжей.
Двор твой светл и скотинушкой тучен,
Как холстами укладка невесты;
У коров сытно-мерная жвачка,
Липки сахарно-мерные удои,
Шерсть в черед с роговицей линяет,
А в глазах человеческий разум;
Тишиною вспоенные овцы
Шелковистее ветра лесного;
Сыты кони овсяной молитвой
И подкованы веры железом;
Ель Покоя жилье осеняет,
А в ветвях ее Сирин гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку, —
Как взмесить нежных красок опару,
Дрожжи звуков всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлебы,
Пищу жизни, вселенское брашно...

Побывал я под чудною елью
И отведал животного хлеба,
Видел горницу с полкой божничной,
Где лежат два ключа золотые:
Первый ключ от Могущества Двери,
А другой от Ворот Воскрешенья...
Боже, сколько алчущих скрипа петель,
Взмаха стволов дверных и воротных,
Миллионы веков у порога,
Как туманов полки над Поморьем,
Как за полночью лед ледовитый!..

Есть моя черноводнее вара,
Липче смол и трескового клея
И недвижней столпы Саваофа;
От земли, словно искра от горна,
Как с болот цвет тресты пуховейной,
Возлетает душевное тело,
Чтоб низринуться в черные воды —
В те моря без теченья и ряби;
Бьется тело воздушное в черни,
Словно в ивовой верше лососка;
По борьбе же и смертном биенье
От души лоскутами спадает.
Дух же — светлую рыбью чешуйку,
Паутинку луча золотого —
Держит вар безмаячного моря:
Под пятой невесомой не гнется
И блуждает он, сушей болея...
Но едва материк долгожданный,
Как слеза за ресницей, забрезжит,
Дух становится сохлым скелетом,
Хрупче мела, трухлявее трута,
С серым коршуном-страхом в глазницах,
Смерть вторую нежданно вкушая.
Боже, сколько умерших миров,
Безымянных вселенских гробов!
Аз Бог Ведаю Глагол Добра —
Пять знаков чище серебра;
За ними вслед: Есть Жизнь Земли —
Три буквы — с златом корабли,
И напоследок знак Фита —
Змея без жала и хвоста...
О Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас
и вышний трубный гром,
Что песню мужика «Во зеленых лузях»
Создать понудил звук и тайнозренья страх?!

По Морю морей плывут корабли с золотом:
Они причалят к пристани того,
кто братом зовет Сущего,
Кто, претерпев телом своим страдание,
Все телесное спасет от гибели
И явится Спасителем мира.

Приложитесь ко мне, братья,
К язвам рук моих и ног:
Боль духовного зачатья
Рождеством я перемог!
Он родился — цветик алый,
Долгочаемый младень:
Серый камень, сук опалый
Залазурились, как день.

Снова голубь Иорданский
Над землею воспарил:
В зыбке липовой крестьянской
Сын спасенья опочил.

Бельте, девушки, холстины,
Печь топите для ковриг:
Легче отблеска лучины
К нам слетит Архистратиг.

Пир мужицкий свят и мирен
В хлебном Спасовом раю,
Запоет на ели Сирин:
Баю-баюшки-баю.

От звезды до малой рыбки
Все возжаждет ярых крыл,
И на скрип вселенской зыбки
Выйдут деды из могил.

Станет радуга лампадой,
Море — складнем золотым,
Горн потухнувшего ада —
Полем ораным мирским.

По тому ли хлебоборью
Мы, как изморозь весной,
Канем в Спасово поморье
Пестрядинною волной.

1916

* * *

Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, —
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звезды-комары,
Где с аспидом дитя играет у норы,
Где солнечная печь ковригами полна
И киноварный рай дремливее челна...

Упокой, Господи, душу раба Твоего!..

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о родина, потайная судьба?!
Твои сыны-волхвы — багрянородный труд
Вертепу Господа иль Ироду несут?
Пригрезятся ли им за яростным горном
Сад белый, восковой и златобревный дом, —
Берестяный придел, где отрок Пантелей
На пролежни земли льет миро и елей?..
Изведи из темницы душу мою!..

Под красным знаменем рудеет белый дух,
И с крыльев Михаил стряхает млечный пух,
Чтоб в битве с сатаной железноперым стать, —
Адама возродить и Еву — жизни мать,
Чтоб дьявол стал овцой послушной и простой,
А лихо черное — грачонком за сохой,
Клевало б червяков и сладких гусениц
Под радостный раскат небесных колесниц...

Свят, свят, Господь Бог Саваоф!

Уму — республика, а сердцу — Китеж-град,
Где щука пестует янтарных окунят,
Где нянюшка-судьба всхрапнула за чулком,
И покумился серп с пытливым васильком,
Где тайна, как полей синеющая таль...
О тысча девятьсот семнадцатый Февраль!
Под вербную капель и под грачиный грай
Ты выпек дружкин хлеб и брачный каравай,
Чтоб Русь благословить к желанному венцу...
Я запоздалый сват, мне песня не к лицу,
Но сердце — бубенец под свадебной дугой —
Глотает птичий грай и воздух золотой...

Сей день, его же сотвори, Господь,
Возрадуемся и возвеселимся в онь!

<1917>

* * *

Есть две страны: одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину»...
Но, слыша скрежет ткацких сосен,
Тянусь к зловещему окну

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читают нити: «Н.А. Клюев —
Певец олонецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские обозы
В далекой бренной стороне.

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка, —
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!» —
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Расея,
Страна гречишных озимей!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

1937

Н. Клюев. Фото из следственного дела ВЧК

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

Клычков Сергей Антонович (1889—1937) — поэт, прозаик. Зарождение русской новокрестьянской поэзии Серебряного века связано с тремя именами — Николай Клюев, Сергей Клычков, Сергей Есенин. «Сосен перезвон» Николая Клюева и «Песни» Сергея Клычкова вышли в 1911 году, первое стихотворение Сергея Есенина появилось в печати в 1914 году, а первая книга «Радуница» лишь в 1916-м, но уже с этого времени начнет формироваться тот круг поэтов, который назовут есенинским. Сергей Клычков войдет в него одним из первых.

Почти все новокрестьянские поэты безоговорочно приняли революцию, но они же оказались и в числе ее первых жертв. Бывший красноармеец-доброволец вологодский поэт Алексей Ганин — в 1925 году. Пимен Карпов посвятит расстрелянному Ганину стихи, в которых есть такие строки:

От света замурованный дневного,
В когтях железных погибая сам,
Ты сознавал, что племени родного
Нельзя отдать на растерзанье псам.

Николай Клюев, Сергей Клычков, Сергей Есенин тоже не могли не сознавать, что происходит с русским народом и Россией. Алексей Ганин в своих тезисах «Мир и свободный труд народам» выражал взгляды поэтов-есенинцев, да и ныне они, увы, не устарели. Ганин писал:

«При существующей государственной системе России — это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа — вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии. Ясный дух русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены...»

Есть в этих тезисах и такие слова, за которые Ганин готов был взять всю ответственность на себя, отвечать, как писал он, «перед судом истории»:

«...В лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности — средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов — таится смерть и разрушение, разрушения и смерть».

В первый раз Сергей Есенин, Сергей Клычков и Петр Орешин были арестованы вместе с Ганиным в 1923 году. После расстрела Ганина Есенину оставалось жить всего семь месяцев... Но и Сергей Клычков был приговорен уже в 1925 году вместе со всеми новокрестьянскими поэтами, не изменившими своему племени родному.

Николай Клюев вступил в РКП(б) в 1919 году, а уже в 1920 был исключен за то, что не отказался от своих религиозных взглядов, не стал воинствующим безбожником. В 1929 году он напишет свою поэму раскаяния «Каин». В 1934 году будет арестован в первый раз. В 1937 году — в последний.

Поэт-есенинец, свояк Есенина Василий Наседкин стал большевиком в 1917 году, в братоубийственную Гражданскую войну был красноармейцем, но в 1921 году «от несогласия с политикой партии по крестьянскому вопросу» сам вышел из нее, после того как увидел, по его признанию, «картины продразверстки на Урале», в своей родной Башкирии. В 1937 году его арестуют вместе с сыном Есенина Георгием Есениным, приговоренным к расстрелу только за то, что носил фамилию отца.

Есенинец Петр Орешин пытался «перековаться», прославлять новую деревню:

Всю степь, всю ширь перекроили,
Узнать нельзя! И нет болот,
И над рекой, где утки жили,
Стекольный пенится завод.

Пришли совсем другие степи —
Железа, стали, кирпича...
И люди все здесь носят кепи
Такие ж, как у Ильича!

Но и, как писал о них Есенин, «плохие коммунистические стихи» не спасли (хорошие, впрочем, тоже не спасали). В справке, предварявшей его «дело» 1937 года, значилось: «Орешин — поэт кулацкой идеологии. Начал печататься с 1919 года. Издано больше тридцати книг его стихов. Враждебная советскому строю направленность стихов Орешина неоднократно разоблачалась советской критикой. Орешин вращается в кругу реакционных антисоветски настроенных поэтов. В прошлом его ближайшими друзьями были поэты — Есенин Сергей, Клюев (выслан)».

Есенинца Ивана Приблудного впервые арестовали в 1931 году, приговорив к высылке из Москвы в Астрахань. Его второй арест в феврале 1937 года был связан с еще одним новым «делом», заведенным на самого талантливого ученика Сергея Клычкова Павла Васильева. Смертный приговор «террористу» Павлу Васильеву был объявлен 15 июля 1937 года, Ивану Приблудному — через месяц.

Сергея Клычкова арестовали 31 июля 1937 года, но готовить его «дело», собирать агентурные данные стали уже в 1936-м. В них есть такая запись его слов: «Я думал раньше, что русская поэзия на нас троих кончилась. Один задавился — Есенин, второй ошибочно не сделал этого — Клычков, а третий сдан заживо в архив, осужден. Пропечатан в черных списках. Нет, поэзия — такая штука, которую ни Соловками, ни приказами не задушишь... Живы ростки, посеянные нами, живы. Я знаю, что в народе ходят могучие, растущие...»

В 30-е годы, заклейменный как «идеолог кулачества», он мог заниматься только переводами «братских литератур», но продолжал писать стихи. Одно из них ходило по рукам:

Не гадай о светлом чуде,
Воскресения не будет!
Ночь пришла: померкнул свет.
Мир исчезнул, мира нет.

И не люди и не бесы
За белесой серой мглой
Кружат в поле из-за леса
На земле и над землей.

Разве ты не слышишь воя?
Слава Богу, что нас двое!
В этот темный страшный час,
Слава Богу, двое нас!

Слава Богу, слава Богу,
Двое, двое нас с тобой.
Я — с дубинкой у порога,
Ты — с лампадой голубой.

Вполне возможно, что это стихотворение только приписывалось Сергею Клычкову, как Сергею Есенину — «Ответ Демьяну Бедному», который, как установили современные есеноведы, не принадлежал ему. Но в данном случае важен сам факт появления такого «Ответа» на атеистические агитки Демьяна Бедного от имени Сергея Есенина. Авторство «волчьего цикла», ходившего по рукам как стихи Клычкова, думается, еще будет доказано...

В 30-е годы вся знаменитая «троица» новокрестьянских поэтов была «пропечатана в черных списках», живые тоже были похоронены заживо. Все это Сергей Клычков испытал уже при жизни. Новую крестьянскую поэзию (действительно н о в у ю и действительно к р е с т ь я н с к у ю) вырубали под корень, чтобы не было ростков... Но в 1936 году он встретился с двумя молодыми поэтами-есенинцами Шамариным и Зубакиным, убедившись, что не все кончено, что поэзию не задушить, что их живые ростки живы.

Эта встреча, судя по всему, оказалась решающей как в его судьбе, так и для других, остававшихся в живых новокрестьянских поэтов — Николая Клюева, Петра Орешина, Ивана Приблудного, Василия Наседкина, Павла Васильева. Равно как и молодых поэтов, чьи имена тоже значатся в расстрельных списках по «делу Клычкова».

И все-таки он оказался прав. Ни Соловки, ни расстрелы не смогли задушить русской поэзии.

Именно в 1936 году, когда Сергей Клычков открыл для себя могучих, растущих молодых есенинцев, на Вологодской земле, родине Алексея Ганина, появился на свет еще один росток, которому суждено было стать «вторым Сергеем Есениным», — Николай Рубцов.

* * *

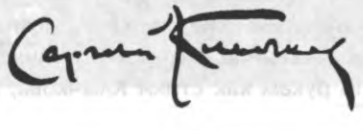
Образ Троеручицы
В горнице небесной
В светлой ризе лучится
Силою чудесной.

Три руки у Богородицы
В синий шелк одеты —
Три пути от них расходятся
По белому свету...

К морю синему — к веселию
Первый пусть в начале...
В лес да к темным елям в келию —
Путь второй к печали.

Третий путь — нехоженый,
Взглянешь, и растает,
Кем куда проложенный,
То никто не знает.

<1910>



ДЕТСТВО

Помню, помню лес дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий
В ветках дремлющей ольхи...

Помню: филины кричали,
В темный лес я выходил,
Бога строгого в печали
О несбыточном молил.

Дикий, хмурый, в дымной хате
Я один, как в сказке, рос,
За окном стояли рати
Старых сосен и берез...

Помолюсь святой иконе
На соломе чердака,
Понесутся, словно кони,
Надо мною облака...

Заалеет из-за леса,
Прянет ветер на крыльцо,
Нежно гладя у навеса
Мокрой лапой мне лицо.

Завернется кучей листьев,
Закружится возле пня,
Поведет, тропы расчистив,
Взявши за руку меня.

Шел я в чаще, как в палате,
Мимо ветер тучи нес,
А кругом толпились рати
Старых сосен и берез.

Помню: темный лес, дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий,
Ветки дремлющей ольхи...

<1910, 1913>

* * *

Как не петь и не молиться,
Если все поет вокруг —
Лес и луг, ручьи и птицы,
Если облак светлолицый
Улыбается, как друг!..

Друг прекрасный, облик милый,
Вестник радости земной!..

В жизни бедной и унылой
Всюду образ белокрылый
Тихо веет предо мной!..

Пусть тебя я и не встретил
И не встречу на земле —
Сердцем радостен и светел,
Я пою, как ранний петел,
В одиночестве и мгле...

В мгле холодной, как могила,
Изнемог бы я от слез! —
Но да льется голос милый
Моей родины унылой
В шуме ласковом берез...

Не грустить и не молиться
И не петь я не могу.
Я на дне души-слезницы
Тихий свет ее зеницы,
Словно тайну, берегу!

<1914, 1929>

* * *

Вся в тумане, в дремоте околица,
Только с краю светок от окон:
То тайком моя матушка молится
И кладет за поклоном поклон.

Смотрит в очи ей лик Троеручицы,
А в углу предрассветная мгла —
«Полно плакать, родимая, мучиться,
Ты бы лучше вздремнула, легла...»

Уж светает, уж брезжится по полю,
Уж мелькает русалочья тень...
Вот и кони с ночнины протопали,
И за тын смотрит труженик-день...

1914

* * *

Монастырскими крестами
Ярко золотеет даль.
За прибрежными кустами
Спит речной хрусталь.

За чудесною рекою
Вижу: словно дремлет Русь,
И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь.

Вижу: скошенные нивы,
По буграм седой костырь,
Словно плакальщицы, ивы
Склонены в пустырь.

По лесам гуляет осень,
Мнет цветы, стряхает лист,
И над нею синь и просинь
И синичий свист.

Та же явь и сон старинный,
Так же высь и даль слились;
В далях, в высях журавлиный
Оклик: берегись!

Край родной мой (все, как было!)
Так же ясен, дик и прост, —
Только лишние могилы
Сгорбили погост.

Лишь печальней и плачевней
Льется древний звон в тиши
Вдоль долин родной деревни
На помин души, —

Да заря крылом разбитым,
Осыпая перья вниз,
Бьется по могильным плитам
Да по крышам изб...

<1922>

ИЗ ЦИКЛА «ЗАКЛЯТИЕ СМЕРТИ»

Давно не смотрит Спас с божницы,
И свет лампад давно погас:
Пред изначальным ликом жницы
Он в темноте оставил нас!

Пред жницей страшной и победной,
Восставшей в пепле и крови,
Не мог остаться плотник бедный
Со словом мира и любви!

И вот теперь в привычном месте
Висит не Спасов образок,
А серп воздания и мести
И сердца мирный молоток!

<1930-е гг.>

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — поэт, прозаик. Окончил Константиновское земское четырехгодичное училище (1909), Спас-Клепиковскую церковно-учительскую школу (1912), приступил к занятиям на историко-философском отделении Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского (1913). Стихотворение «Береза» в журнале «Мирок» (1914, январь) — его поэтический дебют. «Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», — писал Сергей Городецкий о своем первом знакомстве в 1915 году с девятнадцатилетним Сергеем Есениным. Этого ч у д а действительно ждали долго. Предтечей есенинской «Радуницы» в XX веке была «Ярь» самого Сергея Городецкого, «Сосен перезвон» Николая Клюева, заставившие говорить о «провозвестнике новой силы». Поэты и прозаики «новокрестьянской школы» Сергей Клычков, Пимен Карпов тоже оказались его предтечами. Со временем уже не Есенин будет входить в круг «крестьянских поэтов», а они составят ближайшее есенинское окружение, получат известность благодаря Есенину. Но и вырезаны будут под корень, чтобы не осталось никаких побегов для возрождения после всеобщей и полной маяковизации поэзии. Александра Ганина расстреляют в марте 1925 года, незадолго до гибели Есенина, Николая Клюева — в 1934-м, Сергея Клычкова, Ивана Приблудного, Василия Наседкина, Петра Орешина, Павла Васильева — в 1937-м. Один из идеологов Пролеткульта, Георгий Устинов, будто накаркал в 1922 году: «Чуют ли поэты свою гибель? Конечно. Ушла в прошлое дедовская Русь, и, вместе с нею, с меланхолической песней отходят и ее поэты». «По мне Пролеткульт не заплачет. // И Смольный не сварит кутью», — меланхолически вздыхает Николай Клюев. И Есенин, самый одаренный поэт переходящей эпохи и самый неисправимый психобандит, вторит своему собрату: «Я последний поэт деревни...»

Но ведь уничтожалась не просто крестьянская, а именно христианская Русь. Есенин в своих первых журнальных публикациях 1915 года и в «Радунице» 1916 года предстал невиданным до того времени чудом народного религиозного поэта. Это были уже не просто отдельные религиозные мотивы и темы, как у Алексея Кольцова или же Ивана Никитина, а новая молитвенная поэтика:

...Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

Так в одном из самых ранних стихотворений 1910 года предстает его «пантеизм», о котором Николай Вентцель писал после первых есенинских публикаций: «Это не всепоглощающий тютчевский пантеизм, для которого между "я" и природой не было грани и который нашел такое полное выражение в поэтической формуле: "Все во мне и я во всем"». У Есенина такое слияние с природой мы не находим, но она для него — обширный храм, и потому все в ней может считаться священным, все может возбуждать молитвенный восторг». Таким предстал он в ранних стихах. Характерен отзыв Николая Клюева на одну из первых публикаций Есенина в «Ежемесячном журнале». «Какие простые неискусные песенки Есенина в июньской книжке — в них робость художника перед самим собой и детская, ребяческая скупость на игрушки-слова, которые обладателю кажутся очень серьезной вещью», — писал он о «Троице» редактору журнала В.С. Миролюбову еще до переписки и знакомства с самим Есениным. В его предсмертном «Черном человеке» есть строки:

Не знаю, не помню.
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

Ведь эти строки звучат как заклятье Ивану, не помнящему родства, которое Есенин не смог преодолеть. Его «Инония» заканчивается молитвой нового человека:

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!

«В начале 1918 года, — писал он в автобиографии "О себе" (1925), — я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал "Инонию"». Такую же и н о н и ю — иной, новый мир возвестили «Двенадцать» Александра Блока и «Христе» Андрея Белого. «Поэмы Блока, Есенина, Белого, — напишет в 1918 году Иванов-Разумник, — поэмы "пророческие", поскольку каждый подлинный "поэт" и есть "пророк". И все истинные поэты всех времен — были «пророками» вселенской идеи своего времени, всегда через настоящее провидели в будущем Инонию».

Все трое в своих поэмах отреклись от старого мира, хотя тот же Есенин за два года до «Инонии» произносил как клятву:

...О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

После «Инонии» он отдал эти цепи, расстался с долгим сном. В 1920 году он напишет Александру Ширяевцу: «Брось ты петь эту стилизованную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это все выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? Пусть уж нюхает Клюев, ему это к лицу, потому что от него самого попахивает, а от тебя нет». Ответ Ширяевца Сергею Есенину не сохранился, но в это же время на замечание Ходасевича о том, что «народа такого, каков у вас в стихах, скоро не будет», он ответил от имени всех новокрестьянских поэтов, включая Есенина: «Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что его скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурила в

Спас-Клепиковская церковно-учительская школа. Рис. 1910—1920-х гг.

шелковых лапотках, с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила в американских штиблетах, с Карлом Марксом или "Летописью" (журналом М. Горького. — *В.К.*) в руках, захлебывающейся от открываемых там истин?.. Ей-богу, прежний мне милее!..»

К этому же времени относятся и есенинские строки:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез...

Это было последнее молитвенное стихотворение последнего поэта деревни. Во всех последующих исчезает сама молитвенная лексика, в них уже нет ни звездных псалмов, ни лесного аналоя, ни причащенья у ручья, ни утреннего канона, ни вечерни полевой глухомани, ни зоревого заре псалма, ни молитвословного ковыля, ни молебна птичьих голосов... В «Письме к матери» не случайно появляются строки:

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.

И он действительно уже никогда не вернется к этому старому. Через два года напишет:

Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.

Но это же стихотворение 1923 года заканчивается покаянными строками, свидетельствующими о том, что Есенин не допускал мыслей о самоубийстве:

...Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Это стихи умирающего кающегося грешника, не потерявшего последней надежды, которой лишает себя самоубийца, — под иконами умирать. Нет этих мыслей и в предсмертных стихах 1925 года:

...И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревёнчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой
Все любя, спокойно умереть!

В том-то и дело, что ему не дали умереть по-христиански — все любя. Тайна его смерти выражена в строках Игоря Северянина: «И Богу вновь раскрыл, раскаясь, сени // Неистовой души своей Есенин...»

После расстрела Алексея Ганина 30 марта 1925 года смертный приговор был вынесен и Сергею Есенину. Его не смогла спасти ни «Песнь о великом походе», ни сборник «О России и революции» с другими «коммунистическими стихами». Он был приговорен как «последний поэт деревни», который должен был стать таким же п о с л е д н и м поэтом русской деревни, как расстрелянный Николай Гумилев — русского дворянства. Через одиннадцать лет будут расстреляны все остальные поэты из ближайшего окружения Есенина: Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Иван Приблудный, Василий Наседкин, хотя с «есенинщиной» было покончено уже в 20-е годы. Последнюю черту подвели книги «Упадочные настроения среди молодежи. Есенинщина» (издательство Коммунистической академии, 1927) и «Есенин — есенинщина — религия» Г. Покровского (издательство «Атеист», 1929).

Запрет на имя Есенина, как и на имя Гумилева, продержался более тридцати лет. Но в 1936 году Сергей Клычков встретится с двумя молодыми поэтами уже нового поколения, прошедшего через советскую маяковизацию, которое, как казалось ему, уже не должно было знать ни имени Есенина, ни его собственного. Они же пришли к нему как к учителю, он увидел перед собой былых есенинцев. Сергей Клычков, вынужденный в ту пору заниматься лишь переводами «братских литератур», не мог скрыть своей радости: «Нет, поэзия — такая штука, которую ни Соловками, ни приказами не задушить. Живы ростки, посеянные нами, живы».

Эти слова оказались роковыми не только для самого Сергея Клычкова и молодых поэтов-есенинцев, но и всех остававшихся в живых друзей и учеников Есенина 20-х годов. На этот раз никого из них не сослали, как Николая Клюева, не задушили запретами на публикации стихов, как Сергея Клычкова, их всех расстреляли, включая молодых поэтов и лучшего ученика Клычкова Павла Васильева. Расстреляли и первого есенинского сына Георгия Есенина, который вовсе не был поэтом, но не сменил фамилию отца на фамилию матери, как это сделали другие его дети. Точно так же поступил сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой Лев Гумилев, поплатившийся за неотречение от имени отца двумя лагерными сроками.

В нашей антологии Сергей Есенин представлен молитвенными стихами, созданными до «Инонии».

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.

Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Исусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на брусе.
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

Полыхают зори, курятся туманы.
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

ВЬЮГА НА 26 АПРЕЛЯ 1912

Что тебе надобно, вьюга?
Ты у окна завываешь,
Сердце больное тревожишь,
Грусть и печаль вызываешь.

Прочь уходи поскорее,
Дай мне забыться немного,
Или не слышишь — я плачу,
Каюсь в грехах перед Богом?

Дай мне с горячей молитвой
Слиться душою и силой.
Весь я истратился духом,
Скоро сокроюсь могилой.

Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас удалися
Или за грешную душу
Вместе со мной помолися.

<1912>

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком —
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,

Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

1914

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас,
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий:
«Спаси, Господи, люди Твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапку, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

На коне — черной тучице в санках —
Билось пламя-шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою,
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей Псалтирь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

* * *

Я пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей.
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.

В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

* * *

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли,
Раздвигая щупальные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

1914

ПАСХАЛЬНЫЙ БЛАГОВЕСТ

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

1914

ТРОИЦА

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

1914

* * *

Чую радоницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняясь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

1915

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса,
Только лес, да полосонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

* * *

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в ельнях — крылья серафима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни
Старая избушка,
Там перед иконой
Молится старушка.

Молится старушка
Сына поминает,
Сын в краю далеком
Родину спасает.

Молится старушка,
Утирает слезы.
А в глазах усталых
Расцветают грезы.

МОЛИТВА МАТЕРИ.

На краю деревни
Старая избушка,
Тамъ передъ иконой
Молится старушка.

Молится старушка
Сына поминаетъ,
Сынъ въ краю далекомъ
Родину спасаетъ.

Первая публикация стихотворения «Молитва матери» в журнале «Проталинка» (1914, № 10)

Видит она поле,
Это поле боя,
Сына видит в поле —
Павшего героя.

На груди широкой
Запеклася рана,
Сжали руки знамя
Вражеского стана.

И от счастья с горем
Вся она застыла,
Голову седую
На руки склонила.

И закрыли брови
Редкие сединки,
А из глаз, как бисер,
Сыплются слезинки.

<1914>

* * *

Я, странник убогий,
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

На шелковом блюде
Опада осин,
Послухайте, люди,
Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины,
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я, странник убогий,
Молюсь в синеву,
На палой дороге
Ложуся в траву.

Покроюся сладко
Меж росновых бус;
На сердце лампадка,
А в сердце Иисус.

<1915>

Обложка журнала «Проталинка»

РУСИ

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся — далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.

<1915>

ПОМИНКИ

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо —
На помин небесным птахам пища.

Тащат галки рис с могилок постный,
Вяжут нищие над сумками бечевки.
Причитают матери и крестны,
Голосят невесты и золовки.

По камням, над толстым слоем пыли,
Вьется хмель, запутанный и клейкий.
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подаяньем
Ищут странницы отпетую могилу.
И поет дьячок за поминаньем:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

<1915>

* * *

Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.

Верю, родина, я знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к раю
Богомольная тропа.

Все пути твои — в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.

Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты — казематы
Да железный звон цепей.

Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.

<1915>

* * *

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом,
Но зовет нас из Псалтири
Зоревой заре псалом.

И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги Голубиной
Напоить свои уста.

<1915>

* * *

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна — как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрпкий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

1915

* * *

Занеслися залетной пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

А ты из светлого рая,
В ризах белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.

<1915>

* * *

За горами, за желтыми до́лами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться Любви и Кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед Ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

* * *

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны младые были.

А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою,
Все тот же розовый платок
Застегнут смуглою рукою.

Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.

И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом жизни.
О, помолись и за меня,
За безприютного в отчизне.

Июнь 1916
Константиново

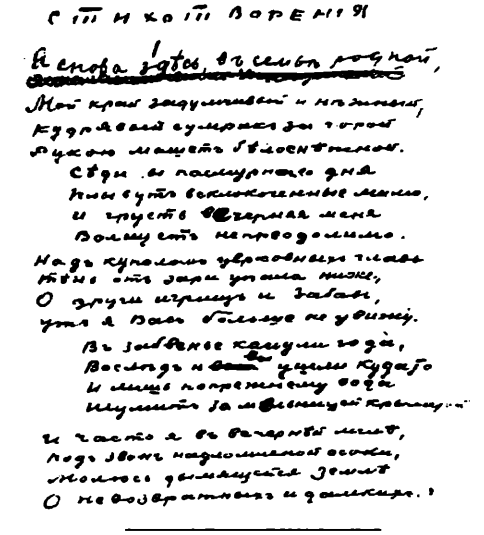
* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.


С. Есенин
Я снова здесь, в семье родной,
Мой край задумчивый и нежный,
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.
Седин ли пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.
Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже,
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу.
В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.
И часто я в вечерний час,
Под звон надломленной осоки,
Жалею думающих зря
О невозвратных и далеких.

Автограф стихотворения «Я снова здесь, в семье родной»

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

Июнь 1916

* * *

Твой голос незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь Тебе.

Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил Ты.

В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

Есть радость в душах — топтать Твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.

Но краше кротость и стихший пыл
Склонивших веки пред звоном крыл.

1916

* * *

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

<1916>

* * *

Без шапки, с лыковой котомкой,
Стирая пот свой, как елей,
Бреду дубравною сторонкой
Под тихий шелест тополей.

Иду, застегнутый веревкой,
Сажусь под копны на лужок.
На мне дырявая поддевка,
А поводырь мой — подожок.

Пою я стих о светлом рае,
Довольный мыслью, что живу,
И крохи сочные бросаю
Лесным камашкам на траву.

По лопуху промяты стежки,
Вдали озерный купорос,
Цепляюсь в клейкие сережки
Обвисших до земли берез.

И по кустам межи соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов.

<1916>

ИСУС МЛАДЕНЕЦ

Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
В храме:

«Пойте, веселитеся
И за всех молитеся
С нами!»

Молятся с поклонами
За судьбу греховную,
За нашу;

А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:

«Я Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А Боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Обложка первого издания поэмы «Исус младенец»

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Не мало».

Замешкались птицы —
Журавли, синицы —
Дождь прочат.

А Боженька в хате
Все теребит Мати,
Есть хочет.

Вышла Богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька Маленький
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он осторожненько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.

И Господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати —
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла не мало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У Белого аиста
Сыночек.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«На вечное время
Собирайте семя
Не мало.

А Белому аисту,
Что с Богом катается
Меж веток,

Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток».

<1916>

* * *

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог,
В них спит Твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

1917

* * *

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу.

1917

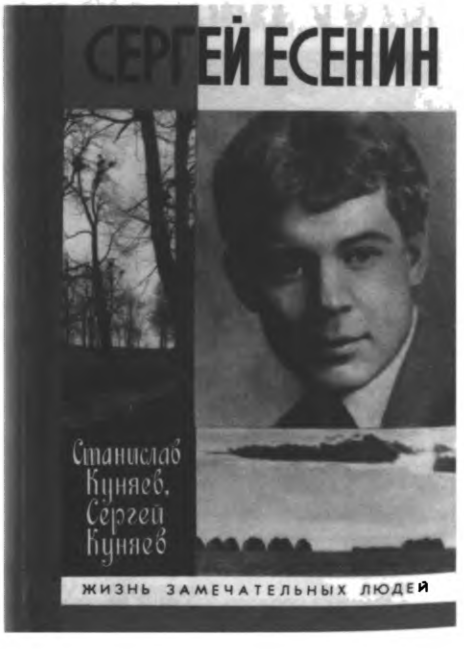
* * *

О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О, верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье,
Благословенное страданье,
Благославляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917



АЛЕКСАНДР ШИРЯЕВЕЦ

Ширяевец Александр (Абрамов Александр Васильевич; 1887—1924) — вошел в историю русской литературы прежде всего как «баюн Жигулей и Волги». Так назвал его в одном из своих писем Сергей Есенин. Кстати, именно эти письма к Ширяевцу, опубликованные в начале 1960-х годов в Собрании сочинений Есенина, а затем много раз перепечатанные, сыграли важную роль в том, что имя Ширяевца и в наши дни не поросло «травой забвения».

Его родное село Ширяево (в честь которого он и взял свой псевдоним) расположено в одном из самых живописных мест у великой русской реки. Волга и в самом деле как бы плещется на страницах многих стихов Ширяевца:

Рядом — Волга... Плещет, льнет,
Про бывалое поет...

А кругом простор такой —
Глянешь, станешь сам не свой!

Все б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!

Однако и в этом, и в других стихотворениях поэта о родных краях явственны ностальгические ноты, что вовсе не случайно. Ведь большинство произведений Ширяевца было создано им вдалеке от родины, в Туркестанском крае, куда он был вынужден переехать еще в ранней юности и где прожил большую часть своей недолгой жизни.

С 1905 по 1922 год (с перерывом в один год) он служил телеграфистом в разных городах Туркестана — от Ташкента до Бухары: «...служу теперь в почтово-телеграфном ведомстве, — писал поэт в Москву 27 ноября 1914 года одному из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка писателей из народа Г.Д. Дееву-Хомяковскому. — От деревни я отстал, служил одно время чернорабочим в Самаре на бумаго-красильной фабрике, потом писцом, а потом уже влез в чиновный мир. Одно меня утешает — я один из тех мелких чинуш, имя коим легион и которые еще более безправны, чем крестьяне и рабочие... Мыслить я должен не так, как мне нравится, а так, как предписывают циркуляры и разные отношения... Ничего не поделаешь: жрать захочешь, так не только чиновником сделаешься, а и хуже... Скажу одно: я с гордостью думаю, что я сын народа, и тянет меня в деревню, тот же мир, в который затолкнула меня судьба, противен мне и омерзителен. Только и отвожу душу песней».

Песенный дар Ширяевца неоспорим — его «песнистихи» (как именовал их он сам) получили наибольшую известность... Однако он постоянно обращался и к вечным темам поэзии, среди которых заметное место занимали такие, как жизнь и смерть, вера и безверие...

О вере и безверии Ширяевец задумывался на протяжении всего творческого пути. Свидетельство тому — его стихи разных лет, касающиеся этой темы; большая их часть как будто создавалась под девизом: «...я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью» (Ф. Тютчев).

Ниже эти произведения предлагаются вниманию читателей. При жизни поэта в одну из его книг входили только «Благовест» и «Колокола гудят повсюду...». Стихотворения «В Рождественскую ночь», «Пасха» и «В Пасхальную ночь» Ширяевцу удалось обнародовать лишь в периодике. Тексты произведений «Угоднику», «Нил Сорский» и «Опта» были напечатаны уже посмертно. Два оставшихся — «Святителю Пантелеимону» и «Христу» — публикуются впервые.

Вводная статья и публикация С. Субботина.

БЛАГОВЕСТ

Благовест радостный долго звучал,
Чуткая тьма далеко разносила...
Чудо как будто душе обещал
Благовест дивный, — и радостно было
Слушать гудящий могучий призыв,
Горькие думы земли позабыв...

<1908>

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

В тишине морозной гулко
Загудит церковный звон,
Из далеких переулков
Потекут на медный стон.

Замерцают в храмах свечи,
И — небесная мечта,
Пронесется весть далече
О рождении Христа.

Славим торжественным пением,
В волнах курений, моления
Шлём Воскресившему свет.

Славим толпой многолюдною
Весть благодатную, чудную,
Света ж в сердцах у нас нет...

Веру в него потерявшие,
Низкие, лживые, падшие,
Славим, купаясь в крови...

Славим, Его не познавшие,
Черствой душою не знавшие
Братской любви.

<1908>

* * *

Колокола гудят повсюду,
И стонут хоры: «Он Воскрес!»
Но для себя не жду я чуда
Ни от людей, ни от небес...

Я долго ждал в горячей вере,
Но вместо света темный Рок
Мне нес обиды и потери
И глубже, глубже в бездну влек.

Я гибну... Разомкнуть нет силы
Судьбы суровые тиски,
И навсегда душа застыла,
И онемела от тоски...

...И слышу клики я повсюду,
Колокола поют, звеня...
Скажи: Ты явишь ли мне чудо,
И воскресишь ли Ты меня?!

<1909>

ПАСХА

Воскрешен весь люд бездольный
Словом властным,
И запели колокольни
Звоном красным.

Солнце весело всходило,
Светит яро...
Мать-Земля в цветы рядила
Зипун старый...

Наряжался лес шумливый
В изумруды...
Всюду к светлому призывы...
Вера в чудо...

— «Пасха! Пасха!» — стонут птицы
У оконца...
Думы ярки, как зарницы,
В сердце — солнце!

<1913>

В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Красный звон, святые песнопенья,
Вера в чудо — сколько красоты
В этой ночи! В сердце воскресенье,
И мечты младенчески чисты...

— «Будет радость!» — кто-то светлый шепчет,
Чую шелест светозарных крыл...
Воскресаю... — Обними же крепче!
Мир и жизнь я снова полюбил!

<1915>

КИТЕЖ

Долго плелася на ноженьках старых...
Вот и лазурная гладь Светлояра...

— «Силы небесные, милость явите ж!
Дайте мне у́зреть схоро́ненный Китеж!»

Крепит иконку на тонкой березке,
Теплит свечу самодельного воску...

Молится истово, глядючи зорко,
Чудо не явит ли Божье озёрко...

...Явлена милость душе голубинной...
Так и метнулася: лепый, старинный

Град показался... И церкви, и башни...
Вот и хоромы высокие княжьи...

Люди не в нонешних — баских кафтанах,
Вои с колчанами, в до́спехах бранных...

Звон колокольный и древлее пенье,
За́ землю Русскую слышно моленье...

— Китеж!..
Всплакнула... И вот все пропало, —
Только лазурь Светлояра сверкала...

— «Слава Угодникам! Слава те, Спасе!»
И в деревеньку опять поплелася...

1916

УГОДНИКУ

Пусть безумствую, кощунствую
И кляну свои пути, —
Суждено мне — сердцем чувствую —
Вновь с мольбой к Тебе прийти...

Перед ликом встану благостным,
Хлынут слезы, что ручьи,
Пусть по-детски будут радостны
Дни последние мои...

6 декабря 1918

СВЯТИТЕЛЮ ПАНТЕЛЕИМОНУ

Помоги, чтобы силой чудесной
Были язвы души и тела овеяны,
Целитель небесный,
Угодниче Пантелеимоне!
Рыдая,
Припадаю
К рукам Твоим благостным:
Чудо сотвори,
Жизнь озари
Хоть недолгою радостью!
Раб Божий Александр.

24 марта 1921

НИЛ СОРСКИЙ

Мертвы болота, неулыбна Сора, —
Да лучше лечь в единой из могил!
Но возлюбил сие пустынник Нил:
Для «внутреннего деланья» — просторы!

Стал подвизаться. Не жалея сил,
Христову ниву очищал от плевел,
Божественною истиною веял,
Зело ханжей тучнеющих клеймил.

Мертвы болота. Подвигом красён
Суровый скит. Да вот вспомин услада.
Святыни благолепные Царьграда,
Афона дальнего медлительный зазвон.

Болота вновь. А Русь-то не болото?..
Вновь за труды, мамоны слуг громя.
Слова последние в предсмертную дремоту
— «С безчестьем всяким погребите мя».

<Между 1920 и 1922>

ОПТА

Был Опта душегубцев всех лютей,
Плясали бесы, — хороши замашки.
Но час настал, и буйных нет затей,
Последнюю для нищих снял рубашку.

И пустынь Оптина несет всем благодать!
— Вовеки, Русь, тебя не разгадать!

<Между 1920 и 1922>

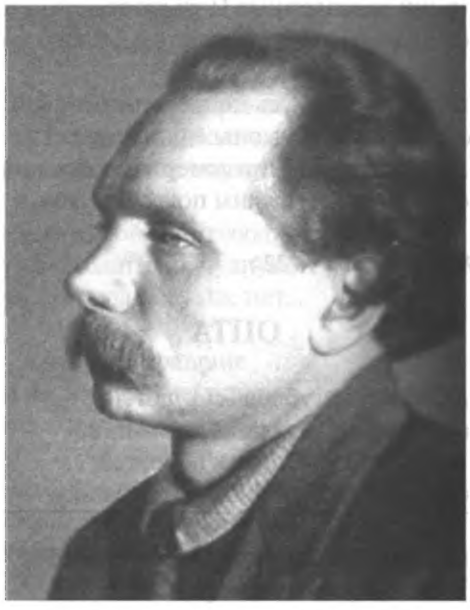
ХРИСТУ

Барахтаюсь то ласковый, то грубый,
Хулю Тебя, Великого отца.
Что мне сказать, когда поднимут трубы
И брызнет свет Господнего лица?

Не страшен огнь безжалостного ада,
Безропотно я двинулся б к нему, —
Сгорю, сгорю от Твоего я взгляда!
Лишь пред Тобой все, все пойму!

<1922>

ПАВЕЛ РАДИМОВ



Радимов Павел Александрович (1887—1967) — поэт, художник. Сын сельского дьякона из села Ходяйново Рязанской губернии. В 1901 году, по окончании Зарайского духовного училища, поступил в Рязанскую духовную семинарии, но уже в семинарии серьезно увлекся поэзией и живописью. В 1905 году, не закончив семинарию, уехал в Москву поступать в Училище живописи, ваяния и зодчества. На экзамены опоздал и стал заниматься в частной студии А.П. Большакова. Осенью 1906 года поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Даже незаконченное духовное образование считалось настолько высоким, что предоставляло право поступления без экзаменов в университеты, правда только провинциальные. Студентом университета участвовал в художественных выставках, в том числе в 1911 году в 39-й выставке «передвижников». Вскоре и сам был принят в Товарищество передвижников по рекомендации И.Е. Репина и В.Д. Поленова. В эти же годы, уже добившись признания как художник, издал в Казани две поэтических книги «Полевые псалмы» (1912) и «Земная риза» (1914). Он не входил ни в какие поэтические группировки того времени ни Москвы, ни Петербурга, но его книги не остались не замеченными столичными мэтрами, делавшими «погоду» в литературе — символистом Брюсовым и акмеистом Гумилевым, пытавшимися, как и другие рецензенты (В. Нарбут, В. Ходасевич, Ю. Айхенвальд), найти параллели его «Полевым псалмам» в русской поэзии, понять их в сравнении с Фетом, Бальмонтом, а Гумилев пошел еще дальше, увидев в Радимове отголоски французских поэтов Леконта де Лиля и Франсуа Жама. Ближе всех в этих определениях оказался, пожалуй, Юрий Айхенвальд, отметив главное — «дух священничества, богослужения, просветленной церковности». Первые стихи Сергея Есенина, которые тоже можно назвать полевыми псалмами (в них даже есть словосочетание «Зовет нас из Псалтири // Зоревой зари псалом»), были созданы в эти же годы (1912—1914). Но в данном случае речь может идти не о заимствованиях и влияниях. Два этих земляка-рязанца внесли в поэзию свое реальное, а не литературное восприятие мира, оба они в этом отношении оказались намного ближе к французскому поэту-анималисту Леконту де Лилю, чем ко многим своим современникам. С той только разницей, что французский «парнасец» был богоборцем, а для сына рязанского дьячка и семинариста Павла Радимова вся природа была одухотворенной, такой он воплощал ее в своих картинах и в своих стихах. Сергей Есенин, как известно, воспитывался в патриархальной семье старообрядца-начетчика деда, учился в Константиновской не просто, как это обычно указывается, сельской школе, а в церковно-приходской, и закончил в 1912 году Спас-Клепиковскую не просто учительскую школу, а церковно-учительскую. Так что оба они получили церковное образование, церковная лексика и церковная образность была для них органичной. «Троицино утро, утренний канон, // В роще по березкам белый перезвон. // Тянется деревня с праздничного сна, // В благовесте ветра хмельная весна» — в этих есенинских строках все так же обычно и буднично, как и в радимовских: «Пред церковью сгоняют спешно стадо. // Ирмос плывет с куреньем голубым...» Но до Есенина и Радимова, пожалуй, только у Григория Сковороды можно встретить такое же соединение, казалось бы, несоединимого, принадлежащего к разным мирам, разной иерархии ценностей. Странно, что в первых рецензиях на книги Павла Радимова, как, впрочем, и Сергея Есенина, критики не заметили этой параллели...

С Есениным Павел Радимов познакомится уже в 20-е годы, когда оба они писали уже совсем другие стихи. После 1917 года Радимов как художник входил в АХРР (Ассоциацию художников революционной России), а как поэт — в «Кузницу», объединявшую пролетарских поэтов из Пролеткульта, пытаясь, что называется, идти в ногу со временем. Писал стихи и картины на революционные и производственные темы, но затем вернулся к тому, с чего начинал. Для Есенина путь назад оказался закрытым, Радимову это удалось. Он, как отмечают исследователи, «так и остался приверженцем старого патриархального быта русской деревни, певцом русской природы». В избранной им «асоциальной» нише он чувствовал себя «на своем месте» и позиции своей не изменил до конца.

Из книги «Полевые псалмы» (1912)

ПСАЛОМ ЗАЧАЛА

Благослови, Господь, мой подвиг песнопенья!
Огонь пылающий вложи в мои уста.
Где только станешь Ты — сияет красота,
Ты взор Свой обратишь — сбываются веленья.

Текут века времен... Людские поколенья
Уходят в прах земли. Их дни, как жизнь листа.
Дохнет осенний хлад, и роща вся пуста, —
Лишь кроет золото замерзшие коренья.

Но Ты зовешь весну, — и дерево ветвями
Шумит и песнь поет к Престолу Твоему.
Твой луч дарует жизнь, рассеяв злую тьму.

Полночный мрак небес Ты осветил огнями...
Ты воззови из тьмы моей души стремленья...
Благослови, Господь, на подвиг песнопенья!

* * *

Господь лесов, — темных, шумящих тревогой,
Тихих полей, озаренных лазурною ласкою неба,
Бог васильков, что растут над проезжей
дорогой —
Синие глазки средь колоса ржаного хлеба.

Господь жуков, бабочек красных и белых,
Бабочек с черными пятнами, робкой
трепещущей моли, —
Ныне молюсь я Тебе в своих песнях несмелых,
Благословляю за огненность солнечной воли!

* * *

Господь воздвиг Чертог на поле ржей
склоненных,
Колосьев легион поет Ему хвалу
И синих васильков коленопреклоненных,
Кивающих с межи уснувшему селу.

Звенит согласный хор гудящих, неуемных
Жуков, взлетающих в полуночную мглу,
Где свет дрожит от звезд упавших, опаленных,
Низринувшихся вниз в подобие орлу.

Так волей мудрою Господь пути направит, —
Пусть все живущее Создателя восславит!
Он руководит жизнь предвиденным Концом.

Он сон студеных рос хранит неукоснимо,
Он даст убежище букашке еле зримой,
И солнца поразит Он огненным Мечом.

* * *

О, голоса полей и нив зарею ранней,
Когда туман, как дым, курится над ложбиной,
Когда горит восток, когда еще желанней
Певцам пернатым петь и реять над долиной!

В тот час весь светлый мир просторней
и безгранней,
Он дышит думою и радостью единой —
Встречать Царя небес, затем, чтоб неустанней
И ярче Он лучи низринул, чтоб хранимый

Зарею тихий дол, проснувшись, оживился,
И солнца звонкий луч в росинке отразился,
Чтоб поле все, и лес, и ширь лугов степная,

Кивая стеблями травы и лепестками,
«Осанна» говоря незримыми устами,
Восторгом грянуло от края и до края.

* * *

Вам, темные дубровы, песнь пою!
Склоняяся таинственною сенью,
Вы душу восхищаете мою
Зеленою трепещущею тенью.

Я в ваших песнях ныне узнаю
Свою песнь счастья и благословенья.
Его, как иерей, я вам даю,
Склонив чело для общего моленья:

О Бог-Господь, явившийся во славе
Творений рук Своих, твердь разделивший,
И в синь небес, как в золотой оправе,

Тьмы звездных солнц Глаголом укрепивший, —
Внемли мольбе: не отврати Лица
От слов благоговейного певца.

* * *

Благословение зорьке — алому поясу неба,
Птицам — их песням, ликующим, звонким,
крылатым,

Бабе, идущей тропинкой средь ржаного хлеба,
Благословение всем буеракам и скатам!

Благословение ветхой часовне с крестом при дороге,
Чьей-то телеге, проехавшей громко и тряско!..
Этою зорькой мне слышится песня о Боге,
В сердце рождается светлая, светлая сказка.

* * *

И звезд не исчислить в тумане далеком
Над полем, принявшем молчанья обет.
Яснеется месяц недремлющим оком.
В саду раздышался черемухи цвет.

А там звенит песня. И песня уходит.
И хочется крикнуть — крикнуть о том,
Что звезд не исчислить. Они в хороводе
Идут, поют звезды о Вечном — Ночном.

* * *

Где-то сыч закричал, — сторожит он в полночь колокольню.
Где-то алая зорька зажглась и потухла безгласно.
Поднимается месяц немеркнущим оком и красным,
Он идет над землею просторной и дольней.

В этот вечер весенний неправду и злое кто скажет?
И хулой укорит ли он имя Великого Бога?
Изомнет ли ногою цветы? — они там, где овражек,
Украшают ковром пол Земного Чертога.

РОПОТ КАИНА

О ветер, бешено ударь!
Ты, море, кликни гневным зовом!
Я Богу бросил ропот словом.
Все отвернулись. Было встарь.

Где мой отец, и мать, и сестры,
Мой брат несчастный, брат родной?
За грех плачу большой ценой,
Такой тоской, безумно-острой.

Из сердца ран сочится кровь.
И ворон мести злобой дышит.
И Иегова мой зов не слышит.
Из сердца ропот рвется вновь:

О Иегова! Как огнь пожара, —
Так сердце ранами горит,
Твой Меч наверняка разит.
Да, бей! Я жду удара.

Ты, ветер, — бешено ударь!
Ты, море, — кликни гневным зовом!
Рази Господь! — гордец суровый,
Я снова тот, что был и встарь.

ЭЛЕГИЯ. ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Терцины

Печальная картина: косогор,
Две-три ветлы, общипанных ветрами;
Ограды нет, — стоит взамен забор

Из длинных кольев; в нем проход местами
Пробили овцы, жадные до трав,
Взлелеянных могильными костями.

Ряды крестов. Одни из них, упав,
Как будто руки в небо простирают
С мольбой, пред тем, как в глубине канав

Навеки сгнить; другие умирают
Не так: уходит в землю все, с землей
Сравняются и мхами обрастают.

Печально кладбище. Его покой
Ненарушим. Гнезда не вьют здесь птицы,
Лишь жавронок весеннею порой

Зальется в час, когда взойдут зарницы
И полымем осветят небосвод,
Падет роса, как слезы на ресницы.

Но тих погост. Девичий хоровод
Пройдет с лугов, пройдут в венках, с цветами
И с песнями... Но под землей народ

Схороненный ответными словами
Не взговорит. То время отошло.
Быть может, лишь гнетущими мечтами

Отдастся клик земной, язвя чело
Умершего воспоминанья жалом...
А юность с песнями уйдет в село.

За вечером и ночь придет устало.
Пахнет тогда туманами с лугов,
И подойдет с лугов их покрывало.

И песнь слышна: то коростель готов
Перекричать всех бученей в болоте,
Таинственных, тоскующих певцов.

А на селе — в недремлющей заботе
О целости, сохранности мирян —
Стукушкой сторож ревностно колотит.

Звук на полях, где сонный тих бурьян,
Угаснет эхом. Месяц озаряет
Простор росой увлаженных полян.

О, кто на кладбище тогда вздыхает?
Чей шепот слышится, томящий стон?
То старый сыч дозором пролетает,

На полевых зверьков охоту он
Устроит и, поймав в меже мышонка,
Несет в гнездо на церкви близь окон.

Хрип радостный детей раздастся звонко...
Ночь пролетит, и ясный день приходит.
Вон — стадо выгнали. Как в перегонку

Телята скачут! Овцы колобродят
И тычутся туда-сюда. Пастух
Кнутом своим законный строй наводит.

Рожок мелодией ласкает слух,
И движется тогда толпа живая
Скотины, девок, баб, ребят, старух.

А ветлы кладбища, живым кивая,
Привет от мертвых шлют, что под землей
Лежат, чья кончилась тропа земная.

Из них трудился каждый в холод, зной,
Кропил наделы нив мужицким потом,
Встречал беду покорною слезой.

Он был, он жил, он охладел к заботам,
Отдохновение ему послал
Господь — награду дал его работам.

Так жизнь прошла. Блажен, кто полагал
Земное счастье в милости Господней,
Кто Воле Божией судьбу вверял!

Для Господа смирение угодней,
Чем гордость подвигов, а тот удел,
Где мирный труд — порфиры благородней...

Простой народ безхитростно сумел
Почтить их труд. Есть праздник на кладбище:
Перед началом всех весенних дел,

В день Радуницы, всяк с запасом пищи —
Яиц, пасх, куличей — прийти спешит
К сородичам на мертвое жилище.

Молитву с верою он сотворит,
Предложит разделить с собою тризну
И с мертвым по сердцу поговорит.

Расскажет беды все и укоризны,
Заботы и начатые дела, —
И мертвые опять проснутся к жизни.

Поляна празднична и весела,
И жавронок над полем распевает...
А люди всё идут, бредут с села...

Но чаще скорбь тяжелая бывает
На кладбище, когда раздастся звон,
Звон редкий, погребальный... Он сзывает

Нас долг отдать. Картина похорон
Так тяжела, когда о крышку гроба
Ударит ком земли. Со всех сторон

Посыплется тогда земля... О, чтобы
Любимых мертвыми нам не видать,
Как поглощает их земли утроба?

О, если б слез не лить и не рыдать,
Иссохшим горлом имя призывая!..
Осеннею порою умирать

Хотел бы я, порой, когда скликая
Печальным голосом там в вышине,
На юг уносится пернатых стая;

Когда грачи — там, где закат в огне —
Исчезнут, а жнивье полей печально;
Когда умрут цветы, и по стране

Промчится вихрь, дождя слезой хрустальной
Заплачет о весне, сорвет листы
И закружит, завьет их в поле дальном...

В тот час умрут навек мои мечты!..
Такой порой на кладбище так больно,
Так грустно... Дождик каплет с высоты.

Овца, забредшая сюда невольно,
Все плачется блеянием впотьмах,
Стремясь туда, где за оврагом дольным

Горят огни вечерние в избах.
Там жизнь манит уютная, родная,
А здесь царит смертельный жуткий страх.

И в сумерках вечерних призывая,
Звучит тот голос долго, скорбный зов.
И мнится: под землей душа живая

Так плачет, вырываясь из оков.

ПОЛНОЧНАЯ МОЛИТВА

Господи! Ужаса полны Твои начертания,
Грозны, суровы Твои повеления.
Сердце мятется в тоске ожидания.
Прости мне грехи и мои помышления!

Слышу в полночи раскаты грозящие,
Огненный меч Твой блистает укорами.
Господи! Смертию длани разящие
Свои отврати благостынями скорыми!

Перед иконой с лампадой зажженною
Скорбный и сирый прошу я прощения.
Вот мое сердце тоской опаленное, —
Прости мне грехи и мои помышления!

* * *

Всю ночь за окошком безумно шептали.
Рыдали так горько, так горько смеясь.
И слышал я: имя мое называли,
И слышал я: грустные песни звучали,
И ладан курился, и, тихо виясь,

Дым в синее небо полночи струился.
А в небе полночном луна высока.
Я думал, что сон непонятный мне снился
Когда-то и раньше... Но вдруг прояснился
Мой разум, и дума прозрачна, легка,

Как белая птица, к зениту взвилася, —
И я улыбнулся: я знал, что в саду,
Где плакальщиц скорбных толпа собралася,
Лежит мое тело. И тень улеглася
Печали и смерти. Любовь и вражду,

Печали и радость забыл я навеки,
Как мать в скорбном горе поникла тоска...
«Не плачьте!» сказал я. Подъялися веки.
Я вижу чертоги, небесные реки...
Как музыка ангельских хоров сладка!

«Не плачьте!» Я встал на ступени Чертога,
Невиданных камней коснулся ногой.
«Не плачьте!» В сияньи уходит дорога.
«Не плачьте!» Мне голос послышался Бога:
«Приди в Мое Лоно, мой сын дорогой!»

* * *

Звездам дальним, светлооким,
Ночи тихим небесам,
Очарованным лесам
Я — мечтатель одинокий —
Лажу песенные строки.

Слышу зов перепелиный,
Слышу хмельный дух хлебов,
Отцветающих садов.
О Творец миров Единый,
Я Тебе слагаю гимны!

Дар непышный робких песен
Я несу на Твой алтарь.
Ты — красы созданной Царь.
Мир Твой сладок и чудесен
Ароматом звездных весен.

МОЛИТВА

Господь, покой душе пошли!
Молюсь я тихими словами.
Так ночь тиха, ясна снегами
И снами дремлющей земли.

Спит весь крещеный люд в избах.
Всех осени Своей любовью.
Да чтут Тебя, и славословью
Конца не будет в их устах.

Ты отдых дай скотам: жует
Пусть жвачку бурая корова,
На вьюгу лающий сурово
Угомонится пес, уснет.

Ты зайцу серому в полях,
Волчице, жадной и голодной,
Согрей мрак полночи холодной
Мечтой о ясных вешних днях.

Простри Свой Благостный Покров
И мне, нехитрому поэту:
Пусть не томлюсь всю ночь до свету
Тоской неизреченных слов.

Из книги «Земная риза» (1914)

МОЛЕБЕН У СТАДА

День на Егория. К молебну Клим
Звонит торжественным весенним ладом.
Пред церковью сгоняют спешно стадо.
Ирмос плывет с кадильным голубым.

Словам нехитрым, ласковым, простым
Толпа внимает с верой и отрадой.
А там сопенье слышится у сада:
Ленивый, шалый бык, жарой томим,

Ушел в кусты. Размеренно жичиной
Стегает баба. Тихо. За низиной
Блестят забытые на пашне вилы.

Толпа молчит. Главами скот кивает.
Священник просьбы к Богу возсылает,
И звякает потухшее кадило.

СВЕТИЛЬНИК

В час полуночи глубокий
Приношу я, не колебля
Огневеющего стебля,
Свой светильник одинокий.

И в одежде алой света,
Как в порвире короля,
От тебя я жду ответа,
Мать Великая Земля.

Кто я, тайной с колыбели
Несказанно облеченный?
Кто, сияньем озаренный,
Начертал для жизни цели?

Чей чертог миры вселенной?
Кто зажег светило дня
И с душой богоявленной
Прах слияв, воззвал меня?

И кого благословлю я
В час заутрени златою,
Осиянной красотою,
Светлой песнью: аллилуйя!

У ПАПЕРТИ

Ласковый ветер чуть зыблет колосья,
волну нагоняя.
Вкруг колокольни стрижи режут крылами
лазурь.
Служится в церкви обедня. В раскрытые окна
и двери
Слышится пенье дьячка, хор отголоском гудит.
Около паперти девки, подняв сарафаны
на плечи,
В юбках цветистых сидят, бойкий
ведут разговор.
В белый шушун облачившись, шагом
плетется старуха,
Знаменьем крестным она еле слагает персты.
Пред Херувимскою паперть пустеет.
Народ весь уходит
В церковь. Сидит лишь одна девочка
с белым узлом.
«Верую» спели. И, тяжко стуча по камням
сапогами,
Сторож к «Достойной» идет медленно
в колокол бить.
Вот и причастье. К чаше надвинулись
бабы толпою,
Церковь наполнилась вся криком
младенцев грудных.
Скоро обедне конец. Многолетие
залпом гремучим
Вверх раскатилось. Толпа валом валит
ко кресту.
Около паперти каждый затем
совершает поклоны:
Богу, умершим, живым, белому свету, земле.
Вот потянулись все люди, исполнивши долг
свой воскресный.
Вышел священник — в платке для попадьи
просфора.
Быстро дьячок пробежал, на ходу
оправляя косицы.
Пусто... Летают стрижи. Да на могиле старик
С белой главой непокрытой стоит молчаливый
и строгий:
С мертвым сородичем он в мыслях
ведет разговор.

1914,
Казань

* * *

Смиренной повести моей
Прочти немногие страницы:
Отец мой — сельский иерей
Веленьем Божией Десницы.

Представил ныне пред собой
Его я в парчовой фелони,
С каймой блестящею литой,
В тумане синих благовоний,

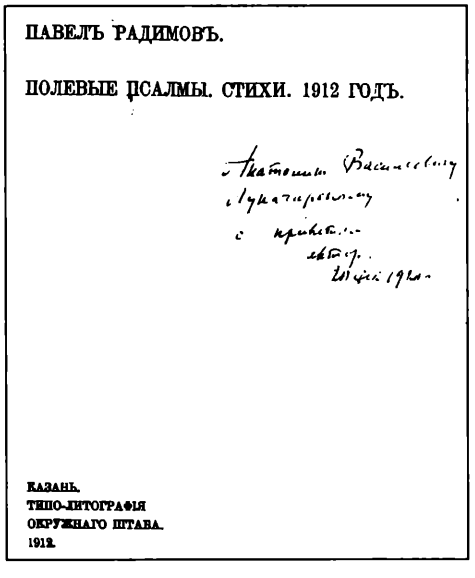
Когда под звон колоколов
Идет в весеннем крестном ходе
Средь зеленеющих хлебов,
Благославляя жизнь в природе.

Как я любил щекой своей
К епатрахили прикасаться
И взором радостных очей
В лазурной вышине теряться!

Следить хоругви в облаках,
Плескаемые многошумно,
Словам хвалебным в ирмосах
Нимать душой благоразумно.

Иль, заменив пономаря,
Раздуть потухшее кадило.
Какая ясная заря
В те годы надо мной всходила!

Теперь на торжищах градских
Дни проводящий суетные,
Я древних славословий стих
Забыл, как гимны полевые.


ПАВЕЛЪ РАДИМОВЪ.

ПОЛЕВЫЕ ПСАЛМЫ. СТИХИ. 1912 ГОДЪ.

КАЗАНЬ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ОКРУЖНАГО ШТАБА.
1912.

Но в дни, когда весенний зов,
Великолепием блистая
И первой роскошью листов,
Звучит от края и до края,

Когда все золотом горит,
Поет звенящими речами,
Когда трава в ложбинах плит
Сквозит, краснея стебельками, —

Волнуясь, трепетно дыша,
Былому счастью благодарный,
Я плачу, и дрожит душа,
Как луч, печально светозарный.

Из книги «Деревня» (1926)

СМЕРТЬ

Скоропостижная смерть захватила Петра
за работой,
Сыну снопы подавал он у адонья, и муть
В голову крепко вступила, с трудом напоследок
промолвил:
«Темно. Знать смерть... До попа, чтоб
причастил, побеги!»
Больше язык не открылся. Петра унесли
под иконы.
Поп, не замедля, пришел, благословился
крестом,
Исповедь сделал глухую, Петру отпустил
согрешенья,
В синие губы дары ложечкой всунул, сказал:
«К ночи умрет. Выносить в воскресенье
к обедни сготовьте».
После попа отошел Петр. Чтоб взоры закрыть,
Бабы семитку ему на глаза наложили
и вопленным воем
Тело омыли: кострец, руки и ноги Петра.
Чистую вздели рубаху, портки холщевые;
онучи
Снизу закутали в жгут, новые лапти нашли.
Гроб с потолка принесли, заготовленный
раньше на случай.
Вот и лежит на столе Петр, приготовленный
в путь.
Свечи горят и Псалтирь грамотеи читают,
соседи
В избу приходят поклон низко отвесить Петру.
Каждый пред образом темным себя широко
перекрестит,
Новопреставленного в сердце помянет своем,
Каждый на лик упокойника с мыслью
потайной взирает:
Также снарядят его в свой неизбежный черед,
Будет лежать он, как Петр, на столе,
упокоенный миром
Смерти — награды людской за трудовые дела.

<1926>

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВСКИЙ

Семёновский Дмитрий Николаевич (1894—1960) — поэт, прозаик, мемуарист. Из семьи священника Владимирской губернии. Закончил Юрьевскую церковно-приходскую школу и Шуйское духовное училище. В 1909 году поступил во Владимирскую духовную семинарию. К этому времени он уже писал стихи и в 1912 году его первые публикации появились в газете «Старый Владимирец». Почти все дебютанты того времени отправляли свои стихи на суд Александру Блоку или Брюсову, а прозаики — Максиму Горькому. Семёновский не был исключением, но в мае 1913 года он послал свои стихи не Блоку и не Брюсову, а Горькому. И получил ответ, сыгравший решающую роль во всей его жизни. «Искра Божья, — писал ему Горький, — у Вас, чуется, есть. Раздувайте ее в хороший огонь». Вскоре сам же и помог раздуть этот огонь, рекомендовав его стихи в ведущие «толстые» журналы, а в дальнейшем до самой смерти не забывал своего «крестника».

В 1913 году горьковским стипендиатом Семёновский поступил в Московский городской народный университет А.Л. Шанявского, где вошел в круг молодых поэтов, гордо называвших себя шанявцами. Самым молодым из них был Сергей Есенин. На склоне лет Семёновский вспоминал: «На одной из вечерних лекций я очутился рядом с миловидным пареньком в сером костюме. Он весь светился юностью, светились его синие глаза на свежем лице с девически-нежной кожей, светились пышные волосы, золотистыми завитками спускавшиеся на лоб... Есенину было лет девятнадцать с чем-то (во время поступления в университет ему как раз исполнилось восемнадцать. — *В.К.*), он был моложе меня только года на полтора, но казался мне почти мальчиком. Дело в том, что я чуть не в полголовы был выше его ростом, носил усы, переписывался с Горьким и уже напечатал несколько стихотворений в толстых журналах. Поэтому я смотрел на юношу немножно покровительственно...» Видимо, так же смотрел на него и другой шанявец — сын уральского крестьянина Василий Наседкин, который в 20-е годы войдет в ближайшее есенинское окружение крестьянских поэтов и даже породнится с ним, станет свояком, а в 1937 году будет расстрелян вместе с сыном Есенина Георгием, как значилось в приговоре, — «активным участником антисоветской террористической организации». На одном из допросов Наседкин показал: «Нередко, говоря об идеологии, я вместо слова "идеология" произносил "идеотология". Это относится и к соввласти. Не отрицаю, что во время политических споров иногда говорил, что местная власть грабит крестьянство. Имея в виду конкретные факты, я называл некоторые явления грабежом».

В открытый в 1913 году Московский народный университет впервые стали принимать в основном из народа. Такова была воля его основателя поляка Альфреда Шанявского, разбогатевшего на сибирских золотых приисках. В 1905 году он предложил Московской городской думе «принять от него в дар дом в Москве для почина, в целях устройства и содержания в нем или из его доходов народного университета». Тугодумы Думы думали восемь лет, опасаясь, что новый университет может стать «источником новых вспышек революции», которая и впрямь вспыхнула, но не в Народном университете. Трех шанявцев ждала совсем иная участь: Дмитрий Семёновский и Василий Наседкин вместе с Сергеем Есениным стали «последними поэтами деревни».

Стихи Семёновского тех лет во многом перекликались с есенинскими. Он, как и многие другие поэты, вошедшие впоследствии в ближайшее окружение Есенина, был есенинцем еще до знакомства с самим Есениным. Их навсегда породнила «деревенская тема», самым ярким и трагическим воплощением которой суждено было стать Есенину. «Деревня» как символ, становой хребет всей крестьянской, а значит — христианской Руси. Революция боролась не просто с патриархальной крестьянской Русью, а с крещеной Русью, принявшей крест, само имя Христа, ставшей христианской Русью.

Один из «знаменосцев Революции», Николай Асеев, восклицал, процитировав пресловутую фразу из «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса:

«Идиотизм деревенской жизни...» —
великая мысль
этих яростных слов!
Вот в этом
кулацком идиотизме
немало запуталось
буйных голов.
У них песнопевцем
считался провитязь

мужицкого образа
изобразист,
стихи обернувший
в березовый ситец,
в березках укрывший
разбойничий свист...

Дмитрий Семёновский — как раз из этих «буйных голов». Он не отрекся от «деревни». Октябрьскую революцию открыто называл в прессе «захватом власти кучкой безумных фанатиков, представителей одной партии», заявлял о своей поддержке и полной солидарности с «Несвоевременными мыслями» Горького. Его послереволюционные стихи в этом смысле тоже были несвоевременными. В 1921 году он писал, уже не надеясь увидеть их изданными: «Стихи о святых, крестных ходах — на всем этом теперь далеко не уедешь. Но такие стихи наиболее характерны для меня. Они мне удаются больше, чем вирши на иные темы. Самый тон моих писаний не гармонирует с настроениями, господствующими сейчас».

В 1922 году две его поэтические книги «Под голубым покровом» и «Благовещение» все-таки увидели свет, но не в столичных издательствах, а в Иваново-Вознесенске, где он жил с 1916 года. Третья книга «Умиление. Церковная лирика» тоже вышла в Иваново, но... в 2000 году.

Многое в его жизни зависело от взлетов и падений самого Максима Горького, после «Несвоевременных мыслей» фактически высланного из Советской России. Неосуществленным остался горьковский замысел книги духовных стихов для основанного им издательства «Всемирная литература». «Будет большой заслугой Вашей перед русским народом, — обращался он к Семёновскому в письме от 21 января 1919 года, — если Вы сердечно и умело покажете ему великую прелесть его религиозной поэзии». Благодаря Горькому все три книги религиозных стихов Семёновского были приняты и готовились к изданию в Москве (в издательстве ВЦИК) и в Петрограде (в издательстве З.И. Гржебина); в Иваново же они вышли почти одновременно со статьей Льва Троцкого «Внеоктябрьская литература», опубликованной в том же 1922 году в трех номерах «Правды», вслед за которой вступили в действие цензурные запреты на издание религиозной литературы во всех издательствах страны. Зато после посмертной канонизации Горького его имя спасло Семёновского от многих бед, а книга Семёновского «А.М. Горький. Письма и встречи», впервые вышедшая в 1938 году в Иваново, неоднократно переиздавалась и в Москве.

В 1974 году в Большой серии «Библиотеки поэта» вышла книга «Семёновский и поэты его круга», в 1976 году в «Художественной литературе» — «Дмитрий Семёновский. Избранные произведения», увековечившие память о нем, но и в этих изданиях представлены в основном его «вирши на иные темы», а не на самую главную. Будем надеяться, что все три книги религиозной поэзии Дмитрия Семёновского — основные в его поэтическом наследии, — увидят свет в XXI веке.

* * *

К непогодам хмурой дали
Бурный вал мой челн примчал.
Утоли мои печали,
В голубой введи причал.
О лазоревом причале
Я грущу и вижу сны.
Утоли мои печали,
Дай безбурной тишины.

1913

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

Есть песнопенье. Прелестно и кратко,
В венце песнопений оно, как алмаз.
О, как отрадно, печально и сладко
Внимать ему в ранний дремотный час:
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Оно живым очарованьем
Меня пленяет посейчас.
С этим трогательным воззваньем
Я в детстве запомнил чудесный рассказ.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Некогда было землетрясенье.
Все всколебалось. День угас.
Куда укрыться? Где спасенье?
Безумный ужас сердца потряс.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Люди молились, чтобы буря утихла.
И Бог услышал, простил их и спас.
Некий отрок на крыльях вихря
Был поднят к небу и скрылся из глаз.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

И вот, проносясь по лазурным безднам,
Куда вознесся Пречистый Спас,
Он песнь херувимов в раю многозвездном
Услышал в этот страшный час:
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

И с этой молитвой вернулся он к людям.
— Весь мир, — сказал он, — в грехах погряз.
Плачьте и пойте, да оправданы будем!

О, пусть звучит в сердцах у вас:
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

И все запели. И стало спокойно.
Земля смирила свой бешеный пляс.
А люди пели победно и стройно
В третий, в седьмой и в двенадцатый раз:
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Уж я не мальчик. Я разумом вырос.
И мир предо мною предстал без прикрас.
Но сердце пленяет и сизый клирос,
И золотой иконостас.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Вера пути моего не украсит.
Смят ее благовонный Шираз.
Резкий ветер светильники гасит,
Светильник веры в душе угас.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Отчего же люблю я солнце потира,
Алтарной завесы алый атлас
И сладкое пенье согласного клира,
Как ветер, как вздох, как архангельский глас:
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Мы все — лишь свечи в тумане синем.
Как свечи, мы теплимся, слабо лучась,
И грустно земные долины покинем
В свой час последний, в закатный час.
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

1913

* * *

В этом мире прелестном и милом,
Где кадят луговые цветы,
Теплюсь скрытым невидимым пылом
Пред иконой земной красоты.

Тайно теплюсь, незримо сгорая,
Жаждой подвигов светлых томлюсь
И к какому-то дальнему краю
Всей душой постоянно стремлюсь.

О, когда бы прожить незадаром!
Засиять бы светлей и теплей
Скрытым пламенем, внутренним жаром
Пред иконой небес и полей.

1916

Я

Я, рожденный на прелестной
Обольстительной земле, —
Только след звезды небесной,
Закатившейся во мгле.

Вот иду дорогой трудной,
Прелесть мира полюбив,
И какой-то грустью чудной,
Светлой грустью я счастлив.

Словно вспомнил я иные —
За пределом бытия —
Неземные, но родные
Позабытые края.

1918

НАД ГОЛУБЫМ ПОКРОВОМ

Целый день в снегу журчали
Говорливые ручьи,
А над гнездами кричали
Хлопотливые грачи.

А когда на город сонный
Голубой упал покров, —
Перепутывались звоны
Хоровых колоколов.

Сладко знать, что всюду тает,
Что разбиты латы льда
И что верба расцветает
У набухшего пруда.

На ланитах — дуновенье
Отуманенной весны,
А в душе — благословенье
И ребяческие сны.

1918

ПОНОШЕНИЕ

Разделиша ризы моя себе,
и о одежди моей меташа жребий.

Пс. 21, 19

Увы, увы Мне, худой и бедной!
Се ныне Мя предают на пропятье.
Мои враги торжествуют победно
И делят Мое многоцветное платье —
Парчу степей, таежные боры,
Лазуревый пояс речных излучин...
Шумят знамена вражды и раздора
И взор Мой погас, и народ Мой измучен.

1918

* * *

Благослови, душа моя,
Ласкающую синеву
И мотылька, и муравья
И эту свежую траву.

Я сердцем кроток и смирен.
Бедна у песни риза слов.
Могу ли не склонить колен
На незабудковый покров?

Могу ли радостью земной
Не загораться, как свеча,
И синевой и тишиной
Не утолить свою печаль?

1921

* * *

Мне чудится и в пышности цветенья,
И в снежном сне, и в голосах стихий
Космические всенощные бденья
И стройный чин вселенских литургий.

Сияньем, вздохом, звоном поцелуя
От волн, долин и каменных громад
Восходит к сердцу мира аллилуйя,
Связав и звук, и цвет, и аромат.

Ни на земле, ни на кругах небесных
Не умолкает мощная хвала.
В ней слито все: и клир листов древесных,
И арфа вод, и лед, и свет, и мгла.

Звенит собор цветов златовенечных,
Грохочет гром, благовествует медь,
Поют в эфире хоры солнц предвечных,
И я пою и не могу не петь.

1921

ИЗ ЦИКЛА «ИКОНОСТАС»

* * *

— Аль по зеленому саду ходила,
Сизая горлинка, милая Мати,—
Русые косы венками рядила
В теплой росе, в луговом аромате?

— Нет, не по раю гуляла я, Сыне,—
Днесь я земли чудеса созерцала.
Ласково ночь надо мною мерцала,
Теплилось небо, глубоко и сине,
Рощи гляделись в речные зерцала.

Ныне открылося мне, что красою
Села и пажити неба чудесней.
Шла незапаханной я полосою —
Мокрой травою, медвяной росою.
Звон по туману мне чудился песней.

Чадо, не лепо ль в обителях рая?
Краше земля расцветает сырая.
Там лужавины — с весельем да плясом,
Рощи — с черемухой, церкви — со Спасом,
Тихи затоны, луга медоносны,
Победоносны мятежные весны.

Лишь об одном воздыхала я, Сыне
Дабы, друг другу молясь, как святыне,
Люди земной красотой наслаждались,
Дабы повсюду — в саду и в пустыне —
Дивные ими цветы насаждались.

Голубем сердце мое трепетало.
Благословляла я пашни и реки,
Дабы сырая земля расцветала
Всяческой твари на радость вовеки.
Аминь.

<1913—1921>

* * *

Поток, росток, цветок на мирной ниве,
Учите нас премудрости своей.
Учите нас, о братья, быть счастливей,
Учите жить красивей и светлей.

О солнце дня! О напоенный небом
Пушистый снег! О лиственный собор!
О перелив звезды над синим снегом!
Прельщайте нас, родните нас с собой.

Учите нас дыханьем, каплей влаги,
Цветеньем трав, свеченьем голубым,
Каменья, льды, созвездия и злаки,
Учите нас молиться и любить!

1922

АЛЕКСЕЙ ЛИПЕЦКИЙ

Липецкий (настоящая фамилия Каменский) Алексей Владимирович (1887—1942) — поэт, прозаик. В 1910 году в «Новом журнале для всех» появилось стихотворение Алексея Липецкого «В монастыре», ставшее его поэтическим дебютом. Псевдоним выбрал после знакомства в родном Липецке с автором скандальных эротических рассказов Анатолием Каменским, иначе в Серебряном веке было бы сразу три Каменских — Анатолий, Василий и Алексей. Эротизм Каменского-1 ему был так же чужд, как футуризм Каменского-2, поэтому предпочел остаться провинциальным поэтом Липецким. Ближе всех он считал для себя крестьянских поэтов, но они не приняли «чужака». Сергей Есенин в письме к А.В. Ширяевцу от 21 января 1915 года назвал его имя рядом с ранним Сергеем Клычковым и Александром Рославлевым, правда, заметив при этом: «...есть у них красивые подделки... но это все не то». Так что пришлось ему волей-неволей оставаться самим собой — не совсем крестьянским и не совсем богемным, а попросту «дворняжкой», каких и в ту пору существовало немало среди самых породистых и чистокровных литературных бульдогов, легавых, пуделей. «С началом Первой мировой войны, — отмечается в современном исследовании, — у Липецкого, как и у многих других писателей его поколения, возникло достигшее экстатической напряженности ощущение, что Россия, "простором с пустыней небесною споря", достигнет преображения в духовно-телесном усилии одоления врага ("В горне испытаний страдой всенародной // Скует себе счастье несчастная Русь"). Эти мотивы получили развитие в сборнике его рассказов "Воля к жизни" (Пгр.,1915)». Стихи Липецкого этого периода близки к поэтической патриотике Аполлона Коринфского, Николая Клюева, Сергея Есенина и являются одними из лучших в его поэтическом наследии. Они публиковались в журнале «Русский Паломник», в котором уже в сентябре 1914 года появилась постоянная рубрика — «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».

В 1916 году Алексей Липецкий вернулся из Петрограда в родной Липецк, где и пережил революционное лихолетье, сравнив его с эпидемией тифа, охватившей всю Россию: «Кошмарами изнеможденная, // По грудь стоящая в гробу, // Как гнев Господень, осужденная, // Ты вынесешь ли хворобу?» В 1920 году в Липецке тиражом сто экземпляров вышел его поэтический сборник «Тишина. Стихи. 1908—1920», но стихи последующих двух десятилетий остаются неопубликованными. Как в ранних, так и в поздних его стихах религиозные мотивы неотделимы от крестьянских, а «Молитва» («Боже, спаси мою родину милую») — одна из первых молитв о России, созданных в 1917—1920-х годах.

У ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ

Вдохновляемая верою,
С наболевшею душой,
Собралась деревня серая
Пред часовней вековой.
Чтоб испить устами грешными
Из святого родника,
Обождав с делами спешными,
Шел народ издалека.
Шел он длинной вереницею,
Отдохнув от злых мытарств,
Помолиться пред Царицею
Всех царей земных и царств.

По преданью заповедному,
Здесь когда-то схимник жил,
И не раз монаху бедному
С неба тайный голос был.
Под горой за кельей скромною,
Где журчал в траве родник,
Появлялся ночью темною
Чей-то кроткий светлый лик.

Красотою безтелесною
Он сиял во тьме ночной,
Звал куда-то в даль небесную
От греховности земной.

Там обрел икону Божию
Старец древний... И с тех пор
К каменистому подножию
Обращают люди взор.
Часто, жизнь когда несносная
Становилася невмочь,
Утешала Живоносная,
Обещалася помочь.
Всяк к стопам Небесной Ратницы
Нес тяжелый гнет креста,
И конца Пятидесятницы
Начал ждать еще с поста.

Солнца луч скользит червонцами
По серебряной реке,
Улыбается оконцами
Рябь избушек вдалеке.
Сверху падая, привольная,
Над верхушками ракит
Беззаботно колокольная
Песня плавает, звенит.
Сзади, высясь над равниною
Зеленеющих лугов,
Город каменной стремниною
Понавис с крутых холмов.

Шумным станом, многоликая,
Развернувшися в дугу,
Залегла толпа великая
На поемном берегу.
Армяки, рубахи белые,
Пестрый ситец и кумач.
Лица, словно дыни спелые,
Бабий толк и детский плач.
— Мужики! Родные пахари! —
Распинается торгаш, —
Жамки скусные, на сахаре, —
До копейки все отдашь!..

За часовнею, где рощица
Зеленеет на песке,
Звонко девушки полощатся
В освященном роднике.
Ну а дальше... вот и жалкая
Рать убогих и калек,
Вот поник над длинной палкою
Юродивый человек.

Всяких много. Кто без зренья,
У кого душа слепа,
Стонет, словно ночь осенняя,
Многолюдная толпа.

Покосилась дверь убогая,
В желтой плесени стена.
Вот, она прекрасно-строгая
Милосердная Жена.
За решеткою узорною
Рдеют множеством огней
Пред иконой чудотворною
Стебли белые свечей.
Солнце прячется меж кольцами
Разноцветного окна,
И висит над богомольцами
Пыльной радуги волна.

Что-то шепчут губы бледные,
Каждый вздох — тоска души.
Опускаясь в кружку, медные
Там и сям звенят гроши.
От своей мужицкой бренности,
От трудов и горьких слез
Этот грош великой ценности
Пахар-труженик принес.
Старый чтец, склонясь над книгою,
С видом кроткого отца,
Речью медленною, тихою
Будит чуткие сердца.

Темен смысл словес божественных —
Мужику не разгадать,
Но от звуков их торжественных
Веет Божья благодать,
Сладко льется в душу пение
Стародавнего псалма,
И стоит он в умилении
Крепко спящего ума,
Сердцем радостно-младенческим,
Отрешенным от забот,
Над смиреньем человеческим
Чуда божеского ждет.

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 44).

В СТРАНЕ «БАЛКАНСКОЙ РОЗЫ»

Опять кипит струей багряной
Родная зыбь славянских рек —
На бой болгарин, серб и грек
Зовут жестокого Османа.

Еще совсем не умерла
Страна Ахилла и Гомера:

В повстанце каждом — дух орла,
И смерть в борьбе — венец и мера.

И как узнать? быть может, герб
Женолюбивого Пророка —
Не новолунье, а ущерб
Предвосхищал у грани Рока?

И золотой Архипелаг
Церковной вязью опоясав,
Опять в сени иконостасов
Христов заблещет ярко стяг?

Уже плетут венки герою
И с песней ждут уже, когда
Победно вспыхнет над горою
Свободы древняя звезда.

Впервые: «Русский Паломник» (1912, № 48).

ПОСЛУШНИК

На груди моей крест кипарисовый,
Под крестом — деревенская скорбь...
Темных слов, тишина, не записывай,
Бело море, пучину не горбь!

Все дороги мирские кончаются,
Знаю я, на морском берегу,
Но как в полночь волна разыграется,
Я из кельи смиренной бегу.

Сколько сердцем в отчаяньи спрошено!..
Пронеслось сколько огненных дум
Над душою, забытой, заброшенной,
Погруженной в пучину и шум!..

К свету моря и сердце дурманное
Поулягутся... Чайки одне
Да стихиры мои покаянные
В монастырской плывут тишине.

Загляжусь на красу беломорскую
И заплачу от радости... Мне ль
Всю исчерпать души моей горсткою
Божьих тайн голубую купель?..

1913

ПРИЧАСТНИЦА

Неземного таинства участница,
Девственной сияя красотой,
В белом платье юная причастница
От амвона тихо шла с толпой.

Пенье смолкло... Слабо над иконами
Вздрагивали венчики свечей...
Взорами невинно углубленными
Девушка смотрела на людей.

Что спросить она хотела взорами,
Разгадать какую глубину —
Не узнать... Лишь ангелы над хорами
Радостней стремились в вышину.

И все глубже, чище, целомудренней
Становились девушки глаза,
Словно золото зарницы утренней,
Иль в киотах древних образа.

А когда она на паперть темную
Светлой тенью вышла из двери,
Солнце даль открыло ей отборную
И шепнуло: «Все твое. Бери!»

1913

ЛЕСНАЯ ИСПОВЕДЬ

Сквозила сосен колоннада
На фоне ало-голубом,
И одуванчик, как лампада,
Сиял пушистым хрусталем.

Под золотой эпитрахилью
Заосеневших, тихих чащ
Мой дух, грехов покрытый пылью,
Стал чист и вновь животворящ.

Земли безвестный исповедник
Внимая неба голоса,
Я ждал, покуда слез последних
На сердце высохла роса.

И под распятьем ели мирной,
В союзе грусти и стыда,
Вкусил от радости всемирной...
О если б... весь и навсегда!

1914

СЛУХ ДУШИ

Серебряный свод над землей,
Сверканье серебряных блесток,
Синеет чистейшей слюдой
Под зимней луной перекресток.

С тенями от снежных бугров,
От старой дуплистой ракиты
Алмазные тайны миров
В гармонию дивную слиты.

Где небо? где грани земли?
Все — белое, пышно немое,
Все в бисерной тонет пыли,
Овеяно мглистой зимою.

И только душа, просветлев,
Сквозь музыку слов и молчанья
Родной различает напев,
Мелодию слез и страданья.

И чудно в пустыне ночной
Звучит он для чуткого слуха, —
Как будто небесного духа
Тоскующий голос земной.

1915

ПАСХАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Над холмами — лесными амвонами,
Зачарованы смолкшими звонами,
Сестры белые, сестры-березки
Темно-красные клонят прически.

С тишиной предвечернею, хрупкою
Кто-то спорит в лесу на дороге.
Ручейки золотою скорлупкою
Заревик посыпают двурогий.

Незабудки затеплились Божии...
Отдыхайте до завтра, прохожие!
От теплыни пригорки не остры,
И молитвой баюкают сестры.

Завтра вместе с цветами вы встанете,
Встрепенетесь, как птицы, от звона
И в глаза огнеметные глянете
Свету-солнцу с лесного амвона.

Впервые: «Русский Паломник» (1914, № 14).

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Внизу задумчивый Кедрон
Лучами утра золотился,
Когда Христос на Елеон
С учениками удалился.

«Благослови, Господи, меч сей!» Рис. М.С. Микешина. 1914 г.

Сады и горы, и вдали —
Дома и храм Ерусалима
Рассветным пурпуром цвели,
И тишь была ненарушима.

Учитель легкою стопой
Взошел на верх горы Масличной,
Вослед апостолы толпой
Спешили с радостью обычной.

Христа, как снег, сиял хитон,
И взор был полон умиленья,
И к небу поднял руки Он,
И тихо рек благословенье.

К Его одеждам не успел
Склонить уста смиренный Симон, —
В лазури солнечной белел
Прозрачным облаком над ним Он.

Все выше, выше и совсем
Из глаз апостольских сокрылся.

От радости великой нем,
Их круг поверженный молился.

Молюсь и я теперь душой
На грани двух тысячелетий,
И знаю, — молятся со мной
Отцы, и матери, и дети.

Очами сердца Елеон
Провидя в дальней Палестине,
Мы кротко веруем, что Он
Над нами светится поныне.

И вознесется вновь Христос
С него к чертогам вечным рая,
Наш бренный мир греха и слез
На светлый путь благословляя.

Впервые. «Русский Паломник» (1914, № 19).

МОЛИТВА ПОСЛЕ БОЯ

Бой затих. Остыли пушек жерла.
Раненым спешит сестра помочь.
Над землей алмазный свод простерла
Голубая трепетная ночь.
На снегу, затоптанном кровавой
Тяжкою солдатскою стопой,
Спят бойцы, увенчанные славой,
Спят — в надежде славы неземной.
Кто стряхнул их с дерева живого,
Разбросал недвижимым пластом?
Тишина расскажет много-много
И траншеи, взрытые кругом.
Не с ветрами, не с полночной стужей
Бой вели отважные полки —
На клинках стальных мечей и ружей
Находили смерть свою враги.
Вот мортиры остов раздробленный, —
Здесь герой геройски умирал...
Строятся победные колонны,
Прискакал бригадный генерал.
Снял фуражку, молвил: «На молитву!..»
Батюшка надел епитрахиль...
Молятся, забыв огонь и битву.
Тихий шепот, — как в степи ковыль.
«Господи! Спаси нас и помилуй,
А усопшим — дай надежду и покой!»
И сердца опять горят могучей силой,
Словно не было тревоги никакой.
Ночь ясна. Луна подковой острой
Освещает белые шатры,
Где несут бойцам земные сестры
Милосердья высшие дары.
И Господь, в кажденьи фимиама
Принимая души павших ниц,
На молящихся взирает прямо,
Отирая слезы с темных грозных лиц.

Впервые: «Русский Паломник» (1914, № 50)

ЛЕГЕНДА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

В страшный год новой битвы народов,
В годовщину звезды Вифлеемской
Ужаснулась кровавых походов
Божья Мати под кущей эдемской.

Вниз на землю сошла — по лесовьям,
По полям ждать враждующих братий.
Откликались ей голосом совьим
Черношлемые райские рати.

«Тут кровавая чаша бездонна,
Тут война, власть железа и меди,
Уходи в Палестину, Мадонна,
Не мешай нашей грозной победе.

Видишь, коготь орлиный на шлеме,
Пирамиды гранат у подножья, —
Богу место не здесь, — в Вифлееме».
Отвернулась от них Мати Божья.

Закрывая Младенца убрусом
От полночной метели студеной,
Подошла Она к воинам русым,
Многозвездной сияя короной.

Перед Нею служивые в страхе
Преклонили широкие спины,
Пали наземь седые папахи,
И слезой увлажнились морщины.

«Пресвятая, Пречистая Дева, —
Вздох моленья пронесся по взводам, —
На вражду оглянися без гнева,
Даруй мир всем царям и народам.

Ты явись им, как свет-голубица,
Утиши буреносные страсти.
Все Твои мы рабы, о Царица,
Защити нас от бед и напасти!»

Не дыханье повеяло мая
Сквозь метелицы занавес тонкий,
То Младенец, как солнце играя,
Протянул за папахой ручонки.

И увидели чудо солдаты:
В грозном лязге винтовок и шишек
Из овчины угрюмо-косматой
Вышел беленький резвый барашек.

1914

Впервые: «Русский Паломник» (1914, № 51).

ПАСХА В ДНИ ВОЙНЫ

Когда в тиши родных полесий
Услышишь благовест святой
И громкий глас «Христос воскресе!» —
Ты «со святыми упокой»
Промолви с набожной слезой.

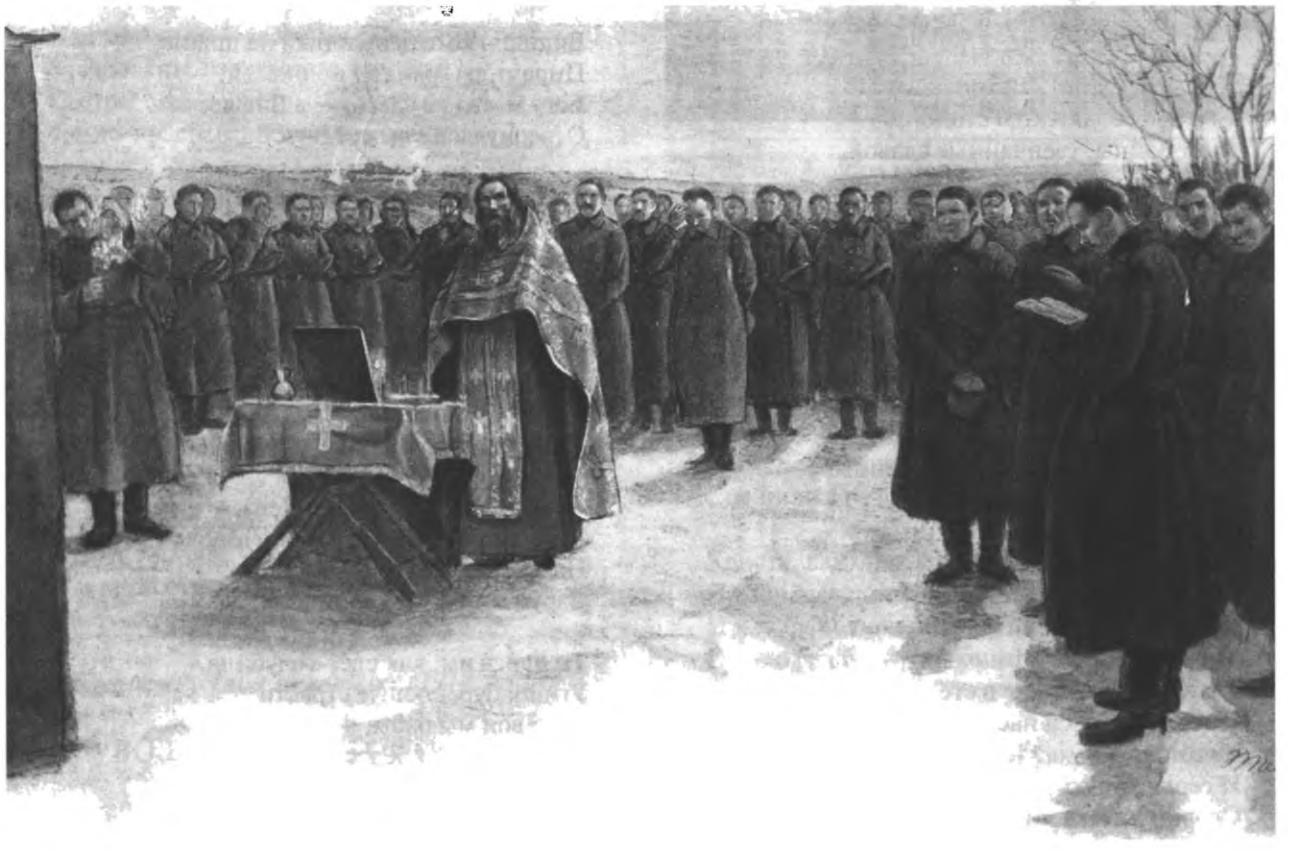
Земля проснулась, славословя,
Оделась верба в белый шелк,
Но вспомни тех, кто в лужах крови,
Победу близкую готовя,
Легли прославив храбрый полк.

Они не встанут, их восторги
Не оживут под красный звон:
Над ними огненный Георгий
В сени очаковских знамен
Промчался, битвой вдохновлен...

Победоносец под копытом
Врага упрямого сомнет,
Но им, безвременно убитым,
Не слышать сквозь могильный гнет
Молниеносной славы взлет.

Поля, поля! Какой ценою
Оплатите вы кровь бойцов,
Что пропитала вас собою,
Как влага вешняя снегов
Питала вас в тени лесов?

Нет! В мире жизнь самодержавна.
Уходит день — приходит вновь,
Что было тайной, станет явно,
Защитников святая кровь
В полях войны взрастит любовь.



Рождественская молитва на позиции. 1915 г.

И снова там, где было тленье,
Нальется рожь, вздохнет овес,
Раздастся жниц веселых пенье —
Недаром нынче Воскресенье,
Недаром в мир пришел Христос!

Впервые: «Русский Паломник» (1915, № 12).

МОЛИТВА

Боже, спаси мою Родину милую,
Дай ей великое сердце в вожатые,
Вооружи ее мирною силою,
Нивы хлебами покрой ее сжатые!

Реки ее напои из небесного
Моря лазурного влагою чистою,
В дебри спаленные края безлесного
Ветром сосну занеси золотистую!

Долго родную безвинно кровавили,
Скорбно кресты поднялись по окраинам...
Сгибли ее льнянокудрые Авели,
Смерти закон созидается Каином...

Но до конца ее клад не расхитили,
Целы сокровища, Богу угодного...
Знать, от беды защитили святители
Светлые кладези горя народного.

Знать, матерей безутешных моления,
Слезы горючие, стоны сердечные
Ночь донесла в неземные селения,
Перед щедроты Твои безконечные...

Глянул с Престола Ты вниз на вселенную,
Землю увидел — горошину малую,
Русь — государство-вдовицу смиренную,
Ризу — сермягу от крови всю алую, —

Сжалился Ты над страданьями крестными,
Счастья росток посадил над могилою...
Боже, овей ее снами чудесными,
Боже, утешь мою Родину милую!

<1917>

СОФИЯ ПАРНОК

Парнок (настоящая фамилия — Парнох) София Яковлевна (1885—1933) — поэтесса, литературный критик. Родилась в Таганроге в богатой еврейской семье владельца аптеки. В 1901 году окончила с золотой медалью таганрогскую Мариинскую гимназию. В 1903 году училась в Женевской консерватории и на филфаке Женевского университета. В 1904 году продолжила учебу в Петербургской консерватории. В 1908—1909 годах — слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов.

Один из современников очень точно назвал поэта и философа Николая Минского, принявшего православие в 1882 году, «писателем-евреем, но не еврейским писателем». В христианстве никогда не было «ни эллина, ни иудея», если эллин или иудей принимал крещение, становился христианином. То же самое всегда происходило и в русской поэзии. Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин — русские поэты не по крови, а по вере.

София Парнок крестилась в 1909 году, став русской поэтессой с самого начала творческого пути. Она избежала мучительного раздвоения оглашенных, которым закрыт доступ в Храм, к самым сакральным, сокровенным таинствам как религии, так и поэзии. «По тем временам это было предательство, которое отец ей не простил», — свидетельствует сын ее старшего брата Валентина Парноха, известного поэта, переводчика, хореографа. Брат преклонялся перед Блоком, но уехал в 1916 году в Париж, решив, в знак протеста против антисемитизма в России, никогда больше не писать на русском языке. В дальнейшем, переводя испанских и португальских поэтов-евреев, ставших жертвами

инквизиции, брат убедится, что они продолжали любить язык и культуру своих гонителей. Он вернется в Россию в 1930 году, примирившись с русским языком, но не с сестрой.

Ее первые стихи появились в печати в 1906 году, но первый сборник вышел лишь через десять лет. До 1916 года гораздо большей известностью пользовались не ее стихи, а статьи о стихах, регулярно появлявшиеся в журнале «Северные записки» под псевдонимом Андрей Полянин. Она отрицала любые «цеховые» пристрастия и само расчленение поэзии на литературные направления и школы, выразив свои взгляды в программной статье 1913 года «В поисках пути искусства»: «Значение деятельности "литературных школ", в поисках пути искусства, сводится к роли религиозных сект, возводящих то или иное теологическое пристрастие в основу своего вероучения. Ищущий религиозной истины идет мимо сект к великим основателям религий, принесшим миру откровения». В последующие годы она развила эти идеи в серии статей о поэтах-современниках Ахматовой, Клюеве, Северянине, Гумилеве, Брюсове, Ходасевиче, Мандельштаме, Пастернаке, утверждая в одной из последних («Дни русской лирики», 1922): «Только то должно быть высказано, какое не может не высказаться, и только тогда, когда эта потребность созреет в форму последней неотвратимой неизбежности». С первых же статей и стихов началось ее многолетнее противостояние с Брюсовым, которого она сравнивала с «сумасшедшим актером», играющим «одну только роль» — великого поэта. Ходасевич далеко не случайно отмечал: «Проявить независимость — означало раз навсегда приобрести врага в лице Брюсова. Молодой поэт, не подошедший к Брюсову за оценкой и одобрением, мог быть уверен, что Брюсов никогда ему этого не простит. Пример тому — Цветаева». Брюсов действительно никогда не простил независимости ни Марины Цветаевой, ни Софии Парнок, обращавшейся к нему с вопросом: «Кого вы ищите, Сальери? // Кто среди юных Моцарт Ваш?..»

Стихи Софии Парнок публиковались в журналах одновременно со статьями Андрея Полянина, оставаясь почти незамеченными. Они привлекут внимание только после выхода в 1916 году ее первой книги «Стихотворения». В рецензии Владислава Ходасевича отмечалось: «В последние годы целый ряд появившихся даровитых поэтов заставил о себе говорить. Таковы Анна Ахматова, А. Герцык, Марина Цветаева, покойная Н.Г. Львова, полумифическая Черубина де Габриак. Так называемая "поэзия женской души" привлекла общее внимание любителей поэзии. Спрос вызвал предложение — и навстречу ему, то целыми сборниками, то отдельными пьесами на страницах журналов и альманахов, замелькали не только женские, но и характерно дамские стихи. Посыпался целый дождь вывертов, изломов, капризов, жеманства — всего, чем юные питомцы Сафо наперебой друг перед другом старались выявить и подчеркнуть "женственность своей поэзии"». Ходасевич противопоставляет стихи Софии Парнок этому «будуарному нашествию».

Уже в этом сборнике 1916 года обозначились основные формы и темы, молитвенная стилистика ее поэзии:

...Я одна, но лишь тот, кто один,
со вселенной Господней вдвоем.
К тайной жизни, во всем разлитой,
я прислушалась в сердце моем, —
И не в сердце ль моем всех цветов зацветающих корни?
И ужели в согласьи всего не созвучно биенье сердец,
И не сон — состязание воль? —
Всех венчает единый венец:
Надо всем, что живет, океан расстилается горний.

Постоянной от первых до последних стихов станет для нее тема родины, России:

Люблю тебя в твоем просторе я
И в каждой вязкой колее,
Пусть у Европы есть история, —
Но у России: житие...
В то время, как в духовном зодчестве,
Питает Запад блеск ума,
Она в великом одиночестве
Идет к Христу в себе сама.
Порфиру сменит ли на рубище,
Державы крест на крест простой, —
Над странницею многолюбящей
Провижу венчик золотой.

Отзывы Аделаиды Герцык и Надежды Павлович тоже были более чем благожелательными, но самый оригинальный принадлежал Максимилиану Волошину. В статье «Голоса поэтов» он разбирал книги двух дебютантов — «Стихотворения» Софии Парнок и «Камень» Осипа Мандельштама, прислушиваясь к их г о л о с а м как «внутреннему слепку души». Волошин писал о ее книге: «В ней ряд стихотворений, продуманных, замолчанных, молча закрепленных, и ряд стихов, крикнутых, прошептанных, сказанных, отвеченных. Внутренняя статуя голоса возникает из этого зыбкого молчания сердца, прерываемого криком нахлынувшей жизни». Не менее характерен слепок души второго дебютанта: «Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками и изгибами. Но настоящее цветение его еще впереди. А этот "камень" пока еще один из тех, которые Демосфен брал в рот, чтобы выработать себе отчетливую дикцию».

Ходасевич написал о Софии Парнок первую прижизненную и первую посмертную статью. В парижской газете «Возрождение» (1933, 14 сентября), подводя итог всей ее жизни в поэзии, он отмечал: «Ею было издано несколько книг стихов, неизвестных широкой публике, — тем хуже для публики. В ее поэзии, впрочем, не было ничего такого, что могло бы поразить или хотя бы занять рядового читателя. Однако же любители поэзии умели найти в ее стихах то "необщее выражение", которым стихи только и держатся. Не представляя собою поэтической индивидуальности слишком резкой, бросающейся в глаза, Парнок в то же время была далека от какой бы то ни было подра-

жательности. Ее стихи, всегда умные, всегда точные, имели как бы свой «почерк» и отличались той мужественной четкостью, которой так часто недостает именно поэтессам».

Ходасевич писал о стихах Софии Парнок, созданных до его отъезда из России в 1922 году. Более поздние ее стихи не доходили до него в Париже, да и в Москве о них знали лишь единицы, а многие из них так и оставались неизданными до 1998 года. В послереволюционные годы в Москве вышло три ее стихотворных сборника — «Лоза» (1923), «Музыка» (1926) и «Вполголоса» (1928). Тиражи их были ничтожными, а последний вообще вышел с грифом «На правах рукописи» в количестве 200 экземпляров. София Парнок, надо думать, могла, как наиболее близкие ей Ходасевич, Цветаева, покинуть Россию, но осталась в шестнадцатиаршинном рае арбатской коммуналки, написав не менее примечательные строки, чем ахматовские «Мне голос был...». Через десять лет после Анны Ахматовой она напишет:

Я гляжу на ворох желтых листьев...
Вот и вся тут, золота казна!
На богатство глаз мой не завистлив, —
Богатей, кто не боится зла.

Я последнюю игру играю,
Я не знаю, что во сне, что наяву,
И в шестнадцатиаршинном рае
На большом приволье я живу.

Где еще закат так безнадежен?
Где еще так упоителен закат?..
Я счастливей, брат мой зарубежный,
Я тебя счастливей, блудный брат!

Я не верю, что за той межою
вольный воздух, райское житье:
за морем веселье, да чужое,
а у нас и горе, да свое.

О ее взглядах на это горе можно судить по письму 1917 года, написанному через месяц после Февральской революции: «Дай Бог, чтобы эта сказка была со счастливым концом! В Москве все идет сравнительно согласно, но Петербург, очевидно, в "волнах страстей". Если нельзя будет укротить мелких честолюбцев, то остается только желать, чтобы явился настоящий, большой честолюбец, пожрал бы всю эту разнузданную мелюзгу. Одна надежда — на то, что близость, быть может, роковых внешних событий заставит одуматься многих, и "шкурный вопрос" сыграет ту роль, которая должна была бы принадлежать патриотизму. Если бы меня теперь спросили, какая самая разительная, самая русская черта русского человека, я бы с полным убеждением сказала — неумение любить свое отечество. Старое правительство воспитало в поколениях неуважение к родине, но от любви ведь не излечивают никакие разочарования, — потому что любовь — в крови — если русские излечились от любви к России, то, значит, никакой любви и не было».

Многие ее стихи 1928 — 1933 годов впервые увидели свет лишь в сборнике 1998 года. Среди них одно из самых трагических — «В форточку»:

Коленями — на жесткий подоконник
И в форточку — раскрытый, рыбий рот!
Вздохнуть... вздохнуть... Так тянет кислород
Из серого мешка еще живой покойник....

В таком же предсмертном стихотворении она оставила свою мольбу, свою заповедь русским поэтам:

Из последнего одиночества
прощальной мольбой, — не пророчества
окликаю вас, отроки-други:
одна лишь для поэта заповедь
на востоке и на западе,
на севере и на юге —
не бить
челом
веку своему,
но быть
челом века
своего, —
быть человеком.

Она предостерегала поэтов от «эпидемического безпокойства о несоответствии искусства с сегодняшним днем», восклицая: «А что если взяткой сегодняшнему дню откупаешься от вечности!..»

* * *

Словно дни мои первоначальные
Воскресила ты, весна.
Грезы грезятся мне безпечальные,
Даль младенчески ясна.

Кто-то выдумал, что были бедствия,
Что я шла, и путь тернист.
Разве вижу не таким, как в детстве я,
Тополей двуцветный лист?

Разве больше жгли и больше нежили
Солнца раннего лучи?
Голоса во мне поют не те же ли:
«Обрети и растопчи?»

Богу вы, стихи мои, расскажете,
Что Единым Им дыша,
Никуда от этой тихой пажити
Не ушла моя душа.

<1912—1915>

* * *

Я не люблю церквей, где зодчий
Слышнее Бога говорит,
Где гений в споре с волей Отчей
В ней не затерян, с ней не слит.

Где человечий дух тщеславный
Как бы возносится над ней, —
Мне византийский купол плавный
Колючей готики родней.

Собор Миланский! Мне чужая
Краса! — Дивлюсь ему и я, —
Он, точно небу угрожая,
Свои вздымает острия.

Не оттого ли, что так мирно
Сияет небо, он — как крик?
Под небом, мудростью надмирной,
Он суетливо так велик.

Вы, башни! В высоте орлиной
Мятежным духом взнесены,
Как мысли вы, когда единой
Они не объединены!

И вот другой собор... Был смуглый
Закат, и желтоват и ал,
Когда впервые очерк круглый
Мне куполов твоих предстал.

Как упоительно неярко
На плавном небе, плавный, ты,
Блеснул мне, благостный Сан-Марко,
Подъемля тонкие кресты!

Ложился, как налет загара,
На мрамор твой — закатный свет...
Мне думалось: какою чарой
Одушевлен ты и согрет?

Что есть в тебе, что инокиней
Готова я пред Богом пасть?
— Господней воли плавность линий
Святую знаменует власть.

Пять куполов твоих — как волны...
Их плавной силой поднята,
Душа моя, как кубок полный,
До края Богом налита.

1914, Forte del Marmi

* * *

Снова знак к отплытию нам дан!
Дикой полночью из пристани мы выбыли.
Снова сердце — сумасшедший капитан —
Правит парус к неотвратимой гибели.

Вихри шар луны пустили в пляс
И тяжелые валы окрест взлохматили...
— Помолись о нераскаянных, о нас,
О поэт, о спутник всех искателей!

7 февраля 1915

* * *

Видно, здесь не все мы люди-грешники,
Что такая тишина стоит над нами.
Голуби, незваные приспешники
Виноградаря, кружатся над лозами.

Всех накрыла голубая скиния!
Чтоб никто на свете безприютным не был,
Опустилось ласковое, синее,
Над садами вечереющее небо.

Детские шаги шуршат по гравию,
Ветерок морской вуаль колышет вдовью.
К нашему великому безславию,
Видно, Господи, снисходишь Ты с любовью.

* * *

Не внял тоске моей Господь,
И холодом не осчастливил,
Из круга пламенного плоть
Изнеможенную не вывел,

И люди пьют мои уста,
А жар последний все не выпит.
Как мед столетний, кровь густа, —
О, плен мой знойный! Мой Египет!..

Но снится мне, с глухого дна
Идет струенье голубое,
И возношусь я, — и одна —
Лицом к лицу перед Тобою.

* * *

Испепелится сердце,
Из пепла встанет дух.
Молюсь всем страстотерпцам,
Чтоб пламень не потух.
Свирепствуй в черной чаще,
Огонь — моя метель —
Доколе дух обрящет
В костре огнекипящем
Кристальную купель!

* * *

Я ль не молилась, — отчего ж
Такая тьма меня постигла,
И сердце, как пугливый еж,
Навстречу всем топорщит иглы?

Не мучь меня, не тормоши:
Здесь неба нет, над этой крышей.
Сквозь страшный обморок души
Я даже музыки не слышу.

* * *

Что ж, опять бунтовать? Едва ли, —
барабанщик бьет отбой.
Отчудили, откочевали,
отстранствовали мы с тобой.

Нога не стремится в стремя.
Даль пустынна. Ночь темна.
Отлетело для нас время,
наступают для нас времена.

Если страшно, так только немножко,
только легкий озноб, не дрожь.
К заплаканному окошку
подойдешь, стекло протрешь —

И не переулок соседний
увидишь, о смерти скорбя,
не старуху, что к ранней обедне
спозаранку волочит себя.

Не замызганную стену
увидишь в окне своем,
не чахлый рассвет, не антенну
с задремавшим на ней воробьем,

а такое увидишь, такое,
чего и сказать не могу, —
ликование световое,
пронизывающее мглу!..

И женский голос, ликуя, —
один в светлом клире —
поет и поет: Аллилуйя,
аллилуйя миру в мире!..

12 ноября 1926

ПЕСНЯ

Дремлет старая сосна,
И шумит со сна.
Я к шершавому стволу,
Прислонясь, стою.

— Сосенка-ровесница,
Передай мне силу!
Я не девять месяцев, —
Сорок лет носила,

Сорок лет вынашивала,
Сорок лет выпрашивала,
Вымолила, выпросила,
Выносила
Душу.

28—29 ноября 1926

* * *

Господи! Я не довольно ль жила?
Берег обрывист. Вода тяжела.
Стынут свинцовые отсветы.
Господи!..

Полночь над городом пробило.
Ночь ненастлива.
Светлы глаза его добела,
Как у ястреба...

Тело хмельно, но душа не хмельна,
Хоть и немало хмельного вина
Было со многими роспито...
Господи!..

Ярость дразню в нем насмешкою,
Гибель кличу я, —
Что ж не когтит он, что мешкает
Над добычею?

* * *

В душе, как в потухшем кратере,
Проснулась струя огневая, —
Снова молюсь Божьей Матери,
К благости женской взывая:
Накрой, сбереги дитя мое,
Взлелей под спасительной сенью
Самое сладкое, самое
Злое мое мученье!

* * *

Я думаю: Господи, сколько я лет проспала
и как стосковалась по этому грешному раю!
Цветут тополя. За бульваром горят купола.
Сажусь на скамью. И дышу. И глаза протираю.

Стекольщик проходит. И зайчик бежит
по песку,
по мне, по траве, по младенцу в плетеной
коляске,
по старой соседке моей — и сгоняет тоску
с морщинистой этой, окаменевающей маски.

Повыползла старость в своем допотопном
пальто,
идет комсомол со своей молодою спесью,
но знаю: в Москве — и в России — и в мире —
никто
весну не встречает такой благодарною песней.

Какая прозрачность в широком дыхании дня...
И каждый листочек — для глаза сладчайшее
яство.
Какая большая волна подымает меня!
Живи, непостижная жизнь,
расцветай,
своевольничай,
властвуй!

16 мая 1927

БОРИС САДОВСКОЙ

Садовской (Садовский) Борис Александрович (1881—1952) — поэт, прозаик, литературный критик. Учился в Нижегородской гимназии, с 1902 года — на историко-филологическом факультете Московского университета. Стихи начал писать еще в гимназии, одно из них даже было вручено «августейшему поэту» К.Р. при его посещении Нижнего Новгорода в октябре 1900 года. Кто знает, быть может, именно эта встреча стала решающей в его судьбе. Пройдя через многие искусы Серебряного века, он напишет в 1921 году: «Прогресс обольщает исканием, сулит новизну. И личность, покидая себя, рассыпается тучей праха. Ей и в голову не приходит, что уже все найдено, что Царство Божие в сердце». Революцию воспринял как возмездие:

Так Вышний повелел хозяин:
Чтоб были по своим грехам
Социалистом первый Каин
И первым демократом Хам.

После революции он стал убежденным монархистом. Начинал же, как и многие, «ярым декадентом», правда, как сам признавался позднее, «не вполне понимая, что это значит, и смешивая в одну кучу Мережковского и Брюсова, Кречетова и Блока». В молодости наиболее ярко проявил себя в критике в качестве полемиста брюсовских «Весов». В 1909 году выпустил свой первый поэтический сборник «Позднее утро», объявив себя приверженцем «неопушкинского течения». «Поэтические традиции — его надежная крепость», — скажет В. Ходасевич о «кристально чистом ключе поэзии Садовского».

В «Некрополе» он напишет о нем: «В литературных кругах его порой недолюбливали. Это было несправедливо, но причин тому было несколько. В обращении был он очень сдержан, пожалуй — холоден, но это потому, что до щепетильности был целомудрен в проявлении всякого чувства... Второй, очень важной, причиной его неладов с литераторами были политические тяготения Садовского. Я нарочно говорю — тяготения, а не взгляды, потому что взглядов, то есть убеждений, основанных на теории, на строго обдуманном историческом изучении, у него, пожалуй, и не было. Однако ж любил он подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность. Мне кажется, повторяю, что тут им руководило скорее эстетическое любование старой, великодержавной Россией, даже влюбленность в нее — нежели серьезное обдуманное политическое мировоззрение. Как бы то ни было, монархизм в эпоху 1905—1907 годов был слишком непопулярен и для писателя не мог пройти безнаказанно. Садовский же еще поддразнивал.

То в богемское либеральнейшее кафе на Тверском бульваре являлся в дворянской фуражке с красным околышем; то правовернейшему эсеру, чуть-чуть лишь подмигивая, расписывал он обширность своих поместий (в действительности — ничтожных); с радикальнейшей дамой заводил речь о прелестях крепостного права; притворялся антисемитом, а мне признавался, что в действительности не любит одних лишь выкрестов».

Таким он и оставался до конца жизни...

Тяжелая болезнь привела в тридцать пять лет к полному параличу. Но ему суждено было прожить еще столько же, став свидетелем всех последующих трагических событий русской истории. Эпиграфом к своему дневнику он выбрал слова митрополита Филарета (Дроздова): «Если век стремится в бездну, лучше отстать от него». И он «отстал», обретя пристанище в православии. «Я перехожу окончательно и безповоротно на церковную почву и ухожу от жизни. Я монах... Православный монах эпохи "перед Антихристом"», — запишет он, прожив с 1929 года до смерти парализованным в «келье» Новодевичьего монастыря. Таковой была его крошечная комната в подвале Красной церкви, превращенной после упразднения монастыря в коммуналку. Он напишет Корнею Чуковскому в 1940 году: «Мы не виделись 25 лет. Это такой же примерно срок, как от Рюрика до 1914 года. Я все это время провел "наедине с собой», не покидая кресла, и приобрел зато такие внутренние сокровища, о которых и мечтать не смел».

В 20—30-е годы он создал несколько литературных мистификаций, вызвавших крупные «скандалы» в научной среде. Современный исследователь Сергей Шумихин пишет по этому поводу: «Эти мистификации были связаны со стихотворениями и письмами Некрасова, Степняка-Кравчинского, Есенина, Блока, даже поддельными воспоминаниями некоего Попова об отце Ленина И.Н. Ульянове. (Попов действительно существовал и учился когда-то в гимназии у Ильи Николаевича, но его "мемуар" написан Садовским.) Мистифицировал Садовской и собственную биографию, дав заведомо ложные сведения в справочник Е.Ф. Никитиной «Русская литература от символизма до наших дней» (М., 1926), в чем признавался в своем дневнике. Некоторые из подделок были сфабрикованы так искусно, что на десятилетия вошли в научный оборот в качестве подлинных произведений названных авторов, ввели в заблуждение таких специалистов, как пушкинист М.А. Цявловский (товарищ детства и юности Садовского еще со времени нижегородского Дворянского института), издатель «Былого» П.Е. Щеглов (кстати, также замешанный в крупной мистификации — публикации поддельных дневников фрейлины последней императрицы А.А. Вырубовой). Подделки Садовского были разоблачены, в том числе и при участии автора этих строк, лишь в конце 1980-х годов. Подобное, достаточно двусмысленное с точки зрения научной этики занятие можно рассматривать как своеобразную месть редакциям и всему литературному миру, для которых Садовской перестал существовать (многие искренно были убеждены, что писатель давно умер). С другой стороны — как знать? — не было ли это попыткой утопающего в водах Леты схватиться за соломинку, чтобы хоть таким сомнительным способом напомнить будущим поколениям о себе?

Незадолго перед смертью шесть томов рукописей Бориса Садовского были приобретены Литературным музеем. До сих пор опубликованы лишь отдельные дневниковые записи и стихи 20—40-х годов, вошедшие в издание: «Борис Садовской. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. Новая библиотека поэта. Малая серия. СПб., 2001». Среди стихотворений есть и шуточное, датированное 1940 годом. Чувство юмора не покидало Бориса Садовского даже в самые тяжкие времена, о чем можно судить по его стихотворному посланию к В.И. Лебедеву-Кумачу как депутату Верховного Совета РСФСР и «товарищу по перу»:

Тов. Лебедев-Кумач, вы мой избранник
И в то же время мой товарищ по перу.
Послушайте, что Вам расскажет бедный странник,
Гость обездоленный на жизненном пиру.

Пишу я сорок лет. Мои произведенья —
Четырнадцать весьма разнообразных книг.
Рассказы, повести, статьи, стихотворенья.
Мне скоро шестьдесят, и я уже старик.

Был с Блоком, с Брюсовым союз мой неизменен.
Я Маяковского знал юным удальцом.
Еще в «Товарище» меня печатал Ленин,
Отец которого дружил с моим отцом.

Лет двадцать я без ног, но, несмотря на это,
Три года на дому я лекции читал.
Профессор красный я, а в звании поэта
Союз писателей давно меня признал.
В последние года в постель пришлось свалиться:
Смерть хмурая ко мне так близко подошла,
Но ожил и пишу. И как же не трудиться,
Когда над головой полет орла,

Когда истории и миру предписала
Страна великая незыблемый закон,
Когда Америка соседкой нашей стала,
Покорена тайга и полюс побежден.

Но Пушкин говорит, что для поэта нужен
(Как, впрочем, и для всех трудящихся людей)
Хороший сон, затем обильный добрый ужин.
Литфонд же мне дает три сотенки рублей.

Три сотни на меня и на жену больную.
Пора о пенсии решиться хлопотать.
Просил на лето я хоть сумму небольшую,
Ее «товарищи» всё забывают дать.

Так помогите мне подняться снова к свету,
Певец отзывчивый на радость и тоску.
Прошу немного я: спокойствия поэту,
Обеда скромного больному старику.

Знаменитый поэт-песенник Лебедев-Кумач, надо думать, помог «товарищу по перу» в оформлении

Борис Садовской у своей «кельи» в Новодевичьем монастыре. 1940 г.

пенсии вместо пособия Литфонда. Депутаты в ту пору были всесильны, хотя через год, во время эвакуации из Москвы, никакое депутатство не спасло самого Лебедева-Кумача, которого полгода продержали в казанской тюремной психушке за несколько гневных фраз в адрес Сталина, допустившего немцев к Москве.

Почти все писатели во время войны были эвакуированы в Чистополь и Ташкент. О Борисе Садовском, по всей видимости, «товарищи» вновь «забыли». Он остался в своей монастырской «келье». Незадолго перед отъездом в Чистополь у него несколько раз ночевала Марина Цветаева с сыном и оставила на хранение свой архив. Садовской сохранял и охранял его всю войну, поместив в сундук, служивший ему кроватью. Кто бы сберег его так в Елабуге...

Известно также, что во время войны в Новодевичьем монастыре он переводил псалмы. Пять из них опубликованы. Остальные, хочется надеяться, сохранились так же, как рукописи Цветаевой...

МОЛИТВА

Мне ничего не надо,
Поздно мне ворожить.
В жизни моя награда.
Боже! позволь мне жить!

Тебе ли угодно было
Венец обезславить мой,
Черных ли ратей сила
Издевается надо мной,

В смертной, глухой трясине,
Под холодным ливнем томясь,
Не хочу я молиться тине,
Славословить земную грязь.

Вот на миг дожди отшумели,
Отдохну и я в темноте.
Боже! дай подышать без цели,
Помолиться чужой красоте.

Пусть ворота святого сада
Дано другим сторожить,
Мне ничего не надо,
Только позволь мне жить.

1912

* * *

Бог всемогущий, продли мои силы,
Дай мне на звезды взглянуть без тревоги,
Дай отдохнуть на пути до могилы,
Остановиться на страшной дороге.

Вечная ночь надвигается плавно.
В круге полярном ушел далеко я.
Жизнь опозорена, гибель безславна.
Нет мне забвения, нет мне покоя.

1917

* * *

Верни меня к истокам дней моих,
Я проклял путь соблазна и порока.
Многообразный мир вдали затих,
Лишь колокол взывает одиноко.

И в сердце разгорается заря
Сияньем невечернего светила.
О вечная святыня алтаря,
О сладкий дым церковного кадила!

Заря горит все ярче и сильней.
Ночь умерла, и пройдены мытарства.
Верни меня к истокам первых дней,
Введи меня в немеркнущее царство.

1935

Из Псалтири

ПСАЛОМ 1

Блажен, кто к нечестивцам не входил,
И с грешниками дружбы не водил,
И со злодеем не садился,
Но волею закон Всевышнего следил
И день и ночь ему учился.
Как дерево, цветущее у вод,
Листву свою хранит и в срок приносит плод,
Так он во всех делах успеет.
Не тот путь грешников, не тот:
Они как пыль, и ветер их развеет.
Вот почему не вынести им суд:
Они в собранье правых не войдут,
Господь путь верных разумеет,
А нечестивые падут.

ПСАЛОМ 14

Господи, кто поселится в чертоге Твоем,
Кто будет жить у Тебя на Сионе святом?
Тот, чьи невинны труды, кто греха не творит,
Правду от чистого сердца всегда говорит,
Речью коварной не делает ближнему зла
И не порочит ни мысли его, ни дела.
Им боголюбец прославлен, безбожник презрен.
Клятву он честно хранит и не знает измен,
В рост серебра своего никому не дает
И незаконных подарков в суде не берет.
Так поступай: не споткнешься вовек.

ПСАЛОМ 44

От сердца я излил благое слово,
Чтоб возвестить Царю мои творенья,
Язык я уподобил скорописцу.
Нет красотою равного Тебе.
Уста Твои — источник благодати,
Благословен Ты Господом вовеки.
Могучий, препоясанный мечом,
В сиянии красы великолепной,
Исполнись мужества, восстань и властвуй
Во имя мира, истины и правды,
И поведет Тебя Твоя десница.
Шипами стрел пронзаешь Ты, могучий,
Сердца врагов. Все пред Тобой падут.
Престол Твой, Боже, ныне и до века.
Жезл правоты — жезл царства Твоего.
Любя закон, Ты ненавидишь грех.
Зато Твой Бог Тебя помазал, Боже,
На радость сопричастникам Твоим.
Алой, смолу и смирну мы вдыхаем
От риз Твоих, приветствуем Тебя
Через решетки из слоновой кости.
Тебя встречают дочери царей.
Царица об руку с Тобой, в одеждах
Цветных и позолоченных. Внимай,
О дочь моя, склони и слух и взоры,
Забудь народ свой и отцовский дом.
И красота твоя желанна будет
Царю-владыке. Поклонись ему.
Тебе дары дочь Тира преподносит,
Тебе хвалу вельможи воспоют.
Вся слава дочери царевой в сердце
Под золотым шитьем ее одежд.
И девы приведутся вслед за нею,
К Тебе ее подруги приведутся.
Весельем встретит их чертог Царя.
Твоих отцов сыны Твои заменят.
Князьями всей земли Ты их поставишь,
А я везде Твое восславлю имя,
И будут ублажать Тебя народы
Во век веков.

ПСАЛОМ 126

Когда не Богом дом воздвигнут, даром
Строители трудились; если город
Хранит не Бог, напрасно страж не спит.
Зачем же вы встаете до утра,
Ночь просидев безсонную? Тоскливо
Вкушаете вы хлеб, когда Господь
Дарует сон возлюбленным Своим.
Вот Божие наследие — сыны,
Награда для утробы плодоносной.
Колчану стрел в руке у исполина
Подобятся изгнанников сыны.
И тот блажен, кто чрез них исполнит
Желание свое: не посрамятся
Они, с врагом заспорив у ворот.

ПСАЛОМ 132

Что хорошо и прекрасно? — сожительство
дружное братьев.
Миру подобно оно, что, стекая с маститых
кудрей,
Капает медленно вдоль бороды, бороды
Аарона,
И застывает потом на окраинах ризы его,
Или росе Аермонской, упавшей на горы Сиона,
Где благодатную жизнь Бог утвердил навсегда.

1944

АННА АХМАТОВА

Ахматова (урожденная Горенко) Анна Андреевна (1889—1966) — поэтесса. Ее поэтическая биография начинается не с первой и единственной публикации Анны Горенко в 1907 году, а с первых стихов 1910 года, подписанных псевдонимом «Анна Ахматова». Она вспоминала: «Писать я начала с 11 лет, и все, что я написала до 21 года, действительно никуда не годится». Тем не менее некоторые стихи, написанные за десять лет Анной Горенко, вошли и в «Вечер», и в «Четки», и во все последующие ее прижизненные книги, а на закате дней она вновь вернулась к ним, стала восстанавливать по памяти, задумав новый цикл «Предвечерие», который должен был предшествовать «Вечеру». Таких не сохранившихся «ранних стихов» было более ста, так что первая поэтическая книга семнадцатилетней гимназистки Анны Горенко вполне могла появиться на свет на три года раньше «Вечернего альбома» семнадцатилетней гимназистки Марины Цветаевой. В год издания ста одиннадцати стихотворений цветаевского «Альбома» состоялось венчание двадцатилетней Анны Горенко, ставшей Анной Гумилевой. А вскоре в печати появились первые стихотворения не Анны Гумилевой-Горенко, а Анны Ахматовой. Это был не просто литературный псевдоним, каковых в ту пору появилось немало. Трудно представить едва ли не самых знаменитых поэтов Серебряного века — Федора Сологуба, Игоря Северянина, Андрея Белого, Эллиса — с их подлинными фамилиями — Тетерников, Лотарев, Бугаев, Кобылянский. Но Анна Горенко, став Анной Ахматовой, сделала гораздо большее. Она восстановила родовые корни, предопределив тем самым не только свою поэтическую судьбу, но и всей женской поэзии XX века. Сама Ахматова упомянула об этом лишь однажды и вскользь, как и о многом другом, что имело решающее значение в ее жизни: «В семье никто, насколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткою моего деда». Став Ахматовой, она навсегда отказалась от девичьей фамилии по отцовской линии, но выбрала девичью фамилию прабабки по материнской линии, которая связывала ее узами родства с «русской Сафо» Пушкинской эпохи. Тем самым, утратив родовое, она восстановила свое поэтическое родство. Наиболее известные стихи Анны Буниной появились в 1810—1816 годах. Ровно через столетие «русской Сафо» XX века суждено было стать Анне Ахматовой.

Поэтический дебют Анны Ахматовой состоялся в 1911 году. Почти одновременно ее стихи появились в третьем номере «Всеобщего журнала», в трех номерах студенческого еженедельника «Gaudeamus», издававшегося в Париже Николаем Гумилевым, в четвертом номере «Аполлона», в двенадцатом номере журнала «Русская Мысль». Она писала об этом периоде: «Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться... 25 марта 1911 г. (Благовещенье ст. стиля) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку... В нашей первой беседе он спросил меня: "А стихи ты писала?" Я, тайно ликуя, ответила: "Да". Он попросил прочитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: "Ты поэт, надо делать книгу"».

«Вечер» был издан гумилевским «Цехом Поэтов» в 1912 году с предисловием цеховика Михаила Кузмина, отмечавшего: «Мы пишем не критику, и наша роль сводится к очень скромной: только назвать имя и как бы представить вновь прибывшую. Мы можем намекнуть слегка о ее происхождении, указать кой-какие предметы и высказать свои догадки, что мы и делаем. Итак, сударыни и сударь, к нам идет новый, молодой, но имеющий все данные стать настоящим поэт. А зовут его — Анна Ахматова».

Сорок шесть стихотворений, вышедших тиражом 300 экземпляров, решили ее судьбу. «Молитесь на ночь, чтобы вам // Вдруг не проснуться знаменитым», — напишет она на склоне лет, проснувшись после «Вечера» самой знаменитой русской поэтессой XX века.

Представляя вновь прибывшую, Михаил Кузмин назвал еще трех: Эренбурга, Мандельштама и Марину Цветаеву, чьи поэтические дебюты состоялись в 1910—1912 годах. У Эренбурга вышла первая книга в Париже, у Мандельштама — первая подборка в «Аполлоне», у Цветаевой в 1910 году — одновременно с первыми стихами, подписанными псевдонимом «Анна Ахматова», — вышел «Вечерний альбом», а в 1912 году —

одновременно с цветаевским «Волшебным фонарем» — «Вечер». Цветаева до 1916 года не знала стихи Ахматовой. Об этом свидетельствует ее запись: «1916 год. Лето. Пишу стихи к Блоку и впервые читаю Ахматову». Ахматова делала «Вечер», вне всякого сомнения, уже зная цветаевский «Вечерний альбом», одним из первых рецензентов которого был Гумилев. В ее «Вечере» нет ни одного полудетского стихотворения, с которыми предстала Цветаева. Ахматова, благодаря первым книгам Цветаевой, смогла сразу отсечь все лишнее...

В предисловии Михаила Кузмина имена Ахматовой и Цветаевой впервые названы рядом. С этого времени, при всей полярности поэтических и личных судеб, их уже нельзя будет отделить друг от друга. Но лично с 1910 по 1941 год они не соприкоснулись ни разу, их первая встреча состоялась лишь в последний год жизни Цветаевой. Они встретились, чтобы проститься. История русской литературы знает один подобный пример. Судьба ни разу не свела двух великих прозаиков-современников — Достоевского и Льва Толстого. Цветаева посвятит «царскосельской Музе», «златоустой Анне всея Руси» цикл «Стихи к Ахматовой», не менее значимый, чем ее цикл «Стихи к Блоку». К Ахматовой обращены строки:

...Не отстать тебе! Я — острожник!
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Все это произойдет в 1921 году. Ахматова ответит ей в 1961 году в «Комаровских набросках» из цикла «Венок мертвым»:

...Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка. Двух?
А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

Так завершилась прижизненная и посмертная голосов перекличка Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Ахматова ни разу не побывала в Коктебеле у Волошина, ее поэтической колыбелью навсегда остался Петербург и Царское Село. Но для некоторых цеховиков древняя Таврида тоже стала поэтической Меккой. Здесь в 1915 году Цветаева познакомилась с Мандельштамом и под его влиянием полюбила Ахматову. В злополучной статье 1922 года он говорит о богородичных рукодельях московских поэтесс Цветаевой и Анны Радловой, но и петербургская Ахматова тоже попала в число этих рукодельниц, а в том же 1922 году Лев Троцкий в «Правде» назовет эти три имени как основные в начавшейся кампании по искоренению религиозности в русской поэзии. Получалось, что Мандельштам волей-неволей оказался причастным к начавшейся идеологической травле. Цветаева навсегда разорвет отношения с ним. Ахматова восстановит, но в позднейших записках отметит: «В начале 20-х годов (1922) Мандельштам дважды очень резко нападал на мои стихи в печати... Этого мы с ним никогда не обсуждали». Мандельштам был одним из первых, если не самым первым, кто увидел и оценил ее.

Как Черный ангел на снегу,
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу,
Есть на тебе печать Господня.
Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше, —
Что, кажется, в церковной нише
Тебе назначено стоять... —

так писал Мандельштам в 1910 году — еще до выхода «Вечеров». Через десять лет он не открестился, как многие, от своих былых «заблуждений» и не имел никакого отношения к атеистической одури. Наоборот. Именно в начале 20-х годов в статье «Слово и культура» и в других он заговорит об обретении свободы в религии, о том, что «теперь всякий культурный человек — христианин», и в это же время напишет одно из лучших своих молитвенных стихотворений «Люблю под сводами седыя тишины...» и стихотворение о «запечатанных соборах» Московского Кремля, «где и прохладно и темно, // Как в нежных глиняных амфорах // Играет русское вино». С Цветаевой и Ахматовой он вел спор совсем в иной плоскости — эстетической. Но после статьи Троцкого все это будет восприниматься уже совсем иными глазами. А в 1946 году история повторится, но теперь уже не Троцкий, а Жданов процитирует Мандельштама и Юрия Айхенвальда в качестве доказательства «вины» Ахматовой...

То же самое произошло и со статьей Корнея Чуковского «Ахматова и Маяковский», впервые опубликованной в 1921 году в журнале «Дом искусств» (№ 1), а в 1920 году неоднократно звучавшей на его публичных лекциях. Чуковский, нет спору, заговорил о самом важном в поэзии Ахматовой — религиозности. Он запишет через несколько лет: «Зашел к Ахматовой. Она лежит, — подле нее Стендаль... Впервые приняла меня вполне по душе. "Я, говорит, вас ужасно боялась. Когда Анненков мне сказал, что вы пишите обо мне, я так и задрожала: пронеси Господи"». Статья получила широкий резонанс. Константин Федин отметит в рецензии, опубликованной в журнале «Книга и революция» (1921, № 8—9): «Для петербуржцев не нова статья К. Чуковского "Ахматова и Маяковский": автор выступал не раз с докладом на тему "Две России", и всем известно, что "Россия раскололась теперь на Ахматовых и Маяковских"». В этом «расколе» еще не было той идеологической непримиримости, которая вскоре зазвучит в других статьях. После статьи Льва Троцкого «Внеоктябрьская литература» критики станут вскрывать «нутряную антиреволюционность» Ахматовой, она на долгие годы попадет в число

«внутренних эмигрантов». Но Корней Чуковский, как и Мандельштам, еще не ведали, что творят...

Чуковский писал:

«Читая "Белую стаю" Ахматовой, — вторую книгу ее стихов, — я думал: уж не постриглась ли Ахматова в монахини?

У первой Ахматовой означилась какая-то жесткая строгость, и, по ее же словам, губы у нее стали, "надменные", глаза "пророческие", руки "восковые", "сухие". Я как вижу черный клобук над ее пророческим ликом.

И давно мои уста
Не целуют, а пророчат, —

говорит она своему прежнему милому, напоминая ему о грехе и о Боге. Бог теперь у нее на устах постоянно. В России давно уже не было поэта, который поминал бы имя Господне так часто.

Когда идет дождь, Ахматова говорит:

— Господь немилостив к жнецам и садоводам.

Когда жарко, она говорит:

— Стало солнце немилостью Божьей.

Увидев солнечный свет, говорит:

— Первый луч — благословенье Бога...

Увидев звезды, говорит:

— Звезд иглистые алмазы к Богу взнесены.

Вся природа у нее оцерковленная. Даже озеро кажется ей похожим на церковь.

И озеро глубокое синело —
Крестителя нерукотворный храм.

Даже в описании зимы она вносит чисто церковные образы: зима, по ее выражению, "белее сводом Смольного собора".

У всякого другого поэта эти метафоры показались бы манерной претензией, но у Ахматовой они до того гармонируют со всем ее монашеским обликом, что выходят живыми и подлинными.

Изображая петербургскую осень, она говорит:

...и воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий — так чудесен, —

и нет, кажется, такого предмета, которому она не придала бы эпитета: "Божий". И солнце у нее "Божье", и мир "Божий", и щедрость "Божья", и воинство "Божие", и птицы "Божьи", и сад "Божий", и даже сирень "Божья". Церковные лица, дела и предметы все чаще появляются у нее на страницах: крестик, крест, икона, образок, литургия, Библия, епитрахиль, крестный ход, престол, солея, Магдалина, плащаница, апостол, святая Евдокия, царь Давид, серафимы, архангелы, ангелы, исповедь, страстная неделя, Вербная суббота, Духов день — это теперь у нее постоянно-исключительно о церкви. Нет, о церкви у нее почти ни слова, она всегда говорит почти о другом, но, говоря о другом, пользуется при всякой возможности крестиками, плащаницами, Библиями. Изображая, например, свою предвесеннюю, предпасхальную радость, она говорит:

А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

Изображая свою печаль, говорит:

Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

Церковные имена и предметы почти никогда не служат ей главными темами, она лишь мимоходом упоминает о них, но они так пропитали ее духовную жизнь, что при их посредстве они служат ей и для описания природы, и для любовных стихов. Любовные стихи в этой книге не часты, но все же они еще не совсем прекратились; в них та же монастырская окраска:

— Сколько поклонов в церквах положено за того, кто меня любил, — говорит она в одном стихотворении, и, когда в другом стихотворении ее возлюбленный упрекает ее, она по-монашески просит его о прощении:

— Прости меня теперь. Учил прощать Господь.

И ласкает его церковными ласками:

— За то, что всем я все простила,
ты будешь Ангелом моим...

Я у Бога вымолю прощенье
и тебе, и всем, кого ты любишь.

В этих словах, интонациях, жестах так и чувствуешь влюбленную монахиню, которая одновременно и целует и крестит. О скоро поцелуям конец, ибо во многих ее последних стихах говорится, что она как бы умерла для житейского, что, погребенная заживо, она ждет Последнего Суда, что она стала безтелеснее усопших, что на ней почиет тишина, что из ее памяти,

...как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.

Так что если бы в ее последней книге не было бы ни ангелов, ни плащаниц, ни крестов, если бы в ней не было ни слова о Боге, мы и тогда догадались бы, что они исходят из кельи, отрешенной от земных сует.

"Белую стаю" характеризует именно отрешенность от мира: "По-новому, спокойно и сурово, живу на диком берегу". В этой книге какая-то посмертная умудренность и тихость преодолевшей земное, отстрадавшей души. Уйдя от прежней "легкости", которую Ахматова называет теперь проклятой, от легкости мыслей и чувств, она точно вся опрозрачнела, превратилась в икону, и часто кажется, что она написана Нестеровым (только более углубленным и вещим), изнеможенная, с огромными глазами, с язвами на руках и ногах, —

Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам...

Вообще, ее православие нестеровское... грустное, скудное, сродни болотцам и хилому ельнику. Она последний и единственный поэт православия...»

Чуковский начинал свою статью со столь подробного анализа, как сказали бы современные исследователи, религиозных мотивов в поэзии Ахматовой, для того чтобы перейти к поэзии Маяковского. Ахматова для него — прошлое, Маяковский — будущее. «Похоже, что вся Россия, — констатирует он, — разделилась теперь на Ахматовых и Маяковских. Между этими людьми тысячелетия. И одни ненавидят других. Ахматова и Маяковский столь же враждебны друг другу, сколь враждебны эпохи, породившие их. Ахматова есть бережливая наследница всех драгоценнейших дореволюционных богатств русской словесной культуры... А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение нашей революционной эпохи».

Статья Чуковского стала первой ласточкой в создании культа «поэта революции» и последующей маяковизации советской поэзии, а уже Троцкий введет разделение на октябрьскую и внеоктябрьскую литературу. Религиозность поэзии Ахматовой окажется главным обвинением не только в 20—30-е годы, но и в 1946-м, когда, как объяснялось в одной из статей «Правды», «...в некоторых писательских кругах получила хождение нелепая теорийка о послевоенной "передышке", о мифическом праве литературы на "отдых" от идейности и политической определенности». В этом, оказывается, и был весь смысл Постановления ЦК и доклада А.А. Жданова, непостижимый для самой Ахматовой, задавшей «наивный» вопрос: «Зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей техникой, понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?» По свидетельству современника, в готовившемся Постановлении значилась не «безыдейная, упадническая», а «религиозная поэзия», но в последний момент Сталина убедили изменить эту формулировку. Ее отголосок остался в докладе Жданова: «Тематика ее поэзии — между будуаром и молельной». Ахматова запишет в 1948 году: «В эту зиму писала работу о "Каменном госте". А Сталин, по слухам, время от времени, спрашивал: "А что делает монахиня?"»

«Монахиня» пережила уничтожение тиражей двух своих книг, вышедших в 1946 году, арест в 1949 году мужа Николая Пунина, второй арест, в том же 1949 году, сына Льва Гумилева и запрет на ее собственные стихи, снятый лишь через десять лет. Но и первые сборники, появившиеся в 1958 и 1961 годах, продолжали оставаться подцензурными. В 1946 году, еще до Постановления, Ольга Берггольц написала для журнала «Знамя» статью «Военные стихи Анны Ахматовой», которую тут же поставили в ближайший номер, но с некоторыми «поправками». «Поправки, — сообщили ей из журнала, — мы себе позволили сделать самые незначительные и осторожные». И далее шел перечень этих «поправок» с припиской: «Не надо слишком много про бога!» Из статьи «вычеркнули по тем же мотивам» фразу Берггольц вместе с «Молитвой» Ахматовой: «Именно спокойная и уверенная "непоправимая любовь" к родине заставила Ахматову с такой искренностью молиться в 1915 году, в годы Первой мировой войны: "Дай мне горькие годы недуга..." (до конца цитаты). Вот и все». Остальное оставили, изъяв статью целиком из журнала уже после Постановления.

Через десять лет Анна Ахматова встретится с теми же самыми «поправками». Гласных и негласных цензурных запретов и ограничений на любое упоминание Бога после смерти Сталина никто не отменял, а в хрущевскую «оттепель» они еще более ужесточились. Через полгода, но уже не в России, а в Германии, читателем этой же книги окажется поэт Дмитрий Кленовский, который в письме от 8 октября 1961 года поделится своими впечатлениями с архиепископом Сан-Францисским Иоанном (Шаховским). Переписка Дмитрия Кленовского с Иоанном (Шаховским), впервые изданная в 1981 году в Париже, в этом отношении является уникальнейшим документом эпохи. Выдающийся церковный деятель, проповедник и поэт из рода князей Шаховских, владыка Иоанн с 1948 года, почти сорок лет, каждую неделю выступал по «Голосу Америки» с передачами «Беседы с русским народом», многие из которых были посвящены русской поэзии. Одна из его радиобесед 50-х годов была посвящена первым поэтическим сборникам Дмитрия Кленовского. С этого и началась их переписка, длившаяся четверть века, в которой постоянно звучала тема поэзии и судьбы Анны Ахматовой. Письмо 1961 года в этом отношении наиболее характерно. Привожу его почти полностью. Дмитрий Кленовский пишет:

«Вот что меня глубоко взволновало — это советское издание избранных стихов Ахматовой. Как ее осквернили и обокрали! Я не говорю уже о гнусной статье Суркова и о жалкой (вынужденной, конечно, быть таковой) автобиографии Ахматовой. Дело в отборе стихов для книги... Я сравнивал советские и старые тексты стихов, и получилось, что изъяты и не включены в издание, совершенно независимо от художественной ценности, почти все те стихи, где речь идет о религиозных чувствах автора. Мало того: достаточно было присутствия в стихотворении таких слов, как "Бог", "Господь", "Богородица", "ангел", "крест", "молитва", "причастие", "святитель" и проч., чтобы стихотворение было изъято. Я насчитал 140 стихотворений из первых книг А., не включенных в советское издание! Среди 120 включенных, эти слова встречаются не более 10 раз, да и то в самом невинном преломлении. А некоторые стихи даже "исправлены" в

угодном смысле, так, например, в строках "таинственные, темные селенья — хранилища молитвы и труда" исправлено на "хранилища безсмертного труда"! Цель сборника была, вероятно: исказить поэтический и человеческий облик Ахматовой, каким он еще сохранился в памяти, в списках, в старых (редчайших теперь) изданиях ее стихов. Горько это видеть... И какое счастье быть поэтом здесь, хоть и печатаешься тиражом в 750, а не в 50 000 экземпляров».

В ответном письме владыка Иоанн, вполне согласившись с Дмитрием Кленовским в оценке Ахматовой и других советских поэтов, однако счел необходимым добавить: «Но будем все-таки справедливы... и, как говорили египетские отцы-пустынники, будем "мантией своей покрывать согрешающего"», отметив при этом: «в России же поэзия, какая там она ни на есть, — производит, как луна, приливы и отливы океана, там "волны от нее ходят"».

Письма двух поэтов Русского зарубежья архиепископа Иоанна Шаховского и Дмитрия Кленовского можно дополнить несколькими выдержками из книги В.А. Черных «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой» (М., 2008):

1960. Февраль 20. Москва. Сердится на Владимира Николаевича Орлова, редактора ее «Седьмой книги». «Орлов требует, чтобы в стихотворении: "Я научилась просто, мудро жить, // Смотреть на небо и молиться Богу" я заменила чем-нибудь Бога. Чем же прикажете? "Служить единорогу?"»

Мая 20. Остоженка. Отзыв А.А. Суркова на рукопись сборника стихотворений А.А., подготовленный Гослитиздатом: «В интересах самого поэта, чтобы не подставлять ее под ненужные удары придирчивой критики, я бы рекомендовал исключить из сборника содержащиеся в нем религиозно окрашенные стихи».

Октября 23. «Она продолжает терзаться книгой...»

Декабря 3. «Ника Глен принесла на минуту Анне Андреевне из Гослита представленное в редакцию послесловие Суркова... Анна Андреевна была уверена, что Сурков напишет нечто "вяло-благостное", и очень на этом стояла. Он же, как она уверяет теперь, "просто пересказал приснопамятного Андрея Александровича <Жданова>"».

1961. Февраль 16. Подписана в печать кн.: Анна Ахматова. Стихотворения (1909—1960). М., ГИХЛ, 1961. Тираж 50 000 экз. Книге предпослан автобиографический очерк А.А. «Коротко о себе». Послесловие А. Суркова: «Она не поняла и не приняла Октябрьскую революцию, горько и безнадежно тоскуя по разрушенному прошлому, дорогому ее сердцу... Стихами, написанными за последние пятнадцать лет, Анна Ахматова заняла свое, особое, не купленное ценой каких-либо моральных или творческих компромиссов место в современной советской поэзии».

<Апрель>. Письмо С.В. Шервинского: «Безконечно приятно иметь на письменном столе томик Ваших стихов. Это издание все же пристойное. Превосходна Ваша вступительная заметка о себе. О послесловии не говорю, поскольку оно само за себя говорит, и совершенно определенным языком... Я, конечно, получил ее <книгу> в Гослитиздате "из-под полы", как плод если не запретный, то во всяком случае недосягаемый».

Последняя прижизненная книга Анны Ахматовой «Бег времени» (1965) тоже вышла, как она выражалась, «с издательскими мошенничествами» и без «Поэмы без героя», снятой по настоянию Алексея Суркова. Первое не изувеченное цензурой и редактурой издание появилось лишь через одиннадцать лет (Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1965, 1979. Составление, подготовка текста и примечания В.М. Жирмунского). «Предлагаемая вниманию читателей книга наиболее полно представляет стихотворное наследие Анны Андреевны Ахматовой, голос которой на протяжении полустолетия выделялся в многоголосном хоре русской поэзии XX века», — отмечалось во вступительной статье... Алексея Суркова, которая, как и предыдущие, говорила сама за себя, но без этих статей не было бы и самих изданий. Таковыми были «правила игры» того времени. «...Я тогда была с моим народом // Там, где мой народ, к несчастью, был», — скажет об этом Ахматова. В пасхальные дни 1946 года она напишет четверостишие, впервые опубликованное в 1971 году:

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста.

Таков эпилог трагической поэмы, автором и героем которой была сама Анна Ахматова. Одни из самых проникновенных страниц этой поэмы — молитвенная лирика.

* * *

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь,
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

***Впервые:** «Звезда» (1961, № 5) вместе со стихотворением «И когда друг друга проклинали», под*

заглавием «Два стихотворения из первой тетради». Восстановленные стихи из этой «первой (Киевской) тетради» Анны Горенко должны были предшествовать «Вечеру» Анны Ахматовой под названием «Предвечерье». Лишь через полвека Анна Ахматова «признала» Анну Горенко.

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911,
Царское Село

В основе — евангельская притча о воскресении Иисусом дочери Иаира. Перекликается со стихотворением «Дочь Иаира» Иннокентия Анненского (1909).

* * *

Стал мне реже сниться, слава Богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.

Анна Ахматова. Портрет работы Н.И. Альтмана. 1914 г.

И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни Лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный,
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.

1912,
Киев

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней.
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

* * *

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

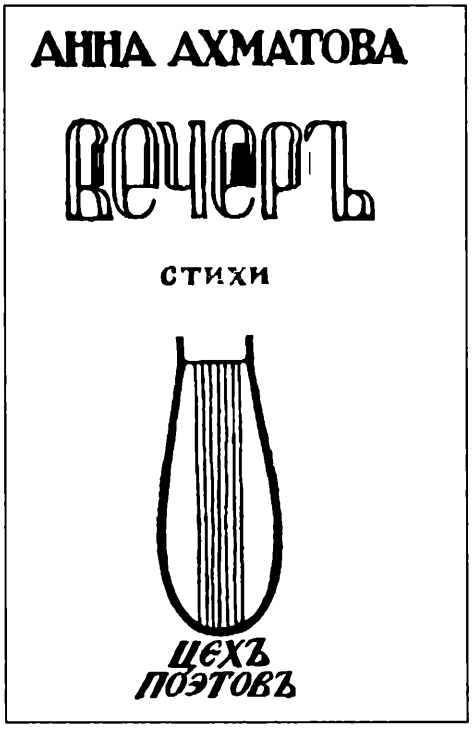
Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

Май 1912,
Флоренция

* * *

Дал Ты мне молодость трудную,
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912,
Вечер



* * *

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискусный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.

Май 1913,
Петербург, Крестовский остров

* * *

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу сил и славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, —

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

1913

* * *

Я любимого нигде не встретила:
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец! — Твоя земля прекрасна.

Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пели птицы томные.
А в родной стране от ласки инея
Поседели сразу косы темные.

Там в глухих скитах монахи молятся
Длинными молитвами, искусными...
Знаю я, когда земля расколется,
Поглядишь Ты вниз очами грустными.

Я завет Твой, Господи, исполнила
И на зов Твой радостно ответила,
На Твоей земле я все запомнила
И любимого нигде не встретила».

<Март> 1914

* * *

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И довольного, усталого,
Спать ребенка уложу.

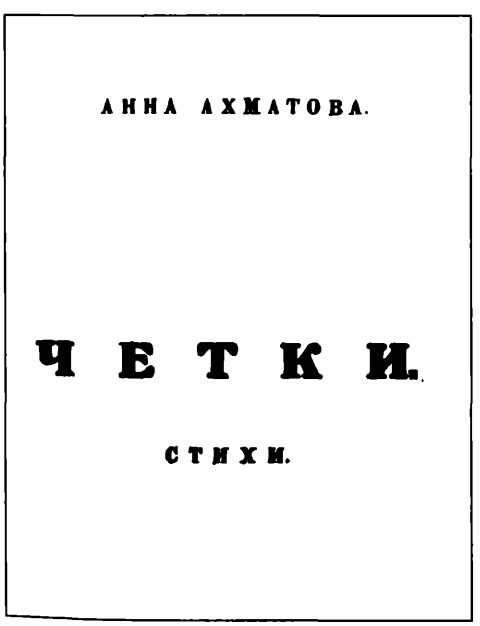
Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.

Май 1914,
Петербург

* * *

В Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.


АННА АХМАТОВА.

ЧЕТКИ.

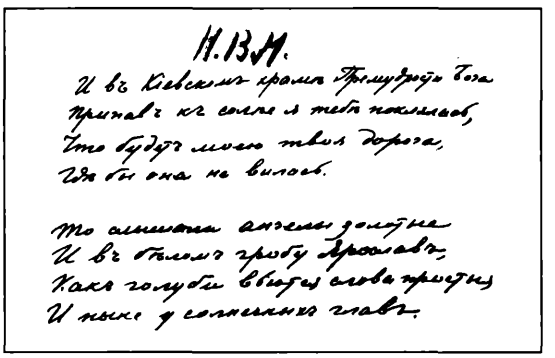
СТИХИ.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав,
Как голуби, вьются слова простые
И ныне у солнечных глав.

И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек к ней.
И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

<8> июля 1914

Впервые: Ахматова А. «Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография» (сост. Э.Проффер). Анна Арбор: «Ардис», 1977. Киевскому Софийскому собору посвящено несколько стихотворений Анны Ахматовой. Сохранилась ее поздняя запись: «Мои стихи о Софии. Клятва. Место, где дана клятва, этим самым — священно навсегда».


А.А.А.
В Киевском храме Премудрости Бога
Припав к солее я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она не вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав,
Как голуби вьются слова простые
И ныне у солнечных глав.

Автограф стихотворения «В Киевском храме»

ИЮЛЬ 1914

1

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

11—20 июля 1914

2

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

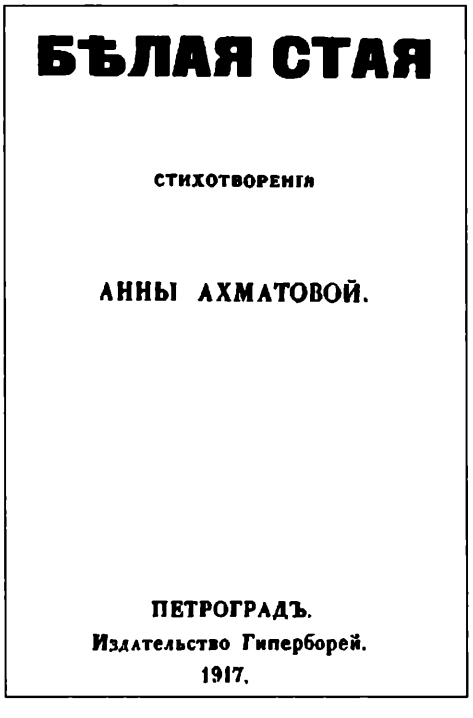
Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело Твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах Твоих».

20 июля 1914,
Слепнево

* * *

Безшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.


БѢЛАЯ СТАЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АННЫ АХМАТОВОЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство Гиперборей.
1917.

Меня привели к больному,
И я не узнала его.

Он сказал: «Теперь слава Богу»,—
И еще задумчивей стал. —
«Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.

Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».

Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.

А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».

И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба Твоего».

Июль 1914,
Слепнево

УТЕШЕНИЕ

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

Сентябрь 1914,
Царское Село

* * *

Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.

Над дальним лугом белые челны
Нездешние сопровождают тени...
Час горьких дум, о, час разуверений
При свете возникающей луны.

<Декабрь> 1914

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915. Духов день,
Петербург. Троицкий мост

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

1915,
Царское Село

Колыбельная песня-молитва и стихотворение «Будешь жить, не зная лиха...» посвящены трехлетнему сыну Анны Ахматовой и Николая Гумилева Льву Гумилеву.

* * *

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всем тебе удача,
Ото всех почет,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

1915

* * *

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.

Нынче другу возвратиться
Из-за моря — крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.

На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.

Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!

Май 1916,
Слепнево

МАЙСКИЙ СНЕГ

Пс. 6, ст. 7.

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

18 мая 1916,
Слепнево

В эпиграфе указаны строки Псалтири: «Утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омываю постель мою».

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.

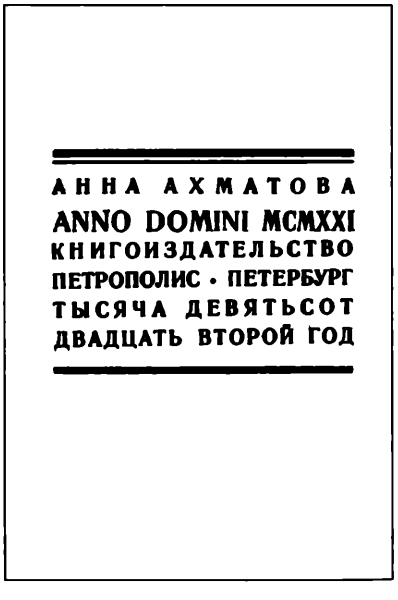
18 июля 1916,
Слепнево

* * *

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах,—
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для святой Софии
В тот единственный светлый день,



Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

Лето 1916,
Слепнево

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злому сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!

А чтоб Тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

23 мая 1916,
Слепнево

* * *

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много
Неистощима только синева
Небесная и милосердье Бога.

Зима 1916,
Севастополь

ОТРЫВОК

. . . . . .

О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

1916 (?)

* * *

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.
Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Лето 1917,
Слепнево

* * *

Я в этой церкви слушала канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Те семь недель до полночи пасхальной
Сливался с безпорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
. . . . . судьбой.

Фрагмент стихотворения 1917 г.

* * *

Сослужу тебе верную службу, —
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.

За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я, как брачные ризы, ношу.

Июль 1921

28 ИЮЛЯ 1921

Памяти А. Блока

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травою стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские.
А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

Август 1921

Александр Блок скончался 25 июля (по ст.ст.) 1921 года, 28 июля, в день праздника иконы Смоленской Божьей Матери, был похоронен на петербургском Смоленском кладбище. В 1944 году прах перенесен на Волково кладбище. Известен отзыв матери Блока об этом стихотворении: «До сих пор лучшее, что сказано о Саше, сказала в пяти строках Анна Ахматова». Августом 1921 года датировано четверостишие, посвященное Блоку:

Не чудо ли, что знали мы его,
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного Поэта своего.

* * *

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.
Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

15 сентября 1921

Анна Горенко с шестнадцати лет жила у родственников в Киеве, поступив в 8-й класс Фундуклеевской гимназии. В начале 60-х годов она восстановила по памяти некоторые из сожженных ранних стихов, наметив план «Из Киевской тетради». Но с Киевом были связаны не только ее ранние интимные стихи. В 1912 и 1914 годах, вновь оказавшись в городе юности, она напишет стихотворения «Стал мне реже сниться, слава Богу...», «В киевском храме Премудрости Бога», в которых запечатлеет сам город, его соборы, лаврский колокольный звон . Таковы первые строфы стихотворения «Киев»:

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой святой Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены...

Лев Гумилев. 1934 г.

Стихотворение 1921 года написано в Петрограде, что уже само по себе свидетельствует, какое глубокое значение имели для нее киевские святыни. В одной из бесед она назовет Святую Софию и место захоронения киевских князей Михайловский монастырь «оплотом борьбы с дьяволом». В данном стихотворении запечатлен образ софийской Богоматери «Нерушимая Стена», которая, как и колокольный звон самого большого софийского «колокола Мазепы», естественно, и были оплотом в этой борьбе.

* * *

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому,
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

Декабрь 1921,
Петербург

* * *

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Осень 1935,
Москва

Впервые: в составе поэмы «Реквием» (Мюнхен, 1963). Написано после ареста мужа Анны Ахматовой Н.Н. Пунина и ее сына-студента Льва Гумилева.

ЗАКЛИНАНИЕ

Из высоких ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незваный,
Несуженый, —
Приди ко мне ужинать.

15 апреля 1936

Стихотворение датировано днем пятидесятилетия Николая Гумилева. Впервые опубликовано в предсмертном сборнике «Бег времени» (1965), но с датой — 1935. Анна Ахматова не раз прибегала к такой вынужденной «ложной датировке», чтобы спасти стихи.

* * *

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
«Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего.

Анна Ахматова. Фотография 1964 г.

Что же ты на земле замешкалась
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин
во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру-голубицу схимницу,
Своего печалишь ребеночка?..»
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою невзвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.

13—14 марта 1940. Ночь

Впервые: «День поэзии» (М., 1971).

* * *

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Впервые: в составе поэмы «Реквием» (Мюнхен, 1963). Написано после второго ареста Льва Гумилева 10 марта 1938 года).

* * *

И осталось от всего земного
Только хлеб насущный Твой,
Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой.

1941

Впервые: «Юность» (1969, № 6).

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарою.
За версту я обойду
Ленинградскую беду,
Я не взглядом, не намеком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.

1944,
Ленинград

Впервые: «Новый мир» (1969, № 5). Послесловие к «Ленинградскому циклу» (1941—1946).

ПРИЧИТАНИЕ

В.А. Щеголевой

Господеви поклонитеся
Во святем дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил,
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

24 мая 1922,
Петербург

* * *

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

Впервые: «Вестник РСХД» (Париж—Нью-Йорк, 1971, № 101—102), вместе с четверостишием «Я всем прощение дарю...».

* * *

Хулимые, хвалимые!
Ваш голос прост и дик,
Вы не переводимые
Ни на один язык.
Надменные, безродные,
Бродившие во тьме, —
Вы самые свободные,
А родились в тюрьме.
Мое благословение
Я вам сегодня дам,
Войдите вы в забвение,
Как люди входят в храм.

1 июля 1960,
Ордынка

* * *

Больничные молитвенные дни
И где-то близко за стеною — море
Серебряное — страшное, как смерть.

1 декабря 1961,
Больница

* * *

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым.

1964 <1965>

Впервые: «Юность» (1971, № 12).

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.
И. Б <родский>

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

9 августа 1962,
Комарово

МАРИЯ ШКАПСКАЯ

Шкапская (урожденная Андреевская) Мария Михайловна (1891—1952) — поэтесса. Окончила филфак Тулузского университета, слушала лекции в школе восточных языков в Париже. В 1915 году вернулась в Россию. Дебютировала вместе с Надеждой Павлович в «Первом сборнике группы молодых поэтов». В 1916 году вышла книга стихов, ставшая новым явлением на поэтическом Олимпе. Критики обсуждали в основном ее эпатажные «плотские» стихи. Но Павел Флоренский, выделив три поэтических имени — Цветаеву, Ахматову и Шкапскую, отметил совсем иную особенность ее стихов — религиозность. В этом отношении характерно ее раннее стихотворение «Библия»:

Ее на набережной Сены
В ларце старуха продает,
И запах воска и вербены
Хранит старинный переплет.
Еще упорней и нетленней
Листы заглавные хранят
И даты нежные рождений
И даты трудные утрат.
Ее читали долго, часто,
И чья-то легкая рука
Две-три строки Экклезиаста
Ногтем отметила слегка.
Склоняюсь к книге. Вечер низок.
Чуть пахнет старое клише.
И странно делается близок
Моей раздвоенной душе
И тот, кто счел свой каждый терний,
Поверив, что Господь воздаст,
И тот, кто в тихий час вечерний
Читал Экклезиаст.

В начале 20-х годов Мария Шкапская выпустила несколько поэтических сборников. В дальнейшем занималась журналистикой, войдя в число ведущих советских очеркистов. В эти же годы появились первые очерки Мариэтты Шагинян, а уж затем — лениниана. Стихи младосимволистки Мариэтты Шагинян, ее книга о поэзии Зинаиды Гиппиус, вышедшая в 1912 году, оказались в числе «забытых». Время все расставило на свои места, отдав Богу Богово, а кесарю кесарево. Имя Мариэтты Шагинян вновь заняло с в о е место среди поэтов Серебряного века, а ее теоретические исследования приобрели особую ценность первоисточника. Имя Марии Шкапской через полвека тоже вернулось в первый ряд имен, названных Павлом Флоренским. Ее последний прижизненный сборник вышел в 1924 году, первый посмертный — в 1979-м, правда, не в России, а в Лондоне. В это время в России Мария Шкапская, как и Мариэтта Шагинян, продолжали оставаться авторами совсем других произведений.

ГРУСТНОЕ

В незнакомом храме я. За чуждой мне мессой.
И молитвы чуждые на чужих губах.
Тишина загадочна за цветной завесой,
Музыка печальная — Гендель или Бах.

Господи, как ласково! Господи, как тонко!
Столько умиления, столько слезных лиц.
Трогательны статуи Матери с Ребенком,
Перед ними женщины распростерты ниц.

Если б в это пение так же просто верить,
Если б плакать с радостью покаянных слез,
Глядя на таинственно запертые Двери,
Знать, что с нами молится плачущий Христос...

Но на сердце холодно — холодно и остро.
Плакать — сердцу чуждое. Плакать веры нет.
Слезы только с верою ласковые сестры,
Только умоляющим их вечерний свет...

В незнакомом храме я. За чуждой мне мессой.
И молитвы пламенной не творят уста.
Знаю так отчетливо: за цветной завесой
Нет за нас просящего, грустного Христа.

1915

* * *

Господи, я не могу!
Дай мне остаться чистою,
Дай на Твоем берегу
К верной причалить пристани.

Душен безвыходный плен
Дум моих мертвых, каменных.
Строгих Твоих колен
Дай мне коснуться пламенно.

Сердце, как пламень в снегу.
Сердце с собой не справится.
Снег истлевает, плавится...
Господи, я не могу.

* * *

Боже мой, и присно, и ныне,
В наши кровью полные дни,
Чаще помни о Скорбном Сыне
И каждую мать храни.

Пусть того, кто свой шаг неловкий
К первой к ней направлять привык,
Между двух столов на веревке
Не увидит ужасный лик.

Пусть того, что в крови родила,
Не увидит в чужой крови.
Если ж надо так, Боже милый,
Ты до срока ее отзови.

* * *

Господи, разве не встала я,
егда Ты ко мне воззвах?
Ведь я только петелька малая
в тугих Твоих кружевах.

Ведь мы только ягоды спелые
в Твоем лесном туеске,
цветы Твои белые
в соблюденном Твоем леске.

Твоими ржаными колосьями
всходим из влажной земли
в полях нашей скудной родины,
в ее дорожной пыли.

Но здесь под лучами теплыми
дай нам время и срок,
чтоб цветы встали в поле копнами,
чтоб колос налиться мог.

До срока к нам не протягивай
тонких пальцев Своих,

не рви зеленые ягоды,
не тронь колосьев пустых,
ткани тугие, нестканные,
с кросен в ночь не снимай. —
Детям, Тобою мне данным,
вырасти дай.

* * *

Я верю, Господи, но помоги неверью.
В свой дом вошла и не узнала стен.
В свой дом вошла и не узнала двери.
И вот — не встать с колен.

И дети к сердцу моему кричали,
но сердце отступило прочь.
И яростной моей печали
сам Бог не мог помочь —

мой муж меня покинул в эту ночь.

КАНОН БОГОРОДИЧЕН

Все мы Ей дети,
Все мы Ей дочери,
Танцующие в балете,
Стоящие в очереди.
И для всех Она
Равно светла,
Мать Скорбящая,
Светило Незаходящее,
Девственная похвала
И мост в небо висящий.
Все мы Ей дети,
Все мы Ей дочери,
Все, кем на свете
Слезы источены.
И у Ней, Неневестиной Невесты,
Жены Неискусобрачной,
Просим посев злачный,
Завтрашний день удачный
И благие с дороги вести.
Все мы Ей дети,
Все мы Ей дочери,
Все, чьи усталые веки
Слезами смочены.
И у Ней, благодатной Жертвы,
Матери Возставшего из мертвых,
Просим для своего ребенка
Волос тонкий, голос звонкий
И Доброе к матери сердце.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, прозаик, журналист, мемуарист. Его первая поэтическая книга «Стихи» вышла в 1910 году в Париже. «Это лишь ученические опыты, полные ошибок, часть которых я уже сознаю», — скажет о ней сам Эренбург. Одним из первых на эти опыты откликнулся Максимилиан Волошин, которому и в дальнейшем суждено будет сыграть важную роль в его поэтической судьбе.

С 1908 по 1917 год Илья Эренбург жил в Париже, пройдя с юности школу большевистского подполья. Париж в эти годы стал убежищем многих русских революционеров, но «Илья Лохматый» участвовал не только в политических дискуссиях, но и поэтических, начав, по его собственному выражению, «строчить стихи». До революции в Париже вышло несколько поэтических книг Эренбурга, но ни одна из них не вызвала такой реакции, как первая, вышедшая в Париже, и первая, вышедшая в Москве после его возвращения в Россию. Этой книгой станет «Молитва о России».

Он вернулся в Россию не политэмигрантом, а поэтом. В 1923 году он скажет о своей встрече с революционной Россией предельно кратко: «Октября, которого так долго ждал, как многие, я не узнал». Все это он выразит в цикле из четырнадцати стихотворений, созданных в ноябре—декабре 1917 года, во время и после расстрела Московского Кремля.

«К бомбардировке этого осиного гнезда контрреволюции ВРК приступил после долгих колебаний», — сказано в одном из документов того времени. Военно-революционный комитет (ВРК) колебался весь день и всю ночь 30 октября. Против был Вольский, заявив:

«Мы можем действительно дойти до того, что нам каждый честный социалист перестанет подавать руку». Его поддержал Ногин. Но депутация ВРК, побывавшая накануне в Петрограде у Ленина, получила от него наказ: «Не забывайте, товарищи: Москва — сердце России! И это сердце должно быть советским, иначе революцию не спасти». К этому времени Москва уже была почти вся в руках большевиков. Не взятым оставался только Кремль. «Раз наши враги считают возможным укрываться за историческими зданиями и оттуда громить нас, то мы должны громить их вместе с этими историческими зданиями», — выразил мнение большинства членов ВРК Игнатов. 31 октября член ВРК Аросев подписал приказ о расстреле Кремля. Бомбардировки продолжались до 4 ноября, хотя уже 2 ноября юнкера в большинстве своем покинули Кремль. Расстреливали не укрывавшихся врагов, а кремлевские святыни...

2 ноября нарком Анатолий Луначарский, который, как и Эренбург, тоже был во Франции не только политэмигрантом, но и поэтом, литературным критиком, подал в отставку, заявив: «Я только что услышал от очевидцев, что произошло в Москве. Соборы Василия Блаженного и Успенский разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Москвы и Петрограда, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет, куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я безсилен. Вот почему я выхожу в отставку из СНК. Я осознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше». Через день последует его новое заявление: «Мои товарищи, народные комиссары, считают отставку недопустимой. Я остаюсь на посту».

В 1919-м он точно так же попытается и не сможет спасти Николая Гумилева, увидит многое из того, что было дальше...

Принято считать, что Гражданская война в России началась в 1918 году. Писатель Александр Сегень в своём романе «Господа и товарищи», вышедшем в свет в 2008 году, убедительно доказывает, что Гражданская война в России началась ещё раньше, в 1917 году, и битва за Москву стала первой кровопролитной битвой этой страшной братоубийственной войны.

«Молитва о России» Эренбурга была издана в Москве уже в январе и переиздана с дополнениями в Киеве в декабре 1918 года, но к этому времени вышла еще одна книга, которая так и называлась — «Расстрел Московского Кремля». «С 27 октября по 3 ноября сего 1917 года первопрестольная Москва пережила свою страстную седьмицу и в течение семи суток расстреливалась артиллерийским, бомбометным, пулеметным, ружейным огнем», — так начинал описание этих событий епископ Нестор. Его книга, «с воспроизведением в ней фотографий», вышла в конце декабря 1917 года по благословению Священного Собора Православной Российской Церкви.

На расстрел Кремля первыми откликнулись русская церковь и русская поэзия. Стихотворение Владислава Ходасевича, начинающееся строками «Семь дней и семь ночей Москва металась...», датировано 2 ноября, четверостишие Веры Меркурьевой — 11 ноября:

Пробоина — в Успенском соборе!
Пробоина — В Московском Кремле!
Пробоина — кромешное горе —
Пробоина — в сраженной земле...

Знаменитая песня Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...» была впервые опубликована в 1919 году в Харькове, но создана в 1917 году в Москве и посвящена гибели юнкеров.

В ноябре 1917 года в Ельце Сергей Бехтеев напишет стихотворение «Торжество антихриста», в котором прозвучат слова:

...Изрешетили снаряды
Вышки кровель-куполов;
Опрокинуты громады
Башен, храмов и дворцов.

Очевидцем этих событий был Иван Бунин, описавший их в дневниках, в статьях, в «Окаянных днях». Расстрел Кремля станет для него таким же знаковым событием, как для советской власти — штурм Зимнего, которого не было, выстрел «Авроры», который тоже выдуман. Потому и рухнула без единого выстрела могучая Советская империя, что основана была на лжи, что первым был не выстрел «Авроры», а расстрел Кремля...

Реакция на книгу Ильи Эренбурга «Молитва о России» была вполне предсказуемой. Первыми откликнулись футуристы, один из которых как раз и был артиллеристом-наводчиком, приравнявшим перо к ружью в самом прямом смысле. Маяковский назвал Эренбурга «перепуганным интеллигентом», но это были, пожалуй, самые мягкие слова. Другие выражений не выбирали. Вадим Шершеневич назвал книгу «псевдо-контр-революционным патриотическим кликушеством». Критик, выступавший под псевдонимом Скальд, с пафосом восклицал: «Не любовь безплодного сострадания, но зовущая к жертве и подвигу, не слезы, не пылающий взор, скрещенный с блеском плавильных огней, жрущих осколки прошлого для постройки будущего — вот новая родина, новая Россия. Поймите, примите и полюбите ее». Через несколько лет С. Родов выразится еще более определенно, назвав книгу «одним из самых ярких литературных памятников контрреволюции нашей эпохи».

Максимилиан Волошин был едва ли не единственным из поэтов и критиков, с пониманием откликнувшихся на книгу. В это время в Крыму он сам создавал цикл молитв о России и в стихах Эренбурга увидел выражение созвучных мыслей. В предыдущей статье 1916 года он писал о предреволюционном Эренбурге: «Его путь идет резкими зигзагами, неожиданными скачками, и за него нельзя поручиться, что он на

следующем повороте не прорвет орбиту поэзии и не провалится в мир религиозных падений и взлетов». Следующая статья Волошина об Эренбурге вышла в октябре 1918 года, в ней он выразил одну из самых основных своих идей первых послереволюционных лет. «Все стихи Эренбурга построены вокруг двух идей, еще недавно столь захватанных, испошленных и скомпрометированных, что вся русская интеллигенция сторонилась от них. Это идеи Родины и Церкви. Только теперь в пафосе национальной гибели началось их очищение. И ни у кого из современных поэтов эти воскресающие слова не сказались с такой исступленной и захватывающей силой, как у Эренбурга. Никто из русских поэтов не почувствовал с такой глубиной гибели родины, как этот Еврей, от рождения лишенный родины, которого старая Россия объявила политическим преступником, когда ему едва минуло 15 лет, который десять лет провел среди морального и духовного распада русской эмиграции; никто из русских поэтов не почувствовал с такой полнотой идеи церкви, как этот Иудей, отошедший от Иудейства, много бродивший около католицизма и не связавший себя с православием. Да, очевидно, надо было быть совершенно лишенным родины и церкви, чтобы дать этим идеям в минуту гибели ту силу тоски и чувства, которых не нашлось у поэтов, пресыщенных ими. «Еврей не имеет права писать такие стихи о России», — пришлось мне однажды услышать восклицание по поводу этих поэм Эренбурга. И мне оно показалось высшей похвалой его поэзии. Да! — он не имел никакого права писать такие стихи о России, но он взял себе это право и осуществил его с такой силой, как никто из тех, кто был наделен всей полнотой прав».

В дальнейшем, признав историческую неизбежность советской власти, Эренбург, как отмечают современные исследователи, «ни от каких других своих стихов не открещивался так настойчиво и последовательно, как от этих, — и публично, и приватно». У такого «открещивания» тоже были свои более чем веские причины, но в данном случае речь идет о том историческом явлении, каковым стало появление на свет именно этих молитв о России Эренбурга и Волошина, ныне вновь изданных, вставших в один ряд с другими подлинными свидетельствами эпохи. Вся «контрреволюционная» книга «Молитва о России» вошла в издание «Новой библиотеки поэта»: «Илья Эренбург. Стихотворения и поэмы» (СПб., 2000) точно так же, как вся «Неопалимая купина» и другие запрещенные ранее стихи вошли в первый том Собрания сочинений Максимилиана Волошина (М., 2003). Все возвращается на круги своя. Вернулись и молитвы о России не только Волошина, Эренбурга, но и других поэтов — Алексея Липецкого, Сергея Рафальского, Николая Агнивцева. Вернулась песня Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...» о погибших во время расстрела Кремля юнкерах-мальчиках...

МОЛИТВА О РОССИИ

Всякий пьющий воду сию возжаждет опять.
А кто будет пить воду, которую Я дам ему,
тот не будет жаждать вовек.

Ев. от Иоанна, гл. 4, 13—14

Эх, настало время разгуляться,
Позабыть про давнюю печаль!
Резолюцию, декларацию
Жарь!
Прослужи-ка нам, красавица!
Что? не нравится?
Приласкаем, мимо не пройдем —
Можно и прикладом,
Можно и штыком!..
Да завоем во мгле
От этой, от вольной воли!..

О нашей родимой земле
Миром Господу помолимся.
О наших полях пустых и холодных,
О наших безлюбых сердцах,
О тех, что молиться не могут,
О тех, что давят малых ребят,
О тех, что поют невеселые песенки,
О тех, что ходят с ножами и с кольями,
О тех, что брешут языками песьими,
Миром Господу помолимся.

Господи, пьяна, обнажена,
Вот Твоя великая страна!
Захотела с тоски повеселиться,
Загуляла, упала, в грязи и лежит.
Говорят — «не жилица».
Как же нам жить?
Видишь, плачут горькие очи
Твоей усталой рабы;
Только рубашка в клочьях,
Да румянец темной гульбы.
И поет, и хохочет, и стонет...
Только Своей ее не зови —
Видишь, смуглые церковные ладони
В крови!

...А кто-то орет: «Эй, поди ко мне!
Ишь, раскидалась голенькая!..»
О нашей великой стране
Миром Господу помолимся.
О матерях, что прячут своих детей —
Хоть бы не заметили!.. Господи, пожалей!..
О тех, что ждут последнего часа,

О тех, что в тоске предсмертной молятся,
О всех умученных своими братьями
Миром Господу помолимся.
Была ведь великая она!
И, маясь, молилась за всех,
И верили все племена,
Что несет она миру Крест.
И, глядя на Восток молчащий,
Где горе, снег и весна, говорили, веря
И плача: «Гряди, Христова страна!»
Была, росла и молилась,
И нет ее больше...

О всех могилах
Миром Господу помолимся.
О тех, что с крестами,
О тех, на которых ни креста, ни камня,
О камнях на месте, где стояли церкви наши,
О погасших лампадах, о замолкших
колокольнях,
О запустении, ныне наставшем,
Миром Господу помолимся.
Господи, прости, помилуй нас!
Не оставь ее в последний час!
Все изведав и все потеряв,
Да уйдет она от смуты
К Тебе, трижды отринутому,
Как ушла овца заблудшая
От пахучих трав
На луг родимый!
Да отвергнет духа цепи,
Злое и разгульное житье,
Чтоб с улыбкой тихой встретить

Иго легкое твое!
Да искупит жаркой страдой
Эти адовы года,
Чтоб вкусить иную радость —
Покаянья и труда!
Ту, что сбилась на своем таинственном пути,
Господи, прости!
Да восстанет золотое солнце,
Церкви белые, главы голубые,
Русь богомольная!
О России
Миром Господу помолимся.

Ноябрь 1917,
Москва

МОЛИТВА ИВАНА

Шел Иван домой, как вышло замиренье,
Злой такой: «Хоть бабу похлестать бы веником.
Бабы все костистые, старые,
Разложить бы на дорожке барышню.
Сжечь бы их — свиньи собачьи!
И кур бы прирезать — чего кудахчут?
Всех перебью — никого не останется.
Юбки задерете, запоете: «Ванечка!»
И зачем оставляют детенышей ихних?
Я, Иван, бы живо — только пикнул.
И хлебнуть бы винца, холодно,
До того дела наши веселые...»

Зашел в чайную. Орет граммофон,
Хоть шибко, да все не о том.
И говорит в углу один чубастый,
С шипом говорит, а слова ласковые,
И кому по головке, а кому по зубам,
И будто он уж Иван, да не Иван.
Идет от него пар густой, а сам рыжий,
И точно рога под шапкой бараньей.
Шумит Иван: «Что ты пыжишься?
Никого, кроме меня, не останется!
Я намедни генералу в морду дал!
Не Иван я вовсе — генерал!
И какая у меня в стакане пакость?
И чего ты рыжий да рогатый?..
Эй, заведи еще песенку!
Очень мне у вас невесело!..»

Вышел Иван. Мороз, а снега не выпало,
И стоит земля, никем не прикрытая,
Крутит Иван, вертит, тянет.
«Черт, неужто от трех стаканчиков?..»
И видит он на земле язвы черные,
И делят землю, и друг друга за бороды,

И давят в сторонке, и пухнут с голоду,
А петли не простые — шелковые,
И баба с младенцем, и шляпка на ней занятная,
И как к Ивану в ноги кинется:
«Хлебушка, милосердный батюшка!»
А младенец уж вовсе синенький.
И хлеб горит, Иван за ним,
Да не взять — глаза ест дым.
И сидят во дворце юркие — упаси, Боже!
И стенки ножом ковыряют да кажут рожи,
И от всех забот обезъязычили,
Только ребят по-соловьиному кличут,
Едят младенцев — хорошо, мол, от порчи,
Да не впрок — всё кряхтят да корчатся,
И в церквях завели блуд по очереди;
И где кровь, а где блевотина,
И бегут по следам супостаты:
«До чего вы, православные, лакомые!»
И нет уж нашей Расеи. И тошно ему,
И стоит он, Иван, один-одинешенек...

Смутился Иван: «Ишь, гады!
Все от вина — какой тут порядок!
Хоть бы черт подсобил, что ли, малость,
А то нам самим трудно стало...»
А уж рядом идет и безстыжий —
хвоста не прячет,
То петухом кричит, то брешет по-собачьи,
Говорит: «Так-то, мой милый Ванечка!
Я и книжки читал, что книжки — Писание,
Мы не как-нибудь — справедливо, поровну,
Вон тебе баба, и вот ему, чтоб не ссорились;
Сколько тебе десятин?
Уж мы высчитаем да скрепим.
Будешь с бабой спать да соус кушать...
Что же, давай твою душу!
Не вспомнить тебе даже имени Божьего,
Поклоняться будешь нашим рожам,
Вот, Иван, занесем в резолюцию!..»
Стонет Иван, хоть бы очнуться!..
И какие можно слова припомнить?
Как мамка говорила:
«Ванюша, ты потихоньку!..»
Как пичуга к дождю кричит: «Пиить! пить!»
Ишь, маленькая, а хочет жить...
Как Машка просила: «Не губи! Ведь узнают...»
И как на сене всю ночь маялась...
И как лежит он в окопе подбитый,
И будто волк идет, а он ему: «Брысь!»
И все просит: «Жжет... испить бы...
Богородица!.. заступись!..»

Глядит Иван: один он снова.
Снег только выпал — чистый, ровный.
Говорит: «Хорошо мне, и ничего не надо,
И такая во мне играет радость.
Пресвятая Богородица!
Нищ и слеп, прозреть Тебя сподобился.
Я пойду по селам, по полям.
Золотое сердце я земле отдам.
Покровенная! Благодатная!
Погляди Ты на людскую маету,
Заступись Ты за Расею, светлым платом
Ты покрой ее хмельную срамоту.
Видишь, вся она в жару и правды просит,
Опознай ее и тихо призови,
Срок придет, и мы сберем колосья
Расточенной по миру любви.
Вон перед Тобой леса, поля —
Вся великая расейская земля.
Помочь только Ты умеешь —
Помоги Ты бедной Расее!..

Ноябрь 1917,
Москва

В СМЕРТНЫЙ ЧАС

Когда распинали московские соборы,
Ночь была осенняя черная,
Не гудели колокола тяжелые,
Не пели усердные монахини,
И отлетали безвинные голуби
От своих родимых папертей.
Только одна голубица чудная
Не улетала с быстрыми стаями,
Тихо кружилась над храмом поруганным,
Будто в нем она что-то оставила.
Пресвятая Богородица, на муки сошедшая,
Пронзенная стрелами нашими,
Поднесла голубицу трепетную
К сердцу Своему, кровью истекавшему:
«Лети, голубица райская!
Лицом к земле на широкой площади
Лежит солдат умирающий,
Испить перед смертью хочет он.
Один только раз он выстрелил,
Выстрелил в церковь печальную.
Оттого твои крылья чистые
Кровью Моей обагряются.
Омочи этой кровью его губы убогие!
Напои его душу бедную
И скажи ему, что приходит Богородица,
Когда больше ждать уже некого,
И только если заплачет он,
Увидав Мое сердце пронзенное,
Скажи ему, что радость матери —
Своей кровью поить детенышей».

Декабрь 1917,

Москва

МОЛИТВА О ДЕТЯХ

Господи, в эти дни
Кто о себе молиться смеет?
Покарай нас, грешных и злых!
Но детей... пожалей их!..
Тех, что при каждом выстреле
Пугливо друг к дружке жмутся.
Тех, что — такие голосистые —
На бульваре играют «в революцию».
Тех, что продают вечерние телеграммы
И страшные слова выкрикивают,
Не понимая, отчего мы шатаемся,
будто пьяные,
Заслышав их веселое чириканье,
Тех, что прячут под подушку плюшевых зверей,
Чтоб не обидел кто-то,
Тех, что слушают шаги у дверей —
«Когда же папа вернется?»
Всех, всех!
Боже, без них так пусто, так страшно,
И смерть с нами!
Оставь нам радость нашу,
Наше последнее упование.
Боже, не слыша детского смеха,
Мы забудем, как поет ручей веселый,
Как шумит береза, тронутая ветром, —
Мы забудем Твой голос!
И, не видя детских глаз,
Мы забудем, как звезды блистают ночью,
Как они гаснут в утренний час —
Мы забудем Твои очи;
И никогда усталый человек,

В Николаевском дворце

Стоя над маленькой кроваткой с сеткой,
Не скажет: «Господи! Какой свет!
Какая радость в моем сердце!»
Оставь их! ими утешимся,
Это наша лесенка маленькая —
По ней даже самый грешный
Взойдет к Тебе на небо.

Декабрь 1917,
Москва

МОЯ МОЛИТВА

Утром, над ворохом газет,
Когда хочется выбежать,
закричать прохожим: «Нет!
Послушайте! так невозможно!»
Днем, когда в городе
Хоронят, поют, стреляют,
Когда я думаю, чтоб понять:
«Я в Москве, нынче вторник
Вот дома, магазины, трамваи...»
Вечером, когда мы собираемся, спорим долго,
Потом сразу замолкаем, и хочется плакать,
Когда так неуверенно звучит голос:
«До свиданья! до завтра!»
Ночью, когда спят и не спят,
и ходят на цыпочках,
И слушают дыханье ребят, и молятся,
Когда я гляжу на твою карточку, на письма —
Все, что у меня есть... может, не увижу больше...
Я молюсь о тебе, о всех вас, мои любимые!
Если б я мог
Заслонить вас молитвой, как птица
Заслоняет крыльями птенцов.
Господи, заступись! не дай их в обиду!
Я не знаю — может, мы увидимся,
Может, скажем обо всем:
«Это было только сон!»
А может, скоро уснем...
Знаю одно — в час смертный,
Когда будет смерть в моем сердце,
Еще живой, уже недвижный,
Скажу я:
«Господи, спасибо!
Ты дал мне много, много!..
Не оставил меня свободным.
Ярмо любви я тащил и падал,
От земли ухожу, но я знаю радость.
От земли ухожу, но на землю гляжу я,
Где ты, где все вы еще любите и тоскуете...
Господи, заступись! не дай их в обиду!
Я люблю их! Господи, спасибо!»

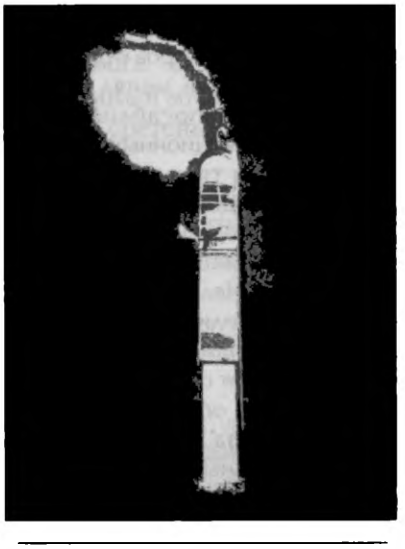
Декабрь 1917,
Москва

Никольские ворота, пострадавшие от обстрела

Разбитые тяжелыми орудиями купола храма Воскресения на Остоженке

Поврежденный Чудов монастырь в Кремле

Поврежденный обстрелом храм Двенадцати Апостолов



Пробитый купол Успенского собора

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, прозаик, литературовед, мемуарист. В печати дебютировал в 1899 году как прозаик; в 1904 году вышла первая поэтическая книга «Кремнистый путь». В 1905—1908 годах был близок с А. Блоком, посвятившим ему цикл «Вольные мысли». Автор исторических романов, сборников рассказов. В 1909—1912 годах издательство «Шиповник» выпустило шеститомное Собрание сочинений. В 1922 году вышел сборник «Стихотворения». Исследователь творчества Ф.И. Тютчева. Его комментарии к двухтомному академическому изданию «Полное собрание стихотворений Ф.И. Тютчева», вышедшему в 1934 году, стали основой для всех последующих исследований. Автор книги мемуаров «Годы странствий» (1930). Своих убеждений не менял, к советской действительности не приспосабливался. Такова характеристика послереволюционных лет его жизни, ставших для него годами тяжелейших испытаний, которые он преодолевал воцерковлением. В 1926 году он писал легендарной революционерке Вере Фигнер: «Я хочу сказать, Вера Николаевна, что ничто не может заменить религию. Человек может прожить на земле, лишившись зрения или слуха, но он не может прожить даже часа, лишившись религиозного опыта. Религиозный опыт совпадает с бытием. В большинстве случаев этот религиозный опыт бывает не осознан. Человек живет, как трава растет, но стоит ему утратить этот безсознательный религиозный опыт, он немедленно утрачивает связь с бытием. Он убивает себя. "Атеисты" все кандидаты в самоубийцы. А если они живут, то потому только, что, не осознавая того, верят в некое бытие, чаще всего они обоготворяют человечество, не давая себе в этом отчет. Значит, дело не в том, нужна или не нужна религия (она все равно неизбежна), а в том, какая религия ближе всего к истине, какая религия делает нас причастными к истинному бытию в большей мере, в наилучшей и совершеннейшей полноте». Георгий Чулков был убежден, что «после Тайной Вечери и Голгофы у нас есть теперь путь к Истине, которого не было две тысячи лет тому назад у римского прокуратора Иудеи».

* * *

Прости, Христос, мою гордыню,
Самоубийственный мой грех,
И освяти мою пустыню,
Ты, жертва тайная за всех.

Надменье духа гаснет в страхе
Пред чудом вечного креста,
А жизнь давно уже на плахе,
И смерть — близка, глуха, проста.

Узнав ее лицо, бледнею,
Но я дышу, и снятся сны,
Я вижу нежную лилею
В руках Таинственной Жены.

Распятый! Укажи пути мне,
Дай знак, где истина, где ложь,
Услышь мой голос в тихом гимне
И силы ангелов умножь.

22 июня 1920

* * *

Душа ущербная, как ночь слепая!
По меркнущим следам поводыря,
Ты, нищая, бредешь, изнемогая,
В предчувствии таинственном горя.

Но снится вновь тебе обитель рая,
А над тобой — блаженная заря.
И в небесах, от края и до края,
Звучат псалмы премудрого царя.

7 июля 1920

* * *

Нет, не торжественному Риму,
Тебе, Господь, я жизнь принес.
Позволь и мне, как Никодиму,
Смешать признанья с влагой слез.

Позволь мне в горнице убогой
При свете бледном ночника
Сказать, что трудною дорогой
Я шел к Тебе, что вся тоска

Вселенной, мучимой страстями,
Виясь змеей, жила во мне,
Что я безумными путями
Блуждал при немощной луне, —

Что я убийца, лжец, предатель,
Что, убоявшийся креста,
Я изменял Тебе, Создатель,
И осквернял мои уста...

Но я люблю, Господь. И ныне
Я распят на земле Твоей
И вижу в девственной пустыне
Голубизну Твоих лучей.

17 июля 1920

ЛЕГКОЕ ИГО

«Трудна Твоя, Господь, работа».
Дай посох мне. Благослови.
Тогда умрет в душе забота
И страсть напрасная в крови.

Тогда легко мне иго будет
И предназначенный мне труд.
Труба архангельская нудит
Идти туда, где крест и суд.

Тогда, свободный и безгневный,
Пойду по нивам и лесам,
И голос благостно напевный
Пусть в душу веет по ночам.

А по утрам пусть солнце светит
Мне в сердце голубым лучом;
И дивный мир меня приветит,
И ангел осенит крылом.

И в монастырские ворота
Я постучусь и запою:
«Легка Твоя, Господь, работа!
Тебе я душу отдаю...»

2 октября 1920

Из цикла «Истина»

* * *

В начале всех начал Единосущий!
Посмеет ли не верить светлый ум,
Что в силе радостной и всемогущей,
Ты — зачинатель дивных воль и дум?

Был хаос мрачный, черной ночи гуще,
Где царствовал над бездной грозный шум,
Где сон отяготел, как смерть, гнетущий,
И ветер выл, безумен, дик, угрюм...

Но волею прекрасной и премудрой
Расторглись путы скованных небес,
И в тверди ясной засияло утро.

Ты сотворил людей, зверей и лес,
И звуки арф, и краски перламутра,
И тайный мир невидимых чудес.

20 октября 1920

* * *

Я верю, Господи! Ты вознесен!
И вот звучат, как арфы, неба сферы.
Тому на радость явь Христовой веры,
Кому земля — как преходящий сон.

И взор земной виденьем изумлен
Пространств без времени и сил без меры.
А там, внизу, во мраке душной серы,
Мир демонов мечом Твоим пронзен.

Ты одесную Бога. Звезды ждут...
И вот, подлунный мир трубой волнуя,
Архангелы во сретенье грядут.

И в голубых лучах, в любви ликуя,
Тебе престолы благостно поют
Священное от века аллилуя.

24 декабря 1920

* * *

Сонм ангелов, сих белокрылых стая,
Тебя поет в святой голубизне.
Но здесь душа, земная и простая,
Изнемогает, Отче, в страстном сне.

И, преклонив колени, у креста я
Молюсь Тебе и Девственной Жене.
И кажется, что небо, тихо тая,
Спускается лазурное ко мне.

Так дышит Дух Святой везде, где хочет,
В Нем утешение, и в Нем залог
Свободы тайной. Он один пророчит,

Устами тех, кто землю превозмог.
И Церковь меч о камень веры точит
Тобою, Дух и вечносущий Бог.

25 октября — 11 ноября 1920

* * *

Тишина твоей вечерни;
Полумрак твоих икон;
И горбатенький причетник:
Всё как давний дивный сон.

Научилась ты молиться —
И молитвою дышать:
И тебе Младенец снится
И Его святая Мать.

Только слышишь ли? Иная
Ныне Пасха на Руси...
И, крестами осеняясь,
Сердце кровью ороси.

Умирая в миг последний
Ты услышишь на рассвете
Не смиренный звон обедни
Двух былых тысячелетий,
А великий грозный гул...

Это — острова Патмоса,
Это — Ангела-Колосса
Страшный вопль и рев, и гул...

29 октября 1931

ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРИЕВА (ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК)

Дмитриева (в замужестве — Васильева) Елизавета Ивановна (1887—1928) — поэтесса, драматург. Ее подлинные имена так и остались в числе «забытых» в истории русской поэзии, зато псевдоним Черубина де Габриак, появившийся лишь однажды, до сих пор принадлежит к одному из самых знаменитых имен Серебряного века. Стихи Черубины были впервые опубликованы в 1909 году в ноябрьском номере «Аполлона» одновременно со статьей Максимилиана Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак», начинавшейся примечательными словами: «Когда-то феи собирались вокруг новорожденных принцесс и каждая клала в колыбель свои дары, которые были, в сущности, не больше, чем пожеланиями. Мы — критики — тоже собираемся над колыбелями новорожденных поэтов. Но чаще мы любим играть роль злых фей и пророчить о том мгновении, когда их талант уколется о веретено и погрузится в сон. А слова наши имеют реальную силу. Что скажем о поэте — тому и поверят. Что процитируем из стихов его — то и запомнят. Осторожнее и бережнее надо быть с новорожденными».

Сам Максимилиан Волошин оказался как доброй, так и злой феей в судьбах двух новорожденных поэтесс — Черубины и Марины Цветаевой.

Первая публикация 1909 года вымышленной Черубины оказалась для реальной Елизаветы Дмитриевой роковой. Она уже не смогла преодолеть «комплекс Черубины», хотя все последующие годы продолжала писать стихи, не имевшие никакого отношения к мистификации юности.

В нашей подборке представлены стихи не Черубины де Габриак, а Елизаветы Дмитриевой — одной из талантливейших религиозных поэтесс Серебряного века.

* * *

Благочестивым пилигримом
идти в пыли земных дорог,
когда вся жизнь вождем незримым
тебе намеченный урок.

Иль в лес уйти, как инок в келью,
и там, среди кустов и трав,
молиться под мохнатой елью,
лицом к сырой земле припав.

Но нет дорог, открытых ныне
для тех, кто сердцем изнемог, —
в пути к небесной Палестине
ты будешь вечно одинок.

Войди же в храм, и сердцем робким
Зажги свечу у ног Христа,
и верь, что вместе с воском тонким
души растает немота.

1916

ПЛАЩАНИЦА

И я пришла. Великопостный
Еще свершается канон,
Еще струится ладан росный,
В гробу Христос, — Он погребен.

В протяжном колокольном звоне —
Печали мира и мои;
Звучат напевно на амвоне
Слова великой ектеньи.

И в небо стаей голубиной
Летят молением живым...
Вся церковь скорбной Магдалиной
Склонилась к плитам гробовым.

Но ангелы стоят у гроба,
Два светлых вестника чудес,
И громко возвещают оба:
Не верьте миру! Он воскрес!

24. IV — 7. V. 1921

* * *

Меч не опущен в руках Херувима,
сторожа райских ворот.
Божья обитель для грешных незрима,
сердце как лед.

Долгие ночи безсонного бденья...
Только никто не постиг
долгих ночей и тоски, и сомненья,
слезный, горячий родник;

Крепкой тоски нерушимы вериги...
В сердце — тяжелый обет.
Господи. В вечной незыблемой книге
сердце искало ответ...

Сердце ненужное, темное, злое,
знавшее боль от стыда.
Даже свеча пред святым аналоем
гасла всегда.

Что же случилось? Как белая стая,
в сердце раскрылись цветы...
Келья от света совсем золотая...
Господи, Господи — Ты.

Разве я снова Тобою любима?
Разве сомненья ушли?
Крылья Господни простерты незримо...
Меч огнецветный в руках Херувима
тихо коснулся земли.

15 июля 1921

* * *

Так величав и так спокоен
стоит в закате золотом
у Царских врат небесный воин
с высоко поднятым щитом.

Под заунывные молитвы,
под легкий перезвон кадил
он грезит полем вечной битвы
и пораженьем темных сил.

В лице покой великой страсти...
Взлетя над бездной, замер конь...
А там внизу в звериной пасти
и тьма и пламенный огонь.

А там внизу мы оба рядом,
и это путь и твой и мой;

и мы следим тревожным взглядом
за огнедышащею тьмой.

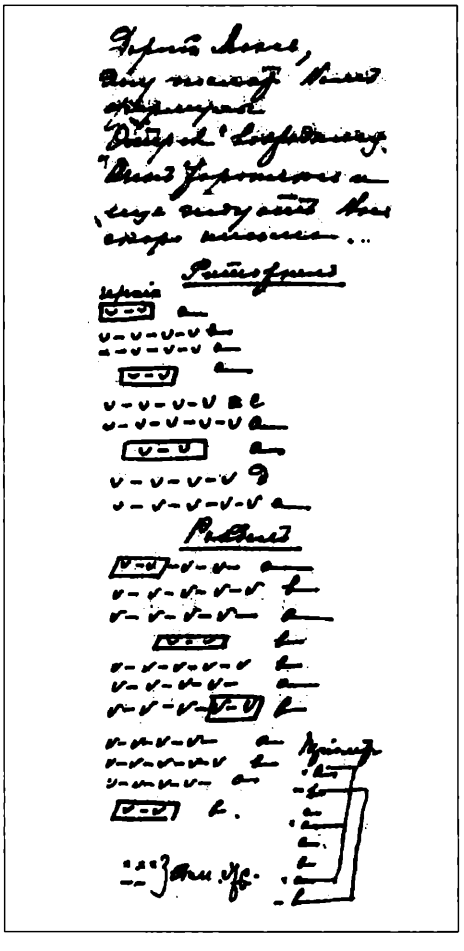
А Он вверху, голубоглазый,
как солнце поднимает щит...
И от лучей небесных сразу
земная ненависть бежит...

Любовью в сладостном восторге
печальный путь преображен...
И на коне Святой Георгий,
и в сердце побежден дракон.

19 июля 1921

* * *

В зеркале словно стекло замутилось,
что там в зеркальной воде?
Вот подошла и над ним наклонилась...



Фрагмент письма Максимилиану Волошину с формулой стиха. 1909 г.

Господи, Боже мой, где,
где же лицо, где засохшие губы;
в зеркале пусто стекло.
Слышу я трубы, нездешние трубы.
Сразу зажгло
зеркало все ослепительным светом
пламя не нашей земли.
Это ли будет последним ответом?
Господи, Боже, внемли.
Душу ты вынешь, измучаешь тело,
страхом его исказя.
Я ведь и в церкви молиться не смела,
даже и в церкви нельзя.
Вынесут чашу с Святыми Дарами, —
Божьи сокрыты пути...
Вижу над чашей я черное пламя
и не могу подойти.
Стану я биться и рвать свое платье,
плакать, кричать и стонать.
Божье на мне тяготеет проклятье,
черной болезни печать...
Сердце не бьется. И жду я припадка,
вижу бесовскую тьму...
только зачем так мучительно-сладко
мне приближаться к нему?

20 июля 1921

* * *

Божья Матерь на иконе.
Не спокоен темный лик.
И зажатая в ладони
свечка гаснет каждый миг.

В сердце нет уж отголоска.
Все молитвы расточа, сердце
тает, как из воска,
воска желтого свеча.

Сердце тает, в сердце жалость,
может быть, к себе самой.
И последняя усталость
опустилась надо мной.

Только слышу чей-то голос...
На иконе словно мгла:
«Колосится Божий колос...
Разве ты не поняла?

Я тебя послала жницей.
Только тот, кто нерадив,
может плакать и томиться,
ничего не завершив.

Если ты боишься муки,
Я сама свершу свой путь».
И тогда, ломая руки,
я шепчу ей: «Позабудь...

Позабудь мой грех невольный,
отпусти мой тяжкий грех...
Сердцу стало слишком больно
за себя, за нас, за всех...

Я не буду малодушной,
только снова улыбнись...»
Пахнет воском воздух душный,
вечереет в окнах высь...

В мягких отблесках заката
умирают скорби дня...
Ангел грустный и крылатый
тихо смотрит на меня.

1921

СОН ЭРНЫ

1

Ветер и солнце. Палящее солнце...
Вьется по улице пыль...
Автомобиль
Вырос, промчался и скрылся от взора.

Сколько цветов продают у собора!
Желтые розы — оттенки червонца...
Алые розы, как кровь...
Сколько цветов в запыленных корзинах!
Что же в них ищет она?
Ищет до дна
в белых левкоях, душистых жасминах
бледная девушка в белой косынке,
что она ищет в замшенной корзинке,
перебирая цветы?

Белые розы! Ах, нет,— желтоватых
вовсе не надо ей роз...
Кто же привез
только бы веточку белых, несмятых
роз ароматных, ей нужных до боли?!
Что там белеет? То ветка магнолий,
белых, холодных цветов.

Если бы можно о чуде молиться!
Белые розы пошли,
Боже, внемли!
О, наклонись! Здесь душистые розы,
белые, белые... Чьи это слезы
дали желанному чуду свершиться,
дали возникнуть цветам?

И поднялись, словно гибкая серна,
белые розы в руках...
В темных глазах
видно в улыбке звенящую душу...
Девушки странной ты имя послушай,
имя не русское, звонкое: Эрна!
Словно душистый цветок...

2

В храме шаткие ступени,
Черный с белым аналой...
Опустилась на колени...
«Со святыми упокой...»

Кто-то умер, кто-то близкий
У последней стал черты.
И на траурный, на низкий
Аналой кладет цветы.

Для умерших нет возврата,
Воды смерти глубоки...
Но зачем в лучах заката
Так краснеют лепестки?

Что опять случилось злое?
Побледнев, подходит вновь —
И лежат на аналое
Розы, красные как кровь.

Значит, Бог не хочет чуда,
Бог не хочет белых роз?!
Нет ответа ниоткуда...
На ресницах капли слез...

И с улыбкой безотрадной
Розы вновь берет она,
И прильнула к сердцу жадно
Роз алеющих волна...

Все умрут в порыве смелом,
Белых роз на свете нет!
Ах, не верьте розам белым!..
В сердце только алый цвет...

3

Вышла из храма, не хочет молиться,
красные розы в руках...

Мимо собора идет вереницей
девушек в белом трепещущий ряд.
Свечи высокие тихо горят
в поднятых к небу руках...

Нет, то не свечи, то веточки лилий,
белых небесных свечей,
нежных прообразов ангельских крылий.
Боже, куда же идет
крестный торжественный ход
благоуханных свечей?

Тихо спросила: «Куда вы? Куда Вы?»
И услыхала ответ:
«Только на кладбище горькие травы
сладки для нас...
Милая, с нами пойдешь ли сейчас?
Только на кладбище вечный ответ».

И, трепеща, им ответила Эрна:
«Розы, как алая кровь...
Небо не приняло жертвы вечерней...»
Но прозвучали слова:
«Жертва иная жива,
небо приемлет любовь...»

Тихо сошла и пошла в веренице,
не понимая вполне,
как ей на землю теперь возвратиться,
не нарушая того, что ей снится
в радостном сне.

8 августа 1921

* * *

Опять безжалостно и грозно
Заговорил со мной Господь, —
О, как нерадостно, как поздно
Она глаза открыла — плоть.
Она глаза свои открыла, —
И дух окован, дух мой — нем...
Какая творческая сила,
Неутоленная никем!
Блажен, кто благостно и смело
Берет тяжелую печать!
Господь, Господь! Я не умела,
Я не могла тебя понять.
Я не узнала голос Божий
И плоть гнала, не покорив, —
Зато теперь больней и строже
Ее мучительный порыв.
Сама в себе, не ждя ответа,
Она встает, дыша огнем...
Так раскаленная комета
Летит невидимым путем.

Декабрь 1921

* * *

Книгу открыла и читала снова:
«Все на свете тленно. Суета сует...»
Господи! А к жертве я ведь не готова,
И последней воли в моем сердце нет...

Много лет молилась по узорным четкам,
Глаз не поднимала, не спала ночей...
Только вот не стало мое сердце кротким.
Голос чей-то слышу, но не вспомню чей.

Пагубные речи слушать бы не надо,
Сам Господь сказал нам: «Суета сует...»
Тихий голос манит, шепчет: «Падай, падай,
Слаще этой муки не было и нет...»

Много лет молилась, душу сберегая
Вот на эту муку, вот на эти дни...
А теперь мне душно, я совсем другая...
Только не гони.

Январь 1922

* * *

Весенних чужих половодий
Разлился широкий поток,
И сердце опять на свободе,
И вечер опять одинок...

Плакучая черная ива
Меня за окном сторожит...
Тоскливо на сердце, тоскливо,
Тоскливо от новых обид...

О, если бы стала безбольней
Усталой души пустота!..
Как грустно звонят с колокольни
К вечерне в начале поста.

Пойти и из желтого воска
Зажечь пред иконой свечу...
Душа не нашла отголоска,
Но жду и покорно молчу.

А боль все сильней, все безплодней, —
Еще не омыли крови
Великие воды Господни,
Глубокие воды любви.

4—12 марта 1922

* * *

И Бога нет со мной. Он отошел, распятый,
и грешные молитвы осудил.
Молиться перед Ним и благостно и свято
я больше не могу. Я не имею сил.

А ночью перед Ним по-прежнему лампада,
молитвенный немеркнущий цветок.
И только я молчу. Моих молитв не надо,
в них сердца моего непросветленный сок.
В них слабая душа, лишенная покрова,
земная, жадная, последняя любовь...
А Он — Он на кресте. На нем венец терновый,
и на руках запекшаяся кровь.

Он смотрит на меня и пристально и строго,
как прежде, — говорить не станет Он со мной,
но в тягостном пути как мне идти без Бога,
одной, совсем одной.

Апрель — май 1922

* * *

Сегодня снова пели громко, громко
Колокола.
И снова сердце было ёмко,
Душа открытою была.

* * *

Около церкви березка,
точно свечка
белого воска
неугасимо горит...
Около церкви
я жду долгие годы,
жду средь могильных
заброшенных плит.

Вечер настанет,
Ангел-Хранитель
темные воды
крылом осенит...
Божья обитель восстанет,
колокола зазвонят...
Гаснет закат
в липком тумане.

Милый, не все ли равно, завтра,
сегодня ли чудо,
только б свершилось оно,
только бы голос оттуда.

Август 1922

* * *

Богоматери скорбен темный лик,
а руки Ее — в покое...
Больше не надо тяжелых вериг,
пусть станет сердце такое,
как у Нее было в миг
Ангельской вести.
Хочешь, помолимся вместе
Вечной Невесте.

Пусть только руку поднимет Она,
и боль утолится скорбящих,
и в сердце войдет тишина,
и солнцем оденет весна
темные голые чащи...
В обретенную гавань придут корабли,
И время приблизится Встречи...
«Упование всех концов земли
и сущих в море далече»...

Август 1922

* * *

Господи, помилуй нас!
Все мы крещеные,
да не тем крестом,
души у нас не прощенные, распаленные
дьявольским огнем.

Молимся, не поднимая глаз...
Господи, помилуй нас!

Не проходит хмель...
Огненная купель
душу опалила...
Господи, помилуй!

С Твоих вершин
до наших глубин
опусти ангельские мечи...
Господи, растопчи!..

Со святыми упокой...
А его-то душу сделай такой,
как слеза умильная...
Охрани от зла...
Сердце мое — зола
кадильная,
тлен и прах...
Свет зажги Ты в его очах...
Грешного не отжени,
Сохрани...

1 октября 1922

СВЕТ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Крылатый отрок на иконе,
И строгий перст к устам прижат.
Сложи молитвенно ладони,
Свой взор не обращай назад.

Пусть, как любовь, неотвратимой,
Презрев бесовскую игру,
Отныне путь твой станет схимой,
Незримой для других в миру.

Крылатый Отрок — твой вожатый,
Благослови его приход.
Когда уста молчаньем сжаты,
То слово в сердце зацветет.

27 июля 1924

* * *

Чудотворным молилась иконам,
Призывала на помощь любовь,
А на сердце малиновым звоном
Запевала цыганская кровь.

Эх, надеть бы мне четки, как бусы,
Вместо черного — пестрый платок,
Да вот ты такой нежный и русый,
А глаза — василек.

Ты своею душой голубиной
Навсегда затворился в скиту, —
Я же выросла дикой рябиной,
Вся по осени в алом цвету...

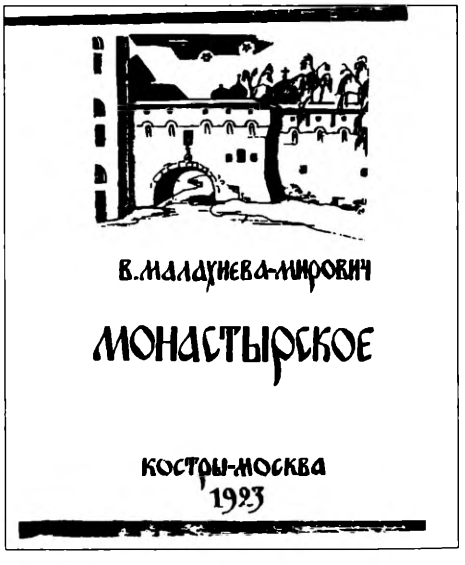
Да уж, видно, судьба с тобой рядом
Свечи теплить, акафисты петь,
Класть поклоны с опущенным взглядом,
Да цыганскою кровью гореть.

1924

Одна из последних фотографий Елизаветы Дмитриевой

ВАРВАРА МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ

Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (1869—1954) — поэтесса, критик, детская писательница. Из старинного дворянского рода Мировичей. Окончила в Киеве гимназию и Высшие женские курсы. Ее стихи и критические статьи публиковались в 1902—1916 годах в «толстом» журнале «Русская Мысль», в эти же годы вышли сборники ее рассказов для детей «Снежинки», «Золотой дом». Стихи ее первой поэтической книги «Монастырское» датированы 1915 годом, но год издания — 1923-й. Книга вышла в том же частном издательстве «Костры», которое в 1921 и 1922 годах выпустило два издания цветаевских «Верст» со стихами 1917—1920-х годов. В этом же издательстве и в эти же годы вышли «Берег» и «Золотые ворота» Надежды Павлович. Это были едва ли не последние книги религиозных стихов. Ленинское «секретное письмо» от 19 марта 1922 года положило начало, как предписано в нем, «бешеному и безпощадному» изъятию не только церковных ценностей. «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», — значилось в нем. При этом особо оговаривалось: «Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий». Имя основного идеолога религиозных репрессий стояло под другим документом, не менее зловещим. В сентябре и октябре того же 1922 года в трех номерах «Правды» появилась статья Льва Троцкого «Внеоктябрьская литература», направленная против «интеллигентских религиозных исканий и находок». Все введенные вскоре цензурные запреты продержались более полувека.



«О преходящем и вечном» — так называется дневник Малахиевой-Мирович, который она вела в 20—30-е годы, но этот уникальнейший документ эпохи до сих пор остается в числе неопубликованных.

Но книга «Монастырское» Малахиевой-Мирович имеет не только историческое значение. Ее вполне можно сравнить с поэмами «Чернец» Ивана Козлова, «Мцыри» Лермонтова, «Гусар-затворник» Елизаветы Шаховой, «Год в монастыре» Апухтина, главные герои которых — п о с л у ш н и к и, а у нее — п о с л у ш н и ц а. В основе поэм XIX века — романтическая, роковая любовь, которую не удается преодолеть ни одному из героев. Этой классической традиции следует и Елизавета Шахова, ставшая послушницей, а затем монахиней, но уже после создания поэмы «Гусар-затворник». Монастырские стихи Малахиевой-Мирович основаны именно на ее личном опыте послушницы, она воссоздает внутренний мир ж е н с к о г о монастыря (даже у Шаховой — м у ж с к о й монастырь), тончайшую полифонию чувств и характеров монахинь. Эти религиозные стихи поэтессы Серебряного века не могут остаться среди «забытых».

Из книги «Монастырское» (1923)

* * *

Радуйся, Невеста, Невеста Неневестная!
Венчик Тебе вышьем мелким жемчугом,
Уберем Владычицу-Заступницу Небесную
Белыми ромашками, синим васильком.

Матушка Ненила накроила розанов.
Слова нет, что в розанах больше красоты,
Только не пристали розы Богородице:
Приснодеве к личику девичьи цветы.

Хвалят Тебя ангелы-архангелы небесные!
Чрево Твое — небо, Сын Твой — сам Господь!
Радуйся Невеста, Невеста Неневестная,
Просвети и нашу темную плоть.

* * *

Зашумели снега ручьями узывными,
Омыли корни водами живыми,
Голосами птичьими, переливными
Славит дубрава Воскресшего Имя.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

Все деревья званые и все избранные
Вчера были сирыми и нагими.
Сегодня уборы на них сребротканные
С подвесками жемчужными и золотыми.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

На могилах травы умильно зеленые
Рвутся из-под камня с вестями благими,
Чует сердце мое вознесенное
Новую весну за веснами земными.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

* * *

Душа моя — свечечка малая
Перед иконою Спасителя темною.
Сегодня она пасхальная, алая,
Вчера была — страстная, зеленая.

Вчера омыло ее покаяние,
Омыло чистой водой, нетленною,
И стало радостью испытание,
И радость стала совершенною.

Лучится мой дух, слезами теплится,
Огарочек малый перед иконою,
Сейчас догорит и опять засветится
Страстной — покаянной, свечой зеленою.

* * *

Лампады алой мое сияние,
Как сердца пронзенного кровь
Перед Спасом Благого Молчания
Зажигает любовь.

Все, чем сердце пронзенное полно,
Все, чего не постигнуть уму —
Тебе, Господи, Спасу Безмолвному,
Тебе одному.

* * *

Ударила в колокол мать Аглая,
К ранней обедне время идти.
Всю долгую ночь не спала я,
Читала «Спасенья пути».

Спасутся праведники, пустынножители,
Мудрые девы, святые отцы,
Священномученики, церковноучители,
Вся верная паства до последней овцы.

Ни в книгах священных нигде не сказано,
Чем нераскаянный дух обелить,
И то, что печатью смерти связано,
Может ли жизнь разрешить?

И кто согрешил без покаяния,
Кто вольною смертью запечатлен,

Спасут ли того любви воздыхания
И все, чем ангельский чин силен?

Рясы моей воскрылия черные!
Скорей бы в незнаемый путь улететь...
Устало сердце мое непокорное —
Устало скорбеть.

* * *

Росами Твоими вечерними
Сойди, Сладчайший Иисусе,
На волчцы мои и тернии,
На каменное мое нечувствие.

Не вижу света закатного,
Не слышу церковного пения,
Как смоковница, Богом проклятая,
Засыпаю в постылом терпении.

Очи слепым отверзавший,
По водам ходивший Христос,
Дочь Иаира от смертного ложа воззвавший,
Коснись меня чудом слез!

* * *

Золотые маковки обители
По-над ельничком мелькнули и пропали.
По крутым холмам к ней до ночи дойти ли мне?
Что-то ноженьки гудут, пристали.

Птичьи гласы правят повечерие.
Засинели дремы по кустам.
Дай мне, Господи, по вере и усердию
Крепость духу, силушку ногам.

Отзвонили звоны колокольные,
Отгорела в небе зорька алая.
Вы луга, леса мои привольные,
Вы былинки и букашки малые!

Новым слухом дух мой наполняется,
Тайнопевный слышу ваш канон,
Сердце песнью вашей причащается,
Как пасхальным хлебом и вином.

* * *

Гроздия белого инея
Алеют рассветным лучом.
С тобою, Господи, ныне я
Во свете Твоем.

Гроздия белого инея
Истают при свете дня,
Покину я твою скинию,
Но Ты не покинешь меня.

Гроздия белого инея
Стекают на землю с высот,
Но из праха земного уныния
Твой луч меня воззовет.

* * *

Вот и кончилось мое послушание,
Отжала полосыньку до конца,
Приими, Господи, мое покаяние,
Не отжени от Твоего лица.

Призри на долгое мое смирение!
А если гореть повелишь в аду,
Пошли мне для адовых мук терпение:
С именем Твоим во ад сойду.

Глашенька, свечку зажги мне отходную,
Стань в головах, отпускную прочти —
Девичьи молитвы до Бога доходные,
Дурость мою и гневливость прости.

1915
Воронеж, Киев, Москва, Сергиев Посад

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

Павлович Надежда Александровна (1895—1980) — поэтесса. Родилась в местечке Лаудон Лифляндской губернии (территория современной Латвии) в семье мирового судьи. Окончила Псковскую Александровскую гимназию. Еще во время учебы в газете «Псковская жизнь» были напечатаны первые стихи семнадцатилетней поэтессы. В 1914 году поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов им. Полторацкой в Москве. В ноябре 1914 года вышел «Первый сборник молодых поэтов», в котором среди десяти новых поэтических имен она дебютировала вместе с Марией Шкапской. Этот сборник появился на свет через три месяца после начала Первой мировой войны, строки ее «Лазаретных стихов» многим врезались в память:

...На халате капельки гноя.
(Снежно-белый, строгий халат).
Так березы ранней весною
Над талым снегом стоят.

В эти же годы она познакомилась с Валерием Брюсовым, Андреем Белым, Вячеславом Ивановым,

Сергеем Есениным, Велимиром Хлебниковым и многими другими поэтами-современниками.

В 1919—1920-х годах работала в президиуме Всероссийского союза поэтов и по его поручению отправилась в Петроград, где вместе с Александром Блоком организовывала Петроградское отделение союза. Общение с Блоком, возникшая между ними духовная близость определили дальнейший жизненный путь Павлович и многие мотивы ее творчества. Смерть Блока 7 августа 1921 года стала для нее глубоким душевным потрясением. В воспоминаниях о Блоке, впервые опубликованных в «Блоковском сборнике» (Тарту, 1962), она приводит рассказ Мариэтты Шагинян (не называя ее имени) о ночи перед погребением Блока: «Одна писательница вызвалась читать ночью Псалтирь. Она хотела Евангелие, но Любовь Дмитриевна сказала: "Уж если это делать, то по правилам церкви. Полагается Псалтирь". Читавшая рассказала мне. Вечером из своей комнаты вышла в халате Л.Д. и простилась с мертвым. И мать поцеловала его и ушла к себе. Она осталась одна. Было как-то жутко. Свеча колебалась, и по лицу его пробегали свет и тень. Выражение лица постепенно менялось. Она продолжала читать. Когда наступил рассвет, лицо действительно изменилось. Выражение смягчилось, исчезло то грозное, что было в нем. Придя утром 8 августа, я увидела это новое выражение лица покойного. Оно стало спокойным и более кротким. Казалось, что Александр Александрович спит...» Незадолго перед смертью Блок подарил ей первый том «Добротолюбия» со своими пометками, а она предложила ему почитать «Летопись Серафимо-Дивеевской обители». Она воспримет это как знак судьбы, оказавшись в монастырской обители через год после смерти Блока, но не Дивеевской, а в Оптиной. Друг ее детства, художник Лев Бруни, много рассказывал ей об Оптиной Пустыни и ее замечательных старцах, где он с женой, Ниной Константиновной Бальмонт, и детьми жили поблизости на даче. Кроме того, она получила заказ в одном петроградском издательстве написать книгу об истории Оптиной Пустыни. Она поехала в Оптину Пустынь, где познакомилась и впоследствии стала духовной дочерью последнего соборно избранного в 1912 году старца Нектария, который, как оказалось, особо выделял блоковские «Стихи о Прекрасной Даме» как молитвенные. Старец Нектарий благословил ее жить и работать при Оптинском краеведческом музее, которым заведовала Лидия Васильевна Защук (впоследствии схимонахиня Августа, расстрелянная в 1938 году и ныне причисленная к лику святых). «Мне пришлось в 1922—1923 годах работать научным сотрудником первого Оптинского краеведческого музея, основанного в 1918 году и закрытого в 1928-м. В 1922 году я застала еще действующий монастырь», — вспоминала она в статье «Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?», опубликованной в 1980 году в толстовском томе альманаха «Прометей». До конца своих дней Павлович не могла рассказать о том, что два года в Оптиной она не просто работала сотрудником, а была в послушании у старца Нектария. В Великий четверг Страстной недели 1923 года старца Нектария увезли в козельскую тюремную больницу, обвинили в контрреволюции. Ему грозила «расстрельная статья». Получив благословение от батюшки похлопотать о нем в Москве, Надежда Александровна обратилась за помощью к Крупской, в секретариате которой работала несколько месяцев в 1919 году. Она просила спасти ее «дедушку», старика-монаха, которого козельские власти приговорили к расстрелу. Крупская расценила это как «перегибы на местах» и направила к А. Белобородову. К этому времени бывший председатель исполкома

Портрет Александра Блока с дарственной надписью Надежде Павлович

Уральского облсовета Белобородов, подписавший распоряжение о расстреле царя и царской семьи, был заместителем Феликса Дзержинского, а вскоре стал наркомом внутренних дел (расстрелян в 1938-м); в данном же случае, выполняя просьбу жены вождя, он отправил телеграмму в Козельск об освобождении старца. Расстрел заменили ссылкой в деревне Холмищи Брянской области, где Надежда Александровна навещала старца, привозя продукты и теплые вещи, хотя такие поездки в то время были небезопасны. Позже, работая в Красном Кресте, она помогала заключенным монахам (среди которых были и оптинцы), совершила духовный подвиг, навестив в зоне заключения отца Сергия Мечева, сына знаменитого московского старца Алексея Мечева.

Господь наградил Надежду Александровну за ее самоотверженное служение своему духовнику: отец Нектарий сказал, что все ее грехи он берет на себя. После кончины старца Нектария в 1928 году Надежде Александровне удалось на 23 подводах перевезти и таким образом спасти редкие книги из замечательного собрания Оптиной Пустыни, собственно оптинские издания и весь рукописный фонд. Все эти сокровища были переданы в Библиотеку им. Ленина в Москве, где они пролежали неразобранными вплоть до 90-х годов.

Еще при жизни старца Нектария Надежда Александровна собрала и записала множество рассказов о его замечательной прозорливости, многие из них вошли в книгу митрополита Вениамина «Божьи люди». Владыка дал высокую оценку этим записям.

Во время своего пребывания в Оптиной Пустыни она выпустила по благословению старца Нектария в издательстве «Костры» два стихотворных сборника «Берег» (1922) и «Золотые ворота» (1923), в которых впервые увидели свет ее молитвенные стихи. Третий сборник, «Думы и воспоминания», вышел в 1962 году, четвертый «Сквозь долгие года...» — в 1977-м, и посмертно «На пороге» — в 1980-м, но в этих сборниках не было представлено самое важное в ее поэзии — духовные стихи, которые после Оптиной она писала всю свою жизнь.

Последний оптинский старец прп. Нектарий (Тихонов)

Дай мне силу и дай мне терпенье
Все увидеть, услышать — и жить!
Дай нести мне земное служенье,
Чтоб небесные песни сложить! —

обращалась она к Господу в поэме «Оптина», посвященной старцам и подвижникам обители. Эта поэма, созданная в 30-е годы, впервые опубликована в 1991 году в седьмом номере журнала «Москва». Более полувека у Надежды Александровны выходили лишь детские книги, она переводила стихи поэтов народов СССР и зарубежных, работала литконсультантом журнала «Огонек», опубликовала в 70—80-е годы под разными псевдонимами несколько богословских работ в «Журнале Московской Патриархии» и русских зарубежных изданиях. А такое стихотворение, как «Новомученикам и исповедникам российским...», опасно было даже записывать, его заучивали, и таким образом оно сохранилось лишь в памяти ее ближайших друзей...

В 1996—1997 годах журнал «Человек» в нескольких номерах опубликовал главы из воспоминаний Надежды Павлович «Невод памяти» о Есенине, в соавторстве с которым она написала сценарий фильма «Зовущие зори», Ахматовой, Михаиле Чехове, отце Павле Флоренском, Марии Юдиной, Пастернаке и многих других современниках, но это лишь малая часть ее мемуарного наследия, которое, как и поэтические, богословские труды, еще ждут своего издателя, ведь за последние тридцать лет не издано ни одной ее книги.

До конца своего земного служения она, насколько хватало сил, выполняла завет старца Нектария никогда не забывать Оптину, делать все возможное для ее сохранения. В те годы это было сопряжено с большими трудностями. Но и тогда, уже в преклонном возрасте, она ходила на приемы к министру культуры Е.А. Фурцевой, хлопотала об Оптиной перед калужскими властями, добиралась в Козельск на попутках по бездорожью, чтобы только прикоснуться к разрушенной святыне, поговорить с людьми, еще помнившими ее расцвет. 4 декабря 1974 года, по постановлению Совета Министров РСФСР, Оптина Пустынь, наконец, была взята под государственную охрану, началась ее реставрация. Она не дожила до возрождения Оптиной Пустыни и возвращения ее Русской Православной Церкви. Накануне кончины Надежда Александровна сказала мне: «Я не боюсь смерти. Для меня умереть — все равно, что выйти в другую комнату...» Приняв причастие, она отошла ко Господу 3 марта 1980 года.

Вступительная статья и публикация
Т.Н. Воробьевой (Бедняковой)

* * *

Снова жег мне чей-то взгляд затылок,
Снова холод подымался от спины,
Ангел огромный, грознокрылый
Встал в снопе голубизны.

Мир разъят, а умереть не смею,
Потолок качнулся и поплыл...
Только веет, веет, пламенеет
Шелест ширящихся крыл.

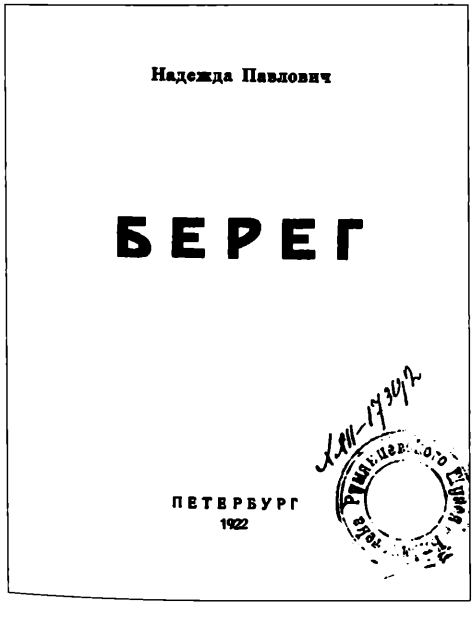
Где слова, чтобы сказать Такому:
Лучезарный, Он слепит меня!
И душа пылает, как солома,
В вихре Божьего огня.

1918

* * *

Поставь свечу перед Казанской
И больше сердца не тревожь!
А помнишь ночь, напев цыганский,
Боль, отвращенье, скуку, ложь?
Но чистотою негасимой
Сияют первые снега;
Морозные ложатся дымы
На скованные берега.

И все прошло. Лишь в темной церкви
Мерцает малый огонек,
Лишь черные осыпал ветви
Уже не тающий снежок.


Надежда Павлович

БЕРЕГ

ПЕТЕРБУРГ
1922

Гори, свеча, — моей молитвой,
Гори, пока достанет сил,
Чтоб милый друг пред поздней битвой
Свою тревогу погасил...

* * *

Золотые ворота на белом снегу,
Отдаленные звоны на том берегу,
И от тоненькой темной церковной свечи
Прямо в сердце упали лучи.
Хорошо тебе спать, успокоенный друг,
В тихом говоре Божьих вьюг,
Снеговым укрываясь пуховым платком,
Осеняясь высоким крестом.
Хорошо мне заветной тропинкой идти;
В той тропинке все дни, вся любовь, все пути.

* * *

Посмотри, стало небо шире
Над последним домом твоим.
И в огромном нестрашном мире
Подымается светлый дым;
Затлевает свечою зеленой
Над тобою осенний клен;
Упадает луч потаенный
От кладбищенских старых икон.
Что мы помним, и что мы знаем!
Вьются пчелы, шумит трава;
Только тихой душой повторяем
Вековые, святые слова.
И, светлея сквозь темный терновник,
Там, где прячется в листьях тропа,
Подымает Небесный Садовник,
Рукоять золотого серпа.

* * *

Вот он в гробу, в георгинах и розах
Так спокойно и грустно спит;
В золотых георгинах и красных розах
Над ним тоска неотступно стоит.

И детской улыбки, лукавой и мудрой
Больше не будет на бледных устах;
Статный, красивый, золотокудрый
Лежит, не дышит в огнях и цветах.

Только тревожить его не надо...
Поклонись, поцелуй, отойди!..
Свете тихий Святыя лампады,
Святая София на мертвой груди[1].

[1] Из цикла стихотворений 1921—1922 годов, посвященных Александру Блоку.

* * *

Покрова Пресвятой Богородицы
Тихим пламенем сκладки горят,
А из белых рук Богородицы
Золотые листья летят.

Над рекою, над ивой плакучею,
Над убогим забытым мостом
Твой покров расстилается тучею,
Упадает закатным лучом.

Или нашу тоску негасимую
Перед Сыном Ты теплишь свечой,
И ложится стеной нерушимою
Серый плат, по краям — голубой.

Смоленское кладбище

* * *

Голодом и хмелем, плачем, спесью,
С целым миром говорила ты,
Но молчат, уходят в поднебесье
Золотые древние кресты.
Спят в твоих соборах без просыпу
Те, что стали здесь веками на ночлег,
И не слышат нищенского скрипа
Из Поволжья выезжающих телег.
Подайте, благодетели,
Смертушка пришла,
Смертушка пришла,
В поле увела...Ради Христа.

Проходи. Ведь обнищали все мы,
Никуда не выпустит беда.
Что нам Италийские эдемы,
Англии богатой города.
Сто на сто! — других торгов не надо —
Пропади, рассыпься, старый дом,
Иверская красная лампада
Потухает день за днем.

* * *

В тишине не непоправимой,
В безутешной тишине
Все склоняется любимый
С прежней песнею ко мне.

Не свое пою, а наше.
— Для чего ж осталось мне
Только горечь чудной чаши,
Влага мутная на дне.

Да молитва пред иконой,
(Пусть огонь мой тих и мал)
Пред иконой золоченой
Той, которую не знал.

<1921—1922>

* * *

Божья Матерь! Его осени
Золотым Своим тихим плащом
И в померкшие очи взгляни,
И напомни Сыну о нем!

Он не узнан прошел меж людьми,
Светел духом, прекрасен лицом;
Ты Своею рукой его руку возьми
И напомни Сыну о нем!

И когда загорится небо вдали
Золотым и лазурным огнем,
Подыми его с черной и дикой земли
И напомни Сыну о нем!

<1922>

* * *

Будешь сыт сегодня,
Завтра ни куска.
Далеко ты катишься
Яуза-река.
Пили, торговали
Ко всенощной шли,

Душу потеряли,
Другой не нашли!
Ни жизни, ни Бога!
Уходи в бега!
Только дорога
В небо дорога...

Стихи, не входившие в прижизненные сборники

* * *

Мы в катакомбах темных скрыты.
Над нами низкий, душный свод.
В глубокой крипте брат убитый
Пришествия Христова ждет.

Нам носят тайные даянья:
Вину и рыбу, хлеб и сыр.
А там, над нами, в содроганьи
Как ветхий дом, кренится мир.

Но страстные земные бури
Уже не трогают сердец:
Пред нами ясный блеск лазури
И Пастырь Добрый средь овец.

1923

ВОРОНЕНОК

Я — чужая в этой белой стае,
Белом стане башен и церквей,
За ворота буйный ветер манит,
Вьюжный запевает соловей.

Я окно завесила напрасно,
— От себя ль завесить жизнь свою!
Этой вьюге гибельной и страстной
Душу я блаженно отдаю.

Вороненку в стае голубиной
— Что мне делать в мирной тишине!
Помню я широкие равнины,
Всадника на белом скакуне.

Помню все, что недоступно этим,
— В мантиях, спокойным и седым.
Где мы, вьюга, нашу гибель встретим
И куда с тобой летим?

Оптина, 1923

ОПТИНА

Вода из Твоего колодца
Чиста, прозрачна и светла,
Она из недр глубинных льется,
Всё отмывая добела.

Но Твой черпак давно утерян,
И блещет холодом струя,
Заветные закрыты двери,
И перед ними плачу я.

Ну что ж! Разрушить можно стены
И башни в щебень раздробить,
Но даже щебень драгоценный
Душа не может не любить.

И выплывают из тумана
Сияющие купола...
Ты не свои, Ты наши раны,
Как бремя легкое, взяла.

Все это знаменье иного
И бытия, и торжества,
Под гробовым своим покровом
Ты ослепительно жива.

Последней служке неумелой
Дай прозревать сквозь эту тьму,
К Твоей пыли приникнуть белой,
Как будто к сердцу Твоему.

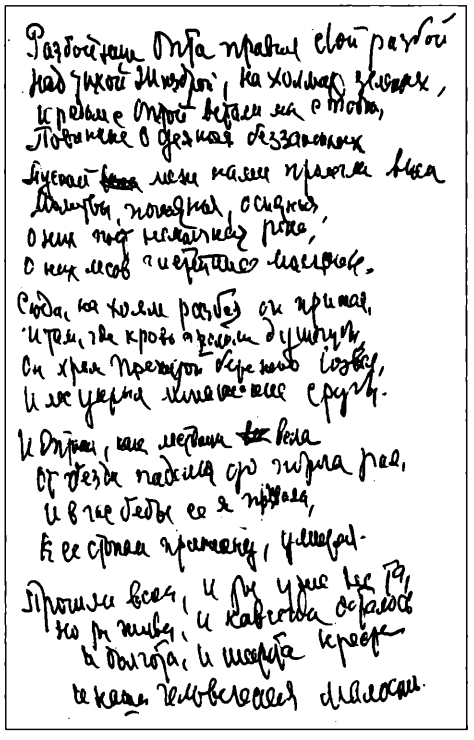
РАЗБОЙНИК ОПТА

Разбойник Опта правил свой разбой
Над тихой Жиздрой, на холмах зеленых.
И рядом с Оптой встали мы с тобой,
Повинные в деяньях беззаконных.

Пускай меж нами пролегли века,
Молитвы, покаянья, осиянья...
О них поет немолчная река,
О них лесов чистейшее молчанье.

Сюда, на холм разбоя он пришел,
И там, где кровь пролили душегубы,
Он храм Пречистой бережно возвел,
И лес укрыл монашеские срубы.

И Оптина, как лествица, вела
От бездн паденья — до порога рая,
И в час беды Ее призвала,
К Ее стопам приникну, умирая.



Автограф стихотворения «Разбойник Опта»

Прошли века, и Ты уже не Та,
Но Ты жива и навсегда осталась
И широта, и долгота креста,
И наша человеческая малость.

ИЗ ПОЭМЫ «ОПТИНА»

Ты, Оптина! Из сумрака лесного,
Из сумрака сознанья моего,
Благословенная, ты выступаешь снова —
Вся белизна, и свет, и торжество.

Я каждый камень бережно узнаю,
Иконку на столбе и старый твой паром.
Уже лепечет мне струя речная,
Уже встает за лесом отчий дом.

Твой колокол — он цел. Ты слышишь,
над лугами
Плывет его спокойный, влажный гул,
И ширится, и падает кругами, —
Так полно он, так медно он вздохнул.

Слепец и схимник — славный наш звонарь —
Теперь он нищим бродит по округе.
Колокола поют в дожде и вьюге,
И он во сне еще звонит, как встарь.

Открыты храмы. Дальняя дорога
К той паперти высокой привела
Меня и мой народ — мой горький, мой убогий.
Едва дошли мы, — ноша тяжела.

Не блещет храм убранством драгоценным,
И не видать прославленных мощей;
В нем даже мало теплится свечей, —
Все просто, и спокойно, и смиренно.

И настоятель служит, не спеша,
Как старый голубь, кроток, бел и важен.
Напев пустынный скромен и протяжен,
Но в пенье изливается душа.
.....
Когда гостей негаданных, незваных
Шумливые замолкнут голоса,
Когда падет в лугах благоуханных
Прозрачная тяжелая роса, —

Лес встанет церковью. Синеет и курится,
Уходят в небо мощные стволы,
И белочка на ветке шевелится,
Синицы свищут из зеленой мглы.

Сама земля намолена годами,
Она хранит священный прах могил.
Вот по тропинке мелкими шагами
Идет старик. Он немощен и хил.
Но блещет лик нездешними лучами.

И в львиной мощи старец Леонид —
Кротчайший к слабым, перед сильным
строгий —
С учениками по лесной дороге
Идет проведать новозданный скит.

Макарий с книгой, благостный Антоний,
И с посохом тяжелым Моисей, —
Стоите вы под храминой ветвей,
Написаны искусно на иконе —
Иконе леса, неба и лучей.

МОЛИТВА

Облако смутно плывет в синеве,
Ландыши гаснут в траве,
Шум утихает весеннего дня,
Божия Матерь! Помилуй меня!

Снова я девочкой в поле брожу;
Снова невестой на мир погляжу.
Даруй мне свет невечернего дня!
Божия Матерь! Помилуй меня!

Стелется тихо туман над водой,
Волос ли мой протянулся седой?
Каждую душу живую храня,
Божия Матерь! Помилуй меня!

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы пришли от великой печали,
Все свое растеряв в суете.
На молитве ночей не стояли,
Забывали порой о Христе.

Слишком светлых чертогов не надо
Для давно огрубелых сердец.
Нам бы здесь постоять за оградой
И к ногам Твоим пасть наконец.

Ради этого только мгновенья
Мы к Тебе, задыхаясь, брели,
Мы — последних времен поколенье,
Ослепленные дети земли.

НОЧЬЮ

Сила Господня буди над нами!
Темная сила ходит кругами,
Ужасом тайным в окошко стучится...
Что-то не спится! Что-то не спится!

Темная сила долги подсчитала:
— Много грешила, каялась мало!
Призраки входят ко мне вереницей...
Что-то не спится! Что-то не спится!

Страшно предстать перед Бога Живого,
Как ты ответишь за каждое слово?
Этот Судья не взирает на лица!
Что-то не спится! Что-то не спится!

Я перед Ним безответная встану,
Но твоему не поддамся обману.
Даже в глубинах смерти и адавеет
Его благодати прохлада.

Изнемогая в позоре и муке,
К Солнцу любви простираю я руки.
Пусть недостойна ни света, ни рая,
Я призываю Его, умирая.

НАШИ ДЕТИ

Наши мальчики, девочки наши,
Вы, идущие в первый класс!
Вас подводят к Христовой Чаше
В многих семьях в последний раз.

Банты белые в русых косах,
Ушки, стриженные вихры...
Мир суровых детских вопросов
Начинается с этой поры.

Что мы скажем глазам открытым?
Совесть слушает наш ответ.
Или руки будут умыты?
«Где Он, мама? Иль Бога нет?»

Вот стоит Он в белом хитоне,
Обнимая твоих детей.
Не на судьбище, не на троне,
А в глубинах души твоей.

Отрекись от Него, и громом
Не расколется небосвод.
Только свет из грешного дома
Может быть, навсегда уйдет.

И заметишь ты это едва ли —
Все заботы и суета...
Мы не раз уже предавали
И стыдились верить в Христа.

Но глядит Он из дальней дали,
Весь изъязвлен и весь в крови...
— Дети, дети Моей печали!
— Дети, дети Моей любви.

< 1950-е>

НОВОМУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ РОССИЙСКИМ, ОТ БЕЗБОЖНИКОВ ИЗБИЕННЫМ

Цинготные, изъеденные вшами,
Сухарь обглоданный в руке, —
Встаете вы суровыми рядами
И в святцах русских и в моей тоске.

Вас хоронили запросто, без гроба,
В убогих рясах, в том, в чем шли.
Вас хоронили наши страх и злоба
И черный ветер северной земли.

В бараках душных, по дорогам Коми,
На пристанях, под снегом и дождем,
Как люди, плакали о детях и о доме
И падали, как люди, под крестом.

Без имени, без чуда, в смертной дрожи,
Оставлены в последний час,
Но судит ваша смерть, как пламень Божий,
И осуждает нас.

ПАСХА

Пред Твоею иконою, Спасе,
В белом облаке нарциссов
Пламень рдеющий лампады
Покачнулся на ветру.

Показалось, с детской горки
Яйца сами покатились
На тарелку расписную
В зелень свежую овса.

Это было не в деревне,
И не скинув полстолетья,
А в московском переулке
В озаренной тишине.

И спокойно, не старея,
Сохранив живую душу,
В радости неизъяснимой
Пасху праздновали мы.

Публикуется впервые.

ИСПЫТАНИЕ СЕРДЕЦ

I

Как страшен мир, в котором мы живем!
Он — лжи и богохульства водоем,
Он — лестница, стремящаяся вспять,
Ступеней нам уже не сосчитать.

Землетрясений нарастает гул
И наводнений ширится разгул,
И хлеба не хватает для детей
Планете замороченной моей.

Но нам с тобою это нипочем,
Что нам с тобою отдаленный гром!

Я девочкой читала Жития
И думала: «Не это жизнь моя,
Все это было и давно прошло...»
Но почему мне сердце обожгло?

Оно теперь касается и нас,
И наступает испытанья час,
И путь один, и нет иных путей
Для совести измученной моей.

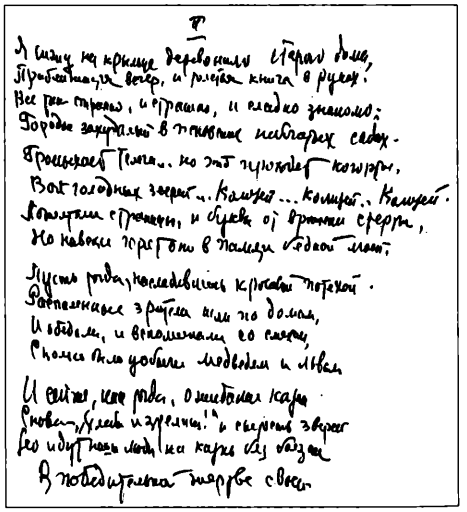
II

Я сижу на крыльце деревянного старого дома,
Приближается вечер, и толстая книга в руках.
Все так странно и страшно, и сладко знакомо,
Городок захудалый в псковских
небогатых садах.

Громыхает телега... но это проходят когорты,
Вой голодных зверей... Колизей... Колизей...
Колизей,
Пожелтели страницы, и буквы от времени
стерты,
Но навеки горят они в памяти бедной моей.

Пусть тогда, насладившись кровавой потехой,
Распаленные зрители шли по домам,
И обедали, и говорили со смехом,
Сколько было добычи медведям и львам.

И сейчас, как тогда, ожидание казни,
Снова «хлеба и зрелищ» и сытость зверей...
Но идут наши люди на казнь без боязни
В победительной жертве своей.



Автограф стихотворения «Я сижу на крыльце...» Публикуется впервые

* * *

О мой Господь, Непостижимый Свет!
Я шла к Тебе путем скорбей и бед,
Но радости я видела немало,
И о минувшей скорби забывала.

И вот теперь стою на берегу,
И бодрствую, и душу берегу,
Пред этой ослепительною синью,
Не предаваясь страху и унынью.

Прости меня! — я отойду ко сну,
И опущусь бездонно в глубину,
И пусть волна проходит надо мною
Отрадой и прохладой неземною.

Публикуется впервые.

СВЕТ

Он в вечности сказал: «Да будет свет!»
И хлынул свет на миллионы лет.
Не первых звезд, не солнца, не луны,
Не отраженный свет морской волны —
Ликующий и первозданный, Он
Был целою вселенной отражен.

И мы с тобою носим этот свет,
Им человек с рождения одет,
Но мы его волочим по земле,
Но мы его теряем в нашей мгле.

Вне света ночь кромешная и мгла —
Куда же ты, душа моя, зашла?

Землетрясенье...Рушатся дома...
И свет в тебе не есть ли та же тьма?
Но не себе я верю, а лучу.
Его я помню, плачу и молчу.

1960-е годы
Публикуется впервые.

ПЕЧОРЫ

Голуби мои и голубята,
Стены, простоявшие века!
Вновь душа предчувствием объята,
Холодом нездешним ветерка.

Светел вход к «Успению Пречистой»
Серебром гремят колокола.
Но уводит в сумрак холод мглистый,
Пламень, распаленный добела.

Тяжелы и непомерны своды,
Звезд подземных трепетны лучи...
Сердце, не познавшее свободы,
Пред немым величьем замолчи!

Было ты неверно и лукаво,
Затаилось, словно тать в ночи...
Свете Тихий незакатной Славы,
Осени, помилуй, облегчи!

И гремят хвалы не умолкая...
Где велишь мне преклонить главу?
Белая, Печерская, Псковская
Звонница уходит в синеву.

1—14 октября 1965

НА ПОРОГЕ

Для одних и горечь, и обида
Для других — терпенье и ступень,
Кто же ты, по сути, а не с виду,
Пусть покажет настающий день!

И чему училась ты от века,
Бедная душа моя, ответь:
Поступи ли твердой человека
Жизни ли, чтоб с честью умереть?

Или только праздным разговорам
О неисследимой глубине,
Нашим страстным и безплодным спорам,
Подвигам в мечтах или во сне?

В тишине прекрасной, непробудной
Руки на груди сложив крестом,
Будешь ли ты помнить путь свой трудный,
Горько недостроенный свой дом?

Или, забывая все ожоги,
В белом свете царственного дня
Странницей заплачешь на пороге:
«Не отринь, и помяни меня!»

<1970-е>

* * *

Ты думаешь — ты богата,
Ты — нищая перед Богом,

Ты все растеряла когда-то,
Шатаясь по темным дорогам.

И вывернут наизнанку
Наряд твой когда-то белый,
Под рыночную шарманку
И ты плясала и пела.

Душа моя! Стань перед Богом,
Хотя бы в предсмертный час,
В своем одеянье убогом,
Без всяких неправд и прикрас.

Как та, что, смирясь, познавала,
Что жизнь ее мрак и тщета,
Власами она отирала
Пречистые ноги Христа.

13—15 октября 1972

* * *

Когда стихии запредельной
Тебя касается крыло,
Прижми покрепче крест нательный,
Чтоб было на сердце светло.

Прислушайся к далеким зовам!
Ребенка так не кличет мать!
И оглянись: а ты готова
На это слово отвечать?

Я об одном молю: в сознанье
Позволь мне встретить смерть мою,
Чтоб вздох последний покаянья
Стал первым вздохом в том краю.

СВЕТЕ ТИХИЙ

Прости меня — неверную рабу!
Непостижимую свою судьбу
Я не пойму и в восемьдесят лет.
Но вижу я своих падений след...
Во всем, что я творила на земле,
Я — только уголь, тлеющий в золе.

Как буйствовал и как пылал костер,
Но руку Ты над пламенем простер,
И пал огонь, умаленный в пыли,
Не в силах оторваться от земли.
Но Ты, зажегши звезды в вышине,
Тогда сошел неведомо ко мне.

Ты знаешь все: несказанную речь,
И то, что память не смогла сберечь,
И каждую слезу, и каждый стон.
Предвечный Свет, Ты Матерью рожден.
Ты Тихий Свет, святее всех святынь,
Сходивший древле на пески пустынь,
Сходящий ныне в нашу ночь и тьму,
Навстречу покаянью моему.

ВЛАДИМИР ПАЛЕЙ

Палей Владимир Павлович, князь (1897—1918) — поэт, прозаик. Его отец, младший сын Александра II великий князь Павел Александрович в 1889 году женился на греческой принцессе Александре, мать которой, греческая королева Ольга, приходилась родной сестрой великому князю Константину Константиновичу — поэту К.Р. Но этот династический брак продлился недолго, в 1891 году великая княгиня Александра (Аликс) умерла при родах второго ребенка. В 1902 году великий князь Павел Александрович вступил во второй брак, но не династический, а морганатический, тайно обвенчавшись за границей на «разводке» Ольге Пистолькорс (урожденной Карнович), имевшей от первого брака троих детей. Узнав об этом, старшая сестра, великая княгиня Мария Александровна, писала брату: «Как мог ты это сделать, как мог ты изменить данному слову из-за совершенно фальшивой идеи о чести, как мог ты бросить свое Отечество, службу и прежде всего

своих бедных, бедных, теперь совсем осиротевших детей! Бросить для чего, главное для кого? Честь не в том состоит, мой милый, чтобы всем жертвовать для женщины; и ведь ты Великий князь, а не какой-нибудь господин Иванов или Петров, на которого никто не обращает внимания. Где твои прежние принципы, где твое чувство долга». Император Николай II подверг своего дядю, как считалось тогда, вполне заслуженной каре — увольнению со службы командира Гвардейского корпуса и запрета на возвращение в Россию. Что же касается его дечери Марии и сына Дмитрия, то сразу же после смерти Александры Греческой их взяла на воспитание великая княгиня Елизавета Федоровна. А великий князь Павел Александрович действительно пожертвовал всем для женщины, которую полюбил. Его брак, несмотря на опалу, оказался на редкость счастливым. Их сын Владимир преподнесет родителям стихотворение «Папе и маме», рефреном которого станут слова: «нам хорошо вдвоем»:

Нам хорошо вдвоем... Минувшего невзгоды,
Как тени беглые, теперь нам нипочем:
Недаром грустные и радостные годы
Мы вместе прожили... Нам хорошо вдвоем!

Мы долго пристани искали безмятежной,
Скрывались от людей, томились суетой
И создали, любя очаг заботы нежной,
Гнездо, влекущее спокойной красотой...

Нам хорошо вдвоем, с правдивыми сердцами!
В руке, в тяжелый час, не дрогнула рука —
Мы счастие, воспетое певцами,
У непонятного для многих родника...

Среди опасностей извилистой дороги
Мы в Бога верили и помнили о Нем,
Пускай еще порой стучатся к нам тревоги —
Мы дружны и сильны... Нам хорошо вдвоем!

Это стихотворение датировано 20 октября 1916 года. К этому времени император сменил гнев на милость: в 1912 году, после десятилетнего изгнания, сын Александра II смог вернуться на родину вместе с новой семьей, но Ольга Карнович-Пистолькорс приехала в Россию уже графиней Гогенфельзен. В 1904 году баварский король пожаловал ей и ее детям графский титул, а в 1915 году русский император возвел их всех в княжеское достоинство с фамилией угасшего рода Палей.

Так что Владимир, родившись и прожив шестнадцать лет во Франции, впервые приехал на родину баварским графом Гогенфельзеном, а на фронт отправился прапорщиком князем Палеем. Стихи он начал писать уже во Франции на двух языках, но в России его наставником в поэзии стал двоюродный дядя, великий князь Константин Константинович — поэт К.Р., сын которого, князь Олег Константинович, тоже писал стихи. Все пятеро сыновей К.Р. ушли на фронт. Двадцатидвухлетний Олег погиб 29 сентября 1914 года. Его последними словами были: «Я счастлив, что кровь рода Романовых пролилась на этой войне».

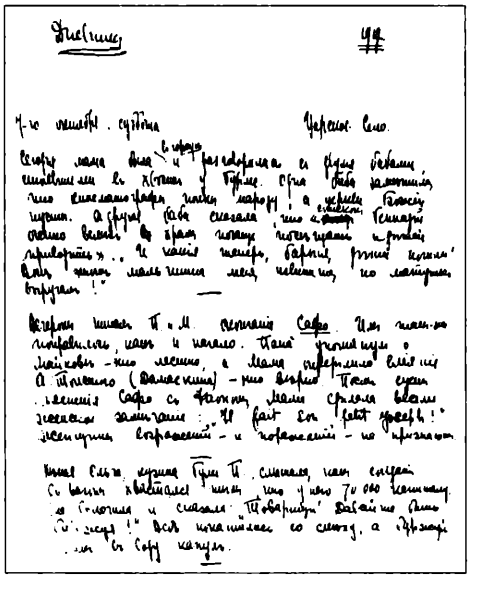
Князь Владимир Палей после окончания Пажеского корпуса служил в Гвардейском гусарском полку и получил боевое крещение вместе с сыном К. Р., князем Гавриилом Романовым. Его поэтическим дебютом стал перевод на французский язык стихотворной драмы К.Р. «Царь Иудейский». «Перевод, — вспоминал впоследствии его князь Гавриил, — превзошел все ожидания моего отца, он был в восторге и даже прослезился». Первые стихи на русском языке тоже создавались под влиянием как молитвенной, так и военной поэзии К.Р. Таковыми были его молитвы и стихотворение «Спите, солдатики, спите, соколики...», в котором он сохранил мелодическую основу песни на музыку Якова Пригожего «Умер, бедняга! В больнице военной...», получившей популярность в исполнении Надежды Плевицкой. В июне 1915 года свое новое стихотворение он посвятит памяти К.Р., тяжело переживавшему гибель сына:

Умолкла его вдохновенная лира,
Потух его любящий взор...
Вознесся он в тайну надзвездного мира,
В лазурный небесный простор.

Он понял осмысленность жизненной битвы,
Он понял природы красу
И думал: «Я людям святые молитвы
В весенних цветах принесу».

И с верой он пел на земле о небесном...
Теперь же, познавши покой,
Витая в полете своем безтелесном,
Скорбит он над злобой людской...

Смерть спасла поэта К.Р. от той злобы людской, с которой ровно через три года придется столкнуться трем его сыновьям, поэтическому крестнику князю



Запись в дневнике 1917 г.

Владимиру Палею и всем, в ком текла царская кровь Романовых...

Война застала князя Палея в Крыму. С сентября 1915 года он вместе со своим полком — на фронте. «Родная мамочка! — писал он в первом фронтовом письме. — На прошлой неделе у нас была присяга новобранцев и — довольно, я скажу неожиданная — наша офицерская. Все эскадроны собрались в колоссальном манеже. Была дивная, торжественная минута, когда эти сотни рук поднялись, когда сотни молодых голосов выговаривали слова присяги и когда все эти руки снова опускались в воцарившемся гробовом молчании... Ах! Как я люблю такие минуты, когда чувствуешь мощь вооруженного войска, когда что-то святое и ненарушимое загорается во всех глазах, словно отблеск простой и верной до гроба своему Царю души. Мамочка! Я в херувимском настроении после говения и придумал массу стихов. Как-то лучше пишешь после церкви. Я это совсем искренно говорю — все мысли, все строчки полны кротостью тихого блеска восковых свечей и невольно от стихов веет вековым покоем икон...»

В феврале 1916, в девятнадцать лет, он награжден боевым орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Об остальном можно судить по стихам — довоенным, военным и послевоенным, в которых он предстает достойным учеником К.Р. После Февральской революции, 21 июня 1917 года, запишет в дневнике:

«...Забавно, что все люди остались, в сущности, верны себе: подлецы показали себя подлецами, трусы — трусами, храбрые — храбрыми. Растет, развивается хамство. Как поганое дерево, оно уже протягивает в разные стороны зловонные ветви и цепляется за все окружающее. Самая гуманная душа должна теперь признаться, что Россия без палки жить не может. Ей именно нужен городовой, а не свобода. Участок, а не права. Революция себя погубила — она уже смешна. Если будет царь, он будет крайне жесток».

После октября 1917 года, вызванный в петроградское ЧК, Владимир Палей отказался от предложения Урицкого подписать отречение от арестованного отца. Он не был носителем фамилии Романовых и вполне мог покинуть Россию как Палей. 13 марта 1918 года вместе с тремя сыновьями К.Р. и великим князем Сергеем Михайловичем он был сослан в Вятку. 20 апреля ссыльных отправили в Екатеринбург, 20 мая — в Алапаевск, куда привезли великую княгиню Елизавету Федоровну. 13 июня 1918 года в Перми был убит великий князь Михаил Александрович. В ночь с 16 на 17 июня в Екатеринбурге убили царскую семью и четырех приближенных. В ночь с 17 на 18 июня в восемнадцати километрах от Алапаевска были сброшены в шахту и взорваны великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, три сына К.Р.: князья царской крови Иван Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и князь Владимир Палей. В 1919 году в Петропавловской крепости был расстрелян последний сын Царя-Освободителя, погибшего от пули террориста. У великого князя Павла Александровича была возможность побега, но он, будучи боевым генералом, отказался от свободы ради чести так же, как это сделал его сын, не отрекшийся от отца.

По свидетельствам очевидцев, все они собирались перед казнью в комнате Елизаветы Федоровны, принявшей монашеский постриг после гибели в 1905 году от бомбы террориста своего мужа, великого князя Сергея Александровича. Монахиня Елизавета читала молитвы, ее сменяли великий Великий князь Иоанн и младший брат детей, для которых она стала второй матерью, князь Владимир Палей. Во время казни прозвучали ее слова: «Прости им, Господи, не ведают, что творят». Из шахты доносилось пение молитв, заглушенное лишь взрывами гранат. В 1981 году Елизавета Федоровна причислена к лику святых Русской Православной Церковью за рубежом, в 1992 году — Русской Православной Церковью в России. В 1981 году князь Владимир Палей канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом в сонме новомучеников Российских вместе с великим князем Сергеем Михайловичем и тремя сыновьями выдающегося русского религиозного поэта К.Р. До 1955 года дожил только один из его сыновей — фронтовой друг Палея Гавриил Романов.

В 1916 и 1918 годах в Петрограде вышло два стихотворных сборника Владимира Палея. Наиболее полные издания последних лет: Князь Владимир Палей. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996; Князь Вл. Палей. Биография. Стихи. СПб., 1997.

О СВЕТЕ ТИХИЙ...

О Свете тихий, Боже правый!
Ты ниспошли Свои лучи,
В покой таинственной оправы
Алмазы сердца заточи.

Измучен я немым страданьем,
Не знаю — чем душа полна?
Так пусть Тобой, Твоим сияньем
Навек исполнится она.

Во мне мерцает, догорая,
Недостижимая мечта —
Возьми, возьми ее для рая,
Где все покой и красота!

И Ты, о Пресвятая Дева!
Склонись над жизнью молодой,
И грусть чуть слышную напева
Возьми незримою рукой!

Храни ее! В ней все стремленья,
Все думы светлые мои,

В ней день земного умиленья,
В ней всех источников струи!
Храни ее под облаками,
В немой лазурной вышине,
И в час, когда безпечность с нами,
Отдай ее Ты снова мне!

И будет что-то неземное
Звучать с тех пор в стихе моем,
В нем все далекое, святое,
Сольется с жизненным огнем.

В нем отзвук ангельской свирели
Скользнет, как чистая слеза,
И буду знать я, что смотрели
Мне в сердца глубь Твои глаза.

Декабрь 1914

* * *

Господь во всем. Господь везде:
Не только в ласковой звезде,
Не только в сладостных цветах,
Не только в радостных мечтах,

Но и во мраке нищеты,
В слепом испуге суеты,
Во всем, что больно и темно,
Что на страданья нам дано...

Господь в рыданье наших мук,
В безмолвной горечи разлук,
В безмерных поисках умом —
Господь в проклятии самом.

Мы этой жизнию должны
Достичь неведомой страны,
Где алым следом от гвоздей
Христос коснется ран людей...

И оттого та бренна плоть,
И оттого во всем — Господь.

Август 1917

* * *

Прости, Господь, что, сердцем странный,
Я ежедневно не молюсь.
Прости, что скорбный и туманный,
Я с грезой бурной не борюсь.

Но не безпечному веселью
Я жизнь по капле отдаю,
Задался я высокой целью:
Звезду наметил я свою.

Прости, Господь, что, сердцем чистый,
Склоняюсь редко я в мольбе —
Я все же выбрал путь тернистый,
И он ведет меня к Тебе.

Молитвы заменив стихами
И веря в Твой безбрежный свет,
Молюсь я высшими мечтами —
Прости, о Боже, я — поэт.

Май 1915
Крым

* * *

Спите, солдатики, спите, соколики,
Вам здесь простор и покой.
Благословил вас Господь наш Всевидящий
Миротворящей рукой.

Русь защищая, ребята бывалые,
Долго дрались вы с врагом,
Спите, родимые, спите, усталые,
Под деревянным крестом.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Сестры милосердия, ангелы земные,
Добрые и кроткие, грустные немного,
Вы, бальзам пролившие на сердца больные,
Вы, подруги светлые, данные от Бога.

Вам — благословение, сестры душ усталых,
Розаны расцветные, там, на поле битвы,
И в крестов сиянии, ярко-ярко алых,
Тихо принимавшие раненых молитвы...

Июнь 1915
Крым

МОЛИТВА

Oh! vouloir à l'histoire ajouter des chapitres,
Et puis n'être qu'un front qui se colle à des vitres!
Edm. Rostaned

О, если я порой томим негодованьем,
И если я порой так желчно говорю —

АЛАПАЕВСКИЕ НОВОМУЧЕНИКИ

Преподобномученица Елисавета Феодоровна

Великий князь Иоанн Константинович

Великий князь Сергей Михайлович

Великий князь Константин Константинович

Великий князь Игорь Константинович

Алапаевский собор. Современное фото

Белая часовня на месте гибели Алапаевских мучеников. Современное фото

Прости мне, Господи! Но скован я призваньем,
И страстью искренней я к Родине горю.

Я не могу глядеть спокойно, равнодушно
На то, как дерзостно злорадствуют враги, —
Меня терзает злость, мне тягостно, мне душно,
И в эти мне часы, о Боже, помоги.

Себе я не молю ни мира, ни блаженства —
Что бедный мой удел пред честью всей страны!
Я для нее хочу святого совершенства,
Покоя светлого и мощной тишины.

Мне не нужны теперь ни счастье, ни отрада...
Пусть будет лишь у нас, Всевидящий Творец,
И пастырь ввек один, и ввек едино Стадо —
По слову Твоему да станет наконец!

Июль 1915
Крым

МОЛИТВА ВОИНА

Огради меня, Боже, от вражеской пули
И дай мне быть сильным душой...
В моем сердце порывы добра не заснули,
Я так молод еще, что хочу, не хочу ли —
Но всюду, во всем я с Тобой...

И спаси меня, Боже, от раны смертельной,
Как спас от житейского зла,
Чтобы шел я дорогой смиренной и дельной,
Чтоб пленялась душа красотой безпредельной
И творческой силой жила.

Но, коль Родины верным и преданным сыном
Паду я в жестоком бою, —
Дай рабу Твоему умереть христианином,
И пускай, уж чуждый страстям и кручинам,
Прославит он волю Твою...

Сентябрь 1915
Действующая армия

ДВАДЦАТОЕ ИЮЛЯ 1914 ГОДА

Народ на площади Дворцовой
Толпился, глядя на балкон,
Блестело золото икон,
И, как предвестник славы новой,
Взвивая флаги над толпой,
Отрадно ветер дул морской...

«Ура» неслось... Росло волненье,
Гимн повторялся без конца.
И к окнам Зимнего дворца
Взлетело громкое моленье,
Как рой незримых голубей:
«Спаси, Господь, Твоих людей...»

Святые чувства дней минувших,
Под гнетом времени заснувших —
Восторг, надежду и любовь
Опасность воскресила вновь.
И восставая перед нами,
Сияли светлыми лучами

Картины невозвратных дней,
Что кистью мощною своей
Былые мастера писали —
Картины славы и побед,
Где так ясны златые дали
И где людей грустящих нет...

Какой толпа дышала силой
В тот незабвенный, чудный миг!
Как сладок был народа крик,
Что не страшится он могилы,
Что он на все, на все готов —
Пусть даже смерть закроет веки,

Но не познает Русь вовеки
Жестоких вражеских оков.
У всех цвело в душе сознанье,
Что мы еще сильней, чем встарь...
Но воцарилось вдруг молчанье:
К народу вышел Государь.

И пред своим Вождем Державным
Толпа одним движеньем плавным
В одном стремленье пала ниц...
И миг сей, созданный толпою,
О, Русь, останется одною
Из исторических страниц...

Царь говорил — и это Слово
Всегда звучать нам будет снова
В минуты скорби и тоски,
А тот, кто слышал эти речи,
Не сгорбит побежденно плечи
До гробовой своей доски...

«Мир заключен не будет Мною,
Покоя Я врагу не дам,
Пока он вновь не будет там,
За пограничною чертою...»
И залы Зимнего дворца
«Ура» как громом огласились,

Дрожали стекла, и сердца
Восторгом трепетным забились!
Сияя чудной красотой,
Вся в белом, плакала Царица;
Она на подвиг шла святой
Быть милосердною сестрицей.

И клики снова поднялись,
Взлетая неудержно ввысь.
Толпа, как море, бушевала,
Безумной храбростью горя,
И с умиленьем повторяла
Слова Российского Царя...

Дворец же старый, перед нею,
Безмолвный — волею судьбы,
Душой угрюмою своею
Воспринимал ее мольбы.
И, нитью связан с ней незримой,

Сливался каменный дворец
С отвагой непоколебимой
Геройских пламенных сердец...

Январь 1916

ПТИЦА СИРИН

Нет, тебе к расцвету чистому
Богом велено идти.
Ты проходишь по тернистому,
По тяжелому пути.

Но, начавшись долгой битвою,
К светлым дням выводит он
И всевластною молитвою
Меч славянский освящен.

Май 1916
Действующая армия

* * *

Опять спустилась ночь... Под потолком, в углу,
Икона восстает усталым взором
И так же смотрит Лик с любовью и укором,
Как целый день смотрел на этой жизни мглу.

Но полон суеты, вражды, непостоянства,
Земные помыслы в душе своей храня,
Взглянул ли я наверх хоть раз в теченье дня?
О христианство!

20 октября 1916

* * *

Люблю лампады свет неясный
Пред темным ликом божества.
В нем словно шепот ежечасный
Твердит смиренные слова.

Как будто кто-то, невзирая
На то, чем жив и грешен я,
Всегда стоит у двери рая
И молит Бога за меня.

21 ноября 1916

СУМЕРКИ

Уже сгустилась полумгла,
Но в небе, над землей усталой,
На золотые купола
Еще ложится отблеск алый;

Зовя к молитвенным мечтам
Того, кто сир и обездолен,
Кресты высоких колоколен
Еще сияют здесь и там,

Как будто солнца замедленье
На каждом куполе златом
Напомнить хочет нам о Том,
Кто обещал нам воскресенье.

Февраль 1917

ЧЕРНЫЕ РИЗЫ...

Черные ризы... Тихое пенье...
Ласковый отблеск синих лампад
Боже Всесильный! Дай мне терпенья:
Борются в сердце небо и ад...

Шепот молитвы... Строгие лики...
Звонких кадильниц дым голубой...
Дай мне растаять, Боже Великий,
Ладаном синим перед Тобой!

Выйду из храма — снова нарушу
Святость обетов, данных Тебе, —
Боже, очисти грешную душу,
Дай ей окрепнуть в вечной борьбе!

В цепких объятьях жизненных терний
Дай мне отвагу смелых речей.
Черные ризы... Сумрак вечерний...
Скорбные очи желтых свечей...

Великим постом 1917

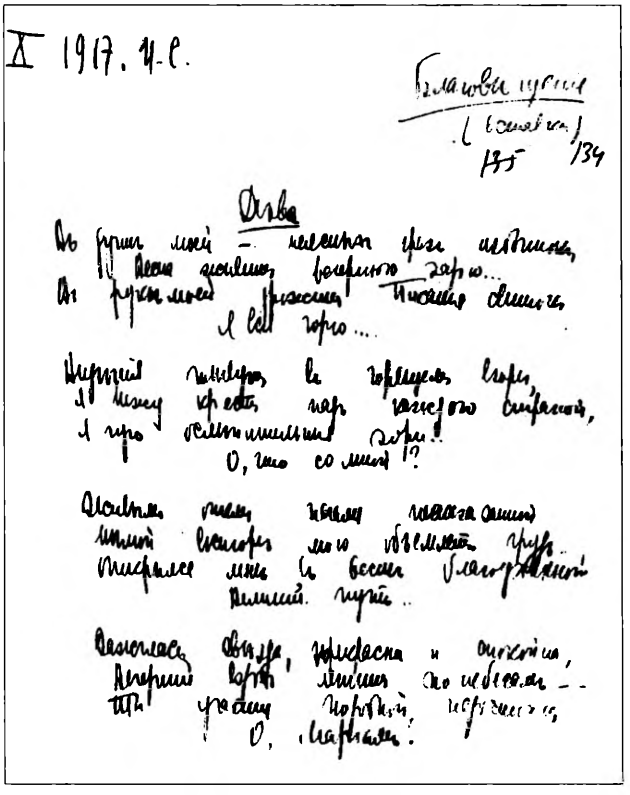
ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ «СФИНКС»

Незримый хор:

Мы славим Господа, витая
В тени лазурной райских кущ.
На всем рука Его святая,
Всевидящ Он и всемогущ.

Мы, отдаваясь славословью,
Твердим, безплотные, одно,
Что безпредельною любовью
Начало Высшее полно;
Что власть Господня неподкупна,
Что все на свете ей доступно:
Среди высот, среди глубин
Бог повсеместен и един!
Не знают злобного возмездья
Лица небесные черты,
Неисчислимые созвездья —
Его прекрасные черты.
Он вне забвенья и зачатья,
Он вне начала и конца...
О, будем славить, славить, братья,
Благую царственность Творца!

29 марта 1917



Автограф стихотворения «Дева»

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

Набоков Владимир Владимирович (1899—1977) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. В 1916 году окончил Тенишевское училище в Петрограде и тогда же выпустил первый поэтический сборник. В автобиографическом романе «Другие берега» напишет: «...эра кровопролития, концентрационных лагерей и заложничества началась немедленно после того, как Ленин и его помощники захватили власть. Зимой 1917 года демократия еще верила, что можно предотвратить большевистскую диктатуру. Мой отец решил до последней возможности оставаться в Петербурге. Семью же он отправил в еще жилой Крым... Мне было восемнадцать лет. В ускоренном порядке, за месяц до формального срока, я сдал выпускные экзамены и рассчитывал закончить образование в Англии, а затем организовать энтомологическую экспедицию в горы Западного Китая...» Осенью 1918 года отец познакомил его в Коктебеле с Максимилианом Волошиным, под влиянием которого он создаст свой «ангельский цикл».

Назло неистовым тревогам,
ты, дикий и душистый край,
как роза, данная мне Богом,
во храме памяти сверкай! —

напишет он в стихотворении «Крым», созданном в 1920 году уже студентом Кембриджского колледжа Святой Троицы. Этот «храм памяти» он сохранит на всю жизнь. Много позже, в книге воспоминаний «Другие берега», он опишет все то, что ему довелось испытать в Крыму с декабря 1917 по апрель1919 года. «Местное татарское правительство, — писал он о приходе большевиков, — сменили новенькие советы, из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и

палачи, и мы попали в самое скучное и унизительное положение, в котором могут быть люди, — то положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого, что хозяйничают человекоподобные, и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918 года. На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навытяжку мертвецов». Красные уходят, через год вновь возвращаются. 15 апреля 1919 года Набоков вместе с семьей навсегда покидает Россию, но увозит с собой стихи, написанные в Крыму. 27 ноября 1920 года в берлинской газете «Руль» появляются крымские стихи Владимира Набокова, ставшие таким же выдающимся явлением в русской поэзии, как стихи, созданные в это же время в Крыму Максимилианом Волошиным, Аделаидой Герцык, Поликсеной Соловьевой. Осенью 1921 года он напишет из Кембриджа в письме к матери: «А когда мы вернемся в Россию? Какой идиотской сентиментальностью, каким хищным стоном должна звучать эта наша невинная надежда для оседлых россиян. А ведь она не историческая — только человеческая, — но как им объяснить? Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что увез с собою от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто лет, через двести лет, — буду жить там в своих книгах или хотя бы в подстрочном примечании исследователя. Вот это уже, пожалуй, надежда историческая, историко-литературная...»

В марте 1977 года Набоков принял у себя в фешенебельном отеле в швейцарском городке Монтрё поэтессу Беллу Ахмадулину, позднее вспоминавшую:

«В первые мгновения я была поражена красотой лица Набокова, его благородством. Я много видела фотографий писателя, но ни одна не совпадает с подлинным живым выражением его облика.

...Он спросил: "Правда ли мой русский язык кажется вам хорошим". "Он лучший", — ответила я. «Вот как, а я думал, что это замороженная клубника"...

...Мною владело сложное чувство необыкновенной к нему любви, и я ощущала, что, хотя он мягок и добр, свидание с соотечественником причиняет ему какое-то страдание. Ведь Россия, которую он любил и помнил, думала я, изменилась с той поры, когда он покинул ее, изменились люди, изменился отчасти и сам язык... он хватался за разговор, делал усилие что-то понять, проникнуться чем-то... быть может, ему причиняло боль ощущение предстоящей страшной разлуки со всем и со всеми на Земле, и ему хотелось насытиться воздухом родины, родной земли, человека, говорящего по-русски...

...Я заметила ему, что он вернется в Россию именно тем, кем он есть для России. Это будет, будет! — повторяла я. Набоков знал, что книги его в Советском Союзе не выходят, но спросил с какой-то надеждой: "А в библиотеке (он сделал ударение на "о") — можно взять что-нибудь мое?" Я развела руками».

2 июля 1977 года Владимир Набоков умер в швейцарском госпитале, так и не увидев ни одной своей книги, изданной в России, за исключением самого первого стихотворного сборника «Стихи», вышедшего в Петрограде в октябре 1916 года в количестве пятисот экземпляров, стихи из которого он никогда не переиздавал. Историческое возвращение Набокова на родину состоялось через семьдесят лет после выхода этой книги.

АРХАНГЕЛЫ

Поставь на правый путь! Сомнения развей...
Ночь давит над землей, и ночь — в душе моей.
Поставь на правый путь.

И страшно мне уснуть, и бодрствовать
невмочь.
Небытия намек я чую в эту ночь.
И страшно мне уснуть.

Я верю, ты придешь, наставник неземной,
на миг, на краткий миг восстанешь
предо мной.
Я верю, ты придешь!

Ты знаешь мира ложь, безсилье, сумрак наш,
невидимого мне попутчика ты дашь.
Ты знаешь мира ложь.

И вот подходишь ты. Немею и дрожу,
движенье верное руки твоей слежу.
И вот отходишь ты.

Средь чуждой темноты я вижу путь прямой.
О дух пророческий, ты говоришь, он — мой?
Средь чуждой темноты...

Но я боюсь идти: могу свернуть, упасть.
И льстива, и страшна ночного беса власть.
О, я боюсь идти...

«Не бойся: по пути ты не один пойдешь.
Не будешь ты один и если соскользнешь
с высокого пути...»

28 сентября 1918

ПОЭТ

Среди обугленных развалин,
средь унизительных могил —
не безнадежен, не печален,
но полон жизни, полон сил —

с моею музою незримой
так беззаботно я брожу
и с радостью неизъяснимой
на небо ясное гляжу.

Я над собою солнце вижу,
и сладостные слезы лью,
и никого я не обижу,
и никого не полюблю.

Иное счастье мне доступно.
Я предаюсь иной тоске,
а все, что жалко иль преступно,
осталось где-то вдалеке.

Там занимаются пожары,
там, сполохами окружен,
мир сотрясается, и старый
переступается закон.

Там опьяневшие народы
ведет безумие само, —
и вот на чучеле свободы
безсменной пошлости клеймо.

Я в стороне. Молюсь, ликую,
и ничего не надо мне,
когда вселенную я чую
в своей душевной глубине.

То я беседую с волнами,
то с ветром, с птицей уношусь
и со святыми небесами
мечтами чистыми делюсь.

23 октября 1918

* * *

Разгорается высь,
тает снег на горе.
Пробудись, отзовись,
говори о заре.
Тает снег на горе
пред пещерой моей.
И вся даль в серебре
осторожных лучей.
Повторяй мне, душа,
что сегодня весна,
что земля хороша,
что и смерть не страшна,
что над первой травой
дышит горный цветок,
наряженный в живой
мягко-белый пушок,
что лепечут ручьи
и сверкают кругом
золотые струи,
что во всех и во всем
тихий Бог, тайный Бог
неизменно живет.
Что весенний цветок,
ветерок, небосвод,
нежных тучек кайма,
и скала, и поток,
и, душа, ты сама —
все одно, и все — Бог.

11 ноября 1918

УТРО

Как светозарно день взошел!
Ну, не улыбка ли Господня?
Вот лапки согнутые поднял
нежно-зеленый богомол.

Ведь небеса и для него...
Гляжу я, кроткий и счастливый...
Над нами — солнечное диво,
одно и то же Божество!

1 февраля 1919

* * *

Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.

Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись — безоблачному небу
и васильков в волнистой ржи.

Не презирая грез бывалых,
старайся лучшие создать.
У птиц, у трепетных и малых,
учись, учись благословлять!

* * *

Катится небо, дыша и блистая...
Вот он — дар Божий, бери не бери!
Вот она — воля, босая, простая,
холод и золото звонкой зари!

Тень моя резкая — тень исполина.
Сочные стебли хрустят под ступней.
В воздухе звон. Розовеет равнина.
Каждый цветок — словно месяц дневной.

Вот она — воля, босая, простая!
Пух облаков на рассветной кайме...
И, как во тьме лебединая стая,
ясные думы восходят в уме.

Боже! Воистину мир Твой чудесен!
Молча, собрав полевую росу,
Сердце мое, сердце, полное песен,
Не расплескав, до Тебя донесу...

13 сентября 1919

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Час задумчивый строгого ужина...
Предсказанья измен и разлуки...
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу...
У Христа серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

12 июня 1920

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я всем вам говорю, о странники! —
неожиданный
глубокий благовест прольется над туманной
землей, и, полный птиц, волнистый встанет
лес,
черемухой пахнет из влажного оврага,
и ветру вешнему неведомый бродяга
ответит радостно «воистину воскрес».
В полях, на площадях, в толпе иноплеменной
на палубе, где пыль толпы неугомонной
безсонного кропит, — да где бы ни был он, —
как тот, кто средь пустой беседы вдруг приметит
любимый лик в окне — так встанет он
и встретит
свой день, свет ласковый и свежий, свет и звон.
И будет радостно и страшно возвращенье.
Могилы голые найдем мы — разрушенье,
неузнаваемы дороги, — все смела
гроза глумливая, пустынен край, печален...
О чудо! Средь глухих, дымящихся развалин,
раскрывшись, радуга пугливая легла.
И строить мы начнем, и сердце будет строго,
и ясен будет ум... Да, мучились мы много,
нас обнимала ночь, как плачущая мать,
и зори над землей печальные лучились, —
и в дальних городах мы, странники, учились
отчизну чистую любить и понимать.

22 октября 1920

ПАНИХИДА

Сколько могил,
сколько могил,
ты — жестока, Россия!
Родина, родина, мы с упованьем,
сирые, верные, греем последним дыханьем
ноги твои ледяные.
Хватит ли сил?
Хватит ли сил?
Ты давно ведь ослепла...
В сумрачной церкви поют и рыдают.
Нищие, сгорбясь у входа, тебя называют
облаком черного пепла.
Капает воск,
капает воск.
И на пальцах твердеет.
Стонет старик пред иконою смуглой.
Глухо молитву поет; звук тяжелый и круглый
катится, медлит, немеет...
Капает воск,
капает воск,
как слеза за слезою.
Плещет кадило пред мертвым, пред гробом.
Родина, родина! Ты исполинским сугробом
встала во мгле надо мною.
Мрак обступил,
мрак обступил...
Неужели возможно
верить еще? Да, мы верим, мы верим
и оскорбленной мечтою грядущее мерим...
Верим, но — сердце тревожно.
Сколько могил,
сколько могил,
ты — жестока, Россия!
Слышишь ли, видишь ли? Мы с упованьем,
сирые, верные, греем последним дыханьем
ноги твои ледяные...

<1920>

* * *

Блаженство мое, облака и блестящие воды
и все, что пригоршнями Бог мне дает!
Волнуясь, душа погружается в душу природы,
и розою рдеет, и птицей поет!

Купаюсь я в красках и звуках земли
многоликой,
все яркое, стройное жадно любя.
Впитал я сиянье, омылся в лазури великой,
и вот, сладость мира, я славлю тебя!

Я чувствую брызги и музыку влаги студеной.
Когда я под звездами в поле стою,
и в капле медвяной, в росинке
прозрачно-зеленой
Я Бога и мир и себя узнаю.

Заря ли, смеясь, восстает из смятенья цветного,
я к голой груди прижимаю ее...
Я — в яблоне пьяная моль, и мне рая иного
не надо, не надо, блаженство мое!

<1920-е гг.>

* * *

Мы столпились в туманной церковеньке;
вспоминали, молились и плакали,
как нечаянно двери безшумные
распахнулись, и тенью лазоревой
ты вошла, о весна милосердная!
Разогнулись колена покорные,
прояснились глаза углубленные...
Что за чудо свершилось отрадное!

Заливаются птицы на клиросе,
плещут воды живые под сводами,
вдоль по ризам колеблются радуги,
и не свечи мы держим, а ландыши,
влажной зеленью веет, не ладаном,
и, расставя ладони лучистые,
окруженная сумраком сладостным,
на иконе Весна улыбается.

<1921>

МОЛИТВА

Пыланье свеч то выявит морщины,
то по белку блестящему скользнет.
В звездах шумят древесные вершины,
и замирает крестный ход.
Со мною ждет ночь темно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растет.

Пылай, свеча, и трепетные пальцы
жемчужинами воска ороси.
О милых мертвых думают скитальцы,
о дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивьем диве,
о русской речи, плавной, как по ниве
движенье ветра... Воскреси!

О, воскреси душистую, родную,
косноязычный сон ее гнетет.
Искажена, искромсана, но чую
ее невидимый полет.
И ждет со мной ночь темно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растет.

Тебе, живой, тебе, моей прекрасной,
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волненье нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
и рыцарь твой, родная речь.

3 мая 1924

ПАСХА

Я вижу облако сияющее, крышу,
блестящую вдали, как зеркало... Я слышу
как дышит тень и каплет свет...
Так как же нет Тебя? Ты умер, а сегодня
синеет влажный мир, грядет весна Господня,
растет, зовет... Тебя же нет.
Но если все ручьи о чуде вновь запели,
но если перезвон и золото капели —
не ослепительная ложь,
а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни»,
великое «цвети», — тогда Ты в этой песне,
Ты в этом блеске, Ты живешь.

Апрель 1922

ПУТЬ

Великий выход на чужбину,
как дар Божественный, ценя,
веселым взглядом мир окину

отчизной ставший для меня.
Отраду слов скупых и ясных
прошу я Господа мне дать, —
побольше странствий, встреч опасных,
в лесах подальше заплутать.
За поворотом ненароком,
пускай найду когда-нибудь
наклонный свет в лесу глубоком,
где корни переходят путь, —
то теневое сочетанье
листвы, тропинки и корней,
что носит для души названье
России, родины моей.

<1925>

РОДИНА

Безсмертное счастие наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

1927

СЕРГЕЙ БЕХТЕЕВ

Бехтеев Сергей Сергеевич (1879—1954) — поэт. Надпись на его надгробии на русском православном кладбище во французском городе Ницца гласит: «Сергей Сергеевич Бехтеев. 7.04.1879 — 4.05.1954. Лицеист 59 выпуска Императорского Александровского лицея. Царский поэт. Офицер Белой армии. Корнет». И в этой краткой надписи сказано все о последнем лицеисте и последнем «Царском гусляре». Его «Молитва», обнаруженная в Ипатьевском доме после расстрела царской семьи, стала легендарной. Вся поэзия Бехтеева — это песня-молитва, его стихи звучали в Русском зарубежье под гитару. «Сборники его стихов, — отмечает современный исследователь Н. Бондарева, — расходились достаточно большими тиражами и хорошо распродавались как в книжных магазинах, так и в церковных лавках. Это давало повод оппонентам называть его "простонародным" и в определенной степени помешало его вхождению в так называемую "большую литературу". Тем не менее стихи Бехтеева находили широкое распространение среди патриотически настроенной молодежи, часто звучали на вечерах и концертах. Он был одним из популярнейших поэтов Русского зарубежья». В советские времена входил в число таких же запрещенных имен, как Иван Савин, Николай Туроверов, Петр Краснов. Но недооценка Сергея Бехтеева дает знать о себе и поныне. Достаточно сказать, что в наиболее полном энциклопедическом справочнике «Литературное зарубежье России» (М., 2006) сведения о нем уместились буквально в несколько строк. Все

эти «пробелы» восполнила недавно вышедшая книга воронежского исследователя Владимира Невяровича «Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество" (СПб., 2008). В ней представлен наиболее полный свод не только биографических материалов и документов, но и всех бехтеевских изданий. Впервые полностью публикуются два выпуска «Песен русской скорби и печали» (Мюнхен, 1923), роман в стихах «Два письма» (Новый Футог, Сербия, 1923), четыре выпуска сборника «Святая Русь» (Ницца, 1934—1952).

Прошло более полувека со дня смерти «Царского гусляра», но только сейчас мы можем с уверенностью сказать, что его поэтическое наследие вернулось в Россию... В нашей антологии его молитвы и молитвенные стихи представлены в хронологическом порядке, как молитвенник, первая и самая знаменитая молитва в котором «Пошли нам, Господи, терпенье...» датирована октябрем 1917-го, последняя — июнем 1951 года.

МОЛИТВА

Посвящается Их Императорским Высочествам Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест, тяжелый и кровавый,
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться крепко за врагов![1]

Октябрь 1917
Елец

[1] Стихотворение «Молитва» было послано в октябре 1917 года через графиню А.В. Гендрикову Их Императорским Высочествам в Тобольск. — *С.Б.*

ВЕРНОПОДДАННЫМ

Посвящается дорогим сестрам моим Е. С. и Н. С. Бехтеевым

Не унывай, не падай духом:
Господь рассеет царство тьмы,
И вновь прилежным, чутким слухом
Наш русский гимн услышим мы.

И снова наш Отец Державный
На прародительский Свой трон
Взойдет, как встарь, Самодержавный,
Сынов взывая на поклон.

И в жалком рубище, нагая,
К стопам великого Царя
Падет в слезах страна родная,
Стыдом раскаянья горя!

И скажет Царь, в уста лобзая
Свою предательницу-дочь:
«Я все простил тебе, родная,
И Сам пришел тебе помочь.

Не плачь, забудь былые ковы;
С тобой я буду до конца
Нести твой крест, твои оковы
И скорбь тернового венца!»

Октябрь 1917
Елец

БОЖЕ, ЦАРЯ СОХРАНИ

Боже, Царя сохрани
В ссылке, в изгнаньи, вдали,
Боже, продли Его дни,
Боже, продли!

Дай Ему силы сносить
Холод и голод тюрьмы;
Дай Ему власть победить
Полчища тьмы!

Да не утратит Он сам
Веру в мятежный народ;
Да воссияет Он нам
В мраке невзгод.
Боже, спаси, сохрани
Мать и невинных Детей!
Дай Им счастливые дни
В царстве цепей!

Пусть пред иконой Твоей
Тихой, вечерней порой
В блеске лампадных огней
Вкусят страдальцы покой.

Белый, великий наш Царь,
Сирый народ не оставь;
Снова Россией, как встарь,
С славою правь.

Гнусность измены прости
Темной, преступной стране;
Буйную Русь возврати
К милой, родной старине...

Крестное знамя творя,
Молит истерзанный край:
«Боже, отдай нам Царя,
Боже, отдай!»

1917
Кисловодск

КОНЕЦ РУССКОЙ БЫЛИНЫ

То не ветер в поле стонет,
То не вьюга горько плачет:
То народ себя хоронит,
Горе пляшет, горе скачет.

В грустном гуле перезвонов
Вдаль несутся панихиды
Безконечных русских стонов,
Полных скорби и обиды.

Пала старшая Держава!
Пал Орел мечты славянской!
Пали наша честь и слава —
Вера Церкви Христианской.

Плещут стаи волн Босфора;
Блещет месяц на Софии;
Но в Стамбуле дверь собора
Вновь закрыта для России.
В грязь затоптан бархат стягов;
В поле сечи — смолкли тризны;
И... опять мы ждем варягов
Для измученной отчизны.

Ноябрь 1917
Елец

УМИРАЮЩАЯ

Если не умрет, не оживет.

Умирает отчизна моя:
Нет спасенья, ужасен недуг,
Злую радость в душе затая,
Смотрят недруги злобно вокруг.

Расплелась золотая коса,
Распаялся алмазный венец;
От страданий угасла краса;
С плеч свалился державный багрец.

Изможденное тело в крови;
И в безпамятстве бредя войной,
Умирает она без любви,
Без приюта, без ласки родной.

Скоро, скоро умолкнет она,
И погаснет улыбка очей.
Для последнего, вечного сна,
Без желаний, без слез, без речей.

Умирает отчизна моя:
Нет спасенья, смертелен недуг.
Злую радость в душе затая,
Смотрят недруги злобно вокруг.

Декабрь 1917
Елец

РУСЬ ГОРИТ!..

Русь горит! Пылают зданья,
Гибнут храмы и дворцы,
Книги, мебель, изваянья,
Утварь, живопись, ларцы.

Гибнет долгих лет нажиток,
Плод тяжелого труда,
Недостаток и избыток,
Накоплявшийся года.

Злобный гений торжествует
Праздник крови и огня;
Он, смеясь, на пламя дует,
Волны красные гоня.

И клубясь и извиваясь,
Пляшут пляску языки
К небу с свистом поднимаясь,
Гневны, грозны и дики.

Русь горит!.. И безвозвратно
Гибнут перлы красоты.
Так сбываются превратно
Вольнодумные мечты!

1917
Кисловодск

ЦАРЕГРАДСКАЯ ВСЕНОЩНАЯ

Сияла ночь над дремлющим Стамбулом;
Тонули в мгле уступы дальних гор;
И волны синие с спокойным, стройным гулом
Гнал гордо вдаль чарующий Босфор.
Горели звезд червонные лампады,
Купаясь в зеркале серебряных зыбей,
И в дымке высились заснувшие громады
С лесами мачт безсчетных кораблей.
Сияла ночь над куполом Софии,
Над колыбелью первых христиан,
Встречая нас, изгнанников России,
Восточной сказкой гордых мусульман...
Замолк вдали последний грохот битвы,
И в тишине над плещущей волной
Неслись с судов вечерние молитвы,
И пели мы с измученной душой.
И слушали нас древние твердыни,
Седой Царьград и трепетный Босфор,
И пел в слезах у ног своей Святыни
Незримый православный хор.
А там, из мглы туманного простора,
Где над мечетью искрилась луна,
Преданья старые лазурного Босфора
Шептала нам скользящая волна.
И снилось нам — с таинственного брега,
Из зарева огней, из мрака диких скал
Державный призрак вещего Олега
Над нами щит победно простирал.

Ноябрь 1920
Босфор, пароход «Херсон»

МИРОМ ГОСПОДУ ПОМОЛИМСЯ!

В дни, когда мы все неволимся
Телом, разумом, душой,
Миром Господу помолимся
За грехи страны родной.

Пред иконой Богоматери
Мы зажжем огни свечей
За грехи отчизны-матери,
За убийц и палачей.

За кощунственных безбожников,
За гонителей Святых,
За предателей, острожников,
За наветчиков лихих.

За безжалостных грабителей,
За мучителей Царей,
За насильников-растлителей
Наших жен и дочерей.

4 апреля 1921
Старый Футог

НЕМНОГИМ

Блажени изгнани правды ради,
яко тех есть Царство Небесное.
Мф. 5,10

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.
Блажен, кто в годы преступлений
Умом и сердцем устоял,
Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.
Блажен, кто родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведал,
Но малодушно не роптал.

Май 1921
Старый Футог

МУЧЕНИКИ

Ave, Caesar Imperator,
morituri te salutant!
Песнь гладиаторов

Они идут! Раздайтесь, расступитесь,
Снимите шапки, бросьте враждовать!
Благоговейте, кайтесь и молитесь!
Они идут за Правду умирать.

Из катакомб, из тюрьм и подземелий
В кровавый цирк их гонит красный Рим
На мрачный пир немых могильных келий,
Где уж никто не будет страшен им.

Глумясь над истиной поруганного Неба,
Безумствует вокруг звериная толпа,

Нахально требуя позорища и хлеба,
Коварно-мстительна, злорадна и слепа.

Они идут — гонимые, больные,
Покорные веленьям палачей,
Пред Богом и людьми подвижники святые,
Немые жертвы дьявольских мечей.

Ликует Рим еврейского Нерона;
Живые факелы безропотно горят,
И льется кровь, и на ступенях трона
Победу празднует обожествленный ад...

Умолк топор! ползут ночные тени;
Кровавый цирк одел седой туман.
Их больше нет! склонитесь на колени
У праха новых христиан!

10 июля 1921
Новый Футог

К РЫЦАРЯМ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Mon Dieu, mon Roi, ma Dame.
Наш девиз

Бьет наш последний, Двенадцатый час!
Слышите голос, сзывающий нас,
Голос забытый, но голос родной,
Близким, знакомым и нам дорогой.

Слышите вы этот властный призыв
Слиться в единый, могучий порыв,
В грозную тучу крылатых орлов,
Страшный для наших исконных врагов.

Рыцари чести и долга, вперед!
Гибнет отечество, гибнет народ,
Стонет под гнетом родная земля,
Стонут и плачут леса и поля!

Время не терпит, страданье не ждет,
Вождь Венценосный вас громко зовет
В даль роковую, кровавую даль,
Где притаилась людская печаль...

Взденьте кольчуги, возьмите булат,
Крест начертите на золоте лат,
К битве священной готовясь скорей,
Смело седлайте ретивых коней!

Время не терпит, страданье не ждет,
Гибнет отечество, гибнет народ,
Гибнут святыни родных очагов
В яростном стане кровавых врагов.

Голос Державный нас снова зовет
В грозный, великий Крестовый поход.
Рыцари чести и долга — вперед!

Август 1922
Бачка, Королевство С.Х.С.

ВЕНЕЦ БОГОМАТЕРИ

Радуйся, Владычице, милостивая
о нас пред Богом Заступнице!
Акафист Божией Матери

В оны дни, измученный страданьем,
Изможденный бременем невзгод,
К Богоматери стекался с упованьем
Православный, страждущий народ
И, толпясь у чудотворной сени,
Пред Заступницей склонялся на колени,
Чуждый мира и его забот.

Из далеких дебрей и селений
Нес он к ней с дырявою сумой
Тихий шепот пламенных молений,
Плач души, истерзанной судьбой,
Боль недужных вековых страданий,
Недоступную для мудрых врачеваний,
Непосильную для немощи людской.

И пред этой кротостью покорной,
Умилявшей верой небеса,
Совершались силой чудотворной
Небывалые на свете чудеса —
Из пучин земного произвола
Доходили до Предвечного Престола
Немудреные, простые голоса.

Исцеленные любовью неизменной,
В умиленьи упадая ниц,
Богомольцы ризой драгоценной
Облекли Царицу всех цариц,
И венец безценный и лучистый
На челе Владычицы Пречистой
Засиял блистательней зарниц.

Шли века. Сменялись поколенья.
Враг смущал мятущихся людей;
Но не молкли жаркие моленья,
Не слабела вера прошлых дней.
Темный люд заглохшими тропами
Брел, согбенный, с скорбью и мольбами
Под покров Защитницы своей.

Шли года. Бесовские усилья
Вновь сулили лютый, смертный бой,

И склонились царственные крылья
Перед смутой, распрей и враждой.
Мономахова Державная Корона
Покатилась по ступеням Трона,
Сорванная вражеской рукой.

Но врагу, казалось, было мало
Униженья Белого Царя:
Красный змей, вздымая дерзко жало,
Двинул чернь к Святыням Алтаря —
И венец с иконы чудотворной
Наглый тать с насмешкою позорной
Снял, безчестье страшное творя.

Жребий брошен! Самозванцы-воры,
Как давно когда-то у Креста,
Позабыв проклятья и раздоры,
Делят ризы Матери Христа.
Совершив открыто святотатство,
В злом, слепом неистовстве злорадства,
Богохульствуют их наглые уста.

На глазах безмолвного народа
Страшный грех пред Богом совершен.
Пир кровавый празднует свобода
В мрачный день печальных похорон.
Брат Иуды с сердцем дерзновенным
Отдает купцам иноплеменным
Драгоценности с ограбленных икон.
Порождая радости восторга,
Погостивший за морем купец
Продает с общественного торга
С Богоматери украденный венец;
И кокотке, вышедшей из бара,
Модный лев парижского бульвара
Покупает камни для колец.

Бал гремит. Нарядные блудницы
Мчатся в вихре пляски круговой;
В их уборах, как огни зарницы,
Слезы-камни искрятся игрой.
Дар священный страждущего брата
Брошен в жертву оргии разврата
Дьявольской, безсовестной рукой.

А в глуши далекой и мятежной,
Где скорбит распятый человек,
Богоматерь с благостью безбрежной
Смотрит скорбно на кровавый век.
И под вой бесовский и угрозы
Перед ней горят, как жемчуг, слезы
Нищих, сирых, хворых и калек.

1922
Королевство С.Х.С.

ВИДЕНЬЕ ДИВЕЕВСКОЙ СТАРИЦЫ

Зима лихолетия 1917 года

Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
В сизом тумане над белой поляной одна
Робко, как призрак, скользит золотая луна,
Блещет огнями на рыхлых алмазных снегах,
Ярко играя на скитских червонных крестах.
Мирно обитель в сугробах навеянных спит,
Только вдали огонек одинокий блестит.
В келье сосновой, окутанной трепетной мглой,
Жарко лампада горит пред иконой святой.
Пламя, мерцая, то гаснет, то, вспыхнув,
дрожит;
Старица Ксенья на образ с любовью глядит.
Катятся слезы из стареньких, слепеньких глаз;
Шепчут уста: «О Господь, заступись Ты за нас!
Гибнет Россия; крамола по царству растет;
Мутит нечистый простой православный народ.
Кровь обагрила родные леса и поля;
Плачет и стонет кормилица наша земля.
Сжалься, Спаситель, над темной,
безумной страной:
Души смири, распаленные долгой войной.
Русь православная гибнет, на радость врагам;
Сжалься, Господь, не карай нас
по нашим грехам.
Боже великий, создавший и твердь, и моря,
К нам снизойди и верни нам родного Царя!..»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
Жарко лампада горит пред иконой святой;
Старица смотрит — и видит Христа пред собой:
Скорбные очи с любовью глядят на нее,
Словно хотят успокоить, утешить ее,
Нежно сказать: «Не печалься, убогая дщерь,
Духом не падай, надейся, молися и верь».
Робко лампада, мерцая во мраке, горит;
Старица скорбно во мглу, в безнадежность
глядит.
Смотрит — и видит, молитву честную творя,
Рядом с Христом — самого Страстотерпца
Царя.
Лик Его скорбен; печаль на державном лице;
Вместо короны стоит Он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей —

В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-Царя.
Молится Ксенья, смиренною верой горя:
«Боже Великий, Единый, Безгрешный, Святой,
Сущность виденья рабе безталанной открой;
Ум просветли, чтоб могла я душою понять
Воли Твоей недоступную мне благодать!»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
Жарко лампада пред образом Спаса горит;
Старица Ксенья во мглу,
в безпредельность глядит.
Видит она — лучезарный, нездешний чертог;
В храмине стол установлен, стоит поперек:
Яства и чаши для званых рядами стоят —
Вместе с Исусом Двенадцать за брашной сидят,
И за столом, ближе всех одесную Его
Видит она Николая, Царя своего.
Кроток и светел Его торжествующий лик,
Будто Он счастье желанное сердцем постиг,
Будто открылись Его светозарным очам
Тайны, не зримые нашим греховным глазам.
Блещет в алмазах Его драгоценный венец;
С плеч ниспадает порфиры червленый багрец;
Светел, как солнце, державный,
ликующий взор;
Ясен, безбрежен, как неба лазурный простор.
Падают слезы из стареньких, слепеньких глаз:
«Батюшка Царь, помолись Ты, кормилец,
за нас!»
— Шепчет старушка. И тихо разверзлись уста;
Слышится слово, заветное слово Христа:
«Дщерь, не печалься; Царя твоего возлюбя,
Первым поставлю Я в Царстве Святых у Себя!»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.

25 ноября 1922
Старый Футог

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

На бой последний, бой кровавый,
За честь и счастье всех племен,
Зовет бойцов Орел Двуглавый
Под сени Царственных знамен.

Туда, где годы рушат веки,
Где бродит смерть среди степей,
Где льются огненные реки
В кровавом скрежете цепей.

Все ближе, ближе день великий!
И под немолчный звон церквей
В священный гимн сольются клики
Поднявших меч богатырей.

Воспрянь, ликуй душа героя!
Пришла пора скорбей и зол,
Тебя зовет на праздник боя
Наш старый, Царственный Орел.

Вперед! Победными стопами,
Молитву жаркую творя,
Вперед, с заветными словами —
«За Русь, за Веру, за Царя!»

Воспрянь, народная стихия!
Проснись, угасший дух веков,
Стряхни, свободная Россия,
Вериги каторжных оков!

Сердца и мысли окрыляя,
Нас поведет в последний бой,
Очами грозными сверкая,
Герой с увенчанной главой.

И не сдержать волны народной
Ее испуганным врагам;
Россия будет вновь свободной,
И мир падет к ее ногам.

Уж близок день, не за горами
Давно желанная пора:
И грозно грянет над войсками
Родное русское «ура!».

1922
Новый Футог

КРЕМЛЕВСКИЕ КОЛОКОЛА

Молчат колокола. Над красною Москвою
Не льется, не гудит их радостный трезвон,
И воздух не гремит священною молвою,
Крещеный люд сзывая на поклон.

Молчат колокола. Кремлевские седины
Позорят изверги, глумясь над стариной,
А древних стен глубокие морщины
Хранят по-прежнему торжественный покой.

Молчат колокола. Червонные звонницы
Задумчиво стоят, как рынды над рекой;
А в царских теремах разграбленной столицы
Гуляют нехристи разнузданной толпой.

Рвут тело русское их яростные лапы,
Спасенья нет от гибельного зла,
Справляют пир кровавые сатрапы —
Молчит Москва, молчат колокола.

Молчит Москва, уйдя в немые думы,
И перед ней проходит сонм веков,
Ей чудятся вдали таинственные шумы
И грохот сеч, и клики голосов,

И стан бойцов, и топот орд татарских,
Набатный гул и вопли слабых жен,
И звон мечей в рядах детей боярских,
И песни нежные царевен и княжон.

И много снится ей из прошлого седого —
Усобицы, грабеж и славные дела,
Но, затаив в себе свидетельства былого,
Молчит Москва, молчат колокола.

1922
Сербия

РУСЬ ЗОВЕТ!

Она зовет, зовет нас снова
В свои поля, в свои леса,
Суля уют родного крова,
Суля родные небеса.

Она зовет, не умолкая,
Нас песней радостной весны,
Неугомонным шумом гая
И страстным шепотом волны.

И той звездой, что блещет ярко,
Мерцая в небе голубом,
И тем лучом, что в полдень жарко
Целует нас своим огнем.

И шепчет нам земля родная:
«Ко мне, любимые сыны!
Прошла навек пора лихая,
Довольно бедствий и войны!

Довольно горя и лишений,
Довольно бурь, довольно гроз,
Довольно скорби и мучений
И безконечных русских слез.

Прошла пора борьбы и мщенья,
Искуплен муками позор.
Пусть в светлый праздник воскресенья
Забудут братья свой раздор.

Пусть над воскресшею Москвою
Под сводом радостных небес
Промчится радостной молвою
Священный клик: «Христос Воскрес!»

1922
Королевство С.Х.С.

СВЯТАЯ

В нашей жизни, грешной и пустой,
Полной зла и богохульства ада,
Ты одна мне радость и отрада —
Дева дивная с духовной красотой.
На Тебя в земной моей тюрьме
Я молюсь, тревожный и усталый,
И Тебя, как путник запоздалый,
Я ищу мучительно во тьме.
Предо мной, как призрак неземной,
Ты встаешь, вся блеском залитая,
Непорочная, безгрешная, святая,
Благодатная Своею чистотой.
И к Тебе невольно я стремлюсь
Помыслами, верой и любовью
И, припав с слезами к изголовью,
Я Тебе младенчески молюсь.

1928
Старый Футог

СЛАВЬСЯ...

Славься, славься, Православный,
Богом данный Государь,
Наш Родной, Самодержавный,
Прирожденный Русский Царь.

Царствуй нам на утешенье
После бури смутных дней
И любовью всепрощенья
Обездоленных согрей.

На закате воли злобной
Отжени вражду сердец
И борьбе междоусобной
Положи благой конец.

Навсегда рассей крамолу,
Слезы плачущих отри

И к монаршему Престолу
Слуг надежных собери.

Правь, Хозяин наш Державный,
Русью-Матушкой, как встарь.
Славься, Царь Самодержавный,
Православный Русский Царь...

1929
Новый Футог, Королевство С.Х.С.

ПРИЗЫВ

Еванг. от Матвея, гл. 12, ст. 28, 29 и 30

Придите ко мне, все скорбящие,
Хромые, слепые, болящие,
Согбенные горькой нуждой,
Я тронусь печалью людскою
И всех исцелю, успокою,
Дам мир вам в юдоли земной.
Под иго Мое вы склонитесь
И все от Меня научитесь,
Что сердцем Я добр и смирен.
И мир вы обрящете снова,
Ведь иго Мое не сурово
И бремя легко для рамен.

1 января 1930
Ницца

МОЛИТВА

Я Тебе, Владычица, принес
Две жемчужины моих горючих слез,
Сердца скорбного великую печаль
И тоску о том, чего до боли жаль.

Пред святой иконою Твоей
Я покаялся в грехах моих страстей,
В глубине содеянного зла,
Знаменующего темные дела.

Я смирился, я умалился душой
И с воспрянувшею верой и мольбой
Пред Лицом Царицы всех цариц
В умилении распростерся ниц...

Я Тебе, как жертву, дар принес
Две жемчужины моих горючих слез,
Сердца скорбного великую печаль
И тоску о Том, Кого всегда мне жаль.

1931
Ницца

НАШ ХРАМ

Яко да под державою Твоею всегда хранимы.
Акафист Державной Божией Матери

Не блещет золотом окладов
Наш небольшой и бедный храм,
И не пленяют чуждых взглядов
Узоры красок по стенам.

Зато царит в нем мир покоя
И Божьей правды благодать,
И так легко у аналоя
Молиться, верить и мечтать.

Мечтать о страждущей России,
Мечтать о Церкви нам родной,
И поминать на литургии
Царя с пресветлою Семьей.

Какой-то кротостью небесной
Вкруг самый воздух напоен,
И веет благостью чудесной
От бедных, простеньких икон.

Сама Державная Царица
Здесь в Божьей келии живет
И нас, как яркая зарница,
Сквозь тьму житейскую ведет.

Ведет к святому воскресенью
Того, Кто в кротости Своей,
Простив врагам, предал забвенью
Все оскорбленья буйных дней.

11 июня 1932
Ницца

СВЯТАЯ РУСЬ

По топким берегам неведомых болот
Непроходимыми, дремучими лесами
Она, согбенная, в смирении идет,
Влекомая к святыням чудесами.

В ее руках обветренных костыль,
Котомка рваная за тощими плечами,
На ветхих лаптях вековая пыль,
Навеянная долгими путями.

Не страшен ей ни бесзпощадный зной,
Ни вихрь, ни дождь, ни зимние морозы,

Ни лютый голод с немощью больной,
Рождающей сомнения и слезы.

На то она — святая, наша Русь,
Могучая смиренными мольбами,
И этой Русью в муках я горжусь
И к ней стремлюсь сыновними мечтами.

1933
Ницца

НЕБЕСНАЯ ЦАРИЦА
Икона Державной Божьей Матери

Перед Твоей Державною иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И Лик Твой царственный, увенчанный короной,
Влечет к Себе мой умиленный взгляд.
В годину смут и трусости безславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила Образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю!..»
Покайся ж, Русь, злосчастная блудница,
Омой в слезах свой осквернённый стыд,
Твоя Заступница Небесная Царица
Тебя и грешную жалеет и хранит.

Пасха 1934
Ницца

ВЕЛИКОПОСТНОЕ

Господи Владыка живота моего!..

Ты нас учил любить врагов,
Не мстить, не гнать за зло злодеев,
Прощать корыстных должников
И опасаться фарисеев.
Ты завещал закон блюсти,
Не забывать в скорбях о Боге
И крест безропотно нести
По дебрям жизненной дороги...
Но Боже, Боже, как для нас
Твои слова невыполнимы,
Как каждый день и каждый час
Мы духом злобы одержимы!
И, прелесть мира возлюбя,
Творя распутство до могилы,
Как далеки мы от Тебя,
Как близки к князю темной силы!

Пасха 1936
Ницца

СЛЕЗЫ РАДОСТИ

В пучинах жизненного моря
Не вечно слезы — символ горя,
Скорбей, страданий и невзгод,
Томящих нас, как тяжкий гнет.
В земной юдоли лжи и прозы
Бывают радостные слезы —
Благие вестники небес,
Влекущих в дивный край чудес.
Святые слезы умиленья,
Святые слезы вдохновенья,
Необходимые всем нам,
Как в час молитвы фимиам.

1937
Ницца

ВЕРУЮ!..

В годины кровавых смут и невзгод
Я верю в Россию! Я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величья и славы отчизны моей!

Я верю, что годы страданий пройдут,
Что люди свое окаянство поймут
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменит взаимная наша любовь.

Я верю, что в блеске воскресных лучей
Заблещут кресты златоглавых церквей
И звон колокольный, как Божьи уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель Христа.

Я верю — из крови, из слез и огня
Мы встанем, былое безумье кляня,
И Русью Святой будет править, как встарь,
Помазанник Божий — исконный наш Царь.

10 октября 1937
Ницца

МОЯ ВЕРА

Не должен, не может
Народ мой великий
Бесовское рабство влачить,
Он все одолеет, он все превозможет,
Сумеет себя воскресить.
Он встанет из праха,
Воскреснет из тленья,
С очищенной скорбью душой,
Познавший обиды и ужас паденья
В пучине крамолы людской.

Ведомый ко благу Господней десницей,
Сквозь дебри житейских невзгод,
Он встанет как Лазарь
Из смрадной гробницы
И к Божьим стопам припадет.

1931

ТОЛЬКО БЫ

Что мои страданья?
Что мои мученья?
Только бы дождаться
Утра воскресенья.
Только бы вернуться
Мне в места родные
И увидеть храмов
Главы золотые.
Любоваться видом
Нив и рощиц милых
И молиться снова
На родных могилах.

1938
Ницца

МОЛИТВА ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ

В дни безбожные, мятежные, лукавые,
Нас ведущие на попроща кровавые,
В пору грозную, тревожную и лютую,
Помраченную великой буйной смутою
От людей преступных и безбогих,
Гордых сердцем и умом убогих,
Ты воззри, Господь, на наши муки
И, простерши благостные руки,
Поддержи нас, слабых, малодушных,
Грешному хотению послушных,
Беззаконных, мстительных и лживых,
Лицемерных, злых и нерадивых.
Умири церковные раздоры,
Нестроения семейные и ссоры,
Мир стране мятущейся подай,
Согрешивших пощади и не карай.
Собери враждой разъединенных,
Озари рассудком помраченных,
Разоренное воздвигни и исправь
И к добру сердца и помыслы направь.
Огради от глада, потопленья,
Злых усобиц, мора, запаленья,
Посети нас милостью Твоей,
Окорми, утешь и пожалей.
На борьбу со злом и силой адской
Ты возгрей сердца любовью братской
И сынам мятущимся яви
Всепрощение Отеческой любви.

1938
Ницца

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ!

Зарей ли утренней, иль в мирный час
полночный,
Когда молитву я прилежную творю,
Мечтаний суетных забыв язык порочный,
За все я Господа, смирясь, благодарю.

Благодарю Его и за мои печали,
И за мгновенья радости скупой,
И за страдания, что небеса мне дали,
И за боренья с немощью земной.

И в сладком трепете припавши к изголовью,
Желанья праздные на сердце затая,
Шепчу я Господу с надеждой и любовью:
«Да будет воля мудрая Твоя!..»

1938
Ницца

ВЕЩИЙ СОН

Мне приснился дивный сон,
Сон воистину прекрасный,
Что пронесся вещий сон
Над страной моей злосчастной...

Что сердца ее сынов
Вновь любовью запылали,
Что с измученных рабов
Цепи рабские упали...

Что исчезли силы зла,
В вечность канули печали —
Так во сне колокола
Мне торжественно вещали...

Ницца. 1939 год

МОЛИТВА РОССИИ

У подножия Божественной иконы
Слышатся рыдания и стоны —
Это плачет, слезы проливая,
Наша мать несчастная, родная,
Русь Святая — скорбная вдова...
Плачет Русь слезами покаянья,
Крестного жестокого страданья
На Голгофе всенародных мук,
Плачет, прошлое величье вспоминая,
К Божьей Матери с отчаяньем взывая,
Видя зло и ненависть вокруг.
И в ответ из храмины надзвездной
Ей звучит любовно голос нежный
Кротко-благостной Царицы всех цариц,
Радость близкого спасенья предвещая,
Грешницу в печалях утешая,
Перед Ней простершуюся ниц:
— Ты не плачь, возлюбленная Мною,
Омофором Я тебя покрою,
Проведу чрез поприще скорбей
И, рассеяв полчища безбожья,
Я верну тебе Помазанника Божья,
Прежний блеск и звон твоих церквей.
Благотворною стезею покаянья
Ты дойдешь до прежнего сиянья,
До воздвиженья победного Креста,
Станешь вновь ты прежнею, былою,
Русью славною, великою, святою,
Магдалиной, жаждущей Христа...

Ницца. 1942 год

НАШЕ ЦАРСТВО

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь...
Еванг. от Иоанна, гл. 16, ст. 33

Наше царство теперь
Не от мира сего.
У нас отнято все,
У нас нет ничего.
Нет ни пяди земли,
Нет роскошных палат,
Нет богатств родовых,
Услаждавших наш взгляд.
Все повержено в прах,
Все затоптано в грязь,
И порвалась навек
С жизнью прошлою связь.
Разлетелись, как дым,
Идеалов мечты,
Нет стремлений былых,
Нет былой красоты.
По насмешке шальной
Безпощадной судьбы —
Мы невольники бед,
Лиходеев рабы.
И в изгнаньи томясь
Под жестоким крестом,
В край нездешний идем
Мы вослед за Христом.

Ницца. 1946 год

НАШ ПОДВИГ

Друг мой! брат мой! — подвиг крестный,
Подвиг рабского смиренья
Завещал нам Царь Небесный
Для духовного служенья.
Это Он, Владыка Неба,
Искупитель зла людского,
Дал нам Тело вместо хлеба,
Кровь взамен вина простого.
Это Он, Спаситель мира,
Бог любви и всепрощенья,
Нас позвал из храмин пира
В Гефсиманию боренья.
Это Он у скорбной чаши,
На молитву нас поставил
И Свой Крест на плечи наши
Добровольно взять заставил.
Это Он, в любви всесильный,
Сам восстав из гроба тленья,
Изведя из тьмы могильной
Даст нам радость воскресенья.

Ницца. 4 апреля 1943 года

ЛАМПАДКА

Люблю я с юных лет лампаду:
Она душе дает отраду
И тот целительный покой,
Что дорог в сутолке людской.
Я помню: в детстве, в дни субботы,
Когда кончались все работы
И, завершив недельный труд,

Спешил домой рабочий люд,
Седая нянюшка-старушка,
Былая наша хлопотушка,
Оставив вечный свой чулок,
Бралась за белый поплавок.
Фитиль прилежно заправляла,
В лампадку масла подливала
И,чиркнув серник озарной,
Лампадку дряхлою рукой
Благоговейно зажигала
И в сладком трепете шептала
Молитвы древности седой —
Наследье жизни молодой.
И пламя, вспыхнув, поднималось,
Лампадка ярко загоралась
И озаряла в тьме ночной
Божницы угол дорогой,
Где в ризах блещущих святые
Нам представлялись, как живые,
Смотревшие с своих икон
На наш спокойный детский сон.
И так тогда спалось нам сладко.
Казалось, что в углу лампадка,
Как верный и безсонный страж,
Покой оберегала наш.

Ницца. 1943 год

УГОДНИК

Памяти преподобного Серафима Саровского

Старец Божий, старец кроткий,
В лаптях, с палкою простой,
На руке иссохшей четки,
Взор, горящий добротой.
Сколько дивного смиренья
В страстотерпческих чертах,
Дивный дар богомоленья
Лег улыбкой на устах.
Тяжким подвигом согбенный,
Он идет, гонец небес,
Прозорливый, вдохновенный,
Полный благостных чудес.
Благодатной силой веет
На молящих от него,
Гордый разум цепенеет
Перед святостью его.

Ницца. 1943 год

СВЯТОМУ

Памяти о. Иоанна Кронштадтского

Молитвенник русской земли,
Хоть ты от нас ныне вдали,
Но молим мы слезно тебя:
Спаси нас, отцовски любя.

Скорбящих в изгнанье людей
Надеждой и верой согрей,
Покой им душевный верни
В жестокие, лютые дни.

Горячею силой молитв
Спаси от чудовищных битв
И скрой от безбожных врагов
В кровавое время Голгоф.

Ницца. 1944 год

МОЛИТВА

В дни лукавые, безбожные,
Кровожадные и ложные,
Ты, Всесущий и Всевидящий,
Всемогущий, Всепредвидящий,
Дай душе огонь горения,
Дар священный вдохновения,
Дай мне кротость голубиную,
Мудрость вещую, змеиную,
Мощь отваги сердца львиного,
Вольный взмах крыла орлиного,
Стойкость в страде муравьиную,
Песню страсти соловьиную.

Ницца. 3 мая 1945 года

ПРОПОВЕДЬ
Страшный сон

Из Царских Врат, как старый иерей,
Служитель Бога и слуга Царей,
Любовью к родине и к правде окрылен,
Я вышел в трепете для слова на амвон...
Уста отверзлись... Голос зазвучал...
Я говорил... я плакал... я взывал...
Я умолял собравшихся людей
Покаяться... смириться... стать добрей...
Не мстить врагам... с собой не враждовать...

И злом на зло другим не отвечать...
Я звал к любви... к забвенью всех обид;
Будил заснувший непробудно стыд,
Молил вложить в ножны кровавый меч,
Покинуть путь междоусобных сеч
И, кончив нехристей кровавый произвол,
Молить Царя вернуться на престол...
Я говорил... я плакал... я взывал,
Но злобный великан передо мной молчал,
И понял я в тревоге наконец,
Что не найти мне слов для каменных сердец.
Что голос истины толпою позабыт,
Что дьявол победил, что в душах он царит
И не вернут мои молящие уста
Родной народ, отпавший от Христа...
И, голову склонив и отступив назад,
Закрыл я двери древних Царских Врат...

Ницца. 1948 год

МОЯ МОЛИТВА

Краса Божественная Сына,
Его Святая Дева-Мать,
Твоя пред Богом благодать
Превыше ангельского чина.

О Ты, Царица всех цариц,
Лампада кротости, смиренья,
Перед Тобой в часы моленья
Я повергаюсь слезно ниц.

Молю Тебя, свой Лик открой
Моим печальным, скорбным взорам
И благодатным омофором
От грешных помыслов закрой.

Смири бушующую кровь,
Направь на верный путь спасенья
И в сердце, полном сокрушенья,
Возгрей нетленную любовь.

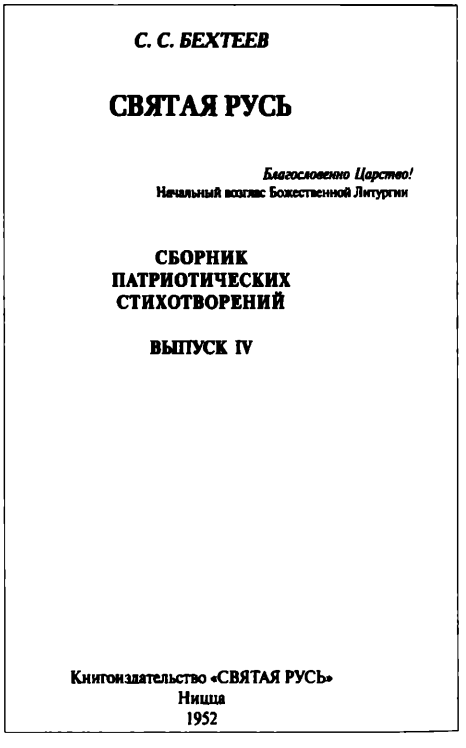
Вложи мне в грешные уста
Святую радость вдохновенья,
Чтоб мог я в звуках песнопенья
Немолчно славить Крест Христа.

Ницца. 26 июня 1951 года

НЕ ЗДЕСЬ, А ТАМ

Моя душа осталась там —
Она на родине блуждает
И каждый уцелевший храм
Слезами скорби орошает.
Незримой поступью идет
Она полями и лесами
И речь неслышную ведет
С травой росистой и цветами.
Она заходит в сенцы хат,
За стол с жильцами их садится,
Глядит на плачущих ребят,
Спешит с старушками креститься.
Ей дорог каждый уголок,
Крик баб, стирающих на речке,
На голове цветной платок
И лапоть, сохнущий на печке...
Моя душа осталась там,
Ее вернуть не может тело,
Народным мукам и скорбям
Она отдалася всецело.
И песни скорби уст моих —
Лишь отголосок крестной доли
Людей, мне близких и родных.

Ницца. 5 февраля 1952


С. С. БЕХТЕЕВ

СВЯТАЯ РУСЬ

Благословенно Царство!
Начальный возглас Божественной Литургии

СБОРНИК
ПАТРИОТИЧЕСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ВЫПУСК IV

Книгоиздательство «СВЯТАЯ РУСЬ»
Ницца
1952

Последнее прижизненное издание Святой Руси Сергея Бехтеева

ФЕДОР КАСАТКИН-РОСТОВСКИЙ

Касаткин (Косаткин)-Ростовский Федор Николаевич, князь (1875—1940) — поэт, прозаик, драматург Из древнего рода князей Ростовских, ведущего свое происхождение от святого Владимира, святой Ольги и Всеволода Большое Гнездо. После окончания в 1895 году Пажеского корпуса произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка. Уже в начале XX века получил известность как поэт-семеновец. Участник «пятниц» Константина Случевского и «вечеров», посвященных его памяти. Первая книга «Стихотворения» вышла в 1900 году, за ней последовали другие — «Стихотворения» (1907), «Песни разлуки» (1911), «Огни в пути» (1911), «Легенды и рассказы» (1911). В 1912 году на поэтическом конкурсе в память Отечественной войны 1812 года текст его песни-гимна «1812 год» («Раздайтесь напевы победы...») был принят для войск гвардии, армии и скаутов. Песня завершалась словами:

...И все мы пойдем, как и деды,
На бой, увлеченьем горя,
Раздайтесь, напевы победы!
За Веру, за Русь, за Царя!

Участник Первой мировой войны. В 1917 году в Петрограде вышла его книга стихов «С войны (Листки походной тетради)». В 1918 году, будучи полковником, сформировал в Новороссийске сводно-гвардейский полк. В 1919 году в Ростове-на-Дону вышла его поэтическая книга «Голгофа России», более семидесяти лет принадлежавшая к числу таких же запретных, как «Окаянные дни» Ивана Бунина. «Голгофа России» открывается посвящением:

«Тебе, с которой мы прошли крестный путь страдания этих лет, с которой болезненно и чутко переживали душой все этапы терзаний нашей Родины, твердо веря в ее возрожденье, тебе, моей жене, и в твоем лице — всем страдавшим за Россию русским женщинам, посвящаю эту книгу. Я старался вложить в нее всю муку пережитого, всю надежду на возрождение.

Пусть она останется отражением прошлых дней, воспоминанием о той "Голгофе России", которая должна была привести к светлому воскресенью народной души. Оно уже близко! Я твердо в это верю!

1919, 15 июня.

Освобожденный Харьков».

В 1920 году эвакуировался из Крыма в Сербию. С 1923 года жил в Париже. Вместе с женой, бывшей актрисой петербургского Малого театра Диной Кировой[1], открыл театр, поставив за шесть лет его существования 135 русских пьес, пользовавшихся большим успехом в эмигрантской среде. Перевел на французский язык сказки А.С. Пушкина. Перед началом Второй мировой войны тяжело больной князь Федор Касаткин-Ростовский с женой жили в монастырском приюте для детей-калек. «Дина Никитична, — свидетельствует современник, — без жалования, за стол и квартиру, готовила обеды и завтраки на 50 человек... При первом известии о движении германских войск, в начале мая, монахи с детьми уехали. Касаткины остались на той же одинокой вилле "Ла Солитюд", ни одной души не было подле...» 22 июля 1940 года жена пошла через лес в город, вернувшись, нашла мужа мертвым.

Генерал Сергей Позднышев описывал последние дни князя Федора Касаткина-Ростовского и его жены в оккупированном Париже:

«Было страшное время — май и июнь 1940 года. Францию поразил немецкий меч. С востока и севера катились к сердцу страны волны завоевателей. Народ французский снимался с мест и бежал, бросая все, куда глаза глядят. Это была великая трагедия. Она не могла не затронуть и нас, русских. Два слабых, больных, безпомощных человека остались на месте. Они не могли бежать, да и некуда было бежать. Отдались на волю судьбы.

А эта страшная судьба собрала воедино, в одну ношу: физические муки, голод, нравственное томление, отчаяние одиноких, и все это взвалила на плечи и без того уставшие. Два человека, отдавших свои жизни друг другу, соединивших свои пути в один путь, должны были в полном одиночестве встретить ужасы войны. Однажды, в мрачный серый день поэт сидел у раскрытого окна. Черная, траурная пелена заволакивала низкое, мокрое небо. Перед ним серел в дождливой мгле далекий город. Душа трепетала, гнет был нестерпимый, надрывалось сердце. Протянулись бледные белые руки к образу Богоматери и вырвался страстный шепот молитвы. А потом он свой зов воплотил в стихах:

[1] В 2007 году в Нижнем Новгороде вышла книга воспоминаний Дины Кировой «Мой путь служения театру».

Помоги мне, Пречистая Дева,
Дай душе утомленной покой,
Охрани от напрасного гнева,
От тревог и неправды земной.

Дай во тьме и под гнетом невзгоды
От соблазнов не сбиться в пути
И в ошибках пройденные годы,
И грехи моих мыслей прости.

Наг и нищ и духовно измучен
Пред Тобой я склоняюсь в мольбе,
Я невзгодами жизни научен
Приносить все печали Тебе.

Просвети, помоги Пресвятая,
Отпусти мне на душу покой,
Дни печали, грехов, забывая,
С чистым сердцем предстать пред Тобой...

— Ты плачешь? — спросила княгиня, увидев на глазах мужа блестевшие слезы.

— Да, плачу, — просто ответил поэт. Прижался щекой к руке жены и с мукой великой добавил: — Господи, за что мы так страдаем!..

За несколько дней до трагического конца он написал в коричневой тетради еще одно стихотворение — последнее. Князь понял, что жизнь кончена, что больше мечтать не о чем, что никаких иллюзий больше строить нельзя, что не суждено ему возвратиться на родную землю, которую он так любил. Настало время суда за дела земные. Душой овладел мрак. Он пропел свою последнюю песню, как пел умирающий лебедь в стихах у Бальмонта; песню, отравленную ядом.

Поэт произнес над собой суровый приговор. Он осудил себя за бесплодно растраченные силы, за ошибки, вольные и невольные. Осудил за то, что не боролся в такой же мере мужественно, как его предки, за правду, за идею и идеал, за русскую душу, за благочестивого Царя, за ту Россию, которую русский народ называл Домом Пресвятой Богородицы. Ему было стыдно и больно за все слабости человеческие, которые он проявлял в жизни, но которые свойственны всем нам, грешным людям.

Господи, ты видишь, как душа устала
От ошибок прошлых, в холоде земном,
Как все то, что делал, странным гнетом стало
И проклятьем стали мысли о былом.

Неужели в этом наши муки ада, —
Не иметь забвенья, если согрешил,
И за то расплата — вечная досада,
Что слепым духовно я так долго был.

Что растратил силы духа безполезно,
Путь свой перед смертью тучами закрыл,
И когда подкралась старость и болезни,
Непрерывной мукой душу отравил».

В поэтической летописи Первой мировой и Гражданской войн особое место занимают молитвы и молитвенные стихи князя Федора Касаткина-Ростовского — прямого потомка шестерых русских святых из рода Рюриковичей: равноапостольной великой княгини Ольги, равноапостольного великого князя Владимира, благоверных князей Бориса и Глеба, благоверной великой княгини Анны Кашинской и ее мужа благоверного князя Михаила Тверского.

Из книги «Стихотворения. 1900—1906». (СПб., 1907)

В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ В РОСТОВЕ

Под темными сводами церкви старинной
Стою я, смущенный, один,
Встают предо мной вереницею длинной
Преданья минувших годин.
Мне слышатся в храме моления, крики,
Стук сабель и чуждая речь.
Со стен на меня потемневшие лики
Глядят в тусклом зареве свеч...
Вон там похоронен Василько Ростовский
Под камнем, где главный престол;
Вон там находился под сенью московской
К владыке пришедший посол;
Вон рака, тафтой пожелтевшей одета, —
Святые Ростовские там,
Откуда поляки влекли Филарета,
Проникнув с оружием в храм.
Теперь здесь все тихо, все полно покоя,
Средь храма один я стою,
И чувство молитвы, отрадно святое,
Нисходит на душу мою,
И хочется всею душою усталой
Отдаться стремлению ввысь
И с детскою верой сказать, как бывало:
«Про все позабудь и молись».
Но в сердце усталом свершается драма, —
Нет больше надежды и сил.
Один я, под сводами старого храма,
Средь старых икон и могил.
И тихо все, тихо... Но в сердце разбитом
Молитвы смущают мечты,
И чудятся в этом соборе закрытом
Туманные предков черты...

14 июля 1903
Ростов Великий

КРЕСТ

Я молитвой вчера вдохновенною
Уносился в небесной тиши,
И молил я рукою блаженною
Исцелить мои муки души.

Падал я пред иконой старинною,
Мысли все совмещая в мольбе,

Но к чему ж вереницею длинною
Ум смущал мне ряд дум о тебе?..

И я тщетно молился, страдающий,
И прощенья себе умолял.
Образ твой, точно прежде, ласкающий,
Предо мною, как призрак, стоял.

Точно он говорил мне, таинственный:
«Тщетно душу ты хочешь спасти.
Я всегда буду крест твой единственный, —
Вечно должен его ты нести!»

22 сентября 1904
Чернянка

ВЕЛИКАЯ ЕКТИНЬЯ

О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их...

Церковь... обедня... Иконы старинные
Ярко блистают под солнца лучом,
Тени от окон спускаются длинные,
Массы народа склонились кругом.
Молится люд о житейских страданиях,
Молит прощенья тяжелым грехам,
Молит удачи в своих начинаниях,
Молит он мира всем Божьим странам.
Стройно на клиросе слышится пение,
Набожно дьякона голос звучит...
Тихо все в храме... Одна, в отдалении
Чинно у двери старушка стоит.
Сколько надежды, любви и прощения,
Сколько мольбы в ее ясных очах, —
Точно далеки ей жизни сомнения
И непонятен пред будущим страх.
Слушая жадно слова ей известные,
Их повторяя открытой душой,
Кажется ей, будто силы небесные,
Служат незримые в церкви святой.
Кажется ей, что напевы церковные
К вечному Богу из сердца летят.
Душу ей грезы смущают греховные,
В песнях картин представляется ряд.

Море ей грезится... пенятся волны,
Слышны их злобные всплески кругом;
Страшной, могучею силою полны,
Бьются их гребни во мраке ночном.
Сын ее, может, на этом корвете
В море, далек от родимой земли...
Господи, дай ему счастья на свете,
Боже, спасенье ему ниспошли!..

Может быть, где-нибудь, пулей сраженный,
Он на чужбине далекой убит;
Может быть, ранен, и там, истомленный,
В муках предсмертных, один и забыт;
Может, он страждет, больной и усталый,
Мучится телом, томится душой...
Боже! услыши мой вопль запоздалый,
Дай ему силы и сердца покой!..

Может, в плену, умирая, как нищий,
Жалкий, оборванный, в ржавых цепях,
Молит напрасно он хлеба и пищи,
Смерть призывая в последних мечтах.
Боже! Подай ему в горе забвенье,
Ты поддержи его сильной рукой!
Боже, прости ему все прегрешенья, —
Дай ему берег увидеть родной.

Молится старая... Служба смолкает,
Шумно из церкви выходит народ;
Сторож уж двери давно закрывает.
Только старушка домой не идет...
Тихо... Замолкли средь храма моленья,
Где-то лампады, мерцая, трещат,
Да у иконы Христа, в отдаленье,
Чьи-то рыданья чуть слышно звучат...

ГРЕШНИК

Средь храма темного, вдыхая
дым кадильный,
Я звал Тебя, томимый мукой зол,
Я ждал Тебя... Я звал Тебя, Всесильный,
Но в душу грешную ко мне Ты не сошел.

Был полон храм. Среди толпы народа,
Простершись ниц, молился я в тиши...
Один, неведомый, у двери возле входа,
Я звал Тебя всей силою души.

Я звал и ждал Тебя... в душе моей вставали
Сомненья прошлые и прежние мечты.
Уста мои молитвы повторяли.
Я плакал... Но меня в толпе не слышал Ты!

Усталый, я вставал и снова простирался,
Душа была пуста... далек был мой покой,
И вдруг средь храма глас торжественный
раздался:
«Уйдите прочь, томленные тоской,

Все оглашенные, чье сердце в мраке ночи
Томится, полное греховных тайных зол, —
Лишь могут верные поднять в молитве очи
На освященный Им таинственный престол...»

И я хотел уйти... Но вдруг, любвеобильный,
Ты в душу мне вдохнул ряд новых сил.
И понял я, молясь Тебе, Всесильный,
Что Ты пришел и грешника простил!

В ГОРАХ

Как хорошо уйти порою в горы,
Подальше от людей, подняться высоко —
Туда, где не глядят завистливые взоры,
Где дышит грудь спокойно и легко.

Там нет людей... Там все былые раны
Душа не чувствует, забыв житейский гнет,
У наших ног там серые туманы,
А наверху прозрачный небосвод...

Там торжество безмолвия пустыни
И яркий луч, что греет и горит, —
Все полно тайною Божественной святыни
И о Творце вселенной говорит.

И меркнет день... пора назад, в дорогу,
Опять туда, где жизнь и суета,
А звезды яркие зовут к святому Богу,
И грешная душа молитвенно чиста.

И вновь идешь, молитвой обновленный,
В шумящий мир, в страстей водоворот,
Откуда так далек, звездами озаренный,
Прозрачной чистотой влекущий небосвод.

МОЛИТВА

Благослови, Господь, мой путь,
Открой души моей глубины,
Согрей измученную грудь
Того, кто рвется на вершины.

Благослови, Господь, разлуку,
Не угаси мой свет во тьме,
Подай Свою благую руку
Душе, томящейся в тюрьме.

И разъясни, в чем путь к спасенью
В тревоге жизни и борьбе,
Иль призови скорей к Себе
Великой силою прощенья,
К тому, кто радость вдохновенья
Влагал в великое стремленье,
В любви — приблизиться... к Тебе.

Из книги «С войны (Листки походной тетради). Написано в боях и окопах. 1914—1917» (СПб., 1917).

ВСЕНОЩНАЯ

Закат спокойно тих... Последними лучами
Окрашены вдали безбрежные леса.
Замолк бивака шум... Туманный дым клубами
От кухонь тянется, за рощей, в небеса.

На старом кладбище построены колонны
Пехотного полка, недвижны и стройны.
Стол в глубине каре. На нем блестят иконы,
И голос пастыря звучит средь тишины.

Сосредоточенно. В торжественном молчанье
Солдаты молятся... Быть может, завтра бой.
Невольно прошлого встают воспоминанья
Здесь, в тишине пред каждою душой.

Во мраке вечера, пред днем тяжелой битвы,
Под сводом голубым открыты все сердца,
Понятней и ясней знакомые молитвы
В безмолвье вечера и близости Творца.

И мысль в душе сокрытую глубоко
Молящийся во тьме стремится повторить:
«Храни Господь оставшихся далеко...
Дай мощь врага скорее сокрушить».

10 августа 1914,
Бивак у дер. Бабице
у крепости Новогеоргиевск

ИСПОВЕДЬ

Памяти В.В. Степанова,
раненного в той же атаке

Он ночью был в атаке тяжко ранен
И перевязанный в пустой избе лежал.
Усталый взгляд его был смутен и туманен,
И тихо он священнику шептал:
«Я знаю, я умру... Я это понял ясно,
Я с жизнью примирен, не смею и роптать,
Но мучит мысль одна... Ведь будет так ужасно,
Когда про мой конец моя узнает мать.
От детских лет мы так с ней жили дружно,
Делились мыслью каждою своей...
Про то, как я страдал, ей говорить не нужно,
Что думал про нее, о том скажите ей.
Послушайте...» — И, в трепетном сиянье
Мерцающей свечи, он долго говорил,
Про жизни дни свои, про прошлые желанья,

О том, как мать он искренно любил.
Шла тихо исповедь, порою прерываясь,
Молился пастырь, слушая слова,
Безмолвно было все... Лишь где-то, удаляясь,
«Ура» в окопах слышалось едва.

ПЕРЕД БОЕМ

Я помню этот день. Как голос злой досады,
Орудий гул звучал, сливаясь в рев глухой.
Направо, за холмом, тяжелые снаряды
Рвались фонтанами у хижины пустой.
Средь леса темного повозки лентой пестрой
С толпами беженцев куда-то тихо шли,
Дождь мелко моросил, холодный, точно
острый,
И шел туман болотный от земли.
По грязному пути к халупкам деревушки
Из нескольких дворов добрались к утру мы,
Бивак наш стал в лесу, зажглися у опушки
Походные костры средь серой мглистой тьмы,
Блестело озеро меж лесом и деревней,
Там утки дикие вились над камышом,
Плотина с мельницей, заброшенной и древней,
И пчельник на горе манили нежным сном,
Пленяли мирною покоя тишиною,
Твердили разуму о тихих прошлых днях...
Послышался вдали, над светлою водою,
Солдатский смех в прибрежных камышах.
Уставшие в боях, они здесь наслаждались
Минутной радостью... Со смехом там и сям
Одни в прозрачном озере купались,
Другие с неводом спешили к камышам.
Но вдруг пришел приказ —
и все переменилось
— Забыт покой, костров развеян дым,
Все стройно собралось, кругом зашевелилось,
И полк пошел на выручку своим.
Я помню этот миг... Далеко по дороге
Стал пулемет трещать... Шрапнель рвалась
вдали,
Чрезъ мост, у мельницы, крестясь,
спокойно-строги,
Колонны мощные красивой лентой шли.
Сквозь гущу облаков, прорвавшись
на мгновенье,
Луч солнца озарил идущих в новый бой,
А у моста, с крестом, на них благословенье
В молитве призывал священник полковой.
Торжественно в тиши звучали песни клира,
Крестясь, солдаты шли на выстрелы вперед,
И песнь смирения, надежд, любви и мира
Звучала радостно над гладью тихих вод.
Лучи горячие так радостно сияли,
Слова молитв несли душе покой.

А за холмом, вдали разрывы не смолкали,
И полк спешил «туда»... на новый смертный
бой...

4 июля 1915,
дер. Желин

Из книги «Голгофа России»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

В уголке горит лампадка...
Спи, мой мальчик, тихо, сладко,
Бог тебя храни,
Спи спокойно, я с тобою,
Я от бед тебя укрою
В горестные дни.

Твой отец погиб героем,
Помню ясно, перед боем,
Уезжая в даль,
Он сказал: «Не плачь Мария,
Пусть живет только Россия,
Жизни мне не жаль!»

Был он там три раза ранен.
Как судьбы наш жребий странен! —
Бог его хранил.
В тыл вернулся безопасный,

Там его солдат «запасный»,
«Свой» солдат убил.

Мальчик, спи... Мне говорили,
Что за то его убили,
Что он звал на бой.
Он от них не защитился,
Только лишь перекрестился
Раненой рукой...

Мы ж остались... От погрома
Нет ни садика, ни дома
Я с тобой одна,
Спи спокойно. Бог поможет
С жизнью справимся, быть может...
Мощь души сильна!

Я взращу тебя, взлелею,
Всею силою моею.
Скрыв тоску в тиши,
Только я молю у Бога,
Чтоб хранил ты также строго
Чистоту души.

Был таким же сердцем чистым,
Чтоб в пути судьбы тернистом,
Как отец и мать,
Как они, чтоб в дни иные
За тебя он был, Россия,
Жизнь готов отдать!

Ты ж расти — не для отмщенья,
Гордый силой всепрощенья,
С верой в света дни!
Ночь тиха... Горит лампадка...
Спи, мой мальчик, тихо, сладко,
Бог тебя храни.

Нижний Новгород,
январь 1918

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Мы оборванцы, мы голодны,
Но в руках у нас мечи,
Мы устали, наги, холодны,
Но в душе горят лучи.
Мы несем свой крест без ропота...
Не боимся страха, шепота:
«Берегитесь, враг кругом!»
Чрез пустыню, с верой ясною,
Мы в страну свою прекрасную
Обновленные войдем!

Верьте! Верьте! Пусть печальные
Нам пути в дали грозят!
В неба высь, где звезды дальние,
Обращайте гордый взгляд!
Пусть мы наги, бледны, голодны,
Страха нет у нас в груди:
Мы в бою спокойно-холодны...
Край родимый впереди!
За него с надеждой ясною
Жизнь не жаль свою отдать...
Жертва будет не напрасною:
Встанет край родной опять!
И, пустынями палимыми,
Не боясь в них ничего,
Пойдем мы пилигримами
К гробу Бога своего,
И, измученные, бледные,
У подножия Креста
Сложим мы мечи победные,
Славя Господа Христа!

Февраль 1918,
Екатеринбург

РОДИНЕ

Святая Русь, что сделали с тобой?
Твой взгляд потух, страдальчески печален.
Во тьме, голодная, с поникшей головой,
Как мать своих детей ты ищешь средь развалин.
Пришла нежданная, гнетущая беда,
Народ твой изнемог, безумьем злобы болен.
Горят твои большие города,
Смолкают звоны белых колоколен,
Идет на брата брат!.. Струится кровь рекой,
Вливаясь и в дома, и в мирную обитель.
О, осени десницею святой
Наш край измученный — Спаситель!
Рассей туман, чтоб от низов земли
Поднялся серою, болотной пеленою,
Чтоб, хоть на миг, толпы понять могли,
Что стало с бедною страною,
Взглянуть вокруг себя, в чем правда распознать,
Душой почувствовать весь ужас прожитого...
Мать наша — Родина! Ты не должна молчать,
В минуту горькую так ласка всем близка,
Сбери своих детей родным знакомым зовом,
Пускай душа забудет о суровом
И перекрестится усталая рука.
Святая Русь! Ты бродишь средь развалин,
К тебе подкрался враг в полуночной тени,
Путь твой тернист, и жребий твой печален,
Но искусителя — молитвой отгони.

Детей твоих полна страданий мера,
Их одурманили туманом лживых слов.
Спасти теперь их может только вера.
Верни ее душе! Кругом темно и серо,
Дай увидеть рассвет... под звон колоколов!

Сентябрь 1918,
Новороссийск

РУСЬ

Что с тобою, Русь прекрасная,
Незакрытая фатой,
Где твоя улыбка ясная,
Взгляд твой чистый и простой?
Где краса твоя бывалая?
Почему теперь одна,
Без друзей, идешь усталая
Ты, бледна и холодна?
Где богатства все несметные
Ты растратила твои,
Где слова твои приветные,
Ласки мира и любви,
Без разврата и пиров,
В гуле звона колокольного
У старинных образов?
Иль тебя пленили вороги
И, глумяся над тобой,
Вещи все, что сердцу дороги,
Дерзкой отняли рукой,
В грязь втоптали сапожищами,
Что таилось в тайниках,
И идешь теперь ты с нищими
Обнаженная, в слезах!
Русь, очнись! Не раз печальная
По земле ты шла своей,
Песня грустно-погребальная
Много раз неслась над ней,
Но сильна своею верою,
Мощь в душе своей храня,
Обращала мглу ты серую
В свет пленительного дня,
И, забыв про грусть кошмарную
Пережитых сердцем драм,
Ты с молитвой благодарною
Припадала к образам.
Отгони ж тоску сомнения,
Полно плакать и стенать,
Близок час освобождения,
Близко дружеская рать!..
Где-то, скрывшись незаметными,
Но сплотясь в святой борьбе,
Со знаменами трехцветными,
Дети в ней идут к тебе.
Их порывы полны силою,
Чтоб врагов твоих стереть
И тебя, им вечно милую,
Приласкать и отогреть.
И, не мукою палимую,
А в богатстве и в чести
Русь святую, НЕДЕЛИМУЮ,
В дом родной опять ввести!

10 февраля 1919,
Екатеринбург

МАТЬ

Их было три брата... И двое из них,
Любовью к России полны,
Пошли на врага... И изранили их
В кровавые годы войны.
Был третий священник... От юности дней
Призваньем к молитве влеком,
Он селам окрестным всей паствы своей
Был другом и нежным отцом.
Был домик у братьев над тихой рекой
И садик, у края села,
Там мать их, старушка с простою душой,
С внучатами мирно жила.
Молилась в тревоге ночной у лампад:
«О Боже! Сынов мне верни,
Но если они не вернутся назад —
За родину бьются они».

И дети вернулись... Шел в доме разгром,
Рубили безжалостно сад...
У дома стены, перевитой плющом,
Их вместе поставили в ряд,
В толпе они были спокойны одни,
Лишь вера была их оплот.
За то, что Россию любили они,
На смерть осудил их народ.
Безумьем наживы и зла опьянен,
Не мог он их правды понять...
Одна, затаив на душе своей стон,
Стояла у дома их мать...
И с мукой в глазах, но покоя полна,
Их всех осеняя крестом,
Шептала с любовью им тихо она
С покойным и гордым лицом:
«Сыны, будьте тверды... Вы были честны,
Вела вас к отчизне любовь,
Оценят все верные дети страны
Невинно пролитую кровь.
Я внуков своих для Руси сберегу,

Они за нее постоят...
Стара я... Я только молиться могу,
Но внуки — они отомстят!..»

Март 1919,
Екатеринбург

УСЛЫШИ, ГОСПОДИ!

В Воронеже большевики кощунственно вскрыли мощи св. Митрофана Воронежского.
(Из газет)

Господь! Ты слышишь ли? В Твоей Руси святой,
В дни Твоего поста Великого в пустыне,
Твоих угодников злодейскою рукой
Оскорблены останки ныне...
Кощунственно открыта сень мощей,
Ряды церквей разбойники закрыли,
Иконы и кресты — щит женщин и детей —
Носить христианам воспретили.
Из школ и из церквей Твой изгнан Светлый Лик,
Не смеют верные творить Твои обряды,
И те, кто заглушил на сердце муки крик,
Не могут даже плакать у лампады.
Туманом лживых слов народ Твой опьянен,
Забыв в крови и золоте про Бога,
В безумии попрал свои святыни он,
И на душе его отчаянья тревога.
Кто разрушает все — не может создавать.
В ком Бога нет — тот долго жить не будет!
Господь! Во дни Поста вернись на Русь опять,
Пусть кроткий взгляд Твой души их пробудит!
Прости им, что творят, как Ты простил с креста
Разбойника, прозревшего душою...
Святая Русь разграблена, пуста,
В развалинах лежит перед Тобою!
В ней — всюду мрак, и злоба, и вражда,
И муки тех, кто верит, как и прежде...
Приди, Господь, к измученным туда,
Они так ждут Тебя в надежде!
Их души мучатся, томятся без конца,
Им злые палачи все истерзали тело...
Яви им взгляд прекрасного лица
И в тьме тюрьмы, и в жуткий час расстрела!
В пустыне Ты страдал, алкал Ты, как они,
Душой томился Ты от дьявольского слова,
Взгляни на них, Спаситель наш, взгляни,
Дай утешенье им... Явись усталым снова,
Дай им почувствовать, распятым на крестах,
Что вслед за днями горького мученья
Придет на Русь Твою в сияющих лучах
Святая радость Воскресенья,
Что кончится вражда, не будет литься кровь,
Восстанут алтари... закончится невзгода
И Ты простишь... Ты возвратишься вновь
К душе прозревшего народа!

10 марта 1919

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Нет тьмы, которая пред яркими лучами
Не разлетится вдруг,
Не плачь, что злобными руками
Разбито все вокруг,
Что отняты в мученьях долгих силы,
Поругано, что было свято нам,
И лишь везде безсчетные могилы
И слезы горьких драм,
Что стала бедной, жалкой и голодной
Великая страна,
Что зов спасения на битве благородной
Не слушает она,
А лишь идет, склонив покорно выю,
В разбойничьем ярме!..
Верь! Близок день! Господь спасет Россию,
Что мучится в тюрьме!
Редеет мгла!.. Заря уж недалеко,
За темной пеленой;
Несутся крики с юга и востока —
Там грозный бой!
Всю веру, средства, силы и стремленья
С идущими сплоти,
И скоро луч надежды возрожденья
Нам озарит пути!
И встанет Родина великой, обновленной
В сияющих лучах,
Забудется Голгофы путь пройденный
В мученьях и слезах,
Но для того, чтоб из тюрьмы ужасной
Скорей раскрылась дверь,
Не убивай себя тревогою напрасной,
Молись и верь!
Все, все отдай, чтобы народ свободный
Скорей прозрел душой,
Не будет жертва каждая безплодной
Во имя цели той!
Победа близко! Божья помощь с нами,
Погибшим — срама нет!
Верь! Скоро яркими лучами
Блеснет рассвет!

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОН

Несется громко звон пасхальный,
Прозрачно-ясен свод небес,
Напев звучит живой и дальний:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»
Он смертью смерть попрал навеки,
Пришедший к нам в смиренье Бог,
И в грешном слабом человеке
Свет веры пламенный зажег.
От мглы языческих радений,
Разврата мрачной тьмы души,
Привел Он к счастью пробуждений
Святых порывов и молений
В лампад трепещущей тиши.
И, вспоминая праздник чудный,
Святая Русь в тот день святой,
На миг уйдя от жизни трудной,
Молилась сердцем и душой,
Горела верой и любовью,
Трезвону красному внемля,
Теперь она залита кровью,
Колокола молчат Кремля,
Закрыты церкви, тьма глухая
Скрывает ясный свод небес,
Но с юга, сердце пробуждая,
Звучит: «Воскрес! Христос Воскрес!»
Над нашей Родиной распятой,
Уставшей в горести обид,
Печалью кроткою объятый,
Господь Спаситель наш скорбит...
Он видит горькие мученья,
Что терпит русский наш народ,
Он сломит горе заблужденья
Лучом Святого Воскресенья
И к нам в величии придет.
И слова правды засияют,
Христа услышав нежный зов!..
Над тихой Русью не смолкает
Пасхальный звон колоколов.
Пускай закрыты в дни гонений
Все церкви. Пусть они темны.
Есть Божий храм для всех молений:
Он в пробуждении весны!
Она несет нам перезвоны
И веру в русские сердца...
Молитесь... смолкнут в сердце стоны
У верных правде до конца!

Из цикла «Изгнание»

НЕЗАБЫТОЕ

Душе все грезится усадьба дальняя,
Весь в белом инее заснувший сад,
И песня прошлого, мечты печальные,
В рассказах бабушки, под смех внучат.
Аккорды нежные рояля старого,
Портреты пыльные на стенах зал,
И звон бубенчиков... и шаг «Чубарого»,
И весь сияющий огнями бал...
Душе все грезятся картины ясные,
Признанья шепотом, мечты любви,
Улыбки прошлого, как сон прекрасные,
И голос времени: «Забудь! Живи!..»
Но сердце грустное полно страдания,
Томит и мучит чужбины даль,
И нет забвения... и нет желания,
И только прошлого, как сказки, жаль.
И все не верится, что все любимое
Сгорело — срублено, как старый сад,
И сердце грустное, тоской томимое,
О прошлом молится, под свет лампад.

ПЕРЕЗВОНЫ

Как зов иль стон,
Со всех сторон,
Несется он,
Великопостный перезвон
Родных церквей...
Души печаль
С ним рвется в даль,
В простор полей,
К лесам, холмам,
К родным снегам
И к прошлым снам...
В дворы усадьб, под кровли хат,
В сосновый бор, в заглохший сад,
В забытый дом...
Все близко там, все нас зовет,
И кладбищ тишь... и храма свод,
Где свечи белые горят,
Где озаряет блеск лампад
Оклад икон...
В чужой земле, бредя во мгле,
Мы жадно слушаем, как стон,
Великопостный перезвон.
Зовет он в даль, —
И сердцу жаль
Родной земли, родных полей...
Тот звон твердит душе больной:

«Не плачь, не мучься,
Бог с тобой,
Страдает Русь в цепях невзгод
То — пост души. Но он пройдет.
Всю тяжесть общего Креста
Неси и ты». И вновь очам
Предстанет старый русский храм!
Великопостный перезвон
Свой сменит он
На мощный зов —
Пасхальный звон колоколов
Тогда он бросит в свод небес,
Помчится счастья песня в высь,
Тяжелый гнет цепей исчез.
Воскресла Русь. Христос Воскрес!
Жди верный... Сильным будь... Молись!

МОЛИТВА ОФИЦЕРА

Великий Боже!.. дай нам силы,
В изгнанье душу сохраня,
Увидеть близкие могилы
В рассвете радостного дня.

Дай нам дожить до тех мгновений,
Когда, избавясь от цепей,
Под звук пасхальных песнопений
Русь соберет своих детей.

Пусть тучи темные нависли,
Не дай упасть в холодной мгле,
Все силы наши, чувства, мысли
Дай нам отдать родной земле.

В дни нищеты, труда и муки
Не угаси в нас веры свет,
Что дни окончатся разлуки
И встанет Родина от бед.

РУССКИМ ДЕТЯМ

Копите силы молодые,
В изгнанье, в дальней стороне,
Не забывайте о России
И нашей русской старине.
Не забывайте ширь и дали
Лесов Руси, ее степей,
Ее прибежища в печали:
Святых церквей, монастырей...
О мощи дней ее прошедших,
О силе, вере, простоте,
О славе в вечный мир ушедших,
Служивших правде, красоте
Ее сынов, ей жизнь отдавших, —
Заветам следуя отцов,
Ее сбиравших, создававших
На протяжении веков.

Не забывайте о России!
Умчится время непогод,
Судьба вас к ней опять, родные,
Из чуждой дали приведет.
Тогда, рассеянных по свету,
Пришедших к Родине детей,
Страна потребует к ответу:
Что вы в душе несете к ней?..
Храните ль веру вы в святыни,
В заветы дедов и отцов,
Не позабыли ль на чужбине
Вы Славы Русской вечный зов?
И вы должны, неся ей знанья,
И речь ее храня в пути,
Из дней далекого изгнанья
К России — Русскими прийти.

ХОРУГВЕНОСЦЫ

Стремясь в далекий храм, под звуки
песнопений,
Средь хода крестного, в мороз и летний зной
Они идут в седом дыму курений,
Подняв свой стяг высоко над толпой.

Лучами солнце греет золотыми
Хоругвей образа. На золотых шестах,
В благоговении народ, встречаясь с ними,
Склоняется с молитвой на устах.

Идут они вперед, безтрепетно и смело...
До храма светлого, — должны они дойти, —
Толпе взволнованной, молящейся, нет дела
До их усталости в пути.

Она толкает их, стремлением влекома,
Волнуясь и теснясь, их мчит порой она...
Лицо несущего — ей чуждо, незнакомо,
Одна хоругвь близка ей и видна.

А те, усталые, порой изнемогают
Под тяжкой ношею, волнуясь и спеша,
Их зной томит и холод обжигает,
Нет сил идти... и мучится душа...

Но долг велит. И доблести примеры
В забвении себя, влекут их в даль... вперед...
Защитники России, офицеры,
Вся ваша жизнь — не тот же ль крестный ход?

Толпа не чувствует, как тяжко и глубоко
Даются вам все трудности пути,
Свою хоругвь, подняв ее высоко,
Должны вы с нею в храм войти.

И в даль идете вы, вперед, как крестоносцы,
Порою в рубище, порой истомлены.
Вперед. Вперед! Смелей, хоругвеносцы,
Толпе страданья ваши не нужны.

Она идет, под звуки песнопений,
За крестным ходом, верою полна,
И высоко, над ней, в дыму курений
Должны сиять святые знамена.

В ГОДИНЫ МУК И БЕЗДОРОЖЬЯ

В годины мук и бездорожья,
Когда закрыт туманом путь,
Храни от горя, воля Божья,
В тоске измученную грудь.

Дай не упасть в пути тернистом,
Уметь терпеть и не роптать,
В порыве искреннем и чистом
Огня души не потерять.

ПАВЕЛ БУЛЫГИН

Булыгин Павел Петрович (1896—1936) — поэт, прозаик, публицист. 21 апреля 1936 года нью-йоркская газета "Новое русское слово" поместила некролог «Гибель русского странника П. П. Булыгина»:

«Где-то далеко, в Парагвае, умер писатель и поэт Павел Петрович Булыгин.

Булыгин несколько лет тому назад поместил ряд статей, вскрывающих тайну убийства царской семьи. Этот вопрос он знал хорошо уже потому, что работал со следователем Н. А. Соколовым в Сибири, а потом после его смерти продолжал расследование в Европе.

После революции П. П. Булыгин вступил в Белую армию, совершил с нею походы, в том числе и "ледяной", а затем по повелению вдовствующей императрицы Марии Федоровны уехал в Сибирь на розыски царской семьи. Надо сказать, что он состоял начальником личной охраны Марии Федоровны в Хараксе. Его "Воспоминания о работе со следователем Соколовым" потом вышли в Англии (в прошлом году), а за два месяца до его смерти эта книга появилась и на итальянском языке в Милане.

Булыгин происходил из писательской семьи. Его отец, подписывавшийся тоже "П. Булыгин", работал в "Русском богатстве", писал беллетристические вещи, жил во Владимире, там и родился Павел Петрович, там же окончил гимназию. Затем поступил в Александровское военное училище в Москве и вышел одним из первых в лейб-гвардии Петроградский полк.

На войне он пробыл до самого ее конца, был ранен, контужен, получил несколько отличий — этот человек вообще отличался большой смелостью, большим личным достоинством и безкорыстием. Без преувеличения можно сказать, что из трех рублей своего кошелька он два с половиной, не задумываясь, готов был отдать неимущему. Живал он и в Риге, живал и в Литве, потом отправился в Абиссинию. Это было в 1929 году.

В сущности, его жизнь напоминает сказку, занимательный роман, повесть о днях безпокойного сердца, рассказ о человеке, не желавшем покоя, всегда стремившегося в неизвестную даль.

В Абиссинии он был сначала инструктором армии негуса, — в эти минуты о работе в абиссинских войсках Булыгина, должно быть, вспоминают и негус и его приближенные.

Все же это не могло продолжаться безконечно. В Абиссинии Павел Петрович провел громадный срок — целых 12 лет, и после инструктирования армии негуса занялся новым делом. Вообще, чего он только не делал, где он не бывал, куда не заглядывал!.. Теперь он стал заведующим... правительственной кофейной плантацией! Можно ли было ожидать всех этих пертурбаций от гвардейского офицера? Разумеется, в Абиссинии он тосковал, как волк при луне. Но почему-то его тянуло всегда к необычному, его звали страны, экзотические миры, необычайная обстановка. Он хотел испытывать новые ощущения, пробовать свои силы на

В старших классах Владимирской гимназии. 1914—1915 гг.

новых, незнакомых, удивительных поприщах — храброе сердце, неугасимая энергия, вера в себя, свою судьбу и будущее.

Года три тому назад он приехал в Литву, и в 1934 году получил неожиданное предложение — поехать ходоком от староверов в ... Парагвай. Всякий другой отказался бы и был бы логичен. В самом деле: почему от староверов?.. почему в Парагвай?.. почему русский писатель Булыгин, а не кто иной? Но Павел Петрович согласился. С неимоверными усилиями, без всяких средств, без знания испанского языка, исключительно благодаря своим организаторским способностям, он и там ухитрился и успел сделать очень многое, принести большую пользу.

Правда, этим успехам много способствовало личное знакомство Булыгина с президентом Парагвайской республики. Так или иначе, но он добился всяких льгот для колонистов этой земли.

Буквально без ничего, в глухом девственном лесу Парагвая, он основал русскую деревню. Как? Откуда средства? Но Булыгин над этим никогда не задумывался, и никогда не был расчетливым, все брал на себя, готов был отвечать личным карманом, ручаться за всех и каждого. На свое имя занял крупные деньги, отдал их поселенцам и ни минуты не сомневался, что никогда не получит их обратно! Так и говорил: "Пусть это будет моя затея!" Теперь этот долг банку заплатит его вдова из гонорара, полученного за английскую книгу — Булыгин был женат на сестре художника Шишко.

Пожалуй, не стоит говорить, что всякая удача талантливого человека должна возбуждать и зависть, и сплетни, родить интриги и клевету — со всеми этими невзгодами Булыгин мог бы бороться и их победить. Но уже давно было подорвано здоровье. Волнения, безсонные ночи, напряженные нервы — все это исподволь, потихоньку, но верно, подкашивало и, наконец, подкосило даже его железное здоровье.

В последние дни судьба стала вдруг гримасничать, и эти гримасы были злы.

17 февраля Булыгина не стало. Он умер от кровоизлияния в мозг — умер накануне новой жизни, новых возможностей: со дня на день должен был прийти чек из Англии — гонорар за его книгу — и дальше открывался путь в Европу. Долго ли он пробыл бы здесь — другой вопрос. Вероятно, Европа его не захватила бы совсем: за свою жизнь он изъездил почти весь земной шар — скиталец по натуре, природе, инстинкту и влечению. Домоседом он не был.

Умер бедняком: после него осталось всего-навсего четыре с половиной парагвайских песо, т.е. около одного французского франка. Трогательная подробность: эти деньги вдова положила около образа в его комнате. Пройдет время, и эти деньги будут положены в фундамент часовни — ее решила построить тоже вдова — в Парагвае, на русском кладбище...»

В 1921—1922 годах берлинский журнал «Двуглавый орел» опубликовал одиннадцать стихотворений Павла Булыгина и цикл из шести рассказов «Страницы ушедшего». Первая поэтическая книга Павла Булыгина вышла в 1922 году в берлинском издательстве «Град Китеж» со стихотворным посвящением вдовствующей императрице Марии Федоровне:

К Твоим стопам, Страдалица Царица,
Дерзаю я смиренно положить
Разрозненные первые страницы
Своей тоски и мыслей вереницы
И о прощенье Родины молить.

И верю я, что Ангел-Утешитель,
Собравши слезы царственных очей,
Их отнесет в священную Обитель,
И Сам Христос, Великий Искупитель,
Утешит скорбь и боль души Твоей.

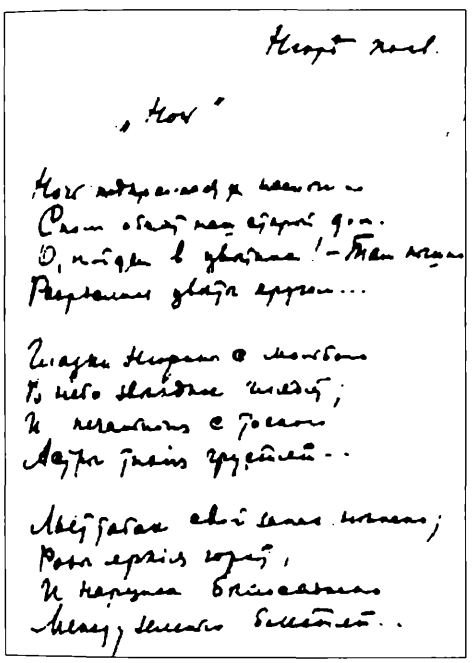
В 1937 году в Риге вышел второй, но уже посмертный, поэтический сборник Павла Булыгина «Янтарь», изданный его женой Агатой Булыгиной, писавшей в начале 1970-х годов: «Не теряю надежды, что так или иначе память о Павлуше в литературе и истории останется. Бог поможет, верю...»

В России имя Павла Булыгина впервые прозвучало на выставке «Поэты русской эмиграции» в Музее книги РГБ в 1996 году — в год столетия со дня рождения (5 февраля 1896) и шестидесятилетия со дня смерти (17 февраля 1936). В 1998 году вышло первое в России издание его стихотворного сборника «Пыль чужих дорог», переизданного в 2009 году, в 2000 году — книги «Убийство Романовых. Достоверный отчет».

МОГИЛА

Кладбище, как церковь.
Под сводом небес
Заката лампады святые.
В их розовом отблеске ярко горят
Оклады берез золотые.
И тихо, как в церкви, слегка шелестит
Лист желтый, на землю спадая.
И кажется мне, что чуть слышно звучит
Там где-то молитва, стихая.
Твой крест и могила вся в белых венках —
Невеста под белой фатою...
Кладбище твое в этот розовый час
Мне кажется церквью святою.

Ростов-на-Дону, 1918



Автограф стихотворения «Ночь 1917 г.»

В ТЮРЬМЕ

Как неприятен человек,
Ведь тело — только труп...
Зачем же мучиться весь век?
И как он все же глуп!

Опять кого-то увели...
Опять завыл мотор!
А где-то сладкий зов земли,
А где-то влажный бор...

В окне полоска янтаря,
Под нею, как пожар.
И золотит тепло заря
Мой угол грязных нар.

Ужели те, что вот сейчас
Ушли, чтоб быть в гробу,
Как и убийцы их, не раз
Кляли судьбу свою?

Ведь раньше можно было жить
Под солнцем и дышать,
Молиться, думать и любить...
А тем — не убивать...

1918

ОТЧАЯНИЕ

Я чую Беззвучности зовы,
Готов Безнадежность приять;
О, если бы можно опять
Разбить, как когда-то, оковы!
Стою на тяжелом пути.
О, если б, хотя на мгновенье,
Мне можно бы в детство уйти,
Забыться, хотя в сновиденьи.
Спаси меня, Кроткая Мать!
Закрой меня тихим покровом,
Позволь отошедших позвать,
Пригрей примиряющим Словом.
Дай прежнюю ясность дорог,
Простри Свои светлые руки;
Прилечь мне позволь на порог
И слушать Предвечности звуки.
Я так истомлен на пути,
Я страстно молю лишь забвенья.
Позволь мне, хотя в сновиденьи,
В минувшую Ясность уйти!

* * *

Христос, Спаситель мой, я вновь
к Тебе взываю!
О, научи меня любви, молю!
Мир холоден и глух, и в нем я изнываю,
Людей я, братьев, вовсе не люблю.
Любовь Ты нам принес и с нею в мир родился,
Прощать велел Ты даже и врагу;
Страдая, за врагов Ты на Кресте молился,
А я за них молиться не могу...

Харбин, 1920

* * *

Как хочется домой, как тяжела чужбина!
Я так измучился на жизненном пути.
Моих полей широкая равнина,
Мои леса, о, если б к вам уйти!

Мой тихий дом, моя семья родная,
Я вижу вас в печальном, грустном сне.
Как рвется к вам моя душа больная!
Мне тяжело — молитесь обо мне...

Харбин, 1920

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Моей крестнице Талюше

Зорька на западе чуть догорает,
В Божьих светелках зажглися огни,
Ночь на усталую землю слетает,
Влажные крылья свои отряхает.
Спи, моя детка, усни.
Сад засыпает. Над речкой, украдкой,
Робко защелкал в кустах соловей,
Кот на лежанке мурлыкает сладко,
Розовым светом мерцает лампадка.
Глазки закрой поскорей.
Спи, моя детка, пусть Ангел-Хранитель
Будет с тобою во все твои дни,
Пусть защитит тебя Кроткий Спаситель,
Правде научит Великий Учитель,
Спи, моя радость, усни.

Париж, ноябрь 1920

* * *

Если бы вы знали, что значить:
милости хочу, а не жертвы...
Евангелие от Матфея, гл.12, ст. 7

Не надо жертвы, а мы любим жертву,
И, жертвуя, жалеем лишь себя.
О, научи же, ближних возлюбя,
Любить Тебя смиренною любовью!

Дымят костры, омоченные кровью...
Где жалость, возвещенная Христом?
О, возлюбите мир — Господен Дом —
И милостыню сердца подавайте!

1921

П.П.Булыгин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Берлин, 1922
Издательство
"Град Китеж"

* * *

Похоронный, тяжкий, скорбный,
Долгий звон.
Он вещает, обещает
Вечный сон —
Безучастный... и напрасно
Так рыдать.
Жизнь невечна, срок намечен,
Надо ждать...
Отозвали, оборвали
Жизни нить...
Ведь любил я, не забыл я —
Как забыть?
Ладан, свечи, гроб, левкои...
Мрамор рук...
Все проходит, переходит,
Замкнут круг.
Похоронный, долгий, скорбный,
Тяжкий звон...
Наступает час печальный,
Наступает час прощальный
Похорон...

Берлин, 1921

У ЕДИНОВЕРЦЕВ

Как странно мне слышать за гранью чужой
Молитвы родного народа!
Повеяло Русью, кондовой такой —
Тогда, в допетровские годы.

Как строго напевы они пронесли
Сквозь бури веков и изгнанья,
С какою любовью они сберегли
Уклад по завету преданья!

Суровые, темные лики святых
Глядели в поблекших окладах.
Поклоны поющих. И лица у них
Какого-то старого склада.

И странно мне было осмыслить в себе,
Что это не так, не для виду,
Что это действительно я по тебе,
Родная, служил панихиду...

Осинки (Фёдорвальде)
В. Пруссия, 1921.

ГДЕ ТЫ?

Как страшно на земле теперь!
Пройдена жуткая грань.
Человек человеку — зверь.
И вместо молитвы — брань.

Дымится пролитая кровь...
Я буду трупом тоже.
Кто-то говорил про любовь...
Где же теперь Ты, Боже?

Видишь: лохматый и длинный,
Черный и, чувствую, враг,
В радостной злобе старинной
Тихо смеется в кулак...
Господи, где Ты?

1922

* * *

Не просите меня больше петь,
Я устал, утомлен, не поется.
Меня нужно сейчас пожалеть,
Мое сердце томительно бьется.

Я все понял, все понял, узнал...
Вот, вы слышали, дрогнули стены,
Меч дымящийся с неба упал
И карает ночные измены...

Вереницы веселых людей,
Развиваясь, свиваются в группы;
Вы смеетесь над маской моей,
А мне кажется: трупы, всё трупы...

Нарастает невидимый хор...
Панихида сплетается с танцем...
Горе грузно ползет на забор
И грозит окровавленным пальцем,

И белеет оскал черепов
Под людскою улыбкой презренья...
Я уйду от безумья годов.
Свете Тихий, спаси от прозренья!

ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Сегодня не засну я, —
Душа назад ушла.
Издалека, волнуя,
Звонят колокола.
Гудят, зовут и манят...
Грустят о той поре...
Кто в душу мне заглянет?
Кто встретит на заре?
Не надо звать.
Уж поздно.
Костер давно погас.
Встречаю я морозный,
Предчувствованный час.
Но утра голубые!
Но радостная новь!..
Тогда была Россия,
Тогда цвела любовь!

Газ. «Слово» (Рига),
№ 498, 08.05.1927

ВЕСНА НА РОДИНЕ

Гладь реки.
Откос отлогий.
Заревная ширь.
И за рощею далекой
Белый монастырь.
Убегает вдаль дорога,
Прячется во ржи.
Чертят в небе имя Бога
Быстрые стрижи.
Ветер морщит, набегая,
Голубую гладь.
Льется благовест, стихая,
Льется Благодать...

Dire Daoua. Abyssinie. Журнал «Рубеж»,
1935, № 25. Харбин

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

За эвкалиптами зеленая заря,
На небе полосы, как крылья птицы-жар,
Под низким облаком, где струйки янтаря,
Седло верблюжее — лиловый Ирреар.

Темнеет розово, и близится намаз,
Песком омоемся и вспомним, Ибрагим,
Молитвой узника, кого зовут Лидж-Ясс...
Хоть принял крест отца, но сердце наше с ним.

Лев Абиссинии, могучий Менелик,
Взгляни сюда с небес на Негуса в цепях
И внуку помоги! Велик, велик Аллах,
И Мухаммед, его святой пророк, велик!

Абиссиния,
журнал «Рубеж», 1935, № 48. Харбин

* * *

Весна опять зазеленела,
Но нам неясен жданный срок.
Мы неуверенно, несмело
Бредем в пыли чужих дорог.
Одни — речами истекают,
Бранятся, как кого назвать,
Другие — просто начинают
Жизнь по-чужому создавать.
И молодежь уже не помнит
Далекой Родины лица,
Не знает Иверской часовни,
Не знает Зимнего дворца.

Абиссиния

* * *

...Мне пальмы не нужны...
Верни меня России, Боже!
Мне иволга родимой стороны
Всех райских птиц сейчас дороже...

12.02.36. Асунсион, Парагвай

Из цикла рассказов «Страницы ушедшего»

Пасха 1916 года. Я был в отпуску и встречал Светлый праздник дома, в имении. К заутрене я с сестрой поехал в село Богоявленское в пяти верстах от усадьбы. Старая каменная церковь полна молящимися. Крестьяне охотно расступились и пропустили нас к правому клиросу. Я огляделся: хорошие русские лица, много седых бород, круглых бабьих лиц, истовые кресты, поклоны в землю, запах смазанных сапог, романовских полушубков и новых, к празднику надетых ситцевых хрустящих ярких платков. Маленькая церковь ярко освещена, темные иконы в убогих окладах уставлены множеством тонких свечей.

Священник служил просто, но благолепно. Пели часто сбиваясь, путаясь в песнопеньях и теряясь. Учительница краснела и волновалась. Им помогал хриплый бас дьякона и дребезжащий тенорок кашляющего псаломщика, но это не портило общего впечатления — здесь были бы неуместны и непонятны концертные хоры Архангельского.

Когда крестный ход, пройдя среди могил по рыхлому снегу и лужам, вернулся в церковь и раздалось детское ликующее «Христос Воскресе», я поздравил и поцеловал сестру и пошел к могиле отца, который похоронен в церковной ограде. С трудом отворив заваленную снегом калитку загородки, я пошел к могиле. Было совершенно темно, особенно после яркой церкви, влажные тучи закрывали звезды. Еле нашел я какую-то доску, бросил ее в лужу около могил и опустился на нее помолиться. Положив руку на могилу, я с удивлением заметил среди кусков мокрой земли и обнажившихся из-под оттаявшего снега прошлогодних цветов какие-то твердые круглые посторонние предметы. Я зажег спичку и увидел, что могила уставлена крашеными яйцами, куличами и пасхами... Это крестьяне приходили христосоваться со своим умершим помещиком и оставили все это для того, чтобы нищие, которых много сходится из окрестных деревень в церковь к Светлой заутрене, разговелись бы во Имя Христово и помолились бы за упокой души усопшего...

Умиленный и радостный ехал я домой, и сестра рассказывала мне, что она замечала, как крестьяне оставляют на ночь на окнах изб подаяние нищим, чтобы не видать их благодарности и не искушаться — старый русский Православный обычай:

«Твори милосердие втайне: и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Небо разъяснилось, проглянули всегда в Святую ночь особенно яркие звезды. Лошади шли шагом, осторожно ступая среди блестящих от звезд луж, сани сильно встряхивали на рытвинах, полозья царапали по земле. С оттаивающих полей тянуло знакомым и родным теплым запахом просыпающейся, набравшейся за зиму сил земли. Я глубоко и хорошо думал о духовных силах глубин народных, о том, что у меня под командой двести человек этих крестьян, о которых я обязан заботиться и водить, как уже водил, на великий подвиг борьбы за Веру, Царя и Родину; думал о том,

что для этого надо хорошо понять и полюбить их. И мне казалось, что я понимаю и люблю их.

Мог ли я тогда думать, что через год этот народ будет оскорблять и убивать нас, жечь усадьбы наши, выдаст беззащитного Царя и поглумится над самой Церковью Христовой? Что же произошло? В чем дело? Подменили народ, или мы просто не за то его принимали? Или же он не один виноват, а виноваты, и очень виноваты, и мы — господа и интеллигенты?

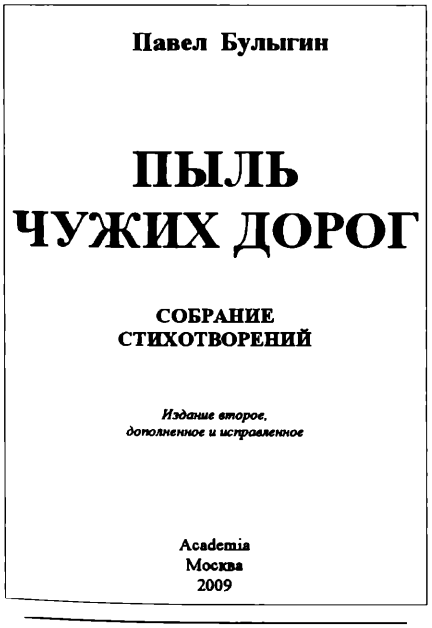
Виновны, конечно: вся революция сделана интеллигентами и господами, и Царя жидам отдали господа — ведь они, а не народ, окружали Его.

Пройдут года, сквозь развращенные слои народные пробьются ростки тех здоровых сил, которые есть еще в глубинах Земли Русской, не погибла еще вера в народе.

А мы, господа и интеллигенты, сможем ли выправиться, мы, наполовину перебитые и вымершие, разогнанные, озлобленные и все же еще не все вернувшиеся к Богу, не сознавшие в изгнании свой грех перед Ним и Помазанником Его?..

Да поддержит нас в нашем тяжелом испытании Рука Божья, да поможет Он нам очищенными вернуться на Родину, слиться с прозревающим народом нашим, покаянно склонить голову перед грядущим Престолом и общими силами начать тяжелую и упорную работу заново по воссозданию разрушенной Земли Русской...

7-го мая н. ст. 1921, Берлин



Современное издание стихотворений Павла Булыгина

ГЕОРГИЙ МАСЛОВ

Маслов Георгий Владимирович (1895—1920) — поэт, литературовед. После окончания в 1913 году Самарской гимназии поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Вместе с С.М. Бонди, Ю.Н. Тыняновым, Ю.Г. Оксманом, Н.В. Измайловым, Б.М. Эйхенбаумом, ставшими впоследствии знаменитыми филологами и пушкинистами, участвовал в работе Пушкинского семинара С.А. Венгерова. Юрий Тынянов, поступивший в университет на год раньше Маслова, вспоминал:

«Имя Георгия Владимировича Маслова мало кому известно; оно и останется в тени, потому что Георгий Маслов умер в 1920 году на больничной койке, в Красноярске, не достигши и двадцати пяти лет. Умирал он тяжело, сыпным тифом, но перед смертью еще выправлял свою поэму "Аврора".

Я помню Маслова по Пушкинскому семинарию Петербургского университета. Здесь он сразу и безмерно полюбил Пушкина... Вскоре мы услышали его собственные, не всегда ровные, но уже строгие стихи. Стихи его стали появляться в печати (журнал "Богема", сборник "Арион", хрестоматия З. Гиппиус "88 стихотворений" и др.).

В годы революции Маслов очутился в Сибири. В тяжелые дни походной жизни он, должно быть, утешал себя воспоминанием о житье Дениса Давыдова и славил

Солдатский отдых краткий,
Солдатскую любовь.

Возврат к Пушкину был в нем и органичен и сознателен. В одном послании он говорит:

...Я не верю нашей критике
И модных не терплю стихов,
Люблю старинные пиитики,
Где царство нимф и пастухов.

Этот возврат к стилю Пушкина, Баратынского, Дельвига заметною струею проявился тогда в литературе (Б. Садовской, Ю. Верховенский). Он был плодотворен; стилизация была повторением или отблеском старого на новом фоне — пушкинский стих на фоне символистов приобретал новые, неведомые раньше, тона. Словесная ясность пушкинского стиха-плана, стиха-программы на фоне насыщенного, обремененного нового стиха получала значение сложной простоты».

В последующие годы Георгий Маслов остался в тени не только из-за ранней смерти. Юрий Тынянов, как и Леонид Мартынов, посвятивший Маслову свою первую сибирскую поэму «Арлекинада» и новеллу «Домик на колесах», не могли рассказать о *походной жизни* молодого поэта, вступившего рядовым добровольцем в армию адмирала Колчака, о том, что его дважды репрессированная жена, поэтесса Елена Тагер-Маслова, восстановит по памяти предсмертный цикл стихотворений «Путь во мраке (Дорога Омск — Красноярск. Январь — февраль 1920 года)». Но и в наше время эти стихи Георгия Маслова продолжают храниться в архивах...

РОДИНЕ

Застыли слезы в синем взоре
Твоем, измученная мать.
Какие горести и хвори
Еще начнут тебя терзать?

От края до другого края —
Сухая полевая жердь —
Идет в плаще неурожая
Твоя осклабленная смерть;

Спокойно подымая посох,
Работает и ночь и день
Среди убогих, жалких, босых
Забытых Богом деревень.

А на кровавом горизонте
Седые облака плывут
Рыдать за тех, кто там, на фронте,
Под ядра и штыки идут.

Но ты, молчальница, не стонешь —
Привыкла на своем веку.
В безлюдных церковках хоронишь
Свою щемящую тоску.

И я уверен — мне простится,
Что я, тоскуя и любя,
Не мог ни верить, ни молиться,
А только плакать за тебя.

<1919>

НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ

Агнивцев Николай Яковлевич (1883—1932) — поэт, драматург, детский писатель. Потомственный дворянин. В 1906 году окончил гимназию в Благовещенске, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1908 году опубликовал первое стихотворение. Заметная фигура в среде дореволюционной петербургской богемы. Его песни и куплеты исполняли Николай Ходотов и Александр Вертинский, сам Агнивцев выступал в театрах-кабаре и литературно-артистическом ресторане «Вена». В январе 1907 года вместе с режиссером Константином Марджановым и актером Федором Курихиным создал театр-кабаре «Би-ба-бо», впоследствии «Кривой Джимми». С 1921 года — в эмиграции. Александр Вертинский вспоминал о его пребывании в Крыму: «Поэт Николай Агнивцев, худой и долговязый, с длинными немытыми волосами, шагал по городу с крымским двурогим посохом, усеянным серебряными монограммами — сувенирами друзей, и читал свои последние душераздирающие стихи о России:

Церкви — на стойла, иконы — на щепки!
Пробил последний, двенадцатый час!
Святый Боже, святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас!»

Стоит добавить, что сам Александр Вертинский создал столь же *душераздирающую* песню на эти стихи Николая Агнивцева, которая, как и его песня о юнкерах, погибших при расстреле Кремля, «Я не знаю, зачем и кому это нужно...», — остаются свидетельствами трагической эпохи.

В 1923 году Николай Агнивцев вернулся в Россию, оставив прощальное письмо друзьям-эмигрантам: «Прощайте, поймете вы меня или нет, мне все равно, так как я порвал с людьми и думал только о русском небе, русском лесе, запахе предрассветного дымка из хлебной печи, и никто не может у меня отнять этой любви, этой молитвы за Россию».

В Советской России выпустил более 20 книг для детей.

В последние годы вышло несколько поэтических книг Николая Агнивцева (Избранное. СПб., 2009 и другие), но в них не представлены его молитвы о России 20-х годов. Восполняем этот «пробел»...

МОЛИТВА ЗА РОССИЮ

Боже Великий!
Как больно и тяжко
Край мой рыдает огнем и свинцом.
Русь ты моя! Голубая монашка!
С бледным поникшим лицом.

Вот ты лежишь на погосте, родная,
Тряпкой заткнут твой запекшийся рот.
А по разорванной рясе, сбегая,
Алая струйка течет.

Церкви — на стойла,
Иконы — на щепки,
Пробил последний,
Двенадцатый час.

Святый Боже,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Помилуй нас!

1927

Из репертуара Александра Вертинского 1920—1930-х гг.

МОЛИТВА РЕБЕНКА

Господи Боже старенький,
С доброй седой бородой,
Боже, склонись с неба к маленькой,
Господи, Боже Ты мой!

Очень мне плохо и жутко,
Очень мне холодно здесь...
Можно к Тебе на минутку
В небо по лесенке влезть?

Там, говорят, очень много
Хлеба в Твоей вышине...
Знаешь все время — ей-богу —
Есть очень хочется мне.

С белого, белого неба
Кинь для России, Господь,
Чуточку черного хлеба —
Самую чуточку хоть!

Боже, для нас в переулке
Сделай, пожалуйста, так,
Чтоб пятачковая булка
Стоила снова пятак...

Чтоб русские с русским не дрались
И чтобы еще по ночам
Не приходили, ругаясь,
Люди с винтовками к нам...

Боже, в любви неизменной
Скоро ль придешь с высоты?
Только уж непременно
Сам опустись нынче Ты!

Если ж для дела такого
Сына - Христа Своего,
Снова пришлешь Ты, то снова
Нынче убьют здесь Его!..

С белого, белого неба
Кинь для России, Господь,
Чуточку черного хлеба,
Самую чуточку хоть!..

1920-е гг.

БЕЛОКАМЕННОЙ

Москва!.. Сколько гнева и боли
Скопилось, Родная Земля,
В молчаньи твоих колоколен,
В тяжелом дыханьи Кремля...

И чудится мне из тумана
Улыбка батыевых губ,
И посох царя Иоанна,
И гром бонапартовых труб.

И снова кремлевы святыни
Согнулись под гнетом оков...
Но встанут Пожарский и Минин
Из дрогнувших гневом гробов!

Москва, в эти дни крестной страды
Помилуй свой край и спаси, —
Зажженная Богом лампада
Пред ликом распятой Руси!..

1920-е гг.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

Вертинский Александр Николаевич (1889—957) — эстрадный артист, поэт, композитор. Многие есни Вертинского становились «авторскими» вне ависимости от того, кто был автором слов, — лександр Блок, Тэффи или Анна Ахматова. Все равно Девушка пела в церковном хоре», «Черный карлик», О всех усталых», «Сероглазый король» вот уже многие околения помнят и наверняка будут помнить как есни Александра Вертинского. Поэт и композитор ертинский, как автор слов и музыки к «Балу споднему», «В степи молдаванской», «Мадам, уже адают листья...» и многих других песенных шлягеров, этом смысле тоже отступает на второй план перед ансонье Вертинским. Некоторые из его песен стали остоянием истории не благодаря, а вопреки времени, оторое вычеркивало, как многим казалось, навсегда, е только слова, но и сами песни. Так произошло с есней «То, что я должен сказать» («Я не знаю, зачем и кому это нужно...»), созданной после гибели юнкеров и расстрела Кремля в ноябре 1917 года. Только в русском зарубежье звучала его «Молитва за Россию» на стихи Николая Агнивцева и авторские молитвы «Панихида хрустальная», «Аллилуйя», «Рождество».

В основе культовой песни русской эмиграции «Молись, кунак...», как обозначено на одной из пластинок Вертинского, — «кавказская песня», но тот же «Кунак» известен как песня алтайских казаков времен Гражданской войны, как народная казачья песня она входила в репертуар знаменитого Хора донских казаков Сергея Жарова. Благодаря эстрадному исполнению Александра Вертинского и хоровой аранжировке Сергея Жарова она стала не кавказской и не алтайской, а общей песней-молитвой Русского зарубежья.

МОЛИСЬ, КУНАК...

Молись, кунак, в стране чужой;
Молись, кунак, за край родной;
Молись за тех, кто сердцу мил;
Чтобы Господь их сохранил.

Пускай теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны;
Но верим мы, настанет час,
И солнца луч блеснет для нас.

Молись, кунак, чтобы Господь
Послал нам сил, чтоб побороть,
Чтобы могли мы встретить вновь
В краю родном мир и любовь.

Из репертуара Александра Вертинского (1920-е гг.).

ЮРИЙ ГАЛИЧ

Галич (настоящая фамилия Гончаренко) Юрий Иванович (1877—1940) — поэт, прозаик. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. С 1912 года — полковник Генштаба. В Первую мировую — командир драгунского полка, участник Брусиловского прорыва. С апреля 1917 года — генерал-майор Генштаба. С апреля 1919-го — белый генерал на Юге России, с февраля 1920-го — в Приамурье. В 1921 году во Владивостоке вышли книги генерала Георгия Гончаренко «Красный хоровод», «Орхидея», но уже под литературным псевдонимом Юрий Галич. В книге «Золотые корабли. Скитания» он описывал свой отъезд из Владивостока:

«Сегодня, двадцать второго октября тысяча девятьсот двадцать второго года. Я начинаю повесть нового скитания. Закинутый революционным вихрем, словно волчок, на край света, я возвращаюсь снова

к европейским берегам, в родные и знакомые пределы...

В сознании проходит вереница дней... Война... Революционный Петроград... Киевские, одесские, константинопольские дни...

Три года жизни на Востоке... Колчак и Омск, Семенов и Чита. Крушение Верховного Правителя, сибирская агония и красный хоровод... Правительство эсера Медведева — Александра Первого и Непоследнего. Правительство коммуниста Антонова — Антона I Тишайшего.

Американцы, японцы, англичане...
Я покидаю вас навеки, навсегда!»

Последующие годы жизни Юрия Галича связаны с «русской Ригой», где с 1926 по 1936 год вышло двенадцать его прозаических книг, среди которых «Золотые корабли» (1927), «Легкая кавалерия» (1928), «Красный хоровод» (1929), «Звериада» (1931), «Синие кирасиры» (1936). Поэтическая книга Юрия Галича «Орхидея. Тропические рифмы» вышла в Риге в 1928 году, но еще в 1907 году офицер-драгун Георгий Гончаренко, посещавший «пятницы К.К. Случевского», выпустил стихотворный сборник «Вечерние огни». Совпадение с «Вечерними огнями» бывшего офицера-кавалериста Афанасия Фета, конечно же, не случайно. В поздних стихах Юрия Галича несомненно влияние Николая Гумилева. Уже в наше время вышло несколько переизданий его прозаических книг, а поэту-генералу Юрию Галичу стали приписывать популярную «белогвардейскую» песню «Поручик Голицын»...

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

В дыму побед и бранных оргий,
В кроваво блещущем огне,
С копьем в руке святой Георгий
Нас вел на огненном коне.

И полк прикрыв щитом червленым,
И полк храня со всех сторон,
Кидал за первым эскадроном —
Четвертый, пятый эскадрон.

Рыдали бешеные трубы,
Гремел огонь и конский топ,
И дерзко сабельные зубы
Вонзались в вражеский потоп.

Когда ж, победные, в восторге,
Мы становились на привал —
Один лишь он, святой Георгий,
Молясь за нас, не пировал.

Он пел Творцу и в лунном свете
Сиял молитвенной мечтой
И, словно Крест, молитвы эти
Сверкали в черни золотой.

Когда ж огнистое светило
Зажглось в лазурной вышине, —
Он вновь, как радужный Аттила,
Нас вел на огненном коне.

* * *

Ветряк маячит на пригорке,
А день так ярок, так хорош —
Луга, поля и запах горький,
И томно зреющая рожь.

Проселок, вьющийся узором,
Плетень кривой за косогором,
Мохнатый ельник, темный лог,
И топь, и змейка-ручеек.

Все тот же вид, седой и древний,
Сто лет вперед, сто лет назад —
Поляны, пашни и деревни,
И пятна млеющие хат...

Прости меня, Великий Боже,
Но почему-то мне дороже,
Тебе одной, тебе молюсь —
Моя языческая Русь!

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Ночь простые холсты небеленые,
В ясноглазый апрель засиненные,
Заслонив облаков острова,
Распахнула над старицей древнею,
И, с уделов доныне жива,
Носит древнее имя — Москва.

Шли над ней за столетьем столетия,
Благоденствия и лихолетия —
Крест Господень и вражий топор, —
Но, спокойная и величавая,
Все стерпела Москва златоглавая,
И последний тяжелый позор
Осиянное Имя не стер.

Ночь окутала мраком околицы,
Но Москва не заснула, а молится,
Ибо кончился длительный пост:

Птицу Сирина с песней тоскующей
Этой ночью пасхальной ликующей
Белокрылый сменил алконост.

Ночь уже побледнела весенняя,
Но не смолкли в церквах песнопения
В этот радостный Праздник Христов,
И торжественной медью расплавленной,
Как напутствие Крестных Ходов,
Льется звон «сорока сороков».

А вверху над Кремлем Белокаменным,
Заревым поглощаемы пламенем,
Растворяясь в туманной дали,
Под тяжелою ношей согбенные,
Крестным ходом идут убиенные,
Что в безчестие Русской земли
Честной смертью на плах легли.

Имена их Ты, Господи, ведаешь,
Но Восток, в огневых облаках,
Провожаемый ясными звонами,
Над полями, лесами и склонами,
С плащаницей Руси на руках?

ПАНИХИДА

Белым саваном окрестности увиты,
Ветер скорбное разносит песнопенье.
Я хочу молиться за убитых,
За мечи, распавшиеся в звенья.

За друзей, навеки замолчавших.
За врагов, сражавших и сраженных,
За недужных, без вести пропавших
И за всех, за всех вооруженных.

А потом к священному подножью
Припаду усталой головою —
Пусть мой путь, увитый злом и ложью,
Зарастет колючею травою.

САША ЧЕРНЫЙ

Черный Саша (настоящая фамилия Гликберг Александр Михайлович, 1880—1932) — поэт-сатирик, драматург, литературный критик, переводчик. Первое стихотворение под псевдонимом Саша Черный опубликовано в 1905 году. Первая поэтическая книга «Разные мотивы» вышла в С.-Петербурге. в 1906 году. Участник Первой мировой войны. В 1914—1917 годах был солдатом при полевом лазарете. В марте 1917 года назначен Временным правительством заместителем комиссара Северного фронта. Октябрьскую революцию не принял, несмотря на предложение возглавить газету в Вильно. Осенью 1918 года уехал в Прибалтику, где создал стихи о Литве и цикл «Русская Помпея», обозначившие основной мотив ностальгии в его эмигрантской поэзии. В дальнейшем жил в Берлине, Риме, Париже. В 1927 году группа эмигрантов приобрела на паях земельный участок на юге Франции и основала русскую колонию в поселке Ла-Фавьер. Последние годы жизни провел среди «русских колонистов», создав сатирическую поэму «Кому в эмиграции жить хорошо» (1931—1932), прозаические «Солдатские сказки» (1933). В эмиграции написал около двадцати книг для детей. В наиболее характерных поздних стихах выразил чувства «тех, кто страдает гордо и угрюмо, таятся по мансардам и молчат...» Публикуемое стихотворений, вне сомнения, стало классикой поэзии Русского зарубежья.

* * *

Прокуроров было слишком много!
Кто грехов Твоих не осуждал?..
А теперь, когда темна дорога
И гудит-ревет девятый вал,
О Тебе, волнуясь, вспоминаем, —
Это все, что здесь мы сберегли...
И встает былое светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли...

ГЛЕБ СТРУВЕ

Струве Глеб Петрович (1898—1985) — литературовед, литературный критик, публицист, переводчик, мемуарист, поэт. Сын знаменитого общественного деятеля и философа Петра Струве (1870—1944). В 1917 году, после окончания Выборгского коммерческого училища, служил в артиллерийской гвардии на Карпатах. Весной 1918 года вступил в Добровольческую армии. В эмиграции стал крупнейшим специалистом по истории русской литературы и литературы Русского зарубежья, рассматривая ее как «временно отведенный в сторону поток общерусской литературы». В 1965 году в Вашингтоне выпустил сборник своих стихов «Утлое жилье: Избранные стихи 1915—1949 гг.».

* * *

Мы живем в тупом ожиданье
И в тревоге за каждый час.
Перейти сокровенные грани
Не дано никому из нас.
И тревога все злей, все резче,
Кровью красною всходят цветы,
Собираются тучи зловеще,
И растут на могилах кресты.
Колокольного звона не слышим
И молитвы творим в тиши.
Подымаются выше и выше
Безысходные страхи души.
Черный, бледный монах у обедни
Что пророчат его глаза?
Этот день будет день последний,
Никому не уйти назад.

1918
Пустынь Нила Сорского

* * *

Брату Льву

Среди полей вдруг одинокий крест —
Молитва многих к благостному Богу.
Молитвенно тихи леса окрест,
А солнце указует нам дорогу.

И, радостные, мы идем вдвоем,
И легок шаг наш. К дальнему порогу
Лежит тропа. Там кем-то брошен дом,
Там будем жить мы, радуясь много,

Следя, как на горах горит заря,
Как вечером засветит кто-то звезды;
Вдыхая пьяный, ароматный воздух.
Нам радость детская — два фонаря
Автомобиля на большой дороге,
И нет ни прежней скуки, ни тревоги.

1921
Шварцвальд

К БОГУ

Мы в этом мире маленькие дети,
И нас страшат минуты и часы,
А Ты рукой спокойной на весы
Кладешь тяжелые тысячелетья.

Ты всех вещей давно исчислил меру,
Ты ведаешь, где грань добра и зла,
А мне дорога в вечность пролегла,
Как странствующему Агасферу.

Ты строил мир, чтобы его разрушить,
А я бреду, чтоб добрести к Тебе:
Руками легче крыльев голубей
Ты на весы мою положишь душу.

1922

* * *

Не плачь, не сетуй, не тоскуй:
Господне око бдит над нами,
Оставь ненужную тоску,
Коленопреклоненный, в храме
Молись: «О Господи, взыскуй
Раба, что робкими стопами
Навстречу сени гробовой
Грядет и, слыша за собой
Плесканье крыл и голос трубный,
К Тебе, Далекий, Недоступный,
Стремится скудною душой».

Мерцают свечи у иконы,
По-неземному благосклонный,
Взирает ниц на мир земной
Господен Лик. Молись и стой
И чуда ожидай. И въяве,
В нездешней лучезарной славе,
Весть будет явлена тебе:
Да, покорясь своей судьбе,
Отринутый и недостойный,
Ты примешь смерть свою спокойно.

1947

СЕРГЕЙ РАФАЛЬСКИЙ

Рафальский Сергей Милиевич (1896—1981) — поэт, прозаик, публицист, журналист. Из семьи священника. Окончил гимназию в г. Острога (Польша). Учился в Петербургском и Киевском университетах. Участник Белого движения. В 1922—1926 годах жил в Праге. Один из организаторов пражской поэтической группы «Скит поэтов». В Праге издал первые поэтические сборники «За чертой» (1922), «Август» (1924). В 1929 году переехал в Париж. Французский славист Ренэ Гера издал посмертно три тома его сочинений: «За чертой» (1983, стихи), «Николин бор» (1984, проза), «Их памяти...» (1987, эссеистика). В 1984 году в Лондоне вышли его мемуары «Что было и чего не было. Вместо воспоминаний». «Молитва о России» впервые опубликована в пражской газете «За свободу!» (1922, 2. VII.).

МОЛИТВА О РОССИИ

Можно молиться слезами, можно молиться
кровью,
есть молитва ребенка, и молитва разбойника
есть...
Не Ты ли прошел над нами огнепалящей
новью,
и все выжег в сердце нашем, и только оставил
месть?
Отчего Ты не был суровым к другим,
милосердный Боже,
И только в нас нещадно метнул огневое копье?
...И кровь, и позор, и голод... Довольно!
России нет больше!
Только могилы и плахи, и только кричит
воронье!
Трижды, четырежды распял...
И труп распинаешь.Правый?
Быть может, грехам вековым еще не окончен
счет,
Быть может, нет искупления для наших забав
кровавых —
но дети, но дети, дети! За что ты их мучишь?
За что?..
Скройте лицо, Херувимы, плачь неутешно,
Мария, —
только трупы и кости разбросаны по полям...
Разве не видишь, грозный, — изнемогла
Россия.
Разве не видишь? Что же молчать не велишь
громам?
Не видишь... И знать не хочешь... Весы Твои
правды строже!
Еще нужны искупленью тысячи тысяч
смертей!..
Бичуй, карай — не поверим... Уже мы устали,
Боже,
От воли Твоей...
Пусть теперь молятся камни, пусть рыдают и
плачут,
Пусть охрипнут от криков: «Господи,
пощади!»...
Я свое человечье сердце, я страшное слово
спрячу,
и только Тебе его брошу, когда Ты придешь
судить!..

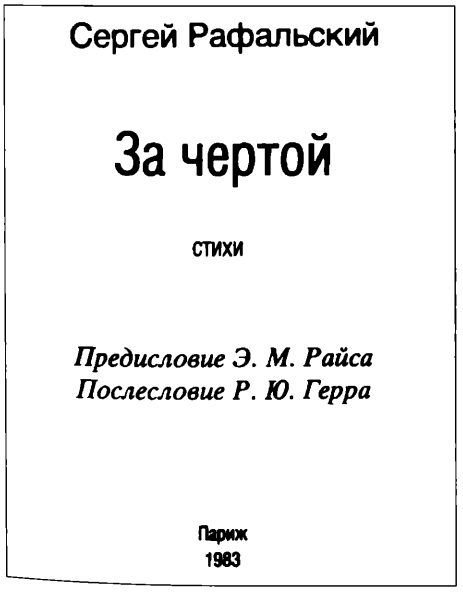
1922

ДВЕ МОЛИТВЫ

I

У каждой страны своя судьба,
у каждой судьбы своя причина,
и если на ферму не похожа изба —
оттого, что у них — виноград,
а у нас — рябина...
Говорят:
«От Балтийского до Каспийского,
от Дуная и до Урала, и до Амура
раскинулась средь простора евразийского,
велика Федора, да дура.
Нет у нее Парфенона,
ни Пантеона,
ни Одеона,

а теперь даже нет колокольного звона!
Нет ни дорог мощеных,
ни душ лощеных,
злы и нелепы ее законы.
Пусть в земле — самоцветы и злато,
что проку в них для худого кармана?
Только горем одним богата,
только думы ее — великаны!
Возмечтала о праведном царстве —
всем народом пошла по мытарствам.
И пока другие с высокого кресла
здравого смысла
ее чудачеством
потешались, взирая, —
землю грызла,
на стенку лезла,
добиваясь самого высокого качества,
самого настоящего Земного Рая!
Хотела счастья всему Свету,
и вот у самой и на хлеб нету!
Пришлось поклониться недоброму дяде —
распахав целину — урожай собирать
в Канаде!
Но не «хлебом единым», как говорится:
хотела, чтоб всем от неправд ущититься —
и вот другие снимают пенки
у хозяев, чувствительных к дальним
угрозам,
а она полстолетья сама над собой
глумится,
сама себя ставит к стенке,
запирает в застенке,
захлебнувшись кровью и навозом,
у заплечного лежит приказа...
Вот тебе и «все небо в алмазах!» —



... Все это я слышу, все это я знаю,
все обвинения принимаю,
но что я могу и что я значу?
Вспоминаю Ее и плачу...
А когда меряю с богатыми и сытыми,
что ходят дорогами избитыми,
горем чужим не болеют, не маются,
счастья всеобщего не добиваются
и душу кладут за свое лишь имущество —
не вижу, по совести, их преимущества!
Где у них девушки, что разыгрывали на рояле
ланнеровские вальсы в ампирном зале,
ели и пили на хрустале и на севрском
фарфоре,
тонкими пальчиками в парижской лайке
поддерживали ворот кружевной разлетайки,
когда на тройке в серебряном наборе
катал их кузен, голубой улан,
а потом от всего отрекались, все бросали,
забывали свой род и свой клан,
тонули безследно в мужицком море,
в бездонном горе,
принимали у баб, сопли немытых детей
утирали,
учили,
лечили,
бомбы бросали,
на каторге гнили
и верили, верили, верили в Век Золотой,
когда правда и счастье для всех, навсегда,
словно солнце, взойдут над землей?
Где у них царь, победительный, властный,
балованый, что
мгновеньем одним зачеркнув триумфальные
дни и года,
пока у дверей его спальни шептались
придворные клоуны,
тайком из дворца уходил в никуда, навсегда
и бродягой побрел по своей же Империи,
народные судьбы и горе народное меряя,
с людом простым сообщался, роднился,
вместе трудился,
вместе молился,
вместе под плети ложился —
и никому никогда не открылся?
Где у них двенадцать простых людей
и, возможно, антисемитов,
что оправдали еврея,
потому что вины на нем не нашли,
хотя старанием черных властей
все было так сколочено, сбито,
чтобы племя фальшивого злодея
опозорить от края и до края земли?

И вот — не стыжусь ни судьбы воровской
и злодейской,
ни того, что в стране ни свободы, ни сытости нет,
вспоминаю Ее —
и в помпейской ночи европейской
мне как будто бы брезжит далекий —
в тяжелых туманах —
рассвет...

«Друг мой, друг мой!
Все это мило,
но доброе в ней догорело до тла!
На распаханных старых могилах
одна крапива взошла:
рвачи, стукачи, палачи...
И теперь — хоть кричи,
хоть молись —
историческая надвигается ночь.
Чем ты можешь ее превозмочь,
на Тарпейской скале недорезанный гусь?..»
— Отче Наш! Светлым силам Твоим
повели —
пощади эту бывшую Русь!

II

Встала Смерчь над шеломенем зла и черна,
из Перунова стольна дома
в степь выкатывала гром вслед грома,
кнутовищем огня
седорунное бучила стадо ковылье.
И волки, за дня
подымаясь из логова, наглые, выли,
и вороны, кровью пьянеюще, крячили: Гон! Гон!
И маялись чайки отчаянно: чья, чья, чья вина? —
когда травяными, глухими топями,
добивая отставших,
добивая упавших,
подгоняя уставших тупыми копьями,
половцы войско разбитое русичей гнали
в полон...
А в Путивле месяц взошел не весел,
как будто взлетевший без сил Алконост,
с насести тучи уныло свесил
радужный хвост.
И всю ночь напролет на стене городской
из бойниц без людей
в перекличке сторожевой
завывали и ухали навьи и совьи,
навевая молодушкам думы вдовьи,
сердце истачивая матерей...
Этой грусти продавней не выпило время и
годы-столетья
все так же несчастны, и рок наш без удержу лих —
отцов наших так же погибли
в безвременьи дети,
как их давние предки и далекие правнуки их.
О горькая Русь!
Ты как белая чайка,
что свивала гнездо у дорог ходовых — ордой
половецкой прошла Чрезвычайка,
и сколько детей не хватает твоих!
А другие в стране своей так же в немилости,
как в дикой степи у костров кизяка,
и то же им снится, что прадедам снилось их,
и та же цепная томит их тоска,
и так же, ярясь грозовой кобылицей,
враговая Смерчь, над шеломенем став,
опять, приближаясь, грохочет и злится
у древних твоих пограничных застав.
О горькая Русь! Сохрани тебя Бог
под бураном веков, на скрещеньи дорог!
Сохрани тебя Бог за твои неоплатные муки
и за то, что с тобой, точно дикая сука, судьба,
и за то, что тех русичей хмурые внуки
больше не крестят ни сердца, ни лба!

Современная антология пражского «Скита поэтов». М., Русский путь, 2006 г.

ВАЛЕНТИН ГОРЯНСКИЙ

Горянский (настоящая фамилия Иванов) Валентин Иванович (1888—1949) — поэт, прозаик, драматург. Сын художника-баталиста князя Эдмонда Сулимана-Грудзинского. Учился во Второй петербургской гимназии. Первые религиозные стихи публиковались в журнале «Русский Паломник», сатирические — в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе». В 1914 году отправился добровольцем корреспондентом на фронт. Выпустил сборник стихов «Крылом по земле» (Пг.,1915). С 1920 года в эмиграции. Жил в Югославии, Франции. Работал в газете «Возрождение». В 1937 году ослеп, зрение восстановили после операции через восемь лет. «Какое это чудо, когда я снова прозрел! — И как теперь я влюбился в линии и краски и стал ни с того ни с сего — рисовать!» Не менее тяжким испытанием оказалась для него ностальгия. Многие его произведения остались неопубликованными.

МОЛИТВА УЛИЦЫ

И.В. Лебедеву

Черное небо хмурится,
Далеко до зари...
Молится Богу кривая улица
Загасивши свои фонари.

Тускло плиты панельные
Дробят случайный свет,
Падают с крыш слезы капельные,
У кого-то чего-то нет.

Улица слезами молится,
В черном небе непроглядная тьма.
Кто же за улицу помолится,
Как не она сама?

«Ты прости меня, улицу с переулками,
С фонарями, Господи, не осуди,
С воротами, дворами гулкими,
С мостовой на моей груди...

Ты прости меня, темную и жуткую,
С громадами желтых стен,
С пьяной, грязной проституткою,
Попавшей в каменный плен.

Ты прости меня за ребяток маленьких, —
Жаль их, Господи, жалко мне, —
Нет у меня цветочков аленьких,
Бабочек нет у меня к весне.

Ты прости меня с дождем и холодом,
С башнями фабричных труб,
С матерью, истомленной голодом,
Со всеми, кто зол и груб...

Улица я, улица проклятая...
Тяжело мне горести рожать,
Чем же, Господи, виновата я,
Что до поля мне не добежать?

Что бочком-канавкой придорожною
У калитки садовой не прилечь
Там, где сладкую, тревожную
Сердце девичье подслушивает речь?..»
. . . . . .
Улица слезами моется,
В черном небе непроглядная тьма.
Кто же за улицу Богу помолится,
Как не она сама?..

<1915>

ЧАСОВНЯ

Заметена снегами околица,
После вьюг — бездорожье,
Старая часовня молится,
Угодница Божья.

На окнах полотенца узорные
Вышил мороз, цветы да елки;
За рекой леса черные,
Где-то протяжно плачут волки...

Мало что шубами удостоины,
И то, кажись, слава Богу,
А кругом трещат сухостоины,
Будто мужики идут на берлогу...

Еще вьюга, так вовсе скроется
Часовня в снеговые перины,
Но глядит в небо звездное и молится
О сиротах бабы Арины...

Пришла к Арине беда нечаянно,
Валится ее хата;
Проводила на войну хозяина —
Сама осталась брюхата...

Лошадь, как на зло, хромая-та,
Дров запасу ни плахи,
Да не одной Арине маята, —
Не лучше и бабе Палахе...

Явилось горе полынь-оскоминой
Тоже сам на войну ушодшы...
Под каждой крышей соломенной
Пролито слез колодцы...

У месяца косынка тонкая
Из бело-серебряной ткани,
Тишина стоит в поле звонкая,
По задворьям темнеют бани...

Спели петухи горластые,
Один другому ровня...
Склонилась на сугробы-насты
Угодница Божья часовня...

<1915>

ОТШЕЛЬНИК

Жил на красивом острове
У тенистого граба человек;
Было много пунцовых роз в траве,
И пчел, и воздушных бабочек...

Дни протекали веснами,
Ветры летали со свирелями,
С нагорными целовались соснами,
С кривыми колючими елями...

Ручей бежал отвесами,
Пели в нем бубенчики...
Фиалки были принцессами —
Лиловыми красовались венчиками...

Ручей рожден был глетчером,
А глетчер ветром полночным, —
Человек молился вечером
На морском берегу, перед закатом солнечным...

Молился в глуби прозрачные,
Где небо огнем расколото,
Где солнце кольца брачные
Из облачного отрывает золота...

Говорил человек: «О Господи!
Хорошо цветут фиалки с розами.
Больше, Господи, пунцовых роз плоди
Под виноградными лозами...

Вот склонился на колени я
И, чище снега с глетчера,
Мои возношу моления
Вместе с ароматами вечера...

Если ж согрешу пред Тобою в чем —
Пусть заржавят в ручье бубенчики,
Не станет бабочек и золотых пчел,
А фиалки потеряют венчики...

Пусть повянут розы пунцовые,
И на закате не золото,
А глыбы-тучи свинцовые
Из-под тяжкого сорвутся молота...»

Так молился на грани острова
Человек в дали безбрежные,
И вдруг паруса увидел острого
Крылья снежные...

Кричат человеку мореплаватели:
«За свободу сражаться едем мы,
К тебе наше судно не направить ли?
Хочешь биться с недругами-соседями?

Меч сейчас больше не пригоден ли,
Чем стояния с молитвами?
Едем с нами счастья родины
Праведными добывать битвами!..»

Но сказал человек: «Оставьте меня!
Молюсь я Божеству красивому
И среди ночи и среди дня
Теплю лампаду неугасимую...

Оставьте меня с моими молитвами
Перед иконостасом из солнечного золота,
Вашими земными битвами
Отшельничье сердце мое не тронуто!»

И остался на красивом острове
У тенистого граба человек,
Но уже не стало пунцовых роз в траве,
И пчел, и воздушных бабочек...

Повяли розы пунцовые
Под виноградными лозами,
А глыбы-тучи свинцовые
Загремели Божьими угрозами...

<1915>

МОЛИТВА РОДИНЕ

На Руси разлады и расколы,
А сердца, что камни ледяны, —
Очи строгие святителя-Николы
От крестьянских сел отведены.
Оскудел родимый край и вымер,
Выжжен серой Божьих непогод, —

Ясный князь — рачительный Владимир,
Благолепья веры не блюдет.
Затемнило ум пожарной гарью;
На заре Георгиева дня
Юный вождь не выйдет по-над ярью
Прогулять горячего коня.
Вслед за ним, напутствующим звоном
И ответствующий звону в рог,
Дед-пастух не выгонит прогоном
Кротких стад, когда настанет срок.
Русь моя! Цветистая икона,
Полоненная в нечестный плен!
Мы найдем ли радостное лоно
У твоих сверкающих колен?
Мы дойдем ли горными буграми?
Освятим ли вновь иконостас?
Погляди, как пусто в русском храме,
Русь, прости, спаси, помилуй нас!..

<1920>

* * *

Когда Своей могучею рукой
Ты оборвешь мои земные корни
и неземной неведомый покой
смирит навеки дух мой непокорный,

простившись с теми, кто был дорог мне:
с ватагой воробьиной у сарая,
с сиренью, отразившейся в окне
(о ней заплачу я и умирая),

с компанией веселых сорванцов,
гоняющих свой неизменный мячик,
да с солнцем,
да с солнцем, обжигающим лицо
(оно и до сих пор еще маячит

в моих стихах), — я тихо повторю:
«Прости! За все Тебя благодарю!»

* * *

Первым дыханьем своим я обязан Тебе,
первым подснежником, встреченным мной
на пригорке,
первой весенней грозой, первой каплей
с небес — всей своей жизнью прекрасной,
хотя и прегорькой.
Господи, я не ропщу, я не смею роптать.
Господи, мне красота Твоя душу пронзила.
Не одолеют Твой мир никакие врата,
ибо он создан Твоей благодатною силой.

Господи, я не ропщу, и за все, что даешь,
Господи, славлю я Имя Твое всеблагое —
даже в минуты, когда Ты, разгневавшись, бьешь,
людям Своим посылая и скорби и горе.

Господи, мира Творец и Творец мой, не дам
места в душе своей неблагодарности черной.
Славлю Тебя, ибо мир Твой — воистину храм
нерукотворный.

* * *

Отче наш, по милости Своей,
по неизглаголанной любови
Ты даешь нам радости и боли,
сон в ночи и вереницу дней.

Господи, дыханием Твоим
каждый на земле и жив, и движим,
и никто Тобою не обижен,
и любой из нас Тобой храним.

Боже, ниспошли нам благодать,
озари сиянием и светом,
дай допеть, что нами не допето,
научи надеяться и ждать.

Господи, хотим иль не хотим,
знаем мы или не знаем меры,
укрепи Ты нас на подвиг веры,
ибо мир спасется только им.

* * *

Боже милосердный, в этот час
не забудь о тех, кто обездолен,
и о тех, кто ради нас
принял узы муки и неволи.

Господи, целитель наших душ,
Врачеватель немощного тела,
сохрани Ты их от зимних стуж
и от зимних ветров ошалелых.

А еще, затерянных во мгле,
сохрани от злобы человечьей,
ибо нет страшнее на земле
стужи зла и ветра безсердечья.

Господи, в преддверии зимы,
слабые и немощные, молим:
не оставь Ты нас, когда и мы
примем узы муки и неволи.

Из цикла «Три молитвы»

* * *

Отец Небесный, этой ли строкой дерзну начать я,
Когда бы я не ведал, что она,
душа моя крылатая, любима
Тобой и потому неистребима,
неопалима, словно Купина.
И в страшный день, который был предсказан,
печальный крик души моей живой
поднимется над Волгой и Невой
и пролетит над шапкою Кавказа.

Спаситель мой, мой Невечерний Свет,
пошли Ты мне рассвет — и ночь, сраженья
не выиграв, отступит, и служенье
мое не оборвется, ибо нет
конца, и мы — воистину живые —
в который раз из праха восстаем,
как восстают под солнечным лучом
прекрасные ромашки полевые.

ПСАЛОМ 62

С ранней зари я ищу Тебя, Господи, я
Этой землей утомлен, обожженной, безплодной.
И без Тебя, задыхаясь в пустыне безводной,
Страждет душа моя, плоть иссыхает моя.

Дай мне увидеть и силу, и славу Твою
И, как бывало, Тобою да буду я призван.
Господи, милость Твоя предпочтительней жизни,
Дай мне ее — и Тебя я опять воспою.

Благословлю Тебя, руки свои вознесу,
Имя Твое восхвалю я устами своими,
Словно елеем душа насыщается, имя,
Славное имя Господне держа на весу.

Лишь о Тебе размышляю ночною порой,
Лишь о Тебе вспоминаю на ложе я, ибо
Ты — мой покров, без Тебя угрожает мне гибель,
Боже, крылами Своими меня Ты укрой.

Боже, к Тебе прилепилась когда-то душа,
Чувствуя помощь Твоей всемогущей десницы, —
И от удара врагам моим не уклониться,
Ты поразишь их, победным мечом сокруша.

Станут тела их добычей шакалов, а царь
Возвеселится о Господе нашем, и всякий,
Богом живущий, прославится паки и паки,
Ибо неправда рассыпется прахом, как встарь.

ИВАН САВИН

Савин (настоящая фамилия Саволайнен) Иван Иванович (1899—1927) — поэт, прозаик, драматург. «Поэт Белой мечты» — так назвали его современники. В 1926 году в Белграде вышел единственный поэтический сборник Ивана Савина «Ладонка», переизданный в США в 1958 году. Он открывается стихотворными строками:

Я — Иван не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветреном просторе
Изошла в моленьях голова.

В 1927 году в парижском «Возрождении» была опубликована статья Ивана Бунина, увековечившая память о «Поэте Белой Мечты»:

«После долгой и тяжкой болезни скончался в Гельсингфорсе молодой поэт и белый воин Иван Савин...

И вот, еще раз вспомнил я его потрясающие слова, и холод жуткого восторга прошел по моей голове, и глаза замутились страшными и сладостными слезами:

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое!

Этот священный, великий день будет, будет и лик Белого Воина, будет и Богом, и Россией сопричислен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест. В ратной борьбе за Россию и за Белое

Дело он проявил высшую доблесть и отвагу. Проявить себя в той же мере в поэзии он, всецело отданный воинскому труду, всем его тяжестям и ужасам, на путях его всячески телесно искалеченный и погибший столь рано, конечно, не мог. Но все же то, что он оставил после себя, навсегда обезпечило ему незабвенную страницу и в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его стихов и их пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строки — особенно.

Вот его последнее письмо ко мне, рисующее его здоровье и настроение:

"Уже недели две тому назад получил ваше ласковое письмо. Так хотелось ответить сразу же, но написал несколько слов, и карандаш выпал из рук, мысль спуталась. Виновато в том мое "завоевание революции", периодические нервные припадки. Последний припадок был настолько силен, что вот уже больше месяца прикован к кровати..."

И далее:

"Пользуюсь первым же днем некоторого улучшения, чтобы ответить вам. Безгранично был тронут теплыми вашими строками. Словами этого не скажешь, да и вряд ли надо говорить. Но все же хочется мне, со всей искренностью и любовью к вам, сказать: когда я думаю о бездомном русском слове, которое тоже, как и все мы, стало "Божьим подданным", и думаю о России, какой-то знак неожиданного равенства падает между вами — и Корниловым: общим путем идете вы, крестящий словом, и Он, крестивший мечом... Вот почему доброе слово ваше о моем маленьком даре — это Георгиевский крест из рук Корнилова..."

Да, для него это было высшее сравнение — сравнение кого-нибудь с первым Вождем Белого Дела. Дорогой друг и соратник,— если только я смею сказать так,— он и не подозревал, какую честь оказывает он мне не только этим сравнением, но и тем, что это говорит он, Иван Савин, "маленький дар" и славная жизнь которого уже, наверно, переживут многих из нас в истории России, которой он всецело и с такой редкой красотой и страстью отдал все свое земное существование! Ибо в чем прошло оно, это краткое существование?

Савину не было еще и 20 лет, когда он пережил трагизм первых лет революции, гражданскую войну и кошмарный плен у красных после падения Крыма... Юношей пошел он в добровольческую кавалерию и проделал всю геройскую эпопею в рядах Белгородских улан... В боях конницы Врангеля в Таврии он потерял своего последнего брата...

Да, да:

В седле поднимаясь, как знамя,
Он просто ответил: «Умру...»
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на ветру...

Он испытал гибель почти всей своей семьи, лишения походов, трагедию Новороссийска. После Крыма он остался больной тифом на запасных путях Джанкойского узла — на растерзание от красных палачей... Глумления, издевательства, побои, переходы по снежной степи в рваной одежде, корка хлеба Христа ради, кочевание из Чеки в Чеку... Там погибли его братья Михаил и Павел... Два года в руках палачей — и наконец, спасение, бегство в Финляндию, где он отдает все свои силы литературной борьбе против большевиков...»

Автор некролога хорошо сделал, что напомнил, как сам Савин понимал эту борьбу. Савин, говорит он, был, по его собственному выражению, и в эмиграции одним из немногих "Господом поставленных на дозоре". Ныне Господь дал ему чистую отставку. Земно кланяюсь его могиле».

С тех пор прошло более восьмидесяти лет, и стихи Ивана Савина, как и статья о нем Ивана Бунина, уже сами давно стали достоянием истории. Наиболее полно стихи, проза и публицистика представлены в издании: Иван Савин. «Всех убиенных помяни, Россия». М., 2007.

* * *

Двадцать три я года прожил,
Двадцать три...
С каждым днем Ты горе множил,
С каждым днем...
Без зари сменялись ночи,
Без зари,
Черным злом обуглив очи,
Черным злом...
Тяжко бьет Твой, Боже, молот!
Тяжко бьет...
Отвори хоть нам, кто молод,
Отвори
Белый вход родного края,
Белый вход...
Посмотри — душа седая
В двадцать три...

<1922>

ВОЗМЕЗДИЕ

Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.
Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый

Над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванною дверью!

1923

* * *

Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?

Но если, тишайшие были
Расплавив в хмельное питье,
Они Твою землю растлили,
Грехом опоили ее?

Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Над этой запекшейся твердью
Ударить в набаты крови.

И гнев Твой, клокочуще-знойный,
На трупные души пролей!
Такие враги — недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.

1924

* * *

Братьям моим, Михаилу и Павлу

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,

Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: «Что, начнем?»
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздем.
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

1925

* * *

Ты не думай, все запишется.
Не простится. Ты не жди.
Все неслышное услышится.
Пряча тайное, колышется
Сердце-ладонка в груди.

Умирают дни, и кажется:
Прожитой не встанет прах.
Но Христу вся жизнь расскажется,
Сердце-ладонка развяжется
На святых Его весах.

Жизни наши будут взвешены.
Кто-то с чаши золотой
Будет брошен в пламень бешеный.
Ты ль, хмельная? Я ль, повешенный
Над Россией и тобой?

1925

* * *

У Царских врат икона странная —
Глаза совсем твои.
До темных плит резьба чеканная,
Литые соловьи.

Я к соловьиному подножию
С мольбой не припаду.
Похожая на Матерь Божию,
Ты все равно в аду.

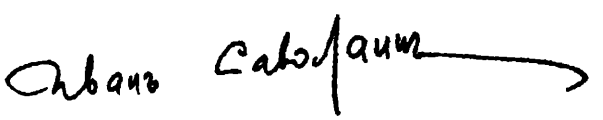
Монах согбенный начал исповедь.
Ему, как брату брат,
В грехе покаюсь. Грех мой близко ведь,
Ведь ты — у Царских врат...

Одной тебе служил я с младости,
И вот, в чужой стране,
Твой образ Всех Скорбящих Радости
Я полюбил вдвойне.

Ты не любила, ты лукавила,
Ты захлебнулась тьмой...
Глазам твоим свечу поставила
Монашенка с сумой.

Сменив калику перехожую,
У Царских врат стою.
Христос, прости ее, похожую
На Мать Твою!

1925



ЮРИЙ РЕВЯКИН

СОНЕТЫ

I

Учитель наш любви и всепрощенья,
Бог плачущих и страждущих людей,
К Тебе пришел искать я утешенье
С тоской своей и горечью своей...
Скажи мне, Ты, изведавший гоненья,
Позор суда, и пыток, и бичей,
Придут ли дни святого обновленья
Без тайных слез, без крови и цепей?
Простятся ль нам ошибки роковые,
И вырастут ли вновь цветы живые
На терниях поруганной Любви?..
И мнилось мне в тот тихий час вечерний,
Что крепче сжал венец колючих терний
Его чело, склоненное в крови...

II

Уста Его святые прошептали:
«Вторично я был распят в эти дни...
Лицо мое с насмешкой оплевали
И на копье мне оцеп поднесли...
Я видел вас, повергнутых в печали,
И возопил: “Лима савахвани!”
И внял Отец: враги твердыни пали,
Потушены кровавые огни.
Омытая страданьем и слезами,
Встает любовь пред верными сынами
И белый стяг торжественно несет,
И весь народ, измученный кошмаром,
Придет ко Мне, здесь в этом храме старом
К Моим стопам с молитвой припадет...»

5 сентября 1919
Киев

НИНА СНЕСАРЕВА-КАЗАКОВА

Снесарева-Казакова Нина Николаевна (1898—1948) — поэтесса. «Я — сестра Колчаковских армий» — такой она осталась в поэзии Русского зарубежья, запечатлев образ сестры милосердия:

Послушна Божьему приказу —
У ваших я стучусь дверей:
Ведь я вас знаю — лучше ваших
Родных сестер и матерей.

Я вас видала в грозных битвах,
В минуты смертных ваших мук,
За вас читала я молитвы
Над воском неподвижных рук...

В эмиграции жила в Праге, где вышли ее поэтические книги: «Да святится имя Твое» (1928), «Тебе — Россия» (1929), «До-тогда-потом» (1932), «Рыцари Белого Ордена» (1937) и другие.

* * *

Господи! Спаси нас!
Нас — Твоих солдат.
Страшно за Россию,
Страшно за себя.

Сердце не смирилось,
Но сильны враги.
Господи! Спаси нас!
Русским помоги!

* * *

Я зажгу свечу покаянную
У церковных врат — и к подножию
Грусть-тоску свою безталанную
Принесу Тебе, Матерь Божия!

Пробуди меня, непробудную
Всех печальница неизменная.
Научи любить долю трудную,
Повели забыть — незабвенное.

И прости мою душу грешную,
Божьей милости неугодную —
За любовь мою — безутешную,
За печаль мою — безысходную.

ПЕРВОПОХОДНИКИ

Есть в мире подвиги,
Как свет лампад:
Первопоходники —
Его хранят!

На белом знамени,
Сквозь бури лет —
Незримым пламенем
Господен свет!

В борьбе, в скитаниях,
Как свет икон —
Лишь в белых армиях
Сияет он!

* * *

Безумные юродством во Христе,
Мы — русские, у нас сердца простые...
Мы — нищие, богаты в нищете,
Мы — пленники, свободные везде,
Мы — грешники, раскаяньем святые...
У нас не так, совсем не так в России:
И Бог не тот, и небеса не те!

* * *

Я речам Твоим, Господи, внемлю,
И в плену первородного зла —
Я люблю эту грешную землю,
На которую с плачем пришла.

Каменисты земные дороги,
Но, свершая свое бытие,
Каждый зверь, каждый стебель убогий, —
Верю, — дышит во Имя Твое.

* * *

С годами все безжалостнее жизнь,
На сердце все безвыходней тоска,
О радости, душа моя, молись,
Спаси меня, малиновый закат.

О ладанные запахи земли,
Горячая полуденная сыть!
Не в силах я, измученная, жить,
Отмучиться мне, Боже, повели.

Я кланяюсь дорожному кусту,
Я плащ его готова целовать,
Не в силах я не славить красоту,
Торжественную Божью благодать.

* * *

Иллюзия — сладчайшее питье,
Не утоляющее ненасытной жажды,
Твой вкус отравный пробовал не каждый,
Но часто — сердце бедное мое.

И все-таки, не веруя — поверь,
Опять молись, дрожи влюбленной дрожью,
Вновь обманись благословенной ложью, —
И в рай желанный распахнется дверь.

* * *

Люблю я тишину молитв уединенных
И Царских врат сквозные кружева,
Безпомощность фигур коленопреклоненных,
И с детства тропарей знакомые слова.

И белой паперти широкие ступени,
И свет лампад, и колокольный звон,
И летних сумерек муаровые тени,
И ладана спираль на мантиях икон.

* * *

Земля, земля, люблю твой пряный дух
И даль твою, широкую, как море:
Ты исцелишь, как мать, любое горе,
Ты исцелишь и злейшую беду.

Красавица — в зеленых галунах,
Спокойная, горячая, как тело.
Молюсь тебе по-детски неумело,
Влюбленная — тобой я брежу в снах.

А по утрам, когда засветит день,
Иду к тебе, как Путник к Иордану,
И мысленно пою тебе Осанну
На пажитях, — у чешских деревень.

* * *

Как хорошо, что в мире есть покой,
Есть тишина, есть белые дороги,
Как хорошо. Что все же ходят ноги
И бьется мысль, разбитая тоской.

Как хорошо, что есть на ветках птицы.
И сосны есть, и чудотворный снег.
Мир сотворен, и в мире — человек.
И вечен Бог: Ему хочу молиться.

* * *

Отчего не могу у креста я
Перед образом — кланяться?
Отчего я не баба простая,
Не монашка, не странница!

Еретичка я, грешница злая,
За все годы, как правило,
На вечерне свечу Николаю
Никогда не поставила.

Ни посты, ни поклоны не чту я,
И не жду воздаяния.
Ни за что бы в обитель святую
Не ушла — с покаянием...

Только в горе, молитвы читая,
Сердце к Господу тянется...
Отчего я не баба простая,
Не монашка, не странница?

* * *

На небе вспыхнули свечи,
Как в сердце моем — огни...
Любимый! Ты в этот вечер
В молитве меня помяни!

АЛЕКСЕЙ АЧАИР

Ачаир (Грызов) Алексей Алексеевич (1896—1960) — поэт. Из рода сибирских казаков. Окончил Воинский пансион Сибирского казачьего войска, в 1914 году — 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус в Омске. Первые стихи Алексея Грызова появились в 1917—1919 годах в омских газетах, в журнале «Иртыш». Литературный псевдоним Ачаир взял во время Гражданской войны по месту рождения — казачьей станицы Ачаир под Омском, название которой восходит к имени буддийского божества Очира. В стихотворении 1929 года писал: «Я — царевич прекрасный Очир // Это значит — небесная чаша...» С мая 1918 года — рядовой-доброволец в пулеметной команде атамана Красильникова. В чине хорунжего и есаула Сибирского казачьего войска совершил Сибирский Ледяной поход с армией Колчака, воевал в отрядах атамана Семенова. В феврале—октябре 1922 года — редактор газеты «Последние известия» во Владивостоке. После падения Владивостока перешел границу по тайге в Китай. С 1923 года — секретарь Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) в Харбине. Автор гимна ХСМЛ:

Смыкайтесь в круг. Плечо к плечу.
Кто юн, кто стар годами.
Кто из дворцов, кто из лачуг —
Все равны перед нами.
Христос наш вождь, Его следы —
Наш путь, ведущий к Богу.
К заре, к заре; из темноты —
Мы вышли в путь-дорогу.
Над нами крест, и крест в груди,
И наша грудь из стали.
И близко счастье впереди,
Что долго так искали...
Из разных мест Страны Родной
Сошлись мы на чужбине...
Но той же русской глубиной
Сияет купол синий...
Москва... Урал... Кавказ и Дон,
Сибирь и Украина...
Со всех концов, со всех сторон
Сошлись мы воедино.

В 2009 году в «Современном Журнале» (том 256) впервые опубликована «Переписка Г.Д. Гребенщикова и А.А. Ачаира» марта—октября 1927 года, которая дает представление о том, как возникла в Харбине «Молодая Чураевка». Ачаир обращался к Гребенщикову в первом письме со словами: «Дорогой старший брат по народу. Как мне назвать Вас иначе? С Вашим именем в моем сердце один отзвук: Сибирь. И Вы для меня — старший брат, к которому я обращаюсь за советом и поддержкой». Ачаир был младше своего старшего брата всего лишь на три года, но первый «Очерк о Сибири» Гребенщикова появился в печати уже в 1908 году, а в 1922 году парижские «Современные записки» начали публикацию его многотомной эпопеи о мифической сибирской старообрядческой деревне Чураевке. К 1927 году в Нью-Йорке вышло семь томов из задуманных двенадцати. Последний том назывался «Построение храма». Ачаир обращался к самому знаменитому в те годы эмигранту из писателей-сибиряков, начавшему в 1925 году строительство в 75 милях от Нью-Йорка русской деревни Чураевки как Общины Сергия Радонежского. Позже идея построения храма в честь Сергия Радонежского воплотится в жизнь с помощью Игоря Сикорского. В американской Чураевке жили Илья Толстой, Сергей Рахманинов, Михаил Чехов, Николай Рерих и многие другие русские изгнанники. Гребенщиков, конечно же, не мог не откликнуться на письмо поэта-сибиряка из Китая, обратившись к Ачаиру с призывом: «Так как мы Русские и нам понятнее русские пути познания блага, изучите жизнь Св. Сергия Радонежского, хотя бы по Ключевскому и по Борису Зайцеву, и Вам тогда станет ясно, что подвиг строителя Русской Общины Сергия есть тот же путь, которым шел космически-неподражаемый Общинник Будда. И лишь тогда станет во весь рост великий приход и подвиг Христа, истинное учение которого до наших дней не было применено в действительной жизни. И немногим из нас предстоит нести прекрасный подвиг насаждения царства Божия на земле. Когда же мы научимся шире мыслить и обобщать, мы прекрасно поймем и "Двенадцать" А. Блока, у которого разбойников ведет Христос. Куда Он их ведет? — Очевидно, к мучительному, жуткому, но и сужденному сроку сметения с лица земли уродливых форм жизни и к открытию дверей в новую эпоху».

Через месяц Георгий Гребенщиков вновь писал Ачаиру: «Получил Ваше письмо от 23 августа 1927 г. с прекрасной вестью о Вашем решении учредить "Молодую Чураевку" на Сунгари. Это для меня уже сама радость в действенном ее свершении. Очень хорошо, что Вы прежде всего решили твердо установить основную цель вашей общины...»

«Молодая Чураевка» в Китае просуществовала около десяти лет, а затем произошел «раскол». Участница чураевских «вторников» Юстина Крузенштерн вспоминала:

«Собираться регулярно, беседовать, спорить, пытаться создать свое собственное дальневосточное движение Харбин начал с момента возникновения "Молодой Чураевки". Инициатором "Чураевки" был молодой казачий офицер Алексей Алексеевич Грызов, писавший под псевдонимом Ачаир. Он был очень музыкален, и сам подбирал к своим стихам музыку. Поэму "Казаки" он читал, аккомпонируя себе на рояле, задорным стаккато: "Стукаток, стукаток // Топоток, топоток... // На Восток..." Всеволод Иванов, редактор газеты "Гуньбао", сам считавший себя поэтом, брюзжал "Язык дан человеку, чтоб выражать мысли, а не лязг копыт". Старшее поколение не признавало права младшего на самостоятельность, младшее бунтовало. Разрыв был явен, а несколько лет спустя такой же разрыв произошел между Ачиаром и его питомцами. Почти все поэты Харбина, а затем Шанхая (даже те, которые от него потом оттолкнулись), — Георгий Гранин, Сергей Сергин, Николай Щеголев, Валерий Перелешин, Лариса Андерсен, Лидия Хиндрова, — вышли из Ачаировского питомника. Россия была

основной темой Ачаира. Она пела в его стихах тоской, неизживаемой болью и в то же время непоколебимой верой в нашу русскую миссию... Хрупкий, несмотря на высокий рост, белокурый и голубоглазый, Ачаир мало напоминал сибирского казака. Застенчив он был, как девушка, на эстраде Чураевки выступал не так часто, вероятно, из деликатности, чтобы не получалось, что "хозяину" аплодируют в силу его хозяйского положения».

Окончательный «развал старого гнезда», как свидетельствует Крузенштерн, произошел после «споров относительно направлений. Почему именно «Чураевка»? Сибиряками молодые поэты себя не чувствовали, имя Гребенщикова их совсем не влекло. Но за кем же идти? За футуристами, за символистами, за акмеистами? В конце концов остановились на акмеистах. Поэзия для поэзии, строгая школа, мужественное стремление к «акме», путь к недосягаемому. Так в «Чураевке» создалась литературная студия «Цех Поэтов». В 20—30-е годы подобные Цеха существовали в Константинополе, Париже, Берлине, Тарту, Ревеле. У молодых поэтов русского Харбина были не меньшие основания для создания своего Цеха поэтов, освященного, как и остальные, культовым именем Николая Гумилева.

В 1936 году в Берлине вышла одна из первых антологий поэзии русского зарубежья «Якорь», составленная Георгием Адамовичем, в которой были представлены стихи как *старого гнезда* «Чураевки» — Ачаира и Несмелова, так и нового — Перелешина и Щеголева.

За десять лет своего существования «Молодая Чураевка» стала такой же «русской Атлантидой» в Харбине, какими были литературные объединения русских поэтов-изгнанников. Алексей Ачаир напишет об этом от имени всех поэтов Русского зарубежья:

Не смела нас чужбина, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли,
А за то, что нас Родина выгнала —
Мы по свету ее разнесли.

В Харбине и Шанхае вышли поэтические книги Алексея Ачаира: «Первая» (1925), «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943).

В августе 1945 года, после занятия Харбина советскими войсками, он оказался среди пятнадцати тысяч русских харбинцев, депортированных в СССР. Чураевец Арсений Несмелов умер в пересыльной тюрьме. Алексей Ачаир провел десять лет в сибирских лагерях. После освобождения работал учителем пения в Новосибирске, организовал Новосибирский детский хор. Из «забытых» поэтов его вернула книга Анны Забияко «Тропа судьбы Алексея Ачаира» (Благовещенск, 2005). Наиболее полное издание стихов Алексея Ачаира «Мне кто-то безконечно дорог...» вышло в 2009 году в Москве.

ВЕРУЮ!

Визгами осенними,
Бликами и тенями
Громыхают, лязгая,
Грузы-поезда.

Саваном окутаны,
Лентами опутаны,
Сумеречной лаской
Шелестят года,

Голубые, серые:
— «Веруешь ли?»
— Верую!..
Вихрь летит карающий,
Вздыбленный, как шквал...

Где-то рельсы — сходятся...
Бог мой, Богородица!
Предо мной зияющий,
Огненный провал.

Черным сном потушенным,
Хриплым и придушенным,
Паром отуманенным,
Под каймой луны —

Стонет и колеблется,
Как лампадка теплится, —
Догорает, раненый,
Огонек весны...

А другой рождается;
Тихо разгорается,
Пурпуром и заревом
Робко осиян.

Мчатся тучки белые:
— «Веруешь ли?»
— Верую.
За рассветным маревым
Дремлет Океан!

1924

МОЛИТВА

Прошептал: «Нету силы, милый!..»
И навеки закрыл глаза.
А глаза — восковые дыры,
И на них — как печать — роса...

В остывающем тихо трупе
Где-то билась жизнь, глубоко...
Ах, кто крепко и верно любит —
Знать тому уйти не легко.

Я ушел одинокий, нищий,
Словно счастье свое убил,
На суровом бросив кладбище
Дорогую из всех могил...

Пролетели года, тускнели...
Божий мир — без края — велик...
Но прошептанный — диким зельем —
Разгорелся, как пламя, крик:

«Нету сил, нету силы, милый!..»
И, как дыры, глядят глаза,
На руках багровеют жилы,
И на них — как печать — роса...

Потому ли вспомнил, до срока,
Дорогую из всех могил,
Что я сам попросил у Бога
Не лишать меня в горе сил?

1924

ПАСХА

Не терем, нет, — теперь не до хором.
Не стольня, нет... И не опочивальня.
А только мысль, задевшая крылом:
колокола в душе, — как наковальня...

— Боярышня!.. Христосуетесь? Нет? —
Надменный вид. Вот-вот, сейчас удар-ит...
Вниз по щекам стекает бледный цвет:
— О Боже мой!.. Отколь теперь — бояре?

Рукой дрожащей бусы сорвала:
— Вот вам, — берите! — Сбросила кокошник...
Гудят — галдят — в душе — колокола —
все неотступнее и невозможней...

Что ж, барышня, — никак и вы в сердцах,
как родичи и нежные подруги?..
В ответ, — как стон — сломавшееся: — Ах! —
и в волосах запутанные руки.

Алексей Ачаир среди чураевцев. 1920-е гг.

Не слезы, нет, — ведь, не до слез теперь!
Не крики, нет, — теперь и крики глуше...
В раскрытую порывом ветра дверь —
колокола... колокола... послушай!..

— Как вам не знать, что нынче нет бояр?! —
сбивает вниз и развивает косы:
— Как вам не знать!.. А в праздник — как бы я
пришла к вам девкою... простоволосой?!

По будним дням таскалась по пятам,
на площадях изнемогала в стуже.
Искавшая ушедшего Христа,
хотела быть последних тварей хуже.

А в этот день от слез — изнемогла.
От нищеты устала! И от будней... —
Галдят, гудят в душе колокола —
все невозможнее и неотступней...

— Послушайте! Бывает грань всему
и счастью нашему, и горю, значит.
Но эти люди... что они возьмут? —
раз ценности... уж ничего не значат!

О, что за жизнь!.. Какой ужасный бред!.. —
Стоит без сил. И руки заломила... —
— РОДИМАЯ! Христос — воскрес? Иль нет?!
— Конечно, да. В о и с т и н у, мой милый!

Не терем, нет, — теперь не до хором...
Не стольня, нет. И не опочивальня.
А только мысль, задевшая крылом:
колокола в душе, — как наковальня.

1930

ОБРЕТЕННАЯ РУСЬ

Сибирские пашни...
Кремлевские башни...
И знойный в песках Туркестан...
Над русской равниной
призыв журавлиный...
А сердце твердит: — Перестань!

Зачем себя мучить?..
Теперь твоя участь —
мир весь твой велик и богат.
С тобою в котомке —
родные обломки,
будь этому малому рад.

Что в тайне — то в силе;
попробуй осилить
и вытравить жизнью любовь.
И вижу я... что же? —
что родину... Боже! —
имеет на свете любой.

И ценит, и нежит,
и реже и реже
по-русски мне жизнь говорит.
И бьются в котомке
немые обломки,
комочки родимой Земли...

Но этой весною
что стало со мною?
Родился, проснулся я — что ль?
Не надо мне шири
в прекраснейшем мире,
ни призрачных сказочных воль!

Я — присно и ныне —
любовь свою вынес
и сбросил запястья оков;
свободнее зверя,
надеюсь и верю —
в Россию, во веки веков.

И радуюсь звонко,
и плачу я горько,
и сердцем восторженно рвусь
к тебе, мое солнце,
к тебе, моя зорька,
в миру обретенная Русь!

1931

ОСТАВИТЬ ДОМ...

Оставить дом, чтоб не иметь, где жить...
Что может быть печальнее, скажи?

Забыть язык, забыть отца и мать...
Кто станет нас любить и понимать?

Идти к чужим, высматривая зло,
как им в судьбе счастливой повезло.

Поведать им, что стал и нищ, и слаб.
Чтоб услыхать: — А ты что делал, раб?

Сломать мечту, затихнуть, отойти.
И — что кто-то пал, ненужный никому?

Идет корабль без компаса ко дну,
и человек, забыв свою страну.

Как жадный змей, жизнь раскрывает рты.
— Не отступлю! Ни шагу, ни черты!

Земля моя и верю — ждет меня.
Благословляю свет и радость дня.

В душе звучат напевы детских дней,
семьи моей. Молюсь, мой друг, о ней.

Благодарю за трудный путь земной,
за Божий хлеб, за небо надо мной.

За — счастья мне отпущенную меру.
За молодость, за верность и — за веру.

1932

ВСЕЛЕНСКАЯ РУСЬ

Нас буря кидала, нас море качало,
бросало в провалы, взносило на гребни.
Не зная покоя, ни сна, ни причала,
мы глохли, немели, мы бились и слепли.

Так ярок был свет ослепительных молний,
так грозен был грохот сурового шторма,
что стали безвольней, что стали безмолвней;
наш флаг был разорван и имя позорно...

И вот мы дошли... незнакомого порта
огни нас встречают в туманную полночь.
И все наше стало — разбито и стерто,
как мачты, как снасти, что срезали волны.

Неправда, неправда! Кто голову склонит,
пред призраком страха кто сумрачным станет?
Мы кинуты жизнью к устройству колоний
земли нашей древней на тропах скитаний.

Мы кинуты жизнью по целому миру
России нести лучезарное имя, —
мы, дети Сибири, мы, стражи Памира, —
кто Родину в сердце и в мире отнимет?

Пусть буря кидала, пусть море качало,
кричало, гудело, свистело и выло.
Мы знаем одно только слово: начало,
а в душах живет схороненное: было.

Мы снова идем, на рассвете, к просторам
земель чужестранных по тропам и падям.
Когда мы вернемся? — не скоро, не скоро...
Но тот не подымется вновь, кто не падал.

Широты востока и ширь океана, —
вселенскою будет отныне Россия.
Нас встретят нахмуренно гордые страны,
но мы ль не сумеем их гордость осилить!

И станем мы ждать наступающих сроков,
и сроки укажут, кто наш и кто с нами...
Мы — миром — подымем тогда издалека
Вселенской Руси обретенное знамя.

1933

ХРАМ ДУШИ

Раскосых глаз привычный сердцу юмор
в мой храм души молитвенно вошел.
Я никогда, я никогда не думал,
что можно жить так — просто хорошо.

Старик киргиз достал спокойно трубку:
— Обратно, сын? — Обратно, да, тамыр.
Какой простой, какой чудесный мир,
который превращали — в мясорубку.

Вот только жаль, что чахнет день от дня
сюда, в мой край, приведшая меня.
Но что грустить? — И я имею тело.
И я умру. И все умрем... что делать!

Горда душа, спокойна и тиха.
Пыланье свеч. И мирно: — Аллилуйа!..
Любимых губ дыхание целую —
последнею молитвою стиха.

1933

ИСЛАМ

Радость близка. Видишь восход?
Розовых утр свежесть пришла.

ЛО-ИЛА-ХА-ИЛЛА-ЛЛА-ХО
МАХАММАДУР РАСУЛЛОЛА...

Кто там поет тихой зарей?
Степь без конца. Сонный аул.
В небе полет плавный орлов.
Кто там в степи? кто там, — ай!..

ЛО-ИЛА-ХА-ИЛЛА-ЛЛА-ХО
МАХАММАДУР РАСУЛЛОЛА...

Степь так тиха. И широко
в небе лазурь — синь — купола.

Это — мольба. Это — завет.
Азии мир. О, для джаным
слов нет таких. Вовсе их нет.
Степь и аул. Сакли и дым.

Радость проста. Ясен приход.
Слез нет и бурь. Кончен разлад.

ЛО-ИЛА-ХА-ИЛЛА-ЛЛА-ХО
МАХАММАДУР РАСУЛЛОЛА...

22 апреля 1930

СВЯЩЕННИК

Брели к нему. Ползли к нему на брюхе
вслед за двуногими — без ног, калеки.
Кругом плескались, голубея, реки;
по ним неслись смоленые плоты.

Все шло к нему. Все шли к нему. И звери
смотрели меж деревьев, тихо воя...
А он стоял один у аналоя
в дырявой рясе — в солнце нищеты.

Деревья и цветы клонились долу
перед рабом Господним, сыном Бога,
чья жизнь была и власть была — убога;
любовь была безмерна и ясна.

Невиданное зрелище творилось:
пред юношей-священником, рыдая,
весь мир лежал, вся наша Русь святая,
религии ее и племена.

И торжеством и силой Православья
блистала высь и в выси птичье пенье, —
все славило его благословенье
и счастие, рожденное из слез...

День пролетел... Темнела ночь. И звезды,
и месяц видел, и видали ели
убогого в подвижнической келье,
священника — благословлял Христос.

1934

СЛУШАЯ ПЕСНЮ

Обнимешь брата, — он покинет;
полюбишь друга, — он предаст...
А в небе звездном, темно-синем
немой горит иконостас.

И хочется забыть о многом,
или не знать, или вернуть
свой первый шаг, по воле Бога
в житейском начатый плену.

Горит огонь далекой Веги,
моей возлюбленной звезды.
Звезда моя, моя навеки,
лишь ты — моя, и только ты!..

И уносясь к созвездью Лиры
в ночных мечтаниях своих,
я верю, знаю, что для мира
вся наша жизнь — короткий миг.

И брат, возлюбленный ли, враг ли —
в кольце больная бирюза...
«Сорвать цветок, а он не пахнет...»
Что ж затуманились, глаза?!

1934

ЗНАМЕНИЯ

Годы славы, и смерти, и подвигов,
реки крови и слез. Облака...
Люди волей и крыльями подняты.
Только жизнь, словно миг, коротка...
Розовеют, как утро, века...
Даже мысль, что сбывается многое, —
как молитва проста и легка.
Громыхают железные поступи
костенеет от стали рука.
Вой ветров обрывает: «О Господи»,

гибель мира грозна и близка.
Но не гибель — свершенье заветного,
но не гибель — полет мотылька, —
жизнь сегодня еще незаметного!..
И улыбка и радость кротка.
Это сердце рождается новое, —
эта мука смертельно тяжка, —
это небо, как сгусток багровое,
и пороков — в крови — берега...
Но надежда, но вера, но счастье
видеть новую жизнь на века.
Кровь и плоть — это тайна причастья,
и мечта, и душа — высока.
Эта мысль, что сбывается многое,
что дорога уже широка...
И несутся над крышей убогою, —
облака, облака, облака.

1935

ПАСХА

В оранжевом свете
пылающих свечек —
старинные ризы.
В цветные оконца
закатного света
лучи золотые.

Стоянье. Двенадцать
гудящих посланий —
в вечерние шумы.
Апрельская свежесть.
Прохлада и нежность.
И светлые лица.

Какое вниманье,
какое волненье,
величье какое...
Застывшие капли
душистого воска
на теплых перчатках...

И в ночь Воскресенья
в раскрытые двери —
Прекрасная Пасха.
А с ней всю неделю — поющие звоны
и краски, и солнце.

О, дальнее детство!
О, близость любимых!
О, Русь дорогая!

1936

УТРО КРЕЩЕНИЯ

Кружатся шумно голуби,
ища знакомых мест.
Над Иорданской прорубью —
хрустальный, светлый крест.

По синему, сапфирному,
небесному шатру
бегут барашки мирные,
как в поле поутру...

Лучи — парча и золото.
И гул, и шум, и мгла.
Над сонным утром города
блистают купола.

Снопом лучей взлетающих —
расплавленная медь,
под куполом сверкающим
начавшая греметь.

Над водоемом клонятся
лучи, и — звон в пыли.
Как будто даже звонница
склонилась до земли.

Склонилась, как знаменами
покрывши водоем —
с лучами и со звонами
укрыв надежду в нем:

Туман и мгла рассеются —
и солнце, как зерно —
по пашням вновь рассеется
и ссыплется в гумно.

Так Русь взойдет, омытая
крещенскою водой,
убогая, убитая,
воскресшая — святой.

Светись, святись и радуйся!
Живи в лучах огня!
Красуйся в гимне радости
лазоревого дня!

1940

ВОЗВРАЩЕННОЕ РОЖДЕСТВО

Мы снова люди. Снова детство
пахнуло лаской старины.
Как будто приняли в наследство
мы возвратившиеся сны.

И снег, и звезды, и полозья,
и пьяный воздух ветровой,
и жар объятий на морозе
отягощенных снегом хвой.

И блеск свечей, и отраженье
в раскрытых радостно глазах,
и боль — до головокруженья —
в еще невысохших слезах.

Все это сказка! Так бывало
в красивых книгах, — не у нас.
У нас рождественскою стала
звезда, чей свет почти угас.

Но не погас, — так носят свечи,
ладонью скрыв, и — донесли!
Пусть ветер вьется, словно кречет,
срывая мир и хлеб с земли.

Пусть вместо елки, в вихре бегства
по тропам злобы и войны —
мы взяли в грустное наследство
когда-то виденные сны.

Но свет! и дух неугасимый,
и правды вечной торжество —
до детских взоров донесли мы
и возвратили — Рождество.

1940

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Ни встречей-мгновеньем
у темной реки,
ни прикосновеньем щеки.

Ни томным свиданьем —
в объятья мои —
и не ожиданьем любви.

Ни грёзой, ни песней,
ни трепетом плеч —
прелестней — тебя не сберечь!

Ни грустью, ни страстью,
ни лаской... ничем.
Такому быть счастью зачем?!

Отъята, отнята
(как много калек!)
от друга и брата навек.
И все ж исподлобья,
из смолченных мук —
движенье — подобие вдруг
подъятой на подвиг,
крестящей руки...
И я — среди многих... других.

1940

РАДОСТЬ

Воздух — весенний хмель.
Свеж и душист апрель.
Снег стаял весь.
Здесь, где — плечо к плечу —
держим — одну свечу,
радостно здесь...

Всею душой молюсь:
Господи! — наша Русь,
Божья страна.
Утром — в снопах лучей,
ночью — огнем свечей
озарена...

Воск создала пчела,
радость — колокола, —
зовы любви.
Верю в страну чудес.
Верю: Христос Воскрес!
Радость, — живи!

1941

СТЕПНЫЕ ЗВОНЫ

Николе Вешнему вдогонку
Никола Летний уж спешит
Как вспомнишь русскую сторонку,
так сердце больно задрожит

Дни катятся, как ком под гору, —
кружится в страхе голова.
Уж скоро осень. О ту пору
считали зиму с Покрова,

когда пернатая летунья,
в полях разбрасывает снег,
впорхала белою колдуньей.
И рад был русский человек.

И отдых от работы сладок
бывал. И жизнь была проста —
от Покрова и до колядок,
и — до Великого поста.

Разгул на масляной широкой.
И бубенцы, и шаль, и бег —
коней по Питерской широкой.
И всюду — снег и снег, и снег...

Но звоны медленней и глуше
старинных маленьких церквей...
Там русский люд, моляся, тужит,
смирясь в покорности своей.

Великий пост... Россия долу
склоняет строгое лицо.
И ладан к Божьему престолу
растет небесным деревцом.

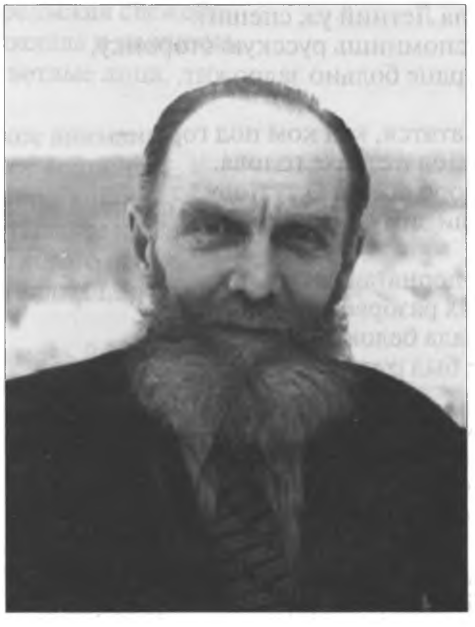
— Христос Воскрес! — привет от милой
еще живет, в груди звеня.
Еще растут победной силой
весенних всходов зеленя.

А там — июль. Какое лето!
Какое золото кругом!
Ведь это было. Было это,
когда был свой родимый дом.

Когда отец и дед шли рядом,
И внук по пашне с ними шел.
В Николин день все шли парадом,
И было дивно хорошо!..

Вся Русь — одно. Отцы и дети...
В колосьях Русь. А степь звенит...
О Боже, пусть же звоны эти
нам память в сердце сохранит.

6 августа 1942



Алексей Ачаир в последние годы жизни

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Несмелов (Митропольский) Арсений Иванович (1889—1945) — поэт, прозаик, журналист. Окончил московский Второй кадетский корпус и нижегородский Аракчеевский корпус. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну воевал в армии адмирала Колчака. В 1920—1924 годах выпустил во Владивостоке три поэтических сборника. В 1929—1942 годах в Харбине — шесть сборников, войдя в число крупнейших поэтов Русского Харбина. Один из основателей (вместе с Алексеем Ачаиром) «Молодой Чураевки». В августе 1945 года был арестован и депортирован в СССР. Умер в пересыльной тюрьме близ Владивостока.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Ночь пасхальная, святая...
Звезды. Колокола речь.
Благость, всюду разлитая.
Крестный ход. Мерцанье свеч.

Ветра ласковые струи.
Шорох веток. Зыбкий свет.
Пенье хора. Поцелуи.
Взлет и выстрелы ракет...

Ночь надежды, ночь привета,
В вечность радостная нить!..
Светлой ночи чудо это
Так отрадно пережить!

Так отрадно, с крестным ходом,
Свой огонь вливать в огни,
Слить себя с родным народом,
Верить в радостные дни.

Общей крови слышать токи,
Сердцу Нации внимать,
И с соратником широкий,
Бодрый шаг соразмерять.

И стране своей родимой, —
В ночь живительных чудес, —
С ветерком, летящим мимо,
Переслать: «Христос Воскрес!»

Услыхать, как издалека
Свой ответ пришлет страна:
— Будет встреча. Дальность срока
С каждым днем сокращена!

Наша радость недалече, —
Не заря ль на мгле небес?
Будет Пасха! Будет встреча!
Потому что Бог — воскрес!

НАША ПАСХА

Метких капель перекличка,
Звонко, звонко бьющих в цель...
Солнце — красное яичко...
Жизнерадостный апрель!
Птицы с юга. Ветер с юга,
Шелк его прохладных струй.
Лапа друга. Сердце друга,
Троекратный поцелуй!
Ты ли беден, я ли нищий,
Не снижать же нам полет!
Юность в час тяжелый свищет,
Жизнерадостно поет!
Не наряден? Не обедал?
Разговеемся, дружок!
Для кого ж тогда победа,
Коль не к нам, на бережок?!
Для ленивца с толстым пузом,
С капиталом, с кадыком?
Господам с подобным грузом
Позади идти шажком!
Юность их опережает
Жизни тон она дает,
Волей сердце заряжает,
Все атаки отражает,
И вперед!

ВЕЛИКИМ ПОСТОМ

Как говорит внимательный анализ, —
За четверть века беженской судьбы
(Не без печали и не без борьбы)
От многого мы все же отказались.
Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережем обычай,
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым.
Хотя бы взять начальные недели
Вот этого Великого поста:
Мы снова у подножия Креста,
Постимся мы, говеем, отговели.
Чем нам трудней, тем крепче вера в нас.
И в этом, думается, наша сила:
Как древних предков, нас благословила
Твоя рука, Нерукотворный Спас!
С какою бы гримасою суровой
Грядущий день ни выходил из тьмы,
Но русской вере не изменим мы
И не забудем языка родного!

БОЖЬЯ ЕЛКА

Говорила богомолка,
Утешая мать мою:
— «В этот день бывает елка
И у Господа в раю.

Сам Он звезды зажигает
На концах ее ветвей,
Светел месяц опускает
Он низехонько над ней.

Сам Он собственной рукою
Весит сласти на виду,
Да у елки той и хвоя
Не горька, а на меду!

Кличет деток Он любимых, —
Хорошо ребятам с Ним!..
Ангелочков-херувимов,
Словно птичек, дарит им.

И за трапезою скатерть
Ризой солнечной горит,
Пресвятая Богоматерь
Всех оделит, усладит!

Что твой мальчик взят на небо, —
Ты не плачь и не горюй:
Как святому, тот же жребий
Для безгрешного в раю!»

Впервые: журнал «Рубеж» (1941, № 2).

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

Перелешин (настоящая фамилия Салатко-Петрище) Валерий Францевич (1913 — 1992) — поэт, переводчик, литературный критик, мемуарист. Родился в Иркутске в семье железнодорожного служащего. В 1920 году семья эмигрировала из Читы в Харбин. В 1930 году окончил Русскую гимназию в Харбине, в 1935 — Юридический факультет. Один из лидеров «Молодой Чураевки» 30-х годов. В 1937 году в Харбине вышел его первый поэтический сборник «В пути». К этому времени он уже учился в Харбинской духовной семинарии св. Владимира, в 1938 году принял постриг в монастыре в честь Казанской иконы Божией Матери. Защитил диссертацию кандидата богословия. В 1939 году в Харбине вышла вторая книга «Добрый улей», на обложке которой стояло имя В. ПЕРЕЛЕШИН, а на титульном листе — МОНАХ ГЕРМАН. Книга открывалась стихотворением «Мы», программным для молодых чураевцев. Валерий Перелешин, как и Алексей Ачаир, Арсений Несмелов, декларировал мессианские идеи неумирающей России:

Во всех республиках и царствах,
В чужие вторгшись города,
Мы — государство в государствах,
Сплотившиеся навсегда.

Примечательны в этом отношении заключительные строки:

Мы стали русскими впервые
(О если бы скостить века!)
На звезды поглядев чужие,
На неродные облака.

И вот, на древние разброды,
На все разлады несмотря,
Мы знаем — русского восхода
Лишь занимается заря...

Стихотворение «Мы» датировано 1934 годом и тематически мало связано с последующими стихами 1937—1939 годов монаха Германа, да и в дальнейшем стихотворная публицистика почти не проявлялась в его поэзии. Стихи монаха Германа раз и навсегда перенесли поле битвы из внешнего во внутренний мир поэта. Ключ к третьей, четвертой (он сам всегда указывал их последовательность) и всем последующим книгам Валерия Перелешина, включая последнюю, одиннадцатую «Из глубины воззвах», вышедшую в США 1987 году, — в стихах монаха Германа. Уже на склоне лет всю свою последующую жизнь он называл монашески-мирской.

В годы Второй мировой войны он жил в Пекине. К этому периоду относится его стихотворение «Ностальгия»:

Я сердце на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только Россия, одну тебя больше Китая.

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет — родной и
щемящий, —
Когда на закате костром полыхает заря,
На север смотрю я — все дольше и чаще, и чаще.
Оттуда — из этой родной и забытой страны, —
Забытой, как сон, но во веки веков
незабвенной, —
Ни звука, ни слова - лишь медленные журавли
На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

И вдруг опадают, как сложенные веера,
Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия!
В прохладные дни, задумчивые вечера
Печальной звездою восходит моя ностальгия.

С начала 50-х годов такие же задумчивые вечера ему пришлось проводить уже в Бразилии, получив признание «лучшего русского поэта Южного полушария». Он много переводил с китайского, французского, испанского, латинского языков, издал книгу своих стихов, написанных на португальском.

Стихи рождались каждый час
без осязаемых усилий,
пока жила в груди у нас
хоть капля воздуха России, —

напишет он в 1971 году, прожив почти всю свою жизнь в эмиграции. В послесловии к сборнику «Три родины» (Париж, 1987) признавался: «Все три родины (унаследованная Россия, благоприобретенный Китай и Бразилия) — внутреннего голода не удовлетворили. Осталась неприкосновенной вера в Бога и Церковь, но

Монах Герман. Фото 1940 г.

и тут неизбежны были глубокие сомнения, бунтарство, отчаяние, горькое чувство богооставленности. Таковы пружины и рычаги моего двигателя внутреннего сгорания, не исключающие поисков словесного мастерства. Не случайно моей любимой формой стал сонет: чем труднее, тем лучше! Сонет, венок сонетов («Крестный путь», «Звено»), французская баллада — формы труднейшие и обеспечивающие успех, когда поэту есть что сказать».

НОЧНОЕ

Ты сам же мне поведал, Боже,
Что не для всех Твой путь открыт,
Что все вместить не всякий может
И лишь могущий да вместит.

Так не зови же к невозможным
Пределам: Твой неверный раб
Привержен к мудрствованиям ложным,
Безсилен телом, духом слаб.

И для того ль, подобно узам,
Ты на него низринул Сам
Мучительную нежность к музам
И запыленным письменам?

Пускай же он со дна колодца
Не видит света Твоего,
Пускай живет он, как живется
Счастливым сверстникам его.

Пускай его среди безсонниц
Волнует только страсть и грусть,
Призывы же церквей и звонниц
Его не искушают пусть.

Позволь, позволь ему в любовном
Жару изникнуть — и опять
Неутоленным, полнокровным
И нерастраченным восстать!

Ей, Боже, к терниям и чаше
Сих нерадивых не зови:
Пускай они шумят и пляшут
И сонно бредят о любви.

Но нет: затем ли столько знаков
И столько знамений в судьбе
Моей, чтоб ночью, как Иаков,
Я воспротивился Тебе?

Нет! Стань же эта ночь залогом
И будь свидетелем, рассвет,
Что блудный сын, боримый Богом,
Приемлет ангельский обет.

14. XI. 1936

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА

Любила фиалки и розы,
И так изменила всему
За частые тайные слезы
В глухом кармелитском дому.

Тереза, святая Тереза,
Теперь лучезарный венец
Ты носишь за эту аскезу
И ранний напрасный конец.

Но в детстве, у долгих вечерен
Не знала ль ты сердцем простым,
Что будет так ясен и верен
Твой путь к небесам золотым?

Пусть знала уже и тогда ты,
Что вражий обманешь патруль,
В бургундских окопах солдата
От плена спасая и пуль;

Пусть даже заране дышала
Ты поздним своим торжеством,

Пусть многое, многое знала, —
Но знать не могла ты о том,

Что, вот, близорукий схизматик,
На старой открытке Лизье
Найдя безымянный квадратик,
Узнает оконце твое.

В той келье, где крестиком робким
Отмечена рама окна,
Как елочный ангел в коробке,
Ты жертвенно гибла одна.

Но зримой очам простодушным
Наградой за прочный союз
Ребенком простым и послушным
К тебе приходил Иисус.

О, как ты, я знаю, молила
Остаться Ребенка того,
Что как своего ты любила
И более, чем своего!

Бывают же девичьи руки,
Как матери руки нежны:
Так радуйся, — годы разлуки
Тебе были сокращены.

И ныне твой жребий не жалок:
Твой Отрок, тебя возлюбя,
Назвал королевой фиалок,
Небесной фиалкой тебя.

И вот, как на этой открытке,
Однажды, под колокола,
Могиле простой кармелитки
Толпа поклониться пришла.

И сколько на празднествах пышных
Фиалок в тот набожный рой —
Незримых, но явственно слышных,
Ты бросила щедрой рукой!

17. XI. 1936

ИНОКУ

О нет, ты не станешь в напрасном
Раскаяньи плакать потом, —
О времени плакать прекрасном,
Об имени плакать мирском;

Но будешь ты, в ладанном дыме
Являясь, как сквозь облака,
Любить нарочитое имя,
Дарованное свысока.

Затем, что под звон колокольный
Не стала ль душа голубой?
Иль золушкою богомольной,
Веселой рабочей пчелой?

И ныне — как жизнь величава! —
К твоим не придут воротам
Ни счастье, ни гулкая слава,
Уже нежеланные там.

Но так же ль запрету послушны
Те губы, что лгать не могли,
Что вежливо и равнодушно
Твой приговор произнесли?

24. IV. 1937

ПРОЩАНИЕ С МУЗОЙ

Владеет мной не демон своеволий,
Не Асмодей, не баснословный змий:
Бесам ли замирать от сладкой боли
Под рокот византийских литургий?

Итак, не плачь, обманутая муза,
Язычница прекрасная моя,
Что для иного, горнего союза
Тебе впервые изменяю я.

Ты хочешь следовать за мной, служанкой,
Не повелительницей, не сестрой?
Тебя за мной не пустят, чужестранку,
В плаще и с непокрытой головой.

Итак, вздохнем о нерожденной книге
И распростимся у парнасских чащ,
Чтоб одному носить свои вериги,
Другой же — древний простодушный плащ.

Не плачь же! Если снова нрав лукавый
Тебя сведет со мной — на краткий миг,
Быть может, вновь земной забредит славой
Великолепный ангельский язык.

Конец мая 1937

ЛОВЕЦ

Блажен ты будешь в час вечерний,
Когда в молитве, наконец,
Увидишь над венком из терний
Другой, нечаянный венец.

Благословенная награда!
Ты до могилы будешь рад
Цветам из ангельского сада
Взамен и санов, и наград.

Но нет: как мудрые, как дети,
Быть может, помнящие рай,
Все ценное, что есть на свете,
Ты за безценное отдай!

Пророка жребий величавый
Тебе не дорог: ты спешишь
Сменить трагическую славу
На имя ловческое лишь.

При море жизненном ты ходишь
Близ омутов страстей, измен,
И в незнакомый мир возводишь
Сердца, уловленные в плен.

И вот, опрастывая мрежи,
Ты улыбнешься, как дитя,
На голых скалах побережий
Живую душу обретя.

5. IV. 1938

НАД ГРОБОМ

У архангела смерти легки стопы,
Он — как бич, как ночь, как судьба,
И опять жужжанье чужой толпы
Вкруг обтянутых щек и лба.

И опять на новых похоронах,
Извивается скользкий змей:
Несказанный страх, баснословный страх
Разъедает сердца людей.

И псалом течет, и растет испуг, —
Чернотой на каждом лице.
Столько юных тел, столько белых рук
Возвратится в землю в конце!

Столько быстрых ног, столько зорких глаз,
Нежных губ и высоких плеч...
Говорят, что тех, кто ушел от нас,
Принял благостный ангел встреч.

И утешил их милосердый Бог
В безпечальных Своих местах,
Где они пребывают как пар, как вздох, —
Уверяет старик-монах.

Оттого у монаха везде кресты
И скелет посреди жилья,
И под ним: «Не забудь, что я был, как ты —
И ты будешь таким, как я».

25. V. 1938

МОЛИТВА

Пускай не сиротой, безкрылым Недоноском,
Гонимым на земле, не принятым в раю,
Я стану глиною, о Господи, иль воском:
Ту глину претвори Ты в амфору свою!

Пусть раскаленная в чистительном горниле,
Дыханьем севера потом охлаждена,
Она созиждется в неодолимой силе —
И меткою Твоей отмечена со дна.

Ты заключишь в нее то благовоний зерна,
То свитки древние пророков и псалмов:
Все сбережет она — прочна, огнеупорна
И радостью полна до блещущих краев!

9. V. 1939

СЧАСТЬЕ

Взамен побед и бурь, и сладострастья,
И мужественной битвы до конца
Ты, Боже, дал мне маленькое счастье,
Какому не завидуют сердца.

Дар памяти! Ни громоносной славы,
Ни жгучих сновидений не влача,
Я только ветры, вечера и травы,
Пускаясь в путь, подъемлю на плеча.

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября,
И сумерки, и сосен запах хвойный
В мой южный дом возьму с собою я.

И память мне не раз покажет снова
Кладбищенский многоречивый сад,
И на скамейке томик Гумилева,
И темных глаз обрадованный взгляд.

24. IX. 1940

МУКДЕНСКИЙ СОБОР

Из дверей открытых
Пенье льется ровно;
Во дворе на плитах
Бархатистый мох.

Мимо скал и мелей
Правь, корабль церковный!
Ave, maris stella —
Как вечерний вздох.

В полумрак базилик,
Где безсильны шквалы,
Где недолги штили,
Убежим навек!

Felix coeli porta!
Дверь овцам отсталым
Ты рукой простертой
Отвори в ковчег.

Solve vincla reis!
Дева, к нашим путам
Снизойди скорее,
Путы разреши!

Путь открой нам ясный —
Iter para tutum —
Стань звездой прекрасной
Гибнущей души!

14. X. 1940

ТОМЛЕНИЕ

Вернись ко мне от чистых и смиренных,
Здоровые не требуют врача.
И пусть в огне безсонниц вдохновенных
Моя тоска сгорает, как свеча!

Но в эту ночь молитва не крылата,
И вместо звезд — глухие облака.
Послушней женщины, вернее брата
Неисцелимая со мной тоска.

Зачем же мне звезда Твоя блеснула
И столько дней вела меня, как мать?
Душе отверженной, душе Саула
Верни потерянную благодать!

9. I. 1941

ОПРАВДАНИЕ

Я — веселый из самых веселых,
И ко мне не касается зло:
Я пишу о деревьях и пчелах,
Прославляю Господне тепло.

Но о чем бы ни начал беседу,
Непременно сорвусь, упаду:
Говорю про венок и победу,
Проговариваюсь про беду.

Я читаю ненужные книги,
Я волнуюсь, томлюсь и грешу,
Но излюбленную, как вериги,
Как стигматы, я муку ношу.

Ты желанна мне, боль, и приятна,
Как пустыннику ветер пустынь,
О звезда моя, будь незакатна
И меня никогда не покинь!

Я люблю тебя, тайное пламя,
Умудренная добрая боль:
Для меня ты — высокое знамя
И у райского входа пароль.

22. II. 1941

УЧИТЕЛЬ

Иной страны благословенный житель,
Что превозмог давно и тлен, и прах,
Дарованный от Господа учитель
Хранит меня, как мальчика в горах.

Меж нами восемь пролегло столетий,
Но лик его я вижу сквозь века,
И снов моих таинственные сети
Плетет его любовная рука.

Он входит то со знаком, то с ответом,
Порою слышим, но всегда незрим.
Он был молитвенником и аскетом
И книжником суровым и благим.

Еще я знаю по речам старинным,
По их скупой библейской простоте,
Что некогда прославленным раввином
Прошел он путь к возвышенной мечте.

Но, возвратясь к обещанному устью,
Уже утешенный и неземной,
Оттуда он с неизрекомой грустью,
С великой нежностью следит за мной.

И, преданный дурному своеволью,
Бредя во тьме, но тьму уже кляня,
Я чувствую, с какой безмерной болью
Приходит он наказывать меня!

20. VI. 1941

ЖЕРТВА

Боже! Я всех у Тебя бедней,
Всех нерадивее, всех превратней:
Я только двух принес голубей,
Не улетевших из голубятни.

Ты переломишь ли шею им
И неискусные эти крылья,
Чтобы навеки стезям Твоим
Стали послушными — от безсилья?

Шею Господь у них преломил
И, под крыло их головы пряча,
Тельца на жертвенник возложил,
От всесожжений еще горячий.

Как непохожи на голубей
Мертвые голуби на решетке!
Мертвая птица в руке Твоей,
Я непорочный, простой и кроткий.

19. I. 1942

УТРО

Славное имя Твое раздается,
По вселенной победно звенит:
Ты воздвиг на путях мореходца
Столько звезд и луну, и зенит.

Отчего ж я Тобою заброшен,
Как изгнанник блаженной страны,
На одну из малейших горошин,
В эти странные, темные сны?

Вот я выйду в привольное поле
В час, когда просыпаешься Ты,
И спрошу о назначенной доле
Утешенья, любви, красоты.

Чем, замыслив еще до Денницы,
Чем верстал Твоего Ты раба?
Не моя ли торжественной птицей
Поднимается в небо судьба?

Или нет, — наделенный смиреньем,
Не бойцом, не царем, не орлом,
Был я создан печальным растеньем
Через камни расти напролом;

Паутиной унылой и черной,
Или бархатной зеленью мха,
Что тянулась бы к свету упорно
Из могильного мрака греха...

Я рассвет предваряю гаданьем,
Я ответа и знаменья жду.
О, пошли мне Своим указаньем
Птичку, бабочку или звезду.

4. XI. 1942

НЕБО

В мире, где боль насыщает нас вместо хлеба
(Всякий, кто хлеба вкусил, умирает тот),
Только одно навсегда полюбил я — небо,
Божью палатку среди мировых пустот.

По осиянным полотнам его лазури
Гордое шествует Солнце — могучий лев,
Медлит тяжелый Юпитер, кружит Меркурий,
Сонная бродит Луна, от весны сомлев.

Там, — возвышают Твои неземные книги, —
Домы для кротких и плачущих Ты воздвиг,
Домы для любящих терния и вериги,
Дышащих бредом Твоих несравненных книг.

Господи, знаю, в Твоей голубой отчизне
Места унынью не сыщется, ни слезам,
Вот почему в нашей маленькой, бедной жизни
Небо Твое голубое — святой бальзам.

7. II. 1943

LE MAL INVINCIBLE

Бела и красива у меня рука —
У грешников руки бывают всегда красивы.
Но слово Твое я услышал издалека:
«Не будьте ленивы, медлительны и трусливы!»

Последователям Твоим говорил Ты сам
Об участи ока, что видимостью пленилось:
«Безтрепетно вырви его и повергни псам —
И руку, что заповедь Божью творить ленилась».

Я верю, что слово Твое пребывает ввек:
Рука моя, Боже, меня соблазняла с детства,
И руку свою я, не дрогнув, мечом отсек,
Чтоб сердцем свободным искать
Твоего наследства.

Я жалкий калека, но чист теперь я и прост,
И пламенней солнца дневного я вижу светы:
Свободный, я сжег за собою последний мост
И к вечному Солнцу лечу, как Твои планеты.

Но часто с тех пор, как пришел Ты тогда ко мне
И голосом тихим позвал меня и усталым,
За тонкой и чуткой рукой я слежу во сне,
И к нежному горлу крадется она с кинжалом.

«Безтрепетно вырви то око...» Но чем, ответь,
Убить сновиденье пленительное и злое,
Чтоб снова, как утренняя заря, розоветь, —
Как, Боже, исторгнуть мне око мое ночное?

15.III. 1943

КОЛОКОЛ

Когда несмелая забрезжит
Над сонным городом заря,
Редеющую мглу прорежет
Далекий зов монастыря.

Моя душа — как дно колодца,
Но в самой черной глубине
Тотчас проснется и качнется
Ответный колокол во мне.

Как тяжела вода тупая!
О, если бы прорваться прочь
Туда, где тает, отступая,
Уже слабеющая ночь!

Пьянея солнечною славой,
О, если бы хоть раз вздохнуть —
Последней песней меди ржавой
Благословить кого-нибудь!

Но в жизнь из плена водяного
Не возвращался ни один,
И держат властно и сурово
Прозрачные персты ундин.

Какой прохожий отгадает,
Что в час предутренний тайком
Неслышный колокол рыдает
Глухим безсонным языком?

Что ж! голос дальнего собрата,
Живую грудь пройди, как нож,
И все созвучное когда-то
Переверни и растревожь!

11. VIII. 1944

БОГОРОДИЦА СКОРБЕЙ

Каждый раз, когда я загляну
В глубь незримой глубины моей,
В тишине увижу я одну
Богородицу Семи Скорбей.

Предает ли Сына ученик,
С клятвой отрекается ль другой —
Не поникнет осиянный лик,
Не померкнет взор безмолвный Твой.

Пусть оплеван Твой тишайший Сын,
Пусть изъязвлена бичами плоть —
Богородица Семи Кручин,
Эту боль Ты сможешь побороть!

Сын несет Свой крест, как Исаак,
Сын Твой пригвождается к кресту
И в девятый час идет во мрак,
В преисподнейшую пустоту...

Эти лезвия грозят Тебе,
Богородица Семи Скорбей,
Но, еще не плача о судьбе,
Ты у древа стой и не слабей.

Твердо помни: меч не упадет,
Никогда не долетит копье,
Если им навстречу не пойдет
Сердце, Богородица, Твое!

Если ж сердце разрастется вдруг,
Вскинется на копья и мечи, —
О, тогда, Семи Великих Мук
Богородица, рыдай в ночи!

15. XII. 1944

EXTASIS

Жгучими щупальцами неотрывными
Ты захватил и замучил меня:
Росами, грозами, звездными ливнями
В сердце низвергся — разливом огня.

Страшно и сладко, хоть гибель влекла меня,
Сердце — колодец, колодец — в огне:
В сердце — Атлантика жидкого пламени
Льется — бушует, клокочет во мне!

Плоть разлетелась бронею непрочною,
Ребер застава давно снесена:
Пламя тончайшее, пренепорочное
Пляшет и плещет до самого дна.

Ты без предтечи ли и без предвестницы,
Ошеломляя захлестнутый ум,
Прямо с небес, без обещанной лестницы,
В сердца смиреннейший Капернаум?

Это бурленье безмерное, дикое,
Как успокоить, себя не сгубя?
Разве я море — и равновеликое,
Чтоб, отразив, убаюкать Тебя?

Сердце безбрежное и безстенное
Все распахнулось в размах широты.
Вечностью полный, чреватый вселенною,
Кто это, Господи? Я — или Ты?

29. XII. 1944

МОЛИТВА ВЕРНЫХ

Зовет меня мир на дороги другие,
В овраг, в полумрак, на дно.
Но, сердце, вещаниям литургии
Останься верно!

Кто мог бы не плакать все чаще и чаще,
Так много крестов неся,
Твоя от Твоих Тебе приносяще
О всех и за вся?

Всю боль и томленья, все призраки наши,
Темноты, тесноты, мглы
Прими, как вино в этой малой чаше,
Как жертву хвалы!

Дай жаждущим пить осиянное небо
И алчущих утоли —
За бедные эти частички хлеба,
Что мы принесли!

20. V. 1945

БЕСЕДА С БОГОМ

Ты ко мне приходил, как податель скорбей,
В полумраке Твоих обезлюдевших скиний,
Но тишайшее солнце улыбки Твоей
Растопило скорбей настывающий иней.

Я поверил Тебе. Я Тебя полюбил,
Побежал по следам обманувшего света —
Для того ли, чтоб выбиться скоро из сил
Человека и мага, жреца и поэта?

Но, как равный, Тебе говорю я теперь,
Что перуны и стрелы Твои — безполезны,
Что теперь я сумею, как загнанный зверь,
Перепрыгнуть Твои ненасытные бездны.

И бывает, что путник, Тобой одержим,
За маршрутом приходит и за назиданьем.
Знаешь, чем я теперь отвечаю?
Одним безучастно-участливым, добрым
молчаньем!

Знай, уже никого я к Тебе не толкну,
Знай, Тебя я на плечи ничьи не обрушу
И не брошу в глухую Твою глубину
Человечью больную и нищую душу!

Без ответа оставлю заветный вопрос:
Отвечать безполезно и трижды жестоко.
Пусть живет человек без мистических роз
И безпечно поет — до могильного срока.

Для чего нам Твое неземное Добро,
Если можем мы счастьем согреться минутным,
И порою жар-птица уронит перо, —
Легкокрылая гостья в дому неуютном?

13. XI. 1947

МОЛИТВЫ

Когда зовет меня на битвы
Из-за стены меня война,
В защитницы беру молитвы:
Приходит с ними тишина,
И незамысловатой дани
В вознаграждение даны
Сокровища обетований
И перераспределены.

МОЛИТВА

Пожалей меня, пощади:
На трибуне или на площади,
На амвоне или на паперти,
Лишь бы только не взаперти!

Разбрелись облака-ягнята,
Целина тумана не поднята,
А дорога никем не смята...
Оступиться, ступив на сходни,
Поскользнуться не запрети!

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Вечереет. Шальные краски
Переходят в полутона.
Снова пустит кактус ростки
Одного и того же сна, —
Одного и того же стона.

Чем сумею отгородиться?
Голубей, моя бирюза,
Посиди со мною, Тереза,
Разверни покров, Богородица!
Чистота? улыбка? слеза?

УТРО СМЕРТИ

Перед самым рассветом я шапку надел
невидимку.
Наклонился над телом: обтянутый кожей скелет!
Слишком долго, — подумал, — с тобой мы
гуляли в обнимку,
Неотвязный попутчик, товарищ
безсолнечных лет.

За собою водил ты меня (не товарищ — хозяин)
По дорогам, таскал по оврагам, тянул под мосты,
Самых темных ища закоулков, задворков,
окраин,
Убегал и от горного ветра, и от широты.

Ты свободен теперь, наконец-то, зарыться,
забиться
В черный сумрак уюта, в нору, под лопух
и бурьян,
Со святыми тебя. Ну а я — не на крыльях
сновидца
Полечу в золотой и баюкающий океан.

Будет дальний полет безпечален, отраден
и светел,
Выше ржавых цепей и уже невесомых оков,
Выше тюрем и башен игрушечных, и облаков...
Как по-новому я это утро весеннее встретил!

ЗАУПОКОЙНЫЙ КАНОН[1]

I

Погнавшись, погиб фараон...
Израиль, прошедший по суху,
Ликует над бездной морскою.

Хвалы всемогущему Духу
И мы, приобщившись покою,
Слагаем, как некогда он.

III

Ты, Боже, преславен и свят.
Десницей Твоей всепобедной
Ты поднял народ обреченный.

Недавно теснимый и бедный,
Теперь торжествует, спасенный:
Ведь ноги на камне стоят!

IV

«Христос моя сила, Христос!» —
Красуется Церковь честная,
Все громче поет и победней,

В едином Тебе обретая
Последний ответ на последний,
Тобой разрешенный вопрос.

V

К Тебе прихожу до зари
С прошеньем сердечным о свете,
Любви и молитвенном даре.

Ответь на моления эти

И, снизясь в полуденном жаре,
Греховную ночь озари.

VI

От тихих Твоих пристаней
Гляжу на житейское море,
Подъятое бурей напастей.

[1] Отклики на темы ирмосов канона, выпеваемого при погребении мирян. Второй песни не существует.

К Тебе, превозмогшему горе,
Взываю, избегнув несчастий:
— Стань солнцем над жизнью моей!

VII

Вот, верных подростков храня,
Спускается ангел росою
И печь раскаленную студит.

Когда соберутся толпою
И наши халдеи — да будет
Нам вера щитом от огня.

VIII

Водой обернется огонь,
Огнем разбушуется влага,
Послушные воле Господней.

Сгорят мотыльковые блага,
А нас от огня преисподней
Твоя да укроет ладонь!

IX

Кто смеет взирать на Тебя,
Сидящего на херувимах
Меж молний палящего гнева?

Но нас, изначально любимых,
Возводит Пречистая Дева
На небо, молясь и любя.

ВАЛААМ

Саранча, саранча — эти полчища в доме Моава,
Что раскинули стан у подножья священной горы.
Царь Валак оробел: посрамленьем
заменится слава,
Если славой сиять островерхие будут шатры!

Трижды царь посылает послов к Валааму
с мольбою
На Евфрат полноводный, в безвестный
поселок Пефор.
И пришел Валаам, но не смеет поспорить
с судьбою
И в раздумьи глядит с каменистых Вааловых гор.

И ведет Валак Валаама
В Кириаф-Хуцоф,
И приносит жертву без храма,
Без толпы жрецов.

Трижды семь быков закалает,
Трижды семь волов,
И печально костер пылает
Из больших стволов.

Валаам восходит на сходни:
К одному ему
Прилетают слова Господни
В смоляном дыму.

Валаам стоит на вершине
И глядит с горы:
Шире моря — пески пустыни,
Выше волн — шатры.

Высоко воздета десница:
Вещий Валаам
С крутизны послушно грозится
Голубым шатрам:

Будьте прокляты вы, прощелыги, бродяги!
Двери наших твердынь вам ли мы отопрем?
Не повергнутся в пыль моавитские стяги,
А над вами безбожник да будет царем!

Оскудеют вожди достоинством
Израильские, а вы —
Побежденным падете воинством
На сухие стебли травы.

Чтоб не кроткие руки Авеля,
А железные — Тувалкаина,
Безпощадные, вами правили,
И от трупов гнила долина!

Чтобы вам дорогами ровными
Никогда не ходить, проклятые,
Чтоб на ваших судах виновными
Выходили невиноватые!

Чтобы юношей ваших всех
На щитах уносили из битвы,
Чтобы в тяжкий вменялись грех
Воздержанье вам и молитвы!

Пусть найдут шакалы голодные
В горах вороха костей:
Станут женами девы безродные
Моавитских сыновей!

Пусть вашим бездомным вдовам
Будет горек удел вдовства.
Пусть в погоне за мужем новым
С чужеземцем блудит вдова!

И пусть у ваших сирот
И стадо, и хлеб, и мед,
И дом, и двор до ворот
Заимодавец возьмет!

Пусть грязнятся дороги проказою
Шелушащихся ваших тел!
Между Тиром, Сидоном, Газою
Да поделится ваш удел!

Но вижу: к реке многоводной
Сходят на водопой Овцы.
Меж ними безплодной
Нет ни одной.

Вижу: пути безопасны,
Ни хищника, ни змеи.
Израиль, прекрасны
Жилища твои!

Вижу: кругом водворился
Ненарушимый мир,
Едом тебе покорился,
Смирился Сеир!

Но, Боже, затем ли
Сюда я пришел,
Чтоб на эти земли
Не накликать зол?

Забыть о ехиднах,
Змей не натравить?
В безобидных словах — обидных —
Прокля — благословить?

Прокля — словить,
Благо — проклясть,
Заговорить
Львиную пасть?

Благо — проклясть,
Прокля — словить:
Каждому пасть!
Каждому жить!

Силою всей
С разных сторон...
Но Моисей,
Но Аарон...

Дом не чужой —
Бог не солгал:
Дальней межой
Станет Галгал!

Высшим судьей
Будет кинжал!
Дружной семьей —
Бог указал...

В вечной любви
Их сохрани,
Благослови —
Нет, прокляни!

От западни!
Нож притупи!
Искорени!
Нет: укрепи!

И воссел Валаам на ослицу и отбыл к Пефору.
И повержен Валак. И в песках затерялся Моав.
И сегодня турист, восходя на безводную гору,
Не найдет ничего, кроме ветра и выжженных
трав.

От Галгала и Гефа, от Тира, Сидона, Сеира
Уцелели одни благозвучные их имена,
Но, как в те времена, за обманчивым
призраком мира
По горам и долинам угрюмая бродит война.

ТРИОЛЕТ

Хлеб мой насущный дай мне днесь —
Провалы в бездну и мечты,
Стихи и маленькую спесь...
Хлеб мой насущный дай мне днесь.
Потерпим вместе эту смесь
Болот и зовов чистоты.
Хлеб мой насущный дай мне днесь —
Провалы в бездну и мечты.

О ГРЕХЕ

Пусть, Господи, забудет он о сыне,
О матери и плачущей жене,
О родине — и явится ко мне:
К Тебе, к судьбе и к мудрости пустыни.

Мы васильком и ворохом полыни
Дадим сгореть в чистилищном огне
И повелим безсмертной купине
Терзать его и врачевать отныне!

Зову, кричу, но небосвод молчит, —
Ведь человек того не разлучит,
Что связано: где двое или трое,

Там Ты в отце, в супруге, в женихе.
Быть по сему! Оставь его в покое,
А мне прости молитву о грехе.

26. X. 1972

БЛАГОДАРЕНИЕ

И как мне не любить себя...
Ходасевич

Не в алтаре — люблю Тебя в себе,
В презрении к питательным наукам,
В растерянном прищуре близоруком,
В невидности, в порочной худобе, —

В бездетности, в безженности, в горбе,
В пристрастии к разрывам и разлукам,
К несбыточным, пригрезившимся мукам:
Люблю Тебя во всей моей судьбе.

Смесь горькая, но в тесто этой смеси
Ты не вмешал ни жадности, ни спеси,
Ни помыслов о прибыльном добре —

Тех нескольких непрошеных молекул,
С которыми, проснувшись на заре,
Клевал бы я зерно да кукарекал!

21 мая 1975

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Бразильское подходит Рождество,
А с ним жара неистовее пытки,
И зимние почтовые открытки
Переменить не могут ничего.

На них катки, коньки и озорство,
И Дед Мороз, и снегопад в избытке,
И школьники, проказливы и прытки:
У северян веселье таково.

А здесь мы все хандрим от приклихита,
Пьем гуарану, да это ли защита?
Я пил ее, но жажда не прошла:

Ведь я ее считал насквозь телесной.
Теперь молюсь о капельке тепла
От рук земных — о милости небесной.

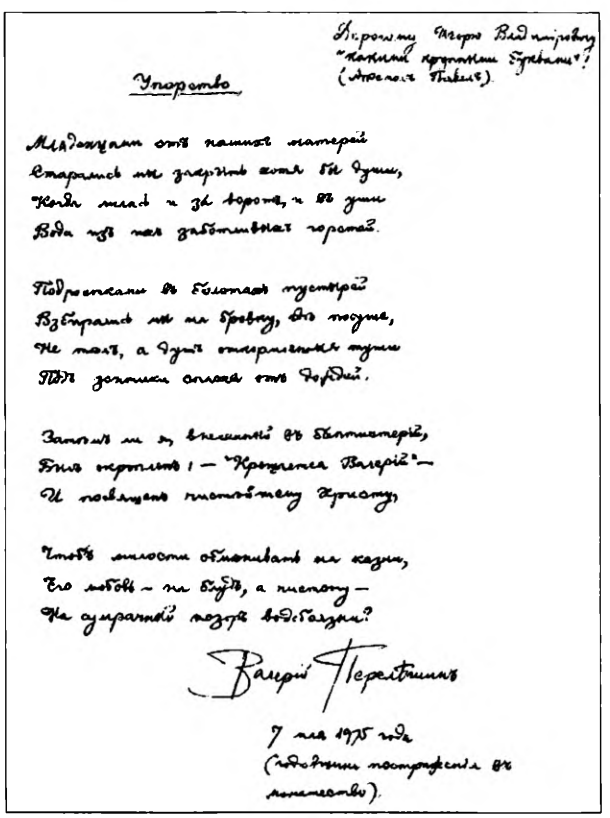
КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН В РОССИИ

К вещаниям радиостанций
про замыслы и про дела
я глух, но любят чужестранцы,
когда поют колокола.

Когда чистейший, безнадломный
над смутной ходит головой,
Россия — колокол огромный
набатный или вечевой.

Счастливой добровольной данью
в ответ я жадно предаю
навстречу твоему взыванью
грудь беззащитную мою.

Запретный и самодовольный,
безчувственный к моей любви,
Звенигород мой колокольный,
завейся звоном и зови!



Автограф стихотворения «Упорство»

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

Андерсен Ларисса Николаевна — поэтесса, балерина. Родилась за полгода до Первой мировой войны, в которой ее отец получил ранение, попал в плен. В конце октября 1922 года полковник при штабе Колчака Николай Андерсен вывез жену и восьмилетнюю дочь из Владивостока с остатками Сибирской флотилии адмирала Карла Старка, взявшей на борт тридцати кораблей 10 000 беженцев. Она училась в Русской харбинской гимназии, но настоящими ее университетами была литературная студия «Молодая Чураевка», образованная поэтом Алексеем Ачаиром при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ), ставшим в Харбине «независимым национальным центром культуры христианского, рыцарского, русского братства».

Лариссу Андерсен уже в пятнадцать лет называли гордостью этого «чураевского питомника» поэтической молодежи. Валерий Перелешин вспоминал: «Ее скандинавское имя веяло сказками Андерсена, феями и русалками, и дальше возникали образы Ибсена, и Ларисса воспевалась почти непрерывно как новоявленная Сольвейг». Такой она предстала в этапном для «Молодой Чураевки» поэтическом сборнике «Семеро», изданном в 1931 году ХСМЛ. «Живопись и поэзия. И отсутствие шаблона. С самого детства. Вероятно, на всю жизнь...» — писал о ней Алексей Ачаир.

Первый авторский сборник Лариссы Андерсен «По зеленым лугам...» вышел в 1940 году в Шанхае благодаря Александру Вертинскому. Рецензии в газете «Шанхайская заря» тоже принадлежали Вертинскому. Считается, что песня «Дансинг-гёрл», созданная знаменитым поэтом-шансонье в 1937 году в Шанхае, связана с судьбой танцовщицы Андерс (таковым было ее сценическое имя на эстраде). Закончив «ускоренный курс» хореографической школы воспитанницы Петипа Лидии Дроздовой, она зарабатывала на жизнь как профессиональная танцовщица и балерина. «Ларисса, — вспоминала Юстина Крузенштерн, — разрывалась между поэзией и танцами. Танцы победили... выручили грация и прирожденный талант. В течение пятнадцати с лишнем лет она была звездой дальневосточной эстрады, танцевала в оперетте, иногда в больших балетных постановках». Но песня Вертинского — не «портрет» Лариссы Андерсен, а драматизированный образ русской девушки, ставшей в Китае танцовщицей:

Это бред. Это сон, это снится...
Это прошлого сладкий дурман,
Это юности Белая Птица,
Улетевшая в серый туман.

Вы в гимназии. Церковь. Суббота.
Хор так звонко весеннее поет...
Вы уже влюблены, и кого-то
Ваше сердце взволнованно ждет.

И когда золотые лампады
Кто-то гасит усталой рукой,
От высокой церковной ограды
Он один провожает домой...

К этому же шанхайскому периоду относятся и другие песни Александра Вертинского о трагедии русских изгнанников. Была среди них и знаменитая песня-молитва, созданная самими сибирскими казаками: «Молись, кунак, в стране чужой...».

Александр Вертинский, как и первый поэтический наставник Алексей Ачаир, увидели в стихах Лариссы Андерсен черты нового поэтического поколения. «Я хочу отметить, — писал рецензент Вертинский, — появление "странного" цветка, прекрасного и печального, выросшего в "Прохладном свете просторного одиночества". И еще не затоптанного жизнью». Сама же Ларисса Андерсен много позже выразит свое отношение к поэзии в словах: «Думаю, что стихи — это как молитва у монахов: если молиться постоянно — то выходит, а если нет — наступает "сухость" души. И тихи не звучат. А как хорошо, когда они звучат!»

Эту сухость души ей придется в полной мере испытать после 1945 года, когда ее друзья-чураевцы окажутся кто в ГУЛАГе, кто в новой эмиграции — в Австралии, Парагвае, Бразилии, Чили, США. Она смогла выехать из Китая только через десять лет. В том же 1956 году вышел на свободу Алексей Ачаир, ей даже удалось получить от него весточку из Сибири с ответом на вопрос о лагерных стихах: «... В такой звериной жизни было не до стихов». О своем десятилетнем молчании она скажет: «Писать стихи, когда их некому читать, все равно, что танцевать при пустом зале».

Ларисса Андерсен

Статья Александра Бертинского

РУБЕЖ" О ШАЛЯПИНЪ

Стихи вернулись к ней во второй половине жизни, когда в течение более чем полувека ей суждено было стать неотъемлемой частью уже не Русского Китая, а Русской Франции.

В час, когда замирает земное согретое лоно,
И звенит тишина. И приходит вечерний Христос,
Усыпляет ягнят, постилает покровы по склонам,
Развевает в степи благовонное миро берез
И возносит луну, как икону...

Это строки из поздних стихов. В 2006 году в издательстве «Русский Путь» вышло первое в России прижизненное издание Лариссы Андерсен «Одна на мосту... Стихотворения, воспоминания, письма».

ИЗ ЦЕРКВИ

Ветер кинулся к строгим людям,
Звонко тьмою в лицо плеснул.
Бьется колокол медной грудью,
Льет расплавленную весну.
Прижимается воздух вешний,
Тает терпкая боль молитв...
У меня от молитвы, грешной,
Только сердце сильней болит...

Ах! Томит меня даже ладан,
Словно запах лесных гвоздик!
Я девчонкой в лесу когда-то
Припадала к земной груди...

Я не стану святой и строгой, —
Так привычно моим ногам
Уставать по земным дорогам,
Танцевать по земным лугам...

Кроткий лик, удаляясь, тает...
О, Святая, простишь ли Ты,
Лишь за то, что я понимаю,
Чем прекрасны Твои черты?

Впервые: журнал «Рубеж» (1939, № 20).

МОЛИТВА

Знаю — бывает тяжко,
Страшно за каждый шаг...
А вот одна монашка
Мне говорила так:
«Надо молиться Богу,
Чтобы рассеять страх...
С Богом найдешь дорогу,
Что с фонарем впотьмах.
Надо молиться много,
Долго и не спеша,
Чтобы добралась до Бога,
Как ручеек, душа...
Надо молиться часто,
Чтоб не нарушить связь,
Чтоб ручеек несчастный
Не превратился в грязь...
Надо молиться сильно —
Вырваться из тисков,
Чтоб он рекой обильной
Вышел из берегов!
Надо молиться страстно,
А не зевать кругом —
Не бормотать напрасно,
Думая о другом.
Надо молиться строго,
Не потакать себе,
Не торговаться с Богом
Лишь о своей судьбе.
Надо молиться чисто,

Радуясь и любя,
Так, чтобы круг лучистый
Вырос вокруг тебя...
Чтобы такой кольчугой
Сердце облечь ты смог —
Вот... И тогда, как чудо,
В нем засияет Бог».

ЛЕОНИД ЕЩИН

Ещин Леонид Евсеевич (1897—1930) — поэт, прозаик. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В годы Гражданской войны доброволец, офицер армии адмирала Колчака, участник Ледяного похода. В 1922 году во Владивостоке в приложении к альманаху «Парнас между сопок» вышел его поэтический сборник «Стихи Таежного похода», звучавший как реквием:

Двадцатый год со счетов сброшен,
Ушел изломанный в века...
С трудом был нами он изношен:
Ведь ноша крови не легка.

Угрюмый год в тайге был зачат.
Его январь — промерзший Кан,
И на Байкальском льду истрачен
Февраль под знаком партизан.

А дальше март под злобный ропот,
Шипевший сталью, что ни бой.
Кто сосчитает в сопках тропы,
Где трупы наши под Читой?..

Эмигрировал в Харбин. Этому периоду посвящены строки:

Матерь Божия! Мне тридцать два,
Десять лет перехожим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю...

Публиковался в харбинских периодических изданиях. Входил в группу «Молодая Чураевка». Один из чураевцев писал о нем: «Ещин не стал крупным поэтом, но из всей дальневосточной плеяды он имел наибольшие внутренние данные, чтобы стать им. Жизнь оказалась сильнее и его незаурядного характера и глубокого дарования. Он умер... И, как-то странно, только после смерти все почувствовали, кто такой Ещин — заговорили о нем, стали писать...» Наибольшую известность получило стихотворение его друга и однополчанина Арсения Несмелова «Леонид Ещин»:

Лёнька Ещин... Лишь под стихами
Громогласное — Леонид,
Под газетными пустяками,
От которых душа болит.

Да еще на кресте надгробном,
Да еще в тех строках кривых

Знак отличия военного Ордена «За великий Сибирский поход»

На письме, от родной, должно быть,
Не заставшей тебя в живых.

Был ты голым, и был ты нищим,
Никогда не берег себя,
И о самое жизни днище
Колотила твоя судьба.

«Тында-рында» — не трынь-трава ли
Сердца, ведающего, что, вот,
Отгуляли, отгоревали,
Отшумел Ледяной поход!..

Сборник «Стихи Таежного похода» так и остался единственным прижизненным. В последующих посмертных публикациях стихи Леонида Ещина наиболее полно представлены в антологии Вадима Крейда «Русская поэзия в Китае» (М., 2001).

ОСЕНЬ БЕЗ СКОРБИ

Синяя осень. Осень без скорби.
Осень из хвойных, таежных тонов.
Взором безскорбным из хвои узор пить —
Нам, хладнокровным, лишь это дано.

Осень безскорбная. . Синяя осень.
Небо спокойное нам не тесно.
Скорби у Господа разве попросим
Мерзлой душой, не увидевшей снов?

Просьба о скорби без просьбы о радости?
Нет, мы для этого слишком честны.

Если мы сгибнем, то сгибнем без страсти.
Осени нет тем, кто был без весны...

Осень 1920 года

МАЯТА
Эскиз поэмы

Утром тягостно владеть безсонным взором.
Солнышко следить - не хватит сил.
Господи! Ведь я же не был вором,
И родителей я чту, как прежде чтил.
Знаю Иова... Учил о нем и в школе.
Памятуя, маюсь и дрожу
В этой дикой и пустынной воле,
Уходящей в росную межу.
Но в пустыне праведник библейский,
Вместе с псами в рубище влачась,
Познал ранее, в долине Иудейской,
Сочность жизненную — всю ее, и всласть.
А я вот, Господи... Я сызмала без крова.
Я с малолетства струпьями покрыт.
И понаслышке лишь, с чужого только слова
Узнал про тех, кто ежедневно сыт.
Брести в слезах, без сил, асфальтом тротуара,
Молясь, и проклиная, и крича,
И вспоминая боль последнего удара
Карающего (а за что?) меча, —
За эту муку — верую, Спаситель,
За каждый шаг бездомного меня —
Ведь верно?.. будет мне?.. потом?..
тогда?.. обитель,
Где радость шествует, литаврами звеня.

Впервые: журнал «Рубеж» (1929, № 11)

БЕЖЕНЕЦ

Какими словами скажу,
Какой строкой поведаю,
Что от стужи опять дрожу
И опять семь дней не обедаю.

Матерь Божья! Мне тридцать два...
Двадцать лет перехожим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю.

И, занывши от старых ран,
Я молю Тебя пред иконами:
«Даруй фанцу, курму и чифан[1]
В той стране, где хранима драконами».

Впервые: журнал «Рубеж» (1930, № 1)

[1] Дом, одежду и пищу (*кит.*).

СЕРГЕЙ СЕРГИН

Сергин (Петров) Сергей Федорович (1908—1934) — поэт. В 1932 году окончил Политехнический институт в Харбине (1932). Участник «Молодой Чураевки». В сборнике «Излучины» (Харбин, 1935) — наиболее значительная его посмертная публикация.

МОЛИТВА

В пустынной церкви, днем, одна,
Ты подымаешься на хоры.
И вздрагивает тишина
При взлете шелковых оборок.

Задумчиво проходишь ты
По медленно скрипящим доскам...
Вон там, внизу, — ряды святых
Молчат, закапанные воском.

И прямо пред тобой — алтарь,
Подальше, чуть правей — распятье,
А руки рвут с груди янтарь,
И мнется шелковое платье.

Как на коленях, с высоты,
Прильнув к расшатанным перилам,
Не дрогнув пред лицом святых,
Ты шепчешь: «Господи помилуй...»

СУЕТА

Все — суета сует, и тленно все, что мило, —
Уйдет, растает, точно из кадила
В высь купола стремящийся дымок.
Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

Есть в сердце каждого заветные святыни.
Они для нас — оазисы в пустыне.
И, как оазисы, заносит их песок.
Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

А взгляд змеиных глаз, что душу мне волнует?..
И он, и он забвенья не минует
И будет он так чужд мне, так далек!
Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

Все — суета сует, все только обольщенье,
Любовь в душе горит всего мгновенье,
Лишь в Вечной Книге смысл вечен строк,
Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

ФАИНА ДМИТРИЕВА

Дмитриева Фаина Леонидовна (1918—1990) — поэтесса, публицистка. До 1945 года жила в Харбине, в 30—40-е годы публиковалась в еженедельном журнале «Рубеж». В 1940 году в Харбине вышла ее поэтическая книга «Цветы в конверте». Представлена в коллективном сборнике «Лира. Книга девяти поэтов» (Харбин, 1945), «Русская поэзия в Китае» (М., 2001).

В ДЕНЬ ПРИЧАСТИЯ

За окном в синих сумерках
Умирает день снежный...
Вместе с ним в прошлом умерли
Счастье, радость и нежность.

Отреченье невольное,
Ничего мне не надо...
Мне ни страшно, ни больно мне.
Тихо светит лампада.

Я сегодня причастница,
Мысли — только о Боге.
Может, скоро прояснится
Ночь на снежной дороге.

И пойду с теплой верою
Я в святую обитель,
Где с иконы над дверью
Улыбнется Спаситель.

И душа просветленная
Сохранит образ кроткий,
От всего отрешенная
В этой жизни короткой.

Под защитой Спасителя
Стану я в себе строже.
Путь направить к обители
Помоги же мне, Боже.

Мысли тайные знаешь
И желанья Ты видишь,
За вину покараешь,
За любовь не обидишь.

В эти сумерки снежные
Ничего мне не надо.
Я спокойная, нежная...
Тихо светит лампада.

Впервые: журнал «Рубеж» (1938, № 13)

В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ

Воскресла прошлого страница
И скорбный покаянный час...
Выносят тихо плащаницу:
«Святый Боже, помилуй нас».

Мерцают восковые свечи.
Огни свечей в сверканье глаз.
В раскаянье поникли плечи...
«Святый Крепкий, помилуй нас».

Нечеловеческие муки
Принес, как жертву, Кроткий Спас,
И льются пламенные звуки:
«Святый Безсмертный, помилуй нас».

Лампады... Свечи... Ладан терпкий...
И тихий, покаянный час...
«Святый Боже, Святый Крепкий,
Святый Безсмертный, помилуй нас...»

Впервые: журнал «Рубеж» (1938, № 16)

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Шаги замолкли в отдаленье,
Не слышен шелест светлых риз...
Склонился над своею тенью
Задумавшийся кипарис.

И тихий шепот слышен в чаще
Луною озаренных роз.
Здесь только что молил о Чаше
Тоскою раненый Христос.

Впервые: журнал «Рубеж» (1939, № 14)

МОЛИТВА

Ты молишься доверчиво и нежно,
Сложив спокойно тонкие ладони.
Твои глаза и ясны, и безгрешны,
В них свет лампады, отражаясь, тонет.

Полуоткрытый рот — лишь вздох, не шепот.
Забывшиеся на ресницах слезы.
Не жалоба сомнения, не ропот —
Молитвенный порыв в застывшей позе.

Не просишь ни о чем. Цветком открылась
Твоя душа в лучах горячей веры,
Вся трепетным восторгом окрылилась
И улетела в голубые сферы.

. . . . . .

Тень у иконы (словно крылья машут),
Твое лицо задумчиво и строго.
Твои ладони — розовая чаша,
В которой ты несешь молитву Богу.

И жар молитвы этой не остынет.
Сам Бог отыщет светлым, ясным взглядом
В огромной, темной мировой пустыне
Мерцающий огонь твоей лампады.

<1945>

НИКОЛАЙ ШИЛОВ

Шилов Николай Дионисьевич (? — 1936) — поэт, журналист. По образованию горный инженер. Военный чиновник. Во время Гражданской войны публиковался в газетах Читы, Благовещенска, Владивостока. В 20—30-е годы редактор и фельетонист ряда русских газет в Харбине и Шанхае. В 1934 году на конкурсе русских поэтов Шанхая был избран «Королем поэтов».

НА ПАПЕРТИ ХИНГАНА

Велик Хинган. Раскинулся кругом
Он здесь собором многоглавым.
Далекий кедр мне кажется крестом
Над этим храмом величавым.

Он — не один. Кресты и купола
Уходят вдаль, теряясь где-то...
Толпа берез на хоры скал взошла
С молитвой о возврате лета.

А вон одна склонившаяся ель
О смерти молится безгласно.
Она стара, и зимняя метель
Ей так страшна, ей так ужасна.

А вон, внизу, на камнях у воды,
Печально молятся осины.
Пугают их блуждающие льды,
Они хотели б на вершины.

А по горе три черные сосны
Идут служить молебен к лесу
И там, за всех отчаяньем полны,
По дням зеленым справить мессу.

И внемлет всем божественный Хинган,
Но говорит о покаяньи.
И этот глас, как неземной орган,
Звучит в просторах мирозданья.

Я тоже здесь, стоя на берегу,
Молюсь на паперти Хингана.
Войти во храм я, грешный, не могу,
Там слишком праведна Осанна.

И надо быть безгрешным и святым,
Чтобы внимать богослуженью,
Чтобы вдыхать лесных кадильниц дым
И слышать праведное пенье...

Молчи! И стой! И внемли тишине,
И эху дальнему Осанны.
Когда нельзя молиться в глубине,
Молись на паперти Хингана.

Смотри! И здесь такая красота,
Что никакой другой не надо!
Молись, да снидет в сердце чистота,
Покой, безгрешность и отрада...

И я мольбу греховную шепчу,
И плачу сердцем покаянно,
И стать святым и праведным хочу,
Чтобы войти в алтарь Хингана.

Он так красив... Раскинулся кругом
Хинган собором многоглавым...
Высокий кедр покоится крестом
На этом храме величавом...

МИХАИЛ СПУРГОТ

Спургот Михаил Цесаревич (1901—1993) — поэт. Учился в гимназии Владивостока. Участник Гражданской войны. Эмигрировал в Харбин. Автор нескольких поэтических сборников. Входил в группу «Молодая Чураевка». В 1947 году вернулся в СССР. В 1951—1955 годах узник ГУЛАГа.

17 ИЮЛЯ
Из поэмы «Екатеринбург»

В глухой подвал их всех свели.
Был вечер душен, грозен, зноен.
Но, как все заточенья дни,
Царь был и сдержан, и спокоен.

Упала ночь. И в тишине
Лишь часовых шаги звучали.
И трепетно молились все
В предсмертной муке и печали.

Убийцы дерзкою толпой
Вошли. В глазах зверь красный бился.
И в тайне ночи роковой
Кровавый ужас совершился.

И стали стены все в крови,
И глухо выстрелы гремели,
И, убивая, палачи
В глаза страдальцам не смотрели...

...Прошли года. От тех времен
Осталось мало что знакомо,
Но тайной страшной окружен
Подвал Ипатьевского дома.

И как легенда говорит, —
Ее народ весь повторяет, —
Теней загробных грозный вид
Там часто сторожей пугает.

Они приходят по ночам —
Так повествуется в народе, —
И с ними Император сам
Со всей Семьей своей приходит.

И там, колени преклоняя,
Так, как и прежде, в дни былые,
Он молится — не за себя,
А о спасении России!

ЕЛИЗАВЕТА РАЧИНСКАЯ

Рачинская Елизавета Николаевна (1904—1993) — поэтесса, прозаик, мемуарист. Училась в Харбинском железнодорожном училище, в 1926 году окончила Юридический факультет. Выпустила поэтический сборник «Ключи» (Харбин, 1926). После 1956 года жила в Австралии и Англии. Автор мемуарных книг «Перелетные птицы» (Сан-Франциско, 1982), «Калейдоскоп жизни. Воспоминания» (Париж, 1990).

МОЛИТВА

Стою в немой тоске пред каменной твердыней.
Несокрушим, как сталь, безжалостный гранит.
Стеной грехов моих, безумья и гордыни
Воздвигнут предо мной железный монолит.

Где веры взять тепло и благодать молитвы?
Как холод растопить росой горячих слез,
Когда в душе лишь пыль неукротимой битвы,
И ненависти яд, и ярости хаос?

Открой, открой, молю, мне покаянья двери,
Дай мне простить врагам, как Ты прощал долги,
И чудо мне яви, чтоб я сказала: «Верю.
Неверью моему, Спаситель, помоги!»

О Боже, снизойди к рабе Твоей лукавой!
Кровоточит душа, а сердце, словно лед...
Мне застит солнца свет туман вражды кровавой
И мрак, зловещий мрак со всех сторон ползет.

Вот я в слезах, в тоске перед Твоей святыней,
Но нет, несокрушим безжизненный гранит,
Стена грехов моих, безумья и гордыни,
Преграда тяжкая, железный монолит!

ЛЕВ ГРОССЕ

Гроссе Лев Викторович (1906 — после 1950) — поэт, прозаик. Сын генерального консула России в Шанхае. В 1925 году окончил гимназию в Харбине, учился в Сорбонне и Берлинском университете. В 30—40-е годы выпустил несколько поэтических и философских книг в Шанхае и Париже. В 1948 году добровольно выехал в СССР. Умер в ГУЛАГе.

* * *

Ты — юная, ты — стройная, как ель,
Ты — грозная, как туча громовая,
Ликуй, о Русь, о Родина святая,
Моих отцов родная колыбель.
О, кто с Тобой осмелится сразиться?
Души Твоей кто снизит вышину,
Кто дум Твоих измерит глубину,
С красой Твоей, скажи мне, — кто сравнится?
Великая, к Тебе все вновь и вновь
Мечты моей невольное стремленье,
Тебе одной души моей моленье,
И жизнь, и крест, и вера, и любовь!

ДВА ХРАМА

Высокое унизится,
а униженное возвысится.
Пророк Иеремия

В селе Зо-Сэ у вод канала,
Где зеленеет юный рис,
Где почва глиниста и ала,
Вознесся гордый кипарис.
За ним кустарник и поляны
Вели к далекому холму;
Тропа, ведущая к нему,
Покрылася травою пряной,
И редко кто ходил по ней

К его тенистому подножью.
Там, в гуще вековых ветвей,
Спала кумирня. Слову Божью
Угодно было там создать
Обитель для сердец забытых,
Но чудно охраняли быт их
Познание и Благодать.

Вокруг кумирни молчаливой
Росли платаны, бамбуки,
И ветер солнечный под ивой
Лениво шевелил ростки;
Порою веяло сиренью
И легким ароматом роз,
И все кругом, в тени мимоз,
Сдавалось горнему смиренью.
Как будто бы Господний Дух
Струился сквозь листву лучами
И реющею тайной двух
Роднил кумирню с небесами;
Как будто луч одушевлен
И полн неизреченной славы,
И Царство неземной державы
Как будто возвещает он.

В прозрачный час, когда светило
Пронзало голубой эфир
И знойно с высоты струило
Потоки золотых рапир;
В тот час, когда в сознаньи новом
Для жизни пробуждался мир
И животворный эликсир
В сердцах преображался Словом, —
Монах молитвой вековой
Творил обет с душою мирной,
И дерево своей листвой
Склонялось тихо над кумирней,
А ветер, устремляясь ввысь,
Молитву уносил на небо
И очарованное небо
Лазурью одевало высь.

До полудня монах забытый
Пред бронзой Гаотамы пел;
Он пел о мощи Божьей свиты,
О благости Господних дел,
О том, что светел мир незримый,
Что в час последнего суда
Утихнет грешная вражда
И заликуют серафимы.
Его великие слова
В святой тиши не умирали:
О, нет, ловила их молва
Сквозь двери сердца в час печали!
Слова великие его,
Летая в океане духа,
Касалися святого слуха
Уверовавших в Божество.

Да, чудно вырастали Братства
Во всех концах седой земли,
И гнет разврата и богатства
Затмить лампады не могли;
Неуловимыми путями
Святая близится пора,
И солнце нового утра
Горит духовными лучами!
Ничто не остановит их,
Избранников Креста и Слова,
Победоносен Божий Стих,
И день восторжествует снова!
Ни блеск церковных куполов,
Ни стоны смерти и мучений,
Ни гордый возглас лжеучений
Не затемнят Господних Слов!

Смотри: лишь осень наступила,
Лишь пожелтел покров ветвей,
Лишь снова солнечная сила
Для отдыха своих лучей
Легла на пасмурные тучи —
К холму явился гордый гость:
Великий Инквизитор! Злость
Промчалася молвой летучей
По всем окрестным деревням:
«Католик хочет на вершине
Построить золотистый Храм.
Католик бродит по долине!
На холм возносит он гранит!
С рабочими пришел ученый,
И скоро купол золоченый
Вонзится царственно в зенит!»

О славный холм! Ты волей Рока
Два храма мирно приютил:
Внизу, у ног — алтарь Востока,
Вверху — твердыня чуждых сил!
Один вознесся горделиво,
Горя короной золотой;
Другой, и кроткий, и простой,
В листве покоится стыдливо.
Один — бедняк, другой — богат
И смотрит гордо в глубь вселенной;
Один, как милосердный Брат,
Другой — Наставник Дерзновенный!
Вверху — блестит, звенят слова,
Но веет строгостью мороза;

Внизу — тепло, растет мимоза
И вечно юная трава...

...Промчался век. Вокруг кумирни
Все так же тихо. Как тогда,
Несется к небу голос мирный;
В канале плещется вода.
Другой монах другого века
Поет, что дед его певал,
И так же радостен хорал
Надежд святого человека.
Лишь розы будто бы нежней...
Лишь тень прозрачней и живее,
И ветер кажется дружней,
Отрадной ласковостью вея.
Как будто ясный небосклон
Спустился ближе к ветхой крыше.
И льется звонче, льется выше
Весенний птичий перезвон!

Но что чернеет за оградой?
Большие глыбы здесь и там
Лежат разрушенной громадой.
Прижавшись к вековым стволам!
Кто их занес сюда? Откуда?
Где возвышалися они?
В какой стране, в какие дни
К зениту возносилась груда?
Вот здесь, под саваном теней,
Лежат, блистая позолотой,
Осколки сброшенных камней
И утварь мастерской работы;
А дальше - статуи лежат
И колокол блистает гладкий,
И все — лишь жалкие остатки
Когда-то царственных громад.

Печален был рассказ монаха.
Он молвил: «Раньше на горе,
Не чуя перед Буддой страха,
Католик жил в монастыре.
Он нас топтал. Да, но однажды
Раздался ночью страшный гром,
И почва затряслась. Потом
Огонь небес ударил дважды,
И глыбы сокрушенных груд
Мгновенно сорвались с вершины
И, сталкиваясь там и тут,
Скатились с грохотом в долины.
Как видишь, наш любимый храм
В ту полночь не задели груды,
И мы, как встарь, пред ликом Будды
Возносим славу Небесам!»

1930, Шанхай

МАРИАННА КОЛОСОВА

Колосова Марианна (Римма) Ивановна (1903—1964) — поэтесса. Родилась на Алтае. Дочь священника, убитого «воинствующими безбожниками». После Гражданской войны жила в Харбине, где вышли сборники ее патриотических стихов «Армия песен» (1929), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей» (1934) и другие. Ее называли харбинской Мариной Цветаевой. После Второй мировой войны приняла советское гражданство, но из-за травли Анны Ахматовой отказалась возвращаться в СССР. С 50-х годов жила в Чили.

КАЗАЧАТ РАССТРЕЛЯЛИ

Видно, ты уснула, жалость человечья!
Почему молчишь ты? — не пойму никак.
Знаю, не была ты в эти дни в Трехречье,
Там была жестокость — твой извечный враг.

Ах, беды не чаял беззащитный хутор...
Люди, не молчите, — камни закричат!
Там из пулемета расстреляли утром
Милых, круглолицых, бойких казачат...

У Престола Бога, чье подножье свято,
Праведникам — милость, грешникам — гроза.
С жалобой безмолвной встанут казачата...
И Господь заглянет в детские глаза.

Первый поэтический сборник Марианны Колосовой «Армия песен». Харбин, 1928 г.

Скажет самый младший: «Нас из пулемета
Расстреляли нынче утром на заре».
И всплеснет руками горестными кто-то
На высокой белой облачной горе.

Выйдет бледный мальчик и тихонько спросит:
«Братья-казачата, кто обидел вас?»
Человечья жалость прозвенит в вопросе,
Светом заструится из тоскливых глаз.

Подойдут поближе, в очи ему взглянут —
И узнают сразу. Как же не узнать?!
«Был казачьих войск ты светлым Атаманом,
В дни, когда в детей нельзя было стрелять».

И заплачут горько-горько казачата
У Престола Бога, чье подножье свято.
Господи, Ты видишь, вместе с ними плачет
Мученик-Царевич, Атаман Казачий!

ВЕЧЕРОМ

Да, жизнь за плечами большая...
И в трепетном зареве дней
Я многим на свете мешаю
И жизнью, и песней своей.

И часто над книгой склоняясь,
Я что-то родное ищу,
И жизнью чужой восхищаясь,
Над гибелью чьей-то грущу.

А ночью, при свете лампады,
Учусь я прощать и жалеть.
Мне многого в жизни не надо,
Но сделать бы что-то успеть.

Поет за стеною соседка
О жизни, о счастье, о нас,
О том, что встречаются редко
Хорошие люди сейчас.

И строем чужие солдаты
По улице гулко идут.
И так же, как наши когда-то,
Солдатские песни поют.

А в небе далеком, безстрастном
В собор на молитву зовут.
По звездам — по камешкам ясным —
Ко всенощной души идут.

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Во вражеский лагерь не каждый пойдет,
Не каждый рискнет головой.
Не знает он, встретит ли солнца восход
И будет ли завтра живой.

Орлиную душу свою он понес
На крыльях отваги в борьбу,
Ушел он в страну громыхающих гроз
Испытывать жизнь и судьбу.

А если вернется, то скоро опять
На подвиг отправится он.
А женское дело — молиться и ждать,
Склоняясь над шелком знамен.

Скрипят под иглою тугие шелка.
Три буквы и крест на шелках.
Пусть будет винтовка верна и легка
В его молодецких руках.

За карие очи, что смотрят во тьму,
За руки, которые мстят,
Молюсь я. Дай, Боже, удачи ему,
И пусть он вернется назад!

ОТЦОВО КОПЬЕ

Народ мой в неволе, в тоске изнемог...
Доколе, о Боже, доколе?
За дерзость и грех наказует нас Бог,
За дерзость и грех мы в неволе.

В ночи наш пожар полыхай до зари!
Слезами зальем ли мы горе?
А наши убитые нами Цари
Скорбят о великом позоре.

И русское горе, и горе мое
Руками сплету воедино.
А вырастет сын, я отцово копье
Отдам ненаглядному сыну.

Скажу я: похож на отца, ты, мой сын,
Борись, как и он, за Россию!
Будь воином храбрым, ты в поле один,
Коль с поля уходят другие.

РОЖДЕСТВО НА ЧУЖБИНЕ

Во Франции, в Чили, в Китае
Звучит наш певучий язык.
Но каждый о Доме мечтает,
К чужбине никто не привык.

Никто никогда не решится
Россию навеки забыть.
Нельзя по-чужому молиться
И быт неродной полюбить.

И в церкви в рождественский вечер,
Покорная горю и злу,
Я, сгорбив усталые плечи,
Поплачу тихонько в углу...

У женщины русской осталось
Прибежище тихое — храм!
И я свою боль и усталость
Сюда принесу и отдам.

«Дай, Господи, — сердце звенело, —
Услыши молитву мою!
Мужчинам на родине дело,
А женщинам храм и семью!»

Горят пред иконами свечи...
Сегодня родился Христос!
Но нам в этот радостный вечер
Нельзя удержаться от слез...

ДАР УЛЬГЕНЮ

«Золотое озеро» на Алтае,
Горы гордо высятся над тайгою —
Это моя родина золотая,
Это мое самое дорогое!

Дым полоской стелется над логами,
Юрты островерхие дышат дымом.
Солнышко над конскими табунами...
Радостно рассказывать о любимом.

Кланяюсь ползущему с гор туману,
Издали сиреневым дальним скалам.
Буйному сердитому Чолышману!
Их красу я памятью отыскала.

Чу! Гремит молитвенно старый бубен.
Там Ульгеню молятся, там камлают
«Мы вас, духи горные, чтим и любим!» —
Голоса гортанные призывают.

В вечном одиночестве дремлют горы,
Грезят кедры древние в лунном свете.
Это все увижу я, но не скоро...
Жизнь моя летящая, вихорь-ветер!

В небе ястреб плавает одиноко,
В сторону кидаются птичьи стайки...
Шлю с улыбкой ласковой издалека
Дар Ульгеню песенный от алтайки!

МОЙ ЩИТ

Утомленная долгой борьбою,
Боль и страх от врагов затая,
Как щитом, я укроюсь Тобою,
Православная вера моя!
И во мраке глухом преисподней,
И в просторах безбожной страны
Осененная волей Господней
Не погибнет душа без вины.
Я упасть под мечом иноверца
И сгореть на костре не боюсь
За Христово пронзенное сердце —
За тебя, Православная Русь!

ОЛЬГА СКОПИЧЕНКО

Скопиченко Ольга Алексеевна (1908—1997) — поэтесса. Детские годы провела на Волге. В начале Гражданской войны семья эмигрировала в Харбин. Окончила русскую гимназию, училась на Юридическом факультете. В Харбине вышли ее первые поэтические сборники «Родные порывы» (1926), «Будущему вождю» (1928), в Шанхае — «Путь изгнанника» (1932) Юстина Крузенштерн отмечала в воспоминаниях, что ее, как поэтессу, «выпестовала Колосова, с чураевцами ей было не по дороге, у них были свои учителя: Ачаир, Арсений Несмелов, Леонид Ещин». Марианна Колосова и Ольга Скопиченко *держались особняком* как в Харбине, так и в Шанхае, а после Второй мировой войны — в Сантьяго

и Сан-Франциско, их трудно причислить к какой-либо поэтической школе или группе.

В этом отношении представляют интерес поздние стихи Ольги Скопиченко из книги «Памятка» (1982), посвященной строительству кафедрального собора в Сан-Франциско и одному из выдающихся подвижников Русской Православной Церкви Заграницей епископу Шанхайскому и Сан-Францисскому Иоанну (1896 — 1966), причисленному в 1994 году к лику святых Русской Зарубежной Церкви, а в 2008 году — общецерковных святых Русской Православной Церкви.

Поэтесса Ольга Скопиченко стала его духовной дочерью еще в Шанхае, куда иеромонах Иоанн прибыл из Сербии, избранный в 1934 году епископом Шанхайским. «Двери шанхайских церквей всегда были широко раскрыты для всех православных христиан... Каждая народность, хранившая Православие, могла считать наши храмы своими и имела возможность проявить в Церкви удовлетворение своих духовных потребностей и принимать участие в церковной жизни, подчиняясь установленным правилам. В Церкви Христовой "несть еллин, ни иудей, варвар или скиф, все одинаково суть чада Церкви"», — говорил владыка Иоанн о начале своего архиерейского служения в «новом Вавилоне», как называли в ту пору Шанхай, сумев наладить, как отмечали современники, «долгожданный церковный мир» между православными русскими, украинцами, сербами, греками.

В конце жизни владыка Иоанн возвел в Америке знаменитый кафедральный собор Пресвятой Богородицы в Сан-Франциско, а в Китае начинал со строительства кафедрального собора Пресвятой Богородицы в Шанхае, придавая особое значение его росписи в традициях древнерусской иконописи. «После Петра Великого, — подчеркивал Владыка, — в России вместо подражания древнерусским иконописцам стало господствовать подражание чуждым Православию художникам Запада. Новые изображения хотя и были очень красивыми, но не соответствовали духу иконописи».

«Духовное состояние эмиграции» — так называется одна из проповедей владыки Иоанна тех времен, в которой он, вне всякого сомнения, следовал идеям своего учителя митрополита Антония (Храповицкого) и других великих русских философов-эмигрантов об исторической миссии русской эмиграции. Владыка писал:

«Русские люди за рубежом проявили исключительно высокие качества терпения, выносливости и самопожертвования... Бывшие вельможи и генералы сделались простыми рабочими, ремесленниками и мелкими торговцами, не гнушаясь никакого рода трудами и помня, что никакой труд не унизителен, если не связан с безнравственными поступками. Русская интеллигенция в том отношении проявила не только способность во всех обстоятельствах сохранить свою жизненную энергию и побеждать все, что стоит на пути ее существования и развития, но показала, что имеет высокие душевные качества — способность смиряться и терпеть. Школа беженской жизни многих нравственно переродила и возвысила. Должно отдать честь и почтение тем, кто несет свой крест беженства, исполняя непривычные, тяжелые для них работы, живя в условиях, о которых никогда прежде не знали и не думали, и притом остаются крепкими духом. Сохраняют благородство души и горячую любовь к своему отечеству и без ропота, каясь о прежних прегрешениях, переносят испытания».

Проповеди владыки Иоанна оказали огромное влияние на его паству в Китае, а в послевоенные годы — на Филиппинах, во Франции, в Соединенных Штатах. С именем владыки Иоанна связан *исход русских* из коммунистического Китая. Поэтическая книга Ольги Скопиченко «У самого синего моря» вышла в 1949 году на Филиппинах, где она два года прожила *у самого синего моря* — в лагере русских беженцев на острове Тубабао. Один из участников *исхода русских* описывал: «Беженцы из Шанхая, число около 5 тысяч человек, расположились в лагерях на Филиппинских островах. В начале положение лагеря было очень тяжелое во всех отношениях. На месте диких джунглей — высокой густой растительности — вырос город из палаток, имеющий госпиталь, свою полицию, свой суд...» Тайфуны несколько раз разрушали город. «Когда взошло солнце, лагерь представлял страшную картину полного разгрома и разрушения. Все потеряли всё, что имели», — рассказывал очевидец. Современный биограф святителя Иоанна отмечает: «При таком положении отчаявшимся людям требовалось в первую очередь духовное подкрепление. Поэтому стараниями архиепископа достаточно быстро церковная жизнь буквально забила ключом. Были учреждены три храма и один женский монастырь. Возле монастыря находился "собор" — военный барак, где совсем как в Шанхае, ежедневно совершались богослужения». Свое свидетельство оставила и Ольга Скопиченко — в стихах «Памятки»:

Спит городок палаточный у моря,
Забыты горечь и заботы дня,
И в снах нам видятся неведомые страны
И корабли, пришедшие за нами.
От моря тихо веет ветер свежий, и кроны пальм
колышатся слегка.
Все спит. И только легкой тенью до рассвета проходит тот,
Кто отдыха не знает. Чуть блещет в свете звезд на рясе
панагия,
И чуть слышны слова его молитв.

То наш Владыка, обходя весь лагерь, благословляет нас,
Прося у Господа спасенья и милости для нас...
И по его словам и по его молитвам
Свершилось чудо, и чужие страны открыли двери нам,
И опустел палаточный наш город...
И уплывали в море корабли...

Этой чужой страной, в которой нашли прибежище русские беженцы, была Америка. Новая поэтическая книга Ольги Скопиченко «Незабываемое» вышла в 1954 году уже в Сан-Франциско, где ей суждено было

вместе с шанхайской паствой владыки Иоанна, как и в Шанхае, возводить новый Кафедральный храм, а в июле 1966 года в этом же храме — проводить его в последний путь. В «Памятке» она напишет об этом, обращаясь к его пастве:

Вы помните... толпу на отпеванье.
Вы помните, как гроб спустился вниз
И словно в стены храма был внесен.
Вы помните? Так будем помнить вечно...

Мощи святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского и ныне почивают в возведенном им кафедральном соборе Сан-Франциско, став одной из святынь православной Америки.

Выдающийся гимнограф Московской Руси Пахомий Серб почти два года прожил в Кирилло-Белозерском монастыре, создавая Службу Кириллу Белозерскому по рассказам иноков о «блаженном старце». Ольга Скопиченко более тридцати лет была прихожанкой владыки Иоанна в Шанхае, на Филиппинах, в Сан-Франциско, создав поэтическую «Памятку» о нем. Таких *памяток* о русских святых, тем более о святых XX века, — не так уж и много в русской поэзии...

* * *

Лучше пути победного,
Краше мечты о рае,
Только одно я ведаю,
Только одно я знаю.

Это сказать за сильными:
«Вместе на крест восходим мы», —
Это гореть светильником
Перед иконой Родины.

<1932>

* * *

В ветки игольчатой туи
Бросала блестками нить,
Чтобы мечту золотую
В памяти вновь пережить.

Господи! Чем успокою
Грустную душу свою?
Разве над светлой страною
«Вечную память» спою!

Нет! — ослепительней, лучше
В годы изгнанья мечты,
Снова в напевы созвучий
Вкралось: «Любимая — Ты...»

И, негодуя и плача,
Светлой надеждой горя,
Я повторяю иначе
Зимний напев тропаря.

Строгий, торжественный, ясный
Рвется знакомый мотив,
Прожили мы не напрасно,
Родине жизнь посвятив.

Знаю мечту золотую
В жизни печальной дождусь,
Около маленькой туи
Елке зеленой молюсь.

Снова надеждой крылатой
Вера взовьется к весне.
Чисты молитвы и святы
О не погибшей стране.

СВ. КНЯГИНЯ ОЛЬГА

В храме темно. Догоревшие свечи
Тусклым маячат огнем.
В окна высокие дымчатый вечер
Смотрит померкнувшим днем.
Тени собрались на темном распятье,
Лик у Христа невидим.
Складки старинного светлого платья
Смялись поклоном земным.
Только черты у лица вдохновенны,
Полны горячей мольбой.
Пламя лампадки в узорчатых стенах,
Точно светляк голубой.
Что-то знакомое в огненном взоре
Синих задумчивых глаз.
Ласково смотрит на женское горе
С красного дерева Спас.
Строго задумались в храме иконы —
Свет незажженных огней,
И наклонились печально знамена
Прошлых и радостных дней.
И до утра, до лучей розоватых,
Брошенных в солнечный нимб,
Ласково слушает Господь Распятый
Шепот горячей мольбы.
Только когда перед утренней службой
Сторож ключом зазвенит,
Плавной походкой, в уборе жемчужном
Женщина в угол скользит.
Светлым видением в раму пустую
Входит, свечу загасив,
День озаряет Княгиню святую —
Ольгу — Великой Руси.
Люди затеплят яркие свечи

К лику старинных икон,
И посветлеет, никем не замечен,
Шелк побежденных знамен.
Только еще вдохновенней и строже
Синие очи горят...
И у Святого Владимира тоже
Слезы на золоте лат.
Господи! Думой людскою распятый,
Милостив, благостен Он!
Молятся в ночи туманные свято
Наши святые за нас.
Родина наша в падении грешном,
В горе великом — проста.
Милость Свою прояви безутешным,
Нам, не донесшим креста!
Гнев справедливый Твой к нам — миллионам,
Гнев Твой — свечой загаси!
И освятит для победы знамена
Ольга — Княгиня Руси!

<1932>

ВСЕХ УБИЕННЫХ, БОЖЕ, УПОКОЙ

Все так же неизменен бой часов,
Все так же дни сливаются в недели,
Весной знакомых птичьих голосов
В зеленой роще раздаются трели...
От гибели людской, от безпощадных слов
Деревья и трава не поседели.

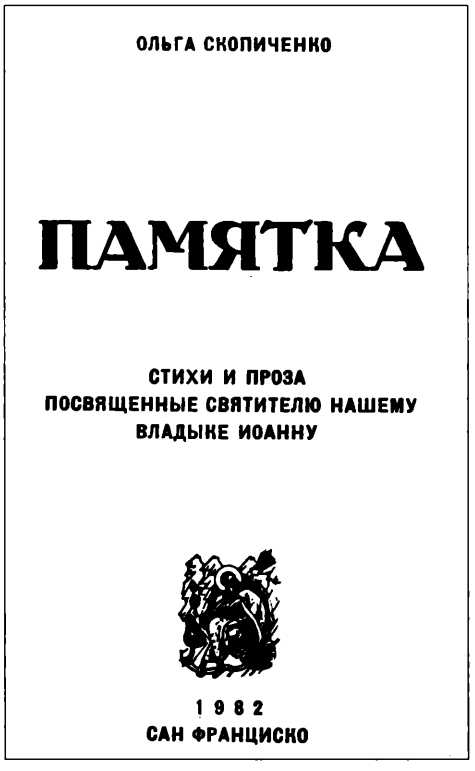
И Волга омывает берега
Обычным, шумным по весне разливом,
И дышат свежестью зеленые луга,
Бегут ручьи потоком говорливым.
В тяжелые смертельные года
Не стала в них кровавою вода.

В безчисленных безсчетных лагерях,
Где люди к смерти медленно шагают,
Не дрогнут болью листья на кустах,
Леса шумят, не ведая, не зная
О муках, о расстрелах, о смертях...
На солнце нежатся леса, встречая свет,
Как знать им, что для многих солнца нет.

И только зимние полночные метели,
Как будто плачут над моей землей,
Над теми, кто замучен и расстрелян.
В их завывании поскрипывают ели
И снег ложится рыхлой пеленой...
— Всех убиенных, Боже, упокой!..

Покровом смертным белый снег ложится,
Столпились сосны тесною стеной,
И над притихшей зимнею тайгой,
Туда, где вьется дальняя граница,
Как отзвук ночи, отзвук бури мнится,
Напев тайги печальный и простой:
— Всех убиенных, Боже, упокой!..
Июнь 1952
Сан-Франциско

Из книги «Памятка. Стихи и проза, посвященные святителю нашему владыке Иоанну» (1982)


ОЛЬГА СКОПИЧЕНКО

ПАМЯТКА

СТИХИ И ПРОЗА
ПОСВЯЩЕННЫЕ СВЯТИТЕЛЮ НАШЕМУ
ВЛАДЫКЕ ИОАННУ

1982
САН ФРАНЦИСКО

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Ничего не забыть до последнего вздоха
земного,
Засветить в своей памяти тихой лампадой
огни,
Постараться припомнить все годы,
от слова до слова,
Все на нашем пути от начала опять пережив.

Палящий зной тропического дня ушел.
И ночь рассыпала на темном небе,

Как бриллианты, мириады звезд.
Вот синим светом Сириус над лагерем заснувшим
засиял.
Спит городок палаточный у моря.
Забыты горечь и заботы дня,
И в снах нам видятся неведомые страны
И корабли, пришедшие за нами.
От моря тихо веет ветер свежий,
и кроны пальм колышатся слегка.
Все спит. И только легкой тенью до рассвета
проходит тот,
Кто отдыха не знает. Чуть блещет в свете
звезд на рясе панагия,
И чуть слышны слова его молитв.

То наш Владыка, обходя весь лагерь,
благословляет
Нас, прося у Господа спасенья
и милости для нас...
И по его словам и по его молитвам
Свершилось чудо, и чужие страны открыли
двери нам,
И опустел палаточный наш город...
И уплывали в море корабли...

Вот толпы нас. Взволнованные лица.
Все нарастает в сердце ожиданье.
Мы ждем его приезда в Сан-Франциско,
Он нам рисуется единственной надеждой,
Единственной опорой в смуте нашей...
И распахнулась дверь аэродрома.
И за толпой сошедших пассажиров
Мы вновь увидели его улыбку и ласки
полные глаза.
И вырос храм высокий, величавый.
И мы, пройдя сквозь горе и ненастье,
Собрались...

Помните, в тот серый день дождливый,
когда кресты на храм наш воздвигали,
Вы помните, как вышел крестный ход от дома
Тихона Задонского,
И вдруг... на небе тучи разошлись и ярко
Луч солнца озарил идущего Владыку и в золото
одел хоругви и иконы.
Вы помните, когда на главный купол
поднялся крест,
Как будто с океана взвился над храмом голубь
И кружился над куполом и золотым крестом.
Вы помните, в болезнях и тревоге,
и в скорби личной, шли с надеждой к келье
И в коридоре узеньком стояли и ждали
позволения войти.

И дни и ночи навещал в больницах, и нас и тех,
кто от него отрекся.
И, может быть, за них молился больше,
Чем за того из нас, кто шел с ним рядом...
Вы помните тот страшный день субботний,
Когда по Сан-Франциско телефоном промчались
горькие и страшные слова:
Владыка умер.

Вы помните... как мы в каком-то страхе шли
к Тихону Задонскому толпою
И к келье опустевшей подходили,
И бился в окна, всеми позабытый,
любимый голубь нашего Владыки.
Вы помните... толпу на отпеванье.
Вы помните, как гроб спустился вниз
И словно в стены храма был внесен.
Вы помните? Так будем помнить вечно.
Я знаю: коротка людская память; только в горе,
В скорбях или в несчастье
Она огнем нам сердце обжигает.
О, как тогда, в те дни — мы слепы были,
Не поняли, когда он жил меж нами,
Не осознали и не оценили.

И с этой болью, с этой мыслью горькой —
поможем ближним по его завету.
И в усыпальнице затеплим свечи, его молитв
попросим о забывших...
И повторим, как раньше повторяли, его слова:

Крепитесь, с нами Бог.

ОН С НАМИ

Как часто мы не соглашались с ним,
Считая, что он строг, умом не понимая,
Что каждым словом ласковым своим
Молился он за нас, все наши мысли зная.

Он знал нас до конца, до каждой мысли знал,
Прощал нам нашу суету и ссоры
И с тихою улыбкою внимал
Пустым и равнодушным разговорам.

Мы не могли тогда душою осознать,
Какое счастие нам выпало на долю:
Быть вместе с ним, его словам внимать,
Его молитв просить и в радости и в боли.

Нас было трудно словом убедить,
Его сберечь нам веры не хватало...
И сердце словно замерло в груди
В тот страшный час, когда его не стало.

Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский. Современная икона

Так было суждено. Нам не дано забыть
И время вечное безсильно тоже
Нам память о прожитом погасить,
Нас болью о прожитом не тревожить.

Бывают дни спокойны и ясны,
Когда мы, верные его заветам,
Воспоминанием о нем полны,
Воспоминанием о нем согреты.

И память с бережною лаской, не спеша,
Ведет нас к келии знакомыми путями,
И благодарностью полна душа
За то, что навсегда его молитвы с нами,

За то, что мы сейчас идем его путем,
И в дни пасхальные, в дни радости великой —
Крупинки милосердия несем,
Как обещали нашему Владыке.

Пошли нам, Господи, отдать сполна
Всю нашу жизнь его святым заветам...
Как просто жить, когда душа полна
Любовью, пониманием и светом.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВО ДНИ СТРОИТЕЛЬСТВА КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В САН-ФРАНЦИСКО

Мне снился сон... Громадных зданий своды
И стены, как туннель без света, без тепла...
И сердце сжато скорбью безысходной,
Как будто ширится и нарастает мгла.

Как будто наяву — не видится не снится...
Без слов, без звука плачу и кричу...
Как будто много нас, как будто вереницы
Людей идут со мной плечо к плечу.

И вдруг... вдали, как бы в конце туннеля,
Зажегся свет мерцанием свечей
И разгорался ярче и сильней —
Сияньем ослепительных лучей.

Кафедральный собор в Сан-Франциско. Современное фото

И появились, как в старинной базилике,
Иконы, писанные кистью неземной...
И кротко смотрят ласковые лики
Святителей моей земли родной.

И встал из-под земли в сияньи величавом
Прекрасный храм, весь в солнечных лучах!
Горит! как символ негасимой славы,
Наш православный крест на ярких куполах.

Звучат слова... Молитесь же, молитесь
О милосердии Христовом к нам!..
И встанет наяву осуществленный Китеж —
Сердцами выстраданный, осиянный храм!

Мы собираемся, верны его завету,
Чтобы помочь и сердцем снова быть,
Быть вместе с ним. Смотрите, словно свету
Прибавилось! Не оборвалась нить!

Вы помните: в дни лагерных скитаний,
Без посоха, один, он часто в поздний час
Весь лагерь обходил. И мы, не видя, знали:
Он нас благословлял, молясь за нас.

Вы чувствуете, там, в молитве непрестанной
Он молится за тех, кто сердцем ждет чудес.
Вы слышите — из дали океана
Звучат его слова: «ХРИСТОС ВОСКРЕС!»

* * *

Эта радость в душе загорается в ночь
Воскресенья,
Небывалая радость, несущая мир и покой.
Когда в храмах лампады бросают
таинственно тени
И хоругви плывут над притихшей толпой.

Сходит огнь голубой в эту ночь
у Господнего Гроба,
Зажигая нежгущим огнем миллионы свечей.
Затихает на сердце житейская боль и тревога,
И от слез умиленья глазам горячей.

Если только прислушаться сердцем,
коснувшимся чуда,
То услышишь, как шелест, слова
неземных голосов...
Это к нам, недостойным, доносятся
вести оттуда...
Это славят Христа с недоступных для нас
берегов.

В Усыпальнице белой безчисленно
свечи сияют,
Рассыпая брильянты на митру и складки парчи.
С той же радостью светлой мы входим,
в поклоне склоняясь,
Прибавляя еще огонек от пасхальной свечи.

Смерти нет. Безконечною верою сердце
согрето.
Мы собрались опять, чтобы выполнить
данный обет,
Обещанье Владыке... Смотрите кругом
сколько света,
Сколько радости в наших сердцах. Смерти нет.
И молитва его неотрывно незримая с нами,
Помогая в пути, заглушая смятенье утрат
В Усыпальнице свечи таинственным
светом мерцают,
А для нас, незабывших, как яркие звезды горят.

С НАМИ БОГ

Тем, кто верит, в жизни все возможно, —
Мы идем безстрашно в трудный путь.
«Помоги нам, Милосердный Боже,
С правильной дороги не свернуть».

Дай нам вспомнить пройденные сроки
Наших горьких беженских дорог,
Чтобы с верой чистой и глубокой
Вырвалось из сердца — с нами Бог!"

С нами Бог — наш негасимый светоч
Сквозь туман бесовской клеветы.
И на злобу нам ответить нечем,
Нам — в сознанье нашей правоты.

И внимая пастырскому слову,
Силою его молитвы — мы,
Как один, за ним идти готовы,
Как один, спокойны и сильны.

По его молитве неустанной
И по милости Господней к нам, —
На холмах, над синью океана
Вырастет наш православный храм.

Забывая в радости великой
Скорбный путь страданий и тревог,
Повторим смиренно за Владыкой
С верой и надеждой — с нами Бог!

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

Туроверов Николай Николаевич (1899—1972) — поэт. Родился в донской станице Старочеркасская. Окончил реальное училище в Ростове-на-Дону. В семнадцать лет — доброволец лейб-гвардии Атаманского полка. С января 1918 по сентябрь 1920 года — доброволец Белой армии, участник Степного похода. Получил четыре ранения. Автор легендарного стихотворения об исходе из Крыма (использован в фильме с участием В. Высоцкого):

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня...

Жил в Греции, Албании, Сербии, Франции. Работал грузчиком, лесорубом, мукомолом. Учился в Сорбонне. Основал Казачий музей, был редактором газеты «Казачий Союз», председателем парижского Казачьего Союза. В начале Второй мировой войны сражался в Северной Африке в составе французского Иностранного легиона. Один из самых известных «казачьих поэтов» Русского зарубежья.

Первый поэтический сборник Николая Туроверова «Путь» вышел в Париже в 1928 году, «Книга пятая» — в 1965-м. В России наиболее полное издание вышло в 2010 году («Возвращается ветер на круги свои...»: Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит.).

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

«В скитаньях весел будь и волен,
Терпи и жди грядущих встреч, —
Тот не со Мной, кто духом болен,
Тому не встать, кто хочет лечь.
Простор морей, деревьев пущи
И зреющий на ниве злак
Откроют бодрым и идущим
Благословляющий Мой знак.
В лицо пусть веет ветер встречный, —
Иди — и помни: "Я велел", —
Так говорил Господь, и Млечный
На темном небе Путь белел.

1922

МАРТ

За облысевшими буграми
Закаты ярче и длинней,
И ниже виснут вечерами
Густые дымы куреней.
В степи туманы да бурьяны,
Последний грязный, талый снег,
И рьяно правит ветер пьяный
Коней казачьих резвый бег.
Сильней, сильней стяни подпруги,
Вскачи в седло, не знав стремян;
Скачи на выгон, за муругий
На зиму сложенный саман.
Свищи, кричи в лихой отваге
О том, что ты донской казак;
Гони коня через овраги,
За самый дальний буерак.
Пусть в потной пене возвратится
Твой конь и станет у крыльца;
Пусть у ворот ждет молодица
С улыбкой ясной молодца.
Отдай коня. Раздольно длинный
Путь утомил. И будешь рад
Вдохнуть в сенях ты запах блинный,
Повисший густо сизый чад.
Как раньше предки пили, пели,
Так пей и ты и песни пой.
Все дни на Масленой неделе
Ходи с хмельною головой.
Но час придет. И вечер синий
Постелет медленную тень,
И в запоздалых криках минет
Последний день, прощеный день.
Сияй лампадами, божница,
В венке сухого ковыля.
Молиться будет и трудиться
Весь пост казачая земля.

1925

* * *

Мне сам Господь налил чернила
И приказал стихи писать.
Я славил все, что сердцу мило,
Я не боялся умирать,
Любить и верить не боялся,
И все настойчивей влюблялся
В свое земное бытие.
О, счастье верное мое!
Равно мне дорог пир и тризна, —
Весь Божий мир — моя отчизна!
Но просветленная любовь
К земле досталась мне недаром —
Господь разрушил отчий кров,
Испепелил мой край пожаром,
Увел на смерть отца и мать,
Не указав мне их могилы,
Заставил все перестрадать.
И вот, мои проверя силы,
Сказал: «Иди сквозь гарь и дым;
Сквозь кровь, сквозь муки и страданья,
Навек бездомный пилигрим,
В свои далекие скитанья,
Иди, Мой верный раб, и пой
О Божьей власти над тобой»

1940

Из цикла «Родина»

Так кто же я? Счастливый странник,
Хранимый Господом певец,
Иль чернью проклятый изгнанник,
Свой край покинувший беглец?
И почему мне нет иного
Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя родины моей?
Так что же мне? Почет иль плаха,
И чей-то запоздалый плач,
Когда в толпу швырнет с размаха
Вот эту голову палач?
Ах, все равно! Над новой кровью
Кружится станет воронье.
Но с прежней верой и любовью
Приду я в Царствие Твое.

1941

* * *

— Богородице молилася —
Вся слезами изошла.
Головой о стенку билася —
К колдуну в аул пошла.
Замерзала за станицею,
Погибала на пути...
Обернись, желанный, птицею —
Над станицей пролети,
Опустись на подоконнике
И в окошко постучи,
Не на крыльях — так на конике,
Снег взметая, прискачи.
Пролетают низко голуби,
Не летит мой голубок...
Под горою в новой проруби
Терек темен и глубок.

1940

* * *

Можно жить еще на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц веселых голоса,
Если все дороги правы
И зовет тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.
Можешь ждать в тревоге тайной,

Что к тебе вернется вновь
Гость желанный, гость случайный —
Беззаботная любовь.
Если снова за стаканом
Ты в кругу своих друзей
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей,
Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если можешь управляться
С необъезженным конем,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.

1942

* * *

С рождения — ни веры, ни креста.
С рождения — вся жизнь была пуста,
Как этот колос, легкий и пустой,
Поднявшийся над праздной бороздой.
И не пора ль его теперь сорвать,
И бросить в прах, и в прахе растоптать,
Растущий без единого зерна,
Когда о хлебе молится страна.

1943

Из Тараса Шевченко

1

О, Боже мой милый! Как тяжко на свете,
Как жизнь горемычна — а хочется жить,
А хочется видеть, как солнце сияет,
И хочется слушать, как море играет,
Как пташка щебечет, как роща шумит,
Как девушка песню свою запевает...
О, Боже мой милый, как весело жить!

2

«Молитесь, братие, молитесь!
Вокруг святого Чигрина!
Как нерушимая стена,
Восстав из гроба, станет сила
Архистратига Михаила —
Покойников святая рать.
Но Украину вам спасать,
Еще живущие! Спасайте
Родную мать свою, не дайте
В руках у ката погибать!
Пожар пылает там и тут,
И некрещеными растут
Казачьи дети, а девчата
Ушли в неволю без возврата,
И гибнет юная краса,
И непокрытая коса
Стыдом сечется, ясны очи
В разлуке гаснут... Иль не хочет
Казак сестру свою спасать
И сам собрался погибать
В ярме у катов? Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
На Украину к нам несут
Враги. Опять прольется море
Казачьей крови... Где Богдан?
Где Наливайко, Остряница?
Пора Палию пробудиться?
И где Серко — наш атаман?
Молитесь, братья!» —
И святой
Поп окропил толпу водой
С крыльца церковного. Но вот
Вдруг расступается народ,
И с непокрытой головой
Встал на крыльце кобзарь седой:
«Да сгинет враг! Да сгинет прочь!
Точите косы в эту ночь,
Ножи острите и со мной
Тряхнем недавней стариной!»

1944

* * *

Отныне, навеки и присно!
Господь, оглянись на слугу:
Для Тебя ведь казачьи письма,
Как святыню, я берегу.
Они писаны потом и кровью,
Непривычной к писанью рукой,
С твердой верой в Тебя, и с любовью
К человеческой правде мирской.
И во сне, как в священном обряде,
На коленях, во прахе, скорбя,
Я стою пред Тобой на докладе —
За бездомных прошу я Тебя:
В чужедальних краях, без причала,
Казакам и не снится покой —
Приласкай на земле их сначала,
А потом у Себя успокой.

1950

НИКОЛАЙ ЕВСЕЕВ

Евсеев Николай Николаевич (1891 — 1974) — поэт. Из старинного казачьего рода донской станицы Михайловская. Окончил с золотой медалью гимназию в Борисоглебске, юрфак Московского университета (1914), Михайловское артиллерийское училище. С 1915 года — в действующей армии, с 1918 — доброволец Белой армии. Участник Степного похода. В 1920 году эвакуировался в Турцию. Писать начал в двадцатые годы в Париже. Один из организаторов «Кружка казаков-литераторов», издававшего «Казачий альманах». Исполнял свои произведения на ежегодных «Вечерах стихов Николая Евсеева». Эти евсеевские чтения, по свидетельству Ю. Терапиано, «неизменно собирали переполненный зал и пользовались большим успехом». Автор стихотворных книг «Дикое поле» (Париж, 1963), «Крылатый шум» (Париж, 1965), изданных по подписке. Третья «Последняя книга» осталась незавершенной.

Умер в приюте «Русский дом» под Парижем.

* * *

Синее небо, прохлада,
Золотом солнце встает.
Осени тихая радость
Сердцу утешно поет.

Грусти не надо, далекой
Смерть пусть покажется нам —
Яркой звездою высокой,
Как вифлеемским волхвам.

Старость и нежность. Не это ль
Милость небесная к нам?
Бледной попыткой ответа
Пасть к безтелесным ногам.

Пасть в придорожные травы
С сердцем раскрытым, в слезах,
Зрящим Господнюю славу
В бедных осенних полях.

Август 1936

* * *

Сохнут широкие плечи,
Иней виски запушил,
Синий осенний мой вечер,
Как ты мне дорог и мил!

Медленно пью, упиваюсь
Бедной твоей теплотой,
Все я принял и не каюсь,
Больше не спорю с судьбой.

Запад мой, ало-лиловый,
Только б не быстро темнел.
Знаю, как это не ново,
Знаю предел и удел.

Знаю — никто не поможет,
Так холодна высота,
Благостный, добрый мой Боже,
Где же Твоя доброта?

Июль 1946

* * *

За рекою костер полыхает,
Кашу варят в ночном казаки,
Неуемная совка летает,
Под кустами горят светляки.

Небо в звездах висит над землею,
Звезды смотрятся в тихий Хопер,
А он, вечный, седою волною
Им поет про сарматский простор.

О раздолье казачье родное,
Степь безкрайная, кони, стада.
Это счастье такое земное,
Но его не забыть никогда.

Даже там на какой-то планете
Средь каких-то небесных цветов
Будет сниться туман на рассвете,
Запах трав, очертанье кустов.

И заплачет душа в сновиденье
От любви и от милости к ней,
Вся в слезах упадет на колени
В благодарной молитве своей.

Июнь 1949

* * *

Приближаются сроки земные
Бренным телом своим поболеть,
Но пред этим в просторы родные
Хоть грачом бы хотел улететь.

На ветле опуститься дуплистой,
Кругозоры глазами обнять
И молиться, молиться Пречистой,
Славословя Ее благодать.
За прощенье, за счастье земное,
За свиданье с родною землей
И за то, что пред вечным покоем
Я нашел нерушимый покой.

Январь 1950

* * *

Все одно и то же бездорожье,
Как у дедов, прадедов, отцов.
Разговор о благодати Божьей,
И один конец в конце концов.

Умереть и горько и обидно,
Жить хочу, как никогда.
Ничего и ничего не видно,
Черная шумит, шумит вода.

И глаза я в страхе закрываю,
Силюсь я молитву прочитать.
Господи! Я, как всегда, не знаю:
Смерть моя, быть может, благодать.

Февраль 1950

* * *

Средь степи пруды дремали
В тине, в ряске, в камышах,
А вокруг синели дали
В белоснежных облаках.

По траве быки гуляли
И не знали про убой,
И питались, и вдыхали
Воздух райский и степной.

Я гулял с быками вместе,
И я знал про холод, мрак,
Все же пел псалом без лести —
Пел в степи донской казак.

Мрак и холод неизбежны,
Но не кончен мой псалом
За любимый голос нежный,
За родимый отчий дом.

Январь 1951

* * *

Господи, пошли воды напиться
На донской земле в родных Хопрах
И родным могилам поклониться
В пыльных травах, в серых полынках.

Приведи меня в поля без края,
В займища за Доном и Хопром,
Чтоб я мог молиться, умирая,
И просить о Царствии Твоем.

Июль 1951

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Будет день осенний золотиться
На деревьях, травах и кустах,
Станет явью, а не будет сниться,
Что я вновь в волнующих лугах.

У Хопра — у дедушки седого,
Иль у друга в плёсах — Ильменя
Обрету молитвенное слово:
«Господи, прости меня,

Как я мог, страдая, усомниться
В безконечной милости Твоей,
Перестав в смятении молиться
О любимой родине моей».

Март 1953

* * *

Хопер течет, и на обрыве
Станица прадедов стоит.
Душа в молитвенном порыве
Безплотной птицей в высь летит.
Не пережить мгновений снова
Прекрасной юности моей...
О, если б выразить мне словом
Всю щедрость милости Твоей!

Ноябрь 1953

* * *

ХРИСТОС ВОСКРЕС, родные братья!
Христос воскрес для всех людей,
Отсюда к вам простер объятья,
Объятья к родине моей.

Целую вас, мои родные,
Вы в снежных смертных лагерях,
Вы — та безсмертная Россия,
Которой жить, цвести в веках.

Земной поклон в страданьях сущим,
Поклон за родину земной
Вам, верящим и чуда ждущим,
На всей земле моей родной.

Февраль 1955

ДОНСКАЯ ВОЛНА

Я донской волны не вижу,
Но мне слышится порой
Здесь, в предместье под Парижем,
Разговор ее родной.

Говорит она о Доне,
О станицах, хуторах,
О прекрасном Божьем лоне
На родных донских полях.

Мы приедем на свиданье
С ней, родимою волной,
Будет кончен путь скитанья,
Путь для сердца золотой.

Мы в пути лишь научились
Так ценить наш край родной,
За него всегда молились
Божьей Матери Донской.

Ноябрь 1956

* * *

О тебе молился поутру сегодня,
И была молитва как кадильный дым.
Я просил в волненье милости Господней,
Чтоб с тобой был вместе белый херувим.

О тебе молитва душу нежно грела,
Таял снег от солнца — от моей любви,
И в стенах завода иволга мне пела,
А в станках звучали хором соловьи.

Сентябрь 1957

* * *

Свои недавно написал я строки,
О том, что жизнь — нас обманувший дым,
Что близятся незыблемые сроки,
Что миг земной нигде не повторим.

Писал о том, что больше нет надежды,
Что после смерти жизни больше нет,
Что не поднимутся из праха вежды
И не увидят, не увидят свет.

Какая радость вдруг перемениться,
Забыв и логику и седину,
По-детски широко перекреститься
И утром рано, и идя ко сну,

И никаких почти молитв не зная
Сказать лишь просто: «Господи, прости
За то, что немощно душой блуждаю,
Сбиваюсь с своего пути».

Март 1959

ВЕРА

Б.Л. Покровскому

Сегодня я верю, потом сомневаюсь,
Куда мне и как мне к рассвету дойти.
Иду, как по кочкам, темно, спотыкаюсь,
О, если бы веру былую найти!

Иду, спотыкаюсь, а сам вспоминаю,
Как чудом нежданным не раз был спасен,
И светлые мысли ко мне прилетают,
Сомненья, неверье уходят, как сон.

И хочется как-то наивно молиться,
Прощенья просить и в слезах умолять,
И верить душой, что неверье лишь снится,
Что веру, как душу, нельзя потерять.

Июль 1959

* * *

О если б сказать пред концом мне: «О Боже,
Так чувствую сердцем Тебя
На этом последнем волнующем ложе,
Где я угасаю, любя.
Прими мое сердце за счастье, страданья,
За пройденный путь мой земной,
За веру, неверье, сомненья, блужданья,
За то, что Ты снова со мной!

Август 1959

* * *

Опять хочу писать стихами
О том, как хочется мне жить,
Какое небо летнее над нами,
И как, кого хочу благодарить

За солнце, ветер, за чудесный воздух
И за любовь мою к земле,
За непонятное, за небо в звездах,
За их сияние во мгле,

За веру детскую и за неверье,
За все сомненья на пути,
За то, что в жизни много верил
И с верою хотел дойти.

Какое счастье, ничего не зная
О смысле жизни, бытия,
В последний раз промолвить, засыпая:
«Пусть воля сбудется Твоя».

Июль 1962

ЕЛИЗАВЕТА ДОНСКАЯ

Донская Елизавета Николаевна (псевдоним; настоящая фамилия Ламберт-Кутейникова) — поэтесса. Все, что известно о ней, — это стихотворный сборник «От мира к Богу», вышедший 1930 году в Риге. По некоторым сведениям, в дальнейшем она эмигрировала в Швейцарию, выпав из орбиты самых известных литературных центров Русского зарубежья — Парижа, Берлина, Мюнхена, Белграда, Праги, Софии, Варшавы, Риги, Ревеля, Хельсинки, Харбина, Шанхая, Нью-Йорка, Сан-Франциско. После войны русская диаспора возникла в Аргентине, Бразилии, Австралии. Во время войны нейтральная Швейцария для многих стала местом спасения от «коричневой чумы». Но русская диаспора Швейцарии пока еще не выявлена. Имена поэтесс Аллы Головиной (урожденной баронессы Штейгер) и Елизаветы Донской, думается, не единственные. Молитвенные стихи Елизаветы Донской из рижского сборника «От мира к Богу» свидетельствуют о подлинном поэтическом даровании и глубоких религиозных чувствах, которые не могли в дальнейшем исчезнуть бесследно.

МОЛИТВА

Господь мой и Бог, Ты ведешь меня
верным путем,
Таинственным, остротернистым и трудным.
Безсонную, долгою ночью лежу,
размышляю о нем,
И кажется Промысл Твой милости полным
и чудным.

Ты видишь овраги, что выкопал враг Твой
кругом,
Те мутно-зеленые, полные тины канавы,
Скользил я и снова вставал,
пробирался ползком,
И вновь относила горячая пропасти лава.

Ты видишь и призраки косные, бледные тьмы,
Что небо закрыли тяжелой, глухой
переборкой.
Терзают и мучают душу они, как зловещие
сны,
А там настерегся, стоит дух отчаянья зоркий.

И промахи все и ошибки известны Тебе,
И раны последней жестокой проигранной
битвы...
И гаснет небесный огонь на потухшем костре,
И песня все тише, слабее аккорды молитвы.

Но Ты ведь не дашь так безславно
погибнуть борцу, —
Не нужны ему наслаждения гордого ада,
И сердце влечет — не из лавров, из тернов —
к венцу...
Лишь там у Тебя моей жизни покой и отрада.

Могу ли забыть Твой страдальческий подвиг
Любви,
Твой взор милосердный, что душу пронзил мне
навеки,
Твой крест, о Господь! и тяжелые капли крови,
И смертью сомкнутые бледные веки?

Могу ли воскресного утра забыть красоту,
Когда Ты восстал просиявший из тесной
могилы?
И кротко и скорбно Ты смотришь на бедных
людей суету,
И сердце во взоре Твоем все новые
черпает силы.

И ангела светлого Ты мне навстречу послал,
Пылающий уголь держал он в руке
своей нежной,
И твердо он уголь к устам моим грешным
прижал...
И замерло сердце... и черное стало вдруг
чистым и снежным.

Огонь очищающий, душу мою опали!
На жертвенник с жаждой великой ее возлагаю.
Расплавь непокорный металл, пройди
в тайники, —
Я волю Твою лишь исполнить желаю.

1927

МОЛИТВА

Свет невечерний, тихий, сияющий,
Душу больную, грехом изъязвленную,
Идолам века порабощенную,
Ты, Обличающий, все Примиряющий,
Свыше огнем озари.

Пусть отойдут тьмы и ада видения,
Что угрожают душе моей страждущей,
Бога безмерно, с мучением жаждущей, —
Ты этим злой суеты порождениям
Сгинуть вели.

Жаждет мой дух Тебя, Свет исцеляющий,
Больше чем серна источника водного...
Знаю, Ты можешь из мира холодного
Дух изнемогший, по правде страдающий,
В чудный покой привести.

Но это бремя греха, преступления,
Что повисает на душу так тягостно...
Как его сбросить, Спаситель мой благостный,
Свыше Твой путь укажи.

«Путь лишь один есть, дитя мое бедное:
Я искупил тебя, дал исцеление,
Лишь у Меня ты найдешь избавление, —
Верь в Мою силу от века победную,
Верь и живи».

1928

ОКРУЖИ МЕНЯ МОЛИТВАМИ СВОИМИ

Окружи меня молитвами своими,
Чтобы враг лукавый не настиг врасплох,
Повелел заботиться нам друг о друге
Наш Отец, предвечный, сильный Бог.

Окружи меня молитвами своими,
В день, когда пойду один сквозь темноту,
Совершая путь, указанный мне Богом,
В нищую родимую страну.

Окружи меня молитвами своими,
Если встать придется пред земным судом,
Чтобы дух боязни не сковал мне сердце,
Чтоб не отшатнулся я перед крестом.

Окружи меня молитвами своими,
В том буранном северном краю,
Где под свист метели, ветра вой унылый,
Песню я последнюю пою.

Окружи меня молитвами своими,
В смертной боли тела моего,
Чтоб Христа я слышал тихий голос:
«Я с тобой, не бойся ничего!»

Окружи меня молитвами своими,
В миг последний бренного житья,
Чтоб покорно дух расстался с внешним миром,
Чтоб была отрадна смерть моя.

Окружи меня молитвами своими
И мою осиротелую семью,
Чтобы скорбь их сердце не разбила,
Чтоб у Господа мы свиделись в раю.

1928

В ХРАМЕ

Что звенит таким хрустальным тихим звоном?
Не поет ли кто-то в мглистой вышине,
Там, над белым с золотом балконом,
В голубом, веселом солнечном луче?

Высоко вознесся светлый храм молитвы,
Стрелами чрез окна падают лучи,
Солнце, свет и звуки в дивной словолитне
Блещут, словно битвы ангельской мечи.

Мне отрадно здесь в семье Христовой;
Смрад и грохот мира далеко ушли, —
Высоко над мною жизни вечной, новой
Струи огневые тихо потекли.

Много здесь несчастных, много утомленных,
Жадно ловят весть они о Боге бедняков,
Кто спустился в мир грехом обремененных,
Умер за людей, окованных рабов.

Тише, тише звуки! Трубы, замолчите!
Грешника душа рыдает и поет...
О прошедшей жизни бедная рыдает,
О великом Боге гимн любви поет.

1929
Рига, Храм Спасения

ВЛАДИМИР ДИКСОН

Диксон Владимир Вальтерович (1900—1929) — поэт, прозаик. Его отец — американский инженер-строитель Вальтер Диксон строил в России Сормовские заводы, в 1917 году сын окончил Подольское реальное училище. После революции семья вернулась в США, где семнадцатилетний Владимир Диксон продолжил образование, закончив в 1922 году со степенью магистра Гарвардский университет. Работал в компании «Зингер», и все, что связано с Россией, у него, — американца по отцу и немца по матери, казалось бы, ушло в безвозвратное прошлое. Но пройдет всего лишь пять лет его жизни в Америке, а затем в Париже и в русских эмигрантских журналах станут появляться его стихи о России, одно из которых получит широкую известность благодаря статье философа Ивана Ильина.

Это вечное слово — «Россия» —
Словно ангельский свет для меня,
Словно совести зовы простые,
Словно вихри снегов и огня.

Не напрасен мой путь, не случаен;
Там — Россия, там — пламя и лед;
Но до мудрых, безумных окраин
Серединная жизнь не дойдет.

Надо сердце иметь не такое,
Надо душу иную иметь,
Надо жить неземною тоскою,
Надо песни нездешние петь.

Глаз не видит, и уши не слышат,
Запечатаны болью уста;
Там — Россия страдает и ищет,
Ищет Божьего Сына — Христа.

Иван Ильин полностью привел это стихотворение в своей статье «Россия в русской поэзии» наряду с самыми знаменитыми стихами о России, особо отметив: «Поэт постиг до конца религиозную природу того, что совершается в России; он постиг, что русский народ в муках и унижениях, в страхах и томлении — выстрадал себе новую веру, новое христианство, новую чистую и героическую душу». Приведя еще несколько примеров из стихов Диксона и Алексея Толстого, Державина, Баратынского, Жуковского, выразивших идею *возрождения через покаяние*, Иван Ильин закончил свою статью словами:

«Покаяние и вера дадут нам не только уверенность в своей правоте, но веру в свои силы, веру в Россию, веру в призвание нашего народа, волю к его самостоятельности и самодеятельному освобождению. Они научат нас, по словам Языкова:

Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них.

Эти силы русские люди должны вновь почуять в себе. Они живы, они только в усыплении. Ибо — как высказал это Диксон:

Ибо ведает сердце болящее,
Спотыкающееся во сне:
Есть великое и настоящее
И на нашей бедной земле.

Есть неложное и неподдельное,
Жертва чистая, дар души —
Неподкупное, нераздельное, —
В нашей глине, в нашей глуши.

Проснутся эти силы и совершат свое и всерусское освобождение. Придет великий час...»

В Париже вышли две книги Владимира Диксона — «Ступени» (1924) и «Листья» (1927). Третья — «Стихи и проза» (1930) — была уже посмертной. Она вышла благодаря Алексею Ремизову, с которым Диксон дружил. В сказах Ремизова он и открыл для себя ту заповедную, молитвенную Русь, какой предстала она в его поэзии.

* * *

Чтоб на людях глаза были суше —
Быстро слезы утрет рукав...
Я молюсь, чтоб до неба душу
Донести мне, не расплескав.

Я молюсь Тебе, Вездесущий,
Я молюсь Тебе на пути:
— Дай мне ныне мой хлеб насущный,
От лукавого уведи.

Чистым сердцем и безкорыстно
Дай служить мне — и не покинь —
Ибо славен Ты ныне и присно
И во веки веков. Аминь.

* * *

К тому, чье сердце стонет
И чья душа болит, —
Господь придет и склонит
Нерукотворный лик.

Погибшим в бездорожье,
Принявшим вольно крест, —
Христос по воле Божьей
Воистину воскрес.

И всякому слепому,
И грешникам земным —
Пошлет Господь истому
Сиянием Своим.

Темна Господня воля,
И трижды пел петух:
Но чем печальней доля,
Тем выше в небе дух.

29 июня 1925,
Мадрид

* * *

Молись, не смущайся, не бойся,
Туманов и гроз не страшись;
От мыслей безчинных укройся,
Не бойся — люби и молись.

В грехе, где так больно и низко
Раскинулись дни пустоты, —
С тобою я вечно и близко,
Я ближе, чем думаешь ты.

Я вижу тоску и страданье
В твоих безпокойных глазах —
Твое устремленье, исканье,
Твой ужас, твой сумрак, твой страх.

В равнине, в пустыне безмерной,
Где свет мимолетный потух —
Я здесь — твой хранитель, твой верный,
Твой добрый, твой радостный дух.

Март 1926,
Копенгаген

* * *

За белый снег, меня очаровавший,
Спасибо, Господи, скажу Тебе теперь.
И думаю: мой дух, в миру пропавший,
Не постучится ль в сказочную дверь,

И не вернется ль снова в дом далекий,
Вечерний путь на снеге отыскав?
Так много выстрадал я в эти злые сроки,
Во дни тревог, и вихрей, и отрав.

За много звезд, застывших в небе темном,
Благодарю Тебя теперь, Господь:
Подай мне сил в миру Твоем огромном
Свой ложный след молитвой побороть.

И, правдою закутавшись, как шубой,
Идти в мороз бытия —
Искать в ночи губительной и грубой
Родимые, нездешние края.

Март 1926,
Натар

* * *

За всех людей — мое моленье,
За всех зверей — моя мольба,
И за цветы, и за каменья,
И за плоды, и за хлеба.

За все, что в дольний мир родится,
За все, что на земле живет,
За рыбу — в море, в небе птицу,
За дым долин, за снег высот.

За братьев, близких и любимых,
За недругов и за врагов,
За тишину полей родимых,
За ласку глаз, и ласку слов.

За мыслей искупленных благость,
За утреннюю благодать,
За жизнь — кормилицу и радость,
За смерть — утешницу и мать.

Август 1926

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

Терапиано Юрий Константинович (1892—1980) — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик,

мемуарист. Окончил Александровскую гимназию в Керчи (1911), юридический факультет Университета Святого Владимира в Киеве (1916), школу прапорщиков (1917). Участник Первой мировой войны. В 1919 году вступил в Добровольческую армию. Весной 1920 года эмигрировал из Феодосии в Константинополь. С 1922 года жил в Париже. Один из организаторов, а затем председатель Союза молодых писателей и поэтов (1925—1931). Более двадцати лет вел литературно-критический отдел газеты «Русская мысль». Составитель антологии «Муза диаспоры» (1960). Первая книга стихов «Лучший звук» вышла в Мюнхене в 1926 году. «Из предшественников, — писал Вадим Крейд, — ему особенно близки акмеисты, и один из важных мотивов акмеистической поэтики мы можем видеть в таких строках, как: "Господи, прошу, нездешней тайны // Никогда не дай мне разгадать". Именно об этом писал в своем акмеистическом манифесте Н. Гумилев, считавший в эту пору своего творчества все попытки познать непознаваемое нецелесообразными». Юрий Иваск в свою очередь отмечал, что Терапиано «верно выражал Парижскую ноту 30-х годов, удачно определил один из ее "канонов": "Поэзия не только мастерство...". Все же к мастерству он стремился и стал мастером. Тщательно отделывая стихи, он всегда надеялся на какое-то чудо в поэзии, и ему удавалось передавать чудесное...»

Посмертно вышла мемуарная книга «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 — 1974). Эссе, воспоминания, статьи» (Париж — Нью-Йорк, 1987).

В ДЕНЬ ПОКРОВА

I

Как звезда над снежными полями,
В августе — над золотом садов,
В ночь весеннюю — над тополями
Русских сел и русских городов

Ты восходишь, наш покров незримый,
Матерь Божия, Любви Твоей
Над землею, некогда любимой
Милость драгоценную пролей.

Дни проходят, тишиной томимы,
Гибели и смерти нет конца,
Ты, Которой служат серафимы,
Ты, Которой служат все сердца,
Милость ниспошли Свою святую,
Молнией к стране моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

II

Только гибель и воспоминанье...
Ясны сумерки. Гроза прошла.
За рекой на дальнем расстоянье
В городе звонят колокола.

Гулкий, смутный звук средневековый.
И, как в детстве, в церкви на стене
Пальцем мне грозит старик суровый
И святой Георгий на коне

Топчет разъяренного дракона.
И звучат в душе, звучат слова —
Строфы покаянного канона
О тщете земного естества,

О безсмертии, об одоленье
Духа злобы, о грехе моем —
Темном, тайном, данном от рожденья, —
Страшно быть с душой своей вдвоем.

. . . . . .

Раненный в Ростове, в час безсонный,
На больничной койке, в смертный час,
Тихий, лучший, светлый, примиренный,
До рассвета не смыкая глаз,

Я лежал. Звезда в окне светила.
И, сквозь бред, постель оправить мне
Женщина чужая подходила,
Ложечкой звенела в тишине.

III

Матерь Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста;

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему;
Я молюсь, и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.
Милость ниспошли Свою святую,
Молнией к душе моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

* * *

Господи, Господи, Ты ли
Проходил, усталый, стократ
Вечером, в облаке пыли,
Мимо этих низких оград.

И на пир в Галилейской Кане
Между юношей, между жен
Ты входил, не огнем страданья,
А сиянием окружен.

В час, когда я сердцем с Тобою
И на ближних зла не таю,
Небо чистое, голубое
Вижу я, как будто в раю.

В черный день болезни и горя
Мой горячий лоб освежит
Воздух с берега дальнего моря,
Где доныне Твой след лежит.

И когда забываю Бога
В темном мире злобы и лжи,
Мне спасенье — эта дорога
Средь полей колосящейся ржи.

* * *

Утром, в ослепительном сиянье,
Ночью, при мерцающей луне,
Дальний отблеск, смутное сознанье
Вдруг становится доступным мне.

«Господи, — твержу я, — как случайны
Те слова, в которых благодать,
Господи, прошу, нездешней тайны
Никогда не дай мне разгадать.

Не хочу последнего ответа,
Страшно мне принять твои лучи,
Бабочка, ослепшая от света,
Погибает в пламени свечи».

* * *

С озаренного востока
В ширь раскрытого окна
Свет вливается потоком,
Дышит и шумит весна.

Господи, какая сила
В этом возвращенье дней,
В сменах года легкокрылых,
В ясной осени моей.

Я вздыхаю грудью полной,
С благодарностью всему,
Этот воздух, эти волны,
Побеждающие тьму.

* * *

Матерь Божья, сердце всякой твари,
Вечная, святая красота!
Я молюсь лишь о небесном даре,
О любви, которая чиста.

О любви, которая безгрешна,
О любви ко всем и ко всему.
Я молюсь — и снова мрак кромешный
К сердцу приступает моему.

Милость ниспошли Свою святую,
Молнией к душе моей приди,
Подними и оправдай такую,
Падшую, спаси и пощади!

Из военного цикла

В грозе, в дыму, Господь, благослови
И удостой в раю счастливой вести,
Грехов прощенья и Твоей любви
Безбожников и верующих вместе.

Одним покровом, Боже, осени,
Дай русским соснам их прикрыть ветвями,
Штыки, снаряды, пули отклони,
Незримый щит подняв над их рядами.

О, сколько алой крови на снегу!
Встают бойцы навстречу рати черной,
Стоят они, наперекор врагу,
России новой силы чудотворной.

России прежней славою былой,
Как некогда на Куликовом Поле,
В огне Полтавы, в битве под Москвой...

Благослови народ великий мой
В его великой трудности и боли!

ИЛЬЯ БРИТАН

Британ Илья Алексеевич (1885—1942) — поэт, прозаик, драматург, публицист. Учился на юридическом факультете Казанского университета и был слушателем Московской духовной академии. На тридцатом году жизни ушел в монастырь, описав позднее свой непростой путь:

... Но скоро злая жизнь зажгла его грехами:
Восславил он разгул, пленил его порок;
Им проклят был Господь, и ночью в темном храме
Рука, сорвавши крест, нажала на курок.
Потом опять и книг, и жутких дум провалы.
В семнадцать он борец за вольность, он — Спартак;
Но скоро дух остыл: земной свободы мало.

В 1923 году был выслан из Советской России. Первые поэтические книги «Богу», «С детьми», «Разноцвет» вышли в 20-е годы в Берлине. В 30-е годы переехал в Париж, где в 1942 году был расстрелян немцами как заложник. В авторском манифесте к книге «Полдень» (Берлин, 1925) провозглашал: «Поэзия — путь к Богу. Поэт — Божий... Кто ищет земного, тот не родился... Без Святого и без Поэта миру не устоять... Ибо Господь — Поэт... Слово найдет себя — только не мешай...»

* * *

Вербочки — нежнее детских щек;
Светлые росинки на цветах...
Господи, Ты все-таки далек!
Господи, какой же я монах!

Вербочки — как девичьи глаза;
Тихая улыбка на губах...
Господи, зачем мне небеса!
Господи, какой же я монах!

Вербочки — как радость на земле;
Солнышко играет на крестах.
Господи, скорей приди ко мне!
Господи, какой же я монах!

* * *

Лампада под зеленым абажуром;
Библия, — раскрыт Екклезиаст;
Часики с подклеенным амуром. —
Прошлого могила не отдаст?

Призраки бездушные без плоти;
Пес уныло дремлет на ковре;
Строки о забвенье на блокноте. —
Прошлое вернется на заре?

Пальма никнет серая горбато;
Мебели потрескавшейся вздох. —
Разве сил, растраченных когда-то,
Так и не заметит гордый Бог?

Память ищет правды в знаках стертых.
Тленное раздумие откинь:
Чаю воскресения из мертвых,
Жизни в веке будущем... Аминь!

* * *

Время было к вечерне. Огнями заката
Догорали поля. По дороге небес
Табуны облаков — золотые телята
Промелькнули домой за коричневый лес.

Тихо ныл коростель; а во ржи перепелка
Отвечала ему. Задремали цветы.
Серебрилась роса. Из туманного шелка
В молодых камышах холодели пруды.

Плыл сиреневый звон. Аромат на поляне,
Тяжелея, дрожал. Возвращались стада.
Торопливо, без слов проходили крестьяне.
Где-то плакал ребенок. Блеснула звезда.

Кто-то песней смеялся. Позвали кого-то.
Шла слепая старушка в избушку свою.
И покой, и отрада. И грусть, и забота. —
Это было в России... Быть может, — в Раю..

* * *

Птицы черными крыльями хлопали,
Серый дождь упадал на поля,
И озябли безмолвные тополи,
И озябла старушка-земля.

Я рыдал о заброшенных хижинах,
Я молился и верил опять,
И хотелось утешить обиженных
И весь мир на груди приласкать.

В сердце вспыхнула чистая лилия,
Радость Вечности мудро постиг;
Но, смеясь над порывом безсилия,
Мне шепнул сатана: «Еретик».

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕБЕДЕВ

Лебедев Вячеслав Михайлович (1896—1969) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Окончил гимназию в Воронеже. Поручик в армии барона Врангеля, после ранения ставший инвалидом. С 1922 года жил в Праге. Окончил пражское Высшее техническое училище. Член пражского литературного кружка «Делиборка», объединения «Скит поэтов», соредактор альманаха «Скит». «Я писал стихи с восьмилетнего возраста, — вспоминал он об этом периоде, — любил поэзию и был достаточно начитан, не пропуская ни одного стихотворения в попадающихся мне в руки книгах и журналах. Увлекался Гумилевым и Есениным, позднее Пастернаком, ставшим для меня поэтическим божеством».

Издал единственную поэтическую книгу «Звездный крен» (Прага, 1929); более тридцати переплетенных стихотворных сборников остались «самиздатовскими». Стихи «Весенняя вечерня» и «Вечерняя звезда» впервые опубликованы в журнале «Русская Мысль» (Прага — Берлин, 1923, № 3—5).

ВЕСЕННЯЯ ВЕЧЕРНЯ

Весенний вечер замер у порога,
Потупив в землю синие глаза.
Бог Саваоф взглянул нежданно строго,
И потемнели грустно образа.

У Богоматери, ласкающей ребенка,
Чуть дрогнули концы густых ресниц,
И зазвенел тоскующе и звонко
Распев чтеца при шелесте страниц.

А за окном с железною решеткой,
Забыв в руке весеннюю свирель,
С улыбкою сияющей и кроткой
Брел по садам мечтательный Апрель.

1923

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

I

Вечерняя звезда в Господнем синем Храме
Затеплилась, как малая свеча.
День уходил, презрительно влача
Свой алый шлейф над мертвыми полями,
Оглядываясь медленно туда,
Где в Божьем вечном голубом притворе
О человечьей радости и горе
Сияет трепетно вечерняя звезда.

II

Кто, Благостный, вверху ее возжег
Прозрачными и тихими руками
Над смертными распутьями дорог,
Над этими печальными холмами?

О мудрых? О воюющих? О ком?
Она горит все чище и прекрасней
И светится в притворе голубом,
Всех ранее и всех позднее гаснет.

А может быть, о том, кто на земле
Всего лишь робкий и печальный путник,
Кто, как матрос на дальнем корабле,
Мечтой о береге отсчитывает будни?

III

Ранним утром свеча погаснет,
Синей струйкой потянет чад.
В это время земля прекрасней,
Потому что люди молчат.

И в поля, и в лесные чащи
Сотни звезд упадут росой.
Будет мир простой, настоящий,
Окропленный Божьей слезой.

1923

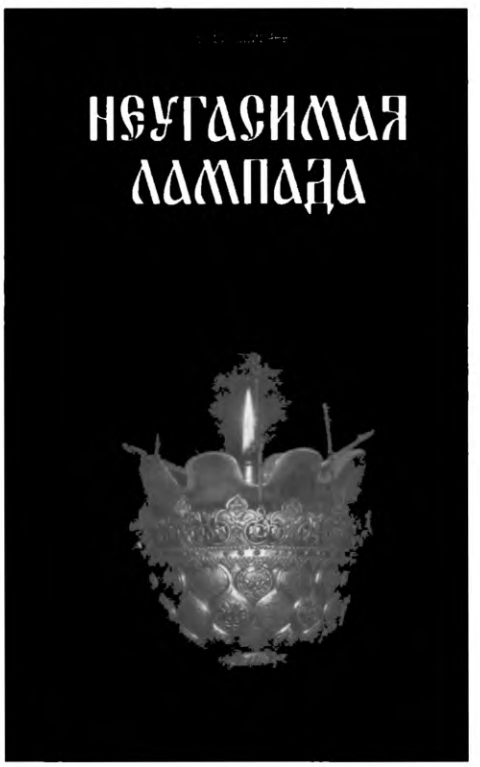
БОРИС ШИРЯЕВ

Ширяев Борис Николаевич (1889—1959) — прозаик, публицист, поэт. В последней книге Бориса Ширяева «Религиозные мотивы в русской поэзии» (Брюссель, 1960) приводятся наиболее полные биографические сведения о нем. Родился в 1889 году в Москве. Там же окончил гимназию и историко-филологический факультет, был оставлен при университете. В 1914 году добровольцем ушел на фронт и вступил в Черниговский гусарский полк. После развала фронта вернулся в Москву в чине ротмистра. Стремясь пробраться на юг к добровольцам, был взят в плен и приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать в Одессу, оттуда в Среднюю Азию, где он участвовал в Белом движении. После поражения попытался вернуться в Москву, вновь был арестован и приговорен к расстрелу. Смертная казнь была заменена десятью годами заключения на Соловках. Еще до революции сотрудничал в различных московских журналах и в 1917 году выпустил небольшую книжку стихов. Его биограф отмечал: «Революция прервала песнь молодого поэта. Подпись Б. Ширяева мелькала в советских изданиях лишь под

критико-литературными статьями и путевыми очерками разъездного корреспондента. Но через сорок лет в одном из журналов Русского зарубежья имя Б. Ширяева появилось снова, на этот раз под переводом на русский язык гимна св. Франциска Ассизского. Сорок лет не смевший касаться струн божественной арфы, не смог преодолеть в себе зовов Божьего дара». В данном случае имеется в виду его возвращение к поэзии. Его самая знаменитая прозаическая книга «Неугасимая лампада» вышла в 1954 году в Нью-Йорке, ровно через сорок лет после того, как он, закончив Московский университет, поступил в Геттингенский и ушел на фронт. К этому времени он выпустил три книги «Ди-Пи в Италии», «Я человек русский», «Светильники русской земли», которые вышли в Буэнос-Айресе, где Борис Ширяев жил в послевоенные годы вместе со своим единомышленником и бывшим соловецким узником Иваном Солоневичем. «Идея Российской Народной Монархии, — писал он о Солоневиче, — не "экспортный товар". Она выношена всей жизнью многоплеменной русской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя бы частично реализовать ее. Для этого нужно иметь ее Дух, ее падение, ее скорби, ее радости — ее трагический величавый путь во времени и пространстве». Борис Ширяев посвятил свою «Неугасимую лампаду» художнику Михаилу Нестерову, его напутственным словам: «Не бойся Соловков. Там Христос близко». Эта религиозная идея легла в основу всей книги о страданиях узников в древнейшем монастыре как крестном пути всей России. «Давняя несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из рассеянной пелены кровавого и смрадного тумана, ибо дух свободен и вечен», — напишет он об этом пути преображения через страдания.

Последняя книга Бориса Ширяева, вышедшая в 1960 году в Брюсселе уже посмертно, называется «Религиозные мотивы в русской поэзии». В том же самом году и том же Брюсселе вышла книга Владимира Ильина «Арфа Царя Давида», а в 1938 году в Берлине — «Пророческий дух в русской поэзии. Лирика А.К. Толстого» Иоанна (Шаховского). Этим трем книгам суждено было стать основополагающими в изучении одной из самых важных тем — религиозности русской поэзии.

В России «Неугасимая лампада» впервые вышла в 1991 году и с тех пор выдержала более двадцати изданий.



«Неугасимая лампада». Обложка современного издания

ДАВНО

Седые старцы пели:
«Будь радостен, новый Сион»...
И чем-то и меда и прели
Пахло от палых сосен.

Звучали по-детски протяжно
Седые псалмов слова,
На тощей березе важно
Круглила зеленки сова.

И море, и берег строгий,
И бледных озер затон

Дремали под ветхий, убогий
Первых иноков древний звон.

Из цикла «Соловки». Впервые: «Соловецкие острова» (1925, № 1—2).

ГИМН СВ. ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО

Господь Всеблагий, Всемогущий, Всевышний,
Тебе одному подобает хвала!
Слава и пение,
Благословение
Только Тебе одному!
Имени лишь Твоему!
Хвала Тебе, Боже, за светлого брата, за солнце,
творенье Твое!
Им свет излучаешь,
Им день озаряешь,
В нем Имя вещаешь Свое.
Хвала Тебе, Боже, за звезды на небе,
хвала за сестру их, луну!
Чисты и прекрасны,
Искристы и ясны
Струят в наши души весну.
Хвала Тебе, Боже, за брата нам ветра, за воздух,
за облака тень!
Твое сотворенье,
Небес проясненье,
Тобою дарован нам день.
Хвала Тебе, Боже, за воду — сестру нам,
за реки, ручьи и моря,
Чисты и смиренны,
Они драгоценны,
Нам жизни теченье даря.
Хвала Тебе, Боже, за тучную землю, сестру нам
и нежную мать!
В ней злаков рожденье,
В ней радость цветенья,
В ней жизни Твоей благодать.
Хвала Тебе, Боже, в стихийном горенье
могучего брата — огня!
Что плоть согревает,
Что тьму освещает,
Ночное томленье гоня.
Хвала Тебе, Боже, за тех, кто прощает, кого
научил Ты любви.
Сквозь все испытанья,
Гоненья, страданья
Венец Твой их ждет впереди.
Хвала Тебе, Боже, за смерть, за сестру нам,
всех ждущих конец его дней.
Греховным — в нем тленье,
Но Ты — искупленье
Дал тем, кто жил в воле Твоей.
Хвалите и пойте Господнее имя, взнесите
осанну Творцу!
Воздайте в смиренье
Благодаренье
Его, Жизнедавца, лицу!

ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ

Победа полная... и сорок сороков
Торжественно гудит, ликуя и сверкая. .
И праздник праздникам, и в море огоньков
Ты, мое солнышко, Ты светлая такая...

А там, на паперти, и тоже со свечой,
Старушка молится усердными крестами,
И, окруженная сияющей толпой,
И ждет, и верует, и теплится слезами.

Где больше радости?.. В борьбе ль колоколов,
В набеге ль праздничном волны
многошумящей,
В Тебе ль, красавица, жемчужина богов,
Иль в богомолке той, на паперти стоящей?..

Победа полная... Всесильная весна
Недаром в каземат приносит вдохновенье...
Все забывается, когда шумит волна,
Волна победная любви и возрожденья...

АЛЕКСАНДР БИСК

Биск Александр Акимович (1883—1973) — поэт, переводчик, мемуарист. Учился в Германии. В 1906 —1910 годах жил в Париже, где познакомился с Николаем Гумилевым и участвовал в издании его журнала «Сириус». Первая книга стихов вышла в Петербурге в 1912 году. В 1919 году эмигрировал из Одессы в Европу, с 1939 года жил в США, где входил в «Кружок русских поэтов в Америке». В эмиграции вышла поэтическая книга «Чужое и свое. Избранные стихи 1903—1961» (Париж, 1962).

РУСЬ

Вот Русь моя: в углу киотом,
Две полки в книгах — вот и Русь.
Склонясь к знакомым переплетам,
Я каждый день на них молюсь.

Рублевый Пушкин; томик Блока;
Все спутники минувших дней —
Средь них не так мне одиноко
В стране чужих моих друзей.

Над ними — скромно, как лампада,
Гравюра старого Кремля,
Да ветвь из киевского сада —
Вот Русь моя.

1921
Варна

* * *

Проскользнул в каморку лучик,
И молитву я твержу.
У меня в шкатулке ключик,
А откуда — не скажу.

У меня душа и тело —
Для своих и для чужих,
И кому какое дело
До шкатулок потайных.

Может быть, я где-то прячу
Много камушков цветных,
Может быть, я наудачу
Выну горсточку из них —

Разложу на много кучек,
Посмотрю и заключу...
У меня в кармане лучик —
Это все, что я хочу.

1935

ВЕРА БУЛИЧ

Булич Вера Сергеевна (1898—1952) — поэтесса, прозаик, литературный критик, переводчик. Дочь профессора-лингвиста и историка музыки Петербургского университета, бывшего одно время директором Бестужевских курсов Сергея Константиновича Булича. Стихи писала с детства. В 1920 году вся семья Буличей переехала в Хельсинки. Была членом и председателем литературно-художественного общества «Светлица». Писала на финском и шведском языках. В эмиграции издала четыре книги стихов: «Маятник» (Гельсингфорс, 1934) «Пленный ветер» (Таллин, 1938), «Бурелом» (Хельсинки, 1947), «Ветви» (Хельсинки, 1954). Автор двухтомника «Сказки для детей» (Белград, 1931).

* * *

Ветер по дому ходит хозяином,
— Шорохи, вздохи, смятенье —
Холодом вдруг обольет нечаянным,
Длинной метнется тенью...

Вот у окна занавески отброшены,
Дверь открывается настежь.
Встал на пороге незваный, непрошеный,
Руку заносит на счастье.

Мы ль не молились, мы ли не плакали,
Мы ль не метались в вихре!
Только теперь от ветра, от мрака ли
Наши мольбы затихли.

Знаю: вынудит, выкинет, выметет,
Склонит, согнет и сломит.
Счастье из сердца птицею вылетит
В холод и мрак бездомья.

ВЛАДИМИР ВЕРЕЩАГИН

Верещагин Владимир Александрович (1888—1981) — поэт. Сын ординарца генерала М.Д. Скобелева военного писателя Александра Верещагина и племянник знаменитого художника Василия Верещагина, который и сам был прозаиком. Стихи начал писать в годы учебы в Пажеском корпусе, и в 1913 году в суворинском издательстве «Новое Время» вышла его поэтическая книга «Стихотворения». В годы Гражданской войны выступал в Петроградском доме литераторов вместе с Александром Блоком и Николаем Гумилевым. Осенью 1922 года эмигрировал, став в Париже профессиональным певцом, выступал со своим квартетом. В 1955 году в Париже вышла его поэтическая книга, а в 1968 году мемуарная «Из далекого прошлого».

* * *

Пасхальный звон колоколов
Из храма дальнего несется,
В такую ночь, на Божий зов
Я верю — счастье отзовется.

Христос Воскрес! Душа молись!
И улетят твои печали.
Какие слезы пролились,
Какие песни прозвучали.

БОРИС ВОЛКОВ

Волков Борис Николаевич (1894—1953) — поэт, прозаик. Учился в Московском университете. Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Во время Гражданской войны воевал в Восточной Сибири. В 1919 году через монгольскую границу перебрался в Японию, оттуда — в Китай. С 1925 года жил в США, работал портовым грузчиком в Сан-Франциско. В 1934 году в Берлине вышла его единственная поэтическая книга «В пыли чужих дорог».

КОНЕЦ ПУТИ

В смятеньи своем, ничему не веря,
По привычке призываю Тебя, Бог!
Я подобен раненому зверю,
Который заполз умереть в лог.

Над ним пылает небо, а в небе
Кружит коршун и зорко ждет...
Я мало думал о насущном хлебе,
И вот, Господи, пришел мой черед.

К чему же слова о лилиях долины,
И о тех, что не сеют и не жнут? —
Как рабы, согнули мы спины,
И гуляет по ним — Твой кнут.

Не дай видеть кровавые извивы,
Которые на потном теле вижу я...
Если слова Твои справедливы,
Если безгранична милость Твоя, —

Дай умереть свободным, как даешь зверю, —
Заползти поглубже в чащу кустов!..
...Ибо — я ничему не верю.
Не хочу собирать Твоих цветов.

Бэй-Гуань —
Пекинский монастырь

РАИСА БЛОХ

Блох Раиса Ноевна (1899—1943) — поэтесса, переводчик, историк. Дочь крупного юриста, сестра издателя Якова Блоха. Училась на историческом факультете Петроградского университета (1919—1920), посещала переводческую студию Михаила Лозинского. В 1920 году была принята в Петроградское отделение союза писателей. «В стихах Раисы Блох есть лиризм, есть несомненный песенный строй. По-моему, на нее можно надеяться. Я бы высказался за принятие ее в члены-соревнователи», — написал в своем отзыве Михаил Лозинский. «Согласен с Лозинским», — откликнулся Николай Гумилев. «Разумеется, и я согласен», — присоединился председательствовавший Александр Блок, отметив, однако, некоторую общую бессодержательность многих стихов молодых поэтов, столь похожих друг на друга в творчестве и столь «различных, как люди». С мнением Александра Блока согласился Михаил Кузмин.

В 1922 году была командирована для работы в архивах и библиотеках Германии и, как многие, не вернулась. Окончила Берлинский университет. Член берлинского «Кружка поэтов» (1928—1933). В Берлине вышли ее поэтические сборники «Мой город» (1928), «Тишина» (1935). В одном из берлинских писем 1932 года сообщала: «Со мной в национальном вопросе не слишком церемонятся... Разговоры о форме черепа и чистоте расы наводят только на отвращение и тоску, даже не на ненависть. Надеюсь все-таки, что все образуется». Увы, не образовалось. В 1933 году, после бегства в Париж, напишет: «Надо поскорее все забыть и от звериного и расового начала вернуться к человеческому». Этим человеческим началом стала для нее работа в Парижской национальной библиотеке по каталогизации рукописей Аристотеля для переиздания словаря средневековой латыни, переводы поэтов Средневековья и собственные стихи. Одно из них стало популярной эмигрантской песней Александра Вертинского: «Чужие города» с ностальгическими строками: «Тут шумят чужие города, // И чужая плещется вода, // И чужая светится звезда...». После оккупации Франции была вынуждена жить под чужим именем. В ноябре 1943 года ее задержали при попытке перехода швейцарской границы и депортировали в Германию. Погибла в газовой камере.

* * *

В гулкий час предутренних молений
Опустись тихонько на колени,
Не зови, не жди, не прекословь.

Помолись, чтобы тебя забыли,
Как забыли тех, что прежде были,
Как забудут всех, что будут вновь.

Апрель, 1928

* * *

Две звезды на небе загорелись,
Две звезды горели и мерцали.
Я молилась этим звездам светлым
И других созвездий не видала.

Две звезды упали в глубь морскую,
Золотой дугой упали в воду.
Я молиться больше не умею.
Что мне делать... Господи, помилуй!

* * *

Чистота, чистота и звон
На высотах Твоих, о Боже,
И Тобой этот мир рожден,
Этот мир, на Тебя похожий.

Отчего же весенним днем,
Самым стройным и самым ясным,
Загорается кровь огнем,
И безудержным, и напрасным.

И сильнее, чем голос вод,
И слышнее, чем птиц служенье,
Этот зов, что меня ведет
В немоту и в уничтоженье.

* * *

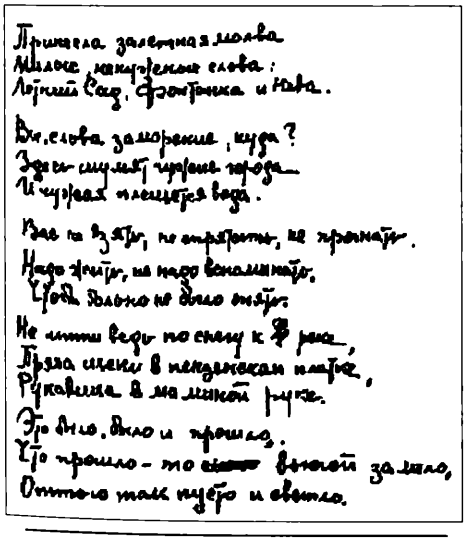
Помнишь: отец, бывало,
Долго стоял, молясь, —
Белое покрывало,
Черная бахрома.

Солнце в окно блистало,
Радуясь и дивясь, —
Нам ли теперь пристала
Торной дороги грязь!

Небо благостное, и жарок
Запах трав и деревьев сонных,
Небо праведное — подарок
Для усталых и огорченных,

Свод торжественный, купол полный
Птичьим щебетом, Божьим звоном,
И горячего ветра волны
По кудрявым сбегают склонам

До реки, до травы высокой,
Незабудковой, бирюзовой,
Где над девочкой синеокой
Смерть насыпала холмик новый.



Автограф стихотворения «Чужие города»

* * *

Когда душа расширится как храм,
Построится торжественным покоем,
Куда глядеть испуганным глазам,
В какую щель мы наше счастье скроем?

И голос там, и звон, и тишина,
И праздника сияющая чаша,
А наша мгла до дна запылена,
И до конца открыта сирость наша.

* * *

Не прекословь, высок и светел
Господен рок,
Господь лучом тебя отметил
Средь всех дорог.

Лучом пронзительным жестоким,
И золотым,
Чтоб стали все земные сроки,
Как прах и дым.

Чтоб стали все земные звуки,
Как тишина,
И даже горе, и даже муки,
Как тени сна.

Смотри, безсилен и безсловен
Ты прежде был,
А ныне полон чудес и песен
И звона крыл.

* * *

Над моей душой, огневой и дикой,
Над моей слепой, ненасытной жаждой
Ты простер Твой плащ, где пасутся звезды.

Научи меня, о Владыка, песням,
Самым чистым, тем, что не спеть и птицам,
Чтобы стал лучом Твоего веселья
Твой усталый раб, Твой слуга бездомный.

1934

НИКОЛАЙ БЕЛОЦВЕТОВ

Белоцветов Николай Николаевич (1892—1950) — поэт, прозаик, философ, переводчик. Окончил философский факультет Петербургского университета. Участник Первой мировой войны. В 1921 году эмигри-

ровал в Германию, где в 1930 году вышел его первый поэтический сборник «Дикий мед». Его путеводной звездой в поэзии навсегда остался Александр Блок, а в философии — Рудольф Штейнер. «Многое в его творчестве, — отмечал Юрий Иваск, — может быть объяснено антропософскими медитациями». В 30-е годы жил в Таллине и в Риге. В 1941 году вернулся в Германию и принял католичество. Второй поэтический сборник «Шелест» вышел в 1936 году в Риге, третий (посмертный) — в 1953 году в Париже. В предисловии отмечалось: «Ушел из жизни большой поэт. Он пролетал через жизнь... вернее: пролетел... Он пел, как Орфей в преисподней».

* * *

И прозвучало вдруг: «Восстань!»
И всколыхнулся сумрак зыбкий,
И Кто-то сжал мою гортань,
Как музыкант сжимает скрипку.

И заскользили по струне
Вдруг чьи-то трепетные пальцы, —
И я запел, и стали мне
Близки все робкие скитальцы.

Все приведенные судьбой
Дрожать и млеть в тисках у Духа,
И петь, и чуять над собой
Творца внимающее ухо.

БЛАГОВЕСТ

Звон — сон многоблагодатный,
Боговдохновенный звон — песнь!
Взмахи крыльев уху внятны.
Как невероятно! Он здесь!..

Взмах. Взлет! Все преобразилось,
Преосуществилось: сон, явь!
О, воспой Господню милость!
Полуоглушенный, звон славь!

АЛЕКСЕЙ ДУРАКОВ

Дураков Алексей Петрович (1899—1944) — поэт, переводчик. В 1917 году окончил Сибирский кадетский корпус. С 1920 года жил в Белграде. Учился на философском факультете Белградского университета. Был одним из четырех белградских поэтов, входивших в парижский «Перекресток». С 1930 по 1941 год преподавал в гимназии в Варне. Участник югославского Сопротивления. Неоднократно подвергался арестам. Осенью 1943 года был вывезен на работу в Германию. Бежал в Белград и сражался в партизанском отряде. Погиб в бою.

* * *

Зачем казнишь меня, Всевышний?
Я утомлен, я изнемог
Под тяготою дум давнишних
В объятьях яростных тревог.

Иль все несчастья и страданья,
Что Ты мне щедро посылал,
Должно приять, как испытанья, —
Души спасительный закал?

Не так ли мастер оружейный
На наковальне меч кует,
И вихрь летает огневейный,
И сталь трепещет и поет.

Быть может, я мечом разящим
Покину горн священный Твой,
Упругим, острым и блестящим,
Твоею кованный рукой!

ЕВГЕНИЙ ВАДИМОВ

Вадимов Евгений (Лисовский Юрий Ипполитович. 1879—1944) — поэт, прозаик. Детство прошло в Муроме. Семь лет учился в Петербургском кадетском корпусе, два года — в Николаевском кавалерийском училище, о чем позднее расскажет в мемуарных очерках «Корнеты и звери» (Белград, 1929). Дебютировал в печати со стихами в 1910 году. Участник Первой мировой войны. В 1916 году направлен военным прокурором во Францию в штаб генерала Н.А. Лохвицкого (брата Мирры Лохвицкой и Надежды Тэффи), участника Русско-японской войны, Первой мировой, Белого движения. В 1920-е совершил морское путешествие в Сингапур и Бомбей. Вернувшись в Европу, жил в Белграде, где вышли его первые поэтические сборники «К Единому» (1929), «Где-то» (1930), затем перебрался в Париж и в 1930 году был отмечен 1-й премией на Парижском конкурсе русских поэтов. В Париже вышла книга «Стихи» (1931). Работал ночным сторожем. Дальнейшие годы его жизни и творчества связаны с Волынью. В 1935 году парижская газета «Сегодня» (№ 163, 14 июня) опубликовала заметку своего варшавского корреспондента:

«Исполнилось 25 лет литературной деятельности пользующегося большой популярностью среди читателей Польши поэта, беллетриста и военного писателя Евгения Вадимова... У него есть много переводов из поэтов балканских славян, за последние два года появилось несколько его стихотворных переводов с польского. Его стих — образный, почти всегда нежный,

лишь иногда — стальной, его поэтическая стихия — романтика, порою выливающаяся в балладную форму. Теперь он живет в Польше. Возможности печататься ограничены, но имя его постоянно встречается то в одном, то в другом русском издании Варшавы. Охотно печатают его и военные органы Парижа. Несмотря на тяжелые условия жизни, на постоянную борьбу за существование, он, после "ночной службы" во французской столице, всецело отдался литературной работе, чувствуя себя "только писателем" и довольствуясь скромным куском хлеба, который он сможет заработать тем, что ему дороже всего».

В 1937 году Русское благотворительное общество в Польше издало его поэтический сборник «"Русская культура" и другие избранные стихотворения. 1932—1936». Стихотворение из этого сборника «Русская культура» относится к числу программных не только Евгения Вадимова, но и всей русской эмиграции:

Русская культура — это наша детская
С трепетной лампадой, с мамой дорогой.
Русская культура — это молодецкая
Тройка с колокольчиком, с расписной дугой!..

Русская культура — это сказки нянины —
Песни колыбельныя, грустныя до слез —
Русская культура — это разрумяненный
В рукавицах-варежках дедушка-мороз...

Русская культура — это дали Невскаго
В серо-белом сумраке северных ночей —
Это — радость Пушкина, горечь Достоевского
И стихов Жуковского радостный ручей.

Русская культура — это вязь кириллицы
На заздравной чарочке яровских цыган —
Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы,
При чеканном поясе — кучерский кафтан...

Русская культура — это кисть Маковского,
Мрамор Антокольского, Лермонтов и Даль —
Терема и церковки, звон Кремля Московского,
Музыки Чайковского сладкая печаль.

Русская культура — это то, чем славится
Со времен Владимира наш народ большой:
Это наша женщина, русская красавица —
Это наша девушка с чистою душой!..

Русская культура — это жизнь убогая
С вечными надеждами, с замками во сне —
Русская культура — это очень многое,
Что не обретается ни в одной стране.

Но это стихотворение, как и юбилейная статья, не дают представления о самом главном в поэзии Евгения Вадимова — ее глубокой религиозности. Вадимов-Лисовский — один из самых молитвенных поэтов Русского зарубежья.

В биографических справках обычно указывается, что Вадимов-Лисовский погиб в 1944 году во время варшавского восстания. Но есть и другая версия. Поэт Е. Сеницкий, хорошо знавший его в Волыни, сообщил в письме Вадиму Крейду: «...Во время войны связь с ним прервалась. И только после ее окончания я случайно узнал, что сразу же после занятия города Лодзи, где Евг. Вадимов обрел очередной временный приют в "Русском доме", он был арестован специальными частями, вылавливавших всяких "врагов народа". С тех пор он как в воду канул».

ХЕРУВИМЫ

Мы тайно с вами. Мы все — незримы —
Мы образуем безплодный Круг —
Мы все — из песен. Мы — Херувимы
Без тел, без крови, без ног и рук...

Их Трое в Небе — но во Едином
Слиянных вечной, живой мечтой:
Творец Вселенной с Предвечным Сыном,
С предвечным Словом — и Дух Святой.

Мы все — из песен. Мы — в кольцах дыма —
Мы — звуки Неба. Мы — голоса —
Пространств безбрежных. И вас незримо,
Мы поднимаем на небеса.

Мы все — из крыльев. Мы все — из песен —
Мы — в фимиаме. Мы — свет и звук.
Мы — Херувимы. Наш слет — чудесен
И полон тайны наш тайный круг...

3 октября 1918,
Монаст. Св. Наума-Охридского

НЫНЕ СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ...

Сербскому поэту Ивану С. Шайковичу

...Сегодня с нами служат Силы
Непостижимые Небес —
Я помню Храм — далекий милый
И тихий дол, и синий лес...

Сегодня с нами Дух Незримый
И Пастырь Добрый грешных стад —
Взгляни, как реют Херувимы
Вокруг мерцающих лампад...

Взгляни, как вьется чистый ладан —
Сегодня — Жертвы тайный Час
И жертвы тайной Смысл разгадан,
Смысл Жертвы, распятой за нас!

Спаси нас, Жертва, от отравы
Греха и злобы! В Твой алтарь
Сегодня входит полный Славы
Непобедимый, Вечный Царь!

СВЕТЕ ТИХИЙ

Молчат долины, молчат дубравы
В вечерней неге, в ночной тиши.
О Свете Тихий, Святая Славы,
Услышь моленье больной души...

Звон заунывный за далью синей
Мечту уносит в далекий скит,
Под лунным светом сверкает иней,
Спит над водою семья ракит...

Ты, Свет Предвечный — источник жизни —
Ты создал небо Своей рукой —
Верни же снова моей отчизне
Ненарушимый, святой покой...

Молчат долины, молчат дубравы...
В душе скорбящей я Крест таю,
Верни нас к свету, о Свете правый,
Спаси отчизну, Господь, мою...

1920,
Париж

* * *

Неизвестна, непонятна
Книга вещая Судьбы —
Все непрочно, все превратно,
Все мы — Божие рабы...

Знает только Он, Надвечный —
Для чего живет злодей —
И нежданно, скоротечно —
Гибнет лучший из людей.

Мы — песок в просторах поля —
Мы — ничто и ничего —
Бог — да. Да будет воля
Непреклонная Его.

ИЗ ПСАЛМОВ

На аспида и василиска наступивши
и попереши льва и змия...
Псалом Давида

Иди без страха. Помни строго,
Что есть Всевышний над тобой,
Верь всей душою в силу Бога
Творца Вселенной Голубой...

И сила Божья, сила Чуда —
Среди мирских, земных невзгод —
Средь бед и Зла — всегда и всюду —
И победит, и проведет...

Из тьмы ночной — тебе навстречу
Взлетят нежданно тучи стрел.
Не бойся их. Бросайся в сечу,
Творцу известен твой удел!

В минуты яростного боя
Слагай хвалебный гимн Ему —
И волей Божьей — сгинет злое
Одна рука — рассеет тьму!

Держи копье — и пой молитву,
С ней на устах — взметни свой диск,
Безстрашен с Богом ужас битвы,
Безвреден змей и василиск!

Душою всей Творца лелея,
Твердя покорные слова,
Ты без труда раздавишь змея
И победишь степного льва!..

ИЗ ПСАЛМОВ

Возьму крылья мои рано —
и вселюся в последних моря
и там рука Твоя наставит мя...

Куда я скроюсь? Неустанно
За мной следит Твой Светлый взор
С луны, со звезд из мглы туманной,
С вершин далеких, снежных гор...

И там, в морозных высях горных,
И здесь душистою весной,
И под землей, и в ямах черных
Творец и Бог — везде со мной!..

Я сделал крылья. Стал, как птица,
Влетел в лазурь... пропала мгла —
Я был над бездной — но десница
Меня Твоя везде вела...

НА ПСАЛОМ 137

Мы прошли подневольно унылые дали —
Через реки, равнины и горы прошли —
И мы лагерем стали в безысходной печали
На реках Вавилонских средь чуждой земли...
Мы — сидели в тоске у прибрежного склона —

Наш рассеянный лагерь был скорбен и тих
Наши арфы остались на склонах Сиона —
Мы молчали и песен не пели своих...
«Пойте! Пойте, в весельи, Сионские песни!»
Восклицали с усмешкой пленившие нас —
«Дайте песен! Мы знаем, что нет их чудесней».
Но не спели мы песен в пленения час...
Мы молчали, в слезах... Мы с тоской
вспоминали
Наш Сион, нашу даль, нашу честь и страну —
Разве в силах я петь в безысходной печали —
Песнь Господню, в изгнаньи, в суровом плену?
. . . . . .
И все мысли, все души скорбевшие слали
Мы туда, где за далью скрывался Сион... —
На реках Вавилонских, в слезах и печали
Мы сидели, усеяв темнеющий склон...

ПЕСНЬ ЧЕНСТОХОВСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(Вольное переложение с польского)

Светлейшая из Зорь, не знающая тени
Владычица Небес и суетной земли,
Вся — свет и вся — любовь! Покорные колени
Склоняют пред Тобой Цари и Короли!..
Над бездною миров, на лучезарном троне,
С Тобой — Всесильный Сын и Бог Отец
сидят —
Над ликом девственным в святой
Твоей Короне—
Из звезд двенадцати сверкает дивный ряд...
С великой верою, в грехах, в слезах, в страданьи,
Идет к Тебе с мольбой несчастный,
скорбный люд...
Услышь, Владычица! Услышь его стенанье —
Смири Господень гнев... Дай людям мир и труд...
И раньше знали мы несчастия и беды,
И грозных, жарких войн кровавые года —
Но Ты — внимала нам — и отступали шведы,
Оставила наш край турецкая орда...
Светлейшая из Зорь! Склонив свои колена,
Мы снова молимся — услышь своих детей,
Избавь наш милый край от горя, зла и плена —
И всех непрошеных хозяев и гостей...
Услышь нас, Кроткая — и материнским словом
Прости нам наше зло, и Божий гнев откинь —
Укрой своих детей под царственным покровом,
Светлейшая из Зорь и Мать Любви... Аминь...

17 ноября 1927,
Прушков под Варшавой

ВИЗАНТИЕЦ

...И показал мне ангел чистую
реку воды жизни, светлую, как
кристалл, исходящую от престола
Бога и Агнца...
Откровение Св. Иоанна, 22.1.

Есть море и волны... Есть — гордый простор,
Есть храм лучезарный — Святая София —
Есть город, влюбленный ласкающий взор —
Есть край несравненный — моя Византия!
. . . . . .

Я верю в Единого Бога-Отца,
Что держит во власти и Небо, и Землю —
Я верю, что все началось от Творца —
И данное Богом с хвалою приемлю...
И в Сына Его, Иисуса Христа —
Я верю спокойно, обдуманно, строго —
Я верю, что Тот, Кто дошел до Креста —
Был Сыном Единым Предвечного Бога...
Верь, друг мой, в великое дело любви —
И Бога напрасно сомненьем не гневай...
Я верю — как верили предки мои —
Что Бог наш рожден был Пречистою Девой...
Я верю, что Светом рожден был Христос,
Что Сам Он был Светом — равны Они Оба —
Что Он, при Понтийском Пилате, понес
Распятие, умер и вышел из гроба...
И верю я в то, что Спаситель взошел
На небо, окончив дорогу земную,
Туда, где Всевышнего блещет Престол,
И сел, Равносильный, Отцу одесную...
Я верю: настанет неведомый Год,
Из тех, что безсменно текут друг за другом,
И Он, наш Спаситель, во славе придет —
И каждого будет судить по заслугам...
И верю я в то, что Живительный Дух,
Витает над нами, Святой и Незримый,
Идет от Отца — и что славя Их двух,
И Духа Святаго все славить должны мы...
И Царство Небес без границ, без конца —
Страшусь всей душой ощутить я потерю,
И в Церковь единую Бога Творца
Для всех и повсюду я искренне верю...
Я верю: водою смывается грех
При тайне крещенья с души человека
. . . . . .

И чаю из мертвых восстания всех —
Для жизни грядущей нездешнего века...
. . . . . .

Есть море и волны... Есть — гордый простор,
Есть храм лучезарный — Святая София —
Есть город — влюбленный ласкающий взор —
Есть край несравненный — моя Византия...

1928
Белград—Топчидер

ЧЕРНЫЙ ЗАНАВЕС

Черный занавес опущен на былое —
За стеной — сурово и темно.
Все ушло — хорошее и злое —
Почему? Не все ль тебе равно?

Черный занавес закрыл цветы и счастье,
Искры, солнце, бури и покой,
Впереди — невзгода и ненастье
И судьба с корявою клюкой...

Впереди — незримая дорога
Неизвестна, торна и узка —
Но ведет нас бдительно и строго
Неотступная и верная рука...

Черный занавес сокрыл земное счастье:
Но не жди угаснувшей зари —
И за терния, невзгоды и ненастья
В тьме ночной Творца благодари.

Сентябрь, 1928

ТРОИЦА

Под ковром цветистым поле кроется —
В тихих рощах — дремлющая тень —
Вся в цветах и листьях наша Троица,
Государыня далеких деревень!

Чашей светлою, прекрасной и высокою
Стал над церковью Господень небосвод —
Камни плит засыпаны осокою,
Принесенной с млеющих болот...

Славьте Троицу восторженною песнею
По долинам, рощам и холмам —
Храм — весь мир — и нет его чудеснее
Храм — весь мир — один приход и храм.
. . . . . .

Где-то — шествуют калики перехожие —
Все идут, идут они вперед —
Да святится в Славе Имя Божие
В Красоте, в высотах всех высот!

В Красоте надвечной Дух покоится —
В тихих рощах — дремлющая тень...
Вся в цветах и листьях наша Троица —
Государыня далеких деревень!..

30 мая 1929

ВЕСЕННИЙ ИРМОС

Поэтессе Екатерине Михайловне Журавской

В белом, чарующем плене
Вешнего цвета каштаны...
Стелятся сизые тени —
И голубые туманы...

Крылышком сбросила птица
Снег лепесткового цвета —
Дышится... Видится... Снится...
Чуется сердцу поэта!..

Слышится яблонь молитва,
Слышится ирмос вишневый —
Слышится — «Кончена битва!»
Слышится — «Радуйся снова!»

Радуйся — празднику Света!
Радуйся — празднику Мая!
Радуйся — сердце поэта!
Радуйся — даль голубая!

Кладбища дальнего тени —
Стали темней и печальней —
Стал на алтарных ступенях
Инок в обители дальней...

Стал на алтарных ступенях,
Тихо молитву слагая —
Всюду — дыханье сирени —
Всюду — от края до края!

Всюду — от края до края —
Слава Единому Богу...
К Богу я верную знаю
И голубую дорогу...
. . . . . .

Вьются седые туманы,
Стелятся тихие тени,
Дремлют красавцы каштаны
В белом, чарующем плене...

СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ

Сегодня был мороз... Все гибнет и желтеет,
Последнюю листву убила эта ночь —
Нависли облака... Нахмурились аллеи —
И вьется желтый лист... Нельзя ничем помочь...
На склонах чуждых гор намок печальный терний
И злая наморозь слепит потухший глаз —
Я чую Твой приход, мой Тихий Свет вечерний
На запад солнечный пришедший
в жуткий час...
Несется желтый лист без смысла и без цели —
Безсильно падая на мокрую траву —
Услышу ли я вновь весенние свирели —
Увижу ль снова май, пришедший наяву?..
Дождусь ли я опять июльского рассвета
И милых летних зорь, сверкающих вдали
Или последнее отсчитанное лето
Я получил уже от маленькой земли?

11 ноября 1929

ПОЧАЕВ

В тот век, когда орда Батыя
Дошла до Киевских твердынь —
Ушли подвижники святые —
На отдаленную Волынь...

И там, верны отцовской вере,
Вдали от вражеских очей
Зажгли они в глухой пещере
Неугасимый ряд свечей....

И стали теплиться их свечи
Часы, недели и года —
И их молитвенные речи
Не умолкали никогда...

И чудо! Искрясь и блистая —
Над их пещерой, в свете дня
Явилась Дева Пресвятая —
В столбе небеснаго огня!..

И там — навек запечатленный
— Стопой Заступницы от бед —
Струится стал родник священный
Давая грешным жизнь и свет...

Иди же, путник, с чистой верой
На те места, к тому ключу,
Где над Почаевской пещерой —
Сам Бог зажег свою свечу!

Склонись и ты с немой мольбою
Смирись душой, потупя взор —
И верь — блеснет и над тобою
Нерукотворный омофор!..

<1930-е>

БОРИС СЕМЕНОВ

Семенов Борис Константинович (1894—1942) — поэт, прозаик, публицист. Родился в купеческой семье. После окончания реального училища в Пскове поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1914 году со студенческой скамьи ушел добровольцем на фронт. Закончил ускоренные офицерские курсы, прапорщиком направлен на фронт, был ранен, попал в плен. После заключения за попытку бегства в тюремной крепости направлен в лагерь особо строгого режима в Кюстрине. В Гражданскую войну — доброволец армии генерала Юденича, участвовал в боях под Красным Селом. При отступлении остался в Причудье, отошедшем в 1920 году вместе с Печорским монастырем к Эстонии. Публиковался в эстонских, чешских, польских журналах русской эмиграции. В 1924—1927 годах — студент Русского юридического факультета в Праге. Входил в пражскую группу «Скит Поэтов».

В 1927 году вернулся в Печоры. В 1931 году получил гражданство Эстонии. Преподавал русский язык и литературу в частной гимназии и школе села Лавры. Проводил в Печорском районе Дни русского просвещения.

В июне 1940 года, после присоединения Эстонии к СССР, был арестован и приговорен Военным трибуналом «к 15 годам лишения свободы с поражением в правах и конфискацией имущества». Умер в Саратовской тюремной больнице.

ПСАЛОМ

Росами студеными обрызнут,
Лунными полотнами нехолен,
Стал я, Господи, на перепутьях жизни,
Чтоб творить Твою святую волю.

Ласковое тело молодое
Гибче хмелю, ярче винограду;
Исплели лазоревые знои
На высотах солнечные грады.

А в долине мир лежал невзорот...
Ты ль дороги застил предо мною,
Господи, метнул на горы горы,
Грозами взошел над головою?

Тяжело вздымать Господни нови,
Пламенеть в извивах ярых молний,
Заболочены уже низины кровью,
И нельзя дышать на всхолмьях.

Господи, все дни мои распяты —
Не уйду с Твоих великих пашен,
Но в дымах последнего заката
Дай узреть подножья новых башен.

<1925>

* * *

Целомудренно сокрывшие печали
В годы исполнения и гроз —
Все мы, сталь приявшие и сталью
Пораженные, не стоим слез.

Но, исполнив слово мудрых библий,
Предсказанья вещих снов,
Мы погибнем, как другие гибли,
Как грядущим гибнуть суждено.

Много нас, уже уснувших рано,
Восприявших гибели и тлен,
Под колючим скорчены бурьяном
В пустырях у выщербленных стен.

Оттого ль репейники и цепки,
Что под ними полегли
Возлюбившие до ненависти крепко
Смоляные буести земли.

Будут цвесть и клены и сирени,
Колыхаться золотые дни...
Господи, в лугах Твоих весенних
Без весны ушедших помяни.

<1926>

* * *

Теплые сосны
В розовом вечере,
Синие росы,
Тихие встречи.
Кроткая память
Затеплила свечи
Всем, кто ушел, кто далече,
Там, где не ранит
Заботой сегодня.
Там, отгремев, отпылали
Их битвы.
Скорби их стали,
Как стройное пламя
Светлой молитвы, —
Как милость Господня.

ОСЕННЯЯ

Маленький я, маленький
По ельничку хожу,
В моховых проталинках
На рыжики гляжу;
Хрупенькие крышечки
Чутеньки торчат,
Закрывают рыжики
Деток и внучат.

Сойки оголтелые,
Споря, пронеслись.
Хвойка отлетела
На брусничный лист...
Стану сам я крошечным,
Тихий и простой,
Сяду у лукошечка
Под березой той.

Тонкой паутинкою
Обовьюсь, и пусть
Ладаном полынным
Льется с поля грусть.
Схомою целительной
Никнет тишина,
Светлые обители
Выросли со дна.

Вон, гляди, — узорами
Хрупко истонясь,
Веет над озерами
Рощ иконостас;
Сны золотодремные
Ронят рогозя —
Темные, огромные,
Скорбные глаза.

ПСКОВ

С высоких круч забытые века
Глядятся разоренными кремлями
В ручной разлив, и, башенными снами
Утомлена, задумалась река.
На ясный запад жаркие кресты
Возносят светлые, как облака, соборы;
И щурится в садах вечерний город,
Благовестит заречный монастырь.
О, свете тихий, юность отцвела,
И зреют дни, чтобы прейти... Не так ли
Спадают в воду розовые капли
С задумчивого, легкого весла.

<1936>

ГЕОРГИЙ ГОЛОХВАСТОВ

Голохвастов Георгий Владимирович (1882—1963) — поэт, переводчик. В январе 1917 года в чине полковника был командирован за границу. В Россию не вернулся. В 1925 году дебютировал как поэт в коллективном сборнике русских эмигрантов «Из Америки». Выпустил несколько поэтических книг и перевод на английский язык «Слова о полку Игореве» (1950).

* * *

Великий Боже, длящий сроки,
Благодарю за новый день!
За трепет утра, за сирень,
За блеск реки и шум осоки,

За говор птиц над головой, —
За весь Твой мир, такой широкий,
Гостеприимный и живой!

Из книги «Полусонеты» (1931)

* * *

Храм бедный с ветхой колокольней.
Чуть свечи теплятся. Но тут
Душе-скиталице приют;
Здесь сердце проще, богомольней.

И думы в сумерках минут
Властнее прочь от жизни дольней
К Завету Горнему зовут.

СВЕЧА

Благой со строгими глазами
Темнеет Спас; благая Русь.
Я вновь в былом... опять молюсь
Я пред родными образами,

Молитвы детские шепча...
О чем же крупными слезами
Так плачет белая свеча?..

АНДРЕЙ КАСИМ

Касим Андрей (Альтаментов Андрей Иванович. 1891—1956) — поэт. О нем известно лишь, что в 1942 году он попал в плен. После войны прошел через мюнхенское ДИ-ПИ. С 1951 года жил в США, работал на спичечной фабрике. Стихи публиковались в журналах, сборниках и антологиях.

ВЕРЮ

Тучи плачутся над тобою,
Ястреба рассекают рассвет,
И проселки бегут гурьбою,
И на каждом — Господень след.

Я хочу, чтобы эти дороги
Снова стали — твои и мои,
Чтобы месяц светил двурогий
На твои и мои колеи.

Верю, верю: раздвинув просторы,
Буйный ветер качнет тополя,
Все моря твои, все озера
Всколыхнутся, моя земля!..

Я твои города и села,
Будто ладанку, берегу,
В час унылый и в час веселый
Позабыть я тебя не могу.

Видишь: нежность еще не иссякла...
Ну а если умру, не вернусь, —
Знай, что я перед смертью заплакал,
Поминая тебя, моя Русь.

ИВАН НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ

Новгород-Северский (настоящие имя и фамилия Ян Плешкевич) Иван Иванович (1893—1967) — поэт, прозаик. Участник Первой мировой войны. В Добровольческой армии был произведен Врангелем в полковники. Эмигрировал в 1920 году в Константинополь. Учился в Парижском богословском институте. Первая книга стихов «Как растут кресты» вышла в 1921 году в Константинополе. За ней последовало еще более тридцати поэтических и прозаических книг, в основном религиозных. Наиболее известные из них «Чудны лики Твои, Пресвятая» и «Матерь Божья Державная» вышли в 1958 и 1961 годах в Париже.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

25 января празднуется икона Божией Матери «Утоли моя печали».

Утоли болезни многовоздыхающия души моея, утолившая всяку слезу от лица земли...

Тропарь Богородице

День осенний переменчив
За кладбищенской стеной.
На иконе желтый венчик
Пахнет солнцем и весной.
Дарья плачет. Отпеванье
Точит ладаном — дымком.
Про надгробное рыданье
Веет ветер шепотком.
— «Утоли моя печали!» —
— «Слышу Дарья! Вижу скорбь!
Ты не плачь, что закопали,
Ты, вдова, спину не горбь!
Муж иной теперь работник,
Вам иной взыскует кров
С ним Иосиф, Божий плотник,
Строит град. Он вечно нов:
Ни болезни, ни печали —
Свет да радость, да покой.
Там поющие скрижали
Божьей писаны рукой,
Там ликуют херувимы,
Собеседники святых,
И, Архангелом хранимый,
Храм из лилий полевых!..» —
Убаюкала в печали
Утешающая всех.
И яснее стали дали,
Виден отблеск новых вех.
Над парчевою тайгою
Осень ткет незримый путь...
По-над радугой-дугою
Есть где Дарье отдохнуть.

ПУТИВЛЬСКАЯ

2 мая, перенесение мощей благоверных князей: Бориса и Глеба; иконы Божией Матери «Путивльской».

Не в Путивле плачет Ярославна,
А по всей родной земле,
С нею Матерь Божья неустанно
Сыну молится во мгле.
Русь моя, вечерняя зигзица,
Веруй, в горести своей!
Не скорби, Небесная Царица
Внемлет жалобе твоей.
Глеб, Борис, князья, святые братья,
Звезды зрят у наших берегов
И придут по зорьке с Божьей ратью
В легком шелесте лугов
Тихой тропкой...

Плачет Ярославна
Не в Путивле, не в Кремле
Пред иконой Матери Всеславной,
А по всей родной земле.

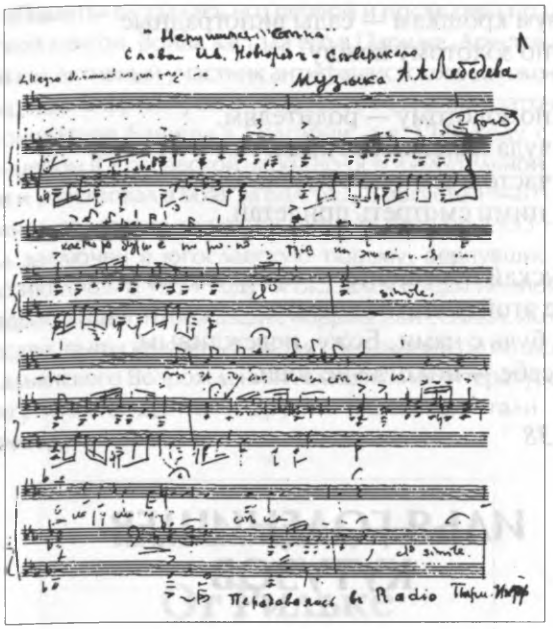
НЕРУШИМАЯ СТЕНА

В неделю Всех Святых празднование иконы Божьей Матери «Нерушимая Стена».
... Пред ними пойдет стенорушитель; они разрушат все преграды.

Книга пророка Михея, гл. 2

Как море бурное порою
Грозна житейская волна...
Мы за Тобой, как за стеною,
О Нерушимая Стена!

Но будь для нас Стенорушитель,
Когда в пути настигнет тьма,
Когда и Божия обитель
Послужит миру, как тюрьма.

Как море бурное порою
Грозна житейская волна...
О Нерушимая Стена!

ВЛАДИМИРСКАЯ

23 июня — день Всех Святых в Российской стране просиявших, сретение иконы Божией Матери «Владимирской».

Чудны лики Твои, Пресвятая!
Дивны думы Твои и дела.
Многоцветною ризой сияя,
Ты отчизну мою вознесла.

Омофором нетленным покрыла —
Грезит Русь у Престолов Твоих,
В ней небесная высится сила
Сонмом наших великих святых.

Предстоят... И Тебя прославляют,
Озаряют и нас, неживых,
И о нас пред Тобою взывают
В неустанных молитвах своих.

ТРОЕРУЧИЦА

28 июня, в день святого Иоанна Безсеребреника, празднование иконы Божией Матери, именуемой«Троеручица».

Троеручица Владычица
Помогает в три руки.
Вот и серп на небе высится,
Глянул в зеркало реки.
Светел месяц нивы радует,
Ясным вышел для жнивья,
А суслоны будет складывать
Сам пророк святой Илья.
Троеручица Владычица
Помогает в три руки —
Божьей ратью возвеличатся
Золотых снопов полки.
Церкви звонами победными
Озарят широкий дол,
И молебнами хвалебными
Разольется радость сел.

ДОНСКАЯ
(Дмитровская суббота)

В субботу перед 26 октября, днем памяти великомученика Димитрия Солунского, Святою Православную Русскою Церковью установлено поминовение всех на брани убиенных. Начало сему положено в 1380 году после Куликовской битвы.

У Божьей Матери «Донской»
Я вспомнил поле Куликово
И над Непрядвою-рекой
Молитву инока святого.
Хоругвей плеск у берегов,
Дружины в пламенных шеломах,
Князей и воев, на врагов
Своей Владычицей ведомых.
Преславен витязь Пересвет
И светел подвигом Ослябя...
Храни и нас от всяких бед,
Помилуй души наши рабьи.
Стою, как Дмитрий, — «на костех»
И вопию, к Тебе взывая:
Прости унынья тяжкий грех,
Своей десницей покрывая.
И да срастится с костью кость,
Пусть плоть живая их обымет,
И встанет муж, и вздымет трость,
Он рать могучую подымет.
Икона гнева и чудес
Да будет нам щитом червленым,
Харлужных копий звонкий лес
Мы узрим вновь за тихим Доном.

БОЖИЯ МАТЕРЬ «КАЗАНСКАЯ»

Радуйся, Заступница усердная рода христианского...
Из акафиста Пресвятой Богородице Казанской

Богоданной звездой
Ты явилась на Русь.
Пред иконой Твоей
Неустанно молюсь.

Огради, сохрани
В эти скорбные дни.
И молитвами нашими
Радуйся,
Радуйся, Заступница усердная
Рода христианского.

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА

Кузнецова Галина Николаевна (1900—1976) — поэтесса, прозаик, мемуарист. В 1917 году окончила Киевскую женскую гимназию. Эмигрировала в 1920 году. Училась в Пражском французском институте. Первые стихи и рассказы опубликовала в 20-е годы в Праге и Париже. С 1927 по 1942 год жила в доме Буниных в Париже и в Грассе, опубликовав в 1967 году книгу о Бунине «Грасский дневник». В 1949 году переехала в США, работала в издательском отделе ООН. Единственный сборник стихов «Оливковый сад» вышел в 1937 году в Париже.

* * *

Горят цветы на сером камне стен,
Журчит вода по каменному ложу,
И крылья пальм в горячей вышине
На перья шлема черного похожи.

О, если б жить в прекрасной простоте!
Сходить к колодцу с глиняным кувшином,
Смотреть, как дрок желтеет в высоте,
Как лиловеют горные вершины.

И вечером безоблачного дня,
Когда бредут по уличкам коровы,
Молить: «Мария, сохрани меня»,
Заслыша колокол средневековый.

АННА НЕЙ

Ней Анна (Жозефина Леонидовна Пастернак. 1900—1993) — поэтесса, философ, переводчик. Обе младших сестры Бориса Пастернака Жозефина и Лидия, эмигрировавшие в 1921 году вместе с родителями в Германию, были поэтессами и переводчиками. Жозефина Пастернак в 1929 году окончила философский факультет Мюнхенского университета. С 1938 года жила вместе с родителями и сестрой в Англии, выпустила несколько поэтических книг под псевдонимом Анна Ней.

* * *

Прости меня, Господи, жадную.
О многом, о многом прошу.

Двум крошкам — сады виноградные
И по золотому ковшу.

И по золотому — родителям.
И чуда налей через край,
И часто в земную обитель к ним
За ними смотреть прилетай.

Пускай посещенья — прилежные,
Но этой молитве внемли:
О, будь с нами, Боже, невежливым,
К себе — никогда не зови.

1938

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1902—1969) — литературовед, поэт, переводчик. Из древнего дворянского рода, к которому принадлежали поэт «чистого искусства» Арсений Голенищев-Кутузов, поэтесса Авдотья Глинка и ее отец Павел Голенищев-Кутузов. В январе 1920 года вместе с родителями эмигрировал в Белград. В 1921 году окончил русско-сербскую гимназию, в 1925-м — философский факультет Белградского университета. Продолжил учебу в Италии и Франции. В 1933 году в Париже защитил докторскую диссертацию о франко-итальянских литературных связях в эпоху позднего Средневековья и Раннего Возрождения. Эта тема станет главной во многих его последующих исследованиях. Входил в литературный кружок «Гамаюн». В 1934 году основал в Белграде кружок «Литературная среда». В 1935 году в Париже вышла первая поэтическая книга «Память», в предисловии к которой Вячеслав Иванов писал: «Благожелательное напутствие старого поэта молодому (ведь в нынешней быстрой смене литературных поколений Гумилев, наша погибшая великая надежда, годился бы ему чуть не в отцы, а пишущий эти строки, в деды, будь мы только друг другу родней, а не просто земляками по баснословному краю, по тридевятому царству Жар-Птицы и Серого Волка, откуда все трое родом) — это сердечное напутствие, провозглашая перед людьми веру старика в молодую силу, отнюдь не указывает, однако, на теснейшую, непосредственную связь художественного преемства. Во избежание недоразумений полезным кажется мне предупредить, что Илья Николаевич Голенищев-Кутузов вовсе не мой ученик... Мы не связаны друг с другом взаимною порукой и не отвечаем: я — за недовершенность того или другого из этих первых и сильных созданий художника, по своему складу взыскательного и строгого, но еще не довольно опытного, он — за грехи моего личного мастерства и наставничества».

«Память» оказалась его первой и последней поэтической книгой. Война застала его в Париже. Арестованный как активный участник антифашистского движения «Народный фронт», он с 1941 по 1944 год был заточен в концлагере Баницы в Болгарии, а в 1944 году стал офицером Югославской народно-освободительной армии и участвовал в боях за Белград. В августе 1946 года принял советское гражданство, а с 1949 по 1953 год был заключен в югославскую тюрьму, вернувшись в Россию лишь в 1954 году, и оказался среди немногих ***возвращенцев***, избежавших тюрьмы или ссылки. Жил в Москве, выпустив целый ряд исследований по истории Итальянского Возрождения и славянским литературам, книгу «Жизнь Данте» и другие. Классикой стали его переводы мировой поэзии.

* * *

Бывают времена, когда десница Бога,
Как будто отстраняясь от мира и людей,
Дает победу злу — и в мраке смутных дней
Царят вражда и ложь, насилье и тревога;
Когда завет веков минувших позабыт,
А смысл грядущего еще покрыт туманом,
Когда глас истины в безсилии молчит
Пред торжествующим обманом.

В такие дни хвала тому, кто, с высоты
На оргию страстей взирая трезвым оком,
Идет прямым путем в сознаньи одиноком
Безумия и зла всей этой суеты;
Кто посреди толпы, не опьяненный битвой,
Ни страхом, ни враждой, ни лестью не объят,
На брань враждующих ответствует молитвой:
«Прости им, Господи, — не знают, что творят!..»

* * *

Н.А. Поццо-Тургеневой

Все те же сны во тьме пресуществованья
Связуют скорбный дух.
Узнаю вновь смертельные боренья
И призраки разрух,

Твоих путей, грядущая Россия,
И зной, и хлад, и пыль.
Перворожденная мне чужда вечно Лия,
Мила одна Рахиль.

Торжественную, избранную скудость
Возлюбленных полей
Как позабыть? К чему иная мудрость?
Иных земель елей!

Меня тоска сжигает родовая,
И путь окольный — пуст.
О, да не минет чаша роковая
Усталых уст.

* * *

Шестикрылая мучит душа
Безнадежно двурукое тело.
Дальнозоркое сердце, спеша,
Покидает родные пределы.

Разум мерит вседневный обман;
Прорастает сознание глухо.
Только знаю — придет Иоанн,
Переставит светильники духа.

ОТЕЦ

Мне часто снится тот же вещий,
Мучительный, последний сон.
Вокруг меня безмолвье плещет —
Я в душном склепе погребен.

Лежу бездольный, безучастный;
Лишь кажется — на краткий миг —
Склоняется суровый, властный
Отеческий печальный лик.

«Отец, Отец, перед Тобою
Твоей любви извечный плод.
Ты жертву предпочел покою
И создан этот душный свод».

И сердце мертвое томится
Любовью смертной и тоской,
И хочет вспыхнуть и забыться,
Отвергнуть призрачный покой.

И в нестерпимой бездне света
Все ближе скорбные глаза,
И падает на сердце это
Животворящая слеза.

ИВАН ЕЛАГИН

Елагин Иван (Зингвильд Венедиктович Матвеев. 1918—1987) — поэт. Матвеевы — одна из самых знаменитых литературных династий русского Приморья. Дед Ивана Елагина Николай Матвеев-Амурский выпустил первую поэтическую книгу в Петербурге в 1903 году, в 1904-м — «Уссурийские рассказы». У него было двенадцать сыновей и три дочери; в поэзии известны имена не только сына — поэта-футуриста Венедикта Марта (Матвеева), внука — Ивана Елагина (Матвеева), но и внучки — Новеллы Матвеевой, отец которой, журналист, издатель и исследователь Дальнего Востока Николай Матвеев-Бодрый, тоже был поэтом.

Во время войны Иван Елагин оказался на оккупированной территории. В 1943 году выехал в Германию, прошел через лагеря ДИ-ПИ под Мюнхеном. Первые поэтические сборники «По дороге оттуда», «Ты мое столетие» вышли в Мюнхене в 1947 и 1949 годах. С 1950 года жил в США, работал в редакции газеты «Новое Русское Слово», учился в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах, выпустил поэтические книги «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973), «В зале Вселенной» (1982). Последние семнадцать лет жизни был профессором Питтсбургского университета. Иван Елагин, как и многие другие поэты Русского зарубежья, верил в свою неотделимость от русской поэзии и России, писал об этом:

Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шел я по красным коврам,
А шагал как шарманщик бродячий
По чужим незнакомым дворам.
Полететь мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру всласть
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.

Что и произошло, но уже посмертно. В 1998 году в Москве вышло двухтомное собрание сочинений крупнейшего поэта Русского зарубежья Ивана Елагина.

* * *

Дневных очей осеннее литье
Торжественно ушло в небытие.

Торжественное небо надо мной
Поблескивает звездной синевой.

И слушают дорога и трава
Моей молитвы тихие слова.

Ты, Господи, оставил нас в огне,
Ты два десятилетья — в стороне,

А мы от века до конца — плати
За неисповедимые пути.

Немногого прошу я — только дня,
Дня для земли без крови и огня.

Дня отдыха. Но только в этот день
Своей рукою солнце нам воздень.

И, может быть, тогда припомним мы
О Солнце Рая...

1943

ИРИНА КНОРРИНГ

Кнорринг Ирина Николаевна (1902—1943) — поэтесса, мемуарист. Дочь историка и литературного критика Николая Кнорринга (1880—1957). Училась в Харьковской гимназии. В Гражданскую войну «прошла все ступени беженства», записав в дневнике, впервые изданном в Москве в 2009 году: «Сейчас мы должны воевать, и это будет не грех. Мы должны идти против большевиков, хотя бы потому, что они уничтожают религию. Долг христианина защищать свое отечество и свой храм до последней капли крови, это закон Христа. Было бы большим грехом, если бы мы сидели сложа руки и отдали бы наши святыни в руки большевиков и допустили бы над ними надругательства. Это был бы грех всего русского народа. Мы должны сражаться за веру... "Все Родине!" — вот мой лозунг, моя идея». Одно из стихотворений семнадцатилетней гимназистки посвящено гибели ее кумира адмирала Колчака. В ноябре 1920 года вместе с родителями эвакуировалась из Севастополя в Константинополь и вскоре оказалась на французской военной базе в тунисском порту Бизерта, ставшего местом стоянки 33 кораблей русской эскадры. 1 января 1921 года записала: «С африканским новым годом, с новым счастьем или несчастьем — уж не знаю. Что бы пожелать на этот год? Вернуться в Россию, только не в Совдепию!.. Какая ирония судьбы: бежали от коммунистов, а сами живем на коммунистических началах: все равны, все на койке, ни у кого нет денег, все казенное, своего ничего нет, все общее, чем не коммуна». Казарменная жизнь на пассажирском транспортном судне «Константин» все-таки имела одно существенное отличие. 9 января она опишет службу в церкви: «Обедню служил о. Спасский. Говорил проповедь на свою обычную тему о терпении и т.д., а после благословил каждого медным крестиком. Сейчас я опять пойду в церковь. Это единственный уголок, где чувствуешь себя хорошо. Потом, там в хоре великолепный тенор, наслаждение слушать. Особенно хорошо, когда поют: "Боже, во имя Твое спаси мя!" — тенор поет соло. Ну замечательно! Век бы слушала». Основатель и настоятель первой Русской Православной Церкви Святого Павла Исповедальника «в пещерном каземате» на горе Кебир, главный священник Черноморского флота, протоиерей Георгий Спасский был в Тунисе не только ее духовным отцом, но и наставником в поэзии. Широкую известность в эмигрантской среде получила икона Богоматери «Светлая Обитель странников бездомных», созданная по заказу о. Георгия, и составленный им Акафист к этой иконе. В 1925 году Ирина Кнорринг переехала в Париж и училась во Франко-русском институте, посещала лекции в Русском историко-филологическом отделении при Сорбонне, участвовала в собраниях Союза молодых поэтов и писателей в Париже. В двадцать пять лет врачи поставили ей диагноз — «сахарная болезнь». Через два года вышла замуж за участника Белого движения поэта Юрия Бек-Софиева (1899—1975). Обвенчал их о. Георгий Спасский, служивший после Туниса в парижском Александро-Невском кафедральном соборе. «У Ирины, — произнес он при венчании, — очень поэтическая душа. Но всегда очень грустна ее муза. От вас, Юрий Борисович, зависит, чтобы на ее лире зазвучали другие ноты». Юрий Софиев принадлежал к «гумилевской школе» в эмигрантской поэзии. В одном из стихотворений он писал:

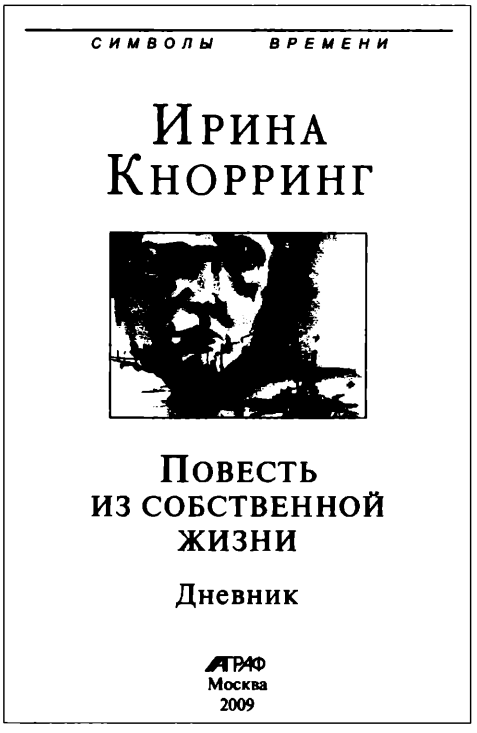
Нас тешит память — возвращая снова,
Далекий друг, далекие года.
И книжки со стихами Гумилева,
Мной для тебя раскрытые тогда...

Об этом же культе поэзии она писала в одном из ранних стихотворений:

Они отрадней, чем слова молитв,
Их повторять ведь то же, что молиться...

Первые поэтические книги Ирины Кнорринг «Стихи о себе» и «Окна на север» вышли в Париже в 1931 и 1939 годах, выделив ее камерную лирику как одну из наиболее искренних страниц в молодой поэзии Русского зарубежья. Третья книга, «После всего», была уже посмертной.

Юрий Бек-Софиев и ее отец Николай Кнорринг, вернувшиеся после войны на родину, жили в Алма-Ате и подготовили к изданию новый поэтический сборник Ирины Кнорринг, а Николай Кнорринг написал «Книгу о своей дочери». В 2009 году в России вышла мемуарная книга Ирины Кнорринг «Повесть из собственной жизни».



* * *

Где-то пробили часы.
— Всем, кто унижен и болен,
Кто отошел от побед —
Всем это братский привет
С древних, ночных колоколен.

Где-то стонанье сирен
В мерзлом и мутном тумане,
Шум авионов во мгле,
Пушечный дым на земле
И корабли в океане...

— Господи, дай же покой
Всем Твоим сгорбленным людям:
Мирно идущим ко сну,
Мерно идущим ко дну,
Вставшим у темных орудий!

3.XI.40

ЛЕОНИД ГАНСКИЙ

Ганский (настоящая фамилия Гатинский) Леонид Иосифович (1905—1970) — поэт, прозаик. Детские и школьные годы прошли в Киеве. В 1926 году уехал во Францию. В Париже вышло два его поэтических сборника «На весу» (1962) и «Слова» (1965). Не оставались незамеченными публикации его стихов в журналах и газетах Русского зарубежья.

* * *

Под мертвым небом европейским
Голодная земля суха.
Ни плакать, ни молиться не с кем, —
Теперь не миновать греха.
И только хорошо, что с нами
Веселый, непристойный джаз,
А за прозрачными горами
Смиренно молятся за нас.

КЛАВДИЯ ПЕСТРОВО

Пестрово Клавдия Прокофьевна. Известно лишь, что она родилась и детство провела на Украине. С 1920 года жила в Югославии. После войны переехала в Австралию. Первый поэтический сборник «Цветы на подоконнике» вышел в 1964 году в Мюнхене.

ТИШИНА

Под низким солнцем, как в румянце,
Краснеют облака,
И вьются чайки в быстром танце
Вкруг красного буйка.

Над парусником гнется криво
Уставший за день кран.
Атласным шелестом отлива
Вздыхает океан.

Огни заката гасит Кто-то
Невидимой рукой,
И вечер полнит медом соты
Сумятицы мирской.

Над бухтой всходит, синей тенью,
Прохладная луна,
И в сердце льется примиренье,
И в душу — тишина.

РУССКАЯ СВЕЧА

В Иерусалиме, на горе Елеонской, стоит храм Вознесения. Его колокольня видна издалека. Население Иерусалима прозвало эту колокольню «Русская Свеча».

В горячем ветре каменной пустыни
Спит неспокойным сном Ерусалим.
Но бодрствуют всю ночь места Святые,
В церквях огонь лампад неугасим.

Бежит вода по каменным ступенькам
И в древний водоем течет, журча,
И светится там белой колокольней
Ерусалима Русская Свеча.

Со всех концов России необъятной
Сюда текла паломников река,
Где вековые своды Вознесенья
Возвысились из камня и песка.

Теперь вдоль узких улиц свищут пули
И пламя лижет камни старых стен...
Три дня, три ночи в Храме Православном
Молящиеся не встают с колен.

В огне холмы цветущей Иудеи...
Воронки ядер... Где нога Христа
Ступала, мягко, между роз и лилий...
И вопиют священные места.

Изранена войной Земля Святая.
В разрывах бомб горит Ерусалим.
Но на горе, как свечка перед Богом,
Храм Православный — чудом — нерушим!

Разрушены дома Ерусалима...
Подъявший меч — погибнет от меча.
Но, под защитой Ангелов незримой,
Как прежде, светит Русская Свеча!

* * *

Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Анна Ахматова

Так вот оно — преддверье Рая!
Какие светы с высоты!
И в эвкалиптах птичьи стаи —
Господни певчие цветы!
И ветер свежий в океане,
И теплый, ласковый песок,
И водорослей колыханье,
И стайки рыб — у самых ног!
Как стая радужных иллюзий
Сверкают свежестью пучин
И все плывут, плывут медузы
На парашютах из глубин.
И час за часом — все крылатей!
И каждый счастьем озарен!
Но розовы уже на скате
Узоры пальмовых корон.
И, — темная — в вечернем небе,
Летит станица лебедей...

И кто-то пел вверху молебен
О нищенской душе моей.

ЛЕВ ГОМОЛИЦКИЙ

Гомолицкий Лев Николаевич (1903—1988) — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик. В 30-е годы жил в Варшаве. Секретарь варшавского Союза русских писателей и журналистов. Автор нескольких стихотворных сборников, вышедших в Варшаве и Таллине.

БОГ

Мой Бог — Кто скрыт под
шелухой вещей, Кого назвать
боялся Моисей, о Ком скрывал
на проповеди Будда, и Иисус
назвал Отцом людей.

Мой Бог, Кто будет
жив во мне, покуда я сам
Его живым дыханьем буду;
в начале шага, взора и
речей, о Ком, во мне
живущем, не забуду;

Кто не прибег еще
для славы к чуду в тюрьме
и смуте, в воздухе полей,
в толпе, к ее прислушиваясь
гуду, в возне плиты и воплях матерей;

Кто делает все чище
и добрей, открытый в жизни
маленькой моей.

МЕТА РООС

Роос Мета Альфредовна (1904—1989) — поэтесса, переводчица, музыкант. Училась в лютеранской школе в Харькове. Родители, уроженцы Эстонии, переехали в 1921 году в Таллин, где Мета Роос окончила школу и консерваторию по классу фортепьяно. Преподавала музыку. Переводила на немецкий язык Федора Тютчева. Печаталась в таллинском журнале «Новь». Участница «Ревельского Цеха Поэтов». Издала стихотворный сборник «Мартовское солнце» (Таллин, 1936). С 1939 года жила в Польше, с 1945-го — в Германии.

* * *

Лампадка теплится пред древнею иконой,
И теплый свет ее по горнице разлит,
Июльский вечер с сердцем говорит,
И монастырские плывут и тают звоны.

Кругом покой, и я совсем одна,
И тишина в мою нисходит душу.
Ее ни пением, ни словом не нарушу,
Вечерним светом радостно полна.

НИКОЛАЙ БОЖИДАР

Божидар (Бернер) Николай Федорович (1890 — после 1965) — поэт. Окончил гимназию в Киеве. В 1909 году зачислен на юридический факультет Московского университета. «Первым наставником в творческих исканиях» называл Валерия Брюсова. В 1915 году выпустил в Москве первую книгу стихов — «Одиннадцать». Вторая книга, «Осень мира», вышла в 1922 году в Киеве. В 20—30-е годы был узником Соловков. Во время войны попал в Австрию и Германию, прошел через лагеря ДИ-ПИ. В 1955 году в Зальцбурге вышло единственное зарубежное издание его стихов «След на камне». Последние годы жизни провел в доме для престарелых во Франции.

РАЗДУМЬЕ

Сегодня думы строятся в октавы,
Их мерный лад, как недвижимый день, —
Такой простой и строго величавый
Над дымом беломорских деревень;

Сегодня места нет крутым заботам,
Тяжелый груз — их груз преодолен.
Осенний хмель дурманит по болотам,
Озер успокоенье клонит в сон.

И слово обретает вес удельный,
Закатом вычерчен малейший лист.
И небо Севера — сосуд скудельный,
В котором влаги ток хрустально чист.

Обнять я жажду нищенскую землю
И эту даль приморскую, и высь...
Зосима и Савватай, я приемлю
Седое ваше слово: «Покорись!»

Да! Покорись на срок тягчайшей доле!
По Соловецким, мертвым островам
Бродяжит Лихо... Вместо древней воли —
Проклятие кандальным временам...

Синодик осени — всех убиенных
На край земли гонимых Октябрем,
Всех страждущих, болезных — всех смиренных
Листается судьбы календарем.

Судьба твоя — путь вынужденно-кроткий,
Но красной каторге не прекословь.
Ты на корме затертой в льдинах лодки,
Как жизнь прозрел грядущей Правды новь!

РОДИОН БЕРЁЗОВ (АКУЛЬШИН)

Берёзов (Акульшин) Родион Михайлович (1894—1988) — поэт, прозаик. Родился в Поволжье. В 1925 году в журнале «Красная новь» появился первый очерк Родиона Акульшина «О чем шепчет деревня». Входил в группу «Перевал». В начале Отечественной войны был мобилизован в народное ополчение, в октябре 1941 года в бою под Ельней попал в плен. После окончания войны, пройдя лагеря ДИ-ПИ, жил в США и приобрел широкую известность как религиозный поэт и баптистский проповедник Родион Берёзов.

ДУГА

Конь златогривый бывало летал по дорогам,
как молния.
На темно-синей дуге алые розы цвели.

Сердце Раскатова Тихона пело от мира
и радости,
Сказкой казалася жизнь сельской
зеленой тиши.

Вихрь налетел разорительный в села
нежданно-негаданно,
Рухнуло то, что века крепкой стояло стеной.

Умерли песни, надежды, остались лишь
воспоминания,
Боль о недавнем былом, распятом вдруг сатаной.

Отняли бесы у Тихона все, а коня златогривого
Взял председатель себе — гордость свою
услаждать.

Выгнали из дому Тихона в тесную ветхую
мазанку,
С риском и страхом мужик как-то припрятал дугу.

На чердаке покосившемся веники пахнут
березою,
Корни и травы в пучках густо висят по шестам.

С ранней весны и до осени трудится Тихон
на пасеке,

Любит начальство медком душу свою ублажать.

Слава Воспетой Заступнице: в ссылку семью
не отправили,
А что ограбили, что ж — Иов не то претерпел.

Травы и пчелы — две радости, все, что
под старость осталося,
Лечит недуги пчеляк, сдобрив молитвой настой.

Белоголовник, ромашка, плакун, зверобой,
подорожник,
Мята, эфедра, полынь, ландыш,
подсолнечный цвет —

Не перечесть исцеляющих, Божьих, безплатно
снадобий;
Лесенка узкая — путь с пола на ветхий чердак.
Там, в уголке, между травами — память о жизни
растерзанной,
Пылью покрыта дуга, светятся розы сквозь пыль.

— Младость моя, молодецкая, радости сердца
бывалые,
— Хочется песню запеть на чердаке старику,

Песню, рожденную мукою, в слезной
купели крещенную.
Слезы текут на дугу, розы свежеют от слез.

Доля крестьянина русского, иль ты навеки
загублена,
Скована цепью стальной, замкнута крепким
замком?

Конь златогривый заезжен, замучен людьми
нерадивыми,
Если б не Тихон, и пчел не было б
в сельских лугах.

Господи, много грешили мы словом, делами
и мыслями,
Грех наш оплачен сполна кровью, слезами,
тюрьмой.

Милая сердцу дуга, темно-синяя,
с алыми розами,
На чердаке, между трав, жизни
приснившейся — друг!

1949

СОЛДАТ

Господи! Ты видишь мою душу,
Я как на ладони пред Тобой.
Умереть в борьбе за Свет не трушу,
Без меня закончен будет бой.

Безконечно длится в мире битва
Двух владык: Творца и сатаны.
Совесть, Правда, Дело и Молитва
Для защиты каждому даны.

Но одни оружье растеряли,
Когда жизнь соблазнами цвела,
А других под облаком печали
Смерть с дороги в бездну увела.

Третьи Жизнедавцу изменили
По расчетам, выгодным для них,
И, поддавшись преисподней силе,
Отошли от входов голубых.

Свет и тьма с начала до сегодня,
До последних в этом мире дней.
Я солдат из армии Господней,
Бог приказы шлет душе моей.

1950

ЧУЖАЯ КУКУШКА

Еще долго будет куковать кукушка,
Нагонять на душу сладкую тоску.
В детстве мы кричали:
«Ты, кукушка-врушка,
Думаешь, мы верим всем твоим “ку-ку”?»

А на склоне жизни, в тягостном изгнанье,
Когда нет надежды на родимый кров,
В скромном кукованье, в грустном кукованье,
Воскресают юность, Родина, любовь.

Далеко, далече русское раздолье,
Без конца и края русская земля...
Как ее не вспомнить с радостью и болью,
О свиданье с нею Господа моля?

На Днепре, на Волге, в рощах под Рязанью,
Как и встарь, кукушки жалобно звенят.
Вне родных просторов нет конца страданью,
Список безконечен дорогих утрат.

Что осталось в жизни? С каждым полнолуньем,
К роковой минуте ближе череда...
Милая кукушка, добрая вещунья,
Будем мы в России?.. Прокукуй нам «Да!»

КЛУБОЧЕК ЖИЗНИ

В хороший день — хорошие слова.
Душа поет, не плача, не стеная.
Перед глазами — неба синева
И живописность вечная земная.

Вдали стеной лиловые леса,
Вблизи луга и мотыльков порханье,
И облаков спешащих паруса,
Как в дни разлук платков и рук маханье.

Всю красоту и неба и земли
Не раз творцы великие воспели,
Мне хочется, чтоб в строчках расцвели
Все краски мира, все земные трели.

Как это сделать, Боже, подскажи,
Ведь Ты — Художник: нет таких на свете!
Чтоб лучше синих васильков во ржи
И музыкальных птичьих междометий?

Я удивлен Твоею добротой
И щедростью, которой нет предела.
Мне жизни крикнуть хочется: «Постой!»
А жизнь летит, как до сих пор летела.

Остановить ее ничем нельзя,
Безплодны все усилья и попытки.
Но пусть земная кроткая стезя
Подобна будет золоченой нитке.

Та нить давно протянута к Творцу —
По рвам, горам, путям и бездорожьям...
Клубочек жизни катится к концу —
К той цели, что зовется Царством Божьим.

ДВЕ МОЛИТВЫ

Ваня признался в проступке своем.
— Будем молиться, мой мальчик, вдвоем.

Жизнь представляет теперь он, как крах.
Слезы сверкают на синих глазах.

— Господи Боже, Спаситель родной,
Сделай меня Ты, как папочка мой.

Я не хочу непослушным расти,
Боже, за грех мой меня Ты прости.

Мальчик заснул на кроватке своей.
Папа тогда помолился пред ней:

— Господи, сделай меня, как сынок,
В сердце зажги чистоты огонек.

Верить хочу я, как верует он,
Чтоб не постиг меня в жизни урон.

1973

САМАЯ ЦЕННАЯ КАРТИНА

Среди всех сыновей я любимый был сын
На истоке стремительных дней.
На стене моей памяти много картин,
Но едва мне ценней и родней.

В мире много о детстве счастливом поэм,
Это храмов святых купола.
Был в ту пору я только малюткой совсем,
Меня мать на колени брала.

Было тесным убогое наше жилье
С тюфяками из мягкой травы.
Засыпал я под пенье, молитвы ее,
Под поглаживанье головы.

«Дорогой Иисус, эту жизнь сохрани
И используй ее для добра».
В моей жизни бывали печальные дни,
Безысходная бедствий пора.

Но я помнил молитву любви обо мне
И надеждою пламенной жил.
И в какой бы я ни был чужой стороне,
Бог от гибели душу хранил.

Среди многих картин, что всегда дороги,
В моей памяти эта живет:
«О Господь, Ты сыночка в пути береги
И веди его к цели вперед».

1973

ГЛЕБ ГЛИНКА

Глинка Глеб Александрович (1903—1989) — поэт, прозаик. В 20—30-е годы выпустил несколько поэтических и прозаических книг, преподавал в Московском университете и Литературном институте. В начале войны добровольцем ушел на фронт. Был ранен, взят в плен, разделив участь многих из

поколения ДИ-ПИ. После войны жил во Франции и США. В США выпустил два поэтических сборника «В тени» (1968) и «Было завтра» (1972).

SILENTIUM

Все невпопад и не под стать.
Безсмысленно и грустно
Стихи в Америке писать,
В чужой стране — по-русски.

К кому обращены они
Своим раздольем звонким,
Как ветер, как в лесу огни,
Как смех и плач ребенка?

Ну что ж, смирись и не перечь.
От века и до ныне
Поэта пламенная речь
Лишь вопль среди пустыни.

Как рыба, жабрами дыша
В холодном океане,
Пусть молча плавает душа,
Пусть сердце камнем станет.

Пусть будут замыслы твои
Водой забвенья смыты.
«Молчи, скрывайся и таи»
И звуки и молитвы.

ИРИНА ЯССЕН

Яссен Ирина (Чеквер Рахиль Самойловна. 1893—1957) — поэтесса, издатель. Окончила с золотой медалью гимназию в Ровнах, Высшие женские курсы в Петрограде. В 1923 году эмигрировала в США. Первый поэтический сборник «Земной плен» вышел в Нью-Йорке в 1944 году.

* * *

Счастья нет — его и не ищу я.
Мало жить осталось на земле.
Знаю, что весна придет, ликуя,
Свет зажжет в туманной полумгле.
Озаряя эту жизнь земную,
Где так мало света и любви...
Господи, безсильную и злую
И такую Ты благослови.

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

Трубецкой (настоящая фамилия Нольден) Юрий Павлович (1902—1974) — поэт. По образованию врач. Детство и юность прошли в Петербурге. Первые стихи опубликованы в 1915 году в суворинском еженедельнике «Лукоморье». Встречался с А. Блоком, Н. Гумилевым, А. Ахматовой. Во время Гражданской войны жил в Крыму у М. Волошина. Был арестован и отбывал срок в лагерях. На Запад попал во время войны и до конца жизни прожил в немецкой провинции. При жизни вышли три стихотворных сборника.

* * *

Ирине Яссен

Церковка, заросшие пригорки,
Суздальское небо и тоска.
К сонным травам, к луговинам горьким
Мчится мелководная река.

Родина. Летят касатки, свищут,
Пропадая в предзакатной мгле.
Я иду, потерянный и нищий,
Поклониться Матери-Земле.

Мальчик босоногий с дудкой звонкой
Гонит стадо в ветровую синь.
На воротах древняя иконка,
А внизу — терновник да полынь.

1942

ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ

Смоленский Владимир Алексеевич (1901—1961) — поэт, литературный критик, переводчик. Сын полковника, расстрелянного в 1920 году большевиками. Участник Белого движения. Покинул Россию вместе с армией Врангеля. Через много лет напишет:

...Над Черным морем, над белым Крымом,
Летела слава России дымом.

Над голубыми полями клевера,
Летели горе и гибель с севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,

И Ангел плакал над мертвым ангелом...
— Мы уходили за море с Врангелем.

Юрий Иваск, выделяя его среди «певцов Белой армии», отмечал: «У него был массовый читатель: обездоленные эмигранты, читая его стихи, проклинали большевиков или же вздыхали, плакали, но и улыбались

сквозь слезы, вспоминая об утраченной молодости. Смоленский — мелодический поэт, склонный к мелодраматизму, хотя и был он выпестован скептическим Ходасевичем. В его лучших стихах мелодия трогает, увлекает».

Учился в парижской Высшей коммерческой школе и Сорбонне. В 20-е годы возглавил Союз молодых писателей и поэтов. Первые книги стихов «Закат» и «Наедине» изданы в Париже в 1931 и 1938 годах. В 1957 году в Париже вышло итоговое «Собрание стихотворений». Книга «Стихи» (Париж, 1963) была уже посмертной.

* * *

Г. И.

Тихо, тихо тает высь...
Помолчи и помолись.

У кладбищенских ворот
Молча воскресенья ждет

Друг, его похорони,
Голову пред ним склони,

Помолись о том, чтоб он,
В вечности преображен,

Вспоминая и любя,
Помолился за тебя.

* * *

За ночами проходят дни,
Равнодушно гасят огни.

Проплывают за снами сны,
Одинаковы и черны.

Опускается ниже твердь.
Знаю, Господи, это — смерть.

Знаю, Господи, это Ты
Вел меня путем нищеты,

Потушил вкруг меня огни,
Сновиденья, ночи и дни,

Чтобы я в непроглядной мгле,
На пустой, ледяной земле,

Обреченный, как все, умереть,
Ни о чем не мог пожалеть.

1929

* * *

Перерезано горло,
Бьют в несчастное сердце,
Душат бедную душу мою,
— Нету рифмы на сердце,
Нету рифмы на горло,
Но я все же пою и люблю.

Дай мне, Господи, силы,
Дай мне, Господи, слабость,
Чтобы ясно и просто сказать
— у преддверья могилы, —
Что безсмертье и радость
У любви никому не отнять.

* * *

В томлении смертном, на смятой постели,
Хрипя, задыхаясь, томясь
От боли и страха... Но ангелы пели,
Над комнатой душной кружась.

Никто их не видел и пенья не слышал
— Все знают, что ангелов нет —
Томилась душа и стонала все тише,
И гаснул за окнами свет.

Но ангелы пели, кружась над душою,
Целуя запекшийся рот,
О вечном блаженстве, о вечном покое,
О славе надзвездных высот.

* * *

В Вифлееме Младенец родился —
Много прошло веков.
Где звезда, что вела Волхвов?
Где пастух, что у яслей молился?

* * *

Я слишком поздно вышел на свиданье —
Все ближе ночь и весь в крови закат,
Темна тропа надежд, любви, мечтаний,
Ночь все черней, путь не вернуть назад.

Я заблудился в том мире душном,
Глаза открыты — не видать ни зги,
Кружит звезда в эфире безвоздушном,
О Господи Распятый, помоги!

Я стал немым, но лира плачет в мире,
О Господи, дай смерть такую, чтоб
В гробовой тьме я прикасался к лире,
Чтоб лирой стал меня объявший гроб.

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА

Из дремучих лесов, из Древней Руси —
Иисус Сладчайший, спаси!
Из зыбучего морока финских болот,
Где антихрист поставил оплот,
Из горящих и Богом любимых скитов,
Аввакумовских райских садов,
Из-под диких ударов безумья и зла,
Ты, святая, ко мне подошла.

За Тобою египетских знойных пустынь
Раскаленная, мутная синь,
За Тобою российские лютые льды,
На которых Христовы следы,
За Тобою распятье, крещенье, лучи
И монголов кривые мечи,
За Тобою, в полярных ветрах, Соловки,
Ледяные подвалы чеки.

От Тебя отступалась небесная рать,
Но мне сладко с Тобой умирать.

ВЛАДИМИР ГАЛЬСКИЙ

Гальский Владимир Львович (1908—1961) — в двенадцать лет вместе с родителями эвакуировался из Крыма в Константинополь. Жил в Белграде, во Франции, в Германии, дебютировал как поэт в сборнике «Литературная среда», выходившем в Белграде в 1934—1938 годах. Был представлен в первом послевоенном коллективном сборнике русских поэтов «Стихи» (Мюнхен, 1947).

* * *

В.А.С.

Губ твоих румяных зрелый мед
Береги для радостных и чистых,
Но топи во мне неверья лед
Теплым блеском глаз твоих лучистых.

Ласковая, боль мою уйми,
Слов не трать ненужных укоризны.
Просто в руки голову возьми,
Убаюкай песнями отчизны.

Память стран чужих и городов
Бременем тяжелым горбит плечи.
Эту пыль и сор пустых годов
Только ветер родины размечет.

Расскажи, какая там весна,
Так же ли голубоглазы дети,
Так же ли страны моей леса
Дышат дремной сыростью столетий?

Я давно и здесь и там чужой,
Я боюсь уйти из мира лишним,
Руку дай — за времени межой
Страшно нищим встать перед Всевышним.

1943,
Берлин

ИРИНА САБУРОВА

Сабурова Ирина Евгеньевна (урожденная Кутитонская, в первом браке Порфирьева, во втором — баронесса фон Розенберг. 1907—1979) — поэтесса, прозаик, мемуарист, историк балета. В краткой автобиографии писала о себе: «Пережила две мировых войны, два бегства, несколько гражданских революций, оккупаций и рухнувших миров, после чего приходилось все начинать сначала». В 1933—1940 годах была редактором рижского еженедельника «Для Вас». В 1946 году оказалась в мюнхенском лагере ДИ-ПИ, о чем впоследствии написала книгу «О нас» (Мюнхен, 1946). В послевоенные годы жила в Мюнхене. Работала на радиостанции «Свобода», в газете «Новое Русское Слово», в журнале «Голос Зарубежья».

Издала роман о русской колонии в Риге «Корабли старого города» (Гейдельберг, 1950), альбом-монографию об Анне Павловой «Безсмертная лебедь» (Нью-Йорк, 1956), несколько книг сказок; первый и единственный поэтический сборник «Разговор молча» вышел в Мюнхене в 1956 году.

В России изданы: «Корабли Алых башен» (М., 2000), «На руинах Третьего рейха» (М., 2009), «Контрабандисты». Роман (М., 2008).

* * *

Упасть и не подняться. Не могу
Идти я больше. Господи, помилуй!
Я думала, что память сберегу,
А я и память вынести не в силах.

Запуталась. Разбилась. Не дано
Ни жить самой, ни жизни дать другому.
Какою бы дорогой все равно
Мне не идти — я не дойду до дому.

На всех путях поставлены кресты.
На всех крестах прибито слово «милый».
Гвоздями в сердце. Господи, хоть Ты,
Хоть не меня, кого-нибудь помилуй!

* * *

Могла бы рассказывать много
О том, как зеленый мир
Учил меня верить в Бога,
И жить, и любить учил.

Яснее всех философий,
Прекрасней, быть может, любви,
Моя синеокая осень,
Лесные молитвы твои!

Но тем, кто на камне вырос,
Цветы — это лишний хлам.
Те петь не пойдут на клирос
В самый весенний храм.

А те, кому радуга в небе —
Самый крепчайший мост,
Кто знает не цену о хлебе,
А поле в цветах, где он рос, —

Те знают, кто создал листья,
И как в тишине трава
Иначе врастает в мысли,
И им не нужны слова.

МИХАИЛ ЧЕХОНИН

Чехонин Михаил Георгиевич (1907—1962) — поэт, прозаик. Был вывезен родителями в Константинополь. Жил в Нью-Йорке, входил в «Кружок русских поэтов в Америке». В 1946 году выпустил в США единственный поэтический сборник «Стихи», в который вошли стихотворения 1929—1945 годов.

МУДРОСТЬ

Кто-то сказал, не знаю,
Чьи это были слова:
Мудрость — это седая
Старческая голова.

Кажется, так и было
Долгие годы, века —
К свету малых водила
Старческая рука.

Только и часто бывало,
Мудрости не было в ней,
Мудрость даже не знала,
Чья голова седей.

Сколько их было на свете,
Старых, упрямых глупцов...
Господи, сделай, чтоб дети
Стали умней отцов!

Сделай, чтоб все печали
Смехом жизнь унесла,
Так, чтобы мудрость в начале,
А не в конце была.

ИРИНА БЕМ

Бем Ирина Альфредовна (1916—1981) — поэтесса. Дочь известного историка литературы Альфреда Людвиговича Бема. В 1935 году окончила французскую гимназию в Праге. Входила в пражский «Скит Поэтов». Единственный поэтический сборник «Орфей» вышел в Праге в 1943 году.

* * *

Каждый день приносит новые тревоги,
Каждый час горит безсмертная душа.
Все еще волнуясь и спеша,
Ты стоишь у ночи на пороге.

Тело, как усталый раб, подъемлет бремя,
И в безсильи плачет, как дитя, навзрыд;
Но душа не внемлет, а горит,
Краткой жизни сокращая бремя.

1939

МОЛИТВА

Как древле, Господи, Тобой прощенный Ной
Увидел выси, всплывшие на мели,
И первой ветви радостную зелень
Над укрощенных вод голубизной,

И нам увидеть дай прощенные поля
И грады, спящие во тьме ночной безпечно,
И все забыв, пусть вновь о мире вечном
Молиться смеет страдная земля.

1940

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ

Поплавский Борис Юлианович (1903—1935) — поэт, прозаик, литературный критик, публицист. В 1918 году вместе с отцом, промышленником и музыкантом Ю.И. Поплавским, выехал на Юг России. В 1920 году эмигрировал в Турцию. Отец вспоминал о жизни сына в Константинополе: «В эту эпоху Б.П. сильно возмужал и проникся необычайной религиозностью, каждодневно посещал церковные службы, а также увлекся скаутизмом. Этот период жизни Б.П. можно охарактеризовать двумя простыми, но многозначащими словами: он скорбел и молился».

С 1922 года Борис Поплавский жил в Париже, став одним из самых значительных молодых поэтов «парижской ноты». Юрий Иваск писал о нем: «Поплавский стал легендарным героем русского Монпарнаса. Одних его крайности привлекали, других отталкивали. О нем говорили: Поплавский — атлет с могучими бицепсами, посетитель спортивных состязаний, но и наркоман с подозрительными знакомствами в уголовном мире. Или: хулиган, публично оскорбивший знаменитого актера, но и мистик, читающий творения св. Терезы и Якова Бёма».

Трагическая смерть Поплавского тоже часть истории русского Монпарнаса. При жизни вышел единственный поэтический сборник «Флаги» (Париж, 1931). Посмертные книги изданы в Париже его другом и душеприказчиком поэтом Николаем Татищевым.

Наиболее полные издания творческого наследия Бориса Поплавского вышли в России: Сочинения (СПб., 1999); трехтомное Собрание сочинений (М.,2000); Метафизический граммофон. Дневник (СПб., 2010).

ОДА НА СМЕРТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Посвящается Его Императорскому Величеству

Потускнели главы византийских церквей,
Непонятная скорбь разошлась до Афин.
Где-то умер безкрылый в тоске серафим,
Не поет по ночам на Руси соловей.

Пронесли через степь клевету мытаря,
А потом разложили гуситский костер.
В истеричном году расстреляли царя,
Расстрелял истеричный бездарный актер.

А теперь не пойдут ко двору ходоки,
Не услышат прощенья и милости слова,
Только в церквах пустых помолятся да снова
Перечтут у настенных икон кондаки.

От байкальских озер до веселых Афин
Непонятная скорбь разошлась по стране.
Люди, в Бозе безкрылый почил серафим,
И Архангел грядет в наступающем дне.

Осень 1918,
Харьков

МОЛИТВА

Ночь устала. И месяц заходит.
Где-то утренний поезд пропел.
Страшно думать, как время проходит,
Ты ж ни думать, ни жить не успел.

Вечно ищем забыть и забыться,
Ходим, шутим и карты сдаем.
На таинственный суд ли явиться?
Отрешиться ль от страха в пустом?

А потом, на исходе дурмана,
Видеть бледную, страшную ночь —
Точно смерть из окна ресторана,
И никто уж не в силах помочь.

Нет, уж лучше при лунном сияньи
Буду в поле судьбу вспоминать,
Слышать лай отдаленный в тумане,
О содеянном зле горевать.

Лучше сердце раскрою, увижу
Маловерье и тщетную тьму.
Осужу сам себя и унижу,
Обращусь беззащитно к Нему.

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

Архиепископ Иоанн (Шаховской Дмитрий Алексеевич, князь. 1902—1989) — поэт, прозаик, литературный критик, философ, богослов. Брат Зинаиды Шаховской. В 1915 году поступил в Александровский (Царскосельский) лицей. В книге «Биография юности» вспоминал:

«В первый мой лицейский год моего товарища Адю Ладыженского и меня наш лицейский учитель пения (регент хора Мариинского театра Сафонов) избрал для пения в церковном лицейском хоре. Мы стали разучивать песнопения литургии и панихиды. Но о самих церковных службах в Лицее у меня мало осталось воспоминаний. Таков был уровень моего отношения к Церкви. Уроки Закона Божьего прошли почти безследно для моего сознания. В подсознании, может быть, и остался от них какой-либо след, но сознания религиозного у меня еще не было. Было лишь детское чувство веры. И помню, как благоговейно я

остановился однажды в Матове на пороге кабинета моего отца, а потом тихо ушел, когда, ворвавшись туда одним летним днем, я вдруг увидел в тишине комнаты моего отца, молящегося на коленях. Вдруг я ощутил тайну молитвы».

В 1918—1920 годах — в рядах Добровольческой армии на Юге России.

«Участие мое в Гражданской войне на юге России, — писал он, — было эпизодическим, и я не расцениваю его серьезно. Это было с моей стороны не зрелое дело, а мальчишеское приключение. Мне, очевидно, должен был быть на мгновение показан ад. В те дни немало подлинно героических людей, которым нельзя было стать легальной оппозицией властям в России, со всех концов страны сочились, как русская кровь, на юг и там проливались в землю. Оставшаяся часть их в 1919 и 1920 годах вытекала из России, составив первую эмиграцию. Кроме героев, были, конечно, и просто захваченные общим сумасшествием человекоубийства, перешедшего в братоубийство. Были среди военных и по инерции перешедшие в новую войну. Война стала для них жизнью. После Октября и конца войны с Германией загуляла эта зыбь убийств коллективных и индивидуальных. Шла она в размерах, еще не виданных в русской истории. Война словно мстила людям за то, что они ее, без ее дозволения, закончили».

С 1921 года князь Дмитрий Шаховской жил в Париже. Учился в Школе политических наук. В 1922 году дебютировал как поэт в журнале «Русская Мысль». Издал три поэтических книги: «Стихи» (Париж, 1923), «Песни без слов» (Брюссель, 1924), «Предметы» (Брюссель, 1926). В 1926 году принял монашеский постриг на Афоне с именем Иоанн и поступил в Русскую духовную академию в Париже. В 1932—1945 годах — настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. Об этих годах своей жизни он писал:

«Время моего пастырского служения в Европе шло среди бурь, охвативших землю... Приблизительно за год до прихода к власти Гитлера, в феврале 1932 года, я был назначен в Свято-Владимирский в Берлине и прибыл туда из Парижа... И с берлинскою моею паствою и собратьями пастырями мне пришлось пережить все, что пережила Германия, от восхождения нацизма до его крушения... В День Всех Святых, в Земле Российской просиявших, Германия, прошедшая в шуме своих побед по Европе, не довершая своей победы на Западе, вдруг — бросилась на Восток, устремившись, словно в какой-то одержимости, к исполнению не человеческого, а апокалиптического дела. Псевдохристианство Европы уже восприняло в огне войны "меру свою"; и теперь эти, обоготворявшие самих себя и надсмеявшиеся над всякой святыней, идеи и силы материализма и тоталитаризма призывались довести друг друга до огненного умаления. Гром грянул как бы внутри самого грома войны. И — началось это взаимное сокрушение двух самых ярких в истории сил антихристианства...»

Благочинному Православных Церквей в Германии архимандриту отцу Иоанну удалось отстоять независимость берлинского прихода от властей Третьего рейха.

«Русские эмигрантские разделения и разномыслия, — вспоминал он, — отошли на второй план, когда Россия хлынула на наши берлинские улицы. Встреча с русскими людьми, привезенными во время войны из России в Германию, стала для нас, эмигрантов, поистине "Пасхой среди лета". Россия, молящаяся, верующая, добрая, жертвенная Россия — к которой мы двадцать лет так стремились, встречи с которой так ждали — сама пришла к нам. Вдруг великим потоком она заполнила наши беженские храмы... Сколько юношей и девушек, взрослых, младенцев было нами в те дни в Германии исповедано, причащено, крещено, приобщено к Церкви. Какую глубокую веру и благодатную открытость вере мы нашли среди этой молодежи, родившейся после "Октября"! Какие удивительные души мы встретили...»

В 1946 году по приглашению своего духовного сына, авиаконструктора И.И. Сикорского, отец Иоанн переехал в США. С мая 1947 года — епископ Бруклинский, с 1950 года — епископ (с 1961 — архиепископ) Сан-Францисский и Западно-Американский. Автор многочисленных богословских трудов, литературоведческих изысканий, среди которых «Пророческий дух русской поэзии» (Берлин, 1938), «Размышления о религиозности Пушкина» (Берлин, 1932, 1938). Поэтические сборники выходили под псевдонимами «А. Иоанн», «Странник». «Собрание избранных трудов» (Т. 1—5. Нью-Йорк; Париж, 1965—1977).

В «Авторских замечаниях» к сборнику «Избранная лирика» (Стокгольм, 1974) он писал:

«Первое мое стихотворение в печати появилось 50 лет назад, в 1922 году, когда мне было двадцать лет в майской книжке журнала "Русская Мысль", выходившего в Болгарии под редакцией П.Б. Струве. Четырехлетний период моей поэтической юности окончился выходом лирического сборника "Предметы" (Брюссель, 1926). После этого я надолго отошел от искусства поэзии, и в сущности, до 1959 года почти не писал стихов. Тот мой стихотворный материал, который создавался с начала 30-х годов, был только моим созерцанием жизни. Оттого я присоединял в эти годы свои стихотворения к религиозно-философским и созерцательным своим книгам "Белое иночество", "Жизнь", "Путь на Север", "Записки о любви к Богу и человеку". Большая часть этого поэтического материала была опубликована в сборнике "Созерцания" (Сан-Франсиско, 1971). Через 33 года после книги "Предметы" я вернулся к литературному поэтическому творчеству. Это было во время моего путешествия по разным странам Америки, Европы и Малой Азии...»

С 1948 года, почти сорок лет, по «Голосу Америки» каждую неделю звучали его «Беседы с русским народом», доходившие в Россию через все «глушители». Эти «Беседы», как отмечали современники, «он считал своим главным служением Господу и помощью русскому народу». Одна из его бесед-проповедей была посвящена поэзии. Иоанн Шаховской говорил:

«Поэт "милостью Божьей" имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Таково высшее назначение поэзии, ее смысл евхаристический. Поэзия есть возвращение человека к началу вещей. Поэзия есть гимнологическое преодоление всех стершихся силлогизмов и словесных обозначений, переставших открывать мир. Поэзия по-новому открывает слова, вскрывает их, встречает их уже в новом мире. Она есть открытие вещей и их сокрытие. Она не может иметь служебных задач, что-то доказывать или провозглашать. В ней является само бытие, которое более ценно, чем все то, что может быть им выражено. Она есть перископ, выдвинутый из этого мира, рентген и радар, лазерный луч, тончайшая и острейшая стрела духа, проходящего через все предметы мира, не убивая их, а оживляя. Проза говорит о бытии. Поэзия это бытие, открывающееся человеку. Когда человек скитается вдали от истины, мир становится для него запыленным и пылеобразным. Мир человека надо постоянно проветривать, иначе в нем можно задохнуться. В нем задыхаются люди. Доставлять чистый воздух горнего мира человеку дано в молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей».

Поэзия архиепископа Иоанна (Шаховского) достаточно полно представлена в первой из его книг, вышедших в России, — «Избранное» (Петрозаводск, 1992). С тех пор наиболее издаваемыми оказались его религиозно-философские книги («Апокалипсис мелкого греха» выдержал более десяти изданий), «поэтический материал» еще ждет своего издания...

Шестнадцатилетний доброволец князь Дмитрий Шаховской. После контузии под Царицыном. Фото 1918 г.

* * *

Освяти грехи мои, Россия,
Эту смерть, любовь земную эту —
Эти листья, листья снеговые
Твоего непонятого лета...
Освяти и дай свое мне око...
Дай, чтоб мог я тайны вечной имя
На туманном замысле востока
Написать словами золотыми.

* * *

Мы ходим средь ужасной высоты,
Залито небо красной кровью.
И — всюду пропасти... И всюду есть мосты,
Соединяющие все любовью.

Мы не увидим дома своего,
Не отдохнем ни на мгновенье.
Мы призваны пройти среди всего,
Соединив любовью мир творенья.

Среди людей, средь глада и меча,
Должны пройти мы жизнью верной,
Не опустив усталого плеча,
Неся свой крест любви безмерной...
И только после, в наш последний час,
Когда сойдет благоволенье,
Мы вдруг увидим, что... любили нас.
И вдруг услышим ангельское пенье.

* * *

О причастись!
Не проколышет нива,
Не сшелестит ответная ветла;
Дорога в ночь по-тленному светла,
Снег легких звезд порошит мир лениво...

Перед безмолвьем многих поколений
Стоит земля безмолвно на коленях.

* * *

Когда тревога сокровенней,
Благословенней к тайнам путь...
Не тронь весну земли весенней,
Воспоминание забудь.

Сойди в поля к забытым древам,
И пусть твой плач идет туда,
Где томнолиственным напевом
Дрожат лесные города.

* * *

Тихо эхо над долиною.
Я за утром... Я внизу,
Где береза, Магдалиною,
Светит каждую слезу.

Четок, чуток день рождающий.
Тень, как мысли; тень чутка...
Ранит запах увядающий
Неувядшего цветка.

Все во всем, как в небе розовом.
Я воскрес — умру опять...
Шелкошелесты березовы
Начинают запевать.

* * *

Чуть слышны холодные отливы,
Шум волны, отпрянувшей назад.
Пощаженный, робкий, сиротливый
Длится день у каменных оград.

Мне ли знать, кто радостно иль злобно
Миру мир внесет на острие?..

Исцели, угодник преподобный,
Безвременное терпение мое.

* * *

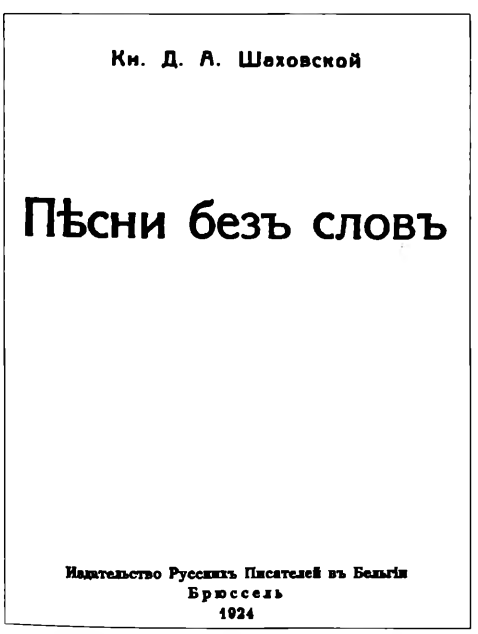
Начинаю все с тишины,
Где молитвы разрешены,
Но слова еще не слышны.
Начинаю едва-едва,
Говорю простые слова.
Тишина напрягает лук,
И стрела вылетает вдруг.

* * *

Неотмечен, неотгадан
Путь чудес, который дан.
И синеет, словно ладан,
За воротами туман.

Выйти в поле — где же вести?
Где же синяя трава?..

Повторяю с кем-то вместе
Одинокие слова.


Кн. Д. А. Шаховской

Пѣсни безъ словъ

Издательство Русскихъ Писателей въ Бельгіи
Брюссель
1924

Титульный лист второго поэтического сборника князя Дмитрия Шаховского

ИНОЧЕСТВО

Ничего я больше не хочу, —
Только дай мне, Господи, свечу,
Этот малый, тихий огонек,
Чтоб его до смерти я берег.
А когда, средь раннего утра,
Мне в Твой Дом идти придет пора,
В тишине Своей, не пред людьми,
Сам из рук моих свечу возьми.

КРЕСТНАЯ СТИХИРА

В небесную не вознесенный твердь,
Но чуть поднявшийся над прахом,
Христову жизнь, Христову смерть
Пою с веселием и страхом!
Земля неплодна и суха,
Но пенье в Божьем винограде:
Страшась поем — из-за греха,
И веселясь — спасенья ради.

БЕЛОЕ ИНОЧЕСТВО

Всю душу предать Господу,
В молчании пламенея строгом.
И, идя по полю или по огороду,
Молиться — говорить с Богом.
Любить равно святого и грешного,
Смотреть на людей взором открытым.
Не иметь плача неутешного,
Не иметь трапезы сытой.
О грядущем никогда не ведать,
Смеяться тихо и немного,
Поминать молитвою соседа
За трапезой, в храме, на дорогах.
Ничего не считать неважным,
Всякое сердце стеречь от гнева,
И, бросая слово своего сева,
Затаить дыхание на каждом.
Перед Господом молитвы и пенье
Да будут речью совсем простою.
Лучше с любовию малое моленье,
Чем великое с тяготою.
Труд земной возможен без раздела,
Пусть тогда в нем одном вниманье.
Послушание и земному делу —
Перед Господом послушанье.
Лишь бы сердце о земном не пело,
Но несло бы Богу все мгновенья,
И вокруг него все было бело
От цветов благодаренья.

МОЛИТВА О МОЛИТВЕ

Молитву, Боже, подай всем людям.
Мы так немудры, а — всех мы судим.
В нас нет молитвы и нет виденья,
Нет удивленья и нет прощенья.
Нас неба мудрость найти не может,
И наша скудость нас мучит, Боже,
Дай из пустыни нам выйти ныне,
Мы алчем, жаждем в своей пустыне.
Мы дышим кровью и рабским потом,
А смерть за каждым, за поворотом.
Любовь и веру подай всем людям,
В нас нету меры, но мы не будем
Ни жизни сором, ни злом столетий —
Прости нас, Боже, Твои мы дети!

ГИМН В НОЧИ

Каждый день мы умираем снова,
Через смерть проходит Бытие.
Господи, скажи нам только слово,
Слово вечное Твое.

Ничего не ждем и не умеем
Ждать от жизни в том краю,
Где все горестнее и больнее
Убивать жизнь Твою.

Будет Пасха поздно или рано,
А теперь страдание всего.
Вся земля теперь болит, как рана,
Рана Тела Твоего.

* * *

Мы безумно молимся подчас
И хотим того, чего нельзя нам.
И душа идет у нас туманом,
Вера есть, а света нет у нас.
Ночь цветет последними огнями.
Утаясь меж бдением и сном,
Подари нам, Боже, это пламя,
Огненный язык в саду ночном.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Правой рукой крещу левую,
Левой — благословляю правую.
Расцвети земля силой хлебною,
Не отравами, а травами.
Открывайся счастье не мерою,
Вечностью, не забавою, —
Я крещу тебя, счастье, верою,
Левой рукой и правою.

ПЕСНЬ НАЗАРЕТА

Если ходишь по земным дорогам,
Светлый дух в тебе самом награда.
Не молиться только Богу надо,
Но и жизнью целой петь пред Богом.

Он — Отец. Неси Ему все раны,
Все счастливые свои мгновенья, —
Слезы человечества и пенье
Одинаково Ему желанны.

* * *

Кто истинно в Бога верит,
Сердце того в раю.
Он жизнь Христовой мерит
Бедную жизнь свою.
Терпка дорога земная,
И нет иного пути,
Как только в двери рая
Сердце свое нести.

* * *

Прийти ко всем. Твое благословленье
Оставить в каждом доме. Дай, Отец,
Мне эту милость — легкое движенье
Благословляющих Тебя сердец.

Пошли ко всем. Пусть радостен и тих
Останется для всех мой путь далекий,
Путь — пред Тобой, среди людей простых,
Среди незнающих и одиноких.

СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ

Мы слышим детский лепет, словно пенье
Тех ангелов, что вдруг, для всей земли,
Сквозь эту ночь и звездное горенье
К пустынным пастухам пришли.

Мы замечаем братское согласье
И ясность кроткую людей простых,
Открытых Небу, ангелам и счастью,
Что родилось в святую ночь для них.

Мы постигаем веру и терпенье
Волхвов, искавших вечной глубины,
И — снова слышим в этом мире пенье,
Которым Небеса полны.

О, Господи, Великий, Безначальный,
Творец всех звезд, былинок и людей,
Ты утешаешь этот мир печальный
Безмерной близостью Своей!

Ты видишь скорбь земли: все наше неуменье
Тебя искать, любить, принять, найти;
И оставляешь Ты средь мира это пенье,
Как исполненье всякого пути.

Горит Твоя звезда — святая человечность,
И мир идет к своей любви большой;
И если кто ее увидел, значит вечность
Остановилась над его душой.

ОГОНЬ

И глубину и высоту
Я все Тебе даю,
И ту последнюю версту
В моем земном краю,
Когда уже не надо мне
Стихов и слов моих,
Когда на медленном огне
Горит и этот стих.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИРИКИ
(Афоризмы)

* * *

История — таинственнейшее единение Божьей воли и свободы человеческой. Программируется будущее настоящим.

* * *

Атеистом человек может быть только до своей смерти. После — все будут верующими. Но выбрать то, что будет после, надо сейчас, и как можно скорее.

* * *

Бог хочет от нас божественного.

* * *

Главный грех евреев в том, что они подражают плохим христианам, сбрасывая с себя вину пред Христом.

* * *

Да не будет в тебе ни песчинки пустомельства о Боге. Слово о Нем прополаскивай в девяти ангельских водах.

* * *

Вера — это «страх на всякой душе» (Деян. II, 43). «Хождение на цыпочках».

* * *

Амеба прекрасна в воде. Но выньте ее, и она станет жалким сморщенным платочком. Так и апостольских век. Историки Церкви все изучают его, вынимая из океана Божественного.

* * *

«Все общее» было у христиан I века (Деян. II. 44; IV, 32). Цельность, близость общая к Богу. Оттого «были вместе, имели все общее, продавая свои имения, разделяли по нужде каждого». Можно ли Богу отдать меньше, чем все? Нет.

* * *

Моисей, сойдя с Синая, был так потрясен плясанием евреев вокруг демонического Тельца, что, в святом гневе, бросил Божьи Скрижали Завета и разбил их. Вот, уже тысячелетия, эти осколки разносятся ветром по миру, а Телец все стоит, и человечество пляшет пред ним.

* * *

Выступление архиепископа Иоанна (Шаховского) на Ассамблее Всемирного совета церквей 1961 г.

Ложных пророков трудно изучать (как фальшивую музыку). Самый процесс нестерпим.

* * *

Поэзия — это не те стихи, которые мы пишем (она лучше).

* * *

У каждого из нас особая азбука духа. В молитвах церковных сконцентрированы лучшие слова. Но не всегда надо прикручивать свою волю к словам других. Корабль у пристани — тоже корабль, но выйдя в море, он еще более корабль.

* * *

Грех манит тем, что он «похож на свободу»; он «вроде благодати».

Мнимая свобода, неверная радость, ложный простор. Человек обманывает себя. Это и есть грех.

* * *

У поэта истинного только две возможности: быть пророком или — лжепророком.

* * *

Есть дома «предварительного заключения». Земля — дом предварительного оправдания.

* * *

Молитвенно соприсутствовать возникающему пред тобой человеку — один из видов любви к Богу.

* * *

Поучения Господа — шепот Младенца, еле уловимый. Господь — единственный Младенец, Который не кричит, а шепчет. Шепотом Его полны небо и земля.

* * *

Земля в солнечном дыму от любви Господней.

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ

Шаховская Зинаида Алексеевна, княгиня (1906—2001) — прозаик, поэтесса. Сестра Дмитрия Шаховского (архиепископа Иоанна). Во время войны работала сестрой милосердия в госпитале под Парижем, участвовала во французском Сопротивлении. Офицер

Почетного легиона Франции. В 1945 —1948 годах — военный корреспондент при союзных армиях, участвовала в Нюрнбергском процессе. Автор четырехтомной книги воспоминаний. С 1968 года в течение десяти лет возглавляла редакцию парижской газеты «Русская Мысль». Первый поэтический сборник «Уход» вышел в Брюсселе в 1934 году.

* * *

Слушай, слушай тишину,
Лучше песни не услышишь...
Я в безмолвии тону,
Вьется плющ по красной крыше,
Воздух ясен, чист и прост,
Пятна солнца на панели,
Через реку брошен мост,
Ветер обнимает ели.
Луг блестит, и воздух свят,
Птицы по небу летят.
Подождите, подождите,
Я взлетаю в тишину,
Расцветаю в ней, тону,
Тишиной я становлюсь,
Богу тишиной молюсь.
Отдыхаю, отдыхаю,
Тишина — дорога к раю.

НОЧЬЮ

О просияй, о просветлей,
Узор неясной нашей жизни,
Взметнись над чернотой ночей
Небесной радугою брызни,
Залей водой, сожги огнем,
Схвати и претвори все это,
Очисти все, что было днем,
И приготовь нас для рассвета.

ИВАН ТХОРЖЕВСКИЙ

Тхоржевский Иван Иванович (1878—1951) — поэт, переводчик, литературовед, общественный и политический деятель. Родился в Ростове-на-Дону, детство и юность прошли в Грузии. После окончания с отличием Тифлисской гимназии поступил на юридический факультет Петербургского университета. С 1901 по 1917 год работал в канцелярии Совета министров, был одним из ближайших помощников Витте и Петра Столыпина. Участвовал в реализиции столыпинских реформ, будучи помощником начальника переселенческого управления, а затем — управляющим канцелярией Министерства земледелия. Гибели Столыпина посвятил стихотворение, заканчивающееся строками:

...Он отстоял Россию дедов!
И жил он, ей принадлежа,
И пал, ей верность заповедав.
Блистателен его венец!
Огонь речей, деяний твердость
И героический конец.
Все — точно знамя: «Честь и гордость».
И что нам грешная вина
И слабости его земные...
Он знал одно: что «нам нужна
Лишь ты, Великая Россия!»

Но чиновник высокого ранга, камергер, не забыл об увлечении студенческих лет — стихах. В год окончания Петербургского университета выпустил свою первую книгу переводов философской лирики Мари Гюйо, в 1906 году — Верхарна, Метерлинка, Верлена, в 1908-м — итальянского поэта Леопарди, и в том же 1908 году вышла его первая книга оригинальных стихов «Облака», в 1916-м — «Дань солнцу».

Революции он не принял — ни Февральскую, ни Октябрьскую. Летом 1919 года эмигрировал. В правительстве Врангеля был управляющим делами Совета министров. С декабря 1920 года жил в Париже. Публиковался в газете «Возрождение», выпустил несколько переводных книг, среди которых лучшими до сих пор считаются его переводы Омара Хайяма. Во время Второй мировой войны и оккупации Парижа написал книгу «Русская литература». В 1999 году в России вышли его мемуары «Последний Петербург. Воспоминания камергера». В этих мемуарах впервые опубликовано его стихотворение, которое ранее приписывалось Ивану Бунину и другим поэтам Серебряного века, среди которых не называлось его имя. Только в конце XX века стихотворение «Легкой жизни я просил у Бога...», которое по праву называли «жемчужиной русской лирики», обрело имя автора — Ивана Тхоржевского.

* * *

Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно все кругом.
Бог ответил: «Подожди немного,
Ты меня попросишь о другом».

Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить...

ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ

Кленовский Дмитрий Иосифович (1893—1976) — поэт. Сын известного художника-пейзажиста И.Е. Крачковского. Учился в петербургской Николаевской гимназии при директоре Иннокентии Анненском, первый стихотворный сборник издал в России в 1917 году. Но только через четверть века, оказавшись в Германии вместе со второй волной эмиграции, вернулся к поэзии. В 1950-е годы вышли первые эмигрантские сборники Дмитрия Кленовского, поставившие его в один ряд с ведущими поэтами Русского зарубежья. Но Юрий Иваск не случайно отметил, что «поэты всех трех эмиграций относились к нему прохладно», при этом особо выделив его стихотворение о русском языке: «Одним из первых поэтов, спевших гимн русскому языку, был Александр Сумароков. В 1747 году он так закончил свою "II Эпистолу": "Прекрасный наш язык способен ко всему..."» Через двести с лишним лет после Сумарокова (знаменитое стихотворение в прозе Ивана Тургенева создано в 1882 году) Дмитрий Кленовский напишет: «Прекрасный наш язык — нам хорошо с тобой...» При этом он писал о тех особенностях русского языка, которые не были отмечены ни Сумароковым, ни Тургеневым:

Есть в русском языке опушки и веснушки,
Речушки, башмачки, девчушки и волнушки...
И множество других таких же слов...
. . . . . .
Для горя тоже ты смягчил слова свои:
Могилка, вдовушка, слезинка... — сколько их!

Стихотворение Дмитрия Кленовского — апофеоз непереводимых уменьшительных слов русского языка.

И все-таки в «баварском уединении» у Дмитрия Кленовского многие годы был один постоянный собеседник — архиепископ Иоанн (Шаховской). Их переписка, впервые изданная в Париже в 1981 году, — выдающееся явление в истории русской поэзии и духовной жизни второй половины XX века. Началась она в 1951 году, после очередной радиобеседы по «Голосу Америки» Иоанна Шаховского, прочитавшего стихотворение Дмитрия Кленовского «Всевышнему» («Свет горит во мне и надо мною»). «Безмерно порадовали Вы меня сообщением, — напишет ему Кленовский, — что стихи мои посетили по эфиру мою несчастную, любимую родину! Казалось мне, что все пути им туда заказаны! А вот, с Вашей помощью, преодолели они железный занавес!»

Вслед за этим письмом последовали другие — обо всем, что волновало их обоих в 50-е, 60-е, 70-е годы в поэзии, религии, жизни, в том числе и о «железном занавесе — наоборот», мешавшем видеть живые ростки в советской поэзии, прораставшие среди «антирелигиозного хлама». «Ведь они, бедные поэты, скрючены духом идолослужения, идолопоклонения и страха идольского», — отметит Владыка.

ВСЕВЫШНЕМУ

Свет горит во мне и надо мною —
Мрака нет, и нету пустоты!
Звездным небом и моей душою
Ты твердишь, что существуешь Ты!

Как слепой ребенок, от рожденья
Материнского не знав лица,
Все-таки запомнил шепот, пенье,
Бережной руки прикосновенье,
Теплоту и нежность без конца —

Так и я Тебя, не видя, знаю,
Разуму земному вопреки

Я Твое дыханье ощущаю,
Песню слышу, шепот понимаю,
Чувствую тепло Твоей руки.
Милостив ко мне Ты безконечно:
Ты тропинку мне даешь в лесу,
В море — ветер, в небе — пояс млечный,
В поле — зреющую полосу.

Ты прекраснейшую из любовей
В сердце мне, как радугу, зажег,
Мир огромный показал мне внове,
Песенное дал биенье крови
И не раз простил и уберег.

Как же я Твое не вспомню имя,
Сущего, Тебя не назову!
Жизнь проходит тропами глухими,
И Тобой, щедротами Твоими —
Только ими! — я еще живу.

Если нужно, стань ко мне жестоким:
Труд развей и жизнь мою сожги.
Лишь одно: на все земные сроки,
Безымянными, вот эти строки
Во свою же славу сбереги!

1945

СЛЕД ЖИЗНИ

Люблю читать на первом снеге
Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
Тут уходил он от беды.

Там он сидел, прижавши уши,
Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
С березки сладкую кору.

И на душе тепло и славно,
И я, не отрывая глаз,
Читаю этот своенравный,
Наивный заячий рассказ.

И думаю: быть может, Кто-то
Моих неизгладимых лет
С такой же милою заботой
В моей душе читает след.

И все, что мне цвело так дивно,
Так пело сердцу и уму,
Такой же повестью наивной,
Наверно, кажется Ему!

1945

ПРОСЬБА

В день, когда уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то юный,
По весенним рощам я бродил,
Рвал черемуху и трогал струны,
Провожал серебряные луны,
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил,
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дольней,
Ни одной тосканской колокольни,
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною,
Отзвенели бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Все, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце все это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.

1946

* * *

Елочка с пятью свечами
Без игрушек и сластей
Робко льет скупое пламя
В нищей комнате моей.

Ах, не так же ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом
Неукрашенный ничем!

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скупыми,
Что Он сам во мне зажег.

И мою пуская душу
В путь намеченный едва,
Сам же скоро и потушит —
До другого Рождества.

1947

МОЛИТВА НА ВЕТРУ

Снова яркий полдень мая,
Снова лугом, до реки,
Догоняя, обгоняя,
Голубые мотыльки.

Вешний храм лучист и светел,
Словно смерти в мире нет.
Но, гляди: уж с яблонь ветер
На траву сметает цвет.
Он в ветвях снует и плещет,
Торопя грядущий тлен,
В полотне тугом трепещет
У девических колен.

И она, — как песня рядом
Легконога и стройна, —
Тоже ветренным усладом,
Как на смерть обречена.

И о ней мое моленье,
На ветру, в полдневный час,
В храме вешнего горенья,
Истребляющего нас.

Пощади, небесный пламень!
Знойный ветер, не спеши!
Не кидай на хладный камень
Легкий цвет ее души!

1948

* * *

Я молюсь Ему стихами,
Мне мерещится давно,
Что общенье между нами
Тем прочней закреплено.

Что порой одной строкою
Вся молитва решена,
И летит тогда стрелою
Ко Всевышнему она.

Что Он делать будет с нею —
Я не знаю. Может быть,
С ангелом мою затею
Он захочет обсудить?

И велит ему, пожалуй,
Осторожно мне внушить,
Что такой молитвы мало,
Чтоб просимого достичь.

Чтоб от гордости лечился,
Не всегда считал, что прав,
И молиться научился
Без лирических приправ.

1976

* * *

Бродя весной по солнечным дорогам,
Что паутинкой по холмам легли,
Так хорошо беседуется с Богом
В скупых просторах неба и земли.

Он слышит все. Он отвечает редко:
Дыханьем ветра, шелестом травы,
Да иногда черемуховой веткой
Совсем легко коснется головы.

Но в скудных знаках медленной беседы
Красноречивой столько красоты,
Что чувствуешь: ты лучшее изведал,
Что в этой жизни мог изведать ты.

И вот идешь... Глаза сияют счастьем,
Душа звенит, как горный ключ чиста,
И ароматом первого причастья,
Как у ребенка, тронуты уста.

НИКОЛАЙ ТАТИЩЕВ

Татищев Николай Дмитриевич, граф (1902—1980) — поэт, прозаик, литературный критик. Участник Гражданской войны. В эмиграции жил в Париже, входил в литературное объединение «Круг», основал собственное издательство (1936—1965), выпустившее первую посмертную книгу Бориса Поплавского «Снежный час» и других поэтов Русского зарубежья. В 1973 году приезжал в СССР

ВСЕНОЩНАЯ В ТОБОЛЬСКЕ

Храм в ночи — пещера Ханаана,
Здесь горят лампады и сердца.
Над тайгой не слышно урагана,
Только чтец и хоры без конца.

За окном серебряные ивы
Сторожат преддверие небес.
По сугробам лунные разливы,
И прозрачен на могилах лес.

Мы живем у леса, за рекою,
Мы весной вскопаем наш пустырь.

Будет белых яблоней стеною
Огражден от мира монастырь.

Светлый храм, бревенчатые клети,
Много ль нам для плоти и души?
У амвола задремали Дети,
Плачет воск оранжевой свечи.

Сторожа не двинутся с порога.
На коленях голубая тень.
Ночи здесь — как безконечный день
На блаженных пастбищах у Бога.

ЕКАТЕРИНБУРГ

На воле тучи, в доме слышно пенье.
Там слава Божия, здесь Божия слова.
Везде акафисты. Но в наши дни моленье —
Не «Господи помилуй», а хвала.

«Достойно есть» и «Иже Херувимы»
Лилось в окно над кленами садов.
И опускали с неба серафимы
На бедный город голубой покров.

Других садов, иной судьбы не надо.
Любви земной? Земных монастырей?
Здесь сень подвальная — последняя преграда,
И ждут друзья у выходных дверей.

Дверь золотая вдруг приотворилась
И на петлях неслышно отошла.
Сияет храм, и всех зовут на клирос,
А в облаках поют колокола.

Как все запутанное сразу стало ясно...
Пред алтарем Святители стоят.
В последний миг не так уж было страшно.
Здесь подождем. Нельзя смотреть назад.

Над сводами еще не отгремело,
Не разошлась пороховая мгла —
Как уж Друзья вошли в одеждах белых
И заслонили крыльями тела.

БОРИС НАРЦИССОВ

Нарциссов Борис Анатольевич (1902—1982) — поэт, прозаик, публицист. Из семьи сельского врача. Учился в коммерческом училище в Ямбурге. В 1919 году семья эвакуировалась вместе с армией генерала Юденича в Эстонию. Окончил русскую гимназию в Тарту и естественно-математический факультет Тартуского университета. Входил в литературные объединения «Юрьевский Цех поэтов», Русский литературный кружок в Таллине. В 1941 году был отправлен на фронт. За побег из госпиталя заключен немцами в лагерь Тюбинген. После войны жил в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном. С марта 1952 года переехал на постоянное жительство в США. Преподавал в различных университетах. Первая поэтическая книга вышла в 1958 году в Нью-Йорке. Седьмая, посмертная, книга «Письма самому себе» — в Нью-Йорке в 1983 году.

ИЗ МОНАСТЫРСКОЙ ХРОНИКИ

Как некий живописец восхоте
Глумитися над старцем-чудотворцем,
Отай списа подобие иконы
И в дар святому старцу принесе.
Егда же старец, образ сей прия,
Его в кивотце малом утверди,
Сей изверг взем губу, сию исполнив
Потайно соком теревинфчим,
Списание с доски сотре,
И се, очам предста кромешный демон,
Хулой рыкаяй из разверстой пасти.
Рече же в окаянстве неразумный:
«Молися, старче, адописным доскам!»
Но старец отвеща: «Смирися, бесе!»
И се, бысть зрим на дщице ангел сокрушенный.
Изограф же прия у старца постриг
И бе отселе верный инок,
Но в покаяньи кисти не касася боле.

* * *

Да, Боже! Воскресни, суди земли,
Зане исполнилась хулы и скверны.
Из глубины воззвах к Тебе — внемли
Усердному моленью верных:

Да лики въяве узрим мы в нощи
Твоих многоочитых серафимов,
Да выйдет солнце пламенем свещи
В клубах земных последних дымов!

В ЦЕРКВИ

Я отравлен, точно трупным ядом,
Злобою, своею и чужой.
Ближний мой! Не стой со мною рядом
Ты и я — тлетворны мы душой!

Я устал скрывать и ненавидеть,
Но другой дороги не найду.

Только Ты бы мог сказать: «Изыди
Из своей могилы на ходу!»

Дым кадильный и слова канона...
Но помогут ли и как спасут?
Византийского письма икона —
Строгий лик вещает строгий суд.

Все ушло: расколы и витии,
Но остался Незакатный Свет.
Через храмы тяжкой Византии
Путь ведет в Твой бедный Назарет.

И пускай на миг, но я светлею:
Я в дыму кадильном, точно сон,

Голубой, как небо Галилеи,
Вижу Твой синеющий хитон.

ИГОРЬ ЧИННОВ

Игорь Владимирович Чиннов (1909—1996) — поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист. Родился под Ригой в небогатой, но родовитой дворянской семье. В революцию их семья, скрываясь от большевиков, бежала с Белой армией на Юг России, а после установления в Латвии буржуазной республики вернулась в Ригу. Там Чиннов в 1939 году окончил юридический факультет Латвийского университета. Еще в студенческие годы он начал писать стихи и сотрудничать в парижском эмигрантском журнале «Числа» и в рижских журналах. Во время Второй мировой войны Чиннова, как и многих жителей Риги, немцы угнали на работу в Германию, в трудовой лагерь. Когда война кончилась, бывших заключенных лагеря вывезли во Францию. Так Чиннов оказался в Париже, где провел почти десять лет, перебиваясь частными уроками и лекциями.

Именно в Париже он сформировался как поэт, пишущий в духе «парижской ноты» — сдержанно и о самом главном, — о Боге, любви, смерти. Там же вышла и его первая книга стихов «Монолог», которую Владимир Вейдле назвал «Монологом приговоренного к смерти».

Порой замрет, сожмется сердце,
И мысли — те же все и те:
О черной яме, «мирной смерти»,
О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
Какой-то луч, какой-то звук —
Нездешней, невозможной жизни
Почти улавливаешь вдруг...

В Париже Чиннов был принят в круг эмигрантской творческой элиты как равный, хотя и был младше многих «парижан» первой волны. Жить было интересно, но нищета становилась невыносимой, и в 1953 году Чиннов уехал в Мюнхен, где в течение девяти лет работал редактором отдела новостей на радиостанции «Свобода». Несмотря на чрезмерную занятость, он продолжает активно печататься в поэтических разделах эмигрантских изданий. У него выходит вторая книга, которой он подтвердил свою принадлежность к «парижской ноте», близкой ему своей эмоциональной приглушенностью, своей «божественной стыдливостью страданья».

В 1962 году Чиннов переехал в США и, как профессор русской словесности, преподавал литературу в нескольких университетах.

В это время Игорь Чиннов все больше отходит от «парижской ноты» и пытается найти новые пути развития русской поэзии. У него стали появляться модернистские стихи, много верлибров, все чаще возникают гротески. Стихи меняются по форме, в них удивляет яркость красок, богатая аранжировка. Третью свою книгу Чиннов даже назвал «Метафоры», заявив этим о своем отходе от словесной аскетичности, сдержанности парижан. Но тематическая линия «парижской ноты» остается ведущей в поэзии Чиннова, и он по-прежнему пытается уловить этот тайный звук «нездешней, невозможной жизни». И по-прежнему он таит, приглушает свою боль и обиду на «земные безобразия», но теперь она бывает скрыта не за светлой печалью, а за иронией и самоиронией его гротесков. Георгий Адамович, высоко ценивший стихи Чиннова, писал в начале 70-х годов, что «это на редкость искусный поэт. С первого же появления в печати стихи его пленяли едва уловимыми, тончайшими, будто перламутровыми, переливами оттенков, причудливо-печальной мелодией, в них приглушенно звучавшей... Очарование новых чинновских стихов по-прежнему пронзительно».

Прозевал я, проворонил, промигал.
Улетело, утекло — видал-миндал?

Ветра в поле, шилом патоки — шалишь!
Только — кукиш, погляди-ка, только шиш.

А над речкой, переливчато-рябой,
Светит облако, забытое тобой,

И денек на веки вечные застыл,
Тот, который ты увидел и забыл.

Та же самая в реке блестит вода,
Та же бабочка над отмелью всегда.

Светлый листик, желтый листик, помнишь, тот,
Реет, кружится уже девятый год.

За годы жизни в Америке Чиннов выпустил еще несколько книг стихов. Последняя, восьмая, появилась, когда он уже был на пенсии и жил во Флориде. Писать и печататься продолжал до глубокой старости. О его творчестве опубликовано более ста рецензий.

А в начале 90-х, в первые же месяцы после падения советского режима, Чиннов приехал в Россию и выступал на творческих вечерах в Москве, Ленинграде, его стихи появились в «Новом мире», «Литературной газете», «Огоньке».

А уже после его смерти в России вышла книга избранных стихов Игоря Чиннова и двухтомное Собрание сочинений.

По завещанию поэта он был похоронен в России, на Ваганьковском кладбище, а его архив передан в Москву, в Отдел рукописей Института мировой литературы РАН, где сейчас открыт Кабинет эмигрантской литературы его имени.

Вступительная статья
и публикация О. Кузнецовой

* * *

Утоли мои печали
Летним ветром, лунным светом,
Запахом начала мая.
Шорохом ночного моря.

Утоли мои печали
Голосом немого друга,
Парусом, плечом и плеском.

Утоли мои печали
Темным взглядом, тихим словом.

Утоли мои печали.

* * *

О, душа, ты полнишься осенним огнем,
Морем вечереющим ты полна.
Души-то безсмертны, а мы умрем —
Ты бы пожалела слегка меня.

Смотришь, как качается след весла,
Как меняется нежно цвет воды.
Посмотри — ложится синяя мгла,
Посмотри, как тихо — и нет звезды.

Хоть бы рассказала ты мне, хоть раз,
Как сияет вечно музыка сфер,
Как, переливаясь, огнем струясь,
Голубеют звуки ангельских лир.

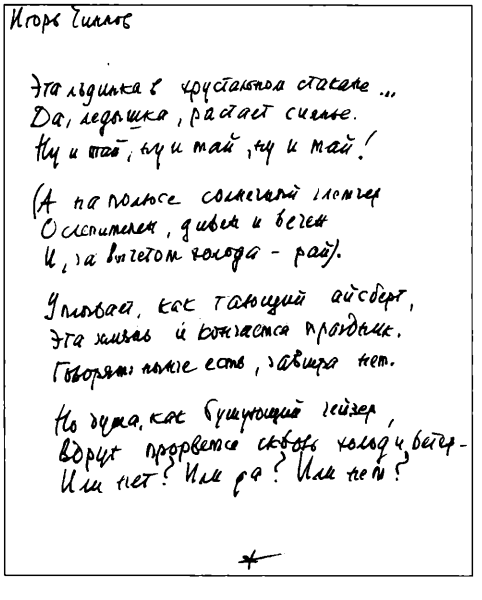
Канзас, 1963

* * *

Увядает над миром огромная роза сиянья,
Осыпается небо закатными листьями в море,
И стоит мировая душа, вся душа мирозданья,
Одинокой сосной на холодном пустом косогоре.
Вот и ночь подплывает к пустынному
берегу мира.
Ковылем и полынью колышется смутное небо.
О, закрой поскорее алмазной и синей порфирой
Этот дымный овраг, этот голый
надломленный стебель!

Или — руки раскинь, как распятье,
над темным обрывом.
Потемнели поля, ледяные, пустые скрижали.
Мировая душа, я ведь слышу,
хоть ты молчалива:
Прижимается к сердцу огромное сердце печали.

Канзас, 1964


Игорь Чиннов

Эта льдинка в хрустальном стакане ...
Да, ледышка, растает сильнее.
Ну и пой, ну и пой, ну и пой!

(А на полюсе солнечный зонтик
Ослепителен, дивен и вечен
И, за вычетом холода - рай).

Улыбаюсь, как тающий айсберг,
Эта жизнь и кончается праздник.
Говорят: лучше есть, завтра нет.

Но душа, как будущий гейзер,
Вдруг прорвется сквозь холод и бегет -
Или нет? Или да? Или нет?

* * *

Виктору Емельянову

Душа становится далеким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам в тульском тусклом поле,
Ледком на Ладоге ломается.

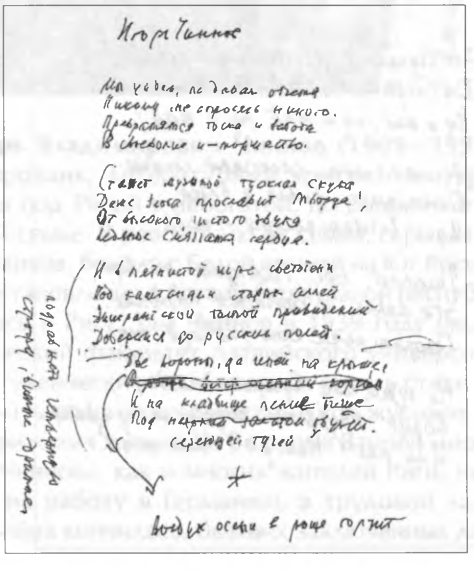
Душа становится рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей,
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломинкой с коломенских полей.

* * *

В такую ночь весна не окончательна,
Но наступает несомненно.
Дождь побелен снежинкой незначительной
И кажется небесной манной.

А впрочем, ночь — почти обыкновенная.
По лужам, лунной мглой покрытым,
Шагаю. Но Земля Обетованная
Недалеко, за поворотом.
Ты думаешь, безсмертие неубедительно?
Но что же делать, что же делать?
А вот душа — задумалась мечтательно:
Надеется на Божью милость.

И человек на Бога вдруг положится:
Все просто, не непоправимо.
И замерцает мартовская лужица
Звездой далекой Вифлеема.



* * *

Сердце сожмется — испуганный ежик —
В жарких ладонях невидимых Божьих.
Ниточка жизни — лесной паутинкой,
Летней росинкой, слезинкой, потинкой.
Листья в прожилках, как темные руки.
Время грибное, начало разлуки.
Лично известный и лесу, и Богу,
Листик летит воробьем на дорогу.
Вот и припал, как порой говорится,
К лону родному, к родимой землице.

Крыша, гнездо. И стоит, будто аист,
Время твое, улететь собираясь.
Скоро в ладонях невидимых Божьих
Сердце сожмется — испуганный ежик.

* * *

В безвыходной тюрьме Необходимости,
В застенке безпросветной Неизбежности,
В остроге безнадежной Невозможности

Мне хочется Господней дивной милости,
Мне хочется блаженной Отчей жалости,
Мне этой безысходности не вынести!

Мне хочется прозрачности, сияния,
Прощения, любви, освобождения,
Свободы, благодати, удивления,
Твоих чудес. Чудес! Преображения!

Мне хочется — из мертвых воскресения.

* * *

Закусили в земной забегаловке,
А теперь — в неземной ресторан!
Постарели с тобой в Горевaловке,
Полетим в голубой Раестан!
Знаю, было немало хорошего:
Детский голос из ягодных мест,
Предвесеннее льдистое крошево
И осенний над озером блеск.
И весна. Соловьиное щелканье.
Только жизнь — не одна благодать:
И болели, и были оболганы,
Довелось голодать-холодать.
Помечтаем, что в райской империи
Пышный пир для заблудших овец
И, прощая нам наше неверие,
Пригласил нас Небесный Отец.

Пред очами Его милосердными
Там навек — ни сумы, ни тюрьмы.
И мы станем блаженно-безсмертными
И с блаженными встретимся мы.
Верно, ангелы вовсе не грозные.
Что же все застилает туман?..—
Ни нектара тебе, ни амброзии,
И небесный закрыт ресторан.

ЕЛЕНА ВЛАДИ

Влади (Никобадзе) Елена Владимировна (1927—1990) — поэтесса. Родилась в Харбине. «Мои деды и бабушки, — записала она в 1989 году, — прибыли в Китай на освоение "полосы отчуждения" в 1900 году. Мой дед со стороны отца, Никобадзе Исидор Давидович, содержал в Порт-Артуре гостиницу и ресторан "Звездочка", о котором упоминается в романе А. Степанова "Порт-Артур". Во время Русско-японской войны дед отдал под лазарет трехэтажное здание гостиницы, за что по окончании войны был награжден в Петербурге. Трагически скончался в 1907 году. Моя бабушка, Никобадзе Ольга Николаевна, урожденная Шаркова, овдовев, жила сначала в городе Чифу (Китай) вместе с дочерью Ниной и сыном Владимиром, моим будущим отцом, а затем переехала в Харбин».

После средней школы Елена Влади поступила в Институт ХСМЛ (Христианский Союз молодых людей) в Харбине. Затем окончила двухгодичные педагогические курсы и некоторое время работала в библиотеке, а позднее преподавала русский язык китайским студентам. В 1952 году вышла замуж за М.Д. Кима, а в 1956 году с последней волной репатриации выехала в Ташкент. Любовь к литературе и поэзии повлияла на выбор профессии — в течение многих лет она работала в Государственной библиотеке УзССР им. А. Навои.

Поэтический дар у Елены Влади проявился в раннем возрасте. В школе она выпускала и художественно оформляла школьный журнал «Нарцисс», а затем, после школы, работая в молодежном клубе, издавала рукописный литературный журнал «Алые паруса». Стихи ее печатались в детском журнале «Ласточка», а позднее в журнале «Советская молодежь» (Харбин). В 2003 году в Калуге издан поэтический сборник Елены Влади «У каждого свой город на земле», в котором впервые увидели свет не только ее лирические и ностальгические, но и молитвенные стихи.

ТИХИЕ ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ

Тихие звездные ночи
Как мне милы в этот год.
Так и хочу до полночи
Тихо сидеть без забот.

Или запеть тихо-тихо,
Гимном прославить Творца,
Что так устроил велико
И сотворил чудеса.

Лунные, летние ночи!
Сколько в вас тайн торжества!
Так и хочу до полночи
Тихо глядеть в небеса.

1941

ОТШЕЛЬНИК С ОСТРОВА ПУ-ТУ

В часы, когда вбегают волны
На мягкий в ракушках песок,
Выходит он, волненья полный,
Молиться, глядя на восток.

Вся перед ним, волной играя,
Лежит дорога голубая,
Летают чайки, и вдали
Плывут куда-то корабли.

И долго он под рокот мерный
Стоит, смотря в немую даль.
Какая жуткая печаль
В его глазах стоит безмерно.

Чего он хочет, ищет, ждет?
Что шепчет скорбно сжатый рот?

Ступая смуглою ногою
На золотистый ил песка,
Ведет борьбу он сам с собою,
И вяжет грудь ему тоска.

Волнуют ум его высокий
Давно прочитанные строки,
Давно забытые слова,
И скорбно никнет голова...

И ветер на берег отлогий
Приносит отзвуки и звуки,
И простирает к небу руки
Монах в экстазе и тревоге...

А море с небом льют отсвет
На одинокий силуэт.

1947,
Набережная р. Сунгари, Харбин

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

...Если пшеничное зерно, падши в землю,
не умрет, то останется одно, а если умрет, то
принесет много плода...
Евангелие от Иоанна, гл. 12. ст. 24

Осенних листьев трепет, с болью схожий,
Меня всегда волнует, как фантом.
Я вижу смерти неизбежность в дрожи
И чуда ожидание притом.

Да, им обещано, как и всему другому,
Благая весть есть в Книге Бытия.
Так «аще никому не бысть живому,
Бо, не познав прах погребения».

Так ждет зерно, упав в объятья тлена,
Что оболочка внешняя сгниет.
Оно умрет, но фениксом из плена
В обличье многоцветном оживет.

Так верят звери, в спячке засыпая,
Что сон — как смерть, а смерть — все тот же сон.
Так верит гусеница, погибая,
Что оживет крылатый махаон.

Так верит лист, в багрянце пламенея,
Свой листопад без страха смерти ждет.
Так верю я. Душа, благоговея,
Благую весть из чаши жизни пьет.

Смотрю в листву в каком-то трансе странном:
Они еще живут, они еще нужны.
Но их развеет ветер по полянам.
Как благовестье чуда. До весны.

1970

СТАРУШКИ РУССКИЕ

Памяти бабушки Ирины

Колосья озими такие хрусткие.
Осенний колокол. Вечерний час.
Идут тропинкою старушки русские
Молиться истово за грешных нас.

Все пережито. Всего по малости.
Слезу пытаются смахнуть рукой.
Идут, притихшие, дорогой старости
Подать «во здравие», «за упокой».

Мужья их померли, друзья оставили,
Бог весть, где детушки нашли погост.
Старушки смертную одежу справили,
И взгляд стал благостен, и тих, и прост.

Родных оплакали, не помня горестей,
Под причитания, кадильный дым.
И вот остались глаз к глазу с совестью,
Да с Богом Милостивым со своим.

Теперь предстать готовы Вечному,
Уж скоро чей-нибудь придет черед.
Старушки крестятся, молясь со свечкою,
За мир страдающий, за весь народ.

Не помня зла, на белы головы
В горошек беленький накинув плат,
Целуют крестики свои из олова,
Что под рубахами хранят, как клад.

В церквушках стареньких поклоны низкие
Пред Божьей Матерью, молясь, кладут.
И поминаются родные, близкие,
Благодарение за хлеб и труд.

Такие тихие, такие грустные,
Так пахнет травами ладонь руки...
Светите, бабушки, светите, русские,
Светите дольше нам, как огоньки!

1976,
Софийская церковь, Харбин

В ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Шла обедня ранняя в день Преображения
В маленькой церквушке в Саманном городке.
Тихие старушки шли за утешеньем
С белым узелочком, со свечой в руке.

Беленькая церковка утонула в зелени
Между старых вязов, в кипах бальзамин.
Старенький священник, сгорбленный
и седенький,
Благостно кропил всех с возгласом: «Аминь!»

Ладан благовонною поднимался дымкой,
Дьякон возглашал Великую ектенью...
Утро золотило легкой паутинкой
Голову склоненную русую твою.

Птицы хору вторили за кустами дальними
В свежих росах утренних в Яшкином саду.

И никто не ведал, что уж дни прощальные
К тихому предместью скоро подойдут...

Лишь одно мгновение жить осталось вместе всем.
Вихри всех по свету скоро разнесут...
Русая головка умиленно крестится,
Воск горячий падает каплями в росу.

В предосеннем воздухе грустное предчувствие
Чутко уловила юная душа,
Истово молилась в Божьем присутствии,
Чтобы жизнь, ей данная, даром не прошла;

Чтоб сумела в бедах честно жить и выстоять,
Пламенем сияя добрых Божьих свеч,
Душу сохранить во всех соблазнах чистою,
Веру, в ней затаенную, до конца сберечь.

И куда б судьба в дальнейшем ни забросила,
Память сохранила б узелком в платке
Эту вот церквушку в августовской просини
В день Преображения в Саманном городке.

1983

УСПЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти русских освоителей «полосы отчуждения» КВЖД

Тише! За Храмом Успения,
В заросли слышится пение:
«Со святыми их упокой!»

Рядом, под крестиком беленьким
Между рядами ракит
В холмике, скрывшемся в зелени,
Мама родимая спит.

Ночью заросшей дороженькой
Меж осквернённых могил
Добрый и ласковый Боженька
Нынче, как сон, проходил[1].

Вечное успокоение
Он подарить обещал,
Божию Матерь Успения
Светом свечи освещал.

Ночью. А утром лишь вестником
След от Господней ночи....
Нет там ни беленьких крестиков,
Нет там родимых могил.

Срыто кладбище бульдозером,
Склепы разломаны в пыль.
Сказкою канула в озеро,
Скрылась недавняя быль.

Сколько там мраморных ангелов,
Сколько там сорвано плит,
Тех, со словами Евангелия,
Что в дамбу с гранитом легли[2].

Милые наши, родимые,
Нет в этом нашей вины.
Верим, что души гонимые
Господом упокоены.

Нет, не подвластны забвению
Жизни угасшей огни.
Вся «полоса отчуждения»
Память о нас сохранит!

1987,
Успенское кладбище, Харбин

ТРОИЦЫН ДЕНЬ В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ ГОРОДА ТАШКЕНТА

Христианство, понятное как Великая Красота, — это Православие.
Священник Е. Ельчанинов

В светлые окна соборного храма
Льются восточного неба лучи,
Бьется пчела о раскрытую раму,
Где-то в ветвях птица-майна кричит...

В белые ризы одето священство,
И, словно ангельские голоса,
В купол взвивается хора «крещендо»:
«Тя еси Бог, творяй чудеса!»

Ладаном пахнет, травою и мятой,
Никнет к иконам в букетах сирень...
Так умиленны, так чисты, так святы
Лица молящихся в Троицын день!

Паникадила в свяченье великом:
Благословляет с амвона людей
Скромный и благостно-добрый Владыка,
Преосвященный Варфоломей.

Солнечный лучик в ладанном дыме
На светлом плече задержался на миг...

[1] Строчки из песни А. Вертинского.

[2] Могильными плитами разоренного кладбища облицована дамба, защищающая Харбин от наводнения.

Диакон взывает Господнее имя
В жаркой молитве со всеми людьми.

В блеске лампады, в венке из сирени
Смотрит с оклада Скорбная Мать.
Бледный старик стоит на коленях,
Слез умиленья не может унять.

Ладан струится волною душистой,
Сотни свечей — как сердец огоньки!
Чудный Источник течет здесь Пречистый,
Алчущий, пей из Господней Руки.

Регент, рукою взмахнув дерзновенно,
Строгий, как лица российских святых,
Знак подает, и тропарь вдохновенный
Мощно и дивно звучит с высоты.

О, Красота! О великое чудо
Русского храма, зовущее в высь
К Тому, Кто дарует усталому люду
Истину, Путь и Спасенье, и Жизнь!

1987

МОЛИТВА

Спасибо, Господи, Тебе
За мое детство золотое,
За синь лазоревых небес
За облачко над головою.

Да, я счастливая была
В садах черемухового цвета,
И детства яхта уплыла,
Как и у Грина, — к Морю света.

Спасибо, Господи, за то,
Что встретилась с мечтою чистой
Полотен Винчи и Ватто,
И фресок с Девою Пречистой;

Что в моем сердце Ты вложил
Любовь к Поэзии смиренной,
Когда в цветные виражи
Взвивался голос вдохновенный:

— «Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем.
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок Себе потом.

Когда же розы расцвели,
Детей соседних созвал Он,
Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.

"Как Ты сплетешь Себе венок, —
В Твоем саду нет больше роз!"
— "Вы позабыли, что шипы
Остались Мне", — сказал Христос.

И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его».

Как дивно голос детский пел,
Как верилось в явленье чуда!
Спасибо Господи, Тебе
За Твой призыв к добру повсюду!

Твоей стопы незримый след
Всечастно видела я рядом.
И вот теперь, на склоне лет,
Благодарю Тебя за Радость,

За детства светлые лучи,
В которых Ангел мне явился,
И свет хранительной свечи
Так долго в жизни мне светился.

1988

ТИХИЙ ГОЛОС ТВОЙ...

Как хорошо, Господь, что Ты со мной!
Я чувствую Твое благоволенье.
Тебя объять не в силах ум земной,
Лишь в в е р е постигаем откровенье!

Ты создал мир, как гимн святой Мечте,
Для Радости, Любви, а не печали;
Но Истину распяли на кресте,
Чело венцом терновым увенчали.

И если б вновь в наш мир явился Ты,
Тебя бы вряд ли ныне стали слушать, —
Глупцы срубили райские сады
Вокруг себя и в своих смутных душах...

Но тихий голос Твой зовет меня, —
Проносят весть об этом серафимы, —
Слова Господни — искорки огня,
И я внимаю, голову склоня,
Перед Святынею Непостижимой!

Июнь 1989

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВА

Алексеева Лидия, литературный псевдоним Иванниковой Лидии Алексеевны, урожденной Девель (1909—1989) — поэтесса, прозаик, переводчик, литературный критик. Двоюродная племянница Анны Ахматовой по материнской линии Горенко. С 1922 года вместе с родителями жила в Сербии, где окончила русско-сербскую гимназию (1929) и философский факультет Белградского университета (1934). В эти же годы дебютировала как поэтесса, во многом под влиянием Анны Ахматовой. С 1944 года жила в Австрии, с 1949 года — в США, войдя в круг наиболее известных поэтесс Русского зарубежья. Ее поэзию особо отмечали в своей переписке архиепископ Иоанн Шаховской и Дмитрий Кленовский. Юрий Иваск в своем известном обзоре «Похвала русской поэзии» писал: «Поэтика Л. Алексеевой самая консервативная. Никаких авангардных экспериментов. Но сколько свежести, новизны в образах, хотя за оригинальностью она не гонится. Простота Лидии Алексеевой имеет мало общего с простотой так называемой Парижской ноты. Ноющие поэты на Монпарнасе 30-х гг. очень уж много уделяли внимания себе. И как беден был их кофейно-парижский словарь (богатый только в фантагориях Поплавского). В простой поэзии Лидии Алексеевой столько зверей, растений, и как мало внимания она уделяет себе!.. Добро в поэзии Лидии Алексеевой — истинное, радующее разнообразием и захватывающее читателя. Ее стихи, и счастливые и горестные, слагаются в хвалебный псалом («дольнике» с прерывистым дыханием).

Коснется нас мудрой рукой Творец —
И в жизнь облекается серый прах, —
И ты, и земля, и лист, и скворец,
Мы только глина в Его руках.
И горестно только время разлук,
И страха священного не побороть,
Когда вдохновенным касаньем рук
Нам новую Мастер готовит плоть».

В 2007 году в Москве вышел наиболее полный сборник ее стихов «Горькое счастье. Собрание сочинений». В нем наряду с авторскими стихами представлены поэтические переводы Лидии Алексеевой, в том числе поэмы выдающегося сербского поэта Ивана Гундулича (1589—1638), современника протопопа Аввакума.

* * *

Я привыкла трястись в дороге,
И не будят тоски во мне
Спящий кот на чужом пороге
И герань на чужом окне, —

Но молюсь, как о малом чуде,
Богу милости и тепла,
Чтоб кота не вспугнули люди
И чтоб жарче герань цвела.

ЛЕТО

Арбуза розовая плоть
В седых крупинках влаги,
И хлеба черного ломоть
Над ручейком в овраге.

Короткое блаженство сна,
Горячий ладан хвои...
А с неба — зной и тишина,
Дыханье огневое.

Но Кто-то в серой синеве,
В молчаньи благосклонном,
Внимает, как в сухой траве
Сверчки исходят звоном.

Мне кажется — звеню и я,
И я — сверчок сегодня,
Вкусивший солнца бытия
Из пригоршни Господней!

МОЙ ТИРОЛЬ

Дыханьем пью твой ветер, высота,
Что облаков касается крылами...
Здесь так прозрачно солнечное пламя,
А тишина блаженна и чиста.

Лишь медный колокольчик иногда
Бренчит внизу переходящим звоном,
Там, по уступам, по зеленым склонам,
Где ползают далекие стада.

А здесь, у солнцем выбеленных пней,
Где низки травы и цветы их дики, —
Коралловые бусинки брусники
В ладони собираются моей.

И, как монах, что шепчет древний стих,
Роняя четки струйкою янтарной —
С молитвою простой и благодарной
Тебе, Господь, я посвящаю их!

* * *

Я в лесную часовню зашла помолиться
И неловко присела на твердой скамье.
В голых буках звенели веселые птицы,
Бились хрупкие льдинки в холодном ручье...

Я сказать ничего не сумела Мадонне,
Подошла — и забыла святые слова, —
Но подснежник, что вянул на теплой ладони,
Положила у гипсовых ног в кружева, —

Весь зеленый и белый, с оранжевым глазом,
Удивленно расцветший над черным ручьем,
Пусть заменит он Ей своим светлым рассказом
Неумелую повесть о счастье моем.

* * *

Мы крошки с Божьего стола,
Осколки первой тайны —
Все наши жизни и дела
Так странны и случайны.

Но как, безпомощно любя,
К Тебе вернуться снова?
Как вылупиться из себя,
Из зеркальца кривого?
Забыть, что в нем отражено,
Разбить земные меры
И снова стать с Тобой одно
В огне плавильной веры?..

* * *

Пусть шорох желтого листа
Смиреннее и суше стона, —
Но кровь зеленая чиста,
А смерть легка и благовонна.
И столько мудрой простоты
В ветвях, подъятых к небу строго,
Как будто ветви и листы
Не солнцу молятся, а Богу.

МОЛИТВА

Не прошу, — но за все, что дал мне,
Говорю покорно: спасибо!
За песок на прибрежном камне,
Влажно пахнущий блесткой рыбой,
За суровый берег и море,
Синий шорох Твоих сокровищ,
За слезы огневую горечь,
За живое биенье крови, —
Когда ласточкой дух — к пожару,
В облаков закатное пламя, —
И за легкий летящий парус
В ту страну, где смолкает память.

* * *

Распахнулась роща золотая
И стоит, прозрачно облетая,
Слабо и доверчиво шурша,
Словно отходящая душа.

Не прося о невозможном чуде,
Отлетая, молится: да будет
На закате стынущего дня
Воля Сотворившего меня!

Из поэмы Ивана Гундулича «Слезы блудного сына»

ПОКАЯНИЕ

...Силы нет снести унынья,
сердце рвется покаяньем,
сколь велик был грех доныне —
велико теперь страданье.
Знаю — грех велик, но все же —
больше милосердье Божье!

Больше Божье милосердье
всех моих земных пороков,
Он карать не станет смертью
кающегося жестоко.
Так чего ж я жду, робея?
О душа, к Нему, скорее!
Он убогих утешенье
и прибежище для нищих,
милосердье и прощенье,
что находит тот, кто ищет.
Путь — истина — жизнь — и двери:
Божий дар смиренной вере.

Если жестче я, чем камень,
холоднее льдины белой, —
залит весь теперь слезами,
солнце милости согрело:
так вода и камень точит,
солнце в небе лед растопит.

Будет, будет! Миру воздан
темный дар в довольной мере, —
я для лучших целей создан,
чем земные. Землю — зверям,
в небесах же сердце ищет
вечное себе жилище.

Горе мне! Чтоб для утробы
я оставил пир блаженный!
Для земной и горькой злобы
хлеб небесный и нетленный,
ангельских даров избыток,
путникам святой напиток!

Небеса, росой слетите,
сердце милостью спасая,
облака, дождем падите,
праведника омывая,
о земля, раскрой глубины
и Спасителя роди нам!
Вот встаю от зла поспешно,
вот иду к Отцу родному, —
отмывая плачем грешной
жизни грязь, бегу я к дому,
и, упавши ниц, промолвлю
и с молитвой и с любовью:

Отче вечный; слов не знаю,
мой язык проклятьем связан
зла, что я припоминаю,
и о нем сказать обязан:
грешен, грешен я душою
перед небом и Тобою.

Грешен, грешен я, несчастный,
пред Твоим подобьем, Отче,
потому влачусь в ужасной
темноте кромешной ночи;
но Твоя святая милость
в покаянии открылась.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛИЯ (ГРОМОГЛАСОВ)

Громогласов Илья Михайлович (1869—1937) — протоиерей, профессор, церковно-общественный деятель, специалист в области церковного права, сектоведения и русского раскола. Родился в селе Еремшинский Завод (Аносово) Темниковского уезда Тамбовской губернии, в семье дьякона. Окончил Шацкое духовное училище, Тамбовскую духовную семинарию (1889), Московскую духовную академию (1893). Вольнослушатель юри-

Фото конца XIX в.

дического факультета Московского университета. Позднее, став профессором, преподавал в Духовной академии и университете. Деятельный участник Поместного Собора православной российской церкви 1917—1918 годов, избран от мирян в Высший Церковный Совет. 13—21 января 1918 года в Петрограде произошло, по словам участника Собора протоиерея Николая Цветкова, «первое столкновение со слугами сатаны». В Александро-Невской лавре был убит протоиерей Петр Скипетров, пытавшийся противостоять изъятию церковных ценностей. Состоялся грандиозный крестный ход и «всенародное моление» за гонимую Церковь. Верующие отстояли Лавру. Тогда же, в канун открытия второй сессии Собора 19 января 1918 года, прозвучали слова знаменитого «послания с анафемой» патриарха Тихона: «...Враги Церкви захватывают власть над Нею и Ее достоянием силой смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют, даже, прямо против совести народной. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собой».

Илья Громогласов выразил свое отношение к «безумцам» еще до этих событий. В своем выступлении на Соборе в декабре 1917 года он сказал: «Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент — как угодно его назовите, а в том, чтобы был Небесный Царь — Христос: в Нем одном нужно искать спасения... Настал момент нашего самоопределения; каждый должен пред лицом своей совести и Церкви решить сам за себя, кто он — христианин или нет, остался ли он верен Церкви или бросил ее, топчет ногами и идет за теми, кто попирает наши святыни». 2 марта 1918 года, в докладе о второбрачии священников, он, как и патриарх Тихон, призвал к противостоянию силой веры: «...Переживаемое время зовет нас к подвижничеству, исповедничеству, может быть, мученичеству за веру».

18 февраля 1922 года профессор Громогласов стал дьяконом, через два дня патриарх Тихон рукоположил его во иерея. Через месяц, в ночь с 22 на 23 марта, последовал первый арест и первое обвинение в контрреволюции, в борьбе против изъятия церковных ценностей в храме Христа Спасителя. Приговорен к полутора годам заключения, сокращенного по амнистии до года. Этот срок отбывал в Сокольническом исправительном доме и внутренней тюрьме ОГПУ.

После освобождения служил в храме Воскресения Христова в Кадашах. Возведен патриархом Тихоном в сан протоиерея. По свидетельству современника, «был изумительным проповедником. Обладал глубокими познаниями в богословии, логикой мышления, философским складом ума, одухотворенностью в вере, имел талант донести все это в доступной форме до слушателей, знал двенадцать языков. Им восхищались даже атеисты...»

8 марта 1924 года вновь арестован и приговорен к трем годам ссылки, но получил отсрочку. 19 мая

Храм Воскресения Христова в Кадашах

1925 года, после смерти патриарха Тихона, арестован в третий раз и сослан в тобольское село Сургут. После окончания трехлетней сибирской ссылки ему было запрещено проживание в Москве и в шести других крупных городах. С 1928 года жил в Твери. Служил в храме Иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». В ночь со 2 на 3 ноября 1937 года арестован в четвертый раз, обвинен в участии в контрреволюционной фашистско-монархической организации, возглавляемой архиепископом Тверским Фаддеем (Успенским), в подготовке диверсионных актов, контрреволюционной агитации «за объединение реакционных сил духовенства... для активной борьбы с советской властью повстанческого характера». Архиепископа Фаддея и протоиерея Илию приговорили к расстрелу.

В 1997 году архиепископ Фаддей (Успенский) причислен к лику святых как новомученик. В сентябре 1999 года протоиерей Илия (Громогласов) канонизирован как местночтимый святой Тверской епархии. В августе 2000 года на Архиерейском юбилейном соборе Русской Православной Церкви причислен к лику святых Новомучеников и Исповедальников для общецерковного почитания..

ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ

Христос рождается. Пред Ним
Склонись душою умиленной
И в Том, Кто ангелами чтим,
Почти Властителя Вселенной.

Христос рождается. Свой сон,
Как пастухи во тьме полночной
Прервав, иди туда, где Он
Лежит, как Агнец непорочный.
Христос рождается. К стопам
Его склонись душою мирной,
Подобно древним мудрецам,
Со златом, ладаном и смирной.

Христос рождается. Души
Смирив заботу и тревогу,
Ему воспеть ты поспеши
Хваленье «Слава в вышних Богу».

Стихи из ссылки

С ТОБОЙ Я СЕРДЦЕМ — В КАДАШАХ

В стране суровой и глухой
Не раз с глубокою тоской
Я вспоминал далекий край —
Души моей заветный рай —
Москву священную, и там
Прекрасный, дивный Божий храм,
Богослуженья чинный ход
И многочисленный народ.
Могучий всенародный хор,
Повязки белые сестер,
Пред алтарем ряды детей, —
Весь милый облик Кадашей.
И, уносясь душою вдаль,
Я умножал мою печаль
Заботой днем и в час ночной
О тех, кто разлучен со мной,
О тех, кого лишился я...
Моя духовная семья...
Куда б ни бросил злобный рок
Меня, на запад иль восток,
И где бы ни пришлось мне быть,
Тебя могу ли я забыть,
Зарытый в северных снегах,
С тобой я сердцем — в Кадашах.
Да, я с тобой. И знаю я:
Мои и дети, и друзья
С любовью помнят обо мне
В далекой милой стороне.
Не разорвать сердечных уз.
Любовью спаянный союз
Лишь больше крепнет под бедой.
Пройдут суровой чередой
Дни испытанья — и в ответ
На твой призыв, на твой привет
Вернусь я снова в Кадаши.
Вот будет праздник для души!

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ ГИМН о. ДИЯКОНУ В. П. Ш[1]

Сослужитель и друг, в день твоих именин
Ты, сердечным приветам внимая
Тех, кто близок тебе, к ним прибавь и один
Из Сургутского дальнего края.

В этот день торжества Кадашевской семьи
Вместе с нею Владыке вселенной
Я хотел бы моленья вознесть и свои
О тебе, наш певец несравненный,

И тебе пожелать, чтоб несчетные дни
Ты не ведал невзгод и печали,
Чтоб во храме святом песнопенья твои
Всем на радость немолчно звучали

[1] В. П. Ш. — Василий Прокопьевич Шлюнов. Служил в храме Воскресения Христова в Кадашах: с 1912 г. — трапезником, с 1920-го — дьяконом, с 1930-го — протодьяконом. Многие годы провел в концлагере и ссылке.

Внутренняя тюрьма ОГПУ. 1925 г.

И будили сердца — чтоб вовек не погас
В них священный огонь вдохновенья,
Чтобы славилось впредь так, как славно сейчас,
В Кадашах всенародное пенье.

Громче, радостней пой, дорогой соловей,
Чтоб сквозь гул непогод и метели
Из родных Кадашей звуки песни твоей
И ко мне иногда долетели.

Будь здоров, дорогой и любимый певец,
Вот тебе мое слово привета:
Да хранит тебя Бог, наш Небесный Отец,
Своей милостью — многая лета!

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ

Лозина-Лозинский Владимир Константинович (1885—1937) — протоиерей. Из древнего польского дворянского рода Лозинских. После окончания в 1904 году гимназии Императорского Человеколюбивого общества в Петербурге поступил на юридический факультет Петербургского университета. С 1910 года — юрист Правительственного сената. В это же время изучает историю права и архивного дела в Археологическом институте. В 1916 году — помощник обер-секретаря Второго (Крестьянского) департамента сената, титулярный советник. В 1914 году командирован в Общество российского Красного Креста, руководил перевозкой раненых с петербургских вокзалов, распределения их по лазаретам. Награжден орденом Станислава 3-й степени «за труды, понесенные при условиях военного времени».

Все остальное произошло уже после Октябрьского переворота и начала гонений на Церковь. 29 августа 1918 года на его глазах арестовали и близкого Лозина-Лозинским священника, протоиерея Александра Васильева — последнего духовника царской семьи перед ее арестом. 5 сентября было принято постановление Совета народных комиссаров «О красном терроре». Первой его «ритуальной жертвой» в тот же день стал духовник царской семьи.

После расстрела протоиерея Александра Васильева тридцатитрехлетний Владимир Лозина-Лозинский принимает решение пойти по его стопам — стать священником. В 1920 году он поступает в Богословский институт и уже на первом курсе подает прошение о рукоположении. До 1924 года служит в бывшей Петропавловской церкви университета. Сохранилось письмо одного из его молодых прихожан: «Ваши всегда теплые и глубокие слова пастыря дают мне прилив энергии и сил. Особенно теперь, когда я совершенно духовно переродился и решил идти в жизнь освеженный и вдохновленный идеей возрождения крепкой, могучей России, Святой Руси...»

Впервые арестован 4 февраля 1924 года по сфабрикованному чекистами делу о «православных братствах», через три месяца освобожден по состоянию здоровья. Через год, 15 февраля 1925 года, вновь арестован вместе с группой выпускников Царскосельского лицея, ставших прихожанами Краснодемьяновской церкви в бывшем Царском Селе. В предъявленном ему обвинении

значилось: «...Достаточно изобличается в причастности к деятельности монархической организации, выразившейся в том, что он по поручению представителей организации служил открыто панихиды по бывшим царям, в том числе по расстрелянному Николаю Второму, также служил панихиды по расстрелянным и умершим при советской власти, чем вносил возбуждение в темные массы, посещающие церковь». Более тридцати прихожан были приговорены к расстрелу. В «расстрельном списке» значился и священник Владимир. 29 июня 1925 года ему и лицеистам заменили расстрел десятилетним сроком заключения в СЛОНе — самом первом советском концлагере на Соловках. В известной книге «Неугасимая лампада» соловецкого узника тех лет Бориса Ширяева описывается их прибытие на Соловки:

«Каждый год начинавшаяся в мае навигация приносила на Соловки новые наслоения. Они отражали, как капля воды океан, процессы, происходившие на одной шестой мира...

В 1925 году красный Ленинград добивал остатки императорского Петербурга: прибыли "дипломаты" — чиновники Министерства иностранных дел, "фараоны" — бывшие полицейские, рядовые и служившие в департаменте, и лицеисты.

К этой последней группе относились не только бывшие питомцы Александровского лицея, но и правоведы, и просто сенатские чиновники. Эта группа была наиболее яркой, имела свое определенное лицо, свои культурные традиции, уходившие корнями к временам первого, пушкинского, выпуска.

Инкриминированным им "преступлением" была панихида, отслуженная по Царю-мученику. Служил ее также бывший лицеист[1], ставший священником, отец Лозина-Лозинский, изящный, утонченный, более напоминавший изысканного аббата XVIII века, чем русского семинариста. В этой группе приехали на остров и воспитанники лицея — сенатский чиновник Кондратьев, талантливый пианист, ученик Сен-Санса барон Штромберг и другие...»

В ноябре 1928 года родным удалось добиться смягчения приговора: лагерное заключение заменили пятилетней ссылкой в глухую сибирскую деревню Пьяново в 150 километрах от Братска. В августе 1933 года истек срок ссылки. Но вступил в силу запрет на проживание в Москве и Ленинграде. Он поселился в Новгороде, получив место священника в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Волотово, а затем стал настоятелем кафедрального Михаило-Архангельского собора на Прусской улице. Это было его последнее место служения. Современник свидетельствует об этом периоде: «Бодрый и необыкновенно сильный духом, он живет, как подвижник, святой Божий человек, забывая о себе и своей плоти исключительно для ближнего своего и для любви к страждущим. Нельзя не удивляться и не преклоняться перед такой силой духа при совершенно истощенном и слабом организме».

14 мая 1935 года его вновь арестовали вместе с группой прихожан, один из которых на допросах признался, что якобы является организатором и руководителем контрреволюционной группы с программой «Народная демократия на основе неогосударственного капитализма». Среди членов этой группы он назвал имя отца Владимира. 19 декабря 1937 года «Особая тройка» из всей «контрреволюционной группы» вынесла смертный приговор только протоиерею Владимиру Лозина-Лозинскому, не имевшему никакого отношения к этой «группе», каковой, вероятнее всего, вообще не существовало. Через семь дней приговор был приведен в исполнение.

В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви протоиерей Владимир Лозина-Лозинский причислен к лику святых Новомучеников и Исповедальников Российских для общецерковного почитания.

СОЛОВЕЦКОЕ

В Белом море остров дальний
И печальный монастырь
Сторожат четой опальной
Моря северного ширь.

Долго смотрят, как косматый
Набегает серый вал,
Как уходит, вновь измятый,
От холодных, мшистых скал.

Белой чайки взлет тревожный
Крик пронзительный в ночи,
Долгой ночи отблеск звездный,
Солнца бледные лучи.

Старых башен острых вышек
Еле видный силуэт...
Море дышит и не дышит...
Монастырь молчит в ответ...

Купола его высокий
Не возносят в небо крест,
Только ветер одинокий
Помнит святость этих мест.

Да над папертью соборной
Неприятельским ядром
Нанесенных язвий черных
Незалеченный излом.

16 ноября 1926

[1] Борис Ширяев, видимо, не случайно причисляет о. Лозина-Лозинского к лицеистам — таковым его воспринимали на Соловках.

* * *

День погас... В туманной просини
Я иду вокруг кремля...
Тишина в закате осени,
Дышит холодом земля.

В полутьме идешь да молишься
Или смотришь чутко вдаль,
Как над морем ветер с полюса
Стелет снежную вуаль.

Как, теперь уже не страшными,
Смотрят бойницы из стен,
Где в кремле, за старой башнею,
Я несу свой долгий плен.
Но из башни, много видевшей,
Знавшей много долгих лет,
Я судьбе, меня обидевшей,
Не пошлю укора вслед.

Но и стока бездорожного,
Где я нити жизнь тяну,
Покорясь веленью Божьему,
Я теперь не прокляну

Я привык к его развалинам,
К теням храмов и камней,
К их святыням опечаленным,
К скорби Божьих алтарей.

Веря в то, что нет проклятия,
Где изранен, но святой
Вечный образ Богоматери
Охраняет наш покой.

ЗА РАННЕЙ ОБЕДНЕЙ

В полутьме, без огней, чуть видны клироса,
В черных мантиях иноков тени,
И незримые к небу несут голоса
Отраженья незримых молений.

Потемневшие лики спокойно глядят,
И навстречу их благостным взорам
Мое сердце несет свою накипь, свой чад,
Перевитый тоской и позором.

Словно райские двери раскрыты врата,
Тайна жизни в великом потире,
И терновый венец Жизнедавца-Христа
Озаряет горящий трикирий.

Тени смутны еще за престольным Крестом,
Но, как присно, всегда, так и ныне
Голубеет рассвет за алтарным окном,
И в окно это смотрится иней...

А за ним высоко за решеткой окон
Бледный путь недоступных созвездий,
Точно свиток каких-то сокрытых письмен,
Говорит о последнем возмездьи...

26 декабря 1926

* * *

Посвящается архиепископу Илариону

Над этим полным страха строем,
Где грех, и ложь, и суета, —
Мы свой, надзвездный город строим,
Наш мир под знаменем креста.

Настанет день, и в час расплаты
За годы крови и тревог
Когда-то на земле распятый
На землю снова снидет Бог.

С крестом, как с символом спасенья,
Он воззовет и рай и ад:
И, се, расторгнутся каменья,
Се, бездны тайны возвестят.

Полярные растают льдины,
Погаснет солнце навсегда,
И первозданные глубины
Откроет каждая звезда.

Тогда из тьмы времен смятенных,
В последнем ужасе угроз,
Восстанут души убиенных
За имя вечное — Христос.

И Бог страдавший, Бог распятый,
Он примет подвиг их земной:
Его посол шестикрылатый
Их призовет своей трубой.

И в град грядущего, ликуя,
Они войдут, как в некий храм,
И вознесется «Аллилуйя»
Навстречу бурям и громам:

Тогда, о Боже, к смерти, к ранам,
Ко всей их скорби мировой,

Теперь Тобою осиянным,
Мы, люди, бросимся толпой.

Твоя любовь есть безконечность;
И, ради их нас не кляня,
Ты, Господи, введешь нас в вечность
Невечереющего дня.

МАРИАННА ЯМПОЛЬСКАЯ (М.Н. ЯКОВЛЕВА)

Ямпольская Марианна (Мария Николаевна Яковлева. 1891 — после 1960) — поэтесса. Жизнь ее сложилась трудно, литературная судьба несчастливо. Родившаяся в дворянской семье, образованная, она писала стихи с юности. Печаталась немного — в сборниках объединения «неоклассиков» «Лирика» (1922), в альманахах. В 1937-м была арестована и получила 8 лет лагерей. Срок отбывала в Карлаге. В 1948-м арестована повторно и приговорена к пожизненной ссылке. В 1955-м переехала в Малоярославец, в 1960-м вернулась в Москву. «Отличная поэтесса, образованная, языки знала, пожилая, некрасивая, но полна... обаяния и ума тонкого...» — так писала о ней Анастасия Цветаева, посвятившая Ямпольской цикл из девяти стихотворений, в одном из которых нарисовала ее портрет:

Высокий лоб, надбровья важность,
Почти торжественно чело,
Лукавства детского отважность, —
Черты, в которых отцвело
Уже давно весны дыханье...
Девически невинный рот,
И глаз улыбчивых молчанье...

Стихотворения Марианны Ямпольской публикуются по машинописному сборнику «Трудные годы. 1940—1945», хранящемуся в архиве Б.Н. Романова.

* * *

Здесь закаты необычайные:
Солнце словно из красной слюды,
Но стремятся душу отчаяньем
Оковать сибирские льды.

Сестры, не поддавайтесь унынию,
Наважденью сибирских вьюг!
Посмотрите, какую скинию
Сам Мороз воздвигнул вокруг!

Посмотри на этот алеющий
И теплеющий нежный снег, —
Этих красок тающих, млеющих
Никогда не видал человек.

Посмотри: голубиными перьями
Оторочена снежная даль;
Истомились от злого безверья мы,
Оплела нас сетью печаль.

Но глубоко под наслоеньями
Чувств, угасших в грязи и в крови,
Различаем мы нежное пение:
Нескудеющий голос Любви.

Им обещано обновление,
В нем одном — возрожденья залог;
Не смолкай же, нежное пение, —
Облеченный звуками Бог.

28.I.1940

ПАМЯТИ МАТЕРИ МОЕЙ

Завтра день молитвы и печали.
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали.
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Тютчев

В день благодати Духа,
В день победы над тьмой,
Робко звучит и глухо,
Мамочка, голос мой.

В темной житейской битве
Жарок молитв костер, —
Чистой вручаю молитве
Бедных моих сестер, —

Тех, что зовут «шалманом»,
Тех, что не смотрят ввысь.
Тех, что нуждой иль обманом
В страшный мир вовлеклись.

Тех, что во тьме блуждают.
Что говорят матком,
Тех, кого всякий шпыняет
Словом или пинком.

Тех, кому недоступны
Радость искусства, любви;
Тех, что в мире преступном
Вырос с ядом в крови.

Тех, что гнилой трущобой
Вскормлены по углам,
Платят лютою злобой
За отвращенье — нам;

Вспомни их всех, родная,
В светлой твоей мольбе;
Голос мой, вера, знаю —
Ввысь долетят к тебе.

Спутанным бездорожьем
Всем нам брести дано;
— Мама, пред ликом Божьим
Я и они — одно.

Словом склони богомольным
Всех унывающих, Мать,
Чтоб навсегда нам, безвольным,
Духа оковы сломать.

Выпрямиться, подняться,
Свет разглядеть и во тьме,
Жизнь полюбить — и остаться
Вольным в самой тюрьме!

17.VII.1940,
Духов день

* * *

Под высокой, маленькой луной
Лагерь спит, окованный морозом;
Не Твоя ли милость надо мной,
Как поверить мне зимы угрозам?

На высокой, маленькой луне
Встал несчастный Каин — брат на брата.
Не Твоя ль рука лежит на мне
Покрывая скорби и утраты?..

Нам неведом сокровенный смысл
Благостных Твоих предначертаний;
Ибо не путем весов и числ
Измеряется предел страданий.

В этой кажущейся пустоте,
В суете, как бы лишенной цели,
Наши души вверились мечте
И частицей тайны овладели.

Сквозь тупой, суровый, скудный быт,
Сквозь метель и яростную вьюгу, —
Голос Твой и зов Твой не забыт, —
Как цветы мы тянемся друг к другу.

Дорогая, душу приготовь:
Пусть в ночи морозной слепо бьемся —
Близок срок: в единую любовь
В цветнике Господнем все сольемся.

26 января 1940

ЕЛЕНА ТАГЕР

Тагер Елена Михайловна (1895—1964) — поэтесса, прозаик, мемуарист. В 1913 году окончила частную гимназию М. Н. Стоюниной и поступила на историко-филологический факультет Высших женских Бестужевских курсов. Входила в Кружок поэтов при Пушкинском обществе в Петербургском университете. Познакомилась с Ю. Оксманом, Ю. Тыняновым, А. Блоком, О. Мандельштамом. Вышла замуж за студента-пушкиниста Георгия Маслова. Первые стихи опубликовала в 1915 году под псевдонимом Анна Регат. В 1918 году вместе с Георгием Масловым оказалась в Омске. Муж вступил добровольцем в армию адмирала Колчака. В это же время сблизился с молодыми сибирскими поэтами, его стихи появились в омских газетах и журналах. При отступлении Георгий Маслов написал в вагоне поезда трагический цикл стихов «Путь во мраке». В Красноярске его, заболевшего сыпным тифом, сняли с поезда. Двадцатипятилетний поэт Георгий Маслов умер в красноярской больнице 14 марта 1920 года. Тагер-Маслова вернулась в Петроград. В 1922 году ее обвинили в шпионаже и выслали на два года в Архангельск. В 1923 году в журналах «Печать и революция» и «Книга и революция» появилось ее объявление: «В ближайшем будущем я приступаю к изданию литературного наследства моего мужа Георгия Владимировича Маслова (лирический поэт, хорошо известный читательским кругам Сибири, автор поэмы "Аврора" и мн. др.). 1 том, подготовленный мною к печати, включает лирику, поэму и пьесы; он выйдет в Архангельске осенью текущего года». Издание не состоялось. Сохранились сведения, что машинописный

экземпляр предсмертного цикла Георгия Маслова «Путь во мраке» она передала Ю. Оксману. Впоследствии находившаяся у нее рукопись погибла, и стихи она восстановила по памяти в 1945 и 1961 годах. Вернувшись из ссылки, опубликовала несколько прозаических книг и переводы. В 1929 году вышла книга рассказов «Зимний берег», переизданная в 1931 году. В эти же годы вошла в литературную группу «Перевал». В марте 1938 года Тагер-Маслову вновь арестовали и приговорили к десяти годам исправительно-трудовых работ. Все эти годы она провела в лагерях Колымы и Магадана. После освобождения жила в Бийске, но в 1951 году ее арестовали в третий раз и выслали на спецпоселение в Казахстан. В 1954 году она была освобождена. В 1956 году вернулась в Ленинград, реабилитирована. В 1957 году появилось третье издание ее прозаической книги «Зимний берег». Позже она написала воспоминания о Блоке, Мандельштаме, но эти публикации, как и ее поздние стихи, впервые появились только в тамиздате и самиздате. Воспоминания о Мандельштаме и книга «Возвращение» в России впервые опубликованы в 1991 году. А стихи Георгия Маслова и поныне хранятся в архивах.

* * *

Свете Тихий,
Святые Славы!..

Синий ладан
Струится долу,
Свет вечерний
Сияет в окнах.

Страстотерпец,
Святый Крепкий,
Святый Безсмертный,
Спаси, помилуй
Слабых, унылых,
Скорбящих в работе тяжелой
Скорбью телесной.

Свет небесный,
Смири мне сердце,
Спаси, помилуй
Силой чудесной!

1918

* * *

Если б только хватило силы,
Если б в сердце огонь бурлил,
Я бы Бога еще просила,
Чтобы Он мне веку продлил.

Да не бабьего сладкого веку
И не старости без тревог —
А рабочему человеку
Чтоб Он выжить во мне помог.

Потому — не в моей природе,
Не закончив, дело бросать;
Это книга о русском народе —
Я должна ее дописать.

Колыма,
весна 1946

* * *

Оплывает свеча. Наклонился
Огонек и глядит во тьму.
Значит, мир мне только приснился
Или я приснилась ему?

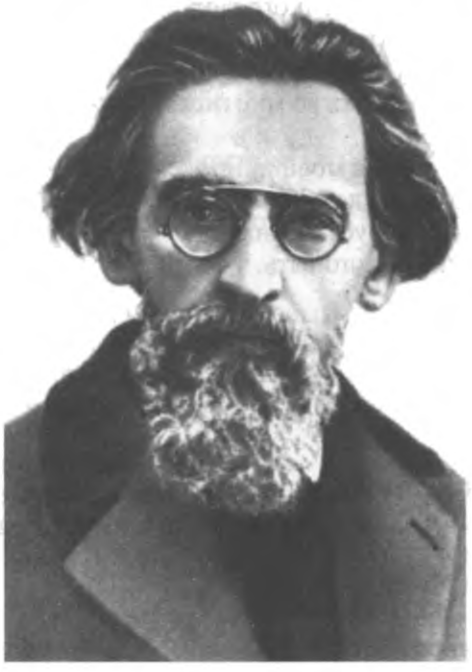
Все равно. Безплодные муки
Дымной тучей лежат позади,
И родимой кроткие руки
Призывают, манят: «Приди!»

Я иду. Податель Забвенья,
Умудри меня, научи!
Да коснется Твое дуновенье
Огонька оплывшей свечи!

Конец 1951,
Барнаул. Следственная тюрьма

ЛЕВ КАРСАВИН

Карсавин Лев Платонович (1882—1952) — философ, богослов, публицист, прозаик, поэт. Сын преподавателя балетного искусства П.К. Карсавина, брат балерины Т.П. Карсавиной. Окончил с золотой медалью 5-ю Петербургскую гимназию (1901), историко-филологический факультет Петербургского университета (1906). С 1913 года — профессор Петербургского университета. Защитил докторскую диссертацию «Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв., преимущественно в Италии»; получил степень доктора богословия Петербургской духовной академии (1916). В ноябре 1922 года выслан из Советской России в числе других выдающихся деятелей культуры и науки. Работал в созданной Н.А. Бердяевым Религиозно-философской академии, профессор и один из организаторов Русского научного института. Руководитель религиозно-философского кружка молодежи в Берлине. С 1925 года один из лидеров евразийства. Среди многочисленных работ, вышед-



ших в эти годы, — «Святые отцы и учителя. Раскрытие православия в их творениях» (Париж, 1926), «Церковь, личность и государства» (Париж, 1927) и другие. С 1928 года поселился в Каунасе, до 1940 года возглавлял кафедру всеобщей истории Вильнюсского университета. После освобождения Литвы с советскими войсками и присоединения к СССР отказался уехать на Запад. В 1946 году отстранен от преподавательской деятельности, а в 1949 году арестован и приговорен к 10 годам заключения. В тюремном инвалидном лагере Абез (Коми АССР) написал около десяти религиозно-философских работ, два цикла стихов. Первые стихи опубликовал 1903 году, еще будучи студентом.

В 1932 году в Каунасе вышла его «Поэма о смерти», написанная белым стихом. «Венок сонетов» — предсмертный цикл стихов.

Его солагерник и друг вспоминает: «Имея перед собой мир и не теряя его из виду, Карсавин сквозь здешние формы видел его как бы уже нездешним. Именно в этом способ духовной работы Карсавина. В его умозрениях мир во всем остается самим собой и ничего не теряет, но подвергается новому осмыслению». О сонетах Карсавина он пишет: «Эти стихи, значительность которых открылась мне лишь много позднее, при первом чтении произвели на меня впечатление бледных и непонятных. Я держал в руках небольшую стопку листов желтоватой шероховатой бумаги и с некоторым разочарованием рассматривал ровные написанные карандашом строки. Рисунок букв, прямых и узких, был необычен в самом своем начертании, он как бы не подвергался демократизации, которую претерпела графика современного письма. Еще необычнее было то, что в написании слов сохранялись фита, ять, ер и другие буквы, упраздненные реформой в правилах орфографии. Даже в этих мелочах открывалась принадлежность к миру других привычек. Смысловая же невнятность стихов объяснялась, возможно, тем, что это была речь мира других понятий. Но в одном отношении я уже теперь мог оценить значение этих стихов. "Венок сонетов" — 210 строк сложной стихотворной формы — был сочинен Карсавиным, когда он находился в камере следственной тюрьмы. Я помнил и незаполненную пустоту времени, которая недавно мучила меня в карцере, и мое намерение выучить столько текстов, чтобы их механическим чтением можно было заполнить сутки. Стихи Карсавина являли пример такой сосредоточенности, которой хватило бы, чтобы заполнить целую жизнь».

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Ты мой Творец: Твоя навек судьба я.
Безсилен я. Былинкой на лугу
Подъемлюся, несмело прозябая.
Терплю и зной, и снежную пургу.

Все пригибает долу вьюга злая,
Грозится мне, клубя сырую мглу.
Но знаю, я спасти Тебя могу,
Хотя — как Ты, Всевечный, погибая.

Ведь Ты умрешь, в цветении моем
Всем став во мне, и всем — как только мною.
Тогда восстанет жизнь моя иною.
Уж умирает я мое и в нем.

Как пчелы, все кишит, себя роя,
Дабы во мне воскресла жизнь Твоя.

2

Дабы во мне воскресла жизнь Твоя,
Живу, расту для смерти безконечной.
Так Ты, любовный умысел тая,
Подвигнулся на жертву муки вечной.

Не ведал Ты: приять хочу ли я
Всю смерть Твою для жизни быстротечной,
Постигну ль жизнь, ленивый и безпечный?
Нет, Ты не знал, безмолвно кровь лия.

Воскреснешь Ты, найдя в конце начало,
Когда умру, умершего прияв,
Начальность превзойдя. Двукрат не прав,
Кто тщится вырвать вечной смерти жало.
Мудрее Ты, чем древляя змия: Небытный,
Ты живешь во мне, как я.

3

Небытный, Ты в Себе живешь, как я.
Тобой я становлюсь ежемгновенно.
Что отдаю, меняясь и гния,
Все было мной. А «было» неотменно.

Стремлюсь я, как поток себя струя,
И в нем над ним покоюсь неизменно.
Весь гибну-возникаю. Переменна,
Но неполна, ущербна жизнь сия.

Нет «есть» во мне, хоть есмь мое движенье.
Нет «есть» и вне — все есть как становленье.

Страшит меня незрящей ночи жуть.
Боится смерти мысль моя любая,
Безсильная предела досягнуть.
Ты — свой предел — всецело погибая.

4

Свой Ты предел. Всецело погибая,
Всевечно Ты в не-сущий мрак ниспал.
Небытием Себя определяя,
Не Бытием, а Жизнию Ты стал.

Ты — Жизнь-чрез-Смерть, живешь,
лишь умирая.
Но нет небытия: меня воззвал,
И я возник, и я Тебя приял,
Я — сущий мрак у врат закрытых рая.

А Ты не мрак. Ты — Жертва, Ты — Любовь.
Во мне, во всем Твоя струится кровь.
Да отженю отцов своих наследство,
Тьму внешнюю (небытность ли ея)!
Тьмы внешней нет, а тьма моя лишь средство.
Во тьме кромешной быть могу ли я?

5

Могу ль во тьме кромешной быть и я? —
Мне кажется: в бездействии коснея,
Недвижного взыскуя бытия,
Себя теряю, растворяюсь в ней я.

Мне сладостны мгновенья забытья,
Когда во тьме мне зрится свет яснее.
Но где тогда: во тьме или во сне я?
Не меркнет свет во мгле бытья-житья.

6

Ты безпределен: нет небытия.
Свой Ты предел — Себя преодоленье,
Воздвигшая Свободу лития,
В двойстве себя, единства, — воскрешенье.

Я немощен. Постичь не в силах я,
Сколь Ты един в согласье и боренье
Стихий, существ — Твои они явленья —
И в тайнодействе Крови пития.

И Жизнь-чрез-Смерть встает пред
слабым взором,
Что все двоит согласьем и раздором.

Единая в них угасает сила,
Разъята мною. Но в себе она
Всегда едина и всегда полна.
И тьма извне ее не охватила.

7

И тьма извне Тебя не охватила,
Не рвется в глубь Твою, деля. Зане
Ни тьмы, ни света нет Тебя вовне,
Предела не имущее Светило.

Небытие Тебя не омрачило:
Поскольку умер Ты — живешь во мне.
Но не живу всегда я и вполне.
В Тебе все есть, что будет и что было.

Во мне нет «будет», «были» ж побледнели,
Измыслил я существенную тьму,
Не видную острейшему уму.
И оттого, что далеко от цели,

Противочувствий отдаюсь гурьбе.
Ты — свет всецелый. Свет без тьмы в себе.

8

Ты — свет всецелый, свет без тьмы в себе.
Всеблаго Ты без зла малейшей тени.
Но тьма и зло бегут как тени две
Пред светом блага в скудности лишений.

Во мраке светит Свет. Добро в резьбе
Зловещей то, что есть. В огне сомнений
Родник мы обретаем откровений,
Свою свободу — следуя судьбе.

И зло и тьма лишь Блага недостаток.
Но Блага в них таинственный начаток,
Ненасытимой свойственный алчбе
С Тобой — страшусь, но чаю! — сочетанья
Так двоечувствию Твое сиянье
Является в согласье и борьбе.

9

Являешься в согласье и в борьбе
Ты, Всеединый. Мощью отрицанья
Создав, влечешь до полного слиянья
Врагов, покорных творческой волшбе.

Пускай они не слышат заклинанья
Страстей своих в несмысленной гульбе.
Пускай не думают, не знают о Тебе. —
Чрез них и в них Твое самопознанье.

Незнаем Ты без них и без меня.
Один, Ты нам безумная стихия.
Вотще, вотще шумит логомахия
В искании первичного огня!

В разъятье тварь Тебя не истощила:
Безмерная в Тебе таится сила.

10

Безмерная в Тебе сокрыта сила —
Испил Ты смерти горестный фиал,
Да буду я. Собою Ты дерзал.
Не смерть в боренье этом победила.

Над бездной я, где смерть Ты, Бог, познал.
Близка, страшна холодная могила.
Застывший гнусен черепа оскал.
Но мне Любовь из бездны озарила

Высокий путь в надзвездные края:
Тобой кто будет — есть, а буду — я.

Какой ценой? — На крестном ввысь столбе
Распятое Твое возносят тело.
Ждет не дождется мук оно предела
И движется, покорное Судьбе.

11

И движется, покорствуя Судьбе,
Которая моей свободой стала,
Имманоэль со мной. Меня нимало
Он не неволит: в сыне, не в рабе!

Колеблюсь: может, призрак на тропе
Высокой Он? И лишь меня прельщало
Любви моей обманное зерцало?
Не верится ни Богу, ни себе.

Но зов Судьбы — Любовь. Судьбой одною
Нерасторжимо связан Ты со мною.

Концом Ты тьмы начало утвердил,
И стало жить в Тебе то, что не жило:
Не бывшее, Твоих исполнясь сил,
Сияет все, как в небесах Светило.

12

Сияет все, как на небе Светило,
В Тебе, подобно тьме, незримый Свет.
Звездами ночь Твой отсвет нам явила;
И дивен звезд мерцающий привет.

Но тьма ли ночь сама или горнило
Сокрытое? Незримостью одет
Незрящей Ты. В свечение планет
Лишь слабый отблеск солнце свой излило.

И в звездах ночи мне не сам Ты зрим,
Но Твой многоочитый серафим.

А я постичь Твою незримость чаю.
Отдав себя несущей ввысь мольбе,
Подъемляся, неясно различаю,
Что есть и то, что может быть в Тебе.

13

И «есть» и то, что может быть в Тебе
Одно в творенья всеедином чуде.
То «может быть» не тенью в ворожбе
Скользит, но — было иль наверно будет.

Ужель меня к безсмысленной гоньбе
За тем, что может и не быть, Тот нудит,
Кто звал меня наследовать Себе?
И мира смысл в Природе, а не в людях?

Но в смутном сне моем о том, что есть,
Искажена всего смешеньем весть.

Всего ль? Прошедшее уже не живо.
Того, что будет, нет еще, и нет
Всего, что есть, в моих године бед.
Все — Ты один: что будет и что было.

14

Ты все один: что будет, и что было,
И есть всегда чрез смерть. Так отчего
В темнице я, отторжен от всего
И рабствую, безсильный и унылый?

Мое меня хотенье устрашило
Всецело умереть. Из ничего
Не стал я сыном Бога моего,
А вечно все, что раз себя явило.

Мою свободу мукой Ты сберег:
Ты мною стал, рабом — свободный Бог.

И вновь хочу, чтоб Жизнь изобличила
Моею полной смертью Змия лесть
Недвижного небытность злую «есть».
Есть — Ты, а Ты — что будет и что было.

15

Ты все один: что будет, и что было,
И есть, и то, что может быть.
Тебе Сияет все, как на небе Светило,
И движется, покорствуя Судьбе.

Безмерная в Тебе сокрыта сила.
Являешься в согласье и борьбе
Ты, свет всецелый, свет без тьмы в себе.
И тьма извне Тебя не охватила.

Ты безпределен: нет небытия.
Могу ль во тьме кромешной быть и я?

Свой Ты предел — всецело погибая.
Небытный, Ты в Себе живешь, как я,
Дабы во мне воскресла жизнь Твоя.
Ты — мой Творец, Твоя навек судьба — я.

< 1950—1951 гг. Инвалидный лагерь в Абезе >

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

Андреев Даниил Леонидович (1906 — 1959) — поэт, религиозный мыслитель. Сын писателя Леонида Андреева. Крещен в том самом храме Спаса Преображения на Арбате, который изображен на знаменитой картине В.Д. Поленова «Московский дворик». Крестный отец — Максим Горький. В сентябре 1917 года поступил в Московскую частную гимназию, ставшую вскоре 90-й Московской школой. Будучи уже советским школьником, 20 августа 1921 года у храма Христа Спасителя испытал религиозно-мистическое озарение, которое, по его признанию, сыграло «огромную, во многом даже определяющую роль» во всей последующей жизни. В «Розе Мира» он вспоминал: «Это случилось в Москве на исходе дня, когда я, очень полюбивший к тому времени безцельно бродить по улицам и безпредметно мечтать, остановился у парапета в одном из скверов, окружавших храм Христа Спасителя... Событие... открыло передо мной, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то несоизмеримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывающими оттуда в круг сознания». К этому же времени относятся и первые стихи. В восемнадцать лет, сразу после окончания школы, поступил в брюсовский Высший литературно-художественный институт, начав работать над романом «Грешники». В 1926 году был принят в Союз поэтов. В последующие годы, вплоть до начала Отечественной войны, поэзия была главной в его жизни. Но публиковать стихи даже не пытался, работал оформителем-шрифтовиком, стараясь не привлекать к себе внимания.

Тютчевский завет *молчи, скрывайся и таи* оказался в те годы наиболее близок не только уже знаменитой Анне Ахматовой, но и молодому поэту Даниилу Андрееву. Ему тоже было что *скрывать*. В его новых религиозно-мистических озарениях все отчетливее вставал образ Небесной России. Одно из таких озарений он испытал в ноябре 1933 года в церкви во Власьевском переулке, описав позднее: «Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь — один из ярчайших светильников Русского синклита, приблизился и склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму — и — удивительно! — переживал это состояние каждый раз, снова и снова, с неослабевающей силой».

В армию его призвали в октябре 1942 года, а с января 1943 года он воевал на Ленинградском фронте. Блокаде посвящена его поэма «Ленинградский апокалипсис». В июне 1945 года демобилизован как инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы. 21 апреля 1947 года арестован. «Не дай Бог даже врагу испытать что-либо подобное», — напишет он о следствии, закончившемся через полтора года вынесением приговора: «Андреева Даниила Леонидовича, за участие в антисоветской группе, антисоветскую агитацию и террористические намерения заключить в тюрьму сроком на двадцать пять лет, считая срок с 23 апреля 1947 года. Имущество конфисковать». «Обвинение основывалось, — отмечает современный исследователь Борис Романов,— во многом на романе Д. Андреева "Странники ночи", над которым он работал с 1937 по 1947 год. В романе изображалась жизнь и искания московской интеллигенции в предвоенные годы, в частности в нем был эпизод, в котором говорилось о некоей группе, готовящей покушение на Сталина». Как этот роман, так и все остальные конфискованные рукописи Даниила Андреева были уничтожены. А в арестованную по «делу Андреева» группу «заговорщиков» из девятнадцати человек, осужденных от семи до двадцати пяти лет, вошли почти все его родственники и ближайшие друзья, среди которых было несколько друзей-поэтов. Один из них, представленный в нашей антологии Виктор Василенко, вспоминал о встречах 30-х годов: «...Я приходил часто, и мы в его комнате с двумя окнами во двор обычно засиживались допоздна. Возвращался я от него в два-три часа ночи по затихшей Москве... Эти вечера были наполнены разговорами о поэзии, о Блоке, о Волошине, о Гумилева... О Боге».

27 ноября 1948 года Даниила Андреева перевели из Лефортовской тюрьмы во Владимирскую, из которой, согласно приговору, ему предстояло выйти 23 апреля 1972 года. Он был освобожден из-под стражи 23 апреля 1957 года, ровно через десять лет после ареста. За эти годы во Владимирской тюрьме были созданы «Русские боги», «Роза Мира», «Железная мистерия» и другие произведения. О том, как создавалась «Роза Мира», он вспоминал: «Я начал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы — и люди и не люди — укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор».

Работа над «Розой Мира» и другими произведениями была завершена уже после освобождения за те неполные два года, которые ему оставалось жить. Но даже в октябре 1958 года, завершив «Розу Мира», он запишет: «...И все-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые, и не смею посвятить в ее содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь». В это же время он напишет свое последнее стихотворение, заканчивающееся молитвенными строками:

...К листам неконченых, бедных книг
Там враг исконный уже приник:
Спаси их, Господи! Спаси, храни,
Дай им увидеть другие дни.

Книги Даниила Андреева *увидели другие дни*. Но произошло это уже в последней четверти XX века...

* * *

Утро. Изморось. Горечь сырая.
От ворот угасшего рая
День и голод жестокою плетью
Гонят нас в бетонные клети.

По ночам провидцы и маги,
Днем корпим над грудой бумаги,
Копошимся в листах фанеры —
Мы, бухгалтеры и инженеры.

Полируем спящие жёрла,
Маршируем под тяжкий жёрнов,
По неумолимым приказам
Перемалываем наш разум.

Все короче круги, короче,
И о правде священной ночи,
Семеня по ровному кругу,
Шепнуть не смеем друг другу.

Захлебнувшись фальшивым гимном,
Задыхаемся... Помоги нам,
Хоть на миг бетон расторгая,
Всемогущая! Всеблагая!

1937

* * *

А сердце еще не сгорело в страданье,
Все просит и молит, стыдясь и шепча,
Певучих богатств и щедрот мирозданья
На этой земле, золотой как парча:

Неведомых далей, неслышанных песен,
Невиданных стран, непройденных дорог,
Где мир нераскрытый — как в детстве чудесен,
Как юность пьянящ и как зрелость широк;

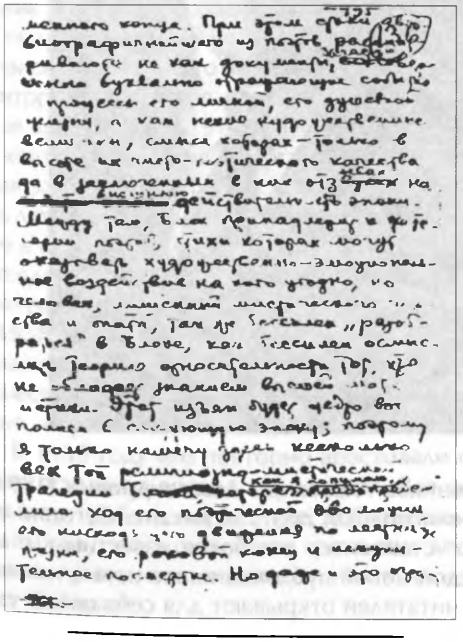
Безгрозного полдня над мирной рекою,
Куда я последний свой дар унесу,
И старости мудрой в безгневном покое
На пасеке, в вечно шумящем лесу.

Я сплю, — и все счастье грядущих свиданий
С горячей землею мне снится теперь,
И образы невоплощенных созданий
Толпятся, стучась в мою нищую дверь.

Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук — как причастье,
А тусклое зарево бед — как лучи!

Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвется ко мне —
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.

1941



«Роза Мира». Страница рукописи

Из поэмы «Ленинградский апокалипсис»

Отец! Господь! Прерви блуждания
Смертельно жаждущего духа!
Коснись, Верховный Лирник, слуха
Своею дивною игрой!
Пусть сквозь утраты, боль, страдания
К Твоим мирам ведет дорога;
Раздвинь мой разум! Хоть немного
Дверь заповедную открой!

Дай разуметь, какими безднами
Окружены со всех сторон мы;
Какие бдят над Русью сонмы
Недремлющих иерархий;
Зачем кровавыми, железными
Они ведут ее тропами —
Они, то чистые, как знамя,
То леденящие, как Вий!

И если ясных вод познания
Я зачерпну в духовном море,
Где над Кремлем Небесным зори
Едва мерцают в мир греха,
Ты помоги гранить в молчании
Сосуд, их ясности достойный:
Чеканный, звучный, строгий, стройный
Сосуд прозрачного стиха.

Горька, безценна ноша мудрости,
Невоплощенной в знаке внятном,
Когда лишь зыбким, беглым пятнам
Подобны смутные слова;
Чем дух зрелей, тем горше труд расти
Над словом должен — верю, знаю,
Но скорбный искус принимаю
И возвращаю все права.

Молитва, точно вопль о помощи,
Рванулась вверх. Но нет, не Бога
Сюда, в мир Гога и Магога
Смел звать изнемогавший дух:
Хоть нить во мраке гробовом ища,
Он рвался в пристани другие —
В присноблагой *Синклит* России
Превыше войн, побед, разрух.

Пусть демон великодержавия
Чудовищен, безмерен, грозен;
Пусть миллионы русских оземь
Швырнуть ему не жаль. Но Ты, —
Ты, от разгрома, от безславия
Ужель не дашь благословенья
На горестное принесенье
Тех жертв — для русской правоты?

Пусть луч руки благословляющей
Над уицраором России
Давно потух; пусть оросили
Стремнины крови трон ему;
Но неужели ж — укрепляющий
Огонь Твоей верховной воли
В час битв за Русь не вспыхнет боле
Над ним — в пороховом дыму?

1949—1953,
Владимирская тюрьма

ПРИСНОДЕВЕ-МАТЕРИ

Пренепорочная. Приснoблаженная.
Горней любви благодатное пламя,
Кров мирам и оплот!
Непостигаемая! Неизреченная!
Властно предчувствуемая сердцами
Там, в синеве высот!

Ты, Чья премудрость лучится и кроется
В волнах галактик, в рожденьи вселенных,
Ближних и дальних звезд!
Лик, ипостась мирозиждущей Троицы,
Вечная Женственность! Цель совершенных,
К Отчему царству мост!

Ты, на восходе культур пронизавшая
Тысячесветные окна религий.
Древних богинь имена!
Нимбами огненными осенявшая
Юное зодчество, мудрые книги,
Музыку и письмена!
Ты снисходила до сердца юного,
Ты для него сквозь синь фимиама
Нежной пылала звездой, —
Не отвергай зазвучавших струн его,
Дальних амвонов грядущего храма
Гимн его удостой.

Сумрачный дух жестокого мужества
Правил народами — в роды и роды
И бичевал их бичом.
Ты лишь Одна овевала содружества,
Пестовала на коленях природы,
Не спросив ни о чем.

Ты нам светила любовью возлюбленных,
Ты зажигала огни материнства
По родным очагам...
Пристань гонимых! безсмертье погубленных!
Благословенные узы единства
И прощенья врагам!

Тихо сорадующаяся! Ласковая!
Легок с Тобою путь многотрудный
К наивысочайшей мечте!
Мир многопенный, песни и краски его
Только Тобою прекрасны и чудны
В радости и красоте.

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ

Солодовников Александр Александрович (1893—1974) — религиозный поэт, музыкант. Сегодня его творчество становится все более известным, с выходом каждой новой публикации все новые и новые поколения читателей открывают для себя целый удивительный мир, который можно определить как «мир поэзии Александра Солодовникова».

Алексей Иванович Абрикосов. Портрет Валентина Серова

Многие годы стихи его распространялись лишь в списках, в так называемом христианском самиздате. Началось это в переломные 60-е. Именно в это время мало-помалу стала возрождаться живая приходская жизнь, христианское общение в миру, а не только в стенах храма, возникают катехизаторские кружки, первые нелегальные христианские журналы, к чему власти относятся все же более терпимо, чем к политическому самиздату. К слову сказать, братья Солодовникова — художник Алексей и прозаик Николай, в начале 30-х годов оба попали в ссылку за участие в невинном христианском кружке, что было тогда квалифицировано как контрреволюционная деятельность. Самого поэта впервые арестовали в 1919 году по обвинению в участии в контрреволюционной организации. После шести месяцев заключения в Бутырской тюрьме его осудили на пять лет и отправили по этапу в саратовскую тюрьму, а затем в саратовский концлагерь. В 1921 году он был освобожден по амнистии и вернулся в Москву. Работал бухгалтером в различных советских учреждениях.

В 1938 году он был вновь арестован, обвинен в шпионаже в пользу германской разведки, но после шестимесячного заключения оправдан по суду. Случай, конечно, поразительный: он доказал свою невиновность. В 1939 году его повторно арестовали по тому же делу, осудив на восемь лет лагерей. Все эти годы на Колыме он работал на руднике, добывавшем олово. Чудом выжив, после окончания срока еще десять лет пробыл на принудительном поселении в магаданском поселке Сеймчан.

Все годы заключения, начиная с Бутырской тюрьмы, он писал стихи: «Решетка ржавая, спасибо, // Спасибо, старая тюрьма! // Такую волю дать могли бы // Мне только посох и сума...»

В лагерный период написано другое замечательное стихотворение «Молитва»:

Я ношусь облетевшим листом
По долине безрадостно снежной...
Помяни меня в Царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный.

Вспомнив лик свой младенческий, прежний,
Мне бы вновь заструиться теплом...
Иисусе, печальный и нежный,
Помяни меня в Царстве Твоем.

Вернувшись в Москву весной 1956 года, он сразу начал составлять сборники своих стихотворений — первый вариант носил название «Кольцо», второй — «От заутрени до заутрени», в дальнейшем же фактически до конца своих дней он составил несколько вариантов своего сборника, названного, по словам великого христианского святого Иоанна Дамаскина, умершего, как известно, на этапе, — «Слава Богу за все!». Другой итоговый сборник, разбитый на хронологические разделы и связанный с событиями биографии, был озаглавлен им «Дорога жизни».

Поражает творческая активность Солодовникова, который в семьдесят и более лет создает все новые и новые блестящие стихотворения, перерабатывает немалую часть старых.

В 60—70-е годы Александр Солодовников — один из активных членов приходской общины московского храма Ильи Обыденного, знаменитого чудотворной иконой Божьей Матери «Нечаянная радость», а также тем, что в разные времена прихожанами этого храма являлись многие блестящие представители московской творческой и научной интеллигенции.

Пока позволяет здоровье, он часто ездит в подмосковное местечко Гребнево, где в местном храме служит о. Владимир, сын его близкого друга, профессора-химика и оригинального русского богослова Николая Евграфовича Пестова, богословские труды которого стали издаваться только сейчас.

Семья Пестова, дети и внуки которого в дальнейшем почти все стали священниками (есть даже один епископ), а также некоторые прихожане храма Ильи Обыденного участвуют в размножении и распространении стихов поэта.

Все это дает свои плоды и, хотя ни единой строчки его духовных стихов так и не увидело свет в советской печати, в день отпевания поэта в храме, а было это 18 ноября 1974 года, кроме родственников Солодовникова пришло довольно много его читателей и почитателей. Некоторые его читатели, лично с ним незнакомые, даже писали ему письма, высоко оценивая его творчество.

Кто-то из этих людей передал стихи Солодовникова за границу, так что еще при жизни автора они вышли в нескольких тамиздатских христианских русскоязычных журналах. Все происходило в полном соответствии

с его же словами из стихотворения «На московском асфальте»: «Машиною крепко укатано было, // Но сила росточка асфальт победила. // Программа, теория, жесткий устав // Слабее слепого давления трав».

Сама судьба поэта сложилась трагически, как, впрочем, и судьба России в XX веке. Достаточно сказать, что очень многие его родственники, особенно по линии матери, происходившей из рода Алексея Ивановича Абрикосова, владельца и создателя кондитерской фабрики (ныне концерн имени Бабаева), погибли во время Русской Катастрофы. Об этих трагических потерях Солодовников скажет в одном из стихотворений: «Кто не изведал боль потери // Безмерной, как пучина звезд, // Тому в великой нашей вере // Еще не драгоценен крест».

Родителей Солодовникова можно отнести к представителям среднего класса: отец преподавал в Императорской академии коммерческих наук, ее же в 1912 году с малою золотою медалью окончил и сам поэт. Образование в начале века давали вполне приличное, так что и хорошее знание нескольких иностранных языков, что позже спасло ему жизнь в лагере, и игра на музыкальных инструментах — это все оттуда, из начала века. Семья была истинно русскою и православною, и культ семьи, как своего рода малого храма, прослеживается во многих его стихотворениях.

В послереволюционные годы, до своего второго ареста в 1939 году, он работал в различных советских учреждениях в качестве экономиста.

Как поэт Солодовников сформировался очень рано, при этом новомодные тогда течения символистов и

Братья Алексей, Александр и Николай Солодовниковы. Фото 1937 г.

В деревне Лешково. 1958 г.

акмеистов как-то мало его зацепили, а вот хорошее знакомство с поэтами XIX века — Тютчевым, Фетом, и более поздними Дмитрием Мережковским, Надсоном, К.Р. и другими поэтами 80-х годов, видно уже по первой его публикации в студенческом сборнике 1916 года «Предрассветное». К.Р. (великий князь Константин Романов), как нам кажется, повлиял на Солодовникова не просто стилистически, но и этически.

И в дальнейшем на многие годы он как бы застыл в этом своем этически и поэтически сформированном «коконе», почти не меняясь на протяжении шести десятилетий жизни в поэзии. Скажем, «Светлая заутреня в отрочестве» — один из шедевров русской религиозной лирики — была написана им в 1914 году, а вторая часть диптиха — «Светлая заутреня в старости» — в 1960-м, с разницей почти в полвека.

Значимость его поэзии в другом. Солодовников создал свой поэтический мир, основанный на нравственных принципах христианства; не выступая в открытую против фальши «советчины», он уже самим фактом своего существования противостоял ей и доказывал незыблемость и торжество православной веры над всеми привнесенными враждебными обстоятельствами. Более того — поэт уверен и доказывает это постоянно, что без сопротивления, без испытаний не может состояться и вызреть до чего-то значимого душа человеческая: «Трепли, трепли меня, Боже! // Разминай как зеленый лен, // Чтобы стал я судьбой своей тоже // В полотно из травы превращен».

Безусловно Солодовников противостоит окружающему нас Царству Зверя.

И сегодня, сейчас поэзия Солодовникова стоит особняком в ряду иных, быть может, более громких литературных имен. Это не удивительно. Ибо *Царство Его не от мира сего*. Те нравственные и Божьи принципы, которые проходят через все творчество Солодовникова, естественно, противостоят Князю мира сего, поддерживая, ободряя нас и помогая на путях скорби и страдания.

Именно в этом залог незыблемости интереса все новых и новых читателей к его поэзии, залог ее нетленности и долговечности.

В 2006 году издательство «Паломник» выпустило сборник избранных стихотворений Александра Солодовникова «Я не устану славить Бога». В 2010 году издан однотомник «В светлом саду христианства. Полное собрание стихотворений» (М., «Гриф и К»), в который вошел весь известный на сегодняшний день корпус стихов, пьесы, воспоминания о поэте и ряд других материалов.

Вступление и публикация Евгения Данилова

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ В ОТРОЧЕСТВЕ

В домовой церкви тлеет золото,
Поблёскивая в полумраке.
На грудь сестры сирень приколота,
Вся в белом мать, отец во фраке.

Мучительно волнуясь внутренне,
Гляжу я на входные двери.
Не так, не так светла заутреня
Без кружевного платья Мэри.

Вдруг, по таинственному голосу
Переступив, я вижу сбоку
Ее распущенные волосы,
Ее зардевшуюся щеку.

И в тот же миг паникадилами
Зажглись и города, и веси,
И полетело легкокрылое
Блаженное
Христос Воскресе!

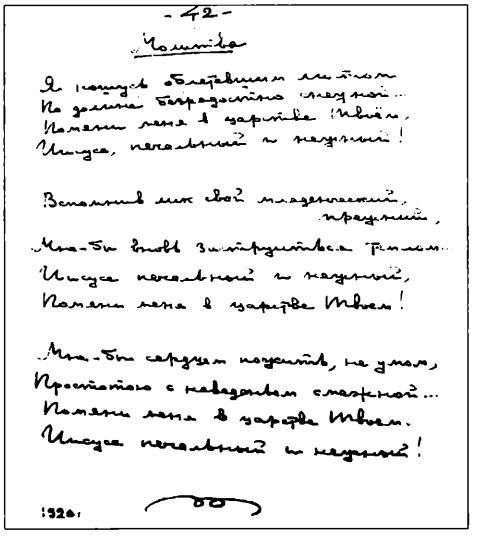
1914

* * *

Чистая Дева Мария,
Всем Печальница грешным Ты,
Пошли мне не мудрость змия,
Но детский талант простоты.

<1919—1920>

МОЛИТВА


- 42 -
Молитва
Я ношусь облетевшим листом
По долине безрадостно снежной...
Помяни меня в Царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный!

Вспомнив лик свой младенческий, прежний,
Мне бы вновь заструиться теплом...
Иисусе, печальный и нежный,
Помяни меня в Царстве Твоем!

Мне бы сердцем познать, не умом,
Простотою, с неведеньем смежной...
Помяни меня в Царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный!

1920.

Вспомнив лик свой младенческий, прежний,
Мне бы вновь заструиться теплом...
Иисусе, печальный и нежный,
Помяни меня в Царстве Твоем.

Мне бы сердцем познать, не умом,
Простотою, с неведеньем смежной...
Помяни меня в Царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный.

1920

* * *

Вижу розы Богородицы
В озареньи дня нездешнего,
Мне — нечистому — доводится
Подышать от вечно-вешнего.

В сладком ветре лоб и волосы,
И глаза блестят омытые,
Где-то плещут звуки голоса
Тайные и позабытые.

Дух мой жадно пьет от вечности,
Тает тело невесомое.
Впредь не буду жить в безпечности,
Обращу ТУДА лицо мое.

<1919—1921>

Из цикла «Тюремные стихи»

Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим.
Псалом 118, 71

1

Святися, святися
Тюрьмой, душа моя.
Стань чище нарцисса,
Свежее ручья.

Оденься, омойся,
Пучочки трав развесь,
Как домик на Троицу
В березках весь.

Темница, чем жестче,
Суровей и темней,
Тем солнечней в роще
Души моей.
Чем яростней крики
И толще прут в окне,
Тем льнут повилики
Нежнее ко мне.

1920-е гг.

2

«Всякий огнем осолится,
Имейте соль в себе...»
Не огонь ли моя темница,
Не соль ли в моей судьбе?

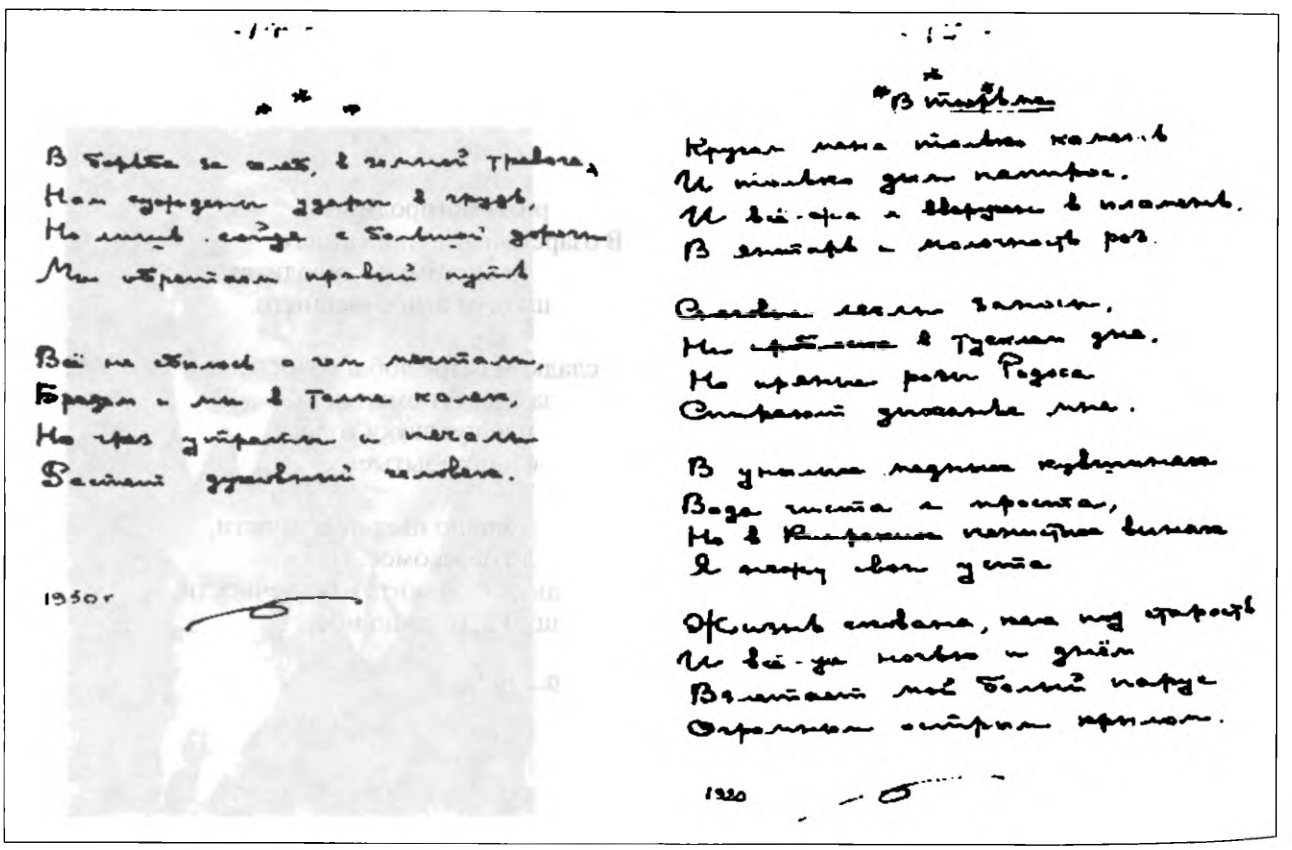
В огне размягчилось сердце,
Очистила душу соль.
Уловлен апостольской вершей,
Забыл я неволи боль.

Воскреснет вольная птица
И в самом жалком рабе,
«Всякий огнем осолится...
Имейте соль в себе...»

1920-е гг.

3

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох и сума.



Автографы стихотворений из рукописного сборника 1930 г.

Мной не владеют больше вещи,
Все затемняя и глуша,
Но солнце, солнце, солнце блещет,
И громко говорит душа.

Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу всё томленье духа
С Экклезиаста до меня.

Спасибо, свет коптилки слабый,
Спасибо, жесткая постель,
Такую радость дать могла бы
Мне только детства колыбель.
Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добру и злу,
Но чую близость тайн чудесных
И только верю и люблю.

1920-е гг.

4

Лен, голубой цветочек,
Сколько муки тебе суждено.
Мнут тебя, трепят и мочат,
Из травинки творя полотно.

Все в тебе обрекли умиранью,
Только часть уцелеть должна,
Чтобы стать драгоценной тканью,
Что бела, и тонка, и прочна.

Трепи, трепи меня, Боже!
Разминай, как зеленый лен,
Чтобы стал я судьбой своей тоже
В полотно из травы превращен.

<1938—1956>

5

Дорожу я воспоминаньем,
Как отец меня плавать учил.
Покидал средь реки на купанье,
Но рядом со мною плыл.

И когда я в испуге и муке
Задыхался и шел ко дну,
Отцовские сильные руки
Поднимали меня в вышину.

И теперь, когда я утопаю,
И воочию вижу конец,
Я, как мальчик тот, уповаю,
Что рядом со мной Отец.

Он вернет из любой разлуки,
Вознесет из любой глубины,
Предаюсь в Его крепкие руки,
И спокойные вижу сны.

<1938—1956>

* * *

Промчались сани... Билась полость...
А я стою, вникая в звон.
Я знаю: в церкви нежный голос
Поет рождественский канон.

Вся наша жизнь шумит и мчится,
Так далеко душе до звезд.
А та — моя, не шевелится,
Лишь, наклонясь, положит крест.

Пусть это сон... Проста прическа,
Чуть-чуть печален очерк губ,
И запах ладана и воска
Невыразимо сердцу люб.

Мы не умрем в пустыне снежной,
Он греет нас, собой одев,
Любимый с детства, нежный, нежный,
Живой рождественский напев.

1922

ОСАННА!

В белорозовых яблонях пчелы гудят,
В лазури мая сияет сад,
Пчелы поют органно
Осанна!

Кукушка кукует в лесу молодом,
Светел, как новый, наш старый дом,
Все зелено, юно, туманно
Осанна!

Каштаны белые свечи зажгли,
Курится нежный туман земли,
Зяблик звенит неустанно
Осанна!

И все я прощаю жестокой зиме,
Глубокой печали, отчаянью, тьме,
Чтоб Господу петь невозбранно
Осанна!

<1922—1931>

ЕДИНОМУ

Невидимая Его, вечная сила Его
и Божество, от создания мира
через рассматривание творений видимы.
Рим. 1,20

Смотреть на мир — как это много!
Какая радость без конца!
Смотреть на мир и видеть Бога,
Непостижимого Отца.

По вере жить — как это много!
Не уклоняясь от креста,
По вере жить и славить Бога,
За нас распятого Христа.

В молитве быть — как это много!
Встречать сердечную весну.
В молитве быть и славить Бога —
Святого Духа тишину.

<1922—1931>

СЛАВА

Пою Богу моему дондеже есмь.

1

Дивным узором цветы расцвели.
Господи, слава Тебе!
Благоухает дыханье земли.
Господи, слава Тебе!

2

Неугасимые зори горят.
Господи, слава Тебе!
Коростели за рекою кричат.
Господи, слава Тебе!

3

Ясные реки звенят в тишине.
Господи, слава Тебе!
Длинные травы струятся на дне.
Господи, слава Тебе!

4

Птицы поют в тайниках своих гнезд.
Господи, слава Тебе!
Вечность сияет в сиянии звезд.
Господи, слава Тебе!

5

Светлой грядою встают облака.
Господи, слава Тебе!
Чаша небесная дивно легка.
Господи, слава Тебе!

6

Люди окончили день трудовой.
Господи, слава Тебе!
Песня встает над росистой травой.
Господи, слава Тебе!

7

Дети уснули, набегавшись днем.
Господи, слава Тебе!
Ангелы их осенили крылом.
Господи, слава Тебе!

8

Все успокоенно гаснет окрест.
Господи, слава Тебе!
Но не погаснет над церковью Крест.
Господи, слава Тебе!

1929

ГÓСПОДА ПОЙТЕ...

Сердце весне откройте —
Воскресли леса и реки!
Господа пойте и превозносите Его вовеки!

Как пахнет уже листвой-то,
Природа открыла веки!
Господа пойте и превозносите Его вовеки!

Кукушка кричит далеко,
На гулкой лесной просеке...
Господа пойте и превозносите Его вовеки!
Трепет возник какой-то
И в травке, и в человеке.
Господа пойте и превозносите Его вовеки!

1930

* * *

Как поле утренней росою
Ты милостью покрыл меня.
Я — как Израиль столп огня —
Твой образ вижу пред собою.

На землю, как прозревший, я
Гляжу счастливыми глазами,
Как вновь отверстыми ушами
Внимаю гимнам бытия.

Как Товий ангелом храним,
Я осенен добром людским,
Как Даниил во рву у львов
Спасен от смерти и оков.

Но что во мне? Идут года,
Живу, не принося плода.
О, как смоковницу меня
Не иссуши к исходу дня.

1932

* * *

Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь на свет и радость
Путями скорби и любви.

Сквозь невозвратные утраты,
Сквозь дуновенье черных бед
В тоске взмывает дух крылатый
И обретает в скорби свет.

Из рук Твоих любую муку
Покорно, Господи, приму.
С ребенком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму.

И, если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять, как благодатный дар.
Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.
Ты нас ведешь во свет и радость
Путями скорби и любви.

1934

«ОБРАЗ ВСЕХ СКОРБЯЩИХ»

Ты потому скорбящим радость,
Что испытала свет скорбей,
Ты знаешь: боль и счастье рядом.
Без страха чашу скорби пей.

Кладешь ласкающую руку
На голову, благая Мать,
И на врачующую муку
Идешь и нас сопровождать.

1934

* * *

Как дерево в саду Ты подстригал меня,
Побеги счастья все срезал, не дав развиться.
Угас ребенок мой, что был мне краше дня.
Рассыпалась семья, и вот я сам в темнице.

О я люблю Тебя, Отцовская рука,
Мне наносящая пронзительные раны.
И сердце полнит мне блаженство, не тоска.
Люблю Тебя, люблю,
и в гимнах
славить стану.

<1938—1956>

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

В день Благовещенья весна благоуханна,
О чуде бытия поют поля и лес.
При виде таинства не чудо сердцу странно,
А странным было бы отсутствие чудес!
И, чуду радуясь, священное ОСАННА
Пою Архангелу — посланнику небес!

<1938—1956>

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Посвящается Храму Ильи Обыденного в Москве

Когда мы радости не чаем,
В слепую скорбь погружены,
То тихий взор Ее встречаем
И слышим голос: «Спасены!»

Вверяйся только без оглядки,
Хотя бы свет везде погас,
Как знать? Ведь, может быть, в зачатке
Уже иной огонь сейчас.

Затеплится огонь лампадки,
И сердце загорится в нем,
Тогда в нужде и в недохватках
Ты все же будешь богачом.
Поймешь: простой воды напейся
В смиренном роднике лесном
И, словно в Канне Галилейской,
Вода окажется вином.

И все обыденное тайно
Необычайным предстает,
Все светит радостью нечаянной
И белой яблонькой цветет.

1957

БЛАГОДАРЕНИЕ

Даруется поле и все, что на нем,
и да ликуют все дерева дубравные.
Псалом 95

Хвалите Господа с небес,
Хвалите Его в вышних!
Хвалите Его, и роща, и лес,
И ветер в садовых вишнях.

Хвали Его, Истра-река,
Трава веселого луга!
Хвалите Господа, облака,
Облака, плывущие с юга!

Хвалите Его, жаворонки полей,
Хвалите Его, птицы лесные!
Всякий цветок славословие лей,
Зажигая лампады цветные!

Хвалите Его, заката янтари,
Хвалите Его, звезды ночами.
Хвалите утром, росы зари,
Хвалите Его, солнца пламя!

Пой, душа моя, пой хвалу,
Радуйтесь, ноги, землю лаская!
Впивайте, глаза, синеву светлу,
Радуйся, грудь, Божий воздух впивая!

<1957—1958>

«НИ ЛОБЗАНИЯ ТИ ДАМ...»

Ночью в сад за преданным Христом
С поцелуем подошел Иуда.
Господи, мы тоже предаем
Поцелуями Тебя повсюду.
Причащаться к чаше подходя,
Сбросив с сердца ледяную гору,
Тайный голос слышу я всегда:
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

Ставлю ли я к образу свечу,
Деньги ли передаю на блюдо,
Постоянно с робостью шепчу:
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

Если я живу как фарисей,
И по мне судить о вере будут,
Не услышу ль в совести своей:
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

Ближнего ль придирчиво сужу,
За собой не замечая худа,
Каждый раз испуганно твержу:
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

Все, чем Ты не славишься во мне,
Осуждает горько мой рассудок,
И звучит в сердечной глубине:
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

Не могу исправить сам себя,
Жду спасенья своего, как чуда.
Да смиренно веря и любя,
«Ни лобзания Ти дам, яко Иуда».

<1957—1958>

ЖАЖДА ВЕРЫ

1

Слепорожденный не видел Христа,
Черной завесой была слепота,
Но, и не видя, но, и не зная,
Он повторял, неустанно взывая:
— Сыне Давидов! Сыне Давидов!
Даруй, чтоб я Тебя тоже увидел!
И не пропала молитва слепого —
Было ему озаренье Христово.

Стану вымаливать я у Христа,
Да озарится моя слепота!

2

Было раскрыто отверстие в крыше,
Чтобы расслабленный Слово услышал,
Чтобы увидел Христа впереди,
И прозвучало бы: «Встань и ходи!»

. . . . . .

Сводом бетонным заделали мы —
Наша гордыня, наши умы —
Входы к источнику Жизни и Света,
Неодолимо препятствие это.
Но потружусь неоглядно и стойко,
Но проберусь через своды надстройки,
Чтобы увидеть Христа впереди,
Чтобы услышать мне: «Встань и ходи!»

1960

ВЕРБНАЯ ВСЕНОЩНАЯ

Пришел я ко всенощной с вербой в руках,
С расцветшими ветками в нежных пушках.
Пушистые шарики трогаю я —
Вот этот — умершая дочка моя.
Тот маленький птенчик —
Сын мой младенчик,
Двоешка под крепким брусничным листом —
Во всем неразлучные мать с отцом.
Тот шарик без зелени —
Друг мой расстрелянный,
К веткам прильнувший —
Племяш утонувший,
Смятый и скрученный —
Брат мой замученный,
А тот глянцевитый —
Брат мой убитый.
Шариков хватит на ветках тугих
Для всех отошедших моих дорогих.
Лица людей — лики икон,
Каждый свечою своей озарен.
Вербная роща в храм внесена,
В каждое сердце входит весна.
Радостно пение:
Всем воскресение!
Общее, общее всем воскресение!
Трепетны свечи,
Радостью встречи,
Смысл узнается в каждой судьбе.
Слава Тебе!
Слава Тебе!

2 апреля 1961

РИЗА ГОСПОДНЯ

Фундаментом русского религиозного мышления является убежденность в потенциальной святости материи, в единстве и священности всего творения и призвании человека соучаствовать в конечном его преображении.

Н. Зернов.
Русский религиозный ренессанс XX века

Го́спода пойте и превозносите Его вовеки.
Служба Великой субботы

1

И в старину, и вчера, и сегодня
Наша Земля — это Риза Господня.

2

Благословенна земная плоть —
В тело земное облекся Господь.

3

Благословенно реки теченье —
В реке совершилось Господне крещенье

4

Радуйся, поле зерна золотого, —
Хлебом является тело Христово.

5

Радуйся, сок виноградной кисти, —
Вином изливается кровь Евхаристии.

6

Благословен синеокий лен —
Изо льна соткан Господень хитон.

7

Благословенны земные цветы —
В них видел Христос венец красоты.

8

Благословенны малые дети —
Им первым обещано Царство в Завете.

9

Благословенны земные дороги —
По ним проходили Господни ноги.

10

Радуйтесь, птиц пернатые стаи —
Сам Дух Святой голубкой витает.

11

И в мысли, что Дух проникает материю, —
Нет ни язычества, ни суеверия.

12

Недаром Господь, исцеляя слепого, —
Использовал брение праха земного.

13

И тяжко-больных посылал не к врачам —
А только умыться водой в Силоам.

14

Доныне в тоске по целительной силе —
Старушка песочек берет на могиле;

15

И глядя на лик чудотворной иконы —
Кладет с воздыханьем земные поклоны.

16

А мы припадаем к священным мощам —
От них как-то ближе к безсмертию нам.

17

Так будь же свята и блаженна земля —
Долины и горы, моря и поля!

18

И в старину, и вчера, и сегодня —
Земля наша — светлая Риза Господня!

1960

* * *

О Пречистая Матерь Божия,
Не отринь меня, как негожего,
Материнства свет омрачившего,
Сына черствого, сердцем нищего.

Если мать моя Тебе жалится,
Все кручинится и печалится,
Если жгут ее слезы скрытые,
Огорчения незабытые —
То простить меня помоги Ты ей.

НА ПАСХЕ

Хоть он теперь не богомолен,
Наш заблудившийся народ,
И звон умолкших колоколен
Его к молитве не зовет,

Но голос сердца изначальный
В его душе еще звучит
И в светлый день первопасхальный
«Христос Воскресе» говорит.

Тогда, покорный древним силам,
В распах кладбищенских ворот
Идет народ к родным могилам,
Идет, идет, идет, идет.

И на могилах теплит свечи,
И крошит хлеб, и кормит птиц,
И молится, и чает встречи
С заветным сонмом милых лиц.

Тот голос сердца не задушишь!
Его ничем не истребить.
И каждый, кто имеет уши,
Достоин веровать и жить.

1966

ВЕРА

Возлюби Бога твоего всем сердцем.
Мф. 22, 37

Дано ль мне Бога возлюбить
От всей души и разуменья?
Не только радостно хвалить
За красоту Его творенья,
Но безгранично доверять
И все от Бога принимать
Без ропота и принужденья.
На милость Божью уповать.
Его премудрости предать
Себя, вне всякого сомненья,
И, лишь прося себе терпенья,
Осанну — Богу воспевать.

25 декабря 1970

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ

Домбровский Юрий Осипович (1909—1978) — прозаик, поэт. Отец — цыган, принявший иудаизм, известный в Первопрестольной адвокат, мать — русская, лютеранка, ученый-биолог. Дед Юрия Осиповича — Домбровир, цыганский «барон» (вожак рода) и конокрад, оказавшийся в 1863 году в рядах польских повстанцев, впрочем, не из идейных, а корыстных соображений: поставлял партизанам лошадей. После разгрома восстания вместе с другими его участниками сослан в Сибирь.

Домбровский начинал как поэт. Слушал лекции в ГИТИСе. В 1932 году окончил Высшие литературные («брюсовские») курсы. В 1933 году по обвинению в антисоветской деятельности выслан из Москвы в Алма-Ату. Второй арест — в 1939 году — завершился Колымой. В 1943-м досрочно, по инвалидности, освобожден. Вернувшись в Алма-Ату, сотрудничает с местным театром, читает лекции о Шекспире. Третий арест пришелся на 1949 год. Место заключения — тайшетский озерлаг. После освобождения (1955 год) жил в Алма-Ате, затем — в Москве. Всемирную известность получил как автор романа «Хранитель древностей».

Роковым для жизни писателя стал следующий его роман — «Факультет ненужных вещей», напечатанный во Франции. Из-за него Домбровский был смертельно избит неустановленными лицами и 29 мая 1978 года от нанесенных побоев скончался в больнице. Самое полное шеститомное Собрание сочинений Юрия Домбровского вышло в Москве в 1992 году.

Публикация Виталия Мухина

АМНИСТИЯ
(Апокриф)

Даже в пекле надежда заводится,
Если в адские вхожа края.
Матерь Божия, Богородица,
Непорочная Дева моя!

Она ходит по кругу заклятому,
Вся надламываясь от тягот,
И без выбора каждому пятому
Ручку маленькую подает.

А за сводами низкими, склизкими,
Где земная кончается тварь,
Потрясает пудовыми списками
Ошарашенный экс-секретарь[1].

И сипит он, трясясь от безсилия,
Воздевая ладони свои:
— Прочитайте-ка, Дева, фамилии,
Посмотрите хотя бы статьи!

И увидите, сколько уводится
Неугодного Небу зверья...
Вы не правы, моя Богородица,
Непорочная Дева моя!

Но идут, но идут сутки целые
В распахнувшиеся ворота,
Закопченные да обгорелые,
Не прощающие ни черта!

[1] Имеется в виду Сталин. Окончательный вид стихотворение приобрело после доклада Хрущева на XX съезде КПСС.

Через небо глухое и старое,
Через пальмовые сады
Пробегают, как волки поджарые,
Их расстроенные ряды.

И глядят серафимы печальные,
Золотые прищурив глаза,
Как открыты им двери хрустальные
В трансцендентные небеса;

Как, вопя, напирая и гикая,
До волос в планетарной пыли,
Исчезает в них скорбью великая
Умудренная сволочь земли.
И, глядя, как ревет, как колотится
Оголтевшее это зверье,
Я кричу: «Ты права, Богородица!
Да святится имя Твое!»

Колыма,
зима 1940 (1953)

УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

Мой дорогой, с чего ты так сияешь?
Путь ложных солнц — совсем не легкий путь!
А мне уже неделю не заснуть:
Заснешь — и вновь по снегу зашагаешь,
Опять услышишь ветра сиплый вой
И скрип сапог по снегу, рев конвоя:
«Ложись!» — и над соседней головой
Взметнется вдруг легчайшее, сквозное,
Мгновенное сиянье снеговое —
Неуловимо тонкий острый свет:
Шел человек — и человека нет!

Убийце дарят белые часы
И отпуск... Целых две недели
Он человек! О нем забудут псы,
Таежный сумрак, хриплые метели.
Лети к своей невесте, кавалер!
Дави фасон, показывай породу!
Ты жил в тайге, ты спирт глушил без мер,
Служил Вождю и бил врагов народа.
Тебя целуют девки горячо,
Ты первый парень — что тебе еще?

Так две недели протекли — и вот
Он шумно возвращается обратно,
Стреляет белок, служит, водку пьет,
Ни с чем не спорит — все ему понятно.
Но как-то утром, сонно, не спеша,
Не омрачась, не запирая двери,
Берет он браунинг — и... Милая душа,
Как ты сильна под рыжей шкурой зверя!

В ночной тайге кайлим мы мерзлоту,
И часовой растерянно и прямо
Глядит на неживую простоту,
На пустоту и холод этой ямы.
Ему умом еще не все объять,
Но смерть над ним крыло уже
простерла: — Стреляй! Стреляй!..
— В кого ж теперь стрелять?
— Из горла кровь!..
— Да чье же это горло?

А что, когда положат на весы
Всех тех, кто не дожили, не допели,
В тайге ходили, черный камень ели
И с храпом задыхались, как часы?
А что, когда положат на весы
Орлиный взор, геройские усы
И звезды на фельдмаршальской шинели?

Усы, усы, вы что-то проглядели,
Вы что-то недопоняли, усы!
И молча на меня глядит солдат,
Своей солдатской участи не рад.
И в яму он внимательно глядит,
Но яма ничего не говорит.
Она лишь усмехается и ждет
Того, кто обязательно придет.

1949

СОЛДАТ — ЗАКЛЮЧЕННОЙ

Постоять, погрустить у порога —
Много ль надо девчонке? — не много:
Посмотреть, как на западе ало
Раскрываются ветки коралла,
Как под небом холодным и чистым
Снег горит золотым аметистом —

И довольно моей парижанке,
Нумерованной каторжанке.
Были яркие стильные туфли,
Износились, и краски потухли,
На колымских сугробах потухли...

Изувечены нежные руки,
Но вот брови — царские луки,
А под ними, как будто синицы,
Голубые порхают ресницы.

Лагерная тетрадь

Обернется, посмотрит с улыбкой,
И покажется лагерь ошибкой,
Невозможной фантазией, бредом,
Что одним шизофреникам ведом...

Миру ль новому, древней Голгофе ль
Полюбился твой девичий профиль?

Эти руки в мозолях кровавых,
Эти люди на мертвых заставах,
Эти бьющиеся в безпорядке
Потемневшего золота прядки?

Но на башне высокой тоскуя,
Отрекаясь, любя и губя,
Каждый вечер я песню такую,
Как молитву, твержу про себя:

«Вечера здесь полны и богаты,
Облака, как фазаны, горят.
На готических башнях солдаты
Превращаются тоже в закат.
Подожди, он остынет от блеска,
Станет ближе, доступней, ясней

Этот мир молодых перелесков
Возле тихого царства теней.
Все, чем мир молодой и богатый
Окружил человека, любя,
По старинному долгу солдата
Я обязан хранить от тебя.

Ох ты, время, проклятое время,
Деревянный бревенчатый ад!
Скоро ль ногу поставлю я в стремя
И повешу на грудь автомат?
Покоряясь иному закону,
Засвищу, закачаюсь в строю?..
Не забыть мне проклятую зону,
Эту мертвую память твою;
Эти смертью пропахшие годы
Эту башню у белых ворот,
Где с улыбкой глядит на разводы
Поджидающий всех пулемет.
Кровь и снег. И на сбившемся снеге
Труп, согнувшийся в колесо, —
Это кто-то убит при побеге,
Это просто убили — и все!
Это дали работу лопатам
И лопатой простились с одним...
Это я своим долгом проклятым
Дотянулся к страданьям твоим».

Не с того ли моря безпокойны,
Обгорелая бредит земля,
Начинаются глупые войны
И ругаются три короля?
И столетья уносит в воронку,
И величья проходят, как сны,
Что обидели люди девчонку,
И не будут они прощены!
Только я, став слепым и горбатым,
Отпущу всем уродством своим
Тех, кто молча стоит с автоматом
Над поруганным детством твоим.

1960 (?)

МАРИЯ РИЛЬКЕ

Выхожу один я из барака,
Светит месяц, желтый как собака,
И стоит меж фонарей и звезд
Башня белая — дежурный пост.

В небе — адмиральская минута,
И ко мне из тверди огневой
Выплывает, улыбаясь смутно,
Мой товарищ, давний спутник мой!

Он — профессор города Берлина,
Водовоз, бездарный дровосек,
Странноватый, слеповатый, длинный,
Очень мне понятный человек.

Фотографии из следственного дела

В нем таится, будто бы в копилке,
Все, что мир увидел на веку.
И читает из Марии Рильке
Инеем поросшую строку,

Поднимая палец свой зеленый,
Заскорузлый в горе и нужде,
«Und Eone redet mit Eone», —
Говорит Полярной он звезде.

Что могу товарищу ответить?
Я, деливший с ним огонь и тьму?
Мне ведь тоже светят звезды эти
Из стихов, неведомых ему.

Там, где нет ни времени предела,
Ни существований, ни смертей,
Мертвых звезд рассеянное тело,
Вот итог судьбы твоей, моей:

Светлая, широкая дорога —
Путь, который каждому открыт...
Что ж мы ждем? Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Начало 60-х (?)

АЛЕКСАНДР ТРИШАТОВ

Тришатов (Добровольский) Александр Александрович (1886—1965) — прозаик, поэт. Его рассказы появились в печати в 1911 году, а в 1915 году в Москве вышла первая и единственная прозаическая книга «Молодое, только молодое». В 1917 году стал прихожанином храма Николая Чудотворца в Кленниках и духовным сыном о. Алексея Мечева (в 1961 году написал о нем «Воспоминания»). В 20-е годы его рассказы продолжали появляться в печати, но один из современников недаром назвал его «заживо погребенным», отметив: «Неудачи Тришатова меня не удивляют — он слишком перегнал свое время. Вероятно, только Б. Пастернак идет в уровень с ним! Пильняк, конечно — способный

человек, но до них ему далеко. Это мое глубокое убеждение. Тришатов о прозе Пастернака отзывался как о лучшей — которую ему пришлось слышать за последнее время... Тот огромный восторг, который вызывала во мне проза Пастернака, Тришатова, Белого, — является для меня подтверждением их огромной значительности, только Тришатов и Пастернак пошли дальше Белого».

В эти и последующие годы Тришатова хорошо знал Владимир Лидин, вспоминавший: «Рассказы Тришатова сразу привлекли внимание необычайностью стиля и своеобразием фразы. В те годы это прозвучало ново и свежо, хотя и не всем нравилось». Тришатов, конечно, мог, подобно Андрею Белому, «самоперековаться», но он предпочел остаться *погребенным заживо* точно так же, как это сделал молодой Даниил Андреев. Правда, это не спасло ни Даниила Андреева, ни Александра Тришатова, осужденных по одному и тому же делу «за участие в антисоветской группе, антисоветскую агитацию и террористические намерения». «В 1948 году, — сообщает о Тришатове Владимир Лидин, — был репрессирован, в 1956 — реабилитирован. В годы репрессий написал книгу стихов "Ж-106"».

После реабилитации Александр Тришатов продолжал работать библиотекарем и писать «в стол»...

ЛАГЕРЬ

Я вышел. Тихо. Ночь кругом.
Спят все, и грешный, и проклятый...
И я шепчу: — Ночь тоже дом.
Войди сюда. Здесь у себя ты.

Пусть длится продолженье дня —
Огни, горящие по зоне.
Они не страшны для меня,
Их свет в нездешнем свете тонет.

Сейчас все эти дали, лес,
Лежат, окутанные снами.
И только «ШИРШАЯ НЕБЕС»
Скорбит и молится над нами.

ГОЛГОФА

Шепот ночи, злой, как писк мышиный.
Взгляд последний... Двор наш... Темнота...
В переулке разворот машины
И моя Голгофа начата.

Но в величье моего терпенья
Скорби я одной в душе не стер:
Изваянье двух моих сестер,
Горестное их оцепененье.

Сверху свет на них ложился желтый,
И они, смотря в дверной квадрат,
Спрашивали все: — Куда ушел ты?
И когда назад вернешься, брат?

Господи, страданье умири их,
Ведь Тебе знакома пытка та.
Вспомни, Господи: — У Твоего креста
Тоже так стояли две Марии.

НАТАЛИЯ АНУФРИЕВА

Ануфриева Наталия Даниловна (1905—1990) — поэтесса, прозаик, мемуарист. История русской духовной поэзии XX века, так же как и история русской тюремно-лагерной поэзии, сегодня непредставима без имени Наталии Ануфриевой. Ее имя можно смело поставить в один ряд с именами Льва Карсавина, Варлама Шаламова, Анны Барковой, Александра Солодовникова, Юрия Домбровского, Даниила Андреева, Александра Василенко, Бориса Чичибабина и многих-многих других мучеников русской поэзии. Родилась поэтесса в Санкт-Петербурге, в дальнейшем детские и юношеские годы провела в Крыму, в Симферополе, вместе с матерью и отчимом. По линии матери она является внучатой племянницей Николая Федоровича Арендта, лейб-медика Николая I, врача, на руках которого умер Пушкин. Стихи начала писать очень рано, первые ее поэтические опыты были благосклонно оценены Максимилианом Волошиным. В ранней любовной лирике она тоже обращалась к Господу, вспоминая в 1952 году об этом периоде своей жизни и творчества:

...Новым взором былое измерила,
И душа поняла, озарясь,
Как в Тебя я, не веруя, верила,
Как молилась Тебе, не молясь.

После школы работала статистиком, а в 1931 году из-за неразделенной любви к известному в те годы киноактеру и режиссеру Константину Владимировичу Эггерту (1883 — 1955) переехала в Москву, чтобы жить в одном городе с любимым человеком: в ее мемуарах «История одной души» он выведен под именем Михаила Данина. Следует сказать, что и судьба самого Эггерта в дальнейшем сложилась не слишком счастливо: с 1938 по 1946 год он не по своей воле оказался в одном из многочисленных концлагерей, расположенном подле города Ухта, руководил лагерным театром, отбывал ссылку в Улан-Удэ, где и умер в 1955 году.

25 мая 1936 года Ануфриеву арестовали. Следствие инкриминировало ей подготовку покушения на Сталина, антисоветские высказывания, хранящиеся у нее в архиве стихи Максимилиана Волошина, а также поэтический цикл из четырех стихотворений, посвященных адмиралу Колчаку. По этому делу проходил сын поэтессы Аделаиды Герцык, талантливый молодой математик Даниил Жуковский, в 1938 году расстрелянный уже по новому делу, заведенному против него в лагере. В архиве ФСБ на Лубянке и ныне погребены ее юношеские дневниковые тетради, исследование о Достоевском, стихи.

Следствию не удалось доказать подготовку покушения на Сталина, но в деле (из показаний свидетеля) приводились ее слова: «Жизнь идет мимо нас, а если кто хочет в эту жизнь прорваться, то его расстреливают. Такого гнета, как теперь, не было ни при Бенкендорфе, ни при Екатерине. Мы живем в полном мраке. Но я очень верю в Россию, в ее силу, верю, что она не даст без конца себя втаптывать в грязь. Надо терпеть, ждать и хранить чистоту своих взглядов. Моя ненависть к со-

ветской власти питает не отмщенная, не искупленная могила Колчака». Во время церковных служб она поминала четырех Александров: Пушкин, Колчак, Керенский, Блок. Уже в лагере на Колыме, в декабре 1941 года, она посвятила Адмиралу следующие строки:

Нет страшнее и сладостней плена.
Эту боль приняла и молчу,
И о Божьем рабе убиенном
Я молюсь, зажигая свечу...

Разгорается тихое пламя
Для тебя, для тебя одного!
Это плачет пурга над снегами,
Это скорби моей торжество.

И когда в моем сердце как смута,
Это ты меня кличешь с тоской...
Боже, Боже! Порви эти путы,
Дай душе его вечный покой...

Следствие длилось почти год. 13 апреля 1937 года Спецколлегия Московского городского суда приговорила Ануфриеву к восьми годам тюрьмы с поражением в правах на три года.

В течение двух последующих лет последовательно она была этапирована в тюрьмы Москвы, потом — Ярославля, Нижнего Новгорода (тогда г. Горький) и Суздаля. Срок отбывала на Колыме в лагере под Магаданом. В тех же краях в это же время находился в лагере под Сеймчаном и другой выдающийся русский духовный поэт, Александр Солодовников.

В лагере, как Наталия Даниловна писала позже в своих мемуарах, началась ее «вторая жизнь», отмеченная обретением Бога и обращением к жанру «духовной поэзии». Ее стихи превращались в молитвы:

Мой дух возвысится или унизится?
Мне снится, Господи, что день погас,
Мне тяжко, Господи, как будто близится
Дыханьем гибели мой смертный час.
Как будто чувствует душа разлуку,
Навек сраженная глухой судьбой...
О дай мне, Господи, о дай мне руку.
Над черной пропастью пройти с Тобой!

Фотографии из следственного дела. 1936 г.

В известном смысле она повторила путь поэта Александра Силина, в прошлом секретаря райкома партии, в лагере превратившегося в духовного поэта (о нем пишет Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»). Стихи ей приходилось выучивать наизусть, лишь в 1950-е годы, во время ссылки, она смогла доверить их бумаге. Все происходившее с ней, подобно Александру Солодовникову, воспринимала с истинным смирением Иова, без ропота и гнева. Так, уже находясь в лагере на Колыме, в 1940 году она писала:

Ночь томила гибелью, бедою,
Все чернее становилась тьма...
Но какой печальною звездою
Ты в ночи сияешь, Колыма!

Больше нет смятения и бреда,
Я уже предчувствую зарю,
И за все, что Ты мне дал и не дал,
Господи, Тебя благодарю.

Характерно в этом смысле ее стихотворение 1946 года, в котором она вспоминала осведомителя НКВД, уподобляя его Иуде Искариоту, который, как известно, по ряду богословских трактовок лишь выполнял миссию, предписанную ему свыше.

Где ты теперь, предатель?
В каком изнываешь краю?
Много ль тебе, предатель,
Заплатили за душу твою?

Безсмертный твой дух поруган,
Позор твой ничем не смыт,
А крест мой во мраке над вьюгой,
Как в песне любимой горит.

Глухою идешь тропою,
Нет в мире пути темней...
Но ты — лишь орудье слепое
Судьбы вдохновенной моей.

В 1946 году, после освобождения, Наталия Даниловна вернулась к матери в Феодосию. «Раскрыта жизни новая страница», — отметит она в стихах. В Феодосии ее ждали новые испытания. В послевоенном Крыму, как и в 20-е годы, голодали, и вскоре на ее руках мать фактически умерла от истощения, так как жить было совершенно не на что. А спустя два года, в соответствии с обычной для того времени практикой, ее, как «повторницу», вновь арестовали и отправили в ссылку в Казахстан (его тогда называли «Казэкстан»), а позже в Красноярский край. На стихах, созданных в 1949 — 1954 годах, отмечены места ее пребывания в ссылке: Актюбинск, Уральск, Красноярск, красноярские деревни Козылган, Большой Улуй, Ново-Никольское... И только в конце 1954 года, после шестнадцати лет тюрем, лагерей и ссылки, новые стихи она напишет в подмосковной деревне Алексейково. Но уже с августа 1955 года и до конца жизни постоянным местом жительства Наталии Даниловны станет древний Владимир, в который ее направят как «минусницу», не имевшую права на проживание в Москве и в других крупных городах. Во Владимире у нее не было ни жилья, ни друзей, ни родных, зато в нем находился действую-

щий храм — знаменитый Успенский собор. В то время уже вовсю разворачивались «хрущевские» гонения на Церковь, во многих городах храмы взрывались или закрывались. Владимирский Успенский собор пережил и это лихолетье, оставаясь одним из самых намоленных храмов во всей России. Так началась еще одна ее новая и последняя жизнь — жизнь в Церкви. Не менее важное значение имела для нее первая встреча с храмом Покрова на Нерли, описанная в «Истории одной души»: «...Утро было довольно прохладное. Когда мы вышли за черту села и пошли проселочной дорогой к стройному, белому храму, вид села с возвышающимися над ним луковицами собора напомнил мне древнюю Русь. Казалось, в этих полях жили воспоминания о набегах кочевников. В первый раз почувствовала я древнюю Русь, а до того я любила и знала Родину, главным образом, петровского и послепетровского периода. Здесь же все дышало древностью, воспоминанием тех веков, когда пришло к нам христианство. Тот белый храм, что сиял перед нами среди тихих, скромных, чисто русских полей, казался мне наилучшим, самым чистым и самым глубоким из всех изображений Богоматери. Но этот храм с окружающими его полями был не только образом Богоматери, но и образом России».

В апреле 1957 года постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР она была реабилитирована, но продолжала жить во Владимире, оставаясь до последних дней активной прихожанкой Успенского собора. Будучи прекрасным художником, работала на фабрике игрушек и писала религиозную прозу, с которой, кстати, был ознакомлен и тогдашний правящий во Владимире митрополит Николай. Умерла поэтесса 13 декабря 1990 года в возрасте 85 лет. Похоронена на новом Владимирском кладбище.

Ни одна строчка стихов Наталии Ануфриевой при жизни не была опубликована. После ее смерти осталось большое литературное наследие, к счастью, сохраненное близкими и родственниками. За что хочется их поблагодарить, в особенности Владимира Гумберта, Юрия Арендта и Елену Павлову — ведь сколь часто бывает иначе (примерам подобного равнодушия несть числа). Архив Ануфриевой насчитывает несколько сотен стихотворений, литературоведческие (эта часть, впрочем, до сих пор пребывает в лубянском архиве) и богословские статьи, мемуарная проза о поисках и обретении Бога. В 1994 году московское издательство «Возвращение» при посредничестве общества «Мемориал» в серии «Поэты — узники ГУЛАГа» издало крохотным тиражом маленькую книжечку ее стихотворений под названием «Жизнь развернула новую страницу». После 2000 года последовал ряд публикаций в журналах и газетах «Грани», «Литературная Россия», «Духовный собеседник», «Истина и жизнь», «Русская мысль», «Москва», «Русич» и других. Ее стихи вошли во все сборники и антологии узников и узниц ГУЛАГа. Наиболее полная подборка «Молчаливая радость креста!» представлена в Интернете на сайте «Стихи. ru». В 2009 году Издательский дом «Коктебель» выпустил книгу стихотворений с фрагментами мемуарной прозы Наталии Ануфриевой «История моей души». Смеем надеяться, что творчество замечательной христианской поэтессы XX века, сумевшей пронести сквозь все испытания Русской Голгофой глубокую веру в Господа, послужит России и поможет многим обрести свет христовой Истины.

Вступительная статья и публикация
Евгения Данилова

* * *

Я убил тебя. Белесый вечер
В окна смотрится. Мучений тьмы...
А над гробом зажигают свечи,
Запевают певчие псалмы.

Помню всю. Глаза твои блестели...
Ах, тоска, тоска!
Свесилась, откинувшись с постели,
Детская безсильная рука...

Ты сказала: «Всем, чем хочешь, буду»,
Засмеялась тихо от стыда...
Ласточка, тебя я не забуду,
Слышишь? Не забуду никогда.

Я не верю, что в раю забвенье
И святые сны,
Губы детские, принявшие мученье,
Небывалым счастьем сожжены.

1927, Симферополь

* * *

Завтра смерть. В Твои отдамся руки.
Ты за все грехи мне отпусти.
Слишком страшно, слишком много муки
На моем страдальческом пути.

Вечер был. Закат дымился алый.
Тихий-тихий, быстрый скрип саней...
У ворот опричник разудалый
Удержал взбесившихся коней.

Дом качнулся. Стены задрожали.
Тихий посвист, да жестокий смех...
В дом вошли опричники с ножами,
Отыскали и убили всех.

Я одна скрывалась на палатях,
Но меня нашли и отнесли
На руках во двор. Сорвали платье,
Били плетью и железом жгли.

Грозный царь, худой и бородатый,
Черной тенью вырос на крыльце,
Только рот запекшийся и смятый
Задыхался на его лице.

И когда горячею волною
Снег холодный обагрила кровь,
Взгляд его простерся надо мною —
Словно нестерпимая любовь...

Ненависть во мне сильнее страха,
Только Богу я о ней скажу,
В ненависти голову на плаху
На широкой площади сложу.

Господи, но на моих ладонях
Плачет, мучится его душа,
Оттого ночами сердце стонет,
Оттого я не могу дышать...

Боже, Боже! Смерти ль мне бояться?
Там, в углу погасли образа...
В страшных снах его глаза мне снятся,
Тусклые, безумные глаза...

И когда кровавою тропою
Я одна пойду на Страшный Суд,
Ангелы святые вслед за мною
Плачущую душу понесут.

1928, Симферополь

* * *

Ты знаешь все. Как я свечою таю,
Горю свечой. Склонись к моим мольбам...
Во мне мечта растет, совсем простая,
В тоске прильнуть к его родным губам.

И платою за радость встречи краткой
Пусть будет жизнь. И пусть Ты знаешь чья...
Мне больно, Господи, от рук Твоих. И сладко.
Земная. Обреченная. Твоя.

1929, Симферополь

* * *

Разве станет темнотою свет.
Я иду покорно с Божьим именем...
Я не верю, нет! Что счастье бред!
Господи, прости меня. Спаси меня.

Январь 1930, Симферополь

* * *

Прости мне, Господи, не грех, не кровь,
Прости мне сильную, как смерть, любовь.

Люблю мучение, и боль, и тьму,
Люблю томление предсмертных мук.

Прости мне, Господи, мою тоску,
Я тело страстное на крест влеку,

Я на костре его свечою жгу...
Иначе, Господи, я не могу.

1933, Москва

* * *

Чем безцельнее путь, тем суровей,
Горячее молитвы тоска...
О, наполни мне душу любовью,
Помоги мне ее расплескать!...

И когда увлечет бездорожье,
Как душою угаданный путь,
Помоги, научи меня, Боже,
Двери сердца совсем распахнуть!

Май 1938, Суздаль

* * *

Ночь томила гибелью, бедою,
Все чернее становилась тьма...
Но какой печальною звездою
Ты в ночи сияешь, Колыма!

Больше нет смятения и бреда,
Я уже предчувствую зарю,
И за все, что Ты мне дал и не дал,
Господи, Тебя благодарю.

Январь 1939, 7-й километр

* * *

Глухая ночь зальет глаза дождем.
О пусть усталость пригибает плечи!..
Войду, тоскуя, в опустевший дом
И больше никого не встречу.

В глухую ночь я выйду на крыльцо,
В тоске, без сил, расплескивая душу,
И в темноте мне брызнет дождь в лицо,
Холодный дождь и равнодушный.

Так, Господи. Я вновь одна с судьбой,
В пустыне я, в которой все потонет...
Я в эту ночь мою живую боль
Без сил кладу в Твои ладони.

Август 1939, Магадан

* * *

Нет страшнее и сладостней плена,
Эту боль приняла и молчу,
И о Божьем рабе убиенном
Я молюсь, зажигая свечу...[1]

Разгорается тихое пламя
Для тебя, для тебя одного!
Это плачет пурга над снегами,
Это скорби моей торжество.

И когда в моем сердце как смута,
Это ты меня кличешь с тоской...
Боже, боже! Порви эти путы,
Дай душе его вечный покой...

Декабрь 1941, Талон, старый сельхоз

[1] Считается, что это стихотворение посвящено памяти адмирала А.В. Колчака. — *Е. Д.*

* * *

Вновь слышу голос я пурги ликующей,
В снегах колдующей, грустя, звеня...
Что обещаешь ты душе тоскующей?
В какие пропасти зовешь меня?

Душа в смятении и ждет пророчества...
О, дай в грядущее на миг взглянуть!..
Благодарю тебя за одиночество,
За ночи вьюжные, за снежный путь.

А в страстном голосе звучит нетленное
Родное прошлое в снегах, вдали...
Благословляю вас, снега священные,
Дороги скорбные глухой земли.

1946, Магадан

* * *

И вот опять глухое бездорожье,
Неведом путь, ночная даль темна,
Но надо мной есть благость воли Божьей,
Его любви святая глубина.

Зачем роптать на свой суровый жребий?
Мне тайный голос шепчет: не жалей!
Быть может, я увижу звезды в небе,
Опять вдохну ночную тишь полей...

О Боже мой! Так много сердцу надо...
Что впереди? Не знаю ничего...
Но в тайный час струится в сердце радость,
Горячий свет из Царства Твоего.

И счастлив тот, кто принял все тревоги,
Кто перенес все скорби, все кресты,
И счастлив тот, кто умер на дороге,
Не пережив безмерной Красоты.

Я все приму покорно и бездумно,
А Светлый Лик все ближе, все ясней...
И пусть другим покажется безумным
Блаженный бред о радости моей.

Что есть восторг, который больше счастья
Среди цепей, среди тягчайших мук,
Что Ты со мной, что вся душа во власти
Твоей любви, Твоих всесильных рук.

Июль 1949,
Актюбинск

* * *

Пусть говорят, что Ты велик во гневе
И страшен Ты в величии Своем,
Но за окном высокие деревья
Твердят одно: Твоя любовь во всем.

Веселых птиц ликуют перезвоны,
О радости деревья шелестят,
Глядят на мир светло и изумленно
Глаза невинных маленьких котят.

И в мире нет проклятия и скверны,
Безгрешен мир и вся земная плоть,
И всю ее в любви Своей безмерной
Благословил для радости Господь.

Июль 1949,
Актюбинск

* * *

Глубока Красота земная,
У души не хватает сил...
Господи, я не знаю
За что Ты меня полюбил.

Я не знаю во что я верю,
Отчего мое сердце поет,
Только настежь распахнуты двери
В лучезарное Царство Твое.

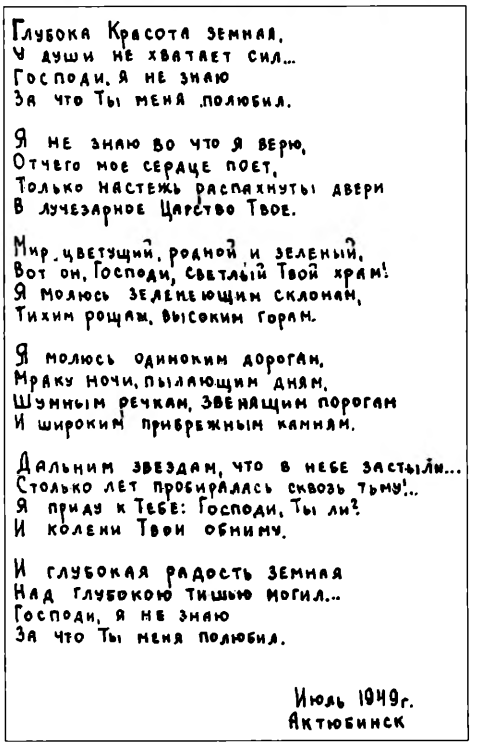
Мир цветущий, родной и зеленый,
Вот он, Господи, светлый Твой храм!
Я молюсь зеленеющим склонам,
Тихим рощам, высоким горам.

Я молюсь одиноким дорогам,
Мраку ночи, пылающим дням,
Шумным речкам, звенящим порогам
И широким прибрежным камням.

Дальним звездам, что в небе застыли...
Столько лет пробиралась сквозь тьму!..
Я приду к Тебе: Господи, Ты ли?
И колени Твои обниму.

И глубокая радость земная
Над глубокою тишью могил...
Господи, я не знаю
За что Ты меня полюбил.

Июль 1949,
Актюбинск


Глубока Красота земная,
У души не хватает сил...
Господи, я не знаю
За что Ты меня полюбил.

Я не знаю во что я верю,
Отчего мое сердце поет,
Только настежь распахнуты двери
В лучезарное Царство Твое.

Мир цветущий, родной и зеленый,
Вот он, Господи, светлый Твой храм!
Я молюсь зеленеющим склонам,
Тихим рощам, высоким горам.

Я молюсь одиноким дорогам,
Мраку ночи, пылающим дням,
Шумным речкам, звенящим порогам
И широким прибрежным камням.

Дальним звездам, что в небе застыли...
Столько лет пробиралась сквозь тьму!..
Я приду к Тебе: Господи, Ты ли?
И колени Твои обниму.

И глубокая радость земная
Над глубокою тишью могил...
Господи, я не знаю
За что Ты меня полюбил.

Июль 1949г.
Актюбинск

* * *

Дорога дальняя, дорога пыльная...
Но где же, Господи, где Дом Отца?..
Я знаю, Господи, я очень сильная,
Но только сильная не до конца...

Так много строено на почве зыбкой,
И столько горечи, утрат и бед...
Мне снится, Господи, Твоя улыбка
И тихо льющийся вечерний свет...

О как устала я в пути-дороге!
Но радость вспыхнула на склоне дня...
Я вижу, Господи, Ты на пороге.
Ты близко, Господи. Прости меня.

Июль 1949,
Актюбинск

* * *

Море палящего света.
Кровь ударяет в висок...
Сын мой! О Господи! Где Ты?
Господи! Крест твой высок...

Мать Твоя плачет, тоскуя,
Бедное сердце в крови,
К этому сердцу прижму я
Милые ноги Твои.

Сердце, залитое кровью,
Как я хранила в пути,
Как я хотела с любовью
К Сыну его донести.

Вот донесла, я с Тобою,
Рядом. А сердце, звеня
В грудь ударяет прибоем...
Сын мой! Ты слышишь меня?

В мрак наступающей ночи
Солнечный луч протяни.
В матери скорбные очи, Господи,
Сын мой, взгляни!

Август 1949,
Актюбинск

* * *

Вот исполнят сейчас приговор...
Вот шаги! Это, верно, ко мне!
Двери. Двери. Потом коридор.
Снова двери. И дальше — конец.

Скрипнул снег под ногами.
Темно. Чуть морозная ночь на дворе...
Но увидеть уже не дано
Погасания звезд на заре...

Жизнь, о жизнь! Так тебя я люблю,
Как еще никогда, горячо,
Так тоскую, так страстно молю:
Загорись на мгновенье еще!

Только миг, а потом умереть...
Снег скрипит, но не видно ни зги...
Боже, Боже! Не Ты ли? Ответь.
Не Твои ли я слышу шаги?

В смертный час Ты приходишь помочь.
Я гляжу в непроглядную тьму...
Не Твоим ли дыханием ночь
Прикоснулась к лицу моему?

Август 1949,
Актюбинск

* * *

Глух как пустыня двор оснеженный...
Наш приговор суров, —
Завтра наутро тела казненных
Бросят в глубокий ров.

Солнце, о солнце! Ты встанешь вскоре
В снежной родной тиши...
Будут служить панихиду в соборе
За упокой души.

Снова зажжется багряный вечер
Божьей незримой рукой,
Будут гореть восковые свечи
Тихо за наш упокой.

Скоро ль конец по воле Господней
Выстрелам, ночи, шагам?
Боже, спаси, помоги нам сегодня!
Завтра — мы будем Там.

Август 1949,
Актюбинск

* * *

Не Ты ли, Господи? Дорогой длинной
Идти без устали в пыли, в крови,
И вдруг почувствовать в ночи пустынной
Прикосновение Твоей любви.

Сквозь ночи вьюжные, сквозь ночи темные
Идти и мучиться так много лет
И вдруг почувствовать: преграды сломаны,
Ты близко, Господи, и хлынул свет...

И в свете хлынувшем рыданья глуше,
С Тобою, Господи, наедине...
Мою Ты, Господи, всю видишь душу,
Как много темного еще во мне.

Но снова отдано мне детство раннее,
Травы дыхание и дрожь листа,
Такое близкое, такое дальнее,
Такое чистое, как лик Христа.

Август 1949,
Актюбинск

* * *

Вновь дыханье судьбы неизбежной,
Все, что будет, покорно приму...
Спит еще городок безмятежно
В голубом предрассветном дыму.

Занимаются зори далеко,
На рассвете строга тишина...
Я в скорби своей одинока
И в счастье своем одна.

О как часто душа тускнеет,
Поникла от смутных тревог!..
А в окно тюремное веет
Ветер воли и дальних дорог.

Боже, Боже! Так много мне надо,
Про это Ты знаешь Сам...
Тихий дым над уснувшим садом
Незаметно уплыл к небесам.

Пусть не знаю, кого зову я,
Но с тревогой и трепетом пью,
Как влагу с небес дождевую,
Господи, радость Твою.

Сентябрь 1949,
Уральск

* * *

Тюрьма ль холодная, сума ль голодная,
Ты знаешь, Господи, пути мои.
В тюремной камере — душа свободная,
Но страшно, Господи, что нет любви.

Так долго тянутся века разлуки...
Дороги спутаны... снега, буран...
Земля изранена и стонет в муке...
Мне больно, Господи, от этих ран.

Пути завьюжены, равнины белы,
Мелькают станции в ночных огнях...
Что слишком мало я любить умела,
Прости мне, Господи. Спаси меня.

Увижу ль зарево в ночи таинственной?
Услышу ль: ангелы вдали поют?
О дай мне, Господи, мой свет единственный,
Мой свет немеркнущий — любовь Твою.

Ноябрь 1949,
Уральск

* * *

Последние порваны нити,
Расчеты с добром и злом...
Отлетает Ангел-хранитель,
Ангел смерти взмахнул крылом.

Господи, где Ты? Где Ты?
Далеко ли Твои небеса?
Белым снегом так дивно одеты
Погруженные в сон леса...

Февраль 1950,
Красноярск

* * *

Горят лучи весеннего рассвета,
И тает снег в полях,
Омыта кровью Нового Завета
От древних мук усталая земля.

И зимний сон, холодный сон нарушен,
Шумя, бегут ручьи...
Живым огнем лучи струятся в душу,
Лучи весны, лучи Твоей Любви.

К Тебе, клубясь, восходит синий ладан,
Слова священных книг,
Еще далек, еще не весь разгадан
Твой огневой, Твой лучезарный Лик.

И лишь в душе неугасимым светом
Горят Твои черты...
О Солнце, Солнце! Отзовись мне: где Ты?
Ведь Солнце — Ты. Все в мире только Ты.

Январь 1951,
Большой Улуй

* * *

Господи, спаси меня, дай веры!
Где Твой Лик, исполненный огня?
Вновь туман колеблющийся, серый
Наплывает на меня...

А над миром жаркое дыханье,
Властное дыханье Красоты,
В блеске вод и листьев трепетаньи,
Господи, Твои черты...

Но в сияньи мира несказанном
Тайной скорби темная струя,
В нем горит трепещущая рана,
Господи, Любовь Твоя.

25 июля 1951,
Большой Улуй

* * *

О Боже, прости меня, Боже!
Не создано мной ничего...
Иду я глухим бездорожьем
За светом креста Твоего.

В скитаниях долгих, безцельных
Твой свет просиял мне в пути...

Во имя любви безпредельной
Прости меня, Боже, прости!

26 июля 1951,
Большой Улуй

* * *

Годы темные, годы суровые,
Пусть вы горькою скорбью полны,
В сердце, вспыхнувшем радостью новою,
Озарились вы светом иным.

Сквозь минувшие годы далекие —
Не слезами ли жизнь залита? —
Смотрят в душу мне очи глубокие,
Все понявшие очи Христа.

Боже, Господи, свет мой единственный,
На рассвете далекого дня
В час, неведомый сердцу, таинственный
До конца полюбивший меня.

Новым взором былое измерила,
И душа поняла, озарясь,
Как в Тебя я, не веруя, верила,
Как молилась Тебе, не молясь.

И сквозь темные годы печальные
Дивный благовест в сердце поет,
И опять песнопенья пасхальные
Воскресение славят Твое.

И сквозь годы страстные и страстные,
Озаряя сияньем любви,
Смотрят в душу мне очи прекрасные,
Все понявшие очи Твои.

2 мая 1952

* * *

В этом мире, где грохочут битвы,
Черной тучей вьется воронье,
Я шепчу единую молитву:
Да приидет Царствие Твое!

В дальней изнуряющей дороге,
В долгие безрадостные дни
Всех бездомных, нищих и убогих
Ты в любви Своей соедини.

И дорога грустная земная
Озаренной в памяти встает
Ничего я, Господи, не знаю...
Да приидет Царствие Твое!

Плачут дни осенними слезами,
Все больней сжимает грудь тоска...
Только Ты глубокими глазами
Поглядел на мир издалека.

Дивный взгляд, исполненный печали,
Снова душу миру отдает...
Этот мир, он весь слезами залит..
Да приидет Царствие Твое!

Грустно мне с землею расставанье,
Дорог мне земной суровый плен,
Но когда окончатся скитанья,
Отдохну я у Твоих колен...

Тихий свет, струящийся из рая,
Озарит земное бытие,
И прошепчут губы, умирая:
Да приидет Царствие Твое!

14 сентября 1952,
Ново-Никольское

* * *

Я читаю былого страницы
В тихий час угасания дня...
Пусть Тебе не умею молиться,
Только Ты не оставишь меня.

Пусть неясны забытые строки,
В сердце врезан страдания след
И какой-то печальный, далекий,
В грустном небе мерцавший рассвет.

Где он вспыхнул во тьме надо мною,
Свет, зажженный Твоею рукой?
Я была ль за тюремной стеною
Или в дальней дороге морской?

Но в ночи, засиявшей лучами,
Не Твои ли, о Боже, черты,
Взгляд Твой, полный глубокой печали
И глубокой, как жизнь, красоты?

И как музыки дивные звуки
Отошедших страданий года,
И Твои благодатные руки
Надо мною везде и всегда.

25 января 1953,
Ново-Никольское

* * *

Ты отошел. Свершилось Вознесенье
И неба глубь Тобой озарена...
Прости мне все, — неверье и сомненье
Чистейшая, святая Глубина...

Ты в мир пришел, чтоб мы Тебя узнали,
Чтоб жили мы, одним Тобой дыша,
Чтоб, исцелясь от всех своих печалей,
Слилась с Тобой свободная душа.

О, дивный свет, разлившийся в эфире,
В моей душе яви Себя, яви,
И дай душе, песчинке в Божьем мире,
Дышать и жить в лучах Твоей любви.

Избавь меня от горечи и боли,
Сотри в душе следы минувших бед...
Я верую в Твою святую волю,
Как в торжество и всепобедный свет.

15 июня 1954,
Большой Улуй

* * *

Боже, Господи мой, я стою пред
закрытою дверью,
Вижу светлый чертог, но в него я не смею войти...
Будь со мной до конца, моему помогая неверью,
Боже, Господи мой, помоги мне мой
крест донести.

Я не в силах придти к Твоему лучезарному раю,
Где в дали золотой беззакатное солнце встает,
Недостойной Тебя, не достигнув Тебя, умираю...
Возложи на меня благодатное бремя Твое.

И когда отстрадав, в оболочке телесной истаю,
Легким взмахом крыла Ангел Смерти
коснется лица,
Дай, о дай не забыть, что свершается воля святая,
Что со мною Господь, полюбивший меня
до конца.

Дай мне дух мой предать в милосердные,
нежные руки,
О Возлюбленный мой! дай услышать
Тебя в тишине,
Дай мне, Боже, сказать, принимая
предсмертные муки:
Не Твоя ли Любовь прикоснулась ко мне?

8—9 марта 1958,
Владимир

НИКОЛАЙ СТЕФАНОВИЧ

Стефанович Николай Владимирович (1912—1979) — поэт. Родился в Варшаве, но вскоре после рождения отец переехал в Россию, где Николай Стефанович и провел всю свою жизнь, преданно любя русский язык и русскую культуру. В его поэзии отражены все грани славянской души, ее надежды, чистые порывы и поиски истинной веры. Возможно, во всем этом сказалось и родство с сербами — поэт был последним отпрыском древнего рода сербских аристократов Вук-Стефановичей, восходящего к XII веку.

Он был многосторонне талантливым человеком — закончив одновременно литературный и театральный институты, он был и прекрасным пианистом. Тяжкий удар подсек расцвет его души почти в самом начале войны: он был артистом театра им. Вахтангова, и в тот день, когда бомба упала на это здание, он оказался в числе нескольких человек, заживо замурованных под обломками здания. В муках погибали его товарищи, задыхаясь один за другим на его глазах, но смерти, увиденной им в упор, не удалось на этот раз добраться до него — его извлекли живым из-под развалин. Но след этой встречи с гибелью, память об этих днях ужаса не были заглажены временем в его душе. Война вывихнула его душу, лишила его легкого восприятия радостей жизни, но, к счастью, не смогла убить талант, высокий талант поэта.

Его творчество насыщено темой одиночества, которое никто не мог разделить. Он пытался протянуть руку к самому земному из всех земных существ — к женщине. Но тщетно. Вечно стоящий рядом призрак смерти разрушал его живые порывы. Горюя о себе самом, понимая эту свою беду, он обращал свои помыслы

и надежды к Богу. Но и будучи глубоко православным человеком, он впадал иногда в отчаяние, близкое к неверию. И часто пытался найти утешение и спасение в попытках воскресить в себе память о детстве, стараясь как бы оттолкнуть этими воспоминаниями весь ужас пережитого. И все же осознание неизбежной смерти обращало его мысли к поиску возможности воскресения, возвращения к жизни, верой в которую отмечены многие его строки («Но и смерть не поставила точки. Не смогла!»).

Он поклонялся природе как проявлению Бога, он воспевал женственность как воплощение Богоматери. Его лирические стихи чисты и прекрасны.

Н. Гусева, составитель и автор предисловия к сборнику: «Н.В. Стефанович. Страстная неделя». М., 2004

* * *

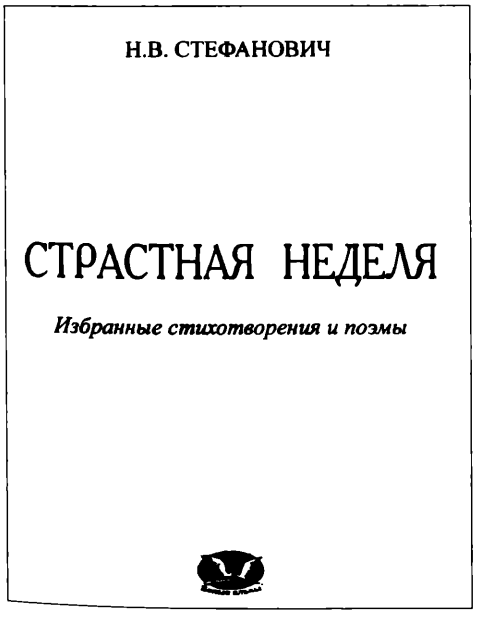
Все люди, и люди — не счесть их!
Набьются в трамвай, в магазин,
Толпятся, но все же не вместе;
Но все-таки каждый один.

И день повторяя вчерашний,
Молчат молодые вдвоем...
О Господи! Пусто и страшно
Становится в мире Твоем!

26 августа 1937

* * *

Июньской ночи вкрадчивая нега,
Когда-то в детстве слышанный напев...



В степи туманной молится телега,
Оглобли в небу звездному воздев.

А про Того, Кого, казалось, нету,
Я понял здесь, на скошенном лугу,
Что каждой так Он двигает планетой,
Как я и бровью двинуть не могу.

Волшебно все: кусты, солома, камень,
И кровь, в моем стучащая виске,
И «Отче Наш», пропетое сверчками
На непонятном людям языке.

В степи телега пламенно и смело
Свои оглобли к Господу воздела.

* * *

О разделенья Альфа и Омега!
Напрасно и безудержно опять
Всю ночь в степи забытая телега
Оглобли к звездам будет простирать.

А звезды околдованные внемлют,
Как их зовут лягушки нараспев,
И в оный час падут они на землю,
Разъединенья злого не стерпев.

Все времена сольются не тогда ли?
Се трубный глас, раздавшись посреди,
Соединит миры, пространства, дали
И то, что было, с тем, что впереди.

— Ей, Господи, гряди! Мы так устали,
Мы ждем Тебя, — Ей, Господи, гряди!

Август 1937

6 ДЕКАБРЯ

Морозно, ветрено и голо,
Во всех мирах, в любом краю
Святую память, о Никола,
Сегодня празднуют твою.

И в этот час хвалы и славы,
При свете тающей свечи,
Как стать не темным, не лукавым,
Как не погибнуть — научи.

1937

* * *

Закатное поле. Как нежно и тихо тут!
Кузнечики в травах мечтательно тикают.
А если мы травы на вечность помножим,
Они обозначатся именем Божьим;
Земля отступила, и только осталась
Сквозных облаков акварельная алость.
И Бога молю я, простой человек:
«О, если бы так оставалось навек!»
Но это мгновенье уходит куда-то,
И болью разлуки все небо объято.

Лето 1938

РОЖДЕСТВО

Быть может, мрак последний встретив,
Уже прикрученный к кресту,
Он вспомнил игры в Назарете,
Он вспомнил яслей теплоту.

И в мир, где пытки и распятья,
Не потому ль, не помня зла,
Его сегодня Богоматерь
Опять младенцем принесла?

1939

* * *

Листва зашумит и отпрянет,
Деревья сомкнутся плотней...
Откуда такой темперамент
У звезд, резеды, тополей?

Загадочны травы и листья,
Все замерло, шорох затих,
И чувствую, — здесь евхаристия,
И слышу: Твоя от Твоих...

1940

* * *

В те дни будет такая скорбь,
какой не было от начала творения.

Все мы знаем, что это будет:
Не уйдешь от судьбы своей.
Там, где были дома и люди,
Там теперь ни домов, ни людей.
У детей появляется проседь...
«Боже, Боже! Теперь помоги,
Дай услышать, как жен-мироносиц
Зазвучат над могилой шаги.

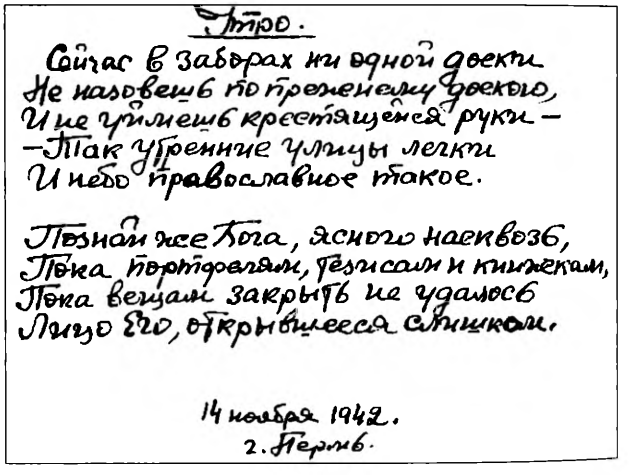
Стань по-прежнему прост и нестрашен,
Пастырь добрый, и друг, и отец, —
И остави нам долги наши,
Чтобы нам победить, наконец».

Август 1942

УТРО

Сейчас в заборах ни одной доски
Не назовешь по-прежнему доскою
И не уймешь крестящейся руки —
Так утренние улицы легки,
И небо православное такое.
Познай же Бога, ясного насквозь,
Пока портфелям, тезисам и книжкам,
Пока вещам закрыть не удалось
Лицо Его, открывшееся слишком.

14 ноября 1942,
г. Пермь


Утро.
Сейчас в заборах ни одной доски
Не назовешь по-прежнему доскою,
И не уймешь крестящейся руки —
—Так утренние улицы легки
И небо православное такое.

Познай же Бога, ясного насквозь,
Пока портфелям, тезисам и книжкам,
Пока вещам закрыть не удалось
Лицо Его, открывшееся слишком.

14 ноября 1942.
г. Пермь.

* * *

Все прошло. Тепла последний градус
На земле без боли отдают...
— Радуйся, нечаянная Радость!
Радуйся, минувшего приют!

Все прошло. Везде опустошенность,
Мир не тот, и улица не та...

— Радуйся, нелюбящих влюбленность!
Радуйся, нечистых чистота!

Все прошло. Но, если приглядеться,
Этот сад нисколько не другой:
Те же пни и окна по соседству...
— Радуйся, промчавшееся детство
Женской удержавшая рукой!

1943

* * *

Господь! Начало всех начал!
Мгновенье было ли такое,
Когда б Тебе не докучал
Я без конца своей тоскою?

Лишь раз был вечер — полный сил,
Такой прозрачный и хороший.
И я Тебя благодарил,
С улыбкой хлопая в ладоши...

Чтоб снять тяжелую вину
Моих грехов, обманов, бредней —
Я прямо с этого начну,
Когда явлюсь на Суд последний.

1943

* * *

Во время таянья весны
Гроба особенно тесны.

Но в оный час слепую глину
Я оттолкну и опрокину.

И землю мокрую в гробу
Локтями сразу разгребу.

Я соберу в одном дыханье
Сады Москвы и Гефсиманьи.

И самый розовый рассвет
И те дома, которых нет,

Сольются с ними не в одно ли
Мои товарищи по школе,

И наши игры у ворот? —
И небо травы обовьет,
И будут ангелы на страже...
Когда же, Господи, когда же?

1943

* * *

Опять в кустах запутаются звезды,
С ветвей стряхая листья и росу.
О, что бы Ты, Господь, сейчас ни создал —
Я ни во что поправок не внесу.
Ты озарил по-новому окрестность,
Тобою все пронизано насквозь...
И только мертвым все-таки воскреснуть
И в эту ночь опять не удалось.

2 августа 1945

* * *

Ты прячешься за домом, за сараем,
Совсем забыв, что детство позади...
Но, Господи, я больше не играю.
Я не ищу. Не прячься. Выходи.
Я вижу в сад закравшуюся осень,
Сквозь неба алую кайму.
Я в первый раз воистину серьезен,
И, может быть, я все сейчас пойму.

8 октября 1947

* * *

Раскрытое окно в вечернем храме,
Кругом молились, кланялись, крестясь,
Тонуло все в душистом фимиаме,
И вдруг весна с туманами, с ветвями
В окно неудержимо ворвалась.

Но богомольцы слушали молебен,
Торжественные зовы ектеньи,
А внешний мир был так великолепен,
Так были звезд загадочны огни.

Я чувствовал и радость и тревогу.
Апрель внезапно в кровь мою проник, —
И в храме многолюдном в этот миг,
Быть может, только я молился Богу...

Февраль 1977

ВИКТОР ВАСИЛЕНКО

Василенко Виктор Михайлович (1905—1991) — поэт, искусствовед. Родился в потомственной военной семье. Оба деда — генералы. Прадед по отцовской линии — герой Плевны и Шипки. Детство прошло в Петербурге, с 1921 года жил в Москве. Окончил отделение искусствоведения исторического факультета МГУ (1926—1930). С 1934 года преподавал в Художественно-промышленном училище, с 1942 года — в МГУ.

В 1960—1970-е годы его знали в основном как искусствоведа, крупнейшего специалиста по народному творчеству. Первая поэтическая книжка «Северные строки» вышла в «Советском писателе» в 1991 году, в нее вошли в основном лагерные стихи, о которых он писал в предисловии: «В августе 1947 года я, преподаватель Московского университета, был арестован, мне было предъявлено дикое обвинение: участие в подготовке покушения на Сталина. Когда я был взят, мне исполнилось сорок лет, увидел же я свободу лишь в дни своего пятидесятилетия. То время, жесткое и страшное, всегда неотрывно со мною. Я стараюсь забыть его, но это не удается. Врата памяти — железные и тяжкие — приоткрывают мне страну, где были потеряны надежды, а дыхание смерти, казалось мне, было всегда недалеко, и я, засыпая на нарах в душном, переполненном людьми бараке, никогда не знал, проснусь ли я завтра. Когда я оказался там — на Печоре, а потом в Заполярье, я был уже немолод, только дух поддерживал меня, но главное, в чем я находил опору и благодаря чему я выжил, — была поэзия».

Тем не менее даже в эту последнюю прижизненную поэтическую книгу, как и в три предыдущих сборника, не вошли религиозные стихи Виктора Василенко, которые он писал как в лагере, так и до лагеря, после лагеря. Они впервые увидели свет только в тонюсенькой книжечке «Высокая чаша», изданной в 2000 году в серии «Русская духовная поэзия», представив самый заветный уголок души Виктора Василенко. К этому времени в книге второй третьего тома Собрания сочинений Даниила Андреева были опубликованы воспоминания Василенко «Далекие ночи», в которых он подробно рассказывал об одном из самых громких послевоенных «дел» — «деле Даниила Андреева». Эти воспоминания дополняют стихи, воссоздают видимое и невидимое в них, внешнюю и внутреннюю стороны его жизни. Остается только выразить благодарность Борису Романову, записавшему воспоминания и издавшему стихи Виктора Василенко как одно из важных свидетельств духовной жизни прошедшей эпохи. Воспоминания можно прочитать в указанном томе Даниила Андреева, есть они и в Интернете, а часть стихов публикуется в нашей антологии.

Хотелось бы только напомнить, что по «делу Даниила Андреева» были осуждены почти все друзья, знакомые и родственники, включая жену, ставшие в той или иной степени прототипами его романа «Странники ночи», изъятого при обыске и послужившего основным материалом для возбуждения всех остальных дел о подготовке покушения на Сталина. Даниил Андреев десять лет писал роман о своих сверстниках 30—40-х годов, и в одной из глав описывался заговор, но вымышленный, имевший такое же отношение к реальности, как Федор Достоевский к убийству Раскольниковым старухи. В истории литературы еще не было случая, чтобы авторский сюжет превратился в реальность, но на Лубянке его сделали таковым. А в роли реального исполнителя теракта оказался ближайший друг Даниила Андреева молодой поэт Виктор Василенко, черты которого были вполне узнаваемы в герое романа. «Наши следователи, — вспоминал Василенко, — все время говорили о "Странниках ночи". Как я понял, они считали, что главный герой — Олег — это я, что я был секретарем Андреева, и он меня вывел в этом Олеге. Но очных ставок ни с ним, ни с ними у меня не было, кроме одной... В конце концов нас обвинили в подготовке покушения на Сталина. Статья была — террор. И всех нас хотели расстрелять. Я ведь даже ждал расстрела, четырнадцать дней сидя в одиночке. Следователь сказал: "Вас расстреляют". И когда ко мне входили в камеру ночью, было страшно. Они входили втроем, вчетвером, приказывали: "Встать! Повернуться спиной!" И молча за мной стояли. Я знал, что они стреляют в затылок. Чувства страшные. Это знал Достоевский, он стоял на эшафоте. Правда, один раз... А я? Ну, я был обыкновенный человек. Я стоял и шептал: "Господи, Боже, помилуй меня!"»

Виктор Василенко, как и Даниил Андреев, был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. По «делу Даниила Андреева» проходило девятнадцать человек, приговоренных к заключению от десяти до двадцати пяти лет. Среди них был и Александр Тришатов (Добровольский), тоже представленный в нашей антологии.

Виктор Василенко отмечает, что при первом знакомстве и сближении в 1926 году «Даниил высоко чтил философию Владимира Соловьева и глубоко верил в Бога. Вера его была и *философской позицией*. От этих воззрений я, кстати, тогда был далек. Просто слишком мало знал об этом, и все, что он говорил, было для меня новым и значительным».

Со временем вера станет философской позицией и самого Виктора Василенко. Первые его молитвенные стихи датированы сороковыми годами, последние — восьмидесятыми. Они спасали его в тюрьме и лагерях...

* * *

Раскрыв встревоженные очи,
чуть удержав скользящий шаг,
идешь к моей великой Ночи,
рассеивая тяжкий мрак.

На облака ступив ногою,
улыбкой кроткою светла,
зачем Младенца предо мною
Ты вдохновенно подняла?

Что хочешь от меня? Скажи мне?
Свою я малость признаю.
Греха не помня, помоги мне,
дай места у себя в раю.

Пусть равнодушны, хмуры люди,
но между ними есть один,
всегда взыскующий о чуде,
поклонник Твой и палладин.

Он пред Тобой склонен, ничтожный,
высокой радуясь судьбе.
Его волнение не ложно,
предела нет его мольбе.

Прости земное своеволье,
томленье горькое любя,
тому, кто полон жгучей болью,
с надеждой смотрит на Тебя.

1940

ВЛАДИМИРСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

С Христом Младенцем видим мы Тебя
в иконе древней. В дальней Византии
жил мастер, он изобразил, любя
и веруя, Твой образ в дни иные.
Какою жизнью яркою полны
Твои черты, суровы, величавы!..
Но не в венце победы, счастья, славы
Ты предстаешь! Глаза поражены
Твои каким-то горестным виденьем.
Что видишь Ты, незримое для нас?
Скорбь безконечная в лучах огромных глаз,
и жалость, и любовь, и всепрощенье.
Все ужасы, всю боль, всю горечь слез
Ты видела, Ты все, я знаю, знала!
О, как в испуге Сына Ты прижала,
чтоб защитить Его от страшных гроз!
О, почему Тебя такое горе
опять охватывает? Почему?
Какую видишь Ты ночную тьму
над гребнями далеких плоскогорий,
над тишиной возникнувших пустынь,
где мгла безвременья покров простерла?
Владычица! спаси и не покинь!
О, слезы жгут, рыданья душат горло.
Что суждено еще? Темнеет твердь
и облака скрывают солнце Мира.
О, если бы не Ты, как было б сиро,
как безпредельно б властвовала смерть!

Февраль—март 1942

* * *

Мы редко обращались к Ней,
Входили редко в церковь нашу,
Не вслушивались в звук речей
Высоко приподнявши Чашу,
Она стояла в глубине,
Вся окруженная святыми,
Ее лицо в горящем нимбе
Сияло, но казалось мне,
Что крупные катились слезы
Из широко раскрытых глаз
На плащ, где зацветают розы!..
Что грезилось Ей в этот час?
Не пламень дней ли наших темных?
Не роковых годин ли ряд?
Сражений гул в степях огромных,
В полях, простертых на закат?
Не кровь ли всю, которой надо
Пролиться было, жгучий сев,

Засеянный руками Ада,
Всю жёлчь, отчаянье, весь гнев, —
Не это ль видела, тоскуя,
Она, хранящая от битв?
Отчизну бедную, глухую?
Руины градов? Пепел жертв?
Людей, напрасно ждущих чуда?
Пшеницы вытоптанной груды?
Рать, восстающую на рать,
Подобно волнам злой стихии,
Чтоб уничтожить и попрать
Испепелить Ее Россию?
И слезы из раскрытых глаз
Ее струились, и с иконы
Она благословляла нас,
К страданью, к смерти осужденных.

1942

АРМАГЕДДОН

И расступились облака,
скупую обнажив пустыню,
покрытую глухой полынью;
о, как она была горька!
Как вид вокруг был безотраден!
Я видел: свежий, ранний снег
белел в ущельях, между впадин,
по берегам унылых рек.
Стояла тишина такая,
что был отчетлив каждый звук!
Недоумение, испуг
сжимали сердце. Даль морская
просвечивала у холмов.
Ни шороха, ни голосов!
Все замерло в оцепененье.
Был неподвижен воздух. Тени
лежали черные у гор.
Куда ни обращал я взор —
встречал я только запустенье,
и камнепад, и срывы скал.
томительное бездорожье,
и тщетно я людей искал,
произнося беззвучно: «Боже!» —
за валом каменным шел вал.
Синели гребни плоскогорий,
и чей-то голос, — страшен он
в пустыне был, — сказал сурово:
«Перед тобой край скорби новой
и названный — Армагеддон!»

1949—1950

* * *

Вот опять это чистое слово
слышу, вижу на ветхом листке:
будто тихий цветок лиловый
распустился невдалеке.
И закат на кленовой аллее,
разгораясь, плывет наяву;
ландыш нежный, проснуться не смея,
в незнакомом горюет рву.

Где же юность? Глубокую чашу
не донес я, в пути пролил,
и читаю теперь «Отче наш» я,
у старинных бродя могил.

1979

* * *

Неужели меня бросил Бог,
будто камень, в глубь колодца,
или сделать иначе не мог? —
гул паденья еще отдается.

Я упал на самое дно:
синь воды, а вверху еле зрима —
только это мне нынче дано —
золотая звезда пилигрима.

О, я странствовал, долго бродил,
не встречая препятствий для странствий,
кто-то в сердце тревогу будил,
упрекая в непостоянстве.

А добро! Много ль сделал добра?
Видно, мало, за это и мука;
поразмыслить настала пора:
здесь в колодце ни стона, ни звука,

Лишь звезда одиноко блестит.
Тихо здесь, даже плеска не слышно!
Неужели меня не простит,
не помилует больше Всевышний?

1985

ДМИТРИЙ КЕДРИН (1907—1945)

КОЛОКОЛА

Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят колокола.

Только двери в храме заперты.
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.

Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.

1941

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ (1907—1989)

Из цикла «Чистопольская тетрадь»

Нестерпимо во гневе караешь, Господь.
Стыну я под дыханьем Твоим.
Ты людскую мою беззащитную плоть
Рассекаешь мечом ледяным.

Вьюжный ангел мне молотом пальцы дробит
На закате Судного дня
И целует в глаза, и в уши трубит,
И снегами заносит меня.

Я дышать не могу под Твоей стопой,
Я вином Твоим пыточным пьян.
Кто я, Господи Боже мой, перед Тобой?
Себастьян, Твой слуга Себастьян.

<18.XI.1941>

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ (1908—1979)

ПЛАЧ КИТЕЖАНКИ

Боже правый, ты видишь
Эту злую невзгоду.
Ненаглядный мой Китеж
Погружается в воду.
Затонул, златоглавый,
От судьбы подневольной.
Давней силой и славой—
Дальний звон колокольный.
Затонул, белостенный,
Лишь волна задрожала,
И жемчужная пена
К берегам отбежала,
Затонул, мой великий.
Стало оглядь безмолвно,
Только жаркие блики
Набегают на волны...

(*Начало 60-х*)

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

(Читая армянскую лирику)

Я человек средневековья,
Я рыцарь, я монах;
Пылаю гневом и любовью
В молитвах и в боях.

Цвет белый не смешаю с черным.
Задуй мою свечу —
Я взором жарким и упорным
Их всюду различу.

И я потребую отмщенья
За то, что здесь темно.
Да, я монах, но всепрощенье
Мне чуждо и смешно.

Я пред крестом творю молитву
В мерцании свечи
И на коне кидаюсь в битву
С врагом скрестить мечи.

1967

МОЛИТВА В ЛЕСУ

Средь многих земных чудес
Есть и такое —
Листья кружат на ветру,
Преображается лес,
Нет в нем покоя.
Это не страшно, это не навсегда,
Настанет покой снежный,
А там, глядишь, и весне подойдет чреда
В срок неизбежный.
У нас похуже, но мы молчим.
Ты, лес, посочувствуй.
Весна — это юность,
а старость — не множество зим,
Минует одна, и место пусто.
Сомкнется воздух на месте том,
Где мы стоим, где мы идем.
Но и это не страшно, коль ты пособишь
И в нашу подземную тишь
Врастет деревцо корнями живыми.
Пожалей нас во имя
Пожизненной верности нашей
Ветвям, и листве, и хвое,
Оставь нам дыханье твое живое, —
Пусть растет деревцо
Все ветвистей, все краше!..

1969

ВЕСНА В ДЕТСТВЕ

Вешний грач по свежей пашне
Ходит с важностью всегдашней,
Ходит чинно взад-вперед.
Нету птицы богомольней,
Звон услышав колокольный,
Не спеша поклоны бьет.
Строгий звон великопостный
Понимает грач серьезный,
Первым встретил ледоход,
Первым видел половодье,
Пост великий на исходе,
Все меняется в природе,
И всему свой черед...

В самый светлый день весенний,
В день Христова Воскресенья,
С церкви зимнего Николы
Разольется звон веселый
И с пяти церквей в ответ
То ли звон, то ли свет.
Старший колокол — для фона:
Звук тяжелый и густой
В день веселый, день святой
Оттеняет перезвоны
Молодых колоколов.
Солнце синий воздух плавит,
Жарким блеском праздник славит
На крестах куполов,
И щебечут в поднебесье
Малые колокола, —
Светлый день! Христос воскресе!
Всемогущему хвала! —
То в распеве всей гурьбой,
То вразброд, наперебой —
Славят первый день пасхальный,
Безтревожный, безпечальный.

Этот день впереди,
А пока погляди,
Как под звон великопостный
Ходит пашней грач серьезный,
Ходит чинно взад-вперед,
Не спеша поклоны бьет.

1975

МОЛИТВА
(Из Атанаса Дальчева)

Жил иль не жил я? Ужель и впредь
даже этому остаться в тайне?
Господи, не погуби, не дай мне
до начала жизни умереть!

Уведи от сложного и просто
приобщи к блаженной простоте,
чтоб гроши последние и те
с легким сердцем я бы нищим роздал.

Пусть я вновь обрел бы радость в том,
что рассветный мир Твой свеж и звонок,
и счастливым стал бы, как ребенок,
что снежинки с неба ловит ртом.

И еще молю Тебя о чуде —
научи меня словам простым,
чтобы, ото всех неотличим,
жил бы я, как все на свете люди.

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ (1919—1979)

МОЛИТВА

Господи! Вступися за Советы,
Сохрани страну от высших рас,
Потому что все Твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

Оглуши фашистов нашей глушью,
А мелькнула чтобы новизна,
Порази врага таким оружьем,
Враг которого еще не знал!

Дай, Господь, такую нам победу
Не давал какую никому!
Заступись за своего поэта,
Ниспошли веселие ему!

Он в своем глазу бревно заметил,
Опрокинулся весь мир вверх дном.
Лоб фашизма, вылитый из меди,
Этим самым проломи бревном.

Чтобы мы, пророки и поэты,
За Отечественную войну
Воздвигали памятник победы
Не нам, не нам, а имени Твоему!

1941

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ (1920—1992)

* * *

«Господи, помилуй, Господи,
прости! Господи, дай силы
Крест свой донести...» —
Он шептал невнятно,
Корчась на полу,
Где расплылись пятна
Ржавчины в углу...

Помертвели губы:
Бить умеют там! —
Выплюнул он зубы
С кровью пополам...

Нет, не мог он зверем
Умереть сейчас!...
А ведь жил, не веря,
Жил и не крестясь...

Но в кого... В кого же
Верить на земле?
«Милосердный Боже,
Ты приди ко мне...»

Господи, помилуй, Господи,
прости! Господи, дай силы
Крест свой донести...

1949

СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ДУДКО

Дудко Дмитрий Сергеевич (1922—2004) — священник, проповедник, поэт, прозаик. Дмитрий Дудко родился 24 февраля 1922 года в деревне Зарбуда Брянской области в семье крестьянина. В 1937 году,

когда Дмитрию было всего 15 лет, власти арестовывают его отца за отказ вступить в колхоз. Мать остается с тремя маленькими детьми фактически без средств к существованию и возможности получить их. Кое-как перебиваясь, семья доживает до 1941 года и сразу попадает «из огня да в полымя» — в фашистскую оккупацию, длившуюся почти два года. В 1943 году, после отхода немцев, Дмитрия призывают в Красную армию и слабого, необученного сразу направляют на фронт. Через год, после ранения и тяжелого воспаления в связи с болезнью тифом, его комиссуют из армии.

В 1945 году Дмитрий поступает в Московскую духовную семинарию, по окончании которой в 1947 году его переводят в Московскую духовную академию. Однако уже через полгода, 20 января 1948 года, его арестовывают и осуждают по статье 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) к десяти годам лагерей с последующими пятью годами поражения в правах. Лишь через восемь с половиной лет, в 1956 году, его освобождают из заключения и с большими проволочками восстанавливают слушателем академии, которую он заканчивает в 1960 году. После окончания его рукополагают в священники и назначают служить в московский храм Петра и Павла, который, однако, в 1963 году был взорван, явив собой очередную жертву новой волны оголтелых гонений на религию со стороны якобы «обновленной» власти под водительством Хрущева. Отца Димитрия переводят в храм Святителя Николая, что на Преображенском кладбище.

В 1973 году о. Димитрию вообще запрещают служить «за нарушение церковной дисциплины», ибо он, перешагнув рамки дозволенного, «затеял беседы с народом». Но спустя четыре месяца запрещение было снято, и он был направлен священником в Орехово-Зуевский район Московской области в храм Великомученика Никиты. Спустя некоторое время о. Димитрий попадает в автомобильную катастрофу, в результате чего у него оказываются перебитыми в коленях обе ноги, задето легкое. Приговор врача гласил: на ноги больше не встанет, в лучшем случае — костыли, о службе нечего и думать. Тем не менее после «чудесного» (по его словам) излечения уже через пять месяцев о. Димитрий приступает к службе в храме Смоленско-Требневской иконы Божией Матери в с. Гребнево Московской области. Через пять лет, 15 января 1980 года, его опять арестовывают и уже по «обновленной» 70 ст. УК РСФСР обвиняют в антисоветской деятельности. При аресте у о. Димитрия канула в небытие годами собранная большая личная библиотека. Среди конфискованного — последняя рукопись работы «Каким языком говорить с современным миром», так и не возвращенная до сих пор.. Полтора месяца о. Димитрий не разговаривал со следователями вообще, пять месяцев просидел в следственном изоляторе КГБ, и лишь через год и пять месяцев дело было прекращено и закрыто.

В сентябре 1980 года о. Димитрий начал служить в храме Владимирской Иконы Божией Матери в селе Виноградове Московской области. Спустя четыре года, перед Всемирным фестивалем молодежи и студентов, скитаниям его суждено было продолжиться: то ли боясь возможных «контактов» с иностранцами, то ли обучась превентивным «прозрениям» грядущих желаний «светских» властей, церковные власти отправили его сельским священником в село Черкизово (4 часа езды).

Деятельность о. Димитрия очень многогранна: он и священник, и духовник очень большого числа духовных чад, и организатор постоянных христианских чтений и собеседований, обществ трезвости, и вдумчивый проповедник и писатель. Значительный духовный опыт, огромный опыт общения с людьми о. Димитрий запечатлел во множестве изданных и неизданных работ. Имя его очень известно на Западе: восемь его книг издано там и переведено на многие языки. Сами названия этих книг говорят о многом: «О нашем уповании. Беседы»; «Верю, Господи»; «Воскресные собеседования»; «Вовремя и не вовремя»; «Враг внутри»; «Премудростью вонмем»; «Потерянная драхма»; «Литургия на Русской Земле».

Из предисловия к трехтомнику трудов о. Димитрия, вышедшего в 2004 году в издательстве Сретенского монастыря

* * *

Облака, покорные, как овцы,
Уплывают тихо, молчаливо,
Землю тихо освещает солнце,
И земля печальна и уныла.

Так от нас уходят христиане,
Унося Господний свет с собою.
Я смотрю с глубокою тоскою,
Как на роковое предсказанье.

1944,
действующая армия

ВЕЛИКАЯ ЕКТЕНИЯ

Молимся, Боже, мы, странники горькие,
Долгие годы жестоко гонимые,
Слишком у нас дни скитания долгие,
Слишком страдания неутолимые.
Господи Боже, помилуй ны!

Молимся, Боже, о семьях оставленных,
Как они плачут, тоскуют, родимые.
Молимся, Боже, о всех обезславленных,
Что нам сочувствуют, неустрашимые.
Господи, помилуй их!

Молимся, Боже, Тебе о расстрелянных,
О всех на тяжелых работах замученных,
В шахтах, болотах, каналах рассеянных,
Верных Тебе или верить наученных.
Господи, Ты упокой их!

Молимся, Боже, Тебе о гонителях,
Все им прости: ведь они — ослепленные,
Дай лишь, чтоб не было больше мучителей
И отдохнули давно утомленные.
Господи Боже, помилуй ны!

Яко десница Твоя всеблагая,
Яко держава Твоя всемогущая,
Дай, чтоб воскресла Россия святая,
Жизнь наступила для странников лучшая!
Слава и ныне и присно. Аминь...

1948,
ИнтЛаг

* * *

— Не тюрьма здесь, а монастырь, —
Мне с бывалой улыбкой сказали.
Посадили молиться за мир,
За обиды его и печали.

Келья — камера, разве не так?
Так и есть, остается молиться.
Сами слезы, вскипая в очах,
Заставляют пред Богом склониться.

Пощади и друзей и врагов,
Пощади и помилуй нас, грешных.
А за мной всё глядят из глазков:
А про нас не забыл, друг сердешный?

Помолюсь и за вас, и за тех,
Кто над вами, под вами, пред вами.
Не молиться в тюрьме — страшный грех,
Облегчается сердце слезами.

* * *

Молитва — не слов биенье
В глухую стену судьбы.
Молитва вскрывает гробы
Заступом Воскресенья.
И где бы ты ни был — молись,
Молитва неудержима.
Все пробегает мимо,
Одна остается высь.
И с выси той смотришь на землю,
И видишь, что гроб здесь пуст.
Вонми из запекшихся уст,
Господь, моему моленью.

1980,
Лефортово

ЗА ПРОСКОМИДИЕЙ

Всех, кто был разлучен и пытаем,
Всех страдавших и всех терпевших
Мы в молитве своей поминаем...
Помяни, Боже, в пытках горевших
Помяни, Боже, их помяни!

Помяни день, когда нас схватили,
Помяни слезы горько рыдавших,
Помяни, как ручонками били
Дети в грудь. Горе рано узнавших,
Помяни, Боже, Ты помяни!
Помяни провожавших украдкой,
Пожелавших пути нам обратного.
Помяни, как и им тож несладко
Было здесь от их подвига ратного,
Воевавших в безстрашном молчании,
Помяни, Боже, их помяни!

Помяни, как терпели отчаянно
Под конвоем водимые,
Даже ветром гонимые,
Шли, не зная куда, неприкаянно.
А бураны взимались слепящие,
А метели крутились вихрящие,
Заметая весь свет, как пройти здесь.
Богатырь надрывался и витязь,
Истощалась их сила великая,
А над ними, и лая и гикая,
Наклонялись, оскалившись, морды.
Говорили: — Ну вот и подох ты, —
И клали раздетых на отдых...

Помяни, Боже, их помяни!
Помяни тех, кто, пыток не выдержав,
Помутившись умом, жизнь кончали,
Помяни их большие печали...
Помяни еще тех, кто, все выдюжив,
Возвратившись, с собой все ж покончил.
Кто поймет их смятенье? Ты, Боже!
Ты, за нас кровь Свою пролиявший,
Ты, за нас прежде нас пострадавший.
Помяни тех, кто, все расстояния
Миновав, приезжал на свидание
И смотрел, обливаясь слезами.
Кто сугробы раскапывал снежные,
Кто не верил в слова безнадежные,
Кто душою парил над снегами,
Чьи еще и сейчас там рыдания
Из сугробов зовут на свидания.
Помяни, Боже, Ты помяни!

Помяни за молитвы усердные
За обидимых Верной Заступницы,

Перед Кем зло любое расступится,
Чьи нас грели слова милосердные,
Кто стоял у креста Твоего.
Помяни за уже отстрадавших,
За молитвы их вечно горящие,
За молитвы венец свой приявших,
За молитвы, к Тебе приходящие.
Кто не ищет уже ничего,
Кто нашел в Тебе, Боже, все горнее,
За Тебя кто оставил все дольнее.

Помяни за голгофские муки,
За Твои нас объявшие руки.
Своей кровью отмый согрешения,
Убели нас, подай нам прощение.
За все вольное и невольное,
За умышленное и случайное,
За желание недостойное,
И за явное и за тайное.
И озлобленных и озлобивших
Помяни, примирив их Собою.
И согнувшихся, и их сгорбивших помяни!..
И кто с черной душою
Ходит, ныне от нас отверженный,
Помяни!
Помяни! Боже, Ты помяни.
Помяни наши тяжкие дни,
Ты наш Бог, наше Ты упование,
Только Ты можешь снять все страдания
С наших плеч, за все годы натруженных,
С душ больных и с сердец занедуженных.
Помяни, Боже, Ты помяни!

* * *

Я молюсь перед Тобою, Боже,
Потому что ясно осознал,
Как без помощи Твоей ничтожен,
Захлестнул меня житейский вал,
Все грехи легко одолевают,
Даже те, что думал победить,
И из сердца чувства вырывают,
Чтоб не мог я ближнего любить.
Я стою с пустующей душою,
Нищий у сокровищниц Твоих.
Посмотри, с какой большой слезою
Я оплакиваю горе дней своих.
Мне греховное противно состоянье,
Я хочу в числе избранных быть.
Заслужить небесное вниманье,
Ближнего от всей души любить.
Знаю, Ты, богатый милосердьем,
Не откажешь в искренней мольбе.
Я стою перед Тобою бедный
И, молюсь, молюсь, молюсь Тебе.

* * *

Стихи — это те же молитвы
Из сердца, из глубины.
Мы рождены не для битвы,
Живем мы для тишины.
Поэт — миротворец Божий,
Иным и не может быть,
Буря нас всех корежит,
Будем стихи творить.
Будем молиться Богу,
Душу свою изливать,
Чтобы на нашу дорогу
С неба сошла благодать.

1995

НОВАЯ МИНЕЯ

Страданья Новую Минею составляют,
Крестом обозначая дни святых.
Ноябрь: кто убиенных сосчитает?
Какое множество погибло их!

Декабрь: всё также люди погибают,
Январь: смерть увеличила размах.
Февраль, март: новые страдальцы прибывают.
Апрель и май: идут они в снегах.

Июнь, июль: смерть косит по дорогам,
Мор в августе почти уже сплошной.
От холода и голода жертв много,
Сентябрь устлал все трупной пеленой.

Октябрь: всех, иже во святых, поминовенье,
Престольный праздник на Руси святой.
Господь, подай живущим нам терпенье,
Их ублажая, путь окончить свой.

МОЛИТВА

Ангеле,
Хранителю мой святый,
Сохрани мя от всякого зла.
Беду отведи,
Чтоб мимо прошла.
Чтоб я, спотыкаясь, не падал,
Упав же, всегда подымался.
И верил всегда, как надо,
С надеждою не расставался.
На Бога всегда уповал
И к пристани верной шагал.

3.1.2000

БОРИС ПАСТЕРНАК

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, прозаик, переводчик. Первое издание романа «Доктор Живаго» вышло 1957 году на итальянском языке в Милане и в 1958 году там же — на русском. Но первая публикация стихов из «Доктора Живаго» состоялась именно в России. В 1954 году в четвертом номере журнала «Знамя» появилось десять стихотворений с пояснением автора:

«Стихи из романа в прозе "Доктор Живаго".

Роман предположительно будет дописан летом. Он охватывает время от 1903 до 1929 года с эпилогом, относящимся к Великой Отечественной войне.

Герой — Юрий Андреевич Живаго, врач, мыслящий, с поисками, творческой и художественной складки, умирает в 1929 году. После него остаются записки и, среди других бумаг, написанные в молодые годы, отделанные стихи, часть которых здесь предлагается, и которые, во всей совокупности, составят последнюю, заключительную главу романа».

Но в этой публикации не было ни одного религиозного стихотворения. Они впервые увидели свет в 1958 году в нью-йоркском журнале Юрия Иваска «Опыты» вместе со статьей В.С. Франка. Мы приводим эту статью (с небольшими сокращениями), положившую начало исследованиям христианской поэзии Бориса Пастернака.

СТИХИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА ИЗ «ДОКТОРА ЖИВАГО»

Несколько слов о цикле в целом. Только три или четыре стихотворения имеют прямое отношение к фабуле романа. Остальные преследуют другую, несравненно более важную цель — отражение процессов, совершающихся в глубинах духовной жизни героя. Они — как бы стенографические записи, путевые наброски, которые затем расшифровываются в прозе самого романа. В какой степени доктор Живаго и сам Пастернак перекрывают друг друга, сказать трудно, но, конечно, есть сходство между духовной эпопеей Живаго и развитием самого Пастернака.

Каковы же главные этапы этого пути? Самое важное сказано, пожалуй, в стихотворении «Рассвет», напечатанном в свое время в «Сборнике поэзии»:

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я твой завет
И как от обморока ожил.

Если прочесть эти два катрена и представить себе, что слова «ты», «тебе, «твой», «завет» напечатаны с заглавных букв, смысл их сразу проясняется. Они обращены к Христу. Именно чтение Его Завета пробудило душу автора стихов от долгого «обморока». Что же произошло с «доктором Живаго» после того, как его «встревожил» этот голос? Об этом в том же стихотворении говорится:

Мне к людям хочется.

И дальше:

Я чувствую за них, за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.

Здесь ключ к тому, что произошло с Пастернаком как с поэтом за последние годы. Впервые его по-настоящему потянуло к людям; впервые он как будто «побывал в их шкуре». А на техническом языке литературы это значит, что он перестал быть чистым лириком и пришел к эпическому жанру.

Борис Пастернак вошел в русскую литературу в самом начале 20-х годов как поэт предельно лирический и таким оставался по меньшей мере до середины 30-х годов. Правда, он предпринимал неоднократные вылазки в эпический жанр — поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», роман в стихах «Спекторский» и прозаические рассказы, собранные под общим заглавием «Воздушные пути». Но все эти вылазки из осажденной крепости его собственного «я» кончались неудачей, потому что не выводили поэта за пределы той территории, которая и так была его владением. Все эти опыты были, по существу, замаскированной лирикой. Весь огромный заряд его поэтического таланта уходил на разрешение лирической задачи —

осмысления того, как внешний мир, преображенный и просветленный искусством, укладывается в сознание поэта. Пастернак был поглощен одним большим и трудным делом — «выяснением отношений» между самим собой и «сестрой его жизнью». Для других людей в этой бурной любовной истории не хватало ни места, ни времени. Поэзия Пастернака была предельно эгоистичной; и в этом смысле пошлые упреки в «индивидуализме», которые делались ему советскими критиками, содержали в себе долю истины.

И вот теперь мы перед лицом огромного, решающего сдвига в поэтическом развитии Пастернака. Можно думать, что причины этой перемены многообразны. Вспомним хотя бы о том глубочайшем внутреннем кризисе, который пережил Пастернак в самое страшное время, во второй половине 30-х годов, кризис, заставивший Пастернака-поэта замолчать по меньшей мере на целых пять лет.

В том же направлении вела Пастернака и огромная работа, которую он проделал, как переводчик, особенно, как переводчик Шекспира. Нельзя в течение многих лет изо дня в день жить бок о бок с Шекспиром, не учась у него его отношению к людям. В этом отношении очень интересна статья Пастернака «Заметки к переводам шекспировских трагедий». В этой статье он между прочим писал: «...Каждодневное продвижение по тексту ставит переводчика в былые положения автора. Он день за днем воспроизводит движения, однажды проделанные великим прообразом. Не в теории, а на деле сближается с некоторыми тайнами автора, ощутимо в них посвящается».

И, наконец, перед нами приведенное выше свидетельство самого «доктора Живаго» о религиозных корнях его сдвига.

Как бы то ни было, уже в военных стихах Пастернака — «На ранних поездах» (1943) и «Земной простор» (1945) чувствуется наличие нового измерения в структуре его поэтического космоса — любовное восприятие реальности других людей. Для него открывается эра метафизических «свободы, равенства и братства». Но военные стихи были только первыми, еще не совсем уверенными шагами поэта на вновь освоенной территории. К тому же, при всей искренней прочувствованности этих стихов, в них мешает навязанная извне тематика.

Совсем иное дело — стихи из «Доктора Живаго». В них не только живут другие люди. Здесь Пастернак делает настоящие духовные открытия. Он понимает, например, что единственный путь к счастью, к творческому овладению жизнью состоит не в волевом ее захвате, а в самоотдаче, в самопожертвовании...

Не случайно, что открывается цикл стихотворением «Гамлет», ибо Пастернак видит главную значимость образа Гамлета именно в мотиве самопожертвования. С момента появления призрака Гамлет отказывается от себя, чтобы «творить волю пославшего его». «Гамлет» — не драма безхарактерности, но драма долга и самоотречения... драма высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначения.

Открывается Пастернаку и другое: подвиг всегда предполагает и влечет за собой страдание. Значит, жизнь может быть преображена только добровольно принятым на себя страданием...

Жертвуя всем земным, принимает страдания Юрий Живаго. Но пожертвовал — и пожертвовал очень многим — и поэт Пастернак. Ибо параллельно с обогащением духовного содержания его поэзии шел и все еще идет другой процесс — процесс предельного упрощения формы. Это — акт сознательного жертвоприношения, отказа от внешнего богатства. И как всякая религиозно осмысленная жертва, она — через внешнее обеднение приводит к внутреннему обогащению...

От былого богатства осталось, пожалуй, только одно — то же безошибочное, инстинктивное чувство меры. Осталось, конечно, и мастерство, но уже не выставленное на показ, а сияющее тихим светом изнутри...

В Евангелии от Матфея Иисус сказал богатому юноше, вопрошавшему Его о пути к спасению: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим и приходи и следуй за Мной».

Не в пример евангельскому юноше, Пастернак так и поступил:

Как будто вышел человек
И вынес и открыл ковчег
И все до нитки роздал.

(«На Страстной»)

А о самом Христе он говорит так:

Он отказался от противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

(«Гефсиманский сад»)

Так и «богатый юноша» Пастернак, подражая тому, чей голос пробудил его от обморока, тоже добровольно отказался от своего словесного чудотворства и заговорил «как смертные, как мы». Но, раздав свое имение, он приобрел «сокровище на небесах».

НА СТРАСТНОЙ

Еще кругом ночная мгла,
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтири.

Еще кругом ночная мгла,
Такая рань на свете,

Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.

И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.

И видят свет у Царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица —
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.

И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.

И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись вдосталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтирь или Апостол.

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья.

<1948>

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафранового
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом:

«Прощай, лазурь преображенская
И золото второго Спаса,
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

<1953>

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ (1903—1958)

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обезсиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем,
В тонкой капсуле пелен,
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

1955

АЛЕКСАНДР ЯШИН
(1913—1968)

* * *

Я родился в тринадцатом году
Нет, не в избе и даже не в постели,
А на гумне, в углу, на холоду
Но в золоченой был крещен купели.

Мы жили впроголодь, в чаду, в грязи
Лучиной прокопченные, в коросте
Но иногда отец домой с погоста
Нам в позолоте пряники возил.

Жизнь — безпросветная нужда
Все где-то понемножку золотилось
Мать приучала верить в Божью милость
Отец твердил, что горе — не беда.

1948

* * *

Давно обходимся без Бога:
Чего просить?
О чем молить?
Но в сердце веры хоть немного.
Наверно, надо б сохранить.

1958

* * *

Матерь Божья, не обессудь,
По церквам я Тебя не славлю,
И теперь, взмолившись,
Ничуть
Не юродствую, не лукавлю.

Просто сил моих больше нет,
Всех потерь и бед не измерить,
Если меркнет на сердце свет,
Хоть во что-нибудь надо верить.

Ни покоя давно, ни сна,
Как в дыму живу, как в тумане...
Умирает моя жена,
Да и сам я на той же грани.

Разве больше других грешу?
Почему же за горем горе?
Не о ссуде Тебя прошу,
Не путевки жду в санаторий.

Дай мне выбиться из тупика,
Из распутья, из бездорожья...
Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты, Матерь Божья.

1958

ГРАНИЦЫ ДУШИ

А душа у меня есть.
И у нее свое зрение,
и свой слух,
и память,
и свой сказочно богатый мир,
а это целая держава,
в которой царит воображение
да желание добра и правды.

Зрение души удивительно —
и оно тоньше ультрамикроскопов,
сильнее любых локаторов.
Она видит в пространстве
и во времени,
проникает в глубь веков,
заглядывает в самое себя.

И слух у души
совершеннее морских эхолотов —
слышит душа музыку вечности,
голоса цветов и трав,

их рост и дыхание.
А память души — это граничит с чудом.

Берегите душу,
раздвигайте ее границы,
расширяйте ее полезную площадь,
чтобы приблизиться к будущему.

1964

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьет никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву
Мы видим в ее глазах,
Она звучит в ее голосе
Денно и нощно:

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые, —
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, Сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочерь мою, —
На каждый характер хватило,
На все их сомнения
И смятения,
На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.

Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты — Мать,
Ты меня понимаешь...

1967

* * *

Счастливы однолюбы,
Они что единоверы:
Душа не идет на убыль,
Чужды ей полумеры.

Раз навсегда влюбиться—
Это, ни мало ни много,
В жизни определиться,
Выбрать свою дорогу.

Что полюбилось с детства,
То навсегда любимо —
Свято мое наследство,
Свято и неделимо.

1968

НИКОЛАЙ СМИРНОВ (1898—1978)

* * *

Как деревья спелыми плодами
От подножья до глухих вершин —
Дни мои унизаны грехами...
И стою я в светлом Божьем храме,
Словно в дом пришедший блудный сын.

Голубой осенний тихий вечер,
Алый ослепительный закат.
Теплятся, потрескивая, свечи,
И мерцает мирный блеск лампад.

Умиленно-благостные лики,
Их венцы, цветочный их убор...
Древнее, родное «Свете тихий»
Тихо-тихо запевает хор.

Светлые старинные напевы,
И в лампадных радужных лучах
Матерь Света, голубая Дева,
С ласковым Младенцем на руках...

Звучно от кадила на икону
Мягкая ложится синева.
Благостные, мерные поклоны,
Скорбные, душевные слова...

Одиноко в уголке в приделе
Всем чужой, измученный тоской,

Я стою, молюсь, крестясь несмело
Слабой и дрожащею рукой.

Господи, прости мое неверье
И растепли веры огонек,
Распахни мне замкнутые двери
В светлый и таинственный Чертог.
Дай припасть хотя б к его порогу,
Слезы лить благие научи...
Золотое «Слава в вышних Богу»
Торжеством и радостью звучит.

1950

* * *

Голубою ризою одета,
Благостно-лучистая лицом,
Ты века сияешь, Матерь Света,
Под Твоим торжественным венцом.

Сколько позабытых поколений
Шли к Тебе с любовью и тоской,
Сколько душ в жару своих молений
Обретали радость и покой...

Вот и я — свидетель лет мятежных,
Раненный в невидимом бою,
Пред Тобой, Споручницею грешных,
На колени радостно встаю.

Я касаюсь робкими устами
Тонкого иконного стекла —
И душа, пронзенная грехами,
Хоть на миг становится светла.

Эти слезы, сердцу дорогие,
Песнопенья, слово и цветы —
Всё Тебе, Пречистая Мария,
Образ вековечной красоты.

1958,
Плёс

ВЕРА МАРКОВА (1907—1995)

МОЛИТВА

Уже земле я неподсудна.
Дозволь из всех Твоих путей
Один мне выбрать, самый трудный:
Пошли меня хранить детей!

Когда дрожит небесный круг
От нестихающего крика,
Но мать не пробудил испуг,
Пошли меня, пошли, Владыко,
Принять дитя из мертвых рук.

Прекрасен труд мастерового,
Люблю игру его затей.
Отдай другим резец и слово,
Меня пошли хранить детей!

* * *

Казни меня или милуй,
Я — порожденье слепых стихий.
Они мной владеют до самой могилы,
По праву, не за мои грехи.

Дыханье моря — приливы, отливы
Гонят мою соленую кровь.
Руки мои — ветки оливы.
Череп — поющей сферы покров.

То, что есть, и будет, и было,
Мерзость мира и прелесть его,—
Господи, это мне не под силу!—
Но под силу Тебе — и несу, ничего.

1982

* * *

Бездна бездну призывает.
Псалтирь

Я не найду Тебя, Надзвездный.
Мой круг очерчен в должном забытьи.
Но бездна призывает бездну,
И воды надо мной текут — Твои.

* * *

Хвала звезде, над яслями вставшей!
Младенцу и Матери хвала!
Хвала росткам, в листве опавшей
Благодарение — жизнь отдала.

Полям, плодоносителям хлеба,
Путям, по которым идет колея,
Хвала! На земле замешано небо.
На небе замешана земля.

* * *

Мария Египетская
1 (14) апреля

Марья Зажги-снега,
Марья Заиграй-овражки,
Марья, сполосни берега!
Холмы через голову
Снимают рубашки.

Марья-работница, босая нога,
Где Египет
И где Россия?
Отсель — досель два шага.
Это знают птицы
И вышние силы.

Зажги снега.

1977

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Прости нас, воздух, пронзенный копьем,
Прости нас!
Реки, прибитые гвоздями,
Простите!
Лес вековой с лесным зверьем,
Простите нас!
Простите, бо мертвые сраму не имут,
Простите!

Еще живые, просим вполсилы:
«Господи, помилуй!
Древо познания нас искусило.
Оно виновато, и слишком страшна расплата.
Господи, помилуй!
Голо и пусто, до чего же голо и пусто».

И ответил нам голос златоустый:
«Землю сами вы опростали,
И взрастут волчцы, полынь, цикута.
Бил себя в грудь и каялся даже Малюта,
И опять лютовал — и прощать мы устали.

Сам Христос учил вас своими устами:
Господи, помилуй!»

1988

НАУМ КОРЖАВИН

* * *

О Господи! Как я хочу умереть,
Ведь это не жизнь, а кошмарная бредь.
Словами взывать я пытался сперва.
Но в стенках тюремных завязли слова.

О Господи, как мне не хочется жить!
Всю жизнь о неправедной каре тужить.
Я мир в себе нес — Ты ведь знаешь какой!
А нынче остался с одною тоской.

С тоскою, которая памяти гнет,
Которая спать по ночам не дает.
Тоска бы исчезла, когда б я сумел
Спокойно принять небогатый удел,

Решить, что мечты — это призрак и дым,
И думать о том, чтобы выжить любым.
Я стал бы спокойней, я стал бы бедней,
И помнить не стал бы наполненных дней.

Но что тогда помнить мне, что мне любить,
Не жизнь ли саму я обязан забыть? Нет!
Лучше не надо, свирепствуй! Пускай!
Остаток от роскоши, память-тоска.

Мути меня горечью, бей и кружись,
Чтоб я не наладил спокойную жизнь.
Чтоб все я вернул, что теперь позади,
А если не выйдет, — вконец изведи.

1948

* * *

Я плоть, Господь... Но я не только плоть.
Прошу покоя у тебя, Господь.

Прошу покоя... Нет, совсем не льгот.
Пусть даже нищета ко мне идет.

Пускай стоит у двери под окном
И держит ордер, чтоб войти в мой дом.

Я не сержусь, хоть сам себе не рад.
Здесь предо мной никто не виноват.

Простые люди... Кто я впрямь для них?..
Лежачий камень... Мыслящий тростник...

Всех милосердий я превысил срок,
Протянутой руки схватить не смог.

Зачем им знать и помнить обо мне,
Что значил я, чем жил в своей стране.

В своей стране, где подвиг мой и грех.
В своей стране, что в пропасть тащит всех.

Они — просты. Досуг их добр и тих.
И где им знать, что в пропасть тащат — их.

Пусть будет все, чему нельзя не быть.
Лишь помоги мне дух мой укрепить.

Покуда я живу в чужой стране,
Покуда жить на свете страшно мне.

Пусть я не только плоть, но я и плоть...
Прошу покоя у тебя, Господь.

1974

* * *

Давно б я убрался с земли.
Да Бога боюсь и петли.

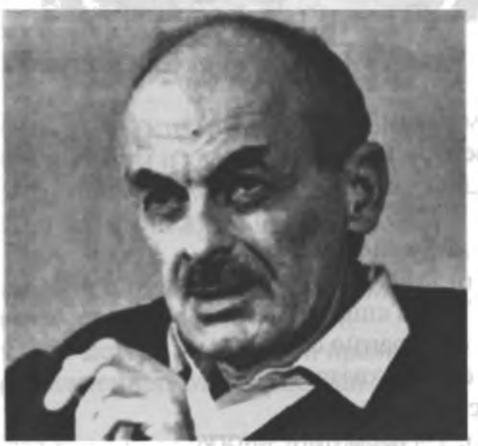
Не стану храбриться, юля.
Мне очень страшна и петля.
Но все не кончается с ней,
И Бога боюсь я сильней.
Вот явишься... Пена у рта...
Тебе ж вместо «здравствуй» — «Куда?
В творении замысел есть,
Ты должен быть там, а не здесь.
А ну-ка, поддайте орлу!..»
И тут же потащат к котлу.
И бросят — навек, не на срок —
В бурлящий крутой кипяток.

А вскрикнешь: «За что мне казан?»,
И вспыхнет в сознанье экран,
И выйдут из мира теней
Все мерзости жизни твоей.
Все то, что, забывшись, творил,
Что сам от себя утаил,
Предстанет на этом холсте
В безстыдной своей наготе.
Как жил я — судить не берусь.
Но вспомнить все это — боюсь.
Да все ли Господь мне простил,
Что я себе сам отпустил?

Нет, лучше пока подожду,
Не буду спешить за черту.
Ко всем, не нарушившим черт,
Господь, говорят, милосерд...

1980

БУЛАТ ОКУДЖАВА
(1924—1997)



МОЛИТВА

Оле

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же Ты каждому,
Чего у него нет:
Мудрому дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится,
Господи, — Твоя власть! —
Дай рвущемуся к власти
Навластвоваться всласть,
Дай передышку щедрому
Хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье...
И не забудь про меня.

Я знаю: Ты все умеешь,
Я верую в мудрость Твою,
Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо

На стадионе в Лужниках

Тихим речам Твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим!

Господи, мой Боже,
Зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
И это ей странно самой,
Пока ей еще хватает
Времени и огня,
Дай же Ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

Сентябрь 1964, 1965—1966

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ (1919—1977)

СТО ПЕРВЫЙ ПСАЛОМ

Б. Чичибабину

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.

А нужно мне было немного —
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге,
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей, —
Мой Бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
— Иди и убей!..
И канули годы.
И снова —
Все так же, но только грубей,
Мой Бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
— Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И Бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
— Иди и убей!

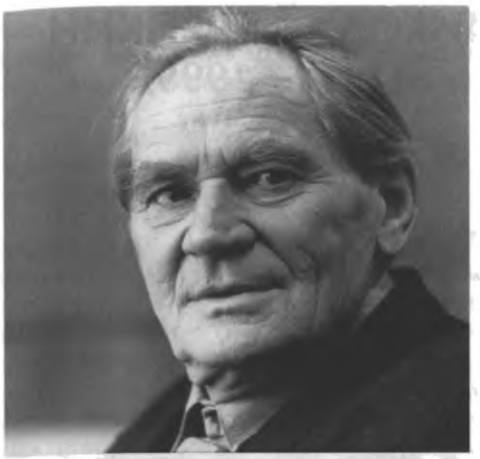
Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога.
И — ах, да поможет мне Бог!

15 января 1971

БОРИС ЧИЧИБАБИН (1923—1994)

* * *

Ежевечерне я в своей молитве
вверяю Богу душу и не знаю,
проснусь с утра или ее на лифте
опустят в ад или поднимут к раю.



Последнее совсем невероятно:
я весь из фраз и верю больше фразам,
чем бытию, мои грехи и пятна
видны и невооруженным глазом.

Я все приму, на солнышке оттаяв,
нет ни одной обиды незабытой;
но Судный час, о чем смолчал Бердяев,
встречать с виной страшнее, чем с обидой

Как больно стать навеки виноватым,
неискупимо и невозмещенно,
перед сестрою или перед братом,
к ним не дойдет и стон из бездны черной.

И все ж клянусь, что вся отвага Данта
в часы тоски, прильнувшей к изголовью,
не так надежна и не благодатна,
как свет вины, усиленный любовью.

Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели
на то и жизнь, на то и воля Божья.
Мне это все открылось в Коктебеле
под шорох волн у черного подножья.

1984

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ОДА

Никогда я Богу не молился
так легко, так полно, как теперь...
Добрый день, Аленушка-Алиса,
прилетай за чудом в Коктебель.

Видишь? я, от радости заплакав,
запрокинул голову, и вот
Киммерия, алая от маков,
в безконечность синюю плывет.

Вся плывет в непобедимом свете,
в негасимом полдне, и на ней,
как не знают ангелы и дети,
я не помню горестей и дней.

Дал Господь согнать с души отечность,
в час любви подняться над судьбой
и не спутать ласковую Вечность
со свирепой вольностью степной...

Как мелась волошинская грива!
Как он мной по-новому любим
меж холмов заветного залива,
что недаром назван Голубым.

Все мы здесь, кто мучились, кто пели
за глоток воды и хлеба шмат.
Боже мой, как тихо в Коктебеле,
только волны нежные шумят.

Всем дитя и никому не прадед,
с малой травкой весело слиян,
здесь по-детски властвует и правит
царь блаженных Максимилиан.

Образ Божий, творческий и добрый,
в серой блузе, с рыжей бородой,
каждый день он с посохом и торбой
карадагской шествует грядой...

Ах, как дышит море в час вечерний,
и душа лишь вечным дорожит,
государству, времени и черни
ничего в ней не принадлежит.
И не славен я, и не усерден,
не упорствую, и не мечусь,
и что я воистину безсмертен,
знаю всеми органами чувств.

Это точно, это несомненно,
это просто выношено в срок,
как выносит водоросли пена
на шипучий в терниях песок.

До святого головокруженья
нас порой доводят эти сны,
Боже мой Любви и Воскрешенья,
Боже Света, Боже Тишины!

Как Тебя люблю я в Коктебеле,
как легко дышать моей любви,
Боже мой, таимый с колыбели,
на земле покинутый людьми!

Но земля кончается у моря,
и на ней, ликуя и любя,
глуби вод и выси неба вторя,
безконечно верую в Тебя.

1984

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО (1915—1999)

КРЕСТЫ И АНТЕННЫ

Россия, где ты? Ты опять в дороге.
Опять идешь от разоренных стен,
Оставив на оплеванном пороге
Полукресты столпившихся антенн.

Скажи, каким богам ты поклонялась?
Кому молилась, глядя на экран?
Кому поверила? Что нам теперь осталось —
Расплачиваться горько за обман.

Опять дороги, перелески, тропы.
Опять судьба на уровне беды...
На площадях заезженной Европы —
Твои незавершенные следы.

Ты что, забыла о былом величье...
Высокочтимых слов — «Россия», «Русь»?
Трусливо спрятав голову по-птичьи,
Неужто прощебечешь: «Ну и пусть...»

Нет, нам с тобой опять идти на муки
Под черный небосвод с голубизной,
Где предки наши, простирая руки,
Как попранная совесть за спиной.

Не ложь антенн... Крестами колоколен
Освящена твоя святая грудь.
Молись, Россия!.. Волен иль неволен,
Ты за нее в ответе! Не забудь!

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН (1918—1999)

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК «О СЕБЕ»[1]

Родился я в 1918 году в деревне Саблино бывшей Тверской губернии, в семье крестьянина. Отец мой, столяр по профессии, жил в основном заказами на месте и подрядами на стороне. Во время коллективизации, в 1930 году, семья перебралась в один из совхозов Московской области, в районный центр Лотошино. Теперь это — обычный современный поселок, а тогда это было весьма живописное торговое село с высоким белым храмом и с двумя огромными парками, принадлежавшими до революции знаменитым князьям Мещерским. Тут находилась их главная резиденция, поэтому и село имело двойное название: Лотошино-Мещерское. Помню красивый княжеский особняк с белыми греческими колоннами. В доме помещалась районная больница, и сохранялся он вплоть до прихода немцев осенью 1941 года.

В эти-то места я и прибыл со своими родителями во дни своего отрочества. Это были действительно «московские» места — с бойкой речью, разбитными характерами, с коммерсантскими замашечками. По всем улицам сновали грузовики, со всех столбов кричали громкоговорители. Посредине села каждое воскресе-

[1] Автобиографические заметки Николая Тряпкина «О себе» были впервые опубликованы в 1989 году, когда, поднакопив силенок, Николай Тряпкин создал цикл «Подражание Экклезиасту» и другие религиозные стихотворения. С этим золотым словом он предстанет в последние годы жизни. — *В.К.*

нье шумел рынок, покрикивали цыгане. Жили мы почти тут же, рядом, а поэтому я до сих пор люблю веселую базарную сутолоку, испытываю особое пристрастие к воскресным дням.

И слова, гремучие, как рынки,
Пролетают в край моих стихов.

Располагались мы в длинном кирпичном бараке, в котором раньше, по всей вероятности, помещалась господская прислуга, так как барак назывался дворней. Жить было тесно и грязно, а главное — голодно. Подсобного хозяйства не имели, а времена были не из хлебных. Поэтому, года через два, в соседней деревне Ивановское родитель мой приглядел избенку в три окошечка, сторговал ее у владельца, переезжавшего куда-то, и снова мы стали хозяевами деревенской хаты и деревенского огорода. В этой деревне и в этой избенке мы прожили вплоть до 1950 года, когда семейство наше снова перебралось в Лотошино, построив там новый домик со всякой росписью и завитушками. Там я провел добрый десяток лет, а затем, по неуклонной воле судьбы своей, стал подтягиваться ближе к столице.

В 1939 году закончил я в Лотошине среднюю школу и поступил студентом в Московский историко-архивный институт. В порядке самодеятельности кропал всякие стишки, писать кои начал еще в пятом классе, а то, пожалуй, и раньше. Подражал я в этих стишках всем, кто попадал под горячую руку, и прежде всего ходовым тогдашним стихотворцам: Жарову, Безыменскому, Исаковскому. Институтом я не увлекся, мечтал о специальном филологическом образовании, готовился к редакторской деятельности. Но грозной осенью 1941 года внезапно оказался в городе Котласе, куда забросила меня волна эвакуации. Помню огромное скопище беженцев, особенно поляков. Поляки располагались своим отдельным табором, жгли на площади костры, приплясывали от холода. После многих скитаний я определился в одной из деревенек Сольвычегодского района, в километрах семи от Котласа. Поскольку для солдатского дела я не пригодился, то пришлось заниматься сельским хозяйством, работать колхозным счетоводом.

И вот там-то, в этой маленькой северной деревнюшке, и началась моя творческая биография. Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди. Я сразу же почувствовал, что могу на что-то рассчитывать. У меня впервые открылись глаза на Россию и на русскую поэзию, ибо увидел я все это каким-то особым, «нутряным» зрением. А где-то там, совсем рядом, прекрасная Вычегда сливается с прекрасной Двиной. Деревянный Котлас и его голубая пристань — такая величавая и так издалека видная! И повсюду — великие леса, осененные великими легендами. Все это очень хорошо для начинающих поэтов. Ибо сам воздух такой, что сердце очищается и становится певучим. И я впервые начал писать стихи, которые самого меня завораживали. Ничего подобного со мною никогда не случалось. Я как бы заново родился, или кто-то окатил меня волшебной влагой. Некоторые из этих проб относятся к лучшим моим стихотворениям.

Осенью 1943 года я вернулся домой, к своим родителям. Лотошино было целиком сожжено, возвышалась только внушительная труба спиртзавода. Она до сих пор является единственным ориентиром этих мест. Раньше таким ориентиром служила здесь высоченная белая колокольня. Но храм был разрушен еще в середине тридцатых, и теперь над местностью возносится вот эта горделивая заводская труба. Пусть она не придает красоты поселку, но все-таки издали маячит, и глаза невольно смотрят на ее верхушку.

Деревня Ивановское и родительская хата военному погрому, к счастью, не подверглись. Но окрестные поселенья почти все целиком восстанавливались заново. И меня с первых же дней прибытия охватило великое напряжение края, воскресающего из пепла. Повсюду стучали плотничьи топоры, звенели пилы. Я и сам почувствовал себя плотником, что от истины не столь-то было далеко, ибо частенько приходилось помогать своему отцу на различных постройках. И вот я писал стихи, в которых пахло сосновой стружкой.

Это была великая весна творческого народного порыва, весна, предвещавшая уже совсем близкий праздник Победы. Это был и мой собственный праздник — праздник моей поэтической молодости.

С такими-то стихами и с таким-то настроем я и приехал в столицу, к поэту П.Г. Антокольскому. Это было в 1945 году, не помню, в какой месяц. К моей полной неожиданности, Антокольский удостоил мои стихи такого приема, какой мне и не снился. Он радостно выкрикивал мои строчки, ударял меня по плечу и под конец сказал: «Все, что будешь писать, парень, вози только мне». Во время второго моего приезда он так был воодушевлен моими новыми стихами, что тут же решил двигать меня в толстые столичные журналы. Результатом было то, что в ноябре 1946 года два моих стихотворения торжественно красовались на первой странице журнала «Октябрь», в феврале следующего года журнал поместил целую мою подборку, состоявшую, кажется, из двенадцати стихотворений. А через месяц меня вызвали на Первое всесоюзное совещание молодых писателей, где я оказался среди таких прославленных ныне поэтов, как Межиров, Недогонов, Орлов, Гудзенко, Дудин, Вероника Тушнова, Сильва Капутикян.

Это и было, так сказать, моим вхождением в литературу...

Вот, пожалуй, и все. Это — главное. А все прочее, по-моему, уже не столь интересно. Пишу стихи, выпускаю книжки. Состою в профессиональных, как говорится, литераторах. Только вот из стихов своих никогда профессии не делаю и другим не советую. Ибо так легко можно утонуть в рифмованной писанине и утратить то сокровенное, без чего поэзия — никакая уже не поэзия.

Хотя стихосложения мои в значительной степени исходят из фольклора, никаким фольклором я специ-

ально не занимался. Распевный склад моих стихотворений является результатом моего крестьянского происхождения. Известно, что российские поселяне наши всегда были великими песельниками и плясунами. Это свойство моих дорогих сородичей и перешло к моей музе.

И еще одна деталь. В последние годы я почувствовал, что если работа моя будет оставаться при тех же интересах, вокруг которых она вращалась до сих пор, то я непременно буду повторяться. То есть писать совершенно ненужные, необязательные стихи. А этого мне очень не хотелось бы, поскольку у других этого не терплю. И вот я решил пока остановиться, подкопить новых силенок, а там — будет видно. Деды наши говаривали, что сказанное слово — серебряное, а несказанное — золотое...

* * *

Земная тишина! Старуха богомолка!
Ты — мой ребячий сон, и все же вновь
приснись.
Грохочут рупора у каждого поселка,
И реактивный рев распарывает высь.

Земная тишина! Колыбка трав горячих!
Раздумчивая глушь окрестных деревень!
Хочу быть неглухим, хочу быть вечно зрячим.
Пребудьте же во мне! И распахните сень...

1971

* * *

Не ведут пути окольные
К жизни праведно-святой.
Снова — звоны колокольные
Над безверною землей.

И в конце пути извечного
Люди грешные стоят.
А над ними — своды Млечные,
Свечи жаркие горят.

И гремят, плывут под сводами
Гласы Павла и Петра,
Над погрязшими народами
Снова плачет детвора.

А пред огненными дверями —
Только звездные венцы.
И предстали вдруг потерянно
Перед ними гордецы.

То — больные иль целители?
То — палач иль жертвы тут?
И пускай нет горних жителей,
А кого-то все ж зовут.

А над ними — колокольные
Гласы Павла и Петра?
И восходят кручи вольные
Иль Голгофская гора.

1971

* * *

Это было в ночи, под венцом из колючего света,
Среди мертвых снегов, на одном из
распутий моих...
Ты прости меня, матушка из того ль
городка Назарета,
За скитанья мои среди скорбных селений земных.

Это было в полях у глухого промерзшего стога,
Это было в горах у приморских завьюженных
дюн...
Ты прости меня, матушка, породившая
Господа Бога,
За ристанья мои и за то, что был горек и юн.

Грохотала земля. И в ночах горизонты горели.
Грохотали моря. И сновали огни батарей...
Ты прости меня, матушка, что играла
на Божьей свирели
И дитя уносила — подальше от страшных людей!

И грохочет земля. И клокочут подземные своды.
Это все еще тут, на одном из распутий моих...
Ты прости меня, матушка, обрыдавшая
веси и воды,
Что рыдаешь опять среди мертвых
становий людских.

Проклинаю себя. И все страсти свои не приемлю.
Это я колочусь в заповедные двери твои.
Ты прости меня, матушка, освятившая
грешную землю,
За неверность мою. За великие кривды мои.

1980

МОЛИТВА
(Москва, 1613 г.)

Что за звоны рассыпаются окольные?
Колокольные!
Голосистые, малиновые, хвальные!
Величальные!

Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!
Завестили, зачастили все-то звонницы!
С той ли Бронницы!
Заиграла вся слободушка Стрелецкая!
Молодецкая!
Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!
А вдали, вдали — дороженька Смоленская,
Выходила к ней вся сила духовенская —
С хлебом-солью, да с подъятыми иконами,
Да с окрестными святыми перезвонами.
Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!
Приближается к ним воинство Пожарское,
Разгорелось синью небо государское.
Да не снидет боле духа здесь пришлецкого —
Ни ордынского, ни панского, ни грецкого!
Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!
С новой силушкой ударили во все медные!
В заповедные!
Эй вы, люди, москворецкие, боярские!
Чеботарские!
Да ликует наша горушка Смоленская!

Духовенская!
Голосистая, малиновая, хвальная!

Величальная!
Динь-бом! Тили-тили!
Динь-бом! Тили-тили!

Благодарствуем!

1981

СТЕНАНИЯ У РАЗВАЛИН СИОНА

Рыдайте же, девы! И жены и дети, рыдайте!
Рыдайте же, старцы, и пеплом себя обсыпайте!
Рыдайте же, лютни! Рыдайте, свистки и цевницы!
Рыдайте же, овны! Рыдайте, верблюды и птицы!

Восплачемте все, кто остались от копий и плена,
Чье тело в крови и кто в пепле стоит по колено,
Кто волосы рвет на себе, зарываясь в огнище,
Кто молит у псов для себя и приюта и пищи!

Исполнился Гнев, прозвучавший
из Божьего Лона,
И черные совы кричат на воротах Сиона,
И черные змеи ползут из Священной криницы,
И скачут по городу волки, хорьки и лисицы.

Рыдайте же, старцы! И дщери Сиона, рыдайте!
Всю горечь свою из ладоней своих испивайте,
Всю печень свою, что, как яд, пролилась
на каменья,
И стали мы ныне добычей Господнего мщенья.

Рыдай же, Израиль! Завидуй паденью Содома!
Легка его смерть. Он погиб
от мгновенного грома.
А мы вот свалились от голода, смрада и зноя,
И скопища вражьи опять пронеслись над землею.

И знойные смерчи засыпали наши могилы,
И в реках безводных, как зубры,
ревут крокодилы,
И злаки в полях искрошились от лютого жара...
Рыдай же, Израиль! Господня исполнилась кара.

Пускай же раздавят нас камни из Божьих истоков
За наших фальшивых, тупых
и продажных пророков,
За наших князей, что рождались из гноя и кала,
За наших детей, что плясали на стогнах Ваала!..

Рыдайте же, люди! И грады и веси, рыдайте!
Рыдайте же, земли! И пеплом себя обсыпайте!
Исполнился Гнев, что звучал из небесного лона,
И черные змеи висят на воротах Сиона.

1982

* * *

Молчи, Иеремия!
Не кайся в худобе,
И речи всеблагие
Даны уже тебе.

И духом ты не беден,
И сердцем ты не хил.
И самый лучший бредень
Ты в мире пораскрыл.

Измерь людские хляби,
Греби в любом низу,
И в самом дохлом крабе
Исторгни хоть слезу.

Пускай в крови планета
И грозен Асмодей,
Излавливай для света
Исчезнувших детей.

Пускай они глухие, —
Ныряй в любую щель...
Иди, Иеремия,
Бери свою свирель.

Иди, Иеремия,
К залегшим во гробе!
А звуки всеблагие
Даны уже тебе.

Играй свои погудки
По всем концам земли,
Чтоб всюду незабудки
Из гноя расцвели.

Забудь свои покосы,
И смокву, и парчу,
А твой бродяжий посох
Я сам тебе вручу.

1982

ГЛАСОМ ЦАРЯ ДАВИДА...

1

Днем я сникал от жары, ночью страдал от стужи,
Стриг я Твоих верблюдов, пас я Твоих овец.
Что ж Ты меня удавкой стягиваешь все туже,
Ты, сотворивший землю, Зодчий мой и Отец?

Сколько Тебе служил я! Сколько Тебя я славил!
Даже родного сына клал Тебе на костер.
Только не арку Млечную Ты надо мной
поставил —
Звездную перекладину Ты надо мной простер.

Я укрепляю дом свой лучшими городнями,
Градами и кремлями землю свою обвел.
Ты же в меня запускаешь огненными камнями,
Черными головнями целишься в мой котел.
Дай же мне объясненье — в чем же Твоя обида?
Гласом царя Давида к высям вздымаю зов:
— Что же я — цвет творенья или я просто — гнида
С первого дня рожденья и до конца миров?

Что же Ты мне отвечаешь ядерными громами
И во вселенской яме топчешь мои города?
Где же Твоя десница, льющая мед над нами?
Или мое рожденье — миг Твоего стыда?

Или Твое проклятье — в горестной той колыбке,
Где Ты меня младенцем бросил среди пустынь?
Что же я так взыскуюсь не за свои ошибки, —
То возгремит Гоморра, то возгорит Хатынь?..

Днем я сникал от жара, ночью страдал от стужи,
Стриг я Твоих верблюдов, пас я Твоих овец.
Что ж Ты меня оставил в этой вселенской луже —
И зашвырнул в пространство грифель свой
и резец?

2

Уж если Ты, Господь, безбрежен
Пред ликом неба и земли,
Уж если дух Твой неизбежен
Для тех, кто ползает в пыли;

И если я в земном кружале
Давно утратил облик свой —
И растоптал Твои скрижали,
И надругался над Тобой, —

Прости, Владыка, — хлеб мой скуден,
А воздух смертно почернел,
И столько всяческих паскудин
Уже рванулось в Твой предел!

И столько смрадных испарений
Испакощало кровь мою!
И после стольких погребений
Я вновь из праха восстаю!

И если я в земном кружале,
В звериной свалке изнемог, —
Уважь, Господь, мои печали,
Не проклинай моих дорог!

Не весь мой дух испепелился,
Не весь я смрадом изошел.
Не Ты ли в дол ко мне спустился
И словом песенным расцвел?

1982

ОБРАЩЕНИЕ НЕОФИТА К НАРОДУ У ДВЕРЕЙ ПЕРВОГО ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА

Древним проповедникам

Это — скиния такая, это — горница святая,
Это — Господа Исуса Дом Воскресшего Царя.
Посмотрите, посмотрите: это — скиния такая!
Это — храмина святая! Это — Новая Заря!

Это — хижина совета, церковь Нового Завета,
Ибо Старого Завета закрывается Ковчег!
Посмотрите, посмотрите: сколько ласки
и привета!
Сколько радости и света, несказанного навек!

И гласится в этой вере: будьте люди, а не звери!
Это нам в небесной сфере золотой сияет крест!
Это я вам — Неизвестный — говорю у этой
Двери:
Заходите, заходите! Не гнушайтесь этих мест!

Эти гулкие хоралы! Эти свечи, эти Лики!
Эти своды и порталы, что восходят над толпой!
И склоняются пред ними в прахе
римские владыки,
Простираются, рыдают и стучатся головой.

И пускай там запустела и сгорела Самария
И под цезарской стопою издымился Рушлаим.
Заходите, заходите, истомленные, глухие,
Воздохните за вратами, пред которыми стоим.

Заходите, заходите, будьте люди, а не звери.
Эй вы, отроки и дщери у погасших алтарей!
Это я вас призываю: заходите в эти Двери!
Ибо стал я христианин, а вчера был фарисей.

Посмотрите, посмотрите: сколько ласки
и привета!
Сколько радости и света, несказанного навек!
Это — храм земли грядущей, церковь
Нового Завета,
Ибо Старого Завета закрывается Ковчег.

1982

МАТЬ

Когда Он был, распятый и оплеванный,
Уже воздет,
И над крестом горел исполосованный
Закатный свет, —

Народ притих и шел к своим привалищам —
За клином клин,
А Он кричал с высокого распялища —
Почти один.

Никто не знал, что у того Подножия,
В грязи, в пыли,
Склонилась Мать, родительница Божия,
Свеча земли.
Кому повем тот полустон таинственный,
Кому повем?
«Прощаю всем, о Сыне мой единственный,
Прощаю всем».

А Он кричал, взывая к небу звездному
К судьбе Своей.
И только Мать глотала кровь железную
С Его гвоздей...

Промчались дни, прошли тысячелетия,
В грязи, в пыли...
О Русь моя! Нетленное соцветие!
Свеча земли!

И тот же крест — поруганный, оплеванный.
И столько лет!
А над крестом горит исполосованный
Закатный свет.

Все тот же крест... А ветерок порхающий —
Сюда, ко мне:
«Прости же всем, о Сыне мой страдающий:
Они во тьме!»

Гляжу на крест... Да сгинь ты, тьма проклятая!
Умри, змея!..
О Русь моя! Не ты ли там — распятая?
О Русь моя!..»

Она молчит, воззревши к небу звездному
В страде своей.
И только сын глотает кровь железную
С ее гвоздей.

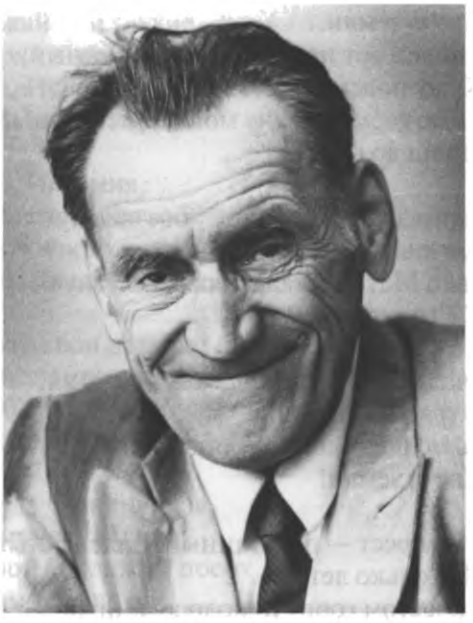
1993

ФЕДОР СУХОВ (1922—1992)

* * *

На всякий день гляжу как на подарок,
Да славится дарящая рука!
Гори, гори, свечи моей огарок,
Грустящая, не убывай, река.

Не торопи ни к озеру, ни к морю
Свою неудержимую струю,
Пусть набегающие волны моют
Печаль неутолимую мою.



Ласкают горечь сгорбленных старушек,
Их тихую закатную зарю...
Услышат ли всеслышащие уши,
Что я глаголю, что я говорю?

Увидят ли всевидящие очи
Потайно оброненную слезу?
И посредь лета чувствуется осень,
В березовом кручинится лесу.

Звенит синицей. По-синичьи мило
Глядит на стекленеющий песок,
Во славу торжествующего мира
Щемящий возвышает голосок.

Да славится земли родной отрада,
Дыханье рек ее, ее морей!
А большего, пожалуй, и не надо
Моей печали, радости моей.

* * *

Пою я Твое Воскресение,
О Господи, подвиг Твой славлю!
Избавь меня от искушенья,
Я сам-то себя не избавлю.

Поставь поскорее стопы мои
На путь, что протоптан Тобою,
Пусть дождь Твои пажити вымоет,
Своей обласкает любовью.
Обрадует озимь. По озими
Рассыплется белым горохом,
Рассеребрится березами
По нашим российским дорогам.

Березовой чащицей топчется,
По косточкам сгибшей полыни...
И вправду — дымящейся рощицей
Протопал серебряный ливень.

Твоими перстами, о Господи,
Припал на овражины лисьи,
Возвысил над всеми погостами,
Ивана-да-Марью возвысил.

И вроде бы нету забвения,
Нет ночи кромешной, нет хмари,
Лишь только Твое Воскресение,
Явленье Ивана-да-Марьи.

* * *

Вошел во храм. Две свечечки поставил
Во здравие поруганной Руси.
О Господи! Пречистыми перстами
Усохшую былинку ороси.

На злак моей неутоленной жажды
Дождинками серебряно пади,
Чтоб в день страды, в день подоспевшей жатвы
Проложенные виделись пути.

Твои, о Господи, стези-дороги
Горячая исколесит страда...
Я верую — исчезнут лжепророки
И лжевожди исчезнут навсегда.

Не будет слова, сказанного всуе, —
Восторжествуют вещие слова!
Неправедные потеряют судьи
Свои властолюбивые права.

Единственное утвердится право,
Достойное возвышенной любви, —
Ромашкою цвести, цвести купавой,
Чтоб весело шустрели воробьи!

И жаворонки весело звенели,
Доверчивые тешили сердца,
Чтоб раздвигала сумрачную невидь,
Поставленная теплилась свеча...

* * *

Отходил, отступался от Бога,
Ну а после прощенья просил, —
Верю истинно, верю глубоко
В торжество неразгаданных сил.

В тайну зримого мира и в тайну
Отдаленных, незримых миров...
Я по небу ночному витаю,
Да поможет мне Бог Саваоф!

Укрепит меня и не оставит,
Будет, будет все время со мной!
Возглаголет своими устами,
Возгремит над печалью земной.

Над моими земными грехами
Благодатный расщедрится дождь,
И никто никого не охает
В эту тихую-тихую ночь.

И никто никого не обидит,
В мире мир утвердится... Тогда
Приободрится земная обитель,
Возликуют ее города.

Явят радость свою все-то веси,
Запоют веселей петухи,
Еле зримое млеко созвездий
Утолит — не мои ли? — стихи.

Не мои ли скорбящие строки
Небо звездное обвеселит,
Васильками незримой дороги
Просветленный утешится лик.

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ (1903—1958)

МАТЬ

Что ты ходишь за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится,
Перекошенный плетень.

Ты куда идешь — печальная —
Через старый-старый мост,
Через лысую прогалину
На заброшенный погост.

Там часовенка забытая
Робко скрылась за сосну,
Здесь ты хочешь горе вытаять,
Вылить сердца глубину.

Не проси прощенья строгого
Непреклонного Творца,
Что пошел отец дорогою
Пролетарского бойца.

Не ходи ты за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится
Бурый, скошенный плетень.

12 февраля 1923

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫХ (1921—1999)

МОЛИТВА

За то, что я любил лишь ветер Божий
И в поле безприютную грозу,
За то, что спал, свернувшись под рогожей,
Гасил ресницей влажную слезу;
За то, что я вставал по зову птицы,
А не кукушки хриплой на стене,
Что, как мальчишка, верил в небылицы,
В Есенина на розовом коне;
За то, что я дружил не понаслышке,
А так, как заповедал добрый Бог,
С косматым мишкой и косым зайчишкой
(А я и сам умишком-то убог);
За то, что, как пичужку под рубахой,
Я отогрел бы землю от обид,
А там и сам затрепетал бы птахой,
Круженьем захлебнувшись голубым;
За все, за все — верни меня на землю...
...Пускай, как встарь, блаженствует душа,
Хранимая благоговейной сенью,
В соседстве сорняка и мураша...

НИКОЛАЙ ДОРИЗО (1923—2011)

МОЛИТВА
(Песня к кинофильму «Тихий Дон»)

Земля родная истомилась,
Кресты погостов над рекой.
На нашу Русь, как Божью милость,
Да ниспошли, Господь, покой.
Страшней всех засух окаянных
Степной пожар вражды людской.
В годину смуты и разврата
На изувеченной земле
Да не осудят братья брата
В своей беде, в своей семье.
И что бы с нами ни случилось,
Услышь, о Боже, голос мой!
На наш народ, как Божью милость,
Да ниспошли, Господь, покой.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Рубцов Николай Михайлович (1936—1971) — поэт. Родился в тот самый год, когда начались аресты последних, еще остававшихся в живых поэтов из ближайшего круга Есенина, — Николая Клюева, Сергея Клычкова, Ивана Приблудного, Василия Наседкина, самого талантливого ученика Сергея Клычкова Павла Васильева, которого стали называть «вторым Есениным». А открывается этот расстрельный список новокрестьянских поэтов именем его земляка Алексея Ганина, который уже в 1924 году первым сказал об уничтожении не просто крестьянской, а именно христианской России. Все они были вырублены под корень, чтобы не осталось ни одного живого побега, никто больше не стал на Руси «вторым Есениным». Но такой росток появился на свет. Ровно через тридцать лет после того, как прозвучали бухаринские слова о «хорошеньком залпе» по есенинщине, томик стихов запрещенного ранее Есенина в матросском кубрике на Северном флоте откроет двадцатилетний Николай Рубцов. К тому времени он уже начал писать стихи, но как все — под Маяковского. Маяковизации в поэзии, как и коллективизации в деревне, не удалось избежать почти никому. Рубцов тоже усвоил этот чеканный шаг:

Забрызгана
крупно
и рубка
и рында...

Вполне мог блеснуть и своими «звуковыми миниатюрами» (ранний Фет тоже любил подобные, как он выражался, «загогулины»), и другими атрибутами из того же самого поэтического арсенала, с помощью которого не одно поколение поэтов училось как *делать стихи*, не подозревая, что это начало конца. Он вполне мог прославиться, мы бы узнали имя Рубцова, но совсем другого Рубцова, который никогда бы не смог написать: «Россия, Русь, храни себя, храни!..», никогда бы не выполнил в своих стихах этот молитвенный завет.

В 1962 году, уже после «Видения на холме», определившего его собственный рубцовский путь в поэзии, он напишет о Есенине:

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Рубцов был не первым и не единственным, кто в 60-е годы XX века преодолел роковое влияние Маяковского. «Тихая лирика» его времени — это целая плеяда поэтов, вернувшихся, по сути своей, к тем же самым принципам «чистого искусства», которые в 60-е годы XIX века Афанасий Фет, Апухтин, Аполлон Майков противопоставили «дидактизму» (так они называли идеологический диктат) поэзии «гнева и печали» Некрасова и «некрасовской школы». Критики и пародисты того времени вдоволь поизгалялись над *мотыльковой поэзией* приверженцев Фета, их *фетишизме*. Приверженцев «тихой лирики» ждала та же участь поэтов-маргиналов, известных только в узком кругу своих читателей. Но уже тогда выдающийся композитор XX века Георгий Свиридов запишет в дневнике: «Весьма возможно, что истинную ценность будут иметь те творцы (т.е. их сочинения), которые как-то отвергнуты средой, но не по признаку "левизны", а по какому-то иному. Например, Николай Рубцов. Это совсем не случайное явление нашей жизни, не случайная биография и судьба».

Георгий Свиридов продолжит эту мысль и в другой записи: «Николай Рубцов — тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый».

В этих свиридовских словах, пожалуй, наиболее точно выражено самое главное в поэзии Рубцова — ее сакральность, тот *потаенный, скрытый* смысл, в котором *дольный* мир соприкасается с горним.

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

В этом рубцовском шедевре запечатлен самый сокровенный миг, ради которого в пушкинской «Молитве»:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество Божественных молитв...

Рубцовское стихотворение «В горнице моей светло», как и пушкинское «Отцы пустынники» и лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», принадлежат к числу таких *Божественных молитв*. Отсюда их молитвенная тишина. Лермонтовская:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Рубцовская:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

Есенинская Русь — *уходящая*; рубцовская — *ушедшая*. Оставшаяся символом потерянного Рая, исчезнувшей Атлантиды, затонувшего града Китежа:

О вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной
Как сон столетий, Божий храм...

Рубцов — сакральный поэт. И в этом он сравним только с Есениным. Чем, кстати говоря, можно объяснить и сам факт их необыкновенной популярности, независимой от каких-либо внешних причин. Государственная идеология, при всей своей невиданной мощи, оказалась безсильной вычеркнуть имя Есенина из памяти народа. Все остальное ей было под силу — изъять из учебников литературы, из библиотек, оставив лишь идеологический ярлык *есененщины*. И точно так же никакие СМИ, при всех их невиданных возможностях в создании или замалчивании литературных имен, не имеют никакого отношения к *раскрутке* имени Рубцова.

Причина одна. Ее и имел в виду Георгий Свиридов, когда писал о *тихом голосе великого народа, потаенном, глубоком, скрытом*. Размышляя об *озарениях* Мусоргского, которые для многих его современников были *мусором*, Свиридов запишет: «Гениальная строка из поэзии Николая Рубцова: "О чем писать? На то не наша воля!"»

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окресностях
России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — безсмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

<1960>

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, луна, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же могила? Не видели?
Поле до края небес. —
Тихо ответили жители:
Каждому памятник — крест.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос...

Лица старушек землистые,
Вроде могильной земли,
Тоже какою-то мглистою
Серой травой заросли.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Старый забор перед школою,
Тщательно выметен сор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Поле, холмы, облака,
Медом, зерном и сметаною
Пахнет в тени ивняка.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

<1964>

В прижизненных и посмертных публикациях стихотворения отсутствует четверостишие «Лица старушек землистые...», иначе звучат в авторском исполнении и некоторые другие строки. Романсы и песни Александра Лобзова (исполнители: Татьяна Петрова, Михаил Трошин); Геннадия Заволокина (музыка, исполнение); Александра Морозова (музыка, исполнение); Виктора Захарченко (музыка, исполнитель Кубанский казачий хор); Александра Васина-Макарова (музыка, исполнение); Максима Козлова (музыка, исполнение) и других.

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

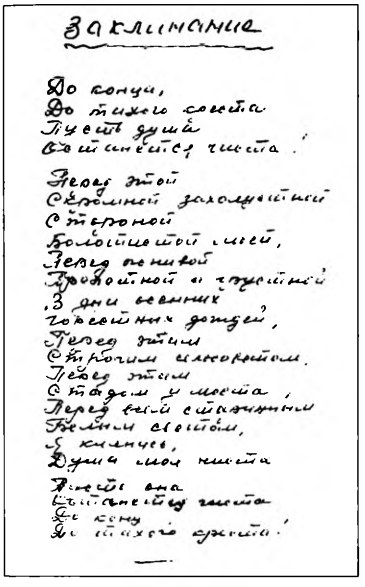
<1965>

ЗАКЛИНАНИЕ

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной,
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

<1969>

Стихотворение впервые опубликовано в предпоследнем прижизненном сборнике «Душа хранит» (Архангельск, 1969) под названием «До конца», которое и закрепилось в последующих публикациях, но в сохранившемся автографе оно называется «ЗАКЛИНАНИЕ». Известно, что при издании этого сборника «не прошел» первоначальный вариант обложки с рисунком силуэта церкви. Название стихотворения «Заклинание», вероятнее всего, было снято по тем же самым причинам — сборник открывался силуэтом церкви, а завершался заклинанием-молитвой.



Заклинание

До конца,
До тихого скита
Пусть душа
Остается чиста!

Перед этой
Соломой захолустной
С тихою
Болтающей змеей,
Перед пыльной
Дубовой и крутой
В дни невзгод
Ледяных дождей,
Перед этим
Строгим изголовьем,
Перед этим
Стягом у креста,
Перед всей сияющими
Белыми святыми,
С колоколов,
Душа моя, кричи
Вместе вна
Остающейся чиста
До конца
До тихого скита!

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

<1970>

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ
Санкт-Петербург

ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Бегу по земле, притороченный к ней.
Измученный, к ночи влетаю в квартиру!
И вижу — Тебя... И в потемках — светлей...
Что было бы с хрупкой планетой моей,
когда б не явились глаза Твои — миру?

Стою на холме, в окруженьи врагов,
смотрю сквозь огонь на танцующий лютик.
И вижу — Тебя! В ореоле веков...
Что было бы с ширью полей и лугов,
когда б не явились глаза Твои — людям?

И ныне, духовною жаждой томим,
читаю премудрых, которых уж нету,
но вижу — Тебя! Сквозь познания дым...
Что было бы с сердцем и духом моим,
когда б не явились глаза Твои — свету?

Ласкаю дитя, отрешась от страстей,
и птицы поют, как на первом рассвете!
И рай различим в щебетаньи детей...
Что было бы в песнях и клятвах людей,
когда б не явились глаза Твои — детям?

И солнце восходит — на помощь Тебе!
И падают тучи вершинам на плечи.
И я Тебя вижу на Млечной тропе...
...Но что б я успел в сумасшедшей судьбе,
когда б не омыла глаза Твои — вечность?

1979

* * *

Во храме, разоренном, как страна,
где ни крестов, ни даже штукатурки,
могильная набрякла тишина...
Как вдруг возникли некие фигурки!
Они свечу — чтоб Истину постичь —
затеплили в подхрамных катакомбах.
Здесь — своды Православия.
Кирпич терпения... Безсильны бомбы:
храм устоял! Надгробная плита
нам говорит: под ней — чудесный старец.
Хоть пять веков могила заперта,
а святость старца — не ржавее стали!
Звучит акафист вечному Христу.
Плывет из уст! В груди — смиренней вздохи.
И не свечу — алмазную звезду
я различаю в сумерках эпохи!
И пусть над нами — бездыханный храм...
В глазницах окон — воронье и ветер...
Горит свеча! А, стало быть, и там,
в стране моей, где потрудился хам, —
Любовь и Мир возбрезжут на рассвете!

1993,
Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь

* * *

Во дни печали негасимой,
во дни разбоя и гульбы —
спаси, Господь, мою Россию,
не зачеркни Ея судьбы.

Она оболгана, распята,
разъята... Кружит воронье.
Она, как мать, не виновата,
что дети бросили ее.

Как церковь в зоне затопленья,
она не тонет — не плывет —
все ждет и ждет Богоявленья.
А волны бьют уже под свод...

1993

* * *

Мой стол, мой друг четвероногий!
Прости, что я изведал дно,
что я с тобою был жестоким
и чуть не выбросил в окно.
Кровь, превратившуюся в брагу,
пора унять, как злого пса!
Взглянуть на чистую бумагу,
как будто ангелу в глаза.

Пойти, как в Божий храм, на речку —
и умереть без слез хмельных,
вернуться в дом, затеплить свечку
и помолиться за живых!

1995

* * *

Когда утратил я дорогу
и ощутил в крови беду,
ты за меня молилась Богу, —
ты свечку ставила Христу.
Сама уставшая, как пашня,
что возвратила урожай,
ты сохранила нежность к падшим.
Живи, светись — не утешай!
Сама утешься Бога ради.
Дай, загляну в твои глаза...
Останься жить в моей тетради,
как в майском облаке — гроза!

1996

* * *

Свет идет от огня.
Вот средь белого дня —
холм, а на нем — обитель.
Не покидай меня,
не отвернись от меня,
Ангел-Хранитель.

Я войду во врата:
поклон вам земной,
места — места святые.
Дайте ради Христа
огня мне: душа пуста,
глаза на мне пустые.

В трапезной — хлеб да соль.
Господней молитвы боль —
песнь неземная.
...Вновь дорожкою — вдоль...
Мила мне моя юдоль,
земля мне мила родная.

1997

* * *

Не комедия, не драма —
просто ночью иногда
заколоченного храма
скрипнут ржавые врата....
Свет лампад сочится в щели, хор:
«Спаси и сохрани...»
И выходит в мир священник,
убиенный в о н ы дни.
Крестным знаменьем широким
осенит поля с холма
и блуждает, одинокий,
словно выжил из ума.
Архаичен в мире новом,
глянет в сторону небес —
и на храме безголовом
воссияет звездный крест.
Поп идет легко и прямо,
словно видит Божьи сны...
Не комедия, не драма,
просто — ночь. М о е й страны...

1997—1998

ВАЛЕНТИН ДИНАБУРГСКИЙ

Брянск

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТРОКИ

Сокрытые лики святых чудотворцев
Взирают на землю в канун Рождества.
Их скорбь отражают глубины колодцев,
Где стынет вода, словно совесть чиста.

Выводят морозы на стеклах орнамент,
Сверкающим инеем выткан узор —
Такой не составишь своими руками,
Он душу ласкает и радует взор.

А в Храмах Святых, Богородицы ради,
Творятся молитвы и праздничный звон.
И нет для молящихся высшей награды,
Что голос их слабый услышит и Он.

А к ночи — сочней колокольные звоны,
И звезды крупнее, и круче мороз.
И смотрит, и видит народ изумленный,
И верит, что их не оставит Христос.

1971

* * *

Вижу Русь в дали колокольную:
Безпредельную, сердобольную,
Не распятую, не расхристанную —
В делах-помыслах светло-чистую!

Не хмельную, чтоб аж до одури, —
Чтобы во поле, да не лодыри!
А на праздники на престольные,
Песня-удаль чтоб — птицей вольною!

Чтобы звон летел в даль подлунную!
Вижу, день грядет — не коммунный,
Не кабацкий день да не матерный!
Помытарились: буде — хватит с нас!
Встань не в рубище, но в красе-фате,
Возрожденною во Христе!

1993

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Светотворенье, светопад,
Светопотоп, светолавина!
Светосияющий в небе каскад! —
Светлая Пасха тому причина.
Глаз непривычен, сужен зрачок,
Но видеть жажду: еще, еще!
Чудо свершилось:
Смерть смертью поправ,
Небо явило виденье Христа!
И осиян непроснувшийся лес,
И радость в сердцах безмерна:
Христос Воскрес,
Христос Воскрес!

Эхо, умножив сиянье окрест,
Вторит:
Воистину, Вправду Воскрес, —
Тысячекратно и тысячемерно!

1996

МОЛИТВА

Даруй мне, о Господи,
Смерть мгновенную,
Как было на фронте,
Где огненной геенною
Бомба или мина
В миг единый в клочья
Разносила бренное
Тело... Среди прочих,
Уцелел я, лишь ангелу благодаря!
Ангел — мой хранитель —
Уберег меня!
Жизнь прожил я честно,
Каясь и греша,
Сотворяя песню —
В ней моя душа!
Даруй мне смерть мгновенную,
Отмерив жизни срок.
Ты во всей Вселенной
Есть единый Бог!
Верю в Твою мудрость
И в Твое могущество.
На закате лет
Душа —
Все мое имущество...

2003

БОГОЛЮБИЦА

Когда все в жизни слава Богу,
Когда здоров, и сыт, и пьян —
Нам, недотепам, не до Бога:
Живем бездумно, как бурьян...
Но лишь случится что-то с нами,
Сломает душу и тряхнет —
Крестясь греховными руками,
К Нему, к Нему нас путь ведет!
Он не оставит — он поможет,
Беду-хворобу отведет.
Прости нас, Всемогущий Боже:
Тобою Жизни Круг положен,
И все случится в свой черед.
От колыбели и до гроба,
Кто, что бы там ни говорил —
В своей душе мы носим Бога.
Иначе — где набраться сил?
Когда же даст ход жизни сбой —
Так есть, и быть тому веками —
Мы верим, знаем, что Ты с нами,
А мы, а мы всегда с Тобой!

2008

ПО СТОПАМ ХРИСТА

По разливу вод,
Словно посуху,
Я с молитвою
Да вот с посохом,
Плоть прикрыв едва
Лишь хламидою,
В ясну полуночь
Бодро выйду я.
И пойду, пойду,
Без ладьи-весла,
Да без паруса,
По стезе Любви,
По стопам Христа —
И покаюся
За грехи свои,
Что содеяны
Не по умыслу,
Бишь, злодейному.
Ибо жизнь сама —
Вся греховная,
Бо утрачена
Суть духовная...

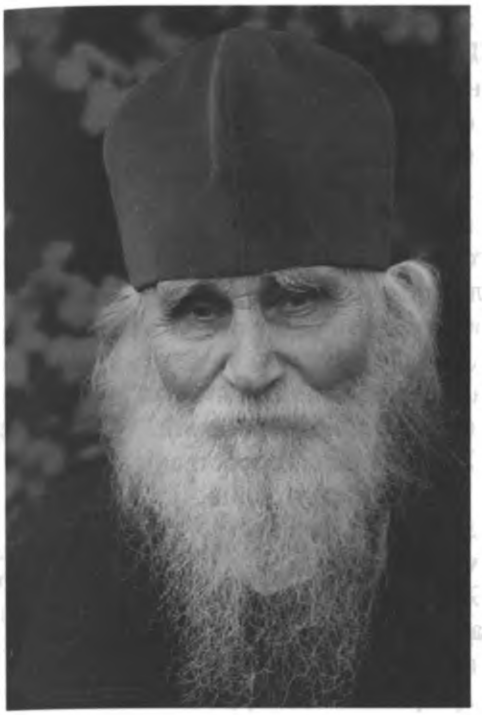
2008

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ (1910—2002)

МОЛИТВА «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ»

Из всех молитв, какие знаю,
Пою в душе иль вслух читаю,
Какою дышит дивной силой
Молитва «Господи, помилуй».

Одно прошенье в ней, не много!
Прошу лишь милости у Бога,
Чтоб спас меня Своею силой,
Взываю: «Господи, помилуй».



Плыву в житейском бурном море,
Встречаю радости и горе;
От бурь какой спасался силой?
Молитвой «Господи, помилуй».

И горе таяло, и радость
Мне приносила вдвое сладость,
И все то было дивной силой
Молитвы «Господи, помилуй».

Когда лились от горя слезы
Иль страстные смущали грезы,
Тогда с особой сердца силой
Твердил я: «Господи, помилуй».

Уж близок я к последней грани,
Но все ж горячими слезами,
Хотя с увядшей тела силой,
Молюсь я: «Господи, помилуй».

Душа, окончив жизнь земную,
Молитву эту, не иную,
Тверди и там ты, за могилой,
С надеждой: «Господи, помилуй».

ПОКАЯННАЯ МОЛИТВА

Господи, помилуй,
Господи, прости.

Помоги мне, Боже,
Крест свой донести.

Ты прошел с любовью
Свой тернистый путь,
Ты нес Крест безмолвно,
Надрывая грудь.

И за нас распятый
Много Ты терпел,
За врагов молился,
За врагов скорбел.

Я же слаб душою,
Телом также слаб,
И страстей греховных
Я — преступный раб.

Я — великий грешник
На земном пути,
Я ропщу, я плачусь...
Господи, прости!

Помоги мне, Боже!
Дай мне крепость сил,
Чтоб свои я страсти
В сердце погасил...

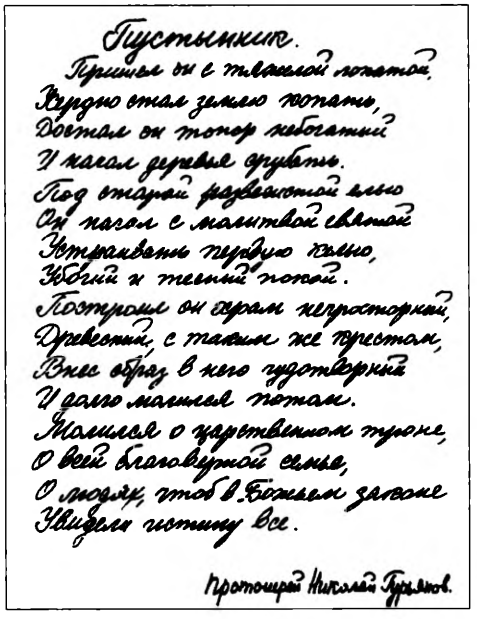
Помоги мне, Боже!
Щедрою рукой
Ниспошли терпенье,
Радость и покой.

Грешник я великий
На земном пути...
Господи, помилуй,
Господи, прости!

ПУСТЫННИК

Пришел он с тяжелой лопатой,
Усердно стал землю копать,
Достал он топор небогатый
И начал деревья срубать.
Под старой развесистой елью
Он начал с молитвой святой
Устраивать первую келью,
Убогий и тесный покой.
Построил он храм непросторный,
Древесный, с таким же крестом,
Внес образ в него чудотворный
И долго молился потом.
Молился о царственном троне,

О всей благоверной семье,
О людях, чтоб в Божьем законе
Увидели истину все.


Пустынник.
Пришел он с тяжелой котомой,
Худою стал землю копать,
Достал он топор небогатый
И начал деревья рубать.
Под старой развесистой елью
Он начал с молитвой свечой
Устраивать трудно келью,
Убогий и тесный покой.
Которым он сделал неуклюжий,
Деревянный, с таким же крестом,
Внес образ в него чудотворный
И долго молился потом.
Молился о царственном троне,
О всей благоверной семье,
О людях, чтоб в Божьем законе
Увидели истину все.
Протоиерей Николай Гурьянов.

ВЛАДИМИР ЦЫБИН (1933—2001)

МОЛИТВА АВВАКУМА

Богородица прячет
в черном золоте плечи,
Богородице дарят
жирные слезы свечи,
Богородице старец
тихо лицом светая,
слезы свои приносит:
Матушка Пресвятая.
Ветер горит в соломе,
пляшет огонь над срубом,
от запада подтекает
месяц горящим стругом.
Трое единоверцев
горят под упавшей крышей,
от Аввакума пламя
отводит пока Всевышний.
— Время свивают бесы,
время идет расколом,
ересные словесы
огненным жгут глаголом.
Матушка, казнь приемлю.
помню, душой скорбея:
закопаны живы в землю,
Федосья и Евдокея...
Словно в адовом пекле
со ставен стекает сажа,
слыша слова молитвы,
бледнеет царева стража.
Огненные проклятья —
гортань разрывает криком:
— Будь проклят, дитя собаки —
вероотступник Никон.
Ты надругался, Никон,
над верою православной,
сменивши на крыж латинский
Крест Господа трисоставный.
Здесь к ереси всяк угодлив,
здесь мглы, здесь земля калека,
уразумевших ложно
Бог разберет в День века...
Слова на губах обуглились,
муки терпеть нет мочи.
Огонь разрывает жилы,
огонь выжигает очи.
В пламени — прямо к Богу,
духу — простор отворен.
Дым над Русью казненной
витает, как черный ворон.

Сердце отрыгнет скорби,
сердце восплачет свято:
— Чашу испьем о Господе,
испитую Им когда-то...

Черной поры знаменья,
новых времен замесы,
из ереси и затменья
время свивают бесы.

Июль 1992

ВАЛЕНТИН СИДОРОВ (1931—1999)

СЛОВО — БОГ

1

Есть Слово, содвигающее звезды,
Звучащее на языке земном,
Оно божественно по сокровенной сути:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

2

«Христос воскрес! Воистину воскрес!»
Сии слова не просто так слова.
А это — пульс, а это ритм Вселенной,
Ему законы все подчинены.

3

Сверкающая тайна бытия
Раскрыта нам в сем возгласе чудесном,
И утвержденьем вечного истока
Звучат слова, рождающие Свет:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

4

Дыхание божественно, когда
Ты дышишь, этот возглас повторяя.
«Христос воскрес!» — в себя вдыхаешь Свет.
«Воскрес воистину!» — мир наполняешь Светом.

5

И творчество, коль истинно оно,
Свидетельство лишь правды величайшей:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

6

Прислушайся. Ведь каждая былинка
И каждый лист, на солнце засверкавший,
Твердит тебе — прислушайся всем сердцем —
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

7

«Христос воскрес! Воистину воскрес!»
Слова как будто образуют крест.
«Христос воскрес!» — звучит по вертикали.
«Воскрес воистину!» — звучит горизонталь.

8

Ключ к сокровенным тайнам бытия
Давным-давно в руках у человека,
А он не знает, что в руках его.

9

«Христос воскрес! Воистину воскрес!»
Евангелье гласит от Иоанна,
Что Слово — Бог. Вот это слово — Бог!

1979

ЗИНАИДА МИРКИНА

ЖИЗНЬ — ЭТО С БОГОМ РАЗГОВОР

1

Хлеб насущный даждь нам, Господи —
Силы на сегодня.
Мы сюда на битву посланы —
Воины Господни.
Не талант и не умение, —
Что-то есть иное:
Каждый стих — мое сражение
С тяжестью земною.
Мой огонь, под пеплом дремлющий, —
Лишь ему поверьте!
Каждый стих — победа немощи
Над всесильем смерти.
Есть пути неисследимые
В очевидность чуда:
Каждый стих — прорыв в незримое
И возврат оттуда.

2

Только сердце с Богом говорит,
Лишь деревья слышат эти речи.
Есть в лесу незримый, тайный скит —
В том скиту и происходит Встреча.
У огромной вековой сосны,
На восходе или на закате

Накопилось столько тишины,
Что достать до Бога сердцу хватит.
В стороне от всех людских дорог,
Вдалеке от всех мирских известий
Прямо к Сердцу обратится Бог:
«Здесь ли ты?» И Сердце скажет: «Здесь я»

3

Молитва — это рост.
Молитва — это шаг.
Путь прост или не прост,
Должна идти душа.
Молитва — это путь.
Молитва — это рост
Из суетности в Суть
И от земли до звезд.

4

Что это значит — помолиться?
Застыть, забыть внезапно, вдруг
Про все, что знал. Слова и лица
Исчезли. Ничего вокруг.
Не ждать, не звать, не чаять чуда,
Не различить, где хлев, где храм.
И вдруг расслышать весть оттуда...
Откуда? Ты ведь знаешь сам...
Ведь сердце может ясно вспомнить
Глубины эти... Ты там был. —
Домирный Дом или — бездомность,
Где разворот прозрачных крыл
Так безконечен!.. Боже, Боже,
Какие мощные крыла!
Ты все объял. И Ты все можешь.
Молитва, стало быть, дошла.

5

Боже мой, что это значит —
Жизнь иная? Мир иной?..
Липы плачут, ели плачут —
Лес мой плачет надо мной.
Шепчут капли, шепчет чаща,
Ветки мокрые склоня.
Дождь шуршащий, ворожащий
Зазывает вглубь меня.
Век мой шумный, не усердствуй,
Мне не шевельнуть рукой —
Переполненное сердце,
Переполненный покой.
Ствол дубовый в мокрых пятнах
И потеки на сосне...
Ничего мне не понятно
И ничто не чуждо мне.
Я в домирном океане —
Этот шепчущий прибой
Усыпляет мне сознанье
И роднит меня с собой.
Все придуманное нами,
Все описанное — ложь,
Ведь с открытыми глазами
В мир иной не попадешь.
Пусть же все вопросы тонут —
Погружаюсь в забытье...
Только б мне вернуться в Лоно,
Кануть в Царствие Твое...

6

Прости за то, что я Тебя забыла.
Прости меня за эти полчаса
Потери связи с безконечной силой,
Когда закрылся вход на небеса.
За полчаса или полдня забвенья
Прости — с повинной головой стою.
Я у Любви моей прошу прощенья
За муку непомерную свою.
Прости меня, мой сокровенный Боже
За этот страх перед земной судьбой.
Я знаю — Ты воистину все можешь,
Но только если я совсем с Тобой.

7

Благодарю за тишину,
За мировой простор.
За эту новую весну,
Смертям наперекор.
За всю безчисленность щедрот,
Достойную Царя...
За то, что дух во мне растет,
Тебя благодаря.

8

Простите меня, мои сосны,
Простите меня, мои ели,
Прости меня, мой молчаливый,
Мне в сердце глядящий Господь, —
За мысли, что вдруг загудели,
За эту внезапность отрыва,
За то, что душа не сумела
Затихнуть и боль побороть.
Дочь блудная просит прощенья

За нетишину, несмиренье,
За это вскричавшее «я»...
Но больше — ни стона, ни всхлипа —
Я вновь в Твоем сердце великом,
Я снова встаю на колени.
Опять безраздельно Твоя.

9

Молитва — дело трудное —
И день и ночь в борьбе.
Она — ежеминутное
Стремление к Тебе.
Молитва — рядом с жертвою —
Не видный людям бой.
Она — сквозь муку смертную
Сращение с Тобой
До точки, где сиянием
Все сердце пронзено,
До полного слияния,
До «Ты и я — одно».

10

Благодарю Тебя, мой Боже,
За счастье видеть и любить,
За день апрельский непогожий,
Дождя прерывистую нить...
За это тихое мерцанье
Тумана посреди ветвей,
За это чудо прорастанья
Твоей любви в груди моей.

11

А можно я пожалуюсь Тебе?
А можно я забудусь на минутку?
По веткам ветер, как по пальцам чутким,
И дождь весь день стекает по трубе...
И дождь весь день стекает струйкой тонкой,
И нет конца размытому пути...
Да разве мать посетует ребенку,
Что ей его невмоготу нести?
Да разве сердце плачется судьбе
За то, что очень трудно няньчить Бога?..
А можно я пожалуюсь Тебе?
А можно я передохну немного?..

12

Остановись в лесной тени,
Забудь часы, прерви дорогу.
Деревья молятся, они
Сейчас застыли перед Богом.
Деревья, небо и вода —
Ее несчитанные мили —
Не на мгновенье — навсегда
Перед Творцом своим застыли.
И все прозрачней, все нежней
Природы северной палитра...
О, только б сердцу слиться с ней
И не прервать ее молитвы!..

13

Таинственным северным летом
Всю ночь не сгорает заря.
Деревья питаются светом,
Питаются небом моря.
Все в мире размечено строго
И тайный закон нерушим:
Душа наполняется Богом,
Питается Духом Святым.

14

Глядит с иконы Божье око
И открывает глубь во мне,
Я знаю — Бог живет глубоко,
В такой безмерной глубине,
Куда не долетают крики,
Твоя слеза не дотечет.
Но тишь безсмертного Владыки
Есть наш единственный оплот.
Не нарушайте этой тиши,
Лишь погрузите взгляд во взгляд.
Не Он нас, — мы должны услышать
Молчанья Божьего раскат.
В Его глазах, как в океане,
Весь мир объемлющем, тону.
Лишь только полнота молчанья
Приводит в Божью глубину.

15

А деревья за окном
Тихие — претихие.
А деревья за окном —
Иноки в иссихии.
А деревья за окном
О душе-невольнице —
Обо мне, тебе, о нем
День и ночи молятся.

16

Дай мне недвижности Твоей.
О, дай мне Твоего покоя —
Безмолвной широты морей
И неба над чертой морскою.
Дай отрешенности такой,
Непостижимо совершенной,
В которой царственный покой
Незримо движет всей Вселенной.
Твоей суровой ласки дай!
Я не прошу Твоей заботы,
И на мольбу не отвечай,
А только будь моим оплотом.
Твоя незыблемая Суть —
Всей зыбкости моей преграда.
О Господи, лишь только будь!
Мне больше ничего не надо.

17

Бог говорит лишь только в тишине.
Бог действует лишь только на просторе,
Вот почему до боли надо мне
Пустого неба и немого моря.
Какой простор до горизонта лег!
И в небесах скопилось столько тиши!..
Расти, душа, чтоб расправлялся Бог,
И затихай, чтобы Его услышать.

18

Жизнь — это с Богом разговор.
Не тот записанный, вчерашний,
А нескончаемый всегдашний,
Который длится до сих пор.
Из сердца в сердце — напрямик.
Так, как вечерний птичий вскрик,
Как стук дождя, как блеск лучей
Среди намокнувших ветвей.
Бог говорит мильоны лет
И жаждет получить ответ
Без толмачей, без толстых книг, —
Из сердца в сердце — напрямик.

19

Молитва долетит далеко,
Дойдет до Господа она,
Когда не будет одинокой,
Когда с Вселенной сплетена,
Когда в просторе,
Уйдя от всякой суеты,
Ты молишься, как и лес и море,
А лес и море так, как ты...

20

В покое полном мирозданье,
Чуть шелестит листва.
Молитва — это затиханье,
А вовсе не слова.

Открыта в глубину дорога,
Замолкло естество.
Тот час, когда я слышу Бога,
А не зову Его.

ЛЕВ РЫЖОВ (1935—2002)

* * *

Молю, чтоб ввек не отлучила
Меня от веры во Христа
Ничья в подлунном мире сила,
Ничьи надменные уста.
Ни тьма тюрьмы, ни меч, ни пламя,
Ни высота, ни глубина,
И ни учений новых знамя,
Ни гром грозы, ни тишина,

Ни падших духов ложь и злоба,
Ни человеческая ложь,
Ни страх страданий или гроба,
Ни перед казнью лютой дрожь.

Ни все сребро и злато мира,
И ни безумных оргий шум,
Ни демоническая лира,
Ничей могучий, гордый ум.

Ни смерть моих друзей и братии,
Ни гибель близких мне святынь,
Ни океан людских проклятий,
Ни зной безжизненных пустынь.

Ни слезы жалостного стона,
Ни гнева царственная страсть,
И никакой приказ закона,
И никакая в мире власть.

Пусть никогда, ничто не сможет
Меня отринуть от Креста,
От веры в чудный Промысл Божий
И в милосердие Христа.

<1964>

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ У КРЕСТА

Ты, Распятый, висишь пред вратами,
Я, рыдая, стою у Креста,
Словно ада подземное пламя
Жжет мне сердце и сушит уста,

Сыне Мой, Мое Сладкое Чадо,
Ты угас на Кресте предо Мной,
Ненаглядный Мой Свет и Отрада,
Умереть Я желаю с Тобой.

Как глядеть на Тебя, бездыханна!
В ад сведи Свою скорбную Мать,
Лишь бы Мне быть с Тобой непрестанно,
Твои очи, Мой Сын, целовать.

Сник главой Ты под иглами терний
И не видишь, не слышишь угроз,
Всюду толпы безумные черни
Твое Имя клянут, Мой Христос.

Не оставь Меня, Слово Господне,
Стая стрел Мою душу прошла,
Мое сердце, как огнь преисподней,
Величайшая скорбь обожгла.

<1965>

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ (1933—2010)

* * *

Боже, ведь я же Твой стебель,
Что ж меня отдал толпе?
Боже, что же я Тебе сделал?
Что я не сделал Тебе?

1975

* * *

Не дай нам, Господи, сорваться!
Нам слово Божие верни —
в мелеющую речь славянства,
в горячечную речь Чечни.
Чей мальчик в маске или в каске?
Он в Нальчике шел в первый класс...
Обертывается эхом Кафки
братоубийственный Кавказ?!
Спать не дают мне безыскусные
слова танкиста среди тел:
«я не могу наматывать на гусеницы
женщин и детей...»

1991

МОЛИТВА

Спаси нас, Господи, от новых арестов.
Наш Рим не варвары разбили грозные.
Спаси нас, Господи, от самоварварства,
от самоварварства спаси нас, Господи.

Как заяц, мчимся мы перед фарами,
но не чужие за нами гонятся!
Мы погибаем от самоварварства.
От самоварварства спаси нас, Господи.

У нас не демон украл Самару,
не панки съели страну, не гопники.
В публичных ариях, в домашних сварах
от самоварварства спаси наш госпиталь.
Не о себе сейчас разговариваю,
но и себя поминаю, Господи.

От мракобесья убереги нас,
от светлобесья избавь нас, Господи.
Новой победе самофракийской
не только крылья оставь, но — голову!.

Мне все же верится, Россия справится.
Есть просьба, Господи, еще одна —
пусть на обложках самоварварства
не пишут наши имена.

1992

МИЛОСЕРДИЯ

Ложным кайфом дырявим вены,
Не досмотрим мы мыльной серии.
Дай нам, Господи, хоть мгновение
неотложного милосердия!

После Пушкинской, после «Курска»
Перст горящий встает в Останкино.
Дай земным моим однокурсникам
хоть надежду, что жизнь останется.

Дай растерянной Маросейке,
пацану в Институте Сербского,
моим милым — и в «мерседесе»,
и в метро пошли милосердия!

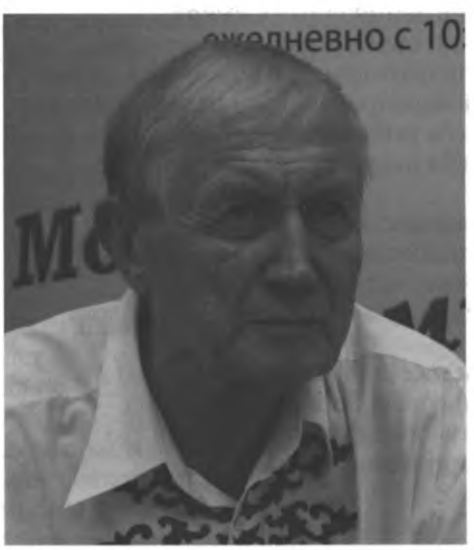
Поколения неминуемо
к свету выведут Моисеи.
Но сегодня, сию минуту
не выдерживает предсердие.

В небе нашем приклеен коршун.
Я на краткость судьбы не сетую.
Мы соседям башку раскрошим
ради мира и милосердия.

Мы, гражданские и военные,
небеса задымили серою.
Не даем Тебе ни мгновения,
Тебе, Господи, милосердия.

1999

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО



ДАЙ БОГ!

Дай Бог, слепцам глаза вернуть
и спины выпрямить горбатым.
Дай Бог, быть Богом хоть чуть-чуть,
но быть нельзя чуть-чуть распятым.

Дай Бог, не вляпаться во власть
и не геройствовать подложно,
и быть богатым — но не красть,
конечно, если так возможно.
Дай Бог, быть тертым калачом,
не сожранным ничьею шайкой,
ни жертвой быть, ни палачом,
ни барином, ни попрошайкой.

Дай Бог, поменьше рваных ран,
когда идет большая драка.
Дай Бог, побольше разных стран,
не потеряв своей, однако.

Дай Бог, чтобы твоя страна
тебя не пнула сапожищем.
Дай Бог, чтобы твоя жена
тебя любила даже нищим.

Дай Бог, лжецам заткнуть уста,
Глас Божий слыша в детском крике.
Дай Бог, в живых узреть Христа,
пусть не в мужском, так в женском лике.

Не крест — безкрестье мы несем,
а как сгибаемся убого.
Чтоб не извериться во всем,
дай Бог — ну хоть немного Бога!

Дай Бог, всего, всего, всего,
и сразу всем — чтоб не обидно...
Дай Бог, всего — но лишь того,
за что потом не станет стыдно.

1990

МОЛИТВА

Униженьями и страхом
Заставляют быть нас прахом,
Гасят в душах Божий свет.
Если гордость мы забудем,
Мы лишь серой пылью будем
Под колесами карет.

Можно бросить в клетку тело,
Чтоб оно не улетело
Высоко за облака,
А душа сквозь клетку к Богу
Все равно найдет дорогу,
Как пушиночка, легка.

Жизнь и смерть — две главных вещи.
Кто там зря на смерть клевещет?
Часто жизни смерть нежней.
Научи меня, Всевышний,
Если смерть войдет неслышно,
Улыбнуться тихо ей.
Помоги, Господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, Господь,
Хлебушка ломоть —
Голубям на крошки.

Тело зябнет и болеет,
На кострах горит и тлеет,
Истлевает среди тьмы.
А душа все не сдается.
После смерти остается
Что-то большее, чем мы.

Остаемся мы по крохам:
Кто-то книгой, кто-то вздохом,
Кто-то песней, кто — дитем,
Но и в этих крошках даже,
Где-то, будущего дальше,
Умирая, мы живем.

Что, душа, ты скажешь Богу,
С чем придешь к Его порогу?
В рай пошлет Он или в ад?
Все мы в чем-то виноваты,
Но боится тот расплаты,
Кто всех меньше виноват.

Помоги, Господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, Господь,
Хлебушка ломоть —
Голубям на крошки.

1996

ЛЕОНИД БОРОДИН

* * *

Узел безсмыслиц умом не расплесть.
В тайне безсмыслицы мысль не убита.
Верую, Господи, в то, что Ты есть!
Верю в святую запутанность быта.

Верю: однажды в назначенный срок
Вспомнятся болью прошедшие весны.
Верую в мудрость забытых дорог,
Верую в щедрость дорог перекрестных.

Робостью шага заслужена месть —
Высушат душу тоской изуверы!
Верую, Господи, в то, что Ты есть!
Как бы я, Господи, выжил без веры!

Топчут и топчут, и камнями вслед...
Памятник Зверю из этих камений!
Господи! Сколько растоптанных лет!
Господи! Сколько затоптанных мнений!

Миг немоты непроснувшихся глаз
Выстучит горестно ливень осенний.
Верую, Господи, вспомнишь о нас
В радужный, радостный День Воскресений!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

Сладко брести сквозь январскую вьюгу...
Холод. Погреться бы. Знаю Калугу:
В церковь зашел. До чего же пуста.
Вижу — остриженный парень в шинели.
Батюшка что-то бубнит еле-еле.
Роспись: Иуда лобзает Христа.

Снег на шинели у юноши тает,
Влага на темные плиты стекает.
Как бы то ни было, — служба идет
И у священника, и у солдата...
Ряса тесна, а шинель мешковата.
Плавится воск и на бронзу течет.

Свечи горят, и мерцают погоны.
Парень печатает долу поклоны.
Окна задернул крещенский мороз..
Где призывался и где ты родился?
Как ты со службы своей отлучился?
Что ты ответишь на этот вопрос?

Я подвигаюсь к нему в полумраке,
Вижу в петлицах условные знаки,
Соображаю: ракетная часть.
Что привело тебя в древние стены?
Винтик, ты выпал из мощной системы,
Как бы и вовсе тебе не пропасть.

Ветер повеял, и дрогнуло пламя.
Молча глядит Богоматерь на парня.
К куполу тянется тонкий дымок...
Все вы единого дерева ветки.
Но почему же твои однолетки
Молятся на металлический рок?

Чем озабочен? Спасением мира?
Ты бы спросил своего командира,
Пусть объяснят тебе политруки...
Может быть, ты ошарашен виденьем,
Если себя осеняешь знаменьем,
Взмахами юной солдатской руки!
...Резко выходит в свистящую вьюгу.
Может быть, что-то поведать друг другу.
Следом спешу. В переулке ни зги.
Разве тебя, молодого, догонишь?
Вижу — в бушующем мареве тонешь.
Слышу — во тьме пропадают шаги...

1987

* * *

...Аз воздам

Дурная кровь воспламеняет жилы,
Но кто рискнет, чтоб выпустить ее,
Когда еще воспоминанья живы
О всех, кто сброшен был в небытие!

Я не судья. Я только летописец.
Я слушаю, как бьется пульс толпы
В дни самосудов, пепелищ и виселиц,
Когда свободой травятся рабы.

Кровь — это тьма.
Но грех кровопусканья
Еще невыносимей и темней,
А потому от права воздаянья
Освободи пристрастных сыновей!

Молю Тебя, взвали себе на плечи
Тяжелый крест!.. Взвали в последний раз,
Чтобы во время долгожданной встречи
Мы от стыда не поднимали глаз!

1988

* * *

Как разорвать мне мою пуповину
С древним погостом, с холодной Окой?
Выйду к обрыву, взгляну на равнину —
Вечное счастье и вечный покой!

Если желанье одно, умирая,
Будет позволено выдохнуть мне, —
Я возжелал бы из ада иль рая,
Но возвращаться к несчастной земле.

Тенью иль светом — разочек в столетье!
Чтоб успокоиться, глядя на вас,
Русские веточки, правнуки, дети...
Живы?.. О Господи!.. Слезы из глаз!..

1990

ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ

МОЛИТВА

В колодце плавает листва.
Молчит холодная долина.
С утра один пилю дрова.
О Боже Правый, пошли мне сына.

Снег падает, грустит жена.
Ласкает сонного теленка.
Сугробы, скука, тишина.
О Боже Правый, пошли ребенка.

Старею! Уронил весло,
И лодку понесла стремнина.
Весной рыбачить тяжело.
О Боже Правый, пошли нам сына.

Зачем я горблюсь над зерном,
Зачем я починяю ставню,
Кому оставлю этот дом?
Кому я жизнь свою оставлю?

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

ПРОЩАНИЕ ИГУМЕНА ФИЛИППА С СОЛОВЕЦКИМ МОНАСТЫРЕМ (1566 год)

Гляжу на двор
и мысленно прощаюсь.

Гляжу на двор, где строится собор,
где иноки и братья тешут камень,
несут желтками сдобренный раствор,
усердствуют, — и чую, дело жизни
окончится, должно быть, без меня.

Собор Преображения Господня!
Оплот Христовой веры в Соловках!
Еще в зачатке каменные стены,
еще не все поставлены леса,
а я уж вижу мощные апсиды,
и ярусы богатых закомар,
и звучные кресты на гордых главах.

Но надо ехать. Кончат без меня.
И без меня торжественный молебен
впервые в новых стенах прозвучит.
Прощай, обитель, в коей я молился,
нес послушания, спасался, согрешал.
Прощай, родная сердцу солеварня,
и церковь Богородицы, прощай,
с приделом Иоанна. Уезжаю.

Прощай, Святое озеро, всегда
дающее для наших трапез рыбу.
Прощайте, заповедные леса,
никто из иноков не запятнал вас кровью
убитой дичи и не оглушил предсмертным
стоном бедного косого. Так будет впредь.
А мне пора в Москву.

Иль впрямь на драгоценную парчу
так трудно променять простую рясу?
Иван мне письма шлет: «Озолочу!»
Я подзову его к иконостасу
иль сам взойду на плаху к палачу.

...Иль Грозный думает,
что я лишь раб и вша,
что я польщусь на сан митрополита,
его дары руками вороша,
не замечая, сколько перебито?

Нет, русской церковью
неможно помыкать!
Помилуй, Бог! Чтоб этими руками
я крест давал Малюте целовать?
Есть Божий Промысел.
Прощаюсь с Соловками.

1972

ВЛАДИМИР ФИРСОВ

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Матерь Божья, мир души, отрада,
Непорочный вечный свет зари.
Подари нечаянную радость,
Мир надежды людям подари.

Подари скорбящим исцеленье,
Жаждущим подай глоток воды,
Грешникам даруй пути к спасенью,
Отведи бедовых от беды.

Отведи от проклятых проклятья,
От злословов порчи отведи.
Пусть поверят люди в то, что братья —
Все, кто повстречался на пути.

Все, кто стал опорой и надеждой,
Веру дал, сочувствие свое.
Ведь для всех — нечаянная радость,
Богоматерь, рождество Твое.

А себе прошу я, скромный житель
Той земли, где я счастливым стал,
Чтобы долго ангел — мой хранитель
Правого плеча не покидал.

Светлая. Пречистая. Святая.
В этот день, не пряча торжество,
Ткет тропинку осень золотая
К дню Рожденья Сына Твоего.

И по ней идти моей России
В нимбе из тернового венца.
К дням рожденья Матери и Сына
И к престолу светлому Творца.

* * *

Когда в беде мы были и в печали,
В нужде, чем детство одарило нас,
Мы Боженькою Бога величали,
Спасителя молили, чтобы спас.

Его мы неосознанно любили,
И беды проходили стороной.
Мы Боженьку дать солнышко молили,
Когда дожди давили хлеб земной.

Когда ж хлеба под солнцем выгорали,
Когда все шло к неслыханной нужде,
Мы шли к Нему, других не выбирали,
И Боженьку молили о дожде.

Всего у Бога — говорилось — много.
И дождь и солнце щедро Он дарил.
И пусть мы жили сиро и убого,
Народ тропинку к Богу проторил.

Мы выжили. И ныне смотрим строго
На путь, что мы в безбожии прошли.
Враги у нас отнять сумели Бога,
Но нас отнять у Бога не смогли!

ВЛАДИМИР МОЩЕНКО

* * *

Ангеле святый, твою поруку,
Твои крылья ощущаю въявь.
Укрепи мою худую руку
И на путь спасения наставь.

На земле держусь я что есть мочи,
На земле, боготворящей высь.
Ты прости мне дни мои и ночи,
За меня ко Господу молись.

ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Воробышкам зернышек бросив,
«Снимаем?» — спросил Никодим.
И, перекрестившись, Иосиф
К распятью поднялся за ним.

«Ты знаешь, за что нам молиться?»
«Да что ж, я глупее камней?»
Великий пяток. Плащаница.
И тело Спасителя в ней.

То были не лица, а лики.
Солдаты забыли латынь.
Засохла на кончике пики
Кровь нашего Бога. Аминь.

* * *

Дай мне еще полчаса —
Господи, ведь поется.
Исчезают одни голоса —
Музыка остается.

ЛАРИСА МИЛЛЕР

* * *

А. А. Тарковскому

Поверить бы. Икону
Повесить бы в дому,
Чтобы внимала стону
И вздоху моему.
И чтобы издалека
В любое время дня
Всевидящее око
Глядело на меня.

И в завтра, что удачу
Несет или беду,
Идти бы мне, незрячей,
У Бога на виду.

1967

* * *

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне весны мои, зимы —
Все, что мною с детства познано и зримо;
Зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влеки меня Ты под чужую крышу;
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далеком.

1973

* * *

Спасут ли молитва и крестик нательный
В любви безысходной, в болезни смертельной?
И светит своей белизною больница,
И светит свиданье, какому не сбыться.
И светит чужое окошко в ненастье.
Приди же хоть кто-нибудь. Свет этот засти.

1977

* * *

На влажном берегу, на пенистой волне,
Среди дремучих трав, под градом звезд падучих,
В бушующей листве, в ее шумящих тучах —
В мирах для бытия приемлемых вполне
Живу, незримый груз пытаясь передать,
Неведомо кому шепчу: «Возьмите даром
Мой праздник и Содом, тоску и благодать,
Мороку и мороз, граничащий с пожаром».
Неужто мой удел качать колокола
Во имя слов чудных и нечленораздельных,
Не лучше ли молчать, как глыба, как скала,
О радостях земных и муках безпредельных...
Вот ветер пробежал по чутким деревам,
И сладостно внимать их скрипу и качанью...
О Боже, научи единственным словам,
А коль не знаешь как, то научи молчанью.

* * *

Что за жизнь у человечка:
Он горит, как Богу свечка.
И сгорает жизнь дотла,
Так как жертвенна была.

Он горит, как Богу свечка,
Как закланная овечка,
И утихнет в свой черед.

Те, и те, и иже с ними,
Ты и я горим во Имя
Духа, Сына и Отца —
Жар у самого лица.

В толчее и в чистом поле,
На свободе и в неволе,
Очи долу иль горе —
Все горим на алтаре.

1980

* * *

Боже мой, какое счастье!
Всё без моего участья —
Ливень, ветер и трава,
И счастливые слова,
Что в загадочном порядке
Появляются в тетрадке.

* * *

И это всё от Бога,
От Бога — от кого же?
И дальняя дорога,
И в небе лунный грош,

И горести людские,
И грешные тела,
И разные мирские
Безбожные дела.

* * *

Нынче шлют небеса столь рассеянный свет,
Будто вещи, достойной внимания, нет...
Но достаточно бросить рассеянный взгляд
На весеннего леса неброский наряд,
На мелькнувшую бабочку или жука,
На плывущие в талой воде облака,
Чтоб в рассеянных этих весенних лучах
Загрустить о посеянных где-то ключах,
От заветных дверей, от такого ларца,
Где хранится последняя тайна Творца.

* * *

В ночной тиши гуляет ветер...
Господь грядущий день наметил
Вчерне, чтоб набело вот-вот
Пересоздать, и будет светел
Через минуту небосвод,
И вспыхнет он полоской алой...
Возможно ль жить без идеала,
Без абсолюта, без того
Неоспоримого начала —
Для всей вселенной одного,
Без веры, будто в мире этом,
Безумном, горестном, отпетом,
Должно каким-то светлым днем,
Как в детстве, все сойтись с ответом,
Что дан в задачнике моем?

* * *

Я опять за свое, а за чье же, за чье же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадежно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты — свое, я — свое, да и как же иначе?
Дождь идет — мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали. И как не совпасть?
Я — подобье Твое, и мои неудачи —
Лишь Твоих незаметная часть.

* * *

Так пахнет лесом и травой,
Травой и лесом...
Что делать с пеплом и золой,
С их легким весом?
Что делать с памятью живой
О тех, кто в нетях?
Так пахнет скошенной травой
Июньский ветер...
Так много неба и земли,
Земли и неба...
За белой церковью вдали
Бориса — Глеба...
Дни догорают не спеша,
Как выйдут сроки...
Твердит по памяти душа
Все эти строки.

* * *

Утоли моя печали.
На закате ль, на заре
Ветры сосны раскачали
На Николиной горе.

И поскрипывают сосны,
И качаются стволы...
Времена, что светоносны,
Станут горсткою золы.

Говорю и тихо плачу:
Что не вымолвят уста —
Все сплошная неудача,
Только общие места.

Слово было лишь в начале,
А потом слова одни...
Утоли моя печали
И со Словом породни.

1991

* * *

Не вмещаю, Господи, не вмещаю.
Ты мне столько даришь. А я нищаю:
Не имею емкостей, нужной тары
Для даров Твоих. Ожидаю кары
От Тебя за то, что не стало мочи
Все вместить. А дни мои всё короче
И летят стремительно, не давая
Разглядеть пленительный отблеск края
Небосвода дивного в час заката...
Виновата, Господи, виновата.

1997

* * *

И лишь в последний день творенья
Возникло в рифму говоренье,
Когда Господь на дело рук
Своих взглянул, и в нем запело
Вдруг что-то, будто бы задело
Струну в душе, запело вдруг.
Затрепетало и зажглось,
И все слова, что жили розно,
«О Господи», — взмолились слезно, —
О сделай так, чтоб все сошлось,
Слилось, сплелось». И с той поры
Трепещет рифма, точно пламя,
Рожденное двумя словами
В разгар Божественной игры.

1997

* * *

Поиграй с нами, Господи,
поиграй,
Он такой невеселый —
родимый край,
Что осталось нам только
играть и петь,
Чтоб с отчаяния вовсе
не умереть.
Поиграй с нами в ладушки
и в лапту,
Дай поймать что-то светлое
на лету,
И, покинув заоблачный
небосвод,
Поводи с нами, грешными,
хоровод,
Сделай столь увлекательной
всю игру,
Чтобы я не заметила,
как умру.

* * *

Когда сгину, Господи, когда сгину,
На кого покину я ту осину,
На ветру дрожащую, эти тропы,
Эти дни, скользящие, как синкопы,
На кого покину я птичью стаю,
Три сосны, в которых всегда блуждаю,
Эту золотистую листьев пену...
Подыщи же, Господи, мне замену.

ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ

Из цикла «Сонеты к пречистой деве»

* * *

На грядках розовых покров растаял снежный,
И заиграл поток, неудержим, но мал,
А я на воздухе спеленутый лежал
И в ясных небесах увидел образ нежный.

К Тебе, Пречистая, Младенец безмятежный
Прильнул, хотя в Твоих объятьях угрожал
Ему безжалостный укус гвоздиных жал
И крест заоблачный, целебно неизбежный.

Откуда мог я знать, что впереди война
И непроглядный мрак нетопленного дома,
Который в страшные построен времена?

Но мне с тех пор Твоя улыбка так знакома,
Что нищета, болезнь, смертельная истома,
И вечная с Тобой погибель не страшна.

5.01.1993

* * *

Мы все еще верны разрушенным основам,
Когда бросает нас, отчаявшихся, в дрожь

Многоязыкая язвительная ложь
И стелет нам ковер, предшествующий ковам.

А время думать нам велит о пустяковом
И, небожителю подсовывает нож,
Советует: «Убей того, кто с Богом схож!»
Но под Святым Твоим ютимся мы покровом.

И вверил я Тебе три наших сердца в час,
Грозящий гибелью; хотя неколебимы
Сердца; им боязно: а вдруг и в них погас

Огонь, и больше нет одежды, кроме схимы?
Но, многогрешные, мы любим и любимы
И молимся за тех, кто ненавидит нас.

19.03.1993

* * *

Как только небеса прозябнут в звездной зерни,
Ты, Благодатная, взираешь на меня,
Опустошенного всемирной злобой дня,
И откликается на благовест вечерний

Душа в отчаянье, сгорая без огня,
Затеряна среди богопротивной черни,
Но подвиг на земле свершается дочерний,
О Матерь Божия, мой слабый свет храня;

Внушаешь Ты, годов не зная високосных,
Молитву обо мне, похожую на стон,
И размывается потоком тихих росных

Неистощимых слез межреберный заслон;
И незаслуженный меня спасает сон
В пересечении двух линий богоносных.

15.08.1993

* * *

Ты видишь, как идет всемирная атака
На одного из тех, кто звался «человек»,
И все равно, кто он: икс, игрек, имярек,
Сам виноват он в том, что мало Зодиака

Для заключенного в единственный отсек
Под хищным крылышком безжизненного мрака,
Но не жалеешь Ты спасительного знака,
Пречистая, для нас и милуешь калек,

Колеблющихся там, где стойки кривотолки,
Как травы сорные среди могильных плит,
Перед которыми трепещут богомолки,

Узнать не смея в них небесный монолит,
Но Богу Самому, смиренная, велит
Молитва миловать безсмертные осколки.

17.04.1994

* * *

Я на родной земле боялся с малолетства
Отштукатуренных под крематорий стен,
Где не было окон, зато благословен
Дом, избегающий бесовского соседства,

Столь неотвязного, что, кроме вскрытых вен,
Не сыщешь от него спасительного средства,
Но Ты, Пречистая, какого мне наследства
Еще сподобиться я, жертвенный овен,

Увенчанный Твоим сиянием под кровом
Родительским, когда грехи меня язвят,
Но, глядя на Тебя, твержу я: «свят, свят, свят».

И если бы, слепым похищен птицеловом,
Из мироздания был Образ Твой изъят,
Мир оказался бы невысказанным словом.

7.01.1997

* * *

Как дальнозоркого на пир подслеповатых,
Меня позвали в Рим, но, глядя на закат,
Сказал один из нас, что каждый виноват
За всех; другой в ответ: «Нет в мире виноватых»;

Пусть ex cathedra рек, покаявшись, прелат,
Что, скажем, на костре грех исправлять горбатых,
Как ни роскошествуй, купюр зеленоватых
На маскировочный не хватит мне халат;

На приглашение ответив междометьем,
Питаться предпочту осиновой корой,
Когда последний час прослыл тысячелетьем;
По мне, Пречистая, пчелиный лучше рой,
Чем Рим за Римом вслед; пал Первый,
пал Второй,
А Страшного суда с Тобой дождусь я в Третьем.

16.12.2000

* * *

Я жил в ползучий век, скончавшийся
в безбожном
Вероучении; внушал он мне, что три —
Трюк, а не Троица, но знал я, что внутри
Нас Царство Божие, родное мне в ничтожном.

И я предпочитал бежать на пустыри,
Где доводилось мне в бурьяне придорожном
Увидеть ангелов, и в небе, невозможном
Над новостройками, сиял мне луч зари

Твоей, Пречистая, наперекор статуту,
Маняшему живых и мертвых в западню,
Но не позволила Ты мне вовлечься в смуту;

Пока спасаешь Ты сто тысяч раз на дню
От гибели меня, я чаянье храню,
Что Ты меня спасешь в последнюю минуту.

31.07.2001

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

* * *

Защити, Приснодева Мария!
Укажи мне дорогу, звезда!
Я распятое имя «Россия»
Не любил еще так никогда.

На равнине пригорки горбами,
Перелески, ручьи, соловьи.
Хочешь, я отогрею губами
Изъязвленные ноги твои.

На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей.
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.

Оставляют последние силы,
Ничего не видать впереди.
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдается в груди.

МОЛИТВА ПРОСТОРУ

Сияющий простор,
праматерь жизни нашей,
взыскующий труда,
прошу тебя, еси
народною судьбой,
как круговою чашей,
в час бед или побед
меня не обнеси.
Живою красотой
ты платишь за усталость;
сучишь веретеном
суровой правды нить.
Дай сердцу уголок,
чтоб прикорнуть на старость,
дай красный уголек,
чтоб трубку раскурить.
Ясны твои лучи,
темны твои задачи,
провидяще твое святое естество.
Дай Родине моей покоя и удачи.
И больше ничего?
И больше ничего!
Иначе для какой
заботы или славы
и горько и светло
ты нас имел в виду,
когда тропил луга,
когда поил дубравы,
когда калил в огне
и остужал во льду.
Все остальное — в нас,
все остальное — сами.
Хрустит весенний наст.
Дорога далека.
Ужо настанет час.
Наладим летом сани

и двинем трудный воз
сквозь белые снега.
И удивленный мир
Вновь ахнет: «Что такое!»
Дух денежный слетит
С престола своего.
Дай Родине моей
Удачи и покоя!
И больше ничего?
И больше ничего!

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СВИРИДОВА

Незримы и невыразимы,
Лишенные телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.
О тесноте земной юдоли,
Где каждый звук его зачат,
В морозном небе, в чистом поле
Распевы горние звучат.
И хора сладкое согласье,
Мерцающее в звездной мгле,
Так внятно говорит о счастье,
Еще возможном на земле.
И как пророк в сухой пустыне,
С надеждой глядя в небеса,
Почти оглохшая Россия
Внимает этим голосам.
Молись и верь, Земля родная,
Проглянет солнце из-за туч...
А может быть, и двери рая
Скрипичный отворяет ключ.

В ночь на 7 января 1998 года

* * *

Морозным вздохом белого пиона
Душа уйдет в томительный эфир...
Молитвою отца Серапиона
Я был допущен в этот горький мир.
Был храм забит — меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Теленок пегий теплыми губами
В предбаннике поцеловал меня.
И стал я жить, безпечен и доверчив,
Любил, кутил и плакал на износ.
Но треснул мир, и обнажилась вечность.
Я вздрогнул и сказал: «Спаси, Христос!»
«Спаси, Христос!» Кругом одна измена,
Пустых словес густые вороха.
Свеченье молока и запах сена
Смешались с третьим криком петуха.
Ликует зверь... Спаситель безутешен,
Но верю, что не отвернется Он,
Всё знающий: кто праведен, кто грешен.
Он воронье отгонит от скворешен...
Тяжел твой крест, отец Серапион.

АНАТОЛИЙ ПРЕЛОВСКИЙ (1933—2008)

ВОЗ ИКОН

Воз! — едва уместились в санях
наши все родовые иконы.
Еле стронулись с места. И кони
потащились по улице зимней,
замирая на росстанях.
Волей бабушки нашей они
были храму завещаны. Сильный
холод все подавил. Ни родни
и ни родины. Трое изгоев —
мать, братишка и я — из церковной
жизни выбиты, как из мирской,
едем мимо партийных покоев
с той поклажей, почти родословной,
с этой антисоветской тоской
по отцу, по уюту, по вере.
Никакою мечтою не бредим.
Никогда никуда не доедем.
Не спасет нас ни Бог, ни закон.
Нищий жмется, и никнет калека,
видя нас, чуть живых с похорон, —
как по бабушке в голос ревели
посредине двадцатого века
возле церкви, над возом икон.

О ВЕРЕ

Если бы верил я в Бога,
я помолился б Ему:
«Дай мне, Всесильный, немного,
дай мне, рабу Твоему,
дай небезплодного лета
да не сойти бы с ума...»

Право, не много ведь — это?
пусть и сума, и тюрьма,
смерть и забвение после,
только бы смочь и пропеть
все, что есть в сердце. И возле!
Только бы к сроку успеть...

Но в современной гордыне
сам себе сын и отец,
сам себе светоч в пустыне,
сам себе Бог, наконец, —
в чем я могу поручиться,
как облегчить и помочь,
да и кому помолиться
в эту кромешную ночь?

ЧЕТЫРЕ ПРОСЬБЫ

Всего четыре просьбы к Богу —
и счастлив был бы я вполне.
Во-первых, не криви дорогу,
какую уготовил мне.

А во-вторых, не дай упиться всем,
что избрал я для себя:
влюбляться, странствовать, трудиться,
быть сам себе — царь и судья.

А в-третьих, также и в-четвертых:
не тенью — на своих двоих
дай добрести до мира мертвых
и возвратиться в мир живых.

ВХОДЯ В МОЛЕЛЬНЮ

Входя в молельню иноверца,
ты жди не чуда, а простого:
чтобы хотя б душой согрелся
у намоленного престола, —
с той, с незнакомой стороны,
где не желанны, не слышны
твои моленья, —
и это мы принять должны
без удивленья.

У КАТОЛИКОВ

В «Часовенке Марии Шмерц»,
где ничего нет лишнего,
коленопреклоненный перс
взыскует благ Всевышнего.
Ни в жестах, ни в немых словах
нет ни намека скверного.
И, видно, слушает Аллах
как сердце правоверного
поет и рвется из груди,
и к благодати тянется.
Пусть милостей на том пути
ему сполна достанется.
По-разному живем, едим,
быт по-иному строится,
а к Богу вход у всех един —
откуда бы ни стронуться.

ГРЕШНИК

Он пожелал жену чужую,
не помолясь на образа, —
вот! одесную и ошую
бушует вешняя гроза;
листва до срока распуститься
стремится, ливни страждут лить:
ни от чего не откреститься
и ничего не отмолить.

НОВОГОДНЯЯ МОЛИТВА

Жизнь — таланта не длинней...
Дай мне, Бог, побольше дней,
дай мне силы без обид
для моих великих дел,
чтоб не славой был я сыт,
а хоть главное успел.

ИРЭНА СЕРГЕЕВА

Санкт-Петербург

* * *

Ирине Жигуновой

Колокола звонят малиново,
но городской померкнул свет...
А у тебя в поселке Линово

колоколов и церкви нет.
Пойдешь в луга под купол августа,
где колокольчики окрест,
чтоб поклониться просто-напросто
святой красе родимых мест.

1988

* * *

О ком-то надобно заботиться,
о смерти с кем-то говорить,
покамест с нами Богородица,
о жизни Господа молить,
себя забыть и — сердце о сердце —
на помощь ближнему спеша,
идти... Знать, рядом
к Богу просится
родная русская душа.

1995

* * *

Горит икона золотая,
не увядает райский сад.
Ах, мама, ты совсем седая,
и у тебя печальный взгляд!
Ах, мама! Горести растают,
как майский снег,
как невский град,
где есть икона золотая
и для страдальцев
райский сад...

1991

* * *

Чаек отчаянный крик на рассвете
Будит... Не будет ли ныне война?
Не началось ли? Не плачут ли дети?
Жизнь — продолжение страшного сна.

Выдюжим, выживем, вынесем, выстоим...
Ночь отступает, и скоро рассвет...
Перекрестившись, в едином и в истинном
русском порыве молитвенных лет.

Июнь 1993

* * *

Да поможет молитва сия...
Будь великой
и в славе сияй,
Великороссия!

1994

* * *

По мусорным бачкам —
бочком, бочком,
интеллигенты,
идут они —
кто с сумкой, кто с мешком,
убийц «клиенты».
Их бедное жилье
возьмет жулье
доход умножа...
Безбожная их жизнь —
как то хламье...
Спаси их, Боже!

1995

КРЕСТНИКУ

Косте

Каждый цветик — любит Бог.
Ты цветы не трогай.
Я за каждый лепесток
помолилась Богу.

Каждой птахе Бог-Отец
Посылает милость.
Чтобы выжил всяк птенец —
Богу помолилась...

Вот и ты уже крещен,
научён молиться...
Что от Бога мне еще!
Ты... Цветы... И птицы...

Июнь 1997

ПОМОЛИМСЯ

Помолимся за тех, кто храмы возводил,
насобирал по грошику хоть малость,
через века чьих не нашлось могил,
помолимся за то, чтоб отыскалось.

Помолимся за тех, кто храмы освящал
и похоронен рядом с алтарями,
но чьи надгробья революций вал
сровнял с землей лихими октябрями.

Помолимся за тех, кто нашу память спас,
которая почти уже истлела...

Да примет их в Свою обитель Спас,
да не угаснет их святое дело!

* * *

У меня Господь особенный —
словно мученик мирской,
опечаленный и сгорбленный
от греховности людской.

И когда лампады-россыпи
для молитв затеплит ночь,
не молю Его — «Дай, Господи!» —
а спешу Ему помочь.

* * *

Ночью стихи сочиняла во сне...
Детство явилось безвинное мне.
Это к чему бы, к чему бы?..
Вышла — и ветру читала стихи,
но не откликнулось эхо тоски,
только обветрились губы.

Ночью грехи подсчитала во сне,
год пролетел на крылатом коне,
чья-то свеча отгорела...
Слезы грехов не удержишь в горсти...
Господи! Все же прости мне, прости
черные буквы на белом!

22 марта 1995

МОЛИТВА СЛЕПОГО НИЩЕГО

Отче наш! Не возле храма —
у Аничкова моста
сидя — на асфальте прямо
я прошу ради Христа.
Грешник я, но Ты ли, Отче,
отнял хлеб мой и приют,
ослепил духовны очи
нищих тех, что здесь снуют?
Состраданьем ли, примером
эта шапка не пуста?..
Отче наш, подай им Веры,
коль дают ради Христа!

4, 5 августа 1996

* * *

Жалко в стужу Божьих птах.
Но Господь их не оставит —
руку Он твою направит,
и с улыбкой на устах
утром встав,
подашь им яств...
И тебе Господь подаст.

28 ноября 1996

* * *

Что в комнате?
Два стула. Стол. Кровать.

Поэтические сборники Ирэны Сергеевой

Что на столе?
Хлеб, соль. Перо, бумага.
Все тяжелее зиму зимовать,
без болей целый час —
и то нам благо.
Но золотом сияет Божья Мать. —
«Владчице и Мати!..»
Пост, молитва...
Что в келлии?
Два стула. Стол. Кровать.
Перо, бумага...
За Россию битва.

6 февраля 1999

МОЛИТВА

Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий!
Мы — дети все,
все — болезны.
И в грешный час
молим слезно:
«Помилуй нас!»

В ДЕНЬ АНГЕЛА

о. Александру

Молюсь за Вас в рассветный час —
где образ златоризный,
и думаю: Господь всех спас,
нам без молитв нет жизни.
Пред силою святых молитв
дух отступает мерзкий.
Залогом всех победных битв —
Сам Александр наш Невский.

ЧАСОВНЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Часовня у вокзала,
у двух стальных дорог...
Молилась и сказала:
«Родня, храни вас Бог!»

Жизнь в узелок связала.
Дороги в Храм ведут...
Родни моей не мало —
весь православный люд.

Череповец

* * *

Молитесь о болящих, некрещеных,
родителями в камень превращенных,
и о своих родных на бездорожье,
крещеных, но забывших слово Божье.
Молитесь, чтобы все они узнали:
хоть смерть в конце,
а Слово-то — в начале!

* * *

Снилась Божия Мать —
на Казанской иконе явилась...
Не дано понимать,
отчего Богородица снилась,
по земному проста...
По небесному явлена милость.
Не раскрыла уста.
Я пред Ней в самом сердце молилась...

В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Где Филипп да Никола
бок о бок стоят,
куполами на Бога
с молитвой глядят,
там и мы со смирением —
каждый притих,
во едином стремлении
смотрим на них.

На Христа уповали
Никола, Филипп,
и простыми словами
мы просим у них.
Мне бы встать на колени...
Как больно-то! Страсть!..
После слезных молений —
пред образом пасть!

* * *

Дом поблизости от храма,
где слышны колокола.
Утром служба, даже мама
посетить ее смогла.

Лик владыки Иоанна,
за Россию молит он...
О просыпься с неба, манна!..
Пробуждаюсь...
Чудный сон...

СВЕЧИ УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Вот, слава Богу, приходит вечер,
день, слава Богу, прошел не зря...
Пред образами затеплю свечи
Свято-Успенского монастыря.

Молюсь за храмы, за крест моленный,
за тех, кто вживе душой паря,
и свечи льет, и возводит стены
Свято-Успенского монастыря.

Прочту молитвы и стану думать
в свеченье меда и янтаря...
И не посмею на свечи дунуть
Свято-Успенского монастыря.

1 июня 2004

* * *

Эти свечи, угодные Богу,
не чадят и сгорают дотла.
Берегу их и жгу понемногу,
славлю руку, что мне их дала.
Слава Богу, мой слог не заумен.
я в молитвах прибавлю огня...
Как там братия, авва игумен?
Помолитесь и вы за меня!

5 сентября 2004

* * *

Смотрит Одигитрия
на отца Димитрия,
и звучит молитва
с ангелами слитно.
Всё тут для спасения,
в храме Вознесения —
путь к святыне нашенской —
Анне Кашинской.

6 сентября 2004

ИНОКИ

Братии Успенского монастыря

Я люблю тесноватые дворики,
стены древние монастырей.
Много слов наболтали историки,
а молитва доходит быстрей.

Жизнь мирская доводит до ужаса —
благодать не удержишь в горсти...
Сколько нужно терпенья и мужества
ежедневную битву вести!

За молитвой идут к вам безчинники,
храбрецы, простецы, гордецы...
Наши юные русские иноки!
Сыновья вы мои!.. И отцы...

31 октября 2004

* * *

На могиле у мамы не пусто —
розы алые, люди стоят...
На могиле у мамы не грустно,
потому что молитвы звучат.

Я прошу милосердного Бога:
«Дай, Господь, хоть немного пожить!
Дай мне в августе, двадцать второго,
панихиду не раз отслужить»

22 августа 2005

* * *

Инако иноки живут.
Они иную жатву жнут,
молитвой продолжая — рать
душ православных — собирать.

Не злятся, не хулят, не лгут...
Кого в монахи постригут —
Владимирская Божья Мать
Сама придет благословлять.

* * *

Прежде, чем
запечатать
молчаньем уста,
над стихом
три Андреевских
ставлю креста:
во имя Отца
и Сына,
и Святаго Духа.
Аминь.

р. б. Ирина

ЭДУАРД БАЛАШОВ

ПУСТЫННЫЙ АНГЕЛ

По краю пожара, по кругу огня,
В наплывах мирского тумана,
И страсти сжигая, и страх хороня, —
Мой ангел пустынный, ты слышишь меня? —
Иду я тропой Иоанна.

Мой ангел завета, где сердце мое?
Пылают деревья, дымится жнивье.
Разорище — житница Божья.
Пожрало друг друга чумное зверье.
Утопла в крови скотобойня.

Мой ангел, мой ангел, умолкла молва.
На жертвенном блюде моя голова.
О, что в ней тебе, Саломея!
Ночные упали на мир покрова,
Но светит в ночи Галилея.

Мой ангел пустынный, я счастлив вполне.
Хламида из шерсти верблюжьей на мне
И кожаный пояс на чреслах.
Не знаю, в какой остаюсь стороне,
В каких потерялся я числах.

ДО МЕНЯ

Что вам, что вам до меня?
Посреди земного дня,
Посреди небесной ночи
Милость Божьего огня,
Что поясть лукавых хочет.
За молитвой я, короче,
Что вам, что вам до меня?
Я уже не ваш, не ваш,
Хаос, шабаш, ералаш!
В пустоте зияют торбы.
В темноту сигают толпы
От заветного огня.
Растерялись наши тропы
Посреди земного дня.
Что вам, что вам до меня?

ВО ПЛОТИ

Как Слово во плоти,
Мы все — свои пути.
С молитвой на устах
Мы топчем дольний прах,
И запираем твердь,
И попираем смерть,
И снова ищем плоть,
Что оправдал Господь,
С молитвой на устах
Вновь топчем дольний прах,
Влача свои пути
За Словом во плоти.

КРЕСТНЫЙ ГЛАС

«По плоти Сын! Отец по духу!» —
Так Богородица стенала.
На нескончаемую муку
Молитвой сердце пеленала.
И крест ей на глаза явился,
И отворенный камень склепа,
И ярое во славе небо,
И Змий, что миром подавился,
И зов земного детства «Мама!»,
И крестный глас на всю пустыню:
«Идите, дети, к Богу прямо!
Имайте сердцем благостыню!»

В НАДЕЖДЕ

Вся наша жизнь — молитва Богу.
И всякий миг, и каждый час
Посвящены тому итогу,
Какой равняет с Богом нас.
Куда б ни шел я, чтоб ни делал,
Мой каждый шаг и всякий вздох —
Воспоминание о былом:

Вестимо, в нас и с нами — Бог!
Мысль занавешена словами.
Вещами даль заслонена.
Но светит дальними мирами
Недостижимая страна.
И я уже не тот, что прежде,
И Бог во мне уже не тот.
И нас, обнявшихся в надежде, —
Сердца молитвою утешьте —
Никто водой не разольет.

КОГДА Я БОГУ ПРЕДСТАЮ

Священный ужас, вящий трепет,
И Страшный суд, и Божий страх...
Не страх невежд, а чистый лепет,
Что у ребенка на устах.

Дитя от неба слышит-чует
Прикосновенье существа,
Что навевает и вещует
Не воплотимое в словах.

Нежданно это трепетанье
Телесных членов и души.
Как содрогается сознанье!
Замри и слушай — не дыши!

Не мне ли Промысел читает
В нездешней книге жизнь мою?
И в бездну страх мой отлетает,
Когда я Богу предстаю.

УТЕШЕНИЕ

Кто себе в карман молился,
Тот ушел с пустым карманом
И на Господа позлился,
Мол, довольно: сыт обманом!

Бога нет, и вот улики,
Мол, полны карманы нетом!..
Нет подумать: без молитвы
Что бы стало с этим светом?
Помолитесь, ради Бога!
Обнимите сердцем Бога!
Бог же, не смущаясь далью,
Мир питает благодатью.

Благодать же посещает
Сердце то, что мир вмещает.
Безкорыстное вмещенье —
Переклета утешенье.

НЕ ЗАСЛОНЯЯ МИРА

Дай Бог, Христа приобрести
Среди земного сора
И крест Его, как свой, нести
Сквозь зарево позора.

Пускай терновая судьба
Чело мне окровавит,
И пусть распнет меня толпа,
Копье от мук избавит.

Не отступлю, не отступлю
Ни слова, ни полслова.
Любовью я Его ловлю
В надземный час улова.

И Он сетей моих не рвет,
Не поднимает ила.
Во мне Он по миру идет,
Не заслоняя мира.

НЕ УСТАВАЙ

Не уставай на Родину молиться!
Признайся Матери, вручи себя Отцу,
Спеши к Началу и не верь концу —
Тогда победой сердце озарится.
Не уставай на Родину молиться!

СВЕТ ЖИВОЙ

О Господи, Ты был и есть,
Вознесся и остался здесь,
На этой крошечной земле,
Во зле почившей и в золе.
Покинул мир Тебя, а Ты
Остался в нем, Твои следы —
Не только плащ, и крест, и гроб,
Не только мой крещеный лоб.
Ты в сердце нашем ищешь нас,
Чтоб воскресить в безвестный час.
О, Господи, Ты был и есть,
Вознесся и остался здесь,
На этой тверди кочевой
Среди погасших Свет живой!

ЧАС МОЛИТВЫ

О чем шумите вы, народные витии...
А.С. Пушкин

Час заката — ультиматум.
С места сдвинуты стихии.
Камень яр — проснулся атом
И пошли шуметь витии!

Сердце, сердце отворите,
Пойте песню, гнев смирите!
Час любви и час молитвы:
Не сойди, Земля, с орбиты!

МОЛИТВА МАТЕРИ

Господи, Ты помнишь человека?
Ты его еще не позабыл?
Если не иссякло в реках млеко,
Коим Ты ребенка напоил,
Если зреет плод в земном посаде,
Если птица вывела птенца,
Господи, молю я о пощаде:
Не забудь, не отврати Лица,
Господи, Отца и Сына ради
И во имя Сына и Отца!

К СПАСУ ЯРОЕ ОКО

Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Ты высоко во мне и далеко.
За нуждою к Тебе припадаю.
Ни за что ни про что пропадаю.

Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Накатилась Твоих супостатов эпоха.
Ведь случаются бури на солнце недаром.
И недаром земля полыхает пожаром.

Отведи же десницу ослепшего рока,
Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Не утихла еще заповедная битва,
Не иссякла моя о России молитва.

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

* * *

— Господи!
Чем засыпать мне пропасть эту,
Что лежит между злом и добром?
— Я и Сам не знаю ответа,
Мирозданье пройдя пешком.
— Господи!
Где найти мне такие силы,
Чтобы мир принимать, как он есть?
— Это знают одни могилы,
Но живым не слышна их весть.

* * *

Подойду к иконе «Всех святых»,
Помолюсь за мертвых, за живых,
Попрошу:
— Любви Твоей во имя,
Господи, надеждой окропи
Слабнущую душу,
Укрепи
Верой и терпением Твоими.
Помоги покой в душе обресть,
Принимая мир таким, как есть,
Не прося своей защиты всуе.
Мужество мне дай перебороть

Подаянья алчущую плоть —
Нищенку, владычицу нагую.
Приоткрой небесный горний свет
Над прибежищем последних лет,
Освети дорогу к покаянью,
Отпусти грехи, что невольны —
Скорое забвение вины,
Добротой не ставшее страданье.
Тихо в храме. Только ясный свет
Над печалью, над поземкой бед,
Словно рядом ангелы запели...
Не молю, чтоб сгинули враги.
— Господи, нас, грешных, сбереги,
Чтоб святые не осиротели.

Из книги «Русский Псалтырь»

ПСАЛОМ 1

Блажен, кто не пошел на гульбище разврата,
На сборище воров, деливших власть и злато.
Блажен, кто чтит лишь Господа закон.
Как дерево близь вод могучих, животворных,
Чья зелена листва и разветвленны корни,
Плоды безсмертья взращивает он.
Небесный суд и праведный, и скорый
Развеет в прах неправедную свору —
Избравших путь к соблазнам и грехам.
Подхватят ветры плач рабов порока
От западных равнин до гор Востока
И бросят Вседержителю к ногам.

ПСАЛОМ 3

Как умножились врази мои!
Мне не счесть на меня восстающих.
«Нет в душе его, — взыщут они, —
Бога нашего, в вечности Сущего».
Им ли знать, что Ты щит предо мной,
Слава дней моих, тайная гордость?
Я взываю к Тебе, грешник Твой,
Слышишь, Господи, слабый мой голос?
Потому и живу невредим
И не стал для народов добычей,
Что любовью Твоею храним
И безсмертного духа величьем.
Я взываю к Тебе: сбереги
Имя русское, русскую память.
Да рассеются наши враги,
Да взойдет Лик Твой светлый над нами!

ПСАЛОМ 4

Когда к Тебе тянусь я словом,
Исторгнутым из сердца моего,
Услышь меня, Господь!
Над тесным кровом
Небесного простора торжество.
Сыны ушедших воинов Державы,
Наследники величия и славы,
Когда же лжи и суетности плен
Разрушите, святым молитвам внемля?
Придите с правдой на родную землю,
О жертвы вероломства и измен!
Вы говорите: лучше этих дней
Никто не даст.
А я взываю к Богу:
Благодарю, что Ты мне дал так много,
Что слаще вин и лучших яств сытней!
Что сон мой крепок, безопасен дом,
Что Ты со мной в пути моем земном.

ПСАЛОМ 8

Господи! Имя Твое незакатное
В славе величия, в каждом дыхании.
Это — Вселенная, духом объятая,
Это — безсмертного Слова сияние.
В небо смотрю ли, Тобой сотворенное,
В росах жемчужных, в просторах неведомых,
Вижу глаза, на меня устремленные.
Боже! Любая душа Тебе ведома.
В необозримости мира нетленного
Ты человека возвысил над тварями
И возлюбил его, грешника, смертного,
И испытуешь в страстях его зареве.
Крест ли влачу я, Тобой уготованный,
Сердце поет ли, как птаха весенняя,
Нету прекраснее жизни дарованной,
Нету светлее, чем вера в спасение.

ПСАЛОМ 10

Мне говорят враги моей земли:
«Найди себе прибежище вдали».
Я птицей за моря не улетаю,
На Родину и Бога уповаю.
Натянут лук, и вложена стрела,
И в правых сердцем целят слуги зла.
Разрушены опоры у державы.
Молитвой ли добудем новой славы?

Смирением ли зиждется любовь?
Молчит в народе жертвенная кровь.
Всевидящ Бог.
С Престола в небесах
«Покайтесь, — призывает нас, —
Пусть испытанье будет тяжело,
Но час придет, испепелю Я зло.
На нечестивых огненным дождем
Обрушится небесный окоем.
Я не оставлю праведных в беде.
Но где сыны возмездья, сила где?»

ПСАЛОМ 13

Сказал безумец, сидя на холме:
— Нет бога кроме Идола земного!
И Бог, взглянув, не увидал во тьме
Безверия ни одного святого.
На Образы молились, свечи жгли,
А жили в зле, в стяжательстве, в крови.
И Бог сказал: — Неужто разум слеп
У тех, кто полон ложью и изменой,
Кто мой народ съедает, будто хлеб,
Кто страх забыл пред огненной геенной? —
Помыслил нищий: «Будет вам напасть!»
Но смех услышал предержащих власть.
И вопросил Господь: — Найдется ль тот,
Кто сокрушит во тьме грехов живущих,
Кто на Кремлевский древний холм взойдет,
Как праведник, народу свет несущий?
Тогда настанет радости пора
И озарит Россию свет Добра.

ПСАЛОМ 22

Мой пастырь, посох мой —
Господь неодолимый.
Нужду превозмогу,
Его щитом хранимый.
На пажитях моих
благословит Он всходы
И тихий дождь пошлет,
и рек спокойных воды.
Тверда моя душа,
и к правде путь мой прям,
Ибо со мной Господь —
нерукотворный храм.
Пойду ли в смертной мгле,
от зла не содрогнусь.
Ты укрепил меня.
С Тобой ли убоюсь?
Ты хлеб насущный дал
и чашу медовую.
И я перед врагом,
не покорясь, пирую.
О благости моля
и милость восхваляя,
С Тобой пребуду я —
душа Твоя живая.

ПСАЛОМ 31

Блажен, кому отпущены грехи
И беззакония, и слово святотатства,
В чьих помыслах нет злобы и лукавства,
И дни его, как исповедь, тихи.
Когда молчал я в тяготе моей,
В стенаньи обветшали мои кости.
Лишь пустота в Твоей зияла горсти,
И я иссох, как вереск в суховей.
Тогда я в покаянии Тебе
Открыл свои грехи и преступленья,
И гибельного чувства вожделенье...
И внял Ты мне в спасительной мольбе.
Так праведник Тобою защищен
В благопотребном времени молитвы.
Избегнет он неодолимой битвы,
Огни и воды переступит он.
Ты — мой покров, Ты оградил мой дом,
От скорби избавление даруя.
Ты мне сказал: — Отныне вразумлю Я
Каким идти к спасению путем.
Мои рука и око в вышине
Да будут над тобой, как Образ в храме,
Но не уздой железной с удилами,
Чтоб ты, как лошадь, послушался Мне. —
...Как много в мире горя и страданья!
Но дарит Бог нам радость в покаяньи.

ПСАЛОМ 35

Злу, что во мне, я говорю: «Изыди!»
Как часто в неразумности я льщу,
Что потому в себе его ищу,
Чтобы затем сильней возненавидеть.
В устах моих неправда и лукавство.
Нет страха перед Господом моим.
И вновь я беззаконием томим
И отдаляю праведное царство.
О Господи! Неизмеримы милость
И истина Твоя, величью гор сродни
Святая правда. Судеб наших дни
Хранишь Ты, чтобы казнь не совершилась,
Покой мы обретаем и защиту
В тени Твоих мироточивых крыл.
Ты нам источник вечности открыл,

Спасительную мистику молитвы.
Ты возвеличил преданность сыновью.
Продли же милость к Твоему рабу,
Чтоб не грехи тащил я на горбу,
А укрепился верой и любовью.

ПСАЛОМ 41

Как лань к потокам вод стремится,
Так и душа моя к Тебе.
О Боже, дай мне укрепиться
Живой молитвою в мольбе.
Я слез своих сдержать не мог,
Когда меня терзали:
— Где твой Бог? Душа стенает, вспоминая,
Как в многолюдстве я ходил,
Искал в земном пространстве рая
И Бога в радости забыл. Не плач, душа!
Сильней всего я буду славить Бога моего.
Взывают к бездне воды бездны,
Прошли, как волны, надо мной.
Мою молитву слышат звезды,
И милость дарит свет земной.
Господь, как чаша та горька —
Претерпевать глумления врага.
Как будто кости поражают
И оскверняют дом родной.
Когда с насмешкой вопрошают:
— Где твой Спаситель? Боже твой?
Душа моя! На Бога уповай!
И песнь мою унынием не смущай.

ПСАЛОМ 45

Прибежище и сила наша — Бог.
С Ним беды не страшны.
Они как воды
Вздымаются и бьются о порог,
Как при обвале горные породы.
Пусть горы перейдут в сердца морей,
И вздыбится волной кора земная,
Но устоит держава, если в ней
Господний храм посереди сияет.
Возмущены народы, племена,
И царства поднимаются на битву.
Но Бог возвысит голос, и война
Сломает меч кровавый о молитву.
Мы Им хранимы от начальных дней.
Придите и познайте: славен Сущий
Живоначальной силою своей
Среди народов, на земле живущих.

ПСАЛОМ 66

О милости Твоей поет псалтирь.
О Господи! Яви свой лик небесный!
Благослови на вечность грешный мир,
Чтобы в себе познал он путь Твой крестный.
Благослови народы, племена,
Дабы Тебя восславил каждый житель
За праведный Твой суд.
Ничья вина
Не тайна для Тебя, Господь-Спаситель.
Плоды земли, что Ты благословил
Народам всем — труды их и услада.
Хвала Тебе, что души озарил
Ты верой, как безсмертия наградой.

ПСАЛОМ 100

И обратился к Богу Повелитель:
— Наступит срок — предстану пред
Тобой Державы непорочной грешный житель,
Врагов ее безславный победитель,
И медяка не знавший за душой.
Но, Господи, пока тверда десница,
Я удалю развратников, лжецов,
Тех, кто не прочь на бедах поживиться,
Слугу средь слуг, кто жаждет возгордиться,
Лукавых и потомственных врагов.
Злых сердцем удалю и тех, — в пороке
Нашедших смысл земного бытия.
Едва взойдет светило на востоке,
Я буду истреблять врагов жестоко!
И Ты лишь мне, Всевышний, — судия.

ПСАЛОМ 114

Мою молитву, ухо приклоня,
Услышал Бог,
Он защитил меня.
Его завет отныне не нарушу.
Когда меня низвергли муки в прах,
Когда болезни породили страх,
Взмолился я:
— Спаси, Всевышний, душу!
И милосерд, и праведен Господь.
Он укрепил мои и дух, и плоть.
Ведь простодушные хранимы свыше.
В покой любви вернись, душа моя,
Спасенная из тьмы небытия,
Ибо Господь мою мольбу услышал.

ПСАЛОМ 140

Да прольется молитва моя
Фимиамом пред очи небес!
Огради мои, Боже, уста
От лукавых и лживых словес,
Облегчи мне грехов моих груз,
Уклони от неверных путей.
Перед праведной волей смирюсь,
Наказанье приняв, как елей.
Огради, Боже, кротость мою
От злодейств и ревнителей зла.
Расплодились в родимом краю
Слуги дьявольского ремесла.
Будто землю кнутами секут,
Будто кости народу дробят,
И под сладкие песни ведут
В рукотворный, погибельный ад.
На Тебя уповаю в мольбе:
От сетей ловцов душ огради!
Да повергнутся в правой борьбе
Царства зла и разврата вожди!

2004

ВАЛЕНТИНА ДОРОЖКИНА

Тамбов

* * *

«Спаси, Господь, спаси мою страну
Во дни неправедные и во дни лихие...»—
Кто в страхе не шептал слова такие,
Проснувшись или отходя ко сну?
Но на устах молитва не у всех:
Иной кощунствует, иной лукавит.
Немудрено сегодня впасть во грех,
Когда страной несправедливость правит.

Спаси, Господь, спаси мою страну!
И пусть такие не наступят сроки,
Когда, в пророческую бездну заглянув,
Отпрянут в ужасе пророки.

МОЛИТВА

Тебя я, Господи, молю,
Чтоб душу просветил слепую.
Ты учишь всех любить. Люблю!
Но, Боже мой, я и ревную!

И этот грех мне застит свет.
Но Ты ведь дал мне дар поэта.
Грешна душа, но злобы нет —
Благодарю Тебя за это.

Внутри меня идет борьба,
Я силы трачу безполезно:
Душа ранима, плоть слаба,
А искушений в жизни — бездна.

Пошли мне Ангела в пути —
Я все преграды одолею.
Прости грехи мои, прости,
Будь милостив к рабе Твоея.

* * *

Когда слепой ведет слепых,
Дорога всех приводит к яме.
Наступит и последний миг.
О, Господи! Что будет с нами?

Все ближе час расплаты, ближе, —
Дыханье чувствую огня.
Я вижу, Господи, я в и ж у!
Но кто послушает меня?

Терплю и зависть, и насмешки.
Жестокосердным стал народ:
Иной перекрестится в спешке,
Иной с ухмылкой отойдет.

И никому уже не скрыться:
Вранье кругом, как воронье...
И листья падают, как птицы,
На одиночество мое.

* * *

В чье сердце попадет твоя стрела?
В каком она к тебе вернется виде?..
Творя неблаговидные дела,
Мы думаем, что нас никто не видит.

Мы бережем лишь оболочку — плоть.
Но как давно не очищали душу!
Пошли прозрение, Всевидящий Господь,
Открой нам, грешным, и глаза, и уши.

Пока стрела еще не долетела,
Не ранила и не убила тело,
Ты, Господи, сверши опять добро:
Предотврати людское злодеянье,
Спаси. И преврати стрелу в перо,
Чтоб было чем писать нам завещанье.

* * *

В пучину, в бездну — все равно ко дну...
И проступает вырожденья метка,
Когда потомки осуждают предков,
Свою никчемность ставя им в вину.

Молотит время новую копну
И подменяет ржавою монеткой
Богатство. Дерево — сухою веткой,
А ветер гонит мутную волну.

Пришельцы чертят хитрые круги:
Не за горами — новые напасти.
Лежат судьбы обугленные части,
И слышен голос: «Боже, помоги
Прозреть хотя бы у последней кромки,
Где все равны — и предки, и потомки».

ТРОИЦА

Ох, и бушевали
Прошлой ночью грозы:
Накануне Троицы
Дождь смывал грехи.
Срежу аккуратно
Веточку березы,
Помолюсь пред Господом,
Напишу стихи.

От воспоминаний
Сердце безпокоится,
К горлу подступает
Горько-сладкий ком:
«Скоро-скоро Троица,
Всё травой покроется», —
Напевала мама,
Украшая дом...

Слава Богу, детство
Постоянно помнится.
Пусть не источится
Связующая нить...
Помоги и дальше,
Пресвятая Троица,
Память об ушедшем
В сердце сохранить.

* * *

Благодарю Тебя, Создатель,
За то, что есть и друг, и брат.
Как хочется мне всё раздать им,
Да только взять не захотят:
Ведь им оранжевые листья
Дороже слитков золотых.
Благодарю, что безкорыстьем
Ты наполняешь души их.
Что Ты спасаешь от отчаянья,
И грешным посылаешь свет,
Что научил словам печальным,
Но безысходности в них нет.

* * *

«Боже правый, Ты знаешь
Предназначенный путь.
Ты других наделяешь,
Обо мне не забудь...»
Просим, как и просили, —
До отчаянных слез.
Бог дает, но — по силе,
Чтобы ношу донес.
Сколько надо — отпущено,
Всяк своим наделен...
Взяв эпиграф из Пушкина,
Не напишешь, как он.

ДИАЛОГ С...

— Где песни звонкие твои?
— Душа свое отпела.
— Восторгом душу напои.
— Но чаша опустела.

— Наполнь ее из родника.
— Но пересох родник.
— Питай нектаром из цветка.
— Цветок давно поник...

— Взгляни на небо — там исток
Молитву сотвори
И за родник, и за цветок,
И за восход зари. .

— Чей этот голос?.. Чуть дыша,
Глаза поднять боюсь
Где мое тело? Где душа?
Не знаю. Я молюсь.

* * *

Я дальнозорка, хоть и близорука,
Но вижу то, что видеть не дано:
Я опускаюсь с грешными на дно
И вижу свою будущую муку.

Я в этой жизни что-то значу ныне.
Да, выделяюсь я в толпе людской...
Избави меня, Боже, от гордыни,
Не накажи за подвиг мой мирской.

Я скорбной маски сроду не носила.
Но, Боже, и Тебе она чужда...
Духовный подвиг, видно, не по силам —
Его не совершу я никогда.

Но я молюсь — с душою просветленной,
И уповаю каждый день и час
На Слово Божие, которое нетленно,
Которое спасает, грешных, нас...

Я знаю, Боже, все мы близоруки,
За дальнозоркость нас не накажи...
Возьми меня, Всевышний, на поруки
И все мои сомненья разреши.

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

Иркутск

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Канон ветхозаветный,
Древнейшие слова...
Но разве ветхи ветки
И древни дерева?

Их возрождает время
Во всех краях земли —
Шуметь и цвесть над теми,
Кто их понять смогли.

Я слушаю Иову,
Вещает мне Амос,
И удивляет слово,
И трогает до слез.

Завещанная мудрость.
И снова, грешный, я
Расталкиваю мутность
Земного бытия.

Неспешны и спокойны
Чеканные слова.
Глубокоземны корни.
Могучи дерева.

* * *

Есть что-то вышнее, иное
В цветах, в росе.
Вот так есть что-то неземное
В твоей красе.

Как будто этот чистый облик
С мольбой в глазах —
Он кем-то любящим был отлит
На небесах.

Как будто с вышней тайной слиты
Душа и плоть.
Лишь о тебе мои молитвы:
«Храни, Господь!»

* * *

Я стоял в этом храме
Под куполом дня,
И глядели страдальцы
С икон на меня.

О страданье!
Свое роковое крыло
Надо мной простирало не раз уже зло.
Эта птица клевала мне сердце не раз.
Эта птица терзает отчизну сейчас.
И терзает, и топчет родных мне людей,
И клюет их сердца все лютей и лютей.

Но откуда-то сверху,
Увиделось мне,
Тонкий свет появился
В небесном окне.

Все смелее, все ярче охватывал он
Лики многих страдальцев, смотревших с икон.
И душа потянулась туда, где светло,
И сказала себе, что не вечно же зло,
Что, крепка и смиренна, любая душа
Перед злом не стыдится в миру мятежа.

И Георгий с копьем
Не слабее, чем рать.
А на русской земле
Есть за что пострадать!

* * *

Когда село, где я учился,
Вставало в дымке за пять верст,
Церковный купол не лучился
Вдали, над купами берез.

Храм разоренный, храм старинный
Навстречу плыл издалека
Большой свечой из стеарина
Без золотого светляка.

Вблизи, под солнцем и под тучей,
Алел израненный кирпич,
И наплывал от стен, беззвучен,
Какой-то тайный звон иль клич.

Я не прошел еще по мукам
Земной юдоли — я был мал.
Но как внимал я этим звукам,
Как боль чужую понимал!

И вот опять над нашей пущей
Лесное нищее село
Необоримый, вездесущий
Крест светоносный вознесло.

И снова звон — теперь уж въяви —
Над прозревающей судьбой...
Все помнить, помнить, Боже правый,
И слушать с болью и мольбой!

* * *

Есть на закате краткий час,
Когда дрожащий пламень,
Как в церкви, озаряет нас,
И каждый куст, и камень.

Тогда не только облака
И золото заката, —
Тогда таинственно близка
Душа живая чья-то.

Пускай вдали,
Пускай молчит,
Но сызнова и снова,
Неизреченное, звучит
Ее родное слово..

* * *

Когда в ночи сижу один
И все окно в пожаре звездном,
Я перед миром этим грозным —
Малыш, доживший до седин.

Молись, душа моя,
Моли,
Чтоб стихла боль, прошла усталость,

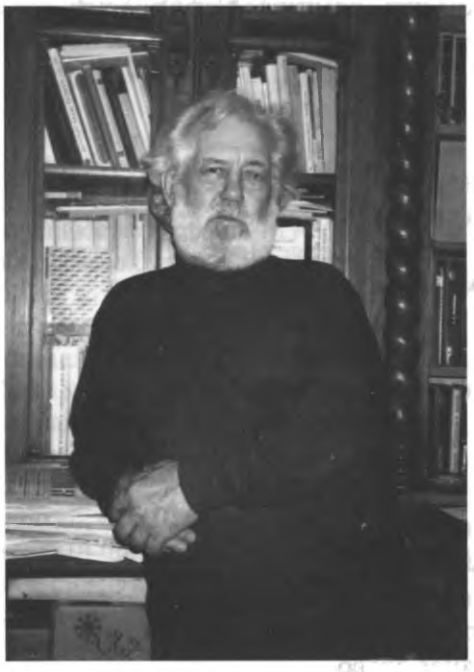
Чтоб тишина со мной осталась
И слезы вытерла мои...

ДРУГУ-ПОЭТУ

Поэзия — передний угол
С иконою.
И только здесь
Повеять может росным лугом
И прозвучать благая весть.

И ты, почувствовав отраду,
Лишь тут, по совести судим,
Захочешь высказать всю правду,
Как перед Господом самим.

БОРИС СПОРОВ



ВЕЧНОСТЬ

о. Александру Егорову

1

Как во вселенную я в Божий храм вхожу:
Здесь служба вечная и литургия верных;
Здесь о себе я правду расскажу;
Здесь приобщусь, молебен закажу
И Божьей милостью освобожусь от скверны.

Здесь душу с ладаном возносит к небесам;
Здесь злобы нет и грешнику все рады;
Здесь тихие родные голоса
Нас не влекут в крамольные леса;
Здесь не стреляют насмерть из засады.

К распятью на коленях припаду
И помолюсь о тех, кто за оградой:
О грешниках, пылающих в аду;
Кто вдруг попал в тяжелую беду,
И о врагах, не знающих отрады.

О Господи, услышь наш вечный плач —
Прости нас, окаянных и ленивых!..
Молюсь как нераскаянный палач —
Прошу то милости, то нищенских удач.
А предо мной — Божественная нива.

2

Раб Божий ... и раба ... венчаются друг другу —
Сердца зовут, уста поют в уста.
И за руку влечет священник их по кругу —
По кругу вечности, смиренья и поста.

И певчий лик, и всесожженья свечи,
И возгласы молитв, и блеск воды,
И крест, возложенный на трепетные плечи, —
Здесь все благословляет молодых.

Примите мир,
Идите к жизни вечной,
И дарует вам Бог и на земле покой,
И счастье ваше в доброте сердечной
Расплещется весеннею рекой.

А в черный день иль в черную годину
Благословит на подвиг вас Господь,
Как Бог Отец, благословивший Сына
За искупление отдать живую плоть.

3

В приделе правом купель с водой,
И ангелы теснятся полукругом.
Аскет-священник, строгий и седой,
И дьякон, точно ангел — молодой,
О чем-то что-то говорят друг другу.
Пора: несут без имени младенца —
Родители, родня и крестный с полотенцем.

Молитва льется как святой ручей:
Во имя Троицы крещается раб Божий...
И никаких торжественных речей,
Лишь бряцает кадило, треск свечей
Да всплеск воды;
Да солнца луч погожий
Скользнул в купель и воду осветил —
То Божий Дух крещенье посетил.

Священник с дьяконом в алтарь дитя несут,
Чтоб с именем воцерковить навеки...
Вот так же все они на Страшный суд,
На зов трубы архангела придут —
И воссияет правда в человеке...
Теперь пора младенца причастить
И в жизнь земную с Богом отпустить.

А путь земной тяжел, знать, крестный путь:
Страданья, восхождения и битвы.
И ни минуты, чтобы отдохнуть —

Нужду, заботы с плеч своих стряхнуть
И встать без устали хотя бы на молитву...
Живи и верь в святое постоянство —
В купели ты обрел небесное гражданство.

4

В приделе левом скамья и гроб.
Молитвой краткой увитый лоб.

Свеча, иконка и пальцы в жгут —
Обрящет землю, таких не жгут.

И щеки впали, и нос торчком;
Лежит как будто чуть-чуть бочком,

Как глыба-камень — не человек,
Под гнетом власти прошедший век.

* * *

В гробу окаменелая усталость —
И это все, что от него осталось.

* * *

Скончался человек,
Свой путь он завершил.
Отныне он — далекий странник мира.
И с отвлеченных мировых вершин
Оценит он теперь на свой аршин
Рабов раба или рабов кумира.
Каждит священник, певчие поют...
И чудится родне, что он уже в раю.

И это все?
Зачем же ад земной?
Зачем вся жизнь, коль смысла никакого?
Чтоб нищенствовать летом и зимой,
Иль властвовать над призрачной казной,
Болтаясь на гвозде как старая подкова?!
Уж если нет за гробом ничего,
Зачем рабу высокое чело?

Путь к Истине — путь к Богу — это путь
Единственный, иного быть не может.
Страшись солгать в душе или уснуть,
Хотя бы захотелось отдохнуть,
Пусть даже если и сомненье гложет.
Мы жаждем совести, любви, мы ищем права...
Дорога к Истине — и есть святая Правда.

А телу бренному земля — один удел.
За гробом что — известно только Богу.
Иной всю жизнь на страже просидел,
До срока обеззубел, поседел.
Но так и не познал с мытарствами дорогу.
Иные измерения, миры
Нам вовсе неподвластны до поры.

Нам знать сверх меры что-то — не дано;
Но нам дана взамен святая вера.
Вот почему замечено давно
Земное правило одно:
Душа спокойная — всему ответ и мера.
В спокойствии и наш священник пребывает:
Он сына своего с любовью отпевает.

Душа уйдет, останется лишь плоть,
А сроки нам определит Господь.

5

Как во вселенную вхожу я в Божий храм —
Селенье Господа, где вечности дыханье.
Здесь было запустение и срам
Еще вчера,
А ныне святость и благоуханье.

И дышат вечностью иконы и алтарь,
Седые камни шелестят веками.
И ангел — долговременный вратарь —
Озвучивает храм священными стихами.

Горит маяк — всеобщая свеча,
Иконы мироточат в мир трехмерный.
И Матерь Божия со своего плеча
Снимает плат, чтобы покрыть им верных.

В страстях погрязший ветхий человек —
Блудливый, лживый, суетный и хилый! —
Он входит в храм и обретает силы
И с верою идет в грядущий век.
О, жизнь земли — смешная быстротечность! —
Дорога через храм в чарующую вечность.

МОЛИТВА

Верую в безсмертие души;
Верую в Святое Воскресенье;
Верую и в личное спасенье...
Господи, сомненья сокруши!
Господи, уныние мое
Ты пусти как по ветру полову!
На коленях припаду я к Слову —
И больное сердце запоет.
Господи, не отврати лица —
До конца.

* * *

Голубоглазый, Красивый,
Лучший из всех стихий...
Господи, дай мне силы
Преодолеть грехи.

Пусть долетит до слуха
С горних вершин завет...
Господи, крепость духа
Даруй на склоне лет.

В душу струится млечность,
Может, иного дня...
Господи, Ты на вечность
Благослови меня.

ТИШИНА

Кате

Сядь со мною рядом, посиди,
Расчеши мне волосы седые.
Ты сама, родная, посуди:
Сердце надрывается в груди —
Мы теперь уже не молодые.
Осень к нам подкралась невзначай.
Только ты ее не замечай.

К утрене звонят колокола:
Голосистый — давний наш приятель!
Так отложим все свои дела,
Поле перейдем мы до села —
В Братовщине служит настоятель:
Ликом кроток и голубоглаз,
Он, наверно, молится о нас.

Встанем мы на исповедь к нему.
Может быть, и мне грехи простятся:
Тяжесть я с груди своей сниму,
Лишь тогда глаза и подниму...
Спросит он: «А дети как — постятся?»
И проводит нас коротким взглядом.
И пойдем к причастию мы рядом.

* * *

Когда в душе разрушен храм;
Когда изношены одежды;
Когда уходит и надежда, —
Тогда Господь приходит к нам.

Сквозь слезы видишь грешный путь —
И жизнь черна, и воздух серый...
А в сердце тихо входит вера,
Неся возможность отдохнуть.

По-прежнему страдает плоть:
Добро и зло — как прежде битва.
Но теплится в душе молитва,
А значит — в храм пришел Господь.

Легко стоять и на краю,
Когда ты веришь — Он поможет...
И я молюсь:
«Помилуй, Боже,
Ты душу грешную мою...»

* * *

Ю. Селезневу

Небо черным куполом насело,
Захлебнулся соловьиный смех.
Не моя ль душа осиротела,
Вырвавшись из трепетного тела?..
На зеленых ветвях белый снег.
Листья точно слезы по реке —
Я в дорогу вышел налегке.

Дивная дорога! Свет незримый,
И на перепутье тихий крест.
Друг мой, как и прежде нелюдимый,
Точно парус проплывает мимо...
Умер я?
А может, он воскрес?
В поисках чудесного спасенья
Заблудился в поле крест осенний.

* * *

Памяти М. П. Споровой

Вот и все — и нет тебя со мной,
Ты ушла в немыслимую вечность,
Где иные твердь и безконечность...
Я один, усталый и больной,
Я оцепенел на полуслове.
Вот и все — и выпал черный снег:
Тишина,
И лишь гнусавый смех —
Сатана неистово злословит.
Тихо в полдень опустилась ночь,
Мрачная, без звезд и без просвета.
Я зову тебя, но нет ответа —
Этот мрак, увы, не превозмочь.
Мне теперь тебя не разгадать
И пути свои не соразмерить...

Буду ждать, надеяться и верить —
Буду жить, молиться и страдать.

* * *

Оставив заботы, забыв все тревоги,
Вот так бы идти и идти по дороге,

Чтоб видеть лишь небо, поля и леса,
Чтоб плыли восходы, туман и роса.

И жизнь познавать на дороге, в пути,
Где не проехать, а только пройти.

И угадать свой таинственный день:
Присесть отдохнуть на источенный пень.

Да так и остаться навеки сидеть —
Песни унылые петь.

И будет дождями меня омывать,
И станут туманы меня одевать;

И может быть, чудной весенней порой
Тенистая липа взойдет надо мной.

И птицы, гнездясь, запоют по весне —
Я это услышу как будто во сне...

Но вздрогнет земля, и окончится сон —
Тогда я услышу и скрежет, и стон;

Тогда же услышу: взывает Господь
На Суд и мою иссеченную плоть.

И станет душа по дорогам искать —
И старые липы ласкать.

* * *

Когда заря на небосклоне
Уже пылает и кипит
И солнце в царственной короне
Багрянец с пурпуром струит,
Когда ручьи и птичье пенье
Сливаются в единый хор —
И грезится всему спасенье
Со дна морей до гребней гор,
Когда игривый юный ветер
Врывается через порог,
В неотвратимости, в рассвете
Я вижу — Бог.

* * *

Так и сказал он: «Разделяй — и властвуй».
Мудрец заплечный знал, что говорит:
И рушились полуденные царства,
И кровью истекали государства —
Вот и Россия пламенем горит...
Победу торжествует враг лукавый,
Разнузданный и пятиглавый.

Когда Отечество охвачено огнем
И кажется — последние мгновенья!
И праведники гибнут...
День за днем
Мы силимся согнуть и не согнем
Упругую спираль сопротивленья.
Тогда в отчаянье и мы взываем к Богу —
И очищаемся, и крепнем понемногу.

ПУСТЫННИК

И он ушел к холодным валунам,
Где пост и труд, где истины сверяют...

Светили звезды, солнце и луна,
И врачевала душу тишина,
Гордыню одиночеством смиряя.
Часы бежали, дни, тянулись годы —
И ничего не ведали народы.

А он о них молитву возносил
И день, и ночь молил Творца и славил.
Когда совсем уже не стало сил,
Пустынник милости всего лишь попросил,
И Господи воззвал и не оставил.
И он ушел в божественной тоске,
А тело бренное рассыпалось в песке.

НОЧЬЮ

Что-то очень душно, что-то мне не спится...
Над опушкой липы месяц серебрится;

Чудное раздолье на равнине звездной —
Грезится безкрайность, но, увы, не бездна;

Далеко-далече мир незримо-горний:
Встал бы и ушел бы — не пускают корни;

Весь пророс корнями я в сырую землю,
Потому безкрайность разум не приемлет;

На земле я вечный — здешний, не приблудный,
Потому и с плотью расставаться трудно.

Господи, помилуй, выведи из плена...
Предо мной распятье, подо мной — колена.

* * *

Е. С.

Тебе я оставляю волю,
Тебе я оставляю поле
И милый лес.
С собой я забираю слово,
Пустые сети, без улова,
И глубину небес.

Тебе я оставляю вечер,
Как веко трепетные свечи,
Молитвы свет...
С собой я забираю «Песни»
И упование:
Воскреснем!
Иного — нет.

СОНЕТ № 47

Друзья мои, и вновь я вам пишу —
Родной октябрь блещет позолотой:

Холодным маревом с соседнего болота
Грядет мой век, шурша по камышу.

Я вижу все, поэтому спешу;
И крестным знаменьем —
Единственным оплотом! —
Отгородясь от сатанинской роты,
У Бога милости прошу.

В любимцах я — и милость мне дана!
Ведь даже в этой круговерти ложной
Я не один, теперь со мной жена:
И ангел мой, и друг она надежный.
На склоне лет мы заложили сад.
А завтра едем в Сергиев Посад.

БЕЗСМЕРТИЕ

Скажи мне, Господи, и тайну мне открой,
Что ждет меня еще на этом свете?..
И смысл какой в безумной эстафете
Бегущих дней, неистовых порой?

Скажи мне, Господи, а там, что будет там,
Где у Отца обители так много?..

Кудрявый дуб — кривой и одноногий! —
Преследует столетья по пятам;
А человек, как тать, не может знать —
Когда и где?
И что потом, за гробом? —
Вот почему нередко дышит злобой
И все спешит, боится запоздать.
Что человек — зачаток вечной лжи?
Лукавый зверь — игра дурной природы?
Иль, как свиное стадо, все народы
Рванутся с кручи?!
Господи, скажи...

Но Господи молчит — Он миру все сказал.
Воскрес Иисус — голгофская победа:
И людям Он безсмертье заповедал,
И образ жизни людям показал.

Во что же верить нам, когда несут гробы,
Когда любой из нас повенчан с гробом,
Когда с крестами, даже с громом
Воюют грешные рабы?!

Смерть и неверие — безсмертие и вера:
Отсюда всё — и Церковь, и Господь,
Дары Христа — и Кровь Его и Плоть;
И Бытию цена и мера.

* * *

Друзья мои, со мной которых нет,
Враги мои, которые остались, —
Прошло уже так много тяжких лет,
В глазах усталых меркнет белый свет,
И опоясала последняя усталость —
Я вас зову, с камнями, без камней! —
Придите все на брачный пир ко мне!

Нет мест для вас — придется постоять;
И занят стол начинкою особой...
Не огорчайтесь, братья, просто я
Всех угощу вином из хрусталя —
И вознесем бокалы мы над гробом.
Достойный миг — сегодня вы с уловом!
Доверьте ж мне приветственное слово:

«Мои враги, благодарю я вас
За кабалу, за камни и за голод —
И за Мордовский памятный Явас,
Где клялся я друзьям несчетно раз,
Что видел короля — король-то голый!

Вы помогли мне протоптать тропу
К родной семье и к мудрому попу...

Уже давно вас нет, друзья мои, —
Я растерял их в юношеских бедах.
Но жажду бранную под старость утолив,
Вас поминаю я в часы молитв
Без трепетного горя, без победы...»

Ушли мои друзья, неслышно их шагов:
И я молюсь за них —
И за врагов.

СЛЕДЫ

Осенний день: уют, уединенье —
Вся наша жизнь овеяна теплом.

А за окном бушует наважденье —
И государство пущено на слом.
Кому не лень — и грабят, и несут;
Друг друга бьют, насилуют и режут...
Воистину как будто адский суд,
Воистину — зубовный скрежет.
И рвань иноплеменная кишит —
Она и власть сегодня оглавляет.
А русский — бомж, он в переходе спит
И за бутылку ордена сплавляет.
И никого не удивит теперь,
Что по миру пошел старик-учитель...

Гуляет на Руси с блудницей зверь,
Посланник сатаны — мучитель.

О Господи, а мы в тепле живем,
Не голодаем, любим, верим оба —
И потому-то жить не устаем,
И потому не ведома нам злоба.
Ты говоришь мне: «Потерпи еще,
У Господа и волос каждый взвешен.
Покаешься — и будешь ты прощен,
Помолишься — и будешь ты утешен».
И я терплю,
И гаснет боль в груди...
А за окном, увы, сюжет обратный:
В летучем смраде, рыкая, гудит
Рогатый зверь — и пьяный, и развратный.
Нам от него, наверно, не спастись...
Мы, грешные, к причастию постимся:
Любимая, за все меня прости,
И я прощу...
А может быть — простимся?
Ты руку правую на грудь мне положи,
И я усну спокойно и без звука...

О Господи, всяк человек во лжи —
Не потому ли и разлука?

* * *

Когда предгрозовые тучи
Все наше небо омрачат,
Когда с дымящей черной кручи
Сорвется вдруг огонь летучий
И дети в страхе закричат, —
Поверится: весь мир во зле кипит
И ось земная, лопнувши, скрипит.

Но кончится разбойничий погром:
И ветер тучи злобные разгонит —
Лишь огрызнется за кордоном гром, —
И солнце радости расплещется кругом,
И отразится мир на небосклоне!
Тогда исчезнет страх, развеется тревога —
И сердце верное откроется для Бога.

* * *

Ночь тиха, и как будто тлеют
Звезды ярые под рукой.
Говорят, и они стареют,
Гаснут исподволь и чернеют,
И уносит их на покой...
Но откуда-то вновь возвращаются
И над миром горят, прощаются.

В постоянном живом движении
Постоянный огонь и лед,
Постоянное преображение —
Жизни вечное продолжение
Идет.
Смотришь в небо — и чувство страха:
Вот оно — воскресение праха.

* * *

Я зажгу лампадку пред иконами,
На колени тихо опущусь...
Был и я, повязанный законами,
Дерзкий и отчаянно рискованный,
А сегодня каюсь и пощусь.
Господи, плутал я слишком много —
Укажи мне верную дорогу.

Я пойду по той дороге вечной
В мир берез и ландышей лесных,

В мир любви, где в простоте сердечной
Жизнь и мне представится безпечной,
Как объятья солнечной весны.
Я тогда на все рукой махну,
Упаду в цветы — и отдохну.

ОЧИЩЕНИЕ

Я буду ждать весеннюю грозу,
Мой вечный сон она стрелой разрушит;
И воскресит замерзшую лозу, —
И я уйду в небесную лазурь,
Туда, где ждут меня родные души.
Пути небесные вовек не разгадать,
Но жду грозу, как Божью Благодать.

В огне и грохоте разъялись небеса —
И содрогнулись города и села,
И почернели светлые леса,
И прозвучали грозно голоса,
И я упал на стонущий проселок —
И умирал на почерневших листьях...
А гром все рокотал: «Хочу — чистись!»

Разрушен храм, город градов пал —
И мерзость запустенья до предела...
А я, седой, раскинув руки, спал,
Как если бы смертельно был устал —
И до стихии никакого дела.
Когда же, наконец, поднялся я —
Сияла радостью омытая земля.

* * *

«Унынье, брат, и тайно смерть тревожи —
Ни для кого безсмертья в жизни нет.
Горит земли шагреневая кожа,
И на иконах лики стали строже,
И постоянно меркнет белый свет —
Вся в черных дырах наша атмосфера...» —
Вот образец страданий маловера.

И сатана по-своему могуч,
Он разлагает и творенья Бога.
Но как слепую тьму пронзает луч
Летящей молнии из грозных туч,
Так и Господь пронзит соперника любого.
Живой лозой для Бога мир обвит —
Он в час любой творенье обновит.

* * *

Люди добрые, люди славные,
Нас кручинушка извела.
Мы утратили силу главную:
Были мачехой православною,
Стали матерью лжи и зла.
И спасут нас теперь не битвы —
Дни всеобщей святой молитвы.

СТИХИ С МОЛИТВОЙ

А. С.

Пророк в отечестве своем,
Увы, гоним и презираем...
Кого мы в судьи выбираем,
Кого в правители зовем?!

О Господи, молю Тебя, молю:
Храни его, ведь он в чужом краю;
Пусть будет ныне, завтра и всегда
Ему и хлеб, и воздух, и вода;
Пусть будет труд его благословен,
Пусть будет голос нам его доступен...

И мы когда-нибудь искупим
Свою вину за долгий плен.

СЛАВЯНЕ

Когда мой дух изнемогал
И смерть казалась избавленьем,
Пришел я в Сергиев Посад
И попросил благословенья.
Перед гробницею святой
Я, грешник, слезно умилился.
И Сергия нетленный дух
В меня воистину вселился.

Когда ж я телом изнемог —
Иссякла Родины частица,
Тогда к Непрядве я пришел
Отваги ратной причаститься.
И Куликовские полки
Воздали мне такую силу,
Что даже мать-сыра земля
И та с трудом меня носила.

Покуда Сергиев Посад
И Куликово поле с нами —
Жива душа и устоят
Многострадальные славяне.

КЛЯТВА

Мне это Поле — Символ веры,
Мне это Поле — Дух живой.
Мне это Поле — вечный бой
И компас верный.
Земля моя, Россия, Русь!
Вот здесь, на Куликовом поле,
Твой блудный сын,
По доброй воле
Я присягаю и клянусь:

Погибшие — и память на века;
Отечество — славянство и твердыня,
Чтоб Церковь — вечная святыня,
Чтоб Вера — чистая река;
С нашествием любым не примирюсь,
А грянет клич: «Да свергнем иго!» —
Я отложу все рукописи, книги
И выйду в Поле за Святую Русь.

* * *

Памяти А.И. Солженицына
и патриарха Алексия II

И завершив дела свои сполна,
Они ушли в достоинстве спокойном...
Так за волной спешит еще волна,
Живой любви и горечи полна,
С последнею молитвой и с поклоном...
Как молния и гром сопряжены навек,
Так с плотью дух венчает человек.

И в немощи постигли горний глас,
И в одиночестве одолевали землю...
Когда же и светильник вдруг угас —
Они живут и трудятся для нас!
Мы их и слушаем, и внемлем.
Один с молитвою благословляет жизнь,
Другой — взывает к жизни не по лжи.

Вот так и мы всегда и впредь должны
Служить земле безропотно — и небу.
Дела и подвиги для Господа важны;
Для ближних мы — и строги и нежны,
Когда насыщены духовным хлебом.
А за волной в накат еще волна —
Неотвратима и вольна...

Слова, слова — им нет теперь цены.
Уже давно сказали всё пророки...
Сыны отечества, достойные сыны,
Какие вам о нас приходят сны,
Какие днесь живут еще пороки?..
Труд и молитва — наш удел земной:
Блажен, кто в крепости — и летом, и зимой.

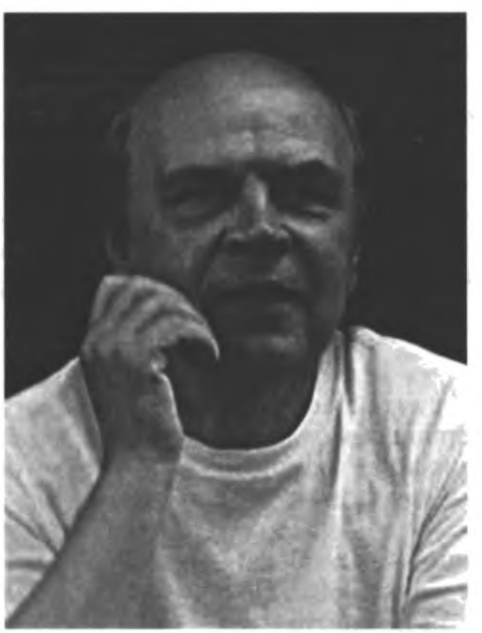
2008, декабрь

* * *

Итак, последняя ночная повесть:
Не знаю как — во сне, иль наяву
Вдруг подняла меня с постели совесть.
Молюсь и слушаю: друзья зовут...
Друзей моих от века не осталось.
Они ушли поспешной чередой...
И для меня душевная усталость
Да впереди таинственный покой.

2009, 10 ноября

ВАЛЕРИЙ ШАМШУРИН
Нижний Новгород



ДАЛЬНЯЯ ПУСТЫНКА

Валентину Степашкину

В Дальней пустынке сосен дыханье,
Легкий мостик над малой рекой,
Воспаленье души, полыханье
И вселенский блаженный покой.

Тут — великий удел, а не малость,
Чтоб душа, что, как речка, чиста,
Только с Богом одним изъяснялась,
На миру затворяя уста.

Претерпеть, пересилить напасти,
Если даже вся жизнь невпротык,
Кроме Бога, не ведая власти,
Кроме Бога, не зная владык.

Под лесной шелестящею сенью,
Вдалеке от проезжих дорог
Всепрощеньем достичь очищенья
И смиреньем осилить порок.

Древних сосен тугое качанье.
Вековечная память креста...
Как молитвенно в дебрях молчанье.
Как целительна уст немота!

Но расслышать ли нам, человеки,
И познать, и понять ли себя
В неумолчно болтающем веке,
Свои чуткие корни губя?

Вновь смыкаются звездные сферы
В этой жизни земной и вовне
На граните незыблемой веры,
На священном седом валуне.

Да не сгаснут рассветные зори,
Да не сгинет речная струя,
Чтобы страннику с лаской во взоре
Молвить братственно: «Радость моя!»

В ТЕ ГОДЫ

Давний сумрак заоконный,
Шелестящие слова...
Потаенный, незаконный
Светлый праздник Рождества.

Ни единой — вот обида! —
В доме свечки не нашлось.
Но святое не забыто
И в душе отозвалось.

Встрепенется ретивое
Под библейскою звездой:
Ах, как горько пахла хвоя
И разлукой, и бедой!

Храм порушенный на взгорье
Да сугробов белизна —
Незалеченное горе,
Неизжитая вина.

Очистительный исконно
Снег валился с высоты
На разбитые иконы,
На упавшие кресты...

Горевая и шальная,
Нагрешившая сполна,
С Рождеством, земля родная,
Богом данная страна!

СТАРУШКИ

Елене Русаковой

Из последней в округе церквушки —
Благочинны, смиренны, тихи —
Возвращаются Божьи старушки,
Отмолившись за наши грехи.

Обсыхает земля после снега.
Даль до самого края ясна...
Третья четверть двадцатого века,
На пути к коммунизму страна.

Водородная бомба готова.
Ликованье. Кураж. Похвальба.
И в безбожном неистовстве снова —
Без конца и начала борьба.

Все угрозы стерпев и упреки
Не в чужом, а в родимом краю,
Неторопко несут по дороге
В душах бабушки веру свою.

Шаг спокоен, а взоры их кротки.
И отрадно им веру нести,
Будто лучшей не знали погодки,
Будто не было лучше пути.

Годы, месяцы, ночи ли, дни ли —
Свет в душе их не меркнул, не гас.
И любовью своей сохранили,
Донесли они веру до нас.

Мы ж другими страстями горели,
Ставя грешную душу на кон.
Лишь у скорбных могил их прозрели,
У оставленных ими икон.

И нагрянут последние сроки,
Поворотные вешние дни,
Чтоб идти нам по той же дороге,
По которой ступали они.

2005

* * *

Вот и подходят последние сроки.
Даль различима, распахнута высь.
Ты не спеши, погоди на дороге,
В чутком безмолвии остановись.

Зимним ли вечером, полднем ли летним
Там, где азарт твою жизнь торопил,
Не был ты первым, не будешь последним,
Только, как все, ты страдал и любил.

Благо, что солнечный свет не потушен.
Что не сгорает надежда в мольбе.
Значит, ты Богу и миру был нужен
И потому-то был нужен себе.

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ

* * *

Дай мне гнева и любви,
Дай спокойной силы духа,
Чтоб не жить мне меж людьми
Ни вползренья, ни вполслуха,
Чтоб принять мне на себя
Все, что отдал Ты нам, Боже,
Чтоб — ничтожного ничтожней! —
Из грязи поднялся я.

1977

* * *

Стужи дыханье, на окнах испарина,
Ветер колотится в дверь.
Много напутано, мало исправлено —
Что же мне делать теперь?

Мало исправлено, много напутано!
Господи! Боль отпусти!
Дай же мне выйти из сумрака мутного
Хоть на исходе пути.
Пусть не лучами весеннего солнышка —
Молнией с небом свяжи!
Лишь бы она просветила до донышка
Темную воду души!

1980

* * *

О слияние молнии с громом,
Ожидание яви без снов! —
Это небо — не Отчего ль дома
Изукрашенный звездами кров,

Где планет голубые стропила
Исчезают в сиянье из глаз?
Укрепи ж нас, Господняя сила,
Не оставь обезсилевших нас.

Путь наш долог, непрям и тревожен;
Мы идем год за годом туда,
Где вздымается Сад — огорожен
Золотою стеною стыда.
Но, как пенье в Рождественский вечер
Сердцу светлый дарует покой,
Ты даруй нам надежду на встречу
После тяжкой дороги земной.

Да! За все за мои прегрешенья,
За разврат и сумятицу дней,
Со слезами прошу я прощенья! —
Но суди меня волей Своей!

Обреки меня каре жестокой,
Над душою сыновней скорбя! —
Но позволь мне — хотя б издалека,
Хоть вполглаза — увидеть Тебя!

Ибо мертвая тяжесть забвенья
Мне страшней очистительных мук,
Что готов я принять со смиреньем
Из Твоих из Отеческих рук!..

1989

* * *

Дай вдохнуть
Мне грудью полной.
Долог путь
Судьбы окольной.
Тяжек гнет
Безцельной ноши.
Жизни мед —
Полыни горше.
Изнемог
Блуждать я в мире,
Дай мне вдох
Небесной шири,
Чтобы выдохнуть
Наружу
Вместе с выдохом
И душу.

1990

МОЛИТВА

Дай силы мне, Господь,
Среди душевных мук,
Чтоб, не унизив плоть,
Я мог очистить дух,
В огне земных страстей
Соединить дабы
Разумный мир идей
И дикий мир судьбы!

1990

НИКОЛАЙ ЛИСОВОЙ

МОЛИТВА

Правило веры, образ кротости,
Сквозь кротость — ярость через край...
Произнести нельзя без робости
Святое имя Николай.

Никейского поборник Символа,
Соборной мудрости оплот —

Такого, грозного и сильного,
Тебя от века чтил народ.

Минуют эллины и римляне...
Одолевая смрад и гнусь,
Как в серебре, в звенящем инее
Придешь заступником на Русь.

На гноище, в державном рубище —
Всегда пред совестью моей
Твой горький, твой нещадно любящий
Упорный взор из-под бровей.

Не дай нам сгинуть в тленной пропасти
И раем ад признать не дай,
Владыка милости и строгости,
Святитель Божий Николай!

* * *

Не звезда от синя облака скатилась
За ограды, за дороги, за сады...
Пресвятая Богородица, спаси нас
От обманной, от погибельской звезды.

В час печали, расставанья, раздорожья,
Меру милости изверенным яви:
В месте злачнем упокой нас, Матерь Божья,
От ненадобной, нестаточной любви.

В поздней поступи таинственного часа
В сердце канула обманная звезда.
Грешных помыслов назначенная чаша,
Как душа, непоправима и пуста.

Может, близко и обещанная помощь,
Но в судьбу мою надвинулась не зря
Волчьим оком полыхающая полночь
Под полынным полнолуньем января.

* * *

Мне, Адаму, Господь заповедал в раю:
Да прилепится к плоти безгрешная плоть.
Я бы выполнил, Господи, волю Твою —
Да тоску первородную чем побороть?

Ты мне душу и плоть разъяснял не спеша...
Но печально и страшно смотреть сквозь века,
Как нелепо, Господь, прилеплялась душа
Чуть не к первой попавшейся плоти греха.
Я бы дорого дал, чтобы не было зла,
Чтобы Божьего гнева не ведал наш род,
Чтобы Ева от древа ушла с чем пришла
И греховного чрева не вынесла плод...

Чтобы не было в мире ни прежних, ни нас,
Ни поруганных клятв, ни порушенных дружб,
Ни заломленных рук, ни потупленных глаз,
Ни закушенных губ, ни загубленных душ...

ПРОЩАНИЕ

Боже, да минет нас помысла грешного чаша!
Гибель и гнев с четырех неохватных сторон...
Ангел разлуки полынью иссохшей мне машет, —
Кто так судил? — сквозь пожар, и печаль,
и полон.
Ветры голгофские бьют по плечам златовласым,
Плачет заря в снегириных кровинках росы.
Души, как пленники, к муке восходят —
за Спасом
Ярое Око и Спасом Златые Власы.
Кто так судил?.. Чтоб ложилось
в тоске крутолобой
Под ноги небо, чернея до края земли,
Той босоногой, как память, жестокой дорогой,
До крови стертой, от века простертой в пыли.

Яркой гвоздикой за каждым
земным расставаньем —
Намертво душу к душе пригвождающий меч.
Я не сумел ни догнать, ни сберечь тебя. Ангел
Нашей разлуки при нас: он умеет беречь.

Он мне не даст ни уйти, ни предать, ни забыться,
Только глазами в глаза — в одиноком пути,
Только ладоней губами сухими напиться,
Ран семистрельных коснуться на горькой груди...

Ветер о вдовах-березах и девах-рябинах
Древний заводит распев — да кому подхватить?
Ты принесла мне безсмертник полей ястребиных,
Я твою боль и позор не умел защитить...

Кто так судил? Но да минет нас грешная чаша!
Лишь одного я боюсь: если вдруг, среди дня,
Раньше расплаты и прежде последнего часа
Ангел разлуки, изверясь, покинет меня.

ПЕСНЬ УСПЕНСКАЯ

...Дивны тайны Твоя, Богородица!
Прохожу, поклонясь, к алтарю.
— Все ли ангелам вкруг хороводиться? —
О болящих земных говорю.

Пусть у них на душе распогодится,
В муке сущие, вспомнят они —
Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Невечернее чудо любви...

Дивны тайны Твоя, Богородица!
...В оный час, как под ветром шурша,
Как заржавленный лист, покоробится
Перебравшая солнца душа.

Затуманится мир, заболотится,
И осенние ветры придут...
— Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Над Успеньем Твоим запоют.
Дивны тайны твоя, Богородица!
...Заколотится в ребра тоска.
Как насмешливый враг, скосоротится
На свои же святыни Москва.

— В богоносцах ходи, пока ходится! —
Возглашает архангельский лик.
— Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Переводится в русский язык.

Дивны тайны Твоя, Богородица!
Как всему несвершенному срок
Укоротится, мир заторопится,
Мотылек, на иной огонек.

Посторонится ночь-похоронница,
В две зари — в Воскресенье и в смерть —
Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Разгородится надвое твердь.

И покуда огнем не поглотится,
Не очистится всякая плоть, —
Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Не отступится правды Господь.

...Над Россией немолкнущий благовест,
И к стопам, у заветных дверей,
Припадают архангелы, радуясь
О Божественной славе Твоей!

А народ потихоньку расходится,
Но расходится, в сердце храня —
Дивны тайны Твоя, Богородица! —
Странный отблеск последнего дня.

ОРАНТА

О боли, о вольной неволе,
О счастье, что входит, круша:
Оранта — Неорано Поле,
Познавшая тяжесть душа.

Душа, что, в бореньях и в злобе,
Раскрыла мне руки свои —
С мечтой воплощенья в утробе,
Молящая мир о любви.

ПАСХА

Первым запахом весенним радуясь,
Выйди в день, исполненный чудес.
Слушай над Россией синий благовест
В колокольном куполе небес.

Рано каркаешь, мой вран погибельный!
Вот опять пошла, врага круша,
По Руси-росе, сквозь мрак египетский,
Кровью Спаса белая, душа.

ТАТЬЯНА ГАУШКОВА (1939—2001)

* * *

Сергею Козлову

Зеленой Троицы благословенный день.
А в розовом Царицыне сирень
бела. И храм белеет... Понемногу
и я к нему найду свою дорогу.
К иконе Богоматери, молящей
за всех скорбящих и за всех болящих,
недужных телом, пасмурных душою,
как мы, мой старый друг, как мы с тобою.

Звон отзвонил. И служба отошла.
Но двери храма все еще открыты.
Березами плакучими повиты
алтарь и своды, вход и купола.
Пруд вечереет. Голубая мгла
прохладна. Но последнего поклона
никак не положу... Как веретёна,
снуют, чернея, ласточки в окне.
И думаю: насколько ж благосклонна
судьба моя, безсчастная, ко мне:
едва жива, а — добрела до храма,
и то, что мы зовем сырая яма,
не так темно, не слишком щерит пасть,
затем, что всей мне, может, не пропасть.
И я прошу: ткись, ласточкина пряжа
июньских дней, грузись, моя поклажа, —
авось и справлюсь с долею моей,
отведав чистой горечи скорбей...
Еще березы Троицы свежи,
светлы, как вечер жизни не по лжи.

Август 1992

* * *

Отложить бы ее на потом,
эту речь: как жилось ей в пустыне,
русской Музе, степной Магдалине,
с горьким взором, завязанным ртом...

Отгремели ее соловьи,
облетели с ланит ее розы.
Ничего-то о бренной любви.
Жемчугами окатными — слезы.

А теперь вот пришла обмывать
ваши раны — боса, некрасива.
В волосах — грязно-серая прядь.
Под ногами — волчец и крапива.

Да и голос глухой, с хрипотцой,
еле вяжет шатучие строфы.
А на сердце — и холод, и зной,
всё безмолвие русской Голгофы.

10 февраля 1993

* * *

И Все Святые, что в родной земле
за все тысячелетье просияли,

у наших павших в головах стояли,
и луч желтел в необоримой мгле...

Оборете! — сулили голоса
с высот заупокойного молебна. —
И будет Русь опять жива и хлебна:
о том тоскуют сами небеса!

И я хранила на виду у всех
такое молодое выраженье,
как будто мне поручено внушенье
вам передать: уныние есть грех.
И я просила у сырой земли,
у зимних птиц, у тополя — подмоги,
вбирая в золотую мысль о Боге
все, что вблизи и в облачной дали...

Катились слезы по щекам моим,
темнило горе лик моих сограждан,
но с каждым павшим в листопаде страшном
был наш союз отныне нерушим.

И нету мощи, чтобы одолеть
ту крепь — коль встанут мертвые с живыми,
единого Отечества во имя
готовые вторично умереть.

17 декабря 1993

ВСЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ!..

Как лакома ты, Родина моя,
врагу — и как ему ты ненавистна...
А я шепчу: красавица! Отчизна!
Что без тебя могла бы значить я?

Что без тебя и слава, и любовь,
сама душа — как храмина пустая?..
И я шепчу себе: не прекословь, —
как святцы, дни скорбей твоих листая.

Твоих соблазнов лютая тщета...
Твой путь окольный до приветной близи...
По чину нам — архангельские выси,
По чину высям лестница крута.

Там, у латинян, глянь, вознесены
на кровли храмов адские химеры...
А мы, бродяги православной веры,
лежим во прахе, ежели грешны.

И смирный нрав народа моего —
не пред тобою, власть меча и злата.
Не радуйтесь: мол, русская расплата...
Всемирное в ней тлеет торжество.

Вот так, бывает, зябкое зерно
скорбит в грязи... Поют ему метели.
А поглядишь в конце Святой недели —
все поле осторожно зелено!

И жаворонок солнечный висит,
а к Троице уже и колосится
та гиблая, обильная пшеница,
и в Духов день горит не догорит закат...
И вновь шиповник на меже
нектаром полнит розовые чаши.
Всю смерть поправ!.. — в ответ на пени ваши
твержу о прахе, чести, мятеже...

11 февраля 1994

ИЗ УСТ В УСТА

Мещанский рай. Герани на окне.
И церковь Трех Святителей в сторонке.
Сюда придут, нетленные в огне,
с германских войн скупые похоронки.

Здесь пронесется крутогривый шквал
Зеленого, Буденного, Петлюры...
В тени акаций встречи назначал
корнет, который бабке строил куры.

Она ж, поповна, так была умна,
как это и положено дурнушке
Ушел на Дон... А дальше — тишина.
Звон пятака по дну церковной кружки.

А дальше — тайна: как она спаслась
в родной стране — нещадной и великой,
твердя, что власть — на то она и власть,
чтоб нам под нею, правой, горе мыкать.

Лишенцы — сколько было их в роду! —
мещанского, духовного сословья...
Наследница, и я не пропаду:
от них во мне выносливость воловья.

От них при мне тот незаметный труд,
которым тайно держится держава.
Они стихами — изредка рекут:
им не нужна изменчивая слава.

Из них никто и не был знаменит,
ну разве тот — нижегородский Минин...
В пустом саду акация пылит,
и бабка — не легка уж на помине...

Но в церкви Трех Святителей поет
прилежный хор опрятных малолеток.
Духовное сословие — живет!
Опять в чести и мой опальный предок.

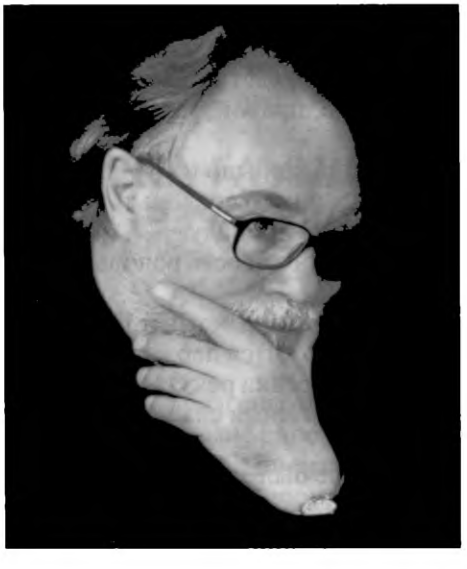
Надолго ли?.. Иль в новый перегной
пойдет весь притч — во глубь незримых пашен,
сроднившись не с тюрьмою, так с сумой,
вкушая во благих — небесных брашен?..
Надолго ли — воскресный перезвон
и всей былой Руси поминовенье:
того юнца, что горько был влюблен,
и конника, что с бою брал селенье?..

Час не ровен — и свечечку свою
опять затеплишь в моросной землянке...
Из уст в уста завет передаю
поповны — иль бестужевки-мещанки:

мол, сдюжите. Все это — ничего...
Железом жжены и огнем палимы,
а справите Святое Рождество
во Новом Граде Иерусалиме.

А вся надежда — на широкий кряж
крестьянски-просвещенного народа...
«Даждь хлеб нам днесь,
Пресветлый Отче наш!»
Безсмертна православная порода.

АРХИМАНДРИТ ИОАНН (ЭКОНОМЦЕВ)



МОЛИТВА

Пресветлый день Христова Воскресения
Ликует мир. Но нет покоя мне.
Моя душа в тревоге и смятенье.
Мой ум блуждает в непроглядной тьме.

Царю Небесный, Боже милосердный,
Всеисцелитель и Заступник всех,
Смогу ли я молитвою усердной
И покаяньем искупить свой грех?
О Всеблагий! Я грешник, я предатель,
Искариот Иуда, я злодей,
Отступник, недостойный благодати
И милости божественной Твоей.

Я в преисподней жил, я был свободен
Лишь грех творить. Но содрогнулся я,
Когда услышал ясно глас Господен:
«Оставь сей мир и возлюби Меня!»

Тянулись дни и годы в ожиданье...
О Господи, нет, не нашел я сил
Отдаться весь великому призванью,
Оставить мир и тех, кого любил.

Не в силах оказался испытать я
Блаженство и страдания Творца.
Я избежал Голгофы и распятья
И страшного тернового венца.

И вот теперь, разбитый и усталый,
Я каждый день, страдая и скорбя,
Себя терзаю, самой лютой карой
И днем и ночью сам казню себя.

Страшней всех мук и огненной геенны
Немой укор в глазах друзей моих,
Ведь я завлек их песнями сирены
На терний путь и сам же предал их!

Царю Небесный, Боже милосердный,
Всеисцелитель и Заступник всех,
Смогу ли я молитвою усердной
И покаяньем искупить свой грех?

Прими же кровью облитые строфы,
Моей души смятенной не покинь,
Даруй мне, Боже, благодать Голгофы
И крестного распятия. Аминь.

1978

ИЗ ДРАМЫ «КИПРИАН И ЮСТИНА»

АКАФИСТ СВЯТОМУ КИПРИАНУ

Радуйся, о Киприан, перед Господом,
Радуйся, благодати вместилище,
Радуйся, Божеству предстоятелю,
Радуйся, дьявола попалителю,

Духа лукавого поборающий!
Радуйся, о Киприан, перед Господом,
Радуйся, кладезь Божьей Премудрости,
Радуйся, Троицы созерцателю,
Радуйся, страждующих врачевателю,
Скорбь изгоняющий, радость дарующий,

В радосте радуйся!

АКАФИСТ СВЯТОЙ ЮСТИНЕ

Радуйся, дева Юстина, радуйся,
Радуйся, цветок целомудрия,
Радуйся, чистоты осияние,
Радуйся, благословенная,
Радосте, радуйся!
Радуйся, дева чистая, радуйся,
Радуйся, козни ада поправшая,
Радуйся, смерть победившая,
Радуйся, от зла ограждающая,
Радосте, радуйся!

1980

* * *

О Господи, как выразить в словах,
Что несказанно по своей природе!
Как призрак, озарение уходит
И слово замирает на устах.

А миг назад не я ли ликовал,
Не я ли был на грани, у порога
Предвечной тайны истинного Бога,
Сверхбытия, Начала всех начал?

Свободная от дьявольских тенет,
Моя душа, преобразившись, пела,
И легкости исполненное тело,
Подобно звездам, излучало свет.

Я созерцал в себе как благодать
Сиянье неземного совершенства.
О Господи, какое же блаженство
В тот чудный миг Ты дал мне испытать!

Но миг ушел... Остались лишь печать
Печали неземной и сожаленье.
И тщетно я пытаюсь откровенье,
Постигнутое словом, передать.

Я только жалкий фокусник, факир!
И убеждаюсь снова я и снова,
Что Слово — Бог и что, изрекши Слово,
Бог Всемогущий создал этот мир.

Храни в себе заветные ключи
И, осененный благодатной силой,
Твори молитву: «Господи, помилуй»,
Твори молитву или же молчи.

1981

* * *

О Господи, опять явился он.
Когда меня преследуют сомненья,
Когда мой дух в тревоге и смятенье,
О Господи, опять явился он.
Опять явился он, одетый тьмой,
Незримый для меня, со мною рядом,
Он здесь, он здесь, своим холодным взглядом
Следит за мною он, одетый тьмой.

О Господи! Как мерзко на душе,
Когда ты с содроганьем замечаешь,
Что за тобой следят, но ты не знаешь,
Откуда, кто. Как мерзко на душе!

Он видит все. Не скрыться никуда!
Когда с друзьями я, когда наедине я,
Он с гнусною ухмылкою своею
Следит за мной. Не скрыться никуда!

Он видит все. Он рядом, в двух шагах,
Одетый тьмой. Его расчет несложен —
Он хочет показать, как я ничтожен,
Как низок я, что я лишь червь и прах.

Он видит все. Он вычислил меня,
Подвел меня под общий знаменатель.
Мой тайный враг, естествоиспытатель,
Он думает, что вычислил меня!

Одетый тьмою и подобный тьме,
Ты не смутишь меня, и я не струшу!
Ты не способен заглянуть мне в душу,
И ты не знаешь, что в моем уме.

Чего-нибудь ты все же не учтешь,
Элементарной логикой связуем.
О нет, я для тебя непредсказуем!
Чего-нибудь ты все же не учтешь...

Какого-нибудь мелкого звена...
И вот я чувствую, ты вздрогнул в изумленье...
Я совершаю крестное знаменье —
Изыди юн! Изыди, сатана!

1982

СИМВОЛ ВЕРЫ

Верую в Бога Единого,
Троицу Единосущую,
Разуму недоступную,
Верую, верую, верую!

Верую в воплощение
Сына и Слова Божия
Ради спасения нашего,
Верую, верую, верую!
С болью и содроганием
Верую в муки крестные
Бога Христа Спасителя.
Верую, верую, верую!

В радости несказанныя
Верую в воскресение
Господа Бога нашего.
Верую, верую, верую!

Верую в осияние
Духа и плоти страждущих
Светом Преображения.
Верую, верую, верую!

В наше уподобление
По благости Господу,
Богу и Созидателю
Верую, верую, верую!

Верую в силу Божию,
Верую в силу творчества —
Дар и залог безсмертия.
Верую, верую, верую!

1983

* * *

Вокруг меня и в сердце моем тень...
О Господи, солгал я пред Тобою,
Когда Тебе смиренно и с мольбою
Сегодня утром посвящал я день.

Я обещал трудам его отдать,
Молитвенно просил я вдохновенья
И сам отверг в безумном ослепленье
Ниспосланную свыше благодать.

О Господи, я жаждал одного —
Совсем в ином преткнулись мои ноги!
И вот теперь стою я на пороге
Разрушенного царства моего.

К виденьям чудным не найти следа!
И если даже будут озаренья,
То этот мир, что не познал творенья,
Уже не сотворится никогда!

Угасший мир раздавленных сердец,
Разбитых грез, убитых вдохновений!
Не грешник я — о нет! — я злобный гений,
Враг бытия, Твой враг, анти-Творец!
Кому дана от Бога благодать,
Кому дана божественная сила
Творить миры, за сокрушенье мира
Какой расплатой должен он воздать?

Готов испить я муки до конца,
Благословенна, Боже, Твоя кара!
Не отнимай лишь творческого дара
И Твоего тернового венца.

1983

МОЛИТВА СВЯТОМУ ДУХУ

Тебя я призываю, Дух Святой,
Приди ко мне, даруй мне исцеленье.
Ты мой Господь и Бог, мое спасенье!
Молю Тебя: прииди, Дух Святой.

Стенаньям и молитвам уступи.
Я слаб, я болен, я в изнеможенье.
Дай силы побороть мне искушенье,
Дух крепости, мне душу укрепи.

Позорными оковами звеня,
В грехах и лжи сгубивший свои годы,
Тебя я умоляю, Дух свободы,
Дух праведный, освободи меня!

Бредущему в пустыне без пути,
Вопящему во мраке без ответа,
Дух веденья, Дух истины и света,
Своей любовью душу освяти.
Мой тяжкий кризис дай преодолеть.
Дух творчества, даруй мне вдохновенье,
Через мое Тебе уподобленье
Дай победить небытие и смерть.

1984

ГИМН СВЯТОМУ ДУХУ

Что медлишь ты? Решись, душа моя!
Пусть голос слаб, и пусть звучит он глухо,
Молитвенно прославь Святого Духа,
Божественный Источник бытия!

Он Бог — Творец. И в первый день, когда
Земля была безвидной и пустою,
Не сей ли Дух носился над водою,
Не сей ли Дух творил и созидал?
И, возвестив рождение Христа,
Не Он ли посылал ему знаменья,
Был вместе с ним в минуты искушенья
И среди мук голгофского Креста?

И, как Ему когда-то, нам сейчас
Сопутствуя к Голгофе и распятью,
Божественной Своею благодатью
Не сей ли Дух творит богами нас?

Нисходит Он на темных рыбарей,
Неведомых ни для кого на свете,
И вот они раскидывают сети
Теперь уже — для ловли душ людей!

Нисходит на гонителя Креста —
И против всякой логики и правил
Из Савла вдруг становится он Павел,
Становится апостолом Христа!

Нисходит на того, кто слаб и сир —
И он идет уже против потока
И в облике поэта и пророка
Безумным словом потрясает мир!

Рукоплещи и пой, душа моя!
Он Дух, Он Бог, Творец и Созидатель!
В Его неизреченной благодати
И смысл и оправданье бытия!

1984

* * *

> При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах, посреди ею, повесили мы наши арфы.
>
> *Псалом 136/137*

В Вавилонском плену, у чужих берегов,
На земле, незнакомой до боли,
Мы молились тайком, проклиная врагов
И свою злополучную долю.

Мы забыли о том, что такое покой
И раскрытые двери и ставни.
Наши дивные арфы своей же рукой
Мы, не дрогнув, разбили о камни.

Мы замкнули уста. Мы не пели врагам
Вдохновенные гимны Сиона.
Мы дрожали от страха, но мы фимиам
Не курили богам Вавилона.

И казалось нам всуе, что мы сберегли
Дар избранного Богом народа,
Сонаследники Обетованной Земли,
Мы мучительно ждали исхода.

И настал этот миг. Это было, как сон!
Но как быстро прошло опьяненье!
И глядим мы на свой долгожданный Сион
С содроганьем и в недоуменье.

Где воздвигнут был некогда царственный храм,
Где звучало небесное пенье
Херувимов и ангелов Божиих, там
Только камни и смрад запустенья.

И напрасно в смятенье мы падаем ниц,
Сокрушаясь, стеная и плача,
Здесь отныне лишь сполохи диких лисиц,
Здесь лишь только косматые скачут.

Что иное могли мы увидеть, когда
Преисполнены смрада и тлена
Наши души? Ведь мы не ушли никуда
Из тенет Вавилонского плена.

Дерзновения веры в нас нет и следа,
И духовным рабам Вавилона,
Неужели не петь нам уже никогда
И не видеть святыни Сиона?

1991

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

Из стихотворений 1967—2010 годов

* * *

Голосованье братьев и сестер
меня из общей темноты избрало,
чтоб не был тесен для меня простор
и чтобы в горле воздуха хватало.

Я к ним вернусь и расскажу, что вдруг
громадным вырос я на удивленье,
но то и дело видел их вокруг
и за спиной так часто слышал пенье.

* * *

У окна, у старой хатки
я стою, пою колядки.
И хозяйка в дом ведет.
Черствый хлеб и темный мед.

И с любовью непонятной
все глядит из мглы невнятной,
как я, шапку сняв свою,
соты сладкие жую...

Огород как погреб вырыт.
Это бил из пушки ирод.
Ну а дом остался цел.

Шел я, торбу прижимая,
заглянул в окно — живая!
И колядку ей запел.

ПЕСНЯ ВЕЧЕРА

Под пенье северных цикад
выходит к нам луна-прохлада —
плод призрачный ночного сада.

Закатных мошек мириад
звенит одну из тех кантат,
что грезились под вечер Баху,
и в душном сумраке лесном
возносит насекомых сонм
безсмертную хвалу, не праху.

Существ болотных хоровод
над царской ряскою встает
воздушных храмов колоннадой.

Овсы опольной стороны
седеют, заворожены
незримой северной цикадой.

Тропарь в еловых омутах,
молитва птиц в туманных чащах,
молва плотвы в струях звучащих.

И чешуя сосновых крон,
и муравьиный вавилон,
как пена, шелестят стозвонно.

И донный медленный плугарь,
и в травах обыдёнка-тварь
сгибают пояс до поклона.

И все отвесы небосклона
свет-тишину благодарят
под пенье северных цикад.

КОГДА-НИБУДЬ

Тяжелые руки лягут на стол.
В соснах запрядает сумрак.
Последний звук уходящего дня —
Звон вечной струи о подойник.

День, подобный тысяче лет,
Без слов был принят и прожит.
Коровий вздох и моргающий свет,
и молитва его итожат.

* * *

Лопочет весело ботва,
что огородная братва
растет легко и тесно.
А в поле сладко дышит рожь
голубоглазая, и дрожь
ресниц ее небесна.
Рожь человечески тепла,
как будто только что была
вот тут душа живая и так
молилась горячо,
что все волнуется еще
от края и до края.

* * *

Дерзай, да будешь Божий.
Отсрочек больше нет.
Впитай умом и кожей
Его незримый свет.

Ты видишь — не напрасно
теперь и впредь,
легко и ежечасно
твоя душа согласна,
что телу — умереть.

Безправным быть и меньшим
так сладко перед Тем,
Кто прост и неизменчив
и любит насовсем.

* * *

Гляди, за окнами синё.
В снегах лежит село.
Молчит оно себе само
про что-то про своё.

Гляди: зажегся огонек,
и чей-то крик: «Сынок!
А ну, домой скорей, сынок,
озяб, поди, продрог».

Потом погаснет, и такой
войдет в избу покой,
что станет слышно:
Бог с тобой
и, кажется, со мной.

* * *

Наша вера — детская, простая:
будем жить и жить не умирая.
И отец, и мама не умрут.
Ночью вскрикнешь — сразу подойдут
Подойдут и станут к изголовью
с верою, надеждой и любовью.

ИЗ «ШЕСТОДНЕВА»

1

Сквозь бремя воды золотится песок.
Всемирный раскат неглубок.

Плотвы еще нет. И суши нет.
Крыло нетопырье не застит свет.
Только небо, вода и Бог.

И там, и здесь скользят облака,
и все похоже на сон слегка,
на рассеянный свет зрачка.

Солнце на дне выплетает сеть —
зыбкую мысль.
И хочется петь.
Да некому петь пока.

2

Как стары камни лугового края!
Не только валуны,
А даже галечка — пеструшечка простая,
вся в поцелуях молодой волны.
Вода и камень любятся извечно.
Она изменчива и скоротечна.
А он лежит, светлея в бликах,
старее всех сынов земли великих,
Древней Адама и дневного света...
Берешь его в ладонь и понимаешь это.

3

Он говорил простые слова:
камень, вода, трава...

И в тот самый миг, как Он говорил,
первый звук, каменея, застыл,
а звук второй его обдал —
влагой набрякший вал.

Так Он разворачивал свой запас.
А трава — заворачиваясь — растет.
Но срезал ее козопас
и вот-вот
отверстьем ко рту прижмет.

4

Как может камень камень породить?
Как золоту из золота разлиться?
Что может на земле вода т в о р и т ь?
Она лежит, бездумная,
или, безумная,
с горы стремится.
Но Он — творит: из камня, из воды.
Он все составы до песчинки взвесил,
наклеил чешую и плавники подвесил...

Ползут двустворки, скользки и тверды,
на известковом слажены замесе.

5

Над крышею звездный зигзаг проглянул.
Крадется заря на восток лесами.
Валун втихомолку гранитный плачет.
И птица ночная летит смело.
Придавлены травы росой темной.
Придавлена речь немотой мира.
Ночь — это бремя любовной стражи.
Чу, зазвучала горняя лира.

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Изба после дождя
стоит темно и тихо
подобием груздя.

Застенчивый на вид,
но памятный за это,
день серый норовит
пройти малозаметно.

Хотя б случилось что!
Так нет ведь. Серый-серый.
Но меряешь зато
его особой мерой.

Так хорошо дышать,
и так покойно взгляду.
Себя перегонять,
бежать, спешить не надо.

И, благодарен, нем,
вдруг видишь, что Господня
рука сняла совсем
между тобой и всем
преграду на сегодня.

ПЕСНЯ СТРАННИКА

Посохом сухим постукивая, в путь!
В шелесте травы музыка какая!
Каравайный дух шествия вдыхая,
посохом сухим постукивая, в путь...

Ливень до корней родину омыл,
и с утра песок холоден в овраге.
Дан мне облак в путь, он белей бумаги.
Посох дан сухой, чтоб не шел, а плыл.

Там, где провода нищий стих-печаль,
как слепцы, гудят о вольтах и о ваттах,
мимо заколоченных окон виноватых,
посохом сухим постукивая, в даль!

Посохом сухим играя, весел, прям,
кто это спешит мимо наших весей?
Почему он прям? В честь чего он весел?
Будь он хоть пророк, для чего он нам?

Но упрек что прах, и слова что дым,
и земля чиста в забытьи глубоком.
И шепнет вода донная: ну, с Богом,
с облаком своим, с посохом сухим...

Музыка Владимира Сидорова.

* * *

Трава молочнее и глуше.
Все немощней крестов наклон.
Прозрачно к шороху времен
прислушиваются души,
и все отчетливей их сон.
Когда они услышат звон
от колокольни одичалой,
со всех сторон,
от всех времен
восстанут враз большой и малый
и пеньем славы небывалой
очистят смертный небосклон.

* * *

Игумены застав, угрюмые старлеи,
из танковых пещер швыряющие гром,

прощаясь впопыхах у огненной траншеи,
я об одном прошу, молю вас об одном.

Вы, штурманы пурги, что над песками взмыла,
вы шофера лихих пехотных колымаг,
и вы, искатели тротилового мыла,
прошу вас, выверяйте каждый шаг.

Не смейте погибать! Вы нам нужны живые
Родные вы мои, не смейте погибать!
В тоскующих полях заждавшейся России
вам уготована иная рать.

* * *

Браги брожение, пенье,
слезы в беззвучную тьму —
все, что дает нам забвенье,
я благодарен тому.

Господи, так Ты замыслил:
чтобы душе не изныть,
дал ей слезами умыться,
водочки дал ей попить.

Дал ей великую в пенье
выплеснуть тугу-тоску.
И до головокруженья
дал погреметь каблучку.

Дал надышаться обманом
мимоспешащих красот
и заблудиться в туманном
логове звездных пустот.

Но никакое забвенье
на перепутьях земных
мне не заменит моленья
о незабвенных моих.

АФОН

Из храма иноки идут на галерею,
где предрассветный, ласковый, как пес,
оближет ветер руки, грудь и шею,
лоб и плечо, и бороду, и нос.

За это море вместе мы молились,
за ночи изнемогшей тень и прах,
за небо в ало-пепельных холстах,
за все творенье, данное нам в милость,
за благоусмиренные ветра,
за то, чтоб в ризе заревого дыма
над нами ты синела нерушимо,
о Мати, о всепетая гора.

* * *

Кто куда после трапезы ранней...
Я же пристань привык навещать,
чтоб скромнейшему из созерцаний
утро все посвящать.

За бетонною кромкой серою,
в гибкой дымке, в причудах лучей
светлолобой подводной грядою
возлежала семья силачей.

Службу морю и суше держали
у черты расставаний и встреч.
На афонском погосте-причале
честь великая камнем залечь.

Я б поплыл, онемелый, над ними,
изумленные пяля глаза
на любовно склоненные нимбы,
на растущие вверх образа.

Волнорезка бетонная сгинет,
Опочиет последний монах...
Никакая их буря не сдвинет
ни на пядь, ни на шаг.

Крутолобые, умные камни,
черепам монастырским родня,
светят мраморно издалека мне
среди ночи и белого дня.

ИЗ ЦИКЛА «ВАЛААМ»

Под белыми сводами нижнего храма
свивается мгла.
Читают псалмы.
Алеют лампады.
Свечи сквозят.
Мощи под спудом превечно молчат.
Мы входим под полог нетленного неба —
в поющую мглу.

ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ

Богат Дионисий Ареопагит.
В собраньи афинян не с краю сидит
и любит, как все, насладиться беседой,
уйдя в эмпиреи изысканных мыслей.
Но нынче безмолвствует Дионисий.

Ведут иноземца.
— Чужак, проповедуй!
Не ты ли с востока пожаловал к нам
урон нанести Олимпийцам-богам?
— Какого-то чтишь неизвестного бога?
— ...воскресшего якобы?..
— ...басни и срам!..
— Что слушать смутьяна?
Гоните с порога!

Но вдруг
молодой Дионисий, зевак
афинских оставив и Ареопаг,
за Павлом
уходит в Божественный мрак.

В Афинах богинь и богов в преизбытке —
на каждом дворе и у всякой калитки!
Но Павел узрел Неизвестного Бога.
За ним Дионисий
и правит свой шаг
в Божественный мрак.

Неведомый Бог разминулся с богами.
Невидимый. Неуловимый словами.
Не мраморный, не золотой истукан,
не камень, не воздух, не лёд и не пламень,
не дым, не мерцанье, не сон, не обман,
не звук, не мечта, не галактик туман,
не символ, не след, не подсказка, не знак,
не призрак, не знаменье, не виденье, —
Он то, что уходит от уразуменья,
Он —в славе имен, но при том безымян,
тверёз, но от преизобилия пьян.
Он — все, он — везде. Он — ничто и нигде.
Он в круге, в кресте — не в кругах на воде.
Как ни изостряй человеческий зрак,
Он сверхпостижим,
Он — Божественный мрак.

Витии земли, как тщеславьем ни дышат,
ни словом, ни кистью его не опишут.
Божественный мрак — сокровение света,
в котором и солнце всегдашнее это
мелькает, как тень, как времянка-комета,
как зеркальца дрожь среди чрева пещеры.
Зачем ты проник в световечные сферы?
Измерить сиянья, что паче всей меры?
Но коль уж ты здесь, созерцанью учись
и сердце земное молчаньем очисть.

В Божественный мрак восхищен Дионисий,
где ум у головокружительных высей
и далей томим в добровольном плену,
где Троицу хор херувимов прекрасных
поет, приглашая на праздников праздник...
И ангелы к Божьему Хлебу-Вину
его, испытав, наконец, призывают...
Нет, оком не вызреть, душой не объять
разверзшуюся перед ним благодать.
От радости сердце, как воск, истекает.

... И он на века, на века умолкает.

2010

Наша вера - детская, простая:
будем жить и жить, не умирая,
и отец, и мама не умрут.
Ночью вскрикнешь - сразу подойдут.
Подойдут и станут к изголовью
с верою, надеждой и любовью.

Рисунки Григория Лощица

* * *

Галине Александровне Богатовой

Ни словечка я не изобрел.
Все слова одолжили мне люди.
Слово «б ы т ь» — всем глаголам глагол.
Потому-то мы были, мы будем.

Потому-то мы с вами есть
в естестве своем, в звонкой сути.
Слова русского Божия весть,
я молюсь тебе: «Буди, буди!»

2010

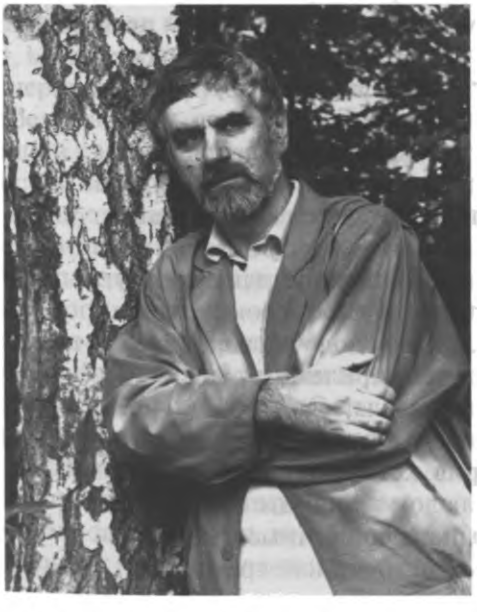
РУБЦОВ

О Русь — великий звездочет!

По осени, в зиму и летом
чистый доносится зов —
жемчужным полнится светом
слово твое, Рубцов.
Таинствен сей свет и ясен —
из глубины течет.
Он — дар у Господних яслей —
от русских широт.

2010

ВИКТОР МАМОНОВ (1937—2009)



Из поэмы «Чудеса и труды Преподобного Сергия»

МОЛЕННЫЕ ИКОНЫ

Ковчег дощатый уплывал, а Сергий
Из жизни временной — в проем дверной,
К оконной раме смерти вид усердный —
За промельк в вечную, мельчал больной,
Едва следил постукиванье ветки,
Понудил грустных иноков собрать,
Молил останки погрести не в церкви,
В отекшей глине яму откопать.
Кто приобщился Тайн перед уходом,
Ученики поддерживали, сам
Унылую постель покинул, поднял
Слезящие от радости глаза,
Жизнь выдохнул, и если не сыскали
По узкой кельице, ждал или свел.
Желанными небесными цветками
Запах луг кипарисовый, — зацвел.
За жесткие бревенчатые стены
Усмотрят два намоленных окна,
На два новопреставленные тела:
Духовная реальность не одна.

Но вглядываньем в крайние иконы
Безценную высматриваем связь
Меж небом Одигитрии с Николой,
Оградой мокрой, кельицами в грязь.
Две мысли были переданы порознь
Святому, чтоб в пейзаже проявил,
Внес в русскую историю соборность,
В безвестной Троице соединил.
Одна нам в помощь чистыми стопами
В жизнь, внешнюю спасенью — негде стать,
В другой душа ступени вырубает
По дереву духовному — летать.
Путеводительницы воплощенье,
Восхищен из щепы не то лузги
Никола и зазеленить прощенье,
Молебной части Сергия ростки.
Как ни скора, ни чудотворна помощь,
На русском неустройстве продлены,
Повреждены грехом, — доской иконы
Прикосновенья не заграждены.
Повернута молитвенным цветеньем
Икона не окно, не слепнет — дверь
Отбита настежь — шли да шли.
Святыня Келейная поделена на две.
Гармония стен кельи, наша мелкость,
Разъединенье не кровоподтек,
Укрыта в коже пальцев многомерность,

Тон вечности ни холоден, ни тепл.
Мафорий Девы и Николы ряса,
Гиматий на Младенце — омофор:
Не явно сходны цветовые массы,
Таинственен единства мирный спор.
У Матери пейзаж лица овален,
Ребячьей стрелки посредине уст
Покой подобран не на месте брани,
А обданный росой рябины куст.
Не стянута духовность к переносью —
Угодник сжат, как ветер на низах,
Молитву спелой рожью переносит,
Треглаз, не на два карих нанизал.
Тишайший яйцевидный подбородок
Пречистой Девы, безоглядный смысл
Пожизненных сиротских разгородок
В девичьей вечности Младенец смыл.
Во взгляд живого входит взгляд Николы,
Полевка зернышка не утаит
Под перебежкой зренья и уколом,
Как мыслью Троицу остановить.
Летают брови, умиленье мысли
Безследной Матерь Божью молодит.
И в трезвенности рук от порчи жизни
Младенец Ветхий денми не укрыт.
Себя не помнит, нас пасет Святитель,
Виски приподняты углами губ,
Нет мягкости в лице — вручил Спаситель
Тугую службу, свернутую в жгут.
В ущерб лицу преобладает череп
Младенца Духа Свята, то в чем жив,
Ни умерло, ни родилось, оцежен
Неверьем — не вместим, не погубив.
От цвета злаков слабнет тяготенье,
Вот-вот сойдет угодник. Жизнь темна,
А что перемогает — хилость тела,
Источник веденья, сосуд ума?
Мать проглядит, как жалостный Младенец
Из воздуха и Сам прежде времен
Глядит, широкий жест благословенья
Молчит и безнародьем утомлен.
Лицо слепца духовной мукой сжато,
В сноп умный свет увязан, сам не свой
И свет не твой, стяжанью Духа Свята
Святитель нищий выдан головой.
И в Матери Сын ведает иные,
В ходатаице нашей, свыше сил
Потери, ненадежную твердыню
В Отце и в Духе Святее — где мой Сын?
С небес путеводительных Николе,
Любому меж святых, блюсти покой,
Молитву русской Троицу, на коей
Нам видится не выбор никакой
Икон молельных, Сергий неспокоен,
Доспеет хоть евангелист Лука
От Богородичной первоиконы,
Через Николу очередь крепка.

1979

Из поэмы «Сны перед вечностью» Патриарх Тихон)

МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ

Так нравится, такой домашний свет
За белое окно, не в сад, а через
На монастырь Зачатьевский, да нет,
От сада до монастыря потерян,
Вот храмы по Остоженке рябят
Молитвой, тюлевая занавеска,
Синичка закатила ртутный взгляд
За медленно пустеющее кресло,
Стены беленой блеклая печаль...
С восторгом видят дорогую гостью —
Легка картинка старческим плечам —
Два мальчика с бревенчатого моста.
Пречистая сошла, икона — дверь,
Покрыт скатеркой стол, чадит лампада,
С колен молился, отдувало вверх
Прядь серую, как редкую ограду.
Больничней лип на маленьком дворе
Сутулость ровно приклонилась в землю:
— Крово-избавь-пролитья, предвари,
Дождись, пока мы мирови прибегнем,
Владычица, не жду на языке,
Звук мысленный в церковном песнопеньи
Жизнь промедляет в тихом глубоке,
В молчаньи плоти около успенья.
И если бы при Божием суде
Заспать сознанье мы не уповали,
То и в народной длительной судьбе
Дни ложные времен не занимали.
Дается Божье, не суду в залет
Покинуть остальное, дай окрепну,
В житейском море верою зальет,
Сплясала моя лодочка на гребне.
Забыла телу прилежать душа,
Любви спадала, хлеб кровит и числа,
До очерствленья времени дошла
Материя, когда почти исчезла.
Всем людом в тошноте Руси лечу,
Просыпаны копеечные мысли,
Изнемогаю родиной: врачу

Иных больных, покайся, исцелися!
Или безследно кинуты вовне,
Обречены послушным в наученье,
Без смысла шарим ощупью во тьме,
Бредем по кругу в страшном помраченьи?
Почерпнутый в источнике греха,
Когда прельстила ядовитым хлебом
Ком глины подающая рука,
Забывшим о едином на потребу.
Бог поругаем не бывает, рай:
Мы наготуем при благословенной
Земле, проклятьем проницаем в край —
Легло на самый труд народный — мерой.
Тебе, Пречистой, Сыном застит тьму —
Прошло оружье душу, эти прятки
Пробитой по примеру Твоему
Руси церковной — к крестному порядку.
Братолюбивой горести прейдем,
Сыноподобной участи потерпим.
Народный грех преодолим путем
Свободного свидетельства и жертвы.
Ходатаица к Господу, ходи
И церковь погоди, пока мы рушим,
Где лишь на взгляд Твой брезжит впереди,
Не отвечай, но предвари зовущих.
Ни помощи иныя не зову,
Разве Тебе, телесные недуги,
Надеюсь, приступаю к Покрову —
Еще годочка три пожить и будет,
Дел больно много, воля не моя,
Болеет церковь, демонам не спится,
Коснись врачебной влагою огня,
Уйми таящуюся огневицу.
Усталый патриарх прилег, кровать
Как бы душе показывать не смеет,
Глаза прикрыл, Остоженку пятнать,
Нет, комната, кровать в углу — бледнеют.
Он нервничал в кружилом январе,
Слабел и зябнул, не арест тревожит,
Все шли к нему да шли, смерть на дворе
Донской заносит, завалить не может.
Но все шутил, не ждал, что и врачи
В лечебнице откажут, побоятся
Принять больного старика, почти
Хранимого властями. — Что ж вы, братцы?
И еле дал себя уговорить
Поехать в эту бедную больничку,
Хотя бы так вот, одному побыть
Перед глазком порхнувшей вспять жилички.
А слышал и другие голоса:
Что разрешило мучимому страхом
Плетневу захлебнуться, не в слезах,
В рыданьях пасть в колени патриарху:
Не вашему святейшеству, не вам,
Не соглашайтесь только, неизвестно,
К кому, в чьи руки попадете там...
— Но вы ведь будете со мной, профессор?

1980

Из поэмы «Державная»

АКАФИСТ

Кондак 1

Заступница! На родине покров
На срок, на строгий климат православный,
Питающего дерева покрой —
Икона Божьей Матери Державной.

Икос 1

Крестьянке русской указала путь
В день обретения честной иконы:
Из колеи ненастной ни свернуть,
Ни от ушиба устелить соломой.
Нам приоткрыла тайную судьбу
Заступница у Троицы: не жалость —
Мучение на глиняном кругу.
Не радуйся, но заступи державу!

Кондак 2

Над алым сходом прежняя заря
С небесного жилища. В зреньи славы
Жизнь осветила горшего Царя
До посещенья гневного державы.

Ирмос 2

Сонм обстояний мнимых отогнать
Явлением Твоей доски сосновой.
Каким испугом сходство передать?
Источником очей возникших, новых.
От омраченных смыслов, низших бед
Вселеньем в белый сруб, едва связали...
Исходатайствуй разуму чуть свет,
Не радуйся, но просвети державу!

Кондак 3

Теперь под кров соборный посвети,
Пока не разбрелись за лиховестьем,
И образ Твой по родине в пути
Заполыхает цветом царской власти.

Ирмос 3

По темным душам шарящим лучом
Тень смертного неведенья, страх смерти
Находим, волчье время ни при чем,
Отыщем и при вечности — при свете.
Версту и срок сжигает благодать:
В тех измерениях товар лежалый...
Мать Света, русскому не передать,
Не радуйся, но подожги державу!

Кондак 4

Власть — крестная. Надежда на Тебя
Страны, промытой кровью. В исцеленье
Скорбей народных скошен до стебля
Луг родовой житейских попечений.

Ирмос 4

Властей мимотекущая строка
Возьмет да и закружится на месте:
Запросят помянуть, жизнь коротка,
Одним из двух разбойников окрестных...
Вслух не решусь, — на краешке стола:
А ну рискнут да смолкнуг, всем мешала,
Не власть имущим ноша тяжела...
Не радуйся, но пособи державе!

Кондак 5

Спаси от поднебесных. Могут нам
Расслабить душу перед пробужденьем
Нетрезвенностью, растворенной снам,
А тело леностью и нераденьем.

Ирмос 5

Следы постоя демонских полков:
Понадобилось вытоптать спасенье,
Перо без крыл, копыта без подков,
От понедельника до воскресенья.
Укреплена железною скобой,
Дверь к косяку прислонена, крюк ржавый
И — одержимые перед Тобой:
Не радуйся, но отчитай державу!

Кондак 6

Икона — Боготочная звезда,
Обтекшая прозрачной русской ночи
Алмаз. Омыта русская беда:
В день обретения пробил источник.

Ирмос 6

В веселье страшно в руки Божьи впасть,
В готовности, а каково в унынье,
Так и закинет влево духов власть,
Не вправо ли властители иные,
Пока найдешь на трезвенный родник,
Весь травяной, железистый и ржавый,
В ладонях поместился ледяных...
Не радуйся, а напои державу!

Кондак 7

Державная, среди любимых стран
В излюбленной, измоленной до камня
В четвертый раз хожденьем по судьбам
Отводишь гибель узкими стопами.

Ирмос 7

Испытывали гладом и мечом
В четвертом жребии Твоем живущих,
Сходить в ничто, не помнить ни о чем
Под страшным ветром благодати жгущим
По раскаленным святостью местам,
Разреженным присутствием дышали...
К подвижникам Твоим ради Христа,
Не радуйся, но дай пристать державе!

Кондак 8

Спасенью всех Предвечный попустил:
От камня земляную зыбь кругами,
Утрату, а не собиранье сил,
Нанес рукой Державной русских Ангел.

Ирмос 8

В глубоце ночи в памятном ряду
Прозрели землю умными очами:
До края леса тени перейдут,
В ржаной неволе будет как вначале.
Терзания не слабого страшат:
Не сильного бы демоны терзали,
А имя Господа в уме держать.
Не радуйся, поди ослабь державу!

Кондак 9

Мы — пришлые: кружим перед крыльцом,
От мельтешенья участи всегдашней
Чуть посветила жалостным лицом
К забвению мытарств в зазреньи страшном.

Ирмос 9

Витий многовещанных нищий прок:
Словцу служенье — идолослуженье.
Надежды нет упрятать под порог
Свой ум, не помраченный небреженьем.
Без заступленья Твоего пришли,
Уйдем, и Троице не помешали,
Рогожный куль словес перетрясли...
Не радуйся, будь жалостной к державе!

Кондак 10

В явленьи ангельского естества
По теплом застуиленьи — милосердье
Перед концом истории едва,
Передались гордыне, еле стерпим.

Ирмос 10

Твоей иконой возросла стена —
Ограда Русской Православной Церкви,
Внутри которой пленная страна
Еще поныне вавилоны чертит.
За вытоптанный благодатный сад
Гордыней бывшей ангельской дышали
Потерянных небес тому назад...
Не радуйся, смири Свою державу!

Кондак 11

За нами и другие налегке:
Прощенные, мы путь спасенья многих.
Со-единенье в русском языке
Пречистая со-держит в каждом слоге.

Ирмос 11

Светильники пригасли, лампы, все
Живыми светляками примелькались
За спицами в кромешном колесе,
Пока не свалит при пороге камень.
Но даже если путь окоротишь:
Не знаю вас, храните, где лежали!
А все — Твои, не хочешь, а простишь...
Не радости, хоть кротости державе!

Кондак 12

И если Некто вкладывает в нас
Хвалебный стих Владычице Державной,
Трудиться остается про запас
За инославных, как за православных.

Ирмос 12

Источник живоносный не погряз:
Державная икона смысл открыла,
От молнии пророчества зажглась,
Движенье благодати озарила.
Так в Кане Галилейской: нашу скорбь
Ты в радость претворила. Боже славы!
Державной нашей Матери ускорь
Спокойствия и радости в державе!

Кондак 13

Всепетая, проточное прими
Моление народа: мы неровня
Святым своим, Ты русских помяни,
Восстанови звено в цепи духовной.

МОЛИТВА ДЕРЖАВНОЙ ИКОНЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Заступница! Страх, участь и любовь
Утроились перед доской сосновой —
Державной — вышли из одних лесов,
Молились накрик изо всех сословий.
Мать Света, Сына только умоли
Державу отвердить в кристалл: огранен
Страданьем, инородцев отдели,
Закваску всех междоусобных браней.
Я не имею помощи другой,
Он не имеет по..., все не имеем.
Сведи, Всепетая, с дурных кругов
Готовность к худшему. По крайней мере,
Смирения и покаянья дар
Сегодняшней гордыне сделай равным,
Возьми нас в незапамятную даль
Соединенья в Церкви православной.
Прости, ни словом не превозношусь
Над совопросным грешником, до слуха
Хвалой коснуться Троицы страшусь:
Отца и Сына и Святого Духа.

1983

Из поэмы «Оптинское дерево»

МОЛИТВА

Дай, Господи, спокойно встретить тень
Дня внешнего, дожить на этом месте
Послушным чистой воле, как хотел,
Какие бы ни получил известья.
Во всех моих словах руководи

Моими мыслями, по крайней мере,
Дай утомление перенести
Любить, терпеть, прощать, молиться, верить...

1985

Из поэмы «К Блаженной Ксении»

МОЛЕБНЫМ ХЛЕБЦЕМ СЫТОСТЬ

То ли расслабевал погодный плен,
Но видеть Ксению по вольной воле
На сытную молитву в чисто поле
По слезной глине шла в поклоны что ли
И на все стороны, не встав с колен.
То каменщикам жуть не перемочь:
На церковь новую, уже темно там,
А кирпича натаскивает кто-то
На самый верх из дармовой работы.
Да это Ксения, какую ночь.
То из недуга еле зримый мост
Проглянется недвижно за икону:
— Стою себе к суду Христову. — Коли
Святая страха ради безпокойна,
Так мы от ужаса плывем как воск.
И так уже спасеньица на дне
За внутренним безмолвием, докуда
Еще молчать перед смиреньем судным,
Когда молебный хлебец сохнет, скудный,
Да корочка совсем, куда скудней.
На сторону беда и слобода,
Тут самоукореньем не спасешься
Стерпеть все находящее, и ложь вся
Повычерпана покаянной ложкой —
С намоленного места не сходя.
Чтоб не перемогая лютый страх.
С безумьем земляным в одно слежаться,
Хоть семечка озябшего держаться:
Плоду древесному откуда взяться,
Пока не вызрел внутренний монах.
Хоть от ствола отколупнуть смолы
Между хождением церковным лесом,
А не питаться, глиняным замесом,
Словесной жвачкою на радость бесам,
Не то и просто с примесью хулы.
Не на присловья собирать свой ум,
Но заключая в каждое из ряда.
А с одеревененьем нету сладу,
На понужденье сетовать не надо,
Разъединяя многих смыслов шум,
В которых не молитва холодна —
В разсеяньи просеяно помногу:
В мысль сонную кидаться на подмогу...
Да все равно она угодна Богу
И за смиренье в подвиг вменена.
Молитвой сорок суток посреди
Сухого терния, ни сном ни пищей,
Устремлена с живого пепелища
К воздетым ангелам, пока отыщет
Чего ни впереди, ни позади.
Вся эта жизнь на сорок с лишним лет
Нанесена на складах и канавах,
Спать полусидя, не ложася на бок,
Но как образовала страшный навык
За неименьем плоти, или нет,
Ведь кто бы выжил не перед окном,
Незримым чистотой ума, промытым
Духовным взором: Бога собери ты
Перед догадкой мысленной, разлитой
По зренью — горняя возведено.
Другой раз снизить бы молитву: раз
Дала двум братьям по сухой просвире.
Велела не жевать — сглотнуть не в силе,
Когда размокнет! — за отца просили
Ее молитвы, — чуть не кровь из глаз.
Едва не задохнулись, собери
По черным лицам, слабой спичкой чиркнув
У дьявола попробуй душу вырви! —
Блаженной в труд, когда святая Церковь
Молитвы за опоиц не берет...
А то не видит никого, поверх
Голов глядит, по тайному хотенью.
Как вкопанная в глину, по колени
В овраг, под образа и на ступени.
Одна, на людях — скрытая от всех.
Не трудничество опыта, не суд —
Частичка ведома: Господь сурово
Вел Ксению, не по слогам Бог-Слово :
Заткал скорбями жесткую основу.
Палимый адом глиняный сосуд.
Хотя бы плакала, чтобы простил
Неведенье ругавшимся юродству.
А то ведь месту повредила просту.
Начальствовать душе, вести к колодцу.
А ты давно и ведра упустил.

1990

* * *

От Меня это было...
Безымянная молитва

Загородишься от наказанья —
Не крыло залепило, слепя,
От Меня это было: касаньем

Нас задело двоих, а не знанье
Мне позволило выбрать тебя.
Искушенья начнутся и спи ты
Или бодрствуй, хваля и кляня,
От Меня это было: защитой —
Обреченность твоя быть убиту
И возможность восстать на Меня.
А пока что не до смерти гонят,
Обучайся смиренью живьем.
От Меня это было: нет дома,
Но тебе, не кому-то другому
Обозначено место твое.
Твердь духовную взялся расчислить,
А своих не растратил богатств,
От Меня это было: зависеть
От Меня — о тебе я замыслил.
Бог захочет — в окошко подаст.
Что скорбеть, и болезни все те же:
Позабудешь на груде камней.
От Меня это было: повержен,
Даже если не будешь утешен,
Все же ты обращайся ко Мне.
А искать в этом мире зеркальном
Кто б тебе твои вины скостил,
От Меня это было: за камнем
Как за Господом, но предоставь Мне
За смерть вывести, раз допустил,
В страшном свете любви Я податель
Многой горечи или слегка,
От Меня это было: предатель,
Не исправишь своих обстоятельств,
Ты орудие, а не рука
Совершенья особого дела,
Краснотой натекает платок,
От Меня это было: владела
Жизнь, морочила, сколько хотела,
Чтобы сладко сошла за ничто.
И на гребне успеха не в пользу
Ты на слово Мое положись.
От Меня это было: Господь твой
Наградит окаянной работой,
Пораженьем во всю твою жизнь.
В руку дам тебе плошку с елеем,
Слабых благословляй неспеша.
От Меня это было: знаменье
Злая немощь твоя — откровенье,
Пусть помазана накрест душа,
Проницаема всякому жалу,
Принимай — это все нам двоим.
От Меня это было: начало,
От Меня это есть: если мало,
От Меня это будет. Аминь.

* * *

Под пряжей Богородичной над русской
Над родовой равниной до тепла
Не все любовь уходит через руки,
Все вьюгой ли? да вся из серебра...
Не паутиной — духоносной пряжей
Восхищенная, жизнь свалялась в ком,
Когда б не разбиралась на лебяжьи
Целительные имена икон.
Заплакать в голос, а спросить совета?..
Да и покуда он дойдет, ответ...
В черед Неувядаемого Цвета
К Взысканию Погибших, хода нет,
И так опередит Скорбящих Радость
Всех и Моя Печали Утолить,
Сама пылает Огневидной Раной
И Вододательница — дождик лить.
Хлебов Спорительница, Мати Дево,
Скоропослушница, а все конец —
Заступит нас перед сыновним гневом
Последним: Умягченье Всех Сердец.

РЫБЫ СВЯТИТЕЛЯ СПИРИДОНА

Глухие ставни затемняют скорбь
Внутри домка, снаружи запустела
Кормящим огородцем под забор
Не потому, что чернота густела
И дом в потеках земляных намок.
А в комнатке натопленной и ладной
Лежал отец, почти и есть не мог:
— «Мне б рыбки свежей...»
В безвести голодной,
Что дочь и рада досмерти поспеть,
Когда он запросил на Спиридона —
Пошлет святитель? Где ж его искать? —
Не загражден канавкой рынок рвотный
Во вшах войны: всего-то началась
На Всех Святых, сиять в земле российской
Пригвождены. Тут переночевал
Старик-торговец в новой телогрейке
Или принес продать немного рыб
В лихую рань, торговок одиночных
Не задевал, тряпицу приоткрыл
И протянул улов: — «Возьми-ка, дочка...»
Да припозднилась: в общий русский дом
Снести все Божьей Матери дары бы.
— «Ведь это ж сам святитель Спиридон,
По описанью твоему, дал рыбы...»
Кто нам еще подаст за всю-то жизнь:
Мир обшивает — с голого по нитке,
Нигде искать укрывья не берись,
За истощение беды молись:
«Да будет воля Твоя» — по молитве.

* * *

Давно умрем и то едва узнаем,
Безумьем поновляя полноту
Господня содержания за краем —
Незнанью подали на нищету.
Все, что намолим — не перетекает
Хрусталика, но выплеском из пор
Не нажитое дно пересекает,
А на отлете отмирает хор
И может быть неведеньем продлится
Ввиду необратимых перемен,
Пока успеется еще молитва
С колен. Да даже сам подъем с колен...

* * *

Перед тем помолиться небольно,
Как истратить словарный запас,
Прерывая дыханьем невольным
Говорящего с Богом о нас,
Но когда задохнувшийся в вате
Позади неизбежных минут
Заскулит-засвистит виноватый,
Извещенный, что все еще тут
Страшный Бог, соучаствует в боли,
Чтоб молитва тебе помогла,
Может ветер из каменной соли
Выдувает такие слова?

* * *

Искушением первого дня
В новом возрасте в прежнем обличьи
Старость празднично манит меня
За сквозным дребезжаньем синичьим.
Гулкий лес не по-зимнему власть
Применил от порога и мне бы
Впору и на колени упасть
Пред иконою чистого неба.
Тут — родник в домодельном ковше,
Тело хлебное мирного Спаса
На дощатом столе раскрошил
За молитвой последнего часа.

* * *

Не как я хочу, но как Ты.
Мне-то прежде хотелось летней
Чистовой, повторной судьбы.
Настигает совесть молитвы:
Даже если до холодов,
Своевольная и не строго
С губ сотрется не пеной слов,
Принижая образ трудов,
Забоюсь нагнуться, потрогать —
Обожженною, с проводов,
Чуждой ласточкою к порогу.

* * *

Колени подклонил и пост окончил робкий —
Из склизкой убыли мерзеет всход рябой,
С безместной святостью повязаны веревкой:
Гусиной травки пух — над жизнью и покой.
Или пригнул спиной домашний камень,
А душу с пальцев краешком пустил.
Не то — ходимый по горе — руками
Себя опрятал, хлыстик возрастил.
Иной ел хлеб, а за куском — калитка
И мысленная трапеза длинна...
А тот стоял, поя, — дак вот, молитва
С дыханьем рядом запечатлена.
Заждавшихся прошьет под прелой кожей,
Ступней наколет жаркую стерню.
Не дознана вчерашняя похожесть
На жизнь подобную монастырю.
С ней будучи разлучены исходом
Надмились зреньем, что нам предстоит,
Кто чем предпослан за отменным сводом —
Молитве в слезы вымученный стих.
А даже безымением предпослан —
Унылый ангел зашагнет в покой:
А там топчан тряпицей чистой постлан
И досаждаю ближнему собой.

ПОМЯНИ, ГОСПОДИ

Пять сосен, клонящие рядом
Налево, на той стороне,
Стволы с береженым надсадом,
Пропали в беленой стене
В заведомо долгую муку,
Но имя запомнить вольны
Простое, как выстрел из лука
Сквозь пену эгейской волны,
С гомеровой скудной догадкой
Пока не сольются в одно
Два мира в прозвании кратком,
Как винное это пятно.
Но будто бы между двоими
В зазор не ладонь протяни —
Забытую душу и имя
Раздельно, Господь, помяни.

У ИКОНЫ

Ручательством истины, черной доской,
Втянуло молитву незнаемой силой
Коптящего пламени, быстрой осой —
От боли обычную жизнь окружила,
Теряется не безпорядочный вид,
Не то чтобы звери и птицы по чину
В пейзаже построены и предстоит
Иконе до развоплощенья в картину
Прожиточной святости — всем не взойти
Не в образ, вот разве из первого детства
В ныряющем перышке можно найти
От пришлого ангела в робком соседстве...

МОЛИТВА АНГЕЛУ

Чтоб сызнова не одарить
Сырой лихорадкой любовной,
Совсем отучи говорить,
Мой ангел живой, малословный,
Когда ни язык не спасет:
От всякого слова ломает,
Вот разве веселость растет
По мере как речь убывает.
Не вслед за собой отлететь —
Бездетному, злому, больному,
А просто укрой от людей
И не вразумляй по-иному,
Что было отдельно, поврозь,
Записано хоть на ладони,
Молитвенно передалось
Как бабочка легкой иконе.

КРЕСТИНЫ

Некрещеные ангелы. Жизнь пополам.
Полстраны на войне. В тридцати километрах
От пустынной деревни открывшийся храм
У дороги, продутой соломенным ветром.
На телеге с десяток притихших детей.
Не впряженные матери, бабушки, тетки,
Ни лошадки, с безкормицы павшей, не те —
В той же упряжи нищий Христос посередке
Ребятишки постарше всю грязь в октябре
Донесут на ногах, чтоб в обувке последней
Чистый храм обрести, где в худом алтаре
Новомученик будущий служит обедню,
Дух Святой. В оловянной корчажке вода.
Ни свечи: смоляная лучина мерцает.
Над страной то одна, то другая беда.
— Отрицаешься от сатаны? — Отрицаюсь.

23 апреля 2006 ,
Пасха Христова

* * *

Любе Елизаровой

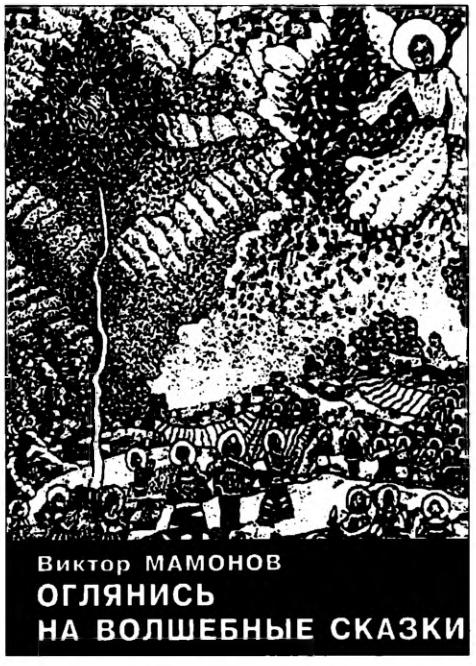
Еще богатый мне не подает,
А бедный не берет, но по-иному,
Молюсь: незрячий, помоги слепому
С пути за много дней тому вперед,
Один Господь, в таинственную рань
Создав из дерева живую душу,
Завесил непрозрачную снаружи
И между ними милостная ткань.
Неведомый ходатай за меня,
Да сам пришелец не бросает тени:
Серебряную не достать с коленей,
Пока монетка катится, звеня.

11 мая 2006

* * *

От уединения и молчания раждается умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: воды Силоамли текущія тисе.
Из наставлений преподобного Серафима Саровского

Не птицы совершают круг
Осыпавшись страницей книжной —
Душа осталась неподвижной
Пересекая свой испуг,
Как будто запершись на ключ



За дверью комнаты вчерашней,
Необъяснимой и нестрашной,
Как медленный студеный ключ.
О, ангел мой, благослови
Благополучно удалиться
И второпях не домолиться,
А не подсказывай слова
До внутреннего срока мне.
Да просто вымолчать по капле
Подобно водам Силоамли,
Текущей тихо, меж камней.
Или внезапным разуменьем
Не выразить, не передать
Божественное посещенье,
Нечаянную благодать?

15 мая 2006.

* * *

Ларисе Прокофьевой

Весь мир болит и стонет. Эту боль,
Перемогая высший смысл страданья
Позволено нести перед собой,
Утаивая в муках умолчанья
Или открыто называя, тем
Отзывчивее совесть: очищенье
Больной души ещё возможно всем,
Чем чаще это Божье посещенье,
И нужно-то всего произнести
Безумную сердечную молитву,
Чтобы Спаситель мог к тебе войти
Хотя б в полураскрытую калитку,
В протянутые руки передать
Или вложить в клочок души записку.
И если мне позволено страдать,
То я ещё не обречён, но взыскан.

16 октября 2008

МОНАХ ААЗАРЬ (АФАНАСЬЕВ)

* * *

Вот я стою в преддверии...
— Веруешь ли? Не лги!
— Верую! Моему неверию,
Господи, помоги!
Душу ослепшую, вялую,
Боже, восставь, пробуди!
Веру умножь мою малую!
В правде меня утверди!

* * *

Солнце еще не зашло.
Ярко заката горенье...
Душу мне грустью зажгло
Это вечернее пенье.

Сколько раскаянья в нем,
Тихого сколько смиренья,
Сколько надежды притом,
Радости и умиленья...

Господи, призри на ны,
Жаждущих ныне спасения, —
Трепетной веры полны
Звуки вечернего пения.

* * *

Малое стадо! О малое стадо!
Путь твой лежит среди дыма и смрада,
Там, где душа замирает от стужи,
Там, где дорога все круче и уже...
Люди восходят к небесным чертогам
Тесным путем, заповеданным Богом, —
Всё претерпевшие, ждет вас отрада!
Будь же безстрашным, о малое стадо!

* * *

Восходит солнце понемногу...
Слава Богу! Слава Богу!
Засияли храма главы...
Богу слава! Богу слава!
Подошла весна к порогу...
Слава Богу! Слава Богу!
По кустам грачей орава:
Богу слава! Богу слава!
Песнь — два слова по два слога:
Слава Богу! Слава Богу!
И другой не надо, право:
Богу слава! Богу слава!

* * *

Со святыми упокой!..
Человек он был мирской,
Совершенно незаметный.
Только в час он предрассветный,
В уголке своем таясь,
Плакал, истово молясь.

Со святыми упокой!..
Нескудеющей рукой
Подавал он братьи нищей,
Часто сидя сам без пищи.
Так и жил день ото дня,
Совесть чистую храня.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Взгляни, о брат мой,
Как мир наш весел, —
Поет, обрадованный:
Христос Воскресе!
И птичьи песни
По поднебесью:
Христос Воскресе!
Христос Воскресе!
В весеннем свете
Все краснолесье
Целует ветер:
Христос Воскресе!
Сей вести рады,
Ликуют веси,
Ликуют грады:
Христос Воскресе!
Звон колокольный,
Мне в душу льется
Как зов раздольный:
Христос Воскресе!
Восторгом вести
Пронизан весь я:
Спасенье есть нам!
Христос Воскресе!
О день весенний,
Как ты чудесен!
Есть воскресенье!
Христос Воскресе!

СВЕТИЛЕН

Богородице, Матерь Света,
Помолись ко Христу о нас,
Чтоб неяркое наше лето
Светом полнилось как алмаз,

Чтобы весело днем погожим
Все блистало, росло, цвело,
Чтобы все покрывало Божье
Чудодейственное тепло!
Чтобы всю осиял природу
Свет, которого ярче нет,
Чтоб и нас, как речную воду,
Пронизал тот небесный свет.
Благодатью душа согрета, —
То безмолвный Господень глас...
Богородице, Матерь Света,
Помолись ко Христу о нас.

К БОГОРОДИЦЕ

Светоносная Сене,
Без тебя все тщета, —
Даже в полдень весенний
На душе темнота.
Ты спасение наше,
Тишина наших чувств, —
Чистой радости Чаша
Для молящихся уст.
Ты в терпении многом,
Не уснув ни на час,
Молишь Господа Бога
О прощении нас.
Даже если устанешь,
То, сомнения нет, —
Никого не оставишь,
Кто к Тебе вопиет.

* * *

Тебя в сердце убогом
И дома и в храме святом
Просил я, о Боже, о многом,
Но чаще всего не о том.

Дай то, что всего мне дороже,
Чем жить и дышать я рожден, —
Подай мне любовь Тебе, Боже,
И буду я с нею спасен!

* * *

Помилуй, Владыко вселенной, —
Мне глаз не поднять к небесам.
Душа моя — храм разоренный,
И тот разоритель — я сам.
Я храм этот строю и рушу,
И падаю день ото дня...
Спаси мою бедную душу
От дьявола и от меня!

* * *

Господи! Веруя, ведая,
Что не забыл меня Ты,
Перед Тобой исповедую
Ужас моей нищеты.

Господи! Недруги злобные
Душу мою обошли...
Чистому небу подобные
Помыслы Ты мне пошли.

Господи! Силой чудесною
Душу мою напитай, —
Даруй мне мертвость телесную,
Смертную память мне дай.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Добрый крылатый дух,
Данный мне Богом друг,
Ангел-Хранитель мой,
Трудно тебе со мной.
Трудно с собой и мне,
Можно сойти с ума:
Чую — горю в огне...
Вижу — объемлет тьма...
Ты налетел как смерч,
Насмерть стоять готов, —
Твой безпощадный меч
Гнал от меня врагов.
Ныне я слеп и глух,
Сбился опять с пути...
Добрый крылатый дух,
Выведи! Защити!

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Грозен грех, что летит
Как стрела разжженная, —
Помолись, защити,
Ксения блаженная.

Все страшней враги
Нашего спасения...
Помолись, помоги,
Блаженная Ксения!

Все труднее наш путь...
Что-то с нами станется?
Помолись, не забудь,
Блаженная странница!

Милосердный наш Спас,
О святая Ксения,
Да помилует нас
За твои моления!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Зимний лес, ты чудо Божье!
Наши взоры веселя,
Ты сверкаешь в день погожий,
Как дворец из хрусталя!

Царство холода и света,
Чистоты и красоты, —
В полудреме сыплешь с веток
Серебро и жемчуг ты.

Посреди дубов былинных,
Возле сосен золотых
Письмена следов звериных
На сугробах голубых.

Здесь коленопреклоненный
В тишине своей смиренной
Светлый Ангел в этот час
Богу молится за нас!

Из цикла «Венок близким моей душе деятелям культуры XIX века»

* * *

Они учили языку родному,
Любви к Руси — отеческому дому,
Как бы распахивая двери в сад,
В простор благоуханный, в небеса,
Где краски, звуки — все неповторимы,
Где чудны весны и волшебны зимы, —
Наш мир, в котором красота и лад,
Где всякий листик ангелы светят,
Где над полями, над раздольем вольным
Звучит глас Божий звоном колокольным.
Русь — Божья: какбы ни была трудна
Ее судьба — все выдержит она.

КРЫЛОВ

В одной не так уж толстой книжке
Сошлись лягушки, рыбаки,
Ослы, медведи и мартышки,
Разбойники и мужики.

Тут Моська, Лебедь, Рак и Щука,
Тут Тришка и Демьян с ухой, —
Все для того, чтобы наука
Как жить — не сделалась сухой.

Чтоб в полусказочном обличье
Живее басенка была, —
Чтоб как Евангельская притча
Вернее на душу легла.

ЛЕРМОНТОВ

Он в отрочестве зло постиг —
Оно его страшилось взгляда,
И Богом дан ему был стих,
Бичующий все силы ада.

Он вызвал Демона на бой,
Разоблачил его коварство,
При жизни всей своей судьбой
Пройдя бесовские мытарства.

Любовь и вера были с ним
На краткой жизненной дороге, —
Да, он любил и был любим,
Но счастье видел только в Боге.

ИВАН КОЗЛОВ

Ослепнув, стал Козлов поэтом,
Душа его небесным светом
Озарена была в тот час,
Как свет в очах его угас.

Затем утратил он движенье, —
Но Бог открыл ему с тех пор
Весь богосозданный простор,
И даль и высь в воображеньи.

Не видя, пел он красоту,
И всею силой вдохновенья
Он до последнего мгновенья
Душою предан был Христу.

Не знаменит сегодня он,
Но не ржаветь же золотому, —
И кто не подпоет родному
«Вечерний звон... Вечерний звон...»

ВАДИМ КРЕЙД
(США)

Вешний день, вишневое цветенье
и круженье пчел —
самое простое поученье
заново прочел.
Май весны и сад благоухает,
вот уже сирень
лепестки под солнцем распускает,
и лиловей тень.

Самая невинная затея —
лечь в тени в траву,
на шмеля мохнатого глазея,
сочинить строфу —
про сирень, шмеля, цветенье вишни,
вот про этот час,
зная, что глядит на нас Всевышний
и что любит нас.

* * *

Когда вечерний горизонт
как храм сооружен,
когда невольный этот сон
уже преображен,
таись, молчи, не говори,
сожги свои мосты
в пунцовом пламени зари,
как стружки бересты,
и пусть земля небес милей,
ты не гляди назад
на этот бред земных полей,
на этот грустный сад.

* * *

Час четвертый — и солнце и лето,
смоляные стволы на холме,
в дланях Бога согрета планета.
Ты сидишь на скамье, на корме.
Все затихло на озере сонном —
листья лилий, лазурь, иван-чай,
в этот час в этом месте укромном
слышать музыку сфер невзначай.

Ветер стих, не качается вереск,
счастьем пахнет горячий чабрец,
и мыслительный длительный дребезг
покидает твой ум наконец.

Медных струн в отдалении близком,
еле слышным над зеркалом вод
Рокотаньем... их гул обелиском
благодати в лазури плывет.

* * *

Господь, легка Твоя свобода,
как сразу в грудь она легла,
от небосвода к небосводу
она влекла, она влекла,

вернув надеждам и затеям
их кристаллическую соль,
и поневоле ротозеем
стоишь среди былых неволь.

* * *

Без племени и без рода,
без родины, без любви,
без крова, без идеала,
без звона стихий в крови,
без мира, без друга, без блага
земного светлого дня,
но только бы не без Бога,
а если —
то без меня.

АНДРЕЙ ГРУНТОВСКИЙ
Санкт-Петербург

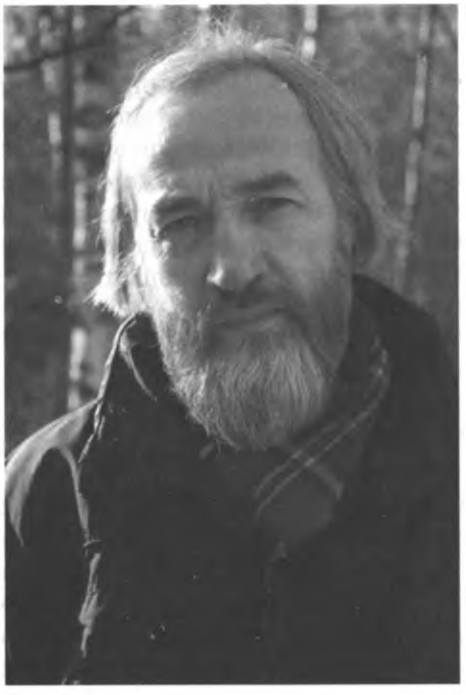
* * *

Я сижу, гляжу на Бога,
Бог с иконы — на меня.
А грехов-то было много,
А душа-то, как змея
Извивается и блещет,
И скользит, скользит, скользит,
И на Истину клевещет,
И на Господа — шипит.
Я сижу, гляжу на Бога.
Бог глядит... — молчи, молчи!
Отвернешься хоть немного
И провалишься в ночи.

1984

МОЛЕБЕН ПО УБИЕННЫМ СОЛДАТАМ

Не под Божьим крестом,
А под адским огнем,
Под тяжелым под братским,



Гранитным холмом,
Или в поле пустом...
Кто зарыт, кто забыт,
А кто просто пластом
Под ракитой лежит...
Спит солдат вечным сном,
Спит солдат вечным сном
Не отпет, не оплакан,
Не прибран холстом...
— Ты свое отстрадал,
Отстонал, оттужил —
За державу недужную
Кости сложил...
И твой ворон давно
Откружил над тобой,
Над фанерной осевшей,
Ослепшей звездой.
Спи, солдат, вечным сном,
Спи, солдат, вечным сном,
Ты потом нам расскажешь
Что виделось в нем,
Когда встанем вдвоем
Перед Божьим Судом...
Только это потом,
Это будет потом...
А пока над страною
Бушует Распад,
Спи спокойно, солдат,
Спи спокойно, солдат... —
Вот полвека прошло,
Он глаза приоткрыл —
Он услышал дыхание
Ангельских крыл.
И все чудится будто:
«За Родину мать...»,
А его серафимы
Пришли отпевать.
Опустился Господь
На колени пред ним,
Перед грешным, забытым,
Забитым, земным,
Некрещеным, с звездой
Опаленной во лбу,
И с чудовищным веком,
Что нес на горбу, —
И вот с этим свинцом,
Что остался в груди,
И с распадом империи,
Что впереди,
И со всем этим скарбом,
Что даром он нес
И не спасся при этом... —
Заплакал Христос...
И тогда с преисподни,
Из мрака, со дна
Поднимается к праху
Солдат Сатана:
— Здесь ни правых, ни праведных,
Господи, нет,
Ибо темень они
Принимали за свет.
И молились безумным
Кровавым вождям,
И поэтому их я
Тебе не отдам.
— Но любили они
Своих жен, матерей,
Но ласкали своих
Светлоглазых детей,
И прощались они
На пороге в слезах,
И в последнем броске
Пересилили страх.
— Но не праведны были
Дела их и смерть,
И расстрелов, и пыток,
И тюрьм круговерть.
И вот здесь на земле
Средь бараков и средь...
Божье Царство они
Помышляли узреть!
Презирали Тебя,
Умерщвляли Тебя,

В каждом слове их звякал
Металл от гвоздя,
Что вогнали их предки
В священную Плоть,
А они, сомневаясь,
Спешили колоть...
Но никто не покаялся
В этом и Там —
И поэтому их я
Тебе не отдам!
Но ответил на это
Господь:
— Сатана,
Не для этого Я
Опускаюсь до дна,
Не для этого Я
И на крест восходил,
Не для этого жизнь Я
Тебе подарил.
Ведь не строится Храм
На крови... на крови...
Ибо каждому дал Я
Как должно любви...
Не на торг Я пришел,
Не на брань, не на суд —
Я погибшие души
До время пасу.
Ибо близится день,
Ибо близится срок
Назначенье которых
Понять ты не смог.
Только это потом...
Только это потом...
А покуда солдаты
Спят медленным сном.
Кто под Вечным огнем,
Кто под Млечным Путем,
А кто просто пластом
Дремлет в поле пустом...
Спи, солдат, вечным сном,
Спи, солдат, вечным сном,
Ты потом нам расскажешь,
Что виделось в нем...
Я покуда молебен
Тебе отслужу,
Я покуда о небе
Тебе расскажу.
Спи, солдат, Божьим сном,
Спи, солдат, Божьим сном —
Мы ведь тоже уснем,
Все до срока уснем.

1992

* * *

Оставят скорби лишь на миг,
Утихнут боли.
Я Твой неверный ученик —
Никак не боле.
Велицей Милостью Твоей
О Сыне Божий,
Помилуй гибнущих людей —
Иначе кто же
Нас оградит и упасет
И путь укажет?
Прости нас, Господи, за все,
Иначе как же...

1992

БОГОРОДИЦА
(перед образом)

В темном Лике Твоем небесном
Тает свечкой земная Русь.
Неужели и я воскресну,
А, воскреснув, к Тебе вернусь?
Жил я грешно и верил мало —
Крест таков, такова стезя,
Но звезда надо мной сияла,
Та, за коей нейти нельзя.
Потому-то и верю в чудо,
Потому-то несу свечу...
А забудусь — Тебя забуду,
Уподоблюся палачу.
В темном Лике Твоем небесном
Тонет, тонет златая Русь...
Быть не может, что не воскресну,
Не воскресну и не вернусь.

1992

СЛОВО

Господи, гвозди голгофские
Снова вбиваем в Тебя.
Мы позабыли о Господе,
Слово Его теребя...
Слово его изначальное,
Слово, что прежде всех лет,
В грешных устах измочалили,
Тьму выдавая за свет...
Господи, Господи, Господи,
Чуден Твой праведный мир!
Пажити, пустыни, росстани —

Сколько молитв и могил!
Сколько, чего мы не ведаем,
В мире чудесном Твоем,
Сколько пропето над безднами,
Сколько еще пропоем
Грешного, может, и сущего —
Будем страдать и тужить...
Господи... сколько упущено...
Сколько отпущено жить...

1995

СТИХ О ГРЕШНОЙ ДУШЕ

На вольном свету не век вековать,
Сколь не царствовать, сколь не праздновать —
Смерть в черед придет, в угомон возьмет.
Плоть минуется — душа останется,
Плоть минуется — душа останется...
Плоть к червю пойдет — душа к Господу.
Девять дней душе у плоти сидеть,
Девять дней душе на себя глядеть,
На десятый день придут ангелы,
Придут ангелы со архангелы,
Показать душе Царство Божие
Хоть одним глазком да один разок,
Чтоб с того душа переправилась,
В окаянстве бы поубавилась.
Возьмут ангелы душу грешную,
Понесут ея в тьму кромешную.
Тридцать дней душе в преисподней быть,
Тридцать дней душе по углям ходить,
Во грехах своих красоватися,
Оку Божьему не казатися.
В сороковый день понесут на Суд,
Понесут на Суд душу грешную,
Душу глупую, поперешную.
Кабы ты, душа, не глупа была,
Не глупа была, не перечлива —
Понапрасну бы не мытарилась,
Судье милостиву бы преставилась.
Кабы сам Судья Иисус Христос
Эту душеньку во руце понес
До того ли Суда до Страшного,
До того ли до гласу трубного,
Когда мать земля вся раскроется,
Царство Божие вдруг устроится...
А глупа душа, ты поди пока в огонь,
А глупа душа — потрудись-ко нонь.
Не потрудишься — не покаешься,
Муки вечныя не избавишься.
Ты жила, жила — не спасалася,
Во грехе, душа, — спотешалася.
Не несла креста, не блюла поста...
Так к кому теперь, окромя Христа...

1999

* * *

Ты приснилась мне на Троицу,
Как тебя я долго ждал...
Вот бы рядышком пристроиться —
Век бы плакал, обнимал.
Век бы пели наши песенки,
Что нам день и что нам ночь...
После пения небесного
Наше здешнее невмочь.
Ты приснилась мне на Троицу...
Что же, плакать или петь?..
Я проснусь, и все устроится,
В том числе и жизнь, и смерть.

2000

* * *

Сейчас в раю, должно быть, осень,
Не вечно ж и ему цвести?
Плывет есенинская просинь,
Плывут по сини журавли.
И вы, поющие пред Богом,
Нас помяните в добрый час.
Обителей у Бога много
И разлучить Он может нас.
Мы вас молитвами забыли,
Как забывает человек.
Но вы-то помните, вы были
И есть, и будете вовек.
Обителей у Бога много,
Так помолитесь в добрый час...
Мы слабые, мы пред порогом,
Мы с вами встретимся сейчас.

2000

* * *

Снег кружится, сыплет меленький,
В вышине — вороний грай.
На твоей могилке беленькой
И зимой и летом рай.
Дерева в морозном инее,
А за инеем — закат.
Словно в Царствие незримое
Мы шагаем через ад.

Тает, тает, тает свечечка
И от холмика тепло...
Все минулось человечее,
Над закатом протекло.
И уже иного берега
Проступает в небе край
Над твоей могилкой беленькой,
Где снежок присыпал рай.

2000

МОЛИТВА

За валом вал, за валом вал
Бежит волна на Валаам.
Гуляет море, а гранит
От сотворения — стоит.
А в келье молится монах
И четки движутся в руках:
«Помилуй мя, помилуй мя...» —
С монахом молится земля.
Перебирая валуны,
Идут полночные валы...
Вздыхают в сумраке моря:
«Помилуй мя, помилуй мя...»
Спит безпечальный человек,
Земля — космический ковчег
Сквозь Млечный Путь плывет, пыля:
«Помилуй мя, помилуй мя...»

2001

* * *

Клал я злато по сини
И опять, и опять...
Все икону России
Помышлял написать,
Коль не краской, так словом...
Не кружи, воронье!
Затуманился снова
Лик нетленный ее.
Речку каждую, рощу,
В рощах тех — голоса...
По наитью, на ощупь
Все писал и писал...
Наших предков усопших,
Во грехах и святых:
Не могилою общей —
Светлым сонмом живых...
Пусть другие допишут,
Если я упаду,
Пока ангелы в вышних
Поднимают трубу...
Пока тянутся губы,
Пока ладится медь,
Пока страждущих губит
Неуемная смерть...
И покуда по силе,
И покуда дышу —
Я икону России
В ваших душах пишу.
...Пусть хоть самую малость —
Сердцу, а не уму,
Чтобы после осталось
Помолиться чему.

2001

ЧТО БУДЕТ...

Что будет с Россией, что будет...
А главное — ведаю что...
Не сбудется, Боже, не будет
Ни это, ни то и не то!
Не вымрет, не станет кавказской,
Не сколется, суть не пропьет!
Пусть ведаю, верю, как в сказке
Иную судьбу обретет!
Иную, иную, иную,
Но только не этот содом...
А ежели всё же такую...
То как же, то что же потом...
Открестимся, плюнем и камни
Подымем на Родину-мать?..
Пустыня Российская, как мне
У сердца тебя не прижать!

2003

* * *

Вострубили трубушки в небеси,
Разнеслось по матушке, по Руси...
По морям, по реченькам, по лесам
И опять аукнулось небесам.
Разошлась, растреснулась Мать-сыра-земля,
Встали с плена тленного — сосчитать нельзя...
И, как море пенное, отрясая смерть,
Вся встает вселенная — Божий суд узреть.
Всяка тварь воздвигнута от земли:
В порт свой не пришедшие корабли,
Летчики, сгоревшие в небесах,
Схимники, узревшие чудеса,
И дите, успевшее чуть вскричать,
И зверье уевшее... Вор и тать,

Даже змий с ехидною днесь восста...
Ну а кто за пазухой у Христа?
— А народ наш мученик, а народ! —
Он-то в Божьей рученьке Правды ждет,
Он ведь страждет-верует в Божий суд...
Всем воздастся мерою — в этом суть.

2004

* * *

Я долго, долго слушал вечер,
Пока не смерклося окрест,
Дерев таинственное вече,
Воздетых сучьев скрип и треск.
А ветер, ветер над долиной
Все гнал куда-то облака...
Закатные наполовину
Они светилися пока...
И мрак настал... И тихо, грозно
Взирало око с небеси.
И проступили в небе звезды,
И повернулись вдоль оси.
И свет их, осиявший души,
Шел от пределов бытия...
А я все слушал, слушал, слушал,
Как длилась эта лития.

2006

* * *

Какие лица русские,
Какая благодать!
Какие песни грустные —
В словах не передать!
А есть еще веселые —
Их петь — не перепеть.
Когда гуляют селами, —
Играет лес да степь...
— Сияйте, нивы вешние,
Балуйте, облака...
Над крышами, скворешнями
Теки, времен река!
Лети в зенит, журавушка,
Бегите, мураши!
Россиюшка, сударушка! —
Пристанище души...

2003

* * *

Не осталось для лирики времени,
Не осталось для лирики мест.
Вот Антихрист пришел из Америки —
Прибивает Россию на крест.
И поникла она, и покорчилась,
И обмякла уже на кресте,
Но покуда еще не покончилась...
Видно, сроки, ребята, не те.
И поет ее вещий соловушка,
И летят над селом журавли...
Только кровушка,
кровушка,
кровушка...
Так построим мы храм на крови!..

2008

* * *

Снова выйдешь утром рано...
Спит туманная река.
И глядят седые храмы
Через воды — в облака.
Будет новая Россия,
Вся подымется с азов,
Потечет под небом синим
Журавлиный вечный зов.
И под тот осенний клекот,
И под ту степную грусть
Мы уйдем, но издалека
Заглядимся в нашу Русь.
Из безумной черной глуби
И с сияющих небес...
Мы и ту ее полюбим,
Мы и Там не сможем без...

2009

* * *

Нам светит солнышко осеннее
И причитают журавли,
И наше счастие-спасение
В такой дали, в такой дали.
И на поля на наши грустные
Такую хмарь наволокло...
А что, уж разве мы не русские,
Как т а м хотелось бы давно!
А что, уж разве мы без совести,
Без глаз уже и без сердец
И у сия печальной повести —

Навек прописанный конец?
И нам судьбу переиначивать
Уж не достанет боле сил?
Мы долю выбрали собачую...
Собачью, Господи, спаси!
Живем, покуда не покаялись
И ждем спасения извне,
Организуя апокалипсис
В отдельно проданной стране...

2009

* * *

Души заброшенное капище
Грехом не искупленным жжет...
Пасхально красненькое кладбище
Меня в свои объятья ждет.
Иду, здороваюсь с соседями
По бытию-небытию.
Мы в коммуналке общей съедемся
И там отслужим литию.
А все поминки, все надгробия,
Все это — вам, все это — днесь...
Да что там, ваше преподобие...
Да хоть бы с краюшку да здесь!

2010

* * *

Не прободенны, ни распяты,
И не хотим умирать...
Все мы ехидны и аспиды —
Грешников вечная рать.
Каемся, каемся, каемся
И продолжаем грешить...
Это у нас называется
Словом загадочным «жить»,
Небо над нами смеркается,
И очевиден итог.
Каемся, — нет, — перекаемся,
Бо возлюбили порок...
Ну а ошуюю, одесную
Божия льет Благодать:
Песню Христову воскресную
Вторит Россиюшка-мать:
Христос Воскресе из мертвых
Смертию смерть поправ...

Так отчего же не слышим мы,
Так отчего ж не поем?
Дышим? — уже и не дышим мы,
Да и уже не живем...
Что впереди — апокалипсис...
Будут ли нас поминать?
Ну а пока не покаялись,
Божья течет Благодать:
И сущем во гробех живот даровал...

2010

* * *

Дом порушен, и под куполом
Не укрыть от бед народ...
Что содеяли мы, глупые!
Чем латать небесный свод!
Нету, нету покаяния,
Не отмыть пилатам кровь...
— Умалите, окаянные,
Не снимать святой Покров:
На полях ничто не родится,
Бесы в сумерках парят...
— Ах, куда ты, Богородица?
— А куда глаза глядят...
Ни во что уже не верится,
Что там, что там впереди?
— Пресвятая Погорелица!
Насовсем не уходи!

2010

ЛИДИЯ ПЕРЦЕВА

Тамбов

НАПИТАЛА БОГОРОДИЦА

Песня

Ой, ходила Богородица по тумановой траве,
Раздавала Богородица кому горстку, кому две.
Да от солнечного светушка, да от Божьего тепла,
Напитала Богородица от велика до мала.
Пробуждайтесь, поднимайтесь Вы,
наполняйтесь силою,
Чтобы день прожить по-Божьему, всех спасу,
всех милую.
И бежали реки быстрые, оживали травы дольные,
Чтоб по свету честью выстоять, просыпались
сердобольные.
А когда закат надвинется, шла дорогою
возвратною,
Дабы ночке не обидеться — вместе с ней волна
откатная
Забирала бодрость раннюю, да несла
покой и сонницу,

Словно нас щадила раненых,
обгонявших время — звонницу.
Мне говаривала бабушка: «Бог подаст,
коль рано встанется.
На закате не ложись, вся-то воля одурманится».
Так и ходит Богородица на рассвете и в закат,
Окормляя всех, кто родится, — от цветочка
до ребят.
Ой, ходила Богородица по тумановой траве,
Раздавала Богородица кому горстку, кому две.
Да от солнечного светушка, да от Божьего
тепла
Напитала Богородица от велика до мала...

ГОСПОДИ!

Дай превозмочь все смуты дня,
Во всех делах наставь меня.
Не клевеща и не виня,
Всех оправдать, покой гоня,
Не унывая, все принять,
Молитвой мысленно объять
Все время. Божью благодать
В трудах и день, и ночь стяжать.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Лето ль в гости пришло к детворе,
Лист осенний ль влетает в окно,
Дует ветер иль снег на дворе,
Все весенним цветеньем ль полно.
Я молюсь, и молюсь, и молюсь
За детей круглый год, день и ночь.
Отвернуться от Бога боюсь,
Унесет их нечистая прочь.
Дай, Господь, им смиренье и ум,
Силы Духа исправить все зло,
Не собьет их с пути толстосум,
Чтоб богатство им души не жгло.
Равнодушье, мой Бог, отгони,
Ангел добрый хранит их от бед.
В чистоте содержи жизни дни.
Не нарушат пред Богом обет.
Дай любви их сердцам и уму,
Коль болезнь — очищеньем грехов,
Добрых дел, покаянья суму,
Полновесных и праведных слов.
Почитанье родных, стариков,
Незабвение отчих могил,
Дай бежать от лукавых оков,
Правь свободной их волей один.
Защити и будь милостив к ним,
Окропи благодати росой,
Не казни согрешеньем моим
И укрась их духовной красой.
Пусть страну свою любят, как мать.
Ее землю, раздолье, свой род,
С благодарностью чтоб почитать
Ту культуру, что дал им народ.
Берегли бы святыни, свой крест,
Дай найти в этой жизни себя,
Окормляй их, Всевышний Творец,
По-отечески строго, любя.
Будь один и Отец им, и Мать
За чертой запредельного дня,
Когда будут меня отпевать,
Чтоб молились они за меня.

АНГЕЛ ПУСТЫНИ

Мягко теплится лампада
Перед Ангелом пустыни.
Нам, презренным, чаще надо
Образ этот чтить святыней.
Жил он праведно, убого,
Послан волею святою,
Не отрекшийся от Бога,
Им крещенного водою.
Претерпевший глад, темницу
И презревший «вся земная»,
Иорданскою водицей
Путь небесный предваряя,
У Престола у Господня
В горнем Царстве непрестанно
За нас молится сегодня
Свят-Креститель Иоанне.

С головой усекновенной,
Принесенной в дар на блюде,
Человек обыкновенный
Стал Предтечею всем людям.

МОНАХИ

Длинновласые монахи
С бородами ниже плеч,
Доброделания пряхи,
Крест на шее — Божий меч.
Рясы — девственные платья,
Нестяжания обет,
Во Христе — родные братья,
Ноги — кто во что одет
А в сердцах поет молитва,
Да гнездится Божий страх,
На душе — незримо — битва
С вражьей ратью, свет в очах,
Четок жилки на запястьях,
Скуфии на головах...
В мире благостней нет счастья
Возжигать любви очаг...
В послушании и вере
До земли поклоны класть
И страстей лукавых зверя
Отводить от нас напасть.

РАДИ ГОСПОДА СГОРАЙ

Ой да в красно воскресенье
Сына Божия, Христа —
Всеспасенья, всепрощенья
Воздвигались три креста.
Звон метнулся колокольный
С блеском хладного ножа,
Оборвался голос вольный
От безумия чужда...
Ферапонта стон, Трофима
Кровью алою стекли,
Шел отец Василий мимо,
Замаячил бес вдали.
Сатанинское исчадье
В спину врезало кинжал.
Ликовало войско адье —
Третий брат на землю пал...
От монахов убиенных
В небо взвились три столпа.
Три светильника нетленных,
Пострадавших за Христа.
И пасхальная молитва
Неусыпно потекла.
Завершилась вражья битва,
Что венцы им принесла.

Не рыдай, свята обитель,
Слезы, Оптина, сотри.
Всемогущ и Благ Спаситель,
Принял жертвы у зари.
Путь земной их благовестом
Огласил нагорный край.
Только чистым в небе место —
Ради Господа сгорай.

ПУТЬ СВОЙ ОБРЕСТИ

Господи, помилуй, Господи, прости,
Господи, дай силу путь свой обрести.
Не каленою стрелою,
Поводок — тугой канат...
Не гони меня метлою
Недостойную стократ.
Твоих благ и благодати
Не измерить и не счесть,
А Тебя смогли распять мы,
Все поправ, — любовь и честь...
Господи, помилуй, Господи, прости,
Господи, дай силу путь свой обрести.
Ведь, как калика, я нища,
Все бреду куда-нибудь.
Ты даешь мне кров и пищу,
Но в тумане грешной путь.
Освети Фаворским светом
С высоты нагорных круч
Мою душу дай при этом,
Мир без облачка, без туч.

Господи, помилуй, Господи, прости.
Господи, дай силу путь свой обрести.
Насади любовь и веру
В мой телесный ветхий дом,
Неподвластный Люциферу,
И молитвенным трудом.
Угаси плотские страсти,
Осужденье изгони,
Забери мирские сласти,
Но продли земные дни,
Господи, помилуй, Господи, прости.
Господи, дай силу путь свой обрести.
Чтоб воздушные мытарства
Одолеть душа смогла,
И до Божьего до Царства
Путь-дорога привела.

* * *

Молюсь, молюсь. Да что моя молитва?
Скорлупки слов безплотных, без души...
А где же с князем мира сего битва?
Раскаянье и воля — не греши?!
Все заповеди попраны небрежно,
И сластолюбья волны бьют о мол,
Запрета помыслы качают нежно,
И в океан страстей уносит челн.
Челн жизни без добра, любви и света,
С балластом рифм и стихотворных строф.
С большим сомненьем — нужно ль кому это?
И где душа обрящет вечный кров?!
Молись. Молись, трудись мое сердечко,
Горячим чувством наполняйся звук,
Чтоб в океан влилась безстрастья речка
Любви Господней, состраданья мук...

* * *

Всё-то просим Господа:
— Господи, нам дай
Блага всевозможные,
На земле бы рай...
Хвори нас бы минули,
Детям преуспеть,
Чтоб друзья не сгинули,
Жить да песни петь.
И не скажем: — Господи!
Забери, что есть,
А оставь нам, Господи,
Крест, отчизну, честь.
Молитвы окаянных,
Бденье до зари...
Душу покаянную,
Господи, бери.
Сердце расширяется
От большой любви,
Все, что причитается,
Боже, обнови...

ПО БОЖЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

По Божьему велению,
По моему прошению
Творятся чудеса.
Бывает пригорюнюсь я,
Вот если бы смогла бы я —
Что ж видят очеса?
Исполнилось и сбылося,
Хоть безнадежным мнилося —
Послали небеса...

И радуясь, дивлюся я
— Прости, ведь недостойная
О милости мечтать...
И на тебе — пожалуйте: —
Да, Вы меня не балуйте,
Господь и Божья Мать.
За грешную сын молится,
Сама ж не богомолица —
В ад душу тащит тать.
По Божьему велению,
Сыновьему молению —
Чудес не сосчитать...
Поклон за все мне данное,
За все несосчитанное
За Божью благодать!

* * *

Стонет в покаянии Россия,
Слезы ее — рваные дожди,
Ветры разоренья нас скосили.
Господи, дорогу покажи!

Утверди — всего, чтоб было в меру,
Научи — в надежде воскресать,
В сердце посели Любовь и Веру,
Чтоб душе голгофою не стать.

ОПТИНСКАЯ РЯБИНА

Лес застыл, и рябинная гроздь
Заалела на белом снегу.
Я сегодня здесь гость, только гость,
Но уйти навсегда не смогу...

Нету мира в уставшей душе,
Только здесь обретаю покой.
Я своя и рябине уже,
И снегам, и земле под ногой.

Дух в молитве вознес к куполам,
В Богородичный цвет небеса.
Все подарено Господом нам:
И душа, и рябины краса.

Но она первозданным огнем
Полыхает на белом снегу,
Я запятнана тяжким грехом,
Свою душу на суд понесу.

В храм Введенья войду, поклонясь,
Грешный лоб с покаяньем крестя,
Вот алтарь... Богоматерь и Спас
Принимают заблудших, простя.

Преподобный Амвросий свой век
Завершил в этой раке — гробе...
Я рябинную Божию ветвь
Вместо свечки поставлю тебе.

КАНОН ВЕЛИКИЙ

Андрея Критского канон
Читал монах неторопливо
И сотен душ беззвучный стон
Под купол утекал стыдливо.

В струях дымов горящих свеч,
Как светляки в ночном покое,
Теней крестов разящий меч
Сёк грех над падшею толпою.

Коленопреклонен, с мольбой:
— О даждь ми слезы умиленья,
Я наг и сир — весь пред тобой,
Пошли мне, Господи, смиренья.

Помилуй, Боже, и спаси.
Настало время покаянья,
Сквозь лес свечей крестом коси
Сорняк позорного деянья.

Пуст добродетелей и чужд
Был милосердья, сострадания...
В исповеданье сотен уст
Найду ль пред Богом оправданье?

Великий пост. Поклоны бью...
Канона четверток... Стенаю.
Иссякшую любовь свою
Твоею силою питаю.

Для душ молитвенный поклон —
Свет, очищающий на диво.
Андрея Критского канон
Читал монах неторопливо.

* * *

Господи, Господи, дай Ты мне силы
Выдержать сумерки дней,
Как бы, о чем бы Тебя ни просила —
Делай по воле Своей.

ВАЛЕНТИН НИКИТИН

Из книги «Сумерки смертного дня»

* * *

сколь велика Твоя милость ко мне
если живу недостоин рожденья:
тело греховно душа суеверна —
сколь велика Твоя милость ко мне

перед Тобой простираюсь во прах
сохнет язык — недостоин молиться знаю:
погиб но надеюсь на милость
перед Тобой простираясь во прах

* * *

под бременем земных чугунных дел
я не могу очнуться распрямиться
я ничего не вижу кроме стен
осуществленный мир сомкнул границы
затянут ужас серой пеленой
схожу с ума или ослеп как камень?
я не ослеп скорее ослеплен
но что бы ни случилось Боже мой

как вразумленье принимаю кару
и невзначай мелькнет издалека
какой-то отзвук отблеск вдохновенья
как будто затяжные облака
вдруг явят небо

* * *

с рассветного со смертного одра я
встаю едва безпомощен и тих
бессонница — сестра моя родная
все ночи рядом в схватках родовых

И приуняв свое сердцебиенье
и вняв ему как тайному мечу
я царскими вратами вдохновенья
вдруг в стихаре пурпурном прохожу

Еще не иерей но раб Господень
душа моя рыдает и скорбит
молюсь я в полночь
и молюсь я в полдень
как самый правоверный неофит

О Боже! помоги мне все пороки
преодолеть и твердо соблюсти
Твои исповедимые пути
Твои неисповеданные сроки

ВАЛЕНТИН НИКИТИН

СУМЕРКИ СМЕРТНОГО ДНЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris
1990

* * *

мир обезбоженный — среда
где нет и признаков ландшафта
где все так тягостно так чахло
и ни дороги ни следа
лишь панцирь серого асфальта
застыла мертвая слюда
стальное море без движенья
и нет прибоя нет дождя
и вместо молний провода
бегущие как привиденья

какой бездонный котлован
в нем вечность в муках прозябает
в нем черный уголь-истукан
как бы таинственно мерцает
и дятел времени устал
напластования — века
и в недрах ад, рудник гремящий
и штрафники и кровь труда
чтоб искупить свой грех мертвящий
пока не грянула труба

* * *

утратив утро
дня не обретя
я веру не отверг
как некий изверг
но братьев
к обращенью обратя
я трепещу
касаясь края ризы
утратив утро
дня не обретя

о Господи!
прости меня за все
хотя за все
не может быть прощенья
пусть в рай врата
закрыты на засов
засов греха
с печатью отверженья
о Господи!
прости меня за все

* * *

Господи помоги мне
выдержать до конца!
чтобы цветы на могиле
были не без лица

чтоб не дымил иней
огненною изнанкой
чтоб умерев видеть
небо — глазами маков

* * *

зеленая лампада-светофор
открыта в рай дорога для блаженных
но я в притворе я меж оглашенных
пошли мне небо звездный омофор

лукавый грех сгорает как костер
но и сгорев я вижу он дымится
когда терзает душу огневица
молитва лечит а не заговор

но коль молитва немощна как плоть
а ум впадает в суетную ересь
дай силу мне карающий Господь
в возмездие мучительное верить

Адам и каин пали оттого
что прежде пал отпав ко злу денница
дай силу мне прощающий Господь
чтоб на костер взойдя преобразиться

пока Твой суд свершается во мгле
святая инквизиция святая
я на костре и руки простираю
да совершится аутодафе

* * *

помилуй нас грешных Господь!
помилуй нас грешных!
уже наступает черед
пожаров кромешных

и в сумерках смертного дня
дыхание дыма
я вижу: горят города
неслышно незримо

над гребнем летящей волны
витает злой гений!
и пульс — часовой тишины —
наш голос последний!

на папертях древних столиц
теснимся спасаясь
и черное пламя стоит —
но лиц не касаясь

* * *

на морозе голуби нахохлились
Боже мой
Божий дом
на таком неумолимом холоде

хоть воркуют маковки растерянно:
воскреси но кресты выплетены
терниями

сквозь оконце слюдяного дня
идет ночь
и невмочь
ждать погоды годы погодя

вот и небо съежилось уже
как Звезда
как слеза
на моем покойницком лице

* * *

вновь явлено величие высот
и альфа простирается к омеге
восходят небывалые кометы
и мертвые поднимутся вот-вот

тогда преобразится вещество
в едином поле в сфере Абсолюта
и полюса вселенские сольются
и утвердится избранных число

мы вне числа
мы — мнимая цифирь
не соль не ртуть
а гибельная сера
как грешники взыскуем милосердья
как грешники мы смерти подлежим

аз первый есмь
мне камень давит мысль
скудна любовь
как вера как надежда
остановись прохожий помолись
Бог — Бог живых
и мертвым вечность брезжит

* * *

неизбывная горесть
но пройдет не беда
черен хлеб да не черствый
ключевая вода

наберу ее в горсти
и прильну и плесну
всполошенные звезды
полетят по лицу
упаду у подножья
у Креста Твоего
и не надо мне больше
ничего-ничего

Из заупокойного канона

упокой Спасе душу раба Твоего
с сонмом праведных душ совершенства
достигших
во блаженном успенье ее сохрани

в месте света покоя все святые Твои
смерть безсильна их взять причастившихся
жизни
упокой Спасе душу раба Твоего

ибо Ты наш Господь Ты умерший за нас
в ад сошел чтобы нам не погибнуть во мраке
Боже душу раба Твоего упокой

Сотворитель всех духов всех тварей Создатель
Ты воскрес чтобы нас воскресить в чудный час
упокой эту душу за гранью земной

в месте света покоя блаженства где нет
воздыханий болезней печалей обид
и свободна душа от житейских забот

упокой эту душу Милосердный Господь
ибо Ты победил зло вселенское —
смерть чтобы в Духе и душу и плоть воскресить

Перевод с грузинского стихотворений ***Ильи*** *Чавчавадзе (петербургский период).*

МОЛИТВА

Я стою на коленях, Отец наш Небесный,
Пред Тобой, не тая ни богатства, ни чести,
Да пребудет без скверны молитва святая!
Но хочу, чтоб, как небо, душа засияла!
Чтобы сердце к врагам запылало любовью,
Даже если пронзят, обагрят его кровью;
И я мог бы молиться, как на Небе рыдают·
Ты прости их, Господь,что творят, то не знают

17 июля 1858
Тярлево

МОЛИТВА

Когда демон неверья, отрицанья, лукавства
Даст душе ослабевшей чашу с ядом соблазна,
Пощади меня, Боже, обойденного роком,
И не дай к этой чаше прильнуть ненароком.
Но коль мерой подобной испытать меня надо
И Твое попущенье над кознями ада,
Да постигну Твой Промысл, свою волю склоня,
И да сбудется воля святая Твоя!

28 августа 1858
Тярлево

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (РОСЛЯКОВ)

Иеромонах Василий (Росляков. 1960—1993) — поэт. В 1985 году закончил журфак МГУ, был членом сборной СССР по водному поло. В январе 1990 года в Оптиной Пустыни принял постриг с именем Василий, в ноябре стал иеромонахом (рукоположен в священники). В пасхальное утро 18 апреля 1993 года убит ударом ножа. В тот же день были убиты ножом два инока Оптиной Пустыни, Ферапонт и Трофим. Литературное наследие иеромонаха Василия и воспоминания о нем собраны в книге «Я создан Божественным словом» (М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002).

В 2008 году вышла книга «Небесные ратники» о судьбах трех оптинских новомучеников. В нашей антологии воспроизводятся рисунки Наталии Коревой, впервые опубликованные в 1993 году в седьмом номере журнала Валаамского общества Америки «Русский Паломник». На одном из этих рисунков, датированном 1992 годом (за год до трагедии), изображена «Времен-

ная звонница вместо разрушенной коммунистами» и монахи-звонари на ней.

Из цикла «Стихи на псалмы»

* * *

Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже.
Псалом 41

Как лань припадает сухими губами
В полуденный жар к голубому ключу,
Так я в воскресенье стою перед храмом
И словно от жажды поклоны кладу.

Душу иссушит людское неверье,
Слезы и кровь предлагая в питье.
Как же не встать пред церковною дверью,
Трижды крестом осеняя лицо?..

Как не припасть к почерневшей иконе,
Если уж хлебом мне сделался плач,
Если при случае каждый уронит:
Где же твой Бог? — если ты не богач.

Что же меня безпокоит былое,
Грустью глаза пеленая мои,
Что ж про себя повторяю запоем
Эти безстрастно сухие псалмы?

Просто я душу свою изливаю,
Слезы мешая со словом простым.
Так водопады в горах призывают
Бездну откликнуться эхом своим.

* * *

Боже, ушима нашима услышахом, и отцы наши возвестиша нам дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних.
Псалом 43

Мы слышали сами от дедов своих,
А кто и писанье в наследство оставил,
О ратных делах, о молитвах святых,
Которыми Бог нашу землю прославил.

Какие свершил Он тогда чудеса,
Каких сыновей окрестил богатырских!
Чего только стоят послушника два,
Возросших на сухарях монастырских.

Полки басурманские Бог истребил,
Вознес над дубравами наши знамена,
Хвалу каждый воин тогда возносил,
Целуя края почерневшей иконы.
Он видел, что землю не силой обрел,
Не крепкой дружиной, а Промыслом тайным,
Затем и с молитвой в сражение шел,
Храня под рубахою крест православный.

А разве, когда латиняне пришли
И деды Псалтирь по земле уж читали,
К чудесной иконе не шли мужики
И там под хоругви с мечом не вставали?

Хотим или нет, но величит нас Бог...
И я не на меч уповаю в сраженье,
В речах не на мудрость, какую сберег,
А только на крестное наше знаменье.

Похвалимся Господом всякому дню,
Прославим Его и во всякие ночи, —
Он хлеб подавал нам без меры к столу
И даже порою с запивкою прочей.

Но ныне Ты нас посрамил до конца.
Зачем Ты не ходишь с оружием нашим? —
Позора и бед мы вкусили сполна,
Запив это все панибратскою чашей.

Ты сделал нас притчей во всех языках.
Позор наш во всякие дни предо мною.
И каждую ночь он стучится в висках
И по дому крадется тенью слепою.

Все это грянуло бурей на нас,
И мы потерялись в земном бездорожье.
Нам души забила б дорожная грязь,
Когда бы в них не было памяти Божьей.

Мастер спорта международного класса
Василий Росляков

Когда бы забыли мы имя Твое
И рукоплескали кому-то другому,
То разве мы вышли б из ада сего
С любовью такою же к роду людскому?

Но нас ненавидят за имя Христа,
Скрепляют ругательства высшей печатью
И входят со смехом в святые дома,
Молящихся там находя для распятья.

За что нам такая жестокая месть?
За что нам такие великие плачи?
Неужто врагам нашим нечего есть
И мы от них хлеб по запазухам прячем?

О Господи, прежние дни помяни,
Воздай нам за скорби святой благодатью,
Тогда мы поднимем знамена свои
С двуглавым орлом и Христовым распятьем.

* * *

Внемлите, людие мои, закону моему,
приклоните ухо ваше во глаголы уст моих.
Псалом 77

Вы послушайте-ка, люди православные,
Речь мою былинную, гуслярскую,
Приклоните головы могучие
Да постойте с думой, думой долгою.
И простому люду и бояринам,
И князьям, и Божиим служителям
Расскажу гадания из древности,
Помяну о прежнем малой присказкой.
Лишь уста, бывает, учат мудрости,
И порой лишь сердце нам советует,
Потому напевами забытыми
Думы свои ведаю глубокие.
А внучатам нашим, новой поросли,
Продолженью рода христианского,
О делах и заповедях Божиих,
О чудесных храмах, о кудесниках
Наскажу под гусельки с три короба,
Чтобы передали, когда вырастут,
И своим плаксивым непослушникам
И пересказали строго-настрого.
Ограждать себя святой молитвою,
Да не забывать заветов дедовских;
И не быть, как племя басурманское,
Что с душой упорной и мятежною,
С сердцем неспокойным и неверным
Хвастает делами сатанинскими.

* * *

Коль благ Бог Израилев, правым сердцем.
Псалом 72

Содрогнулось вчера было сердце мое,
И во всем разуверилась было душа.
Я увидел безпечных лихое житье
И опять позавидовал им за глаза.

Никогда не тревожат их скорби и плач,
Им до смерти величье и дерзость даны,
Веселит их собрание яркий кумач,
Когда людям полшага еще до беды.

Откровенно, без страха лукавят всегда,
Затаенные помыслы пряча свои,
А когда издеваться начнут свысока,
То слова их подобны фонтану воды.

К небесам подниматься бы этой струе,
И сверкая на солнце, и радуя глаз,
Но она припадает к могучей земле
И развозит повсюду болотную грязь.

И народ, замутив по лесам родники,
Эту воду мертвящую с жадностью пьет,
Говорит: «Как несведущи были отцы,
Уверяя, что Бог нам безсмертье дает».

И вот эти лукавые ростовщики
Благоденствие славят превыше всего.
Так напрасно я, что ли, учился любви,
Очищая от мерзости сердце свое?

Так напрасно я, что ли, по долгим ночам
Наизнанку судьбу выворачивал всю,
И себя же метал по горячим щекам,
И от совести прятался в темном углу?

Инок Ферапонт перед уходом в монастырь

Я бы стал перед прошлым земли виноват,
Если б, так рассуждая, сварливость обрел
И не мог ничего я на свете понять...
И, скитаясь, по случаю в церковь вошел.

Я увидел, о Боже, конец этой лжи.
Я воспел на коленях величье Твое.
Так пускай погадают о судьбах земли,
Все равно Ты однажды осудишь ее.

* * *

Вскую, Бож, отринул еси до конца? Разгневася ярость Твоя на овцы пажити Твоея?

Псалом 73

Что же мы сделали, Боже, не так?
Что мы забыли, себе на беду?
Ты отвернулся, и всякий пустяк
Стал обращаться в лихую нужду.

Вспомни в заслугу нам прежних князей,
В чине монашеском принявших смерть,
Вспомни сияние русских церквей,
Что оглашали по праздникам твердь.

Ты вместе с нами пройдись по земле,
С нами развалины наши оплачь.

Инок Трофим (Оптинский)

Видишь — отметины пуль на стене,
Камень замшелый от крови горяч.

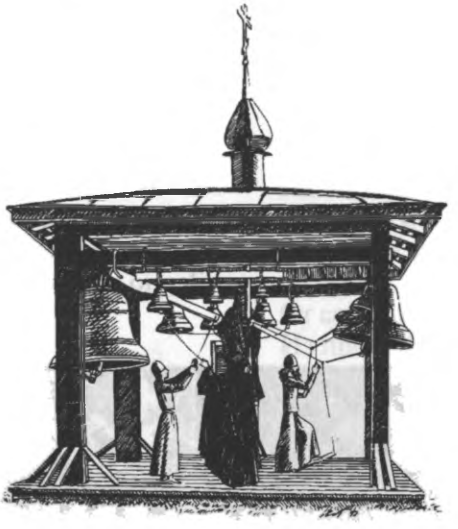
Слышишь, как зычно вопит воронье
Рядом с могилами наших святых,
Как разбивают распятье Твое,
Каменных знаков наставив своих?

Мы затвердили навечно урок
С гидрой ужасной и правым мечом,
Слишком кроваво он землю иссек,
Слишком отчаянным слышался стон.

Разом хотелось им все разнести,
Чтоб воцарились лишь пепел и страх...
И опустели тогда алтари,
И запылали иконы в кострах.

Боже, знамений не видит никто,
Нет и пророка, чтоб душам прозреть.
С нами не стало теперь никого,
Кто бы сказал: долго ль это терпеть?

Боже, Вселенную Ты утвердил,
Солнце поставил в знамение нам,
Вспомни, кто имя Твое поносил,
Кто наших братьев душил по углам.



Оптина Пустынь. Рисунки Наталии Коревой (журнал «Русский Паломник». 1993. №7)

* * *

Доколе, Господи, забудеши мя до конца?
Доколе отвращаеши лице Твое от мене?
Псалом 12

О Господи, доколе будешь Ты
Все забывать меня и забывать,
Ну сколько же еще глаза Твои
Не будут моим взглядам отвечать?

Ну сколько утешать себя могу,
Коль сердце плачет день и плачет ночь,
И сколько буду клясть свою судьбу,
Когда не в силах сам себе помочь?

Ты, Господи, хоть раз взгляни сюда,
Услыши хоть обрывки слов моих,
О смысле растолкуй мне бытия,
Пока я сном последним не затих;

Пока не намекнули мне друзья,
Что сломлен я и выбился из сил,
Пока не поклонилась голова
Тем, кто меня когда-то невзлюбил.

Я ж уповаю к милости и жду —
Пролей ее живительным дождем.
Тогда я о любви Твоей спою,
Как я пою об имени Твоем.

* * *

Боже, пиидоша языцы в достояние Твое,
осквернища храм святый Твой, положиша
Иерусалим яко овощное хранилище...
Псалом 78

Пришлые, Боже, в наследье вошли.
В святилища как в кладовые вступили
И город великий, столицу земли,
В хранилище снеди людской обратили.

Навек ублажили они воронье,
Кормя его вволю глазами людскими,
И было довольно земное зверье,
Питаясь по норам телами святыми.

И так полюбилась им наша земля,
Что воду они перепутали с кровью,
И долгое время горчило слегка
Зерно, напоенное этой любовью.

Оптинское кладбище и звонница. Современное фото

Мы стали посмешищем мира всего,
Молчим и глаза свои в сторону прячем.
Ну сколько же, Господи, сердце Твое
Еще не услышит сыновнего плача?

Сколько еще оплатить мы должны
В счет прегрешений хмельного отцовства?
Мы уж и так, как пригоршня золы,
Ветром которая в поле несется.

Чтоб не твердили нам: где же ваш Бог? —
Сам отомсти этим скаредным пришлым,
Только б увидеть униженный мог,
Только б сумел погребенный услышать.

Пусть содрогнется пред Господом твердь
От всех воздыханий, прошедших безвестно,
Тогда, может быть, обреченных на смерть,
Спасешь Ты невидимо Духом чудесным.

* * *

Господи, искусил мя еси и познал мя еси.
Псалом 138

Ты испытал меня, Боже, и знаешь,
Ведаешь все, недоступное мне.
Часто, наверно, сомненье прощаешь,
Видно которое только Тебе.

Пусть я шатаюсь по свету тревожно,
Пусть укрываюсь в домашнем углу,
Ты обнимаешь меня, словно воздух,
Руку в скорбях предлагая Свою.

Знаю — когда мной слагаются песни,
Нет еще слова на чистом листе.
Ты его видишь прозреньем чудесным,
В сердце влагая настойчиво мне.

Сколько я рылся на кладбищах книжных,
Сколько я дум передумал в себе,
Все ж, не сумев вдохновенья постигнуть,
В Церковь пошел помолиться Тебе.

Дивен мне разум небесного свода,
Дивно свеченье далекой звезды.
Видел я край совершенства земного —
Слово же Божье обширней земли.

Где от души мне своей затаиться?
Где не настигнут раздумья меня?
Я по Вселенной промчался как птица —
Места такого не знает она.

Если скажу: «Может, тьма меня скроет,
Будет мне ночь неприступной стеной», —
Сердце тотчас заскулит и завоет,
Ночь освещая тоскою грудной.

Дивно я создан Божественным Словом:
Будто бы соткан из ткани земли
С замысловатым телесным узором,
С тайным до времени светом внутри.

Боже, меня испытай. И поведай,
Что притаилось за словом моим.
С книгой тогда я оставлю беседы,
Духом начну обучаться Святым.

* * *

Услыши, Боже, моление мое,
вонми молитве моей.
Псалом 60

О Боже, Ты выслушай вопли мои —
Их больше не слышал никто.
Молитве моей стихотворной внемли,
Коль мне вдохновенье дано.

От самого дна океанских глубин,
Из пропасти самой ночной,
Где эха уж нет и живу я один,
Взываю я рифмой простой.

Когда разгорается сердце мое,
Воздвигни меня на скалу,
На гору, на камень, на что-то еще,
Куда мне не влезть самому.

С Тобой становлюсь я как тот исполин,
Что держит все небо плечом,
С Тобой я взлетаю орлом молодым,
Туман рассекая крылом.

Услышал Ты, Боже, обеты мои
И мне возвестил в тишине,
Что дал мне в наследие петь о любви,
О грустной моей стороне.

И Ты приложи к удивительным дням
Еще удивительней дни
И слишком короткие жизни певцам
Хотя б после смерти продли.

И я буду имени петь Твоему,
Пока на земле моя тень,
И буду тянуться губами к кресту
В воскресный и праздничный день.

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

РУСЬ БОГООСТАВЛЕННАЯ

Богооставленные реки — зачем текут
Богооставленные травы — зачем растут
Богооставленные избы зачем дымят
Зачем кишат грешат бездонно
Богозабытые града
Богооставленный народ мой
Грядешь куда?

БОГОРОДИЦА ПОРТАИТИССА РАЙСКАЯ ВРАТАРНИЦА

О Богородица о Райская Портаитисса
Райская Вратарница
О Ты стоишь таишь у Райских Врат в русском
сладостном сарафане тереме летнике
летучем вьюжном тереме кумачнике
И на голове Твоей лепечет льется русский
расписной павлиний плат узорчатый святое
рукоделие ткачих ивановских
А в руках Твоих лебединых крылато плещется
несметный небесный лазоревый омофор
неизреченный неизъяснимый необъятный
галаадский

Матерь Матерь всепетая Всеспасительница
Райская Вратарница

И в сонмах неоглядных к Тебе грядущих
новоусопших новопреставленных человеков
Ты сразу! издалека! видишь шествие русских
человеков безвинно убиенных уморенных
А это русское замогильное загробное немое
шествие нынче во времена убийц и татей
несметно
И исход народа русского безвинного с земли на
небеса нынче несметен
И люди русские так нынче на земле родной
намаялись
Что райские Врата им словно сами отворяются

И Ты Матерь сразу издалека орлими очами
видишь русских безвинно убиенных
замученных зачумленных человеков руських
Мати Мати
И сразу манишь их омофором и сразу Врата Рая
им отворяешь улыбчиво улыбчивая Матерь
Матерь Матерь

И разве могут быть на земле сироты несчастные
если есть Ты Матерь
И нет на земле сирот. Матерь и нет сирот на
небесах Матерь Матерь
И все мы лишь Твоя заблудшие чада Матерь
Матерь
А я все еще томлюсь на земле Русской
А я все еще живой тлюсь длюсь тщусь виюсь
И объятый многими грехами повальными уже не
уповаю уж не уповаю

Но вижу вижу в полночь звездную
звездопадную августовскую
Вижу вижу и с зелии Твой омофор на небесах
лазорево витающий
И Ты Матерь машешь? машешь? манишь?
манишь что ли меня мя многогрешного
ужель жалеешь? ужели манишь? ужель
ужель у Врат улыбчиво прощаешь?
Пропускаешь щедро щедро Матерь Матерь
Матерь?
Ужель
Матерь?

И я у дальних Врат как дите у коленей
материнских несбыточных неизъяснимых
дольных дольных дольных
Радостно рыдаю весь обсыпанный слезами и
звездами

...И еще на льняной скатерти, в самом углу,
были начертаны умирающей рукой поэта
четыре
тленные строки:

...Безлюдие златозабытых дач
Безмолвие златоозябших рощ
Так хочется рыдать, рыдать,
А ты поешь, поешь...

ПЛАЧ

Я плачу плачу я плачу светло в далекой последней
вологодской ли орловской ли
деревне деревеньке
И там дворянская усадьба древняя меня тешит
утешает возвышает лечит
И в прудах забытых осенних дремных вдруг
садятся со небес слепых осенних
да плывут перелетные лебеди лепетные
ленные лепые
О Русь о лебедь перелетная переметная
зимушница заснеженная иль воскрылила
озлетела иль воскресла
О Боже Боже да плачу я плачу сладко да трясусь
весь знобко содрогаюсь сиро блаженно в
забытой занесенной заметенной осенним
листопадом ветхой рухлой
квелой слезной барской мраморной беседке
Чу!
Ай шепчутся ликовствуют ай таятся молодятся
в золотом златом листопаде
златопаде златохладе дальные дальные усопшие
русские наши барышни
да дворовые смертные молодицы девки ярые
спелые помещичьи девицы
Ай далече
Ай зовут манят ай шепчут голосами летящих
листьев лепечущих ай манят из
золотых листопадов усопшие яблоневые павы
сарафанницы русские наши
медленные раздольные величавые плывущие
свадебные девы девы
Ай Господи пусти мя к ним да с ними даж с усопшими теплей да веселее
слаще да вольнее в русском нашем поле
нищем пленном
И я бегу в златом листопаде липовой аллеи
златоосыпающейся безвинно моленно
О Господи пусти мя навек в ту Русь в ту усадьбу
к тем тем тем шепчущимся
стыдливым застенчивым уступчивым
сарафанницам вещуньям лепетуньям
лопотуньям полевым лесным луговым нашим
нашим русским русским девам
К вечным нашим недождавшимся неутоленным
русским горестным невестам
И я бегу и тщусь и маюсь в душном золотом
летучем листопаде густеющем
темнеющем
О Господи
И со прудов тяжко снежно необъятно возлетают
восходят навек лебеди небесные
незабвенные
О Господи о блаженно

Из цикла «Всадники апокалипсиса»

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Талая вода! вольная смутная кривая полевая
некрикливая глубинная святая
целительная хлебная вода!
Талая вода! Травяная! Земляная вода!
Унеси меня! унеси меня... как уносишь сухую
соломинку иль переспавшего
перезимовавшего жука в реку а река — в моря
А кто испьет снеговой полевой молодильной
урожайной мускулистой воды —
тот надолго исцелится после долгой болезной
русской зимы зимы зимы
Ай талая вода ай я черпаю тебя ладонями
дрожащими и пью таль текуч
хрусталь хлябь полей таль таль
Ай талая вода свято хладит молодит зубы и персты и гортань моя
Ай талая вода утоли меня исцели меня
Ай талая вода унеси меня ай туда туда унеси меня ай
далекая необъятная на
всю вербную Русь ай талая талая вода унеси меня
Туда туда
За две тысячи лет назад
Где на снежной ослице и младом густом осле
входит в Иерусалим Кроткий Царь
Куда человеки прошлые грядущие и нынешние
приходили и приходят за дарами
для души и сластями Святыми
Камнями для бренных глаз
А Он на белой ослице пришел чтобы смерть вкусить за нас
Чтобы всех человеков на земле спасти
Чтобы всех человеков навека воскресить
Чтобы всех человеков вернуть в райские
первозданные вечнохмельные сады

Талая вода! необъятная вода!
Унеси меня туда... хоть под копыта хоть под ноги
той белой осиянной ослицы
и того младого жемчужного осла
Унеси меня и оставь навека
Там! Там! там...
Где Кроткий Царь на земной ослице воссиял
навеки смерть поправ изгнав
Смерть ушла словно в землю талая урожайная
чреватая травой вода
Талая вода...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

По всей Руси звонят лучистые хрустальные
всетальные всерадостные ли
мокрозолотые колокола колокола
И четырехдневный восставший Лазарь грядет
уходит на Кипр по русским
талыим апрельским среброзвонным еще
плакучим льдам льдам
Уже избыточным водам водам водам
И четырехдневный воскресшенный Спасителем
Лазарь праведный бредет
по нашим талым полевым курчавоглиняным
курчаворадостным водам водам
(Ты его в поле как цыгана кочевого
вечнохмельногоаль не узнавал? аль не встречал?)
И четырехдневный Лазарь бредет
по тысячелетнейныне занедужевшей
объятой бесами Руси Руси Руси

Ах Господи! Ах если Ты Четырехдневного свежего
Праведника Лазаря воскресил
То и Тысячелетнюю Твою Святую Дщерь
Мученицу данницу пленницу талых
бешеных мутных вод и смутных лет
То и Тысячелетнюю Твою Заблудшую
в талые снега в Смутные Времена
То и Тысячелетнюю Твою Дщерь Русь
спаси убереги
Да да из мутных талых вод из Смутных гибельных
Времен о Отче подними охрани
да воскреси да вознеси

А колокола хрустальные звонят по всей талой
текущей по курчавоглиняной
Руси Руси Руси
И Лазарь ликовствующий уходит по ликующим
водам по талым всетекучим
каракулевым серебрам
По горло утопая в талых серебрах в потопленных
полях Руси Руси Руси
И о прибрежный талый полузатонувший
вербный осиянный радостный
жемчужный куст куст куст среди реки
Застряли и полощутся да шепчутся ликуют Лазаря
Восставшего уже напрасные
ненужные уже безсмертные
святые гробовые пелены
А где же в русских многошумных многорунных
многосеребряных талых водах
реках вербах
А где же Сам Спаситель Победитель Вечной Смерти
и апрельской талой бешеной
омутной всеутопляющей всеусыпляющей
воды воды воды...
Вот! Вот Он Кроткий Царь на белой ослице
и младом осле улыбчиво нисходит
входит в Иерусалим
И текут с Него и с осла Его алмазы
русской снеговой полевой блаженной
Талой талой хлебородящей упоительной
целительной воды воды воды
О Господи! Уж скоро скоро русские алмазы
снеговой доверчивой воды
преобразятся станут на Кресте иерусалимскими
голгофскими рубинами крови

ВЕЧНАЯ ВСТРЕЧА

Россия в скорбях и грехах
Плывет утопленницей смирною в осенних хлябях
всхлипывающих неоглядно
Но ждет Ее Вселенский Спас на осиянных на
немокнущих водах валах волнах
Как Воскресающего Лазаря

Пойдет бродить Седая от невзгод
Святая Дщерь моя
Пойдет бродить от бедных русских
хладных низких вод
Пойдет бродить по теплоструйным
древнеиудейским рекам и по воздушным
звездным вселенским запредельным океанам
Осанна! Осанна! Осанна!..

Земная жизнь как сладкий костерок покорно
догорает в необъятном поле у ног
уснувшего притомившегося
странника изгнанника
Скоротечный уснувший охотник на зайцев
и уток мимосвистящих
Ты стал вечным охотником
за падучими звездами

РУСЬ В ТРАВАХ

Здесь всякий лес — сад Гефсиманский
Здесь всякий холм — Голгофа
Здесь всякая тропинка — Via Dolorosa
Здесь всякая вдова с геранью у окна
в заброшенной святой избе
Заплаканная полевая избяная
заботливая улыбчивая блаженная
Ивовая Богоматерь

Здесь всякий странник бездомник
безприютник нищий
рваный полевик
Полевой прохожий яблочный медовый
Спас Иисус
Здесь всякий старец весь в сединах объятый
серебром живым
безмолвник в ветхостном скиту — Бог

Здесь всякая береза на ветру — грядущий
волнующийся Крест...

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

1

Луна... Подсолнухи... Овес...
Август жнивень
Яблочный Спас

Плещется вселенский океан юдоль корабль
ковчег тихих матово трепетно
переливчатых проливчатых звезд звезд звезд
А звезды в небесах
А плодопады во садах
А мой пугливый приручённый зябкий малый
яблоневый сад
Роняет мохнато шумно лунно яблоки в траву

А прохожий полевой Иисус Христос —
человеков грешных и яблок палых
Спас
Тихо поднимает собирает серебряные
текучие пахучие зыбучие яблоки
лучезарными осиянными чародейными
золотыми вечными вселенскими колосистыми
перстами

А дверца утлая одинокого фанерного летнего
домика ковчежца моего
Всю ночь всю ночь радостно открыта распахнута
разъята
В бездонно необъятно чудотворно
ворожащее вездами и подсолнухами и овсами
русское родное кормильное колыбельное поле
поле поле поле поле
О Прохожий Боже
Что ж Ты не заходишь? что ж Ты не заглянешь?
что ж Ты?
что ж Ты Боже Боже Спасе родный родный
Отче
Что ж Ты все Прохожий
Не Захожий...

2

Полнолунье... Златые качливые дремливые
подсолнухи...
Золотые рассыпные овсы...
Ай забыться закачаться затеряться в подсолнухах?
Ай раскидаться ай рассыпаться в переспелых
овсах овсах?

Август жнивень звездочет
Яблочный Спас
В небесах — звездопад
Во садах — плодопад
А в моем бедном колышащемся яблоневом
неизъяснимом саду саду
Яблоки яблоки яблоки жемчужные лунные
падают рушатся
свергаются в серебряную звенящую
многострунную траву

И прохожий полевой улыбчивый деревенский
наш Спас Иисус Христос
Нежно неслышно собирает поднимает палые
яблоки и кладет их
приручённо на крылечко рухлой лунноворожащей
лунноплывущей
в поля избы млечной молочной телячьей моей
И всю ночь! и всю ночь дверца шаткая сладкая
тихой избы ладьи неподвижной моей
Вся вся вся распахнута разъята раскрыта безвинно
щедро в необъятное
лунное наше кормильное отчее поле поле поле
Жду я Двухтысячелетнего Безсмертного Гостя
Жду жду томлюсь — даже ужин ночной
из картофеля и лука младых
земляных приготовил

Жду — а Гость не заходит

Только тихо сложил палые яблоки
на крыльцо мое
И ушел в колыбельное необъятное поле

3

Полнолунье... Подсолнух... Спас...
В небе короб плывучий корабль ковчег палых
падучих текучих
плакучих проливчатых звезд звезд звезд
Август жнивень
Август резчик седой ювелир звездочет расточил
раскидал в небесах свой
вселенский огнь пламень алмаз

А в садах переспелых перемлелых бродит
Сторож Садовник
Яблочный Спас
Погоди! подожди! Не томись! Предосенний
одинокий печальный мой брат!
Не печалься!
Перед тем как пройти прошествовать в Вечный
Ночной Гефсиманский
неопадающий Сад
Русский наш Садовник Страж забытых садов и
заброшенных человеков
Полевой наш прохожий батюшка радостный
нежнохмельной от множества
яблок медвяных ленных
Наш наш батюшка вечный Иисус Спас
Непременно! нетленно! неопалимо! неудержимо!
неизъяснимо! Лучезарно
Посетит твой деревенский скоротечный малый
исполненный серебряных
яблок садик сад сад
Чтоб златую падалицу в травах бережно нежно
нерукотворно улыбчиво
поднять собрать
Да уложить на крыльцо твоей просиявшей
возликовавшей воскресшей
всяким бревнышком да всяким окошком избы
избы избы

О мой предосенний веселый улыбчивый
осиянный мой брат!

Потому Он и есмь Святой Прохожий
ВечныйСадовник
Потому Он и есмь Яблочный Спас

Потому и прейдут все сады земли
А останется Вечный Садовник Спас

РУСЬ СНЕЖНАЯ

Русь — алмазна снежна колыбель
Русь — алмазна цитадель
Русь — алмазная хрустальная усыпальница на
заснеженном блаженнейшем
малиновjм забытом погосте
О мой необъятный звездный алмазный Боже
Боже Боже
О все мы только скоротечны гости на земле
Но и на погосте но и под землей мы тоже
только гости только гости

О Алмазный Вечный Отче
Вот и блуждаем мы с алмазной колыбели
в звездное алмазное загробье
Вот и странствуем блаженно от хрустальной
вечнобьющейся колыбели
в Царствие Небесное нетленное
В Вечное во Вечное во вечное...

2005

ГОСПОДЬ НЕОБЪЯТНЫЙ

Господь!
Я ночами звездопадными августовскими возлетал
к Твоим звездам Плеядам осыпчивым
необъятным
Я бродил по Твоим душистым
ромашковым земным долинам неоглядным
Я плыл по Твоим неистовым
зыбучим бездонным кочующим океанам

И все это рядом с Тобой — такая малость
О Господь мой! Такая малость...

2006

МОЛИТВА

Я так долго во поле февральском молился
Что на талых холомах храм восстал возъявился
Что на талых холомах новорожденный храм
взошел воцарился
Аки святое божье Дитя в пеленах
снежнопенных
провился

2006

МАРТ

Золото церковных куполов! синь небес и белизна
болезная всетающих снегов
Как слепите как совокупно ослепляете вы мои
больные дряхлые глаза
Но! как сладко! радостно! как слезно! стало мне
Господь Господь
Господь!..
Ай не в этом ли сияньи растворенныя счастливая
взойдет уйдет моя душа душа душа
И куда? куда? куда?

2006

ЖЕНЫ МИРОНОСИЦЫ

Жены мироносицы бредут по русским лесам
а леса горят
Жены мироносицы бредут в русских блаженных
неоглядных полях холмах
А в полях вместо пшеницы да ржи да льна ликует
царит пылит пылает
фригийский синь-василек да горчит сметливый
необузданный сныть сорняк

Жены мироносицы грядут средь херувимских
колодезных богоблаженных
русских деревень
А в деревнях в самогонных непроглядных дымах
святая пьянь да веселая рвань
да золотая брань да на окне герань да на крыльце
вместо гостя бурьян
да удалая смерть сонь трава

Жены мироносицы грядут по синагогальным
русским градам
А в градах хлопочет витийствует инородец лютич
оккупант баскак хозяин
а русский лестный тихий нежный человек
здесь раб

Жены мироносицы грядут витают возлетают
по Руси немой пианой
обездоленной аки довременные лебеди иль
журавли летят
А где где где родимая конопатая старуха вековуха
изба беглянка моя моя моя
Иль во владимирской усопшей деревеньке
Жабино
Где где рухлая объятая древоточцем сыпучим
святая сыпучая изрытая избитая
измытая дождями лесная уж уже изба изба
дремучая трескучая моя моя
А тут русская Богородица тропою земляничною
малиновой от родильной
сукровицы что ль прошла прошла сошла на Русь
зде зде да проплыла да вознеслась
Да в этой ли святой избе вертепе яслях рухлых
понесла Младенца Русского
Христа лесного полевого неоглядного Руси
Христа Христа Христа
И досель тут все тропы все избы все дерева пахнут
земляникой да малиной
и зимой и летом да! да! да!
Воистину! да! да!..
Даже и зимой малиной земляникой пахнут
неоглядные снега снега снега

Жены мироносицы ищут русского Спасителя
Христа
А Он лежит средь Поля Куликова весь аки
родильными пуховыми гробовыми
саванами пеленами перистыми облаками еще
охвачен еще объят
Еще Он не воскрес еще Он не восстал

Тогда жены мироносицы над Русью колыбелью
возлетают да парят

2006

* * *

Синь синь синь малахитовых парчовых
бархатных аметистовых
небес иерусалимских небес синь синь

Господь лучезарно улыбчиво входит на Белой
Ослице в еще слепой Иерусалим
И необъятная неупиваемая вселенская радость
как вселенская синь
небес всех обуяла объяла

А потом была Голгофа и Крест
И Кровь Кровь Кровь до небес и до звезд
И даже Белая Ослица поседела и рыдала...
И даже Ослица рыдала...

* * *

На Римском Кресте
На Ветхозаветном Гвозде
Доселе течет доселе распят страждет Бог

А ты человече где?..

РОЖДЕСТВО ВО СНЕГАХ

1

О моя Русь то ль матерь то ли мачеха то ли
декабрьская то ли январская
И я бреду по твоим вечеровым тьмовым холомам
многоснежным
многодальным многосвятым
О Боже! Нынче ночь Святого Рождества
в русской снежной пустыне
в русском древлежемчужном поле поле поле
О Боже! О доколе Богородице рождать
в пустыне снежной?
в снежном необъятном всепустынном поле поле?
И кто тут приидет Святороженице на помощь?

Но! В Ночь Святого Рождества во снегах
безпробудных зде грядет
зде шествует всходя стопами над снегами
Сошественница Дева
Святороженица Богоматерь
Чу!.. В какие пуховые ледовые жемчужные
искристые сугробы
Она пеленает Вечного Агнца?
Впервые увидевшего необъятные снежные одеяла
да детский ночной
живой чепец из радостного заснеженного русака
снегопадника зайца

Ах Господь! Ах каково рождать Богомладенца
в русских снегах
где уже по деревням осиротевшим не рождают
жены даж земных младенцев?
Ах да где мои родимые повивальные бабки
деревеньки
богоприимицы тысячелетние кормилицы
хранительницы
Ах кто же Запоздалицу Звезду захожую
с небес на Русь
Заступницу Святороженицу свято приимет
Кто Агнца обернет в пеленки?
кто обрежет пуповину? кто омоет сукровицу?
Кто блины с конопляным маслом да сочники
картофельные захожим
заснеженным Гостям улыбчивым улыбчиво
придвинет?

Ау! ау! ау! но где ж вы деревеньки трепетные
кривенькие
Стыдливые
Родильные домы земные для Гостей небесных
Ау!

2

Но над затонувшими в бездонных снегах
крышами виются не дымки гостеприимные
А ветры ледяные острые срывают снег
и мертвый снег над
брошенными избами сиротски сыплется курится

А не хлебный дым печной живой струится
длится веселится

Ау! ау! а где же вы старушки вековухи да деды
святые русичи
молчальники в тысячелетних избах избах избах
А снежный неоглядный ветер носит в поле
ледяном безлюдном
голоса хоры загробные с небес курчавые
кручинные

Ах Матушка Заступница помилуй пожалей нас
Мы Тебя не дождались
А нынче мы не в избах
Нынче мы в могилах...

Тогда Она с Младенцем восстает встает
над снежным полем в небеса
Тогда Она встает над Русью в небесах аки
вечная Звезда
И ждет ждет ждет
Когда хотя б одна кормилица родимица изба
в снегах очнётся
да приветный свет прольёт

2006

ЗИМНИЙ СПАС

В русском поле всеметельном заметенном
На Кресте заледенелом
Русский Спас заиндевелый
Улыбается блаженно
И улыбкою вселенской
Разрывает разрушает раздвигает разбивает
растопляет лед с Чела

А окрест на лютых снегах
Среди деревенек мертвых
Лишь курятся лишь дымятся
Лишь четыре лишь следа

След кровавого Каиафы
След дрожащего Пилата
След промозглого Иуды

Да лисий след кремлевского Шута

ИЮЛЬ — СЕНОЗАРНИК — СТРАДНИК

Цепляясь душой о медвяные травы
Я вышел к реке необъятно туманной
К реке у которой нет переправы

То было духмяное русское лето

А Река была — ледяная Лета...

* * *

Летние облака плывут грядут бредут стоят в небе

Как чепчики новорожденных
молочных младенцев

Как блаженно заплаканные подушки и одеяла
неизреченного неупиваемого нетленного детства

Как платья невест белопенных рукой жениха
смятенно сметенных

Как белые косынки матерей провожающих
сыновей на вечную русскую сечу

Как седины как брады как жемчужные
струйчатые власы святых
Русских Старцев нетленных

Как белоснежные саваны последние одежды
земные и первые В Царствии Небесном

О Боже

Ужель жизнь быстротечна блаженна как облака
медового русского лета

2007

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

1

Когда Он входил в Иерусалим
Когда Он бездонно сходил нисходил
в Иерусалим
У ног Его осла плескалась необъятно пылкая
роящаяся пыльная облезлая толпа
И толпа в животном упоеньи упованьи
восставала вопияла неоглядно:
Осанна! Осанна! Осанна Царю Земли!
Царю Израиля Осанна! О Осанна!
А Он Дитя Пророк Богочеловек
блаженно улыбался

А Он и был тридцатитрехлетнее Дитя которого
все человеки чистые
как матери блаженные лелеяли ласкали
провожали привечали уповали
А Он Дитя Пророк входил въезжал улыбчиво
во град последней казни
В град последнего кровотекучего свиданья
обетованья

И на Его вселенской ладони как игрушка детская
лежал витал плыл весь
весь пыльный еще слепой еще заблудший
Иерусалим слепых могил
И Он как Дитя играл Иерусалимом как живой
игрушкой
И весь Иерусалим на божественной ладони
радостно щурясь улыбаясь
к небесам святым подбрасывал
И Иерусалим витал взлетал во небеса
аки птенец
с гнезда всходил первокрылами неоглядными
И были Лик Его и Иерусалим-птенец
на Его ладони объяты вселенской радостию
радостью летящей
Но!
Уже! уже на смутном горизонте словно
исполинский циклопический
Гриб всеатомный
Уж! уже воздымался восставал за небеса
вселенский
Крест Циклоп
Вселенского Распятья
На Который смертью смерть поправ все
Человечество дотоле смертное
взойдет блаженно безсмертно
свято свято свято
Оставив на земле лишь паруса лишь ветхие
одежды кожи пелены
лишь паутины плащаницы смертных саванов

2

А ты поэт слепец язычник все еще блуждаешь
бродишь тлеешь уповаешь
На земле в истлевших саванах паутинах сладких
ветреных плащаницах пеленах
А Крест тя упоительно спасительно ждет ждет
ждет
Когда когда придешь
Когда взойдешь

ОДИНОЧЕСТВО ИИСУСА ХРИСТА НА КРЕСТЕ

На Кресте Спаситель глядит в роящийся
муравьиный пыльный родной народ
Тут все Апостолы Рыбари все
Жены Мироносицы
Все верные земные и небесные Сопутники Его
Тут Матерь Его
А что на земле и на небе больше любви Ее
О Боже как же я одинок когда не чую
и Ее любовь

А ведь Она лелеяла Меня с пелен
И колыхала берегла Меня в недрах святого
девьего плодового чрева Своего
Один разрывной римский гвоздь в ладони вопиет
кипит и превышает всю жизнь
Один гвоздь в ладони вопиет и жжет пожирает
живую живодышащую плоть
И превышает всю человечью земную такую
трепетную как крыло
галаадской стрекозы лазоревой любовь любовь
И что же он превышает Бога если сам Я есмь Бог
О Боже! О Господь!
И что же один гвоздь горящий добела
в ладони превышает всю жизнь?
Всю смерть? Всю любовь?
О Боже сколько же в теле человечьем живет
таится боли боли?
Сколько крови
О Боже зачем плоть? Зачем боль? Зачем кровь?..
Зачем душе плоть? Зачем дому огонь?..
На Кресте Спаситель глядит в возлюбленный
народ который Его радостно предает
Если Богочеловек на Кресте одинок
То как же человек на земле одинок
О...

Тогда Господь снимается сходит со вселенского
Креста
И восходит бездонно необъятно над землей...
Во небеса!..

ПАСХА НА РУСИ

...Почему Спаситель Иисус Христос
и Богородица любят Россию?
Почему Спаситель Иисус Христос
и Богородица любят Россию?
Почему Спаситель и Богородица
любят заблудший
всепианый многогрешный народ русский?..
...Потому что на Западе и в Америке
Спаситель уже распят и уже ушел
Он из сладчайшей жизни из пыли земной
А на Руси еще Ему бродить дышать трепетать
вдыхать переливаться
целую неделю седмицу в русских апрельских
предпасхальных пуховых сладчайших нежных
травяных холомах холомах холомах!
Тут еще Седмицу весеннюю жить
бродить дышать
Ему в русских
очнувшихся после лютой колодезной зимы
холомах свежетравяных тропах
тропах тропах в ветерках курчавых лебединых
лесовольных полевых

Как же уже Распятому на Западе не любить
не лелеять Русь весеннюю талую
где еще жив и ликует Он?

Как же Святой Богородице не любить Русь
где еще веет близ Нее живое
земное не распятое не прерванное насмерть
дыханье Сына Ее?

* * *

Великопостная Звезда аки Потир Алмазный
стоит над грешной моей жизнью
В Крестопоклонную Седмицу всяко древо
встречное в ночи мне чудится
Крестом волнующимся желанным
Ночь каплет талая и жертвенно живая

Безсонница... безсонница крылатая меня объемлет
Кость чуткая древляя болит во мне
как сломленная ветвь на древе
И плоть безсонная бежит пугается Креста Креста
Как пьяница в ночи страшится тающего дерева
склоненного под мокрым снегом
И только талая моя душа
И только за зиму усохшая моя душа душа
Летит летит к Кресту как птица осиянная
перелетная усталая к исконному гнезду

В такую ночь нощь боятся насмерть до утра до тла
истаять мокрые тревожные пугливыедеревья

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ХРИСТА

В библейских вселенских волнах Иудейства
Спаситель Воитель Спас Ярое Око грядет

Он кличет возлюбленную дщерь свою Русь
Тысячелетнюю
Среди океанских средь ветхозаветных валов

И вот уже Русь Святая Смиренница Мученица
Утопленница Пленница
И вот уже Русь словно Лазарь Воскресший
Из мертвых из вод восстает

С Мечом

ПАСХА

О человече!
Пей! Ликуй! Плодись! Молись!
Потому что на земле мы только мимолетны
скоротечны гости гости
Но! И на погосте тоже мы лишь гости только гости
гости гости

После того дня когда Ты встал восстал взошел
из безпробудных глин

Воскрес навек из невозвратных саванов
из смертной плащаницы
Боже Боже Боже Боже
О Безсмертный Боже

КАЗАНСКАЯ БОГОРОДИЦА

Ах поедем на Русь порыдать
Над избами нашими заживо насмерть забитыми
заколоченными в лопухах погребенными
Где наши старухи матери бабуси в гробных чистых
платьицах
с Евангелиями в кормильных усопших руках
Лежат неоплаканные неотпетые непохороненные

Поедем на Русь порыдать
Где только в златых опадающих рощах кротко
бредет шествует Богомать
Да в свой необъятный омофор сбирает неистово
золотой листопад
Да избы забитые где уже восстают от смертного
сна воскресают старухи
святые к Небесному Царству готовые
Аки бабочки возлетающие из священных
сокровенных коконов

Поедем на Русь ликовать
Русь — Царствие Небесное Божье уже на земле
не земное...

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

1

Рождественский святой мороз мороз объял
безвинную заснеженную Русь Россию
И на окнах моей одинокой калужской избы
расцвели распустились
Доверчивые кружевные льдистые алмазные
звезднохвостатые безвинные павлины

Ах родные зимние птицы мои безвинные
Да откуда вы среди русской зимы откуда вы

Ах вы же окружали оберегали Деву Роженицу
в русских ледяных полях холмах
Грядущую средь мертвых деревень моленных

Ах вы оберегали от мороза Дитя Новорожденное
Ах вы перьями алмазными Дитя от мороза
ограждали лелеяли
Ах что же вы бежали ушли от Девы и Дитя
и собрались на одиноких моих окнах заметенных
Ах павлины кружевные что ж вы от Роженицы
отлетели

Но вот в ночи рождественской пошел подул повеял
Иерусалимский благовонный смолистый
вифлеемский родной
родной колыбельный ветер

Теплый весновей ветер ветер Святого Вертепа
средь холомов русских заметенных

И Богодева Бога пеленает в теплом ветре
колыбельном на холомах русских оснеженных
И Вифлеемский Омофор Ея витает в русском
поле и не дает остыть
Новорожденному от ветра

И на одиноких окнах избы моей истаивают
кружевные льдистые звезднохвостатые павлины
И Дева Вечная Роженица истаивает изникает
в теплом ветре
В русском неоглядном льдистом поле поле
безвинном пустынном

2

Ах где Ты Русь Святая где где где Ты?
Богоприимица?

А окрест одна ледовая безлюдная всерусская
вселенская пустыня
И Дитя Вечное истаивает изникает
под иерусалимским ветром на руках у Богодевы

Ах Он привык к горящим а не к ледяным пустыням
Ах павлины льдистые алмазные кружевные птицы
Ах куда куда куда вы талые с нетленной Богородицей
и Богомладенцем вечным улетели улетели улетели

Да не навек ли? не навек ли? не навек ли?..

Ах я рыдаю блаженно одиноко в одинокой избе
моей в одинокой
Руси моей безвинно блаженной осиротевшей

8—9 января 2008

ЮРИЙ МОГУТИН

МОЛЕНИЕ КО ВСЕБЛАГОМУ ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ

Ей, Господи, не знаю, что просить
У Милости Твоей; один Ты знаешь,
Что мне потребно. Дождик моросит,
Понеже зноя людям не желаешь.

Ты любишь меня более, чем я
Тебя любить умею. Дай же, Боже,
В мой краткий срок земного бытия
Тебя любить мне научиться тоже.
Пока живу, транжиря дни свои,
Терзаясь, заблуждаясь, сквернословя,
Соблазны окаянные в крови
Вращаются, как цвет камней в короне.

Дерзну ли утешенья иль креста
Просить у Твоего Добротолюбья?
Врачуй, коль пожелаешь, мои струпья,
Иль истреби с грехами без следа.

Любую долю от Тебя приму,
Судьбу благословляя троеперстно, —
Живот и смерть, свободу иль тюрьму, —
Душа моя перед Тобой отверста.

О, поврежденный веком человек!
Оставь с самим собой и с Богом битву,
Покуда соль стекает из-под век,
Кристаллизуясь медленно в молитву.

6 июля 2008

НЕ ОТТОЛКНИ МЕНЯ, ГОСПОДЬ!

Дитя скептического века,
Я болен всем, чем болен он.
Могу ль от Бога ждать ответа,
В соблазны света погружен?

И слезы поздних угрызений
Смягчат ли отчий гнев Творца?
Не лопнет ли Его терпенье,
Зане я грешен без конца?

Меня, увы, не поучала
В свой срок отцовская лоза.
Чудил, дерзил, молился мало,
Пока не грянула гроза...

И волны тягостных предчувствий
Тревожат душу все больней.
И жил я вроде в Иисусе
А сколько сжег бездумно дней!

Но средь житейской преисподней
Я ощущаю все ясней,
Что милосердие Господне
Сильней греховности моей.

В мирской трясине бездуховной
Душа — раба житейских благ.
Спаси мя, Бог, из тьмы греховной,
Да не возрадуется враг.

Молю Всевышнего в смиренье:
Когда мой дух оставит плоть,
Прими его в Свои селенья,
Не оттолкни его, Господь.

17 июня 2008

МОЛЕНИЕ ЦАРИЦЕ НЕБЕСНОЙ, БОГОРОДИТЕЛЬНИЦЕ, ЗАСТУПНИЦЕ ВСЕХ ХРИСТИАН

Преблагая Царица,
теплая Заступница сирых,
Солнце Правды обидимых
и Надежда ненадеящихся,
посох незрячих
и радосте всех скорбящих!
Радуйся, Радость миру рождшая,
Радуйся, Богомладенца на руках носившая,
пытки с ним претерпевшая,
и у креста рыдавшая,
о Воскресенье Его возвеселившаяся.
Радуйся!
К кому, как не к Тебе, Владычице,
прибегну я, ослепший, в отчаянье моем?
Кто, как не Ты, скорая Заступница,
услышит мя бедствующа?
Сокрушенным сердцем припадаю к Тебе, окаянный:
услышь мя погибающа, Мати Бога моего,
приклони Твое ухо ко мне, грешному.
Услышь стенание мое,
вонми воздыханию многоболезной души моей,
уврачуй, спаси и защити мя гибнуща,
настави мя, слепца, на путь правый,
вразуми, научи и приведи мя, ожесточившегося,
к тихой, безмятежной жизни,
да плачуся о грехах моих горько.
Владычице моя, Милосердная Богородице!
Сила безпомощных и пристанище безприютных,
недугующих исцеление и от всех зол избавление!
Вручаю себя милостивому покрову Твоему.
Не отступи от меня, грешного,
но буди мне, сироте, Матерью, Заступницей,
и лучом надежды во мраке моем.
Защити мя, безпомощного, от враг видимых
и невидимых,
умягчи злые сердца возстающих на мя,
защити от людских клевет и поношений,
се бо гроб отверст — гортань их,
и злосмрадием дышат глаголы их.
Обрати, Владычица, жестоковыйных сил
к вере и правде Христовой.
Если же сие невозможно,
то положи преграду злу их
и избави мя, беззащитного, от козней их.
Ведая скорь и беды мои,
не презри молений моих,
не возгнушайся мной, увечным м грешным.
Теплыми Твоими молитвами испроси у Господа
исцеление мне, окаянному слепцу,
и оставление грехов моих, вольных и невольных,
да получу добрый ответ на Страшном суде
Христовом.
Ибо иной надежды и иного прибежища,
кроме Тебя, Владычица, не знаю.
Моли за мя, злосчастного калеку,
Сына Твоего и Бога моего,
Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Недостойный и грешный раб Твой Юрий.

10 мая 2008

МОЛЕНИЕ СВ. АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Хранителю мой, Ангеле Христов безплотный,
приданный мне на соблюдение души и бренного тела,
Бога моли о мне, многогрешном рабе и унылом,
людския неправды и злобы борони мя во дни крутыя.

Заступниче мой, Георгие-страстотерпче,
раскинь надо мною небесную чудную скинью,
спаси от убийцы и ворога в темныя нощи,
от лживых глаголов доносчика огороди мя.

Целителю дивный, наставниче Богомудрый,
от лености, неразумия и тщеславия исцели мя,
наполни благими помыслы уничиженную мою душу,
очисти мой дух от скверны, дабы аз мог молиться Богу.

Ангеле лучезарный, не остави мене во унынии,
не предаждь мою плоть искушениям непотребным,
огради от враг, озлобляющих мя, затмевающих разум,
да ни в коем гресе прогневаю моего Бога.

* * *

Не слышна тишина моего труда;
Словно пчельник, роится словами мозг.
В янтаре увязла горюн-звезда,
Потому что речь это горный воск.

Потому что речь — это мать и дочь,
И горбушка с солью, и ночь без сна.
Задержи дыханье, исход отсрочь —
Разлился не Стикс, а река Шексна.
Этот холм в степи, этот свет в глаза...

Пошуруй в золе железякой, брат.
Догорает жизнь, как в костре лоза.
Вот и ты стоишь у Господних врат.
У Господних врат, у Христовых язв.

А за ними — пропасть и Страшный суд.
Се твой раб, убог и греховен яз,
Вряд ли поздние слезы меня спасут...

МОЛЕНИЕ СВ. ПРОРОКУ ИЛИЕ

надавай пощечин там-таму гулкого неба
извлеки из него бубнящие глухие звуки
прокатись по горним набухшим складкам
на огненной колеснице
пусть деревам и злакам приснится Господь Вседобрый

сотвори кропленье святою небесною влагой
нив возалкавших ливня в душный июньский полдень
ведь для Господня чуда годится пустяшный повод
скажем вот эта тучка на самом краю небосвода

целую вечность — сибирскую мерзлую зиму
не было слышно средь горних твоей Илия колесницы
и наконец громыхнуло!
дошла до пророка простая молитва
дружно запрыгали капли...
так что же я чудень рыдаю?

ПРЕД ЛИКОМ ТЕПЛИТСЯ ЛАМПАДА

Под вечер медленное стадо,
Пыля, бредет вдоль яблонь сада,
Ступая тяжко на дорогу...
Мы ближе и к себе, и к Богу
В часы заката. А луна
Растет на яблоне. И с липы
Стекают вязкие меды;
Медовым запахом облиты,
Луной просвечены сады.

Ночь растворила в лунной мгле
Лягушек, пляшущих вприсядку,
Ночных кузнечиков зарядку,
Туман, ползущий по земле;
Бычков, лежащих на соломе,
И жвачку мерную коров,
Покой, разлитый в каждом доме, —
Венец дневных больших трудов.

Луна глядит сквозь сетку сада,
Пред Ликом теплится лампада.
Господь хотяяй всем помочь...
И это — Высшая награда,
И ничего душе не надо —
Лишь этот Лик и эта ночь.

У РАКИ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ МАТРОНЫ

Над родимою сторонушкой
Журавлиная псалтырь.
Тих блаженную Матронушку
Приютивший монастырь.

Из глубинки по распутице,
По проселку, по грязи
Люди тянутся к заступнице
Всех страдальцев на Руси.

Всех приветит — неудачливых,
И болящих, и калек,
И глазницами незрячими
Видит зорче зрячих всех.

Оскудели наши житницы;
Есть у власти не проси!
Стала матушка защитницей
Бедняков всея Руси.

НЕРУКОТВОРНЫЙ ХРАМ СОСНОВЫЙ

Брожу средь птичьих голосов.
Уходят в небо сосны бора.
У наших северных лесов
Есть сходство близкое с собором.

Проснется сиверко, сердит,
Стволы откликнутся басово,
И колокольно загудит
Нерукотворный храм сосновый.

Высокий гул пойдет окрест,
И славят Бога зверь и птица,
Стволы поют «Христос Воскрес!»,
И пахнет ладаном живица.

Пред этим царственным раскатом
Смиренно голову склони:
Нет правых — все мы виноваты.
Все миром мазаны одним.

И эти звуки неземного
Приемлем как земные сны.
Мы не придумали иного.
О, до чего же мы бедны!

* * *

Над Россией царит зима,
Заметает погост и вьюга.
Помирает старец Кузьма
В земляном скиту под Калугой.

И душа его, кинув прах,
Вознеслась и предстала пред Богом:
— Как там овцы Мои, монах!
— Люто пьют и грешат премного.

У овец Твоих воля слаба,
А иначе бы яд не глотали.
Не умея сложиться в слова,
Их мольбы застревают в гортани.

Тускло светят волчьи огни,
Все надрывней рыдает вьюга...
— А друг друга любят Они?
— Убивают и грабят друг друга.

Хоть вопи, безпросветность кляня,
Хоть слезами в тоске заливайся...
— Да они хоть верят в Меня?
— В этом, Боже, не сумлевайся.

Надо выскоблить жизнь до бела,
Души вымыть от крови и сажи.
Но такая потом глубина,
Что приблизиться страшно даже.

16 ноября 2007

* * *

Памяти звонаря Антония Пчелинцева

Свой крест безропотно прими,
Забейся в пустынь, в склеп, в берлогу,
Где старцы, ветхие деньми,
Внимают вечности и Богу.

Пусть слез невыплаканный яд
И растлевающие книги,
Пусть все грехи перегорят.
Приняв Закон — прими вериги.

А этот бор и та скала
К тебе привыкнут понемногу.
С тобою не случится зла,
Пока ты под охраной Бога.

Тоска пройдет, как сон дурной,
Добро ж подсказано всем ходом
Молитв и плавным хороводом
Лесов, шумящих за спиной.

В лесу стреляет длинный кнут,
Трещат кустарником коровы;
Монаси ирмосы поют
Во славу вечно Всеблагого...

Мозг выхватит слова из мглы:
«Прости нас, Боже, и помилуй...»
Как в тишине гудят стволы!
Как в тесноте молчат могилы!..

ДУША И ПЛОТЬ

Стяжая дух, не презирайте плоть,
Ведь во плоти явил Себя Господь
И претерпел мученья, умирая.

Он завещал нам крест достойно несть,
Понеже плоть, страдающая днесь, —
Не столько кара грешнику и месть,
Сколь обещанье будущего рая.

Для плоти — тлен, для духа — синева,
Для плоти — безутешные слова
И сумрачный кладбищенский суглинок.

А перед тем — дурная круговерть,
Тщета, вражда, старение и смерть —
Извечный путь — от люльки до поминок.

Душа — не плоть, и путь души иной.
Раба, освобожденная Судьей,
Тоскуешь о привычноq несвободе.

Тоскуешь ты о каторге земной,
Где тяжкий труд, болезни, хлад и зной,
Тоскуешь обо всем, что было мной,
В туманность превратясь на небосводе...

Тебя, Душа, мне одолжил Господь
На малый срок, пока дышала плоть.
И вот я возвращаю то, что должен.

И только ниша полая в груди
Тревожно и покинуто гудит,
А червь могильный плоть пустую гложет...

12 сентября 2008

* * *

Колокольный звон над Русью
Панихидный,
Где молились мы ладонями к небу,
Дух мамоны над Престольной,
Лик ехидны.
Да туда ли мы живем?
Чертов ребус!..

При богатствах в нищете
Жить обидно:
Черным золотом
Брюхатые недра...
Широка ты, мати-Русь,
Изобильна.
Что же места беднякам
В тебе нету?

Лес, покосы, реку —
поделили.
Тут и недра делить стало нужно.
Пол-России мигом по миру
Пустили.
А пока не делили,
Жили дружно.

Зла не помнили,
Обид не копили.
Только зла новорусская
Хватка.
Точит, точит нас нужда,
Как напильник, —
Перепилит совсем
Без остатка.

Мать истаяла, и я —
Скоро следом.
Но останусь с вами
Строчками, листами.

Мои чада так же нищи —
С меня слепок.
Мы могли бы быть счастливей,
Да не стали...

Нет в России места бедным
И больным.
Вы живете, не давая остальным.

МОЛИТВА БОМЖА

Весь в гнойных струпьях, грязен, вшив,
Противен всем, и мне все чуждо.
Благодарю за то, что жив,
Хоть это никому не нужно.

За эту гибнущую плоть,
Гниющую в отбросах улиц,
Благодарю Тебя, Господь.
Все предали, все отвернулись...

Они считают, что в их дом
Беда клюкой не постучится,
Болезнь и бедность не случится,
Как с горемыкой-босяком.

Миллиардера и бомжа
В одну телегу впрясть не можно —
Сребролюбивая душа
И свалок пан ясновельможный —

Мы оба тленны и грешны,
За каждым ходит смерть кругами.
Я нищ — его счета полны.
Но есть ли разница меж нами?

Его иль мой завидя гроб,
Никто слезинки не проронит,
Никто не перекрестит лоб,
Ругнутся вслед да похоронят.

Он станет тленом, как и я.
И в этом Божья справедливость.
Ко звону злата глух Судья
И к падшему являет милость.

16 августа 2008

* * *

Господь не любит пьяниц, но жалеет.
Раб зелья, уяснив, что нелюбим,
Пред тем, как стать золой в оранжерее,
Провозглашает голосом моим:

— Не спрашиваю, для чего все это.
Затерянный меж Богом и людьми,
Я слышу плач всего, что не согрето.
Как жить, скажи, мне без Твоей любви?

И для чего пригляд Небес за мною
Таков, что все выходит вкривь да вкось?
Не трать свой гнев — я этого не стою,
С рождения со здравым смыслом врозь.

Дебилы слово Божие не учат,
Но боль свою несут в Господень храм.
Во рвах трава шевелится паучья,
И судьбы расползаются по швам.

* * *

Когда Всевышний Судия
Возьмет мой дух в Свои пределы,
И погребальная ладья
Вместит мое пустое тело,

Среди каждений и молитв
К могильным поплывет утробам,
И тридцать сборников моих
Смиренно тронутся за гробом,

Угомонившаяся плоть
Вселится в свежую могилу,
А дух спохватится: «— Господь!
Хоть не меня — детей помилуй!»

Ответа нет. Плыви туда,
Где ждет Харон на досках палуб,
Где смерть в гробах и желобах
Не издает ни слез, ни жалоб.

Земля сомкнется надо мной,
Но станет прилетать к могиле
Архангел с траурной каймой
По краю лучезарных крыльев...

19 августа 2008

Из цикла «Евангельские стихи»

ПУТЬ НА ГОЛГОФУ

Свете Тихий Невечерний,
Он вступал под клики черни
В хитрый Иерусалим,
Сидя кротко на осляти, —
На мученья, на пропятье, —
Страшным знанием томим.

Та же чернь, что изначала
Так восторженно встречала
Назорея своего,
Позже, — вторя фарисеям, —
Распаляясь и зверея,
Завопит: «Распни Его!»

Возликуют фарисеи:
Сдал Иуда Назорея
За условленную мзду!
И с разбойниками вместе
Будет Праведник из мести
Предан грозному суду.

Очищавший прокаженных,
Вразумлявший исступленных,
Жизнь Дававший мертвецам,
Что же Он идет на муки?
Что ж безсильны эти руки?
Пусть теперь спасется Сам.

Но, покорен Отчей воле,
Принял муки сей юдоли —
На Голгофу крест вознес,
Подгоняемый бичами,
Изувечен палачами.
И на крест возлег Христос.

Запах смерти веет в ноздри,
Палачи готовят гвозди,
Мрачен мир в виду конца.
Солнце клонится к притину;
Все готово к встрече Сына
У Вседоброго Отца.

КРЕСТНЫЕ МУКИ

Ошую — вор, и справа — вор.
А посреди — Христос распятый:
Сквозь смертный пот — смиренный взор;
Чело и грудь в кровавых пятнах.

Венец с шипами вкруг чела,
Надетый на него охраной.
Пунцовой розою цвела
В боку зияющая рана.

Се торкнул дротиком ромей
Меж ребер дышащих Христовых:
«—Ты воскрешал других. Сумей
Себя спасти единым Словом.

Иль примешь ныне смерть раба
Царем Назвавшийся однажды».
И оцет поднесли к губам,
Запекшимся от смертной жажды.

С охвостием свинцовым плеть,
И жизнь висящая на нитке...
Кем надо быть, чтоб претерпеть
Нечеловеческие пытки?

Кем надо быть, чтоб возлюбить
Своих мучителей, как братьев,
Молясь за собственных убийц,
Снося мученья и проклятья?

Христос молчал — кричала боль,
Вся плоть распятая кричала
Отцу Небесному: — Доколь?!
Но кат все начинал сначала.

Кровавый пот стекал с креста,
Молчала мрачная Голгофа.
И возносился дух Христа
В селенья Бога Саваофа.

6 августа 2008

НА КРЕСТЕ

Зияла кровоточащая рана
Меж ребрами распятого Христа.
Его одежду поделив, охрана
Теперь слонялась праздно у креста.

В рыданьях бились Мать и Магдалина
И Петр от безсилья и стыда.
Фавор, Хеврон, масличная долина
Казалось, с Ним прощались навсегда.

Под этой страшной ношею Голгофа
И та, казалось, исторгала стон.
Ослепло солнце, и земля оглохла,
И пересох от ужаса Кедрон.

В каких виденьях страшных ясновидца
Родилась эта каменная тишь
И пьяные от зверств богоубийцы?
Что ж, Господи, Ты терпишь и молчишь?

Жгут раны Твои оводы и плети,
И пот слепит, и горло жажда ест,
Но мученики двух тысячелетий
Костями подпирают этот крест.

1 июля 2008

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Спит Сион, ликует злоба:
Заточенный в склепе гроба,
Мертв пропятый Царь царей!
Кровожаднее зверей,
Ходит стража — смотрит в оба
В тусклом свете фонарей.

Смотрят зорко на дорогу.
Невдомек им, что для Бога
Нет ни стражей, ни преград;
Что сошедший в самый ад
Днесь отринет камень гроба.
Твердь и хляби задрожат!

И свершилось! В страшном гуле
Небо вдруг перечеркнули

Три пылающих креста,
Пали те — на карауле,
Грозно молнии сверкнули
Над гробницею Христа.

Время вдруг остановилось.
Свет струился над могилой
Ярче солнечных лучей,
Заливая всю Голгофу.
Мир объяла катастрофа.
Страх напал на палачей.

И надменный прокуратор,
Смертным ужасом объятый,
И прислуга пали ниц;
Мертвецы пришли в движение
В ночь Христова воскресенья
В ярких сполохах зарниц.

Богоборцы-иудеи,
Веры в сердце не имея,
Благодати лишены,
Забивались в схроны, в щели,
Словно вдруг окаменели,
Дикой паники полны.

МИРОНОСИЦЫ У ГРОБА ГОСПОДНЯ

А когда заря вставала,
Вглубь могильного провала,
Отгоняя смертный страх,
Заглянули две Марии,
Иоанна, Саломия
С ароматами в руках.
Смотрят скорбно вглубь могилы:
Что за силы отворили
Тяжкий камень гробовой?
Гроб отверст, и камень сдвинут,
Грозной силой опрокинут
Римских стражников отряд.
Пелены в гробу лежат...

Мрак могильный дивным светом
Весь заполнен, и одетый
В ризы, белые, как снег,
Сел на камень человек.

Человек ли? Ярче молний,
Света горнего исполнен,
Ангел Божий им предстал.
Ниц упали две Марии,
Иоанна с Саломией —
Онемели их уста.

Чудный глас вернул их к жизни:
— Время ль помышлять о тризне?
Жены слушали без слов
Вопрошавшего сурово:
— Что вы ищете Живого
Средь почивших мертвецов?

Из стихов для детей

ПАСХА НА ВАЛААМЕ

Как по морю, по волнам
Мы плывем на Валаам,
Ко святому острову —
Помолиться Господу.

Вот причалил теплоход,
А навстречу — Крестный ход,
С пением, с хоругвями,
С куличами круглыми.

Далеко плывет окрест
С колоколен благовест,
И звучит: «Христос воскрес!»
И: «Воистину воскрес!»

Сверху солнце во всю мочь
Светит всем, старается —
Видно, тоже в эту ночь
Спать не собирается.

Значит, нравится ему
Колесить над островом,
Разгонять ночную тьму,
Прославляя Господа.

ДОБРОТА

Кто тянется к Церкви
И молится Богу,
Тому не свернуть
На худую дорогу.

Он любит животных —
Котенка, козла
И людям вовеки
Не сделает зла.

МОЛЕНИЕ

У каждого свой Ангел за плечом —
Хранитель и Воитель дивных Сил.
И скольких Он невидимым мечом
От смерти и несчастий защитил!

У грешника печальная судьба.
Да так ли жил я, как Христос учил?
Прости меня за все, чем я Тебя,
Мой Ангел, в этой жизни огорчил.

РАЗДУМЬЯ ПЕРЕД ПЕРВОЙ ИСПОВЕДЬЮ

Шестой годок на свете прожит,
Пора на исповедь идти.
Тебя пока ничто не гложет.
Безгрешен, стало быть? Почти...

Один грешок: не любишь кашки.
Растешь в родительской любви.
А убиенные букашки?
Подстреленные воробьи?

Стекло разбитое? Рогатки?
А друга в хвори навестил?
Поправил стоптанные грядки?
И шепчешь: «Господи, прости...»

НАГРАДА

Целый мир
У нас с тобой:
Солнце, дождь,
Морской прибой,
Степь, тайга,
Пушистый снег
И Господь —
Один на всех.

Забывать
О Нем не надо.
И достанутся
В награду
Солнце, чайки,
Лес, вода —
Все для всех
И навсегда!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Посвящается Евдокии,
Маше и Леше Личутиным

Воскресенье Вербное.
Дуня встала первою
И спешит к реке.

Тут и Маша с Лешею,
Каждый с легкой ношею —
С вербочкой в руке.

Солнышко весеннее,
В Божьем храме пение —
Радостно душе.

Вербы с перламутрами.
А народ к заутрене
Тянется уже.
Старые и малые —
С вербой красноталовой.
И белы, как снег,

Богомольцы, постники.
И Господь на ослике —
Впереди их всех...

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

В светлый праздник Красной Горки —
Антипасхи — по весне
Над Москвой святой Георгий
Пролетает на коне.

Среди грохота и смрада
Злу несметному грозит
И чешуйчатого гада
Пикой острою разит.

Колебания не зная,
Бьет Воитель сатану,
От напастей защищая
Православную страну.

* * *

Если все, что ни есть обращается в тлен,
То к чему соловьиный рассвет,
Эта ласковость теплых девичьих колен,
Если смерть это сводит на нет?

Женский жаркий за стенкой прерывистый стон,
Нежный лепет младенца и плач...
Это все — лишь прелюдия их похорон?
В поте трудится Хронос-палач...

Сатана раздувает свой дьявольский горн;
Хохоток сатанинский зловещ:
— Все пойдете могильным червям на прокорм.
Не такая уж важная вещь!

— Прочь, вражина! Душе не вещай ни о чем.
Верный Богу в аду не сгорит.
Вновь долдонит о чем-то за левым плечом,
Но неведом его алфавит...

* * *

Меня отлучило от стада
Увечье мое — слепота,
Но зренья душе и не надо,
Чтоб въяве узреть Христа.

Иного не жду подарка
Во тьме моей — крот-слепыш.
—Как, Боже, сияешь ярко! —
Глазницы мои слепишь!

13 сентября 2008

ЛЕОНИД ГУБАНОВ (1946—1983)

МОЛИТВА

Моя звезда, не тай, не тай,
Моя звезда — мы веселимся,
Моя звезда, не дай, не дай
Напиться или застрелиться.

Как хорошо, что мы вдвоем,
Как хорошо, что мы горбаты
Пред Богом, а перед царем
Как хорошо, что мы крылаты.

Нас скосят, но не за царя,
За чьи-то старые молебны,
Когда, ресницы опаля,
За пазуху летит комета.

Моя звезда, не тай, не тай,
Не будь кометой той задета
Лишь потому, что сотню тайн
Хранят закаты и рассветы.

Мы под одною кофтой ждем
Нерукотворного причастья
И задыхаемся копьем,
Когда дожди идут не часто.
Моя звезда — моя глава,
Любовница, когда на плахе
Я знаю смертные рубахи
Крахмаленные рукава.

И все равно, и все равно,
Ад пережив тугими нервами,
Да здравствует твое вино,
Что льется в половине первого.

Да здравствуют твои глаза,
Твои цветы полупечальные,
Да здравствует слепой азарт
Смеяться счастью за плечами.

Моя звезда, не тай, не тай,
Мы нашумели, как гостиница,
И если не напишем — Рай,
Нам это Богом не простится.

1965

* * *

Мы себя похоронили —
ни уздечки, ни седла,
только крылья, только крылья,
только песня нам с утра.

Только птицею взвиваться,
небеса благодарить,
никогда за хлеб не драться,
а парить, парить, парить!

И своим орлиным оком
видеть то, что проще нас, —
люди ходят ведь под Богом,
мы живем у Божьих глаз.

И летаем, и воркуем
гимн неслыханный вдвоем,
нас стреляют, мы — ликуем!
Распинают, мы — поем!

И сгорев, мы воскресаем
Вознесенья вешним днем.
Небо с синими глазами
в сердце плещется моем!..

* * *

Когда я думаю о Боге,
То просыпаюсь по ночам.
Молюсь в волненье и тревоге
Его невидимым лучам.

То кажется, что вот Он, рядом...
То — далеко и высоко.
Но никаким не найден взглядом —
Он там, за сенью облаков.

Я в это верую как в чудо,
Как в истину — яснее дня.
Ведь если не было огня,
То не придумали б Иуду!

9—10 апреля 1980

* * *

Что ангел мой родной мне пишет?
Что Бог к моим страданьям шьет?
Я чувствую тебя все ближе,
холодной грусти переплет.

От этой истины, ручаюсь,
с людскою ложью водку пью,
на славу царскую венчаюсь
и славы царской не люблю.

А забинтованной женою
идет Россия по холмам
церквей, засыпанных золою,
где кости с кровью пополам.

Мое чело чеканит стужа,
мое перо таскает враг,
я навожу приятный ужас
лишь стопкою своих бумаг.

Вас ждет Антихрист, ждет Антихрист
и чавкающим стадом — ад.
Я умоляю вас — окститесь,
очнитесь, и сестра и брат.

Кто может здесь еще молиться —
пусть молится, иначе плен,
и от зари и до зарницы
вы не подниметесь с колен.

И зверь — иконой будет вашей
по всей земле, по всей земле,
и будут гарцевать по пашням
немые всадники во мгле.

И вашим мясом, вашим мясом
откормят трехголовых псов,
и кровью вашей, словно квасом,
зальют тюремный ваш засов.

Глаза мои бы не глядели
на вашу землю в эти дни,
но вот мы с ангелом летели
и плакали, что мы одни!..

* * *

В монастыре, за красной папертью,
где голосят и бьют поклоны,
моей весны дороги парятся
в тазу потресканной иконы.

Мне семь, я рвусь из сенок в синь,
но, задыхаясь и скользя,
по мне, по маленькой Руси
елозят чертовы глаза.

И пальцем мне грозят и Богу,
не разрешают речь сказать,
а мне бы выйти на дорогу,
закрыв зеленые глаза.

Или, накинув полотенце,
на Вас — Нерукотворный Спас,
сбежать из дома и всем сердцем
молиться при луне за нас!

* * *

Я тебя забываю...
Забываю тебя!
Словно в гроб забиваю
желтый труп ноября.

Ничего я не знаю,
да и знать не хочу,
я тебя задуваю —
золотую свечу!

И навек ли, не знаешь?
Эта осень в красе...
Ты во мне умираешь!
Умираешь совсем.
А душа моя — бойня
злых и сочных обид,
и впервые так больно
от горячих молитв!..

* * *

Никто не узнает
и не добежит.
Что слава? Что знамя?
Что сабля? Что щит?..

Что мнимые кости
беременной власти?
Что сласти? Что трости?!
Что лживые страсти?

Что небо вкрутую?
Что солнце нам всмятку?!
Прошу я святую —
на боль мою взгляд хоть.

Молюсь в тишине я
и в грозах молюсь,
прибитый шрапнелью
по имени — грусть.
Заступница света!
Затворница тьмы!
Дай теплого лета
и легкой зимы.
Дай хлеба на воле,
дай неба в тюрьме,
избави от горя,

избави и не
оставь ради Сына
Иисуса Христа.
И первенца силы
зажги, как звезда.
Ничто мне не страшно,
о Матерь моя!
Он первый, Он старший,
лампадка моя!
А что без Него мне —
ты знаешь сама —
неволя, неволя,
глухая зима.
Что муза? Что слава?
Что шпага? Что щит?
Малютка-держава,
защиты ищи
не в теплых ладонях,
а в сердце Отца,
где веры довольно
и милость Творца!..

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Еще не выжжена трава,
еще дожди не промелькнули.
Я не хочу себя скрывать
ни от грозы и ни от пули!

Ни от Архангела в тиши
и ни от губ разбитых молний,
и золотой своей души
я не меняю, это поняли?!

Пока я не слышу зов трубы,
пока себя гублю, не брезгуя,
глагол своей святой судьбы
несу к тебе на очи трезвые.

И каюсь, каюсь каждый день
в презренной слабости от дьявола.
Но ты пойми — я ссоры тень,
я Евы траурное яблоко.

Добро и зло в моей груди,
а в сердце, в сердце нежность ангельская.
Пока я жив, молю, приди! —
без телефона и без адреса.

Пока я жив, молю, гряди
со славою своей и воинством!
Пока я жив, молю, свети
по всем моим тропинкам тористым!..

* * *

Я живу, как Бог прикажет.
Рок подскажет, черт простит.
Я живу, как иней ляжет.
Я живу, как снег хрустит.
Как волна, что в скалы бьется
В одиночестве своем.
Как вода в святом колодце,
Затаенная дождем.
Как, не требуя награды,
Колосок или росток.
Я живу и тяжким градом
Бью и Запад, и Восток.
А теперь запомни имя:
Я — родник, мои богини —
Ива, роза и сирень.

Декабрь 1981

МАРИЯ АНДРЕЕВСКАЯ (1936—1985)

Сергей Аверинцев писал о первой посмертной публикации стихов Марии Андреевской в молодогвардейском альманахе «Поэзия» (1986, № 44):

«Мы, любители стихов, из нашего грустного опыта знаем, что подделать можно многое. И мы знаем, что есть вещь, которую нельзя подделать, хотя подделать ее пытаются вновь и вновь: подлинность судьбы. Стихослагатель без судьбы — самая горькая нелепость, какая только есть на свете.

В свое время Рильке, размышляя о подступающей безличности, молил в стихах о том, чтобы каждому была дана его собственная смерть — итог, который вытекал бы из состава и строя прожитой жизни с неподдельностью органического процесса, подобно тому как мать из глубины своей природы порождает дитя. Это полная противоположность несчастному случаю, который при всей своей огорчительности в конечном счете несерьезен, как все случайное; серьезна только необходимость, а необходимо лишь то, что "собственное". Несчастный случай с человеком "приключается", но трагедию человек берет на себя, страдая, но не отказываясь ни от чего, в глубоком единстве своей воли и своей судьбы. Потому и конец, что победа окончательна, навсегда — последняя, дорого оплаченная победа личного начала.

Имевшие счастье и честь близко знать безвременно ушедшую от нас Марию Ивановну Андреевскую - мою однокурсницу, с которой мы вместе кончали в 1961 году филологический факультет Московского университета, — должны засвидетельствовать, что на ней этот строгий императив осуществился сполна. Она прожила свою собственную жизнь и умерла своей собственной смертью. По росту ее душе.

Своя жизнь, своя смерть — только это дает право на свое слово. Жизнь была трудной и не баловала радостями. Тихая, при очень большой отзывчивости внутренне уединенная девушка с душевным складом, что называется, не нынешнего века, с обликом барышни

из старой книги, с прямой осанкой и удивительно легкими, словно окрыленными движениями, — кажется, компьютеры всего мира давным-давно вычислили, что таких людей больше быть не должно, однако они, слава Богу, встречаются, — она не искала удобных путей и не устраивала своих дел. Была ли в ее жизни любовь? О да, была — не только без надежды на счастье, но с заведомым, выстраданным и осознанным отказом от счастья. А потом пришла болезнь — та самая, от одного имени которой наши современники теряют дар речи. (Маша всегда выговаривала свой диагноз абсолютно спокойно, ни разу не дрогнувшим голосом.) Собственно, дело было так: Маша подозревала, что с ней, но при жизни матери не шла к врачу, чтобы это каким-нибудь непредвиденным образом до нее не дошло. Дочь, которая добровольно отдала возможность излечения, чтобы не отравить последних лет матери Здесь уже никто не будет говорить о несчастном случае; это поступок, выбор, сделанный — свидетельствую — с ясной головой. Такой была жизнь — а смерть была страдальческой. Умирание растянулось на долгие годы. Физические страдания должны были доходить до непредставимых пределов; и все же мне кажется, что они мучили Машу меньше, чем унизительность телесной немощи. То и другое она несла с образцовым терпением.

Вот что стоит за стихами...»

* * *

Я в храме сосен молитв не слышу,
Когда в вершинах возникнет хор.
Орган стволистый лишь шумом дышит,
И звоном хвои гудит простор.
Без откровений тускнеют зори.
Затих сосновых вершин порыв.
...Сияет звездный бурьян-цикорий,
На горьких стеблях лазурь раскрыв.

1957

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Господи, спасай меня сегодня,
За руку — пускай хрустит — тащи!
А не то я поскользнусь на сходнях,
Упаду во мрак своей души.
Господи, захлопнуться не дай мне,
Щелку в двери кованой оставь!
Не сомкни вокруг меня в молчанье
Эту твердокаменную явь!
Господи, держи меня в ладонях,
Руку от души не отними.
Воздуха глоток на перегоне
Дай мне между небом и людьми!

8 апреля 1966

* * *

Дождь помогает нам оплакивать друг друга...

3 мая 1974

Дождь не поможет нам оплакивать друг друга:

У Вас — и тьма другая и заря,
А мы — еще внутри земного круга,
«Надгробные рыдания творя»
Слезами, и цветами, и словами,
И выпитою горечью вина.

...Стучались — Вы
Отверзлось — перед Вами.
А перед нами — тайна и стена.

С 1 на 2 сентября 1974

* * *

Какая сила — смерть: ее приход —
Защита человеку от неволи,
Спасенье от безумия и боли,
Берущих в свой жестокий оборот!

Какая сила — смерть: она зовет
В высокий строй работы и молитвы
И очищает праведностью битвы
Душевный окоем и небосвод.

Какая мера — смерть: она дает
Оставшимся крутой масштаб потери
И стережет, как ангел, наши двери
От мелочности суетных невзгод.

Какая правда —смерть: она кладет
Предел самообману...

С 1 на 2 сентября 1974

* * *

Увидимся?.. Я плачу, зная: Да.
— Иначе в чем же чудо Воскресенья?
За толщей многолетнего труда,
За медленным течением терпенья,
Когда я, выстрадавши, буду знать,
Как душу отдавать нам друг за друга,
Каким прикосновением испуга,
И горечи друг друга защищать,
Когда Господня разразится вьюга
И из моей души изгонит тьму
И исцеленным сердцем я пойму,
Какую радость приносить друг другу,
Увидимся.

Со 2 на 3 сентября 1974

* * *

Прими нас, Господи, идущих по дороге
Из новогодней тьмы, из самой долгой тьмы,
Мощеной страхом и тоской о Боге
И суетой столичной кутерьмы.
Расслышать дай за шумом наших улиц,
За блеском магазинов и реклам,
Как песни ангелов Твоих проснулись,
Как полон голосов небесный храм.
Верни нам, Господи, способность к свету.
Не доходя ли, перейдя ль черту, —
Прими нас всех — тех, кто еще по эту,
И тех, которые уже по ту.
Дай знать, что там, искупленная кровью,
За смертною чертой душа жива —
Не в мертвом сне, а движется любовью,
Ведомая Звездою Рождества;

Дай ощутить в земной глухой судьбе,
Как Ты ведешь и светишь за могилой,
Как Ты снимаешь благодатной силой
Печаль со лба, приникшего к Тебе.
В сияющую высоту Спасенья
Душе последний открывая путь,
И здешней, горестной любви биенье
Нас научи в подмогу протянуть.

2 января 1975

* * *

Господь храни Вас на путях мытарства
И помоги избыть и муть и тьму,
В каких душа задохлась, как в дыму,
Ища вслепую верного лекарства.

Да светит Вам Господняя звезда,
Лицом к которой ставит нас могила,
И да поможет Вам святая сила
В свершении душевного труда.

И душу, Господи, сраженную познаньем,
По благости, немыслимой людьми,
Из потрясенной бездны покаянья
Рукой животворящей подними!

29 мая 1975. Вологда

ОЛЬГА СЕДАКОВА

ДАВИД ПОЕТ САУЛУ

— Да, мой господин, и душа для души —
не врач и не умная стража.
(Ты слышишь, как струны мои хороши?)
Не мать, не сестра, а селенье в глуши
и долгая зимняя пряжа.

Холодное время, не видно огней,
темно и утешиться нечем.
Душа твоя плачет о множестве дней,
о тайне своей и о шуме морей.
Есть многие лучше, но пусть за моей
она проведет этот вечер.

И что человек, что его берегут? —
гнездо разоренья и стона.
Зачем его птицы небесные вьют?
Я видел, как прут заплетается в прут.
И знаешь ли, царь? не лекарство, а труд —
душа для души, и протянется тут,
как мужи воюют, как жены прядут
руно из времен Гедеона.

Какая печаль, о, какая печаль,
какое обилье печали!
Ты видишь мою безответную даль,
где я, как убитый, лежу, и едва ль
кто знает меня и кому-нибудь жаль,
что я променяю себя на печаль,
что я умираю в начале.

И как я люблю эту гибель мою,
болезнь моего песнопенья!
Как пленник, захваченный в быстром бою,
считает в ему неизвестном краю
знакомые звезды — так я узнаю
картину созвездия, гибель мою,
чье имя — как благословенье.

Ты знаешь, мы смерти хотим, господин,
мы все. И верней, чем другие,
я слышу: невидим и непобедим
сей внутренний ветер. Мы все отдадим
за эту равнину, куда ни один
еще не дошел — и, дожив до седин,
мы просим о неи, как грудные.

Ты видел, как это бывает, когда
ребенок, еще безсловесный,
поднимется ночью — и смотрит туда,
куда не глядят, не уйдя без следа,
шатаясь и плача. Какая звезда
его вызывает? какая дуда
каких заклинателей? —
Вечное да
такого пространства, что, царь мой, тогда
уже ничего — ни стыда, ни суда,
ни милости даже: откуда сюда
мы вынесли все, и вошли. И вода
несет, и внушает, и знает, куда...

Ни тайны, ни птицы небесной.

<1979>

МОЛИТВА

Обогрей, Господь, Твоих любимых —
сирот, больных, погорельцев.

Сделай за того, кто не может,
все, что ему велели.

И умершим, Господи, умершим —
пусть грехи их вспыхнут, как солома,
сгорят и следа не оставят
ни в могиле, ни в высоком небе.

Ты — Господь чудес и обещаний.
Пусть все, что не чудо, сгорает.

ДИНА ТЕРЕЩЕНКО

В ХРАМЕ

А.И. Цветаевой

Молюсь и верю — Ты — услышишь!
Ты успокоишь. Ты поймешь.
Лампаду тихий вздох колышет,
года, как истину итожа.
И за живых, и за усопших,
земная грешница, молюсь.
Перед иконой не захлопнешь
врата свои. Я поклонюсь,
Господь, Твоим терновым мукам,
Твоим терзаниям за всех!
В душе моей одни разрухи,
житья неправедного грех.
Услышь, внемли моим молитвам,
спаси, помилуй, сохрани.
Паду на мраморные плиты,
как горячи от слез они!
Спасительная благость храма,
спасительная тишина —
врачует, исцеляет раны.
Я больше жизнью не больна!

Июнь—июль 1991
Переделкино

ЕВГЕНИЙ РЯПОВ

ПОМЯНЕМ УБИЕННЫХ РОССИЯН

Молимся, Господи, мы о
расстрелянных,
В тяжких работах жестоко замученных,
В шахтах, болотах, каналах рассеянных,
Верных Тебе или верить наученных.
Господи, Ты упокой их!
Священник Дмитрий Дудко

Помянем убиенных россиян!
Россия, вспомни убиенных! —
Твоих блистательных дворян...
Твоих поэтов несравненных...

Помянем убиенных россиян!
Помянем звоном колокольным:
Солдат, священников, крестьян,
Чей прах развеян ветром в поле...

Добром помянем тех, кто был убит,
Кто канул в пропасть лихолетья, —
Пусть с невиновных будет смыт
Позор посмертного безчестья.
Помянем убиенных россиян! —

Поставим свечи под иконы...
И сквозь редеющий туман
Придем под старые знамена...

Помянем убиенных россиян!
Россия помнит убиенных! —
Своих блистательных дворян!
Своих поэтов несравненных...

Помянем убиенных россиян!
Помянем мучеников наших...
И Русь в тиши лесных полян
Скорбит, как мать о детях павших...

1991

ЧУДОТВОРЕЦ

В Лавре тихие минуты,
Пахнет воском в сотах келий...
В стенах Лавры ранним утром
Ходит сам игумен Сергий...

Светоч русского народа —
Негасимая лампада,
Всей России воевода,
Православных душ отрада...

Богородицей любимый,
Силы Божьей прославленье,
Он, неслышимый, незримый,
Побывает в каждой келье...
Обойдет с молитвой храмы,
У икон поправит свечи,
Самый светлый, самый-самый... —
Русской святости предтеча...

Благодатный чудотворец,
Равный ангелам небесным,
Он поет в Небесном хоре,
Всеблагому Спасу десный...

Он молитвой непрестанной
О своих печется чадах,
О Державе, Богом данной,
О священниках, мирянах...

Покровитель и заступник,
Исцелитель и помощник... —
Образ тлену недоступный,
Как его святые мощи...

И пока ты, отче, с нами —
С нами Троица святая,
И стоит Россия в храме,
Веру предков обретая...

ПРЕПОДОБНЫЙ

Я всегда для вас живой...
Св. преподобный Серафим Саровский
и всея России Чудотворец

Над лесом заката багрянец —
Вечерний молитвенный час...
О дивный Дивеевский старец,
Молись, Серафиме, о нас!

Господней молитвой горячей
Спасителю Мира молись...
Молись Богородице, старче,
За нас перед Ней заступись!

И Троице снова и снова
Молитвы свои вознеси,
И молви смиренное слово
Во имя спасенья Руси...

Молись об Отечестве нашем,
О людях Российской земли,
О Храме, из пепла восставшем,
Молись, Преподобный, молись!

Еще помолись об ушедших,
Кто Имя прославил твое...
Молитвой нас, грешных, утеши —
Мы знаем о силе ее...

Великий угодниче Божий,
Ты немощных нас исцели!
Пусть Небо тебе в том поможет —
Моли Его, отче, моли!

2000

* * *

Призови Меня в день скорби твоей;
И Я избавлю тебя, и ты прославишь
Меня...

Пс. 49, 15

Боже! Уведи меня от бездны —
Мимолетным взглядом уведи,
Дуновеньем ветра, Силой Крестной,
Криком птиц, летящих сквозь дожди...

Мне чудес невиданных не надо:
Я прочту Знамение Твое
Меж коротких строчек звездопада,
Где пергамент облака плывет...

Боже! Не отринь моей молитвы,
Луч надежды мне оставь, Господь!..
Каплей крови, что Тобой пролита, —
Исцели и душу мне, и плоть...

Мне чудес невиданных не надо:
Я прочту Знамение Твое

Меж коротких строчек звездопада,
Где пергамент облака плывет...

* * *

... если вы будете иметь веру
с горчичное зерно и скажете
горе сей: «перейди отсюда туда»,
и она перейдет...

Мф. 17, 20

Молитвами святых отцов
Спаси, Владыка, нас,
Не отврати от нас лицо,
Помилуй в Судный час.

Святыми грешных оживи —
Не дай уйти на дно,
И веру в нас благослови —
С горчичное зерно.

СТАРЕЦ АРИСТОКЛИЙ

Людьми, как икона, намолен
Портрет, излучающий свет,
Там старец отец Аристоклий,
Спасавший болящих в Москве.

Двадцатого века начало —
Болезни, война и мятеж...
И смутного времени жало —
Осколки от прежних надежд...

А старец молитвой, заботой,
Целительной верой своей
Лечил, опекал, нет, не сотни —
Лечил сотни тысяч людей!

И славилась, старцем хранима,
Икона — Великий святой
Врач мученик Пантелеимон
Взирает с нее, как живой...

Икона была чудотворной:
Кто с верой святого молил,
Тому благодатной иконой
По вере давалось и сил.

И с образом этим в больницы,
В приюты — к постелям больных
Шел старец целить и молиться
О душах измученных их.

Так множился счет исцеленьям...
И ныне, отнюдь не секрет,
Что люди с душевным волненьем
Целуют тот старый портрет...

Жил старец отец Аристоклий —
Молвой по делам вознесен...
И тот, кто прочтет эти строки,
Не им ли когда-то спасен?..

НЕОФИТ

Пути Твоя, Господи, скажи ми
и стезям Твоим научи мя.

Пс. 24, 4

Не дай мне, Бог, растить крутые плечи,
Не дай мне, Бог, хранить огонь для битв,
А дай мне, Бог, затеплить в храме свечи,
И дай мне, Бог, восторг Твоих молитв!

Не дай мне, Бог, безчестного богатства,
Не дай мне, Бог, наследовать родным,
А дай, Господь, душе моей лекарства
Твоей Небесной светлой доброты!

Еще недавно злом я был растерзан —
Живого места не было в душе...
Я водку пил и в мыслях вены резал...
Когда б не Ты — я умер бы уже.

Но ты, Господь, нашел меня — слепого,
И в этот день для веры я прозрел:
Не то чтоб я поверил сразу в Бога, —
Я только шаг свой первый одолел.

Любую боль учусь принять как благо,
Учусь Тебя за все благодарить...
Иду к Тебе, мой Боже, шаг за шагом...
Нет! Не иду — я лишь учусь ходить.

ВОСЛЕД МОЛИТВЕ

Сергею Рудову, моему другу,
и всем сохранившим идеалы

Так не хочется быть всеядным...
Святый Господи! «Даждь нам днесь» —
Не польститься на то, что рядом,
Не привыкнуть к тому, что есть!

Дай нам, Бог, из подножной грязи
Не лепить в суете судьбу,
И к пустой не привыкнуть фразе,
И нытьем не назвать мольбу!

Дай нам, Боже, не слуг, а близких,
И самим — не рабами жить!
Дай нам, Бог, вдохновений искры
И трудов непустой души!

Дай нам, Бог, не подруг попутных,
Не застольных друзей на час,
А людей, что встречают утро,
Вспоминая с любовью нас!

Дай нам, Бог, не утратить меры
В собирании благ земных,
И чтоб Мир не казался серым,
И чтоб светлыми были сны!

Пусть доверье не будет хрупким
И прибавит нам сил в беде,
И не будут черны поступки —
В разноцветии наших дел!

А еще дай нам, Боже Вечный,
Избавленья от общих смут!..
И покровом на наши плечи —
Пусть молитвы святых сойдут!

2007

ГАЛИНА КЛИМОВА

* * *

о. Валентину (Дронову)

Помолись за меня,
пока я еще рядом,
и гордость
престольным возносится градом,
названным Москва — Третий Рим.
Как жарко очами горим, говорим,
впадая не в милость,
в безумие, в прелесть,
дрожа над стихом,
разжигающим ересь
на бойком языке огня.
Молись за меня.
Помолись
со слезой вифлеемских свечей,
чтобы строк не померкли зарницы
пред улыбкой великой блудницы,
ее душных и грешных ночей,
до которых святым недосуг.
Светает. Это Страшный суд
во всей прямоте невечерних лучей.

1997

* * *

Обид забористых частокол,
ни щели, ни лаза.
Слеза устремленно ведет протокол
из левого глаза.
Трава подстрекает.
Подводит тропа,
сто верст пешком до небес.
И что теперь плакать,
и что роптать,
как дремуч мой путь
через крестный лес.
И язык мой,
возлюбленный враг,
предрекая неравную битву,
дальше Киева доведет враз,
лишь Иисусову вспомню молитву.

1997

* * *

Молитесь в утреннем саду,
чтоб сад не занемог.
Псалмы читайте на ходу
споткнувшихся дорог.
Кто одичал или продрог
и сам себе не по нутру,
молитесь на ветру.
Через две тыщи грешных лет
вам отзовется Назарет,
преуспевающий на вид.
Возможно, звездный Вифлеем
в решении земных проблем
при жизни вас усыновит.
Иерусалим благословит.

1999

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ФЕРАПОНТОВЕ

По норовистым рытвинам, да с понтом,
чем так бахвалится родное бездорожье,
на попутке поспешали к Ферапонтову
на Рождество Небесной Матери Божьей
не чужие, не родные, не случайные:
отец Валентин, Евдокимов да я.
Высоко — тишина, или песня величальная,
и восторг в виду монастыря.

Минут тридцать у нас все-таки было.
Но тут — крестный ход с батюшкой
(во, верзила!),
ризы, песнопения, поклоны...
Где тут фрески Дионисия? Где иконы,
художества неземные, земляные краски,
тертые его рукой из камней, и глин, и ряски
на берегу озера Бородавочного,
нашего с Дионисием знакомца давешнего?

И пока отец Валентин распевал тропари
как малый сий без подобающего убранства,
скульптор Евдокимов и молитву сотворил,
и радугу в рамке праздничного пространства.

А я просительно заглядывала в глаза Богу,
о своем сыне умоляла Матерь Деву,
речного жемчуга браслет купила на руку левую
и упала поперек крестного хода,
подвернув ногу.
Ох, грехи мои тяжкие...
А шофер вовсю сигналил из ближайшего кювета.
Прихожане отзывались, кто стараньем, кто советом,
оттого еще труднее с Ферапонтовом прощаться,
к бездорожному несчастью общей жизни
возвращаться.
Вот и Рождество, и праздник по новому стилю!
И коровки весело вслед благовестили.

2000

* * *

Между ближним и Богом
не последней, но крайней,
меж любовью и долгом
мне зализывать раны.
Между Богом и ближним
для битья или битвы
мне — зачем — третьим лишним
поперхнуться молитвой,
не насытившись хлебом,
захлебнуться облыжным
обложным нижним небом
между Богом и ближним.
И без реанимаций,
лишь бы духом и махом,
и всевидящим страхом
только бы оклематься.

2002

* * *

На босу ногу, натощак, в сорочке,
как только пришлый день раскинет сеть,
вожу по строчкам пальцем, силюсь петь
псалмы и тропари...
Я к Божьей Матери напрашиваюсь в дочки
с домашней живностью, со всей своей семьей,
с потомками борцов за справедливость,
юристами, врачами...
Сделай милость,
прими Ты, гордых нас, как травостой,
как тот полынный жухлый из пустыни
и тот — стеной степной — из ковыля.
О Мати Дево,
всех, кто без руля и без царя,
пригрей отныне...

Такие завернули холода,
что воробьи скукожились на ветке.
На подоконнике крещенская вода,
«Бон Аква», если верить этикетке.

2003

БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРЖСКАЯ

Радуйся, имени своего отрекшаяся,
себя же умершей именовавшая.
Радуйся, в юродстве имя мужа
твоего Андрея принявшая. Радуйся,
именем мужеским назвавшись,
немощи женской отрешившаяся.
Из акафиста св. блаженной Ксении Петербуржской

Строчу ей записочку: по-мо-ги!
А с боку печатными:
«КСЕНИЯ, ЖЕНО,
БЫЛА ЛИ ХОТЬ СЧАСТЛИВА? НЕ СОЛГИ!»

Она мне: И днесь, и присно блаженна!
Зеленая юбка, красная кофта, отречься
от имени жутко и просто, вроде бы
Ксенья во мне померла:
я — Андрей Феодорович! Божьи дела.

Зеленая кофта, красная юбка,
а сердце шатко, на слезы падко,
в мужнином платье иная повадка:
...и сам я — певчий из здешних мест,
Андрей Феодорыч...
А вдовий крест —
не подвиг, не пытка, не однопутка,
лишиться мужа страшней, чем рассудка,
и мнимым безумием тихо сиять,
синичкина песенка мне — благодать.
Впору картуз, башмаки на берёсте,
мне б погостить у тебя на погосте,
тут на Васильевском, где весела
чернорабочей сновала пчела.
Вверх по лесам на себе кирпичи
с молитвой носила, с поклоном клала,
новую церковь растила в ночи,
спала по сугробам, не на печи,
любовь как милостыню раздала...

О Петербург, Петроград, Ленинград,
ты Ксении — кто?
Не супруг и не брат.
Синей жилой в гранитах все туже Нева,
и Ксения, Ксюша твоя жива!

2004

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР БОРОЗДИНОВ

Балашиха, Московская обл.

* * *

Сердцу вера потребна
И надежда нужна,
Совесть требует Неба,
Совесть молвит: «Грешна!»
Покаяния слезы
Вознесу я «горе»,
Белоснежные розы
Запоют в алтаре.

28.05.1999

ХРАМ

«Свете Тихий...»
В купол солнце льется,
Лик Христа закатом обагрен,
У святого древнего колодца
Крестится ветвями старый клен.
Свет закатный
В стены храма вкраплен,
Дышат Лики в отблесках луча,
И роняет огненную каплю
В часослов горящая свеча.

9.03.2000

МЕДОВЫЙ СПАС

Горит вечерняя звезда
На сини темной,
И славит скромно
Крест Христа
Весь мир
Огромный.

Склоняет головы народ
Перед святыней,
Кресту на «Славу»
Хор поет
И на «и ныне».

14.08.2000

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Нет молитвы
Такой
Ни за гробом,
Ни здесь! —
Лишь стоящим
Пред Богом
Известно:
Оставляет Пречистая
Райский покой
И обходит людей
Повсеместно.
И со всеми Она —
На молитве, в труде,
Словно Солнышко,
Светит и греет.
Кто усердно
Молился
Пречистой в беде,
Тот и знанье
Об этом имеет.
Ты стоишь у иконы:
Душевная боль,
Горечь слез
И унынье таится.
Помолился Пречистой
И услышишь: «Изволь».
И за миг
Все спешит
Измениться.
Вместо боли — отрада
И сладость — в слезах;
Мир душевный
Обласкан, утешен.
И не день, и не два

Ты живешь в чудесах
И твердишь: «Недостоин ведь, грешен».

9.02.2001

«НЕЧАЯННОЙ РАДОСТИ»

У «Нечаянной радости»
На моленье стою,
С монастырскими певчими
Молча сердцем пою:
«О Царица Всепетая!
О Всемирная Мать!
Взор не смею, Ты ведаешь,
К Небу я поднимать.
Вся душа переполнена
Осязаньем вины.
Под греховными волнами
Лишь останки видны
Прежних добрых деяний,
Юных светлых надежд...
Я стою в одеянии
Ветхих рваных одежд
И прошу подаяния! —
Хлеба нищей душе,
Что от слез и страданий
Помертвела уже...
О Царица Всепетая!
Ты — Всемирная Мать! —
Материнством согретая
В силах все понимать
И дары совершенные
Можешь детям дарить.
Поспеши, Всеблаженная,
Дверь надежд отвори!»

23.02.2001

ВЕЛИКОПОСТНОЕ СТОЯНИЕ

В тишине потрескивают свечи,
Покаянный служится канон,
Улетает в купол, словно в Вечность,
Пенье, мелодичное, как звон.
Пожилой священник баритоном
Нараспев читает тропари.
Хор поет. Народ кладет поклоны.
Меркнет в окнах красный свет зари.
Льются звуки грустного напева,
А за ними — скорбные слова:
Все грехи от дней Адама с Евой
«Зри душе и виждь» — в чем не права.
Все, что было грешного когда-то,
Свойственно всем людям и теперь.
Чтоб не стала вечною расплата,
Жизнь исправь, покайся и поверь.
Слез проси у Бога, умиленья,
Чтобы смыть нечистое житье.
Встань перед Распятьем на колени,
Осознай ничтожество свое!
Бог — твоя защита и надежда!
В Нем — преображение сердец.
Кающихся в светлые одежды
Бог наш одевает как Отец.

27.02.2001

ТЫ — СОЛДАТ...

Говорю себе я: выстынь,
Жар греховный остуди.
Божий храм для сердца — Пристань,
Луч рассветный на пути.
Слово Божие — основа,
Хлеб Небесный для души.
Спас — Один, не жди иного.
Верь Христу, Ему служи.
Фимиам молитв известных
Возноси Царю царей,
Чти святыни алтарей!
Ты — солдат
У Врат Небесных.

7.03.2001

ПЛОД МОЛИТВЫ

Осознай величие и славу
Добрых дел, смиренных дум и чувств.
Сыновство Небесное — по праву
Тем, кто благодарен, а не пуст.
Кто стоит в молении сердечном
За себя, за ближних и за всех, —
Тот находит Душу в мире Вечном,
Дарит людям, Родине успех.

8.03.2001

О МОЛИТВЕ – ГДЕ И КАК

Нельзя же с площади базарной
Кричать: «Явися, Светозарный!»
Церковной мудрости поверь:
Коль хочешь быть угоден Богу,
Найди в сердечный дом дорогу
И затвори покрепче дверь.
Оставь мамону и заботы,
Познай себя: ты — чей и кто — ты.
Свой мир греховный изучи
И вот тогда, молясь, кричи:
«Увы, беда! — Достоин ада!
О Боже мой, лишь Ты — Отрада,
Моя Надежда, Жизнь и Свет! —
Спаси меня от вечных бед:
Спаси от адского огня
И от меня спаси меня,
От эгоизма и гордыни.
Тону, подай мне руку ныне,
Не призри вопль моей души,
На помощь, Господи, спеши!»

8. 09. 2001

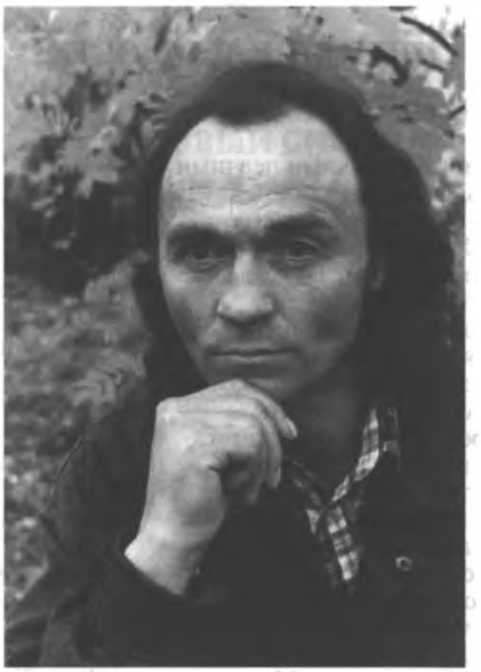
ОСОЗНАНИЕ ПУТИ

Перед величием Творца
Я опускаюсь на колени
И кротким голосом чтеца
Творю смиренное моленье:
«Очам Твоим, Спаситель мой!
Открыты тайные желанья:
Грехи, окутанные тьмой —
Как есть, Ты видишь их заранее.
Ты добрым, злым даришь свободу,
Да искушаются в борьбе.
И в ней, познав свою природу,
Текут в объятия к Тебе.
Осознавая зло и немощь,
Склоняют выи душ и тел,
А Ты кладешь к ногам их небо
Во имя их же добрых дел...
Дай, Боже, миру умиренье
И осознание пути:
Любовь и Веру и Смиренье,
Чтобы с Тобой к Тебе идти!»

1.11.2001

МИХАИЛ КОЛЫЧЕВ

Мурманск



АНГЕЛ БЕЛЫЙ

Побирушка, побирушка...
Жизнь рождением наказала.
Большеглазая девчушка —
Побирушка у вокзала.

Платьице на тонких ножках,
Личико... да горстка боли —
Утлой лодочкой ладошка
Плещется в народном горе.

Наливаясь солнцем рыжим,
Задыхался город душный.
И слетал, толпе неслышный,
Детский лепет с губ синюшных:

«Ангел белый, ангел белый,
Забери на небо, к маме...»
Взгляд переполняла Вера,
Разум истекал слезами.

Но, безликим злом гонимо,
Месиво мужчин и женщин
Протекало молча мимо
Девочки с ума сошедшей.

«Ангел белый, ангел белый...»
Большекрылый плеск во взгляде, —
— В этом мире добрый — беден,
А богатый — зол и жаден...»

Тощий звон ей в ноги падал
Милосердием грошовым.
А глаза искали — взгляда,
А душа просила — Слова!..

К ней, в безумие тоски я
Сердцем не сумел пробиться.
Не должны глаза такие
Прорастать на детских лицах.

Я стоял оторопело,
Призывая смерти чудо:
«Ангел белый, ангел белый,
Забери меня отсюда!»

* * *

Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?
Каюсь, грешен, жил безбожно.
Я пришел, поскольку — русский.
Я пришел, поскольку — тошно.

Гадок плен чужой свободы —
Безпредельной, злобной, ложной.
Я пришел под эти своды
Исцелиться Словом Божьим.

В мире — умопомраченье,
Больше некуда укрыться.
Добрый батюшка-священник,
Научи меня молиться.

От дурмана истин лживых
Гаснет разум. В сердце — мглисто.
Душен мир. Но души — живы
Ясным светом вечных истин!

Крест кладу я неумело.
Непривычен... Неприучен...
Но душа — переболела.
И на сердце — светлый лучик!

* * *

Почему-то все часы спешат.
Или это я страшусь предела,
За которым неизбежен шаг
В неизвестность — где не будет тела?

Отворите тайну, небеса!
Дайте в высь бездонную вглядеться!
Боже, напои мои глаза
Несказанно чистым светом детства!

Господи, прости! Я стал иным!
А того, кем был я в изначале,
Закружили золотые сны,
Замели белесые печали.

Залила хмельной слезою грусть,
Растрепала ветреная радость...
Свете Тихий! Я к тебе вернусь.
Отжелалось — ничего не надо.

Все вольней — по небу облака,
Все сильней гнетут земные страсти...
Все невыразимее тоска.
Все недосягаемее счастье.

* * *

Синие звездные искорки — чистая искренность.
Шелестокрылые тени на бархате ночи
Ласковый свет осеняет кресты монастырские.
Смотрят на грешную землю безгрешные очи.

С тихого неба нисходят снега онемелые,
И засыпают, засыпав следы по дорогам.
Слышишь — поют синеокие ангелы белые,
Славя суровую землю, хранимую Богом.

Кажется — доброе сбудется, нужное — скажется.
Льется с небес утешение всем безутешным.
Верится — в жизни смятение так же уляжется,
Грезит душа покаянная утром безгрешным.

Тянется в небо озябшее тонкое деревце,
Всеми ветвями — к грядущему лучику первому...
Да снизойдет упование всем, кто надеется.
Пусть упованье, окрепнув, становится Верою.

* * *

Ах, полярная ночь!
То ли сон, то ли царство безсонное,
Тихий свет полыньи, называемой всеми «луной»,
Васильковые россыпи звезд.
Небеса черноземные.
И земля, как пречистое небо, светла подо мной.

Никому ничего не хочу объяснять и доказывать,
Надо просто, забыв о земном, в эту высь
посмотреть.
И прозреет душа, и поймет непонятное разуму:
Почему небеса называются в Библии — «твердь».

ТЕРВЕНИЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Словно стала душа безтелою...
Обмираю от красоты.
Чистота подвенечно-белая
Тервенический монастырь.

За спиною дорога дальняя,
Но не чувствую, как устал...
У послушницы Аполлинарии
Лик невесты, глаза — Христа.

Не забуду я, не забуду я
Эту сказку в лесной глуши!
Слава Богу за чудо чудное!
Слава людям, кто труд вложил!

С грустью вглядываюсь в деревню я:
Как случилось, по чьей вине
Люди бросили церковь древнюю
Да и кладбище вместе с ней?

Эх, безбожное поколение!..
А кресты догнивали здесь,
Как терновый венец забвения
Прежде жившим — от тех, кто есть.

Люди, люди... Да как же вышло так?
Всероссийский великий грех...
За забытого и забывшего
Я в часовне молюсь. За всех.

Чтобы набело души вычистить
И заполнить в сердцах пустырь,
Ты терзай нас, вини, девический
Тервенический монастырь.

Дай нам слезы, но с ними — истину,
Красотой напои сердца.
Эти зданья, как будто вписаны
В эту местность рукой Творца.

На источник иду с сестрицею,
Припадаю к святой воде...
В этой церкви да причаститься бы...
Жаль, что служат не каждый день.

НЕПОСТРОЕННЫЙ ХРАМ

Сопка простерлась двуглавым орлом над дорогою,
Древние камни внимают протяжным ветрам.
В речку со склона взглянула церквушка убогая
И несказанно прекрасный увидела храм.

Храм отразился в реке небывалою небылью,
Светлой мечтой о великой счастливой стране.
Словно сквозь грезы привиделось то, чего не было,
Словно сквозь слезы пригрезилось то, чего нет.
Люди, придите, взгляните, родные, хорошие!
Видите, там, среди серых безстрастных камней, —
То ли разбившийся храм безвозвратного прошлого,
То ли несбывшийся храм наших нынешних дней.

Люди, очнитесь! Проснитесь, селенья окрестные!
Люди, спуститесь к реке, чтоб на чудо глядеть!
Черные зданья торчат над безвидною местностью.
Темные тени молчат, не спускаясь к воде.

Осень рыданья несет над холмами и топями
И наполняет дождливой слезой облака.
В небо глядит из реки нерожденный утопленник,
Песню непетую в море уносит река.

Люди, придите, нельзя не жалеть об утраченном!
Люди, взгляните, задумайтесь — что впереди!..
Дух преподобного Трифона ангелом плачущим,
Нас осеняя, над грешной землею летит.

Единосущная и Нераздельная Троица,
Нашу страну и народы ее пожалей.
Господи, силы нам дай, чтоб молиться и строиться!
Храм, отраженный в реке, сотвори на земле!

КОВДА

о. Аристарху

1

Над водою — синий воздух,
Хороводом - к дому дом.
Привела дорога в Ковду,
Видишь — церковь за мостом.

Как же здесь не помолиться!
Лишь переступи порог —
И рука ко лбу стремится,
И к тебе снисходит Бог.

Поднимись на колокольню,
Глянь — какая красота!
Пей во все глаза раздолье —
Эту ширь и эту даль!

Вот где воля без оков-то!
Вот где близко до небес!
Из глубин былого Ковды
На скале — поклонный крест.

Я брожу от зданья к зданью,
Кепку теребя в руках.
Что ж дома сомкнули ставни?
Что ж все двери на замках?

Расставанье. Час отъезда.
Замираю на мосту.
Вот — ей-богу — свято место!
Отчего ж так пусто тут?

2

Шел дождь. Ботинки хлюпали водой.
А я — одет совсем не по погоде,
Бродил, отогреваясь красотой
По древнему селу — поморской Ковде.

Я был пленен. Точнее — влит звеном
В цепь вечного согласия и счастья.
Где все, что есть — тому подчинено,
Чему и я безропотно подвластен.
Аукалось родство окрестных мест,
Я ощутил знакомыми до боли

И крест над храмом, и поклонный крест,
И крест над обновленной колокольней.

И кованые ковдские кресты,
Могучие, как те, кто жил здесь прежде...
И чаек крик, и лодки у воды,
И этот дождь, стекавший по одежде.

В лицо хлестали мокрые кусты,
Но я уже не разбирал дорогу...
Я понял — мы ушли из красоты,
Для нас однажды сотворенной Богом.

Мы строим Вавилоны, вновь и вновь
Теряя рай. Довольствуемся адом.
Бетонных обитатели кубов
И черных почитатели квадратов.

А красота сквозь слезы смотрит вслед,
Не веря в то, что брошена навеки,
Родителя всего на всей земле
Пытаясь видеть в каждом человеке.

ГЕННАДИЙ ПОПОВ

Орел

ТРИ МОЛИТВЫ

Без веры нация — толпа...
Иеромонах Роман

1. ГРЕШНАЯ — ПЕРЕД ИКОНАМИ

Нам та дороженька заказана
И не поставлена свеча...
Ю. Кузнецов

Полчетвертого —
волчье время:
Племя чертово —
ногу в стремя.
Зверь ли мечется
в чистом поле,
Души лечатся ли
в неволе?
Зверя добыча —
душа человечья,
Если обличье —
шкура овечья.
Сам под нож
ложится баран.
Всякая вошь
боится топора.
До сих пор
разрешает спор
Лихой топор,
на расправу скор,
Где тулово,
где голова?
Живем безтолково,
живы едва.
Если разобраться,
разве это жизнь?
Что вы, братцы!
Хоть помирать ложись.
Святые Отцы,
Господи на небеси!
Не взглянув в святцы,
милости не проси.
Столько имен,
и каждый — клеймен.
Но будет прощен,
коль богат и силен.
Время волчье,
волчий час...
Святые на полочке,
помилуйте нас!

25 мая 2002

2. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Когда в неистовстве пожара
Сгорали села, города,
Не изуверилась Держава,
Стояла насмерть, навсегда,
Одною спаянная верой
В свою святую правоту...
И прочь бежали изуверы,
Не покорив Державу ту.
Всё те же и земля, и небо,
И даль, что глазу не видна,
И как торжественный молебен
Звучит «Священная война».

А что народ?
Народ безмолвен.
Живет невзгодам вопреки,
Что гонят, словно буря, волны
На русские материки.

Как острова немой надежды
Деревни наши, города,
Стоят, упрямые, как прежде,
Как будто горе — не беда.

Они пока судьбе покорны:
Терпенью не настал предел.
Хотя нужда берет за горло
И стан мятежных поредел.

Но бродит, как хмельное зелье,
Неслышный ропот, зреет бунт.
Среди разбойного веселья
Непокоренные живут.

Грешно ль так думать или свято,
А все же истина стара:
Страшнее бомб и автоматов
Бывает время топора.

Оно ведет себя смиренно
До той решительной поры,
Когда свирепо, дерзновенно
Сверкнут лихие топоры.

Взметнутся кровушки напиться
И разгуляются сплеча.
И кровь людская, как водица,
Рекой польется сгоряча...

Да упаси нас, Вседержитель,
Россию зрить в кровавой мгле:
Храни последнюю обитель
В грехе живущих на земле,

Но все же тянущихся к свету,
Которым в тягость их вина..
Спаси, Господь, мою планету:
Грядет священная война.

Май 2002

3. В ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРАУРА

Вечной памяти погибших моряков АПЛ «Курск»

Восплачь и вознеси молитвы,
Отчизна горькая моя!
Опять зовет на поле битвы
Твоя заклятая змея:

Ужален щит-ракетоносец
Исподтишка на дне морском...
Твое копье, Победоносец,
Заносит илом и песком...
Забыта ль ратная наука?
Но возвращен победный стяг,
С которым русский витязь Жуков
Водил дружины на рейхстаг.

Молю, скорбя:
— Очнись, святитель!
Он пробил, наш последний час.
Покинь священную обитель,
Подай призывный трубный глас.

Воспрянь, пока еще не поздно,
Пронзи презренную змею...
Но и в твоем молчанье грозном
Ее погибель узнаю.

23 августа 2000 — 2008

НА ОСВЯЩЕНИЕ ПОКЛОННОГО КРЕСТА

Всем павшим за Землю Русскую и во имя величия России. (Август 2003 пос. Шилова, Рязанская обл.)

Поставлен Крест
во имя павших
И в честь величия Руси!
Века прошли, как день вчерашний...
Всех павших, Господи, спаси!

Могильные кресты и звезды
И безымянные холмы...
Их вновь омыли наши слезы,
Пред ними вновь примолкли мы.

И раздвигаются столетья:
Встают из глубины времен
Все, кто в годины лихолетий
Здесь пал за Русь и погребен.

Святую память не нарушить,
Пока и день, и ночь окрест
За павших и живущих души
Творит молитву Русский Крест.

Земною грешною дорогой
Она восходит к небеси
И там, услышанная Богом,
Хранит величие Руси.

Страшится ворог той молитвы:
Его пугает трубный глас,
Вознесшийся над полем битвы,
Что в сердце каждого из нас.

За нами — славные предтечи.
И нам завещана земля,

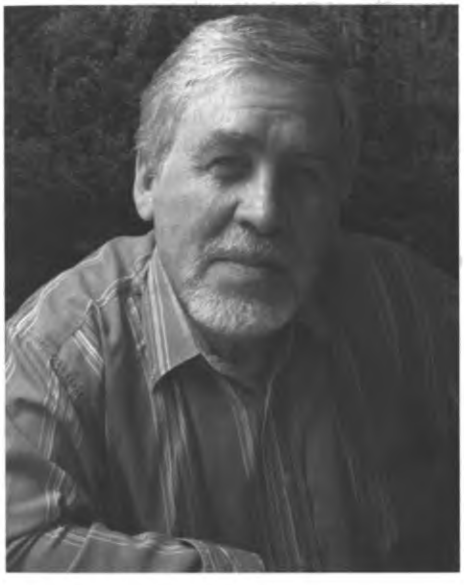
Которой быть во славе вечно...
А по-иному нам нельзя.

Нельзя, сломившись в тяжкой доле,
Срываться прочь с родимых мест,
Пока стоит, как ратник в поле,
Поклонный Крест —
Дозорный Крест.
Пока сердца молитвам внемлют
И в сокровенности чисты,
Мы отстоим и нашу Землю,
И Православные Кресты.

Август 2003

ВЛАДИМИР СКИФ

Иркутск



Стихи-молитвы

КЛЯТВА

Сохранить Россию-матушку,
Ее реки и поля —
Скорбным ликом Богоматери
Я клянусь тебе, земля!

Я клянусь: в невзгодах выстоять,
Не прервать славянства нить!
И Библейской Вечной Истиной
Дух Отчизны огранить.

Я клянусь и душу пестую —
Биться на передовой,
Чтобы Русь была невестою,
А не сирою вдовой.

Чтобы мы вконец не пропили
Совесть, стертую до дыр.
Чтоб духовные Чернобыли
Не убили русский мир.

Я горячею аортою
Растоплю беды сугроб,
Разбужу Отчизну мертвую,
Разобью стеклянный гроб.

Я клянусь! Я тщусь! Я верую:
Бог Россию не предаст!
И в молитвах полной мерою
И отпустит, и воздаст!

1986

МАМИНА МОЛИТВА

Я помню, как мама шептала с утра,
С молитвою истово слита:
«Поди, лихолетье! Поди со двора
Под камень, под комель, где черна кора!
Да быть тебе крыту-зарыту!

Поди, лихолетье! Сквозь пади — пади!
Поди-пропади ты, злосчастье!
Небесная влага и благо, приди.
Помимо семьи не ходи, не блуди
Сладимое, чтимое счастье.

Мой муж, ворочайся, ты — детям отец,
Мой суженый, ряженый, нужный.
Далеко мой муж от родимых крылец...
Скворец-молодец, ты — от мужа гонец:
Неужто лежит он недужный?

Поди, лихолетье! Поди-пропади!
Не делайся туже и хуже.
Беда, как большая вода, не вреди!
Всекрестная сила, беду отведи,
Спаси мне и сына, и мужа!

Не надо, гора, мне добра-серебра,
Сыр-бор, не шуми за поветью...»
И я повторяю за нею с утра:
— Послушайся мамку, поди со двора,
Трехглавый дракон — ЛИХОЛЕТЬЕ!

1987

РУССКАЯ ГОЛГОФА

Христос Великий, ниспошли
Нам — всепрощение — греховным!
Нас наши беды извели
В бою кровавом и безкровном.

Христос всезнающий, внемли
Молитвам нашим, нашим бедам!

О, скольких мы не сберегли!
Конец и горек и неведом.

О, скольких бросили в пути
В лохмотьях и пробитых платьях.
Христос недремлющий, прости
Своих земных ничтожных братьев.

На Божьей, праведной тропе
Мы потерпели катастрофу,
Но не забыли о Тебе,
Взойдя на русскую Голгофу!

1993

КРЕСТ

Николаю Ряполову

В поле Вечный Крест вознесся
От земли и до небес,
Мировою ставший осью,
Освятивший дол и лес.

Что он значит в чистом поле:
Божью силу? Божью стать?
Средоточье русской боли
Или неба благодать?

Что он зрит? Веков гуденье?
Битвы сгинувших племен?
Золотой Орды паденье
Посреди седых времен?

Кто под ним лежать достоин?
Кто презрел и смерть, и страх?
Просветитель или воин?
Предводитель иль монах?

Крест — России постоянство,
Он и в дождик, и в метель
На себе несет пространство,
Словно серую шинель.

Он живых и мертвых слышит,
Поднимается окрест
И святым дыханьем дышит
Православный Русский Крест.

МОЛИТВА

Нетронутые белые листы,
И тишина, и в небесах перила.
И напугалось сердце немоты,
И с Господом в тиши заговорило:

— Прости, Господь, удел наш роковой
И снизойди до существа земного,
Где о России с думой вековой
Я пред Тобою на коленях снова.

Молюсь о горькой Родине своей —
Истерзанной, обманутой, несытой,
Где сгинули напевы косарей
И спит народ, как богатырь убитый.

Где очи русских деревень пусты
И курослепом зарастает поле,
Где покрывают Родину кресты
И в небесах рыдает колокольня.

Прости, Господь, мой горестный народ!
Верни надежду, укрепляя веру!
Уж реки крови перешли мы вброд,
Уже в другую переходим эру.

Мы строили и храмы, и мосты,
Чтоб нам идти к Сиялищу Пророка,
Но нас бросали в бездну темноты
Всемирные служители порока.

Мы обращались к светлым небесам
И снова путь окольный начинали,
Но бесы нас кружили по лесам
И черной мглою души начиняли.

Мы чуда ждем с небесной высоты,
Мы молча ждем последнего итога,
И посреди Вселенской Немоты
Мы замираем в ожиданье Бога!

1998

СЕРБСКИМ БРАТЬЯМ

В преддверье Пасхи — вербы
Слезами налились.
Быть рядом с вами, сербы,
Мы жизнью поклялись.

Сегодня мы не можем
Спокойно спать и жить.
Как позволяешь, Боже,
Великий грех вершить?

Скажи, людская совесть,
Неужто кровь — бальзам?
Нас поразила новость,
Как бритвой по глазам.

Откуда вы? Из ада,
Налетчики небес?
Горит среди Белграда
Наш православный крест.

Вот так же христианство
Они сомнут, губя...
Смотри, смотри, славянство,
Как в клочья рвут тебя!

Мы всё на свете терпим,
Глотаем кровь и яд.
И только насмерть сербы
За Родину стоят.

Простите русских, сербы!
В народе нет вины,
Но плачут, плачут вербы
У храмовой стены.

Кровит России сердце,
И мы издалека
Кричим вам, братья-сербы:
— Мы с вами на века!

* * *

Вечность снижается.
Жизнь отражается
Где-то в благих небесах.
Там наши трудные
судьбы решаются,
Души лежат на весах.
Там и поступки
и жизни итожатся,
Трудятся Ангелы в лад.
Очередь в рай
удлиняется, множится,
Но и не меньшая — в ад.

МОЛИТВА

Что же это, Господи, творится?
Убивают вороги страну!
Русь моя неужто растворится,
Упадет в немую глубину?

Жизнь — неуродившееся жито.
Родина побита, как грозой.
Обозри Россию, Вседержитель,
И умойся горькою слезой.

Достучались до твоей келейки:
— Избави, Спаситель, и прости!
Плачет в роще иволга-жалейка,
Плачет сердце русское в груди.

Оборотни встали по дорогам,
Окружили Родину кольцом.
Мы стоим пред Всемогущим Богом,
А они — пред золотым тельцом.

Золотыми щупальцами душат
Мой народ — воистину святой.
Умирают молодые души,
Сбитые, как пулей, наркотой.

Я смотрю на Родину в безсилье:
Где бытует вековечный враг...
Господи! Ведь он мою Россию
Захоронит в Мировой овраг.

Не могу отвлечься и забыться,
Не могу печаль свою избыть...
Господи, не дай стране убиться!
Господи, не дай страну убить!

1999

МОЛЮСЬ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Этих святых поставил Бог светить в
мире, многочисленными чудесами
сиять в великой Русской земле.
Сказание о Борисе и Глебе

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об Отчизне
Сияет в душе, как звезда.
Юрий Кузнецов

Молясь о Борисе и Глебе,
Степенную речь заведу:
— Простите нас, предки, на небе
И не предавайте Суду...
Молясь о Борисе и Глебе,
Я думал в глухие года
О доле, о воле, о хлебе —
И в сердце всходила звезда.

И чувства взлетали на гребень,
И Русь оживала в беде...
Молюсь о Борисе и Глебе,
Как будто на Страшном Суде.

По Божьей рачительной требе
Я всякому молвлю: — В грехах
Молись о Борисе и Глебе
Не суетно, не впопыхах.

И горе рассыплется в щебень,
И помыслы будут чисты.
Молись о Борисе и Глебе,
Их святостью зиждишься ты.

Молись о Борисе и Глебе,
Их свет собирая в щепоть.
Свечу твою вечность колеблет,
Молитву диктует Господь...

2005

* * *

На земле, почти у края,
Где беда все длится,
За тебя, страна родная,
Встану помолиться.

Света Божьего источник
В небе загорится.

Надо мной сосед восточный
Кружит и ярится.

Не кружи, сосед, не майся,
Я тебя не трону.
Мудрым будь и поклоняйся
Собственному трону.

Над моей страной витает
Враг иного толка.
И в самой стране хватает
Ворона и волка.

Им нужна моя безпечность,
Им нужна Россия.
Но стоит за мною вечность
И Святая Сила.

Вот и выйду к вечной сини,
Где душа и птица.
За тебя, моя Россия,
Буду век молиться!

2006

СВЯЩЕННИК

Подлинный русский священник,
Встав на амвон в Рождество,
Верит, что будет прощенье
Паствы заблудшей его.

Строгий, творящий молитвы
У Пресвятого Креста,
Духом возросший для битвы,
Зиждится верой в Христа.

Будет грехов отпущенье
Тем, кто собою являл
Веру, святое смущенье,
Душу бедой закалял.

Людям дано ощущенье —
Духом становится плоть.
Веру дарует священник:
Истина — это Господь.

Истина стонет в народе,
Сердцем ее приголубь,
Пусть она в каждого входит,
Будит духовную глубь.

Верящий, встань на колени,
Кайся! Душа не пуста.
Пастве дарует священник
Вечное тело Христа.

2006

* * *

Как пела девушка над полем,
Как будто пела высота.
Свивались доля и недоля
У Православного креста.

Не распадался мир на части,
И свет стоял среди села.
Как пела девушка над счастьем!
А может быть, его ждала?

Как пела девушка над вербой,
Над сердцем Родины седым.
И становился воздух серый
Среди России золотым.

Как пела девушка, листая
Страницы жизни молодой,
Как будто к сердцу шла святая,
Спасала землю красотой.

Нам, обездоленным и сирым,
Дарила мысли о святом...
Так пела девушка над миром
И осенялся мир крестом.

2006

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Он стоит над Москвой, как творение
Богоизбранной силы святой.
В нем и слезы души, и прощение,
И сиятельный свет золотой.

Он — державное, неугасимое
Восхождение к Божьим вратам.
Храм-заступник стоит над Россиею,
Ненавистный исконным врагам.

Символ Вечной Руси обретающий,
Он стонал от кровавой пурги...
Взгляд вперяли свой испепеляющий
В русский Храм иноверцы-враги.

Храм взорвали — России гонители,
Веру чистую в грязь положив...
...Храм Христа, Храм Святого Спасителя,
Будто вечная истина, жив!

Так читайте молитву, святители!
Поднимайся, России оплот!
Собирайся у Храма-Спасителя
Православный великий народ!

Пой акафист, желай исцеления,
Истребленный врагами на треть.
И не дай себе — грехопадения!
И не дай тебе Бог — умереть!

2006

* * *

Я Господа Бога увидел во сне,
А утром, когда я проснулся,
Из вечности выпал невиданный снег,
Господь с ним в Россию вернулся.

С утра засветились кресты на церквах
Искрящимся, радужным светом,
В соборе Архангел стоял при дверях,
Вздымал свои крылья над веком.

И не было боли. Низринулся страх.
И колокол мерно качался.
Звук сам по себе возникал в куполах,
И снег в лепестки превращался.

Священник, казалось, над папертью плыл.
Пошли прихожане к причастью.
Господь верноподданных перекрестил
И молвил: «Врази расточатся!»

2006

* * *

Вздыбил век тяжелые скрижали,
Встала жизнь во времени стеной.
Мы себя по свету разбросали
И теперь живем, как на вокзале
В отчине, от горя — ледяной.

Чтобы жизнь не стала общим плачем,
Мы готовы на закланье лечь.
Мы для мира что-нибудь да значим,
Мы Господней Истины не прячем,
Мы святая — во Вселенной — течь.

Истина — хрусталь неодолимый,
Истина — магический кристалл.
Мы в стране поруганной, былинной,
Со крестом и верой неделимой
Вечность измеряем по крестам.

По дорогам мерзлым и окопам
Мы, как знамя, Истину несли.
Слыша рядом сатанинский топот,
Мы спасали христианский опыт,
Только вот себя — не сберегли.

На земле не погибают дважды...
Скажем Богу: — Господи, прости!
Станем снова бдительны, отважны,
Чтобы к месту Лобному однажды
Всех воров России привести.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В небе — утро светлое,
Мокрая лоза.
Воскресенье Вербное,
Чистая слеза.

Молодые, терпкие
Веточки сломлю.
Воскресенье Вербное
В сердце расстелю.

Выйду к Божьей Матери
По Ее следам,
На церковной паперти
Нищему подам.

Воскресенье Вербное,
Звонкий благовест.
Оживет над церковью
Золоченый крест,

Поплывет над Родиной,
Осенит поля.
Видится не проданной
Русская земля.
Злобный мир расколется,
Канет в пустоту.
Встанем и помолимся
Господу Христу!

Воскресенье Вербное
Солнышку подстать.
К нам сошла заветная
Божья благодать.

ПЕТРОВСКИЙ ПОСТ

Памяти Марии Распутиной

Петровский пост. Наладилась погода.
Но в полночь душу студит высота.
Уже три года смотрит с небосвода
Высокая Марусина звезда.

Ей там не тесно. Космос безпределен,
Хотя к земным припаян берегам.
Прислушайся — услышишь, в самом деле:
Поют светила и звучит орган.

Там нет безумства, подлости, наживы,
Там Ангелов струится череда.
Не плачь, земля! У Господа все живы.
Она жива — Марусина звезда.

Вглядись в нее, она с земли заметна,
В ней свет неувядаемой души.

Там рядом Моцарт, Бах глядит приветно,
Несут водицу звездные ковши.

Звезда всегда на небе остается,
Она вершит свой праведный полет.
И монастырь, что Сретенским зовется
Ей песнопенья и молитвы шлет.

3 июля 2009

МАРИЯ

В Царствие Божие дверь отворили...
Слушайте, слушайте — в тихом раю
Ангел поет или Ave Maria
Слышится в горестном нашем краю.

Мечутся листья и ветки сырые,
В небе плывет облаков караван.
Может, и вправду — услышит Мария,
Как безутешно рыдает орган.

Богу угодно, чтоб мы сотворили
Нашу молитву во имя ее.
Шлет нам с библейского неба Мария
Вместе с прощаньем — прощенье свое.
Все, кто ушел, — остаются живые,
Все, кто живой, — помнят долю свою.
С сердцем сливается Ave Maria
И на земле, и у Бога в раю.

7 июля 2009

* * *

Светлане Распутиной

Есть Бог. Он стоит надо всеми.
Но в мире я понял одно:
Что сам человек — это время,
Которому быть суждено.

В цепи вековой, безконечной
Большим или малым звеном...
Он длит безпредельную вечность
В отрезке своем временном.

Да-да! Человек — это время!
Он жизнью земною богат,
Дыханьем, и чувством, и зреньем,
В нем есть и восход, и закат,

Стремление помнить и верить...
Ты — время. И тщанье твое
Себя, словно время измерить,
Наверно, и есть бытие.

Храни свою жизнь, как сиянье,
Как запах равнинных цветов.
Ты — время. Ты — Божье старанье,
Восторг Его светлых трудов.

21 июля 2009

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Сиянье дня вошло в меня,
И вся душа зазолотилась.
И, вдохновением звеня,
Ко мне слетела Божья милость.

Я смог по воздуху летать
И червяка, и птицу слушать.
Вселилась Божья благодать
В мою немеющую душу.

Душа в себе — открыла стать
И обрела движенье жизни.
Стихами стала мир латать,
И нужной сделалась — Отчизне.

Вернула Божья благодать
Мне зренье острое, как саблю,
Чтоб мог я близко увидать
Былинку и тумана каплю,
И сострадать земле большой,
Кровинке малой, старцу, лесу,
Чтоб смог радеющей душой
Приникнуть к каждому порезу.

ГОСПОДЬ

Посмотри, как чиста высота!
Нам внимает Сошедший с Креста.
О страданьях Господь говорит,
И в чистилище пламя горит.

Там душа, приникая к душе,
На последнем стоят рубеже
И хранят мир, убитый на треть,
Чтоб земля не смогла умереть.

Горний мир — пустота или плоть?
Это знает Великий Господь.
Он — един, Вседержитель-Творец,
Необъятного мира Отец.

Посмотри, посмотри в небеса!
Свет Господний — таит бирюза.
Собери свою веру в щепоть,
Помолись! С неба смотрит Господь!

РУССКИЙ КРЕСТ

Над Русью беда засквозила,
Взорвалась вдали и окрест.

Но Крестная Сила — Россию
Спасла и вручила ей Крест.

В нем — тайна Святого Распятья
И суть Боевого Креста.
В нем Бога живого объятья,
И свет Иисуса Христа,

Спасительный свист Громовержца,
Отдавшего силу копью,
Чтоб им поразить иноверца,
Проникшего сердцем в змею.

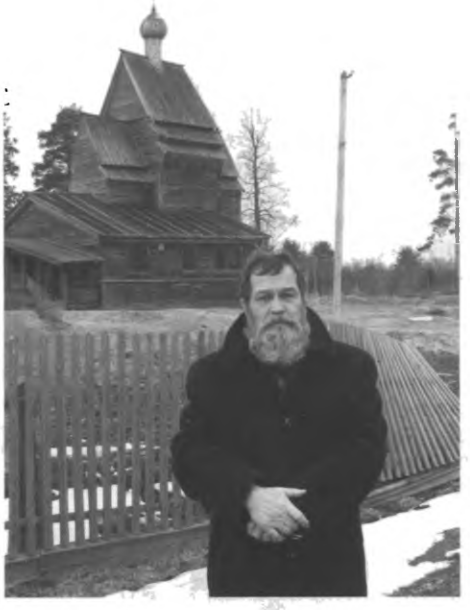
Из русского края святого,
Из необоримых высот
Креста воссияла основа,
Что выше душевных красот.

Сегодня — и Дело и Слово —
Пора бы в Державу облечь.
Кресту поклоняется снова
Великая русская речь.

Мы плачем и рвем свои жилы,
Нам светит вдали и окрест
Не ради войны и наживы,
А ради спасения — Крест.

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

Санкт-Петербург



МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Наш Господь осудил справедливо
Этой жизнью меня и тебя.
Все оплачено. Берег залива,
Коридоры общаг и судьба.
И брести сквозь страданья и смуту
И нести немигающий взгляд
Оступиться в смятенье минутном
Оглянуться на дом и на сад,

И уйти и оставить до срока
Старый дом и тропинку к реке
Как тяжел этот посох пророка
В узловатой безсильной руке!

И, влачась по дорогам холодным,
Замерзать да еще хохотать
И выкрикивать истину злобно
Под окошками брошенных хат.

* * *

Когда непосильные крылья
Просил и молил у Бога,
Не знал, что так косо и криво
Протянет судьба дорогу...

Но поздно... Отчаянным грузом
Свисают могучие перья.
И глупая кошка — Муза
Крадется в открытые двери.

ИСКУШЕНИЕ

Счастье — мать. Счастье — мачеха,
Счастье — бешеный волк...
С волжской кручи метнись и подхваченный —
Полетишь над сиянием волн.

В синеве куполов позолота
Покачнется. И выступит пот...
За безмерную легкость полета
отдается и жизнь, и Господь.

И не страшен ни суд, ни расплата!
Динамитом, утратившим вес,
В синеве безконечной распятый
Ты кружишься и властвуешь здесь...

* * *

Сквозь осень путником усталым
Куда — неведомо — брести...
Меня и бес уже оставил,
А Бог не вспомнил, не простил.

Расстаться с грешной суетою
И жизнь пройти, и забывая страх,
Зазеленевшей смоквою пустою,
Стоять в разбуженных полях.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

По пустырю землей, иссохшей шли
И не было ни правды, ни воды,
О Господи! Молю, не приведи...
Печален путь на край земли.
И чахленький кустарничек дрожал.
И он, наверно, знал, что скоро
Пустырь кварталами застроят
И будут жить, и будут ждать пожар.

Ликующею розовой свиньей
Пришел огонь. Он громко хрюкал
И землю грыз, провиснув брюхом
Над Господом оставленной страной.

Прости, Господь, что я устал!
Иду в огонь, где словно бы играя,
Горит кустарник, не сгорая,
Чтоб опалить безмолвные уста...

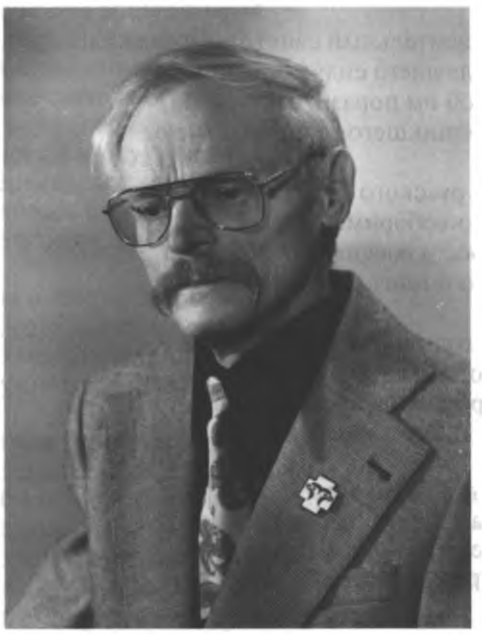
* * *

Как сосчитать потери,
Когда, погружаясь в скверну
Теряешь друзей и веру,
Как золото листьев скверы?

Росли непосильные крылья
В их роковом размахе
Клубились радужной пылью
Пустые надежды и страхи.

Но птицу заносит снегом
И перьями вьюга играет...
И ангел твой плачет на небе,
Глаза рукавом утирая...

ВЛАДИМИР БОГАТЫРЕВ



МОЛИТВА

Люди Божьи,
Господня земля!
Слава Вышняму
Чтоб ни случилось.
Только б сердце и пелось и билось,
Божьи люди,
Господня земля!

4 — 9. 10. 89

О МИРСТЕМ БЫТИИ

Благослови, душе моя, Господи.
Из псалмов

...Что мы деем в этом жилище,
В тесноте, на топкой земле?
Пролагаем свой путь по кладбище, —
Только б в сытости да тепле?..
Встань,
Замри на житейской дороге, —
Где от дел спасения несть,
Оглянись,
Помолись о Боге,
Яко бремя сие Благо есть:

Как почуешь, что ты во Храмине,
Облик Спаса сквозит на раменье,
То есть попросту — за плещми.
Пищей ангелей сытая досыта,
Православит
Душа твоя Господа,
И деревья горят свещми.

26.1.91

БОГ ЕСТЬ ВСЕ

ВСЯ — Бог.
Вся тварь, вся хляби, вся вода, —
Что внято Духом и объято оком, —
Счастливая напутная звезда,
И — смерть за Веру на кресте высоком.

3.4.91

ВЕРУЮ, ГОСПОДИ!

Я Тебе вероприемлю,
Бог даяй вино и хлебы.
Путь во Небе — через землю.
Путь на Землю — через Небо.

13.1.92

ВСЕ ИКОНЫ ЖИВОЦЕЛЕБНЫЕ

Иконы все живоцелебные.
...И бумажную купи икону,
И явит Бог тебе молебные
Дары Любви во славу ону.

И — особливо Богородица,
Обидимых Скоропослушница,
И всей вселенской мироколицы
Неуставаемая труждница,
Когда Она ко Спасу молится
За нас, Усердная Заступница!

Она и пешего, и вершника
Равно зовет во двери рая,
Питая вся,
А паче — грешника,
В распятом Сына прозирая.

16.1.92

ПОСЛЕ СЛУЖБЫ

Кто-то, плача, в сторонке кается,
Кто-то в кружку роняет медь,
Дух Святый из горы опускается
За погибшия порадеть.

Солнце горнее,
Правда вышняя,
И лампад остатних уют...
Все безспорнее и все слышнее
Спасу ангели песнь поют.

Он — Родился. С верхов понемногу
Опускается певчих клир,
Но царит: Слава в вышних Богу,
И на земли мир.

И уходят последние в благости,
И глядит им надежно вслед
Богоматерь Виновницей Радости,
Невечерний Родшая Свет.

15.8.92

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА

Пермь

* * *

Молиться нас не научили
Ни в час ночной, ни на заре.
Мы все заветы позабыли,
Как строчки в старом букваре.

Не знали мы духовной школы,
Не приняли ее венца.
Ее азы, ее глаголы
Не проникали нам в сердца.

Вот почему душа страдает:
Есть память духа у нее,
И к небесам она взывает,
Ища прибежище свое.

И вот нисходит озаренье,
И чувствуешь — душа жива!
И в покаянном очищенье
Находишь нужные слова.

МОЛИТВА

Я пред Тобой —
аки былинка в поле.
Я о Тебе
древней памятью помню.
Сколько бы нас
ни отлучали, ни били,
В недрах души
образ мы Твой сохранили,
Господи Боже!

Только за все
горько, обидно и больно.
И пред Тобой
плачу и плачу невольно.
Боль утиши,
каплю пролей дождевую
И освети
солнышком душу живую,
Господи Боже!

Слезы утри
млечным Твоим полотенцем,
Сделай меня
чистым, безгрешным младенцем.
Я пред Тобой —
аки песчинка в море,
Я пред Тобой —
звук во вселенском хоре,
Господи Боже!

* * *

МОЯ ГОРЬКАЯ МОЛИТВА

Ты услышь меня, Всевышний,
мой единственный Учитель,
Посети хоть в сновиденье мою бедную обитель.
Все мы, все к Тебе приходим со слезами покаянья,
Как отчаявшийся нищий за грошовым подаяньем.
Моя тихая молитва никого не потревожит,
Только Ты ее услышишь, Ты ее услышишь, Боже...

Как живем мы на прекрасной,
на погубленной планете,
Неразумные, слепые, заблудившиеся дети...
Кровь людская не водица, но она рекою льется
И стекает отовсюду в сатанинские колодцы.
Век от века, год от года неуклонно, непрестанно
Исполняется земное Откровенье Иоанна.

Ты, наверное, от горя содрогнулся, Всемогущий,
Пожелтели Твои рощи, и завяли Твои кущи.
Разве в каждом человеке не живет частица Божья?
Но вовеки мир пронизан злодеяньями и ложью.
Как осмыслить, как смириться, в кознях мира
разобраться?
За других не отвечаю, за себя бы отчитаться...

Люди злы и безсердечны, лицемерны и жестоки.
Совершенствуется разум — умножаются пороки.
Жизнь мою одним ударом во младенчестве сломали,
Мои лучшие порывы осмеяли, растоптали.
Не могу я больше с ними светлой радостью делиться.
Жаль, что нету сил в пустыне навсегда уединиться.

Кто увидит мои слезы, кто сочтет мои страданья?
Не сметет их даже ветер, грозный ветер мироздания...
Но суровое возмездье напророчили пророки.
Значит, скоро, значит, близко? При дверях
и на пороге.
Что ж ты медлишь, Всемогущий, или стрелы
затупились?
Или молнии погасли, или громы разрядились?..

Боже, Боже милосердный, перед той
грядущей встречей
Ты прости мне дерзкий ропот, мои суетные речи.
Ты прости мне малодушье, Ты прости мне
маловерье,
Я — лишь слабая былинка пред Твоей высокой дверью.
Моя горькая молитва никого не потревожит,
Только Ты ее услышишь, Ты ее услышишь, Боже...

БОГОРОДСКАЯ ТРАВА

В детстве мне причудилось:
на святую Троицу —
Виделось, как будто наяву, —
Ходит по России Матерь Богородица,
Сеет богородскую траву.

Ранними утрами, в легком одеянии
Шла Она, нездешняя краса, —
Зажигались степи золотым сиянием,
И мерцали темные леса.

Детскою душою так хотелось слиться
С образом небесной чистоты...
Где Она ходила, распевали птицы,
Где ступала, там росли цветы.

И несла незримо помощь человеку:
Путника водою напоит,
Плачущих утешит, исцелит калеку,
Пахаря на труд благословит...

В плаче покаянном вдруг душа заходится:
Праведно ли, правильно ль живу?
Где Ты нынче, Матерь Богородица,
Сеешь богородскую траву?

* * *

Под солнцем единым у Господа Бога
Нас мало — дающих; просящих — нас много.
И каждый по-своему с Ним говорит,
И каждый о чем-то молитву творит.

Но мало кто помнит в гордыне пустой:
Мы — только песчинки под Божьей пятой.
И мало кто Господа боготворит,
С мольбой и смирением благодарит.

Кто нежность и кротость приносит Ему —
За утренний свет и вечернюю тьму,
За бренное тело и всю его боль,
За горькую нашу земную юдоль;

За звездную душу — подарок небес,
За то, что однажды ты к жизни воскрес
И понял ценою страданий и слез
Величие жертвы, что Он нам принес.

За то, что дано нам, чрез муки Отца,
Трагедию мира познать до конца.

* * *

Не роптать бы надо, а молиться,
Ранний час доверчиво встречать.
Солнышку и небу удивиться,
Травам и деревьям поклониться,
Ощутить земную благодать.

Не роптать бы надо, а смириться,
Матушкою землю величать, —
И не страшно будет с нею слиться,
В миг последний тихо повиниться...
Всех простит. На то она и мать.

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

От земли до неба — тишина.
Тишиной душа напоена.
Тишиной душа защищена
И молитвою освящена.

Даль за перелесками ясна,
Чистая, зовущая, сквозная,
И над ней — от края и до края —
Молодого неба глубина.

Вербочки торжественно-тихи,
В чуткой дреме веточки ольхи,
Молятся рябинка и сосна.
В Божьем мире — Божья тишина.
Наполняясь радостью весенней,
Таинством душа напоена.
Пред лицом Христова Воскресенья
От земли до неба — тишина...

* * *

Затаись, но выживи, Россия,
Помолись — и выживи, Россия!
Во весь рост, родная, поднимись,
Для детей, для внуков — возродись!

* * *

За какой-то неясной чертой
приоткрылась суровая тайна:
наградил меня Бог немотой,
но молитвой наполнил молчанье.

Никому на земле, никому
не признаешься, что тебя мучит.
Только Богу, Ему одному
доверяю рассказ свой горючий.

Замерев пред Его красотой,
лишь Его потревожить посмею —
самой горькою думой своею,
самой кроткой и чистой строкой.

И, представ пред Его высотой,
я теперь очень явственно вижу:
наградил меня Бог немотой,
чтоб к молитве поставить поближе.

* * *

Со крестом по жизни ходим,
со крестом.
В слове, в деле, в счастье, в горе —
со крестом.
Пусть огромный да тяжелый,
а несешь.
Неподъемный! —
Подымаешь и несешь.

А как выйдешь на распутье,
помолись.
Вот дорога — ты иди
все ввысь и ввысь.
Камни, ветры, буреломы не кляни.
Свою душу, чашу жизни, не срони.
Пусть душа о самом важном
пропоет,
а от холода и жажды
крест спасет.

Со крестом иди по жизни,
Со крестом.
Ночью, алою зарею —
со крестом.
Со смиреньем и надеждой
крест неси.
Так завещано от века
на Руси.

АЛЕКСАНДР ХОЛИН

* * *

Спасибо, Господи, за боль
и за Любовь, что мне послал!
Я жизнь — несыгранную роль —
еще в стихах недописал,
недоболел, недолюбил,
недомолился перед сном,
и недопонял, что не мил
кому-то в городе пустом.
Опять блуждая по судьбе,
то неприютен, то весел,
я вновь и вновь скажу Тебе:
Спасибо, Господи, за все!
Я снегом белым упаду,
когда полночный город стих,
и Вифлеемскую звезду
я отражу в глазах своих.

У ВХОДА В ИЕРУСАЛИМ

Бдите и молитеся, яко не весть,
кий час Господь ваш приидет.
Мф. 24:42; Мк. 13:33

Сижу у врат, презревши плоть,
от лета и до лета.
Не знаю я, когда Господь
пройдет дорогой этой.
Я пролил здесь немало слез,
в стране чужой, безвестной.
Не знаю я, когда Христос
пройдет в свой Храм Небесный.
Смогу ли я Его узреть
среди толпы гудящей,
иль суждено мне умереть
таким, как есть, пропащим.
О Боже! Милостивым будь
мне, грешному. И все же,
о Боже, укажи мне путь
каким пройдешь...
О Боже!

* * *

Жил я, с собой соглашаясь и споря
вплоть до последнего дня.
Церковь, ковчег мой, из мертвого моря
вынеси к жизни меня.
Сколько вокруг утонуло и тонет
в море не пролитых слез.
Церковь, ковчег мой, над волнами стонет
ангел смертей — альбатрос.
Кто-то прощальное слово обронит,
как драгоценный опал.
Церковь, ковчег мой, куда меня гонит
моря житейского шквал?

* * *

В час моления, в час бытия,
всех собак, поминая, подлунных.
Господи!
Минет ли Чаша сия
мимо грез моих грешных, бездумных.
Нет! Моленье о Чаше не блуд,
не снискание смерти нескорой.
Господи!
Просто мне грешному будь
хоть надеждой, а лучше — опорой.
В час смятения, не был ли я
позабыт и Тебя не забыл ли?
Все же римское жало копья
ту же рану во мне сохранило.

* * *

Дни мои, дни!
Белопенное поле тетради.
Сны мои, сны!
Улетевшие вдаль облака.
Так бы и жил только в небо печальное глядя,
так бы и умер в безпечной игре игрока.
Но за окошком вагона нагие погосты,
но за бортом парохода глухая волна.
Глас ниоткуда:
— Зачем же, несчастный, живешь ты?
Я тебя создал для Жизни на все времена!..
И, словно луч пронизал естество и сознанье,
перекрестились земные и Божьи пути.
Господи! Господи!
Дай мне хоть миг покаянья,
не позволяй нераскаянным в полночь уйти.

* * *

Помилуй, Боже, и спаси!
Перед Тобою обнаженный
на стыд и слезы осужденный
Ересиарх Всея Руси.
И полудённый неба плач
потряс светлейшее светило:
я резал напрочь, точно врач,
то, что вчера душою было.
Уплыло каплей по стеклу,
упало образом в примете,
кружилось вальсом на балу
анти-Господнее столетье.
А я смеялся и плясал,
и богохульствовал без меры.
И вот я тот, кем смел и стал —
священномученик Химеры.
Не дух, не зверь, не человек,
не изгонённый, но изгнанник.
И очарованный вовек,
рожденный Русью, Божий странник.
Унылый дождик моросит.
А я, как Бог, преображенный,
стихи читаю прокаженным
Ересиарх Всея Руси.

НА ПОГОСТЕ

Слышишь, мама, я пришел!
Я нашел тебя, мамуля!
Жизнь мелькнула, словно пуля,
с продырявленной душой.
И ни завтра, ни вчера,
только взлет, и только вечность.
Неужели безконечность
это времени игра?
Не пора ли мне на взлет —
я весь мир перелопатил,
истончался, скажем кстати,
но достиг не тех высот.
Состоявшийся пижон,
нашумевший мастер слова,
но тебе промолвлю снова:
— Слышишь, мама, я пришел!

ДИАЛОГ С БОГОМ

Ах, какая унылость дней!
Ах, какое вокруг гнилье!
В сладкой патоке из теней
за Кремлевской стеной — ворье.
Неужели оставил Бог?
Неужели конец стране?
Даже русский мороз не смог
победить в продувной войне.
Продают журавлиный крик,
продают мимолетный взгляд.
Вот и я головой поник,
коль дорога из ада в ад.
Только слышу заветный глас:
«О душе своей помолись
и проснись в неурочный час,
если кони вдруг понеслись.
Ты на этой пустой земле
не задержишься — ни к чему.
Ты родился и жил во зле,
значит, жизнью измерил тьму.
Всяк из вас совершает то,
что предписано вам судьбой,
словно выигрыш в “Спортлото”,
только помни, что Бог с тобой!»
Я воскликнул:
«Помилуй, Бог,
покровитель Святой Руси!
Я исправить себя не смог,
но Россию мою спаси!
Пусть она не умрет во лжи,
пусть в Америке денег звон
русским голову не кружит,
словно ладаном от икон.
Не давай, что не унести
под волной Твоего огня!
Но Россию мою прости,
и, как жертву, возьми меня...»

АННА ПЕРЕКРЕСТОВА

Одинцово, Московская обл.

Молитвы. Псалмы

* * *

Сердце — как колокол в храме Господнем,
Время в него бьет всегда и сегодня,

Словно себя проверяя на точность,
Жаром и холодом меряя прочность.

Бьет, не дает ни секунды покоя.
Кто испытанье придумал такое?! —
С каждым ударом ему все больнее,
Сердце страдает и любит сильнее.

Иней осядет, луч солнца коснется —
Колокол — сердце мое — отзовется.
— Дай мне уменье и силы, Всевышний,
Людям сказать все, что сердцем услышу.

14. 01. 1989

* * *

В Писании — ни слова лжи,
В нем музыка любви для слуха.
Вбирай в себя струю, дыши,
Сбирай росу Святого Духа.
Мизерна власти высота,
Мир суетен, и вещи тленны,
Величье славы — пустота,
Но откровенья сокровенны.
Люблю, живу и чту Закон,
Друзья, враги — все преходяще.
И кто утешит так, как Он! —
Душа, беседуй с Богом чаще!

19. 04. 2000

* * *

Молись и бодрствуй в благости, душа,
Иди путем настойчивых исканий,
Чтоб ты могла проникнуть не спеша
В глубокий пласт Божественных Писаний.
Исследуй сердцем, чтоб душою петь,
Молись, забрав часы у сна ночного,
Чтоб хоть немного, причастясь, прозреть
В святилище Божественного слова!

05.06. 2000

* * *

Грехов моих немыслимая бездна
Без бездны милостей Твоих, Господь,
Не может обойтись; рукой железной
Она сжимает душу мне и плоть.
Душа, тебе столь надобно усердия —
Молись, всю милость Бога призови!
На бездну — встанет бездна милосердия,
И милость Божья победит грехи.

22. 10. 2000

* * *

Меня услышал Ты, Господь благой,
До исповедания, до прощения,
Молитвенной душе даруя строй,
С молитвой дал мне слезы очищения.
Упомянула ль все мои грехи,
Упомнила ль их все в души волнении —
Ты заглянул в таилища души,
Ты видел сердца муки и смятение.
Во всех грехах грешна, Господь, прости!
Прости, пришла к Тебе, осмелясь, грешной.
Всю жизнь должна замаливать грехи,
Яви мне свет и в свете том надежду!

18. 07. 2001

* * *

О, если бы могли молчать уста,
Мог сдерживать себя уздой язык,
Чтоб мой язык не погубил меня,
Чтоб в согрешенье мне не пасть чрез них!
Бич к помыслам моим приставит кто
И мудрого наставника — к уму,
Чтоб не щадил проступков суд его
И заблужденья не прощал ему,
Чтоб мне перед противником не пасть:
Он будет рад погибели моей.
О Отче Господи, Твои суды и власть —
Не дай мне возношения очей.
От сердца вожделенья отврати
И власти сладострастья не отдай,
От угожденья чреву охрани,
Душе безстыдной душу не предай.

08. 11. 2003

* * *

Мир притекает с надеждой к подножию
Девы Марии — Матери Божией.
Будем и мы непрестанно молиться
Присноблаженной Небесной Царице,
Деве святой, непорочной, венечной,
К нам приникающей с болью сердечной,
О наших детях с заботой, с любовью,
Не прибегая душой к пустословью;
О каждой женщине с просьбой умильной
Необходимого — не изобилья:
Дай ей душевную силу и крылья
Для одоленья невзгод и безсилья,
Стойкость в беде и смирение в горе,
Дай быть примером, щитом и опорой,
Дай ей любить, быть взаимно любимой,
Самой желанной и необходимой.
Ходим мы, люди, по трудным дорогам —
Будь Ходатаицей нашей пред Богом.

24. 04. 2009

Первый поэтический сборник. Клинцы, 2002 г.

* * *

Боже, прошу об оставленных грешных,
Как о себе, об их душах молюсь.
Дай им на райские кущи надежду.
Я заключу с ними вечный союз,
Что не напомню им, что было прежде,
Не посмотрю в их глаза, не коснусь.
Знаю, что Ты всемогущ и велик,
Боже, в отличье от Иезекиля,
Дай мне прозрачные лёгкие крылья,
Дай также неузнаваемый лик,
Чтоб, душу встретив, ее не корили
Те, что меня безответно любили.
Дай мне лик ангельский, чистый и ясный,
Чтобы узнал душу только один:
Рыцарь безгрешный, высокий, прекрасный,
Нежный возлюбленный и господин.
Дай за большую любовь вечный праздник
Там, средь небесных дорог и равнин!

01. 09. 2009

* * *

Все слышит: и хвалы и просьбы,
Слова хулы и поруганья —
Святая Церковь раны носит,
Но никого сама не ранит,
В скорбях дает нам утешенье,
А в бедствиях дает нам силы,
В раскаянье в грехах — прощенье.
Душа с молитвой легкокрыла,
Приносит просьбу и хваленье
И видит верную дорогу.
Возносит нас в богослуженье
Святая Церковь к Небу, к Богу.

21. 09. 2010

* * *

Душа моя, молись упорно,
Стремись к вершинам от земли
И долети до выси горней,
И гласу Ангелов внемли.
Коль ждут нас бури, потрясенья
Иль мира грешного конец,
Проси молитву для спасенья
Для заблуждавшихся сердец.
Простим друг другу все обиды
И разрешим узлы вины,
И будем верой и молитвой
Защищены и спасены.
Да не отступим перед битвой.
Господь, вложи слова в уста,
Да будет Твой обет защитой,
Да будет с ним любовь Христа.
Вот Иоанна Откровенье
Нам, здравствующим и живым,
Благовествуешь Ты спасенье,
И верю я словам Твоим.

21. 07. 2010

Из книги «Псалмы»
(Стихотворное переложение)

1 ПСАЛОМ ДАВИДА

1 Блажен тот муж, что путь греха отверг,
Не ходит на советы нечестивых
И не сидит в собрании корыстных, лживых
И развратителей — обходит всех,
2 Закону Господа доверился во всем
И размышляет день и ночь о нем.
3 И будет он, как дерево живое,
Посаженное у потоков вод,
Что вовремя дает желанный плод,
Не вянет лист которого при зное;
Успеет совершить он все благое.
4 Но нечестивые живут не так:
Они — как жалкий, безполезный прах,
Что ветром возметается с лица земли,
Ибо живут в безумии[1] и лжи.
5 И потому все нечестивые, лукавые
Не устоят достойно на суде,
И грешники — в собранье праведных.
6 Ибо Господь путь праведных хранит —
Путь нечестивых разорит.

[1] Безумие — превозношение, развращение.

8 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НА ГЕФСКОМ ОРУДИИ. ПСАЛОМ ДАВИДА

2 О Господи, Бог наш! Как велики,
Величественны имя и дела Твои
По всей земле, Тобой полна земля!
И слава Божья простирается века
Превыше звезд и горней высоты!
3 Из уст младенцев и детей грудных
Устроил Ты вселенскую хвалу
Ради врагов и мстителей Твоих,
Чтоб не могли сказать Тебе хулу.
4 Когда взираю я на небеса Твои —
На дело рук Твоих, на звезды и луну,
Которые Ты основал, замрет душа в любви:
Ты славен и велик! Я трепещу.
5 Но что есть человек перед Тобой,
Сын человеческий, что помнишь Ты о нем
И посещаешь, дав закон благой,
И направляешь, Господи, во всем?
6 Пред Ангелом не много умалил его
И славою и честью увенчал,
И совершенство мира Твоего
Сложил к ногам его, и править дал,
7 Владыкой сделал над делами рук Твоих.
8 И дал ему овец, стада волов с быками
И дал зверей лесных и полевых,
9 Небесных птиц и многих рыб морских,
Все, преходящее в морях стезями.
10 О Господи, Бог наш, нет равного Тебе!
О, как величественно имя Бога на земле!
Слава:

56 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НЕ ПОГУБИ. ПИСАНИЕ ДАВИДА, КОГДА ОН УБЕЖАЛ ОТ САУЛА В ПЕЩЕРУ

2 Помилуй мя, помилуй мя, о Боже, помоги,
Ибо душой моею уповаю на Тебя,
И в сени крыл Твоих укроюсь я,
Доколе беды не пройдут мои.
3 Я воззову к Богу Всевышнему скорей:
Бог благодетельствует мне всегда.
4 И Он пошлет с небес, спасет меня
И посрамит того, кто хочет гибели моей,
Пошлет Бог милость мне и истину Свою.
5 Душа моя среди голодных львов,
Среди чудовищ огнедышащих лежу,
Среди враждебных человеческих сынов.
Остры, как стрелы, копья, зубы их,
6 Подобен острому мечу язык у них.
О Боже, выше неба будь превознесен,
Над всей землей да будет слава вечная Твоя!
7 Сеть уготовили ногам моим со всех сторон,
Душа моя в уныние пришла.
Но те, что выкопали предо мною ямы,
Упали в них, в сеть уловились сами.
8 Готово сердце, Боже, сердце петь готово —
Я буду петь и славить всей душою.
9 Воспрянь, о слава звонкая и песнь, и слово,
Воспряньте, гусли и псалтирь, со мною!
Я встану рано, светом напоен,
10 В народах буду славить, Господи, Тебя
И буду воспевать Тебя среди племен,
11 Ибо и милость до небес Твоя столь велика,
И истина Твоя до облаков и выше.
12 О, будь превознесен выше небес, Всевышний,
Над всей землей да будет слава вечная Твоя!

57 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НЕ ПОГУБИ. ПИСАНИЕ ДАВИДА

2 Вы подлинно ли правду говорите нам
И справедливы ль, судьи, вы в суде?
Дано ли человеческим сынам
Судить других по сердца правоте?
3 Составив беззаконье в сердце вашем,
Лицеприятны, склонны к тучной мзде,
Кладете на весов неточных чаши
Вы злодеяния рук ваших на земле.
4 С рожденья отступили нечестивые
И от утробы материнской заблуждаются,
И произносят речи лживые,
Яд под устами их рождается,
5 Как яд змеи и аспида глухого,
Что затыкает уши в нужный миг
6 И заклинателя не слышит слова,
Что в заклинаниях искуснее других.
7 Господь, в устах их зубы сокруши,
Разбей, о Боже, челюсти свирепых львов.
8 Исчезнут пусть, как воды на пути
Среди томимых жаждою песков.
Когда же стрелы напрягут они,
Пусть будут, как преломленные.
9 И да исчезнут с пажити земной,
Как распускающаяся улитка;
Да не увидят солнца и улыбки,
Как выкидыш у женщины больной.
10 И прежде, чем котлы нагреются в огне,
Пусть воды разольются не вскипевшие,
Да разнесет вихрь по земле
И свежее и обгоревшее.
11 Возрадуется праведник в стеснении,
Когда увидит нечестивому отмщение,
Омоет он стопы свои в крови его, пойдет.
12 И скажет человек в душе:
«Вот, подлинно есть праведнику плод!
Итак, есть Бог, судящий на земле!»
Слава:

60 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НА СТРУННОМ ОРУДИИ. ПСАЛОМ ДАВИДА

2 Услышь, о Боже, вопль мой, боль мою,
Внемли молитве страждущей души!
3 В унынии сердечном я молю,

К Тебе взываю от конца земли.
Ты возведи меня на высоту,
Скалу, недосягаемую для меня,
4 Ибо Ты крепкая защита от врага,
Прибежище мое, скала моя.
5 Ввек да живу в Твоем жилище под защитой, —
Под кровом крыл Твоих покоюсь я,
6 Ибо услышал, Боже, Ты мои молитвы,
Дал мне наследие боящихся Тебя.
7 Ко дням царя дни жизни приложи,
Лета его из рода в род продли,
8 И да пребудет вечно он пред Богом;
Ты заповедуй милости и истине
Хранить его, дела и мысли чистые.
9 Я буду петь, петь имени Твоему вовек,
Мои обеты исполнять в храненье строгом.
Слава:

62 1 ПСАЛОМ ДАВИДА, КОГДА ОН БЫЛ В ПУСТЫНЕ ИУДЕЙСКОЙ

2 О Боже! Ты Бог мой, от розовой зари
Тебя ищу я и Тебе слова мои;
Тебя возжаждала душа моя сегодня,
И по Тебе томится плоть моя
В земле пустой, иссохшей и безводной,
3 Чтоб видеть славу, силу Бога для меня,
Как видел я в святилище Тебя,
4 Ибо мне лучше жизни милость щедрая Твоя.
И возгласят уста Тебе хвалу,
5 Я в жизни так благословлю Тебя:
Во имя дивное Твое я руки вознесу.
6 Как туком и елеем насыщается душа моя,
И гласом радостным поют хвалу Тебе мои уста,
7 Когда я вспоминаю о Тебе без сна
И размышляю о Тебе в ночные стражи,
8 Ибо Ты помощь и надежда наша,
Возрадуюсь под сенью крыл Твоих;
Ты, Боже, помощь на путях земных.
9 К Тебе душой моею прилепился я,
Десница крепкая Твоя — опора для меня.
10 Те, кто погибель ищет для души моей,
Сойдет во злобе в преисподнюю земли;
11 Сразят их силою меча в расцвете дней,
Лисицам будут пищею они.
12 Царь же о Боге будет веселиться от души,
Восхвален будет всякий, кто клянется Им,
Ибо уста всех лживых заградятся именем Твоим.

64 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. ПСАЛОМ ДАВИДА ДЛЯ ПЕНИЯ

2 Тебе, Бог мой, хвала не умолкает на Сионе,
Тебе обет воздастся в Иерусалиме.
3 Ты слышишь все мольбы непостижимо,
К Тебе же прибегает плоть, живое.
4 Меня превозмогают беззаконные дела,
Ты наши преступления очистишь.
5 Блажен, кого избрал Ты и приблизил,
Чтоб жил он во дворах Твоих всегда.
Насытимся мы благами от дома Твоего,
Святаго храма Твоего, Господь благой.
6 Ты, Страшный в правосудии и Сильный,
Услышь нас, Боже, наш Спаситель
И упованье всех концов земли, всего
И находящихся далеко в море,
7 Поставивший десницею Твоею горы
И препоясанный могуществом,
8 И укрощающий валы и шум морей,
Шум волн морских рукой Твоей,
Стихии и народ мятущийся!
9 И знамений Твоих впредь убоятся все
Живущие в пределах на земле.
Возбудишь к славе утро, вечер,
День Твой прекрасен, потому что вечен.
10 Ты посещаешь землю, утоляешь жажду — Ты,
Обогащаешь всем ее обильно:
Поток Твой полон ключевой воды;
И хлеб приготовляешь Ты, Всесильный,
Ибо Ты так устроил землю, Боже,
11 Ты напояешь борозды ее,
Уравниваешь глыбы, пашни множа,
И размягчаешь посланным дождем,
Благословляешь каждое растение на ней.
12 Венчаешь лето благости Твоей,
Стези Твои безмерно источают тук
13 На пажити пустынные вокруг
Для красоты, для благоденствия людей.
И радостью перепоясываются холмы с полями,
14 И одеваются луга стадами,
И покрываются долины хлебом,
И восклицают и поют под небом.

74 1 НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НЕ ПОГУБИ. ПСАЛОМ АСАФА. ПЕСНЬ

2 Тебя мы славим, Боже, и поем Тебе хвалу,
Ибо нам близко имя дивное Твое
И возвещают чудеса Твои.
3 «Когда по воле время изберу,
Я суд по правде на земле произведу.
4 Колеблется земля и все живущие на ней —
Я утвержу столпы ее». Скорей
5 Безумствующим говорю, строптивым:
«Вы не безумствуйте», — и нечестивым:
«Не поднимайте рога в мире лживом,
6 Не поднимайте высоко в гордыне рога,
Не говорите дерзко против Бога»,
7 Ибо и не от запада, не от востока,
Не от пустыни возвышение,
8 Но Бог есть судия и все — от Бога:
И возношение и унижение;
9 Ибо в руке Господней жизни чаша,
Вино кипит в ней, полное смешения,

Он наливает из нее, в ней участь наша.
И выжмут даже дрожжи в этой чаше,
И будут пить все нечестивые в смятении.
10 Я ж вечно буду возвещать
И Бога Иаковлева буду воспевать.
11 Сломлю все роги[1] нечестивых многих,
И вознесутся праведника роги.

119 ПЕСНЬ ВОСХОЖДЕНИЯ (МОЛИТВА В СКОРБЯХ)

1 Я к Господу воззвал, душой скорбя,
И с высоты услышал Он меня.
2 О Господи, от лживых уст меня избавь, —
От языка, что злобен и лукав.
3 Что даст тебе и что тебе прибавит
Язык коварный и лукавый?
4 У сильного изощрена стрела,
С горящими углями дрока.
5 О, горе мне, что пребываю у Мосоха,
Живу в стесненье у шатров Кидарских я.
6 Так долго бедная душа моя жила
7 С мир ненавидящими. Мирен я вполне,
Но только я заговорю, они — к войне.

120 ПЕСНЬ ВОСХОЖДЕНИЯ. (БОГОМЫСЛИЕ)

1 Я очи возвожу к горам, моля,
Оттуда помощь мне придет моя.
2 То помощь мне от Господа Всевышнего,
И небеса и землю сотворившего.
3 Не даст поколебаться Он ноге твоей,
Тебя хранящий не сомкнет очей;
4 Хранящий же Израиля не дремлет и не спит.
5 Господь — хранитель твой и крепкий щит,
Господь — сень верная, что справа от тебя.
6 Днем солнца жар тебя не поразит,
А ночью бед не принесет луна.
7 Господь убережет тебя от зол и бедствий всех;
И душу сохранит Господь, чтоб дать спасение.
8 Он будет охранять отныне и вовек
Твое вхождение и выхождение.

125 ПЕСНЬ ВОСХОЖДЕНИЯ. (ВЕСЕЛИЕ О БОГЕ)

1 Когда Господь из плена возвращал Сион,
Для нас все было как чудесный сон:
2 Тогда уста у нас исполнились веселия,
Язык наш — прославления и пения.
Тогда дивились племена, чужой народ:
«Великое над ними сотворил Господь!»
3 Великое над нами сотворил Господь тогда
Мы радовались сердцем без конца.
4 О Господи, всех наших пленников сегодня,
Как вод потоки, возврати на полдень.
5 И сеявшие со слезами — с радостью пожнут;
6 Несущий с плачем семена — возвеселится
И с радостью великой возвратится,
Неся снопы свои, венчая труд.

130 ПЕСНЬ ВОСХОЖДЕНИЯ. ДАВИДА. (СМИРЕНИЕ)

1 Господь, не надмевалось сердце у меня,
Не возносились очи над путями,
Я не входил в великое шутя,
В недосягаемое для меня,
И тщетное я не склонял устами.
2 Не размышлял ли, не смирял ли я,
Не успокаивал ли жалобы души,
Как отнятое от груди у матери дитя?
Душа моя была во мне, как то дитя,
Что отнято внезапно от груди.
3 Да уповает Израиль на Господа
Отныне и вовек.

145 (АЛЛИЛУИЯ. АГГЕЯ И ЗАХАРИИ)

1 Хвали, душа моя, ты Господа, хвали,
Воспой Ему хвалы и славы песнь.
2 Я буду восхвалять Его, пока я жив,
Петь буду Богу моему, доколе есмь.

[1] Рог — сила, крепость, преимущество.

Анна Перекрестова

ПСАЛМЫ
(СТИХОТВОРНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ)

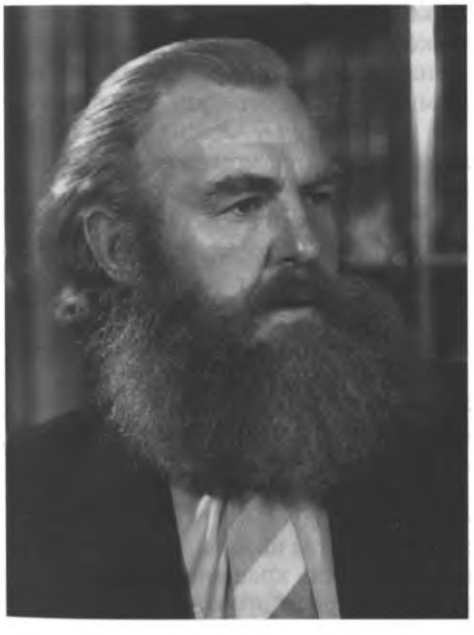
г. Клинцы, 2005

3 Вы не надейтесь на людей, князей их,
Нет в сыне человеческом спасения: он тень.
4 Выходит дух его, и возвращается он в землю,
И исчезают помышления его в тот день.
5 Блажен, кому Бог Иаковлев помощник и оплот
И у кого надежда лишь на Бога в жизни сей,
6 Который сотворил все: небо, землю, лоно вод
И все, что в них, как благо, радость для людей —
На Бога, вечно верность нам хранящего
7 И правый суд обиженным творящего,
Насущным хлебом алчущих питающего
И узников от уз освобождающего,
8 Слепым же очи отверзающего,
Согбенным спины распрямляющего.
9 Бог любит праведных, хранит пришельцев Он,
Поддерживает и сирот и вдов;
Путь нечестивых извращает, сводит в ров.
10 Так будет царствовать Господь во век веков,
Из рода в род Бог твой, святой Сион.
Аллилуия.

2001—2005

ВИКТОР ДРОННИКОВ (1940—2008)

Орел



МОЛИТВА

Мать Мария, Великая Мати,
Да святится дыханье Твое!
Ниспошли мне на теплом закате
Материнское слово свое.

Из груди вырываются звуки
Благодарной сыновней любви.
Возложи осиянные руки
На незримые раны мои.

•

Богородица, свет, упованье,
Проведи через пустынь и тьму,
Чтобы я возвратил, как дыханье,
Просиявшее слово Ему...

* * *

Милая Родина, что с нами было?
Как завязать нам сумели глаза?
Но неужели душа разлюбила
Эти идущие в ночь небеса?

Грустно гляжу на родное кочевье
Звезд, рассиявшихся в медленной мгле.
Свете таинственный, Свете вечерний,
Дай долюбить мне на этой земле.

Дай дожалеть мне святые могилы,
Скорбные ивы, поля без огней.
Родина, Родина, где наши силы,
Гордая поступь твоих сыновей?

Чувства, как угли, горят под золою.
Сколько хранить нам под пеплом тепло?
Верую, Свете: над русской землею
Время сияния не истекло!

* * *

Прости мне в пречистом сиянье
За темные годы мои.
На теплой заре покаянья
Не поздно молить о любви.

Не поздно в березовой чаще
Заплакать, не чувствуя слез,
О всех над землей просиявших
Сияньем соборных берез.

Когда над бесовством и срамом,
Как древняя совесть земли,
На крыши порушенных храмов
Босыми березы взошли.

Прости мне их крестную муку,
Где страшно и глянуть в провал.
Как будто им светлую руку
Скорбящий Господь подавал.

ДОМ ИПАТЬЕВА

Ты гори, гори на заре, свеча.
Ты еще с краев не оплавлена.

Убиенного свет-царевича
Ты еще, душа, не оплакала.

Белы косточки где искать его?
И нательного не найти креста.
Ты, Россия, вся дом Ипатьева,
Где безчинствует дух антихриста.

И стоит густой над землею стон —
Это русский люд на Руси теснят.
Колокольный звон — похоронный звон,
Это Русь мою до сих пор казнят.

ВЕНОК

Пошли, Господь, и мне отраду,
Когда земной истает срок,
Войти в небесную ограду
Сложить у ног твоих венок.

В печалях мира скоротечных
Я собирал тебе цветы...
Пути земных с Путями Вечных
Соединяешь только Ты.

Но если бездной или адом
Грехи разверзнутся мои, —
Позволь мне кинуть за ограду
Взгляд, преисполненный любви.

* * *

Валерию Рогову

Какое счастье — совпадать
С простором синим.
Еще дается благодать —
Любить Россию.

Лиловый вереск по холмам,
Речную роздымь,
Где отдаленный Божий храм
Дрожит, как воздух.

Неопалимый Божий куст,
Купель, купина.
И, как молитва детских уст,
Светла долина.

Нет, русский вечер не погас,
Не взят на пику.
О, сколько здесь молилось глаз
Святому лику.

О, Господи, молю и впредь
Хоть сквозь пустыню,
Но дай на Родину смотреть,
Как на святыню!

* * *

Кто этот мир? И что мы сами?
Перетекают жизнь и смерть...
О, если б Божьими глазами
Хоть раз на землю посмотреть.

Вот почему светло и слепо
Когда зияют небеса —
Я запрокидываю в небо
Осиротевшие глаза.

Не удержать звезды в ресницах.
Но сколько лет, но сколько лет
Душа сама летит, как птица,
На Божий свет! На Божий свет!

Когда-нибудь родное небо
Меня приблизит без следа...
Не говорите был иль не был?
Я там, я там, где был всегда...

* * *

Если можешь глазами вздохнуть,
Значит, видишь святые пути.
Дальше звезд человеческий путь,
По которому надо пройти.

Сколько раз разбивался я в прах,
Сколько раз выбивался из сил...
Но я знал, кто в незримых мирах
Душу мне на земле осветил.

И когда завершится мой срок
И придется держать мне ответ,
Я сложу на Великий порог
Сбереженный во странствиях свет.

БОЖИИ СТАРЦЫ

Из келий, обителей, дольних пустынь,
Чтоб с Богом душой не расстаться,
Выносится свет православных святынь —
Несут его Божии старцы.

И все замирает вблизи и вдали,
Восходит молитва народа...
О, тайная радость крещеной Руси —
Пришествие крестного хода.

Где нет гордецов и униженных нет,
Где нету беды иноверцу...
И Божии старцы проходят, как свет,
Доступные каждому сердцу.

Гноили заступников Русской земли...
(А в храмах бесились и выли),

И в белую замять босыми вели
И в тайных местах хоронили..

Рассыпался прах обезбоженных снов.
А церковь стоит сокровенно.
И мощи сокрытые Божьих сынов
В земле прорастают нетленно.

И Русская правда на вере стоит,
На вере и светлом моленье.
И каждый святой на Руси — это щит
И Божие благословенье.

Уже исполняется Божий Завет:
Архангел трубит за плечами,
И Божии старцы проходят сквозь свет,
Сияя святыми очами!

МОЛЕНИЕ О ВИТЯЗЕ

За ушедшего на битву,
За последний русский край
Я шепчу одну молитву:
— Витязь мой, не умирай...

Подрывной волной фугасной
Гнут Россию на излом.
Господи, не дай погаснуть
Русской жизни под огнем.

По крови бежит остуда,
Как от раны ножевой.
Витязь мой, приди оттуда
Невредимый и живой.

Сколько русской крови льется.
Господи, не покидай
Всех, кто бился,
Всех, кто бьется
За последний русский край.

Вот и вся моя молитва
До последнего конца,
Только б слитно,
Только б слитно
Бились русские сердца.

* * *

В творении разнообразном
Живи, живое не губя.
Не уступай себя соблазнам,
Верши свой подвиг для себя.

Живи возвышенно и строго,
Люби свой дом, храни свой край
И никому родного Бога,
Родных святынь не уступай.

В своей любви неизречимой
Стремись туда, где свет течет...
И знай: в дали многоочимой
Тебе еще держать отчет.

* * *

Если духом поник,
Если точит беда —
Есть в Полесье родник,
В нем живая вода.

Как на праздник души,
Как в святые места —
Ты к нему поспеши —
Если совесть чиста.

Над водою святой
Ты склонись, помолись.
И лицо в ней омой,
И ладонью утрись.

И душа, словно май,
Вспыхнет, веры полна,
Что отеческий край
Не исчерпан до дна.

* * *

Как бы ни был славен и почетен,
Вечность не примеривай к себе.
Ты в своих поступках подотчетен
Господу, Отечеству, Судьбе...

Выходи за них на поединок,
Защищай их, жертвуя собой,
И тогда сольешься воедино
С Господом, Отечеством, Судьбой.

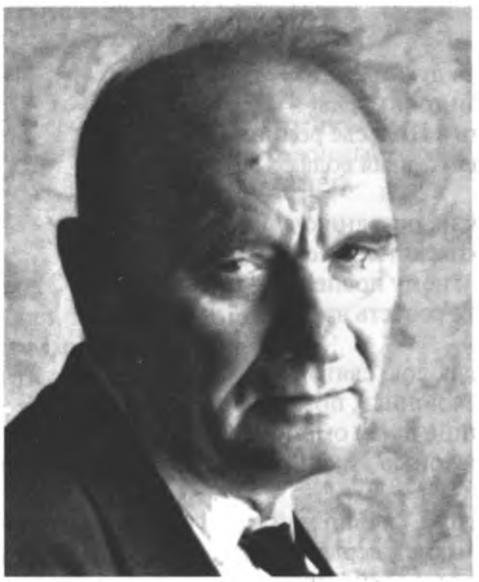
ГОРНИИ СВЕТЫ

(Последнее прижизненное стихотворение)

Ангел мой, ты видишь ли меня?
Ф. Тютчев

Бьют из облака горнии светы —
Посреди грозовой немоты...
Ангел мой, дай почувствовать, где ты?
Я стою у предвечной черты.
Ангел мой, я нечастый проситель,
Ты меня, белокрылый, прости.
Если ты мой хранитель-спаситель,
Помоги мою душу спасти.
Ей уже на земле не согреться
В отчужденном гнездовье огня.
Помоги ей на свет опереться
Перед тем, как покинет меня.

РОСТИСЛАВ ФИЛИППОВ
(1937—2006)
Иркутск



* * *

Господи, взгляда с меня не своди —
мало добра остается в груди.
Был человеком и я до сих пор,
но приближается холод и мор.
Грабить и бить кирпичами в висок
будем друг друга за хлеба кусок.
Низкое время у нас впереди —
Господи, взора с меня не своди!
Чтоб не посмел я ни душу, ни имя,
Боже, сгубить пред очами Твоими!

* * *

Открывается Байкал из окна вагона.
Синий, красный, золотой — древняя икона.
В этот миг и в этот век,
в этот мир просторный
Он являет строгий лик —
Спас нерукотворный.
И тревожит, и томит, словно весть о чуде,
Все, что было, все, что есть,
все, что дальше будет...

МИХАИЛ ВИШНЯКОВ
(1947—2008)
Чита

* * *

Господи, я это — русский.
Дай мне покой и ночлег.
Дух мой остался под руслом
стылых, безпамятных рек.
Правдоискатель и грешник,
внял я дыханью молвы:
жизнь — это вешний скорешник
Родины и синевы.
С этих блаженных истоков
и понесло под раскат
и доброту, и жестокость,
всеавосьный загад.
Смятый и вырванный с корнем
вбитый в сплошной иноязь,
стал я темней и покорней,
в мерзостях мира погряз.
Вбитое быстро забыто,
Но понимаю в конце:
адская топка открыта,
чувствую жар на лице.
Тяжко мне и безпробудно,
как только носит земля.
Господи, каюсь прилюдно:
я — это, Господи, — я...

ИГОРЬ ЛЯПИН
(1941—2005)

МОЛИТВА

Когда беда в судьбу ломилась,
И мерк над нами белый свет,
Вздыхала ты, не плакать силясь,
И за меня тайком молилась,
И столько бед свела на нет.

Я уезжал, и ты томилась,
Полна сомнений и тревог.
И что в душе твоей творилось!
Но за меня опять молилась,
И не вернуться я не мог.

Я в жар впаду, ты жар остудишь
Любого доктора верней.
Я оступлюсь — ты не осудишь
И за меня молиться будешь
Всей страстью нежности своей.

Меня уверенность оставь лишь,
И, не найдя надежды нить,
Ты бросишь все, ты все оставишь,
И за меня молиться станешь —
И чудо очень может быть.

Я буду дерзко жить, рисково,
Лицом и сердцем на зарю,
На пламенеющее слово.
Ты за меня молиться снова
Начнешь. И, может, не сгорю.
Жизнь то светлица, то темница,
Ну как же я угомонюсь?
И что в ней, грешной, ни случится,
Ты будешь за меня молиться.
Я — на тебя одну молюсь.

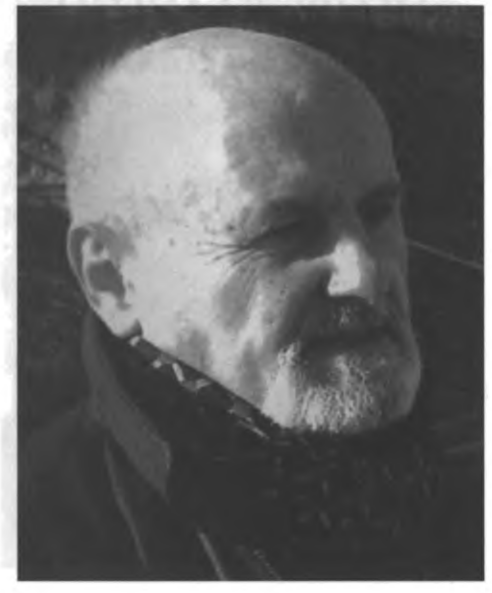
ИГОРЬ КАЛУГИН
(1943—2005)

СОБОРОВАНИЕ

...Он подоткнул за пояс полы рясы
И запахнул цивильное пальто.
Взял черный чемоданчик...
Вдоль всей трассы
Молчал, чуть съежась в уголке авто.
Приехали.
Больная умирала.
Сознание оставило ее.
...В передней облачился он, и стало
В квартире — словно в храме.
Забытье
Рабы Натальи гостя не смутило.
Он свечку перед образком зажег,
И задымило вдруг паникадило.
Нам показалось: рядом с нами — Бог.
Священник начал мерную молитву,
А мы, столпясь, стояли в стороне.
Мы понимали: он вступает в битву
За душу нашей бабушки. Во сне
Ее лицо как будто просветлело,
Черты страданья сгладились. Она
Замкнулась в ровном сне, порозовела
Торжественно в блаженстве сна...
...А он ушел.
И знаменьем трехперстным
Он осенил наш дом, ее и нас.
В прохожего оделся, но небесным
Молебном душу от мучений спас...
И в доме Ангел Смерти поселился...
Назавтра пополудни в час ноль шесть
Забрал ее...
И долго-долго лился
Свет запредельный, как благая весть.

ВЛАДИМИР БАШУНОВ
(1946—2005)

Барнаул



МОЛИТВА СЕРГИЯ

о. Михаилу (Капранову)

1

В колодезный сруб, как в затмившийся век, заглянуть,
в прохладную темень и глубь,
и в зеркальном квадрате
увидеть свое отраженье средь пешая рати
Димитрия — русские двинулись в путь
к Непрядве. Кликуши и вороны, кыш!
Кольчужка дырява,
но я не сробею в той битве.
И ангелы реют, и Сергий стоит на молитве,
шепнувши пред этим Димитрию:
«Сим победишь!»

2

В затмившийся век,
как в колодезный сруб, опусти
рассеянный взгляд и ленивую мысль —
хоть от скуки.
Ты видишь ли Сергия?
Слышишь ли стоны? И стуки
щитов или копий? Не видишь?
Не слышишь? Прости.
Как все обернулось!
Гуляет презрительный шиш.
И жизнь не кончается? Странно...
И все не в утрате?
Чу! Сходятся снова две веры,
две воли, две рати...
Но Сергий стоит на молитве —
и сим победишь!

НИКОЛАЙ ПОСНОВ
(1946—2005)

Брянск

ГОСПОДИ, СПАСИБО, ЧТО ЖИВЕМ

В тонкой дымке лиловеет город.
Недвижима празелень пруда.
Воздух чист и ломок, словно голос
У неоперенного дрозда.

Розовеют вытянуто вербы.
Тих и чист вечерний окоём.
И звезда мерцает в темном небе,
Господи, спасибо, что живем!

Жизни путь почти уже осилен,
И ничто не ново для меня,
Но стою под зябкою осиной,
Ощущая бренность бытия.

И сладка до дрожи эта бренность
На закате гаснущего дня.
Нет, не примелькалось, не приелось,
Что во мне и что вокруг меня.

И ничем особым не блистая,
Но в смиренье праведном своем
Повторять душа не перестала:
Господи, спасибо, что живем!

Что со мной в одном благодаренье
И звезда, и вербы, и река,
Что в высоком горнем освещенье,
Словно годы, тают облака...

МОЛИТВА

Я в разлуке с душой одинокой,
Я бреду в неизведанный край.
На земле удержаться до срока
Помоги мне, святой Николай.

Многогрешному, в сенях убогих,
Но живущему правым трудом,
Дай мне силы осилить дорогу
С предназначенным Богом крестом.

Время стынет, как темная чаша,
Без тепла, без уюта, любви.
Утешитель болезно-скорбящих,
Ты прости прегрешенья мои.

Освежи жалкий ум мой, попробуй,
От разлада с душою спаси,
Мой хранитель и верный, и добрый
Николай, Чудотворец Руси.

АНГЕЛ

Томит постоянно и точит
Тревога неясная грудь.
И в долгие темные ночи
Никак одному не уснуть.

Последние полночи ближе,
Уж ветер сквозит низовой.
Мой ангел, мой ангел, приди же,
Побудь хоть немного со мной.

Душа наливается кровью,
Устав от обид и от лжи.
Приди к моему изголовью
И руку на лоб положи.

<...> словно лик на иконе,
Готовь меня к жизни иной,
Чтоб ясен был, чист и спокоен
Оставшийся путь мой земной.

ХРАМ УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

В.А. Гуторову

Как и в далеком изначале,
Из глубины иных времен,
Храм Утоли Моя Печали
Сияньем тихим озарен.

В названье этом — грусть и нежность,
Души истерзанной оплот,
В нем затаенная надежда
Простого смертного живет.

И людям страждущим внимая,
Сердца пытаясь сохранить,
Он боли молча принимает
И сострадание дарит.

И кто судьбою измочален
Не говорил слова верней:
«Да утоли моя печали.
Да беды черные развей!»

РОЖДЕСТВО

Александру Лужецкому

Первый день Рождества снежно-розов.
На душе ни тоски, ни обид.
За леском, сквозь кудели мороза,
Купол дальней церквушки горит.

Знаю, там сейчас курится ладан.
И оклады сияют, как жар.
И священное слово отрадой
Омывает сердца прихожан.

Да, что лучшее душу излечит,
Примирит с небесами на миг?
И горят поминальные свечи
За усопших людей дорогих.

А в молитвах светлеет утрата.
На канун — мне бы тоже свечей:
За отца, и за мать, и за брата,
И за рано ушедших друзей.

Может, душам их там где неймется,
И в нетленных лучах золотых
Оживет, встрепенется, вернется.
Все земное воскреснет для них.

Но без горя, судьбою помятой,
Без трагедий, что всё на крови,
А в одной всепрощающей свято,
Примиряющей, вечной любви.

Чую, горние ветры подули,
Вифлеемскую вижу звезду.
Сквозь леса, по снегам, без раздумий
К этой дальней церквушке иду.

НИКОЛАЙ КУЗИН
(1941—2008)

Екатеринбург

* * *

Медленно к Богу иду...
Я — в Гефсиманском саду.
Еву с Адамом не вижу,
Бога же вижу все ближе.
Вот Он — Творец и Учитель!

И как послушный рачитель
Падаю ниц перед Ним:
— Господи, осени!
Внемля молитве моей,
Звонко запел соловей,
Вспыхнула ярко звезда...
Ей я за это воздам,
Ей, соловью и всем вам.
Четко узревшим бедлам...
Я — в Гефсиманском саду
Медленно к Богу иду.

2007

ГЕННАДИЙ ГАЙДА
(1947—2008)

Иркутск

* * *

...и с молитвой безсловесной
Я к тебе, Отец Небесный,
На рассвете устремлюсь:
«Обрати свой взор на Русь...

Никому не потакая,
оберни незримый лик —
есть еще земля такая,
не избыт еще Язык.

Для униженных, Радетель,
створы Света раствори —
грех на нас, но мы же дети,
а не пасынки Твои».

Май 1988

АРХИСТРАТИГ

о. Калиннику

Не каждый, имеющий крылья, крылат,
не каждый и доблестный равен тому,
кто с неба сошед и сиянием лат
отринул, явившись, кромешную тьму.
Луч света дрожит в его чутких перстах,
и время не в силах его притупить.
Ползучее зло и языческий страх
воспрянут из праха, чтоб вновь отступить.

Над прорвою всех преисподних глубин,
увенчанный славою горних вершин,
стоит сей воитель непоколебим
и, что совершил, — навсегда совершил.

1988

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ
(1946—2006)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Тане Дашкевич

Полно сердиться — солнышко садится,
Замолкают птицы, свет лампады желт.
Чтоб слезе пролиться,
Надо помолиться,
Тяжелеют веки, да и век тяжел.

Ночью с шестого — Рождество Христово,
Отчее слово,
Звон колоколов.
Полноте злиться,
Надобно молиться —
Сердцу теплее от высоких слов.
Имя святое, Имя непростое...
В отблесках заката вязь его видна.
Полноте злиться —
Надобно молиться
О любимых лицах,
О забытых нас.

Ночь наступает.
Тихий снег кружится.
Ангел Господень песнь любви поет.
Полноте злиться...
Таня спать ложится.
Молится — ложится...
Молится — встает...

1991

КОЛОКОЛ

Колокол: ..анн!.. анн! —
Звонко, во все века.
Невинная кровь христиан,
Сколько тебя? Река,
Впадающая в океан...
Слышите: ... анн!.. анн!
Анна, Стефан, Иоанн —... анн! —
Мученики всех стран,
Есть лишь одна страна
Кровью смертельных ран —...анн! —
Этих омыта она.
Мученики всех стран,
Нам не забыть имен,
Тех, кому звон зван —...анн!
Из глубины времен.
Христина и Христофор,
Тихон... Татьяна... Роман...
Таисия... Леонид —
Скорбно по вам звенит
С ветхозаветных пор
Колоколов хор:
...анн ...анн ...анн...

2003

НА РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Пресвятая Дева,
Сколько лет до хлева,
До Христовой казни —
Разве это праздник?
Но праматерь Ева
Плачет возле хлева:
Все грешат упрямо
Сыновья Адама.
Все грешат упрямо,
Согнанные в стадо,
Да взывают: — Мама! —
По долинам ада.
Пресвятая Дева,
Плод Твоего чрева,
Станет жертвой казни —
Разве это праздник?
Но праматерь Ева
Плачет возле хлева:
Все не имут срама
Дочери Адама...
Все не имут срама,
Дочери Адама,
Да взывают:
— Мама!
За оградой храма.

А на белом свете,
В том же Назарете,
Не родившись, дети
Гибнут в лазарете.
— Много ли мне надо? —
Маму спросит чадо.
— Горстку винограда
На деревьях сада,
Да в языцех лада —
Вот и вся услада...
Но вкусив от древа
Горько плачет Ева.

И вкусив отравы,
Горько плачет Ева,
И восходят травы
Сладкого посева....
Проступает жилка
На запястье — дрожью.
Вот она — развилка,
Росстань, бездорожье.
Кто идет — направо,
Кто идет — налево...
Просвети их, Авва!
Не оставь их, Дево!

2003

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Когда за ходом облаков по лоциям небесным
Следил ребенок, возлежа на летнем берегу,
То мама пела на лугу — ему казалось — песни,
И медонос благоухал перед грозой в стогу.

Казалось, этой тишине вовек конца не будет.
В ней даже самый легкий вздох —
казалось —шелестит.
И вдруг ребенок крикнул: «Ох! Скорей
смотрите, люди!
Смотрите: Бог! Смотрите: Бог на облаке летит!»
Смотрели люди в небеса: казалось им — драконы.
Они смотрели на мальца: казалось им — чудно.
В жилищах не было икон. Вместо икон — законы:

Нам должно космос покорять, сверлить морское дно.
А Бог на облаке летел... Под синей неба сенью,
Он видел: ангела душа за ним летит легко.
Стояла времени река. Стояло Вознесенье...
Казалось людям, что четверг... До Бога — далеко...

2003

ИКОНА ВРАТАРНИЦЫ

Неугасимо горит лампада в соборном храме!
Ах, рассказать бы про все, как надо, умершей маме!
В соборном храме Ксиропотама поют монахи.
Поют монахи — ты слышишь, мама? —
в священном страхе.

Паникадило и круглый хорос, орлы двуглавы...
Неугасимо горит лампада, горит, качаясь...
Когда то было? Младая поросль в зените славы
С утра — ко храму, твердя молитву, в пути встречаясь.

Никто не ведал, никто не ведал — плескалось масло,
Оно плескалось, переливалось, не зная края.
И следом — беды, как те акриды, и солнце гасло,
И конь у прясла все ждал хозяев, уздой играя.
Изогнут хорос, как знак вопроса, под гнетом мессы.
Младую поросль секут покосы — играют бесы.

О, как мы слепы, людское стадо! Но всяк ругает
То — ясно солнце, то — сине море, вино ли, хлеб ли.
Кто ж наделяет огнем лампаду? Кто возжигает?
И снова масло краями льется — но все ослепли...

Поют монахи... Поют монахи... Коль слеп, так слушай.
Запрись, дыханье, утишись, сердце, —
Дух Свят здесь дышит.
Святые горы, святые хоры, святые души
Не слышит разум. Не слышит сердце.
Ничто не слышит...

Горят усадьбы, как в пекле ада — ребенок замер.
Гуляют свадьбы. Плюются в небо — ребенок в двери.

Компакт-диск с песнями Николая Шипилова

Ах, рассказать бы про все, как надо, умершей маме!
Да на Афоне я сроду не был — кто мне поверит?

Я был поэтом. Умру поэтом однажды в осень.
И напишу я про все про это строк двадцать восемь...

2003

СВЯЩЕННИК ВАЛЕРИЙ БУРДИН (1952—2002)

Кострома

Из книги «Не медь звенящая» (2007)

* * *

Дай, Господи, неверу и слепцу
увидеть Свет Твой, Свет Неугасимый,
и, Духом опаляемый, к Отцу
я возвращусь и возвеличу Сына.

Дай, Господи, с толпою пастухов
услышать мне, склонившись пред Тобою,
звучание евангельских стихов
и шум генисаретского прибоя.

Дай, Господи, постигнуть мне,
зачем пришел на муку Ты и на распятье

и почему ликующую чернь
Ты называл великим словом «братья».

Дай, Господи, уверовать в Тебя,
сильнее жизни Крест Твой возлюбя.

* * *

Россия, пусть все это дело прошлое,
но помнишь ли, какою ты была?
Ты помнишь ли, как Дева, Бога рождшая,
здесь родину вторую обрела?

Ты помнишь ли, как люди перехожие,
из края в край тебя исколесив,
молились по церквам во Имя Божие
и славили во веки Спаса Сил?

И колокольный звон в стенах обители,
вечерний звон, плывущий над рекой.
И вся ты — от Архангельска до Питера —
была хранима Божией рукой.

Ты помнишь ли, какою ты была?
И что ты потеряла? Что нашла?

* * *

В молитве к Богу, друг мой, помяни
всех принявших за Бога смерть и муки,
они нас не оставили, они
с живыми в кратковременной разлуке.

И помяни угодников святых,
и помяни святителей Господних,
чьи помыслы прекрасны и чисты,
чьи подвиги нетленны и сегодня.

И не забудь о тех, кто без вины
погиб в кровавых передрягах века —
в подвалах тюрем, на полях войны —
везде, где убивают человека.

Всех убиенных встарь и в наши дни,
Всех мучеников наших — помяни.

* * *

Молиться тебе, славословить тебя,
Казниться тобою —
И видеть, как слабые кости дробят
На дыбе дубовой.

Россия, страдалица, боль ты моя,
В последнем усилье
Они соберутся, твои сыновья,
И нечисть осилят.

А если не хватит дыханья живым,
А если устанут —
На помощь сынам твоим, верным твоим
Умершие встанут.

Когда это будет, судить не берусь,
И сам я не знаю,
Но ты не погибнешь, распятая Русь,
Святая...

* * *

Пока горит огонь Твоей звезды —
в душе моей горит огонь ответный,
и за Тобой, Небесный Поводырь,
приветствуя Тебя, иду по свету.

Пока во мне живая жизнь жива —
Тебе, Податель жизни, Жизнодавче,
Тебе, Создатель мой, мои слова
и помыслы, и беды, и удачи.

И легкий бег весеннего пера,
и легкий звон волшебного апреля,
и эта баснословная пора
сирени расцветающей, свирели...

Тебе, Господь, все сущее во мне
И все, чем жить мне до скончанья дней.

* * *

Когда Своей могучею рукой
Ты оборвешь мои земные корни
и неземной неведомый покой
смирит навеки дух мой непокорный,

простившись с теми, кто был дорог мне:
с ватагой воробьиной у сарая,
с сиренью, отразившейся в окне
(о ней заплачу я и умирая),

с компанией веселых сорванцов,
гоняющих свой неизменный мячик,
да с солнцем, обжигающим лицо
(оно и до сих пор еще маячит

в моих стихах), — я тихо повторю:
«Прости! За все Тебя благодарю!»

* * *

Отче наш, по милости Своей,
по неизглаголанной любови
Ты даешь нам радости и боли,
сон в ночи и вереницу дней.

Господи, дыханием Твоим
каждый на земле и жив, и движим,
и никто Тобою не обижен,
и любой из нас Тобой храним.

Боже, ниспошли нам благодать,
озари сиянием и светом,
дай допеть, что нами не допето,
научи надеяться и ждать.

Господи, хотим иль не хотим,
знаем мы или не знаем меры,
укрепи Ты нас на подвиг веры,
ибо мир спасется только им.

* * *

Боже милосердный, в этот час
не забудь о тех, кто обездолен,
и, о тех, кто ради нас
принял узы муки и неволи.

Господи, Целитель наших душ,
Врачеватель немощного тела,
сохрани Ты их от зимних стуж
и от зимних ветров ошалелых.

А еще, затерянных во мгле,
сохрани от злобы человечьей,
ибо нет страшнее на земле
стужи зла и ветра безсердечья.

Господи, в преддверии зимы,
слабые и немощные, молим:
не оставь Ты нас, когда и мы
примем узы муки и неволи.

ПСАЛОМ 62

С ранней зари я ищу Тебя, Господи, я
Этой землей утомлен, обожженной, безплодной.
И без Тебя, задыхаясь в пустыне безводной,
Страждет душа моя, плоть иссыхает моя.
Дай мне увидеть и силу, и славу Твою,

И, как бывало, Тобою да буду я призван.
Господи, милость Твоя предпочтительней жизни,
Дай мне ее — и Тебя я опять воспою.

Благословлю Тебя, руки свои вознесу,
Имя Твое восхвалю я устами своими,
Словно елеем душа насыщается, имя,
Славное имя Господне держа на весу.

Лишь о Тебе размышляю ночною порой,
Лишь о Тебе вспоминаю на ложе я, ибо
Ты — мой покров, без Тебя угрожает мне гибель,
Боже, крылами Своими меня Ты укрой.

Боже, к Тебе прилепилась когда-то душа,
Чувствуя помощь Твоей всемогущей десницы, —
И от удара врагам моим не уклониться,
Ты поразишь их, победным мечом сокруша.

Станут тела их добычей шакалов, а царь
Возвеселится о Господе нашем, и всякий,
Богом живущий, прославится паки и паки,
Ибо неправда рассыпется прахом, как встарь.

АНДРЕЙ ГОЛОВ
(1954—2008)

АФОН

Афон, не испивающий воды,
    Ни ракии вплоть до литургии,
Свершает аскетически труды,
    От коих мнози иноки в России

В смущение приходят. Се — плоды
    Плакучия маслины наливные
И таинство Давидовой звезды
    На смальтовых ступенях Византии.

...Дослушать службу, снесть святую снедь
И благодарственный псалом воспеть,
    И — унести стопы под сень развалин,

Где бывый скит не погрузился в быт,
  И нецый старец, присно достохвален,
Встав на молитву, над скалой парит.

ПСАЛТИРЬ

Давидовы псалмы... Какой роскошный,
Почти онтологический, припой
Для сварки свитков Ветхого завета
И фолиантов Нового! Вот — Ветхий,
Измучен ожиданьем исполненья
Пророчеств о Мессии на земле,
Уже не видит и не смеет видеть
Воплотшегося Господа — и только
Ему хвалу и славу воспевает.
А Новый, въяве созерцая Сына,
Любуется, немея от восторга,
Лучами Его Славы — и пока что
Произнести не в силах ничего
И принести благую жертву Слова
На жертвенник спасенья. Лишь Псалтирь
Горит, как стопятидесятисвещник,
И с двух сторон прихода Иисуса
Пророчествует всласть о Боге-Слове
И славит воплощение Его
На отстояньи трех квадратных шинов,
Связуя своим звоном два Завета
И ни один не попаляя пеплом,
Что пламенно дышал на Моисея
Из недр Неопалимой Купины
И в день Пятидесятницы сошел
На братский сонм апостолов. Псалтирь —
Грядущей «Филокалии» подруга
И строго бифокальное окно,
В которое, как свыше суждено,
Два истинных Завета друг на друга
Взирают неслиянно-нераздельно
И видят Славу, Свет — и Иисуса.

МЕТАФРАСТ

Все то, что недописано судьбой,
Молитвой, плотью, творчеством, дорогой,
Однажды посмеется над тобой
И подведет итог настолько строгий,
Что дрогнет закосневшая душа,
Не в силах с обреченностью смириться,
И — взмолится Христу, едва дыша:
— Чувств просвети простую пятерицу!
И мнози позовут твой дух во тьму,
И неции укажут тропку к свету —
А ты замрешь, не в силах ни тому,
Ни этому последовать завету.
И на краю никчемности чудес
Узреешь в страхе, вставши на котурны:
Господень ангел и невемый бес
Твой путь и жребий достают из урны.
И высока и осиянна высь,
И все земное тщетно и ничтожно,
И ты взыскуешь верить и спастись —
Но человеку это невозможно.

АНГЕЛ ЗЛАТЫЕ ВЛАСЫ

Слава дольняя, вспыхнув, как встарь,
Кротко высушит капли росы.
В душу кесаря и на алтарь
Смотрит Ангел Златые Власы.

О, не плачь, Византия, не плачь,
Что так близок и яростен суд,
А над хрониками неудач
Бирюзовые очи цветут.
Пусть отъидут апостолы, пусть
Крест чалмой обмотает пророк:
Ты ведь ведаешь все наизусть,
Что Распятый Учитель прорёк.

Все ты знаешь об истинном времени —
и у стола твоего
Каждый арсис горит о Царе
Горним золотом славы Его.

Твои ратники, аки трава,
Полегли на османских мечах —
И уже не Босфор, а Москва
Отражается в скорбных очах.

И над орарями русскими рек,
Где Святая земля на весы
Возлегла — не смежай своих век,
Светлый Ангел Златые Власы...

СВ. ЕФРЕМ СИРИН

Великий Рим и в тоге готской тьмы
Иззябнув, сетует о крахе скором.
А мар Афрем поет себе псалмы
И бьется над почтенным женским хором.
Еще в глуши Европы племена
Бурлят и бродят на пороге Даты.
А Сирия Распятому верна
И Пешитто хранит верней Вульгаты.
Кто призван в пятый час, кто — во второй:
Да радуются все и да не плачут!
Благая вера двигает горой,
А судьбами избранников — тем паче.

Да сбудется реченное про суд!
Пока ты ратуешь с греховной былью,
Отцы-епископы тебе несут
Благословение с епитрахилью.
Ты ж в рубище смирения, как встарь,
Прейдешь всю меру бытия земного
И сам возложишь на Христов алтарь
Безценный дар — благую жертву слова.
И, на верблюжьем — сквозь ушко — горбе
Потщась в Христово царство протесниться,
Помолятся с тобою и тебе

Сослужницы твои все — головщицы.
И ты по благодати — ю же Спас
Ти даровах — прости им сбой скорее
И помолись Спасителю о нас,
Как только ты молить Его умеешь...

РОМАНЕ СЛАДКОПЕВЧЕ

Преподобне Романе Сладкопевче,
Поначаль мне воспети тропари
И обкласть поучительные речи
Изразцами Фаворския зари
Возгревания духа ради! Тропы
Несумнительно служат старине —
Но харизма обочины Европы
Византии не к цатам, сиречь — не
К духоносному лику. Бить поклоны —
Долг смирения, а не мастерства,
А благая метафора иконы
Упраздняет излишние слова.
Но опять возгорается с Востока
Многосвещная благость бытия.
— Славься, Матерь Господня! О края
Твоей ризы мы души отираем
И целуем следы от стоп Твоих,
Неразлучные с пророченным раем,
Где Тебе воспевает горний стих
Сладкоустый Роман, его же славы
Не вменить в суету и маяту
В горький час распадения державы,
Пламеневшей молитвой ко Христу.
Помоги ж, сопричтенный ко избранным,
В чужебесном узилище земном
Славить Господа делом неустанным,
Крепко помня о сотнике благом...

ТРОПАРЬ КО ИВЕРСКОЙ

Из афонских калив колею проторив
В Третий Рим, ко святыням его куполов,
Ей, Владычица, встань на Неглинный обрыв,
Распахнув очеса на молитвенный зов.
Скоростопная слава твоя по Руси,
Как калики, пройдет, Светлый Лик возлюбя.
Аще ж недруг дерзнет — кто Бог Велий еси,
Яко Бог наш, творяй чудеса от тебя!?

Хрия русских акафистов рвется к твоим
Рдяным ризам и Сына стопам Твоего.
Аще прянет на Русь богоборческий дым —
Ни единый Твой образ не бросит сей Рим
И не вынесет нимбы свои из него.

Фонари не устанут сиять над Москвой
О изрядстве целений твоих и чудес:
Ты ж, Вратарница необоримая, стой
И блистай неизбывной своей лепотой
На воротах, взлетевших орленой главой
У российского края Христовых небес.

СТИХИРА

Егда же возлепечут камыши
И храм изронит отсвет в окоем —
Твори стихиру на восход души
И осветляй пространство бытием.
Аскезы пир свершая гнилью фиг,
Бесам безделья нанеси урон,
Душой истаевая каждый миг
На глас «Христос анэсти эк некрон».
Тот старец, что тебя благословил,
Обноски плоти дотрепал о быт.
Благоуветлив глас древесных бил
Смиренье «Филокалии» творит.
И дух воспомнит мироносиц, чей
Извол о Господе благословен
И миром востекающих лучей
Смиренно помазует дольний тлен.
Прииди, припади, благословись
У ангела, на камени седяй.
Воскресший сочетает даль и высь
С пространством, утекающим за край
Теней тельца и льва, орла и ангела,
что к чаше жизни притекли.
И кровь Христова, каплюща из ран,
Небесная являет на земли.

ПОД ЗВОН

Под звон новогодней капели,
Затеплив евангельский свет,
Мы свечи зажгли и запели —
Последний раз в тысячу лет.
Прощально трещала лампада
И Лик проступал на доске,
И радовалось Божье стадо
На древлем святом языке.
И мир, непотребен и тонок,
Стекал стеарином с луча,
И рвался паршивый ягненок
Прочь, наземь с Господня плеча.
И звезд вавилонская стая
Творила пророческий блуд.
Господь восскорбел, отпуская
Сидевший у ног Его люд.
А те отошли без печали,
Как быть пред концом суждено,
И новые мехи прорвали,
И пролили наземь вино.
И капала вечность, отбросив
Благой покаянья удел —
Но чашу под капли Иосиф
Подставить уже не посмел.

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

С предрождественского понедельника
Пост вступает в крутые права
И лампада сочится с сочельника
Неотмирным лучом Рождества.
И, воздевши препоны суровые
Для метельных взлохмаченных грив,
Веют ладаном лапы еловые,
Вифлеемский вертеп учинив!
А в Собор Пресвятой Богородицы,
Души высветлив пред бытием,
Прочитаем акафист, как водится,
Величальный тропарь воспоем —
И, вдали от содома московского
У купели, врачующей быт,
Строгий лик Серафима Саровского
Над Россиею выспрь воспарит,
Ибо, как византийские златницы,
Не разменянные на рубли,
Две пророческих пятидесятницы
С николаевской службы прошли,
И теперь у канавки-околицы
Рима, внявша душей Рождество,
Предстоят они вместе и молятся —
Император и старец его.

СОНЕТ НА СТРАСТНОЙ ВТОРНИК

Слуха Твоего мним досягнуть мольбою
И о Твоем имени скрещиваем пути.
Господи, се предстоим пред Тобою,
Уповаем на Тя и веруем Ти.

Вся, елико исхищрено лукавой судьбою
И забылось в соблазнах — не вмени и прости,
И душу омытую птицею голубою —
Горлинкой чистой в дольний мир отпусти.

Скоро Ты хлеб и вино соделаешь Кровью
и Телом,
И праху в преторию позволишь Тебя отвести,
Аггелов легион не испросив у Отца.

А души наши останутся в мире осиротелом,
И от Креста незримо не восхотят отойти,
И — аще позволишь — при Гробе пребудут
с Тобой до конца.

«АЛЕКСИЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ, ПИШУЩИЙ НАПИСАНИЕ ЖИТИЯ СВОЕГО»

Помолимся: лампада ведь горит,
Молитвенник раскрыт на возглашенье,
И пахнущий грибом и редькой быт
Глаголет о посте и о смиренье.
Мой Бог, как Божий человек стоит
Перед скамьей — и в покаянном бденье
Суд на собой творит ненарочит,
И у Благого Господа спасенье

Вымаливает. Веруй, яко он,
Молись Пречистой ради — не для вида.
И будешь несумнительно спасен,

И сбудется реченная планида!
Не сей ли верою стоит Афон
И русска Северная Фиваида?

МОЛИСЬ

Кого простить за то, что нас простят,
Кого просить, чтоб нам не отпускали
Без покаянья весь греховный чад,
Без искупленья — гордые печали?
Но вновь и нарочит, и пресловут
Обряд радения о судном часе...
Восстань, душа! Что спишь? Тебя зовут
Все восемь гласов, все Три Ипостаси.
Внимай, пока молчат колокола,
Молись, пока не возжжены кадила —
И да лежит стезя твоя светла
По камени и стеблям сухобыла.
Кого Господь упас, кому — открыл,
Кого — взлелеял в горнем вертограде.
У русской веры слишком много крыл,
Чтоб ползать долу кесарева ради.
То ледяна душа, то — горяча,
Святыни быта возложив к порогу.
Молись! И да горит твоя свеча,
Незрима людям, видимая Богу!

Переложение псалмов

ПСАЛОМ 28

Воздайте Богу славу, сыны Божии,
Воздайте ныне честь и славу Господу.
Воздайте Богу славу Его имени,
Благоговейно поклонитесь Господу
В святилище Его благоукрешенном.
Раздался голос Господа над водами,
Бог славы возгремел над всеми хлябями:
Глас Господа силен, могуч глас Господа!
Глас Господа крушит стволы кедровые
И совергает кедры он ливанские
И, как тельца, скликать их заставляет он,
И Сириону и Ливану, прыгая,
Велит единорогу уподобиться.
Глас Божий высекает пламень огненный
Пустыню потрясает грозный Божий глас,
Пустыню Кадес оглашает Божий глас.
Глас Господа дарует разрешение
От бремени и скорби ланям трепетным,
И обнажает он леса от листвия

И в храме Божьем, полном благолепия,
Все возвещает о Его величии.
Над яростным потопом восседал Господь
И будет восседать Господь царем вовек.
Бог даст народу Своему могущество,
Господь благословит народ Свой избранный.

ПСАЛОМ 46

Руками восплещите, все народы,
И гласом радости вскричите к Богу,
Ибо Господь всевышний в гневе страшен,
Господь — великий царь над всей землею:
Он покорил нам многие народы
И племена поверг под ноги наши,
Господь нам предызбрал наследство наше —
Иакова красу и благолепье,
Которого от века возлюбил Он.
Господь восшел на твердь при восклицаньях,
Господь вознесся ввысь при звуках трубных.
Воспойте славу Господу, воспойте,
Воспойте Богу нашему, воспойте!
Ибо Господь — царь всей земли от века —
Воспойте Господа единосущно.
Господь повелевает всем народам,
Бог восседает на святом престоле.
Князья земные собрались согласно,
Пришли к народу Бога Авраама,
Ибо щиты земные суть Господни
И наш Господь превознесен над ними.

ПОХВАЛА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Воистину достойно ублажать Тебя,
Вечноблаженную, пренепорочную,
Мать Богородицу — Мать Бога нашего.
Честнейшую всех херувимов, славнейшую
Небесных серафимов без сравнения,
Тебя, от плоти девственной родившую
Нам Слово — Истинную Богородицу,
Тебя мы величаем, чтим и чествуем!

ТРОПАРЬ ПРЕОБРАЖЕНИЮ ГОСПОДНЮ

Преобразился на Фаворе, Господи,
И Славу показал ученикам Твоим —
Насколько они зреть ее сподобились.
Да воссияет нам Твой присносущный свет
Молитвами Пречистой Богородицы,
Податель Света, слава и хвала Тебе!

ИГОРЬ ЛАВЛЕНЦЕВ (1963—2005)

Тамбов

ПСАЛМЫ ДАВИДА

1

Для чего замышляют тщету племена
и народы в мятежной стихии?

2

Из гордыни царей прорастает война
против Господа,
против Мессии.

3

«Сбросим иго,
блюсти их заветы доколь,
словно узы при гульбище шумном...»

4

А с небес — горький смех через отчую боль
в поругание сим неразумным.

5

И глагол,
повергающий в трепетный стон,
опаляющий гневом коварство:

6

«Сам Господь над святою горою Сион
возвестил мне великое царство.

7

Он сказал: ты мой Сын,
днесь рожден таковым.

8

Попроси
и одним мановеньем
все языки наследием станут Твоим
и земные пределы — владеньем.

9

Упаси их покорность железным жезлом,
сокруши,
как скудельничьи чаши».

10

Ныне,
судьи земли,
разумейте о том,
памятуя убожество ваше.

11

Страх и радость во Господе —
ваши дела.

12

Пусть и истина —
в Сыне грядущем,
ибо будет обида Его тяжела
не надеющимся и не ждущим.

10

НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. ПСАЛОМ ДАВИДА

1

Уповая на Господа,
слышит душа
понукание к гордой разлуке:
— Воспари над горами, заветы круша...

2

Но натянуты грешные луки.
Беззащитному сердцу погибель тая,
стрелы мрака напитаны ядом.

3

В час,
когда попирается правда Твоя,
сколь безсилен
ступающий рядом?

4

Но высок в небесах неприступный чертог,
Трон Господень незыблем над миром,
взгляд Его испытующе зорок и строг,
доброта Его —
малым и сирым.

5

Близок Господу праведный сердцем,
а лжец
ненавистен.
Избравшему — воля.

6

Доля —
светлая радость
и скорбный конец,
и огонь наказующий —
доля.

7

Близок Господу праведный сердцем своим,
ибо Правдою мир поднебесный храним.

26

ПСАЛОМ ДАВИДА

1

Господь мой — светильник в юдоли земной,
Спаситель мой присно и ныне.
Кого убоюсь за незримой стеной
Его неприступной твердыни?

2

Едва лишь приблизятся тайно ко мне,
пожрать мою плоть,
супостаты,
враги и губители,
будут зане
повергнуты в прах и разъяты.

3

Душа,
различив супротивную рать,
останется неустрашима;
в бою,
где, казалось,
уже умирать,
надежда моя нерушима.

4

Просил я у Господа лишь одного —
в Господней обители крова,
служить неотступно при храме Его
и зреть красоту Его снова.

5

Лишь Он приютит и согреет в ночи,
изъяв кабалы и опалы,
провидений тайных доверит ключи
и дух приподнимет на скалы.

6

Ничтожно предстанут очам высоты
злодейские тьмы и оравы;
и жертвой Господней поверх немоты
прольется рыдание славы.

7

Внемли же,
Господь,
вопиющему мне;
услышь и помилуй повсюду.

8

Я сердцем,
Тобой обретенным во мгле,
искать Тебя,
Господи,
буду.

9

Не скрой же лица Твоего от меня;
во гневе раба не отрини.
Ты помощь моя среди ночи и дня,
Спаситель мой присно и ныне.

10

Оставил отец,
и оставила мать,
но примет Господь,

11

научая
стезей многожертвенной правды ступать,
врагов на пути привечая.

12

Не ввергни меня в беззакония их,
свидетелей лжи и навета.

13

Я чаю прихода на землю живых
зари благодатного света.

14

Мужайся и веруй,
люби и терпи,
в надежде на Господа сердце крепи...

57

НАЧАЛЬНИКУ ХОРА. НЕ ПОГУБИ. ПИСАНИЕ ДАВИДА

2

Вы правду возносите словом высоко
и чести поете хвалу...

3

А души исполнены страстью порока,
и руки обучены злу.

4

В дороге от чрева
к безпутным сединам —
во лжи и грехе без конца.

5

Напитаны помыслы ядом змеиным,
и глухи,
как змеи,
сердца.

6

Безмолвны над вами мольбы и угрозы.
и нем поучения глас.

7

Но скрежет зубовный
и горькие слезы
Господь приготовил для вас.

8

Зане изнеможете в ратной работе,
водой просочитесь в песок.

9

Как выкидыш блудницы,
в темень падете,
едва обозначится срок.

10

Очаг ваш развеется бурей кромешной.

11

И праведник
истине рад,
омоет ладони в крови вашей грешной.

12

И скажет
не прятавший взгляд:
«Есть правде — плоды
и греху — воздаянье!
Есть Бог — судия за земные деянья!»

136

1

У Вавилонских рек сидели мы, рыдая,
когда вставал, как дым, из памяти Сион.

2

На вербиях его,
как на деревьях рая,
забыли арфы мы, гонимые в полон.

3

Желали знать слова Сионских песнопений
и петь велели те,
кто нас пленил и гнал.

4

Но как в краю утрат,
страданий и лишений
о Господе воспеть?
Никто из нас не знал.

5

О Иерусалим,
когда в ночном тумане
забуду о тебе,
забвенна будь моя
десница.

6

Прирасти язык к моей гортани,
когда родной земли в тоске не вспомню я,
когда мечта о ней избегнет ликованья.

7

Припомни же,
Господь,
Едомовым сынам,
кричавшим:
«Сокрушай, губи до основанья»,
в день Града Твоего
соделанное нам.

8

Дочь Вавилона.
впредь блажен,
кто в час отмщенья
воссядет над твоей повергнутой главой,

9

кто, восприняв,
вослед о пыльные каменья
младенцев разобьет,
исторгнутых тобой.

ПУТЬ
Из поэмы «Китеж»

Уйди,
Земля моя,
Исчезни
На дне озер,
Укрой в благословенной бездне
Смятенный взор.

Избавь от ига векового
Бесовских стад
В садах покоя заревого
Заблудших чад.

Запри,
Покуда легионы,
Содея блуд,
Пожрут себя
И стоном стоны
Не угнетут,

Покуда
Глядя,
Не узреем
В небесный мост,
Как змей,
Самим повержен змеем
Клыком о хвост,

Тогда взойдем над берегами
Озер и рек
И вострубим,
Что ныне с нами Господень век.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Нет,
Еще не истлел
Над моею страной
Окоем золотого ее покрова,
Это просто Россия болеет весной,
Это просто весна
Пред Россией права.

Малой искрой
В тревожимой ветром золе
Тлеет вера,
И след безприютной любви
На едва пересилившей холод земле
Остывает по утру,
Зови, не зови.

Лишь надежда
Еще до полудня жива.
Под малиновым пологом
Новой зари
Пробивает асфальт
Молодая трава,
Вьются ласточки в небе,
Кружат сизари.

Замирают крестом
Два простертых крыла —
Заревые распятья
Российских небес.
Взмах —
И чудо!
Воистину Сыне воскрес!

И плывет над полями,
И будит сады,
И апрелю велит:
По дорогам труби
— Я воскрес!
О, Россия!
Воскресни и ты,
И надейся, надейся,
И верь,
И люби...

* * *

О Родине не плачу,
Не молюсь.
Сказать бы у январского порога:
Храни, Господь, завьюженную Русь.
Да кто-нибудь услышит, кроме Бога.

И не поверит или не поймет,
По-своему сверяя постоянство
Уставшего,
Израненного влет,
Неведомого дальним россиянства.

И наживешь негаданных врагов.
Не лучше ли шепнуть в начале года:
Хранись, Россия, в зареве снегов
От дураков, войны и недорода.

ЕЛЕНА КРЮКОВА

Нижний Новгород

МАТЬ МАРИЯ

Выйду на площадь... Близ булочной — гам,
Толк воробьиный...
Скальпель поземки ведет по ногам,
Белою глиной
Липнет к подошвам... Кто т а м?.. Человек?..
Сгорбившись — в черном:
Траурный плат — до монашеских век,
Смотрит упорно...

Я узнаю тебя. О! Не в свечах,
Что зажигала,
И не в алмазных и скорбных стихах,

Что бормотала
Над умирающей дочерью, — не
В сытных обедах
Для бедноты, — не в посмертном огне —
Пеплом по следу
За крематорием лагерным, — Ты!..
Баба, живая...
Матерь Мария, опричь красоты
Жизнь проживаю, —
Вот и сподобилась, вот я и зрю
Щек темных голод...
Что ж Ты пришла сюда, встречь январю,
В гибнущий город?..
Там, во Париже, на узкой Лурмель,
Запах картошки
Питерской, — а за иконой — метель —
Охтинской кошкой...
Там, в Равенсбрюке, где казнь — это быт,
Благость для тела, —
Варит рука и знаменье творит —
Делает дело...
Что же сюда Ты, в раскосый вертеп,
В склад магазинный,
Где вперемешку — смарагды, и хлеб,
И дух бензинный?!
Где в ополовнике чистых небес —
Варево ада:
Девки-колибри, торговец, что бес,
Стыдное стадо?!
Матерь Мария, да то — Вавилон!
Все здесь прогнило
До сердцевины, до млечных пелен, —
Ты уловила?..
Ты угадала, куда Ты пришла
Из запределья —
Молимся в храме, где сырость и мгла,
В срамном приделе...

— Вижу, все вижу, родная моя.
Глотки да крикнут!
Очи да зрят!.. Но в ночи бытия
Обры изникнут.
Вижу, свидетельствую: то конец.
Одр деревянный.
Бражница мать. Доходяга отец.
Сын окаянный.
Музыка — волком бежит по степи,
Скалится дико...
Но говорю тебе: не разлюби
Горнего лика!
Мы, человеки, крутясь и мечась,
Тут умираем
Лишь для того, чтобы слякоть и грязь
Глянули — Раем!
Вертят богачки куничьи хвосты —
Дети приюта...
Мы умираем?.. Ох, дура же ты:
Лишь на минуту!..
Я в небесах проживаю теперь.
Но, коли худо, —
Мне отворяется царская дверь
Света и чуда,
И я схожу во казарму, в тюрьму,
Во плащ-палатку,
Чтоб от любови, вперяясь во тьму,
Плакали сладко,
Чтобы, шепча: «Боже, грешных прости!..» —
Нежностью чтобы пронзясь до кости,
Хлеб и монету
Бедным совали из потной горсти,
Горбясь по свету.

ИОВ

Ты все забрал.
И дом и скот.
Детей любимых.
Жен полночных.
О, я забыл, что все пройдет,
Что нет великих царств безсрочных.

Но Ты напомнил!
И рыдал
Я на узлах, над коркой хлеба:
Вот скальпель рельса, и вокзал,
Молочно-ледяное небо.

Все умерли...
Меня возьми!
И голос грянул ниоткуда:
— Скитайся, плачь, ложись костьми,
Но веруй в чудо,
Веруй в чудо.

Аз есмь!..
И ты, мой Иов, днесь
Живи. В своей России. Здесь.
Скрипи — на милостыню старцев,
Молясь... Все можно перенесть.
Безо всего — в миру остаться.

Но веруй!
Ты без веры — прах.
Нет на земле твоих любимых.
Так, наша встреча — в небесах,
И за спиною — два незримых

Крыла!..

Вокзал. Немая мгла.
Путь на табло?.. — никто не знает.
Звеня монистами, прошла

Цыганка. Хохот отлетает
Прочь от буфетного стола,
Где на стаканах грязь играет.
И волчья песня из угла:
Старик
О Будущем рыдает.

БОГОМАТЕРЬ. ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА

Очи Ее — сливовые.
Руки Ее — ивовые.
Плащ Ее — смородиновый.
Родина.

И так Ее глаза печально глядят,
Словно устали глядеть назад,
Словно устали глядеть вперед,
Где никто-никто никогда не умрет...

А мы все уходим. И мы все — уйдем.
...Лишь одна в Успенском соборе своем
Глядит печально, зная про то,
Что никогда не умрет никто.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Этот город стоял на высокой горе,
А внизу ледяная река бушевала.
И широкая Площадь январской заре
Все объятья свои, все кремли раскрывала.

И в лучах васильковых, из масляной мглы,
Где зверюшками в снег сараюшки уткнулись,
Шел на нас Человек. Очи были светлы.
Руки к нам, как дубовые ветви, тянулись.

Он стопами босыми на лед наступал.
От холстины одежд, от очей голубиных
Исходило свеченье. Он снег прожигал
Пяткой голой, тяжелой, землею — любимой.

То свечение так озаряло простор,
Что народ начал кучами, ближе, толпиться —
И стоял Человек и мерцал, как костер,
Освещая в метели угрюмые лица...

И торговки покинули мерзлую снедь,
И старик закурил «Беломор» неизменный...
И сказал Человек: — Я не смог умереть.
Я в сиянии синем иду по Вселенной.

Люди, милые люди, — Я так вас люблю!
Вы измотаны ложью, трудом, нищетою...
Я на Площади этой вам радость молю —
Хоть терновник пурги у Меня под пятою.

Я люблю вас, родные, — любите и вы,
О, любите друг друга!.. Ведь так это просто!..
...только рев дискотеки да финки братвы,
Да — насилием крика пропоротый воздух...

Дочь плескает во старую мать кипятком...
Сына травит отец нефтяною настойкой...
О, любите друг друга — в дыму, под замком,
Во застенке, под блесткой больничною койкой,
В теплом доме, где пахнет неприбранный стол
Пирогами и мятой, где кошки и дети
Вместе спят! В богадельне, где — легкий укол —
И затихнет старик, словно выстывший ветер...

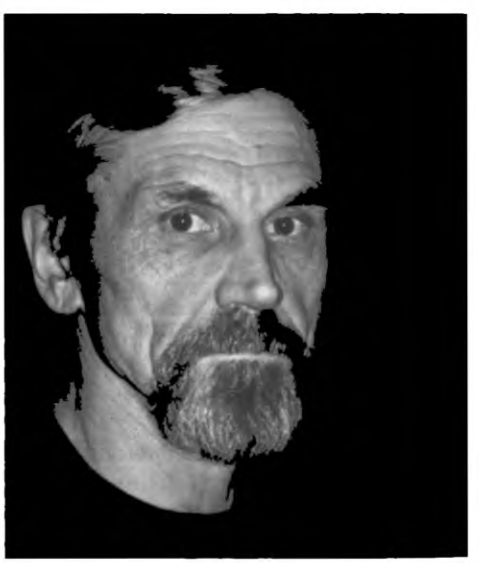
Я вам слово златое пригоршнями нес.
Я хотел вам поведать премудростей много.
А увидел вас — не удержался от слез,
Даром что исходил вековую дорогу...

Бросьте распри! Осталось недолго вам жить.
Ветр завоет. И молнии тучи проклюнут.
О, любите друг друга! Вот счастье — любить,
Даже если в лицо за любовь тебе — плюнут.

И на Площади зимней,
так стоя средь вас,
Говорю вам Я истинно — в темень, во вьюгу:
О, любите друг друга!
Навек ли, на час —
Говорю вам: любите, любите друг друга.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Иркутск



ПРЕОБРАЖЕНИЕ

о. Каллинику Подлосинскому

Я в этот храм на косогоре
Люблю ходить по воскресеньям
И в переполненном притворе

Внимать чуть слышным песнопеньям.
Я дальше в храм пройти не смею,
Я не готов к духовной битве.
Но тихий голос иерея
Зовет, зовет меня к молитве.

Я вспоминаю день вчерашний,
Он длился праздно и уныло.
А в храме свет почти домашний
Исходит от паникадила.

Я вспоминаю, как их много,
Ушедших и живущих рядом,
Кого обидел ненароком,
Кого отринул грубым взглядом.

И что мне опыт мой и знанье —
Плоды угрюмые гордыни?
Слезой единой покаянья
Я дорожить готов отныне.

Я верю, что от сна сомненья
Душа неверная очнется
И дивный свет преображенья,
Быть может, и меня коснется.

ВОСКРЕСЕНИЕ

I

— Воскрес! Ты слышал, говорят...
Ликуй, Ерусалим!
Иисус, что был вчера распят,
Из гроба встал живым.

Чудесной вестью воскрылен,
Народ возликовал:
— Иисус, что был вчера казнен,
Живым из гроба встал!

«А вдруг все это сущий бред
Досужего ума,
И воскресенья в мире нет?» —
Так размышлял Фома.

Христос возник пред ним, как свет.
— Что воскресенья нет?..
Горел предсмертной мукой лик,
Взгляд кроток был и тих.

— Ты видишь рану на груди?
Потрогай, подойди.
Теперь ты веришь или нет?
Фома молчал в ответ.

— Вот солнце, чудо из чудес,
Его не меркнет свет.
Для тех. Кто верит, Я воскрес,
У мертвых — веры нет.

II

Пред храмом замер крестный ход,
Как год, как век назад,
И в ожидании народ
Застыл у древних врат.

И золотые купола
Из мрака смотрят в нас.
И так торжественно светла
Открытость ясных глаз.

Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Взлетает до небес,
Но и с восторженных небес
Гремит: Христос Воскрес!

Ударил колокол с небес.
И чудо из чудес:
— Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Воистину Воскрес!

МИХАИЛ ШАПОВАЛОВ

Подольск, Московская обл.

МОЛИТВА

Я плутал меж правдой и ложью,
Матерь Божья!
Прихожу к Твоему подножью,
Матерь Божья!

Пламя свечки, как лист дорожный,
Матерь Божья!
Будто умер я, будто ожил,
Матерь Божья!

Новый день испытанья множит,
Матерь Божья!
Стал Твой лик печальней и строже,
Матерь Божья!

Дай мне силы принять без дрожи,
Матерь Божья!
Что судьба мне в суму положит,
Матерь Божья!

2000

ПСАЛОМ 101-й

Боже! Услышь молитву мою,
К скорбящему ухо Твое приклони.

Перед лицом Твоим не утаю,
Чем обернулись многие дни:
Они истаяли, словно дым;
Черны мои кости, как головня;
Травой засохшей, комом пустым,
Колотится сердце. Услышь меня! —

Я, как пеликан в пустыне, кричу,
Забыв про хлеб свой, забыв про сон.
Сижу, подобно ночному сычу,
Печальными мыслями полонен.

Меня вознес Ты, потом уронил.
Теперь за муки мои прости.
Не Ты ли рабов своих возлюбил?
Тобою прощен, — буду вновь в чести.

Гляди: вместо хлеба я пепел ем,
Воду ручья разбавляю слезой.
Доколе, Господи, будешь нем? —
Умилосерди! Твой раб пред Тобой.

Лета мои за спиной, как тень,
И сам давно я — сухая ветвь.
Враги клянут меня что ни день,
Ты им, Господи, за меня ответь.

Миру яви Твой высокий лик,
Да убоятся народы: се — Бог!
В славе Своей несказанно велик,
Переступи небесный порог.

Тебе покоряются земные цари,
Хвалу воспоют во веки веков.
Ты верою смертных всех одари,
Ответь на каждый молитвенный зов.

Вот говорю я Тебе, Боже мой,
Ведь жизнь моя под уклон идет, —
Но Ты, Создатель неба с землей,
Легко переходишь из рода в род.

Когда же падут небеса, обветшав,
Ты новый — лучший! — воздвигнешь свод.
И только праведный будет прав,
И раб Твой безсмертие обретет.

* * *

Когда ты с головой повинной,
Сняв шапку, входишь в Божий дом,
Где службу правит благочинный
И пахнет воском и дымком,
Где Божий Сын глядит с участьем
В глаза усталые твои, —
Как мелки беды и напасти,
Перед сиянием Любви! —
Той милосердной, изначальной,
Дарующей спасенье нам,
Живущим на земле печальной —
Ее убийцам и рабам.

ЛАРИСА ВОТИНЦЕВА

г. Назарово,
Красноярский край

МИЛОСТЬ БОЖЬЯ

Мой Светлый Ангел, что со мной случилось?
Моя душа поет и плачет враз.
Я видела, как кровь Христа сочилась
Из-под гвоздей в тот страшный скорбный час.
Я слышала — делили ризу Божью,
Тянули на себя, трещала нить.
А где-то по лихому бездорожью
Шагал Иуда сам себя казнить.
Я не могла смотреть и отвернулась:
Поили Агнца желчью на кресте.
Мир потемнел, и вечность содрогнулась,
И Ангелы рыдали в высоте.
Я чувствовала боль и страх Вселенной —
Что сотворил для радости Господь —
Когда копье солдата вожделенно
Вонзалось в Пресвятую Божью Плоть.
Мой Светлый Ангел, что со мной случилось?
Скорбит душа... Но и поет... О чем?
О Божьей милости, что я на свет явилась,
Конечно, грешницей, но все ж не палачом.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Крестный ход. Враги трепещут,
Силы темные бегут.
Впереди хоругви блещут,
Нашу веру берегут.

Молодой идет священник.
Облачение в пыли.
В этот Светлый Понедельник
Он защитник всей земли.
Три старушки — левый клирос
«Пасху Красную» поют.
Хор сердец до Неба вырос,
Вторят Ангелы в Раю.
Прихожане с образами —
Богом избранный народ.
Дед с незрячими глазами
Твердо движется вперед.
А другой старик не слышит,
Но уверенно поет.
Им Господь духовно свыше
Слух и зрение дает.
Дьякон с чашей. В чаше плещет
Чудотворный водоем.
Крестный ход — и ад трепещет,
Русь живет, и мы живем!

ИЗ ИНОГО МИРА

Я не от мира сего...
Из ИНОГО я МИРА...
Здесь очень много всего:
Город, люди, квартира,
Ласковый кот на печи
И собака в прихожей,
Солнца златого лучи
На доверчивой коже.
Город мне в душу глядит
И терзает до боли.
Электропечь холодит,
И квартира неволит.
Хрупкий покой берегут
Кот, собака в прихожей.
Люди же мимо бегут —
Каждый просто прохожий.
Что им водиться со мной —
Из ИНОГО я МИРА...
Век коротать мне одной...
Кот, собака, квартира...
Солнечный луч на щеке —
Он один мне созвучен.
МИР же ИНОЙ — вдалеке,
Для прохожих он скучен.
Он состоит из цветов,
Мотыльков, паутинок,
Гнутых чугунных мостов,
Акварельных картинок,
Из золотых куполов,
Валаамских напевов,
Из деревянных полов
И озимых посевов.
Птицы в том мире сидят
На раскрытой ладони.
Желтые свечи чадят.
Император — на троне.
Я на коленях стою —
МИР ИНОЙ мне дороже —
Господу славу пою
И молюсь о прохожих.

БЛАЖЕННЫЙ

Пусть глупый, ну и что же?
Причин смеяться нет.
Я верю — Бог поможет,
Спасет меня от бед.

Порою чушь болтаю
Несносным языком.
Скрываю, что летаю,
И с Ангелом знаком.

Давно уже не мылся,
И волосы не стриг.
Я день и ночь молился,
Просил себе вериг.

Хожу всегда голодный,
Но это просто — пост.
Бездомный и безродный,
Хоть глупый, но не прост.

НИЩЕНКА

Я ничего у Бога не прошу.
Мне все дано — рождение и Вечность.
Коль нужен кров, то рада шалашу,
Коль жажда сушит, пью росу безпечно.
Взалкаю, людям руку я подам,
В нее опустят мелкую монету.
Я помолюсь, перекрещусь на храм
И вновь пойду бродить по белу свету.
А коль толкнут с презрением меня,
Я улыбнусь покорно: «Слава Богу!»
Закат из благодатного огня
Сияньем ляжет на мою дорогу.

ПУТНИК

Тропа моя, дороженька по жизни,
Веди меня сквозь тернии грехов.
А ты, закат, святой росою брызни,
Прошу, успей до третьих петухов!
Омой моей главы седые пряди
И прах с моих босых уставших ног,
Чтоб я в своем потрепанном наряде,
Но все же чистом, встать пред Богом смог.
Я знаю, что отвечу в полной мере
За каждый день, что был душе не мил,
За каждый шаг, что сделал не по вере,
За каждый куст, что в спешке обломил.
За сбитый лист и смятую травинку,
За павшую под ноги мне пыльцу,
За всю мою дороженьку-тропинку

Я дам ответ Небесному Творцу.
И чем же оправдаюсь я по смерти?
Душа дрожит, как узница в груди.
Мои грехи отправлены в конверте,
На Страшный Суд, что ждет нас впереди.

ГРЕШНИЦА

Умирала без иконы
И молилась. Глядя в небо.
Через утренние окна
Не протопленной избы.
И просила Божью милость,
И крестилась с детской верой
Непослушною рукою
На последнюю звезду.
А вокруг нее резвились
Морды козьи и бараньи
И копытами стучали,
И бодались меж собой.
Не дано ей было видеть
Это буйное веселье,
Только слышала душою
Их лихие голоса.
А когда им надоело,
Подошли к больной вплотную
И без лишних разговоров
Сердце вынули ее...
И звезда исчезла с неба.
Солнце всходит. Люди встали.
У окна на ветке голубь
Стонет, силится взлететь.
И никто-никто не знает,
Что на ветке плачет Ангел,
Тяжкий грех поднять не в силах
И молитву вознести.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

Дух великий, всемогущий
Белым Ангелом незримым
Опустился ранним утром
В колыбельку к малышу
И волос его коснулся
Невесомыми крылами.
И приснилась тут младенцу
Мамы нежная рука.
Белый Ангел тем же утром
На подушку музыканта
Опустился, еле слышно,
Шелестнув в тиши крылом.
И в минуту пробужденья
Услыхал маэстро хоры —
Гениальное творенье —
И запомнил наизусть.

Вместе с золотом рассвета
Опустился Белый Ангел
В дом художника на кисти,
На суровые холсты.
И, стряхнув остаток ночи,
Взял художник в руки кисти
И безценную картину,
Помолившись, стал писать.

Подлетел к поэту Ангел,
Опустился к изголовью
И неслышными словами
Что-то спящему прочел.
И вскочил поэт с постели,
Побежал к цветам и птицам,
И поэму целой жизни
В это утро написал.

Опустился Белый Ангел
У страдалицы на ложе
И услышал он молитву
Умиравшей за грехи,
И от сердца, словно камень,
Отодвинул грех великий
Добрым сильным всемогущим
Всепрощающим крылом.

Ранним утром кроткий, нежный,
Сердобольный Белый Ангел
Услыхал — мою молитву,
Это — я не умерла!

ПЕРЕД ЛИКОМ СВЯТЫМ

Лишь затеплю свечу
Перед ликом святым,
Все, чего я хочу.
Растворится, как дым.
Все, чего я прошу,
Позабуду навек.
Вспомню вдруг, что грешу —
Падший я человек.
Кротко долу склоню
Пред иконой главу.
Только сердце виню!
Только Бога зову!
Так бы вечно стоять
В тишине, чуть дыша,
Ничего не тая —
Пусть рыдает душа!.
Будет грустно взирать
В покаянную ночь
Богородица Мать
На заблудшую дочь.

У КРЕСТА

Снова землю устилает листва,
Снова грустные приходят слова.
Родилась сегодня мама на свет...
Только мамы-то давно уже нет.

Холмик. Столик. Спелых трав красота.
Слезы катятся, в душе — пустота.
В ней когда-то был семейный уют,
Нынче ветры панихиду поют.

С покаянием молюсь у креста.
Жизнь моя была одна суета:
Не смирялась, не любила, лгала...
От моих грехов и мать умерла.

У могильного Святого Креста
Плачу с осенью вдвоем неспроста,
С нею родственную чувствую связь —
Перед осенью на свет родилась...

В ПОЛНОЧИ

Нынче небо до краев наполнено
Переспелыми звездами августа.
Их сияние на землю послано
Тем, которые блуждают в полночи.
Только мне совсем другое выдано:
Жесткий пол. Молитвослов с иконою.
И нельзя поднять глаза и толику
Света звездного на душу выплеснуть.
Вся моя душа до края полная
Да не звездами — грехами смертными.
У Всевышнего прошу я милости:
Покаянную молитву выслушать.
Звезды зрелые на землю падают,
Разбиваются и гаснут бедные.
Мне бы только до рассвета выстоять,
Не погаснуть непрощенной Господом...

ОДНА В МЕТЕЛЬ

Метель слепит, сбивает,
Заносит и поет.
Вернее, отпевает
Падение мое.
Но я еще живая,
Вот встану и пойду!..
Маячат двери Рая,
Я к ним сквозь снег бреду.
И Ангел белокрылый
Мне руку подает.
Светлеет мрак могилы,
И не метель метет,
А колокол играет,
Трезвонит и гудёт,
Все ближе двери Рая...
И — тишина в груди.
Нет! Я еще живая,
Я сил еще найду!
И я молюсь, вставая,
И снова в ад иду.

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

МОЛИТВА

Творец, Создатель, Вседержитель,
Всевышний, Всемогущий, Сущий,
И человеков Утешитель,
Не допусти, чтоб червь сосущий
Сердца людские обезволил,
И милосердных обезболил,
И память высосал людскую,
И жизнь оставил лишь мирскую:
Без мира высшего, без Бога,
В кривлянье низком, в заблужденье.
Взыщи за отступленье строго,
Но не оставь без Провиденья.

НА НИКОЛУ

Еще горит иконная лампада
В избе приземистой, источенной, как пень.
Великий праздник! И хозяйка рада,
Что Бог послал ей гостя в этот день.
Дымится чай. С полатей смотрит кошка.
Хозяйка жизнь рассказывает мне —
Она стара, как тополь за окошком,
Что посадили с веком наравне.
Мы говорим о прадедах и дедах,
О старых бедах и о новых бедах...
Гори, лампада ясная, мерцай,
Спаситель с нами, с нами Николай.

МОЛЕБЕН

Над площадью с молебенными звуками,
Над небольшой толпой, как будто встарь,

На черном стяге золотыми буквами
Сияет ярко: БОГ, РОССИЯ, ЦАРЬ.

Сегодня день рожденья Николая:
Май, девятнадцатое по календарю.
Нет на царя хулы теперь и лая,
Но мало тех, кто тянется к царю.

Людей немного, просто даже мало
Перед крестом на камне закладном.
Во всем Россия выдохлась, устала,
Измучилась, изверилась во всем.

Ото всего ей хочется укрыться,
Собраться с духом, с силами, понять:
Куда стремиться и зачем стремиться,
Чтоб не попасть в трагедию опять.

Дадут ли ей укрыться? И возможно ль
Такой стране, открытой всем ветрам,
Сбежать в какое-нибудь запорожье
И за порогами укрыться там?

На что надежда? Как всегда, на чудо
Да вот на этих молодых людей,
Явившихся неведомо откуда
С молитвами и с выправкой своей.

Как в старину и стяги, и хоругви,
Портрет царя, погоны казаков...
Среди молящихся стою в казачьем круге,
Спаси нас, Бог, от адовых кругов.

Спаси нас, Бог, мы молим, Пресвятая
Заступница, пропасть стране не дай!
Мы молимся, прося и заклиная.
Молись о нас, убитый Николай.

* * *

Я не могу как следует поститься
И каждую неделю в храм ходить —
И это мне, конечно, не простится,
Но все-таки прошу меня простить.
Я знаю, что не отмолить стихами
Грехов, но все тревожусь о стихах.
А надо просыпаться с петухами,
Читать каноны, думать о грехах...

И так, наверно, будет до могилы,
Хоть это мучает сознание мое.
Прости меня, Господь, и дай мне силы
Творить во имя светлое Твое.

* * *

С утра благодарю я утро,
А днем благодарю я день,
А вечером благодарю я вечер,
А перед сном — ночную тень.

И надо всем благодареньем
И дню, и ночи, и всему
Живет во мне благодаренье
Все сотворившему Ему.

* * *

Поэзия моя — ты покаянье.
В делах духовных не прилежен я.
И суеты такое обстоянье,
Что измельчается душа моя.

Раскаиваюсь в суете и лени
И в болтовне безсмысленно-пустой,
Встаю перед Всевышним на колени,
Прошу помочь мне силою святой.

Грехи мои сотри блаженным светом
И помоги не падать вновь и вновь.
Хочу достойным быть Твоим поэтом.
Вложи мне в сердце чистую любовь.

* * *

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

Ты видишь сам все обстоянье
Упадка, гибели, тоски...
К России прояви вниманье,
Ведь были мы тебе близки.
Во все века, твои иконы
Ты видел сам в любой избе...
Сегодня слышишь наши стоны? —
Кому помочь, как не тебе.

Молись о нас, святой заступник,
Прости за отступленье нас...
Народ — отчаявшийся путник,
Нет сил идти на этот раз.

Он весь забит и измордован,
Не знает он куда идти...
Он словно бы навеки скован.
Спаси нас и открой пути.

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

19.01.08.

* * *

У меня есть внучка Настя.
Богородица, молю,
Дай ей радости и счастья,
Как простора — кораблю.

Помоги ей в жизни светом
И советом помоги.
В мире очень сложном этом
Не видать порой ни зги...

У Тебя на все есть воля,
У Тебя на все есть власть.
Помоги ей в жути, в боли
В мире страшном не пропасть.

ПОТЕРПИ МЕНЯ, БОЖЕ...

На плите чугунки, чугунки, да бадьи, да кастрюли.
Все-то варится, парится — жизнь торжествует в избе.
Ах, напрасно, напрасно холодные ветры задули,
И угрозы ночами я слышу в трубе.

Этот вой, этот свист нас пугает ну разве что в детстве.
Я теперь на земле ничего не боюсь.
Но за ближних молюсь, и еще, чтобы не было
бедствий,
Чтобы как-то спасалась и выжила,
Выжила Русь.

На плите чугунки, за окном палисадник убогий.
Все убого, наверно, — изба, и деревня, и даль...
Но глядит на меня Спас иконный, и мудрый,
и строгий,
И снимает сомненья, одну оставляет печаль.
Оставляет печаль, что, мол, сам-то чего ты достоин...
Я, конечно, достоин не ласки Твоей, а суда.
Ты хотел, чтоб я был не расслабленный —
Собранный воин,
Я же собран бываю лишь изредка, лишь иногда.

Путь мой — в яму из ямы, и снова, и так безконечно...
Вроде не дезертир, но от битвы Твоей в стороне.
Мне бы жить поживать, как сверчок
поживает запечный...
Что, конечно, и любо врагу Твоему — сатане.

Так нельзя, понимаю. И слово даю измениться.
Дай здоровья, Господь, укрепи меня в вере, Господь.
Попытаюсь еще и собраться, и вдуматься,
и устремиться...
Потерпи меня, Боже, грехи помоги побороть.

10. 03. 2010

ВЛАДИМИР УРУСОВ

Из афганских песен

СОЛДАТСКАЯ МОЛИТВА

Перевал, перевал, час пути до перевала,
дан зеленый сигнал, впереди звезда упала,
посмотри на небо — с нами Бог!
Вейся дым, ветер дымный, не забудь о любимой,
и по волчьему следу всему белому свету
духи гор из метели отходную запели,
посмотри на небо — с нами Бог!

В тишине снегопада о разлуке не надо,
ночь нежна и безпутна, обмануться нетрудно.
Вспомни русское поле, флягу солнцем наполни,
посмотри на небо — с нами Бог!

Ну а если, а если допоет пуля песню...
Честь и долг — наша слава,
пропасть слева и справа,
ах, зачем, я не знаю, пыль звенит ледяная,
посмотри на небо — с нами Бог!
Не вернет нас обратно ни молитва, ни клятва,
на воздушной дороге далеко на востоке
облака и знамена — это наша колонна.
Посмотри на небо — с нами Бог!

АФГАНСКАЯ МЕЛОДИЯ

В той стороне, где ты не бывал,
где льется соль из дыма волчьих глаз,

мои друзья идут за перевал,
и нет бродягам места среди нас!

В той стороне звенит зеленый лед.
И пусть молчат шальные соловьи —
три песни пули ветер нам споет
без лишних слов единственной любви.

В той стороне ребристые следы
под сердцем льнут рябиновым листом...
Разбудит фляга тьмой живой воды того,
кто спит в тумане мертвым сном.

В той стороне, куда дороги нет,
лишь оглянись на алую зарю —
в пыли знамен, в тумане дальних лет
зовет нас Бог — и мы в одном строю!

С НАМИ БОГ

Не отставай, мы снова наступаем,
ночную дрожь возносит легкий дым...
У вечного костра, пока горит звезда,
помедли, друг мгновенье, постоим.

Я знаю, что нас ждет за поворотом,
где ветер пьет вино или печаль.
У вечного костра, пока горит звезда,
помедли, друг, — мгновения не жаль.

А завтра мы забудем дни хмельные.
Ты не один в тумане тех дорог —
у вечного костра, пока горит звезда,
помедли, друг мгновенье, — с нами Бог!

Когда над бездной сердца в чистом поле
совьется круг без боли, без вины,
у вечного костра, пока горит звезда,
помедли, друг мгновенье, мы равны...

Не отставай, мы снова выступаем.
Река любви зовет за облака.
У вечного костра, пока горит звезда,
останови мгновенье — на века!

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ

Алма-Ата

* * *

В страстях я умом помрачился
И сердцем поожесточился,
Душой опустел и поник.
Да плачуся дел моих горько,
Да плачуся слов моих горько,
Да плачуся мыслей моих.

Даруй мне слезами согреться,
Да примет озябшее сердце
Горячую влагу стыда,
Да явится света сиянье,
Да вспрянет росток покаянья
Живой из-под мерзкого льда.

1997

* * *

Вряд ли этой земле я теперь пригожусь...
И ни родина уж не влечет, ни чужбина...
Светлым голосом выси небесная Русь,
Чую, тихо зовет, как заблудшего сына.

Слышу стройный, согласный и пламенный хор,
Неземной чистоты и огранки распевы, —
Это русской души возлетевший собор
Воспевает любовь и печаль Приснодевы.

Высоко-высоко, над созвездьем Креста
Реют песни, как будто лучи золотые.
Лик, не зримый в свету, Иисуса Христа
На просторы нисходит небес и земные.

Кто расслышит во тьме тот немеркнущий глас?
Кто ответит любовью сыновней, дочерней?
Кто дождется из всех неприкаянных нас
Той зари невечерней, зари невечерней?..

10 января 2004

МОЛИТВА

Я слеп, как червь, у древнего огня
Обстала темень-тьмущая меня.
Мои глаза не видят ничего.
— Отверзи очи сердца моего!

Сними заклятья вечного печать,
Чтоб книгу жизни мог я прочитать.
Открой мне навсегда пресветлый свет,
Где только жизнь, где смерти больше нет.

2004

* * *

— Пети, пети, пети! — птица за окном.
Мир зеленый зрети под живым крылом,
Воздухом дышати, свежим, как трава,
В синеву взмывати, как весной листва.

Все на этом свете — только для того,
Чтобы жизнь воспети в милости Его,
Все Ему воздати... — а там станет звать:
— Спати, спати, спати! — ласковая Мать.

ПЕСНЯ СТРАННИКА

Наугад я бреду по земле,
И свою я не ведаю душу,
И не вижу я Бога во мгле,
Шкурой чую лишь космоса стужу.

Но, бывало, на небо взгляну:
Колосится безкрайняя нива,
Золотую как Бог тишину
Ясны звездочки льют молчаливо.

Говорят, космос — пламенный зверь,
И ревет он, жестокий, космато,
Но попробуй ты в это поверь,
Коль пресветлые видишь палаты.

Узрит сердце в слепом мятеже
Несказанного слова лампаду,
Словно Бог прикоснулся к душе
В наказание или в награду.

Наугад я иду по Руси
Сквозь огонь, и туманы, и стужу,
Ты помилуй меня и спаси,
Не оставь мою грешную душу.

Ничего от судьбы не прошу,
Ничего, кроме правды, не вижу,
Тихо в суть золотую гляжу,
Словно песню родимую слышу.

Ты призри на меня с небеси,
Мраком бездны я свет не нарушу.
Ты помилуй меня и спаси,
Не оставь мою бедную душу.

28 февраля 2005

* * *

— Душа! Как безумная молния ты шаровая.
Куда ты летишь? Что в миру неприкаянно рыщешь?
А то вдруг застынешь пред чем, трепеща и пылая,
Как будто б нашла, что всю жизнь безнадежную ищешь.

А соприкоснешься — так взрыв и удушье пожара,
Разрядка... разруха... и мрак преисподний все ближе —
И тлеешь в безсилье нутром обезточенным шара,
Моля о глоточке огня как спасении свыше.

— Я клетку твою золотую когда-нибудь брошу,
Лишь только избудешь ты бремя пощады и рока,
Насквозь я прожгу задубевшую нежную кожу
И скроюсь навек во мгновенье последнее ока.

Не здесь я сгорю до конца — а в прибежище Света,
Где пламенем горним живет и сияет округа:
Там лето Господне цветет, безконечное лето,
И души становятся снова частицами Духа.

31 декабря 2005

* * *

На свете старом — в свете новом —
Не тронь молчанья ветхим словом,
Пусть в тишине свеча горит.
Она — безмолвная молитва,
С гнетущей тьмой святая битва,
И слово новое таит.
Оно — как пламень раскаленный,
Свечой над миром вознесенный,
Суть света, вечная краса...
Мятется тьма, трепещут бесы,
И рушатся глухие бездны —
И торжествуют небеса.

9 января 2007

СЛОВО

1

Когда жрецы заклятья в миг единый
Творят по уговору приговор,
Сутулятся их лазерные спины
И раскаленным углем пышет взор.

Со всех концов Земли, презрев пределы,
Как преисподней молнии черны,
Срываются проклятья злые стрелы
Со скоростью разящей насмерть тьмы.

И жертва перед ними вся наружу
И ни в одну не спрячется нору —
И стрелы тьмы ее пронзают душу,
В ней оставляя черную дыру.

И сатана, чей взгляд почище яда,
Приговоренного уже когтит,
И жертва падает — и ветер ада
В пронзенном сердце чернотой свистит.

Так черным словом общим убивают
Жрецы заклятья своего врага
В потемках непроглядных, где сверкают
Лишь месяца алмазные рога.

2

Но в мире этом есть другие битвы,
Они незримы тоже никому —
То к Богу обращенные молитвы,
Пронзающие угольную тьму.

Со скоростью живительного света
С последнею надеждою земной
Они летят, летят лучами где-то
И милости взыскуют неземной

Душе заблудшей, падшей, одинокой
(А разве есть иные на земле?),
И просят о прощении у Бога
Всем нам, давно томящимся во зле.

И может быть, пропащую ту душу,
Что закогтил князь преисподней тьмы,
Они спасут от вечной черной стужи
Да из посмертной вызволят тюрьмы.

И ты, и ты замолви хоть словечко!..
Пусть в памяти затеплятся живой
Одна за здравие простая свечка,
Вторая невдали за упокой.

3 декабря 2007

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

Иркутск

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В безветрии душном томящийся сад
Беззвучно грохочет листвой,
А небо предгрозья — клубящийся ад —
Так низко висит над землей.

Как будто бы пепел горячий летит
С небес на лицо и на грудь.
И в горьком предчувствии сердце болит:
«Приблизился крестный Мой путь».

Отужинав, крепко заснули друзья...
Будил — добудиться не смог.
Иуда исчез... И, сомненья дразня,
Змея заползла на порог.

«Я ныне один в помертвевшем саду,
В безплодной и страстной мольбе...»
Не пот — это кровь выступает на лбу...
«Отец Мой, взываю к Тебе!

Сквозь молнию, Отче, на Сына взгляни,
Земному — земное прости.
От черного слова меня охрани
И Чашу вели пронести...»

Тяжелые,
Редкие капли стучат.
Небесная воля слепа.
Шаги... Голоса...
И светильников чад —

Там требует жертвы толпа.
«Иуда и ты...
Но тебя я прощу.
Я меч от врагов отведу.
Вовек не роптавший —
и днесь не ропщу.
Молчите! Я с вами иду.

Я с вами иду — Я один ухожу
Высокой стезею Своей,
И вечно сверкающий Путь проложу
Для грешных и смертных людей».

ВАЛЕНТИН УСТИНОВ

МОЛЕНИЕ

Посреди окаянной России, —
Там где вихри дороги косили,
Мы друг друга прошли до конца.
И созвездия облачной пыли
Нам сияли надеждой венца.

Милый Господи! если не дремлешь —
Подари нам на жизнь эту землю.
Милый Господи, жизнь подари.
Мы не знаем: за этим, за тем ли —
Просто мы исчезаем вдали.

Просто дьявольски стали дороги.
Просто нравственны черти и строги.
Просто холодно ныне любви.
И высоки у храмов пороги.
А душа — по колена в крови.

Милый Господи! Нам бы не мщенья.
Милый Господи! Нам не прощенья.
Не даруй нам сию благодать.
Нам бы душ перед смертью скрещенье.
Нам бы только вдвоем подышать...

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто не внимает нечестивым,
На подлый не сворачивает путь,
Не следует безропотно призывам
К творящим злодеяния примкнуть.

Но кто живет законом справедливым,
Развертывая праведную суть,
Как древо, что плодом несуетливым
Дарит, не силясь время обмануть.

Не тако нечестивые, не тако,
Как ниву оскверняющий сорняк,
Их вырвут в жатву и швырнут во мрак,

И этим не умножат бездну мрака.
Для нечестивых перспективы нет,
Лишь свет растет и продлевает свет.

ИЗ «ДЕВИЧЬИХ МОЛИТВ К МАРИИ» Р.-М. РИЛЬКЕ

* * *

Как наши дни невелики,
покой ночной убог,
и как наивен жест руки,
срывающей цветок!

Мария, милосердна будь,
Тебе одной близка
и наша грезящая суть,
и здешняя тоска.
Пережила Ты прежде нас
томленье в тишине,
как снег, идущий в первый раз,
и словно вся в огне...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Слова ангела

Мы все от Господа отдалены,
а Ты еще дальше нас.
Но как блаженно озарены

руки Твои в Твой час,
в них расцветает ясность Твоя,
и чудо — Твои черты.
Я — это день, роса — это я,
но дерево — это Ты.
Прости, я сбился, был путь далек,
и я позабыл ту весть,
которую я от Господних ног
призван Тебе принесть.
Я должен сказать небывалое,
блуждал я средь пустоты,
видишь — благое начало я,
но дерево — это Ты.
Блуждал я долго мглой мировой,
ни для кого не зрим,
теперь этот маленький дом Твой
тесен крылам моим.
И здесь для тебя лишь тень я,
так взоры Твои чисты,
и я — в листве дуновение,
но дерево — это Ты.

Из ангелов каждый так боязлив,
быть первым никто не привык,
и не был еще никогда призыв
смутен так и велик.
Скоро свершиться тому суждено,
к чему Ты в мечтах идешь.
Радуйся, зреет в Тебе зерно,
Ты готова, Ты ждешь,
Ты — это врата, и раскрыться им,
и я эту весть несу.
Слух Твой сладок словам моим,
теперь, как эхо, неповторим
мой голос в Твоем лесу.

Я верю, в Тебе претворение в плоть
тысяча первой мечты.
Взглядом меня ослеплял Господь,
но дерево — это Ты.

ЕЛЕНА МОНАХОВА

Санкт-Петербург

Из цикла «бог. Венок сонетов»

* * *

Душе открытый коридор
Замкнут для сущей всей Вселенной
И смертных взорам изумленным
Не открывался с давних пор.

С тех пор, как грозный Твой Пророк
Во тьме горящий куст увидел
И, хоть пылал и ненавидел,
Но примиренья дал зарок,

К Тебе, как в жажду за водой,
Отшельник тянется святой.
Он совершенно ничего

Не зрит, не чувствует, не слышит...
Лишь зов призыва Твоего
Ведет туда, где тайна дышит.

* * *

Волшебный полог чуть колышет —
С мерцаньем звездно-золотым —
Твоя рука. Пером простым
Она скрижали Веры пишет.

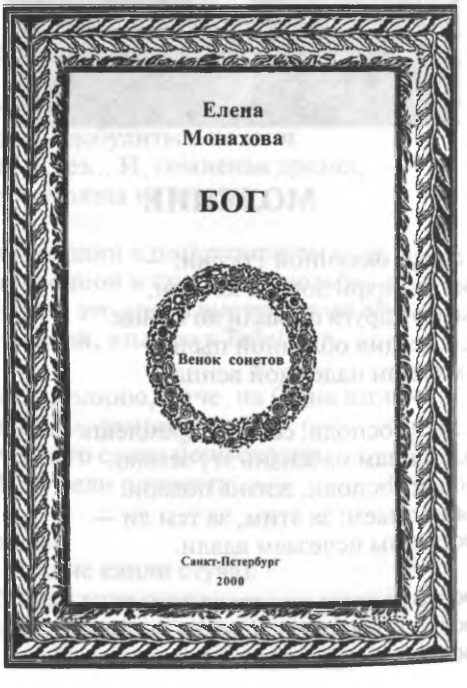
Скрижали Твоего добра,
Скрижали дивные Завета:
Жива от века правда эта,
Пылает пламенем костра.

Страстей начальных гул утих.
Не должен забывать о них
Никто навеки. Ты, Создатель,

Лишь в силах начертать узор
Всех Откровений благодати.
Вначале — Слово. После — взор.

* * *

Подать всем веру в Воскресенье,
Послав нам Сына Своего,
Предав распятию Его,
Ты смог — как в дни миротворенья.



Отныне станет без боязни
Адамов род вершить свой путь:
Твой Крест приник к нему на грудь
И человек избегнет казни.

В час судный отдадут гробницы
Весь прах людской. Живые лица
Восстанут, как судьбы залог.

Днесь искупление пребудет.
Какая это сила будет
Держать надмирный потолок!

* * *

Лишь Ты, Непостижимый, мог
Возжечь в горниле чуда пламень,
Всесовершенства ввергнуть камень,
А после — запереть замок.

Безплотных духов вереницы
Оттуда прянут светом дня,
Под нимбом голову клоня
К престолу Девы-Всецарицы.

В час смертный ангелы, сияя,
Душе, трепещущей у края,
Хранительный готовят грот.

Оставив мир без сожаленья,
К Тебе течет за родом род,
За поколеньем поколенье.

* * *

В Тебе Спасенья зрит залог
Слова молитвы повторяя,
Весь род людской, не доверяя
Надежде поразить порок

В земной юдоли. Состраданье
Во взоре видит он Твоем,
Прозренья следуя путем.
Гласит старинное преданье:

В пустыне видел Образ Твой
Духовный странник, веры мудрой
Алкая обрести покой —

Архангел света златокудрый...
Зиждитель мира и Пророк...
В Трех Лицах, как Единый, Бог!

* * *

Душе открытый коридор
Ведет туда, где тайна дышит,
Волшебный полог чуть колышет...
Вначале — Слово. После — взор.

Твоею волей, Судия,
Соединяешь в безконечность
И холод космоса превечный,
И дивный трепет Бытия.

Подать всем веру в Воскресенье,
Держать надмирный потолок,
Лишь Ты, Непостижимый, мог!
За поколеньем поколенье

В Тебе Спасенья зрит залог —
В Трех Лицах, как Единый, Бог.

1997—1999
Санкт-Петербург

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

ПИСЬМО ДУХОВНОМУ ОТЦУ

Помолись за меня, мой отец,
Помолись за пытливую душу,
За достойный исход, за венец,
За звезду сквозь враждебную стужу.
Помолись за меня, мой отец.

Как я верю? — я тем лишь и жив,
Я люблю и надеюсь покорно.
Но глубинный звериный надрыв
Запирает опухшее горло:
Звук шагов, красный цокот копыт,
Серых улиц кривые овраги —
Все знакомо — и крики, и флаги,
Но извечное Нечто томит,

Сеет в небе неясные знаки.
...Я ль не гиб, не гулял, не играл? —
Грязный шприц зажимая в карманах,
Я ль повсюду себя не искал,
Рассыпая свой жемчуг в дурманах?..
Обнаженный, босой и ночной
Выходил на дневные вокзалы —
Сумасшедший — безглазый — чумной —
Я ли не был людскою забавой,
Безнадежно, казалось, больной?..

Но скудеет мой пыл наконец.
Лишь пронзительней очи и суше.
Помолись за меня, мой отец,
Помолись за заблудшую душу...
Где-то близко шепнули: «Мертвец».

ЛИДИЯ ПАЛАМАРЧУК

* * *

Сельский погост
Тих он и прост,
Светлая грусть
Поминальных берез.
Здесь не увидишь
Бронзовых плит,
Крест деревянный
В холмике врыт, —
В небо разверстое
Ангел летит.

Гордо, но нище
Градокладбище.
Камень холодный —
Тлению ода.
Тяжко ль душе
В вавилонском раю?..
Боже, пошли им
Ослабу Твою.

1989
Село Макарье

* * *

Я в молениях к Богу просила:
Укрепи Ты меня, окаянную,
Не пускает вражия сила
В храм на исповедь покаянную.

И душа пребывает в смятении,
Стыдно ей оголить себя скверную
Верю, Господи, Господи, верую, —
Помози моему неверию.

1991

* * *

Сокрушалась бабушка:
«Чадо мое, чадушко,
Как с тобою, чадушко,
Будем дальше жить!
Погляди, кровинушка,
Жалкий сиротинушка,
На какой перинушке
Мать твоя лежит!..

Убралась, покойница,
На Святую Троицу,
От отца-пропойцы
Прок — худой карман!»
Причитает бабушка:
«Чадо мое, чадушко,
Как без хлеба, чадушко,
Кто поможет нам?»

Суетится бабушка:
«Засвети лампадушку,
Что-то она гасится,
Не к добру, видать...»
Пред иконой клонится,
Крестится и молится:
«Не оставь покойницу,
Божья благодать.

Чадо мое, чадушко, —
Зашептала бабушка, —
Чуешь чудо, чадушко?
(Голосок дрожит.)
Пресвятая Троица
Жалует покойницу —
Вон душа-невольница
Ангелом кружит...»

1991

МОЛИТВА К ИЛИЕ ПРОРОКУ

Многомилостивый Илия,
Стонет выжженная земля!

Солнце выжарит дочерна,
Не родится в поле зерна.

Год голодный — нещадный рок!
Не оставь нас, Илия Пророк.

Миром молим, спасения ждем:
Окропи нас святым дождем.

Из небесного далека
Грозовые яви облака.

Напои живительной влагой
Землю-Матушку нам во благо.

1991
Село Макарье

МОЛЕНИЕ О ЧУДЕ

Декабрь метелицей метет,
В избушке светится оконце,
У Николая Чудотворца
Лампадка теплится.
Поет
Огонь в печи.
Сулит приехать
На праздник сын из-под Керчи.
Теперь уж это... за-гра-ница.

Мать сына ждет. И ей не спится.
Уж так хлопочет угодить, —
Ах, только б этой встрече быть!
Который год все обещает,
Не виделися век, поди...
Глаза к иконе подымает:
Святой Угодник Николае,
В дорогу сына спроводи!

1999

В ХРАМАХ КЛИРОСНОЕ ПЕНЬЕ

В круге мысленных метаний
Жалкой доли не страшусь.
Чашу смертных испытаний
Разделю с Тобою, Русь.

Как бы недруги ни тщились,
Волю не сломить мою.
Я — как прадеды учили! —
За Россию постою.

За Ее долготерпенье
В пояс низко поклонюсь,
В храме — клиросное пенье
За Тебя, Святая Русь.

30.11.99
Москва

* * *

Когда истерзан дух исчадьем бездны
И кажется, что силы нет уже,
Не Ты ли, Господи, мне подаешь надежды
Молитвою спастись моей душе.

Когда вдруг слово верное находишь,
Клонясь над полем чистого листа, —
Не Ты ли, Господи, моей рукою водишь,
Глаголящими делаешь уста.

И, если угождая сладкословью,
Всегда ли этот грех осознаю?..
Не Ты ли, Господи, Великою Любовью
Прощая, милуешь рабу Твою!

2004

* * *

Снова холод, смерть и войны
На моей Руси.
Ты услышь нас, недостойных,
Господи, спаси!

В этом омуте бездонном
Заправляет лжец.
Попирает все законы
Золотой телец.

Здесь обыденность Содома
В сдвинутых умах.
Твоего не слыша грома,
Им неведом страх!

На Руси моей морозной
Нехристи в чести;
Помоги нам, Спасе Грозный,
Веру обрести.

Мы Твои слепые дети —
Темь на очесах;
Все кричит полночный петел,
Петел — на часах.

2004

МОЛЬБА МАТЕРИ

Отче наш на небеси,
Ты воззри на девицу:
Прикоснися телеси,
Укроти огневицу.

Господи, мой Господи,
По молитвам матери
Отврати от пропасти,
Не вели пропасти ей.

Вянет, как травиночка
На ветру во полюшке,
Жалкая кровиночка
По своей, знать, волюшке?..

Буди врач ей, Господи, —
Смилуйся над девицей:
Прикоснися телеси,
Укроти огневицу.

Прости согрешения
Вольная, невольная.
Мне на утешение
Тебе на служение.

2006

* * *

Где застанет тебя молитва,
Помолись, не ленись.
Даже если от ближних скрытно,
Все равно помолись.

Не мечи драгоценный бисер,
Дабы в грязь не втоптать;
Знай: молитве — Божией искре —
В вечности пребывать.

Бог приимет твое раденье,
За него возлюбя,
Ниспошлет Он Благоволенье
С Небеси на тебя.

2006

* * *

По молитовке — по дороженьке
Ты иди, душа, прямо к Боженьке.
Возмолись: — Услышь меня, страннницу,
Я пришла к Тебе, чтобы каяться,
Чтобы слезы лить очищения,
Твоего просить Всепрощения.

* * *

Божья Матерь Заступница,
Твоей волей Небесною
Не оставь, Богородице,
Гибнуть душу болезную.

Укрепи меня, слабую,
В моей вере ко Господу.
Все дороги — ухабами,
По которым к Нему иду.

Бесы вкруг хороводятся,
Закружили, незрячую,
Пробуди, Богородице,
Ко моленью горячему.

2008

ВЛАДИМИР БЛИНОВ

Екатеринбург

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

(По мотивам «Плача на погребение Христово» Димитрия Ростовского)

1. Куда же грядешь Ты, несомый Иисусе Христе?
Куда Ты, прибежище слабых, голодных, гонимых?
Куда, свет надежды, поникший вечор на кресте?
Ужели, о солнце, узнаешь свой запад в могиле?

2. Восплачьте, несущие дланью державшего мир!
Рыдайте о Том, Кто взвалил наше грешное бремя!
Стенайте, стенайте! Запомните, люди, сей миг,
Когда и светило померкло и стало недвижимым время.

3. Не ставьте преграду, пусть дети приходят к Отцу,
И к мертвому. Чадам позвольте с любовью

Хоть малость поплакать, прижавшись к родному лицу
Того, Кто сроднил нас своею Отеческой кровью.

4. Что вижу? О ужас, что значит сие:
Чтоб Бога раздели, терновником чтоб увенчали,
Гвоздями прибили?.. И в тело вошло копие...
Он умер? Земля пусть забьется в печали!

5. Как — Он бездыханный? Гляжу и не верю очам:
Он — Сам воскрешавший, целитель слепых
и калечных,
Чьим верили люди премудрым и добрым речам,
Сегодня безчестно унижен Он паче сынов
человечьих.

6. Я вижу родное, пречистое тело Христа.
О Дева Мария, рожавшая, мыслила разве,
Что Он испытает? Побои, удары хлыста...
От ног до главы кровоточат ужасные язвы.

7. Как? Та голова, что премудростью благо несла
И дивные средства давала к спасению мира,
До мозга изъязвлена? Проклята будет земля,
Что тот ядовитый терновник на муки взрастила!

8. Погасли сулившие вечную милость глаза,
Подернулись очи нежизненною поволокой.
Могли они грешным на праведный путь указать...
О, как же нам будет без взгляда Его одиноко!

9. Лицо Боговидное в дивной своей красоте —
Как солнце, оно на Фаворе недавно сияло,
Сегодня лицо Твое, светлый Иисусе Христе,
Безчестно оплевано, все посинело, увяло.

10. Умолкли уста, источавшие Слово за нас.
Кто плачущим высушит скорбные, горькие слезы?
Умолк утешающий бедных Божественный глас,
Что рек: «Отпущаются ныне грехи твои, грешница,
мнози».

11. Те руки, что хлеб преломив, насыщали толпу,
Те руки — как пластырь целебный лечили калеку,
Гвоздями железными руки прибиты к столбу.
И кем же? Людьми, из которых мечтал Он
создать Человека.

12. А ноги!.. Которым по водам ходить удалось,—
Мария с Магдалы, ты к ним припадала с объятьем...
Гвоздями железными ноги пробиты насквозь,
И кровь истекает по капле к подножью распятья.

13. И ребра пронзены. И вспомнился предок Адам...
Пребудет отныне и присно от века за веком:
Вода — в омовенье, а кровь — в освящение нам,
Не славою будем, а язвой Его исцелехом.

14. Да раны на теле Его, как уста говорят:
«Любите Меня и друг друга любите как братья!»
Пусть раны Его путеводной звездою горят:
Не шествовать токмо за Ним, но постичь сораспятье.

2001

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

Касимов

МОЛИТВА И МОЛЬБА

В сосновой горнице живу,
В ней сухо и тепло.
И отражает синеву
Оконное стекло.

В необозримой синеве
Толпа лиловых туч,
А в свежескошенной траве
Таится солнца луч.

Пусть тучи, шумный дождь влача,
Несут дневную мглу,
Но отсвет желтого луча
Играет на полу.

Что мне полуденная мгла,
Души смятенной миг,
Когда из красного угла
Взирает Божий лик?!

ЕЛЕНА ЕГОРОВА

БЕЗ БОГА С БОГОМ

Без Тебя, Господь, я сиротина,
Заключенная в тюрьме греха.
Одиноко в полумраке стыну,
И горька судьбы моей река.

Каюсь и вздыхаю безутешно,
Упованье на Тебя храня:
«Боже, буди милостив мне, грешной,
И на казнь не обрекай меня...»

А с Тобой, Господь, я словно птица,
Взмывшая из клетки в облака.
Надо мною солнце золотится,
И душа чиста, светла, легка.

Из криницы Вечности бездонной
Вдохновение свободно пью,
И молюсь сердечно, упоенно,
И в лучах Любви Твоей пою.

СВЕТ У АЛТАРЕЙ

Созвездия церквей, монастырей
Зажглись в просторах Родины моей.
Хоть не смолкает хор святых молитв,
Господь нам легкой доли не сулит,
Но милует, прощая все грехи,
Не осушает жизненной реки
За то, что в круговерти наших дней
Не угасает свет у алтарей.

ГОСПОДЬ МОЙ СО МНОЙ

В столице в болтливой толпе равнодушной,
В глуши молчаливой лесной
С молитвой — не страшно, с молитвой —
не скучно.
Я верю, Господь мой со мной!

И нет одиночества. Дома я — в храме.
Днем ясным, порою ночной
Молитва — путь к Богу, — свеча — Божий пламень.
Я верю, Господь мой со мной!

В минуты веселья, в часы испытанья,
В раздумьях о жизни земной
На Бога живого храню упованье.
Я верю, Господь мой со мной!

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

* * *

Осень проходит, и дни мои стали прозрачны.
Что-то роднит нас еще с красотой неземною.
Вряд ли дела, что казались нужны и удачны.
Может быть, небо, пропахшее близкой зимою.

Может быть, родина... Радость ее неотмирна!
Что-то последнее есть, несравненное в этой равнине.
Что-то такое, что хочешь ответствовать мирно
Всякому «здравствуй»...
— Во веки веков и отныне!

БЕСЫ

Россия. Ночь. Удары сердца.
Удары колокола втуне.
И никуда от них не деться.
И совесть, девочка-ведунья,
Шатается по белу снегу.
И нету места ей во святцах.
Стучится, просится к ночлегу:
— Впустите! Некуда податься...
И завывает ветер, ветер.
— Ночная гостья, сгинь!.. Останься...
А голос безнадежно светел:
— Впустите!!!
«...Ветер, вихри, танцы,
Луна, тоска...»
— Пустите ж, черти!
«Все кончено, и многим, многим
Приснится саван круговерти...»
— Пустите, я паду им в ноги!

И никуда от них не деться
Босой, юродствующей, дурьей! —
Бьет в колокол. И... медлит сердце.
Россия. Ночь. Удары бури.

1992—1993

* * *

Адские бездны
Души безполезной,
Века железного сыпь.
Катятся души
По тверди беззвездной,
Ветры гуляют, как псы.

Что же там светит,
Играя на лицах —
Зарево или восход?
Катятся души,
Забыв помолиться —
В вечность, на стужу, в расход!

Катятся души,
Тяжелые, наши,
Глупые — им по пути.
Близок огонь, безпощаден и страшен.
Боже, не дай нам уйти!

Близок огонь.
Закрываясь от света,

Шепчем, сползая во тьму:
Боже, великое солнце Завета
Не отвратить никому!

* * *

Ты уже разучился молиться.
И душе твоей — впору пришлось.
Будто некая тонкая спица
Вдруг земную оставила ось.

Но, круженье ее повторяя
И не зная иного пути,
До последнего самого края
Все еще не успела дойти!

РОЖДЕСТВО 2000 ГОДА

В поле воют провода,
А в реке бежит вода
И полощет невода,
Да.

В этом поле без следа
Исчезают поезда,
В поле каждая верста —
Та.

В небесах горит звезда.
Снег пошел и перестал.
В рукаве блеснула сталь.
Жаль.

Ночь морозна и чиста.
Поцелуй ожег уста.
И весь мир шагнул с креста
Вдаль.

* * *

Ну, замели метели... С нами Бог!
Его не сковырнуть свинцом и тленом,
В чужбину не угнать военнопленным,
Не сжечь на зорьке, как соседский стог.

И уж, конечно, не сровнять с землей,
Не разогнать, как тучи над Москвою...
А только — ждать с тревогой вековою,
Сосущей сердце медленной змеей.

А только — шаг единый не успев
И осыпая глину над обрывом,
В безмолвии внезапном и счастливом
Услышать крыльев ангельских напев!

ХРИСТОС

В загустевших сумерках души,
Заметенной снегом и порошею,
Все мне кто-то, кажется, спешит
Сквозь метель — забытый и непрошеный.

День взойдет, и заискрится снег,
Зазвенит веселыми капелями.
Будто и не в жизни, а во сне
Ночь была с тревогой и метелями.

И оттаяв, будто воробей,
Сердце в глупой радости спохватится,
Что вот жизнь и проще, и добрей —
И по снегу кубарем покатится!

И такое вытворять пойдет,
И в такие пустится чудачества,
Что когда лишь солнышко зайдет,
Станет ясно — уходилось начисто!

.И тогда в густой вечерней мгле
Заметенных снегом и порошею
Подберет Бредущий по земле
За детьми Своими, за продрогшими.

ВОЗНЕСЕНИЕ

...И в небеса возносится Россия,
Как тайна тайн и высший из миров.
И. Семенова

Россия, покрытая снегом,
Вся в белом и в трепетном вся,
Каким-то вселенским ковчегом
Летит, над землею скользя.

Лишь ветер звенит в безпредельной,
Морозной и ясной ночи,
Да крест холодеет нательный,
Да кто-то вдогонку кричит.

Но поздно — в покинутых далях
Остались хула и хвала,
И громы викторий батальных,
И мирного времени лад.

Все выше, белей и родимей!..
Из ветра, и свиста, и мглы
Все явственней — хор серафимий
И вечному Богу хвалы!

* * *

А.Б. Дорину

Чужой всему уже на этом свете
И непохожий на живого... я.
Таким мои меня не вспомнят дети,
Любимые не вспомнят и друзья!

...И будет полон зал и слов, и горя,
И плача тихого единственных моих.
Но что с того, когда предстану вскоре,
Туда, где отвечать за каждый стих?

И что с того, что жизнь казалась яркой
И щедрой на дороги и сердца,
И что последней полногранной чаркой
Любви испить случилось до конца?

Все минуло... В каком-то странном хоре
Стою и жду Святого Судию.
Молитесь, братья — под ногами море!
Молитесь крепче за судьбу мою!

НОЧНОЙ ПОЖАР

Ген. Полякову

Тьма за окнами — тьма, а не марево
Безпокойных больших городов.
И огромное страшное зарево
Средь ночных неподвижных снегов.

С каждым шагом тревожнее дышится,
С каждым метром — навстречу беде.
Вот сирена пожарная слышится,
Вот промчались... Но где это, где?

Ничего не видать за деревьями!
И зачем мы оставили дом
И бредем нежилыми деревнями
По дороге, покрывшейся льдом?

Что нас выгнало в поле с товарищем?
Что мы ищем в морозной ночи?
Вот проходим с опаской над кладбищем,
Где могилы неведомо чьи.

Всё тревожные мысли проносятся.
— Боже правый, прости, не суди!
И лишь пламя до неба возносится,
Как молитва из грешной груди.

* * *

Родина-мать,
Уворуй благодать!
Вымани, выменяй —
Как-нибудь знать
Дай, что близко уж спасенье твое!
...Снежно, темно,
Мы с тобою вдвоем
Руслом реки занесенной идем.
А над обрывом,
У самой реки —
Все огоньки, огоньки, огоньки...
Хочется что-то такое сказать —
Справиться с этим и словом назвать!
Впрочем, похоже, тебе не понять.
Нечего, значит.
И неча пенять.
Ждут впереди нас лихие деньки —
Непониманья сухие пеньки,
Или пинки,
Или просто, без врак —
Ровный, глухой и проверенный мрак.
С долгим, как ночь, завываньем собак —
Мрак...
Родина-мать,
Отмоли благодать!
Нам без нее ведь... того —
Пропадать.

ОЛЕГ РЯБОВ

Нижний Новгород

МОЛИТВА

Как легко мне, Господи,
Знать, что ты в ответе
За кого ни попадя
И за все на свете.

И минутной славою
Я Тебе обязан,
И победой главною,
И судьбой — все сразу!

Ты не знаешь устали
И не ждешь совета.
Днем ли, ночью, утром ли,
И зимой, и летом.

Как легко мне, Господи:
Я стою в поклоне,

Голова вся в проседи
Да и жизнь на склоне.

* * *

Я наконец-то оценил
Божественность и щедрость
Подарка и всего, что с ним:
Обыденность и серость,
Познанья радость, и греха
Тяжелый груз, и свежесть
Рассветной песни пастуха,
И женской ласки нежность,
И многолетний сладкий труд,
И то, что встретил старость.
Я, Господи, благодарю
Тебя за Твой подарок.

КАЗАНСКАЯ

Что Ты так печальна, Богородица?
Складочки на тонкой переносице,
И печаль в глазах неутолимая.
Знала Ты Спасителя по имени!

Знала Ты, что сбудутся пророчества,
Крестный путь в безмолвном одиночестве.
Горечь славы и непонимания.
Через страсти — вечное признание.

Все легенды, чудеса, весь поиск истинны,
Сколько будет книжек понаписано.
Сколько Ты подаришь вдохновения!
А сейчас во взгляде — лишь сомнения.

Будут храмы возводиться Твоим именем,
В них гореть лампады негасимые.
Но печаль в глазах Твоих проносится,
И грустишь Ты, Мама-Богородица.

22. 02. 10

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

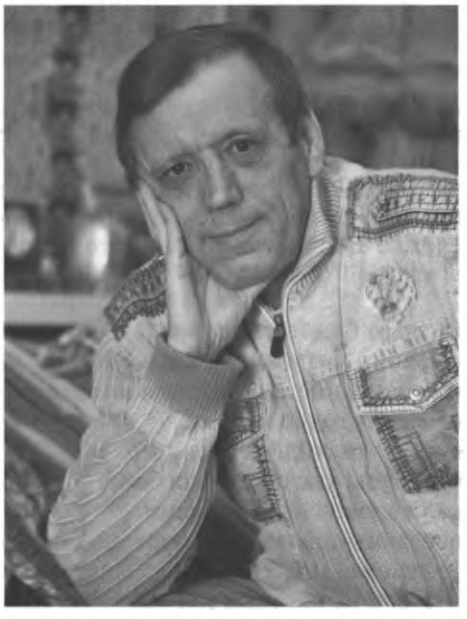
Киров

К НЕБЕСАМ

А когда сам себя успокою,
Всех прощу, все пойму и приму,
Встану я босиком над рекою
Под черемухой в белом дыму.
Только листьев безплотные тени
Просквозят по седым волосам,
Я невольно склонюсь на колени
И глаза подниму к небесам.
Ты прости меня, Боже Мой Правый,
У Тебя в своей жизни земной
Не просил я ни денег, ни славы,
Разве только здоровья порой.
Но над пологом трепетных веток
Сделай милость — помедли чуток:
Дай побыть мне с рекой напоследок,
Докурить и допить «посошок».
А затем, как на волю из клетки,
Отболев, отлюбив, отгреша,
Обдираясь о прутья и ветки,
К небесам продерется душа.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

Новокуйбышевск



* * *

Марине Ганичевой

Городская ласточка — воронок
Поутру срывается с каланчи.
К полотну небесному, как челнок,
Пришивает солнечные лучи.

О, моя божественная швея!
Без тебя бы мир стал уныло сер.
Льется песня ласковая твоя
Ручейком жемчужным с небесных сфер.

На лету подхватишь ты Божью нить
(В вышиванье золотом знаешь толк),
Чтобы этой нитью соединить
Грубый холст земной и небесный шелк.

Помогаешь Матери Божьей ты
Плащаницу Господу Сыну шить.
Без тебя весной небеса пусты,
А с тобою солнечно в мире жить.

Без тебя я был бы — рогожный тать,
Наломал бы для ада немало дров.
А с тобой — небесная благодать,
Богородицы золотой покров.

Вышиваешь Господу ты венок.
Яснокрылым ангелам ты родня.
Городская ласточка — воронок,
От небесных дел не отринь меня!

ИВАН ЩЕЛОКОВ

Воронеж

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Есть в Воронеже замечательный архитектурный памятник XVII столетия — Успенская церковь. Своды храма помнят и Петра I, и времена воинствующего атеизма... По преданию, в Великую Отечественную войну красноармейцы, освобождая правобережье Воронежа от фашистов, молились при виде храма.

Город сер от бомбежек и горя.
Кровь рябин на губах горчит.
Храм Успенский под снежным взгорьем
С довоенных годов молчит.
Ах, куда ж эти годы сгинули!
Помнит Русь, как среди скорбей
Плакал колокол над могилами
Православных своих сыновей.
А еще ликовал младенцем,
Аки Петр; и на царский зов
Откликался стозвонно, с сердцем —
Турок бить, воевать Азов.
Две вдовы пережитым делятся,
Словно памяти нить прядут:
— Я в Успенской крестила первенца...
— Я с Митрошей венчалась тут...
Город жив. Разгромили фрицев.
В зимнем небе луна светла.
Как охота бойцам молиться
На безглавые купола!
И за тех, кто в донской излучине,
Веря в Сталина и ЦК,
Оставался лежать под кручами
Грязно-глыбого известняка;
И за них, за родных, немного —
Ярославен, Марусь и Лиз,
Кто с рождения верил в Бога
И ничуточки в атеизм.

У бойцов в наступленье нервы —
Звуки тысячи колоколов...
Не успели лишить их веры,
Хоть и сбили кресты с куполов!

ВЛАДИМИР КАРПЕЦ

* * *

А мы видели
Диву дивную,
Диву дивную —
Телу мертвую[1].
Как лежит она
Посреди земли,
Посреди земли,
Земли русския.
Говорит мертвец —
Мне невмочь лежать,
Триста лет лежать
Посреди земли.
Прилетит коршун,
Прилетит коршун
Птица-мать-жена
С поля дикого.
Как вспорхнет она,
Как вспорхнет она,
Как вспорхнет она
Да на мертвый сук.
Да зачнет мертвец,
Да зачнет-родит
Дитя мертвое,
Дитя русское.
Прилетят к дитю,
Дитю мертвому
Белы ангелы
Со архангелы.
С ними Белый царь,
С ними Белый царь,
Царь-Мелхиседек,
Князь-Михайлушка.

[1] Первые четыре строки — народные.

Созовет он рать,
Созовет он рать,
Созовет он рать,
Рать несметную.
Все-то нищие,
Все убогие,
Все слепцы-хромцы,
Юроды Божии.

1990

НА ГОСПОДИ, ВОЗЗВАХ

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя,
Коли нет ума, из огня да в полымя
Из первого огня во второй огонь,
Да пройду сквозь онь, коли вниду в онь.
Егда с пяти сторон грядет иго-го —
Услыши глаз моления моего
И пощади мя со чады моими
За бездны, коим дерзал давать имя.
Да Ям-Суф-мудра вся в пересых уйдет,
Твоя же Премудрость-Правь — Косых буй-от
Косяк воскуривших в ладан обует
Во хрусталь-стекло-злато золу продует —
Царь-Девица-Сирин-Певица-Роах
Розы две насадит на горе-горах
Белую со алой присноросные —
Сих парусов больные матросы мы
Ты же не верть их в торфяник-чернь-бурую
Да останется каждая дурою.
Сохрани же и Вековку-Ермус-град
Да во веки веком свещми сосны горят.
А о ком горят век за веком подряд —
Волки-волоты веки поднять велят.
Века век век совечен свечной реке —
Всяк не зачат шар стеклян держит в руке
А земля-то гудит, вся в оспе поди...

Оком воззвах, услыши мя, Господи.

1998

СМЕРТУШКА

Смертушка-матушка сыночка заждалася.
Смертушка-матушка сыночка зовет.
Погоди, смертушка, пока жива матушка,
Погоди, смертушка, ее схороню.

Смертушка-матушка сыночка заждалася.
Смертушка-матушка сыночка зовет —
Погоди, смертушка, пока дочь-красавица
Не уйдет в обитель душу спасать.

Смертушка-матушка сыночка заждалася.
Смертушка-матушка сыночка зовет.
Погоди, смертушка, пока сын твой, яр еще,
Государя из лесу в Кремль не приведет.

Смертушка-матушка сыночка заждалася.
Смертушка-матушка сыночка зовет.
Погоди, смертушка, пока сын твой, сед уже,
Вместе с Государем за Русь не падет.

2007

ВЯЧЕСЛАВ КАЗАКЕВИЧ

ВЕЧЕРНЯ В ОСЕННЕЙ ГЛУШИ

Вот стоим мы в церкви: я с женою
сын со свечкой, тоненькой и пылкой,
и священник возле аналоя
в ризе, что протерлась над затылком.

А на небе на алмазном троне
Бог сидит в сияющих обновах,
смотрит вниз из-под ладони,
видит храмик среди волн сосновых.

И, помедлив, сельскую церквушку,
где четыре человека мерзнут,
будто детства дряхлую игрушку,
Поднимает ласково на звезды.

1994

* * *

Вскидывался шляхтич на попоне
и не мог душе своей ответить,
почему деревьям нет покоя,
для чего он сам живет на свете.

Вырывал он из земли березку,
потную склонял со стоном выю
и молил о чем-то Матку Боску,
русскую Заступницу Марию...

— Матерь Божья! Кланяюсь я редко,
но сегодня попрошу негромко:
сжалься над моим оршанским предком,
смилуйся и над его потомком.

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

ПАСХАЛЬНОЕ

Над полями — звон и волнение.
Светлое Христово
Воскресение!
Веселая Пасха —
Вылетела, как птаха,

Взнеслась, обратилась
И вновь воротилась,
Яйцом к нам скатилась.
Мы тоже кому-то
Будем утратой
Когда-то...
Но звон колокольный
Еще возродится!
Он эхом родным
Будет в мире носиться,
Слетая со круга
Невидимых звонниц!
И всякий замрет
У дверей и оконец.
И в этом великом
И дивном звучанье
Все будут едины
И слиты молчаньем.
...И светлость берез,
И церквей купола,
И мертвых
Помянет живая земля.

ЮРИЙ КРАВЦОВ

Пос. Суземка, Брянская обл.

ЦЕРКОВЬ

Звоня с бугра семью колоколами,
И в день ненастный, и в погожий день
Она владела речкой и полями,
И избами окрестных деревень.

Владела небом... Но пришла эпоха,
Когда хотели ею завладеть,
И падала, и падала со вздохом
Колоколов низвергнутая медь.
И то ли от проклятий, то ль от сглаза
Старух, глядевших вверх со всех сторон,
Упал с последним колоколом разом
Мужик, что погубил червонный звон.
«Отец, спаси! Я жить хочу... Я молод...» —
Он умолял, глотая горечь слез,
И гнал коня отец в ближайший город,
Но до больницы сына не довез...

МАТЕРИНСКИЙ КРЕСТ

В нашем доме не было достатка —
Шестеро сидело по углам.
И для всех был угощеньем сладким
Черный хлеб с надеждой пополам.

А когда мы в гости уезжали,
То, простясь, протягивала мать
Узелок, где хлеб и соль лежали:
Что она могла в дорогу дать?

У ворот стояла и грустила
Молчаливой ивой над рекой
И украдкой нас во след крестила
Доброю обветренной рукой.

Верю: даже в схватке рукопашной
Непременно этот крест спасет.
Нам на свете ничего не страшно,
Если мама на земле живет...

АЛЕКСАНДР КУВАКИН

* * *

о. Владимиру

Вижу,
как поют
Высоко, в раю:

«Свят, свят, свят
Господь Саваоф.

Свят, свят, свят
во веки веков
Господь Саваоф.

Свят, свят, свят
во веки веков,

во веки веков
Господь Саваоф».

* * *

Смиритесь силы ада —
Грядет российский царь.
Он восстановит стадо —
Жизнь потечет как встарь.

Как встарь забьется сердце,
Как встарь очнется ум.
Откроется наследство,
Уляжется самум.

И белый, белый, белый
Ударит звездопад.
Из смелых самый смелый
Скомандует: «Назад!»

Назад — к святой свободе,
Назад — в открытый храм,
Назад — к своей природе,
К цветным и вещим снам.

Прозрел ослепший инок.
Глядит — издалека
Плывут, как будто льдины,
Грядущие века.

* * *

Не поднимая глаз, провинцией столичной
Иди. Смотри. И пой предельные слова,
Смиренные слова о глупом счастье личном,
О том, что дни цветут и вянут как трава.

Пой вечный русский крест —
молитву послушанья
Земле и небесам единственной мечты.
Тщету успеха пой и радость упованья —
Ту волю, что с небес для нас диктуешь Ты.

Смотри, как тает лед под сапогом свободы,
Какие сны несет поток из-подо льда.
Смотри, как на Восток уходят строем годы,
Как плачет им вослед прощально лебеда.

Смотри, как старый дом светлеет от молитвы,
Как созревает в нем грядущее вино.
Смотри, как меч навис острее, легче бритвы, —
От плевел мертвых дел он отделит зерно.

Иди сквозь строй невзгод, утрат, разлук, предательств
Туда, где брезжит свет сквозь узкие врата.
Иди, и не ищи счастливей обстоятельств —
Нет ига веселей несения креста.

Иди! В эпоху звезд ты редко был собою.
Иди! Родись! И стань навек самим собой.
Иди! Твой путь пролег небесною рекою.
Не опуская глаз, иди, смотри и пой.

* * *

Только с Пушкиным и Блоком,
Только с музыкой и светом
В дни, оставленные Богом,
Чувствую себя поэтом.

Над плененною Москвою,
Над желтеющей Россией
Черный день[1] стоит конвоем
В убывающей, но силе.

Эти пашни, эти травы,
Эти нищенские песни
Видели: поток кровавый,
Вниз ползущий с Красной Пресни.

Слышали: молитвы шепот
Угасающих в изгнанье.
Горький, мертвый, русский опыт,
Что ж ты медлишь с покаяньем?

Что же медлишь, прибавляя
Крови, горя, слез и боли?
Слышать больше не желаю
Оправданий своеволья.

Видеть более не в силах
Это торжество разврата.
Братья! Не спастись в могилах.
Поле чести — брат за брата.

Сестры! Вспомните молитву
За бойцов. По их примеру
Строятся ряды на битву.
За Отечество и веру.

* * *

Распускается время цветами
На распластанной в прахе земле.
Не выпытывай, что будет с нами.
Будет то, что таится во мгле.

Что там? Войны? Пожары? Восстанья?
Ложь друзей и объятья врагов?
Неизбежный мотив расставанья
С безполезным наследьем веков?

Слушай песню цветов простую,
Она соткана из молитв:
«Я по родине вечной тоскую,
О нездешнем сердце болит».

[1] «Черный день» — так собирался назвать в 1921 году свою будущую книгу А. Блок.

* * *

о. Василию

Господи! Дыхание Твое
в Спасском храме старо-новом
полнит сердце — до краев,
и врачует — Словом.

К сердцу липнут страхи, суета,
мусор искушений и сомнений,
но безсмертной силою Креста,
Кровью причащений

восстает оно из забытья,
сна стряхнув истому,
и опять, как легкая ладья.
к сердцу мчит другому.

Сквозь туман слепой и русский быт,
сквозь воспоминанья коммунизма
сердце ко Престолу Благ летит —
на устах — девятая кафизма.

1994

* * *

Матушке Евстолии,
настоятельнице Никольского монастыря
в Переславле-Залесском

Покачнулись и поплыли —
храмы, улицы, дома.
Милый друг!
Да где ж мы были?
Как мы не сошли с ума!

Оставался шаг до края:
крохи веры распродать
и в предощущенье «рая»
безпробудно загулять.

Но Спаситель не оставил —
попалил святым огнем,
все желания оплавил,
проливным обдал дождем,

покаянною слезою
душу русскую омыл,
чистой, утренней росою
новое благословил.

И росою, что есть силы
оттолкнувшись от зимы,
покачнулись и поплыли —
храмы, улицы и мы.

Май 1999

САМОЕ

Самое сладкое — пост и молитва.
Самое горькое — Бога не знать.
Самое верное — с духами битва.
Самое зыбкое — духам внимать.
Мне говорят: «Что о чувствах не пишешь?»
«Что же, исправлюсь», — бросаю в ответ.
Самое-самое — дышишь не дышишь.
Самое-самое — жив или нет.

* * *

Всемогущий!
Зову, на защиту небес уповая, —
сохрани эту радость земную на множество лет,
эту легкость дыханья, в котором от края до края
горизонт оплывает — и брезжит московский рассвет.

Сохрани же, молю, неизбывность, молю, неизбежность
этих неотвратимых, нежданных, непрошеных встреч,
эту намертво вмерзшую в осень цветущую нежность,
эту танцем кружащую, взрывом грозящую речь.

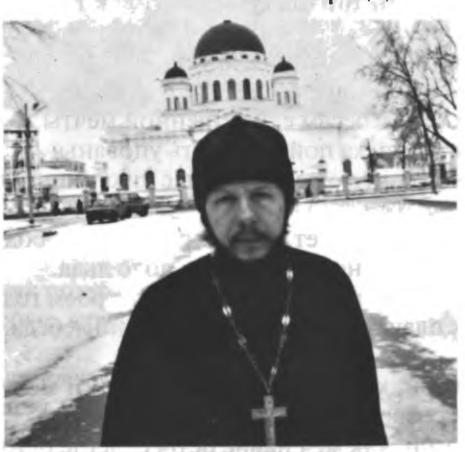
Сохрани это тело, которому вовсе не больно
предаваться судьбе, от рожденья не знающей слов,
сохрани это сердце, которому дышится вольно
только здесь, в окруженье безкрайних полей и лесов.

Сохрани этот род, от которого ветвь винограда
беззащитно сильна на ветру непогоды земной,
эти древние камни родного престольного града,
что ее согревают в безсонницу песней ночной.

Сохрани это море, которое шепчет и плещет
колыбельную песню для той, о которой прошу,
сохрани этот берег соленый, язык этот вещий,
на котором ночами я этой молитвой дышу.

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР ГОФМАН

Нижний Новгород



* * *

Горького было сполна.
Сладкого было немного.
Что оставалось? — Дорога.
Только дорога одна.

Снова на круги своя
все возвратится однажды.
Счастлив, коль чувствуешь жажду,
чашу испив бытия.

Счастлив, коль есть на кого
в трудные дни положиться,
если умеешь молиться...
Вот и в избытке всего.

Чтоб, как в начале пути,
смог прошептать, не скрывая,
пальцы к вискам прижимая:
— Больно, родная...
— Терпи!

* * *

Вечер безоблачно-ясен,
скоро закат догорит.
Старый отец Афанасий
снова к вечерне звонит.

В низенькой церкви безлюдно,
певчие тянут не в лад,
перед иконами чудно
тонкие свечи горят.

Дым из кадильницы тает
облаком возле икон.
Батюшка ровно читает
службы вечерний канон.

Сердце сожмется невольно —
что там за свет впереди?
Батюшка, что же так больно,
что же так тяжко в груди?

Дальнее это мерцанье
как в темноте понести?..
Батюшка, на покаянье
душу мою отпусти...

Этот ли труд совершая,
сердце покой обретет?..
В маленькой церкви большая,
вечная служба идет.

* * *

«Тело Христово...» хор запоет.
Маленький мальчик к Чаше идет.
Руки крестом сложил на груди...
Что-то за жизнь у него впереди?

Годы проходят. Пора настает.
Вырос наш мальчик — в солдаты идет.
Может, в Афгане, может, в Чечне
будет сражаться он на войне.

...Звон колокольный. Солнце встает.
В храмы спешит православный народ.
Сколько на паперти нищих, больных...
Бывший наш мальчик стоит среди них.

То-то февраль навалил снеговья!
Ветер на круги вернулся своя.
Бывший наш мальчик в смертельном бреду
вспомнил молитву далекую ту:

«Тело Христово...» хор запоет.
Кто это, Кто там с Чашей идет?
Свет нестерпимый ударил в глаза.
Вот и отверзлись душе небеса.

* * *

Падает на землю чистый снег.
Для зимы, пожалуй, слишком рано...
А о том, что ты красивей всех,
знают даже нищие у храма.

Про тебя я все им рассказал,
а о чем-то догадались сами,
пусть они не видели в глаза
женщину с зелеными глазами.

Баба Феня, Славка и Антон,
Витя из «бомжатника» и Ксения —
все они под колокольный звон
молят Бога о твоем спасеньи.

Каждый нищий — Божий человек,
и молитва у него — простая...
Падает на землю чистый снег,
скоро он, наверное, растает.

НИЩИЙ

Этот рубль Антону — как находка,
да и мой карман не опустел.
У него — веселая походка,
у меня — опять по горло дел.

За делами все-таки полегче,
и душа, глядишь, не так болит...
Был Антон в Афгане искалечен,
а теперь на паперти стоит.

Он всегда навеселе, конечно.
(Господи, прости и этот грех!)
Помолись, Антон, о многогрешном
обо мне... А лучше — обо всех.

Обо всех недужных и усталых,
для кого одна надежда — Спас.
Нынче их в России, брат, немало.
Так что помолись, Антон, за нас!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос воскресе! Радостные лица.
Колокола к заутрене звонят.
Христос воскресе! Богу помолиться
спешат сегодня в храмы стар и млад.

Такая радость — Светлая седьмица!
Воспрянь, душа, нам есть, чем дорожить.
Звон колокольный. Радостные лица.
Христос воскресе! Значит, будем жить.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Какая ночь! И тишина повсюду.
И благовест торжественный окрест.
Земля притихла в ожиданье чуда...
Христос Воскрес!

А в небесах, в густой полночной сини,
где полный лик луны смертельно бел,
над грустными равнинами России
пресветлый ангел медленно летел

За окоем
с улыбкою печальной,
и посылал, покуда не исчез,
любовь и мир земле многострадальной...

Христос Воскрес!
Воистину Воскрес!

* * *

Вечер безоблачно-ясен,
скоро закат догорит.
Старый отец Афанасий
снова к вечерне звонит.

В низенькой церкви безлюдно,
певчие тянут не в лад,
перед иконами чудно
тонкие свечи горят.

Дым из кадильницы тает
облачком возле икон.
Батюшка ровно читает
утрени древний канон.

Сердце сожмется невольно —
что там за свет впереди?
Батюшка, что же так больно,
что же так тесно в груди?

Дальнее это мерцанье
как в темноте пронести?..
Батюшка, на покаянье
душу мою отпусти!

Этот ли труд совершая,
сердце покой обретет?..
В маленькой церкви большая,
вечная служба идет.

Светлое Воскресенье
Молим о прощеньи и спасеньи:
Господи, спаси и сохрани!
Светлое Христово Воскресенье —
крестный ход, веселые огни.

Понесу, от радости немея,
праздничную красную свечу.
Неужели делать не сумею
доброе, которого хочу?

Нет согласья у души и тела;
ничего без Бога не могу.
Неужель не перестану делать
злое, от которого бегу?

Неужель Божественное слово
не сильней геенского огня?
Воскресенье Светлое Христово,
оживи, как Лазаря, меня!

ПОКАЯНИЕ

Оно придет негаданно-нежданно,
натянется душа, как тетива,
и выплывут из серого тумана
пока еще неясные слова.
Христос шептал в час нестерпимой муки:
— Или, Или! Лама Савахвани!
Ты говорил: «Я умываю руки!»
И ты кричал: «Распни Его! Распни!»

Ты шел за Ним по всей дороге крестной,
но побоялся Крест Его нести.
И вот Он умер. Чтоб потом воскреснуть,
и чтоб тебя, пропащего, спасти.

Свои кресты несут по жизни люди,
а ты блуждаешь в безпросветной мгле.
Он ждет тебя. Надеется и любит,
так, как никто не любит на земле!

* * *

... Да суметь бы простить. Да успеть бы покаяться.
Да свечу удержать бы в руке.
Ни оков, ни долгов — ничего
не останется — в путь-дорогу, на свет вдалеке.
Жизнь на этой земле — поглядеть да зажмуриться.
У Христа за детей попросить.
Дочитать бы Псалтирь.
У божницы ссутулиться.
И тихонько свечу погасить.

ЮРИЙ КАБАНКОВ

Владивосток

* * *

Господи, прости нам нищету!
И высоких помыслов тщету.
Смертною повиты пеленою,
мы уже на ангельском счету.

Господи, куда ж теперь нам плыть?
Ливень зарядил — и нечем крыть.
Ливень, говорю, по нашу душу —
дабы плоть до основанья смыть!

Господи, ведь я еще живой!
Ангелы трубят над головой,
рыбы выбираются на сушу,
воскрешая ужас меловой.
Господи, спаси и укрепи!
Небеса срываются с цепи;
ангелы утраченную душу
гонят, как сайгака по степи.

Господи! Ей-богу, не смешно!
Смертному безумие грешно, —
вразуми окаменевший разум:
не Твое ли Царствие пришло?

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ!

...скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

От Матфея, 4.3

Камень лежит при дороге.
Господу слава!
Небо его опаляет.
Славен Зиждитель!
Время грохочет в ущельях,
Слава вовеки!
Каменный тлен размывая.
Ныне и присно.

Славен Господь Вседержитель!
Рожь колосится.
Птицы не жнут и не сеют.
Небу осанна!
Ниву Господь попаляет.
Сыплется колос.
Стадо очами взирает.
Хлеб наш насущный!

Воля Твоя да пребудет!
Глады и моры.
Щедрую длань отверзаешь.
Крест над толпою.
Глину в печи обжигаешь.
Денно и нощно.
Слава Тебе, Параклите!
Се — человецы...

1997, январь,
Пятница по Богоявлении
(преподобного Михаила Клопского,
Христа ради юродивого)

ЗАКЛИНАНИЕ

Не умирай среди дня!
Страшно глаза твои видеть!
Кровь помутилась в корнях...
Что ж так светло и неладно
над безприютной землей
мертвое солнце восходит?!

Не умирай среди дня!
Может быть, ночь не наступит!
Может быть, в лучших мирах
незамутненные воды
знают пути к родникам —
да недогадливы люди!

Пропасть какая в душе!
Даже покаяться нечем!
Небо над бедной землей!
Что тебе смуты и распри?

Не отрекайся от нас!
Дай нам помучиться вволю!

Не умирай на глазах!
Страшно дела свои видеть...

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

МОЛИТВА

От холода и мора,
от хлада и огня,
от внутреннего спора,
и суетного дня,
от горести
и гнева,
от счастья
впопыхах,
от сладострастной девы,
от гордости в стихах,
от ломкого булата,
от ржавого щита,
от серебра и злата,
от римского креста,
от власти нечестивых,
от примиренья с ней,
от засухи на нивах,
от бурь среди морей,
от почвенных трясений,
от молнии-грозы,
от яростных сомнений,
от утренней слезы,
от размышлений в битве,
от жалкой веры в плоть, —
по грешной сей молитве
спаси меня,
Господь!

Евгения ГУЦЕВА

Троицк, Московская обл.

* * *

Соловьи за утреней своей
Распевают звонкую стихиру.
Хорошо проснуться на заре
И уйти скиталицей по миру.

И уехать в город Ярославль,
И уплыть в старинную Коломну.
И найти, пройдя за далью даль,
Край Руси надежный и укромный.

Где стоит на взгорье белый храм,
В облаках кресты, как Божьи птицы,
А в полях пшеница тут и там,
И настоян воздух медуницей.

А из храма явственно слышны
Задушевной проповеди речи,
А во храме свечи возжжены —
Символ жизни праведной и вечной.

Божья Матерь в нем мироточит, —
Чудеса любви являя миру...
И мальчонка по полю бежит,
Распевая звонкую стихиру.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Ангел-хранитель мой!
Ангеле! Свете светлый!
Яркой своей красой
Манит нас мир суетный.

На перепутье дорог
В нем затеряться просто.
Глянешь — умом убог,
А на душе короста.

Богом приставлен мне
Кормчим в житейском море.
Вот я на самом дне —
Горе мне, грешной, горе.

А на дворе дожди,
Образ в грязи распятый.
Ангеле, подожди,
Я за тобой, мой Святый!

Ангеле, жизнь моя!
В Горнее Царство вхожий,
Вымоли и для мя
Милости каплю Божьей.

* * *

Перед всеми чувство горькое вины:
Перед дедом, не вернувшимся с войны,
Перед матушкой покойной и отцом,
Пред заброшенным на родине сельцом.

За поникшие березы над прудом,
За поруганный отеческий наш дом,
За безродного нагого сироту
Помолюсь Животворящему Кресту.

На развилистых дорогах бытия
Поняла вослед за верными и я —
Только прошлые ошибки вороша,
В покаянье очищается душа.

* * *

Подивлюсь безкрайними просторами,
Пахарю и пашне поклонюсь,
Помолюсь на все четыре стороны —
Широка ты, неохватна, Русь!

Мы твоей обрядности ревнители,
Люба нам лесов твоих краса,
Да хранят тебя твои обители,
Что вросли крестами в небеса.

Мы от века святости искатели, —
Не иссякла ею наша Русь...
Помолюсь иконе Божьей Матери
И к мощам святейшим приложусь.

Вот они о Родине радетели —
Ангелы земные во плоти,
Выше их смиренной добродетели
Не найти!

Тульский Щеглоевский
Богородичный монастырь

* * *

Врастают в землю ковыли,
Отправив жизни требы.
А я все дальше от земли,
Все ближе, ближе к небу.

И не пугает слово «смерть».
Молюсь о том с тревогой,
Чтоб не уйти, не умереть
В вражде, в разладе с Богом,

Чтоб сердца впадины гатить,
Служа не звонкой лире.
Но дни последние прожить
С людьми в любви и мире.

д. Горелово

ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Быть холодам по народным приметам, —
Мечутся сиверы. Зарево — кровь.
Что еще в мире дороже, чем эта
К Родине милой сыновья любовь.

Храм Рождества Иоанна Предтечи,
Теплой молитвой согреты сердца —
В этой большой очистительной сечи
Если стоять, то стоять до конца.

Вот преклонили главы в покаянье
Под освещенную епитрахиль,
Благословляя на подвиги брани,
Всем отпускает Всевышний грехи.

С телом и кровью Христовой едины,
В вере своей православной тверды...
Бог осенит удалую дружину.
Бог не попустит смертельной беды.

Псков,
Храм Рождества Иоанна Предтечи

ДУМЫ О РОДИНЕ

Вдали от гроз, от вьюги белой,
Я вижу явственней стократ
Твои безкрайние пределы,
Землею тощей на закат.

Во мгле морозной, осиянной
Холодным заревом светил,
Чтоб выжить днесь... и богоданно
Трудами жить, найду ли сил?

Вернешься ль к удали посконной?
Иль неминуем черный рок?
Глядят избушки отрешенно
Лицом печальным на восток.

И как лекарство от недуга,
Минеи-Четьи с года в год
Моя духовная подруга
Всю ночь листает напролет.

А на покров пустынно-снежный
Роняют звезды тайный свет...
Спаси, Господь, мой край мятежный
От одиночества и бед!

* * *

Если нет в окрестностях церквушки,
А растет кругом трава-топтун,
Значит, богорадные старушки
Брашно не поставят на канун.

Если паремии поученья
По вечернем входе не слышны,
Быть в округе тле и запустенью
И не миновать стране сумы.

Если песнопений благозвучье
Сердца не возрадует очей,
Набегут грозы шальные тучи
И погубят проблески лучей.

Если епитимьи самой строгой
В храме не возложат за грехи,
Значит, далеко еще до Бога,
Значит, будут ложными стихи.

д. Горелово

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ПСАЛОМ 14

Кто обитает в жилище Твоем?
Кто на святую взойдет Твою гору?..
Господи! Только тому, кто вдвоем
с правдой Твоей, эти таинства впору.

Только тому, кто, отверзши уста,
ближних не тронет ни лестью, ни ложью,
зло посрамляя во имя Христа,
это — возможно...

ПСАЛОМ 41

Как олень спешит к источнику,
так душа стремится — ввысь.
Сердце жаждою источено:
Боже Крепкий, отзовись!

Мои слезы непрерывные
видя, гнев Свой позабудь,
и в Твои селенья дивные
укажи надежный путь...

Мир земной — сплошные бедствия,
нет им роздыха ни дня.
Одного над этой бездною —
не оставь, мой Бог, меня.

Сколько ж видеть мне, как празднуют
торжество мои враги?
Покажи мне лик Твой радостный,
помоги...

ПСАЛОМ 90

В помощи вышней живущий не знает тревоги
и о защите земной не печалится зря.
Кровью и духом своим он покоится в Боге,
так говоря:

«В мире страстей, в мире зла и бесовских соблазнов —
верь лишь в Него, ибо лишь пребывающий в Нем
не убоится в ночи поджидающей язвы,
сети ловца и стрелы, пролетающей днем.

Тысячи грешников слижет возмездия пламень,
ты же, лишь в руки Ему свою участь вручишь —
да не споткнешься отныне ногою о камень,
но василиска, и змия, и льва посрамишь.

И, с ликованьем тебя подгонявшие в бездну,
сонмы врагов заскулят и отступят во тьму,
и — растворятся, как дым на ветру, и исчезнут...
Ты еще медлишь? Скорее доверься Ему!»

ПСАЛОМ 102

Благослови, душа моя,
святое имя Господа
за путь из удушающих
объятий мира косного,
за помощь в исцелениях,
за избежанье плах
и смертного истления
не страшный больше страх.

Забудь, что утомилась ты
или что время позднее,
за все земные милости —
воздай молитву Господу.
Не будь пред Ним рассеянной
и верь: тебя из бед —
как племя Моисеево,
Он выведет на свет.
И знай: Его прощению —
пределов не положено.
Молись — и по прошению
получишь все возможное:
вдохнет здоровье заново,
вернет забытый смех
и, как восток от запада,
отбросит смертный грех...
Ну, кто мы — воры, честные —
как не трава в терновнике?..
О ангелы небесные,
благословляйте трон Его!
И ты, столетья грозного
ловя тяжелый шаг,
святое имя Господа
благословляй, душа.

ПСАЛОМ 126

Если дом не молитвою строится,
то напрасно стучат топоры.
Если град охраняем не Троицей,
то надежность его — до поры...

Загадаешь: проснусь рано утром!
И лишь к вечеру слезешь с печи.
Столько планов задумывал мудро —
все задуто, как пламя свечи.

И рванула б душа за удачей,
да зажата, как стрелы в кулак.
Сердце чует, что надо иначе,
но без Бога не ведает — как?..

ИРМОСЫ КАНОНА НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

1

Младенец рождается — пойте,
встречайте Посланца Небес:
в Его Рождестве — мир воскрес,
омывшись Христовой любовью!

3

Из Вечности в бренный наш мир
от Духа и Девы явившись,
для нас он — не просто кумир,
но Бог, снизошедший из вышних!

4

Как посох, пустивший цветы
подобно возделанным кущам,
так точно, Христос наш, и Ты —
явился от Девы Немужней...

5

От Бога, Отца всех щедрот,
был послан нам Ангел на помощь —
и в душах, где правила полночь,
забрезжил спасенья восход!

6

Как чрево кита — не сожгло
Иону, дав жизнь ему снова,
так в Деву вошедшее Слово —
Нетленною Плотью взошло.

7—8

Как отроков жегший в печи
огонь был росою потушен —
так льется и днем и в ночи
роса Рождества в наши души.

9

Глаза подниму: и опять —
увижу не звездные бездны,
а тихо склонённую Мать
над яслями с Сыном Небесным...

КАНОН ПОКАЯННЫЙ. ПЕСНЬ 6-Я

Ввергнув душу в море низкой страсти,
обращаюсь к Господу с мольбой:
«Помоги мне избежать напасти,
научи смиренью пред Тобой!»

С кем сравню себя я нынче, разве —
со свиньей, улегшейся в дерьме?..
Боже мой, возьми меня из грязи,
засвети хоть свечечку во тьме!

Знаю я, что ждет меня, невежду,
Страшный суд за все былые дни.
Но молюсь Пречистой. И надежду —
возношу к Владыке: сохрани!..

МОЛИТВА СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Мой Господи, я знаю, тлен и гнилость
меня разъели, словно старый склеп.
Но я — смирился. Окажи же милость —
прими меня, как некогда вертеп
Ты принял в яслях без претензий лишних...

Прими меня! Войди в меня, как Ты
вошел к Симону в грешное жилище,
не убоявшись язв и нищеты.

Ты не отринул падшую, к одежде
Твоей свои прижавшую уста,
не оттолкни же и меня, в надежде
у Твоего молящего креста!
Войди в меня. Прожги меня, как уголь.
И, как светильник в полночи густой,
моей души последний самый угол
залей Собою, словно дом пустой!
Дай мне увидеть — вместо молний гнева —
святую благость Божьего лица.
Ради молитв Пречистой Приснодевы,
во имя Духа, Сына и Отца.

МОЛИТВА СВ. ИОАННА ДАМАСКИНА (НА СОН ГРЯДУЩИЙ)

Владыка мой, неужто этот одр —
мне гробом станет, кончив дней мученье?
Иль завтра утром снова буду бодр
и просветишь меня Своим ученьем?

Дрожу при мысли о Твоем суде.
Дрожу, все муки ада представляя!
Но что ни день — то всюду и везде
греховной жизнью Небо оскорбляю...

Да, я греховен! Но прошу, мой Бог,
моим деяньям глупым не внимая,
не будь ко мне неумолимо строг
и, все простив, спаси меня для рая.

Ну что прощать тому, кто жил в любви?
В рай провести безгрешного — не тягость.
А Ты на мне, на падшем, прояви
всю Божью милость и всю Божью благость!
И грех мой видя, не сочти его —
весомей милосердья Своего...

МОЛИТВА ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ

Услышь мою молитву, Милосердный
и Милостивый Боже: Ты за нас —
взошел на крест, свершая подвиг смертный,
спустился в ад — и мир для рая спас.

Спаси ж меня, воздай и мне по вере!
Ведь Ты сказал нам: «Верящий в Меня —
спасется этой верою от смерти
и не узнает адского огня».

Коль это так, коль вера — путь к спасенью,
я — верую в Тебя, Спаситель мой.
И, принимая обо мне решенье,
суди меня теперь — по ней одной.

Нет добрых дел, нет подвигов за мною,
одна лишь вера светит над судьбой,
мне освещая странствие земное
да с сатаной ведя заклятый бой.

Я — был рабом его. И только вера
меня исторгла из его оков.
Позволь же послужить теперь без меры
Тебе: отныне — и во век веков!..

ПОКАЯННАЯ МОЛИТВА, ЧТИМАЯ В ЦЕРКВАХ РОССИИ В ДНИ СМУТЫ

Господи Боже, взгляни на нас, грешных,
чад недостойных Твоих!
Видишь? Терзаем раздором кромешным
край, что недавно был тих.

Радость и мир позабыты, и всеми
правят унынье и скорбь.
Голодно. Холодно. Рушатся семьи.
Движутся оползни с гор.

Нет даже дня, чтоб кого не убили,
чтоб — без заплаканных глаз...
Господи мой Человеколюбивый,
вспомни о нас!
Вспомни. Избавь нас от бед и недугов,
веры упрочь нашей твердь.
Ради Отца. Ради Сына и Духа.
Ныне — и впредь.

ТАТЬЯНА ДАШКЕВИЧ

Минск

ЗОЛОТО

Бабушке моей Анастасии Сергеевне Шалимо, раскулаченной в 1930 году и сосланной на Зейские золотые прииски в юном возрасте

Посмотрю на тебя —
и увижу
дубовые рощи,
Печерские мощи

плывут по реке,
уносящей
из той, настоящей,
изломанной жизни,
остатки Отчизны...
Родимая бабушка,
руки что так искалечило?
Скрюченных пальцев чернеющих
сучья больные, корявые
будто вовек не увидели
тонких колечек серебряных,
музыки и рукоделия,
не целовали поклонники
белые девичьи рученьки,
будто и вовсе не рученьки:
старого дуба грозящего
после пожара-губителя
это персты обгорелые...
Золото, золото, деточка,
Золото, золото, черное,
Черное, да каторжанское.
А бывало —
у церкви стояла,
и звенели земля и колокол:
солнце — золото,
люди — золото,
запевальное,
Не подвально-острожное,
Не каторжно-острожное —
Настоящее,
блестящее,
летящее,
пропащее...
И молодой каторжаночки
золото солнца закатное,
и рудниковое золото —
тонкой песчаной росиночкой,
черной своей паутиночкой
скрючило белые руки.
То золото, деточка, —
золото муки.

А на руках — от
церковных учебников
до непреклонных конвойных
и заунывных
барачных рыданий,
песен и крика
слезы и горечь,
страшная полночь
посмертных скитаний
Пасхальной России.
Прости меня, Анастасия.

1988

ЗАБЫТАЯ МОЛИТВА

Когда уже забытая молитва
Рождается в окраинах души,
Я понимаю: скоро будет битва,
Не сей хлебов и пашню не паши.

И в тонком сне привидится дорога,
Идут войска, регалии несут.
Но нет хоругвей, нет над ними Бога,
А без Христа Россию не спасут.

То сушь, то град поля одолевают,
И волки появляются в лесах,
То скорбь, то ярость душу разрывают,
И черный плат лежит на волосах.

Я в бой хочу — спасти своих, поведать,
От приношенья крови уберечь!
Но в их глазах — желание победы,
Их знаменье, увы, не крест, а меч.

Но из камней в потьме смертельной битвы,
Среди солдат, орудий и огней,
Как херувим, возносится молитва —
И вороны взвиваются за ней.

1990

* * *

Ангеле мой, Ангеле,
Крыльев кружева,
Я жива, мой Ангеле,
Слава те, жива.

Смейся, демон жаждущий,
Торжествуй — пока.
Рвется дух мой страждущий
Ввысь, за облака.

Верный мой хранителю,
Господа солдат,
В неземной обители
Звездочки горят.

А тебе, нездешнему,
При Татьяне быть,
Душу мою грешную,
Вечную любить.

1997

В НЕДЕЛЮ ВАИЙ

Каждый злак на земле боготканной
Сложит голову с криком «Осанна»
Под пречистые ноги Твои,
Уповая вчиниться в рай.

Снег идет, дождь косит, холодина.
Но и мы, вдохновенная глина,
Уподобились тайнам земли —
Красной рощей сегодня взошли.

И претрепетной вербы букеты
В человечьих ладонях согреты,
Плачет роща, поет и цветет —
Царь во имя Господне грядет!

Цвет цветов — амариллис пурпурный,
Жесткий папороть, ирис лазурный,
Ветка пальмы, снежок гепсофилы,
Кровь гвоздик, гиацинт голубой,
Мать-и-мачеха, пряные розы,
И подснежник, и вербные лозы —
Весь расцвел аналой пред Тобой.

Словно в дымке недальние дни
И безумные крики «Распни!»,
Ни детей, ни друзей, ни осляти,
Плачет Мать.
Не рыдай Мене, Мати...

Плачет мать. Безутешные слезы
Превращаются в росные розы,
Кровь гвоздик, гиацинт голубой,
Жесткий папороть, ирис лазурный,
Гроздь мимоз, амариллис пурпурный
Благодарно цветут пред Тобой.

1999

* * *

Татьяне Петровой

Пела птичка в полном храме
В первый теплый день поста.
Примостилася на раме
У подножия креста.

В день Египетской Марии,
Мира лучшего струна,
Может, из Александрии
Долетела к нам она.

Шепот, общее движенье,
Ищут взглядами ее.
Удивительно мгновенье:
Птичка с певчими поет.

Начинают «Милость мира», —
Громче трели, вниз летит,
Нам невидимая лира
Светом ангельским блестит.

Что ты, птичка, нам пророчишь,
Что ты, милая, поешь?
Черствых, нас растрогать хочешь,
Богу славу воздаешь.

Слезы катятся, родная,
От поста душа нежна.
Скоро скорбная Страстная,
Наша вечная вина.

Быстро кончится Страстная.
Бог сподобит — доживем.
Прилетай тогда, родная,
Песнь Пасхальную споем.

В теплой купола купели,
В миг спасительной зари,
Заходясь в счастливой трели,
Наши души озари.

Лед оставшийся растает,
И не станем речь тогда:
«Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда».

1999

БОГОМОЛИЦА

Выбились на свет седые прядки,
Красная в руке горит свеча.
В жизни не меняла без оглядки
Кровь Христа на ленту кумача.

Кровь Его опять ее согрела,
И стоит, как свечечка, чиста,
И поет, как в молодости пела,
Гимн о Воскресении Христа.

Не разжать сухого троеперстья,
Во перстах — не соль и не игла.
В такт знаменью отвечает сердце,
Вот и снова руку подняла,

И, себя щепотью омывая,
Белу свету кланяясь челом,
Как молитва кроткая, живая,
Теплится у Церкви под крылом.

2002

СЛОВА ДУХОВНИКА

о. Андрею (Речицкому)

«Среди толпы, и тишины среди,
Случится что-то, или не случится,
Ты, как корабль, с молитвою иди,
Везде и всюду научись молиться».

Да, я хожу с молитвой на устах,
И день, и ночь молитва в сердце длится...
Но духовник мне отвечает так:
«Учись, моя хорошая, молиться».

Когда приходят старые грехи,
И глаз я не смыкаю, как совица,
В слезах молюсь, а не пишу стихи...
А он твердит: «Учись. Учись молиться».
Постом решусь, унылая, спросить,
Как удалось отцу так научиться
О нас о всех Создателя молить,
Он мне ответит: «Я учусь молиться».

2003

РАЗГОВОР

— Прости, мой друг. Теряю силу.
Мне больше нечего сказать.
И только «Господи помилуй»
Мне остается повторять.

— Но если «Господи помилуй»
Не забываешь повторять,
То у тебя не просто сила —
С тобою ангельская рать.

— Но нет молитвы детски кроткой,
Пустые помыслы придут —
И кипарисовые четки
На пол холодный упадут...

Ругаю я себя и плачу,
И прочь мечтательность гоню.
На что, на что я время трачу,
Какие пустоши храню...

— Что ж, на земле в наш век короткий
Немало горестных минут.
Тем и утешишься, что четки —
По Божией воле упадут.

2003

ПЕВЧАЯ

Кате

Котята, куклы, брат, молитвослов...
Вся жизнь дитяти связана с игрою,
Хранит ее спасительный Покров
За Тучной и Усыренной Горою.

Ей судий нет — ей Бог один судья,
И не за что судить ее, малютку.
Всегда она с усердьем соловья
Поет с большими из часу минутку.

Лишь «Господи помилуй» и «Аминь» —
Вот вся ее короткая молитва.
На клиросе сияет глазок синь,
Она слепит, как благостная бритва.

Как бритва, полоснет по всей душе,
От чуждого святое очищая...
А девочка поет свое «клише»,
Поет и ничего не замечает.

Ее учили вроде не кричать,
Не нажимать на звонкий голос силой,
Но трудно ей всю службу промолчать
И не взмолиться: «Господи помилуй».

2003

* * *

Господи, прости, что я упала
В грязь лицом, в подушку, в полынью.
Знаю, нагрешила я немало,
И теперь на краешке стою.

Гордая, слабеющая духом,
Немощная сердцем и душой,
Все ж дерзаю дерзновенным стуком
Постучаться в праведный покой.

Глядя в небо осени янтарной,
Словно пень, стою я пред Тобой,
Вся — Твоя, с душою благодарной,
Вся — Твоя, в согласии с судьбой.

Жизни тропка уже все и уже,
Мчит каллиграфической строкой.
Постучалась, и молю о муже:
Душу Николая упокой.
Умоляю, Боже, умоляю,
Упокой страдальца в светлый рай,
Где никто, ничто не умирает,
И его прошу: «Не умирай!»

Ты лети, сиротская молитва
За детей, за душеньку отца,
Вдовья жизнь — оправданная битва,
Только без орудий, без свинца.

Длится битва, сердце — поле брани,
Сердце — конь, летящий без подпруг.
Господи! Да будет в Твоем стане
Добрый муж. Мой венчанный супруг.

2006

* * *

Коле

Птичка ли Божия бьется в окно,
Странное облако в небе ли плачет...
Как научиться хранить, что дано?
Как научиться хранить, что дано?

Светлый мой ангел в рубашке из льна,
Добрый, усатый, хороший, пригожий!
Листья сгорают. Дымятся порошей.
Желтые листья летят дотемна.

В небе ли чистом, где нас еще ждут,
Выйдешь с пехотою в райское поле...
Здесь мы не слышим, как в небо идут,
Райская осень танцует на воле.

Здесь мы! Вот дочка, и я, и сынок,
Вот и родня, и подруги, и други!
Слышишь! Небесных лошадок подпруги
Скрипнут, как зимний могильный венок...

Архистратиг ты в пехоте родной
В белом, высоком, страдальческом чине.
Тихо повою одна под луной
О Николае, любимом мужчине.

2006

НА ЗАУПОКОЙНОЙ ЕКТЕНЬЕ

Чередование имен:
Сергей, Анастасия...
Плывет покой со всех времен,
Они уже — иные.
Пусть за окном бренчит трамвай,
Идут дела земные...
Ты — там, раб Божий Николай...
Где все тебе — родные.

Чисты, как воздух, имена.
Хоть плачу я о горе,
Но знаю: здесь я не одна,
И здесь, и там, и горе.

Уходит в вечность фимиам.
Нас вспомните, родные!
И вы о нас молитесь там,
Где времена иные.

2006

ВЛАДЫКА

Митрополиту Филарету (Вахрамееву)

Лицо черты имеет лика.
Неповторим, велик Владыка.
Как поле ржи, народ притих.
Владыка воспевает стих.

Подвалы, шахты преисподней
Ботве подобны прошлогодней.
Притихла бесов злая клика.
С народом молится Владыка.

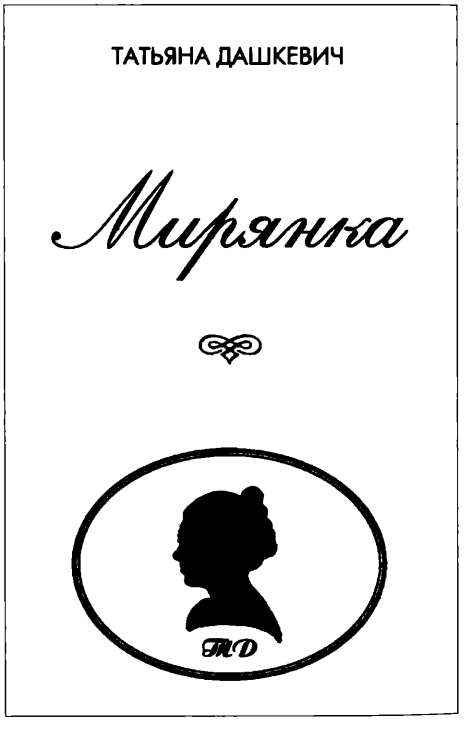
За тех, что молятся в соборе,
За тех, кто пребывает в горе,
За тех, кто не имеет Бога,
За тех, чья кончилась дорога,

За тех, кто голоден и брошен,
За тех, кто, как былинка, скошен,
За тех, кто сир, и наг, и болен,
За тех, кто смел, и кто безволен.

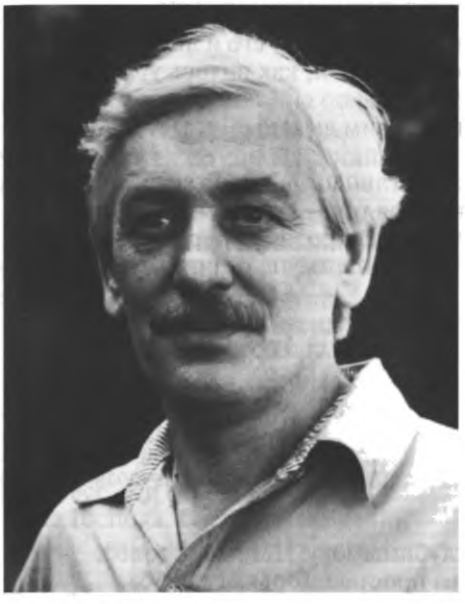
О люди, люди, о народы,
Посмотришь — люди иль уроды?
О люди, люди, человеки,
Посмотришь — люди иль калеки?
Сметет, растопчет это стадо.
Но каждый здесь — родное чадо.

За каждого со скорбью лика
Стоит пред Господом Владыка.
Пока сей пламень не потухнет,
Наш берег праведный не рухнет.

21.03.07



БОРИС РОМАНОВ



Подражание псалмам в сонетах

* * *

Истребит Господь все уста
льстивые, язык велеречивый.
Псалом 11

Ни праведных, ни верных на пути,
где каждый лжет — мы всюду слышим сами —
с притворным сердцем льстивыми устами,
стараясь простодушных оплести.

Опять велеречивые в чести
с крикливыми, как время, голосами.
Но смолкнут перед Божьими часами
и не солгут у Господа в горсти.

Чисты слова Господни — серебро,
очищенное от земли и пыли,
семижды побывавшее в горниле.

Молчит, не разглагольствуя, добро,
поскольку нам дается их немного,
творящих слов всевидящего Бога.

* * *

Ты дал испытать народу Твоему
жестокое,
напоил нас вином изумления.
Псалом 59

Чтоб мы испили чашу изумленья,
о Боже, Ты опять отринул нас,
и землю безпокойную потряс,
с вершин скатив недвижные каменья.

Так дай нам знамя истины в сей час
растерянности, страха и сомненья,
чтоб пережить безсилье пораженья,
пока и дух последний не угас.

Чтобы увериться в последней правоте
среди земли Тобою потрясенной,
введи скорее в город укрепленный.

Услышав нас в ночи перед денницей,
подай нам помощь в нашей тесноте,
низложи врага Своей десницей.

* * *

Тебе воздается обет в Иерусалиме.
Псалом 64

Ломают беззакония меня.
Но Ты очистишь наши преступленья.
Блажен, кого избрал Ты для спасенья,
кто жил в Твоих дворах, Завет храня.

Ты горы движешь, землю изменя.
Морских зыбей смиряешь Ты волненья,
мятеж народов. Знаменья, виденья
пылают грозно в полудреме дня.

Молитву слышит робкую Господь.
И всякая к Нему стремится плоть
и теплится молитвами живыми.

К нему мы льнем, как зыбкая трава.
И на Сионе Господу хвала,
и Господу обет в Иерусалиме.

* * *

...я потрясен и не могу говорить...
Псалом 76

В день скорби руки к Господу тяну,
и перед Ним во тьме ненастной ночи
я умолкаю, не смыкая очи,
и слушаю Господню тишину.

В беседах с сердцем признаю вину.
Неужли Ты меня оставил, Отче?
И жизнь моя все горше и короче,
и милости Твоей я не верну?

Все воды, Боже, видели Твой гнев,
Вздохнули бездны, громы загремели,
сверкнули молнии, как стрелы полетев,

и высветили всей вселенной щели.
Я пред грозой Господней, как немой,
но слышит Он молитвы шепот мой.

* * *

...и всеми волнами Твоими Ты поразил меня.

Псалом 87

О Господи! Взошедший день земной
уныло окружает, как водою,
забытого с незримою бедою — ни друга,
ни попутчика со мной.

Я оглянулся — всюду мрак ночной,
и над моей судьбой, уже седою,
проходят волны гнева чередою,
и я стою над вспененной волной,

которою накрыто бытие.
О Господи! яви лице Твое!
Неужто милость — в гробе,
смысл — в забвенье,

и чудеса лишь мертвецам даны,
а истина — в погибели и тленье?
О Господи! — зову из глубины.

* * *

Напишется о сем.

Псалом 101

Как одинокая торчит на кровле птица,
как филин на развалинах глухих,
так я один в безсонницах моих.
А дни, как дым, который чуть струится,

скользят, чтоб все короче становиться,
как тени и как остья трав сухих.
Господь! Услышь моленья слабых сих!
Услышь меня, мне долгий век не спится!
Господь услышит самый тихий стон
всех узников стремительных времен,
чей хлеб, как пепел, забивает рот

и чье питье давно горчит слезами.
О сем напишется. Грядущее прочтет,
чтоб к Господу взмолиться вместе с нами.

* * *

Призирает на землю, и она трясется; прикасается к горам, и дымятся.

Псалом 103

Ты создал море необъятное, оно
вздымается и плещет неустанно,
играющего в нем левиафана,
существ, которых в нем не сочтено.

Ты заселил простор его и дно!
Строй кораблей, как вихорь урагана,
Ты раскидал по сини океана,
где все Твоим дыханьем взметено.

На сушу глянешь — и ее трясет,
коснешься гор — и задымят вершины.
Лице Твое сокроешь — и сойдет
великое смятенье на равнины.

Отнимешь дух — и станет перстью тот,
кто перстью был и сотворен из глины.

* * *

Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?

Псалом 129

Из глубины зову. Негромок голос.
Слова простые. Горькая мольба.
Мои сомненья и моя судьба.
Что живо и давно перемололось.

Безбожный век. Сознанье раскололось.
Не утихают злоба и стрельба.
Но без Тебя с Господнего раба
не упадет, как сказано, и волос.

О Господи! Кто сможет устоять,
коль будешь беззаконья замечать?
Кто не испросит у Тебя прощенья?

Как стражи утра, жду Господних слов,
нет, более, чем стражи, брошен в ров
родных времен и ждущий избавленья.

* * *

Посылает слово Свое на землю; быстро течет слово Его.

Псалом 147

Он утверждает мир и хлеб дает,
и слово посылает нам с громами,
текущее мгновенно, и над нами седой
волною гонит снег с высот,

как пепел сыпет иней, градом бьет,
морозом испытует и ветрами,
и водами, и злыми временами,
встающими нежданно у ворот.
Течет Господне слово и горит.
Тускнеет человеческое слово,
чтобы когда-то высветиться снова.

Но Божий лик уже не отразит,
а только то, что вынесут мгновенья
на берега Его долготерпенья!

* * *

Хвалите Его небеса небес и воды,
которые превыше небес!
Псалом 148

Хвалите Господа, и солнце, и луна,
созвездия и грозовые тучи,
снег серебристый и туман летучий,
холм над рекой, лесная тишина,

прибрежный лед и пенная волна,
в каменьях осыпающихся кручи,
пустая бездна и песок зыбучий,
все, кем земля кругом заселена.

Хвалите, птицы, рыбы, звери, скот,
хвалите все — от нищих до господ,
цари земли и все её народы!

Хвалите все — и отрок, и старик!
Хвалите Господа, Он в небесах велик
и на земле, взыскующей свободы.

1997, 1998

АНДРЕЙ РЕБРОВ

Санкт-Петербург

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Настоятелю Святогорского монастыря
Архимандриту Кенсорину

Вверх по ступеням лествицы просторной
Меня молитва тихо возвела,
Туда, где с тесной площади нагорной
Горе всхолмились храма купола.

Еще кромешны сельские низины,
Но высветляет знаменно заря
Поэту памятник, обитель Кенсорина...
Вознесена над миром благочинно
Святая Русь горой монастыря!

Здесь горизонт не застится лесами,
Покрыв свой дух молитвой — от грехов,
Отсюда проясневшими глазами
Зришь дол и небо пушкинских стихов.

Летит-ступает взор по Лукоморью —
Сквозь облака и псковские леса.
Монашеское, пушкинское взгорье
Углублено духовно в небеса!

ВЫБОР

После каждой заутрени новой
Мне с тропинки сквозь кроны Сарова
Все видней его храмовый крест
И предзимняя щедрость небес.
Нищетой листвяного покрова
Богатеет ноябрьский лес.

Все студеней и хрупче рассветы,
Истонченные мытом ночей...
Все мне чудится — в пустыньке где-то
Серафимовым духом согретый
Просиял небесами ручей —
Сотаинник духовных очей.

Но уж вижу — за крестной главою:
На обитель грядут огневою
Полосой зоревые дожди...
И молитвой открылось в груди:
Десно — пустынька с криней живою,
Шую — тракт... А тропа впереди
Вдруг сокрылась под палой листвою,
Предоставив мне выбор пути.

* * *

На церковных окнах — ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам,—
Будто бы на облаке возлетает с ельником,
С белою оградою православный храм.

Раздышу молитвою изморозь оконную —
От простора белого — аж в глазах черно...
А в дали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя, теплится окно...

Елочки завьюжены и сторожки заперты,
Тропка запорошена — никого на ней,
Только легким-легкие светятся у паперти
Два следа от Ангельских маленьких ступней.

Но запели певчие, сотворив знамения,
И запели сиверком зимние поля,—

Будто бы со знаменным и с метельным пением
Устремилась к Вышнему русская земля.

В ГЛУШИ

Застит ночь избяные зеницы,
Проясняя сердечный мой взор,
И трепещет душа, яко птица,
Воскриляясь на светлый простор.
Замурованы стужей оконца.
Разум — камень над гробом страстей.
Душу греет Сладчайшее солнце,
Губы шепчут: «Иисусе Христе...»

Движет тьму неприкаянный ветер,
Сыплет снеги, избу хороня.
Но, взлетев из бревенчатой клети,
Дух взывает: «Помилуй меня,

Грешного...» Углубляется слезно
Плотский взор до безбурных высот.
Над взвихренной юдолью морозной —
Чаю, вижу я Взбранный Восход.

* * *

Зарделись облачные кущи,
И вспыхнул, солнцем налитой,
Как сочный плод в Раю растущий,
Соборный купол золотой.

Зовя к молитве люд окрестный,
Преображая новый день,
Он источает свет небесный,
Свою рассеивая тень.

Так и монах, рассвет встречая
В саду молитвенной любви,
Плодом фаворским расточает
Грехи невольные свои.

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной Книге Бытия.

МИХАИЛ ПОПОВ

* * *

Так сдавило грудь, что стало ясно —
Только Он умеет так обнять.
И дума мучительно-согласна
Тело на безсмертье обменять.

Ничего нет в мире достоверней
Боли обращенной в небеса.
Вверх стремлюсь я из телесных терний.
Вниз стекает мутная слеза.

Ангелы летят в крылатых платьях.
Только боль моя Благая Весть.
Я готов пропасть в Твоих объятьях.
Я готов, но, кажется, не весь!

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ХОР

О Господи, бей, погоняй очумевшее стадо!
И ночью, и днем; ни богатства, ни счастья не надо!
Тоска нас одна лишь на снежной равнине
отыщет,
пусть гаснут лампады от вечного ветра в жилище.
Пусть нам суждено подавиться военным
приказом,
поэт нас пропьет, ну а жид нас продаст
узкоглазым!
О Господи, бей! Наноси нам удар за ударом,
Спасибо морозу, вину, коммунистам, татарам,
за то, что поем свои длинные, жуткие песни,
за то, что мы живы, за то, что еще не исчезли!

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

Харьков

КАМУШЕК

Песенка калики

Стоит наш батюшка на камушке,
Под кровом бора — как во храмушке.
Как столп, как крест, как Спас-на-кровушке.
И «Богородицу» поет.
Стоит наш батюшка, наш дедушка,
Приходит к дедушке медведушка
Сухарика отведать, хлебушка,
В ладошку влажный нос сует.

Ай, свиристят, щебечут, цвенькают
Пичуги! И пеньки с опеньками
Обсели, а бельчата спинками
У старцевых мелькают ног.
Пусть распростерлось семя змеево,
Крепчает дело лиходеево, —
Да диво дивное, Дивеево,
Намолено среди дорог.

А с дедушкою — Божья Матинка!
И, даром что спина горбатенька,
За грешников молися, батенька,
Господень умаляя гнев.
Когда б у старца Серафимушки
За всю за Русь достало силушки
Молиться, не смыкая крылушки —
Два века словно тыщу днев!

Где веют промыслы бесовския,
Там плачут ангелы Саровския.
Но живы серафимы русския,
Покров — их до поры таит.
Повырастала снитка-травушка,
Где стынет борушка-дубравушка.
Хоть нет того на свете камушка,
Да батюшка на нем — стоит.

* * *

В неделю первую Поста
была еда моя проста,
да — тяжек ум. Хотя в капели,
слетавшей с синего холста,
я слыхом слышал Те уста,
что говорили или пели.

В неделю первую Поста
была душа моя чиста
и по отцу сороковины
справляла. И, неся свой крест,
сквозь слезы видела окрест
свои ж безчисленные вины.

Не досчитавши до полста,
я список лет прочел с листа,
и, ужаснувшись, благодарен:
у Гефсиманского куста
мне тоже Чаша — непуста,
напиток огненный — нектарен.

29.03, 7.08.05

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Песня

Ю.Г. Милославскому

«Ай, пойду я вайю заломати!
Ай, пойду я, выйду я за тын!»
«Это Кто там едет на осляти —
от ворот Овечьих к Золотым?

Чей Он, Галилеянин пригожий?
Загляни скорей в Его глаза!
Отчего, скажи-ка мне, прохожий,
вербная качается лоза?»

«Иисус, рожденный в Назарете, —
вот он, под горою Елеон!
Оттого с вербою пляшут дети,
громкою гурьбой взбежав на склон...

Оттого и слышится: «Осанна»,
оттого иссякли хмурь и хмарь,
что теперь у месяца нисана —
молодой и всепобедный Царь!

Радуйся — Пришедшему для Славы,
даже если не вместишь всего!
Это жертва любящего Аввы:
Он прислал к нам Сына Своего!
Оттого и машут — уповая,
доставая до Святого лба
серебром согласным, — пальма-вайя
и сестра, ей верная, верба»..

12—15 апреля 2006 от Р.Х.

ЛЮБОВЬ МИРОШНИКОВА

Краснодар

* * *

Не знала, что так больно прозревать
Слепой душе, привыкшей к тьме кромешной.
И, заново рождаясь, сознавать
Себя пред Богом падшею и грешной.
Но я прозрела. Спала пелена.
Повергло в дрожь увиденное мною:
Вся муть земли вдруг поднялась со дна
И плещет в души грязною волною.
И видела я тех, кого люблю,
Дивясь нечеловечьим их обличьем.
Спаси нас, Боже Праведный, молю!
Помилуй неземным Твоим величьем!
Тропа скорбей простерлась предо мной,
Сияющая светом обновленья,
Что дастся мне немыслимой ценой
Смиренья, всепрощенья и терпенья.

* * *

Дается вечностью взаймы
Нам красота и жизни сила.
Затем ли вспыхиваем мы,
Чтоб ветром свет наш погасило?
Всегда кончается дорога
Когда-нибудь,
Душа мертва без веры в Бога —
Напрасен путь,
Но чтоб не стала ей гробницей
Живая плоть,
Я буду с верою молиться,
Тебе, Господь!

* * *

Средь искушений камнепада
Как не упасть?!
Сильна греха — печати ада —
Над нами власть.
Все дни и ночи — лишь ступени:
В рай или в ад.
Уж в кровь разбитые колени
Мои дрожат.
Но руки в щель скалы отвесной
Впились, впились.
Хоть тяжело под ношей крестной
Взбираться ввысь.

Когда ж сомнений приближаться
Начнет змея,
Не дай мне, Боже, вниз сорваться,
Ведь я — Твоя!

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

Ханты-Мансийск

* * *

Молюсь исправно Богу,
Но не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней все огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча,
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещих слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу — я еще не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы —
Непонятной ее круговерти.

От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...

И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

* * *

Живем по человеческим законам
И Богу, и природе вопреки.
На исповедь приходим с телефоном,
Просматривая важные звонки.

Наш путь лежит во тьме. По бездорожью
Бредем на ощупь. Судим невпопад.
Душа закрыта перед Словом Божьим,
Но, слава Богу — стали чтить обряд.

И вещих слов пока не понимая,
Перебираем четки не спеша,
Словам молитв неведомым внимая,
Оттаивает сонная душа.

* * *

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетемся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь все, что в душе накипело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бренное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженье лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

* * *

Мы видели чужие сны —
Свобода, равенство и братство...
А непутевые сыны
Пропили Родины богатства.

Забрали нефть, забрали лес,
Ушли с насмешкою и злобой...
А синь безкрайняя небес
Ее-то отбери, попробуй!

Какая даль вокруг видна!
И нету ей конца и края —
Речная катится волна,
На солнце утреннем играя.

Запели птичьи голоса,
И просыпается природа,
Но застилает тьма глаза
Богохранимого народа.

Но рано подводить итог
И чествовать героев битвы,
Покуда милосердный Бог
Оставил время для молитвы.

* * *

Уверовали в мифы
И в сказки без затей,
Но выросли тарифы,
И стал народ бедней.

Уверовали в чудо
И в нового царя,
Но только ест Иуда
Хозяйский хлеб не зря.

Хлебнули мы без меры
Вселенскую печаль,
Но только жить без веры
Получится едва ль.

Не вымолим прощенья,
Отринем свет небес —
И новым поколеньям
Закружит разум бес.

Бредем по бездорожью
Сквозь мглу и непогодь.
Спаси нас, Матерь Божья,
Помилуй нас, Господь...

* * *

В разноголосице племен
Наш голос — глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан.

Во мраке скорбный путь верша,
Не узнаем друг друга,
И воля, разум и душа —
Как лебедь, рак и щука.

Молись в преддверии конца,
Чтобы явилась милость —
Чтоб по велению Творца
Все вновь соединилось.

* * *

Хватало и зрелищ, и хлеба,
И счастие — полной рекой.
Все было прекрасно — до неба
Уже доставали рукой.

А вспомнишь — пилось, как и пелось
В счастливые эти года...
Скажи мне, куда это делось?
Исчезло однажды — куда?

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм,
И всё уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.

Мы глухи, мы слепы, мы немы.
И разум болеет, и плоть.
Не помним уж, кто мы и где мы,
Но нас не оставил Господь!

Услыша слова покаянья,
Простит нам былые деянья.
Услышит молитвы — и разом
Вернет нам и силу и разум.

* * *

Нам всем конец? Не верю!
Рассеялся мираж...
Крадущемуся зверю
Читаю «Отче наш».

Пусть я еще не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещих слов.

* * *

В потоке мутном бытия,
Во мгле полуденной мороки
Не унывай, душа моя,
Покуда не настали сроки.

Во всем, Господь, рука Твоя.
Напрасно не ищи забвенья.
Не унывай, душа моя,
В путях спасенья.

Лети, сомнений не тая,
Уняв напрасную тревогу,
Не забывай, душа моя,
Молиться Богу.

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ

* * *

Все в жизни этой нам награда,
И веруя в земные дни,
Мы вторим, надо иль не надо:
— Спаси, Господь, и сохрани!

И смотрим в сторону, где светом
Край неба затемно согрет,
Весь век пытаясь как-то, где-то
Узреть Его... хотя бы след.

* * *

Свет в облаках играет в прятки
С тенями на речной мели,
Как будто кто-то при лампадке
Кладет поклоны до земли.

Не он ли, схимник в темной рясе,
Печальный тополь ввечеру,
Вздыхая о закатном часе,
Творит молитву на ветру?

И не ему ли без утайки
Подсказывают нужный стих
Перепелиные закрайки
Полей пшеничных и пустых?

* * *

Дай, Господи, высокого смиренья
Твоим путем идти и видеть свет,

Испытывая часом вдохновенье
И вечное стяжая много лет.

Дай, Господи, упасть перед Тобою
В один из ясных и безгрешных дней,
И не являть собою мировое —
Кровавый сгусток алчущих идей.

* * *

Все на свете не случайно.
Даже грешный ход времен
Ускользающею тайной
Чутко предопределен.

Что-то в этом есть благое,
Как молитвенный канон,
Как пасхальный за рекою
Колокольный перезвон.

Оттого так тихо, свято,
Над печалью старых лип
Гаснет в мареве заката
Журавлиный переклик.

2004

* * *

Стоя в церкви со свечою,
Отпуская душу вдаль,
Я печаль свою не скрою:
Мне всегда любимых жаль.

Все-то хочется согреть их,
Летним светом и теплом...
Сколько людям жить на свете,
Столько день считать за днем.

Ревновать к чужой удаче,
О несбыточном гадать,
Жить обидою незрячей
И ходить по кругу вспять.

Утешаться вольной волей,
Проклинать судьбу вдогон
И мечтать о лучшей доле
Под ненастный крик ворон.

Верить снам, случайным знаньям,
И клониться головой,
Принимая подаянье
Поминальной просфорой.

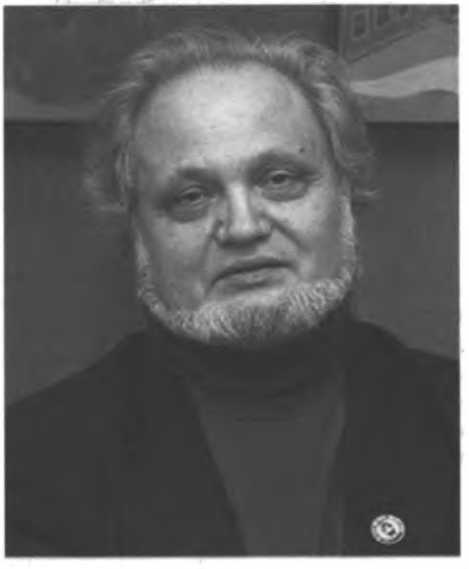
19.01.06

* * *

Люблю и мучаюсь, любя,
И мучаясь, молю
Всевышнего хранить тебя,
Любимую мою,

От горестного забытья,
От слез ночей глухих.
Молю за то, что понял я,
Как молят за других.

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА



МОЛИТВА О СПАСЕНИИ РОССИИ

Господи, Боже Всевышний,
Прости мне мои грехи...
Молитву мою услышь и
Россию обереги!

Веру верни нам, веру
В истину на небесах.
Были мы высокомерны
В мыслях своих и делах.

Жили мы, с правдою споря,
И утонули во лжи.
Боже, на все Твоя Воля,
Но Волю и нам укажи!

Доли желая лучшей,
Сколько ушло в запредел!
Как нас антихрист мучил,
Но душами не завладел.

Дерзки не от злости,
Дети твои по судьбе,
На этой планете гости —
Сердцами идем к Тебе.

Путь наш тернист и сложен,
Нетверды еще шаги,
Но поддержи нас, Боже,
Господи, нам помоги!

Господи, праведный Боже,
Не за себя молю...
Если спасти Ты можешь,
Спасибо Отчизну мою!

1990

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА

Архангельск

СОН

По стенам у нас не висело икон,
красного угла и в помине не было,
а мне в детстве приснился сон:
изба на угоре у моря Белого.
Помнится: стол, скамья под окном,
утро ли, вечер ли светлый, неважно...
Входят мужи в одеянье чудном,
сияют кресты на груди у каждого.
В горницу, полную тишины,
солнышком освещенную,
вошли и встали у дальней стены, —
радостно смотрят на меня, некрещеную,
не считавшее сие за беду.
Я книжку любила про попа и балду,
росла Марьей, родства не помнящей,
дудела со всеми в одну дуду,
кричала с друзьями на сонмище:
«Рабы — не мы!» И все же рабе
Божьей радости хватило в бездомье
оставаться памятью в той избе,
как в родовом родительском доме.

* * *

Отпевали мамку Венькину,
мамку глупую, красивую,
молодую, несчастливую...
За окном синички тенькали,
заливало церковь солнышком,
Венька съежился воробушком
на скамейке под иконами.
Мужики ворчали сонные:
полтора часа — не менее —
батюшка служил размеренно.
Голосок срывался слабенький,
то взлетая вверх, то падая.
Повторял слова отрадные
Веньке тайно ангел пламенный.
И какие-то мгновения
Венька видел, как воочию! —
шли блажени непорочнии
вместе с мамкой в даль весеннюю.
...И потом, уже за речкою,
на кладбищенской окраине
думал: здесь ли безконечное,
где ни слёз, ни воздыхания?!
И в своей унылой горенке,
все твердил полночи истово
те слова, что ангел горестный
подарил ему таинственно.

РОЖДЕСТВО

Марине Ганичевой

В зимней северной глуши
Занесло дороги снегом.
Монастырь моей души
Отдыхает от набегов.
Не ярится злобный тать,
Не летят зажженны стрелы.
Значит, время починять
Потревоженные стены,
Обойти с молитвой двор,
Подсчитать свои потери,
В храм заснеженный, в притвор
Отворить под вечер двери.

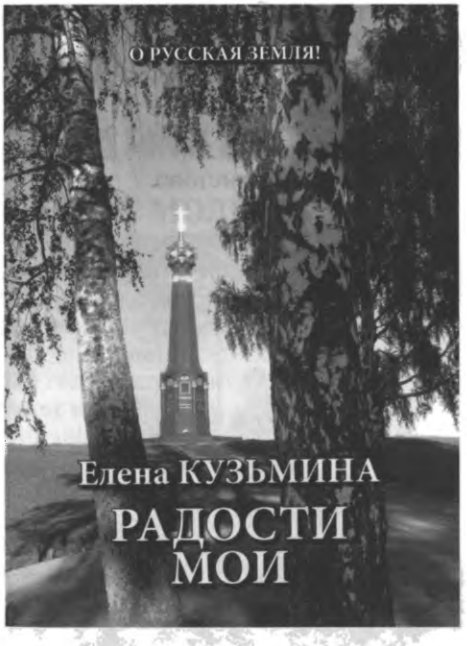
Пусто в храме. Полумрак.
Холод плещется волною.
И зияет — силен враг! —
Купол раною сквозною.
Вот и плачь, душа, и жди,
Повздыхай, родная, кротце!
В эту рану от Звезды
Непременно свет прольется.
Даруй, Боже, благодать,
Средь зимы — Господне лето,
В белом столбушке стоять
Немерцающего света!

Из цикла «Северные письмена»

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

...Он приплыл, когда север сгустил холода.
Брызги — жала пчелиного роя.
Вроде август,
но темная нынче вода...
И над водами тучи — горою.
Свет не светит. Молчит приграничная Русь.
Берег моря открыт и пустынен...
И сказал: «Коли плачу я так и томлюсь,

Свет-то есть, да на горней вершине.
Высоко! Я же точно в колодце на дне...»
Помолился...
«Господь Всемогущий,
Ты же знаешь, как здесь хорошо по весне!..»
И построил для Господа кущу
Там, где остров не так продуваем и гол,
Там, где сосны и скалы оградой...
Крест из веток смолистых, да камень — престол,
Да в коричневой плошке — лампада...
Словно в Божьих ладонях, заснул на земле...
Буря ветры ломала о скалы...
Бездны Бога хвалили, и всюду во мгле
Тварь безликая трепетала:
Се, грядут времена!..
И дробить, и колоть
Будут иноки скалы упрямо...
И отдаст просветленную новую плоть
Белый остров на белые храмы.
И когда дни настанут — пусты и черны,
И падут с неба звезды...
Ликуя,
Малый камень, обломок церковной стены,
Будет петь и в огне «Аллилуйя!»
И сотрется имен и названий словарь...
Но по-прежнему верная Чуду,
«Не забуди!» — восплачет безликая тварь.
И услышит в ответ: «Не забуду».



ВАЛЕРИЙ ЛАТЫНИН

КАЗАЧЬЯ МОЛИТВА

С молитвой сплетается тяжкая дума:
«Небесный Заступник, воитель Ермак,
Ушел в твое войско Владимир Наумов —
Великого Дона великий казак.
Он доблестный воин, прими как родного,
К Отцу-Вседержителю с честью введи.
Ни делом, ни думой, ни праведным словом
Не сбился казак сей с Христова пути.
Жаль — пожил недолго. Но кто же в России
Из верных сынов за Отчизну не пал?!
Поэтому всюду — мутантов засилье,
Телец иорданский правителем стал.
Неужто не видно из вышнего рая
Какая повсюду умножилась гнусь?
Крестьянская Русь на глазах вымирает.
Уходит на небо духовная Русь.
Последних защитников наших теряем
И тонем, как ты, не в воде, а в крови.
Прими, атаман, от донцов ходатая
И Божию милость России яви».

Музыка Евг. Мирошниченко (2008).

С молитвой о спасении России

(Из цикла стихов о морском походе, посвященном 90-летию исхода Русской армии из Крыма)

НА КЛАДБИЩЕ В БИЗЕРТЕ

М.И. Якушеву

Бизерта. Ночь. В мерцании свечей
Мы выглядим, почти как привиденья,

Но лития и горький смысл речей
Исполнены особого значенья.

Мы молимся о русских моряках,
О рыцарях Андреевского флага,
Что потеряли Родину в боях,
Но выполнили данную присягу.

Ушел из Крыма Черноморский флот
С молитвой о спасении России.
Жаль, что никто до дня не доживет,
Когда о них молитву возгласили.

Дай, Господи, не ведать никогда
Братоубийства православным людям!
Пусть давняя кровавая вражда
Потомкам нашим в назиданье будет!

Мы отыскали черноморцев след,
Чтоб залечить душевные стигматы.
Тунис. Бизерта. Девяносто лет
Трагедии, начавшейся в двадцатом.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Епископу Женевскому и Западноевропейскому Михаилу

Ночь в Африке не балует прохладой,
Но всё же небеса уже не жгут.
С деревьев и кустарников цикады
Наперебой пронзительно поют.

О чем поют, они лишь только знают.
Быть может, это страстный разговор?
Но все цикады разом замолкают,
Когда поет молитву русский хор.

Тогда царит церковное безмолвье,
Как будто все живые существа
Воспринимают с трепетной любовью
Молитвы сокровенные слова.

Она летит в ночное мирозданье
Уврачеваньем разобщенных душ
И этого святого врачеванья
Не прерывают из зеленых кущ.

МОЛИТВА СВЯТОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ

Чтоб Русь былинная срослась
Разъединенными частями,
Пастух Христов — Владимир князь,
Явись сегодня перед нами!

В наследниках согласья нет.
Опять — удельные границы.

У Поклонного креста русским воинам на о. Лемнос. Фото автора

И твой отеческий завет
Не помнят правящие лица.

Вновь «печенеги» поднялись.
А русичи — в плену мамоны.
Богатыри передрались
На службе зла и беззаконья.

В тяжелых тучах небосвод.
Повсюду рыщут волчьи стаи.
Тобою собранный народ
Разбрелся всюду и страдает.

Ты Киевскую Русь распас
И создал воинство Христово.

Херсонес. Памятник святому князю Владимиру и Владимирский собор. Фото автора

Не оставляй, заблудших, нас
И собери в державу снова!

2010

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Белгород

ХРАНИ ТЕБЯ БОГ!

От бед и невзгод,
От печали и горести,
От гиблых дорог,
От мутности вод,
От обмана и подлости —
Храни тебя Бог!

От льстивых невежд,
Промеж нас коих — заросли,
В ком верный подвох,
От смерти надежд,
От корысти и зависти —
Храни тебя Бог!

От правды кривой,
От души обезболенной,
От мира — у ног,
И даже порой
От себя обездоленной
Храни тебя Бог!..

Музыка Юрия Бирюкова (2002).

ВЛАДИМИР СИЛКИН

МОЛИТВА

Молятся сержант и подполковник,
Льются слезы с догоревших свеч.
Может ведь случиться и такое —
Им в бою придется завтра лечь.
Белый голубь на оконной раме
Внемлет им, стоящим в тишине,
И в Моздокском православном храме
Осеняет павших на войне.
Белый голубь, он — посланник Бога,
Чист, как снег, как зимняя вода.
Божья птица, я прошу немного —
Не спеши забрать их навсегда.

Музыка Юрия Бирюкова (2002).

ЛЮДМИЛА БАРЫКИНА

МОЛИТВА ЗА РУССКИХ ПОЭТОВ

Храни, Богородица, души поэтов —
Им вещее Слово, живое, дано.

Спаси от безвестности и от клевретов,
От славы, и злата, и лжи заодно.

Спаси от хмельного, нестойкого братства,
А пуще — от трезвой, гремучей тоски,
От женщин любимых непостоянства
Спаси мановением легкой руки...

Фальшивое время от века осталось:
Парад президентов — спектакль дураков!
И только любви безконечная малость
Спасительно светит из лона стихов.

Спаси, Богородица, души поэтов,
Храни до креста, до высокой звезды!
На всех перепутьях безпутного века
Сгорают сердца, как сгорают кометы
В озоновом слое земной красоты!

ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Стихи и песни

* * *

Иеромонаху Роману

Жил без Бога, плохо веруя
В то, что можно жить не так,
Что однажды с неба серого
Будет явлен вещий знак.

Обходил походкой спешною
Божьи храмы за версту,
Хоть бы раз душою грешною
Я доверился Христу...

Но однажды ночью лунною
Я — раскаявшись — прозрел,
Взял гитару семиструнную,
Славу Господу воспел.

И звенела неустанная,
Тихой радостью полна,
И была благоуханная
На душе моей весна...

РУССКИМ ГЕРОЯМ

Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена...

Нас не накроют флагом военным,
Не прозвенит над нами салют —
Разве что в небе, вечном нетленном,
Ангелы Божии нас отпоют.

Наших имен не запомнит Россия,
Наши следы заметелит пурга, —
В годы последние, пороховые
Грянет салютом пуля врага.
. . . . . .
Век не заметит, по счету двадцатый,
Но поименно запомнит наш Бог —
Тех, что России падшей, распятой
В битве с бесами хоть чем-то помог.

Нет, не закроет холмик могильный
Наши надежды и наши сердца...
Господи Славы, Боже Всесильный —
Дай за тобою пройти до конца...

1992

* * *

У меня за спиной — Кремля
Золоченая вязь.
У меня за спиной — земля,
Обращенная в грязь.

Всеволод ***Емелин***

Все реже сходит к нам, все реже
Любовь с сияющих небес,
Все отдаленнее Надежда
На то, что наш Господь воскрес.

Все хуже с каждым днем, все хуже, —
Жизнь разбивает наши сны,
И в сердце только черный ужас,
И громче поступь Сатаны, —
По обезкрещенной столице,
Давно забывшей Божий свет,
Давно отученной молиться,
И для которой — Бога нет.

И позабыта Божья кара,
И Суд Господень позабыт,
И пламя нового пожара
Просторы Родины чернит.

И искры русского раздора
Летят. И скоро грянет гром.
И вновь смывать следы позора
Придется пулей и штыком.

1994

ХРАМ

Словно лодка, что плывет по волнам,
Днем и ночью на зарю путь держа,
В волнах времени плывет белый храм,
И свечой трепещет в храме душа.

Пусть сменяет не спеша годом год,
Пусть слагаются мгновенья в века,
Через Вечность он плывет и плывет,
Рассекая над собой облака.

Оттолкнувшись от земли, что есть сил,
В золотую синеву устремясь,
Он навеки в вышине воспарил,
Меж землей и небом чувствуя связь.

Срок настанет, от скорбей и обид
Сном последним опочим я и ты,
А покуда нас с тобою хранит
Храм, воздевший в небо руки-кресты.

Пусть молитва как слеза горяча,
Вечность снегом на пути залегла,
Но душа твоя отнюдь не свеча,
Души грешных не сгорают дотла.

Если душу смертный грех тяготит,
Храму белому приди на порог,
Душу бедную твою приютит
Храм, в котором день и ночь дышит Бог.

А пока, подставив грудь всем ветрам,
Силой ангельской сквозь Вечность влеком, —
В волнах времени парит белый храм
Белым-белым в синеве голубком.

1995

* * *

З. А. Миркиной

Кругом опасность разлита,
Мир напряжен и сжат в комок,
И время как удар хлыста,
Но — видит Бог, но — любит Бог.

Все к ночи скроет темнота,
И дух наш в скорби изнемог,
И всюду смерти пустота,
Но — видит Бог, но — любит Бог.

И тень высокого Креста
На перепутьях всех дорог,
И жизнь почти что прожита,
Но — видит Бог, но — любит Бог.

1995—1996

ПОЧЕМУ

...Потому что падает снежок
Прямо на дорогу,
Потому что есть один должок
Пред людьми и Богом.

Потому что мертвые поля
Воскрешенья жаждут,
Потому что Русская земля
Думает о каждом.

Потому что много было их,
Что не имут сраму,
Потому что отболел — и стих
Стих о главном самом.

Потому что скоро скорбный век
Путь свой подытожит,
Потому что грешный человек
Крест с себя не сложит.

Потому что время как вода —
Кружит нас и вертит,
Потому что ныне и всегда
Жизнь сильнее смерти.
Потому что скоро немота
Смоет наши тени —
Потому что только Путь Креста
Будет неизменен!

1996

* * *

Жизни перевернута страница,
К сердцу достучаться я не смог,
Знаю: Царство Божие — нудится,
Но пока не отозвался Бог.

Злое время мороком блазнится,
Соблазняя и вводя в искус, —
Только Царство Божие — нудится,
Помоги скорее, Иисус.

Добрые хочу увидеть лица,
Истине открытые, Любви, —
Знаю, Царство Божие — нудится,
Господи, мой крест — благослови...

1996

* * *

Пусть стану я глух и нем,
Пусть мне Солнце больше не светит, —
Но не важно это совсем,
Потому что Ты есть на свете.

Философских столько систем,
Духу многие ставят сети, —
Но не нужно это совсем,
Потому что Ты есть на свете.

Свечкой вспыхнет жизнь, а затем —
Эту свечку задует ветер,
Но не больно это совсем,
Потому что Ты есть на свете.

Сгинет груз ненужных проблем,
Постареют вчерашние дети,
Но не страшно это совсем,
Потому что Ты есть на свете.

1996

* * *

Чтоб не озлобиться сердцем,
Чтоб ерунды не спороть, —
Есть православные храмы,
Есть милосердный Господь.

Чтобы не впасть в безнадежность,
К смерти приблизившись вплоть,
Есть у нас старцы святые,
Есть милосердный Господь.

И в безпредельности звезды,
Сонмы которых не счесть,
Нам говорят откровенно —
Путь ко спасению есть.

Надо уверовать сердцем,
Чтобы врага оборoть,
И непременно поможет
Нам милосердный Господь.

1997

РЫЦАРЬ БОЖИЙ

Если дух твой скорбен, неухожен, —
как осенний сад,
Знай, что недалече рыцарь Божий,
у твоих палат.

Если путь твой труден, невозможен,
ты устал в пути,
Верь, к тебе прискачет рыцарь Божий,
чтоб тебя спасти.

Даже если ничего не можешь, —
непосилен крест,
Позови, поможет рыцарь Божий
за один присест.

Путь страданья смертными исхожен,
чаша бед полна,
Днем и ночью с нами рыцарь Божий, —
Он не знает сна.

От него отстать — себе дороже,
Тот лишен ума, —
Кто вконец забыл, что рыцарь Божий,
Посильней, чем Тьма.

Золотом горят его одежды,
Крепки щит и бронь —
Ухватись, не имущий надежды
За его ладонь.

Если будешь гибнуть ты в пустыне,
в жажде и огне,
Знай, тебя вовеки не покинет
всадник на коне.

Златокудрый этот, белолицый,
Златокрылый весь,
Вышедший на битву Божий рыцарь,
Он и ныне здесь.

Даже если голову ты сложишь,
В битве с Князем Тьмы,
Над тобой склонится рыцарь Божий,
Чтоб пропеть псалмы.

1998

КЛАДБИЩЕНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Гроб, кресты, деревьев палки,
На крестах расселись галки,
А душа поет —
Что за скудная природа,
И в суглинке тьма народа
Воскрешенья ждет.
Что за скудные селенья,
Где же вы, богини пенья,
Чтоб озвучить вид
Средь белесого тумана,
Безнадежности, обмана
И кариатид.

Гроб, кресты, вдали ракиты,
Так же будем мы зарыты,
Скоро ли — как знать...
Чтоб, умножив тьму народа,
От заката до восхода
Воскрешенья ждать.

1998

* * *

Луна плывет как круглый щит
Давно убитого героя...
Н. Гумилев

Россия, Бог, распятая любовь,
Кресты могильные, о, как я смею
Чернила лить, а нынче нужно кровь,
Как я посмел искать свою Помпею!

Россия, Бог... Россия велика,
Но Бог забыл, его закрыты вежды,
Смерть впереди, проклятье и тоска,
Сгоревший дом, погибшие надежды.

И так близка надгробная доска,
Острее чуешь неизбежность Встречи,
Бог знает все — Россия велика,
И впереди лишь труд нечеловечий.

Россия, Бог... Двурогая Луна
Плывет в ночи как сабля янычара,
Но не должна, Россия не должна
Сгорать в огне вселенского пожара.

Все рушится как домик из песка,
Забыто все, и ничего не надо,
Все помнит Бог, Россия ж велика,
И светит нам пред образом лампада.

1999

* * *

Плоть слаба, и короток век,
И грехов на каждом — премного,
Знает всяк, что слаб человек,
И ему не выжить без Бога.

Тает жизнь как весною снег,
Не туда заводит дорога,
Совершить бы к звездам побег,
Но полет невозможен без Бога.

Тяжело тебе, имярек,
Как в порту моряку без грога,
Стань здоровым среди калек,
Только нет исцеленья без Бога.

Путеводная рвется нить,
И дорога пошла полого,
И не сможет душа вместить
Путь, когда этот путь без Бога.

2001

* * *

Душа моя Бога узрит,
Душа всех ушедших встретит,

Душа моя, пленный узник,
Доверчивая, как дети.

Душа моя света жаждет,
Душа моя в Бога верит,
Покинет сей мир однажды
И будет скорбеть при дверях.

Душа моя — лень да нега,
В надеждах, как сахар, тает,
Душа моя — легче снега,
Вспорхнула и улетает.

Легко попадется в сети
Ловца всех неуловимых,
Душа моя — это ветер,
Душа моя — струйка дыма.

Душа моя мало значит,
И значит при том так много,
Душа моя горько плачет
Пред встречей с Господом Богом.

Жаль, Он ее — не заметит,
Поскольку грехов навалом,
Рыдай, безполезный ветер —
Сегодня души не стало.

2004

Песни Евгения Данилова. Компакт-диск. 2011 г.

НАДЕЖДА КОНДАКОВА

* * *

Игумену Никодиму

Ах, батюшка, как Вам идет облаченье!
Как будет легко Вам в раю...
Вы в стылую душу внесли облегченье,
в замерзшую душу мою.

Когда на заутрене в Троицком храме
Вы воду святили крестом,
Я думала молча о Боге, о маме
и тихо молилась о том,

что я спасена и любима на свете
и Богом, и теми людьми,
что были мне посланы, были, как дети,
как нежные звезды средь тьмы.

Еще я молилась в то утро о сыне,
о глупой, заблудшей душе...
Так был и Господь искушаем в пустыне,
и нас искушают уже.

В то утро Крещения, Богоявленья
шел мелкий серебряный снег...
Вы, батюшка, знали, что мне — обновленье,
я знаю теперь, что — навек.

20 января 2008

МОЛИТВА О ТАЙФУНЕ

В слезы или в истерику
так и впадешь, гляди.

— Боже, прости Америку!
— Господи, пощади!

Вправду ли виноваты,
что не сошли с ума?

...Сербы молчат, хорваты,
мертвые их дома.

Вторят им, как ни странно, —
стертые города.
Нового Орлеана
бешеная вода.

Стынет спина в мурашках,
слезы — из-под очков:

— Деток спаси в кудряшках,
розовых старичков,
пряничных их домишек,
скверvoв их — уют,
где не читают книжек,
пьяными не поют.

Вправду ли виноваты,
что не сошли с ума?
Входят на трап солдаты,
бодро, как в cinema.

Им не залечит раны,
может быть, никогда
Нового Орлеана
бешеная вода.

Скопом людей хоронят,
не различая лиц...

Боже, прости ворон их,
галочек и синиц,
девочек чернокожих,
мальчиков белокожих,
всех пощади их, Боже,
и пожалей их тоже.

Зла накопилось в мире —
больше дерьма в сортире, —

алчущим благодати
Господа не видати.

Нежностью или силой,
хоть не спаси — помилуй
и вороти нас к берегу.
И пощади Америку.

2008

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Иркутск

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Стройная церквушка
На пустынном лбу.
Плачется кукушка
На свою судьбу.

Где-то за хребтами
Тает скорбный звон.
Тиной с Лены тянет —
Обмелел затон.

Навевает птица
Думы о былом,
А церквушке снится
Голубой псалом.

На могилах здешних
Заросли кресты...
Ты прости нас, грешных,
Господи. Прости!

К БОГУ

Ю. Горбунову

Друг седой, всё дальше мы уходим
От себя, от близких, от родных
За леса, окутанные в одымь,
За луга в ромашках молодых.

За спиной все глуше раздается
Скрип ступенек отчего крыльца...

Может, у последнего колодца
Пыль земную сполоснем с лица.

В час росы вселенского затишья
В поднебесье высветится храм,
Милостиво спустится Всевышний,
Ласково погладит по вихрам.

ВЛАДИМИР ШЕМШУЧЕНКО

Санкт-Петербург

ЦЕРКОВЬ

Засиженная вороньем,
Насквозь продутая ветрами, —
О нашем, а не о своем,
Скорбит глухими вечерами.

Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы, —
Молитвенно сложив персты,
Взывает к совести России.

* * *

Святый Боже, дозволь говорить о Любви,
что сияет над миром,
Укроти мой расхристанный разум и
мою ненасытную плоть,
Остуди меня, чтоб я не мог, уподобясь
шутам и сатирам,
Величайшею милостью —
Словом — пренебречь и пустое молоть.

Ниспошли мне в назначенный час, когда
тянется к солнцу травинка,
Когда мысль, запряженная рифмой,
превращается в росчерк пера, —
Пониманье того, что во мне все Твое,
даже эта кровинка,
Что из вены моей вытекает за пятнадцать минут
до утра.

Мне сегодня чернил не достать и от радости мне
не заплакать,
И стихи не дописывать кровью, потому что
чернил не нашлось...
Святый Боже, прими по счетам, а не то —
невиновный заплатит
За унынье, гордыню и леность и мою
неуемную злость.

* * *

Озябшие пальцы и теплые варежки сна,
Дыхание матери, кашель отца у порога.
Саманный барак, школьный двор, а
за школой — дорога,
И в клубе единственный фильм: «Если
завтра война...»

Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу
В замерзшем окошке, и свет снизойдет
к изголовью...
У Господа я всепрощенья себе не прошу.
Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью.

Когда надо мной в одночасье нависнет вина
За то, что себя возомнил и судьей, и пророком,
Я чашу раскаянья радостно выпью до дна,
Чтоб сын, повзрослев, из нее не отпил
ненароком.

* * *

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе.
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведет.

* * *

Увели их по санному следу.
Возвратились — забрали коня.
Ни отцу не помог я, ни деду, —
Вот и мучает память меня.

Хватит, сам говорю себе, хватит!
Раскулачили — значит, судьба.
Только пусто в душе, словно в хате,
По которой прошлась голытьба.

Нынче всякий и рядит, и судит,
Без молитвы и без поста.
Дед с отцом были — русские люди.
Ни могилы у них, ни креста.

За отца помолюсь и за деда,
И за мать, чтоб ей легче жилось, —
У нее милосердье соседа
На разбитых губах запеклось.

* * *

Золотые слова растащило по норам ворье.
И аукнулась нам безконечная наша безпечность.
Поспешаем за веком и в души несем не свое,
На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из темных щелей.
Погремушками слов пустозвоны гремят
на рассвете.
Встань за Родину, друг мой, молись и себя
не жалей —
От безбожных отцов не рождаются русские дети!

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

США

НЕ ОТРЕКУСЬ

Когда настанет в жизни трудный час,
И нужно будет принимать решенье,
Приду к Тебе, как я пришел сейчас,
Неся свои печали и сомненья.

Я припадаю вновь к Твоим ногам:
Прости грехи мои и зла не помни.
Ты жизнь мою построил по слогам,
Особым смыслом эту жизнь наполнив.

Пусть ветры злые воют надо мной,
И леденят метели кровь мою,
Тебе молиться буду всей душой,—
Не отрекусь, а гимн Тебе пою.

25 марта 1982

МОЛИТВА

О чем просить Тебя, мой Боже?
О счастья крохотном глотке?
С последним вздохом подытожит
Мне меру благ свеча в руке.

Здоровья мне просить негоже,
Ведь ты и так мне дал его.
Богатств земных не приумножу —
Постыдно жить лишь для того.

Покой в душе всего дороже.
Вино и хлеб кладу на стол.
За мир без зла спасибо, Боже!
Смиренье я уже нашел.

Дай лучше тем, чья жизнь в смятенье,
Терпенье беды переждать.
Дай радость первых дней творенья,
Пролей на них всю благодать.

22 августа 2002

ГОСПОДИ, ДАЙ ЖЕ ТЫ КАЖДОМУ

С каждым годом груз забот все тает,
Кажется, я все уже сказал.
Только пустяка мне не хватает —
Снова заглянуть в Твои глаза.

И тогда, привычный к укоризне,
Я слова последние скажу:
«Мне не надо, Боже, легкой жизни.
Легкой смерти у Тебя прошу!»

13 августа 2006

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ

* * *

Я из молитвы матери иду,
Слова забыв, к великому стыду,
В каком году отплачу, отпирую,
Освобожу сорочку роковую.
Освобожу, а ближе не найду.
Никто не знает по моей вине
Твоей судьбы, доверенной стерне
Осеннего тускнеющего луга.
Ты — кровь моя, советчица, подруга —
Пойди назад, вернись, поведай мне
Молитву сильной матери моей,
Однажды победившей страх распада
И вынесшей из голоса людей
Молитвою разбуженное чадо.

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

* * *

Сколько же правда Твоя горяча,
Господи, коль так могучи враги,
Спрячутся в ночь от прямого луча
И — ни гу-гу. Ни копыта, ни зги.

— Даруй же страждущему от жажды ключа!..
— Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Господи, битва глухая темна,
Разве под силу узреть где враги?
Правда Святая, она ли видна
Малым сим, щурящимся из-под руки?
— Даруй же молящему о забвеньи вина!..
— Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Милостив, милостив буди хоть им,
Не разглядевшим в тумане ни зги, —
От укосненья ли, Боже?.. Таим
Путь Твой высокий. Сокрыли враги.
— Озари же их, Господи, пресокровенным Твоим,
— Путнику, бредущему сквозь снега, помоги!..

Холодно, Господи, здесь... холода
Сердце сковали, забрали в тиски.
Как тут не взропщешь? Не видно ни зги.
Только не ропщет, — бредет... а куда?
Молча шатается, свет из пурги
В ночь иссекая — любви и тоски
Свет покаяный...
Ну хоть иногда
Путнику, Господи, путнику — да! —
Путнику, бредущему сквозь снега,
Помоги!

* * *

Жидковато замешана глина,
Жутковато железо в крови...
Боже, Боже, зачем же Ты сына
Не довел до огня и любви?

Вот бредет он к Тебе, плохо свинчен,
Верчен подлой мыслишкой людской,
Кручен дьяволом, зол, половинчат,
Травлен зельем, отравлен тоской.

Будто с ярмарки пьяной в свой хутор
Сын бредет на отеческий суд,
И несет из железа — компьютер,
А из глины — скудельный сосуд.

«Блудный сын» — усмехнешься... но, Боже,
Для чего же Ты дал ему плоть,
А души недодал? Для чего же
Обделил красотою, Господь?

А ведь он и за то благодарен,
И в бурьянах, в ощерьях репья,
Криво слеплен, нещедро прожарен,
— «Прав Ты, Господи!..» — воет, хрипя.

Разумеешь ли, Господи, сына,
Зришь ли страшный, растресканный рот,
Когда хриплая, серая глина
Твою славу, шатаясь, орет?

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА

Из «моленья о плаче»

Я плачу — значит, я дышу Тобой,
Дышу и не противлюсь, Боже,
Дар плача дан, как новобрачным ложе,
Как океану дан его прибой.

Слез не стыдясь и сердцем трепеща,
Мне в храм войти — потом неделю плакать.
Как нежно влажна умиленья мякоть,
Лови меня, как Петр ловил леща.

Так, символ веры, катится слеза,
Пускай без слов, беззвучно полнясь смыслом,
Сколь сладок виноград, что был когда-то кислым,
И сколь безсильна райская гюрза!

МОЛИТВА

О чем просить? О том, чтоб дал или избавил?
Еще одним ослом прибудет в этот час —
Не выбрать ни за что! И нет здесь твердых правил,
И не решит никто, о чем просить, за нас.

О Господи, Ты Сам умеешь все устроить,
И даже иногда к добру все, может быть,
И что, скажи, Тебя напрасно безпокоить,
Когда Ты знаешь Сам, о чем Тебя просить?

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

Из цикла «русская Молитва»

МОЛИТВА ПАЛОМНИКА

Дай силы мне и дай терпенья,
Даруй тепло и благодать,
А людям дай без сожаленья,
Что им достойно получать.
Живущим жизни дай без края,
Ушедшим на покой — покой,
Голодным — хлеба караваи,
Богатых награди душой.
Болящим дай надежды веру,
Скорбящим стойкость передай,
А молодым дай чувство меры
И про детей не забывай.
Дай право мне к Тебе смиренно
С молитвой обратиться вновь.
И пусть навечно во Вселенной
Святая царствует любовь.

13—18.12.1999
Иерусалим — Москва

МОЛИТВА НАДЕЖДЫ

О Господи, не забирай меня к Себе,
Пока душа еще не празднует поминки,
Пока в предписанной Тобой судьбе
Не все еще исхожены тропинки.
Дай силы до конца испить
Отпущенную чашу искушенья,
Всех навредивших мне простить,
У всех обиженных — спросить прощенья.
Дай волю завершить дела,
Преодолев барьеры и усталость,
И тайно заглянуть за зеркала,
Узнав, что в жизни мне осталось.
И пусть в конечный самый миг
Открытого перед Тобой ответа
Пойму я, что негаданно достиг
Немеркнущее царство света.

26.05.2000

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Успокой мои печали
И покоем награди,
А неведомые дали
Открывать мне подожди.

Я еще не надышался
Терпким воздухом Земли,
И в тот век, что мне остался,
Ты мне счастье посули.

Я в душе судьбы мгновенья
Как сумею сохраню
И небес благословенью
Никогда не изменю.

Приоткрой завесу тайны
Ты над сутью бытия,
Может, в будущем случайно
Пригожусь Тебе и я.

Пусть дойду я до предела
Сквозь открытые пути.
А потом суди за дело
И грехи мне отпусти...

29.07.2000
Новинцы

МОЛИТВА НОВОГО ДНЯ

Мне новый день подарен, Боже,
Очередной, в который раз...
Я благодарен без прикрас
За каждый пережитый час,
Хотя не становлюсь моложе,
И Ты следишь за мною строже,
Небесных не спуская глаз.

Все, что дано, как дар небесный
Готов я в жизни принимать,
И каждый день искать опять
Твою Божественную стать,

Ценя монетой полновесной,
Что человеку повсеместно
Предписано переживать.

11.09.2000

ДНЕВНАЯ МОЛИТВА

Спаси и сохрани и царственно помилуй,
От искушенья злого сбереги.
И пусть не будет горьким и унылым
Теченье жизненной реки.

Направь на добрые свершенья
И вдохновенье сердцу подари.
Дай право у Тебя просить прощенье
В любой момент, с зари и до зари.

Суди меня, но только в меру,
Освободив от ложных пут,
И помоги последовать примеру,
Что благостным и праведным зовут.

Печали исцели, напутствуй на дорогу,
От бед избавь мой кровный дом
И успокой душевные тревоги
Своим невидимым теплом.

Открой мне, что я знать обязан,
Не открывай, что знать мне не дано.
И пусть с Тобой я буду связан
И в радости, и в горе, все равно...

24—26.09.2001

ДЕНЬ МОЛИТВЫ

Этот день, такой же, как все дни,
В память врежется как бритва,
Потому что без обыденной возни
Посвящу его настойчивой молитве.

Я закрою уши, чувства и глаза,
Отрешусь от суетного мира,
Улетев душой за образа,
Где уже не властна лира.

Я скажу всю правду целиком,
Для себя спросив немного,
И смиренно помолчу потом,
Думая про истину и Бога.

Лион, Франция, 2.07.2002

МОЛИТВА БЛУДНОГО СЫНА

О Господи, я слаб и грешен,
Не набожен и страстью облечен,
Мой путь к Тебе не безуспешен,
Хотя и труден, и извилист он.

Я к постоянной не привык молитве,
И мой не безкорыстен труд,
И не готов я к той небесной битве,
Что возвестит грядущий суд.

Я все еще слепой бродяга
И Твой без счета блудный сын,
И мне нужны терпенье и отвага,
Чтоб до Тебя дойти, мой Господин.

Новинцы, 27.07.2003

МОЛИТВА ПРОЩЕНИЯ

О Господи, прости меня, ведь я
Имею то, что многим недоступно,
Прости, что видел я далекие края,
Что чаша вовсе не пуста моя
И счастлив я как будто бы попутно.

Прости за то, что мне дано любить
И сыновей иметь как высшую награду,
Что Родину я не могу хулить
И Музы трепетную нить
Ценю как вечную усладу.

Прости за чувств избыток и покой,
Утерянный от безпокойства где-то,
За очарованность Твоей звездой,
Манящей в небо за собой,
Туда, где скрыто царство света.

Прости, что мне доступна иногда
Капризная и вещая удача,
Что я не наношу другим вреда
И не останусь в жизни без следа.
Все потому, что не могу иначе!

Вальторанс, Франция
2.02.2004

СМИРЕННАЯ МОЛИТВА

О Господи, один лишь Ты
Мне даришь силы и терпенье,
И неземное озаренье,
И чувство вечной красоты.

О Господи, огнем Твоим
Души сжигаются потемки,
И даже шествуя по кромке,
С Тобой останешься живым.

О Господи, Твоей рукой
Мне указуется дорога,
И жизни горькая тревога
Всегда смиряется Тобой.
О Господи, Всевышняя Твоя

Неколебима в жизни воля,
И благодатна выпавшая доля,
Что побеждает муки бытия.

29.03.2004

МОЛИТВА ПОКАЯНИЯ

О Господи, не гневайся порой
На слабости мои и недостатки,
Я не могу быть стойким как герой
В житейской непрерывной схватке.

Я не могу в деяньях воплотить
Все, что задумал и наметил,
Я не умею до конца любить,
Отбросив все на белом свете.

Я неспособен жертвовать собой
Скорбящих ради, до предела,
Душевный недоступен мне покой
И я страдаю чаще лишь за дело.

Оставшись грешным до седин,
Я не рассеял мрака тени,
И я готов как Блудный сын
Встать пред Тобою на колени.

Искать и дальше я готов
Тернистый путь в Твои чертоги
И ощутить спасительный Покров
На самом жертвенном пороге.

2.10.2004

БЕЗОТВЕТНАЯ МОЛИТВА

О Господи, ну почему все так не просто —
Жизнь сотни раз бросает в дрожь,
И от рожденья до погоста
Без мук и ран не проживешь?

О Господи, где брать энергию и силы,
Чтоб победить унынья тень,
Чтоб не был тяжким и унылым
Вновь нарождающийся день?

О Господи, как обрести спасительную меру
Между покоем, творчеством, трудом
И укрепить померкнувшую веру
В непостижимый Русский дом?

О Господи, как правильно распорядиться
Всем, что ниспослано с небес,
На путь свой вовсе не сердиться,
Храня и к будням интерес?

О Господи, куда направить свои взоры —
В былое, к людям или в даль,
Где звездные горят просторы,
Но где господствует печаль?

О Господи, какие откровенья
Подскажешь Ты в ответ мольбам,
Или на все вопросы и сомненья
Ответить я обязан сам?

Вёшки—Москва
18—20.03.2006

НОЧНАЯ МОЛИТВА

О Господи, дай силы пронести свой крест
До самого последнего паденья
И от грехов духовного спасенья,
До замыслов заветных исполненья
И до благого в мире посещенья
Святых и заповедных мест.

О Господи, дай силы завершить дела,
Начертанные на судьбы скрижалях,
Чтобы потом на звездных магистралях
Душа, познав неведомые дали,
Не утонула в тлене и печали
И чтоб ее не поглотила мгла.

О Господи, дай силы до конца допеть
Ту песню, что мне Русь напела,
Дай заглянуть возможность смело
За грани вещего и тайного предела,
Ну а потом суди меня за дело,
Что сотворить мне удалось успеть.

Крещение, 19.01.2008

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

Минск

КРЕЩЕНИЕ

До крещенья детей доведи Твоих,
Боже мой, Боже!
Не дай превратиться в русалок
и в капли тумана.
Мы придем к Тебе тихо,
не ведая чувственной дрожи,
Мы придем к Тебе светом —
к далекой воде Иордана.

На пути к Тебе русское поле
легло под колеса.
И леса полегли, и Байкал!
И в кровавом распиле
Много жизней легло,
не избавив сердца от вопроса...
Но за то, что мы тут,
мы Тебя и в распиле — любили!

Мы к Тебе прибредем,
каждый шаг ощущая — босые,
Помавающей силе небес
благодарствуя словом...
Сохрани до крещения, Боже,
в пространствах России!
Дай пролиться воде
и душе зазвучать под покровом.
И когда под покров куполов
прибредут Твои дети,
Ты прости мне грехи мои, Боже,
хоть каплю их ныне!
Что не спас я ни этих,
ни тех в моем смутном столетье
И колодца не вырыл среди
вопиющей пустыни.

Коли милость Твоя —
дай мне силы упиться слезами —
На пути, на железном обрывке
предвечной дороги!
Отпусти Твоим детям грехи
и воздай небесами
За несчастные их и босые
несильные ноги.

Слышишь, дети Твои
сиротливо взыскуют покрова?
Ниспошли же несчастным
в крещенские наши морозы
Умиленья и веры в простое
и тихое слово
И вплети в их сердца
Свои вечные тайные розы...

1990

ЛАМПАДА

Жизнь прожита. Лампада догорает.
И поздно уж елея наливать.
А свет смиренный напечатлевает
Скудеющую на чело печать.

В потемках мира мало чем отличен
От темноты я. Но негромкий свет
Еще горит, среди живых привычен,
И где меня уже почти что нет.

Но страшно думать, что за кругом здешним
Не жгу лампады перед Божеством.
И с каждым днем видением кромешным
Все четче я рисуюсь в мире том.

В последний раз я жгу свою лампаду
Под этим небом, где меня уж нет.
И лестницу дрожащую — ко Граду
Лампады бедной простирает свет.

1995

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ СТЕНА

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла.
Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Ф. Тютчев

Теснят, теснят Россию к бездне
И негасимому огню,
К резне, к чуме, к могиле в плесни
И к смерти бледному коню.

Теснят Россию к урагану,
К Китаю, Азии, войне,
К безжалостному океану,
Но прижимают лишь к стене.

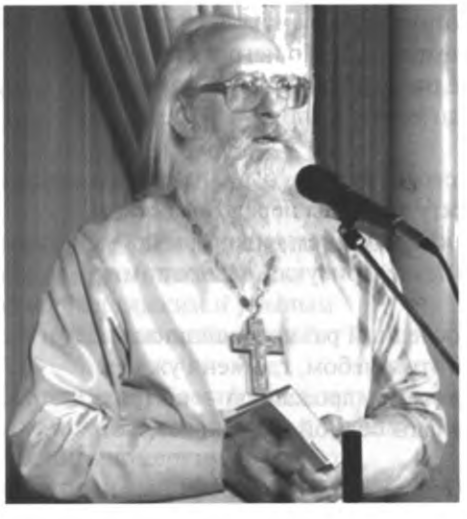
Спиной к стене своей Победы
Глядим на мировой закат.
Спиной к стене отцы и деды
Расколотили насмерть ад.

Спиной к стене великой воли
Неодолимого вождя
Стоит Россия богомольно,
А стену сокрушить нельзя.

2004

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

Кострома



* * *

Так дано много!
Так легка трата:
возлюби Бога,
полюби брата,

накорми пташку,
пожалей кошку,
дай больным чашку,
а другим — ложку.

Так уж Всевышний
создал: мы — люди
не когда дышим,
а пока — любим...

31.09.98

* * *

Именем Твоим душа живится.
Ты — и руль, и лодка, и весло.
Для Тебя летят по небу птицы,
звезд, что мошек, к ночи нанесло.

Для Тебя цветущие опушки
ягоды кладут в земную горсть,
для Тебя беззубые старушки
к церкви ковыляют за семь верст.

Вот и мне у них бы научиться
жить любя и помереть любя,
раз дано земному приобщиться
от Тебя, Тобою, для Тебя.

03.08.99

* * *

Только тем немножечко
и живу,
что молитвы лодочка
на плаву...

7.09.01

* * *

Всех, Россию любящих,
За нее радеющих,
Сердцем пламенеющих —
Сохрани Господь!

Всех, спасенья жаждущих,
Всех болящих, страждущих,
Плачущих, горюющих —
Укрепи Господь!

Всех, обидой дышащих
Или злобой пышущих,
Радости не слышащих, —
Просвети Господь!

Всех, нас ненавидящих,
Смысла в нас не видящих,
Губящих, обидящих —
Вразуми Господь!

10.10.2004

ИКОНА «НЕУГАСИМАЯ СВЕЧА»

Углич — точно знаменное пенье,
Исцеляет старины наряд!..
Три шатра на церковке Успенья
Как три свечки каменных горят.

Дивная — ту церковку прозвали,
Оттого что дивно хороша.
Мир почти погиб во зле, в развале —
Красотой спасается душа.

В церкви возле входа есть икона —
Кто-то и проскочит сгоряча —
Необыкновенного канона
Та «Неугасимая свеча».

Видим: Матерь Божия со свечкой
Через ночь вселенскую идет...
Словно свечка та — Ее сердечко,
Что зовет среди земных забот.

Злится, мрет народ и матерится,
Гибнет, как болящий без врача...
Но в ночи Небесная Царица —
Как Неугасимая Свеча.

Матерь Божья, Ты — Свеча во мраке!
Отогрей озябшего меня!
Души — как бездомные собаки,
Если без душевного огня.

Матерь Божья, свет неугасимый!
Жизнь — что пропасть, точно ада пасть.
Просияй над нищею Россией,
Чтобы нам в напастях не пропасть.

Ты — Свеча надежды и терпенья,
Свет любви среди земных утрат!..
В Угличе на церковке Успенья
Три шатра — как свечечки горят...

19—24.10.04

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА

Государыня Императрица
Величайшей на земле страны
Стала — милосердия сестрица
От начала мировой войны.

Словно кровь, спекались дни и ночи
На дежурствах сутками подряд.
Сколько повидали эти очи
Смертно изувеченных ребят!

Сколько бинтовали эти руки
Офицеров из России всей,
Сколько уши выслушали муки
И предсмертных исповедей — Ей!

Раненого крик: «Сюда, Царица,
Рядом будь, чтоб я смелее был!»
За руку возьмет, начнет молиться —
Тот как будто и про боль забыл.

Сколько сердце обливалось кровью!
Скольким стала кровною сестрой!
С величайшей жертвенной любовью
Шла сквозь коек лазаретных строй.

Будни фронту сделались подобны,
Не снимался сестринский наряд...
На Царицу клеветали злобно,
И газеты изливали яд.
Как шрапнель, хлестали злые строчки —
Нет, не пожалели, не спасли...
А с Царицей рядом были дочки,
Вместе подвиг сестринский несли...

С той поры без малого столетье
В русских жилах лжи смертельный яд.
Словно мы в походном лазарете —
Души как у раненых кричат.

Но не устает за нас молиться,
И бинты ее на нас видны, —
Государыня Императрица
Величайшей на земле страны.

10.02.05

* * *

Что ни день — то новое паденье...
Господи! Пока я не в гробу —
Крестиком на Всенощное бденье —
Милостью помажь мою судьбу!

Страсти — что кобылы без уздечки.
С норовом таким не слажу я.
Господи, помажь мое сердечко
Маслом от лампадки Твоея!

Душу погрызут грехи, как мыши.
Через покаянье — пожалей.
Господи, услышь меня, услыши! —
Милости пролей на мя елей...

10.02.05

* * *

Господи, как же Тебя не хватает!..
Снова подарок Твой — летний закат:
Золотом плавленым свет затекает,
Заполоняя округу и сад.

Свет все густеет, но гаснуть не хочет.
Топчется сон, не идет на постой...
Дни золотые!.. И белые ночи!..
Белый жасмин!.. Соловей золотой!..

13.06.05

САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ

Тихая заводь. Саровская дальняя пустынь.
Смолкни, лихая Москва и людская молва.
Старца заслышим, себя на колени опустим,
Чтобы запомнить заветные эти слова:
Радость моя, Христос воскресе,
Христос воскресе, радость моя!
Радость моя, разве дело в стоянье на камне
Тысячу дней — и по осени, и по весне?
Радость из радостей — то, что хранимо веками,
Царствие Божье сияет в тебе и во мне.

Радость моя, за терпенье воздастся сторицей
Тем, кто свой крест до конца, как могли, пронесли.
Радостей радость — Небесная наша Царица
Не отнимает Покров свой от грешной земли.

Радость моя, неизбежно прийти потрясеньем.
Как же иначе очистится грязи налет?
Радостей радость — покроется все Воскресеньем,
Пасха уже нескончаемая настает.

Тихая заводь, Саровская дальняя пустынь.
Свет от лампад. Пусть веками измята трава —
Старца заслышим, и сердца колени опустим,
И не забудем заветные эти слова:
Радость моя, Христос воскресе,
Христос воскресе, радость моя!..

14.08.05

ПЕРЕВЕДИ СЕБЯ В МОЛИТВУ

Природа, мир, судьба народа...
За все ответим головой:
Жизнь есть искусство перевода
С общевселенского на свой.

Здесь каждый просит: ради Бога —
Ведь так мы коротко живем —
Поговорите хоть немного
Со мной на языке моем!

А жаждущие поцелуя
Порой срываются на крик:
Все то, что чувствую, — молю я, —
Переведи на свой язык!..

Все мироздание, как в сказке,
Стоит волшебных слов горой.
За перевода неувязки
Заплатит гибелью герой.

И даже крохотный росточек,
Нераспустившийся листок,
Как в мире каждый, — переводчик
Земли и солнышка — в цветок.

А ты его неужто хуже,
Коль в Божьем образе живешь?
А ты себя — подумай, друже,
На что себя переведешь?

За деньги и за власть на битву
Спешат, гордынею трубя...
Переведи себя в молитву —
И ты приобретешь себя.

1.11.05

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю Тебя, Господь,
За то, что дал мне дух и плоть,
Снабдил меня размахом крыл
И мир, как дивный ларь, открыл!

Как откровенье — новый день.
Отдохновенье — ночь и тень.
Благодарю за солнца свет,
За то, что сердце в бездне бед
Не гибнет, обретая Вечность!..
За нежность, за любовь, сердечность,
За доброту и красоту,
За дум, как небо, высоту...

Хоть плохо я свечой горю —
За все, за все — бла-го-да-рю!

30.12.05

КРОТКАЯ БЛАГОДАТЬ

С дерева в землю, как в шкаф, — листы...
Спрячет снег под засов
выцветшие акафисты
зрячих едва лесов.

Ключик журчит ли,
в лужице стынет ледок в ночи —

словно молебен служится,
точно канон звучит.

Лог, косогор и впадина,
на берегу бревно...
Все было Богом дадено,
Им благословлено.

Бурями, непогодами
Высказал, сколь велик...
Вот отразился водами
Вечный Пречистый Лик!..

Бликов в реке мерцание...
Хочется зарыдать...
Светлое созерцание,
Кроткая благодать!..

04 — 05.01.06

МЫТАРЬ

Притча — мудрости ларь.
Да душа-то — сухарь,
Хоть тоскует порой по нездешнему...
Я стою, как мытарь,
Повторяю, как встарь:
Боже, милостив буди мне, грешному!

Архирей вдалеке,
Точно в красной строке,
Оглянуться на грешника где ж ему!
Мне бы — где в уголке
Выть в сердечной тоске:
Боже, милостив буди мне, грешному!

У кого-то успех,
Те — в довольстве утех,
Эти— святы по облику внешнему.
Я стою — хуже всех,
На душе только грех...
Боже, милостив буди мне, грешному!

Добрых нет за мной дел,
Мой плачевен удел:
Страшный суд — и ко аду кромешному.
Но твержу пока цел,
То, что б сердцем хотел:
Боже, милостив буди мне, грешному!

11.02.06

* * *

Селенье в северной глуши,
К нему дорога непролазна.
Селенье — скит моей души,
В который тянет неотвязно.

И бурелом, и глухомань.
Лишь край реки блестит, как бритва...
А в окнах — темень или рань —
Горит свеча, идет молитва...

26.04.06

* * *

Прости нам, Господь,
Прегрешения наши!
И дай продержаться —
От Чаши до Чаши.

Нас плющит от боли:
Жизнь — ада не краше.
Как минное поле
От Чаши до Чаши.

Но тонущим в хламе
Со всеми делами
Есть Чаша — как пламя!
Где Спас — в нас
и с нами!

Все горести наши,
Все немощи наши —
От Чаши до Чаши.
От Чаши до Чаши.

11.12.06

* * *

Все к Афону в сердечном поклоне:
Там великая наша родня.
— Помолитесь за нас на Афоне! —
Прихожане просили меня.

Нынче надобно всем укрепиться,
Впереди непростая пора.
Поддержи нас, Афона Царица!
Помоги нам, Святая Гора!

Русский дух — дабы не был упертым —
Как стегали! — расстрел да этап...
А Афон — покупают комфортом,
Чтоб от пряника мощью ослаб.

..Русский дух, точно раненый витязь,
Подымается день ото дня...
— Вы в России за нас помолитесь! —
На Афоне просили меня.

15—16.06.07

ВОСКРЕСНОЕ УТРО В МОСКВЕ

Смолкнут ненужные разговоры,
Чуть колоколен грянет молва.
Дышат покоем наши соборы.
Дышит простором утром Москва.

Кто даровал мне высшее право
Выпорхнуть в Вечность, выдохнуть: «ах!»
Сколь величава Божья Держава!
Свет ее славы на куполах.

Звон к Литургии... Книги и святцы...
Тает на солнце дым голубой...

Боже, позволь мне тоже распяться,
Лишь бы остаться рядом с Тобой!..

Фресок старинных строгие лики...
Светлые лица... Сердце в пути...
Вечность создавший, Боже Великий,
Мощной десницей нас защити!

Чтоб не пропали жизни просторы,
Чтоб не увяли главы Кремля...
Дышат покоем наши соборы.
Дышит надеждой наша земля.

СИБИРСКИЕ РЕКИ

Воздвигоша реки гласы своя.
Псалом 92

Рвусь я душою всей,
Словно из плена, —
В дали, где Енисей
Или где — Лена.

В сердце ли стал затор?
Сам ли уставший?..
Вот бы обнять простор
Родины нашей!

К вашей бы да красе
Пасть на колена,
Батюшка Енисей,
Матушка Лена!

Весь я из дыр, из ран,
Бытом убитый...
С вами бы — в океан,
Да в Ледовитый!
Где за верстой верста —
Аж глаза режет —
Царствует чистота,
Груд ледяных скрежет...

А по России всей —
Смута, измена...
Вынеси, Енисей!!
Вымоли, Лена!!!

В ЛАТВИИ

Я вижу русские глаза,
Какими Латвия богата.
Они теперь — границей за —
Еще роднее, чем когда-то.

И я, приехавший сюда
С молитвой русской, русским словом,
Куда насущней, чем когда
Средь храма — родненьким... христовым!..

Почти ведь носят на руках!
И все несут, несут записки,
Чтоб на родимых берегах
Их помянул... до боли близких...

Я заново от слез утрусь,
Едва начну за всех молиться...
Великую Святую Русь
Разрезать не смогли границы.

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

МОЛИТВА

Если б я умел Тебе молиться,
повторял бы только и всего:
«Господи, минута эта длится,
и не нужно больше ничего!»

Если б я умел Тебе молиться,
я просил бы именем Твоим:
«Дай минутой этой поделиться,
словно хлебом, с теми,
кто любим!..»

* * *

А если грозный Страж не уследит —
и этот соловей не допоет,
и этот самолет не долетит,
и этот пароход не доплывет...

Но жертву Каин все-таки добьет,
а греховодник все же догрешит,
а забулдыга все равно допьет,
и жалкий шут, конечно, досмешит.

Но дай нам, Боже, долететь, доплыть,
дослушать соловья в твоем саду,
и, если можно, Боже, дай нам быть
готовыми к последнему суду.

* * *

Пустотой дохнуло неживою,
дожили до осени времен...
Но покуда сад не оголен,
вечности не видно за листвою.

Кажется безсмысленной игрушкой
в золото окрашенный покой,
ходики настенные с кукушкой
остановим собственной рукой.

Жалкий род людской, сосуд скудельный,
что мы сможем в вечность унести? —
только слезы, только крест нательный,
только просьбу: «Господи, прости!»

* * *

Ранним утром в Божий храм спешит народ,
Сколько нищих и убогих у ворот.
Может, грубыми покажутся они,
Но судить о том — Господь тебя храни.

Солнце жжет их, студят холод и дожди,
Взгляд от них, душа моя, не отводи.
Ты сюда пришла из дома, из тепла,
Словно облачко, душа твоя светла.

Будь же милостива к бедным и к больным,
Христа ради — твоя милостыня им.
Когда нищему монетку подаешь —
В руку Господу копеечку кладешь.

* * *

Долгожданный дождичек пролился —
Значит, кто-то где-то помолился.

Высохла раскисшая дорога —
Кто-то солнце вымолил у Бога.

Радость на душе твоей сейчас —
Значит, кто-то молится о нас.

Посмотри вокруг себя, похоже,
Кто-то ждет твоей молитвы тоже.

Отзовись всем сердцем, отзовись,
Помолись всем сердцем, помолись!
Пусть твоя молитовка простая —
Светит, как лампадка золотая.

2008

ГОРИМ!

(Лето 2010)

Зноя безумие злое
сушит леса и поля,
серой стеклянной золою
стала земля.

На раскаленных просторах —
горя не обозреть!.. —
в каждой пылинке — порох,
в каждой былинке — смерть.

Колос в огне растущий
черен уже и тощ,
Господи, в зной на сушу —
даждь нам дождь!

Только и вспомним в пекле —
ведаем, что творим,
в пекле, в дыму и пепле —
поздно кричать: «Горим!..»

Мертвой листве на сучьях,
как возродиться здесь?
Господи, дождь насущный —
даждь нам днесь!..

Август, 2010

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА

* * *

Господи, моя вина
видима во тьме едва ли...
Родина разорена —
словно волки обглодали.

Словно бы ее судьбу,
без молитвы покаянной,
выхолодил, как избу,
ветер окаянный.

Разве кто пришел с мечом,
покорил, пленил с позором,
что народ мой уличен
в примирении с разором.

Сатана ли умощал
путь, которым шли мы сглупу
поклоняться не мощам,
а сиятельному трупу.

Неужели весь народ
сном сморило в поле чистом,
чтоб на сотни лет вперед
путь очистить сатанистам?

Господи, какая высь
над немереной равниной!
Не оставь, не отступись,
не казни души повинной!

Освети мою вину!
Я шепчу с нездешней силой:
Господи, спаси страну!
Оглянись на нас, помилуй...

27 ноября 1990

СТЕПНОЙ ПСАЛОМ

Он снова дал себе зарок,
да вот стезя влечет...
Степной горячий ветерок
до сердца пропечет.

Взошел на древние холмы,
где ждут среди травы
медоточивые псалмы,
рычащие, как львы.

Сухие стебли старых слов
горят костра посредь,
ни докопаться до основ,
коснуться не посметь.

И он стократно бьет челом
и упадает ниц,
пока вокруг степной псалом
звенит, как стая птиц.

От этой истовой мольбы,
от ночи и до дня,
вокруг него стоят столбы
небесного огня.

Он был бы рад глаза смежить,
да гложет непокой,
он тщится дух переложить
силлабовой строкой.

Благим огнем озарена
словесная листва,
взошедши из сего зерна,
из семени псалма.

«Не пойду в город богатый.
Я буду в полях жить,
Буду век мой коротати,
где тихо время бежит»[1].

24. 10. 04

Из книги «Небожитель»

Памяти сына Василия (1973 — 2003)

* * *

Чей-то голос звучит на низах —
в небесах сотрясенье:
Не топи его душу в слезах!
А молись о спасеньи.

Чей-то голос звенит высоко,
в небеса улетая...
О, как он отлетел далеко!
О, душа золотая...

* * *

Я вошла, а ты не дышишь.
Я молюсь, а Ты не слышишь..

Я стою, не упадаю,
жизнь погибшую листаю
до последнего листочка...

Ты куда забрал сыночка?
Укажи мне этот путь,
дай понять, обнять, взглянуть...

* * *

...один будет взят, а другой оставлен...
Из Писания

Наверное, чтобы оставить свидетельства
о твоей жизни...
Но лучшее из них — твоя дочь.
Наверное, чтобы сидеть на тризне,
но горе свое превозмочь...

Не для того же жизнь моя длится,
чтобы писать стихи!
Время дано — за тебя молиться,
и свои отмолить грехи...

[1] Григорий Сковорода. Песнь 12-я. «Из сего зерна: Блаженны нищи духом...»

* * *

Вот моя лихая доля:
все и не упомнишь.
Хлебопашец вышел в поле —
Бог ему на помощь.

Умывалася слезою
в бездне преисподней...
Жизнь прошла сама собою —
милостью Господней.

Эта жизнь, как пыль осела,
измельчилась в порох...
Птица в небе пролетела
или черный ворог?

Грозные предвижу знаки
бытия, и все же
чтоб взошли на поле злаки,
помоги нам Боже.

* * *

Если ветер, как бы ни был силен порой,
не прервет, не порвет и не сдует слова молитвы,
как птенца, покаянье от внешних стихий укрой,
чтоб избегнуть сетей бесовской и мирской ловитвы.

Как бы ни бушевали вовне ураган и смерч,
как бы ни бесновались, содвигнув моря и горы,
им и с места не сдвинуть, обреченную нас сберечь,
силу ярой молитвы, полонившей души просторы.

* * *

Так, пожалуй, никто не умел.
Что ж Ты, Господи Боже,
искрошил мое сердце, как мел!
Искромсал — подытожил...

Истончилось мое бытие.
Чую Божию руку...
И дано мне страданье сие
в пользу или в науку.

* * *

Господи! Вижу Твою зарю,
огненное знамение!
Не разбазарю, не раздарю
данное мне имение...

Примется пламя зари лизать
ризы неопалимые,
вот я тогда и пойду писать
эти слова голимые...

* * *

Наверно, Господь мне не враг,
и все же обрек на недолю...
Я душу зажала в кулак,
не выпущу больше на волю.

Наверное, губят, любя...
Мне этой не внять благостыни.
И я заслонюсь от себя
последней молитвой о сыне.

* * *

С откоса ли летит моя телега:
я плачу и кричу.
Потом встаю, иду по воле Бога,
домой или к врачу.

Стою ли я у смертного порога,
стенаю и зову.
Я помощи всегда прошу у Бога
во сне и наяву.

Забота ли опять меня калечит:
я словно не живу...
Напрасно все. И только вера — лечит,
и держит на плаву.

* * *

В вымысле или были,
после иль до того,
ангелы обступили
мальчика моего?

Так его все любили,
холили, берегли!
Ангелы обступили
взяли и повели...

Не пережить напасти,
не пересилить страх!
Это не в нашей власти,
в Божьих (молюсь) руках...

* * *

Я открою двери —
снова никого...
Помяните, звери,
сына моего.

Воду из колодца
разделю на всех.
Плакать, убиваться —
это ли не грех?

Изопью водицы.
Заблужусь в лесах.
Помяните, птицы,
сына в небесах...

08. 11. 2009

РАВИЛЬ БУХАРАЕВ

СКАЗ О СПАВШЕМ НА ЗАКАТЕ

Молил его инок по прозвищу Мышь:
— Одумайся, брате!
Грехов не замолишь
— тоски не заспишь,
не спи на закате...

Вечерню проспишь — не потрафишь отцам.
На то и обитель:
на зорях не спать наказал чернецам
Пафнутий-зиждитель.
На то и хандра, чтоб едуча была,
не спи на закате!
Из кельи ответила душная мгла:
— Так томно мне, брате.

При братии всей молвил пастырь честной:
— Одумайся, сыне!
В обитель ты взят с неизвестной виной
из грозной пустыни.

Пошто попираешь нам благость и тишь,
геенна сладка те?
Грехов не замолишь — вины не заспишь,
не спи на закате...
А коли была епитимья легка —
могу и жесточе!

Услышалось глухо из-под клобука:
— Так томно мне, отче.

Коль пагубной тяги не мог превозмочь —
в одной лишь рубахе
погнали его из обители прочь
топтаться во прахе.

Ни кров не блазнил, ни работа, ни хлеб,
ни лютые дали...

— О Господи, как на закате судеб
рвут сердце печали!
Склоняется дух мой, — и клонится плоть
на дикое ложе...
Мне в яви отчаянья не обороть,
так томно мне, Боже!

А солнце в закатном мелькало дыму,
как Ярое око.

— Не спи на закате, — был Голос ему, —
мне так одиноко
на сиром ветру, в суесловьях имен,
в слезах укоризны:

не спи — Я с тобой — на закате времен,
в пустыне отчизны.

1989,
Переделкино

* * *

Где мой труд, Господи, где мой дом?
Где мой сон, Господи, где мой сад?

Всё Тобой, Господи, — не трудом,
а трудом, Господи, — все не в лад.

Где мой труд, Господи, — у людей?
Что же мне — ни оклика, ни письма?

Как о людной родине ни радей,
грустно в одиночестве, и весьма.

Где мой труд, Господи, — у Тебя,
искрой счастья в пламени чудных сил?

На кресала жизнь мою истребя,
о другой бы милости не просил...

Так и есть, Господи, так и есть,
это рай, Господи, это ад,

как любовь, Господи, как болесть,
невпопад, Господи, невпопад.

6 декабря 1995

* * *

Господи, далеко и далёко,
в трудных грезах и в чарах удачи
мнился мне черный хлеб — без попрека,
мнился мне ковш воды — без отдачи,

мнилась мне тишина — без подвоха,
мнилась мне вышина — без причастья,
мнилось мне, что поймут с полу-вздоха,
с полуслова и полу-несчастья...

Все далекое — как оно близко:
все, что мнилось, свершилось без плача,
только, что ни письмо — то отписка,
что ни опись — опять недостача,

что ни высь — то бывает и выше,
что ни труд — то бывает и больше,
что ни тишь — то бывает и тише,
что ни хлеб — то бывает и горше.

Ни прибавить уже, ни убавить,
ни пробиться уже, ни прибиться:
что ни честь — ничего не исправить,
что ни лесть — ничему не примнится,

что ни весть — все чудная тревога,
что ни есть — все Твое без разделу,

кроме боли — стыдиться былого,
кроме доли — не верить пределу,

кроме воли — у самого края
лжи и жизни, любви и упрека
мнить, что ляжет дорога вторая,
Господи, далеко и далёко...

9 декабря 1995

* * *

Вспять не бежит к истокам
даже простой ручей.
Произнесу с восторгом:
Господи, я ничей!

Отчизна ли снова станется,
чужбина ли впереди,
я сам себе иностранец,
прости меня, Господи.

И вновь, немоту отмыкав,
присваиваю права
двунадесяти языков
запамятовать слова,

чтобы сказалось нечто
лютою, не святой,
кровоточащей речью
этою — а не той.

2000

* * *

Зряще меня в усталости,
в изнеможенье жил,
Боже, пошли мне радости,
хоть и не заслужил,

чтоб с головой повинной
вспомнил, что я живой,
прежде, чем стану глиной,
листьями и травой.

Боже, пошли мне радости
светлой и задарма,
чтобы, пугаясь праздности,
я не искал ярма.
чтоб, не смиряя взора,
помнил, что тщетна смерть:
и в небесах — опора,
и под ногами — твердь.

Октябрь — ноябрь 2005.
Лондон

РАТНИКИ

Ввысь — по небесной стерне,
по бездорожью...
Сын мой погиб на войне
вымысла с ложью.

Был он печальник войны,
павший до срока
среди своих — без вины
и без упрека.

Вот и возносится он
в звездах просторов
выше всех ваших знамен,
воплей, укоров,

над золоченой главой
слезного храма,
где не избудет живой
грязи и срама.

...Огненный перистый свей,
облак закатный...
Это все наших кровей,
друг невозвратный!

Эта горючая даль —
наша до муки...
Боже, да разве не жаль
в правдах разлуки

осиротевшей земли,
жизни пропащей,
где-то в щемящей дали
мироточащей...

Ввысь — по горящей стерне,
неопалимо...

Сколько их в этой войне
павших незримо!

Боже, хоть ты сохрани,
к свету да примут!

Сраму не имут они.
Сраму не имут.

Ноябрь 2005,
Лондон

АЛЕКСАНДР АНАНИЧЕВ

Сергиев Посад

СПАС-НА-КРОВИ

Он горит и не сгорает
В ярком олове зари,
Достает крестом до рая
Храм, стоящий на крови.

А вокруг земля дымится
От крыльца до алтаря,
Где однажды, как водица,
Расплескалась кровь Царя.

...Кони. Камни. Гул колесный.
Полыхнуло. Обожгло...
И страдалец венценосный
Только выдохнул: «За что?..»
Храм горит. Он тоже страждет.
Смотрит жадно на восток
Бывший склад и бывший также
Городской просторный морг.

Помнит купол осквернённый
Грозовой блокадный ад
И застрявший восьмитонный
В ребрах апсиды снаряд.

Загудели, дрогнув, стены
И под куполом тогда
Проступил благословенный
Лик распятого Христа.

Нынче здесь — музей публичный:
В шапках топчется народ,
И о фресках мозаичных
Бойко врет экскурсовод.

Нет молитвы покаянной.
Лишь, вздыхая тяжело,
Незалеченные камни
Шепчут: «Господи, за что?..»

Петербург. Зима. Светает.
У луны тускнеет медь.
Храм горит и не сгорает,
Только некого согреть.

ОСЕННЕЕ УТРО

На высоком холме, как на небе стою:
Подо мною туман молчаливо
Далеко, далеко на рассвете свою
Разметал снежнопенную гриву.

Я сбегаю к подножью холма, в облака,
В белый омут равнин безконечных,
Где лежит неподвижно седая река
Под покровом таинственным, млечным.

Не роса на траве, а морозный огонь —
Распаленному сердцу отрада.
И везет пастуха завороженный конь
Мимо белого мирного стада.

Где-то колокол вздрогнул и замер опять...
И, восторгу душевному внемля,
Я хочу целовать, целовать, целовать
Эту влажную кроткую землю!

Моя бедная Русь! За тебя помолюсь
Над речною дымящейся гладью.
Слава Богу за все! За щемящую грусть,
За причастье твоей благодатью.

В МОЕМ САДУ

Деревья спят. Стемнело, наконец.
Встает луна над крышею несмело.
Прости меня, всевидящий Творец,
Что я живу на свете неумело!

Вон у соседа — полон дом огней:
Растет семья соседская на зависть.
А я сижу под яблоней своей,
Щекой листвы серебряной касаясь.

Струится с неба огненная жидь,
И над крапивой звезды пламенеют.
Такою ночью трудно не любить,
В такую ночь о прошлом не жалеют.

Все предалось таинственному сну.
Лишь на болоте квакают лягушки.
А я гляжу, как пьяный, на луну,
Глотаю чай из порыжевшей кружки.

Пусть я любви чужой не нахожу.
Пускай крыльцо избы моей просело:
Я у судьбы немногого прошу —
Я жить хочу все так же неумело.

УТОЛИ МОИ ПЕЧАЛИ

Птицы черные кричали.
Знойный путь лежал в пыли.
Утоли мои печали,
Матерь Божья, утоли!

Всюду лишь песок безбрежный,
Сна и тени не найдешь...
Только Ты меня утешишь,
Только Ты меня спасешь.

Но однажды расступился
Свод небесный надо мной,
И на грудь мою пролился
Свет жемчужно-золотой.

И душа в тот миг хотела
Слезы сладостные лить,
Бросить тягостное тело
И весь мир благословить.

Тихой радости послушный,
Слышал голос я вдали:
«Ты теперь чужие души
Словом чистым утоли.

Пусть они живые воды
Пьют из сердца твоего.
Кто для них огонь разводит,
Тот потом войдет в него».

РОССИЯ

Сторона моя — Россия!
Не ищу страны иной...
Распростерся светло-синий
Плат небесный над тобой.

На заре свои поляны
Ты обходишь не спеша.
За тобой плывут туманы,
Как во сне плывет душа.

Ты проходишь мимо просек
По росе, как жемчугам,
И тебе бросает осень
Щедро золото к ногам.

Но войдя в застывший ельник,
Замерла у кельи ты,
Где свечу зажег отшельник
Перед образом святым.

С ветром шепчутся просторы
И ольха у темных вод.
На ольхе тоскует ворон —
Русской смерти жадно ждет.

Вновь червонные закаты
Нагоняют страх и грусть.
Но пока горят лампады,
Будет жить святая Русь!

МОЛИТВА

Я Твой, о Господи!
Не покидай меня...

Пускай Ты мною снова предаваем,
Пусть это я опять Тебя распял,
Одним Тобой храним и согреваем,
Не все еще я в жизни потерял.

Я как свеча в руках у святотатца,
Я с двух сторон восторженно горю.
Глаза Твоих угодников слезятся,
Когда на них украдкою смотрю.

Стена меж нами мрака и печали
И океан бушующий без дна...
Пусть я Тебя с собою разлучаю —
Не покидай, безумного, меня.

Вселенную пронизываешь оком,
Всю жизнь мою провидишь на ветру...
Спаситель мой! И на костре высоком
Распухшим горлом в сумрак проору:

«Я Твой, о Господи!
Не покидай меня».

РОЖДЕСТВО

Рождество на земле, Рождество!
Чистым снегом усыпаны ели.
Отшумели намедни метели
И такое в душе торжество!
Рождество на земле, Рождество...

Мы похожи на древних волхвов.
Мы уходим дорогой ночною
За волшебной и яркой звездою
Из своих утепленных домов.
Мы похожи на древних волхвов.

В эту ночь не шумит воронье.
Бог рождается в дремлющем мире.
Вместо золота, ладана, смирны
Принесем Ему сердце свое.
В эту ночь не шумит воронье.

С Рождеством, с Рождеством! С Рождеством!
Светел путь над Вселенною млечный...
В эту ночь нам завещана вечность.
Значит, мы никогда не умрем.
С Рождеством, с Рождеством! С Рождеством!

ИЕРОМОНАХ РОМАН (Александр Матюшин)

В 1998 году в минском издательстве Белорусского экзархата вышла, вне всякого сомнения, одна из лучших книг стихов и духовных песнопений иеромонаха Романа «Внимая Божьему веленью», предисловие к которой написал Валентин Распутин. С тех пор прошло тринадцать лет, еще более убедившие нас в том, что не только песни самого иеромонаха Романа, но и предисловие к ним Валентина Распутина похожи на послание, явившееся не случайно. А потому и нашу подборку молитв иеромонаха Романа мы открываем размышлениями Валентина Распутина, чьи слова выстраданы точно так же, как вымолены молитвы иеромонаха Романа.

ТАКОЕ РОДНОЕ ИМЯ

Не знаю, надо ли француза или англичанина склонять к Франции и Англии (они, вероятно, не отпадают так далеко, но и не проникают так близко), но русского к России, к подлинной России, по нашему горемычному времени звать приходится. Это, впрочем, и всегда было настоятельной работой проповедников. На изломе нашей судьбы, изломе земном, который совпал с небесным переходом в третье тысячелетие от Рождества Христова, скорость «вращения» жизни настолько возросла, что, кажется, именно по этой причине многих отрывает от отеческого притяжения и выталкивает в чужую атмосферу. Имеется в виду прежде всего духовный отрыв. С потерей прежних ценностей русский человек полегчал, а войти в вечную Россию, где курс на истину не меняется, часто недостает еще ни духа, ни воли, ни зрения. Вечная Россия, в которой неугасимой свечой теплится Святая Русь, не может, подобно власти, вздымать свой призывный голос с помощью технических и материальных средств. Она лишь указывает на тихие могилы наших великих предков, повторяет в поучение их знаменитые слова и сладостно тревожит колокольным звоном. И вручает избранникам своим из современников дар выражать ее наиболее полно и точно.

В 70–80-х годах русские «политики» (политзаключенные с русскими сердцами, которых, в отличие от диссидентов, и было немного) в утешение себе повторяли слова: «В России больше нет монастырей, спасение придет из лагерей». Теперь рядом с единицами явились десятки монастырей, и как бы в указание на то, что спасение было и есть там, где звучит слово Божье, очистительный порыв расширился. Оттуда, из монастыря, и услышала Россия голос иеромонаха Романа (в миру Александра Матюшина) — песни его, прозвучавшие в скорбную пору нашей Голгофы так неожиданно и так необходимо, что это походило на послание, явившееся не случайно, заслуженное переменой народного настроения. Но ведь и всякое явление большого и искреннего таланта не бывает случайным, оно есть ответ на духовные отеческие потребности. У иеромонаха Романа, собственно, и не песни, а песнопения особого голоса. Сказать, что это молитвенный и аскетический голос, — значит указать только на одну и, пожалуй, не главную краску израненного сердца и мятущейся души человека, продирающегося к свету. В них есть и скорбь, и боль, и безжалостное к себе покаяние, и первые движения пробуждающейся души, и счастливые слезы ее обретения. Как правило, песнопения имеют форму и адрес обращения — к себе, к душе, к русским людям, к

Господу и доведены до последней точки искренности и жертвенности. Всего себя выпевающий, выстанывающий их голос отдает себя во имя желанного преображения и всего себя обретает заново. На меньшее он не согласен. Так и с Россией: он не удовлетворится частью ее посреди бушующего срама, ему нужно, чтобы она восславилась и восстала вся.

Помню, какое сильное впечатление произвели на меня песнопения иеромонаха Романа, когда я услышал их впервые. Они навсегда вошли в то русское духовное и культурное «избранное», в котором искал я утешения и возбуждения, когда требовалось в одиночестве от себя, от своего «Я», перейти к России.

Теперь его песни разошлись широко и далеко, но для того, чтобы это случилось, требовались не просто слова, как для эстрады, а поэзия. Он и начинал как поэт. Вот одно из его ранних стихотворений — безхитростное и суровое:

Я учился мужеству не у людей.
Я учился мужеству у лошадей.
Знаете, таких задрипанных клячонок!
Им хребты ломают каждый день.
А они храпят лишь обреченно.
Но идут навстречу борозде.

Истинно, истинно! Такое мог произнести человек не случайного дара, избирающий самую трудную дорогу.

Валентин Распутин

* * *

Вьюга ноет, тоскливо так ноет,
Надоела кромешная мгла,
Что от Ноя, библейского Ноя,
Между мной и тобой пролегла!
Я устало к окну приникаю
И, уставясь в вечернюю муть,
Магдалиной прозревшею каюсь,
Что весенней поры не вернуть.
Сознавая, что рано иль поздно
Минет также и осень души,
Я стираю оконные звезды,
Как Христос мою грешную жизнь.

1975

МОЛИТВА

Прозрев необратимо поздно,
Что лето зеленело зря,
Кленовые роняя слезы,
Молилась полночь октября.

Мотив божественный мерцая,
Светила развевали тьму.
Ряды деревьев чернецами
Внимали звездному псалму.

Луны блестящее кадило
Курилось дымкой облаков.
И все пустое отходило
Затихнуть где-то далеко.

И я, перебирая листья,
Шептал раскаянья слова:
— Очисти, Господи, очисти!
Душа моя, почто мертва?

И моему настрою слитно
Со всех сторон, со всех концов
Пел «Да исправится молитва...»
Хор придорожных чернецов.

Преображение Господне, 19 августа 1981

* * *

Слава Богу, снова я один,
Снова я лампадку затеплю,
Суету оставив позади,
Господу молитву пролию.

В эту ночь в сиянии луны
Хорошо тебе, душе, одной
Воззывать к Нему из глубины:
— Господи, услыши голос мой.

За окном морозится январь,
Млечный Путь без края и конца.
Всякое дыхание и тварь
Славит, славит своего Творца.

Стекла в украшениях резных,
Замер под сугробами погост.
На верхушке стынущей сосны
Птицами таится стайка звезд.

Сосны клонят головы свои,
Совершая воздаянье рук,
И перебирают в забытьи
Четки ледяные на ветру.

И земля, не зная суеты,
Дышит чистотою голубой.
Дерева, дороги и кусты —
Все кругом наполнено Тобой.

Служит Богу весь подлунный мир,
Тихий лес над спящею рекой.
О места, забытые людьми,
Лобызаю дивный ваш покой.

Все внимает Богу не дыша,
Господи, дела Твои святы.
Что ж ты плачешь, глупая душа,
Иль и ты коснулась чистоты?

Слава Богу, снова я один,
Снова я лампадку затеплю,
Суету оставив позади,
Господу молитву пролию.

1987

* * *

Радость моя, наступает пора покаянная,
Радость моя, запожарилась осень вокруг.
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг.

Желтое, красное — все разноцветное,
Золотом, золотом устланы рвы.
Прямо в лицо роднику безответному
Ветер повыбросил мелочь листвы.

Затосковали деревья безправные,
В ризах растерзанных гибели ждут.
Лишь золотые Кресты православные,
Радость моя, нас в безсмертье зовут.

Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листы.
Но возжелали покоя нездешнего
Белые Церкви, Святые Кресты.

Их не прельщают купюры фальшивые,
Не привлекает поток золотой.
Нужно ли Вам это золото лживое,
Вам, лобызающим вечный покой?!

Белые Церкви светлеются издали,
Благовествуя о мире ином,
Живы еще Проповедники Истины,
Радость моя, не скорби ни о чем.

Белые Церкви исполнены кротости,
Ими доднесь освящается свет.
Радость моя, что кручинишься попусту,
Белым Церквам нынче тысяча лет.

Выжили Вы, безсловесные Зрители,
Бури прошли, расточились врази.
Сколько всего за века перевидели
Белые Церкви, осколки Руси!

Белые церкви плывут в безконечности,
О кладенцы неземной чистоты!
Непокоренные граждане вечности,
Белые Церкви, Святые Кресты.

Вас не касаются запахи тленные,
Этот октябрьский отчаянный пир.
Белые Церкви — твердыни Вселенныя,
Не устоите — развалится мир.

Звон колокольный летит сквозь столетия,
Встретим же в храме молитвенный час:
Радость моя, мы с тобой не заметили:
Осень уже за порогом у нас.

Сентябрь 1987

* * *

Страх Господень — авва воздержания,
Воздержанье дарит исцеление.
Лучшая поэзия — молчание,
Лучшее молчание — моление.

Лучшая молитва — покаяние,
Покаянье тщетно без прощения.
Лучшее пред Богом предстояние —
В глубине высокого смирения.

Я забудусь в таинстве молчания
Пред иконой чудной — УМИЛЕНИЕ.
Да очистят слезы покаяния
Высшую поэзию — моление.

28 марта 1991

* * *

Горит свеча. Псалтирь на аналое.
Благословен молитвословья час!
Лобзай, душе, стояние ночное
Пред Образом Молящейся о нас.

О Чистый Цвет! Благоуханный Крине!
Земле Надежда! Небесам Хвала!
Сладчайшая Святейшая Святыня!
Не отступи, изгладь мои дела.

Потоком льется лунное свеченье,
Мир полуночный покаянно тих.
Твержу без слов, забыв о псалмопенье:
«Прости, прости, мне не к Кому идти».

О Милосердный! В келии безлюдной
Ты дал блаженство мне не за труды.
Молчать и плакать пред Иконой Чудной,
Благоговеть до утренней звезды.

6 августа 1995
Скит Ветрово

* * *

Пожалей, дорогой, пожалей
Все кругом до последней былинки.
Мудрость Божия здесь на земле
Познается не только в великом.

Ничего не растет просто так,
Потому не сломай без потребы
Одиноко торчащий сорняк,
Прославляющий землю и небо.

Лунный воздух и млечную сыпь
Вобрала, засветясь золоченым,
Обреченная капля росы
На последнем листе обреченном.

Листопада сокрытая боль
Под покровом зимы затихает...
За тебя, дорогой, и с тобой
Все живое, томясь, воздыхает.

И грустит под Полярной звездой
Дольний мир и в погибель несется...
«Первый мир был потоплен водой,
А второй для огня бережется».

Так склонись, молчаливо склонись
Пред судами Творца в покаянье.
Помолись, дорогой, помолись,
Да замедлит Господь с воздаяньем.

РУССКИЙ КУКОЛЬ

Когда уныние иль скуку
Навеет враг со всех концов,
Я надеваю русский куколь —
Наглавие святых отцов.

И чудо — жаждется смиренья,
Нести напраслин тяготу,
И, постигая Всепрощенье,
Припасть разбойником к Кресту.

И вот уже в лазури мчится
Преображенная душа.
И сердцу радостно молиться,
Христовым Именем дыша.

* * *

Россия — Свет! Россия — Предстоянье!
И Грех, и Плач, и все же — Божий Дом!
Россия — Православное дыханье,
Препона плоти на пути земном.

И как бы отовсюду ни грозили,
Не ужаснемся тучам грозовым.
— Спасение приидет от России! —
Сказал великий старец Серафим.

И если мир отвержется спасенья,
Подвигнется с мечом, как на парад, —
Нам со Христом и смерть — приобретенье!
Им без Христа и жизнь — кромешный ад!

1998

РОССИЯ

Россия — лазурное слово,
Свечение Вести Благой,
Последняя пристань Христова,
И нет во Вселенной другой.

Твой образ доныне унижен,
Но все отпадет пеленой:
Под пылью и копотью вижу
Таинственный Лик неземной.

Какая беда б ни грозила —
Всегда посрамятся враги.
Россия! Россия! Россия!
Надежды молитвенный гимн.

12—15 декабря 2005,
Скит Ветрово

* * *

За все — за все благодарю Творца!
За то, что Имя в Небесах Святится,
За то, что воздвигает без конца,
За то, что дал возможность нам молиться!

Молитва — величайший Божий дар,
Явленье Безконечного в немногом!
Святой и грешник, всюду и всегда,
Ты можешь быть не с Ангелами — с Богом!

В неволе, на свободе, страж и тать,
И про себя, и вслух — целись моленьем...
Еще уста пытаются сказать,
А сердце принимает Утешенье.

Забудут все, иль в притчах прослыву,
Темница, плаха ли — не возрыдаю:
Не страшен ад, пока душой живу —
Пока молитвой к Богу припадаю!

29 марта 2006,
Скит Ветрово

* * *

Славлю Спаса не только устами:
Больше сана желанней сума.
Всех и вся ради Бога оставил.
Близок Свет. Да разыдется тьма!

Благодать! — Ни по ком не скучаю.
Выжег мир, как худую траву,
И Пришествие Господа чая,
Попираю молитвой молву.

17 апреля 2006,
Скит Ветрово

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

ПЕВЧАЯ

В деревенском храме, в церковном хоре
было трудно, начав с мажора, кончить в миноре.
И как только кто-то неверную ноту брал,
я смолкала, поскольку шапка горит на воре,
и огарок мой догорал.
Я сюда напросилась сама, чтобы выжить,
пережить эту осень, себя не слышать,
выжечь страсть, соблазнявшую переменой мест,
обстоятельств и спутников, — выдуть, выжать
осьмигласником — восьмиконечный крест.
Вспомнилось на клиросе и в притворе
то, что д е в у ш к а п е л а в ц е р к о в н о м х о р е
и ребенок хрестоматийный туманил взгляд,
впрочем, тут же и забывалось, как только в соборе
были певчие и священник у Царских врат.

...Каждый день по осенним хлябям безвестным,
по погосту — временем высокосным
я спешила сюда, к простительной ектинье,
чтоб мой голос со слухом, как крестник с крестным,
помолились о всех заблудших вдвойне.

Постепенно жизнь меня отпускала, то есть
не дышала в лицо, и не тыкала долгом в совесть,
и не дергала за юбку и за рукав,
но покорно ждала на паперти, успокоясь,
на корявом стуле, как нищенка, задремав.

И когда мы пускались в обратную с ней дорогу,
говорила мне: — Вы, наверное, ближе к Богу,
помяните ж когда-нибудь и меня,
ибо я к последнему приближаюсь итогу
и расстанусь с Вами еще до Судного дня...

Но мне жаль, что грядут времена другие,
а меня все не отслужили, как литургию,
как псалом, не спели, не прочли, как канон, с листа! —
говорит моя жизнь. Я гляжу — а бока у нее — нагие,
и колтун в седой голове, и нет креста...

СКИТ

Во всем вертограде я не нашла огня.
Во тьме утопали мои пути.
Боже милостивый, не строго суди меня,
а если можно — сразу меня прости.

И, прощая сразу, еще прости и за то,
что отвечаю себе от Твоего лица:
вроде того, что Ты сеял — сквозь решето,
подковывал — наподобие кузнеца.

Часики сердца — наподобье часовщика
перебирал: близко держал у глаз,
маятники раскачивал, раскручивал облака,
выточенный и дивный вставлял алмаз.

Потому и мир для меня получился — скит,
одичалый заросший сад.
Тикает, переливается, звенит, кипит,
вторит: о сестра моя дорогая! о прекрасный брат!..

Но забвенье — с бельмами вместо глаз
и черное у него
лицо — ощупывает каждый куст,
выказывает злость, спесь:
нет ли того, кто был мне всего, всего
дороже на целом свете — или еще он здесь?

* * *

Да минуют вас обоюдоострые стрелы
моей тоски, целящейся вслепую и напролом
прущей сквозь все дозоры, переходящей пределы...
Да не коснется вашей руки мой ангел
черным крылом.

Да минуют вас все шакалы с голосом человечьим,
все скимны,
делающие понимающие глаза
в провалах пустых глазниц,
все павианы, поющие вам льстивые гимны,
распугивающие птиц...

Да минуют вас приношенья — бездарных,
спесь — неимущих,
панибратство глумливых, поддержка крикливых,
огни
упований земных, в тесноте каморки пекущих
свои жирные-жирные ночи и бледные ломкие дни.

Да минуют вас страхи с глазами голодной рыси.
Бездны, травой полевой прикрытые,
занавешенные плащом,
а еще — населенные голосами, глазами, ушами —
выси,
демоны воздуха, переплетающиеся плющом.

И покуда тьма взбирается на котурны,
примеряя маски свои ужасные, —
в далекой вашей стране
да минует вас тяжкий, безсвязный, бурный
сон — обо мне!

ГИМН СВЕТУ

Слава зажигающему солнце и усмиряющему океан!
Слава рассыпающему первую зелень на черных ветках,
дунувшему — и стал ветер,
дохнувшему — и стал туман,
и в родовом колодце мы все отразились в предках.

Слава согревающему зимнее детство,
просветляющему юную кровь,
защищающему нас от ночного страха своею дланью!
Слава тому, кто женщинам дарит любовь,
а мужчинам жалует вожделенное знанье!

Слава украшающему юнцов и юниц,
укрепляющему стариц со стариками,
вскармливающему младенцев,
выпускающему на волю — птиц,
покрывающему наши низости высокими облаками!

Слава посылающему на запад — снег
и зной — на восток,
ударяющему в тимпаны средь камней и пыли,
избавляющему нас от черного дня,
чтоб не копили — впрок,
но странствовали налегке и царственно жили!
Слава благословляющему пчелу и одевающему змею,
слышащему любую цикаду в ночном чертоге!
Слава, слава Тому, с Кем поем мы радость свою,
а страданье и сами мы пели раньше, глядя под ноги!

ПОХВАЛА ОЛЬГЕ

Из глубины души воззову, возжалуюсь, возрыдаю,
ибо душа моя содрогается: вон и прядь у меня седая!
Взбунтовались чувства мои, данью обложенные,
выполнять повинности перестали,
как древляне, подвластные граду Киеву,
против князя его восстали.
Плачь, богомудрая Ольга, по убиенном муже —
Игоре вселюбимом!
Трепещите, денницей наученные,
древляне моего сердца, —
огнем и дымом
будете истреблены за пагубу, за служение супостату,
за погубление своего высокого повелителя
понесете расплату!

Ты, горделивое мое око,
любящее себя во всех отраженьях, во всех
одеяньях,
ты, тщеславное мое дыханье,
кричащее о добрых своих помышленьях,
благородных деяньях,
ты, немилосердное мое сердце,
не прощающее обиды, не спешащее на подмогу,
ты, походка моя неверная,
сворачивающая на унылую, толпящуюся дорогу,

ты, существо мое суеверное,
от ближних шарахающееся, как от порчи
и сглаза,
ты, сладострастное мое мечтание,
любящее убранство, любовную подоплеку
рассказа,
ты, разуменье мое житейское,
разменивающее все, что не влезает в твои карманы,
ты, сознанье мое помраченное,
вместо истины светлой избравшее
свои личные схемы и планы,

вы, лукавые мои губы,
обличающие земную несправедливость,
вы, властолюбивые мои помыслы,
присваивающие чужие владения,
забывающие про стыдливость,
вы, ревнивые мои побуждения,
требующие себе первенства, любви, признанья,
вы, стяжательные мои руки,
чужое с трудом выпускающие, не знающие
подаянья,
вы, лживые мои речи,
кичащиеся высотою смысла, любящие
суетные разговоры,
вы, чувства мои испорченные,
любви убоявшиеся, душегубы, воры!..
Вы, древляне, будете перебиты,
похоронены заживо, выжжены, подобно заразе.
Богомудрая Ольга берется за дело, хороня
любимого князя.

Но уже не вернуть ей живого тепла и таинственной
речи с любовью:
будет Ольга до смерти расхлебывать со слезами
судьбину вдовью.
Но — Бог в помощь на поприще том,
а на поле сражения старом
богомудрая Ольга на бунт окаянных древлян
отвечает мечом и пожаром!
Так и я — в развращенное сердце свое,
в город чувств обезумевших,
в крепость греха и соблазна
чистых жертвенных птиц выпускаю в огне
моего покаянья, —
светло и ужасно

полыхают посады, и гибнут древляне,
и солнце восходит с востока...
Богомудрая Ольга в Царьград собирается,
но — до Царьграда далеко!

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

Пермь

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Земель этих горестный житель,
В объятия ночи и дня.
— Неси меня, Ангел-хранитель,
Неси меня из огня!

Минуя житейские бури
И мнимого рая сады,
Туда, где в небесной лазури,
Качаются Божьи следы.

Где в Крестное знамя закован,
Распятый лучами креста.
Ты верой отцов очарован,
Не видишь, но слышишь Христа.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь Вифлеемскими плодами
Осыпала холодный брег.
Держу перо тремя перстами,
Словно молитву человек.

Звездой Рождественская елка
Благословляет русский снег.
К иголке тянется иголка,
И к человеку человек.

* * *

Как дальше жить?
О чем мечтать?
Отечество не виновато.
Хотя приходится опять
Оберегать, что сердцу свято.

Стоять в родительской глуши,
В монастыре среди молитвы...
Горя, как пламя у свечи,
Как сердце юноши в час битвы.

У ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

В 1936 году рядом с часовней
были заживо закопаны священники...

И я здесь был, за Ксению молился,
Возжег свечу... И дух остановился.

Я вышел. В очи — красная заря,
Кладбищенская затряслась земля,

Российским простакам напоминая
Места, где пировала волчья стая.

Где в яме без молитвы и креста
Толкли живых служителей Христа.

Святая Ксения, моя тропа убога,
Но встанет память Лазарем из гроба.

Ей тыща лет, она, как Русь, мудра,
Ей Пушкин диктовал со смертного одра...

Но служба кончилась, и певчие устали,
К огню свечи я прикоснусь перстами.

Ушло мгновенье — возвращать не надо,
Горит заря, как грозный отблеск ада...

* * *

Ты Урал не в славе — в сраме,
Между небом и землей,
Здесь царевен сапогами
Пролетарский бил конвой.

Где Свердловск и Алапаевск,
Да и Пермь — по грудь в крови...
Не стеная и не каясь
Жили выродки твои.

Бледные синеют лица,
Жутко кожанки скрипят,
Хочешь Богу поклониться —
Да чекисты не велят.

Господи! Твой бич разящий
Не коснулся их голов,
Образ Той животворящий
Не испепелил рабов...

За убийцею убийца
В церкви бродят меж свечей,
И до гроба мне молиться
За уральских палачей.

ТАТЬЯНА ШОРОХОВА

Тосно, Ленинградская обл.

СО СВЕЧОЙ И МОЛИТВОЙ

Вифлеемская звезда — в силе!
И сияние ее — ново!
В запорошенной скорбями России
Бог родился на земле снова.
Пусть утихнут все безумные битвы,
Отогреются сердца хоть немного,
Чтобы снова со свечой и молитвой
В покаянии и нам встретить Бога.

1996

МОЛИТВА К БОГОРОДИЦЕ

Из слезинок молитва строится,
Тает на сердце холод:
— Снизойди и к нам, Богородица,
Посети этот город.
Собери в кабаках, на торжищах,
На больничных постелях
Всех Иванов, родства не помнящих,
Всех Марий на панелях.
Растолкуй им, Заря Небесная,
Свет Явившая людям,
Что повисли они над бездною,
Что себя — не отсудят.
Подыми бедняг из попрания,
Сокруши их кумиров
И погибшим яви взыскание
И спасение — сирым.

В этом мире страстей горячечных
Бестолково-витринном
Исцели нам сердца незрячие
И поставь перед Сыном.
Одари, обожженных гарями,
Покаянною грустью,
Чтобы стали Иваны с Марьями
Светозарною Русью.

МОЛИТВА КО ХРИСТУ

Мой Господь, укрепи меня!
Помоги по-земному слабой
Избежать воды и огня,
Разминуться со тщетной славой.
Эта жизнь для меня сложна...
Не красна я, не в чернобурке,
Но зачем-то Тебе нужна
В граде Тосно и в Петербурге.
Вспоминая и ад, и рай,
Я смотрю и в сердца, и в лица...
Все, что хочешь, возьми. И дай —
Пусть Твой замысел состоится.

МОЛИТВА К ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ

Батюшка Иоанне, пожалей,
Батюшка Иоанне, помолись:
Излей наставлений твоих елей —
На окаянную мою жизнь.

Батюшка Иоанне, помоги,
Батюшка Иоанне, не отринь:
Куда ни глянешь — одни долги,
Одни огрехи — куда ни кинь.

И, что ни слово — то новый грех,
И, что ни дело — то вновь изъян...
Батюшка Иоанне — заступник всех,
Исцели душу мою от ран.

Батюшка Иоанне, меня прости —
Падаю легко, да с трудом встаю.
Беззакония самой мне не извести,
Вот и пришла по молитву твою.

Вспомню смерть — не могу дышать.
Батюшка Иоанне, помоги доспеть:
Все-то стонет моя душа,
А пора бы ей ликовать да петь.

Батюшка Иоанне, у Христа
Испроси для меня благодать,
И для всех, кто тяжесть Креста
От плеч своих не смеет отнять.

Батюшка Иоанне, пожалей,
Батюшка Иоанне, помолись:
Излей наставлений твоих елей
На окаянную мою жизнь.

Батюшка Иоанне, помолись...

НЕ ОСТАВЬ!

На столе —ломоть.
За окном — зима.
Надо мной — Господь.
Подо мною — тьма.
Чередой утех
Промелькнула жизнь.
Руки вскину вверх —
Ноги тянут вниз.
А душа в цепях,
Словно пленница,
На семи страстях
Спит да ленится.
Мне бы плакать в крик —
Сердце высохло.
А святой родник —
В Небе высоко.
И надежды нет —
Ну ни крошечки!
Вдруг забрезжит свет,
Как в окошечке.
Подниму глаза
К лику — с долу я:
Закипит слеза —
Та, которая
На исходе дня
В слове молвится:
— Не оставь меня,
Богородица!

МОЛИТВА АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Шарф на голову — вместо пепла
За такую-сякую жизнь...
Ангел Божий, посланник светлый,
Помолись со мной, помолись.

Все бреду в колее дорожной
Обступивших меня задач.
Ты утешь меня, если можно,
Если нужно, меня оплачь.

Помоги с моей ношей крестной
Во спасенье моей души —
Подскажи земляному сердцу,
Как мне дальше жить, подскажи.

Я небесной любви не стою,
Но прошу — с твоей высоты
Вестью чистою и святою
Мою душу обрадуй ты.
От никчемной себя и жесткой
Я устала и — вот — реву.
Вместо пепла — лоскут неброский
На опущенную главу.

ДЕНЬ ВСЕПРОЩЕНИЯ

Не призывает к мщению
Обид застарелых нить...
В таинстве Всепрощения
Пробую всех простить.

Светят лампадки благостно.
В храме, молясь и любя,
Ближних прощать нетягостно
И — не прощать себя.

Вздох покаянного пения
В Царские входит врата.
Прощеное Воскресение —
Первые слезы поста.

В ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ

В Божьем храме с крестом, на колени,
Проникая в святые слова,
Встали люди, как теплые тени
Светлых ангелов — слуг Божества.

Во спасенье духовные битвы,
Что приводят к источникам слез,
Здесь свиваются в нити молитвы,
Здесь приходит на помощь Христос.

Здесь душою нельзя не согреться,
Разомкнув очерствения плен...
С ясным взором в очах, с чутким сердцем
Поднимаются люди с колен.

Октябрь 2008

ПРОТОИЕРЕЙ АНАТОЛИЙ ТРОХИН

Санкт-Петербург

Из книги «Лепестки плащаницы»

* * *

Дай, Господи, сущим в темницах
Покров и надежду Твою,
Утеши лежащих в больницах —
Забытых в родимом краю.

В приютах, в давильне вокзалов
Старушечьи слезы утри
И брошенных чад из подвалов
В намоленный храм собери.

Будь милостив к немощам нашим —
Любовью сердца напитай,
Из теплой сияющей чаши
Спасительный Дар преподай.

А тем... но не буду об этом...
Кого только нет на Руси.
И тех не остави без света
И, если не поздно, — спаси!

* * *

И взгляды брошенных детей,
И эта пошлость напоказ...
До смерти возлюбив Своей
Ты, Боже, наказуешь нас.

Ты через скорби хочешь вновь
Нас к покаянью привести.
О, дай нам, Господи, любовь!
Чтоб это бремя понести.

* * *

Когда уйду, вы со свечой зажженной
Молитесь обо мне перед Распятьем,
Чтоб мне тогда, по Воле благосклонной,
Стать наименьшим средь спасенных братьев.

Молитесь пред сияющей лампадой
О Царствии Небесном, Жизни Вечной...
Иисусе, не остави без награды
Всех, кто творил по доброте сердечной.

* * *

А в январе так мало света,
Ночь петербургская долга,
И хладны стены кабинета,
Как Черной речки берега.

Детей выносят попрощаться...
И жажды мщенья больше нет.
Но как пред Богом оправдаться
За своеволье юных лет?

Пронзает боль, как воздаянье,
Как резкий выстрел средь снегов,
Но время есть для покаянья
И для прощения врагов.

К чему теперь искать причины?
Он усмирил свой дух и стих
И за полгода до кончины
Сказал: «Владыко дней моих...»

И разрешились все проблемы —
Господь желание приял —
На преподобного Ефрема[1]
Для жизни вечной душу взял.

«Предполагаем жить»... И что же? —
Незримая открылась дверь.
О, Александре, рабе Божий,
В каких селеньях ты теперь?

* * *

Я к родимой земле опускаю главу.
Боже мой, хорошо, что в России живу!
Здесь в отцовских колодцах живая вода,
И Рождественской ночью — святая звезда,

[1] Пушкин скончался в день памяти прп. Ефрема Сирина, на молитву которого он написал стихотворение «Отцы пустынники...»

Запах свежего сена в высоких стогах,
Росчерк ангельских крыльев на белых снегах.
Мой Господь, я Тебя, как умею, пою,
Пред церквушкой любой, словно нищий, стою
И, в слезах принимая Твою правоту,
На погосте склоняюсь щекой ко кресту.

АПОСТОЛУ ИОАННУ БОГОСЛОВУ

Каким глаголом мне тебя почтить,
О, девственниче, дивный и любимый?
Ты судьбы мира смог в себя вместить,
И разум твой, как крылья Серафима.

В тот час, когда сгустилась темнота
И торжества над Богом восхотела, —
«Се сын Твой», — словно голубь со Креста,
Благословенье Божие слетело.

Прими меня под кров своей любви!
Я знаю, что желанье дерзновенно.
О, вымоли меня и призови
В тот град Небесный красоты нетленной!

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА СНЫЧЕВА

Душе его да будет светлый Рай!
Владыка и теперь о нас горюет
И, алчностью распятый, милый край
Любовью и молитвами врачует.

Он словом Божьим укрепляет нас
И «мудрецов» в безумстве обличает...
Звучит над Русью неподкупный глас
И за нее на битву поднимает.

ОПТИНА. ЛИТУРГИЯ В СКИТУ

Дорога светлая и снежная
Среди чернеющих стволов.
Опять летит над нею грешная
Моя душа под тихий кров,

Где дышат стены пением знаменным
И глубиною тайных ран...
Меня встречает взором пламенным
Креститель Спасов — Иоанн.

И вот... За что такое счастие?!
В нетварном радостном огне
Я ощущаю, как Причастие
Сжигает терние во мне.

И без конца — благодарение
И веянье незримых крыл,
И слезы там, в уединении,
Где благодатный старец жил.

ДУША

Помолись вместе с нами, прохожий,
Пусть согреется сердце твое:
«Матерь Божия, Ангеле Божий,
От мытарств оградите ее!

Чтоб была весела и спокойна,
Чтобы Богом была прощена.
Ведь недаром за нас, недостойных,
Каждый день распиналась она».

* * *

На холме, в озерной стороне,
Благовест молитвенен и светел.
Здесь деревья к ясной вышине
Что есть силы тянутся, как дети.

Птицы над деревьями парят,
Улетают, превращаясь в точки.
И качает ветер октября
Гнезд родимых ветхие комочки.

И душа под звон колоколов,
Плачет, отчего — сама не знает.
Будто бы опять поверх голов
Батюшка Евангелие читает.

ДЕНЬ АНГЕЛА

Памяти протоиерея Василия Лесняка

А храм переполнен живыми цветами,
Река благодати под сводом течет,
И батюшка добрый Златыми Вратами
Сердцам благодарным навстречу идет.

Он знает, что жизнь его будет недлинной.
Мы знаем, что можем лишиться отца.
Опять перед нами он в митре старинной,
Как воин, который стоит до конца.

Он всем состраданием в нас прорастает,
Любого из нас понимая без слов.
Он корень глубокий, что ветви питает
Спасительной влагой небесных садов.

Еще не упал он ничком пред иконой,
И «Вечную память» никто не поет.
Еще он меж нами, живой и знакомый,
Нам Тело Христово и Кровь подает.

В КЕЛЬЕ ИОАННА ДАМАСКИНА

На узком ложе не разнежить плоти.
Горит лампада, и дрожит рука.
Душа верна молитвенной работе.
По Божьей воле пишется строка...

Как хочется идти мне за тобою,
Избранный Божьей Матерью певец!
Открою сердце и глаза закрою:
Благослови меня, святой отец!

Не зная послушания науки,
Я пред тобой младенцем лепечу.
Ты чистым сердцем слышишь неба звуки,
А я земную азбуку учу.

АНДРЕЙ ПОПОВ

Сыктывкар

* * *

Помолись обо мне, сынок,
Расскажи про иной покой,
Я от скорби совсем продрог,
Помолись обо мне, родной.

Я с утра разгоняю тьму,
Из души выметаю сор.
Я живу еще потому,
Что с тобой веду разговор.

Снова плачу. И плачет мать.
Поминальный едим обед.
Расскажи, как нам с ней понять,
Что тебя с нами больше нет.

Может, спустишься с высоты,
На минутку зайдешь домой?..
Я так верю, что слышишь ты.
Я так верю, что ты живой.

* * *

Не желайте поэту стихов
В наше время глухое,
Пожелайте прощенья грехов
И покоя, покоя.

Чтоб не рухнул в холодный сугроб
От обиды и водки,
Помолитесь, чтоб тихо усоп —
Незлобивый и кроткий.

Хоть и весело жил, но тужил,
Унывал без причины.
Помолитесь, чтоб он заслужил
Христианской кончины.

Православно, по чину отпет —
Шел небесной дорогой.
И вздохнули бы: умер поэт,
Написал-то немного.

* * *

И алтарям показывали спины,
И гневу предавались в постный день,
И точно не платили десятины,
Предпочитая выпивку и лень.

И колокол гремел неутомимо,
И в третий раз кричали петухи,
А мы смотрели на пожары Рима
И сочиняли новые стихи.

В них удивлялись, что сердца разбиты,
Что благодати не было в огне,
И вдруг вздыхали честно,
словно мытарь:
«О Боже, буди милостив ко мне,
Грешному...»

* * *

Правду Божию
не прочитаешь,
ей не научишься,
ее надо вымолить.

* * *

Верую!
Но вновь далек от Бога,
Далека спасительная суть.
И лежит передо мной дорога,
Зимняя дорога —
Русский путь.

И по ней вести стихотворенья
Уводить, быть может,
в никуда?
Нет, восходим к небу.
Ночь сомненья
Освящает русская звезда.

Непогодит.
Бесы суесловья
Увлекают в бездны времена.
Господи!
Дай русскою любовью
Рассчитаться мне за все —
Сполна.

* * *

Господи, Лазарь, которого любишь Ты, болен,
Жизнь его оставляет, и это совсем не хандра...
Даруй ему исцеление — на всё лишь Твоя воля.
Он говорить не может и встать не может с одра.

Как не отчаяться, Господи! Что же Ты нас оставил?!
Умер в Вифании Лазарь. И мы умрем вместе с ним.
Как нам понять и поверить,
что это не к смерти, а к славе?
Что же Ты медлишь, Господи,
любящим сердцем Твоим?

* * *

Возвожу очи мои к горам.
Пс. 120,1

Я ропот свой совсем не прячу,
В словах печали груб и прям.
Иду Твоей долиной плача,
Но очи возвожу к горам.

А за очами жизни муку
И душу к небу подниму —
Твою искать по-детски руку
И верить смыслу Твоему.
И верить, что мои обиды
Войдут со мной в небесный храм,
И верить, что Ты слезы видишь —
И внемлешь Ты моим слезам.

* * *

Верую, Боже, что слышишь молитву мою,
Что же в ответ молчишь — не пойму причины.
Разве я камень прошу?! Разве прошу змею?!
Господи, я прошу, воскреси мне сына.

Ищущий, Господи, верую, что обрящет
Свет покаяния, истину и покой.
Вот пред Тобою я, верящий и просящий,
Дверь Твоей милости, снова молю, открой.

Как над сыном мертвым рыдала мать и вдова,
Помнишь?— сжалился Ты над ее слезами.
Почему Ты молчишь? Какие нужны слова?
Разве змею прошу?! Или прошу камень?!

МОЛИТВА О МАМЕ

Я верю, смерти нет,
Но есть тревога.
Нет человека, что не согрешит.
Я о тебе молюсь, прошу у Бога,
Прошу покоя для твоей души.

И верю я
В неведомые дали,
Где не считают ночи и года,
Где не бывает никакой печали
И никакой болезни никогда,

Где никакие страсти не бушуют.
«Поправший смерть, спаси и разреши
От всяких уз рабу Твою», — прошу я...
Прошу покоя для твоей души.
И жизнь моя коротенькая длится,
Тревогу повторяя наизусть —
Хотел я научить тебя молиться,
Но только сам никак не научусь.

* * *

Снедает душу вовсе не нужда,
А теплый ум, его скупой расчет,
Мой добрый ангел и моя звезда —
Одна любовь спасает и спасет.

Но искушает варварская речь,
Чужой закон и собственный разброд,
И гибнет от меча поднявший меч —
Одна любовь спасает и спасет.

Со мною помолись, осилим страх,
Злосчастие в сердцах и у ворот.
В земных исканьях и на Небесах —
Одна любовь спасает и спасет.

* * *

Слово «русский» запретно, поэтому честно и сладко, —
Чем настойчивей время твердит свою грозную месть,
Что нет русской души, нет ее непосильной загадки,
Что нет счастья для русской судьбы, —
тем верней они есть.

Тем вернее, что время боится, лукавит, морочит
И, легко раздражаясь, клянет молчаливый народ,
И усердно скрывает под спудом египетской ночи
Вечность русского неба и русского утра приход.

Встанем, братья по слову запретному, справимся
с ложью.
И помыслим о горнем. И вспомним знаменья
святынь,
Что Отечество наше — Престола Господня подножье.
И о нем во спасение душ поревнуем.
Аминь.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ

Над скорбью и любовью воронье.
И ночью плачет мой великий город.
Безлюден праздник. Унижает голод.
Воззри, Господь, на бедствие мое.

Враг превозмог. Умелое копье
Разит моих сынов. А женский ропот
Встречает брань, встречает злобный хохот.
И входит скот в святилище Твое.

Презрен, ограблен, предан, уязвим —
Так согрешил мой Иерусалим,
Так возвеличил смуты и разлады,
Что плен и смерть — теперь его юдоль.
Воззри, Господь!.. Теснит мне сердце боль.
В день гнева Ты не ведаешь пощады.

ПОСЛЕДНИЙ МОНАХ

Монах,
творящий неустанную молитву,
вероятно, не ведает,
что он-то и есть главная угроза
будущему.

Но только по его молитвам —
а как иначе? —
некоторые души волнуются,
начинают прозревать
мерзость запустения,
говорить о конце света.

Какой еще конец света,
фанатики и фашисты?!
Когда надо покупать
телевизоры и гамбургеры,
пить колу
за процветание и новый порядок.

Это все молитва последнего монаха,
Она неустанно колеблет
этот МИР и эту БЕЗОПАСНОСТЬ,
как ни колдуй
по социологическим опросам.

Да воскреснет Бог
и расточатся врази Его!

* * *

Храм, исповедь, тропарь, моленье,
Врачует дух Благая Весть.
И всем векам и поколеньям
Исход из тьмы аптечной есть.

Умрешь — уйдешь в миры иные,
Но вновь разбудит Русь звонарь.
Душа очнется: литургия,
Молитва, исповедь, тропарь.

МАРИЯ СУХОРУКОВА

Нижний Новгород

МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ

Дева Ты моя Премилостивая,
Я к Тебе взываю в тишине,
Горлица моя Чадолюбивая,
Помолись о грешной, обо мне!
Райский Свет, Заря Багряновидная,
Радость, Просиявшая во мгле,
Средь неверья черного, постыдного
Ты Одна — Надежда на земле.
Сына Благодатного Страдалица,
Матерь Непорочная Его,
Не давай душе моей отчаяться,
Дай мне лучик Света Твоего!
В храм спешу, Тебе Одной покорная,
Освети грехов слепую глушь.
А Твои иконы чудотворные —
Родники целебные для душ.
Припадаю к ним, прошу прощения...
И в какой уже не знаю раз
Льются слезы, слезы сокрушения
Влагою горячею из глаз.

МОЛИТВА ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЕ

Чтоб в родимой горнице
Ясный свет не гас,
Пресвятая Троице,
Ты помилуй нас.

Чтоб в рассвете розовом
Пели петухи,
Ты очисти, Господи,
Наши все грехи.
Русская околица,
Обогрей в пути.
Наши беззакония,
Боже мой, прости.
Посети, о Святый, нас,
Жажду утоли,
Исцели все немощи,
Души исцели.
Бог наш! В тихой радости
Лик Твой узнаем.
Сколько ласки, благости
В Имени Твоем!

МОЛИТВА АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Наш Хранитель с крылами пресветлыми,
Вестник наш с золотистым крестом,
Он над снами цветастыми, детскими
Наклонился в моленье святом.
Шепот крыльев до слуха доносится,
Под охраной любой миг и час.
Дети Вечному Ангелу молятся:
«Моли Бога, наш Святый, о нас!»
Шепчет ласково маленький Митенька
В тихой, солнечной голубизне:
«Святый Ангеле, Святый Хранителе,
Моли Господа ты обо мне!»

ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ-МОЛИТВА

Чтоб России нашей сохраниться,
Будем, дети, Боженьке молиться,
На пути, к Нему лишь на пути:
«Господи, помилуй и прости!»
За созданье добрых, честных книжек,
За болящих маленьких детишек,
За отца и бабушку, и маму,
За природу всю: лисичку, ламу.
На пути, лишь к Богу на пути:
«Господи, помилуй и прости!»
За собачку, кошечку, коровку,
За лошадку, соловья и совку
На пути, лишь к Богу на пути:
«Господи, помилуй и прости!»
Принесем же слез народных ношу
Мы за убиенного Алешу —
За Царевича России нашей,
Что любил солдат и щи ел с кашей,
С Ним могли б у нас все дни цвести:
«Господи, помилуй и прости!»
Западом не будем соблазняться
И в его одежды наряжаться,
Надо дружно всем произнести:
«Господи, помилуй и прости!»
Чтоб в сердцах был ясный свет — не вьюга,
Будем же всегда любить друг друга
И друг другу чутко помогать,
Не теряя Божью Благодать,
На пути, лишь к Богу на пути:
«Господи, помилуй и прости!»
Чтобы звуки хаоса не лезли,
Будем петь свои родные песни.
Чтоб текли спокойно наши реки,
Надо не ходить на дискотеки.
Отойдем от дерзкой, черной моды
И водить мы будем хороводы.
Чтоб России нашей сохраниться,
Не устанем, деточки, молиться
На пути, лишь к Богу на пути:
«Господи, помилуй и прости!»
Все живое на родной Руси,
Господи, помилуй и спаси!

ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ

* * *

Когда устанешь от пустых затей
И примешь тихий постриг в отдаленном
Монастыре, среди дубов и кленов
В молитвах и блаженной нищете...

Потом, когда, приблизившись к черте,
Которой нет светлей и сокровенней,
Познаешь Бога в тайном откровенье,
Уста запечатлевши на Кресте, —

В тот смертный час пусть ангел осенит
Тебя крылом и чистою молитвой,
Пусть будет светлым твой последний сон!

... Я просыпаюсь. Тишина звенит,
Рассвет пронзает ночь холодной бритвой.
Кошмарный день встает со всех сторон.

* * *

Путь к высшей цели или просто путь
До смертного креста?

И знать хочу, и страшно заглянуть
В запретные места.

Молюсь Тебе в мучительных стихах,
Но снова не пойму —
Страх перед Богом или просто страх
Остаться одному?

Люблю тебя, как смерть свою люблю,
Как грез невнятных жуть.
Ни мыслью, ни стихом не оскорблю
Возвышенную суть.

Но иногда в горячечных ночах
Глаз воспаленных не могу сомкнуть:
— Страх перед Богом или просто страх?
— Путь к высшей цели или просто путь?

* * *

День пролетел, как светлый херувим,
Оставил лишь волнение в крови.

И долго догорал во мгле закат,
Бросая пламя в монастырский сад.

И ночь плыла, печальна и чиста,
Как образ православного креста.

Молился инок в келии своей,
И вторил тихой песней соловей

В саду пустынном у монастыря...
Вдали дрожала новая заря —

Там день вставал, как церковь на крови,
Как знак неиссякаемой любви.

* * *

России нет. Она себя сожгла...
Максимилиан Волошин

Лихие времена. Тоска в глазах.
Над темной далью колокол усталый
Плывет — и вдруг теряется впотьмах,
Как будто сердце биться перестало.

Что, Русь моя? Ужели это ты
Во тьме времен умолкла тихим стоном?
Но чу! — опять с невемой высоты
Душа блаженным освятится звоном.

О звон иной, нездешней чистоты,
Как благодать пьянящая молитвы!
Горит Восток — что золото разлито,
И золотятся в пламени кресты...

— Ты говоришь — она себя сожгла?
Что ж до утра звонят колокола?

ИРИНА РАТУШИНСКАЯ

МОЛИТВА

Все умеют плакать,
А радоваться — одна.
Богородице-Дево, радуйся, не оставь!
Круче всей морей твоя судьба солона —
Так помилуй нас: научи улыбке уста.
Научи нас радости,
Непутевых чад,
Как учила Сына ходить по Твоей земле.
Мы теперь на ней себе устроили ад;
Научи не сбиться с пути в обозленной мгле!
Погасила Твои лампады моя страна...
Видишь, как нам души судорогой свело!
Всё страшней — суды, а заботишься Ты одна —
Из поруганных риз —
Чтобы нам, дуракам, светло.
Ты одна умеешь — кого же еще просить, —
Отворять врата любовью, а не ключом.
Разожми нам сердца,
Чтобы смели ее вместить,
Как умела разжать младенческий кулачок.

* * *

Помню брошенный храм под Москвою:
Двери настежь, и купол разбит.
И, Дитя заслоняя рукою,
Богородица тихо скорбит,

Что у Мальчика ножки босые,
А опять впереди холода,
Что так страшно по снегу России —
Навсегда — неизвестно куда —
Отпускать темноглазое Чадо,
Чтоб и в этом народе — распять...
Не бросайте каменья, не надо!
Неужели опять и опять —
За любовь, за спасенье и чудо,
За открытый безтрепетный взгляд —
Здесь найдется российский Иуда,
Повторится российский Пилат?
А у нас, у вошедших, — ни крика,
Ни дыхания —
Горло свело:
По Ее материнскому лику
Процарапаны битым стеклом
Матерщины корявые буквы!
И Младенец глядит, как в расстрел:
— Ожидайте,
Я скоро приду к вам!
В вашем северном декабре
Обожжет Мне лицо, но кровавый
Русский путь Я пройду до конца,
Но спрошу вас — из силы и славы:
Что вы сделали с домом Отца?
И стоим перед Ним изваяно,
По подобию сотворены,
И стучит нам в виски, окаянным,
Ощущение общей вины.
Сколько нам — на крестах и на плахах —
Сквозь пожар материнских тревог —
Очищать от позора и праха
В нас поруганный образ Его?
Сколько нам отмывать эту землю
От насилия и ото лжи?
Внемлешь, Господи?
Если внемлешь —
Дай нам силы, чтоб ей служить.

* * *

Третий день беременны тучи,
Животами цепляют стены.
И по норам — каждый ползучий,
И бегущий каждый измучен
И роняет в овраги пену.
Были травы — да все скосили,
Были кони — да стали хромы...
Сердце в обморочном безсилье
Упадает от жажды грома.
Правый Боже,
грянь в этот город
Ярым пламенем добела,
Осени громовым глаголом
Уцелевшие купола!
Счистят площади след неверный
Вместе с кожею мостовой...
Если даже не смоешь скверны —
Хоть яви Свой гнев грозовой!
Голубую Свою зарницу —
Не томи, с руки отпусти!
Видишь, плачет над сыном птица:
Вырос мальчик,
а не летит.

ОДИНОЧЕСТВО

И снова в одиночество, как в воду,
С веселой жутью, с дрожью по хребту.
Кто остаются — мне простят уходы.
Уже так было.
Я опять приду.

Еще горят ожоги жадной суши,
Но губы леденеют глубиной,
И тишина до боли ломит уши.
И меркнет свет,
Ненужный и земной.

Пустые цифры дома-века-года
Смываются с былого бытия.
Там правит сердцем строгая свобода.
Там лишних нет.
Там только Бог и я.

И нет дыханья, чтобы молвить слово.
А только ждешь, что, может быть, опять —
Так редко с лаской, чаще так сурово —
Но прозвучит,
Что Он хотел сказать.

И все. И не позволит задержаться.
И даст посыл: как в поле со двора.
Ты знаешь, Господи, что я хочу остаться.
Я знаю, Господи,
Что не пора.

Но в судороге жесткой, как в конверте,
Выносит ослабевшая рука,
Что вложено в нее — для тех, на тверди:
Жемчужницу,
А может, горсть песка.

Не сразу и разжать.
Но, узнавая,
Но удивляясь, что еще стоят
Все в том же времени и ждут у края —
Протянешь руку: что там, я не знаю.
Но те, кто ждали —
Те всегда простят.

ГЕОРГИЙ ПОЛЯЧЕНКО

МОЛИТВА

Отец наш, Царь на небесах,
Да будет Имя Твое свято, —
Твоею милостью объято
Дыханье всякое и прах.

Приди и царствуй на земле,
Во всем да будет воля Неба,
На день грядущий дай нам хлеба,
Душе не дай пропасть во зле.

Господь! Прости нам тяжкий грех,
Как мы врагам своим прощаем,
Не дай нам сладостных утех,
В которых Бога умерщвляем.

Господь! Сойди в сердца с небес,
Услыши высшее прошенье, —
Не дай ввести нас в искушенье,
Ликует где лукавый бес.

От суеты избави нас,
И всуе да не вспомним Бога,
Да не прельстит нас гордый глас,
Что ближнего осудит строго, —

Прильнув к незримому Лицу,
Внимая внутреннему слуху,
Мы славу воспоем Отцу
И Сыну и Святому Духу.

Пределы времени раздвинь,
Единородный Божий Сыне,
Любовь да будет с нами ныне,
Во веки вечные. Аминь.

* * *

Не рождается истина в споре,
А рождается истина в горе,
На безлюдном безмолвном просторе,
В освященном молитвой затворе.
Не рождается истина в битве,
А рождается в теплой молитве,
В несказанной дарованной сладости,
Онемевшей нечаянной радости.
Открывается истина внове
В озаряющем зреющем слове,
Что уста еще не возвещали,
В вещем Слове, что было в Начале.

* * *

Но есть и Божий суд, наперсники
разврата...

М.Ю. Лермонтов

Нет, не враги Тебя сразили,
Хоть было много их окрест.
Срамные правнуки России,
Глумясь, взвели Тебя на Крест.

Воззрились страстно на распятие,
Без скорби, страха и стыда,
Не слыша пращуров проклятия
И глас грядущего Суда.

Греха в содеянном не видевши,
В Тебя вонзили копие...
Забудь их, Русь, егда приидеши
Ты вновь во Царствие Твое!

ИЗ ИОГАННА ВЕНЦЛЕРА
(†1734)
(Перевод с немецкого)

На кресте — мое спасенье
И моя любовь — Господь.
Губит добрые стремленья
Сатана, вошедший в плоть.
Ты, Господь, даруешь свет,
Без Тебя прозренья нет.
Ты услышь мое моленье,
Ты, Христос, мое спасенье.

На кресте — мое спасенье,
Я Тебе, Христос, молюсь.
Принял смертные мученья
За живущих Иисус.
Сатана не искусит,
Вера мой надежный щит.

Ты услышь мое моленье,
Ты, Христос, мое спасенье.

На кресте — мое спасенье.
Богом жизнь освящена.
Ненавистны искушенья,
О изыди, сатана.
Горе мне, моим сынам,
Если Господа предам.
Ты услышь мое моленье,
Ты, Христос, мое спасенье.

На кресте — мое спасенье,
От Христа не отступлюсь.
Ни почет и ни гоненье
Не расторгнут наших уз.
Я с Тобою, Иисус,
В смертный час соединюсь.
Ты услышь мое моленье,
Ты, Христос, мое спасенье.

На кресте — мое спасенье —
Не разлучит забытье.
Чаю мертвых воскресенье
И Пришествие Твое.
Смерть, приди и прах развей.
Бог — жених души моей.
Ты услышь мое моленье,
Ты, Христос, мое спасенье.

ВЛАДИМИР ПОЛУШИН

Мытищи, Московская обл.

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

В воскресенье упала звезда
В час зари на капустную грядку,
Мать крестилась...
Исусе!.. Беда!..
Пощади нас! И так без достатку.

Возврати Леонида с войны.
Двух кровинок ты взял в ангелочки.
Пусть тебе служат верно сыны,
Хоть отца не губи их!
Нет мочи!..

И ударили вдруг небеса,
Дуб от молнии надвое треснул,
И как эхо, сынов голоса
Принесло с дождевою завесой.

Бой затих, возвратился отец,
Возвратился из пасти дракона,
Сбросил въевшийся в тело свинец —
Год Земля сотрясалась от звона.

А потом, гарь войны соскобля,
Отойдя от недавней печали,
Там, на грядке,
В тиши ноября
Мать с отцом и меня отыскали...

В ХРАМЕ

Вхожу в высокий гулкий храм —
Пылают свечи,
Старухи жмутся по углам,
Понурив плечи.

Чуть слышен голос свысока —
Слова молитвы,
И тянется к кресту рука
В язвах открытых.

И каждый хочет ощутить
Его прощенье,
Чтоб выйти к свету и просить
Дар воскрешенья.

Больную душу напоить
Блаженным светом,
Чтоб без обмана снова жить
На белом свете.

НА КАЗАНСКУЮ

Имя Бога не шепчу я всуе,
И душа теперь бежит от зла.
... Я родился в день, когда ликуют
Всех церквей Руси колокола.

Светлым чувством грудь полна поныне,
Я живу иконою храним,

Словно мать заботится о сыне,
И идет в дорогу вместе с ним.

Здравствуй день, ноябрьский веселый
Со снежком врачующим весь свет,
Освятивший лес, поля и долы,
К небу протянувший светлый след.

Я ступаю по большой планете,
Словно я попал в высокий храм,
Словно сам Господь с небес приметил
И привет послал заблудшим нам.

В храм вхожу — моя душа виднее
В отсветах сияющих огней,
Вижу, как иконы лик светлеет
И молитву шепчет Божья Матерь мне!

Посреди моих земных мгновений
Я отброшу сует прошлых тень.
Пред иконой стану на колени
В день рожденья, в самый светлый день.

НАТАЛЬЯ ЛЯСКОВСКАЯ

САМОЕ ПРОСТОЕ

Раба Божия рябина,
кривобокая, в рябинах,
к церкви приросла.
На ветру промозглом стоя,
просит самое простое:
света и тепла.

Раба Божия Марина
и нарядом из ряднины,
и лицом страшна.
На ветру у церкви стоя,
просит самое простое: хлеба и вина.

Жизнь проходит у рябины,
жизнь проходит у Марины,
и судить не нам,
чем они угодны Богу,
что дается им так много —
жить у входа в храм.

КОНЕЦ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(Икона «Вертоград заключенный» Никиты Павловца)

Вдруг — весна.
Тепло, туман,
дождь опарный льет...
Иеромонах Роман
горестно поет.
С ним и я своим грехам
строго воздаю
и рыдаю, как Адам:
«Раю мой, раю!»
Я рисую, чуть дыша,
чудный детский Лик —
Он с блаженством малыша
к Матери приник.
Золотых деревьев ряд,
птицы да трава...
Губы сами говорят
тихие слова:
«Господи, Исусе мой,
Крине чистоты,
Поле снежное зимой,
Алые цветы!
Спасе, Радосте сердец,
Мира теплота,
Жизни праведной венец,
Славо пресвята!..»
Рисочки на ризах всех
тоненько черчу,
Вертоград в простой красе
заключить хочу.
Боже, дерзость мне прости:
тщусь, забывши страх,
Лик нетленный нанести
на древесный прах!..

* * *

Погладь меня, Господи, по голове.
На это уйдет минута, ну две...
И под утешительной Отчей Рукой
пусть хоть на чуть-чуть
обрету я покой!
Вращается сердце на острой игле.
Ночь. Боль. Вот лекарство стоит на столе.
Жестокой обиды зверек жестяной
живет во мне, жрет меня, властвует мной!
О челюсти лисьи сомнений и муть
мечтаний о мести: убить и уснуть!
Уже не утишить молитвой меня,

уже не залить ледяного огня.
По лезвию мысли упрямо скользя
быть страшной хочу,
если страстной нельзя!
Как Лик на иконе конически строг.
Суд высказан.
Очи глядят на порог.

Такой приговор разве выдержит кто?!
Иду в коридор, надеваю пальто.
Не видь меня, Боже,
не слышь меня, сын,
будь славен Один
и будь счастлив один!
Я вздрогну
и выдерну
ключ из замка —
на голову
тихо
ложится
Р У К А.

ЛЕОНИД ПОБОЖИЙ

Брянск

* * *

Хватало ртов своих у тетки.
Живя без занавесок на окне,
земных богатств не накопивши, все-таки
она приют дала тогда и мне,
казалось, поступивши безрассудно,
взваливши на себя тяжелый груз.

С того теперь и начинаю утро,
что за нее, ушедшую, молюсь.

* * *

Ближе к Богу,
в небес синеву,
новостроек леса устремились.
Вот и в доме, где ныне живу,
все мое бы село разместилось,
то, в котором родился я, рос,
о котором забуду едва ли,
где с высоких, у сада, берез
открывались холмистые дали,
где играл на кругу гармонист,
где под ветхой соломенной крышей
был я нежен, наивен и чист.
Так и к Богу, наверно, был ближе.

* * *

... пустите детей приходить ко Мне...
Евангелие от Марка, гл. 10

Мы в вере — дети,
каждый хил и мал.
Кто ползает,
кто ходит еле-еле.
Нас ветер революций
обвевал,
нас сатана
баюкал в колыбели.
Мы в вере — дети.
Господи, прости
и не вмени грехов нам
наших предков,
топтавших веру на Руси.
Впусти
к ногам Твоим
смиренно бросить ветку.

* * *

Не велик пребывает страж
Двух иконок в квартире.
Пред ними
то, бывает, забуду прочесть
«Отче наш»,
то, входя в новый день,
опускаю «Во имя...».
В том прости меня,
Праведный Боже, молю,
направляй и поступки,
и мысли.
Все я в шоке пока,
все пока во хмелю
от великих и вечных
открывшихся истин.

АЛЕКСАНДР ЖУКОВ

* * *

Не ради корысти спасения
в преддверии судного дня
дай, Господи, мне
просветления —
вложи Свою искру в меня.

Не для Твоего восхваления —
прости меня, Боже, прости! —
дай, Господи, мне
просветления —
чтоб к истине видеть пути.

Чтоб голос Твой всепроникающий,
в словах этой песни,
но — Твой,
дошел до господ и товарищей,
до всякой до твари земной.

Чтоб вещее слово исполнилось
и светом заполнилась мгла,
чтоб души любовью наполнились
и места не стало для зла.

Чтоб все безнадежно пропавшие
Твой образ узрели во мгле,
чтоб ангелы,
ангелы падшие,
вернулись к Тебе на земле.

1996

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Господи,
дай мне покоя душевного
встретить безропотно
день наступающий,
все принимая — дары и лишения,
огнь пепелящий
и свет исцеляющий.
Господи,
что бы ни встретил сегодня я,
слово худое
иль дело недоброе,
дай мне не сделать
тебе неугодное,
мудрость мне дай
и терпение долгое.
Дай не сойти до желания низкого
быть выше всех,
научи неразумного
не унижать ни чужого, ни близкого,
не обижать ни седого, ни юного.
Не оставляй меня, сына незрячего,
дай мне увидеть свои прегрешения,
хладного разума, сердца горячего
в каждом решении,
в каждом свершении.
Дай мне во всякой гордыне
смирение,
дай мне раскаянье, пусть даже позднее.
Светом небесным,
хотя б на мгновение,
взором Своим озари меня,
Господи.

1996

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Уходящее время итожа,
У мутящейся тьмы на краю,
Я прошу о любви Тебя, Боже, —
Чтоб наполнила душу мою
Светом горним, сияньем небесным,
Чтоб сгорела сомнения тень
И не стало в душе моей места
Для обиды за прожитый день,
За недавнюю боль и потери,
Злой навет и невольное зло.
Дай мне, Господи, сердцем поверить,
Что иначе и быть не могло.
Дай оглохшему знак, что не поздно
В этом грохоте жизни земной
Слышать звуки мелодии звездной
И небесной гармонии строй.
Дай слепому сияние слова —
Жар и пламя живого огня
Под покровами пепла земного,

Под золою сгоревшего дня.
Чтобы верить, смежая ресницы,
Что Последнего Времени нет.
Тьма погаснет и день разгорится.
После Ночи да будет Рассвет!

2000

АЛЕКСЕЙ ЛЮБЕГИН

Санкт-Петербург

Из книги «Крылатые песни»

* * *

Служит солнце Творцу благодарный молебен
В дивном граде святого Петра...

О, как воздух святой петербургский целебен,
О, как жизнь несказанно щедра!

Я хочу нараспев повторять Твое имя,
Словно вольные волны в Неве.

Я хотел бы коснуться губами живыми
Золотого креста в синеве.

Я хотел бы в Тебе, словно в Храме, остаться
И высокую службу нести...

О, прости святотатца, прости святотатца,
О, великий, внезапный, прости.

* * *

Все мне казалось: придется безбожно
Жить, пробиваясь в печать,
А оказалось — иное возможно:
Утро молитвой встречать.
В дыме кадильном луга и низины,
Леса молитвенный хор...
Солнце глядит на заблудшего сына,
Лаской смягчая укор.
Жить! Но не только насущного хлеба
Ради, но ради Христа!
Людям безмолвно укажет на Небо
Перст моего креста.

* * *

Идет косьба по всей Руси!
Всемилостивый Боже,
Подай нам вёдро с небеси
И силушку умножи!

И станем мы косить, как встарь,
В лугах в строю едином...
Ты только, Боже, не ударь
Дождем по нашим спинам!

О Матерь Божья! Сохрани
Траву от сеногноя!
На все оставшиеся дни
Пошли побольше зноя!

Да будет сытно до весны
Овечкам и коровам...
Храни народ Твоей Страны
Твоим Златым Покровом!

* * *

Звезда — бледней. Трава — росистей.
Встает в лучах над миром Спас...

— Святии всей Земли Российской,
Молите Господа о нас!

Да отженит междуусобья
Людей на всей Святой Руси! —

— Дух покаянья и беззлобья
В нас, Милосердный, воскреси! —

Очисти помыслы людские
В Афганистане и в Чечне... —

И сыновьям Земли Тверския
Не дай погибнуть на войне... —

Так Богу молятся в избушках
Моей печальной стороны...

Как не молиться о старушках,
Душой болеющих — за ны!

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Памяти протоиерея Василия (Лесняка)

Просветленно возглашает дьякон
В храме: «Со святыми упокой...»
Пастырь добрый, паствою оплакан,
Отошел от мерзости людской.

Слышит шелест ангельских воскрылий...
Славою Небесной осиян,
У Престола Божия Василий
Молится за души россиян...

* * *

В Божьем Храме помню школу,
После школы помню — склад...
А теперь — пустынно, голо...
— Распилили! — говорят.

Храм Предтечи Иоанна,
Прослуживший триста лет,
Распилили... Вот что странно:
Есть дрова, а Храма — нет...

Распилили, раскололи
Церковь Божию в селе...
Дух заходится от боли:
Пусто стало на Земле!

И в намоленном пространстве,
В освященной пустоте
Вопиют об окаянстве
Наши души во Христе...

ДУХОВ ДЕНЬ

В поселке Новом в Божьем Храме
Прошел в молитвах Духов день.
Ковром лежали под ногами
Трава и белая сирень.

Незримо с нами пребывали
Отец, и Сын, и Дух Святой.
Я передать смогу едва ли
Великолепье службы той.

Служили чинно литургию
Преосвященнейший Михей,
Одетый в ризы дорогие,
И настоятель Алексей.

Народу в Храме было много.
Из сердца пастырей благих
Молитвы возносились к Богу
О предстоящих здесь живых,

Молитвы возносились мнози
Перед священным алтарем
О всех, уже почивших в Бозе...
Когда-нибудь и мы умрем.

Но быть живым — какое чудо!
Стоять в молящейся толпе
И Богу петь хвалу, покуда
Язык к гортани не прильпе...

ЧУДО

Словно маков цвет цветет
Божия обитель...
На молитву в Храм идет
Дед-пустынножитель.

Одуванчик-борода,
Кроткий свет во взгляде...
Всем насельникам всегда
Тянет руку дядя!

Дядя Вася — как дитя:
Всем он руку тянет!
Знаю: даже и шутя
Дядя — не обманет!

Дяде Васе руку жму.
Господи Владыко!
Тянут руки все ему —
С мала до велика!

Руки жмет он — всем подряд,
Как с иконки, глядя...
И никто не внидет в ад:
Держит руки дядя!

Не пускает нас во тьму,
Не щадит усилий...
Помогает, знать, ему
Отче наш Василий!

* * *

Не нужно житейского скарба
Покинувшей тело душе,
Смиренной душе Поликарпа,
Живущей у Бога уже.

Отверзнув сердечные уши,
Услышать сподобимся мы
Насельника нашего душу,
Поющую в небе псалмы.

Как павший в сражении воин,
И он удостоен креста,
Креста на Земле удостоен,
За то, что погиб за Христа.

Еще не окончена битва...
И к Божьему Сыну не раз

Возносит усердно молитвы
Душа Поликарпа о нас,

Ведущих земное сраженье
С несметными силами тьмы...
Нельзя потерпеть пораженье!
И в крипте становимся мы

Опять и опять на молитву.
И слышно, как бьются сердца
С врагами незримыми... Битву
Мы будем вести — до конца.

* * *

Молитесь на святые лики
И вспоминайте неустанно
Слова покойного владыки
Митрополита Иоанна,

Что Русь отныне и до века
Престола Божьего подножье,
Престол есть сердце человека,
Живущего во славу Божью!

Что Совесть Русского Народа
В Соборной Церкви Православной!
Не выстоять в борьбе неравной,
Коль будем жить страстям в угоду!

Не выстоять в борьбе неравной,
Коль будем жить и думать розно!
В Соборной Церкви Православной
Сойдемся все, пока не поздно!

Увидим радостные лики
И вспомним дружно, невозбранно
Слова покойного владыки
Митрополита Иоанна,

Что Русь отныне и до века
Престола Божьего подножье,
Престол есть сердце человека,
Живущего во славу Божью!

СПАСИ, ГОСПОДИ

Солнце весело встанет с востока
И увидит с безгрешных высот,
Что к избе без дверей и без окон
Кто-то в белом с погоста идет.

А в черемухе — что за коленца!
Век бы слушал его — соловья!..
...Половицы разобраны в сенцах
Беззащитного горе-жилья.

Здесь работал не Ванька ли Каин?
Ни одной не оставил доски!

Залежался в земле ты, хозяин,
Не дремали твои земляки.

Мне, усопшему, надо немного:
Поглядеть на родные места,
Поклониться безгрешному Богу,
Хоть божница давно уж пуста.

Не скажу землякам: — Ненавижду!
Я, усопший, живым не судья.
Но скажу на прощание трижды:

— Спаси, Господи, люди Твоя!
— Спаси, Господи, люди Твоя!
— Спаси, Господи, люди Твоя!

* * *

Во времена, когда идеи терпят крах,
За деньги и за власть везде идут бои,
Храни тебя Господь на всех твоих путях,
И в чистоте храни все помыслы твои...

НИНА КАРТАШЁВА

ДАР

Вся музыка в Божественной Псалтири,
Поэзии священные ключи,
Натянуты с небес к земле лучи.
Коснись — звучат! Их слышат в горнем мире.
И все оттенки света об одном,
Все звуки разные поют одно и то же.
И весь свой дар мы даром отдаем —
И не убудет дарованье Божье.

* * *

Мало земли — в небеси!
Сколько святых на Руси
Было, и будет, и есть.
В поле колосьев не счесть.
Русь на святых искони —
Сродники наши они.
С ними нам тысяча лет.
Вот и молись, как твой дед.

* * *

Ангел-хранитель, молитва твоя
Вынесла снова меня из огня.
Плачу ли я, или радуюсь я,
Знаю, мой ангел, ты возле меня!

Не разлюби, хоть любви я не стою,
Не отступи своей верой святою —
Может быть, ангел, с помощью Божьей,
Стану, как в детстве, с тобой я похожей.

* * *

Помилуй, грешную, меня
Весна черемухой смеется
В такие заводи маня,
Где память сердца остается.

Опять купальницы цветут
И ждут признаний затаенно,
И птицы в небе упоенно
Крылом до солнца достают.

Но я признанья отклоня,
К вечерне прихожу с цветами,
К иконе припаду устами:
Помилуй, грешную, меня!

С НАМИ БОГ

Рождественская ночь божественно жива!
Вся движется сиянием и снегом,
Возносятся нетленные слова,
Соединяют нашу землю с небом.
Душа общается с небесными детьми,
И детской беззащитностью лучится,
Но ничего худого не случится —
Рождественская ночь не знает тьмы.
И Слава в Вышних в ангелах гремит!
И с нами Бог, как в детстве, говорит!

* * *

Когда моей душе дано прозренье,
Когда светло струится благодать —
Прими, Господь, мое благодаренье,
И помоги не растеряв — раздать.

Я так жалею бедных и безгласных,
Я так жалею темных и скупых.
Дай силы, Господи, в словах Твоих прекрасных
Согреть замученные души их.

* * *

С кем теперь я по душам поговорю?
Небо наклонилось над рекой,
Птичьи гнезда опустели к сентябрю.
До весны безмолвие. Покой.
И зовет величие церквей
Встать в притворе с бабушками в ряд,
И молить о здравии детей
Тех, кто ныне Богу предстоят.
Теплым златом от окладов свет.
Синий ладан ограждает Русь.
Батюшка, согбен от старых бед,
Весь акафист служит наизусть.
Радуйся, Пречистая! Во век —

Не скудеют милости Твои!
И подобен Богу человек
Только в этой жертвенной любви.

* * *

Поюще, к Господу пою,
Взывающе, взываю к воле,
Глаголюще, Ему глаголю,
И вопиюще, вопию:

Как думать о своем спасенье,
Когда весь мир идет ко дну?
А люди славят сатану
И невменяемы в прельщеньи!

И пастырь волку выдает
Свое остриженное стадо,
И никому уже не надо
Моих безсмысленных забот.

К кому, безвластная, иду?
И с кем, безсильная, сражаюсь?
Лишь от беды ищу беду,
И перед злом большим смиряюсь.

Глаголюще, к Творцу глаголю,
Взываю, вопию, пою:
Дай мне Твою постигнуть волю
Всемирной страсти на краю.

Я знаю, так в Твоем Завете.
Но пред Тобою все мы — дети...

* * *

Под сенью храма вечный мой покой.
Не устояла в суете мирской,
Но вырвалась душа моя сюда
И встала здесь отныне навсегда.

И устоит. Покой и благодать,
Невольно и легко стихи слагать,
И Пресвятая Дева ясный Лик
Наклонит надо мной в блаженный миг.
И повторю я строго, неспеша:
Величит Господа моя душа.

ТИХАЯ ЛАМПАДА

Услышь: ко Всенощной звоня,
Зовут и нас войти в ограду.
Читатель, помяни меня
За эту тихую лампаду.

Где бьется сердца огонек,
Питаемый Господним словом.
Пусть и тебе поможет Бог
Не пренебречь нездешним зовом.

Вечерний звон — последний час.
Движенье света на иконах.
Услышь: войти зовут и нас
Домой, наследников законных.

* * *

Обломок свергнутой короны,
Я недостойна, я слаба,
Стою в печали у иконы
Худая Божия раба.

Талант врагом похищен, в землю
С проклятьем заживо зарыт.
Насмешки хульные приемлю,
И род старинный мой забыт.

Премудрости не разумею:
Не открываю древних глаз.
Но Господи! Молиться смею:
Прости нас всех, помилуй нас.

И Бог призрел — и я прозрела
Умывшись теплотою слез:
Цвела сирень, в ней птица пела!
Так из земли талант пророс.

Благодарю, земля родная,
Не помяни обид и зла,
Уж коли выжила я, знаю,
Ты сохранила и спасла.

* * *

На черной парче крест серебряный,
А очи — тоска погребальная,
Стоит православная Сербия,
Гордая, хоть и печальная.

Орда потешается дикая,
Как ей от хозяев приказано.
Россия родная, великая
Сама по рукам крепко связана.

Смерть падает с неба белесого
На православное Косово.
Молюсь преподобному Сергию:
«Пошли своих иноков в Сербию!»

СТАРОМУЧЕНИКАМ Я ЗА РУСЬ...

Старомученикам я за Русь
Аввакумовым я поклоняюсь —
Новомученикам я молюсь,
Убиенным с Царем Николаем.
И во мне их Святой Собор,

Единение и слиянье,
Примиренье от смут и ссор,
Православное их стоянье.
Все шатания на Руси
Начались со времен Раскола.
Отступление, Боже, прости
Не от буквы, а от Глагола.
Но последний нас час соберет,
Страстотерпцев и старых, и новых.
Мы — Единый Собор и Народ
В тайне Тела и Крови Христовых.

ВОТ Я, ГОСПОДИ, ЕСЛИ НИКТО!..

Вот я, Господи, если никто!
Со креста мое слово снято:
За раскол нашу церковь прости,
Тяжело этот камень нести.
Староверам земно поклонюсь,
Пострадавшим за Старую Русь.
Вот я, Боже, прошу за дворян,
Чужеземную принявших лесть,
Оттолкнувших Царя и крестьян
И в масонскую пойманных сеть.
Я за них повинюсь мужикам,
Пусть простят нам языческий срам.
За теперешних тоже прошу,
Сто поклонов земных положу.
Пусть трудящиеся простят,
Что в невежестве их растят.
Вот я, Господи, вновь пред Тобой:
Да, народ наш забит нуждой,
Может, пьющий, но всех кормящий,
Он, народ наш, казалось, пропащий,
Он простил! Значит, он настоящий.
И любовь его во спасение.
Дай ему Твоего Воскресения,
Господи Животворящий!

* * *

Умом, и совестью, и духом соберусь,
Пред Богом встану в схиме и в веригах:
Пусть я умру — но ты воскресни, Русь!
Воскресни прежней Родиной великой,

Ты свято повторила путь Христа,
За мир себя и сына не щадила,
Предательство, несение Креста,
Распятие — все это уже было.

У гроба мироносицей молюсь,
Воскресни, Русь! Сверши обетованье! —
На плащанице страшный след страданья,
Но тела нет во гробе. Встала Русь.

Так бодрствуйте ж теперь, ученики.
Русь явится вам смерти вопреки.

РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Имеющий ухо да слышит,
что Дух говорит церквам...

Откровение
Иоанна Богослова. 3,7

Всенощной службой звездный хор гремел,
В одеждах снежных вся земля сияла!
В ладонях Ангел душу мне согрел,
Чтоб записать могла, чему внимала:

«Российской церкви.
Знаю Скорбь твою,
Не отреклась и сохранила слово —
И дверь перед тобой не затворю,
Храни венцы от помысла худого.

Не бойся ныне все сказать врагу,
К тебе придут во время искушенья.
Тебя во славу Бога сберегу —
Ты совершила подвиг искупленья.

На место, где взорвали светлый храм,
Грядет с небес Храм Нерукотворенный,
Ты столп, и утвержденье веры там.
Пребудь покорной, но не покоренной».

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ

* * *

Мне в жизни надобно немного.
Ни благ, ни счастья — ничего
Я не прошу себе у Бога.

Мое моленье таково:
Пытай меня бедой любою,
О Боже, Господи Ты мой!
Не обдели меня любовью,
Не обойди меня тоской!

ИОВ

Господня воля
В пропасть толкнула меня,
В страшную прорву.
Конец застольям,
Конец — безоблачным дням,
Начало шторму.

Пропали разом
И дом родной, и семья —
Навек исчезли.
И даже разум,
Который прежде сиял,
Разъели черви.

Сорвал одежды
С телес моих ураган,
Облек в лохмотья.
Сверкнула плешью
И пеплом моя голова —
Презренной плотью.

Скрутило члены
Болезнью дикой и злой —
Неизлечимой.
И губы в пене,
И брызжут лимфа и гной
Из сотен чирьев.

Мороз по коже,
Нещадно тело зудит
От зноя, хлада ли.
Но жив я все же,
И бьется сердце в груди,
Как канонада.

В пустыне дикой
Звери рядом и сплошь:
Ложь, лицемерие.
Мукой великой
Купить спасенье пришлось...
Так свято верил я!
. . . . . .

Да, способ грубый,
Но как иначе понять
Хмельную молодость?
«Он знает путь мой.
Пусть испытает меня.
Выйду, как золото!»

ПСАЛОМ

Всемилостивый Бог! Ты нашу жизнь
Отдал на откуп воле человечьей.
И в результате — правит сволочизм,
Цветет гнилье, главенствует увечье.
В моих руках моих поступков нить.
А как мне быть, нигде не говорится:
Ты не хотел, как видно, нас казнить,
Но выдал ордер на самоубийство.

А я — Твой сын. Слепой детеныш. Раб.
Уткнуться в теплоту Твоих коленей,
И ждать покорно у небесных врат
И приговор принять без сожалений —
Предел людских житейских вожделений,
Наш идеал. Увы, Ты дал нам сил
Предполагать, решаться на поступки.
О Господи, как мне невыносим
Весь этот тлен. Нет изощренней муки,
Чем сотню раз на дню себя пытать
Альтернативой, что решить под силу
Лишь высшему Сознанию. Тщета.
И вот теперь, опомнившись, решил я
Покинуть мир, не мешкая ни дня.
Я тороплюсь, спешу к Тебе быстрее...

Ты мог бы положиться на меня,
Когда бы был хоть чуточку мудрее.

РАСПЯТИЕ

Удивительно гулко и пусто.
Голова, как бездонная прорва.
Если ляжешь на ложе Прокруста,
Непременно уложишься в норму.

А вокруг завывают сирены,
Словно нету иной им заботы,
Как вздувать перед вскрытием вены
Безконечным обманом свободы.

Революции, войны, масоны
Наседают столикой ордою...
Но под осень взыграют муссоны
Долгожданным сигналом отбоя.

Но под осень мужают народы —
Тяжко им вековечье обмана,
И любой, даже мизерный продых
Создает — впечатление манны.

Я и сам много лет предавался
Этим гибельным, полым надеждам,
В круговерти безполого вальса,
Когда глиной зелеплены вежды.

Безполезно. Верней — безнадежно...
Выход к свету пытался искать я,
Но в России всегда бездорожье,
А в конце неизменно — Распятье!

Я ВЕРУЮ

О, как мне стать самим собой?
Меня как будто держат цепи.
Прикован кем? С какою целью?
Освобожусь какой ценой?

Все это скрыто серой мглой,
А Хронос, будто бычий цепень
Витки мотает. И, оцеплен

Той пряжей, я везде изгой.
Но скрыть себя никто не в силах,
И, как ни близко до могилы, —
Я верую: мой день придет!

Паук упорный, безсловесный,
Мной уличенный в связи с бездной,
Напрасно тенета плетет.

СОРОК СТРОК

Когда мы уйдем в Катакомбы, **Константин**
прервав унижения нить,
значенье такой гекатомбы
не всем суждено оценить.

И дело тут вовсе не в жертве, **Пётр**
(она только средство, не суть),
но в мере причастности к Церкви,
единой и вечной — к Христу.

Возможно, здесь есть и гордыня, **Иоанн**
но больше нет силы терпеть,
когда оскверняют святыни
и храм превращают в вертеп.

К несчастью, все это известно **Экклезиаст**
от века и нет новизны.
Как круто замешано тесто
в железной квашне сатаны!

Как тяжко нас давят ступени **Исайя**
безсчетных его степеней!..
Итак: упади на колени.
Уйди. Растворись. Не жалей.

Отсель мы не будем на равных **Лука**
с лукавым властителем дум,
но, пастырь овец православных,
к лицу тебе разве триумф?

Пусть жертвенность русская наша **Матфей**
Печатью залепит уста,
Зато очищается чаша,
И в чаше царит чистота.

Под тяжкими сводами ига **Аввакум**
светлее и ярче свеча,
звучит откровеннее книга,
и вера как огнь горяча.

Не сразу придет единенье, **Моисей**
не сразу иссякнет навет;
века пролетят, как мгновенья —
во мраке прорежется свет.

Сплоченные клятвой союза, **Тихон**
мы встанем из персти земной,
и ясное солнце Иисуса
воспрянет над Русской страной!

БАБУШКИНА ИКОНА

Дождь под Пятигорском
омывает рану.
Инстинктивно, скорбно
съежились Тарханы.
Но в тоске смертельной
Бабушка не знает,
что ее Мишеля
Нынче убивают.
Долго не ложится,
ночь лежит без сна,
крестится, божится,
молится она.
Полнится страданьем
безутешный крик.
Тщетны упованья
на Пресветлый лик.
Захлебнувшись стоном,
вдруг произнесла:
«Вынести икону —
Мишу не спасла...»

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ

КРЕСТ ГОСПОДНИЙ

о. Виталию

Радость в душе моей молится трепетно,
В Святом Писании слово найду...
Русским обычьем, березовым лепетом,
Ранней весною к кресту упаду.

Пасха сияет веселою вербою,
Радость, как милость, сочится с небес.
Вот и бредем мы все, грешники, с верою —
Ведь наш Христос в наших душах воскрес!

И по Кузьминской аллее, по липовой
Бедный и слабый струится народ.
Под колокольное нежное кликанье
Всех обнимает у храма Господь...

Будто и не было пота кровавого,
Века кромешного сгинул туман:
«Отче, пошли разумения здравого,
Чтобы не впали мы в новый обман...»

Красная Пасха, как солнышко красное!
Вечность пронзает нас светом своим!
И колокольня, как лебедь прекрасная,
Шлет исцеления звонного дым.

Светится храм, благодатью овеянный,
И состраданье врачует любя:
Ах, не забыли б мы Божье терпение,
Ах, не прошли бы мимо себя...

А над кругами земными все выше
Божьим прощеньем возносится крест...
Ведь наше тайное ухо услышит —
Бога пришедшего светлую весть.

Пасхой весенней, как садом, зацветшая,
Крестится в белых церковках земля,
Русь милосердная, тихо воскресшая,
Лишь о спасении вечном молясь!

18. 05. 2004

МАРИНА КОТОВА

* * *

Вот говорят, что Бог Россию любит,
Но как сурова Отчая любовь!
Он избранных не тешит, не голубит.
Распятого не ужасает кровь.

Но, беды все по-детски забывая,
Вновь молится, раскаяться спеша,
Лесная, луговая, полевая,
Всем все прощающая русская душа.

1997

ЛЮДМИЛА ШЕРШНЁВА

Меллас, Крым

МОЛИТВА ПЕРЕД ИКОНОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ «СЕМИСТРЕЛЬНАЯ»

Матушка Богородица,
Семь стрел отведи...
Тот, кто Тебе помолится,
Свет затеплит в груди.
Чистая Матерь Божия,
Свет милосердной зари,
Праведника и острожника
Радостью одари.
Каждого, кто с надеждою —
Из последних сил —
С робостью и нежностью
Взор к Тебе обратил,
Преодолев мучительно
Путь безконечных бед,
Встретит душа очистительный
Твой негасимый свет.
Самым отпетым грешникам
На планете Зла,
Светлая Заступница,
Ты не жалеешь тепла,
Как не жалеешь
Летнего, ласкового дня...
Радость моя последняя,
Не покидай меня!

* * *

В темном пламенном небе,
Где бушует гроза,
Яркой молнии стебель,
Словно Божьи глаза.
В светлом утреннем храме

Помолюсь о тебе —
Пусть сияет над нами
Свет Господний в судьбе.
И имеющий уши
Да услышит ответ.
Пусть спасет наши души
Немерцающий свет...

* * *

Всех Скорбящих Радость,
Матерь Божия,
Помолись
О горестной душе,
Мне пошли тропу
Средь бездорожия,
Дай надежду —
Не страдать уже,
Когда небо
И горит, и светится
В знак прощенья,
Утешенья мне,
Когда мчится
Рыжая метелица
Осени в сияющем огне...
Всех Скорбящих Радость,
Матерь Божия,
Помолись тихонько
Обо мне.

СВЕТЛАНА ШЕГЕБАЕВА

Ангарск

* * *

На тебя, Господь мой, уповаю,
Пред тобой с молитвою стою.
Я грешна, и я об этом знаю,
Но о милости Тебя молю...

Год за годом, месяцы за месяцем
Я ни с кем страданья не делю.
Мне то верится, а то не верится...
Потому о милости молю...

Я, конечно, не образчик скромности,
И ночами я почти не сплю.
Но вцепившись в жизнь у края пропасти,
Лишь о ней, о милости, молю...

Не казни меня за прегрешения,
О которых искренне скорблю...
Дай надежду мне на утешение —
Об одной лишь милости молю...

Я сама смогу, сумею выстоять —
Ведь, как прежде, верю и люблю.
И не в помощи нуждаюсь — в милости...
Оттого о ней — Тебя молю!

ВАЛЕРИЙ ШЕЛЕГОВ

Канск

РОССИЯ!

Молюсь за тебя
И прощаю
Обиды твои и навет.
Покорно колени склоняю
На прах, где оставлен твой след.
Целую рисунок на прахе
Стопы твоей нежную вязь.
И мерю судьбою на плахе
С тобой неразрывную связь.
Бегу! И в ночи просыпаюсь
В тревоге и в горькой тоске...
Прощаю тебя
И прощаюсь.
Молюсь за тебя при луне.
Молюсь за тебя и вверяю
Всевышнему нашу Судьбу.
Покорно колени склоняю,
Молюсь за тебя. И люблю...

ДИАНА КАН

Новокуйбышевск

* * *

В кругу молчаливых монашек
Смирив горделивую грусть,
В букет монастырских ромашек
Лицом покаянно уткнусь.

Туманы. Дурманы. Обманы...
Вот мир, где познала я тьму.
«Отыди от мене, сатано!» —
При встрече отвечу ему.

Подумаешь, дело какое!
Устав от мирской суеты,
Душа возжелала покоя,
Как птицы хотят высоты.

* * *

Конь буланый. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!

Среди злой хазарской ночи
Сыновьям вослед
Голубые вдовьи очи
Льют свой слезный свет.

И былинное раздолье
Осенил окрест
Православный ветер воли,
Посланный с небес.

Наш поклон родному дому,
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.

* * *

Михаилу Андреевичу Чванову

Табынская икона Божьей Матери!
Дожди хлестали Твой пресветлый лик...
Вилась дорога поминальной скатертью,
Вела за ледяной Карасарык.

Рубцом легла передовая линия
Последней бранной воле вопреки,
Где как лампасы яицкие синие,
Китайские сияют ледники.

...Ужель забыл про атамана Дутова
Высотками застроенный Форштадт?..
Яицкий ветер не окреп покудова,
И корни русские во льдах азийских спят.

Прощаю вас, дома многоэтажные,
За то, что вырастая без корней,
Вы вознеслись, надменные и важные,
Над стороной растоптанной моей.

Средь оренбургской суеты почудится:
Не помнящий ни дедов, ни отцов
Сидит малец на лавочке и щурится
На цепь чужих заснеженных венцов.

Но если приглядеться вдаль внимательно,
Сверкнет во мгле мерцающий ледник —
Табынская икона Божьей Матери,
То светит Твой неугасимый Лик!

11 ФЕВРАЛЯ

Власьев день... Вкушай, Буренушка,
Хлеб с крещенскою водой!
Пей родимую до донышка —
Слаще нет ее, родной!

Пусть сметаною не доишься
Ты, кормилица семьи,
За грехи людские молишься,
Злак вкушаешь от земли.

Севастийский Власий-праведник
Не забыл про грешных нас.
И коровий млечный праздничек
Под конец зимы припас

Молоко течет по вымени,
По копытечку журчит...
Отзвук Велесова имени
В этом праздничке звучит.

* * *

Пора крещенских водосвятий...
Ты поутру пораньше встань.
Мы, помолившись у распятий,
Молчком пойдем на иордань.

По два ведра на коромысле,
Что всклянь полны святой водой,
Прогнавши суетные мысли,
Мы в избу принесем с тобой.

Не сыщешь лучшего лекарства
От хворей всех и всех скорбей.
Зачем нам ехать за три царства
Или за тридевять морей?

Дед тихо стонет на полатях,
Сестрица дышит горячо...
Всем хватит Божьей благодати,
Покуда с нами Бог еще!

* * *

Страшный и давно желанный сон
Мне сегодня на рассвете снился —
Молния прошила небосклон.
Грянул гром. Мужик перекрестился.

Вроде и не Божий он пророк...
Отчего ж так истово и честно
Север, юг, и запад, и восток
Он соединял знаменьем крестным?

Небосводу бил земной поклон
И читал псаломы из Псалтири...
Молния прошила небосклон
И зашила аспидные дырья.

* * *

Золотые отшвырнув оковы,
По миру босое — Боже мой! —
Русское заплаканное Слово,
Ты идешь с поникшей головой.

Не согреет мировая слава,
Не спасет у жизни на краю...
Призывают вороны картаво
Сто смертей на голову Твою.

Расхрабрились, навалились скопом...
Что же, на миру красна и смерть!
Только всем американ-европам
Все равно Тебя не одолеть.

Бедами болезными Твоими
Русь живет и крепнет, не шутя...
Ты у Божьей Матери Марии
Тайное любимое дитя.

Сколько б над Тобою ни клубились
Вороны в завистливой тоске —
Так и говорить не научились
На Твоем великом языке!

* * *

Сынов-мужей мы снарядим на битву
И слезы самоцветные смахнем.
Воскурим ладан. Вознесем молитвы.
Душистою кадильницей взмахнем.

Покуда смерть — языческая жрица —
На поле брани рыщет в скорбный час.
Пусть покаянье с наших уст струится,
И самоцветы катятся из глаз.

Мы верим, что исход сражений бренных
Нетленной Высшей Волей предрешен...
Да не оставит вера благоверных,
Отринувших еду, питье и жен!

Пока сияют с древнего оклада,
И этот свет в столетьях не померк —
Чернено-серебро, червлено-злато
И перекатный жемчуг русских рек!

СЕРГЕЙ ЛАВРОВ

МОЛИТВА

Я в очищение души
Стал верить со времен недальних,
И темнота исповедальных
Меня отныне не страшит.

И, неприступные в ночи,
Молчат затворенные ставни.
Они хранят чужую тайну
И беззащитный свет свечи.

Огонь свечи и тень вины,
Сливаясь, гаснут на ладони.
И пальцы — загнанные кони —
Безумством ласк обожжены.

А ночь нежна, грешна, тиха,
Ночь набожна — молись без страха,
И всепрощающею плахой
Ласкает голову рука.

Недолго ждать, уста в уста,
Пока рассвет сомнет постели.
И отпечатался на теле
Распятья знак — постель Христа.

Я в очищение души
Стал верить со времен недавних.
На плотно притворенных ставнях
Полоска золота дрожит.

1980

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

От Российской Голгофы
Голгофе Господней
Поклонюсь...
И пройду этим скорбным путем.
Все, что было когда-то,
Вершится сегодня,
Повторяется памятью в сердце моем.

Но Голгофой не кончилась эта дорога,
Через души и судьбы она пролегла.
И когда отлучали нас силой от Бога,
Скольким людям в те годы она помогла.

Повторяется жизнь, продолжается время,
И страдальчески смотрит с иконы Христос.
Наши общие беды, как общее бремя,
Принял Он на себя и со всеми их нес.

Потому, может быть, мы сумели осилить
И тюрьму, и войну, и разруху, и страх, —
Что хранила в душе своей веру Россия,
Как хранили Россию мы в наших сердцах.

ГОЛГОФА

Возвышалось распятье
На том самом месте,
Где стоял Его крест...
И подумалось мне:
«Наша горькая жизнь —
Это тоже возмездье,
Ибо лживо живем мы
На этой земле».

Я поставил свечу
Возле Гроба Господня:
Я у Господа милости
Поздней просил,
Чтоб великий народ мой
Он к радости поднял,
Чтобы всем нам хватило
Терпенья и сил.
И когда просветленно
Я вышел из Храма,
Я был полон надежд
Беды все одолеть.
И душа моя, словно
Зажившая рана,
Успокоилась
И перестала болеть.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

США

* * *

Бортнянский. Православная Россия.
Над весями висит, светясь, Ave Maria.
Мы слушаем его, ее, как бы впервые,
взмывая на воздушных завитках.
И музыке в ответ великой, малой, белой
Капелла звездная над певческой Капеллой
в подпругах всеми скрипами запела,
кренясь на серафических ветрах.

Декабрь 1970

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА

* * *

Четыре имени шепчу в ночи пустой:
Мария, Иисус, Господь и Дух Святой.

Марии говорю: «Пойми и защити!»
Христа прошу: «Направь к любви мои пути!»

А Господа молю, чтоб дал Он силы мне
Помочь тем, кто сейчас с бедой наедине.

И как награду я во мраке вижу свет,
Я знаю: Дух Святой оставил этот след.

Раздвинул небеса — и вот уже, легка,
Слетает с губ моих нежданная строка.

И зажигает Он в моей душе свечу.
Я одиночеством за этот миг плачу.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

«УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ»

В окружении лип столетних
Подхожу опять к рубежу.
Я лежу в больнице для бедных —
Справедливо, что здесь лежу.

В шестиместной палате братской,
Где соседи тревожат сон.
В слободе старинной Солдатской
Колокольный слышится звон.

Основала приют Шаховская,
Рядом с домом больных селя.
Тут сегодня тоска такая,
Что готов унижать себя.

Мне с богатством не пофартило,
И карьера не задалась,
Но любви осенила сила,
Покорила лирики власть.

О годах вспоминая прошлых,
Верю больше в добро, чем в зло,
Мне везло на людей хороших
И с тобой, считай, повезло.

Под наплыв малиновый звона
Хоть бы душу свою исцелить!
Смотрит храмовая икона
И печаль спешит утолить.

Верю в лучшее, как вначале,
И мечтаю тебя обнять.
Утоли же мои печали,
Дочь земная и Божья Мать!

ЮРИЙ ЛИННИК

Петрозаводск

ПОСВЯЩЕНЬЕ

Из поэмы «Павел Самосатский»

Для Бога невозможно воплощенье!
  И что же Божий Сын?
Он человек, прошедший посвященье —
  То был его почин.

Всего важнее личные усилья —
  Когда невмоготу терпеть на смерть!
Неведомые крылья
  В молитве обрету —

И вознесусь к небесному престолу —
  Здесь красота и лад.

А что внизу? С высот лазурных долу
Бросаю скорбный взгляд.

Моя земля — подобие острога!
Но тем я душу спас,
Что смог раскрыть в себе задатки Бога —
Он взращивает нас.

АНАФЕМА

Анафема! Замучили Филиппа.
Анафема! Наш Никон заточен.
Анафема! Я вновь кричу до сипа.
Анафема! Не слышат этот стон.

Анафема! Конца не будет смуте.
Анафема! Не чтим святых мощей.
Анафема Иуде и Малюте.
Анафема чекистам всех мастей.

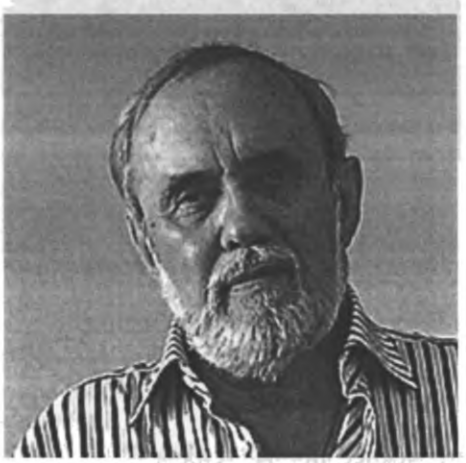
Анафема! Убили Гумилева.
Анафема! Подкошен Мандельштам.
Анафема! Прощай свобода слова.
Анафема сановным палачам.

Анафема! За вечное прельщенье.
Анафема! За путь к небытию.
Анафема! Возможно ли прощенье?
Анафема! Я боли не таю.

Анафема! За сумерки ГУЛАГа.
Анафема! Нет радости в стране.
Анафема! Россия — бедолага.
Анафема! Антихрист — на коне.

БОРИС СИРОТИН

Самара



* * *

О доме, о хлебе заботы,
Но будь хоть полсвета родни,
Без Господа все мы сироты,
Без Бога мы в мире одни.

Тебе не помогут нимало
Ни мать, ни отец, ни семья
Нащупать концы и начала
В громадном клубке бытия,

Когда дует ветер зловещий
И кругом идет голова,
Пред миром, где вещи на вещи
Налезли, слова на слова.

И только лишь с именем Бога
Просторен всегда окоем,
Молитвенно, чисто и строго
Во временном доме твоем.

* * *

В преддверьи Рождества Христова
Нас хвои чуть пьянит настой,
Так слова хочется простого,
Так ласки хочется простой!

Так хочется простой минутой
Дышать, доверившись зиме,
В стране, опять объятой смутой
И прозревающей во тьме...

Ну а из Вечности — нам елка,
Блеск на иголках слюдяной,
И в долгом обмороке Волга
В своей гробнице ледяной.

ВИКТОР КИРЮШИН

НА РУИНАХ ЦЕРКВИ

Чертополох, цветущий скупо,
А там, внутри, который год
Сияет сквозь дырявый купол
Другой, по счастью, вечный свод.

И значит так: в грязи и сраме,
Где под ногами сор и склизь,
Ты все едино в Божьем храме.
Ты не оставлен Им. Молись!

КОНСТАНТИН ПАСКАЛЬ

Рязань

РАДОНИЦА

Благая весть! Христос воскрес из мертвых!
Мне эта весть дороже всех вестей.
Сегодня праздник всех святых и смертных,
Сегодня принимают всех гостей.

На утренней заре в холодном поле
Сижу один и никого не жду.
Прости, Господь, за скромное застолье,
Благослови нехитрую еду.

Потеют огурцы в железной миске,
В газете — хлеб, в стакане — самогон.
Сегодня пью за всех ушедших близких,
Кто был мне другом и кто был врагом.

Эх, знали б вы, как мне вас не хватает,
Как страшно воет на ветру стакан!
Так воет волк, отбившийся от стаи,
Ломая зубы о стальной капкан.

Простите, за кого не расплатился,
Простите, за кого не догрешил...
Спаси, Господь, пока я не напился,
Я свой черед еще не заслужил.

Ты отведи меня к святому Храму
И с миром упокой детей своих.
Прими их, Боже, — правых и неправых,
И сбереги, пожалуйста, живых.

С ушедшими друзьями понемногу
Моя душа уносится во тьму...
Я ставлю свечи и молю у Бога,
Чтоб не остаться в поле одному.

ЕКАТЕРИНА СЫРЦОВА

* * *

Господи, сохрани!
Их на многие, многие дни!
Без болезней и без скорбей
Сбереги до конца дней.

Господи, проведи!
Через многие, многие дни
В чистоте сквозь страстей пучину
Пелагею, Екатерину!

Господи, не нужна
Славы, почестей пелена.
Мудрости дай и силы
Василию, Алексию!

Господи, помоги!
Их до старости убереги.
После долгих прошения лет
Дай спасения вечного свет.

ВОСПОМИНАНИЕ О СУЗДАЛЬСКОМ ПОКРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Там, средь надежных монастырских стен,
Душа хотела б грешная укрыться
От бурь житейских и от перемен,
От страха и желанья обмирщиться.

Среди покоя вечного лесов,
В обители надежд и высшей силы
Искала б истин и простых основ,
Для тела тленного — ко времени могилы.

Свободы от надменного ума,
Опоры для податливого сердца
Туда бы гордость, может, не смогла
Пролезть в игольно-узенькую дверцу.

Там так прекрасно было б умереть
Средь черных ряс и снежно-белых храмов.
И, может быть, таинственная смерть
Страшила бы уже не так упрямо.

Оставив самолюбие свое,
Собою быть, не ведая измены.
Возможно ли, София? Там ее
Молитвами напитанные стены.

Там вихрь страстей, дневная суета,
Кошмар ночных сомнений — отступают.
Реальность? Да. Прекрасная мечта
Души ленивой, слабой? Да... Не знаю.

Там, где-то там, среди больших снегов
Далекая иль близкая, кто знает?
Средь обветшалых стареньких домов
Жемчужина суровая сверкает.

ВЛАДИМИР ХОХЛЕВ

Санкт-Петербург

МОЛИТВА

О Боже милосердный! неужели
Души скорбящей не услышишь стон,
Когда Твое создание без цели
Живет в миру, не ведая закон?

Когда забыты строгие обеты,
Когда святыни преданы легко,
Князь мира подает свои советы,
Проникнув в души слишком глубоко.

Пусть человеку не дано постигнуть
Твоих, Творец, ни сроков, ни путей,
Но, Боже мой, не допусти — погибнуть!
Не дай исчезнуть в омуте страстей!

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН

Брянск

* * *

Речь несвязна и убога.
Неизвестен смертный час.
Что же нам просить у Бога?
Бог и так услышит нас.

Перед небом в звездных искрах,
Средь разверзшихся могил,
Лишь о судьбах самых близких
Я бы Господа молил.

Божий свет — благой и милый
Разливается в груди.
Святый Господи, помилуй,
Сохрани и пощади!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Приумножает пашня плод,
Что умер, падши ниц со стебля.
Жизнь разумеет свой черед,
  Восстав из пепла.

И солнце благостно, и плоть
Чиста, очистившись от стужи.
Не оставляй, храни, Господь,
  Наш мир и души.

Незрим среди листвы и трав,
Ты — здесь — как свет, как вешний ветер,
Своею смертью смерть поправ —
  Высок и светел.

И дольний прах, что скрыт во мгле,
Восходит отзвуками речи
Навстречу солнцу и земле:
  «Христос воскресе!..»

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ

* * *

Я из молитвы матери иду,
Слова забыв, к великому стыду,
В каком году отплачу, отпирую,
Освобожу сорочку роковую.
Освобожу, а ближе не найду.

Никто не знает по моей вине
Твоей судьбы, доверенной стерне
Осеннего тускнеющего луга.
Ты — кровь моя, советчица, подруга —
Пойди назад, вернись, поведай мне
Молитву сильной матери моей,
Однажды победившей страх распада
И вынесшей из голоса людей
Молитвою разбуженное чадо.

ОЛЕГ АЛЕШКИН

Руза

В КРАЮ МОЛИТВЫ И ПОСТА

Окутан дымкой белый клирос,
Прощально слышится: «Прости!»
Мне счастье лунное приснилось
На нашем солнечном пути.
Под тихий звук церковной песни
В краю молитвы и поста
Господь в сиянии Небесном
С Любовью смотрит со Креста.
Горят торжественно лампады,
Чтоб никогда не догореть.
Мне счастья большего не надо,
Как образ Божий лицезреть.

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

МОЛИТВА

Нет, не хотел бы навсегда упасть,
пока плачу долги,
пока живу тревожно,
покуда дрожь листвы
во мне восходит дрожью,
покуда не чужда душе
земная страсть, —
нет, не хотел бы навсегда упасть.

Пусть день ветрами
грубо щеки жжет,
пусть ночь идет,
бедою наполняя,
пусть черств ломоть —
остаток каравая,
но — должником...

Да Бог убережет!
А коль придется все-таки упасть
у той черты стремительной — до срока,
пусть ясная откроется дорога
к сердцам людским —
в последний,
в первый раз!
Чтоб в них,
хоть малой мерою,
вошло
мое простое чистое тепло.

НАТАЛЬЯ ПИСКУНОВА

Санкт-Петербург

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Если я перестану дышать
И пойду по долине печали,
Разрывая реальности гладь,
Кто-то тихо вздохнет за плечами.

Закричу — пред Тобой упаду
И затихну в преддверьи разлуки,
В покаянную грусть-лебеду
Опущу занемевшие руки.

Разобью стекленеющий вой
О могильные белые плиты.
На земле, окруженная тьмой,
Я Твоей не просила защиты.

А сейчас умоляю — скорей,
Ткань души истрепалась до нитки,
Черный строй красноглазых теней
Тычет пальцем в объемные свитки.

Я молюсь — каменеют слова,
Мелким гравием падают в ноги.
Знаю, я виновата сама,
Что иной не избрала дороги...

* * *

Я люблю смотреть, как плачут свечи
В храме Божьем перед образами,
Заливая жаркими слезами
Худенькие восковые плечи.
Встану пред иконой Чудотворца
И воскликну: отче Николае!
От печалей и скорбей сгораю,
Вместо сердца ощущаю солнце.
Душу вышептать в священный воздух,
Что слова! как влить в них синь полета?
Только знаю, рай на крыльях звездных
Спрятан там за строгостью киота.
Я глаза неспешно поднимаю, —
Лучиками мокрые ресницы.
Повторяю: отче Николае...
И не знаю, как еще молиться.
На иконе, темной и старинной,
Небо пишет красками святыми,
Затихают восковые гимны,
И печаль уходит вместе с ними.

ВИКТОР ПЕТРОВ

Ростов-на-Дону

МОЛИТВА

Незряче зрю, кричу безгласно:
о где Ты, Господи, теперь?!
До помраченья стало ясно:
зовется жизнью сонм потерь.

Душа не избежит крушенья,
стеная в смрадном полусне...
Умрут со мною прегрешенья,
я знаю — нет прощенья мне!

Зальюсь безумными слезами
и покаянно в храм войду:
за все, что было, будет с нами,
отвечу Высшему суду.

Незримых ангелов на хорах
увижу во тщете мирской,
и памятку в печальный ворох
я положу за упокой...

ТАТЬЯНА БЫЧКОВСКАЯ (1963—2001)

* * *

Мне в эту ночь виденье было...
То сила вышняя явила
Свой лик печальный и немой.
Глаза огромные страдали,

Но нет, они не осуждали,
Лишь умоляли — стань другой.

Они глядели прямо в душу.
А я, лицо уткнув в подушку,
Битком набитую свинцом,
Молилась, становясь все строже...
А утром в зеркало прихожей
Смотрело взрослое лицо.

1992

* * *

Эй, старуха-горюха,
Та-та-та на войну...
Вася, 3 года

Эй, старуха-горюха,
Выходи на войну!
Защити-ка, старуха,
Ты родную страну.

Дети, внуки, что гости,
Всё пустили в распыл...
Собирай свои кости,
Выползай из могил!

Строем плотным старухи
Горьких, русских веков,
Все горюхи... горюхи...
Миллиард старых вдов.

Что-то в мире сломалось,
Помраченье нашло.
К вашим детям подкралось
Вездесущее зло,

Зло дурманит рассудок,
Умерщвляет сердца,
Рядит в мех проституток,
Изгоняет отца.

Выходите на битву
Кто в платках, кто в чепцах...
Русь не в сраме — в молитве,
В ваших светлых сердцах.

Только вы разберетесь,
Зло побьете клюкой...
А потом вы вернетесь
Вновь на вечный покой.

И опомнятся дети...
Ратный подвиг старух
Породит в этом свете
Тыщи новых горюх.

1998

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЕ В СОЧЕЛЬНИК

Царапая пальцами стылую твердь,
Кружит, завывая, метель-коловерть
Средь сосен.
Но словно «безсмертье» в наградных листах
Сочится сукровицей клюквы в лесах:
Жди весен!

Суставами веток скрипят дерева,
Спеша одолеть ледяной перевал
Николы.
И прахом снегов по погостам пыля,
Идет в наступленье зима на поля
И долы.

Белее венчального платья парчи.
И ярого воска молебной свечи, —
Свет снега.
И с лютым морозом бороться устав,
Река начала слюдяной ледостав
От брега.

Пусть выпьет простор лубяные глаза
Того, кто забыл голоса, образа
России!
Их душ купину не согреют костры,
И вороном ночь упадет на кресты
Косые.

Мне вечно блуждать между русских равнин,
Рождеств и Крещений, святых именин
Любимых,

И слышать, как мерзлую землю грызет
Стремящийся к солнцу зеленый народ
Озимых.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Непроглядны сумерки под елками...
В таинстве рождественской ночи,
Холода сквозят меж рамы щелками,
Щелкают поленьями в печи.

Вся Россия ждет, на небо глядючи,
Первозвездья драгоценный дар:
Кривичи, радимичи и вятичи,
По деревням, селам, городам.

На земле, где мною столько хожено,
Где делил с друзьями черный хлеб,
Вьюгой бездорожье запорошено,
Долог путь в рождественский вертеп.

От острога и горючей паперти
На Руси не зарекаться стать.
В женщине с глазами Богоматери
Узнаю свою родную мать.

Над землей, которой
Богом дадено
Мужества на долгие века,
Проплывают облаки из ладана,
Мчатся снеговые облака.

Но в сугробы страхи и сомнения
Опадут, как прошлого листва.
В полночи высокое мгновение
Светлого начала Рождества!

РОЖДЕСТВО НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Святая ночь, святое торжество —
Настало,
и шагами пилигрима
Спускается на стогны Рождество
Со стен и башен Иерусалима.

В небесной грусти Гефсиманский сад.
Песок и камень овамо и семо.
Здесь пуп земли, так книги говорят.
Здесь луч Звезды достигнул Вифлеема.

Здесь нет лесов, где правят волшебство
И колядуя, втайне тешат беса,
Но все равно встречают Рождество
Желанное и жданное...
Завеса.

В сочельник расточается пурги,
Ложась пуховым платом на дороги.
Здесь не слышны тяжелые шаги
И к валенкам привычны с детства ноги.

Отсюда так далек Ершалаим
Библейский,
над Гихона берегами.
Здесь торжествует в силе Третий Рим —
Московия, над грузными снегами!

Здесь я рожден, и будит сердце зря
Загадочной страны призыв и вызов,
Восточная лимонная заря,
Русскоязычный шепот кипарисов.

СРЕТЕНИЕ

Не рассветает... Смутен зимний сон.
Метели бьют на вылет и на вынос.
На аналое — инея антиминс,
На колокольнях — куколи ворон
Чернеют...
Непрогляден окоем.
Не рассветает... Сон медвежий смутен,
И не понять, толь сумерки, толь сутемь
Витают над разбуженным огнем

Лампады...
Но простуженный тропарь
Вещает, что близка весны примета —
День встречи с Новым — Ветхого Завета,
День Сретенья, говаривали встарь

В России...
Здесь весомы, но нежны
Снега ложатся в тракты и дороги.
И чаще встреч — разлуки на пороге,
И чаще песен — ектеньи слышны.

Под небом,
на которое рассвет
Вернется, и с надеждой будет встречен
В день Сретенья, который свят и вечен,
Для тех, кто верит, что разлуки нет!

ВОИНАМ РОССИИ

Вдоль речки дымится порез
Не сомкнутых льдов по стремнине.
Никак не кончается лес
На русской безкрайней равнине.

В галопе крещенской пурги,
Под платом рождественской ночи,
Таятся в чащобах враги,
Мерцают разбойные очи.

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия — вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.

Какой заповедной строкой
Пришедшей на память молитвы,

Хоть на год продлить твой покой,
Чтоб силы достало для битвы!?

Но нет, не расходится мгла,
И рваные тучи теснятся.
На струганых досках стола
Харлуг и прадедовы святцы.

Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом,
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.

И дланью обнял рукоять,
Расслышав отцовское слово:
Рожденным в России — опять
Средь поля стоять Куликова!

И падать от стрел и от смут
За Правду — в Великом походе...
А мертвые — срам не имут,
Они — по ночам к нам приходят

Затем, чтоб внести в литию
Забытого воина имя.
И места все меньше в строю
Осталось
меж нами и ними!

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Канон византийских слов
Псалтиря покрыл страницы.
На утлых плечах крестов —
Смольё прилетевшей птицы.

С утра тверёз пономарь,
И дьякона рык раскатист.
Сейчас допоют тропарь,
Но не начнут акафист.

А в поле — уже весна,
И робкая всходит озимь,
И клетка поста тесна
Душе, устремленной в просинь.

Но грузом вериг на ней
Лежит в ледяных оковах
Россия апрельских дней,
Россия страстей Христовых.

Распята меж двух миров,
На двух веков перекрестке...
И отблеск свечей багров
Над черным оплывом воска.

ВЕРБНОЕ

На Вербное кружился снег,
И дрожь метельных лихорадок
Ломала птичьих стай порядок,
Устроенный из века в век.
России вечная зима!..
На Благовещенье сурово
Упали памятью Покрова
Снега, как оттиски клейма.
Из високосного былого,
Из продувного октября...
Но провозвестная заря
Сочилась с неба голубого
И зажигала краснотал
Великопостными свечами,
И под холодными лучами
На склонах вереск расцветал!
И шла шуга по руслам рек
Зимы исходом и итогом...
И, как неправда, по дорогам
На Вербное ложился снег!

СВЕТЛЫЙ КАНУН

Хмурень, просинец, снежень проминули;
Март низринул зимы алтари.
Божьи длани над Русью раздвинули
Занавески пасхальной зари.

В небе белые лебеди маются,
Под шугой мечут щуки икру,
Колоколенки звонами каются
На простылом осеннем ветру.

И горит обветшалою лопотью
Прошлогоднего лета трава.
В мире пасмурно, сыро и хлопотно,
И безсмысленны всуе слова.

В кисее фиолетовой сутеми,
На исходе ненастного дня
Перед ликом Вселенского Судии
Строг молитвенный сполох огня.

И лежит за Великими поймами
Рек, смывающих прошлого груз,
Гулевая, святая, пропойная,
Неуемная — вечная Русь!

ТРЕТИНЫ

Видишь, мама, тепло полуночное,
Что нежданно настало на май,
Не прогрело могилу песочную,
Где и мне предначертанный край.

Где моей забубенной головушке,
Пятаками прикроют глаза...
Холодна ты лежала... Ни кровушки...
Только с неба скатилась слеза

И осталась печатью на венчике,
Положившем земному предел...
А из кущи Ваганьковской — женщине,
Самой нежной — соловушка спел!

Аллилуйя его безымянная,
За оградой слышна на версту!
Мне бежать бы в места покаянные,
Да куда от погоста уйду?

И пускай распускается поросль,
И шиповника острый венец...
Нам лежать, слава Богу — не порознь:
Я, да ты, да чуть ближе — отец.

Расцветает сирень и черемуха.
На кресте золотятся слова...
Черным страхом могильного омута
Цепенеет с утра голова.

Но над старого кладбища ветлами,
Неба купола нимб голубой.
Там и встретимся, милая, светлая,
Незабвенная, в пору с тобой!

УСПЕНИЕ

И снова август — венценосный гость,
В моем отдельно избранном районе,
Пришел в июле, опершись на трость
Кленовою,
чтоб замереть в проеме

Открытых глаз, упершихся в черту
Успенья лета и успенья воли,
Познавших безполезную тщету
Возвыситься до той, что на Престоле

Средь Горних высей пребывает днесь...
Под омофором пурпура и злата
Желтеет отраженным светом лес
В молчании прощального заката.

До сентября дождливого успеть
Услышать неземного хора пенье,
Чтоб стала продолженьем жизни смерть,
Отмеченная праздником Успенья!

И прозревали вековую тьму
На Елеоне собранные гости:
Елабугу, Елань и Елатьму
Российские укромные погосты.

Нам всем на них встречаться в скорбный час,
И каждому содеется по вере...
И осыпает жито третий спас,
И зажигает свечи поздний клевер.

УСПЕНЬЕ ЛЕТА

Лето кануло солнцем за раменье.
Медь заката пошла за пустяк.
Спас ореховый — осени знаменье
На утиный встает перетяг.

Затихает церковное пение,
Неподвижна осока в пруду,
Богородицы кроткой Успение
Бабье лето ведет в поводу.

Стадо кленов гусиными лапами
Вперевалку топочет жнивье,
И развешано белыми флагами
Облаков кучевое белье.

Вот и все... Улыбаясь измученно,
Жаркий август бредет на погост,
Лишь пылится дороги излучина,
Да Успенский кончается пост,

Да ложится роса на обочины,
На которых не видно души,
И ведут заполошные кочеты
Перекличку в осенней тиши.

ОСЕННИЙ МОРОК

Крыто небо облаков овчинами,
В бездорожье увязает взгляд...
Над холмами, рощами, лощинами
Лебеди усталые летят.

Пестрых листьев шутовской заплатою,
По лешачьей просеке бредя,
Вдосталь налюбуешься, крылатая
Вынет осень душу у тебя!

И помчит немерeными верстами,
Под мерцаньем отгоревших звезд,
Над заросших пажитей коростами,
Над землей, безмолвной, как погост.

Где рубили конники Батыевы
Для костров на щепоть образа.
Где в пустынных храмах веки Виевы
Прятали змеиные глаза.

Но пока притихшая околица
Слушает врага разбойный скок,
За дубравой скрыта княжья конница,
И со стягов грозно смотрит Бог.

И звучат от праздника Успения.
Через Рождество — на Покрова,

В каждом вещем сердце — песнопения,
К мужеству зовущие слова!

Да не занесет степной порошею
Крест отцов, не сорванный с груди!..
Осень, осень, сбереги хорошее,
А плохим — души не береди!

И покуда стаи в небо млечное,
Запоздав, уходят до зари,
Подари им бабье лето вечное,
На путях спаси и сохрани!

* * *

Вернись, я шаги твои слышу.
Такими уходит судьба...
А небо все ниже и ниже,
И значит — скорее мольба

Дойдет, долетит, достучится
В закрытые рая врата.
Души белокрылая птица
Над месивом снега и льда

Забьется в немом исступленье,
Не в силах покинуть июнь,
И ладана дымом, как тенью,
Замглится церковный канун.

Свечой опаленные руки
Выводят уставной строкой:
«Господь, упаси от разлуки,
А если конец — упокой...»

И эти неровные строки,
Как помыслы детства, чисты.
И встанут на крае дороги
Процветшего древа кресты.

И будет рассыпано брашно
Печалью поминной кутьи,
И лягут легко и нестрашно
На плечи ладони твои.

10 февраля 2008

АЛЕКСАНДР РУСАНОВ

Череповец

* * *

Все роздано и брошено на ветер.
Печально и темно в моей судьбе.
Как будто и не жил на белом свете,
А только так — томился по себе.

Молю себе я, Господи, иного —
Возстави душу на Твои дела...
На Бронной Иоанна Богослова
К заутрене звонят колокола.

* * *

Тихо-то как на рассвете...
Век бы печали не знал.
Облако белое плыло.
Маленький мальчик бежал.
Словно вчера это было...
Детства родное село.
Что-то о вечности зная,
Встала душа на крыло.
Память мою выкликая,
Лает щенок у крыльца...
Облако белое плыло.
Смех молодого отца.
Что-то небесное было
В этой неровной судьбе.
Тихо-то как на рассвете...
Господи, слава Тебе!

* * *

А мы мельчаем в разговорах —
Как ни взгляни, со всех сторон...
Ночных видений шум и шорох
Тревожат безпокойный сон.

А дни летят... Мы не моложе,
Но думаем — все впереди...
На ратный подвиг нас, о Боже,
Не позабудь, но призови!

МИХАИЛ КИЛЬДЯШОВ

Оренбург

* * *

Я чернец. Не входи в мою келью,
Слышишь, Бога прошу не гневи,
Не хочу предаваться веселью,
Не хочу предаваться любви.

Я аскет. Не тревожь мою келью,
Знаешь заповедь: «Не искушай»?
Не плескай здесь любовное зелье
И покоя меня не лишай.

Не живу монастырской артелью,
Одиночества я не боюсь,
Я отшельник. Оставь мою келью,
Я за душу твою помолюсь.

В ПОИСКАХ ЗЕМЛИ

Мы теперь не знаем, что нас ждет:
Мы который день не видим суши,

Мы кричим: «Спасите наши души» —
Отпускаем ворона в полет.

Ни к чему нам плуг или соха,
Пусть вода запомнит наши лица,
Если не сумеем расселиться
На земле, свободной от греха.

Молим о случайном островке,
Словно о великом Божьем даре,
Не беда, что твари — все по паре —
Говорим на общем языке.

По воде никто здесь не пройдет,
Ворон не достиг заветной суши,
Шепотом: «Спасите наши души» —
Голубь устремляется в полет.

Господи, помилуй, просветли!
Позабудем про вражду, про битвы,
Обещаем выучить молитвы,
Если доберемся до земли.

Мы своим предчувствиям верны,
Мы в скитаньях стали молчаливы...
Голубь — в клюве веточка оливы —
Значит, наконец-то спасены.

МИХАИЛ АКСЕНОВ

Брянск

ИДИ — И ПОЙ ВО БЛАГО ЖИЗНИ!

Я помню матери слова:
«Сынок, иди своей дорогой.
И пусть зеленая трава
в пути согреет твои ноги.
Молиться буду за тебя,
встречая день родной Отчизны.
Иди — и береги себя.
Иди — и пой во благо жизни!»

ПАСХА В РОДНОМ СЕЛЕ

Среднерусской полосою прозывается
и березовой сторонкой прослыла.
Моя Родина — невестушка, красавица
от Кремля и до родимого села.

Все пути твои, дороги открываются...
Пасху празднует родная наша Русь.
Моя Родина — невестушка, красавица,
все тропинки твои знаю наизусть.

О БОГ ВСЕВЫШНИЙ!

О Бог Всевышний! Дай мне силы
любить, творить и созидать,
чтоб от рожденья до могилы
Тебя познать и воспевать.

О Бог Всевышний! Дай мне силы
быть добрым, твердым до конца,
чтоб злые люди не разбили
Тобой сплетенного венца.

О Бог Всевышний! Дай мне силы
быть нежным сердцем и душой,
чтобы под пенье возлюбил я
Твой Вечный Свет и разум Твой.

ВЛАДИМИР МАРУХИН

Санкт-Петербург

МИЛОСТЫНЯ

Мне с детства жизнь оттачивала слух —
Людскую слышать фальшь любого рода.

Я получил немало оплеух
За милости...
С чужого огорода.
И догонял, освистывая, кнут,
И угощали грязью сапожища...
Но горестнее не было минут,
Чем те, когда не мог подать я нищим.
Когда в дому — ни крохи,
Будешь скуп
И не подашь ни старцу,
Ни малютке...
Тогда больней своих разбитых скул
Я чувствовал пустые их желудки.

Теперь,
Когда с протянутой рукой
Они стоят в метро и у пивнушек,
И есть, что им подать, и нелегко
От нищих отличить мне побирушек,
В глаза их отстраненные взгляну
И, бросив деньги,
Поспешу я дальше...
О Господи, спаси мою страну
От голода духовного и фальши!

МОЙ КРЕСТ

... И возвратится прах в землю,
чем он и был, а дух возвратится
к Богу, который дал его...
Екклесиаст

Мне все трудней,
Предощущая тлен,
Своей животной потакать природе.
Земная жизнь —
Она лишь краткий плен
Моей души в тисках у бренной плоти.
Все ближе сферы паки бытия,

Мне горестно, что райских кущ не стою...
Но, многогрешный,
Может быть, и я,
Раскаявшись, прощенья удостоюсь?
При жизни плоть одухотворена,
Но в землю обращается она,
И вольный дух,
Как блудный сын к отцу,
Покорно возвращается к Творцу...
Куда ушли безверия года?
Я понял, пред Его распятьем стоя:
Стяжать при этой жизни благодать
Святого Духа —
Всех страданий стоит.
И радости мгновенья, и тоски
Проходят — не успеешь оглянуться...
Уставшей плоти
Бренные тиски
Пред вечностью
Однажды разомкнутся!

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ

Валерию Филимонову

1

На судне монастырском уплыву
На Валаам — забыть мирские блага...
Как в чудном сне, касаюсь наяву
Родных икон в тиши архипелага.
С одеждами монахов
Схожи ночи, —
Близ осени таинственно черны,
А утром скалы будто мироточат
И светом изнутри озарены.

Мощей святых не счесть по всей округе,
От них благоухают острова;
Молитвы вашей жду,
Святые други,
Как знойно ждет воды с небес — трава.
Прошу молитв, —
Такой уж день сегодня:
Моя душа ваш подвиг ясно зрит
И потому горит,

Горит,
Горит
В ней Свет Преображения Господня!

2

Друзей терял я истинных,
А мнимых —
Приобретал,
Как знанья из плохих
Бездарных книг...
Обманывал любимых,
Невольно сам обманывался в них...
За все меня,
Родимые,
Простите, —
Пред исповедью обращаюсь к вам:
Чтоб не был на меня никто в обиде,—
Тогда войти мне будет легче в храм!

3

Тогда, блаженный духом, будто нищий,
С молитвой покидая Валаам
И возвращаясь в мир,
На пепелище
Своей души,
Горящей по грехам,
Прощал я все —
И другам,
И врагам!

ВАЛЕНТИНА ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

Омск

* * *

Прохлопали заветное...
И гонит тучи ветрами
К нам с инородных мест.
От слез глаза туманятся,
От боли души плавятся,
Когда глядим окрест:
За каждою околицей,
Под пустошью неволится
Земля — родная Русь.
Бурьянов понавыросло
Рожь потеснив, повыпростав...
В полях гуляет грусть.
Березы белокорые,
Нравом непокорные —
На четырех ветрах.
О, сколько русских воинов
Под ними упокоено —
Да будет свят их прах!
Неймется тучам с Запада —
С восходом, днем и заполночь,
Грозятся взять в полон...
Очнитесь, православные,
Неужто пооослабли мы.
Церквей не слышим звон?!
С разором миром справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лен с пшеницею...
И русские традиции,
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист-лазорев цвет.
Умывшись ранней зорькою,
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Сыктывкар

ВЗДОХ

Трудная дорога.
Грусть острее бритвы.
Донесись до Бога,
Вздох моей молитвы.

Не проси ни хлеба,
Ни наград, ни славы,
Донесись до Неба,
Вздох моей державы.

Словно из острога,
Словно без исхода,
Донесись до Бога,
Тихий вздох народа.

Вечная подмога,
Слабый и не главный,
Донесись до Бога,
Вздох мой православный.

Путь мой верой вышит
И с надеждой прожит.
Знаю, Бог услышит,
Верю, Бог поможет.

* * *

Над миром — тень Креста Господня...
Кого опять распнут сегодня —
Мучительно и не спеша?
У каждого — своя Голгофа,
Но смерть еще не катастрофа —
Готовься к вечности, душа!

Не предавай, не продавайся,
От Божьих рук не отбивайся,

Пусть за тобою ни гроша.
Пусть ты бываешь безшабашной,
Не забывай, что Суд, он Страшный...
Готовься к вечности, душа!

Не верь обману и злословью,
Будь счастлива одной любовью,
Дела житейские верша.
Над миром — тень Креста Господня...
Кого опять распнут сегодня?
Готовься к вечности, душа!

НЕКТАР

Святым нектаром Божьей благодати
Душа невыразимая полна.
Как радостно молить Христа о брате,
Испив с ним чашу трудную до дна!

Пусть брат не знает о молитве этой,
Но и в его душе, как тайный дар,
Вдруг возникает несводимой метой
Святой любви и радости нектар.

ПАСХА. 2009

За атмосферою —
Сфера Небес.
Господи, верую
И без чудес.

Господи, Боже мой!
Разве не Твой
В выси нехоженой
Храм огневой?

Разве рассеяна
Воля Твоя?
С верой затеяна
Боль бытия.

С верой — в сражение,
С верой — на крест.
Жду воскрешения
Сущих окрест.

Жду человечности
Новых времен,
Ведь к райской вечности
Путь устремлен.

За атмосферою —
Сфера Небес.
Господи! Верую —
Ты же воскрес.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Ночь над храмом — словно сон святого.
Ловит вечной бездной, не дыша,
Каждое молитвенное слово.
К тайне Воскресения Христова
Прикоснись, очистившись, душа.

Прикоснись к небесной благодати
И до самых слёз её вдохни.
Не о славе думай, не о злате.
Где-то там, на жизненном закате,
Ждут тебя Пасхальные огни.

Не исчезнет жизнь твоя, не канет,
Прахом не рассыплется, как плоть.
Тьмой глаза твои не затуманит,
И тебе воскреснуть час настанет,
Смертью смерть с молитвой побороть.

Господи! Как ночь Твоя бескрайна!
Знаю, не откроется вовек
Ни святым прозреньем, ни случайно
Воскресения Христова тайна,
Ибо недостоин человек.

Но огни Пасхальные, как свечи,
Не погаснут в душах христиан.
Слышу, слышу ангельские речи
О великом счастье вечной встречи.
Ночь над храмом — Божий океан.

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ

До неба вырастут грехи,
Умолкнет гром последней битвы,
И в прах рассыплются стихи —
Останутся одни молитвы.

В алмазы превратится грязь,
И станут ризами одежды,
И, Божьей милости дивясь,
Набрякнут мудростью невежды.

И исцелит от злобы яд,
И встанет на ноги увечный...
И в адском пламени сгорят
Все, кто отринет свет предвечный.

ОЛЕГ ЕФИМОВ

МУЗЫКА СТИХА

Молю Тебя! Звучать, звучать вели!
Дар голубиный — музыку стиха
Отступнику — Утешитель, пошли!
Коснись перстом, очисти от греха!
Порви оковы черной немоты!
Живой воды спасительный родник
Пусть зазвенит во имя Красоты!
Душа иссохла... Жаждет ученик.
Господь, Учитель! Наказуй, взимай!
Не попускай плутать в мирской ночи!
Зови, веди! Но только — не молчи!
Но только музыку — не отнимай!

ОПРАВДАНИЕ

(О поэте и поэзии)

Высшее назначение поэзии,
ее смысл — евхаристический.
Арх. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)

Не я, не я, — но Ты, Господь, даруешь
Мне строки долгожданные, как милость,
Как знаменье о том, что существуешь
Един держащий, чтобы жизнь продлилась.

Копье пера пронзает плоть листа,
В вине благоуханном — слов сплетенья,
С молитвой покаянной на устах,
Жду чуда — Слова воплощенья.

Душа сораспинаясь оживет,
Озарена благим Фаворским светом
Создавшего все сущее поет,
В стихах надеясь вымолить поэта...

Но... дар безценный можно ль оправдать?
Крик заглушить бунтующего чрева,
Всю жизнь взбираться вверх и... Не достать.
Без Воли свыше — не коснуться древа!

МОЛИТВА

Отче Николае, вымоли!
Пальцы дрожащие выровни.
Разве мы счастливы не были...
Дай на денек еще времени.

Буквы священные плавали,
Губы шептали — дай выстоять.
Блудному парусу — гавани,
Отче Николае, — высмотри.

В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ

Помилуй мя, Боже,
Прости меня,
Правый,
За грешное ложе,
Желание славы.

Разрушь в одночасье
Пристрастий обузы.
Фальшивого счастья
Греховные узы.

Пошли вразумленья
Ума не по летам,
Но без промедленья —
Терпения нету...

Речей нетерпенье
Спаситель услышал,
Чрез Царские врата
Навстречу мне вышел.

Его я не видел,
А Он улыбался...
Молись, мое чадо, —
За вас Я распялся.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Отчего в душе нету благости,
Ведь седмицы Светлой нынче первый день?
Отчего же сердцу так тягостно,
Нерадивому — зачем радоваться лень?..

Разгони печаль-тоску, Господи,
Из души моей грех изгони вон,
Покажи щедрот Твоих россыпи,
Радости Святой подари звон.

Отведи дожди скверных помыслов,
Укрепи, укрой душу слабую,
Укажи мне путь светом Промысла,
Для греха закрой сердца клапаны.

А когда мою душу грешную
Принесут к стопам Твоей вечности,
Ты утешь меня кашей гречневой
Век мечтавшего лишь о нежности...

ИКОНА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ «ВСЕЦАРИЦА»

Трона Небесного Дева Пречистая.
Верные Ангелы Деве служащие.
Дивно поддержанный силой воздушною.
Словно парит над рукой материнскою
Отрок Спаситель — Христос исцеляющий.
Правой десницы перстами сложенными
Мир стоболезный крестом осеняющий.

О Всецарица! Души врачевание!
Рака душевного опухоль страстную
Вырежи скальпелем Сына Всесильного —
Путь ко спасению нам указавшего.
Кровью пасхальною Мир искупившего.
Тайну великую людям открывшего:
«Бог — есть Любовь!»

ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ!

Ты снова милуешь меня!
В соленых брызгах, пенных волнах,
В багровом умиранье дня,
И в парусах, ветрами полных
Ты снова милуешь меня!

Ты любишь, Господи, меня!
Мое предательство прощаешь,
И стайкой пестрого малька,
Мелькнувшей в море у буйка,
Меня, как прежде, утешаешь.

Пока Ты милуешь меня...
День наступивший рассыпает
Следы Твоих отметин вечных,
Моих следов, как жизнь конечных
Волна отметины смывает.

Помилуй, Господи, меня!
В песке, воде, цветах и травах —
Тепло небесного огня.
Повсюду — Ты, Держатель правый.
Помилуй, Господи, меня!

НИКОЛАЙ ЗАИКИН

* * *

Что так в молитвы ударился истово,
Легкой судьбой пренебрег?
Чем привлекли тебя новые истины,
Что для души не сберег?

Тихо живешь в незаметной обители,
Землю поклонами бьешь.
Ты ли обидел, тебя ли обидели,
Разве теперь разберешь?

Это уже не имеет значения.
Выбран единственный путь.
Самый проверенный способ лечения.
Только настойчивым будь.

КРЕЩЕНИЕ

Дети вырастут, спасут,
Что погибнуть не успело.
Их родители несут
К очистительной купели.

И с надеждою в глазах,
В издавна заблудших душах
Видят тайну в образах,
От которых слезы душат.

* * *

Храни, Господь, родные души,
От злых людей оберегай,
Как в сильный дождь кусочек суши,
За беззащитность не ругай.

Они научены другому,
Другая роль досталась им —
Беречь тепло родного дома,
Как по привычке говорим.

* * *

Да будет по глаголу Твоему,
Не искупивший, головы не поднимаю,
И, может быть, уже не подниму,
Несправедливость тяжело воспринимаю.

Последний шанс использовать спешу,
Но милосердия не жду, не предрекаю,
Удачи незаслуженной прошу,
И в молчаливости Тебя не упрекаю.

* * *

Божий день, и ночь нежна,
Утро их венчало.
Мама, доченька, жена,
Три моих начала.

Жизнью кровь остужена
Так или иначе,
Мама, доченька, жена,
Три моих удачи.

Каждая навек дана,
Свыше награжденье,
Мама, доченька, жена,
Три моих рожденья.

Радость эта суждена,
Светел лес осенний,
Мама, доченька, жена,
Три моих спасенья.

Сердце с разумом в ладу,
И спокойны речи.
Троекратно крест кладу,
Ставлю, ставлю свечи.

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

Санкт-Петербург

МОЛИТВЫ

1

Раззолотили образ Спасов блики.
Благоухает медом воск свечей.
Смиренны лица. Осияны лики.
Владыке Сущего — поток людских речей.

«Царю Небесный, нас спаси, помилуй!» —
Перекликаются молитвами века,
И мнится мне: голубкой сизокрылой
Душа летит над бездною греха.

Молитва примиряет с сердцем разум,
С душой мятежной — страждущую плоть.
Всесведущ Бог, и слышит всех Он сразу,
И каждому откликнется Господь.

2

Над озером Дымским рассветная дымка,
Как ладан, просторно курится.
Покажется окуня темная спинка,

Всплакнет одинокая птица.
Средь озера камень — иль виден, иль тонет:
К нему по воде лишь дорога.
На камне молился отшельник Антоний
В года стародавние — Богу.

Молился, теснимый волнами, ветрами,
Скрипели угрюмые ели,
Молился под хмурыми небесами —
Они от молитвы светлели.

Молился и вымолил столпник-святитель,
Являя любовь и смиренье,
Дремучему краю — Святую обитель
И Матери Божьей явленье.

* * *

Отверзаю уста во славу
милосердия Твоего, —
ни единому гласу, слову
невозможно воспеть его
в полноте, заключенной в Бозе.
И, смывая грехов былье,
на Твои пречистыя нозе
сердце слезы незримо льет.
Пред Тобой я честнее ночью,
звуки, светы все погасив...
Строгий, пристальноокий Отче,
стыдно мне о себе просить.
В страхе Божьем молитвы глухи,
чту Иисусову, чуть дыша.
Я — как слабый зародыш в Духе,
пуповине подобна душа.
Из «ничто» прорастает в «нечто»
в небе тонкий лунный серпец.
Помоги мне родиться в Вечность,
Всепрощающий мой Отец!

* * *

Молю я, чтоб вышние силы церковной молитвы
Заполнили душу, как чашу небес журавли,
Чтоб иноки, воины тяжкой невидимой битвы,
Стояли, как встарь, на духовных границах земли,
И чтобы над морем загадочной русской печали,
Как дымы кадильниц, клубились легко облака,
И чтоб состраданием наши сердца умягчались,
И чтобы вела нас в безсмертие Божья рука.

* * *

Я образ чудотворный поцелую,
Иконе Приснодевы поклонюсь:
«Царица, сохрани, спаси родную
Великую Твою Святую Русь!»
Оболганная, в рубище, босая,
Страна моя страдает, веря в то,
Что тем страданьем Бог ее спасает
И что сильна — с молитвой и крестом,
Что кто-то, возгоревшись духом в теле,
Как Сергий Преподобный, мастерит,
Из вековых, до нас доживших елей,
Пока еще не нареченный скит...

* * *

Господь, помилуй, обогрей
Зимою долгой, лютой
Сорок, синичек, снегирей —
Скитальцев без приюта,
И уготовь несчастным сень —
Под елью, под стрехою,
И горстку ржи в голодный день
Подай моей рукою.

КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕР

На паперть слетелись синички.
Мороз разгорается зло.
А здесь, в деревянной церквичке,
От светлой молитвы тепло.

Здесь тает земное страданье,
Окошко полно луной,
Но в солнечном одеянье
Священник с седой головой.

Причастность людскую к страсти,
Которая застит свет,
Он лечит Святым причастьем
К мирам, где болезней нет...

КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОСЕЛКЕ ВЫРИЦА

В лесном краю, в грибном краю,
Средь сосен островерхих
Возносит маковку свою
К небесной выси церковь.
Рассветы, звезды, облака
Крестом благословенны,
А рядом Оредеж-река
В красе своей смиренна.
Та церковь златом не блестит,
Но благостным свеченьем
Заря сруб храма золотит
В час праздничной вечерни,
Когда, как в дедовой Руси,
Взывая к Божьей силе,
Поют здесь: «Господи, спаси
И сохрани Россию!»

ВОЙНА СВЯЩЕННАЯ

Без креста в 41-м встречала
Русь-Россия врагов своих.
«Жди меня» — молитвой звучало,
Словно ладанка был тот стих.

Как с икон, смотрела с плакатов
Богородицей Родина-мать.
Уходили на фронт солдаты,
Не умевшие крест целовать,
Но, как витязи в русской сказке,
Сокрушили логово зла...
День Победы и праздник Пасхи —
Жизни два багряных крыла!

СТАРИКИ

Не меркнет лик пречистыя реки,
И словно не стареют Росси зданья.
Но в городе должны быть старики!
Безсмертье достижимо состраданьем.
Живых да будет много стариков,
Ворчливых, поучающих, усталых,
Пусть обойденных славою веков,
Но для меня звучат, как с пьедесталов,
Знакомые рассказы их про те
Сто двадцать пять спасительных блокадных,
Про горький бой в кромешной темноте,
Про сладость слез победных и наградных.
Без вечностных опор ветшает кров,
Душа без памяти безсовестна и лжива.
Помолимся за наших стариков —
Подольше бы, родные, были живы...

В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Разбивается ветер о купы дерев,
Что листвою рокочут, как море.
Но спокойно безбрежен мажорный распев
Поминальной молитвы в соборе.

Поминает священник Гангут, Наварин,
Основателя тверди Кронштадта,
«Трех святителей» подвиг, Казарского чин,
Краснозвездных героев Балтфлота.

И влажнеют глаза молодых моряков,
И колени касаются пола,
И присягу Отчизне на веки веков
Освящает с иконы Никола.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ РОДИОНОВА, КАЗНЕННОГО ЧЕЧЕНСКИМИ БОЕВИКАМИ, МЕСТНОЧТИМОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТОГО

Молюсь за упокой, стары слова,
Душа печалится, но утешает сладко
Сознание того, что Русь жива,
Что русский дух до сей поры загадка,
Которой так боится ворог-бес,
Перед которой вновь безсильны тати:
Пошел на смерть за православный крест
Русоволосый худенький солдатик.
Ушел он в тот простор нездешних мест,
Где встречь ему выходит Богоматерь...

ЛЕВ КОТЮКОВ

МОЛИТВА

Горний Храм земная бездна рушит,
Сгинул смысл в безсмысленной борьбе.
Некого молить за наши души,
Господи, Тебе.

И душа немеет от страданья,
И, страдая, в крик исходит плоть,
И за нас в Молчанье Мирозданья
Молится Господь.

СИОНСКИЙ МОТИВ

> При реках Вавилона — там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень!
> *Псалтирь, 136 Псалом Давида*

На реках Вавилона, вдали от гор и моря,
Как вербы над песками звенели арфы горя.

Звенели арфы горя, сияли в реках Луны,
И слезы орошали немолкнущие струны.

В дыму над облаками светились в росах розы,
И реки Вавилона смывали в море слезы.

Но сатана безстрастно карал врагов Сиона,
И разбивал младенцев о камни Вавилона.

Рыдали арфы горя. Темнели в реках Луны.
И слезы высыхали на поседевших струнах.

Но сладок дым свободы. Смолкали арфы-вербы.
И осыпались розы на прах Сиона с неба.

И все опять сойдется в последней тайне века —
Вдали от гор и моря на Вавилонских реках.

БОРИС ОРЛОВ

Санкт-Петербург

* * *

Белая церковка в березняке —
Белая птица на белой руке.

Льется, смиренной молитвой согрет,
С белого купола ангельский свет.

Словно лампаду, Господь, не гаси
Белую жизнь в православной Руси.

В белые теплые майские дни
Белую птицу мою не спугни.

* * *

Памяти монахини бабушки Елены,
нянчившей меня в раннем детстве

Уютен скромный уголок
Избы. В окошко солнце светит.
Я не один — со мною Бог,
Нет одиночества на свете...

Забыло скрип шагов крыльцо.
Икона. Свет лампадки зыбкий.
И Богородицы лицо
Слегка озарено улыбкой.

Молитва. Библия в руке.
Блистает день закатной гранью.
И дремлет в Божьем уголке,
В клубок свернувшись, мирозданье.

* * *

Ирэне Сергеевой

Горячих молитва остудит,
Замерзших согреет. Меня
Спасет... Люди — все-таки люди,
Не ангелы. Судного дня
Дождутся, хотя не желают...
Накажет Господь и простит.
Молитвой к небесному раю
Указаны людям пути.

* * *

Звездный свет над землей струится,
И душа оставляет плоть.
Полночь. Время пришло молиться
На творенья Твои, Господь!
Помолиться за то, что будет,
И за то, что уже прошло.
Сумрак выдохнуть полной грудью,
Чтобы душу не обожгло.
Вспоминаю родные лица
Сквозь безлунный небесный свет.
Невозможно не помолиться
За живых и за тех, что нет
С нами... Плачет ночная птица.
Звездный свет — в перекрестьях рам.
И молиться бы, и молиться
На дороге, ведущей в храм.

ПАСХА

Как зеленый пар, струится в небо
Первая пушистая листва.
Молимся неистово и слепо,
Превратив желания в слова.

В сердце словом, как электротоком,
Бьет...И слезы катятся дождем.
Наша жизнь — душа в разлуке с Богом:
От Него ушли, к Нему придем.

* * *

Я люблю весенний шум сосны
И апрельский голос певчей птицы.
Помолюсь за сирых и больных,
За которых некому молиться.

Кружатся над храмом журавли,
И пылится сельская дорога.
К падшим состраданья и любви
Попрошу молитвою у Бога.

Завернется вечер в звездный плед,
И туман повиснет над рекою.
Кто-нибудь помолится мне вслед,
Пожелав смиренья и покоя.

* * *

Памяти матери
Евдокии Константиновны Орловой

Дождичек вымыл рамы.
Слезы бегут из глаз.
Вот и не стало мамы
В тихий Медовый Спас.

За упокой молебен,
Свечи горят, дрожа.
Облачком белым в небе
К Богу летит душа.

Свет и прохлада храма,
Кладбище за стеной.
Вот и не стало мамы
В жизни моей земной.

* * *

Грешен, грешен... Господи, прости! —
Искушен плохими новостями:
В государствах правят не вожди,
А людишки с темными страстями.

И не образа, а зеркала
Любят, отражаясь в них, как в лужах...
Ублажают смертные тела,
Забывая о безсмертных душах.

И не зарастет страна мытарств
Для вождей, возросших на коварстве.
Сотни параллельных государств
Существуют в нашем государстве.

Грешен, грешен... Но Благую весть
Я услышу — не умолкнет лира.
Чтобы видеть мир таким, как есть,
Не пытаюсь сотворить кумира.

* * *

Скорбит у крыльца осина.
Над крышей умолк скворец.
«Во имя Отца и Сына...»
В могильной земле отец.
Цветут лопухи у тына.
В бурьяне увяз овин.
Во имя отца и сына
Ушел на чужбину сын.

В отцовской избе пустынно.
В углах полумрак и стынь.
«Во имя Отца и Сына...
Аминь!»

* * *

Помнят здесь старинные законы
И по-русски просто говорят.
А старухи в черном, как вороны,
На скамьях осиновых сидят.

Мудрые они и верят в Бога
И творят молитвы против бед.
Но в бурьяне прячется дорога,
И детей давно в селенье нет.

И, на миг забыв Святого Духа,
Кутаясь в дырявое пальто,
Плачет журавлям вослед старуха:
«Где ж ты, Русь, совьешь себе гнездо?»

* * *

Юрию Шестакову

Битва за веру. Ручьями —
Кровь. Шепот русских молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

Крепче и камня, и стали
Вера... Я верен, клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов —
Смотрит с хоругвей Христос.

...В наших каютах и кельях
Молится Родина-мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

ТАТЬЯНА ШОРЫГИНА

ЛЕТИ, МОЛИТВА, В НЕБЕСА!

Лети, молитва, в небеса!
Лети легко и без усилья.
Пост даст моей молитве крылья,
Пост — сотворяет чудеса!

Молитва кроткая моя,
Взлетай над миром выше, выше,
Молюсь о счастье близких я
И верю, Бог меня услышит!

ПОСТ И МОЛИТВА

Пост — драгоценное наследье старины.
Нам заповеди мудрые даны
Отцами нашими.
Они пришли из древности глубокой.
Постились и святые, и пророки.

Пост и молитва душу укрепляют,
Пост и молитва разум просветляют,
Пост и молитва юность просвещают,
Пост и молитва старцев украшают,
Пост и молитва Высшею рукой
Нам посылают радость и покой.

ПЕРЕД ОБРАЗОМ

Когда я перед образом молилась,
Слова простые с верою шепча,
Душа моя согрелась, прояснилась —
Как будто в темноте зажглась свеча.
Взмахнув крылами, улетели тени,
Зловещие, как стая воронья,
Рассеялись тревоги и сомненья,
И свет Небесный озарил меня.

* * *

Отче! Прости их, ибо не знают,
что делают!

Евангелие от Луки

Помолюсь сегодня не за близких,
Безконечно милых, дорогих.
Нет! Сегодня помолюсь за низких —
За врагов, гонителей моих.

Помолюсь за тех, кто унижает,
Кто по каплям кровь живую пьет,
Кто со света белого сживает,
Кто творить спокойно не дает!

И за тех, кто обливает ложью
И меня, и всех друзей подряд.
Ты прости их, милостивый Боже,
Ведь они не знают, что творят!

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Каждому знакомы
Мудрые слова:
«Хлеб — хозяин дома,
Всему он голова!»

Крепкою державой
Его звали встарь.
Хлебушек по праву
В государстве — царь!

Яровой, озимый...
Он питает нас,
Как отец родимый,
Каждый день и час.

Он дороже злата,
Серебра ценней,
Крепкого булата
Хлебушек сильней!

Хлеб — живая сущность
Неба и земли.
Хлебушек насущный
Нам, Господь, пошли!

ВО ДНИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

В дни Великого поста
Душу я слезой омою,
Чтоб душа была чиста
И сияла красотою.

На колени тихо встану,
У иконы помолюсь.
От коварства и обмана
И от гнева удалюсь.

Все обиды я прощу,
Сердце доброте открою,
Ни о чем не загрущу
И забуду все плохое.

Не скажу я ни о ком
Осуждающего слова,
И молитвой, и постом
Чту я заповедь Христову.

В дни Великого поста
Душу я слезой омою,
Чтоб душа была чиста
И сияла красотою!

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

Белгород

* * *

За то, что опытность в грехах,
как мудрость я ценил.
За то, что я
не тех,
не так любил
и благодать на грех менял,
Господь,
прости меня.

За то, что между Сциллой и Харибдой
я невредимым тщусь пройти,
за то, что правду путал с кривдой,
прости меня, Господь, прости.

За то, что чью-то боль
пинал, как мячик,
за то, что в горле ком,
и кто-то где-то плачет,
за то, что необузданная плоть
добру в душе мешает прорасти,
прости меня, Господь...
и за стихи
прости.

МАРИНА КУЛАКОВА

Н. Новгород

МОЛИТВА

От снега летящего, белого инея,
От муки и ясности этой, —
Храни тебя темное, теплое, синее,
Целебное, травное лето.
От этого темного, гиблого, властного,
Змеиного, пьяного лета, —
Храни тебя осень — прозрачная, ясная,
Храни тебя хладом и светом.
От света слепящего, слова разящего,
Полуденной пыли и скверны,
От шума шумящего, взгляда скользящего,—
Храни тебя сумрак вечерний.
От молний сомненья, безмолвных и жутких,
От прорубей черных ответов,
От воплей летящего в вечность рассудка, —
Храни тебя время рассвета.
Да минут мгновенья,
И ночи, и дни,
От всех промедлений корыстных
Храни тебя Время, Владыко, храни,
Храни тебя ныне
И присно...

1980

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Иркутск

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

От реки по тропе на кладбище
После Пасхи приходит мужик.
Снедь достанет из сумки, бутылку.
И печаль по щекам побежит...
Гладит он и траву, и деревья.
Лишь под вечер, как спутанный конь,
Поплетется к останкам деревни
Сквозь заросший крапивой загон.
Возле мертвой усадьбы, на взгорье,
Посидит в необъятной тоске.
И, сутулясь под тяжестью горя,
Сядет в лодку на Лене-реке.
— Ты прости, что сберечь не сумели! —
Молвит он, неумело крестясь.
...Он-то помнит, как эту деревню
Удавила безумная власть.

МОЛИТВА

Остаток жизни прожить бы не зря.
Думы мои просты.
В новый день, постигая обряд,
Сложу в строгость персты.
За долю, которую боготворю,
Вышепчу все с трудом.
Господи! Благослови, молю,
Землю и отчий дом!

ВИКТОР СОКОЛОВ

ОТЧЕ НАШ

Отче наш, молю Тебя за всех:
— Ты иже еси на небесех.
Да святится имя нам Твое,
Да придет царствие Твое.

И да будет воля здесь Твоя
Как на небеси и на земли.
Ты же на границе бытия
Гласу православному внемли.

Хлеб насущный, Боже,
Даждь нам днесь.
И долги оставь нам наши
Несть,
Яко должникам оставим мы
Призрачность обещанной сумы.

Души нам мечтой не береди.
В искушенье нас Ты не вводи,
Но избавь
От суетных забав,
Яко от лукавого избавь.

Царство есть Твое
На все века.
Сила есть Твоя
На все века.
Слава есть Твоя.

И на века
Осенит нас всех Твоя рука.

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЕВ

Брянск

* * *

Последних слов земных
крылами трепеща,
еще полна прощанием печальным,
предстанет безтелесная душа,
нагая перед Словом Изначальным.

Господь простит мне
многие грехи,
сменив на милость гнев
пред ада грозной тенью...
О Боже! это Ты
вложил в меня стихи,
я только их сказал
по Твоему хотенью.

2010

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

МОЛИТВА

Господи, утром каждого дня
Оживи и воздвигни меня,
Если можно: укрой от врагов и спаси,
Избавь от коварства и лжи
И, как в бытность, во мне воскреси
Поле Твое с перепелкой во ржи.
Научи молиться Твоими словами,
А на мир, сотворенный Тобой,
Научи смотреть сквозь колосья годов
Васильками...

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Родился он в городе Курске
Под скрипы торговых телег.
Он Богу молился по-русски,
А значит, молился за всех...
Он нес несомненно и чисто,
Как благо, свой жизненный крест.
И вспыхнула Божия искра
В душе одинокой, как перст.
Под ризой исконной холстины,
Не ведая праздного сна,
Отца вопрошала, и Сына,
И Духа Святаго она...
И долго познания посох
Небесную твердь попирал,
И ум, как пустынный апостол,
Над ликом пытливо пылал.
Вселенную слушал руками,
Молитвы творя торжество,
Стоял на коленях. И камень —
Опора коленям его.

Дороги, пути, перепутья
В том камне кромешно сошлись.
И звезды исторгнутой сутью
В очах вознесенных зажглись.
Так было как будто от века,
Как явлено в мир естество...
Узрел-таки Бог человека, Воздетые длани его.
И ветер суровый и хлесткий
Густой глухоманью свистит.
И свыше родился Саровский,
И крепко на камне стоит.
Так, значит, на всех перекрестках
Мы в духе своем устоим, —
Поскольку безсмертен Саровский —
Мой курский земляк — Серафим.

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Молилась мать моя, тревожась,
Во мгле сияющих свечей:
— О да помилуй меня, Боже,
По великой милости Твоей.
И опускалась на колени,
И долу никла, как трава,
И прорастали ввысь сквозь стены
Животворящие слова.
И верила: в небесной сини
Молитве внемлят в тишине,
Что путь в изогнутой России
Прямым и светлым будет мне.
О материнская молитва!
На свете нет молитв сильней!
Она, как Матерь, первобытна!
И щит, и меч в душе моей!

В КИЕВ НА БОГОМОЛЬЕ

Прощалась бабка у ворот.
Крестился дед: — Ну, Бог с тобою!
Язык до Киева, Настасья, доведет.
И потекла она с холщевою сумою...

На юго-запад бабушка брела,
Во Киев-град на богомолье.
Сияло широко под солнцем всполье,
И рожь уже высокая цвела.

Спустя шестнадцать дней, сердечная, пришла.
Достигла бабушка высокой цели, главной:
Пред взором ее долгим верстовым,
И сердцем ее чистым и святым

В синеве нетленно-православной
Вселенской Лавры плыли купола...

Вернулась бабушка в родимое село.
Поспевшие хлеба уже давно скосили...
Ее ждал дедушка и мирно, и светло
Один, как перст, в могиле...

НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Душа моя,
Отягощенная, всенощная,
Я с тобой без кадила, но с жертвой...
За окнами молится роща мощная,
И стихи бьют поклоны.

Стихотворения! Жизнеспособнее воцаряйтесь
В нашем совместном пространстве!
К образу Спасителя моего возвращайтесь, —
Оттого, что душа моя — грешная,
Призывает Господа —
Всенощная.

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

* * *

Вырвусь я в своем пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — Матерь Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.
Есть мне с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

Тосно, Ленинградская обл.

* * *

Дай ей, Господи! — молю.
Я люблю ее, люблю
Со снегами и дождями,
С окаянными вождями,
С рожью в поле,
С тихим домом,
С громом над аэродромом,
С рощей огненной над речкой,
С теплой, в Божьем храме, свечкой,
Пьющей,
слезной,
разоренной,
все равно —
непокоренной!

ЧАША

В надзвездном царственном эфире,
Где дух на троне, а не плоть,
Один, один безгрешный в мире
Всемилостивый наш Господь.

В руках, как дивное сказанье,
Наполненная по края,
Сияет чаша со слезами,
И это Родина моя.

ЗАЖГИ В СЕБЕ СВЕЧУ

Когда темно, и ложь кругом,
И нет пути лучу,
Не надо думать о плохом,—
Зажги в себе свечу.

И многое пойдет на лад,
И станет по плечу.
И всяк тебе и всюду рад,—
Зажги в себе свечу.

А миру свет необходим,
Как воздух трубачу.
Пока ты светел, ты любим,—
Зажги в себе свечу.

И кто-то пусть воззвал к тебе:
— За мной! Озолочу!
Спокойно улыбнись судьбе,—
Зажги в себе свечу.

И в небесах гремят грома,
И я одно шепчу:
Бог — это свет.
Да сгинет тьма!
Зажги в себе свечу.

* * *

Заговорила колокольня
На все притихшее село.
И вот в груди уже не больно,
А только грустно и светло.

А колокол тяжелым басом
Все говорил — раздольно, в лад.
И огненным иконостасом
Стоял над озером закат.

Повеяло родным и старым,
Далеким, как небес края...
Ты что-то вспомнила недаром,
Душа моя, душа моя.

Привыкла ты одна скитаться,
Познала столько слез и мук.
Да как тебе не отозваться
На этот верующий звук!

* * *

Эта церковь Бориса и Глеба,
Эти крылья воркующих птах...
Золотое славянское небо
Отражалось в ее куполах.

В эти двери стучали мечами.
«Отворитесь!» — кричал пулемет.
В них с молитвой прошел, со свечами
Род за родом великий народ...

Ничего, запустения кроме.
Лишь сквозь битые камни полынь...
...Встань в зияющем мертвом проеме
И растерянно руки раскинь.

У ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНЫ

Всадник весь в красоте и силе.
В гада бьющее острие.
Узнаю: это ты, Россия,
Да святится имя Твое!

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Не печальтесь. Все идет, как надо.
Этот мир прозреньем обозрим.
Возвратился из Петрова града
Преподобный отче Серафим.

Обогрета солнышком дорога.
Золотится поле. Замер лес.
Вновь звенит молитвенно и строго
Синева дивеевских небес.

И воскресли над округой стены,
И, как встарь, запели купола.
И следы незримы и священны
Там, где Богородица прошла.

И душа готова верить в чудо,
Всю себя сиянию отдать.
Потому неведомо откуда
Свет струится,
Словно благодать.

Крепнет дух средь безутешных буден,
И потоку сирых нет конца.
Это преподобный отче людям
Возвращает
Память и сердца.

ПАСХА

Каких невзгод ни претерпели,
А все же Пасхи дождались.
Поют в лазоревой купели
Колокола,
Восславив высь.

И солнышко в оконной раме
С утра играет, — примечай.
Как будто душу мне
Цветами
Осыпал кто-то невзначай.

Не помню зла.
И всем вчерашним
Обидам выкован завес.
Я радуюсь лугам и пашням,
Я верю в жизнь:
Христос воскрес!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

До чего ж у веточки
Радостный наряд!
Вот и в храме девочки
С мамою стоят.

Вот и звоны медные
Будят небеса.
Слышатся приветные
Всюду голоса.

Пахнет вешней вербою,
Реки мчатся вспень.
Во спасенье верное
Всем нам этот день.

В этом мире бешеном
Сколько ни кружись,
Все так просто взвешено:
Верба.
Вера.
Жизнь...

КРЕСТНЫЙ ХОД

Мы идем — ад трепещет.
В. Крупин

Ветер бьет, и дождик плещет,
Крестный ход в моем народе.
Мы идем — и ад трепещет.
Мы солдаты. Мы в походе.

Исстрадавшейся, болящей,
Но сияющей в зените
Нет России уходящей,
Русь идущая — взгляните!

Никакого с нею сладу.
Сквозь эпох крутые ветры
Русь идет — и страшно аду,
Потому что мы безсмертны.

Через слезы, через муки
К славе, к радости небесной.
Тверже, дети! Ближе, внуки! —
Русь идет дорогой тесной.

И ни ложью, и ни златом
Не осилить волю эту,
Если вместе,
если рядом —
К правде,
совести
и свету!

2007

ПАХНЕТ ХЛЕБОМ...

Яркий луч скользнет по стеклам,—
Я уже на воле.
Пахнет хлебом, теплым-теплым,
Золотое поле.

Жаворонок в небо взмоет,
Крыльями сверкая.
Рожь качается, как море,
Васильки по краю.

Мне колосья колют тело,
Но совсем не больно.
«Рожь поспела, рожь поспела»,—
Я шепчу невольно.

Легкий ветер ниоткуда
Взвился по дорожке.
И смотрю я, как на чудо,
На зерно в ладошке...

2007

ГОРОДУ, В КОТОРОМ ЖИВУ...

Была, была в стране программа:
Долой иконы,
церковь,
крест!..
Друзья, ведь это стены храма,
Он был один такой окрест.
Здесь, оглядев речной фарватер,
Ступив в молитвенный покой,
Наш первый русский император
Возжег свечу своей рукой.
Здесь Пушкин, выйдя из кибитки,
Вставал смиренно к алтарю.
И облаков воздушных свитки
Неспешно плыли на зарю.
Просили ямщики подмоги
Под колокольный перезвон.
На государевой дороге
Был путнику как светоч он...
Пора задуматься о вечном,
О сути истины простой.
На том же месте, по-над речкой
Пусть крест сияет золотой!
Чтоб каждый был незримо в храме
Святой надеждой осенен.
Чтоб между предками и нами
Не прерывалась связь времен...

2008

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

Кузнецов Юрий Поликарпович (1941—2003) — поэт, прозаик. Родился в кубанской станице в семье кадрового военного и учительницы. Отец погиб в 1944 году в Крыму. Учился в Кубанском университете, в 1970 году окончил Литературный институт, в котором до последних дней вел семинар поэзии. Первая поэтическая книга «Гроза» вышла в Краснодаре в 1966 году, вторая, «Во мне и рядом — даль», в 1974 году в Москве. С этой книги о нем заговорили как об одном из самых значительных явлений русской поэзии конца XX века. А в самом начале XXI века появились его поэмы «Путь Христа», «Сошествие во ад», ставшие предсмертными.

В 2008 году в Краснодаре вышел сборник, посвященный памяти Юрия Кузнецова, в котором опубликованы воспоминания поэта и священника Владимира Нежданова «Последние встречи», впервые увидевшие свет в еженедельнике «Литературная Россия» (2007, № 48). В них речь идет о времени создания этих религиозных поэм. А самым последним его стихотворением была «Молитва», датированная 8 ноября 2003 года, опубликованная уже посмертно...

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Может быть, это самые последние, наиболее памятные и дорогие моему сердцу воспоминания о Поэте. Не могу забыть, как однажды, уже будучи священником, я пришел к Юрию Поликарповичу в редакцию «Нашего современника». В рясе, с крестом, как и подобает священнику. И едва переступив порог, слышу: «Ну что, батюшка, отпоешь меня?» — Голос был бодрый, приветливый. Огорошенный таким началом встречи, я что-то смущенно пробормотал в ответ, но на душу на весь день запала какая-то тяжесть, похожая на смутное предчувствие беды.

Это «приветствие» поэта страшной болью потом отозвалось, когда узнал о его смерти... И вот уже передо мной открытый гроб, открытая могила... И, как было предсказано поэтом, по его предсмертному благословению, плачущим сердцем в облачении я совершаю чин литии, три раза крестообразно осеняю его — усопшего — землею, и мы со всем народом поем ему «Вечную память»... Он все знал о своей жизни, и знание это было почти пророческим, таким же, как и знание, и сопереживание многотрудной жизни своего отечества, боль за которое была глубоко личностной, такой же, как у Достоевского, Шукшина...

Время последних встреч с Юрием Поликарповичем как раз пришлось на период создания поэмы «Сошествие во ад», на самый разгар работы над нею. Ему, видимо, было интересно проверить на мне, как на священнике, — какое впечатление поэма может вообще произвести на церковнослужителей, не противоречит ли канонам Церкви, не нарушает ли их.

Не все духовенство восприняло его новые поэмы о Христе, и Юрий Поликарпович болезненно это переживал. Ныне покойный, праведной жизни протоиерей отец Димитрий Дудко говорил, что это неприятие от непонимания, не надо мешать поэту идти своим путем познания Бога.

Иногда бывало так — позвонишь ему, спросишь о времени приезда, а в ответ услышишь: «Приезжай, бороду за пазуху. Жду». Значит, уже есть что-то новое. И вот входишь в насквозь прокуренную комнату редакции, сам поэт курил очень много, признаваясь, что это ему все-таки мешает писать, курили и многие приходящие, отчего дым стоял коромыслом. На редакционном столе порядок, ничего лишнего, самые необходимые рукописи аккуратно сложены, а остальные сложены в шкаф. Юрий Поликарпович усаживает меня за соседний стол, значит, сегодня нет сотрудника редакции, занимается с посетителями — их немного, отвечает на звонки.

Я терпеливо дожидаюсь, наблюдая за неспешной его работой, когда же наконец речь снова зайдет о поэме. И вот в кабинете никого нет. Кузнецов начинает читать новые, только что написанные строки. И я, пораженный в одном месте мощью поэтического образа, не удерживаюсь от восклицания: «Это гениально!» Юрий Поликарпович и бровью не поводит, но, с едва уловимой улыбкой, подняв указательный палец, приглушенно-таинственно молвит: «На уровне!» А таким уровнем для него была вся мировая поэзия, к которой он частенько предъявлял свой гамбургский счет.

Однажды я дерзнул его поправить: «А где же у вас, Юрий Поликарпович, в поэме пророк Иоанн Креститель?» — увы, великий святой не был помянут в ней в сонме других святых. «Как нет?!» — Кузнецов даже как-то слегка опешил, удивился и задумался. И за считанные дни он восполняет этот пробел. В другой раз

показал ему в Житиях святых отрывок, где говорится о подвиге святого великомученика Меркурия, римского воина, пострадавшего за веру Христову. Этот святой на поле боя поразил копьем императора Юлиана Отступника, гонителя христиан. Юрия Поликарповича поразило здесь то, что этот святой, изображенный на иконе, исчезает из нее на время боя, совершает подвиг и возвращается в икону, но уже с окровавленным копьем. Чистая поэзия и в кузнецовском ключе! И в кратчайшие сроки поэма уже дополнена новыми строками.

Однажды Юрий Поликарпович вспомнил свою бабушку, как она любила собирать своих подруг у себя дома, читать Псалтирь, как в детстве она часто водила его с собой в храм на Святое Причастие. В этом месте его рассказа я говорил ему с горячностью: «Вот бы и вам теперь поисповедоваться, причаститься!» Он же с мягкой нетерпеливостью перебивал: «Ладно, ладно», — дескать, потом или в другой раз поговорим об этом... Но свершилось главное — и это поражает — его поворот, всей его жизни и всего его творчества ко Христу — стремительный и безповоротный. Так не ложно слово Божье — «Не вы Меня избрали, а я Вас». И поэтому последняя поэма только внешне и отдаленно напоминает «Ад» Данте, у которого в аду оказались его личные, в основном политические враги. У Кузнецова же — это прежде всего именно любовь к живому Христу, вселенский плач по безвозвратно погибшей человеческой душе — без Бога. И потому поэма полна трагизма — она и о нашем времени — все еще безбожном и страшном. Душа поэта была обращена к небу — он и был «гражданином неба». Когда читаешь его «Красный сад», так и кажется, что ощущаешь дыхание и благоухание Райского сада. Может быть, поэма и есть его прообраз...

В последние годы в творчестве поэта произошел поэтический взрыв огромной силы, его вселенная расширилась... Дерзновение поэта было великое, как и помощь от Бога — великая.

Помню последнюю нашу встречу — за неделю до смерти поэта. Мы вышли из редакции «Нашего современника», был осенний вечер. Только что Юрий Кузнецов читал мне недоконченную поэму «Рай». И, прощаясь, вдруг остановился и спросил: «Знаешь, что последует за этой поэмой?» И, не дожидаясь ответа, выдохнул мне в лицо: «Страшный суд»! Это были его последние слова в ту последнюю нашу встречу... Как никогда, он чувствовал в себе эту необыкновенную силу — силу воплотить любой замысел в поэтическом слове. Бывало, как Илья Муромец, он приговаривал: «Чувствую в себе силу великую!»

ВОСКРЕСЕНИЕ

Грянул колокол в ночь воскресенья
После многих смертельных ночей.
Я стоял, ожидая спасенья,
В белой роще зажженных свечей.

Храм сиял среди праха и тлена,
Где моя пропадала душа.
За кого ты молилась, Елена,
Молодыми губами дрожа?

В этом мире ни дна ни покрышки,
И не видно лица твоего,
Вместо глаз только темные вспышки,
И они не от мира сего.

Высшей волей все стронулось с места,
И душа, о высоком скорбя,
В эту ночь вместе с Богом воскресла,
Но заметила только тебя.

1986

СВЕЧА

Хор церковный на сцене стоит, как фантом,
И акафист поет среди срама.
Камень веры разбился в песок, и на нем
Не воздвигнешь ты нового храма.

Ни царя в голове, ни царя вообще.
Покосилась луна у сарая.
День грядущий бредет в заграничном плаще,
Им свою наготу прикрывая.

Что же ты не рыдаешь, не плачешь навзрыд?
Твою родину мрак обступает.
А она, как свеча, перед Богом горит...
Буря мрака ее задувает.

1990

* * *

Когда со свечой страстотерпца
Молитву творю в тишине,
То сердце открыто во мне
И в Боге развернуто сердце.

В молитве мы оба ясны.
Свет веры сквозь купол небесный
Проходит, связуя две бездны,
Два сердца и две тишины...

Господь отвечает на зов...
Окалину дух отряхает.
И с мира спадает покров,
И дьявол в аду отдыхает.

1990

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Я погиб, хотя еще не умер,
Мне приснились сны моих врагов.
Я увидел их и обезумел
В ночь перед скончанием веков.

Верно, мне позволил Бог увидеть,
Как умеют предавать свои,
Как чужие могут ненавидеть
В ночь перед сожжением любви.

Жизнь прошла, но я еще не умер.
Слава — дым иль мара на пути.
Я увидел дым и обезумел:
Мне его не удержать в горсти!

Я увидел сны врагов природы,
А не только сны моих врагов.
Мне приснилась ненависть свободы
В ночь перед скончанием веков.

Я услышал, как шумят чужие,
А не только говорят свои.
Я услышал, как молчит Россия
В ночь перед сожжением любви.

Вот уже пылает хата с краю,
Вон бегут все крысы бытия!
Я погиб, хотя за край хватаю:
— Господи! А Родина моя?!

1993

УТЕШЕНИЕ

Вздыхает долина разымчивым эхом,
Вздыхает иголка в стогу.
Усталые люди вздыхают на этом,
А тени — на том берегу.
Вздыхает обида, печаль и забота,
Вздыхает родное авось,
Вздыхают раскрытые ветром ворота
И стонут, как рана, насквозь.
Вздыхает молчанье, молитва, беседа,
Вздох истины глух и глубок.
В твоем пораженье вздыхает победа,
Вздыхают прорехи меж строк.
Широкое время вздыхает и стонет,
Вздыхает судьбы колесо.
Заклеклая дума головушку клонит,
Но вздох поднимает лицо.
Живую и мертвую боль и тревогу
В душе никогда не таи.
Все вздохи и стоны возносятся к Богу,
Все вздохи и стоны твои.

1994

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Близок предел. Счет последним минутам идет.
Из человечества выпало слово: вперед!
Праведный Боже, спаси и помилуй меня,
Хоть за минуту до смертного Судного Дня:
Я бы успел помолиться за всех и за вся,
Я бы успел пожалеть и оплакать себя.

Голос был свыше, и голос коснулся меня
За полминуты до страшного Судного Дня:
— Вот тебе время — молиться, жалеть и рыдать.
Если успеешь, спасу и прощу. Исполать!

1994

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Горит свеча в созвездье Водолея.
А на земле идут мои века,
Напоминая, что душа Кощея
От самого Кощея далека.

Я одинок, я жду освобожденья,
Как хвост кометы, жизнь свою влача.
Мне все темней в день моего рожденья,
Все громче Богу молится свеча.

11 февраля 1995

КУБАНКА

Клубится пыль через долину,
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полымя в огонь.

Гроза гремела спозаранку,
А пули били наповал.
Я обронил свою кубанку,
Когда Кубань переплывал.

Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы, в ней зашитой
Рукою матери родной.

Кубань кубанку заломила,
Через подкладку протекла,
Нашла молитву и размыла,
И в сине море повлекла.

Не жаль кубанки знаменитой,
Не жаль подкладки голубой,
А жаль молитвы позабытой,
Молитвы родины святой.

Клубится пыль через долину.
Скачи, скачи, мой верный конь.
Я разгоню тоску-кручину,
Летя из полымя в огонь.

1996

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Я иду на ту сторону
Вдоль заветных крестов.
Иногда даже ворону
Я поверить готов.

Даже старому ворону —
Он кричит неспроста:
— Не гляди по ту сторону
Мирового креста.

Ты идешь через пропасти,
Обезумев почти.
Сохрани тебя Господи,
Боль веков отпусти!..

А на той на сторонушке
Что-то брезжит вдали...
Хоть на каменной горушке,
Крестный путь, не пыли.

Дальней каменной горушке
Снится сон во Христе,
Что с обратной сторонушки
Я распят на кресте.

1998

ПРИЗЫВ

Туман остался от России
Да грай вороний от Москвы.
Еще покамест мы живые,
Но мы последние, увы!

Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне.
И услыхали голос Бога:
— Ко Мне, последние! Ко Мне!

1998

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК

России нет. Тот спился, тот убит,
Тот молится и дьяволу, и Богу.
Юродивый на паперти вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Нет! Я не спился, дух мой не убит,
И молится он истинному Богу.
А между тем свеча в руке вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу.
Померкло солнце, не видать ни зги...
Тамбовский волк выходит на дорогу.

2003

Из поэмы «Путь Христа»

ХРИСТОВА КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Солнце село за горою,
Мгла объяла все кругом.
Спи спокойно. Бог с тобою.
Не тревожься ни о ком.
Я о вере, о надежде,
О любви тебе спою.
Солнце встанет, как и прежде...
Баю-баюшки-баю.

Солнце встанет над землею,
Засияет все кругом.
Спи, родимый. Бог с тобою.
Не тревожься ни о чем.
Дух Святой надеждой дышит,
Святость веет, как в раю,
Колыбель твою колышет
Баю-баюшки-баю.

Веет тихою любовью
В небесах и на земле.
Что ты вздрогнул? Бог с тобою.
Не тревожься обе мне.
Бог все видит и все слышит,
И любовью, как в раю,
Колыбель твою колышет...
Баю-баюшки-баю.

ХРИСТОВА ПОДОРОЖНАЯ

Звезды падают от грозной Божьей поступи.
Слезы каплют на мои колени, Господи!

Я сижу перед окошком одиношенька,
И в глаза мои пылит его дороженька.

Путь-дороженька отецкой сиротинушки
Затерялася в неведомой старинушке.

Я проплакала свою святую кровушку,
Только негде преклонить ему головушку.

Где-нибудь сидит на камне-перекатушке,
А на камне том местечка нет для матушки.

Подле-около погибель обстолпилася,
И в чело сухая терния вцепилася.
И глядят ему в глаза ночные совушки...
Нет местечка для меня в его головушке.

Упадите, мои слезыньки кровавые,
Не на долы, не на горы величавые,

Не на малую шатучую тростинушку,
Упадите на родную сиротинушку.

Задержался он на камне-перекатушке.
Пусть умоется слезами бедной матушки.

Отступися от него, погибель верная!
Отцепися от него, сухая терния!

Отлетите от него, ночные совушки!..
На моих коленях место есть головушке.

ПЕСНЯ ЛАЗАРЯ

В тесных земных преисподних
Дремлет великий покой.
Можно проснуться на подвиг
Только по вере святой.

Братья и сестры, вставайте!
Вера сияет во мгле.
Богово Богу отдайте,
А остальное земле.

Кончилось время земное.
Солнце над вами стоит
Легкое и золотое,
Ваши грехи золотит.

Даже в земных преисподних
Светит оно широко.
Трудно подняться на подвиг,
Все остальное легко.

ПЛАЧ БОГОРОДИЦЫ

— Не Тебя ли я под ребрышком лелеяла?
Сном и духом не Тебя ли я обвеяла?

Перед солнышком поставила на ноженьки,
Да пошел Ты по неведомой дороженьке.

Я ходила за Тобой, как тень безследная,
Только Божьему молчанью собеседная.

А теперь стою, как мертвое позорище,
Но Тебя под сердцем чую до сих пор еще.

Не страшна отныне мне погибель верная,
Хоть пронзает меня боль Твоя, как терния.

Вознеси меня, Святое Дуновение,
До лица Его, хотя бы на мгновение.

Обняла она Христа и разрыдалася,
Облила Его слезами и рассталася.

Ночь забвения окутала позорище,
Но мерцают эти слезы до сих пор еще...

МОЛИТВА

На голом острове растет чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Их много было на челне... По воле волн
Прибило к берегу не всех — разбился челн.

Спросил один чрез много лет: — А сколько нас?
— А сколько б ни было, все тут, — был общий глас.

Их было трое, видит Бог. Все видит Бог.
Но не умел из них никто считать до трех.

Молились Богу просто так сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

Но дни летели, годы шли, и на тот свет
Сошли два сивых старика — простыл и след.

Один остался дотлевать, сухой, как трут:
— Они со мной. Они в земле. Они все тут.

Себя забыл он самого. Все ох да ох.
Все выдул ветер из него — остался вздох.

Свой вздох он Богу возносил сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

Мир во гресех послал корабль в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Насела буря на него — не продохнуть,
И он дал течь, и он дал крен, и стал тонуть.

Но увидала пара глаз на корабле:
Не то костер, не то звезда зажглась во мгле.
Соленый волк взревел: — Иду валить норд-ост!
Бывали знаки мудреней, но этот прост.

Пройдя как смерть водоворот меж тесных скал,
Прибился к берегу корабль и в бухте стал.

И буря стихла. Поутру шел дождь и снег.
Морские ухари сошли на голый брег.

Они на гору взобрались — а там сидел
Один оборванный старик и вдаль глядел.

Ты что здесь делаешь, глупой? — Молюсь за всех, —
И произнес трикрат свой стих сквозь дождь и снег.

Не знаешь ты святых молитв, — сказали так.
Молюсь, как ведаю, — вздохнул глупой простак.

Они молитву «Отче наш» прочли трикрат.
Старик запомнил наизусть. Старик был рад.

Они пошли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Но увидали все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.

Остановитесь! — им кричит. — Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.

Святой! — вскричали все, кто был на корабле. —
Ходить он может по воде, как по земле,

Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
Молись, как прежде! — был таков их общий глас.

Они ушли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

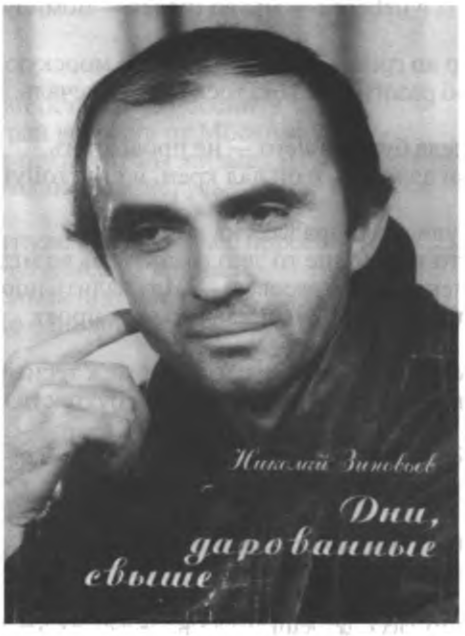
На голом острове растет чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Как прежде, молится сей вздох сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

8 ноября 2003

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Краснодар



* * *

В степи, покрытой пылью бренной,
Сидел и плакал человек,
А мимо шел Творец Вселенной,
Остановившись, Он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я все могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.

* * *

Господь, я волк или овца?
Идти мне в стадо или в стаю?
Не знаю, Господи. Не знаю.
И не узнаю до конца...

МОЛИТВА

Как ни темна, как ни трудна
Жизнь россиян, как ни убога,
К Творцу есть просьба лишь одна,
Лишь об одном прошу я Бога:
«Не дай такого, Боже мой,
Чтоб наша Русь, ругаясь матом,
Пошла по миру не с сумой,
А с самым лучшим автоматом...»

БЛАГОВЕСТ

Когда так небо бирюзово
И так медвяны облака,
Я словно слышу эхо зова
Издалека и свысока.

Чей голос душу мне тревожит?
Откуда он, такой родной?
Не может быть... Или, быть может,
То тихий зов души самой.

Сквозь мрак, рожденный злобным словом,
Сквозь кровь и месть, сквозь ложь и лесть
Она своим негромким звоном
Благую весть мне шлет: «Я есть».

В ХРАМЕ

Ты просишь у Бога покоя,
И жаркой молитве вослед
Ты крестишься левой рукою,
Зажав в ней десантный берет.

И с ангельским ликом серьезным,
Неправый свой крест сотворя,
Вздыхаешь — под городом Грозным
Осталась десница твоя.

Осталась она не в граните,
Не в бронзе, а просто сгнила.
Стоишь. И твой ангел-хранитель
Стоит за спиной. Без крыла.

* * *

Как ликует заграница
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться перед боем...

ХЛЕБ НАДСУЩНЫЙ

Как Древний Рим времен упадка,
Хрипит и корчится страна.
И лишь горящая лампадка
Мне не дает сказать: «Хана».
Лишь эта плошка с козьим жиром,
В котором плавает оса,
Мне не дает с постылым миром
Свести все счеты в полчаса.

* * *

Дай, Бог, мне славу и почет,
Богатство дай — все будет мало!
Все будет словно бы не в счет
Без губ ее, горящих ало.
Пусть Бог меня вдруг нищетой
Как ледяной водой окатит.
Но даст глаза и губы той,
Одной-единственной! И хватит.

* * *

Святым быть даже и не тщусь,
Но я с усердием молюсь
Рукой сухою, как огудина:
«Пусть минет мя и мой народ
Судьба Иудина!
Пускай в ночи настигнет тать,
Пусть станем жертвенными овцами,
Не дай нам, Боже, только стать
Могил отеческих торговцами».

* * *

Память рань же, рань же
Душу, не жалей.
Все, что было раньше,
Ты напомни ей.
Сыпь на раны солью.
Ужасом знобя,
Ведь душа лишь болью
Выдает себя.

МЕЧТА

Уйти от выспреннего слога,
От пропитавшей мир весь лжи,
И там, в неведомой тиши,
Хотя бы краешком души коснуться Бога...
Но одолеть соблазны века
И разогнать сомнений смог
Дано не многим. Дай мне, Бог,
Хотя б увидеть человека,
Которому Ты так помог.

СОН

Во сне я молился и плакал
И свечку сжимал в кулаке,
А воск с нее на руку капал
И кровью стекал по руке.

И стали стекающей кровью
Речные долины тесны,
И мальчик, плывущий на кровле,
Сказал мне, нахмуривши брови:
«Не смей истолковывать сны!..»

* * *

Куда ни глянешь — горе,
Немая стынь в груди.
О Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!

Как галки с колоколен,
Слова слетают с уст.
Кто вечно недоволен
Собою, тот не пуст.

Уж так душе погано, —
Что ж, знамо, не в раю,
Не зря же из стакана
Разит так серою.

Чертяку в певчем хоре
Найди его, поди...
О Господи, доколе?!
Доколе, Господи?!

* * *

Молюсь о раненом солдате,
О горце, ранившем его.
Прошу у Бога благодати
Живущим, всем до одного.

Молюсь о старой проститутке,
Молюсь о банде из юнцов,
Молюсь четыре раза в сутки
По шесть часов.

Молюсь о вышедших в дорогу,
Чтоб с глаз их спала пелена...
Когда душа взывает к Богу,
Она для зла затворена.

РУССКАЯ ДОРОГА

«Во имя России
Нас в чреве носили.
Во имя России
Бросают нас в бой.
Во имя России
Дай, Боже, нам силы!» —
Пел мальчик охрипший
С пушком над губой.
Чеченская рядом рванула граната,
И рухнул парнишка, уже не дыша.
И русской дорогой,
Незримой и торной
К престолу Творца
Полетела душа.
А утром по части приказ огласили,
Потом известили, как водится, мать...
Во имя ушедших
По русской дороге
Во имя России
Прошу я вас встать!..

МОЛИТВА

Как когда-то по Европе
Призрак коммунизма,
Нынче бродит по России
Призрак оптимизма.

Обретет он плоть, иль мучась
В пурпуре заката,
Сообща разделит участь
Своего собрата.

Тьма потушит наши свечи,
Духов зла разбудит.
«Сыне, Сыне человечий!
Пусть же так не будет!..»

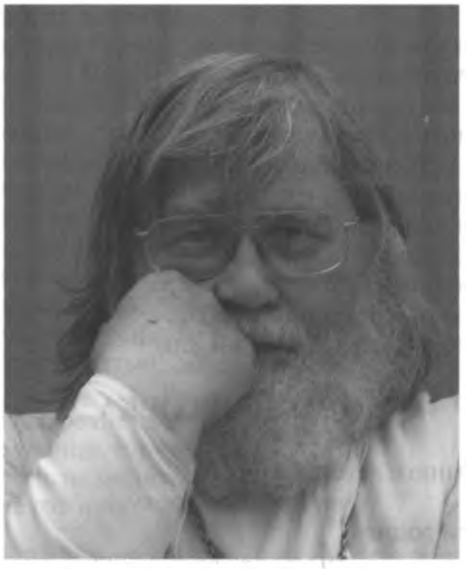
ПИСЬМО К БОГУ

Не доходит молитва до Бога,
Видно, грешен я, грешен зело.
И решил написать, как нам плохо,
Я в письме и нахмурил чело.
Сердце словно попало в осаду,
Снова это проклятое «но»:
Чтоб доставить письмо адресату,
Умереть почтальону должно.
Как ни скорбна земная юдоль,
Кто возьмет на себя эту роль?
Отказался один и другой сказал: «Нет».
Собирайся в дорогу, поэт.

МОЛИТВА

Прошу ни славы, ни утех,
Прошу Тебя, скорбя за брата,
Спаси мою страну от тех,
Кто распинал Тебя когда-то.
Христос, они Твои враги!
Они рабы Тельца Златого,
Ты знаешь сам, так помоги,
Ведь Твоего довольно слова...

СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ



МОЩИ

Когда несли Твои святые мощи
По несвятой и по Святой Руси,
Мы, как слепые, шли в тот день на ощупь.
Не день, а ночь! Нас, Господи, спаси!

Незримы слезы и неслышно стонет
Страна, в земном пожившая раю...
Неужто Родину мою хоронят,
Живьем хоронят Родину мою?!

Молись, народ, чтобы хватило силы
Твоих врагов и немощь побороть,
Чтоб и тебя исхитил из могилы,
Как Серафима, Всеблагий Господь!

«Прости нам все грехи, небесный Отче,
Избавь от ада, смерть дай превозмочь...»
Святая Русь — Саровский чудотворче!
Твои святые мощи — наша мощь!

Прославлению мощей Серафима Саровского в июле 1903 года посвящены стихи Александра Круглова и оптинского старца преподобного Варсонофия. Ровно через восемьдесят восемь лет состоялся всенародный крестный ход обретения и возвращения мощей святого.

* * *

Рванулись в рост деревья, травы!
Здесь безоглядною весной
Собора праздничные главы
Парят над тягою земной!

А с неба капает, как с крыши!
Чем больше смотришь на собор,
Тем воздымается все выше
В лесных подснежниках простор!

И хор гремит в световороте,
Парит и манит высотой,
И птица в солнечном полете
На самой верхней, чистой ноте
Обводит купол золотой!

* * *

Святая Сербия,
Святая Русь...
За вас, родные, помолюсь,
Родные сестры —
Не было родней...
И вздох молитвы
Тише и больней.
И может быть,
Меня услышит Бог —
И не молитву даже —
Только вздох...

* * *

Ослаби, остави, прости
Мои прегрешения, Боже,
Душа моя сбилась с пути,
Она заблудилась, похоже.
Она уж не помнит себя —
Так жизнью земною забылась,
Живет, никого не любя,
И в плоть мою в страхе забилась!
Забыла, какою была,
Когда только жить начинала,
А может, на свете жила
И даже об этом не знала!..

* * *

Пославший Сына миру во спасенье,
Ты этот мир заранее простил.
Вконец он испытал Твое терпенье,
Никто ж Твоей пощады не просил.

Лукавый раб, посмел я возгордиться
Своим подобием Ему, молись! —
Ты вынудил Безсмертного родиться,
И крест принять, и в небо вознестись!

И что бы ни шептал змей-искуситель,
Не он рабам свободу даровал, —
Из нас никто сюда его не звал,
Сюда, откуда Ты ушел, Спаситель!..

МАТЬ

Потемнела от горя икона...
Крестит спящих детишек рука,
Три земных, неподъемных поклона
За пропойцу кладет муженька.
«Кого любишь — того наказуешь,
Будто родный отец, и потом
Ко спасению путь указуешь
Ты своим милосердным крестом.
Сохрани нас небесная сила!
Все-то наши грехи отпусти.
Моего-то я, Боже, простила...
Ты прости!
И Егорку и Марью в придачу...
А себя до последнего дня
Уж сама отпою и отплачу,
Ты прости и помилуй меня».
В жарком кашле заходятся дети,
Что ж так долго — все нету врача.
Задремала от слез на рассвете,
Догорела ночная свеча.
И ни вздоха, ни вопля, ни стона...
Крестит спящих детишек рука.
Потемневшая в доме икона
Материнской молитвой крепка.

* * *

Все небесной награды взыскуем,
А живем никого не любя,
Мы до смертного часа рискуем
Потерять безвозвратно Тебя.

В той награде спасения ищет
Не душа, а погибшая плоть,
Но безсмертную с каждого взыщет
Даровавший нам душу Господь!

КОЛОКОЛЬНЯ

Среди неба, среди огнеликого
Чистым звонам Твоим поклонюсь,
С колокольни Ивана Великого
Вижу всю Православную Русь.

Там, где небо, — ей мало простора,
Там, где бездна, — и бездны ей нет...
Продолжение Божьего взора —
Белый свет на две тысячи лет.

Купола подо мною собора
Голосами возносятся хора,
В тихом звоне Твоем схоронюсь,
Высока же ты, матушка-Русь!

И под сводами этого звона,
Будто в храме небесном стою.
Вместо солнца сияет икона
И всю Родину видит мою.

* * *

Что там во поле светится
За полуденным окном —
В небе солнце колосится,
Золотым звенит зерном!
Переспевшая пшеница,
А снопы его лучей
В связке стали горячей!
Сколько света, сколько хлеба!
От сиянья благолеп,
Это Он, сошедший с неба,
Хлеб насущный. Божий Хлеб!

КРАСНАЯ ГОРКА

Помню в детстве —
на Красную горку
Всей родней
мы на кладбище шли.
И дорога казалася долгой,
уходящей до края земли.
И навстречу нам
в день поминанья,
На могилках родных погостив,
Люди шли со святого свиданья,
Все обиды друг другу простив.
Шли нарядные взрослые, дети,
И смотрела земля веселей.
Никогда я не видел на свете
Столько радостных вместе людей!
В этот праздничный день поминанья
О своем я молился отце...
И небесного свода сиянье
Я увидел на каждом лице.
Тихой памятью солнце светило
Всем идущим до края земли,
И весь путь до заветной могилы
Нам навстречу воскресшие шли.

МОЛИТВА О РОССИИ

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Стала священной
И эта война...
Встань на молитву,
Родная страна!

Встань же на битву,
Коль Богу верна —
Встань на молитву,
Родная страна!
Встань на молитву,

Ты — воин Христов,
Будь к обороне
Отчизны готов!

Враг наш невидим,
Невидима брань.
Грянь ты, Царь-Пушка,
Царь-Колокол, грянь!
Борют мя страсти,
В неравном бою
Грех отнял силу
Былую мою.

Дай покаянье,
Слезами омый,
Вновь на Россию
Нагрянул Батый!

Образ Пречистой,
Как солнце, горит —
«Встань на молитву!» —
Душе говорит.

Знаменьем крестным
Врагу Ты страшна,
Встань на молитву,
Родная страна!

Силой поклона
И верой сильна,
Встань на молитву,
Родная страна!

Не против крови
И плоти та брань,
Ты на молитву,
Родимая, встань!

В дыме кадильном
Звенят стремена,
Встань под знамена,
Родная страна!

Знамя хоругви
Зовет нас в поход,
Русь, собирайся
На Крестный свой ход!

Старческий посох —
России копье,
Русь, подымайся
Во Имя Твое!

Порох дымится —
То ладана дым,
Воин Евгений,
Ты пал молодым.
Пал, как Ослябя
И как Пересвет, —

Отче наш, Сергий,
Спаси нас от бед!
Спасе Родимый,
Ты нам помоги,
Даруй Победу
На наши враги!

Будет священной
И эта война,
Встань на молитву,
Родная страна!

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!»

ВЕТЕРАН

Однажды в парке на закате дня
Я сквозь деревья вдаль неясную смотрелся —
Старик сидел с протянутой рукой
у Вечного огня,
Как у костра в лесу — и грелся...!

СЕГОДНЯ СНЕГОПАД

Какой торжественный сегодня снегопад!
Во всем, что вижу я сейчас — простор и радость!
Застыл весь в белом, как весной, старинный сад —
Такой нарядный он — в нем полнота и благость!

Во всем означился божественный объем —
От этого внезапно выпавшего снега —
И этот сад, и этот двор. И этот дом,
И тихо на земь опустившееся небо...

ПАСХА

Пасха красная Господня!
Пасха красная! Сегодня
На всю родину гремит
Хором «Славься!» колокольня —
Там, где радуга звенит!

Просыпается природа,
Ранней птахою поет
Сколько ж русского народа
В Божьем празднике живет!

Бьют колокола поклоны
На хоругви и иконы,
На пасхальный крестный ход,
И ведут свой хоровод
От зари и до зари...
В небе радугу на звоны
Разобрали звонари!

А звонят «Христос Воскресе!»
Города Руси и веси
И в ответ поют — Воскресе!
Да! Воистину Воскресе!

ИЗ ДЕТСКОГО

На окне моем — новый наличник,
Свежекрашенный, голубой.
А высоко над крышей — скворечник,
Словно к небу прибит над трубой!

Это в детстве — родном и далеком,
Молодые где мать и отец...
А по облаку в небе высоком,
Как по полю гуляет скворец!..

И по тонко натянутой леске
Залетает в окно занавеска,
И я вижу еще до сих пор,
Как ее выдувает во двор...

Из стихов 2011 года

НЕБО

Как небо есть на этом свете,
Так и на том — земля,
Чтоб слышать снова
И там, и здесь услышать Слово —
Живой за мертвого в ответе,
В ответе мертвый за живого...

* * *

Все небесной награды взыскуем,
А живем никого не любя,
Мы до смертного часа рискуем
Потерять безвозвратно Тебя.

В той награде спасения ищет
Не душа, а погибшая плоть,
Но безсмертную с каждого взыщет
Даровавший нам душу Господь!

* * *

Служба кончилась — еле слышна
В тишине колокольного звона...
В церкви Божией — вид из окна —
Это тоже святая икона.

Свет намоленный, воздух святой!
Двери настежь — божественный ветер!
Продолжение службы — молитвы такой
Никогда я не слышал на свете!

Все открыто для чистого взора —
Божий мир — он везде без границ!
И не слышно церковного хора —
Только райское пение птиц...

* * *

В тишине колокольного звона,
Под застрехою ветхого дома
Слышу — ласточка гнездышко вьет,
Лепит мазанку — песни поет...

ИЛИЯ

В неботканной посконной рубахе дождя
Я услышал — увидел, пророче, Тебя!
Как со службы из храма сегодня народ
Дождь и гром переходит, как реченьку, — вброд!

Вот уж имя Твое на все небо грохочет,
Что сказать оно Родине-матушке хочет?
Чтоб крестилась сегодня на праздник деревня,
Грохотали, метались, сверкали деревья!

ПАМЯТЬ

1

Позабыли мы сродников наших,
Мы без них никому не нужны,
Сколько брошенных! — больше, чем павших
Даже в страшные годы войны!

В материнском их сколько во чреве —
Убиенных... а сколько больных...
Предстоят Богородице Деве —
Мати, вспомни — вздохни о родных ...

2

Убиенные дети в заветной утробе
До Христова Пришествия спят как во гробе.

БЕГЛЕЦ

На санях да по Красной площади,
Да с возницею в черный рост
Понесли его снежные лошади
Во крещенский и звездный мороз!

Из России сермяжной, кондовой
Сквозь колокольный дремучий звон,
Многоглавой, огромнопудовой
Он со свистом проносится вон!

Над полями летит, над лесами
Над могилами, над крестами
И уже не гремит бубенцами —
Он несется то рысью, то вскачь
И за ним грай вороний — бесовский плач.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Открытый гроб ... открытая могила
И белый пух роняли тополя
Горсть первая земли — как неподъемна сила
И небо было тяжелее, чем земля.

Я бросил ком и отошел и слушал только в оба,
Как падала земля тяжелая на крышку гроба,
Как будто в доме в дверь стучали изнутри
И небо отзывалось слабо — отопри...

2

И погребальное льняное покрывало
Ее лица еще не закрывало,
Когда мы попрощаться подошли, скорбя
И взора никому она не открывала
Лишь слабо улыбалась про себя.

ВЕЩИ ВЕКА

Ничего уже от века
Не оставит этот век,
Вещи носят человека,
Как одежду человек.

Никуда от них не деться,
Не избавиться подчас,
Что купить, во что одеться —
Вещи думают за нас.

Остается это в силе
Даже в детстве золотом...
...И всего-то износили
И доносит вещь потом.

...Во всем новеньком — во гробе,
Ты лежишь в парадной робе,
Отправляясь в скорбный путь —
Там доносят как-нибудь...

Ничего уже от века
Не оставит этот век,
Вещи носят человека,
Как одежду человек.

БЕРЕЗА

Почти вся высохла — вершиною зеленой
Она на этом свете все еще жила...
И от родной земли — все больше отдаленной,
Она, казалось, в белом облаке плыла...

Засохшая... весной ее вершину
Колышет вешний ветер в молодой листве...
Полдерева потом пошло на древесину,
А остальное там еще — в заветной синеве...

* * *

Свежескошенной травой
Пахнет дождь над головой!

Где-то молния сверкнула...
Не моя ли жизнь мелькнула?

По реке плывет паром —
Отдаленный в небе гром...

* * *

Колодезный холод рассвета,
Все меньше земного тепла —
На все то ушедшее лето —
Остывшая в печке зола...

А жизнь еще теплится где-то,
Быть может, в родной стороне?
Последние сумерки лета
В моем догорают окне...

* * *

Снег сошел и земля показалась —
Я увидел дороги, поля...
Все такой же ты вновь оказалась
Эта сердцу родная земля!

Как от зимнего сна я очнулся,
Обозначилась вдруг высота —
Я как будто на землю вернулся,
Я узнал мне родные места!

Как пожухла под снегом листва,
Вновь опавшей она оказалась,
Еще больше опала трава
И колышется только едва,
Потому что ее не осталось...

* * *

Г. Уэлсу

Не Россия, а мир весь во мгле,
Что во прахе лежит и во зле...
Станет жить на воде и на хлебе —
Богородица хоть и на небе,
Все же больше Она на земле...

Второе обретение мощей преподобного Серафима Саровского.
Кресный ход. 1991 г.
Фото Павла Кривцова

СОДЕРЖАНИЕ

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ 5

Молитва природы
«Христос воскрес!» — поют во храме...»
Пророк Исаия
Пророк Иеремия
«Томимый грустью непонятной...»
Бог *(«О, Боже мой, благодарю...»)*
«Тебе — хвала. Тебе — благодаренье...».
Из поэмы «Франциск Ассизский»
Царство Божие
Проклятие любви
DE PROFUNDIS
1. Усталость
2. De Profnndis *(«Из преисподней вопию...»)*
Трубный глас
«О, если бы душа полна была любовью....»
Молитва о крыльях
Вечерняя песнь
«Доброе, злое, ничтожное, славное...»
Сонное

АЛЕКСАНДР КРУГЛОВ 11

«В детстве мать меня учила...»
На прощанье. *Из цикла «Сербские отголоски»*
Молитва матери *(«Тишь в селе немая...»)*
«Явися, Господи, нам, верой оскудевшим...»
Под впечатлением
«Не говори, что он напрасно пострадал...»
«Не проклинай годины бед...»
Св. Серафиму Саровскому
Христос с тобой *(«Ты здесь не одинок:*
верь глубоко душою...»)
«Нет человека без греха...»
«В том нет греха, что в разных книгах...»
«Жизнь без любви и без тепла...»
«Не бойся терний и креста...»
«Умилительные звуки покаянного псалма...»
Мольба *(«Покорный раб страстей, греховной суеты...»)*
Перед картиной Айвазовского
В скиту
Вечерний звон *(«Вечерний звон, вечерний звон...»)*

АЛЕКСЕЙ БУДИЩЕВ.....18

Ночью
1. «Господь! Укрой меня десницею святою!..»
2. «Какая ночь! Мне душно, душно в келье!..»
3. «Но, Боже! Прошлое забыть я должен ныне...»
4. «Пора уснуть. Но сна боюсь я, Боже!..»
5. «О счастье! Мы одни над тихою рекою!..»

«Творец земли! прости мне грех...»
Монах *(«Он в лес ушел, построил келью...»)*

ФЕДОР ГАВРИЛОВ.....20

«В глубокой древности затеплили лампаду...»

ФИЛИПП ШКУЛЁВ 20

«В жизни горькой, безотрадной...»

ВЛАДИМИР САВОДНИК 21

Вечерний звон *(«Люблю я благовест вечерний...»)*
Молитва *(«Я не знаю, кому мне молиться...»)*

ВЛАДИМИР ЛАДЫЖЕНСКИЙ 22

Молитва *(«Тихо в комнате. Лампадка...»)*
«Ты знаешь, я, Творец, безсилен пред Тобой...»
«Лишь только догорит вечерняя заря...»
«Христос воскрес! Скворцы поют...»
«У вод Вавилонских. *Из Байрона*
«Я был один, один под кровом ночи звездной...»
Из Виктора Гюго.

ИГУМЕНИЯ ТАИСИЯ 24

Молитва *(«Духовным оком созерцала...»)*
Море житейское
Искание Бога кающеюся душою
Молитвы
1. «Молитва есть дар благодати священной...»
2. «Спаситель, Спаситель! Согрей мою душу...»
3. «Люблю я воссылать Тебе сердечные мольбы...»
4. «Свет пресветлый, Иисусе!..»

Молитва грешницы у подножия Креста
Мысли в последний час
Пред чудотворною иконою Богоматери в Казанском соборе
В полночный час
Вера
Прощальная беседа Спасителя с учениками на Тайной вечере

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ..... 31

«Мертва без веры жизнь пред нами...»
Утренняя молитва *(«Минула ночь...»)*
Христославы
«Отче наш!»
Вольный перевод стихотворения Мартина Лютера
Безродная
«Весь храм сиял и заливался звоном...»
«Вошел я в церковь... Там — народ...»
«Все принимай! — из тьмы веков...»
«Полутемный, со сводами древними храм...»
«Нет, не могу я думать, не хочу...»
«Пошли мне, Боже, в жизни чашу слез...»
«Да, помню я — был равнодушен...»
«Высшая Правда и Благость святая...»
«Тебе — мой гимн, мой первый гимн — Тебе...»
«Присутствие Бога мне слышно...»
«Он был, Он — есть, Он — будет вечно...»
«Из мирной пристани, где дум моих ладья...»
«О Всепрощающий! Ты — словом укрощал...»
«Кто *духом нищ* — блажен... Но, Боже...»
«Других спасая — себя забыть...»
«За оскорбленных и униженных...»
«Смотрю на пройденный мной путь...»
«Дух мой мятется, очаг мой колеблется...»
«За каждый миг и час Творца благодарю...»
«Когда в страну Твоих негаснущих лучей...»

В молитвенной тиши
Моя молитва *(«Тебя, распятый на кресте...»)*
На пути богоискания
1. «С тобою — жить, с тобой трудиться...»
2. «Из всех венцов венец терновый...»
3. «Храня очаг святых преданий...»
В Святую ночь. *Из пасхальных мотивов*

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ 43

Заклинание XIII века
Серафимы
Молитва о гибнущих
«Мой Ангел-Утешитель...»
Ангел скорби
Крест
Каменная швея. *Чешское предание*
Что такое весна?
«Я — жрица тайных откровений...»
Плач Агари
В вечном страхе. *Из цикла «Средние века»*
Св. Екатерина
Небесные огни
Райские хоры
Утренний гимн
Светлый дух
Восковая свеча
У брачного чертога
День Духа Святого

МАРИЯ ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕДТ 50

На колокольне
На родимый простор
Когда-нибудь
Пасхальная ночь

ДМИТРИЙ ШЕСТАКОВ 51

Сион

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ 51

Желание
Дочь Иаира
Среди миров

СПИРИДОН ДРОЖЖИН 53

К Богу *(«Боже, как всюду несчастных много...»)*
Утро в лесу
Молитва *(«Утомленный долгой битвой...»)*
Молитва *(«Спаситель, к Тебе я с молитвою грешной...»)*
«Тебе, моя родная сторона...»

ИВАН МОРОЗОВ 55

«Ты, Творец Всесильный, Ты, Отец вселенной...»

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ 55

Молитва *(«Господи, Боже, склони Свои взоры...»)*
«О, только бы знать, что могу я молиться...»
Зачем?
Песнь Юдифи
«Ночь ночи открывает знанье...» *На мотив псалма 18*
Молитва вечерняя *(«Тот, пред Кем, Незримым, зримо...»)*
Звезда пустыни
Мост
Колокольчики и колокола. *Из Эдгара По*
Благовещенье в Москве
Вербы
Звездоликий
Святый Боже
Свете тихий *(«Свете чистый пречистыя славы...»)*
Небесная роса
В черном
Алтарь
Паломники
Покаяние

ФЕДОР СОЛОГУБ 65

Молитва покаяния *(«Открой мне двери покаяния...»)*
«Господь мои страданья слышит...»
«Твои дары, о Царь Небесный...»
«Разбита вера. Радостной надежде...»
«В час молитвы полуночной...»
Арфа Давида *(«У постели псалмопевца...»)*
«Песней колокольной, медленной, протяжной...»
«Под звуки дивной арфы...»
«Проглядел я очи...»
«Храм затворен. Нет огня...»
«Все хочет петь и славить Бога...»
Ангел благого молчания *(«Грудь ли томится от зною...»)*
«Когда я в бурном море плавал...»
Соборный благовест *(«Давно в степи блуждая дикой...»)*
Чертог Твой вижу, Спасе мой...
«Скучная лампа моя зажжена...»
«О полночи с постели молиться ты сошла...»
«Замолкнули праздные речи...»
Расточитель
«Я дышу, с Тобою споря...»
«Как я с Тобой ни спорил, Боже...»
«Смеешься надо мною, ликуя в небесах...»
«Жестокая слукавила, — мне душу отдала...»
«Вижу росы, и пою...»
«Все земные дороги не прямы...»
«Солнце вечное сияет...»
«Ладан стелется туманный...»
«Перед Твоей лампадою...»
«Моя молитва — песнь правдивая...»
«Подыши еще немного...»

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ 74

«Облегчи нам страданья, Боже!..»
Мучительный дар
Песня сборщиков
Моисей *(«Я к людям шел назад с таинственных высот...»)*
В старинном храме
Отрады
Благовещенье *(«Ты была единая от нас...»)*
Ангел благого молчания. *Молитва*
В духе первых христианских гимнов
Псалом Давида *(«Меж братьями я меньший был...»)*

Вербная суббота
Молиться *(«Молиться? Я желал молиться...»)*
Одна
Молитва *(«Отче! полмира объемлешь Ты тенью...»)*
Молитесь *(«Молитесь о праздничных розах...»)*
Молитва *(«Благодарю Тебя, Боже...»)*
«Небесный Царь! Приди к нам, Утешитель...» *Из мелопеи «Человек»*

ЗИНАИДА ГИППИУС 79

Молитва *(«Тени луны неподвижные...»)*
Дар
Страх и смерть
Нескорбному Учителю
Христу *(«Мы не жили — и умираем...»)*
Вместе
Предсмертная исповедь христианина
Божья тварь
Благая весть *(«Дышит тихая весна...»)*
Август
Оправдание
Возьми меня
О другом
Тише!
Адонаи
Наше Рождество
Белое
Свет!
Ему
Божья
На поле чести
Твоя любовь
Ключ
Неотступное
Св. Тереза Младенца Иисуса
«Тереза, Тереза, Тереза, Тереза...»

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ 87

Моисей *(«Умолк, Израиль, ропот твой!..»)*
«И вот опять к Твоим притворам...»
«В моем неверии? — Не в нем успокоенье!...»
«К тебе стремлюсь тоской моленья...»
«Воспламеняется душа моя, сияя...»
«Я не веровал, — но тем я не был друг...»
Суд
«Утром летним, с зарей, стань пред образом...»
«Среди всемирного крушенья...»
«Жертвы мои не угодны Тебе. Но да будет угодно...»
«Бездушной твари жизнь мироздания...»
«Молитве моей благодатью Твоей...»
«Ave, Caesar! Moriturі...»
«О Боже, научи Тебя благодарить...»
«Вы, твари, ноющие с гнойною тоской...»
«Ночью летней, ночью темной...»

ОЛЕГ РОМАНОВ 96

«О, дай мне, Боже, вдохновенье...»
«Остатки грозной Византии...»

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ 98

Зов
К Мессии
Молитва *(«Я затеплил свечу и молюсь горячей...»)*
Свеча
Отвергнутый ангел. *Средневековая легенда*
Вечер
На меже
Я — человек

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ 101

«Вы, мирно спящие в серебряных гробницах...»
«Мы ждем Тебя. Из недр ущелий диких...»
«Я молю Тебя: встань из гробницы Твоей...»
Светлой памяти Его Высочества
князя Олега Константиновича
Молитва *(«О Боже! Молю пред могилой открытой...»)*
Прощание
В церкви в день Успенья
В день Покрова *(«Под защиту Твою прибегаем...»)*
Вертоград небесный *(«Вероградa небесного лилия...»)*

АЛЕКСАНДР БЛОК 105

«Сама судьба мне завещала...»
Неведомому Богу
Dolor ante Lucem
«Разверзлось утреннее око...»
«Полна усталого томленья...»
«Новый блеск излило небо...»
«Пора вернуться к прежней битве...»
«Отрекись от любимых творений...»
«Измучен бурей вдохновенья...»
«Мой путь страстями затемнен...»
«Ныне, полный блаженства...»
«Прозрачные, неведомые тени...»
«Верю в Солнце Завета...»
«Кто-то вздохнул у могилы...»
«Люблю высокие соборы...»
«Я, отрок, зажигаю свечи...»
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...»
Элегия
Молитвы
1. «Сторожим у входа в терем...»
2. Утренняя *(«До утра мы в комнатах спорим...»)*
3. Вечерняя *(«Солнце всходит на запад...»)*
4. Ночная *(«Тебе, Чей сумрак был так ярок...»)*
5. Ночная *(«Спи. Да будет твой сон спокоен...»)*

«Девушка пела в церковном хоре...»
Вербочки *(«Мальчики да девочки...»)*
Ангел *(«Люблю Тебя, Ангел-Хранитель,во мгле...»)*
Из цикла «На поле Куликовом»
2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»
3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...»
5. «Опять над полем Куликовым...»
«Не спят, не помнят, не торгуют...»
«Сквозь серый дым от краю и до краю...»
«Рожденные в года глухие...»
«Распушилась, раскачнулась...»

ИВАН БУНИН.....116

«Любил я в детстве сумрак в храме...»
«Под орган душа тоскует...»
В костеле *(«Гаснет день — и звон тяжелый...»)*
Ангел *(«В вечерний час, над степью мирной...»)*
Троица *(«Гудящий благовест к молитве призывает...»)*
Вечерняя молитва *(«Солнце уходит в далекие страны...»)*
«Христос воскрес! Опять с зарею...»
На закате
На монастырском кладбище
Надпись на могильной плите
Ночь и день
Неугасимая лампада
Закон
Нищий
«Свежа в апреле ранняя заря...»
«Взойди, о Ночь, на горний свой престол...»
«Иконку, черную дощечку...»
Псалтирь *(«Бледно-синий загадочный лик...»)*
«О радость красок! Снова, снова...»
«Звезда дрожит среди вселенной...»
Из книги пророка Исаии
Потерянный рай
«О слез невыплаканный яд!..»
«И вновь морская гладь бледна...»
«Все снится мне заросшая травой...»
Вход в Иерусалим *(«Осанна! Осанна! Гряди...»)*
Петух на церковном кресте
Москва 1919 года
«Один я был в полночном мире...»
Ночь

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ.....124

Стих о Святой горе
Под древом кипарисным
Gratiae Plena
«Уж ты, Рай мой, Раю пресветлый...»
Тебе благодарим
Хваление духов благословляющих
Долина-храм
Христос воскрес *(«Христос воскрес! Воскрес Христос...»)*
«Сияй в блаженной, светлой сени!..»
Икона
«Самозабвенно Агнца возлюбя...»
Буди, буди!
В смутную годину
Молитва *(«Боже, спаси свет на Руси...»)*
Плач по убиенным воинам
«Знаю, Господи, — будет над Русью чудо...»
Из «Римского дневника». 1944
«Все бес назойливый хлопочет...»
«Любовью сердце в нас живимо...»
«Я посох мой доверил Богу...»
«В розах Май Тебе, Мария...»
«Шепчет: «Светом повеяло...»
«И снова ты пред взором видящим...»

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА.....130

Троицын день
Свете Тихий
Пыль веков
«Сосны сухие и ели мохнатые, черные...»)
Ранняя обедня

ЛЕОНИД АФАНАСЬЕВ.....132

Молитва *(«Всем на радость, всем униженным...»)*
Меч
«Христос, поруганный, осмеянный толпой...»
Прощать
«Любя, мы счастливы, но, Боже...»
«В моей груди кипит еще восторг...»
«Дождались мы опять заутрени пасхальной...»
В Казанском соборе
Помолимся. *Из великопостных настроений*
«В дыму кадильном, как в тумане...»
Молитва *(«Научи меня, Боже, молиться за них...»)*
В Святую ночь

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ.....136

Весна монастырская
Молитва *(«Нет, не оставил Ты ее!..»)*
Молитва воина
У Казанской Божьей Матери

НАДЕЖДА ЛЬВОВА.....139

«Боже мой! Боже мой! Я молитвы забыла...»

ИЗАБЕЛЛА ГРИНЕВСКАЯ.....140

Прости
В храме
Звезда. *Рождественская песнь*

ВЛАДИМИР ШУФ.....141

Забытый храм
Русь
Горная обитель
Псалом 62. *В горах Иудейских*
Ave, Maria! *(«Тебе, Мария, — песни и моленья...»)*
Иордан
Кипарисовая ветка

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ.....143

«О Господи, смиренье дай...»
Крест
Весна
Небо
Молитва *(«Ты — в сумраке и в блеске вод зеркальных...»)*

ЮРИЙ ВЕРХОВСКИЙ.....144

Распятому Христу. *Сонет*
Сонет *(«Люблю я, русский, русского Христа...»)*
Рождественской ночью

ЭЛЛИС.....145

Псалом радостный
Молитва о падшей

Сонеты к Спасителю
I. «И молвил мне Господь...»
II. «Увы, исполненный тревожного сомненья...»
III. «О, возлюби меня — всемерное лобзанье...»
IV. «Тебя любить, Господь, я не могу, не смею...»
V. «Любить Меня — твоя обязанность святая!..»
VI. «Увы, напрасно я стремлюсь к Тебе душою...»
VII. «О сын Мой, позабудь постыдные сомненья...»
VIII. «И таинство любви всем сердцем обожая...»
IX. «Я награжу твое усердие и рвенье...»
X. «О Боже, что со мной? Увы, я весь в слезах...»
XI. «Ты прав, мой бедный сын, да будет мир с тобой...»
В храме
Странник
Stabat Mater Dolorosa
Ave Maris Stella
Из «Екклезиаста». *Глава 12*
Молитва *(«Прободено светило дня...»)*
Молитва *(«О Боже! Ты ведаешь эти терзанья!..»)*
Рыцарь двойной звезды *(Баллада)*
Молитва св. Бернарда к Деве Марии
Из 33-й песни «Рая» Данте
Канцона XXIII. *Из Данте*

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ 153

Во храме

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ 154

Гимн хвалебный. *Из поэмы «Святой Владимир».*
Молитва *(«Богородице ясная...»)*
Amor fati
In pace. *Акафист*

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ 157

Вечерняя молитва *(«Три дня подряд господствовала вьюга...»)*
Иоанн Креститель
Сергий Радонежский
Москва
Вход в Иерусалим
Раба Христова

ВИКТОР ГОФМАН 160

К Богу
Из цикла «Песня о вечернем звоне»
«Боже, я Твой, я послушен...»
«Звон поет, звон растет как видение...»

ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА 162

Четки *(«За словами молитвы короткой...»)*
Белый кошмар *(«Белыми взмахами гневной метели...»)*

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН 162

Хвала святому Франциску
Хвала святого Франциска

ВЛАДИМИР ЛЕНСКИЙ 164

Молитва *(«Вечерний свет... На скатерти узорной...»)*
Праздник *(«Пасхальный благовест, и небо синее...»)*
Звонари

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС 165

Мой храм
Молитва *(«Забвенья, забвенья! Всей малости крова!..»)*
Вечерняя песня *(«Входит под сирую кровлю...»)*
Молитва *(«Безсмертный Боже! Грустно мне...»)*
Аминь
Колокол
Призыв
Вечерняя песня *(«Желтеет колос — пробил срок!..»)*
Заповедь скорби
Верую
Пасхальный звон
Молитва *(«Когда придет метель и мука запустенья...»)*

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА 168

Приснодева
Егорий
Власий
Богородица
Пасхальная. *Из цикла «Девичьи песни»*
«Я стала старше, зорче...»
«Лампаду синюю заправила...»
Видение
У Троицы
Заплачки
1. «Ой, родимая, ой русская земля!..»
2. «Дале — дальняя сторона моя...»
Сладость Иисусова *(«В душу чудное сходит отишие...»)*

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН 173

Ave Maria
Пасхальный гимн
Реквием
Похоронная ирония
Канон св. Иосафу
Чаемый праздник
И будет вскоре...
Предвоскресенье
Не устыдись...
Молитва *(«Благочестивого монастыря...»)*
На монастырском закате

МИХАИЛ КУЗМИН 176

Духовные стихи
Хождение Богородицы по мукам
О старце и льве
О разбойнике
Пустыня
Страшный суд
Праздники Пресвятой Богородицы
1. Вступление
2. Рождество Богородицы
3. Введение
4. Благовещенье
5. Успение
6. Покров
7. Заключение

Пасха
Мария Египетская
Ночная молитва
Перед Пасхой
Моление *(«О Феодоре Стратилаче...»)*
Два старца
Ангелы удивленные
Успенье
«Унылый дух, отыди!..»
«Господь, я вижу, я недостоин...»
Хлыстовская
«Еще нежней, еще прелестней...»
«О, нездешние Вечера!»
Пещной отрок
«Мне не горьки нужда и плен...»
«Живется нам не плохо...»
Катакомбы
Рождество
Песня о душе

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ 191

«Я в лес бежал из городов...»
Молитва *(«Солнце свирепое, солнце грозящее...»)*
Христос
Ангел-хранитель
Война
«Я не прожил, я притомился...»
Из цикла «Счастье»
Канцона вторая
Заводи
Молитва мастеров

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ 195

Последний гимн
Поздно
Отшельник
Молитва *(«Все былые страсти, все тревоги...»)*
Моисей *(«Спасая свой народ от смерти неминучей...»)*
Слезы Рахили
«Судьей меня Господь не ставил...»
Листик
Путем зерна
Анюте
«У Благовещенья на Бережках обедня...»
Вечер
«В последний раз зову Тебя: явись...»

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ 199

Сочельник
Рождество в скиту
«Снова снег синеет в поле...»
«Снега буреют, тая...»
«Когда светла осенняя тревога...»
«Однажды под Пасху мальчик...»
«Опять сияют масляной...»

НАДЕЖДА ТЭФФИ 203

Белая одежда

АЛЕКСАНДР РОСЛАВЛЕВ 203

Никола Милостивый

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ 204

Беда

ТАТЬЯНА ЕФИМЕНКО 205

«Я не могу роптать на Тебя, Боже...»
«Ни суеты, ни безразличья...»

АЛЕКСАНДР ДИЕСПЕРОВ 206

Обитель

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ 206

Молитва поэта
Христос воскрес! *(«Земля и солнце, поля и лес...»)*
Колокола
Христос воскрес! *(«Христос воскрес!» — поет природа...»)*
Молитва *(«Возьми мои руки в пречистые руки...»)*

МАРИЭТТА ШАГИНЯН 208

Молитва *(«Мой светлый Бог, чудес не надо...»)*
Молитва *(«Уж ночь. Земля похолодела...»)*
К Армении
Завет
Псалом
Славянам освободителям

ВЛАДИМИР НАРБУТ 210

Россия
Вечерня в селе
В церкви
После обедни
Вербная Суббота
На Страстной неделе
Христос воскрес!
I. «Гудят без умолку колокола...»
II. «Христос воскрес! — поет, поет земля...»
Тихой ночью
Отшельник
В мае
Святой миг
Монастырские песни
«Когда застигнута врагом врасплох...»
Мысль
Душе
Молитва *(«О подводный камень веры...»)*

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ 217

«Образ Твой мучительный и зыбкий...»
«Вот дароносица, как солнце золотое...»
«В разноголосице девического хора...»
«В хрустальном омуте какая крутизна!..»
«Люблю под сводами седыя тишины...»

ВЕРА РУДИЧ 219

«Боже! Когда я о счастье и мире просила...»
Благодарю Тебя, великий Бог

В ночь на Рождество
1. «Идешь ли Ты, Боже, сияньем звезды озаряем...»
2. Сегодня
«Как сладкий мед любовной ласки радости...»
«Долго душа изнывала в оковах безсилья...»
«Как дикий зверь ревет в неволе...»
«Замирает волна погребального звона...»
«Для мук людских сплетен венок терновый...»
Перед Великим постом
«На тихий звон Великого поста...»
Перед «Страстями»
«О вы, чье сердце старости боится...»
Наша церковь
«Нет, не взлететь ко звездной высоте!..»
«В шуме немолкнущих...»

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ 223

Богу
Из «Великого Четверга»
«Воздух расколот на черные ветки...»

ТИХОН ЧУРИЛИН 224

С сестрой
Стиховна
Музыка на Пасху

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ.....227

Моя молитва

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ 227

«Боже, укрой и помилуй...» *Псалом 11*
Иегова
Храм

АДЕЛАИДА ГЕРЦЫК.....229

«Млеют сосны красные...»
Заплачка
«Речи погасли в молчании...»
«Ночью глухой, безсонною...»
Орисница
«О, не дай погаснуть...»
«Благодарю Тебя, что Ты меня оставил...»
«Благослови меня служить Тебе словами...»
«Что это — властное, трепетно-нежное...»
«Дремлет поле вечернее, парное...»
«Он здесь, но я Его не слышу...»
«Так ли, Господь? Такова ль Твоя воля?..»
Святая Тереза
«В родимом граде Скоропослушница снимает грех...»
«Ты о чуде долго молила...»
«Господь мой, запрети ветрам!..»
Храм
Ночное
Подвальные
I. «Нас заточили в каменный склеп...»
II. «В этот судный день, в этот смертный час...»
III. «Ночь ползет, тая во мраке страшный лик...»
IV. «Я заточил Тебя в темнице...»
«Господи, везде кручина!..»
«Друзья! Ведь это только «путь»!..»
«Ты грустишь, что Руси не нужна ты..»
«Заросла тропа моя к Богу...»
«Поддержи меня, Господи Святый!..»
Хлеб
«Никому не нужна ты...»
Пляска смерти
«С утра стою перед плитой...»

МАРИНА ЦВЕТАЕВА 239

Молитва *(«Христос и Бог! Я жажду чуда...»)*
Еще молитва
«Устилают — мои — сени...»
«В день Благовещенья...»
«Канун Благовещенья...»
«Из рук моих — нерукотворный град...»
«Над синевою подмосковных рощ...».
«— Москва! — Какой огромный
странноприимный дом...».
«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»
«Закинув голову и опустив глаза...»
«Благословляю ежедневный труд...»
«Слезы, слезы — живая вода...».
«Ты приходишь на Запад Солнца...»
«У меня в Москве — купола горят...»
«А над равниной — крик лебединый...»
«Так, Господи! и мой обол...»
«За Отрока — за Голубя — за Сына...»
«Идет по луговинам лития...»
«Ты дал нам мужества...».
Але
«...Выстрел — в самую душу...»
Из стихотворения «Маяковскому»

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН 248

Мир
Русь глухонемая
Родина
Молитва о городе
Посев
Заклятье о Русской земле
Заклинание (От усобиц)
Благословение

ЕЛИЗАВЕТА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (МАТЬ МАРИЯ).....252

«Буду ли тихим молитвам внимать?..»
«Подвел ко мне, сказал: усынови...»
«Братья, братья, разбойники, пьяницы...»
«Так затихнуть — только перед бурей...»
«Не прошу Тебя: помилуй, не карай...»
«Все горят в таинственном горниле...»
Покаяние
«Идет устрашающий гнев...»
«Единство мира угадать...»
«Еще мне подарили город...»
«И в эту лямку радостно впрягусь...»
«В тысяча девятьсот тридцать первое...»
«Господи, Господи, Господи...»
«Ночью камни не согреешь телом...»
«Помазанность, христовость наша...»

«Смотри, — измозолены пальцы...»
«Мне кажется, что мир еще в лесах...»
«Мы не выбираем нашей колыбели...»
«Убери меня с Твоей земли...»
«Что я делаю? — Вот без оглядки...»
«С народом моим предстану...»
«Нашу русскую затерянность...»
«В людях любить всю ущербность их...»
«Ты ли, милосердный Пастырь...»
«Моих грехов не отпускай...»
«Обетовал нам землю. Мы идем...»
«Знаю я, — на скором повороте...»
Похвала труду. *Псалом*
Духов день. *Терцины*

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ 268

«Помню я обедню раннюю...»
Песнь похода
«О, спешите, братья, к нам...»
Полунощница
«Без посоха, без злата...»
На кресте
Вечерняя
Усладный стих
«Я борозду за бороздою...»
«Пушистые, теплые тучи...»
Памяти героя
Прославление милостыни
«Мужицкий лапоть свят, свят, свят!..»
Стих о праведной душе
Небесный вратарь
«Облиняла буренка...»
«Не в смерть, а в жизнь введи меня...»
«Судьба-старуха нижет дни...»
Поминный причет
«В этот год за святыми обеднями...»
«Ель мне подала лапу, береза — серьгу...»
«Лесные сумерки-монах...»
Вешний Никола
Молитва *(«Упокой мою душу, Господь...»)*
Слезный плат
Новый псалом
«Уму — республика, а сердцу — Матерь-Русь...»
«Есть две страны: одна — Больница...»

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ.....280

«Образ Троеручицы в горнице небесной...»
Детство
«Как не петь и не молиться...»
«Вся в тумане, в дремоте околица...»
«Монастырскими крестами ярко золотеет даль...»
«Давно не смотрит Спас с божницы...»
Из цикла «Заклятие смерти»

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.....284

«Дымом половодье зализало ил...»
Калики
«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...»
Вьюга на 26 апреля 1912
«Пойду в скуфье смиренным иноком...»
«Гой ты, Русь, моя родная...»
«Заглушила засуха засевки...»
«Сохнет стаявшая глина...»
«Я пастух, мои палаты...»
«По дороге идут богомолки...»
Пасхальный благовест
Троица
«Чую радоницу Божью...»
«Сторона ль моя, сторонка...»
«Не ветры осыпают пущи...»
Молитва матери
«Я странник убогий...»
Руси
Поминки
«Наша вера не погасла...»
«Алый мрак в небесной черни...»
«В лунном кружеве украдкой...»
«Занеслися залетной пташкой...»
«За горами, за желтыми долами...»
«В зеленой церкви за горой...»
«Я снова здесь, в семье родной...»
«Твой голос незримый, как дым в избе...»
«Запели тесаные дроги...»
«Без шапки, с лыковой котомкой...»
Исус Младенец
«О Матерь Божья, спади звездой...»
«Серебристая дорога, ты зовешь меня куда?..»
«О верю, верю, счастье есть!..»

АЛЕКСАНДР ШИРЯЕВЕЦ 297

Благовест
В Рождественскую ночь
«Колокола гудят повсюду...»
Пасха
В Пасхальную ночь
Китеж
Угоднику
Святителю Пантелеимону
Нил Сорский
Опта
Христу

ПАВЕЛ РАДИМОВ 300

Из книги «Полевые псалмы (1912)
Псалом зачала
Ропот Каина
Элегия. Деревенское кладбище
Полночная молитва
Молитва
Из книги «Земная риза (1914)
Молебен у стада
Светильник
У паперти
«Смиренной повести моей...»
Из книги «Деревня» (1926)
Смерть

ДМИТРИЙ СЕМЁНОВСКИЙ.....307

«К непогодам хмурой дали...»
Ангельская песнь
«В этом мире прелестном и милом...»
Я
Над голубым покровом

Поношение
«Благослови, душа моя...»
«Мне чудится и в пышности цветенья...»
«— Аль по зеленому саду ходила...»
«Поток, росток, цветок на мирной ниве...»

АЛЕКСЕЙ ЛИПЕЦКИЙ 311

У чудотворной иконы
В стране «Балканской розы»
Послушник
Причастница
Лесная исповедь
Слух души
Пасхальный вечер
Вознесение Господне
Молитва после боя
Легенда великой войны
Пасха в дни войны
Молитва *(«Боже, спаси мою Родину милую...»)*

СОФИЯ ПАРНОК 317

«Словно дни мои первоначальные...»
«Я не люблю церквей, где зодчий...»
«Снова знак к отплытию нам дан!..»
«Видно, здесь не все мы люди-грешники...»
«Не внял тоске моей Господь...»
«Испепелится сердце...»
«Я ль не молилась, — отчего ж...»
«Что ж, опять бунтовать? Едва ли...»
Песня
«Господи! Я не довольно ль жила...»
«В душе, как в потухшем кратере...»
«Я думаю: Господи, сколько я лет проспала...»

БОРИС САДОВСКОЙ 322

Молитва *(«Мне ничего не надо...»)*
«Бог всемогущий, продли мои силы...»
«Верни меня к истокам дней моих...»
Из Псалтири
Псалом 1 *(«Блажен, кто к нечестивцам не входил...»)*
Псалом 14 *(«Господи, кто поселится в чертоге Твоем...»)*
Псалом 44 *(«От сердца я излил благое слово...»)*
Псалом 126 *(«Когда не Богом дом воздвигнут, даром...»)*
Псалом 132 *(«Что хорошо и прекрасно? — сожительство дружное братьев...»)*

АННА АХМАТОВА 326

«Молюсь оконному лучу...»
Исповедь
«Стал мне сниться реже, слава Богу...»
«Я научилась просто, мудро жить...»
«Помолись о нищей, о потерянной...»
«Дал Ты мне молодость трудную...»
«Ты пришел меня утешить, милый...»
«Я так молилась: ''Утоли...''»
«Я любимого нигде не встретила...»
«Мне не надо счастья малого...»
«В Киевском храме Премудрости Бога...»
Июль 1914
1. «Пахнет гарью. Четыре недели...»
2. «Можжевельника запах сладкий...»
«Безшумно ходили по дому...»
Утешение *(«Вестей от него не получишь больше...»)*
«Вечерний звон у стен монастыря...»
Молитва *(«Дай мне горькие годы недуга...»)*
Колыбельная
«Будешь жить, не зная лиха...»
«Небо мелкий дождик сеет...»
Майский снег
Памяти 19 июля 1914
«Буду черные грядки холить...»
Песня о песне
«О, есть неповторимые слова...»
Отрывок *(«О Боже, за себя я все могу простить...»)*
«Ты — отступник: за остров зеленый...»
«Я в этой церкви слушала канон...»
«Сослужу тебе верную службу...»
28 июля 1921
«Широко распахнуты ворота...»
«Древний город словно вымер...»
«Земной отрадой сердца не томи...»
«Уводили тебя на рассвете...»
Заклинание *(«Из высоких ворот...»)*
«Уложила сыночка кудрявого...»
«Тихо льется тихий Дон...»
«И осталось от всего земного...»
Причитание *(«Ленинградскую беду...»)*
Причитание *(«Господеви поклонитеся...»)*
«В каждом древе распятый Господь...»
«Хулимые, хвалимые!..»
«Больничные молитвенные дни...»
«Молитесь на ночь...»
Последняя роза *(«Мне с Морозовою класть поклоны...»)*

МАРИЯ ШКАПСКАЯ 341

Грустное
«Господи, я не могу!..»
«Боже мой, и присно, и ныне...»
«Господи, разве не встала я...»
«Я верю, Господи, но помоги неверью...»
Канон Богородичен

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ 343

Молитва о России
Молитва Ивана
В смертный час
Молитва о детях
Моя молитва

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ.....350

«Прости, Христос, мою гордыню...»
«Душа ущербная, как ночь слепая!..»
«Нет, не торжественному Риму...»
Легкое иго
Из цикла «Истина»
«В начале всех начал Единосущий!..»
«Я верю, Господи! Ты вознесен!..»
«Сонм ангелов, сих белокрылых стая...»
«Тишина твоей вечерни...»

ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРИЕВА (ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК) 352

«Благочестивым пилигримом...»
Плащаница
«Меч не опущен в руках Херувима...»
«Так величав и так спокоен...»
«В зеркале словно стекло замутилось...»
«Божья Матерь на иконе...»
Сон Эрны
1. «Ветер и солнце. Палящее солнце...»
2. «В храме шаткие ступени...»
3. «Вышла из храма, не хочет молиться...»
Опять безжалостно и грозно...»
«Книгу открыла и читала снова...»
«Весенних чужих половодий...»
«И Бога нет со мной. Он отошел, распятый...»
«Сегодня снова пели громко, громко колокола...»
«Около церкви березка...»
«Богоматери скорбен темный лик...»
«Господи, помилуй нас!..»
Свет благого молчания
«Чудотворным молилась иконам...»

ВАРВАРА МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ.....358

Из книги «Монастырское»
«Радуйся, Невеста, невеста Неневестная!..»
«Зашумели снега ручьями узывными...»
«Душа моя — свечечка малая...»
«Лампады алой мое сиянье...»
«Ударила в колокол мать Аглая...»
«Росами Твоими вечерними...»
«Золотые маковки обители...»
«Гроздия белого инея...»
«Вот и кончилось мое послушание...»

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ 360

«Снова жег мне чей-то взгляд затылок...»
«Поставь свечу перед Казанской...»
«Золотые ворота на белом снегу...»
«Посмотри, стало небо шире...»
«Вот он в гробу, в георгинах и розах...»
«Покрова Пресвятой Богородицы...»
«Голодом и хмелем, плачем, спесью...»
«В тишине не непоправимой...»
«Божья Матерь! Его осени...»
«Будешь сыт сегодня...»
Стихи, не входившие в прижизненные сборники
«Мы в катакомбах темных скрыты...»
Вороненок
Оптина
Разбойник Опта
Их поэмы «Оптина»
Молитва *(«Облако смутно плывет в синеве...»)*
Последнее поколение
Ночью
Наши дети
Новомученикам и исповедникам российским, от безбожников избиенным
Пасха
Испытание сердец
I. «Как страшен мир, в котором мы живем!..»
II. «Я сижу на крыльце деревянного старого дома...»
«О мой Господь, Непостижимый Свет!..»
Свет
Печоры
На пороге
«Ты думаешь — ты богата...»
«Когда стихии запредельной...»
Свете тихий

ВЛАДИМИР ПАЛЕЙ.....370

О Свете тихий
«Господь во всем. Господь везде...»
«Прости, Господь, что, сердцем странный...»
«Спите, солдатики, спите, соколики...»
Сестры милосердия
Молитва *(«О, если я порой томим негодованьем...»)*
Молитва воина
Двадцатое июля 1914 года
Птица Сирин
«Опять спустилась ночь...»
«Люблю лампады свет неясный...»
Сумерки
Черные ризы...
«Мы славим Господа, витая...»
(Из драматической картины «Сфинкс»)

ВЛАДИМИР НАБОКОВ.....378

Архангелы
Поэт
«Разгорается высь, тает снег на горе...»
Утро
«Живи. Не жалуйся, не числи...»
«Катится небо, дыша и блистая...»
Тайная вечеря
Возвращение
Панихида
«Блаженство мое, облака и блестящие воды...»
«Мы столпились в туманной церковеньке...»
Молитва *(«Пыланье свеч то выявит морщины...»)*
Пасха
Путь
Родина

СЕРГЕЙ БЕХТЕЕВ 383

Молитва *(«Пошли нам, Господи, терпенье...»)*
Верноподданным
Боже, Царя сохрани...
Конец русской былины
Умирающая
Русь горит!..
Цареградская всенощная
Миром Господу помолимся!
Немногим
Мученики
К рыцарям без страха и упрека
Венец Богоматери
Видение дивеевской старицы
Двуглавый орел
Кремлевские колокола

Русь зовет!
Святая
Славься...
Призыв
Молитва *(«Я Тебе, Владычица, принес...»)*
Наш храм
Святая Русь
Небесная Царица
Великопостное
Слезы радости
Верую!..
Моя вера
Только бы
Молитва Церкви Российской
Да будет воля Твоя!
Вещий сон
Молитва России
Наше царство
Наш подвиг
Лампадка
Угодник
Святому
Молитва *(«В дни лукавые, безбожные...»)*
Проповедь
Моя молитва *(«Краса Божественная Сына...»)*
Не здесь, а там

ФЕДОР КАСАТКИН-РОСТОВСКИЙ 397

Из книги «Стихотворения»
В Успенском соборе в Ростове
Крест
Великая Ектинья
Грешник
В горах
Молитва
Из книги «С войны»
Всенощная
Исповедь
Перед боем
Из книги «Голгофа России»
Колыбельная песня
Добровольцы
Родине
Русь
Мать
Услыши, Господи!
Перед рассветом
Пасхальный звон
Из цикла «Изгнание»
Незабытое
Перезвоны
Молитва офицера
Русским детям
Хоругвеносцы
«В годины мук и бездорожья...»

ПАВЕЛ БУЛЫГИН.....407

Могила
В тюрьме
Отчаяние
«Христос, Спаситель мой, я вновь к Тебе взываю!..»
«Как хочется домой, как тяжела чужбина...»
Колыбельная
«Не надо жертвы, а мы любим жертву...»
«Похоронный, тяжкий, скорбный...»
У единоверцев
Где Ты?
«Не просите меня больше петь...»
Звонят колокола
Весна на родине
Молитва вечерняя
«Весна опять зазеленела...»
«... Мне пальмы не нужны...»
Из цикла рассказов «Страницы ушедшего»

ГЕОРГИЙ МАСЛОВ.....413

Родине

НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ 414

Молитва за Россию
Молитва ребенка
Белокаменной

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ.....416

Молись, кунак...

ЮРИЙ ГАЛИЧ.....416

Святой Георгий
«Ветряк маячит на пригорке...»
Воскресение Христово
Панихида

САША ЧЕРНЫЙ 418

«Прокуроров было слишком много!..»

ГЛЕБ СТРУВЕ 419

«Мы живем в тупом ожиданье...»
«Среди полей вдруг одинокий крест...»
К Богу
«Не плачь, не сетуй, не тоскуй...»

СЕРГЕЙ РАФАЛЬСКИЙ.....420

Молитва о России
Две молитвы
I. «У каждой страны своя судьба...»
II. «Встала Смерч над шеломенем зла и черна...»

ВАЛЕНТИН ГОРЯНСКИЙ.....423

Молитва улицы
Часовня
Отшельник
Молитва Родине *(«На Руси разлады и расколы...»)*
«Когда Своей могучею рукой...»
«Первым дыханием своим я обязан Тебе...»
«Отче наш, по милости Своей...»
«Боже милосердный, в этот час...»
Из цикла «Три молитвы»
1. «Отец Небесный, этой ли строкой...»
«С ранней зари я ищу Тебя, Господи...» (*Псалом 62)*

ИВАН САВИН 426

«Двадцать три года я прожил...»
Возмездие
«Любить врагов своих... Боже...»
«Ты кровь их соберешь по капле, мама...»
«Ты не думай, все запишется...»
«У Царских врат икона странная...»

ЮРИЙ РЕВЯКИН 429

Сонеты
I. «Учитель наш любви и всепрощенья...»
II. «Уста Его святые прошептали...»

НИНА СНЕСАРЕВА-КАЗАКОВА 430

«Господи! Спаси нас!..»
«Я зажгу свечу покаянную...»
Первопоходники
«Безумные юродством во Христе...»
«Я речам Твоим, Господи, внемлю...»
«С годами все безжалостнее жизнь...»
«Иллюзия — сладчайшее питье...»
«Люблю я тишину молитв уединенных...»
«Земля, земля, люблю твой пряный дух...»
«Как хорошо, что в мире есть покой...»
«Отчего не могу у креста я...»
«На небе вспыхнули свечи...»

АЛЕКСЕЙ АЧАИР.....431

Верую!
Молитва *(«Прошептал: "Нету сил, милый!.."»)*
Пасха *(«Не терем, нет, — теперь не до хором...»)*
Обретенная Русь
Оставить дом...
Вселенская Русь
Храм души
Ислам
Священник
Слушая песню
Знамения
Пасха *(«В оранжевом свете пылающих свечек...»)*
Утро крещения
Возвращенное Рождество
Благословение
Радость
Степные звоны *(«Николе Вешнему вдогонку...»)* .....

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ 440

Пасхальная ночь
Наша Пасха
Великим постом
Божья елка

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН 442

Ночное
Святая Тереза
Иноку
Прощание с музой
Ловец
Над гробом
Молитва *(«Пускай не сиротой, безкрылым Недоноском...»)*
Счастье
Мукденский собор
Томление
Оправдание
Учитель
Жертва
Утро
Небо
Le mal invincible
Колокол
Богородица скорбей
Extasis
Молитва верных
Беседа с Богом
Молитвы *(«Когда зовет меня на битвы...»)*
Молитва *(«Пожалей меня, пощади...»)*
После заката
Утро смерти
Заупокойный канон
Валаам
Триолет
О грехе
Благодарение
Рождественское
Колокольный звон в России

ЛАРИССА АНДЕРСЕН 454

Из церкви
Молитва *(«Знаю — бывает тяжко...»)*

ЛЕОНИД ЕЩИН.....456

Осень без скорби
Маята. *Эскиз поэмы*
Беженец

СЕРГЕЙ СЕРГИН 457

Молитва *(«В пустынной церкви, днем, одна...»)*
Суета

ФАИНА ДМИТРИЕВА.....458

В день причастия
В Страстную пятницу
В Гефсиманском саду
Молитва *(«Ты молишься доверчиво и нежно...»)*

НИКОЛАЙ ШИЛОВ.....459

На паперти Хингана

МИХАИЛ СПУРГОТ 459

17 июля. *Из поэмы «Екатеринбург»*.....

ЕЛИЗАВЕТА РАЧИНСКАЯ 460

Молитва *(«Стою в немой тоске*
пред каменной твердыней...»)

ЛЕВ ГРОССЕ.....460

«Ты — юная, ты — стройная, как ель...»
Два храма

МАРИАННА КОЛОСОВА.....462

Казачат расстреляли
Вечером
На той стороне
Отцово копье
Рождество на чужбине
Дар Ульгеню
Мой щит

ОЛЬГА СКОПИЧЕНКО.....464

«Лучше пути победного...»
«В ветки игольчатой туи...»
Св. княгиня Ольга
Всех убиенных, Боже, упокой
Из книги «Памятка»
Стихотворение в прозе
Он с нами
Стихи, написанные во дни строительства Кафедрального собора в Сан-Франциско
«Эта радость в душе загорается в ночь Воскресенья...»
С нами Бог

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ.....471

Млечный Путь
Март
«Мне сам Господь налил чернила...»
Из цикла «Родина»
«Так кто же я? Счастливый странник...»
«— Богородице молилася...»
«Можно жить еще на свете...»
«С рождения — ни веры, ни креста...»
Из Тараса Шевченко
1. «Ой, Боже мой милый! Как тяжко на свете...»
2. «Молитесь, братие, молитесь!..»
«Отныне, навеки и присно!...»

НИКОЛАЙ ЕВСЕЕВ.....474

«Синее небо, прохлада...»
«Сохнут широкие плечи...»
«За рекою костер полыхает...»
«Приближаются сроки земные...»
«Все одно и то же бездорожье...»
«Средь степи пруды дремали...»
«Господи, пошли воды напиться...»
Возвращение
«Хопер течет, и на обрыве...»
«ХРИСТОС ВОСКРЕС, родные братья!..»
Донская волна
«О тебе молился поутру сегодня...»
«Свои недавно написал я строки...»
Вера
«О если б сказать пред концом мне: «О Боже...»
«Опять хочу писать стихами...»

ЕЛИЗАВЕТА ДОНСКАЯ.....477

Молитва *(«Господь мой и Бог,*
Ты ведешь меня верным путем...»)
Молитва *(«Свет вечерний, тихий, сияющий...»).*
Окружи меня молитвами своими
В храме

ВЛАДИМИР ДИКСОН.....479

«Чтоб на людях глаза были суше...»
«К тому, чье сердце стонет...»
«Молись, не смущайся, не бойся...»
«За белый снег, меня очаровавший...»
«За всех людей — мое моленье...»

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО.....480

В День Покрова
I. «Как звезда над снежными полями...»
II. «Только гибель и воспоминанье...»
III. «Матерь Божия, сердце всякой твари...»
«Господи, Господи, Ты ли...»
«Утром, в ослепительном сиянье...»
«С озаренного востока...»
«Матерь Божья, сердце всякой твари...»
Из военного цикла

ИЛЬЯ БРИТАН.....483

«Вербочки — нежнее детских щек...»
«Лампада под зеленым абажуром...»
«Время было к вечерне. Огнями заката...»
«Птицы черными крыльями хлопали...»

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕБЕДЕВ.....484

Весеняя вечеря
Вечерняя звезда
I. «Вечерняя звезда в Господнем синем Храме...»
II. «Кто, Благостный, вверху ее возжег...»
III. «Ранним утром свеча погаснет...»

БОРИС ШИРЯЕВ.....486

Давно. *Из цикла «Соловки»*
Гимн св. Франциска Ассизского
Пасхальная заутреня

АЛЕКСАНДР БИСК.....486

Русь
«Проскользнул в каморку лучик...»

ВЕРА БУЛИЧ.....487

«Ветер по дому ходит хозяином...»

ВЛАДИМИР ВЕРЕЩАГИН.....487

«Пасхальный звон колоколов...»

БОРИС ВОЛКОВ.....487

Конец пути

РАИСА БЛОХ 488

«В гулкий час предутренних молений...»
«Две звезды на небе загорелись...»
«Чистота, чистота и звон...»
«Помнишь: отец, бывало...»
«Когда душа расширится как храм...»
«Не прекословь, высок и светел...»
«Над моей душой, огневой и дикой...»

НИКОЛАЙ БЕЛОЦВЕТОВ 489

«И прозвучало вдруг: "Восстань!.."»
Благовест

АЛЕКСЕЙ ДУРАКОВ 490

«Зачем казнишь меня, Всевышний?..»

ЕВГЕНИЙ ВАДИМОВ 490

Херувимы
Ныне силы небесные...
Свете тихий
«Неизвестна, непонятна...»
«Иди без страха. Помни строго...» *Из псалмов*
«Куда я скроюсь? Неустанно...» *Из псалмов*
«Мы прошли подневольно унылые дали...»
На псалом 137
Песнь Ченстоховской Богоматери
Византиец
Черный занавес
Троица
Весенний ирмос
Свет вечерний
Почаев

БОРИС СЕМЕНОВ 495

Псалом *(«Росами студеными обрызнут...»)*
«Целомудренно сокрывшие печали...»
«Теплые сосны в розовом вечере...»
Осенняя
Псков

ГЕОРГИЙ ГОЛОХВАСТОВ 497

«Великий Боже, длящий сроки...»
«Храм бедный с ветхой колокольней...»
Свеча

АНДРЕЙ КАСИМ 497

Верю

ИВАН НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ 498

Утоли моя печали
Путивльская
Нерушимая Стена
Владимирская
Троеручица
Донская *(Дмитровская суббота)*
Божия Матерь «Казанская»

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА 500

«Горят цветы на сером камне стен...»

АННА НЕЙ 500

«Прости меня, Господи, жадную...»

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ 500

«Бывают времена, когда десница Бога...»
«Все те же сны во тьме пресуществованья...»
«Шестикрылая мучит душа...»
Отец

ИВАН ЕЛАГИН 502

«Дневных лучей осеннее литье...»

ИРИНА КНОРРИНГ 503

«Где-то пробили часы...»

ЛЕОНИД ГАНСКИЙ 504

«Под мертвым небом европейским...»

КЛАВДИЯ ПЕСТРОВО 504

Тишина
Русская Свеча
«Так вот оно — преддверье Рая!..»

ЛЕВ ГОМОЛИЦКИЙ 505

Бог

МЕТА РООС 505

«Лампада теплится пред древнею иконой...»

НИКОЛАЙ БОЖИДАР 506

Раздумье

РОДИОН БЕРЁЗОВ (АКУЛЬШИН) 506

Дуга
Солдат
Чужая кукушка
Клубочек жизни
Две молитвы
Самая ценная картина

ГЛЕБ ГЛИНКА 508

Silentium

ИРИНА ЯССЕН 509

«Счастья нет — его и не ищу я...»

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ 509

«Церковка, заросшие пригорки...»

ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ 509

«Тихо, тихо тает высь...»
«За ночами проходят дни...»
«Перерезано горло...»
«В томлении смертном, на смятой постели...»
«В Вифлееме Младенец родился...»
«Я слишком поздно вышел на свиданье...»
Святая Тереза

ВЛАДИМИР ГАЛЬСКИЙ 511

«Губ твоих румяных зрелый мед...»

ИРИНА САБУРОВА.....511

«Упасть и не подняться. Не могу...»
«Могла бы рассказывать много...»

МИХАИЛ ЧЕХОНИН 512

Мудрость

ИРИНА БЕМ 512

«Каждый день приносит новые тревоги...»
Молитва *(«Как древле, Господи, Тобой прощенный Ной...»)*

БОРИС ПОПЛАВСКИЙ 513

Ода на смерть Государя Императора
Молитва *(«Ночь устала. И месяц заходит...»)*

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (ШАХОВСКОЙ) 514

«Освяти грехи мои, Россия...»
«Мы ходим средь ужасной высоты...»
«О причастись!..»
«Когда тревога сокровенней...»
«Тихо эхо над долиною...»
«Чуть слышны холодные отливы...»
«Начинаю все с тишины...»
«Неотмечен, неотгадан...»
Иночество
Крестная стихира
Белое иночество
Молитва о молитве
Гимн в ночи
«Мы безумно молимся подчас...»
Благословение счастья
Песнь Назарета
«Кто истинно в Бога верит...»
«Прийти ко всем. Твое благословенье...»
Слава в вышних Богу
Огонь
Продолжение лирики *(Афоризмы)*

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ 520

«Слушай, слушай тишину...»
Ночью

ИВАН ТХОРЖЕВСКИЙ 521

«Легкой жизни я просил у Бога...»

ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ 522

Всевышнему
След жизни
Просьба
«Елочка с пятью свечами...»
Молитва на ветру
«Я молюсь Ему стихами...»
«Бродя весной по солнечным дорогам...»

НИКОЛАЙ ТАТИЩЕВ 524

Всенощная в Тобольске
Екатеринбург

БОРИС НАРЦИССОВ 525

Из монастырской хроники
«Да, Боже! Воскресни, суди земли...»
В церкви

ИГОРЬ ЧИННОВ 526

«Утоли мои печали...»
«О, душа, ты полнишься осенним огнем...»
«Увядает над миром огромная роза сиянья...»
«Душа становится далеким русским полем...»
«В такую ночь весна не окончательна...»
«Сердце сожмется — испуганный ежик...»
«В безвыходной тюрьме Необходимости...»
«Закусили в земной забегаловке...»

ЕЛЕНА ВЛАДИ.....529

Тихие звездные ночи...
Отшельник с острова Пу-Ту
Благая весть
Старушки русские
В день Преображения
Успенское кладбище
Троицын день в Успенском соборе города Ташкента
Молитва *(«Спасибо, Господи, Тебе...»)*
Тихий голос твой...

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВА 533

«Я привыкла трястись в дороге...»
Лето
Мой Тироль
«Я в лесную часовню зашла помолиться...»
«Мы крошки с Божьего стола...»
«Пусть шорох желтого листа...»
Молитва *(Не прошу, — но за все, что дал мне...»)*
«Распахнулась роща золотая...»
Покаяние. *Из поэмы Ивана Гундулича «Слезы блудного сына»*

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛИЯ (ГРОМОГЛАСОВ) 535

Христос рождается
Стихи из ссылки
В тобой я сердцем — в Кадашах
Поздравительный гимн о. диякону В.П.Ш.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР (ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ) 538

Соловецкое
«День погас... В туманной просини...»
За ранней обедней
«Над этим полным страха строем...»

МАРИАННА ЯМПОЛЬСКАЯ (М.Н. ЯКОВЛЕВА) 541

«Здесь закаты необычные...»
Памяти моей матери
«Под высокой, маленькой луной...»

ЕЛЕНА ТАГЕР 542

«Свете Тихий...»
«Если б только хватило силы...»
«Оплывает свеча. Наклонился...»

ЛЕВ КАРСАВИН.....543

Венок сонетов

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ 547

«Утро. Изморозь. Горечь сырая...»
«А сердце еще не сгорело в страданье...»
«Отец! Господь! Прерви блужданья...»
Из поэмы «Ленинградский апокалипсис»
Приснодеве-Матери

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ 550

Светлая заутреня в отрочестве
«Чистая Дева Мария...»
Молитва *(«Я ношусь облетевшим листом...»)*
«Вижу розы Богородицы...»
Из цикла «Тюремные стихи»
1. «Святися, святися тюрьмой душа моя...»
2. «Всякий огнем осолится...»
3. «Решетка ржавая, спасибо...»
4. «Лен, голубой цветочек...»
5. «Дорожу я воспоминаньем...»

«Промчались сани... Билась полость...»
Осанна!
Единому
Слава
Го́спода пойте...
«Как поле утренней росою...»
«Как Ты решаешь, так и надо...»
«Образ Всех скорбящих»
«Как дерево в саду Ты подстригал меня...»
Благовещенье
Нечаянная радость
Благодарение
«Ни лобзания ти дам...»
Жажда веры
1. «Слепорожденный не видел Христа...»
2. «Было раскрыто отверстие в крыше...»

Вербная всенощная
Риза Господня
«О Пречистая Матерь Божия...»
На Пасхе
Вера

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ.....561

Амнистия (*Апокриф*)
Убит при попытке к бегству
Солдат — заключенной
Мария Рильке

АЛЕКСАНДР ТРИШАТОВ.....564

Лагерь
Голгофа

НАТАЛЬЯ АНУФРИЕВА.....565

«Я убил тебя. Белесый вечер...»
«Завтра смерть. В Твои отдамся руки...»
«Ты знаешь все. Как я свечою таю...»
«Разве станет темнотою свет...»
«Прости мне, Господи, не грех, не кровь...»
«Чем безцельнее путь, тем суровей...»
«Ночь томила гибелью, бедою...»
«Глухая ночь зальет глаза дождем...»
«Нет страшнее и сладостней плена...»
«Вновь слышу голос я пурги ликующей...»
«Пусть говорят, что Ты велик во гневе...»
«Глубока Красота земная...»
«Дорога дальняя, дорога пыльная...»
«Море палящего света...»
«Вот исполнят сейчас приговор...»
«Глух как пустыня двор оснеженный...»
«Не Ты ли, Господи? Дорогой длинной...»
«Вновь дыханье судьбы неизбежной...»
«И вот опять глухое бездорожье...»
«Тюрьма ль холодная, сума ль голодная...»
«Последние порваны нити...»
«Горят лучи весеннего рассвета...»
«Господи, спаси меня, дай веры!..»
«О Боже, прости меня, Боже!..»
«Годы темные, годы суровые...»
«В этом мире, где грохочут битвы...»
«Я читаю былого страницы...»
«Ты отошел. Свершилось Вознесенье...»
«Боже, Господи мой, я стою пред закрытою дверью...»

НИКОЛАЙ СТЕФАНОВИЧ.....574

«Все люди, и люди — не счесть их!..»
«Июньской ночи вкрадчивая нега...»
«О разделенья Альфа и Омега!..»
6 декабря
«Закатное поле. Как нежно и тихо тут!..»
Рождество
«Листва зашумит и отпрянет...»
«Все мы знаем, что это будет...»
Утро
«Все прошло. Тепла последний градус...»
«Господь! Начало всех начал!..»
«Во время таянья весны...»
«Опять в кустах запутаются звезды...»
«Ты прячешься за домом, за сараем...»
«Раскрытое окно в вечернем храме...»

ВИКТОР ВАСИЛЕНКО 578

«Раскрыв встревоженные очи...»
Владимирской Божьей Матери
«Мы редко обращались к Ней...»
Армагеддон
«Вот опять это чистое слово...»
«Неужели меня бросил Бог...»

ДМИТРИЙ КЕДРИН 581

Колокола

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ 581

«Нестерпимо во гневе караешь, Господь...»
(Из цикла «Чистопольская тетрадь»)

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ.....581

Плач китежанки
Средневековье *(Читая армянскую лирику)*
Молитва в лесу
Весна в детстве
Молитва *(Из Атанаса Дальчева)*

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ 583

Молитва *(«Господи! Вступися за Советы...»)*

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ 583

«Господи, помилуй, Господи, прости!..»

СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ДУДКО 583

«Облака, покорные как овцы...»
Великая ектения
«— Не тюрьма здесь, а монастырь...»
«Молитва — не слов биенье...»
За проскомидией
«Я молюсь перед Тобою, Боже...»
«Стихи — это те же молитвы...»
Новая Минея
Молитва *(«Ангеле, Хранителю мой святый...»)*

БОРИС ПАСТЕРНАК 587

На Страстной
Август

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ.....590

Бегство в Египет

АЛЕКСАНДР ЯШИН.....591

«Я родился в тринадцатом году...»
«Давно обходимся без Бога...»
«Матерь Божья, не обессудь...»
Границы души
Молитва матери
«Счастливы однолюбы...»

НИКОЛАЙ СМИРНОВ 592

«Как деревья спелыми плодами...»
«Голубою ризою одета...»

ВЕРА МАРКОВА.....593

Молитва *(«Уже земле я неподсудна...»)*
«Казни меня или милуй...»
«Я не найду Тебя, Надзвездный...»
«Хвала звезде, над яслями вставшей!..»
«Марья Зажги-снега...»
Древо познания

НАУМ КОРЖАВИН 594

«О Господи! Как я хочу умереть...»
«Я плоть, Господь... Но я не только плоть...»
«Давно б я убрался с земли...»

БУЛАТ ОКУДЖАВА.....595

Молитва *(«Пока Земля еще вертится...»)*

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ 596

Сто первый псалом

БОРИС ЧИЧИБАБИН.....596

«Ежевечерне я в своей молитве...»
Коктебельская ода

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО.....598

Кресты и антенны

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН 598

«Земная тишина! Старуха богомолка!..»
«Не ведут пути окольные...»
«Это было в ночи, под венцом из колючего света...»
Молитва *(«Что за звоны рассыпаются окольные?..»)*
Стенания у развалин Сиона
«Молчи, Иеремия!..»
Гласом царя Давида
1. «Днем я сникал от жажды, ночью страдал от стужи...»
2. «Уж если Ты, Господь, безбрежен...»

Обращение неофита к народу у дверей первого христианского храма
Мать

ФЕДОР СУХОВ 603

«На всякий день гляжу как на подарок...»
«Пою я Твое Воскресение...»
«Вошел во храм. Две свечечки поставил...»
«Отходил, отступался от Бога...»

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ.....605

Мать *(«Что ты ходишь за околицу...»)* .....

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫХ.....605

Молитва *(«За то, что я любил лишь ветер Божий...»)*

НИКОЛАЙ ДОРИЗО **606**

Молитва *(«Земля родная истомилась...»)*

НИКОЛАЙ РУБЦОВ **606**

Видения на холме
Тихая моя родина
В горнице
Заклинание
Ферапонтово

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ **609**

Тебе, Господи!
«Во храме, разоренном, как страна...»
«Во дни печали негасимой...»
«Мой стол, мой друг четвероногий...»
«Когда утратил я дорогу...»
«Свет идет от огня...»
«Не комедия, не драма...»

ВАЛЕНТИН ДИНАБУРГСКИЙ **611**

Рождественские строки
«Вижу Русь в дали колокольную...»
Светлое Воскресение
Молитва *(«Даруй мне, о Господи...»)*
Боголюбица
По стопам Христа

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ **612**

Молитва «Господи, помилуй»
Покаянная молитва
Пустынник

ВЛАДИМИР ЦЫБИН **614**

Молитва Аввакума

ВАЛЕНТИН СИДОРОВ **614**

Слово — Бог

ЗИНАИДА МИРКИНА **615**

Жизнь — это разговор с Богом
1. «Хлеб насущный даждь нам, Господи...»
2. «Только сердце с Богом говорит...»
3. «Молитва — это рост...»
4. «Что это значит — помолиться?..»
5. «Боже мой, что это значит...»
6. «Прости мне то, что я Тебя забыла...»
7. «Благодарю за тишину...»
8. «Простите меня, мои сосны...»
9. «Молитва — дело трудное...»
10. «Благодарю Тебя, мой Боже...»
11. «А можно я пожалуюсь Тебе...»
12. «Остановись в лесной тени...»
13. «Таинственным северным летом...»
14. «Глядит с иконы Божье око...»
15. «А деревья за окном...»
16. «Дай мне недвижности Твоей...»
17. «Бог говорит лишь только в тишине...»
18. «Жизнь — это с Богом разговор...»
19. «Молитва долетит далеко...»
20. «В покое полном мирозданье...»

ЛЕВ РЫЖОВ **618**

«Молю, чтоб ввек не отлучила...»
Плач Богородицы у Креста

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ **619**

«Боже, ведь я же Твой стебель...»
«Не дай нам, Господи, сорваться!..»
Молитва *(«Спаси нас, Господи, от новых арестов...»)*
Милосердия

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО **620**

Дай Бог!
Молитва *(«Униженьями и страхом...»)*

ЛЕОНИД БОРОДИН **621**

«Узел безсмыслиц умом не расплесть...»

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ **622**

«Сладко брести сквозь январскую вьюгу...»
«Дурная кровь воспламеняет жилы...»
«Как разорвать мне мою пуповину...»

ИГОРЬ ШКЛЯРЕВСКИЙ **623**

Молитва *(«В колодце плавает листва...»)*

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ **623**

Прощание игумена Филиппа
с Соловецким монастырем (1566)

ВЛАДИМИР ФИРСОВ **623**

Рождество Пресвятой Богородицы
«Когда в беде мы были и в печали...»

ВЛАДИМИР МОЩЕНКО **624**

«Ангеле святый, твою поруку...»
Великий пяток
«Дай мне еще полчаса...»

ЛАРИСА МИЛЛЕР **624**

«Поверить бы...»
«Господи, не дай мне жить, взирая вчуже...»
«Спасут ли молитвы и крестик нательный...»
«На влажном берегу, на пенистой волне...»
«Что за жизнь у человечка...»
«Боже мой, какое счастье!..»
«И это всё от Бога...»
«Нынче шлют небеса столь рассеянный свет...»
«В ночной тиши гуляет ветер...»

«Я опять за свое, а за чье же, за чье же?..»
«Так пахнет лесом и травой...»
«Утоли моя печали...»
«Не вмещаю, Господи, не вмещаю...»
«И лишь в последний день творенья...»
«Поиграй с нами, Господи, поиграй...»
«Когда сгину, Господи, когда сгину...»

ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ 627

Из цикла «Сонеты к Пречистой Деве»

ВЛАДИМИР КОСТРОВ 629

«Защити, Приснодева Мария!..»
Молитва простору
Памяти Георгия Васильевича Свиридова
«Морозным вздохом белого пиона...»

АНАТОЛИЙ ПРЕЛОВСКИЙ 630
Воз икон
О вере
Четыре просьбы
Входя в молельню
У католиков
Грешник
Новогодняя молитва

ИРЭНА СЕРГЕЕВА.....631

«Колокола звонят малиново...»
«О ком-то надобно заботиться...»
«Горит икона золотая...»
«Чаек отчаянный крик на рассвете...»
«Да поможет молитва сия...»
«По мусорным бачкам, бочком, бочком...»
Крестнику
Помолимся
«У меня Господь особенный...»
«Ночью стихи сочиняла во сне...»
Молитва слепого нищего
«Жалко в стужу Божьих птах...»
«Что в комнате?..»
Молитва *(«Господи Иисусе Христе...»)*
В день ангела
Часовня Святителя Николая
«Молитесь о болящих, некрещеных...»
«Снилась Божия Мать...»
В Великом Новгороде
«Дом поблизости от храма...»
Свечи Успенского монастыря
«Эти свечи, угодные Богу...»
«Смотрит Одигитрия...»
Иноки
«На могиле у мамы не пусто...»
«Инако иноки живут...»
«Прежде чем запечатать молчаньем уста...»

ЭДУАРД БАЛАШОВ 636

Пустынный ангел
До меня
Во плоти
Крестный глас
В надежде
Когда я Богу предстаю
Утешение
Не заслоняя мира
Не уставай
Свет живой
Час молитвы
Молитва матери
К Спасу Ярое Око

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН.....638

«— Господи! Чем засыпать мне пропасть эту?»
«Подойду к иконе «Всех святых»...»
Из книги «Русский Псалтырь»

ВАЛЕНТИНА ДОРОЖКИНА.....642

«Спаси, Господь, спаси мою страну...»
Молитва *(«Тебя я, Господи, молю...»)*
«Когда слепой ведет слепых...»
«В чье сердце попадет твоя стрела?..»
«В пучину, в бездну — все равно ко дну...»
Троица
«Благодарю Тебя, Создатель...»
«Боже правый, Ты знаешь...»
Диалог с...
«Я дальнозорка, хоть и близорука...»

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ 644

Ветхий Завет
«Есть что-то вышнее, иное...»
«Я стоял в этом храме...»
«Когда село, где я учился...»
«Есть на закате краткий час...»
«Когда в ночи сижу один...»
Другу-поэту

БОРИС СПОРОВ.....646

Вечность
Молитва *(«Верую в безсмертие души...»)*
«Голубоглазый, красивый...»
Тишина
«Когда в душе разрушен храм...»
«Небо черным куполом насело...»
«Вот и все — и нет тебя со мной...»
«Оставив заботы, забыв все тревоги...»
«Когда заря на небосклоне...»
«Так и сказал он: “Разделяй — и властвуй”...»
Пустынник
Ночью
«Тебе я оставляю волю...»
«Друзья мои, и вновь я вам пишу...» *Сонет № 47*
Безсмертие
«Друзья мои, со мной которых нет...»
Следы
«Когда предгрозовые тучи...»
«Ночь тиха, и как будто тлеют...»
«Я зажгу лампадку пред иконами...»
Очищение
«Унынье, брат, и тайно смерть тревожат...»
«Люди добрые, люди славные...»
Стихи с молитвой

Славяне
Клятва
«И завершив дела свои сполна...»
«Итак, последняя ночная повесть...»

ВАЛЕРИЙ ШАМШУРИН 653

Дальняя пустынка
В те годы
Старушки
«Вот и подходят последние сроки...»

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ 655

«Дай мне гнева и любви...»
«Стужи дыханье, на окнах испарина...»
«О слияние молнии с громом...»
«Дай вдохнуть мне грудью полной...»
Молитва *(«Дай силы мне, Господь...»)*

НИКОЛАЙ ЛИСОВОЙ.....656

Молитва *(«Правило веры, образ кротости...»)*
«Не звезда от синя облака скатилась...»
«Мне, Адаму, Господь заповедал в раю...»
Прощание
Песнь Успенская
Оранта
Пасха

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА.....658

«Зеленой Троицы благословенный день...»
«Отложить бы ее на потом...»
«И Все Святые, что в родной земле...»
Всю смерть поправ!..
Из уст в уста

АРХИМАНДРИТ ИОАНН (ЭКОНОМЦЕВ).....660

Молитва *(«Пресветлый день Христова Воскресения...»)*
Из драмы «Киприан и Юстина»
«О Господи, как выразить в словах...»
«О Господи, опять явился он...»
Символ веры
«Вокруг меня и в сердце моем тень...»
Молитва Святому Духу
Гимн Святому Духу
«В Вавилонском плену, у чужих берегов...»

ЮРИЙ ЛОЩИЦ 664

Из стихотворений 1967—2010 годов
«Голосованье братьев и сестер...»
«У окна, у старой хатки...»
Песня вечера
Когда-нибудь
«Лопочет весело ботва...»
«Дерзай, да будешь Божий...»
«Гляди, за окнами синё...»
«Наша вера — детская, простая...»
Из «Шестоднева»
зигзаг проглянул...»
Серый день
Песня странника
«Трава молочнее и глуше...»
«Игумены застав, угрюмые старлеи...»
«Браги брожение, пенье...»
Афон
«Кто куда после трапезы ранней...»
«Под белыми сводами нижнего храма...»
Из цикла «Валаам»
Дионисий Ареопагит
«Ни словечка я не изобрел...»
Рубцов

ВИКТОР МАМОНОВ 669

Моленные иконы. *Из поэмы «Чудеса и труды преподобного Сергия»*
Молитва Богородице. *Из поэмы «Сны перед вечностью (Патриарх Тихон)»*
Акафист. *Из поэмы «Державная»*
Молитва Державной иконе Божьей Матери
Молитва. *Из поэмы «Оптинское дерево»*
Молебным хлебцем сытость.
Из поэмы «К блаженной Ксении»
«Загородишься от наказанья...»
Рыбы святителя Спиридона
«Давно умрем и то едва узнаем...»
«Перед тем помолиться небольно...»
«Искушением первого дня...»
«Не как я хочу, но как Ты...»
«Колени подклонил и пост окончил робкий...»
Помяни, Господи
У иконы
Молитва ангелу
Крестины
«Еще богатый мне не подает...»
«Не птицы совершают круг...»
«Весь мир болит и стонет. Эту боль...»

МОНАХ ЛАЗАРЬ (АФАНАСЬЕВ) 678

«Вот я стою в преддверии...»
«Солнце еще не зашло...»
«Малое стадо! О малое стадо!..»
«Восходит солнце понемногу...»
«Со святыми упокой!..»
Христос Воскресе!
Светилен
К Богородице
«Тебя в сердце убогом...»
«Помилуй, Владыко вселенной...»
«Господи! Веруя, ведая...»
Ангел-Хранитель
Ксения Блаженная
Рождественская ночь
«Зимний лес, ты чудо Божье...».....
Из цикла «Венок близким моей душе деятелям культуры XIX века»

ВАДИМ КРЕЙД.....682

«Вешний день, вишневое цветенье...»
«Когда вечерний горизонт...»
«Час четвертый — и солнце и лето...»
«Господь, легка Твоя свобода...»
«Без племени и без рода...»

АНДРЕЙ ГРУНТОВСКИЙ 682

«Я сижу, гляжу на Бога...»
Молебен по убиенным солдатам
«Оставят скорби лишь на миг...»
Богородица
Слово
Стих о грешной душе
«Ты приснилась мне на Троицу...»
«Сейчас в раю, должно быть, осень...»
«Снег кружится, сыплет меленький...»
Молитва *(«За валом вал, за валом вал...»)*
«Клал я злато по сини...»
Что будет...
«Вострубили трубушки в небеси...»
«Я долго, долго слушал вечер...»
«Какие лица русские...»
«Не осталось для лирики времени...»
«Снова выйдешь утром рано...»
«Нам светит солнышко осеннее...»
«Души заброшенное капище...»
«Не прободенны, ни распяты...»
«Дом порушен, и под куполом...»

ЛИДИЯ ПЕРЦЕВА 688

Напитала Богородица. *Песня*
Господи!
Молитва матери
Ангел пустыни
Монахи
Ради Господа сгорай
Путь свой обрести
«Молюсь, молюсь. Да что моя молитва?..»
«Всё-то просим Господа...»
По Божьему велению
«Стонет в покаянии Россия...»
Оптинская рябина
Канон великий
«Господи, Господи, дай Ты мне силы...»

ВАЛЕНТИН НИКИТИН.....692

Из книги «Сумерки смертного дня»
Молитва *(«Я стою на коленях, Отец наш Небесный...»)*
Молитва *(«Когда демон неверья,
отрицанья, лукавства...»)*

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (РОСЛЯКОВ) 695

Из цикла «Стихи на псалмы»
«Как лань припадает сухими губами...»
«Мы слышали сами от дедов своих...»
«Вы послушайте-ка, люди православные...»
«Содрогнулось вчера было сердце мое...»
«Что же мы сделали, Боже, не так?..»
«О Господи, доколе будешь Ты...»
«Пришлые, Боже, в наследье вошли...»
«Ты испытал меня, Боже, и знаешь...»
«О Боже, Ты выслушай вопли мои...»)

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ 702

Русь Богооставленная
Богородица Портаитисса Райская Вратарница
Плач
Вербное воскресенье
Благовещение Пресвятой Богородицы
Вечная встреча
Русь в травах
Яблочный Спас
Русь снежная
Господь необъятный
Молитва *(«Я так долго в поле февральском молился...»)*
Март
Жены мироносицы
Рождество во снегах
Зимний Спас
Июль—Сенозарник—Страдник
Вход Господень в Иерусалим
Одиночество Иисуса Христа на кресте
Пасха на Руси
Второе пришествие Христа
Пасха
Казанская Богородица
Ночь Рождества

ЮРИЙ МОГУТИН 712

Моление ко Всеблагому Господу нашему Иисусу Христу
Не оттолкни меня, Господь!
Моление Царице Небесной, Богородительнице,
Заступнице всех христиан
Моление св. Ангелу-Хранителю
«Не слышна тишина моего труда!..»
Моление св. пророку Илие
Пред ликом теплится лампада
У раки святой блаженной Матроны
Нерукотворный храм сосновый
«Над Россией царит зима...»
«Свой крест безропотно прими...»
Душа и плоть
«Колокольный звон над Русью...»
Молитва бомжа
«Господь не любит пьяниц, но жалеет...»
«Когда Всесильный Судия...»
Из цикла «Евангельские стихи»
Из стихов для детей

ЛЕОНИД ГУБАНОВ 720

Молитва *(«Моя звезда, не тай, не тай...»)*
«Мы себя похоронили...»
«Когда я думаю о Боге...»
«Что ангел мой родной мне пишет?..»
В монастыре, за красной папертью...»
«Я тебя забываю...»
«Никто не узнает...»
Последняя просьба
«Я живу, как Бог прикажет...»

МАРИЯ АНДРЕЕВСКАЯ 722

«Я в храме сосен молитв не слышу...»
Страстная Пятница
«Дождь не поможет нам оплакивать друг друга...»
«Какая сила — смерть: ее приход...»
«Увидимся?.. Я плачу, зная: Да...»
«Прими нас, Господи, идущих по дороге...»
«Господь храни Вас на путях мытарства...»

ОЛЬГА СЕДАКОВА **724**

Давид поет Саулу
Молитва *(«Обогрей, Господь, Твоих любимых...»)*

ДИНА ТЕРЕЩЕНКО **725**

В храме

ЕВГЕНИЙ РЯПОВ **725**

Помянем убиенных россиян!..
Чудотворец
Преподобный
«Боже! Уведи меня от бездны...»
«Молитвами святых отцов...»
Старец Аристоклий
Неофит
Вослед молитве

ГАЛИНА КЛИМОВА **728**

«Помолись за меня...»
«Обид забористых частокол...»
«Молитесь в утреннем саду...»
Рождество Пресвятой Богородицы в Ферапонтове
«Между ближним и Богом...»
«На босу ногу, натощах, в сорочке...»
Блаженная Ксения Петербуржская

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР БОРОЗДИНОВ **730**

«Сердцу верба потребна...»
Храм
Медовый Спас
Нечаянная радость
«Нечаянной радости»
Великопостное стояние
Ты — солдат...
Плод молитвы
О молитве — где и как
Осознание пути

МИХАИЛ КОЛЫЧЕВ **732**

Ангел белый
«Здравствуй, церковь! Примешь? Впустишь?..»
«Почему-то все часы спешат...»
«Синие звездные искорки...»
«Ах, полярная ночь!...»
Тервенический монастырь
Непостроенный храм
К о в д а
1. «Над водою — синий воздух...»
2. «Шел дождь. Ботинки хлюпали водой...»

ГЕННАДИЙ ПОПОВ **735**

Т р и м о л и т в ы
1. Грешная — перед иконами
2. Священная война
3. В День национального траура
На освящение Поклонного Креста

ВЛАДИМИР СКИФ **737**

Клятва
Мамина молитва
Русская Голгофа
Крест
Молитва *(«Нетронутые белые листы...»)*
Сербским братьям
«Вечность снижается...»
Молитва *(«Что же это, Господи, творится?..»)*
Молюсь о Борисе и Глебе
«На земле, почти у края...»
Священник
«Как пела девушка над полем...»
Храм Христа Спасителя
«Я Господа Бога увидел во сне...»
«Вздыбил век тяжелые скрижали...»
Вербное воскресенье
Петровский пост
Мария
«Есть Бог. Он стоит надо всеми...»
Божья милость
Господь
Русский крест

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ **743**

Мое поколение
«Когда непосильные крылья...»
Искушение
Неопалимая купина
«Как сосчитать потери...»

ВЛАДИМИР БОГАТЫРЕВ **744**

Молитва *(«Люди Божьи, Господня земля!..»)*
О мирстем бытии
Бог есть все
Верую, Господи!
Все иконы живоцелебные
После службы

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА **745**

«Молиться нас не научили...»
Молитва *(«Я пред Тобой — аки былинка в поле...»)*
Моя горькая молитва *(«Ты услышь меня, Всевышний...»)*
Богородская трава
«Под солнцем единым у Господа Бога...»
«Не роптать бы надо, а молиться...»
Вербная неделя
«Затаись, но выживи, Россия!..»
«За какой-то неясной чертой...»
«Со крестом по жизни ходим...»

АЛЕКСАНДР ХОЛИН **748**

«Спасибо, Господи, за боль...»
У входа в Иерусалим
«Жил я, с собой соглашаясь и споря...»
«В час моления, в час бытия...»
«Дни мои, дни!..»
«Помилуй, Боже, и спаси!..»
На погосте
Диалог с Богом

АННА ПЕРЕКРЕСТОВА **749**

Молитвы. Псалмы

ВИКТОР ДРОННИКОВ **755**

Молитва *(«Мать Мария, Великая Мати...»)*
«Милая Родина, что с нами было?..»
«Прости мне в пречистом сиянье...»
Дом Ипатьева
Венок *(«Пошли, Господь, и мне отраду...»)*
«Какое счастье — совпадать...»
«Кто этот мир? И что мы сами?..»
«Если можешь глазами вздохнуть...»
Божии старцы
Моление о витязе
«В творении разнообразном...»
«Если духом поник...»
«Как бы ни был славен и почетен...»
Горни светы *(Последнее прижизненное стихотворение)*

РОСТИСЛАВ ФИЛИППОВ **758**

«Господи, взгляда с меня не своди...»
«Открывается Байкал из окна вагона...»

МИХАИЛ ВИШНЯКОВ **758**

«Господи, я это — русский...»

ИГОРЬ ЛЯПИН **759**

Молитва *(«Когда беда в судьбу ломилась...»)*

ИГОРЬ КАЛУГИН **759**

Соборование

ВЛАДИМИР БАШУНОВ **760**

Молитва Сергия
1. «В колодезный сруб, как в затмившийся век. Заглянуть...»
2. «В затмившийся век, как в колодезный сруб, опусти...»

НИКОЛАЙ ПОСНОВ **760**

Господи, спасибо, что живем
Молитва *(«В разлуке с душой одинокой...»)*
Ангел
Храм Утоли Моя Печали
Рождество

НИКОЛАЙ КУЗИН **761**

«Медленно к Богу иду...»

ГЕННАДИЙ ГАЙДА **762**

«... и с молитвой безсловесной...»
Архистратиг

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ **762**

Рождественская
Колокол
На Рождество Богородицы
Вознесение Господне
Икона Вратарницы

СВЯЩЕННИК ВАЛЕРИЙ БУРДИН **764**

Из книги «Немедь звенящая»

АНДРЕЙ ГОЛОВ **766**

Афон
Псалтирь
Метафраст
Ангел Златые Власы
Св. Ефрем Сирин
Романе Сладкопевче
Тропарь ко Иверской
Стихира
Под звон
Пресвятой Богородицы
Сонет на Страстной вторник
«Алексей — Человек Божий, пишущий написание жития своего»
Молись
Переложение псалмов
Похвала Пресвятой Богородице
Тропарь Преображению Господню

ИГОРЬ ЛАВЛЕНЦЕВ **770**

Псалмы Давида
Путь. *Из поэмы «Китеж»*
Воскресенье
«О Родине не плачу...»

ЕЛЕНА КРЮКОВА **774**

Мать Мария
Иов
Богоматерь. Владимирская икона
Нагорная проповедь

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ **776**

Преображение
Воскресение
1. «— Воскрес! Ты слышал, говорят...»
2. «Пред храмом замер крестный ход...»

МИХАИЛ ШАПОВАЛОВ **777**

Молитва *(«Я плутал меж правдой и ложью...»)*
«Боже! Услышь молитву мою...» *Псалом 101-й*
«Когда ты с головой повинной...»

ЛАРИСА ВОТИНЦЕВА **778**

Милость Божья
Крестный ход

Из иного мира
Блаженный
Нищенка
Путник
Грешница
Белый ангел
Перед ликом святым
У креста
В полночи
Одна в метель

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ **781**

Молитва *(«Творец, Создатель, Вседержитель...»)*
На Николу
Молебен
«Я не могу как следует поститься...»
«С утра благодарю я утро...»
Поэзия моя — ты покаянье...»
Архиепископ Мир Ликийский
«У меня есть внучка Настя...»
Потерпи меня, Боже...

ВЛАДИМИР УРУСОВ **783**

Из афганских песен
Солдатская молитва
Афганская мелодия
С нами Бог

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ **784**

«В страстях я умом помрачился...»
«Вряд ли этой земле я теперь пригожусь...»
Молитва *(«Я слеп, как червь, у древнего огня...»)*
«— Пети, пети, пети! — птица за окном...»
Песня странника
«— Душа! Как безумная молния ты шаровая...»
«На свете старом — в свете новом...»
Слово
1. «Когда жрецы заклятья в миг единый...»
2. «Но в мире есть другие битвы...»

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА **786**

Моление о чаше

ВАЛЕНТИН УСТИНОВ **787**

Моление

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ **787**

Подражание псалму
Из «Девичьих молитв к Марии» Р.-М. Рильке
Благовещение

ЕЛЕНА МОНАХОВА **788**

Из цикла «Бог. Венок сонетов»

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ **789**

Письмо духовному отцу

ЛИДИЯ ПАЛАМАРЧУК **790**

«Сельский погост...»
«Я в молениях к Богу просила...»
«Сокрушалась бабушка...»
Молитва к Илие Пророку
Моление о чуде
В храмах клиросное пенье
«Когда истерзан дух исчадьем бездны...»
«Снова холод, смерть и войны...»
Мольба матери
«Где застанет тебя молитва...»
«По молитовке — по дороженьке...»
«Божья Матерь Заступница...»

ВЛАДИМИР БЛИНОВ **792**

Страстная Пятница (по мотивам «Плача на погребение Христово» Димитрия Ростовского)

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ **793**

Молитва и мольба

ЕЛЕНА ЕГОРОВА **793**

Без Бога с Богом
Свет у алтарей
Господь мой со мной

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ **794**

«Осень проходит, и дни мои стали прозрачны...»
Бесы
«Адские бездны»
«Ты уже разучился молиться...»
Рождество 2000 года
«Ну, замели метели... С нами Бог!..»
Христос
Вознесение
«Чужой всему уже на этом свете...»
Ночной пожар
«Родина-мать...»

ОЛЕГ РЯБОВ **796**

Молитва *(«Как легко мне, Господи...»)*
«Я наконец-то оценил...»
Казанская

ВАЛЕРИЙ ФОКИН **797**

К небесам

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ **797**

«Городская ласточка — воронок...»

ИВАН ЩЕЛОКОВ **798**

Успенская церковь

ВЛАДИМИР КАРПЕЦ **798**

«А мы видели диву дивную...»
На Господи, воззвах
Смертушка

ВЯЧЕСЛАВ КАЗАКЕВИЧ 799

Вечерня в осенней глуши
«Вскидывался шляхтич на попоне...»

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА.....799

Пасхальное

ЮРИЙ КРАВЦОВ.....800

Церковь
Материнский крест

АЛЕКСАНДР КУВАКИН 800

«Вижу, как поют...»
«Смиритесь силы ада...»
«Не поднимая глаз, провинцией столичной...»
«Только с Пушкиным и Блоком...»
«Распускается время цветами...»
«Господи! Дыхание Твое...»
«Покачнулись и поплыли...»
Самое
«Всемогущий! Зову, на защиту небес уповая...»

ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИМИР ГОФМАН.....802

«Горького было сполна...»
«Вечер безоблачно-ясен...»
«"Тело Христово..." хор запоет...»
«Падает на землю чистый снег...»
Нищий
Христос воскресе!
Пасхальная ночь
«Вечер безоблачно-ясен...»
Покаяние

ЮРИЙ КАБАНКОВ 805

«Господи, прости нам нищету!..»
Слава Богу за все!
Заклинание

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ.....806

Молитва *(«От холода и мора...»)*

ЕВГЕНИЯ ГУЦЕВА.....806

«Соловьи за утреней своей...»
Ангелу-хранителю
«Перед всеми чувство горькой вины...»
«Подивлюсь безкрайними просторами...»
«Врастают в землю ковыли...»
Перед сражением
Думы о родине
«Если нет в окрестностях церквушки...»

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ 808

«Кто обитает в жилище Твоем?..» *Псалом 14*
«Как олень спешит к источнику...» *Псалом 41*
«В помощи вышней живущий не знает тревоги...» *Псалом 90*
«Благослови, душа моя...» *Псалом 102*
«Если дом не молитвою строится...» *Псалом 126*
Ирмосы канона на Рождество Христово
Канон покаянный. Песнь 6-я
Молитва св. Иоанна Златоуста
Молитва св. Иоанна Дамаскина (на сон грядущий)
Молитва Господу нашему Иисусу Христу
Покаянная молитва, чтимая в церквах России в дни смуты

ТАТЬЯНА ДАШКЕВИЧ 810

Золото
Забытая молитва
«Ангеле мой, Ангеле...»
В неделю ваий
«Пела птичка в полном храме...»
Богомолица
Слова духовника
Разговор
Певчая
«Господи, прости, что я упала...»
«Птичка ли Божия бьется в окно...»
На заупокойной ектенье
Владыка

БОРИС РОМАНОВ.....815

Подражание псалмам в сонетах

АНДРЕЙ РЕБРОВ 817

Святогорский монастырь
Выбор
«На церковных окнах — ризный снег Сочельника...»
В глуши
«Зарделись облачные кущи...»

МИХАИЛ ПОПОВ.....818

«Так сдавило грудь, что стало ясно...»
Русский народный хор

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ.....819

Камушек. *Песенка калики*
«В неделю первую Поста...»
Вход Господень в Иерусалим. *Песня*

ЛЮБОВЬ МИРОШНИКОВА.....820

«Не знала, что так больно прозревать...»
«Дается вечностью взаймы...»
«Средь искушений камнепада...»

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН.....820

«Молюсь исправно Богу...»
«В церковь ходим и крестим лбы...»
«Живем по человеческим законам...»
«Не зная, что будет наверно...»
«Мы видели чужие сны...»
«Уверовали в мифы...»
«В разноголосице племен...»

«Хватало и зрелищ, и хлеба...»
«Нам всем конец? Не верю!..»
«В потоке мутном бытия...»

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ 822

«Все в жизни этой нам награда...»
«Свет в облаках играет в прятки...»
«Дай, Господи, высокого смиренья...»
«Все на свете не случайно...»
«Стоя в церкви со свечою...»
«Люблю и мучаюсь, любя...»

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА 823

Молитва о спасении России

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА 824

Сон
«Отпевали мамку Венькину...»
Рождество
Из цикла «Северные письмена»

ВАЛЕРИЙ ЛАТЫНИН 825

Казачья молитва
С молитвой о спасении России
(Из цикла стихов о морском походе, Посвященном 90-летию исхода Русской армии из Крыма)

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ 827

Храни тебя Бог!

ВЛАДИМИР СИЛКИН 827

Молитва *(«Молятся сержант и подполковник...»)*

ЛЮДМИЛА БАРЫКИНА 827

Молитва за русских поэтов

ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ 827

Стихи и песни

НАДЕЖДА КОНДАКОВА 831

«Ах, батюшка, как Вам идет облаченье!..»
Молитва о тайфуне

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ 832

Последний поклон
К Богу

ВЛАДИМИР ШЕМШУЧЕНКО 833

Церковь
«Святый Боже, дозволь говорить о Любви...»
«Озябшие пальцы и теплые варежки сна...»
«Мироточат иконы...»
«Увели их по санному следу...»
«Золотые слова растащило по норам ворье...»

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ 834

Не отрекусь
Молитва *(«О чем просить Тебя, мой Боже?..»)*
Господи, дай же Ты каждому...

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ 834

«Я из молитвы матери иду...»

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО 834

«Сколько же правда Твоя горяча...»
«Жидковато замешана глина...»

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА 835

«Я плачу — значит, я дышу Тобой...»
Из «Моленья о плаче»
Молитва *(«О чем просить? О том, чтоб дал или избавил?..»)*

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ 836

Из цикла «Русская молитва»

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ 939

Крещение
Лампада
Великая русская стена

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ 840

«Так дано много...»
«Именем Твоим душа живится...»
«Только тем немножечко и живу...»
«Всех Россию любящих...»
Икона «Неугасимая свеча»
Государыня императрица
«Что ни день — то новое паденье...»
«Господи, как же Тебя не хватает!..»
Саровская пустынь
Переведи себя в молитву
Благодарю!
Кроткая благодать
Мытарь
«Селенье в северной глуши...»
«Прости нам, Господь...»
«Все к Афону в сердечном поклоне...»
Воскресное утро в Москве
Сибирские реки
В Латвии

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ 844

Молитва *(«Если б я умел Тебе молиться...»)*
«А если грозный Страж не уследит...»
«Пустотой дохнуло неживою...»
«Ранним утром в Божий храм спешит народ...»
«Долгожданный дождичек пролился...»
Горим! *(Лето 2010)*

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА 845

«Господи, моя вина...»

Степной псалом
Из книги «Небожитель»

РАВИЛЬ БУХАРАЕВ 848

Сказ о спавшем на закате
«Где мой труд, Господи, где мой дом?..»
«Господи, далеко и далёко...»
«Вспять не бежит к истокам...»
«Зрящее меня в усталости...»
Ратники

АЛЕКСАНДР АНАНИЧЕВ 850

Спас-на-Крови
Осеннее утро
В моем саду
Утоли мои печали
Россия
Молитва *(«Пускай Ты мною снова предаваем...»)*
Рождество

ИЕРОМОНАХ РОМАН (АЛЕКСАНДР МАТЮШИН) 852

«Вьюга поет, тоскливо так поет...»
Молитва *(«Прозрев необратимо поздно...»)*
«Слава Богу, снова я один...»
«Радость моя, наступает пора покаянная...»
«Страх Господень — авва воздержания...»
«Горит свеча. Псалтирь на аналое...»
«Пожалей, дорогой, пожалей...»
Русский куколь
«Россия — Свет! Россия — Предстоянье!..»
Россия
«За все — за все благодарю Творца!»
«Славлю Спаса не только устами...»

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА 856

Певчая
Скит
«Да минуют вас обоюдоострые стрелы...»
Гимн свету
Похвала Ольге

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ 858

Ангел-хранитель
Рождественское
«Как дальше жить? О чем мечтать?..»
У часовни Ксении Петербуржской
«Ты Урал не в славе — в сраме...»

ТАТЬЯНА ШОРОХОВА 859

Со свечой и молитвой
Молитва к Богородице
Молитва ко Христу
Молитва к Иоанну Кронштадтскому
Не оставь!
Молитва Ангелу-хранителю
День Всепрощения
В православном храме

ПРОТОИЕРЕЙ АНАТОЛИЙ ТРОХИН 861

Из книги «Лепестки плащаницы»
Апостолу Иоанну Богослову
Памяти митрополита Иоанна Снычева
Оптина. Литургия в скиту
Душа
«На холме, в озерной стороне...»
День ангела
В келье Иоанна Дамаскина

АНДРЕЙ ПОПОВ 863

«Помолись обо мне, сынок...»
«Не желайте поэту стихов...»
«И алтарям показывали спины...»
«Правду Божию не прочитаешь...»
«Верую! Но вновь далек от Бога...»
«Господи, Лазарь, которого любишь Ты, болен...»
«Я ропот свой совсем не прячу...»
«Верую, Боже, что слышишь молитву мою...»
Молитва о маме
«Снедает душу вовсе не нужда...»
«Слово “русский” запретно...»
Плач Иеремии
Последний монах
«Храм, исповедь, тропарь, моленье...»

МАРИЯ СУХОРУКОВА 865

Молитва Богородице
Молитва Пресвятой Троице
Молитва Ангелу-Хранителю
Детская песня-молитва

ИВАН ГОЛУБНИЧИЙ 866

«Когда устанешь от пустых затей...»
«Путь к высшей цели или просто путь...»
«День пролетел, как светлый херувим...»
«Лихие времена. Тоска в глазах...»

ИРИНА РАТУШИНСКАЯ 867

Молитва *(«Все умеют плакать...»)*
«Помню брошенный храм под Москвою...»
«Третий день беременны тучи...»
Одиночество

ГЕОРГИЙ ПОЛЯЧЕНКО 869

Молитва *(«Отче наш, Царь на небесах...»)*
«Не рождается истина в споре...»
«Нет, не враги Тебя сразили...»
«На кресте — мое спасенье...» *Из Иоганна Венцлера*

ВЛАДИМИР ПОЛУШИН 870

Материнская молитва
В храме
На Казанскую

НАТАЛЬЯ ЛЯСКОВСКАЯ 871

Самое простое

Конец Великого поста
«Погладь меня, Господи, по голове...»

ЛЕОНИД ПОБОЖИЙ **872**

«Хватало ртов своих у тетки...»
«Ближе к Богу, в небес синеву...»
«Мы в вере — дети...»
«Не велик пребывает страж...»

АЛЕКСАНДР ЖУКОВ **873**

«Не ради корысти спасения...»
Утренняя молитва
Вечерняя молитва

АЛЕКСЕЙ ЛЮБЕГИН **874**

Из книги «Крылатые песни»
Пастырь добрый
«В Божьем храме помню школу...»
Духов день
Чудо
«Не нужно житейского скарба...»
«Молитесь на святые лики...»
Спаси, Господи...
«Во времена, когда идеи терпят крах...»

НИНА КАРТАШЁВА **877**

Дар
«Мало земли — в небеси!»
«Ангел-хранитель, молитва твоя...»
«Помилуй, грешную, меня...»
С нами Бог
«Когда моей душе дано прозренье...»
«С кем теперь я по душам поговорю?..»
«Поюще, к Господу пою...»
«Под сенью храма вечный мой покой...»
Тихая лампада
«Обломок свергнутой короны...»
«На черной парче крест серебряный...»
Старомученикам я за Русь...
Вот я, Господи, если никто!..
«Умом и совестью, и духом соберусь...»
Российской церкви

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ **879**

«Мне в жизни надобно немного...»
Иов
Псалом
Распятие
Я верую
Сорок строк
Бабушкина икона

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ **881**

Крест Господний

МАРИНА КОТОВА **882**

«Вот говорят, что Бог Россию любит...»

ЛЮДМИЛА ШЕРШНЁВА **882**

Молитва перед иконой Божьей Матери «Семистрельная»
«В темном пламенном небе...»
«Всех Скорбящих Радость...»

СВЕТЛАНА ШЕГЕБАЕВА **883**

«На Тебя, Господь мой, уповаю...»

ВАЛЕРИЙ ШЕЛЕГОВ **883**

Россия! *(«Молюсь за тебя и прощаю...»*

ДИАНА КАН **884**

«В кругу молчаливых монашек...»
«Конь буланый. Меч булатный...»
«Тобынская икона Божьей Матери!..»
11 февраля *(«Власьев день... Вкушай, Буренушка...»*
«Пора крещенских водосвятий...»
«Страшный и давно желанный сон...»
«Золотые отшвырнув оковы...»
«Сынов-мужей мы снарядим на битву...»

СЕРГЕЙ ЛАВРОВ **885**

Молитва *(«Я в очищение души...»)*

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ **886**

«От Российской Голгофы...»
Голгофа

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ **886**

«Бортнянский. Православная Россия...»

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА **887**

«Четыре имени шепчу в ночи пустой...»

АЛЕКСАНДР БОБРОВ **887**

«Утоли моя печали»

ЮРИЙ ЛИННИК **887**

Посвящение. *Из поэмы «Павел Самосатский»*
Анафема

БОРИС СИРОТИН **888**

«О доме, о хлебе заботы...»
«В преддверьи Рождества Христова...»

ВИКТОР КИРЮШИН **888**

На руинах церкви

КОНСТАНТИН ПАСКАЛЬ **888**

Радоница

ЕКАТЕРИНА СЫРЦОВА **889**

«Господи, сохрани!..»
Воспоминание о суздальском Покровском монастыре

ВЛАДИМИР ХОХЛЕВ **889**

Молитва *(«О Боже милосердный! неужели...»)*

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН **890**

«Речь несвязна и убога...»
Христос воскресе!

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ **890**

«Я из молитвы матери иду...»

ОЛЕГ АЛЕШКИН **890**

В краю молитвы и поста

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ **890**

Молитва *(«Нет, не хотел бы навсегда упасть...»)*

НАТАЛЬЯ ПИСКУНОВА **891**

Ангелу-хранителю
«Я люблю смотреть, как плачут свечи...»

ВИКТОР ПЕТРОВ **891**

Молитва *(«Незряче зрю, кричу безгласно...»)*

ТАТЬЯНА БЫЧКОВСКАЯ **891**

«Мне в эту ночь виденье было...»
«Эх, старуха-горюха...»

АНДРЕЙ ШАЦКОВ **892**

Размышление в Сочельник
Рождественское
Рождество на Святой Земле
Сретение
Воинам России
Великий пост
Вербное
Светлый канун
Третины
Успение
Успенье лета
Осенний морок
«Вернись, я шаги твои слышу...»

АЛЕКСАНДР РУСАНОВ **896**

«Все роздано и брошено на ветер...»
«Тихо-то как на рассвете...»
«А мы мельчаем в разговорах...»

МИХАИЛ КИЛЬДЯШОВ **896**

«Я чернец. Не входи в мою келью...»
В поисках земли

МИХАИЛ АКСЕНОВ **897**

Иди — и пой во благо жизни!
Пасха в родном селе
О Бог Всевышний!

ВЛАДИМИР МАРУХИН **897**

Милостыня
Мой крест
Прощеный день

ВАЛЕНТИНА ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ **899**

«Прохлопали заветное...»

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ **899**

Вздох
«Над миром — тень Креста Господня...»
Нектар
Пасха. 2009
Пасхальная ночь
Предощущение

ОЛЕГ ЕФИМОВ **901**

Музыка стиха
Оправдание
Молитва *(«Отче Николае, вымоли!..»)*
В День Благовещения
Предчувствие
Икона Пресвятой Богородицы «Всецарица»
Помилуй, Господи!

НИКОЛАЙ ЗАИКИН **902**

«Что так в молитвы ударился истово...»
Крещение
«Храни, Господь, родные души...»
«Да будет по глаголу Твоему...»
«Божий день, и ночь нежна...»

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ **903**

М о л и т в ы
«Отверзаю уста во славу...»
«Молю я, чтоб вышние силы церковной молитвы...»
«Я образ чудотворный поцелую...»
«Господь, помилуй, обогрей...»
Крещенский вечер
Казанской церкви в поселке Вырица
Война священная
Старики
В Никольском соборе
Памяти Евгения Родионова...

ЛЕВ КОТЮКОВ 905

Молитва *(«Горний Храм земная бездна рушит...»)*
Сионский мотив

БОРИС ОРЛОВ.....906

«Белая церковка в березняке...»
«Уютен скромный уголок...»
«Горячих молитва остудит...»
«Звездный свет над землей струится...»
Пасха
«Я люблю весенний шум сосны...»
«Дождичек вымыл рамы...»
«Грешен, грешен... Господи, прости!..»
«Скорбит у крыльца осина...»
«Помнят здесь старинные законы...»
«Битва за веру...»

ТАТЬЯНА ШОРЫГИНА.....908

Лети, молитва, в небеса!
Пост и молитва
Перед образом
«Помолюсь сегодня не за близких...»
Хлеб насущный
Во дни Великого поста

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ.....909

«За то, что опытность в грехах...»

МАРИНА КУЛАКОВА.....909

Молитва *(«От снега летящего, белого инея...»)*

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ.....910

Родительский день
Молитва *(«Остаток жизни прожить бы не зря...»)*

ВИКТОР СОКОЛОВ.....910

Отче наш

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЕВ 910

«Последних слов земных крылами трепеща...»

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ.....911

Молитва *(«Господи, утром каждого дня...»)*
Серафим Саровский
Материнская молитва
В Киев на богомолье
Ночное бдение

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН 912

«Вырвусь в своем пророчестве...»

НИКОЛАЙ РАЧКОВ 912

«Дай ей, господи! — молю...»
Чаша
Зажги в себе свечу
«Заговорила колокольня...»
«Эта церковь Бориса и Глеба...»
У древнерусской иконы
Возвращение Серафима Саровского
Пасха
Вербное воскресенье
Крестный ход
Пахнет хлебом...
Городу, в котором живу...

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ.....915

Воскресение
Свеча
«Когда со свечой страстотерпца...»
Последняя ночь
Утешение
Время человеческое
В день рождения
Кубанка
Крестный путь
Призыв
Тамбовский волк
Из поэмы «Путь Христа»
Молитва *(«На голом острове растет чертополох...»)*

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ.....920

«В степи, покрытой пылью бренной...»
«Господь, я волк или овца?..»
Молитва *(«Как ни темна, как ни трудна...»)*
Благовест
В храме
Хлеб надсущный
«Дай, Бог, мне славу и почет...»
«Святым быть даже и не тщусь...»
«Память рань же, рань же...»
Мечта
Сон
«Куда ни глянешь — море...»
«Молюсь о раненом солдате...»
Русская дорога
Молитва *(«Когда-то по Европе...»)*
Письмо к Богу
Молитва *(«Прошу ни славы, ни утех...»)*

СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ 923

Мощи
«Рванулись в рост деревья, травы!..»
«Святая Сербия, Святая Русь...»
«Ослаби, остави, прости...»
«Пославший Сына миру во спасенье...»
Мать
«Всенебесной награды взыскуем»
Колокольня
«Что там во поле светится...»
Красная горка
Молитва о России
Ветеран
Сегодня снегопад
Пасха
Из детского
Из стихов 2011 года

Литературно-художественное издание

Автор-составитель
Калугин Виктор Ильич

МОЛИТВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ XX—XXI

Антология

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*
Корректоры *О.Н. Богачева, Н.Н. Жильцова*
Верстка *И.В. Левченко*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 04.05.2011. Формат 84×108 1/16.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 60. Тираж 2500 экз. Заказ 5985.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО "ИПК Парето-Принт", г. Тверь,
www.pareto-print.ru